

**ПАРТИЯ
СОЦИАЛИСТОВ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

Ассоциация «Российская
политическая энциклопедия»
The Association «The Russian
Political Encyclopedia»

Центр политической
и экономической истории России
Российского независимого института
социальных и национальных проблем
Center for Political and Social History of Russia
Russian Independent Institute for Social
and National Problems

Государственная архивная служба
Российской Федерации
State Archives Service of Russia

Государственный архив
Российской Федерации
State Archive of Russian Federation

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Партия
социалистов-революционеров

Документы и материалы

1900-1922 гг.

В 3 томах

Москва
РОССПЭН
1996

1718
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Партия
социалистов-революционеров

Документы и материалы

Том 1

1900–1907 гг.

Москва
РОССПЭН
1996

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 96-01-16125

Редакционный совет:

О.В.Волобуев, доктор исторических наук, профессор;
В.В.Журавлев, доктор исторических наук, профессор;
М.К.Горшков, доктор философских наук; **В.П.Козлов**, доктор исторических наук, профессор; **С.В.Мироненко**, доктор исторических наук; **А.П.Ненароков**, доктор исторических наук, профессор; **А.К.Сорокин**, кандидат исторических наук;
В.В.Шелохаев, (руководитель проекта) доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

О.В.Волобуев, **Н.Д.Ерофеев**, **В.В.Журавлев**,
А.К.Сорокин, **В.В.Шелохаев** (ответственный редактор)

Составитель, автор предисловия,
введения и комментариев

Н.Д.Ерофеев, кандидат исторических наук

Подготовитель: *Т.В.Хордина*

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900—1907 гг. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. — 686 с.

В трехтомное издание документов и материалов партии социалистов-революционеров вошли ее основополагающие документы: программа, протоколы и решения съездов, конференций, Совета партии и Центрального комитета. В первый том включены 48 источников, отражающих историю партии от ее зарождения в начале 900-х годов до июня 1907 г.

ISBN 5-86004-064-4

ISBN 5-86004-065-2

© Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996

© Документы — Архивы, предоставившие материалы для данной публикации, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба России в XX столетии была определена в значительной мере итогами той напряженной драматической борьбы, которая шла в ней в первой четверти столетия между консервативными, либеральными и социалистическими силами. Партия социалистов-революционеров, будучи одной из крупных по численности и значительных по влиянию российских политических партий, в происходившей борьбе играла одну из ведущих ролей, и знакомство с историей этой партии не может не представлять значительный не только научный, но и политический интерес.

Партия эсеров функционировала на российской арене около четверти века. Она официально заявила о себе в начале 1902 г. и прекратила свое существование в середине 20-х годов после ареста ее руководящего органа — Центрального бюро. Активная деятельность эсеров в эмиграции продолжалась до начала 30-х годов, а их последняя, нью-йоркская группа, замерла лишь в начале 50-х годов. С уходом в небытие эсерства закончилась история российского народнического социализма, утопии, в течение нескольких десятилетий пленявшей значительную часть российской интеллигенции. Эсерство являлось не только последним, но и высшим этапом в истории народничества. До него народничество представляло собой явление в основном интеллигентское. На этапе эсерства произошло его частичное слияние с широкими народными массами, стремившимися к радикальным переменам, и оно превратилось во влиятельное радикальное социально-политическое движение.

Основу народничества составляет идея о возможности для России некапиталистического пути к социализму. Эта идея с некоторыми корректировками на реалии начала XX в. была исходной и для эсеров. Сторонники этой идеи вдохновлялись благими намерениями избавить трудовой народ, прежде всего многомиллионное российское крестьянство, от мук и страданий капиталистического чистилища. Начала будущей социалистической России идеологами народничества виделись в якобы непризнании крестьянами права собственности на землю, в общинном владении ею, в праве на нее лишь тех лиц, кто на ней трудится, в мирском управлении. Они считали, что общинно-кооперативный мир деревни выработал у крестьян особое трудовое правосознание, легко смыкающееся с интеллигентской проповедью аграрного социализма. В их учении, таким образом, причудливо переплетались утопические и традиционалистские элементы. Использование последних придавало народническому социализму «почвеннический» характер, национальную особенность, обеспечивало эсерам значительное влияние, когда

социальным движением охватывались крестьянство и связанные с ним социальные слои. Острая идейно-политическая борьба, происходившая в России между двумя социалистическими направлениями — марксистским и народническим, являлась в определенной мере продолжением на радикальном уровне давнишнего спора между сторонниками монистической и плюралистической концепции развития мира, спора, начатого в России западниками и славянофилами. Монисты, в нашем случае марксисты, считали, что все страны продвигаются по одному пути и для всех них существует лишь один путь к социализму — через капитализм. В его недрах подготавливается материальная база для социалистического переворота: развиваются производительные силы и обобществляется производство, и вырастает класс — пролетариат, способный совершить этот переворот. Подобная концепция была неприемлема для народников, поскольку она отодвигала в далекое будущее социалистическую перспективу для России и по существу предлагала примириться с тем, что крестьянство, пролетаризируясь в ходе капиталистического развития, должно исчезнуть как особый социальный класс. Им более подходила плюралистическая концепция, признававшая многообразие путей исторического развития и тем самым дававшая основание говорить и об особом пути России к социализму. Восприняв данную теорию от народников XIX в., эсеры постарались обновить ее, европеизировать, придать ей второе дыхание, очистить от патриархальности и иррационализма, пополнить рядом положений, заимствованных из других философских, экономических и политических учений, особенно социалистических, выступавших с критикой ортодоксального марксизма. Так, эсеро-теоретик В.М.Чернов объяснял особое место России в мире не тем, что нельзя понять умом, а вполне рационально-сложившимся международным разделением труда. Россия представлялась ему «Евразией», стоящей «на грани между однобоко-индустриальными и примитивно-аграрными «колонизальными» странами»^{*}

Иным казались эсерам и тип российского капитализма. По их мнению, в российском капитализме, по сравнению с капитализмом промышленных стран Запада, преобладали разрушительные тенденции над созидательными, особенно в земледелии. Таким образом проводилась мысль, что судьбу социализма в России бесосновательно связывать с капитализмом, что капитализм в земледелии не способен подготовить предпосылки для социалистического производства, что обобществление в этой сфере может произойти только «снизу», через общину, артель и кооперацию, при создании благоприятных экономических и политических условий для их развития. К последним относились прежде всего наделение крестьян достаточным количеством земли и демократизация политического строя. Обоснованию эсеро-аграрного социализма служили и положения их теории об устойчивости крестьянского трудового хозяйства, об отрицании его мелкобуржуазного хара-

^{*} Чернов В.М. Индустриальный социализм в России // Революционная Россия. № 26-27, май-июнь 1923.

ктера, об отсутствии принципиальных отличий между пролетариатом и трудовым крестьянством.

Российские социал-демократы, идейные противники и политические соперники эсеров, по поводу их названия иронизировали, что они как социалисты—не революционеры, а как революционеры—не социалисты. Если исходить из марксистского понимания революции как некоего скачка в виде захвата власти насильственным путем и быстрых фундаментальных изменений декретными методами не только в политической, но и в других сферах общественной жизни, то нельзя не признать, что в этой иронии была своя правда. Эсеры являлись революционерами в борьбе против самодержавия и крупного частного землевладения, за политическую и экономическую демократию. После завоевания демократии эсеры из революционных демократов превращались в социалистов-реформаторов. Их концепция, в отличие от социал-демократической, не предусматривала необходимость особой социалистической революции. Российскую революцию эсеры именовали «социальной» или «народно-трудовой». По своему характеру она должна была быть промежуточной между буржуазной и социалистической революциями, сочетать в себе черты той и другой. Она должна была свергнуть самодержавие, установить демократические свободы и социализировать землю. Социализация земли подразумевала ликвидацию частной собственности на землю, обращение ее в народное достояние и передачу пользования ею общинам на основе уравнилельно-трудоого принципа. Отмена частной собственности на землю являлась, по мнению эсеров, мерой не только демократической, но и социалистической, поскольку пробивала якобы брешь в буржуазных отношениях. Таким образом, революция, мыслимая эсерами, должна была создать условия и предпосылки для мирного, эволюционного развития крестьянства и всей страны к социализму. Своеобразие эсероокой теории революции проявлялось и во взгляде на расстановку противостоявших в ней сил. Эта расстановка якобы определялась такими обстоятельствами, как господство в стране самодержавия, опекавшего нетрудовые классы, пережитки патриархальности и неблагоприятное соотношение положительных и отрицательных сторон в российском капитализме. Противостоящие силы делились к двум лагерям. В первом объединились под эгидой самодержавия нетрудовые, господствующие, эксплуатирующие классы: высшая бюрократия, дворянство и буржуазия, во втором — трудовые, эксплуатируемые классы: пролетариат, трудовое крестьянство и интеллигенция. Отличием эсероокой теории являлось и то, что в ней не было идей гегемонии пролетариата в революции и диктатуры пролетариата при строительстве социализма.

Эсероокая модель социализма была российским вариантом демократического социализма. Большая приверженность эсеров, в сравнении с социал-демократами, особенно большевиками, демократии объясняется в значительной мере их ориентацией не на один класс, составляющий меньшинство населения, а на народ в целом. Стоит отметить, что демократия признавалась эсерами не только как условие и органическая форма социа-

лизма, но и как самоценность. Факт этот показателен в плане присхождения эволюции эсерства от утопии к реальности. Однако эволюция эта лишь обозначилась, и она была неодинаковой у разных эсеровских течений. Более всего она была свойственна правым эсерам. В целом же эсеры с их идеалом в виде «царства душевной гармонии, царства примирения и солидарности всех интересов» оставались социалистами-утопистами.

Переломный для России 1917 г. стал переломным и для партии эсеров. Она достигла пика своего влияния, в этом же году начался ее закат. С момента основания эсерам приходилось отстаивать свое место на политической арене в напряженной идейно-политической борьбе с российской социал-демократией, которая с 1917 г. вылилась в открытую политическую борьбу с левыми социал-демократами — большевиками. В этой борьбе между двумя социалистическими утопиями — эсеровской и большевистской

торжествовала последняя. Такой итог на первый взгляд представляется парадоксальным. Логически, в России, тогда преимущественно крестьянской стране, успех должен был бы быть на стороне эсеров, их учения, социально ориентированного прежде всего на крестьянство и более притягательного для широких масс своей демократичностью и гуманностью. Однако логическое и историческое не всегда совпадают. Историческое же в данном случае понять и объяснить не просто. Сыграли здесь определенную роль факты и обстоятельства случайного и субъективного характера: в частности, личные качества лидеров партий, особенно такие их черты, как решительность, политическая воля и целеустремленность, желание считаться с нормами права и морали. Эсеры были менее фанатичны в своей утопии, более привержены принципам законности, особенно в условиях демократии, и общечеловеческой морали. Стремление сохранить и развить демократические институты, рожденные Февральской революцией, избавить страну от гражданской войны, придать политическому и социальному перевороту легитимный характер, добившись его одобрения Учредительным собранием, обрекало эсеров на политические маневры, на коалиции с более умеренными силами, на медлительность в решении коренных социальных вопросов. Этими просчетами в политике эсеров умело пользовались большевики. Они не только критиковали тактику эсеров, но и беззастенчиво заимствовали их популярные идеи социализации земли, федеративного устройства государства, рабоче-крестьянского правительства, кооперации и другие. Хотя внутреннее содержание этих идей в значительной мере выходило за рамки, приспосабливалось к пролетарскому социализму с его главным положением о диктатуре пролетариата, тем не менее заимствование большевиками этих идей, особенно та энергия и напористость, с которой они проводились в жизнь, способствовали не в малой степени тому, что массы, тогда политически неопытные, наивно верившие в утопии, в то, что в одночасье, декретами, можно круто изменить жизнь, начинали поддерживать большевиков. Как нам представляется, в эсеровской и большевистской среде шли эволюционные процессы противоположной направленности. В то время как большевизм развивался от марксизма в сторону революционного народничества, эсерство эволюционировало от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму и

в ходе этой эволюции теряло свою цельность и революционную энергию. Однако торжество большевистской утопии вряд ли можно объяснить сколько-нибудь достаточно лишь вышеперечисленными причинами и обстоятельствами. Надо, видимо, исходить прежде всего из следующего. Борьба, происходившая в России в начале XX в. не была борьбой между двумя альтернативами — капиталистической и социалистической. Последней, как реальности, для России не существовало ни тогда, ни в наше время. Борьба шла за пути, формы, методы и средства модернизации страны. К 1917 г. стало достаточно ясно, что не только самодержавие и поддерживавшие его консервативные силы, но и либеральная буржуазия, неспособны осуществить эту модернизацию и вывести страну на передовые позиции в ряду цивилизованных стран. На пути модернизации находились такие серьезные препятствия, как, с одной стороны, тяжелое феодальное наследие в виде помещичьего и общинного землевладения, патриархальщины, сословности, архаичности и косности самодержавно-бюрократического аппарата, полупрамотности и низкого уровня урбанизации населения, с другой, — нехватка капиталов, слабо развитая экономика и анемичная, развращенная покровительством правительства и российской сверхприбылью буржуазия. Доля иностранного капитала в промышленности хотя и была значительной, но активность его находилась в непосредственной зависимости от стабильности политической обстановки в стране и капризов российского чиновничества. Одним словом, страна могла модернизироваться в основном только за счет своих внутренних ресурсов, за счет сельского хозяйства и неимоверных усилий и жертв основной массы населения, рабочих и крестьян. Ни самодержавие, ни буржуазия своими идеологиями и программами мобилизовать массы для этого не могли. Нужна была идеология, которая не только призывала бы эти массы решительно разделиться с ненавистными им существовавшими порядками, но и обещала бы им рай земной, если не сразу после переворота, то по крайней мере в недалеком будущем. Такой идеологией и являлась социалистическая идеология. Думается, что вышесказанное в какой-то мере объясняет то, что именно эта идеология возобладавала в решающий период борьбы за выбор пути дальнейшего развития страны.

Торжество большевистской социалистической утопии над эсеровской обусловлено было, на наш взгляд, тем, что хотя она и пополнялась заимствованиями из эсеровской идеологии, тем не менее, сохраняла свою основную черту, индустриальную, урбанистическую направленность и тем самым более соответствовала решению главной задачи страны — ее модернизации, стержень которой составляла индустриализация. Эсеровская же идеология являлась аграрной утопией, не достаточно пригодной для решения проблемы модернизации. Прежде всего в этом, как нам представляется, причина ее неудачи.

Историография партии эсеров, нагляднее, чем историография какой-либо иной, политической более нейтральной темы, подтверждает ту истину, что отношение здравствующих поколений к истории не бывает беспристрастным. Оно, как правило, прагматично и избирательно, ситуационно

обусловленно. Различие лишь в том, что это отношение поразному проявляется — сознательно или бессознательно, скрыто или открыто, в положительной или негативной форме. В отношении к истории партии эсеров эта истина подтверждается особенно наглядно. Работа, лучшая до нынешнего времени в плане насыщенности фактическим материалом, освещающая историю этой партии до Февраля 1917 г., написана охранником-интеллектуалом, жандармским генералом А.И.Спиридовичем, сделавшим свою блестящую карьеру прежде всего на борьбе с эсерами. Основу этой работы составили лекции, читанные автором на курсах жандармских офицеров. Первое, дореволюционное издание книги было малотиражным и по назначению сугубо практическим. Разосланная жандармским и охранным учреждениям книга должна была пополнить знания работников этих учреждений о партии эсеров как об опасном политическом противнике и сделать борьбу с ней более эффективной.

Политически пристрастным было отношение к истории партии эсеров в советское время. Для большевиков, основывавших свой социалистический эксперимент прежде всего на насилии и терроре, эсеры были опасны не только тем, что их идеология была привлекательна для народа своим демократическим содержанием, имела в лице крестьянства широкую социальную базу, но и тем, что не только оправдывала индивидуальный террор, но и призывала к нему в отношении тех лиц, которые творили произвол над народом. В связи с этим одновременно с насильственным удалением эсеров с российской политической арены была осуществлена беспрецедентная кампания по стерилизации народного сознания, стиранию в нем всякой позитивной информации об эсерах. Максимально были ограничены возможности получения такой информации. Уничтожались эсеровские документы и литература, ранее наводнявшие страну. Лишь по одному-два экземпляра оставлены в крупнейших библиотеках. Пользование ими было чрезвычайно затруднено, поскольку их упрятали в так называемые «спецхраны», доступ к которым для читателей ограничивался «спецдопусками», выдаваемыми «спецотделами», существовавшими при высших учебных заведениях и научных учреждениях. Еще более жесткие правила были введены для пользования эсеровскими материалами, хранящимися в архивах. Естественно, что воспрещалась какая-либо публикация эсеровских документов. Весьма показательно в этом отношении то, что ни для одного из них не нашлось места в многочисленных советских публикациях документов по истории российских революций. Строгие каноны были определены и для трактовки истории партии эсеров. Основу их составляли ленинские критические оценки этой партии и положения обвинительного заключения судебного процесса над эсерами, инспирированного большевиками в 1922 г. Историки должны были научно, иллюстрациями, как правило отдельных и случайных фактов доказывать каждый раз истинность этих догматов: с позиций марксизма-ленинизма вскрывать научную несостоятельность эсеровской социалистической теории, ее мелкобуржуазный характер, клеймить эсеровскую тактику индивидуального террора, показывать эволюцию эсеровской партии от мелкобуржуазного революционаризма через соглашательство с буржуазией к предательству народных интере-

сов и контрреволюции, подчеркивать, что якобы это и стало объективной причиной ее политического краха, что иного пути, кроме большевистского, для России не только не было, но даже и быть не могло. Подобной трактовкой истории партии эсеров советские историки вносили свой положительный вклад в создание стерильных политических и идеологических условий для того, чтобы социалистический эксперимент, проводившийся коммунистами в России, происходил в чистом виде.

В нынешнее время, когда коренным образом изменилась общественная ситуация, прекращен утопический эксперимент с социализмом, экономика вновь стала многоукладной, ушла в прошлое однопартийная, тоталитарная советская политическая система, а партия большевиков-коммунистов в статусе отставной уравниена перед историей с партией эсеров, когда нормой идейно-политической жизни стали плюрализм и многопартийность, наконец возникли потребности и открылись возможности для действительно научного изучения истории партии эсеров. Чтобы реализовать эти потребности и возможности, необходимо прежде всего избавиться от чрезмерной идеологизации и политизации, которыми в советское время историография партии эсеров страдала более, чем историография многих других тем. Но историки, как известно, не могут полностью дистанцироваться от общества, в котором они живут, не могут оставаться в стороне от той идейно-политической борьбы, которая в нем происходит и которая чрезвычайно обостряется в периоды, когда общество оказывается перед мучительным выбором своего дальнейшего пути развития. Таковым является нынешнее время. Призрак социализма пока не оставил нашу страну, он продолжает еще пленять сердца и умы многих людей. Вопрос о судьбах социализма в России остается пока в центре происходящей в ней борьбы. В такой ситуации отношение к истории партии эсеров, как партии социалистической, может быть полностью беспристрастным, как бы историки субъективно ни стремились к этому.

Основанием и залогом наибольшей объективности, действительной научности изучения истории этой партии является в значительной мере решение проблемы с источниковой базой. Надо отметить, что решение источниковой проблемы истории партии эсеров послеоктябрьского периода значительно продвинулось вперед изданием в 1989 г. в Амстердаме М.Янсенем, известным зарубежным историком партии эсеров, фундаментального сборника документов: «Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года». В сборник включены документы из архивов партии эсеров, В.М.Чернова и Х.Рапппорта, хранящихся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, а также из архивов Б.И.Николаевского и Е.Н.Вагнер-Дзенкевич Гувёрского института войны, революции и мира в США. Для всех интересующихся историей партии эсеров в России должны быть легко доступны прежде всего основополагающие документы партии — программа, протоколы и решения ее высших инстанций: съездов, конференций, Совета и Центрального комитета. Настоящее издание и направлено на решение в определенной мере этой первостепенной проблемы.

ВВЕДЕНИЕ

Издание документов и материалов партии социалистов-революционеров предполагается в нескольких томах. В первый том включены 48 различных по типу и виду источников, отражающие историю партии от ее зарождения в начале 900-х годов до июня 1907 г. Большинство из них ранее публиковались отдельными изданиями или в партийной печати, но эти публикации ныне являются библиографической редкостью. Ряд документов извлечен из Государственного Архива Российской Федерации и публикуется впервые. Их публикация осуществлена в соответствии с правилами публикации архивных документов. Конкретные пояснения по каждому публикуемому архивному документу даются в соответствующих примечаниях настоящего издания. Издание состоит из нескольких блоков, каждый из которых содержит документы, освещающие важнейшие этапы и стороны истории партии эсеров. Первый блок (с. 18-58) включает в себя программные документы тех левонароднических организаций (Союз социалистов-революционеров, Партия социалистов-революционеров, Рабочая партия политического освобождения России, журнал «Вестник русской революции», Союз русских социалистов-революционеров, Аграрно-социалистическая лига), в результате слияния которых и было положено начало партии эсеров. Второй блок (с. 60-71) содержит документы, позволяющие хотя бы в какой-то мере представить загадочный процесс образования партии. Процесс этот протокольно не фиксировался. Единственными источниками, свидетельствующими о нем, являются воспоминания видных деятелей партии, стоявших у ее истоков: А.А.Аргунова, М.Ф.Селюк и донесения в Департамент полиции одного из основателей и руководителей партии, одновременно агента охраны Е.Ф.Азефа. В данный блок включены также сообщение центрального органа партии, газеты «Революционная Россия», об образовании партии эсеров, заявления Рабочей партии политического освобождения России и Киевского комитета «Рабочего знамени» о присоединении к партии эсеров и федеративный договор между Аграрно-социалистической лигой и партией эсеров. Третий блок (с. 74-125) посвящен истории программы партии. В нем содержатся два проекта программы, один из которых не подлежал огласке, а другой был опубликован от имени редакции «Революционной России», а также статьи, обосновывающие позицию партии по таким важным вопросам, как вопрос о терроре и национальный. Точка зрения по аграрному вопросу эсеров, начинавших работу в деревне, под-

робно изложена в публикуемом в этом блоке обращении Крестьянского союза партии эсеров ко всем работникам революционного социализма России. Интересные сведения, касающиеся процесса выработки программы, содержат показания В.М.Чернова судебной следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа. Четвертый блок (с. 128-167) состоит из документов, характеризующих организационную структуру и деятельность партии в период, предшествующий первой российской революции. В него вошли раздел о деятельности партии из доклада партии Амстердамскому конгрессу II Интернационала, состоявшемуся в августе 1904 г., устав Боевой организации партии, листовки-обращения ЦК партии к рабочим, крестьянам и «ко всем гражданам цивилизованного мира» в связи с совершенным Боевой организацией партии террористическим актом против министра внутренних дел В.К.Плеве, документы, характеризующие отношение руководства партии к аграрному террору и либералам, и другие. В пятом блоке (с. 171-230) содержатся разнообразные источники, освещающие позицию и деятельность партии по различным вопросам и на разных этапах революции 1905-1907 гг. Последний, шестой блок (с. 233-627), основной и самый большой по объему. Он включает в себя протоколы первых двух общепартийных съездов. Первый съезд, происходивший на рубеже 1905-1906 гг. был по существу учредительным. Он принял программу и устав партии. Протоколы съезда являются уникальным источником, позволяющим судить не только о решениях, принятых съездом, но и о том, какие теоретические принципы были положены в основу этих решений, какие различные точки зрения, мнения, оттенки, течения существовали в партии по теоретическим, программным, тактическим и организационным вопросам. Второй съезд был экстренным. Он происходил в феврале 1907 г., накануне открытия II Государственной думы и был посвящен в основном выработке тактики партии по отношению к этой Думе. Значительное место на съезде занимал организационный вопрос. Протоколы этого съезда содержат богатый фактический материал не только по названным вопросам, но и по ряду других, специально или побочно затрагивавшихся съездом.

Издание сопровождается комментариями и указателем имен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БО — Боевая организация
Вс.Кр.С., Всерос.Крест.Союз, К.С. — Всероссийский Крестьянский Союз
В.Ж.-Д.С., Жел.Дор.С. — Всероссийский Железнодорожный Союз
Г.Дума, Госдума — Государственная Дума
др. — другие
к.-д. — конституционные демократы
М.Б. — Международное Бюро
н.с., нар.соц. — народные социалисты
ОБ — Организационное Бюро
Обл.ком. — областной комитет
орг-ция — организация
П.С.-Р. — партия социалистов-революционеров
К-т., ком-т, комит. — комитет
пр. — прочее
«Рев.Рос.» — «Революционная Россия»
с.-д. — социал-демократы
с.-р., соц.-рев. — социалисты-революционеры
СРД — Советы рабочих депутатов
т.н. — так называемый
Учред.Собр. — Учредительное собрание
Ц.комиссия — Центральная комиссия
ЦК, Цен.Ком. — Центральный Комитет
эк-ция — экспроприация

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В НАЧАЛЕ 900-х ГОДОВ XIX в.

РАЗДЕЛ I

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЪЕДИНИВШИХСЯ В ПАРТИЮ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

НАШИ ЗАДАЧИ¹

(Основные положения программы Союза социалистов-революционеров)

I

1) Мы — социалисты-революционеры. Главной нашей целью, нашим конечным идеалом является переустройство общества на социалистических началах. Мы убеждены, что только при таких условиях будет достигнуто полное освобождение трудящихся масс, что только социалистический строй даст возможность воплотиться в жизни человечества идеалам свободы, равенства и братства.

Осуществление идеала социалистического строя будет принадлежать трудящейся массе. Социальная революция явится средством воплощения этого идеала в жизни.

2) Обращаясь к окружающей нас действительности, мы видим прежде всего, что экономический строй России не дает никаких оснований для того, чтобы надеяться на возможность непосредственного осуществления в **ближайшем будущем** идеала социализма.

Мы переживаем эпоху перехода патриархального строя в строй капиталистический, перехода, осложненного при этом запоздалым вступлением России на путь общеевропейского экономического и политического развития. Экономическая отсталость России и замечаемый во всех отраслях общественного хозяйства отпечаток переходного времени сказывается весьма рельефно на распределении и группировке ее общественных классов. Это распределение и эта группировка только начинаются, процесс совершается медленно.

В среде крестьянства идет ломка старого патриархального строя, растет противоположность интересов, борьба за эти интересы и группировка населения по степени зажиточности, могущая привести в более или менее отдаленном будущем к распадению крестьянской массы на два лагеря: эксплуатируемых и эксплуататоров; пока же мы присутствуем лишь при самом начале процесса разрушения старых устоев и возникновения нового капиталистического строя и главным эксплуататором-капиталистом для земледельческой рабочей массы остается класс крупных дворян-землевладельцев, вытесняемый местами земельной буржуазией других сословий.

Переходя затем в область промышленности, мы видим, что здесь процесс капитализации, связанный с превращением самостоятельных работников в простых пролетариев и объединением их под властью крупного капиталиста, сделал значительные, по сравнению с земледелием, успехи. За тридцать лет нашей промышленной истории у нас создалась фабрично-заводская промышленность, образовались центры ее и появился хотя и немногочисленный, но территориально сплоченный, однородный по своим материальным интересам, промышленный пролетариат. Соединение мелких разрозненных предприятий в огромные фабрики и заводы, а следовательно, и концентрация промышленных рабочих совершаются с достаточной быстротой, и в этом отноше-

нии некоторые губернии нашего промышленного района уже в настоящее время являются сколком с Западной Европы.

Но рост промышленного капитализма далеко не всеобщ и одинаков для огромной территории России. Не говоря уже об окраинах ее, в самом даже центре капиталистического царства сохранились и выдерживают борьбу многие архаические черты прежнего строя с его упрощенными способами производства и эксплуатации труда.

Рядом с более или менее организованным отрядом промышленного пролетариата мы имеем многомиллионную массу кустарей — этих полусобственников и полупролетариев.

Та часть этой массы, которая лишилась в борьбе за самостоятельность собственных средств производства, попала в эксплуатацию мелких капиталистов, и на этой почве развилась и упорно держится система домашнего производства, система, препятствующая скорейшему механическому объединению эксплуатируемых рабочих и их большому культурному развитию.

Переходный характер сказался и на нашем правительственном механизме. Вместо упрощенной, ярко окрашенной узкодворянскими интересами, политики русского царизма, давившего и разорявшего народ, вносившего повсюду лишь принципы хищничества и грубой эксплуатации и не заботившегося о завтрашнем дне, мы присутствуем в последнее время при попытке этого, **вполне, однако, сохранившего свои основные черты**, абсолютизма пойти навстречу нарождавшейся промышленной буржуазии, признав интересы ее за одни из важнейших интересов государства, — словом, из патриархального абсолютизма превратиться в абсолютизм буржуазный. Растет наша крупная промышленность, растут миллионы в карманах всячески опекаемых капиталистов-буржуа, но рядом с этим растет разорение народа, быстро истощаются народные силы, подтачивается фундамент государственной фискальной политики.

Рассыпая одной рукой благоденствия промышленности искони паразитному дворянству, давая и грабя другой рукой народное благосостояние, русский абсолютизм медленно, но неуклонно сам себе готовит то будущее, от которого он так тщательно старается отвернуться.

Такова, в кратких словах, действительность, среди которой приходится жить и действовать русским социалистам-революционерам.

Не заглядывая в далекое будущее, не пытаюсь дать здесь вполне определенный ответ: ждет ли нас та же картина смены капиталистических форм, какие пережил и переживает Запад, или же наше экономическое будущее не лишено некоторых особенностей, создаваемых историческими условиями, мы, отрицая революционное доктринерство, считаем себя вправе поставить только один вопрос: какова задача в настоящее время русских социалистов-революционеров, и, сообразуясь со всем вышесказанным, ответить на него следующим образом: каково бы ни было экономическое будущее России, мы во имя идеала социализма должны готовить условия для ускорения торжества этого идеала, должны внести в среду трудящихся масс социалистическое сознание, долж-

ны помочь им организовать для борьбы с эксплуататорами, словом, должны готовить почву для будущей социальной революции.

Перед нами авангард рабочего класса — фабрично-заводской пролетариат, перед нами, далее, многомиллионная масса крестьянства, подавляющее большинство которого является сельскохозяйственным пролетариатом.

Пропаганда идей социализма и организация социалистической партии — такова стоящая на очереди задача русских, как и их западноевропейских собратьев.

3) Но, поставив себе такую задачу, мы не можем и не должны забывать тех условий, среди которых ее приходится осуществлять. Мы должны помнить, что живем в деспотическом государстве, отрицающем и давящем всякую попытку критики его основ, всякое проявление свободной мысли и общественной деятельности. Борьба с абсолютизмом, завоевание политической свободы необходимы и неизбежны для русских революционеров-социалистов, если они действительно желают способствовать проведению в жизнь своих принципов и подготовить почву для будущего социалистического строя.

Необходимость уничтожения абсолютизма выдвигается самой жизнью, в вопросе о политической свободе сходятся все, за исключением лишь тех немногих слоев общества, которые прямо заинтересованы в существовании современного порядка, охраняющего их хищнические противообщественные инстинкты.

Таким образом, и как социалисты, помнящие, что политическое освобождение рабочего класса всегда предшествовало и должно предшествовать его экономическому освобождению, и как практические общественные деятели, признающие, что в достижении политической свободы заинтересованы все честно мыслящие слои русского населения, вся разоряемая, бесправная, хотя и не сознающая пока причин своего разорения и бесправия, многомиллионная трудящаяся сельскохозяйственная и фабричная масса, что абсолютизм держится у нас благодаря политическому индифферентизму населения, что уничтожение его есть неизбежная фаза нашего общественного и экономического развития, мы должны, сохраняя неприкосновенным свой идеал будущей социальной революции, начать борьбу с абсолютизмом, сосредоточив на этом **все свои силы**, и продолжать ее до тех пор, пока не добьемся такого политического строя, который обеспечивал бы за личностью право на самоопределение, не ставил бы преград ее общественной деятельности, а нам — социалистам — гарантировал бы возможность открытой пропаганды своих идей, свободной широкой организации русской социалистической партии и выступления ее в будущей политической жизни России для борьбы за свои дальнейшие политические и экономические права.

Главными основами, следовательно, такого политического строя должны быть: **свобода слова, вероисповеданий, печати, собраний и союзов.**

Наиболее существенными из наших дальнейших политических требований являются:

1. Всеобщее избирательное право, без всяких сословных и имущественных ограничений.

2. Постоянное народное представительство в высшем законодательном собрании и широкое областное и общинное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей.

3. Федерация самостоятельных народностей (Финляндия, Польша, Великобритания, Малороссия, Кавказ и прочее).

4. Пересмотр всего нашего уголовного и гражданского кодекса.

5. Всеобщее и равное для всех образование.

6. Замена постоянной армии народной милицией.

В области экономической мы будем бороться за проведение в жизнь тех радикальных реформ, которые имеют своей целью постепенное улучшение положения фабричного класса и крестьянства и приближение социальной революции:

1. Установление прогрессивного подоходного налога.

2. Широкое фабричное и аграрное законодательство (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, законодательное регулирование отношений между хозяевами и рабочими во всех отраслях промышленности, земледелия и прочее).

3. Государственная помощь производительным (промышленным и сельскохозяйственным) артелям.

4. Система мер, имеющих целью передать в будущем в руки рабочих фабрики и заводы.

5. Национализация земли.

II

Поставив себе ближайшей задачей достижение политической свободы, мы должны дать теперь ясный отчет о способах достижения этой задачи, выдвигаемой русской действительностью.

А. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ

Пропаганда, агитация и организация революционных сил

Пропаганда имеет своей целью распространение во всех слоях населения идеи политической свободы на основании критики существующего строя, уяснения способов достижения этой свободы и изложение ближайших и отдаленных задач партии.

Агитация имеет целью вызвать в различных слоях населения протесты против существующего строя, совершающиеся на почве разнообразных местных нужд и интересов. Пропаганда и агитация должны создавать как сторонников социально-революционной партии, так и условия для более успешной дальнейшей деятельности ее.

Обращаясь далее к выяснению тех общественных слоев, среди которых можно ожидать наибольшего числа сторонников идеи политической свободы во имя социальной революции, где, следовательно, главным образом должна сосредоточиться пропагандерская и агитационная деятельность партии, мы приходим к следующим выводам относительно каждого из этих слоев:

1. Интеллигенция. Под словом «интеллигенция» мы понимаем культурный класс населения, вмещающий в себе лиц разнообразных профессий, положений и взглядов. Деятельность социально-революционной партии в среде интеллигенции, естественно, сосредоточивается главным образом на той части ее, которая наиболее всего способна признать и осуществить в жизни принципы партии, которая до сих пор всегда выставила и продолжает выставить самых энергичных и убежденных борцов за политическое и социальное освобождение России. Этот авангард русской революции черпается из всех слоев русского общества, но главным образом из дворянства и буржуазии, являясь, таким образом, по своим убеждениям и направлению деятельности отщепенцем этих сословий или становясь прямо в ряды пролетариата в качестве наемных рабочих в сфере умственного труда.

В этом слое интеллигенции, вместе с передовым отрядом промышленного пролетариата, создается **ядро** революционной партии, и отсюда оно распространяется на другие слои населения.

Среди интеллигенции особенное внимание партия обращает на учащуюся молодежь как наиболее восприимчивую к социально-революционным идеям. Деятельность партии в среде учащейся молодежи сводится:

а) к воспитанию и укреплению молодежи в духе солидарности, гражданского мужества и умственного развития. С этой целью лица и группы, близко стоящие к молодежи, содействуют распространению в среде ее разного рода учреждений и предприятий (касс взаимопомощи, землячеств и иного рода организаций, библиотек, читален, кружков саморазвития, товарищеских судов и т.д.), организованных протестов против начальства и существующего правительственного устава заведений;

б) к пропаганде социалистических и революционных идей и привлечению молодежи к революционной деятельности. Пропаганда социально-революционных идей совершается среди умственно и нравственно окрещенной молодежи, способной вполне сознательно относиться к окружающей среде и к своим задачам. Эта часть молодежи привлекается к практической деятельности в духе партии, служа, с одной стороны, звеном между партией и остальной частью учащейся молодежи, а с другой стороны, участвуя в некоторых делах, непосредственно касающихся партии, и, наконец, становясь полноправными членами ее.

Отношение партии к остальным слоям дворянско-буржуазной интеллигенции определяется теми взглядами и идеалами, которые проводят в жизнь эти слои. Относя большую часть подобной интеллигенции в ряды сознательных или бессознательных защитников русского самодержавия, партия направляет свою деятельность на ту часть ее, которая во имя ли своих собственных или чужих интересов становится в антагонизм с самодержавием и выставляет на своем знамени принцип политической свободы.

Деятельность партии в среде такой либеральной интеллигенции заключается:

а) в косвенном или прямом участии во всякого рода культурных начинаниях, не идущих вразрез с принципами партии и облегчающих ее

революционную деятельность (ученые и образовательные общества для культурной и рабочей массы, народные библиотеки и читальни, распространение полуперечисленных книг, публичные лекции для рабочих, газеты для народа и т.п.);

б) в сращивании на почве свободного договора с той частью либеральной интеллигенции, которая, не довольствуясь лично культурной работой, стала в открытую оппозицию с существующим политическим строем, ссорганизовавшись самостоятельно в особую конституционно-либеральную партию и борясь всеми зависящими от нее средствами: манифестациями, петициями, печатной и устной пропагандой идеи политической свободы и т.п.

2. **Фабричный пролетариат.** Будучи более или менее сплочен общностью экономических интересов, более или менее территориально объединен, а главное, по своему общему культурному состоянию более (сравнительно с другими слоями трудящегося населения) восприимчив к идеям политического освобождения и социализма, фабричный пролетариат крупных центров должен привлечь к себе самое серьезное внимание социалистов-революционеров, **являясь в союзе с социалистической интеллигенцией главной опорой партии.** Социально-революционная деятельность среди фабричного населения сводится к устной и печатной пропаганде идеи социализма и политической свободы, организации революционных кружков и союзов среди более развитой его части и в особенности к агитации в более обширных размерах на почве насущных потребностей данного места и времени.

С этой целью члены партии, непосредственно связанные с рабочими, берут на себя инициативу или руководство в рабочих движениях (стачках), преследующих определенные задачи (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, уничтожение штрафов, изменение условий расплаты с рабочими, условий труда и т.п.). Главной задачей рабочих членов партии в подобных случаях является внесение членской сознательности и организованности в самое движение, предупреждение по возможности неудачных исходов его и использование результатов движения в интересах партии, в особенности по отношению пропаганде необходимости борьбы с самодержавием.

3. **Крестьянство.** Представляя огромнейшую часть трудящегося населения России, крестьянство призвано играть важную роль в нашем экономическом и политическом будущем. Но, отводя крестьянству такую роль в будущем, социально-революционная партия не может считать его **в настоящее время** главной опорой для достижения политической свободы и удобной почвой для социально-революционной пропаганды.

По своей политической зажиточности, нищете, невежеству, разбросанности по огромной территории России крестьянство мало, сравнительно доступно социально-революционной пропаганде, и сознательное **массовое революционное движение** в крестьянстве пока невозможно. По ввиду открытого систематического грабежа народных средств, совершаемого правительством, часто повторяющихся голодовок, ввиду попрания элементарных человеческих прав крестьянства, ввиду посте-

пенного, мало заметного, но бесспорно существующего роста общего культурного сознания и развития в среде его, ввиду, наконец, никогда не исчезающих разнообразных проявлений критической мысли и т.п. — нельзя отрицать возможности возникновения в крестьянстве различных форм протеста на почве местных нужд и интересов и выделения личностей и кружков революционно-социалистического характера. Пользование такими моментами в жизни крестьянства и выделяемыми им революционными силами не может не войти в задачи партии, действующей сообразно с практическими требованиями действительности.

Деятельность партии в среде крестьянства сводится:

а) к пропаганде идей социализма и, в особенности политической свободы среди наиболее развитой части крестьянства при помощи лиц, стоящих близко к нему;

б) к воздействию через эту передовую часть на остальную массу крестьянства. Воздействие это выражается в организации или лишь участии и руководительстве всякого рода крестьянскими движениями, преследующими ближайшие практические цели, содействующими росту солидарности интересов среди трудящихся слоев деревни, а главное, подрывающими доверие к современному политическому строю. Движения эти могут преследовать разнообразные (смотря по характеру местности и условиям быта) цели: повышение заработной платы, уменьшение арендных цен, сложение податей и недоимок, открытые протесты против административных притеснений со стороны правительственных чиновников, против духовенства, начальства и проч.

Б. СРЕДСТВА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Деятельность террористическая и массовая революционная борьба

Пропаганда социально-революционных идей и агитация служат естественным оружием для усиления численного состава партии и создания возможно благоприятных условий для успешной деятельности ее. Но раз революционное движение, выйдя из узких пределов первоначальной пропагандистской организации, станет широко общественным, пустившим достаточно глубокие корни в различных слоях населения, тогда наступит период планомерной борьбы с врагом.

Выходя из того положения, что русские политические условия настоящего не есть нечто случайное, что они исчезнут лишь вместе с **насильственно** низверженным абсолютизмом и что эти условия ставят неодолимые преграды созданию всероссийской революционной партии, могущей с помощью лишь своего **физического** превосходства, путем открытой революции вступить с уверенностью в победу в открытую борьбу с русским самодержавием, окруженным миллионной армией и всеми орудиями защиты, — мы полагаем, что дело разрушения существующего политического строя будет вестись, следовательно, лишь от имени социально-революционной партии, покоящейся на принципе заговора и связанной с окружающим населением органическими нитями массового сочувствия, а также деятельной поддержкой в форме **открытого**

протеста и непрерывного появления отрядов новых борцов на смену уходящим.

Одним из сильных средств борьбы для такой партии, диктуемым нашим революционным прошлым и настоящим, явится политический террор, заключающийся в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия.

Систематический террор, совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение, формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.), приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы.

Кроме своего главного значения как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации, как форма открытой, совершающейся на глазах народа, борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные идеи рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой.

Наконец, террористическая деятельность является для всей тайной революционной партии средством самозащиты и охранения организации от вредных элементов — шпионства и предательства.

Итак, **политическая свобода во имя социальной революции** — такова наша ближайшая цель.

Социалистическая интеллигенция и передовая часть фабричного пролетариата — вот наши главные, но не исключительные силы.

Пропаганда, агитация и организация для создания условий, которые дадут возможность начать и довести до конца политическое освобождение России при помощи систематической террористической борьбы с самодержавием наряду с другими формами массовой борьбы, исходящей от различных слоев населения, — таковы задачи подготовительной деятельности в настоящее время.

Наши задачи. Лондон, 1900. С. 52-62.

МАНИФЕСТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ²

По основным своим убеждениям мы — социалисты-революционеры. Наша конечная цель — полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов: переход политической власти к народу, обществование средств производства, организация производства, распределения и всей общественной жизни на социалистических началах. Для достижения этих целей мы должны использовать все данные нам историей общественные силы, заинтересованные в полном или частичном осуществлении наших задач, развить самосознание народных масс и организовать их согласно задачам партии.

Мы ясно представляем себе всю громадную трудность нашей задачи, мы знаем, что для полного ее осуществления нужна долгая подготовительная работа, и притом не одного, а целого ряда поколений. Но мы твердо убеждены, что за нас стоит вся сила исторических условий, в которых живет и развивается русский народ, что мы можем исполнить свою долю этой работы, приблизить свой идеал, расчистить дорогу новым борцам для дальнейшей борьбы.

Как и все социалисты, мы признаем, что полное освобождение рабочих классов может быть достигнуто только их собственными усилиями и что без активного участия трудящихся масс в освободительной борьбе невозможно никакое улучшение условий их жизни. В то же время мы должны отметить то в высшей степени важное обстоятельство, что самое понятие об идеальном строе будущего состоит из различных элементов, что воплощение этого идеала возможно не сразу, а лишь путем целого ряда радикальных реформ, из которых каждая является следствием предыдущих и основанием для последующих и требует для своего осуществления особой, своеобразной комбинации общественных сил. На первом плане здесь стоит вопрос о **политической свободе**. В стране, где нет свободы печати, свободы слова, сходов, собраний и т.д., где повсеместно царят произвол и насилие, немыслимо сколько-нибудь значительное объединение народных или общественных сил, немыслимо, следовательно, существование какой бы то ни было правильно организованной партии, а социалистической в особенности. В странах деспотических по самому ходу вещей социалистические группы должны стремиться к тайной и строго конспиративной организации ядра партии, ограниченного по своему составу и численности. И само собой понятно, что такая организация может поставить своей целью осуществление лишь ближайших и наиболее назревших задач современности, замечив притом недостаток численной силы энергией действия.

Вполне назревшей задачей, первой стадией в борьбе за политическую свободу является в настоящее время уничтожение всероссийского самодержавия. Замена единоличной воли самодержца коллективной волей народа — вот руководящий принцип нашей ближайшей деятельности.

В круг этой деятельности входит все, что вредит самой идее абсолютизма, подрывает его основы, дискредитирует его в глазах народа и общества. Чем полнее и шире осуществится принцип народовластия, тем, конечно, лучше, но и всякое ослабление самодержавия, всякое расширение народных прав мы приветствуем как явление прогрессивное, потому что и оно уже в известной мере приближает нас к последнему и главнейшему пункту всех наших стремлений.

Мы не думаем, чтобы Россия миновала ту ступень в развитии политических форм, которую переживает Западная Европа, — стадию конституционализма. Выставляя достижение конституции своей ближайшей целью, мы вместе с тем никоим образом не отказываемся от дальнейшей борьбы за более совершенные, более свободные формы проявления народной воли.

Признавая главной своей задачей в настоящее время завоевание политической свободы, мы должны указать те народно-общественные силы, которые могут принять участие в предстоящей борьбе, определить их сравнительную роль и значение, а также наше отношение к ним. От правильного разрешения этого вопроса зависит целесообразность наших усилий, успех нашей борьбы. Партия или группа, преувеличивающая свои силы и значение, пытающаяся опереться на те народные и общественные слои, которые не могут дать ей этой опоры, заранее обречена на вынужденное бездействие или же будет быстро уничтожена, как только из области благих пожеланий выступит на путь активной борьбы с существующим злом. При всей громадной принципиальной важности этого вопроса мы в своей программе принуждены ограничиться изложением лишь общих наших воззрений, оставляя за собой право детально разработать его впоследствии в ряде отдельных брошюр.

Несомненно, что с развитием капитализма в России происходит все большее разделение нашего общества на классы с различными и в большинстве случаев прямо противоположными экономическими и правовыми интересами. В пределах каждого класса также нет полной однородности, и отдельные его слои, солидарные в общих и основных целях и стремлениях, могут в то же время сильно расходиться по многим, нередко весьма важным вопросам частного свойства.

Из всех классов трудящегося населения промышленный пролетариат нас, точно так же как и в Западной Европе, является наиболее кучным и, следовательно, наиболее восприимчивым к революционно-социалистическому воздействию. Объединенный процессом капиталистического производства, он может быть организован для революционной борьбы легче и скорее, чем всякий другой из числа рабочих классов, чем пролетариат сельскохозяйственный или близкое к нему кустарное крестьянство. Поэтому на первое место в нашей программе мы выдвигаем революционную деятельность в фабрично-заводской рабочей среде.

Мы признаем необходимость продолжать пропаганду идей социализма и политической свободы в кружках, составленных из развитых и энергичных рабочих и в своей совокупности образующих ядро революционной организации пролетариата. Однако, как показал опыт наших предшественников, пропаганда, взятая сама по себе, в каких бы широких размерах она ни велась, не может еще быть настолько продуктивной, чтобы в результате ее явилось сильное и сознательное рабочее движение. Для этого необходима агитация среди промышленных рабочих на почве повседневных интересов и путем распространения соответственной литературы.

В листках и прокламациях, обращенных к массам фабрично-заводского пролетариата, мы будем выяснять общие отношения группы рабочих классов к классу капиталистов и к правительству, указывая рабочим на необходимость постоянной и энергичной борьбы за свои интересы. Далее, для того, чтобы подобные воззвания могли иметь успех и привести к каким-либо практическим результатам, они должны быть

приурочены к вопросам, близко касающимся тех, кого мы имеем в виду, т.е. в большинстве случаев к фактам и вопросам чисто местного характера. Отсюда вытекает необходимость прочно и широко поставленного местного издательства, которое сумело бы отозваться на всякую злобу дня в своей области.

Развивая таким образом классовое и политическое самосознание рабочих, мы вместе с тем ставим своей задачей организацию непосредственной борьбы за возможные реформы в экономическом и правовом положении рабочих классов — борьбы, которая уже ведется ими теперь и, разгораясь с развитием промышленности все сильнее и сильнее, нередко выливается в беспорядочные стихийные формы.

При существующих в России политических условиях борьба эта, возникающая преимущественно на экономической почве, может дать лишь незначительные и частичные результаты, в редких случаях выходящие за пределы одной какой-либо фабрики или завода. Но воспитательное значение ее поистине громадно, так как она более, чем что-либо иное, более чем, например, всякая пропаганда, приучает рабочих к сплоченной и организованной защите своих интересов и совершенно ясно показывает действительное отношение к ним со стороны буржуазии и правительства.

Социалистическая партия должна взять на себя руководящую роль, объединяя отдельные вспышки и чисто стихийные проявления народного недовольства в одно стройное целое, она должна воспользоваться этой борьбой в целях агитационных, подчеркивая и формулируя те выводы, которые подсказываются самим ходом событий, и постоянно раздвигает ее рамки новыми требованиями политического и правового характера.

Что касается ремесленных рабочих и кустарей, а также городских и промышленных рабочих, занятых в различных промыслах не фабричного характера, то хотя они и не представляют таких компактных масс, как фабрично-заводской пролетариат, но ввиду тождественности их экономического и правового положения с положением последнего мы считаем возможным вести среди них пропаганду и агитацию на тех же основаниях, как и среди фабрично-заводских рабочих.

Но одним промышленным пролетариатом ограничиться нельзя. Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки крестьянства класс фабрично-заводских и вообще промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества. И мы должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время, так как внутри этого сословия уже образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат. Кроме того, экономические и правовые интересы промышленных рабочих тесно связаны с интересами сельского населения, так как, с одной стороны, значительное количество русских фабрик и заводов находится в деревне, а с другой стороны — ряды промышленного пролета-

риата постоянно пополняются притоком новых элементов из деревни и большая часть таких рабочих сохраняет семейные, юридические и нередко экономические связи с крестьянской средой. Поэтому политическое бесправие, забитость и бедность крестьянства резко отзываются также и на положении промышленного пролетариата.

Собственно крестьянство в настоящее время уже не представляет той почти однородной массы, какую она была при освобождении от крепостной зависимости. Оно распалось теперь на три главные группы: 1) сельский пролетариат, живущий исключительно продажей своей рабочей силы; 2) мелкая сельская буржуазия, систематически эксплуатирующая в своем хозяйстве наемный труд, и 3) малоземельное крестьянство, занимающее среднее место между двумя первыми группами и значительно превосходящее их в количественном отношении; хотя этот последний слой крестьянства не лишен еще земли и ведет самостоятельное хозяйство, тем не менее он быстро беднеет и все в большей степени должен выносить на рынок свою собственную рабочую силу... Политические и правовые интересы его вполне совпадают с политическими и правовыми интересами пролетариата, и поскольку крестьянство является продавцом своей рабочей силы, то же самое можно сказать и об экономических его интересах.

Из этого следует, что как среди сельского пролетариата, так и среди малоземельного крестьянства необходима и вполне возможна революционная пропаганда идей политической свободы, национализации земли и устроения всей общественной жизни на социалистических началах.

Далее, какова бы ни была в будущем судьба нашей земельной общины, — в настоящее время она может облегчить усвоение крестьянством идеи национализации земли, она может также значительно облегчить самую пропаганду и агитацию в деревне, так как всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав, и, следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы.

Распространение грамотности, чувства собственного достоинства и чести среди сельского населения в связи с развитием отхожих земледельческих и иных промыслов, а также усиления рационалистических сект делают современную деревню более способной к сознательному протесту, чем в 70-х годах. В то же время обострение экономических, сословных и юридических отношений между крупными землевладельцами и мелкой сельской буржуазии, с одной стороны, и малоземельным крестьянством и сельским пролетариатом — с другой, создает почву для возникновения постоянной борьбы между этими группами. Наконец, усиливающийся гнет и произвол администрации вызывают у современного крестьянина более сильное чувство недовольства, чем прежде, и толкают его на тот же путь борьбы за свои экономические правовые и политические интересы. И борьба эта ведется уже крестьянством, принимая за последние годы все более широкие размеры. Правда, как и на фабриках и заводах, она носит по большей части стихийный,

беспорядочный характер, выражаясь в форме разгрома экономий, поджогов, убийства полицейских чиновников, земских начальников и т.п. Мы признаем, что партия должна и может поддержать эту борьбу путем широкой агитации и организации ее в более правильные и целесообразные формы — стачки батраков и малоземельных арендаторов, бойкотирование прижимистых помещиков, противодействие земельному хищничеству и неравномерному обложению, протесты против высоких податей, а также против административного и правительственного произвола и проч. Более детальная выработка форм революционной деятельности, возможной в деревне, должна быть предоставлена тем товарищам, которые там работают.

Однако, как ни важна и необходима революционная деятельность в деревне, мы в настоящее время по чисто тактическим соображениям будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах — главным образом ввиду большей культурности городского рабочего населения сравнительно с сельским и большей продуктивности работы в этой среде. Что же касается самого контингента лиц, которые могли бы вести пропаганду и агитацию в деревне, то таковыми мы считаем, с одной стороны, часть интеллигенции, по условиям своей частной жизни вынужденную постоянно жить в деревне, а также тех промышленных рабочих, которые переходят из городов на фабрики и заводы, расположенные в сельских местностях, или же, живя постоянно в городах и сохраняя в то же время связь с деревней, более или менее часто посещают последнюю. Привлекая такие элементы в ряды партии, мы будем оказывать им содействие доставкой литературы и всеми другими средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

Буржуазия также не представляет однородного целого: экономические интересы различных групп этого класса — торгово-промышленной и земельной, крупной, средней и мелкой буржуазии — далеко не совпадают между собой и нередко оказываются прямо противоположными. Отсюда антагонизм между этими группами и стремление каждой из них направить экономическую политику правительства наиболее выгодным для себя образом. Но при всем своем желании правительство не может вполне удовлетворять непримиримые домогательства и, исполняя требования одной группы, нередко тем самым нарушает жизненные интересы других. Кроме того, как бы ни велика была относительная свобода буржуазии при существующих условиях, над нею все-таки тяготеет то же ярмо абсолютизма, как и над прочими классами населения, она также чувствует на себе тяжелую руку самодержавной бюрократии, бесцеремонно попирающей самые элементарные человеческие права всех и каждого в государстве.

Следствием всего этого является глухое недовольство той или иной группы буржуазии по отношению к различным органам и действиям правительства, — недовольство, достигающее среди наиболее развитых элементов буржуазии вполне определенной формы — стремления к политической свободе.

Нам, как социалистам, буржуазия по самой сущности своих интересов враждебна. Нельзя, однако, отрицать того факта, что вопрос о политической свободе составляет ту общую почву, на которой социалистические партии сходятся с передовой частью «третьего сословия».

Русская буржуазия, как и западноевропейская, неспособна к самопожертвованию и без поддержки рабочего класса не в состоянии вступить в открытую борьбу с монархическим правительством. И пока на очереди стоит вопрос об уничтожении самодержавия, более сознательная часть ее относится сочувственно к революционному движению, несмотря на противоположность социальных тенденций этого движения ее собственным классовым интересам. С другой стороны, и для нас поддержка, оказываемая буржуазией, может во многих отношениях быть весьма полезной. Поэтому, признавая излишним затрачивать свои силы на организацию пропаганды среди буржуазии как таковой, т.е. как особого, резко выделенного класса, мы тем не менее будем поддерживать всякие протесты против существующего полицейско-бюрократического гнета, организуемые самой буржуазией, равно как и протесты, исходящие от органов местного и сословного самоуправления, прогрессивной части печати, различного рода обществ, корпораций и пр.

Мы считаем также необходимым продолжать революционно-социалистическую пропаганду среди учащейся молодежи для привлечения лучших ее представителей в число членов партии.

Непосредственно к буржуазии примыкает по внешним формам своей жизни тот довольно многочисленный культурный слой известный под именем «интеллигентного пролетариата», который живет не рентой и не процентами с капитала, а исключительно своим личным трудом. Слой этот не имеет таких экономических и вообще сословных интересов, которые были бы интересами общими для всех его представителей, и может считаться переходной ступенью между буржуазией и промышленным пролетариатом. От последнего он отличается большим культурным развитием и более сознательным отношением к окружающей действительности и представляет поэтому среду, более восприимчивую к пропаганде идей политической свободы и социализма. Наряду с учащейся молодежью этот слой всегда давал и будет давать наиболее сознательных и активных борцов за народные интересы.

Наконец, мы признаем за различными народностями, входящими в состав Российской империи, право на политическое самоопределение и будем поддерживать их протесты против национального и религиозного насилия русского правительства.

Мы убеждены, что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатывают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению.

Наши ближайшие требования таковы: а) политические — уничтожение сословных разделений и преимуществ; неприкосновенность личности и жилища; полная свобода слова, печати, союзов, стачек, собра-

ний; свобода совести; передача всей законодательной власти представительным народным учреждениям, избранным путем тайной и прямой подачи голосов; всеобщее и равное для всех избирательное право; независимость суда; ответственность всех чинов администрации; широкое областное и местное самоуправление; признание права отдельных национальностей на политическое самоопределение; сокращение срока военной службы; уменьшение постоянной армии, а если окажется возможным по условиям международной политики, то и полная замена ее народным ополчением, созываемым в случаях крайней необходимости; б) экономические — широкое фабрично-заводское и вообще промышленное законодательство, окружающее жизнь, здоровье и независимость рабочих; 8 часовой и меньший рабочий день; отмена косвенных налогов (в особенности падающих на предметы первой необходимости); прогрессивно-подходящее обложение земель и имущества.

Мы не обольщаем себя надеждою, что все выставленные нами требования могут быть осуществлены в более или менее близком будущем, но мы будем пропагандировать свою программу и при современном полицейско-бюрократическом режиме, и при свободном правительстве будущего под ее знамя мы будем призывать народные массы и во имя ее вести неустанную борьбу.

В настоящее время организационная задача партии состоит в создании местных комитетов, автономных в делах местной пропаганды и агитации, в установлении между ними постоянной связи и в объединении их деятельности, в распространении нелегальной литературы и в устройстве взаимопомощи между комитетами — средствами и людьми.

Остальные пункты, касающиеся организации партии, опубликования не подлежат по конспиративным соображениям.

Заканчивая на этом изложение нашей программы, мы приглашаем всех товарищей, разделяющих наши убеждения, присоединиться к нам для совместной революционной борьбы.

Манифест партии социалистов-революционеров. Б.м., 1900.

СВОБОДА³

Все существующие в России революционные группы, оппозиционные партии и просто свободомыслящие люди единодушно сходятся в одном: в крайней и безусловной необходимости политической свободы, без которой не предвидится возможности выбраться из того гнетущего состояния, в котором находится наша родина.

Минимум этой политической свободы, давно уже завоеванной всеми европейскими народами, может быть выражен:

- 1) свободой совести и религии;
- 2) свободой слова устного и печатного;
- 3) свободой сходов и собраний;
- 4) свободой союзов и ассоциаций;

5) свободой участия в законодательстве и управлении страной;

6) свободой трудящейся личности без различия национальности, с полной гарантией прав личности на духовное и материальное благосостояние.

До какого состояния может дойти страна, граждане которой лишены этих основных и необходимых, как воздух для дыхания, прав личности, мы поймем, если посмотрим в положение мучающейся в судорожных конвульсиях нашей бедной родины.

Как у всякого деспотического правительства, у русского есть раньше всего цель оберегать свое собственное существование и безопасность. Не имея возможности быть в оппозиции ко всем сословиям, правительство в каждый данный момент заигрывает с тем из них, близость и преданность которого оно почему-либо считает нужным, разными подачками и льготами привлекая на свою сторону. Сегодня избранником оказалось дворянство, завтра — купечество, послезавтра — духовенство и т.д. Но и приближая от поры до времени к себе, уделяя из общего народного хищничества часть какому-либо сословию, правительство не перестанет стоять на страже своих собственных интересов, зорко наблюдая, чтобы какое-либо сословие не настолько окрепло, чтобы оно могло выйти из-под опеки отеческого правительства.

Естественно, что правительство с этой целью старается поддерживать полное бесправное состояние всех граждан вообще. Даже покровительственному сословию — дворянству, промышленной буржуазии и проч. — постоянно дается чувствовать, что им покровительствуют только до тех пор, пока они не выходят за пределы, правительством отведенные. Но стоит только забывшемуся протеже заговорить языком свободного человека, а не облагодетельствованного раба, как правительство бесцеремонно хватается за горло смельчака, напоминая его положение: раб может только с благодарностью принимать подачки, а не предъявлять требования, как бы они ничтожны ни были.

Бесправное положение многострадального земства слишком хорошо знакомо всем, чтобы об этом приходилось еще говорить.

Предводители дворянства предаются суду за допущение обсуждения вопроса об отмене телесного наказания, представителям промышленности с чисто азиатской заносчивостью заявляется, что они призваны только для того, чтобы высказывать свои мнения, а как поступать, — это уже дело правительства. Съехавшимся представителям всей России, молодой едва вышедший с пеленок, монарх, пред лицом всей Европы, с хрипом рассерженного сатрапа кричит, что он не потерпит «бессмысленных мечтаний» об участии представителей сословий в государственных делах, и эти представители, многие из них убежденные сединой, имеющие пред родиной большие заслуги и известные своей широкой общественной деятельностью, как провинившиеся школьники, вынуждены молчать и покорно, как бесправные рабы, гнуть спину перед разъяренным младенцем-самодержцем.

Считая своим оплотом народное невежество, правительство всячески тормозит дело народного образования, бесстыдно, устами самого монарха называя желание одного из земств ввести всеобщее образование «опасным увлечением».

Там же, где невозможно препятствовать открытию школ, оно открывает церковные школы, давая народу, таким образом, вместо образования солдатско-поповскую выправку.

В средних школах воспитанники обезличиваются; наиболее способный и жизненный элемент малосостоятельных классов в учебные заведения не попадает, университеты постепенно подгоняются под тип юнкерских училищ отдачей всех профессоров и студентов под надзор жандармов и полиции.

Периодическая печать отдана в полное распоряжение цензоров и министра внутренних дел, жестоко карающего всякое поползновение на свободное слово. Обеспечив таким образом невежественное и бесправное состояние всех слоев общества, правительство сознательно деморализует то же общество, с наглым цинизмом разжигая национальную вражду и натравляя одну национальность на другую. Мирно развивавшаяся под живительным лучом свободы Финляндия долгое время не давала покоя правительству, пока оно не решилось наконец дохнуть своим тлетворным дыханием на этот незлобивый, безобидный, ни на что не посягавший народ.

В столице среди белого дня студенты избиваются казацкими нагайками, и, когда даже наше рабское общество возроптало и пугливо выразило сочувствие студентам, монарх громогласно выражает свое высочайшее порицание всему обществу, осмелившемуся неодобрительно отнестись к зверскому поступку полиции. Ни возраст, ни общественное положение, ни научные заслуги не гарантируют русского гражданства от самого грубого произвола правительства. Профессора университета административным порядком высылаются из столицы за малейший протест против самого грубого нарушения закона, они десятками лишаются кафедр по одному подозрению в сочувствии студентам. Директора гимназий, председатели судов, прокуроры, командиры частей теряют свои места при малейшей тени неблагонадежности.

Народ голодает. Голод этот не есть несчастная случайность, возможная во всякой другой стране, это систематическое, из года в год повторяющееся голодание, являющееся неизбежным последствием крайнего истощения народных сил, отягощенных непосильными налогами. Бессмысленная, чисто азиатская роскошь двора, весь сложный бюрократический механизм, необходимый для поддержания деспотии, поглощали изо дня в день сотни миллионов, выколачивавшиеся из тощих мужицких карманов, на царские пиры, на прихоти царедворцев, на поддержание десятков тысяч шпионов, на содержание тюрем и мест ссылки для борцов за народную свободу шла последняя копейка мужика, уходилась лошадка, отнимался тулуп, продавалась развалившаяся хата. Безропотно страдал мужичок в своем невежестве, тщательно оберегаемом правительством, даже не подозревавший истинного виновника своих несчастий, своего разорения, покорно нес свои последние крохи на пышный царский стол, пока во всем его хозяйстве не остались голые, полуразвалившиеся стены, внутри которых разгуливает ветер.

Деспотия — этот кровожадный паук — высосала всю кровь у беспомощной мухи — крестьянина, и теперь эта муха лежит разбитая, истощенная. Лежит, стонет и голодает. Сотнями тысяч вымирают от цинги, тифа, истощения. И нет конца, не предвидется предела этому бесконечному голоду. Что же делает правительство для облегчения участи по его же вине голодающего крестьянства? Оно бросает ему какие-то жалкие крохи и направляет все свое внимание на то, чтобы беспокойные люди не кричали о голоде.

Попадая из деревни на фабрику, крестьяне сразу подчиняются жандармско-полицейскому надзору. В глазах правительства рабочий теперь такой же неблагонадежный элемент, каким некогда были только студенты. Рабочие со всех сторон окружены шпионами, провокаторами, и малейшее столкновение с эксплуатирующими их хозяевами на почве исключительно экономических интересов правительством подводится под государственное преступление, и рабочим приходится испытывать всю тяжесть полнейшего бесправия и самого циничного беззакония. До невероятной степени разнузданности и наглости попиранья самых основных требований законности правительство доходит в борьбе со стойким и опасным ее покою противником — революционером. Малейшей тени подозрения достаточно, чтобы любой русский гражданин подвергся жандармскому надзору. Это значит, что его корреспонденция перехватывается, прислуга подкупается и превращается в шпиона, за ним ходят по стопам, ночью врываются жандармы, без участия и ведома прокурорской власти производят обыск; обнаружено или не обнаружено что-либо нелегальное — он может быть подвергнут по одному подозрению одиночному заключению, продолжительность которого зависит исключительно от доброй воли жандармов. Допрос и следствие — это какое-то бесстыдное издевательство над правом и законом. Если жандармам покажется, что они от арестованного могут получить нужные им сведения, пускаются в ход самые изумительные, самые утонченные «современные пытки». Слабых страшат бесконечным одиночным заключением, лишают свидания с родными, прогулок, книг, письменных принадлежностей, отнимают теплое платье, держат в холодных нетопленных камерах, дают скверную пищу, по ночам под различными предложениями неоднократно будят и лишают таким образом сна. Доведя до крайнего нервного состояния, сообщают ложные известия о мнимой смерти близких людей, допрашивают во время бреда и нервных припадков, словом, прибегают к самым возмутительным средствам, чтобы только вырвать нужные им показания.

Сколько благородных сердец, сколько великих умов, не выдержав гнусной пытки, сходило с ума или избирало добровольную смерть! Перед русским гражданином всёгда должны стоять скорбные тени замученных в тюрьмах революционеров. Их благородная кровь, пролитая в тюремных дворах, в мрачных казематах и сибирских рудниках, зовет всех, в ком еще осталась живая душа, кто не способен быть холодным зрителем народного страдания, рабской замученности рабочего люда, наглого попрания человеческих прав, приносимых в жертву ради про-

цветания царского двора и народных паразитов, — зовет на борьбу с врагом народного благосостояния и народной свободы, на продолжение их великого дела, дела освобождения замученной родины.

Этой борьбы, этого дела жаждет все, что есть лучшего в нашей родине. Их жаждет пылкая честная молодежь, жаждет пробуждающийся рабочий класс, жаждет русская интеллигенция. Всем тяжело дышать, все ищут выхода, ищут верного пути, который привел бы к спасению родины. Мы знаем, в чем это спасение: наш идеал — не буржуазная республика — Франция, — не конституционная монархия Англия, — а социалистический строй. Но если даже в Европе далеко до этого строя, то что же говорить о России! Социалистический строй в современной России — это звучит для нас какой-то иронией. Чтобы начать жить, дышать, начать думать и учиться, начать работать в пользу своего идеала, нам нужно раньше всего сделать первый шаг — **нужно получить свободу действий**. По пути нашего стремления к социалистическому строю лежит преграда — русская деспотия; и до тех пор, пока деспотия не будет снесена, все усилия к проведению социалистического строя будут разбиваться, как волны о каменный утес. **Снесение абсолютизма есть только чистка пути к будущему.**

Горький опыт показал нам, что никакие мирные действия не дадут нам даже минимума политической свободы. Мирно идти вперед нам нельзя уже по одному тому, что успех мирной тактики зависит от количества действующих сил, а нас засадят в тюрьмы прежде, чем мы соберем и соорганизуем наличные силы огромной неразвитой массы.

Нет, не мирным путем нам уничтожить гнет деспотии: тут нужно средство более сильное, более неумолимое; и так как мы убедились в непригодности всех других — называем его. Оно не ново. Оно завещано нам великими борцами революции, и зная, на время выбитое палачом из рук неустрашимых отцов, поднимаем мы, благоговейно преклоняясь перед их лучезарными образами, их духовные дети.

Выступая в бой за достижения социалистического строя, мы начинаем широкую пропаганду идей социализма и обнажаем оружие, которое мы не выпустим из рук до тех пор, пока не будет пробита брешь в толстой стене закоснелой в насилии и произволе русской деспотии. Другого исхода у нас нет. Правительство само позаботилось, чтобы у нас была отнята возможность действовать другим путем. Добиться для России политической свободы есть дело партии — Партии политического освобождения. Направляя свои удары на членов правящей группы, мы имеем в виду: удалить прежде всего сподвижников царизма — тех представителей власти, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего деспотического строя, строя, оправдывающего и требующего их участия в управлении страны, — сделать их ответственными за их деятельность, карая все клонящееся ко вреду страны. Партия заставит представителей власти помнить, что им не дадут безнаказанно разорять народ, держать его в невежестве, попираť человеческие права всех граждан, держать в рабском подчинении сотню миллионов людей лишь для того, чтобы представители вла-

сти могли бесконтрольно пользоваться благополучием. За общий гнет, за народный стон, за невинные слезы партия потребует ответ у лиц, их вызвавших; систематически, разумно направляя свои удары, партия устранил и дезорганизует правительство, у которого народ сумеет вырвать принадлежащие ему права. Партия не прекратит своих действий, пока не добьется конституции, наиболее удобной для основной идеи пролетариата. Поэтому партия не остановится на полпути. Добившись сначала конституции только либерально-буржуазной, она принудит правительство дать рабочую конституцию. Боевая роль партии кончается в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода. Когда будет открыт путь для свободной борьбы пролетариата, для осуществления социалистического строя. Но и тогда партия останется на страже конституции, охраняя неприкосновенность и полное проведение ее в жизнь страны. Партия оцепит своим конвоем расчищенный путь, удаляя с пути все, что будет мешать пролетариату победоносно идти вперед. Когда поле действия пролетариата будет обеспечено от неприятеля, настанет время мирной деятельности. Пропаганда идей социализма и агитация широкой рекой потекут в народное море. Только при наличии рабочей конституции и под охраной партии освобождения пропаганда и агитация будут надежным оружием социалистов; приготовят пролетариат к полной революции, к замене капиталистического строя социалистическим.

Нас спросят, есть ли теперь эта партия в России, — да, она есть: эта партия не организована, не объединена приемами тактики, не формулировала своей программы, не создала себя партией, не связана воедино; она разбросана по всем углам России, рассеяна в слоях интеллигенции, народа — но она есть, ибо есть те элементы, из которых партия должна состоять: есть негодующие, есть задыхающиеся под тяжелым гнетом деспотии, есть мучающиеся от всеобщего горя и страданий, есть жаждущие отдать свою жизнь за спасение родины. Отсюда ясно, что делать тем, кто признает себя социалистом, кто сознает свои обязанности по отношению к обездоленным, кто хочет быть свободным гражданином, а не рабом.

Организовывать, вырабатывать приемы тактики, точнее формулировать самую программу, связывать воедино людей, бессознательно составляющих партию — вот наша задача.

Пользуясь опытом прежних лет, мы отрицаем строго централизованную организацию. Наша партия имеет центром программу, а не круг людей. Строгая централизация невозможна, так как центры из лиц, достойных своей задачи, искусственно не создаются. Строгая централизация нежелательна в смысле конспирации: гибель центральной кучки является гибелью всего дела. Наш план организации — федерация автономных местных групп, объединенных программой и практическими приемами, но имеющих свой местный центр, составленный из выборных представителей местных кружков. Этот местный центр или комитет, руководствуясь общей программой, свободен, однако, применительно к местным особенным условиям, видоизменять организацию; этот центр ведет свои местные дела партии и сообщается с другими ко-

митетами посредством своих делегатов. Собрание делегатов от нескольких комитетов составляет высшую инстанцию — **Совет** партии. Этот Совет на неперIODических съездах обсуждает все дела партии, вносит поправки в программу, вырабатывает общие правила тактики, решает моменты, наиболее подходящие для отдельных активных действий, и т.п.

Что касается личного состава кружков, то отводя первое место пролетариату (рабочему и интеллигентному), мы все-таки распространяем пропаганду и агитацию на все слои русского населения. Наиболее активный элемент мы зовем на работу в пользу социализма вообще и политической свободы в частности. Наша главная надежда на молодежь, но участие людей, умудренных опытом, только подвинет вперед дело освобождения.

Для начала активных действий нам незначает ждать десятки лет, ждать, пока наша партия составила бы **большинство** в обществе. Партия политического освобождения не есть партия массы. Наша программа есть программа людей чистой идеи, а такие во все времена и во всех обществах составляли и составляют меньшинство. Мы находим достаточно иметь организации в столице и крупных центрах, чтобы начать решительные действия. Момент для начала действия должен быть выбран на съезде Совета комитетов.

Чисто активная деятельность есть дело боевого отряда партии. Как самая опасная, самая тяжелая и самая важная в то же время деятельность эта требует героев, людей, способных идти на эшафот за свою идею. И потому боевой отряд составляется из добровольцев партии, которым партия дает свою санкцию, объясняя каждый отдельный террористический факт от имени всей партии в прокламациях. Итак: пока партия организуется, — центр ее тяжести есть пропаганда и агитация; когда партия выступит на открытую борьбу, центр ее тяжести переносится на боевой отряд, и тогда партии, не оставляя пропаганды и агитации, главным образом направляет свои средства на помощь боевому отряду. Затем, когда у нас будет отвоевана политическая свобода, центр тяжести переносится на пропаганду и агитацию, а боевой отряд останется на страже конституции.

Выступая на борьбу за политическую свободу, мы не можем сказать, какой минимум или максимум даст борьба: наш максимум был бы — полная перестройка, полная замена царизма народным правлением, замена капитализма социальным строем. Но если борьба даст и меньше, мы будем довольны; мы добьемся политической свободы, а тогда пойдем дальше.

Дай бог, чтобы как можно меньше пришлось нам действовать огнем и мечом. Дай бог, чтобы как можно скорее нашим верным оружием стало свободное слово. Мы не жаждем крови, как говорят наши враги, и первая человеческая жизнь, которую мы приносим в жертву, есть наша собственная жизнь, жизнь наших друзей, жизнь, наиболее ценная с человеческой точки зрения.

Практическая работа партии вообще распадается на два отдела, два вида деятельности: мирную деятельность и деятельность непосредст-

венно военную. Этим одним заранее определяется роль каждого лица. Есть люди, преданные делу, но неспособные к оружию. Им предстоит мирная работа.

Виды мирной деятельности в пользу партии такие:

а) пропаганда среди интеллигенции, т.е. 1) распространение нашей литературы среди молодежи; 2) организация кружков саморазвития и взаимопомощи учащейся молодежи; 3) организация легальных и нелегальных библиотек; 4) организация касс на революционное дело;

б) пропаганда в среде рабочих с такими же организациями кружков, как и среди интеллигенции;

в) пропаганда в народе;

г) пропаганда в войске;

д) агитация везде в пользу идей политической свободы;

е) печатное дело;

ж) разведочное бюро партии.

Вообще вся подготовительная работа партии есть работа мирная. Затем, когда военный отряд начнет свои действия, мирная дружина будет его помощницей, и ее главная задача на то время: создать прессу, которая бы влияла на общество, объясняя ему цель и причину действий боевой дружины. О видах боевой деятельности мы не говорим, так как это уже дело наиболее конспиративное.

На социал-демократов мы смотрим как на братьев: цель одна, но пути различны. Идея социал-демократии получит право гражданства в России не раньше, как при наличности политической свободы, а пока мы будем делать свое, а социал-демократы пусть делают свое: пусть организуют сколько можно, пусть приучают массы к протесту, к борьбе с капитализмом, пусть улучшают экономическое положение масс. Мы будем помогать им левой рукой, ибо правая уже занята мечом. Наша партия для России — партия настоящего. Партия соц.-дем. — партия следующего за нами периода времени. В этом вся разница.

Итак, прежде всего **организация** наличных сил путем ознакомления с программой. Затем, подготовка новых сил путем пропаганды и агитации. Затем, военные действия. А когда завоевана политическая свобода — книга в руки, меч в ножны. Тогда идти в школы, в рабочие мастерские, в села и города, в церкви и на площади: учи свободным устным словом, учи печатью, составляй союзы, артели, готовь избирателей и депутатов в парламент. Тогда уже путь открытый, дорога свободная — и тогда-то настоящая работа друзьям народа, друзьям четвертого сословия.

*«СВОБОДА». Издание Рабочей Партии Политического
Освобождения России. Минск, 1900.*

С. Григорович⁴

СОЦИАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ⁵

(Заключение)

Обозревая исторические судьбы наших наиболее выдающихся социально-революционных программ, мы находим, что их прикладные части оставляют желать еще очень многого. И в этом обстоятельстве нет ничего удивительного. Разбирая эти программы, мы видели, до чего бывает трудно на практике решить вопрос, в каких конкретных формах должно вылиться объединение социализма с борьбой за политическую свободу. «Земля и Воля» совершенно отрицала необходимость политической свободы, «Народная Воля» грозила выродиться в чистый «бомбизм», а социал-демократия подвергается опасности пожертвовать требованием активной политической борьбы во имя непосредственных экономических нужд городского рабочего.

Тем не менее каждая из этих партий в отдельности выработала те элементы, которые необходимы для объединения социализма с политической борьбой, соответствующего задачам русской действительности. Общество «Земля и Воля» обратило главное внимание на нужды деревни, на земледельческие классы как на те общественные слои, интересы которых должны стоять на первом плане социально-революционной деятельности. «Народная Воля» дала нам то могучее орудие борьбы, с помощью которого партия может добиться необходимой для нее политической свободы. Социал-демократы указали на класс промышленных рабочих как на главную точку приложения интеллигентных социально-революционных сил. **Русским социалистам-революционерам остается объединить эти элементы и направить свою деятельность к тому, чтобы этот класс промышленных рабочих на самом деле сделался носителем и исполнителем всей социально-революционной программы.**

С помощью соответственной рабочей литературы и соответственной пропаганды среди рабочих они должны стремиться к тому, чтобы городской рабочий класс в своем деле сделался авангардом всех трудящихся слоев России, объединил все выдающиеся элементы этих слоев под своим знаменем и своей неослабной деятельностью доставил торжество социальной революции в России.

Наши сознательные рабочие должны раньше или позже прийти к убеждению, что рабочий класс лишь тогда будет представлять собою грозную социально-революционную силу, когда все другие трудящиеся классы, численно далеко превосходящие его, будут видеть в нем защитника своих интересов, могучего борца за народное благо, за благо всей рабочей России и вместе с ним составят одну рабочую социалистическую партию. Но для этого социалистическая программа рабочей партии не должна ограничиваться специальными требованиями городских или даже сельских наемников. Она должна написать на своем знамени

интересы труда, защиту его от эксплуатации — все равно, будет ли эта эксплуатация непосредственная и прямая, как на фабриках, заводах и частновладельческих хозяйствах, или она будет не непосредственной, косвенной, под видом выкупных платежей, податей или взимания процентов разными земельными банками и кредитными обществами. И выкупные платежи, и подати, и проценты представляют в современном строе часть дохода с труда, которую правительство или частные общества берут с народа для раздачи классу эксплуататоров или для содержания государственной машины. Борьба с капитализмом и правительством, идущими у нас рука об руку, — вот лозунг, вот смысл деятельности социалистической партии, в состав которой должны войти все трудящиеся слои города и деревни. Всюду, где капитализму и правительству, этим двум главным народным врагам, может быть нанесен удар, партия не должна упускать случая, чтобы нанести его.

Нам нечего рассчитывать на культурную миссию капитала да на «естественную тенденцию капиталистического общества» к социализму. Как бы с этим вопросом ни обстоило дело на Западе, для России эти культурные преимущества капитализма являются легендой, в которую,

не верил и такой защитник социалистической миссии капитализма, каким был покойный Энгельс. От промышленного гения русского капитализма, усердно культивируемого правительством, мы не видим ничего, кроме разорения трудящихся масс и всероссийского обнищания. Все, что русский капитализм делает по части развития промышленности, делается им под эгидой и под ревностной защитой правительства, и плоды этих усиленных забот до того неважны и ничтожны в сравнении с успехами промышленности наших западных конкурентов, что возлагать какие бы то ни было надежды на промышленный гений русского кулачества могут только доктринеры, закабалившиеся раз и навсегда у той или другой историко-философской формулы. Наш промышленный гений сам еще нуждается в ангеле-хранителе, без которого он не может ступить ни шагу. Без покровительства государства он делается беспомощным и хилым, и попытки поддержать его теперь, в надежде на его будущий расцвет и его будущую культурную роль, избобличают такую громадную дозу утопизма, чисто русского «авось», какой не найдешь ни у кого из самых неумеренных «субъективистов». Видоизменяя известную поговорку, можно сказать: «grattez le marxiste russe et vous trouverez un utopiste pur sang»⁶. Утопист потому, что он не считается с обстоятельствами времени и места, что для него все виды капитализма составляют один вид «капитализма вообще», как тот знаменитый «плод вообще», над которым столь справедливо потешался Маркс в своей «Heilige Familie»⁷. Такой доктринер, верующий в спасительную роль капитализма, независимо от исторических условий его развития, есть к тому же утопист самого худшего сорта, так как не может оправдать свое увлечение капитализмом возвышенностью своего идеала, подобно утописту-идеалисту.

Диалектический фокус «дружбы-борьбы» не всякому по плечу. Логика здравого человеческого смысла, столь часто попираемая последователями «диалектического метода мышления», может наконец взять

верх; и если наши теоретики марксизма так убеждены не только в исторической **неизбежности** капиталистического фазиса развития, но и в его **культурной необходимости** для России, то есть много оснований опасаться, что многие из них признают необходимым отложить на время борьбу с правительством, которому русский капитализм обязан своим развитием и в котором он еще столь долго будет нуждаться. Теоретическая «*entente cordiale*»⁸ может привести к практическому союзу. Вот почему борьба с этим культом капитализма должна стать одной из задач нашей рабочей партии. Но литературная борьба с культом капитализма должна сопровождаться конкретной борьбой с русским кулачеством во всех его видах и формах.

Ввиду этой борьбы рабочая партия должна привлечь к своему освободительному движению многочисленный класс крестьян, разорение которых доставляет благоприятную почву для развития капитализма.

Пользуясь тем обстоятельством, что связь городских рабочих с деревней еще не порвана, что ежедневно совершается «обмен веществ» между фабрикой и селом, охватывающий десятки тысяч лиц, русские рабочие должны деятельно вмешаться в социальную жизнь современной деревни, принять активное участие в той глухой, часто бессознательной борьбе, которая ведется трудящимся, но обездоленным деревенским людом против кулаков, мироедов и «зажиточных мужиков». Становясь на сторону деревенской бедноты, они должны ей раскрыть глаза на главные причины народной бедности, которые кроются в товарном хозяйстве, и на главные причины народной забитости, которые кроются в господстве самодержавия и капитализма. Словом, они должны подготовить крестьян к восприятию идей социализма и политической свободы.

Но не только пропагандой социализма и политической свободой должны заниматься в деревне те, которые имеют доступ к ней, но и непосредственной классовой борьбой «маломощных» против «ширококопачников», батраков против хозяев. Старый землевольческий принцип агитации на почве непосредственных нужд народных, принцип, который, к сожалению, столь мало применялся на деле в деревне, но который уже оказал блестящие результаты в городе, должен теперь лечь в основу нашей деятельности среди крестьян. Борьба за переделы на тех началах, которые наиболее выгодны трудящемуся большинству, агитация в пользу борьбы за более выгодную раскладку повинностей, контроль над приходом и расходом общественных сумм, участие на сходах и выборах и отстаивание интересов бедноты перед миром, который, к сожалению, слишком часто является сильным орудием в руках мироедов, — все эти многочисленные деревенские нужды могут дать столь же многочисленные поводы к разъяснению того или другого требования нашей социально-революционной программы.

Конечно, для того, чтобы действовать в деревне, надобно знать ее, но наш рабочий, вольно или невольно возвращающийся в деревню, далек от того типа благообразного городского лакея, которым г. Чехов восхитил сердца русских марксистов⁹. Он простой русский крестьянин, связанный с деревней прочными психологическими узами, мечтающий

в городе о «нарезке» и думающий за фабричным станком горькую деревенскую думу*.

Наши **фабричные** рабочие-крестьяне, в отличие от некоторых **заводских** рабочих, исконных городских жителей, умеют ценить экономические выгоды самостоятельного земледельческого труда, могут входить во все детали многочисленных деревенских нужд. Им недостает только социально-политического значения, теоретической оценки социально-экономических явлений деревни в их связи с явлениями общегосударственной жизни с точки зрения крестьянина, дорожающего главным средством производства — землею. Это-то недостающее им знание и необходимо доставить им в городе путем легальной и нелегальной литературы. Создание такой нелегальной литературы есть одна из обязанностей рабочей социально-революционной партии, должно сделаться одной из ее наиболее неотложных задач. Особенное внимание необходимо будет обратить в этой литературе на **русскую общину**, как на средство сохранения за народом земли и как на форму землевладения, которая при благоприятных условиях может сделаться переходным фазисом к аграрному социалистическому строю. Распропагандированный в этом смысле русский рабочий вернется в деревню не русским социал-демократом, а социалистом-революционером, не врагом общины, а ее защитником, который не упустит случая воспользоваться влиянием общины на психический склад крестьян в целях социалистической пропаганды. Рабочий, вооруженный знанием современной русской действительности и расширивший свой умственный горизонт, сумеет разъяснить крестьянам положительные и отрицательные стороны общины, указать им, что принесла бы народу передача **всех** земель в руки земледельцев и как добиться этой передачи. Словом, рабочие, вернувшиеся в деревню, как и социалисты-интеллигенты, получившие возможность работать среди крестьян, должны внести требования борьбы против капитализма и абсолютизма даже в самые глухие закоулки; они должны «вовлечь деревню во всемирно-историческое движение».

Класс промышленных рабочих должен, далее, собрать под свое знамя и представителей **умственного** труда, интересы которого гораздо лучше могут быть удовлетворены при материальном обеспечении масс, которое возможно только на началах социалистических, а не при господстве современного строя.

Между представителями ручного труда и представителями интеллигентного труда нет антагонизма. И в этом отношении поучительна история Запада, где рабочие партии вначале мало обращали внимания на так называемую «интеллигенцию», но теперь с каждым годом все более освобождаются от этой печальной ошибки. Так, один из самых блестящих представителей современного социализма, Жан Жорес¹⁰, мотиви-

* «Ведь мысли мужика роковым образом обращены к земле», — писал даже марксист в марксистском журнале «Новое Слово», — и что всего характернее, продолжает он, — наивные мечты о «наделении» не покидают крестьянина даже тогда, когда он резко порвал все связи с землей и деревней». «Новое Слово», 1897, апрель, отдел второй, с. 158-159.

рует свой отказ принять кандидатуру на место в парламенте желанием посвятить свою деятельность организации социалистической интеллигенции. «Умственный» пролетариат и рабочий пролетариат начинают чувствовать свою принадлежность к единой великой семье трудящихся, и мысль Лассалья¹¹, что тот есть работник, кто совершает полезную работу для общества, начинает проникать собою в сознание всех социалистов.

Еще лучше обстоит дело у нас в России, где русский умственный пролетариат никогда не отделял своих интересов от нужд и потребностей трудящихся классов, где он впервые вступил за них в борьбу и где лучшие представители рабочих вполне сумели оценить ту «братскую помощь», которую он им предлагал. И эта «братская помощь» не должна остановиться на одной только пропаганде в городе. В пределах одной рабочей партии не должно быть разницы между представителями того или другого ремесла, той или другой специальности труда. Все задачи партии, в городе или в деревне, должны быть выполнены теми, которые наиболее способны к ним.

Итак, социалистическая рабочая партия должна вести неослабную борьбу с капитализмом во всех его видах и формах: стачками городских и сельских наемников, рабочими артелями кустарей и земледельцев, отстаиванием в жизни таких учреждений, замедляющих рост капитализма, как, например, общинное землевладение и проведение в жизнь всяческих мер, которые укрепляют народное благосостояние и дают хоть временный отпор губительному влиянию капитала, как, например, национализация земли. Эта борьба должна неотступно вестись до тех пор, пока русские рабочие слои не окрепнут настолько, чтобы окончательно свергнуть с себя иго капитализма.

Социалистическая рабочая партия, которая охватывает представителей как физического, так и умственного труда, должна равным образом повсюду во всех трудящихся слоях народа вести пропаганду и агитацию в пользу созыва Учредительного собрания, в котором наиболее свободно и верно могла бы быть выражена и проведена в жизнь воля трудящихся классов, **народная воля**. И одновременно со всеми этими задачами русский рабочий класс должен из всех наиболее активных элементов всех трудящихся слоев, приставших к его знамени, вырабатывать **боевые организации**, которые подняли бы меч, выпавший из рук побежденной «Народной Воли», и вступили бы в непосредственную борьбу с русским правительством.

Нам нечего распространяться здесь, в чем должна заключаться эта непосредственная борьба. В стране, где всякие проявления серьезной оппозиции невозможны, где свободное слово задушено, где малейшие попытки организовать даже чисто экономическую борьбу пролетариата против власти капитала наказываются как государственные преступления, нет никаких других средств непосредственной активной борьбы, кроме тех, которые практиковались «Народной Волей». Это подтверждается и тем, что ни одно из господствовавших направлений в России не сумело указать на какую-нибудь новую форму активной политической борьбы, которая соответствовала бы нашим русским условиям, и

ни одно из них не решается **принципиально** выступить против боевой тактики «Народной Воли».

Пусть теоретические основы этой партии устарели, пусть точка приложения ее сил была выбрана нецелесообразно, ее боевая тактика остается единственно возможной и необходимой до тех пор, пока у нас будет существовать «абсолютно-нелепая» и «нелепо-абсолютная» власть самодержавия.

Основная ошибка «Народной Воли» заключалась лишь в том, что она не сумела объединить свою политическую борьбу с наиболее естественной и целесообразной постановкой социалистического дела. Но это объединение не удалось, как мы видели, и социал-демократии, и оно до сих пор представляет собой главную задачу социально-революционной деятельности. От правильного объединения социализма с борьбою за политическую свободу зависит судьба нашего социально-революционного движения.

Историко-критический обзор важнейших фазисов русского революционного движения приводит нас к трем основным требованиям:

1) Мы никогда не должны под каким бы то ни было предлогом оставить или отодвигать на второй план социалистическую деятельность и организацию рабочих масс.

2) Практически вредно и теоретически несостоятельно стремление создать искусственный антагонизм между представителями сельского, фабрично-заводского и интеллигентского труда. Интересы **всех** трудящихся слоев России должны лечь в основу деятельности социально-революционной партии.

3) Русская социально-революционная партия должна взять на себя инициативу непосредственной активной политической борьбы с самодержавием, причем эта борьба должна вестись в той конкретной форме, практическая целесообразность и историческая необходимость которой доказана была деятельностью партии «Народной Воли».

Только тогда, когда социально-революционная партия ни в теории, ни на практике не будет противоречить этим основным требованиям, каждый шаг в нашем движении будет единовременным служением двум величайшим идеалам XIX века, **социализму и политической свободе**.

*Социализм и борьба за политическую свободу.
Историко-критический очерк С. Григоровича.
Издание Союза русских социалистов-революционеров.
Лондон, 1898. С. 111-120.*

УСТАВ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА «БРАТСТВО ДЛЯ ЗАЩИТЫ НАРОДНЫХ ПРАВ»¹²

I. Цели братства

Братство составляется для того, чтобы бороться со злом и неправдою, беззаконием и угнетением, чтобы защищать везде и во всем народные права.

Поэтому братство имеет целью:

1) Не допускать, чтобы пользовались народной темнотой и незнанием законов для несправедливых обид и угнетений; защищать законные права народа везде, где их попирают ногами сильные мира сего.

2) Добиваться, чтобы крестьянство в своих делах управлялось само собой, без чужой укаски; чтобы сельские власти были верными и честными слугами миру, а не прислужниками земских начальников, исправников и становых.

3) Бороться против нового крепостного права, которое опять по-немногу вводится через земских начальников и других властей, которых посадили на шею народу; добиваться, чтобы из крестьян не выжимали соков сборщики податей, старшины, становые, помещики, мироеды и подобные им.

4) Добиваться, чтобы на Руси был один равный закон для всех, а не два особых закона, как теперь: один для сильных и богатых — дворян, купцов и чиновников, а другой — для слабых и бедных, землепашцев и рабочих людей.

5) Добиваться, чтобы все новые законы издавались не иначе, как с согласия особых на то выборных, постоянных ходоков от всего крестьянского и рабочего народа; чтобы без их согласия никто не мог облагать народ никакими податями, налогами и повинностями.

6) Добиваться, чтобы земля перестала быть собственностью помещиков и других частных землевладельцев, а перешла бы в руки всего трудящегося крестьянского народа, потому что земля создана не руками и не трудом человеческим и, стало быть, не может никакому отдельному человеку принадлежать, а должна быть общим достоянием всех, кто добывает себе пропитание земледельческим трудом.

II. Деятельность братства

Перечисленных в уставе целей все члены братства будут добиваться дружно, как один человек, не щадя своего живота. Братство будет поступать таким образом:

1) Так как народ теперь почти повсеместно забит и упал духом, то братство прежде всего будет стараться поднять упавший дух народа и побудить его познать свои права и стать на их защиту, показывая к тому пример словом и делом.

2) Братство будет особенно заботиться об умственном развитии не только своих членов, но и всех окружающих, потому что все народные враги и притеснители нарочно поддерживают темноту и невежество народа, чтобы было легче держать его в рабстве.

3) Братство будет строго следить за тем, чтобы все крестьянские общественные дела велись по строгой правде, чтобы деревенский мир не продавал своих прав за ведро водки или не отступался от них из страха перед земским начальником.

4) Братство будет помогать устраивать стачки против тех помещиков, которые особенно вредны для крестьян, оно будет добиваться, чтобы все крестьяне по взаимному уговору на таких помещиков не работали, а всячески вредили их хозяйству.

5) Братство будет помогать укрывать скот и другое крестьянское имущество от продажи за недоимки.

6) Братство будет бороться со всеми крестьянскими притеснителями и угнетателями по возможности законными средствами, но в случае крайности грозить им строгою карою по тайному приговору братства.

7) Братство позаботится, чтобы повсеместно среди народа образовались подобно ему «Братства для защиты народных прав».

8) Когда таких братств составитс достаточное число, то между ними будет заключен один большой союз для защиты народных прав.

9) Этот союз должен будет окончательно достигнуть всех тех целей, которые поставлены в уставах братств; он в случае необходимости пустит в ход силу для того, чтобы разом одолеть народных врагов и притеснителей повсюду.

III. Правила для членов братства

1) Все члены братства равны, и каждый имеет один голос в решении всех дел.

2) Новые члены принимаются с общего единодушного согласия, причем два члена должны поручиться за благонадежность вновь поступающего.

3) Все члены дают присягу или торжественное обещание свято хранить верность братству, никогда не выдавать его тайн, подчиняться уставу и решениям братства и не делать никакого решительного поступка самовольно, без спроса у братства.

4) За неосторожность, бездеятельность, болтливость и другие подобные качества член может быть исключен из братства, но, даже исключенный, обязан хранить верность своей присяге.

5) В случае измены, предательства или тому подобного вреда народному делу братство может судить своего бывшего или настоящего члена и постановить приговор хотя бы касательно его жизни.

6) Если братству понадобятся денежные средства, то может быть учреждена братская касса, в которую члены будут делать пожертвования и взносы, смотря по состоянию каждого.

7) Когда устав принят, в нем нельзя изменить ни одного слова без решения братства по большинству двух третей голосов всех его членов.

*Устав Крестьянского союза «Братство для защиты народных прав».
Издание Союза русских социалистов-революционеров. Женева, 1899.*

К ТОВАРИЩАМ ПО МЫСЛИ И ДЕЛУ¹³

Ввиду необходимости расширить русло общего революционного, и в частности рабочего, движения путем привлечения к нему трудовых масс деревни — за границей образовалась Аграрно-социалистическая лига¹⁴, которая ставит себе целью содействие всем товарищам в России, работающим прямо или косвенно в этом направлении.

Соответственно этой основной цели задачи Лиги состоят в следующем:

I. Издание и распространение народной революционной литературы, пригодной как для крестьянства, так и для городских фабричных и промышленных рабочих, в особенности имеющих связи с деревней.

II. Ознакомление русских товарищей с постановкой на Западе социалистической пропаганды среди трудовой крестьянской массы и с формами ее организации для аграрной классовой борьбы; подведение итогов историческому опыту русского революционного «хождения в народ»; изучение всех проявлений социально-политического брожения в современном крестьянстве; теоретическая разработка общих вопросов аграрного социализма.

III. Все виды непосредственной практической помощи русским товарищам, деятельность которых соответствует программе Аграрно-социалистической лиги.

Лига допускает в свою среду на одинаковых правах представителей всех оттенков социально-революционной мысли, признающих в качестве необходимого минимума:

1) основные принципы международного социализма: уничтожение частной собственности на землю и прочие средства производства, как необходимое условие устранения эксплуатации труда капиталом во всех ее формах; освобождение рабочих — как в городе, так и в деревне — **силами самих рабочих**;

2) способность трудовой массы русского крестьянства к участию в активном движении и борьбе, способствующей эволюции русской жизни в том направлении, которое указывается этими (п.1) принципами международного социализма;

3) необходимость и своевременность соответственной социально-революционной пропаганды и агитации среди этой массы и организации передовых ее элементов для систематической борьбы против экономической эксплуатации и политического гнета.

Лига призывает всех товарищей по мысли и чувствам к посильной помощи словом и делом, литературными работами и денежными средствами.

*Очередной вопрос революционного дела¹⁵.
Издание Аграрно-социалистической лиги.
Лондон, 1900. Вместо предисловия.*

ПРОГРАММА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДЕРЕВНЕ¹⁶, выработанная на съезде Аграрно-социалистической лиги

Аграрно-социалистическая лига, составляющая самостоятельную организацию и примыкающая по своей программе к Крестьянскому союзу партии социалистов-революционеров¹⁷, находит, что работа в русском крестьянстве должна вестись по двум параллельным линиям:

1) Пропаганда, имеющая целью подготовить будущих вожakov революционных крестьянских движений и приобрести в деревне сознательных сторонников социалистического идеала путем выработки в крестьянстве правильных и отчетливых взглядов на все вопросы народной и государственной жизни.

2) Агитация, имеющая целью революционизировать всю крестьянскую массу, воспитать в ней боевой дух, способность к сопротивлению и подготовить к решительной борьбе посредством а) организации постоянной и повседневной борьбы крестьянства за свои насущные интересы; б) возбуждения массового крестьянского движения, непосредственной целью которого явится завоевание крестьянством земли и воли.

3) Пропаганда в крестьянстве ведется и устно и путем литературы (как легальной, так и нелегальной). Основная цель ее заключается в том, чтобы способствовать выработке из крестьянина сознательного социалиста и гражданина, способного отстаивать свои человеческие и гражданские права как при существующем государственном строе, так и при будущем, — отстаивать как путем слова, участия в общественной законопослушной деятельности (выборы и т.п.), так и путем сопротивления

пассивного или активного — с оружием в руках, если понадобится. Поэтому тема изданий Аграрно-социалистической лиги должна обнимать все стороны личной, общественной и государственной жизни, критику их и догму социализма в экономике и демократизма в политике.

4) В основе агитации должны быть положены такие стремления самих крестьян, не противоречащие общественной справедливости, которая уже коренится в их привычках, положении и сознании. Таковыми Аграрно-социалистическая лига признает: а) взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся и б) стремление крестьян освободиться от гнета непосильных податей, рекрутчины и чиновничьего произвола.

5) Главной задачей агитационной деятельности в деревне должна быть организация массового крестьянского движения. Ближайшими целями этого движения должны быть: а) прежде всего — устранение царского правительства как мешающего народной свободе и переходу земли в руки трудящегося населения и б) созыв всенародного Земского собора для установления справедливых порядков и изменения всех законов в пользу рабочего народа, и прежде всего для освобождения земель из-под власти землевладельцев для передачи их в уравнилельное пользование всего трудящегося народа и для установления полного народного самоуправления на началах общего равноправия.

6) Агитация может быть: а) местной на почве повседневных непосредственных крестьянских нужд и б) общеполитической. Та и другая требуют организации крестьян в местные братства, союзы и иные тайные сообщества, которые могут быть затем объединены, когда сама жизнь вызовет эту надобность; они должны дать кадры как для будущей социалистической народной партии, так и для восстания, если таковое вспыхнет. Характер этих обществ necessarily будет несколько изменяться по местностям, но в общих чертах их деятельность можно наметить так: 1) Они добиваются влияния во всех мирских делах,

стараясь проводить своих людей на выборные общественные должности, объединяют крестьян на различных совместных культурных, просветительских и других общепользовательных начинаниях, отстаивают права крестьянского мира в столкновениях с властями, с духовенством, например составляют мирские приговоры о смещении тех коронных чиновников, которые особенно притесняют крестьян, об уменьшении платы за тябы попу, не принимающему к сердцу их интересы и т.п.. 2) Они руководят непосредственной борьбой трудового крестьянства против землевладельцев и представителей капитала (стачки сельскохозяйственных рабочих для повышения заработной платы и улучшения условий труда, стачки арендаторов для облегчения условий аренды, уменьшения арендной платы, бойкот помещиков и кулаков и т.п.). 3) Они стремятся удерживать крестьянскую борьбу по мере возможности на почве мирных средств; но в тех случаях, когда крестьянство, изверившись в действительности мирных средств, переходит к насильственным действиям против достояния или против личности угнетателя, будет ли то частный человек или член администрации (к таким действиям относятся: потравы, порубки, поджоги, побои, вооруженные нападения и т.д.), местное тайное общество должно помочь миру привести задуманное к благополучному окончанию или взять на себя все дело, заботясь о справедливости намеченной кары и сокрытия следов дела. 4) Во всех случаях открытого столкновения крестьянского мира с властями (в особенности же при захвате экономического казенного или запасного хлеба из общественных магазинов, во время голодовок, при захвате земель и т.п.) братство должно всегда стараться о том, чтобы крестьяне отнеслись к своим действиям вполне сознательно, отчетливо представляя себе все могущие быть последствия открытого сопротивления власти, и шли на него лишь в том случае, если решились стоять твердо, всем миром, до конца. 5) Братства занимаются распространением литературы и входят в сношение с революционными организациями города в целях взаимной поддержки (как-то: помощь городским стачечникам припасами и т.п.). 6) Дальнейшая деятельность братства определяется обстоятельствами, соглашением тайных крестьянских обществ или их федеративным союзом, если федерация к тому времени состоится. В числе возможных мер для перехода к открытым массовым и чисто политическим действиям мы считаем целесообразными массовые коллективные приговоры крестьянских общинных и волостных сходов с различными требованиями, как, например, уравнивания крестьян во всех правах с другими сословиями, предоставления всем свободы совести, устного и печатного слова и общественных собраний, созыва Земского собора из выборных от всего населения для учреждения постоянного народного самоуправления, коренной реформы финансовой в пользу трудовых слоев, широкой земельной реформы для перехода земли в пользование трудящихся и т.п., а с другой стороны, отказ от уплаты податей и воинской повинности до тех пор, пока эти требования не будут удовлетворены; 7) В задачи братства входит также организация не-

медленной возможной поддержки городскому восстанию, если таковое вспыхнет, а равно и предварительная подготовка к этому крестьян.

«Революционная Россия», № 12, октябрь 1902.

НАША ПРОГРАММА*¹⁸

Выступая с новым органом¹⁹ революционного социализма, мы считаем полезным указать на главнейшие пункты нашей программы: пусть друзья наши знают, в чем они могут рассчитывать на наши симпатии и нашу поддержку, пусть и врагам нашим будет известно, на какой почве они встретят в нас неумолимых противников.

Наш орган, сказали мы, есть орган революционного социализма. Действительно, мы считаем себя идейными продолжателями «Народной Воли», которая тесно соединяла в своей деятельности и стремлении приблизиться к осуществлению социалистического идеала, и борьбу с самодержавием во имя демократического строя. Мы не стоим при этом за название, за букву, полагая даже, что короткая, но героическая жизнь «Народной Воли» представляет собой известный законченный цикл в русской общественной истории и что было бы ребячеством заниматься искусственной реставрацией имени, когда мы не можем восстановить отошедшие в прошлое условия естественного возникновения и роста славной партии. Но мы более? чем когда-либо, стоим за дух, за сущность народовольчества; а этот дух, эта сущность заключается для нас не в теоретическом только, но, что гораздо важнее, в практическом ежедневном, ежечасном признании нашею руководительницею лишь самой жизни, лишь самой реальной действительности.

Смотреть кругом себя и видеть; не заклеивать воском доктринерства уши, а, наоборот, прислушиваться к шуму и трепету действительности; выводить нашу социально-политическую программу из окружающих условий — таков дух, завещанный нам «Народною Волею», и ему мы хотим остаться, ему останемся верными при изменившихся обстоятельствах...

Посмотрим же, какие изменения замечаются в русской среде и чем современные условия разнятся от условий, вызвавших и поддерживавших «Народную Волю». Эти изменения можно свести к одному основному явлению: развитию капитализма в его разрушающих и создающих формах, развитию — мы увидим ниже, с какими ограничениями, в котором выразилось могущественное воздействие политики нашего самодержавия на экономическую жизнь страны.

Наше государство, поддерживающее интересы исторических хищников и само являющееся одним из самых крупных хищников, сделало что могло, привело, можно сказать, в движение землю, небо и пре-

* Программа эта, написанная до последних событий, является тою почвою, на которой еще в конце прошлого года толковались и изъявляли желание поддерживать нас различные группы и лица в России и за границей.

исподнюю, чтобы выхолить и вырастить русский капитализм. И эта его деятельность была особенно богата результатами в последние пятнадцать лет, когда, сломив политическую оппозицию «Народной Воли», оно беспрепятственно принялось за «устроение питательных функций страны», как говорят его теоретические выразители, или за систематический грабеж народа в пользу привилегированных классов, как скажем попросту мы.

Гарантии, субсидии, государственные заказы, яро покровительственные, чуть не прямо запретительные тарифы, солдатский штык и казачья нагайка для «усмирения бунтующих рабочих» — вот подвиги правительства по части насаждения и поддержки фабричного капитализма. Нещадное дранье податей с мужика, вынужденного при недостаточном наделе идти в кабалу к землевладельцу и кулаку, пользование общиной лишь как орудием фискального грабежа и проведение мер, которые под видом покровительства этой форме владения на самом деле благоприятствуют только развитию сельской буржуазии; устроение дворянского банка, этой гигантской богадельни для инвалидов хищнического дворянства на счет народных средств — таковы заслуги нашего самодержавия перед сельским капитализмом. Лавирование между притеснением нерусских народностей, евреев, поляков, финляндцев, кавказцев, особенно на пользу русскому торговцу и русскому буржуазному интеллигенту, и между покровительством приливающим в Россию иностранным капиталом — таковы старания царского правительства по части торгового капитализма и кормления «идеологов» нашей буржуазии.

В политической области, в репоэпт к экономической опеке и насилию над народом во имя нашего капитализма, нуждающегося не в свободе, а в покровительстве, правительственный гнет над низшими условиями в пользу и при посредстве «благородного» дворянства, а над всей Россией в пользу бюрократии, подавляющей свободу личности, слова, печати, науки, религиозного убеждения, культурно-национальных стремлений различных национальностей.

В международной сфере — бессовестная эксплуатация нашим правительством национальной вражды между цивилизованными нациями, особенно французами и немцами, а в последнее время французами и англичанами, и лицемерное выдвигание императорской России на первый план в качестве умиротворяющего и гуманного элемента.

Вот в самых общих и неполных чертах наше современное положение. Попробуем же перебрать, с нашей точки зрения, различные общественные силы и социалистические классы России и покажем, на что мы можем рассчитывать в положительном или отрицательном смысле со стороны этих общественных групп.

Наиболее яркое изменение замечается в рабочем классе, и специально в фабрично-заводском пролетариате. Во время героической деятельности «Народной Воли» этот класс, наиболее подвижный и революционный по своему характеру, в оппозиционном смысле существовал лишь в виде не особенно многочисленных выдающихся личностей и ограниченного числа групп в городских центрах. Теперь он увеличил-

ся, все более и более пробуждается к сознательной жизни и кое-где в лице меньшинства переходит от чисто экономических требований к попыткам политической борьбы, а кое-где уже выступает массой против правительства.

Трезво взглядываясь в окружающую действительность и не желая впадать в преувеличения, мы можем, однако, констатировать, что в известных отраслях промышленности — прядильной и ткацкой, каменно-угольной и металлической, — равно как в некоторых промышленных областях — Польше, Московско-Владимирском, Петербургском, Южном районах, — рост пролетариата и стихийная выработка в нем классовых интересов сделали значительные шаги вперед, особенно в последние пять-десять лет.

Вместе с тем мы замечаем, что и здесь и там в этих местностях рабочие представляют благоприятную почву для политической пропаганды, переходящей от будничных, но чрезвычайно существенных для трудящейся массы требований (уменьшение рабочего дня, повышение заработной платы и т.п.) к общим требованиям политической свободы, вплоть до низвержения самодержавия. И при этом мы могли узнать хотя бы из социал-демократической текущей литературы, корреспонденций, докладов, полемических междуусобных брошюр, что именно интеллигенты, держащиеся узкого экономизма, чересчур тормозили этот переход рабочих к политике, боясь испортить преждевременностью широких требований «борьбу на экономической почве». Можно надеяться, что, когда деятельность среди городского пролетариата попадет в руки более революционных элементов, широкая политическая борьба станет популярною среди русских рабочих.

Сама жизнь будет наталкивать рабочий класс России на необходимость неотложной борьбы с самодержавием. В сущности, самая заурядная стачка на русской почве переходит почти сейчас же в глазах начальства в возмутительный бунт против «фабриканта и властей, Богом установленных»...

Ясно, что сторонник революционного социализма может работать теперь среди пролетариата при неизмеримо лучших условиях, чем то делала «Народная Воля», и, организуя рабочую армию в центрах во имя демократического переворота, удовлетворять нарастающей теперь потребности политической борьбы среди трудящихся, которые не могут примириться на исключительно «экономической» борьбе и с радостью будут идти рука об руку с революционной интеллигенцией (о которой речь ниже).

Крестьянство тоже потерпело изменения за последние 15 лет, хотя и здесь нам нечего рассматривать жизнь сквозь окрашивающую и искажающую действительные вещи призму формулы. И по настоящее время сельское население, т.е. главным образом крестьяне, составляет более четырех пятых всего населения. И по настоящее время земли сельских обществ обнимают более трети пространства всей Европейской России (тогда как земли частных собственников не представляют и одной четверти), и из них чуть не девять десятых составляют предмет общинного

пользования. С другой стороны, мы нисколько не думаем отрицать разложения общины во многих местах, разложение, которое опять-таки в гораздо большей степени объясняется влиянием царской политики на мужицкую экономику, чем «самопроизвольным процессом распада». Во всяком случае, современные формы попавшей под опеку бюрократии и дворянства сельской общины представляют собою во многих отношениях невыносимо тяжкие узы, которые в особенности гнетут нарождающуюся под влиянием общего культурного прогресса крестьянскую интеллигенцию. Ибо если фискальный гнет и кулацкая эксплуатация раскалывают общину на две резко противоположные части: группу мироедов-широкодатчиков и необеспеченное серое крестьянство, то постепенный, хотя и медленный прогресс просвещения и рост сознания вырабатывают среди самой же деревни сельскую интеллигенцию, прошедшую чрез школы, народные чтения, знакомую с произведениями научной и художественной литературы и с каждым днем все нетерпеливее выносящую гнет барина, земского начальника, станового, попа, невежественной и грубой буржуазии деревни. В отдельных случаях это меньшинство, как кажется, даже образует местные организации революционного пошиба под названием «братств».

Не забудем, кроме того, что до сих пор у нас сохранилась связь фабричных с деревней, а стало быть, возможность влияния более сознательных и революционных элементов из рабочих на своих земляков; что в самой деревне образуется все более и более многочисленный пролетариат, скопляющийся в известное время для продажи рук в городских центрах и здесь подвергающийся воздействию более культурной среды; что аграрные бунты, вызываемые всяческим обострением общих тяжелых условий, давящих на крестьян, можно сказать, не прекращаются на обширном пространстве империи, вспыхивая сегодня здесь, завтра — там, послезавтра — в ином месте.

Прогрессивная, особенно же социалистическая, интеллигенция после страшного кровопускания, совершенного правительством, очень ослабела. Это ослабление ее наглядно выразилось в том, что в течение долгого времени среди нее, за незначительными здоровыми исключениями, господствовали теории бессилия личности и «естественного хода вещей», а на практике все сводилось к голой пропаганде теоретического социализма в среде интеллигенции и отдельных рабочих, впоследствии же к агитации пролетариев на почве исключительно «экономической борьбы». Дело зашло так далеко, что наконец внутри господствующего течения (социал-демократии) произошла вполне натуральная реакция, которая указывает на очень серьезный общественный факт, именно на практическую несостоятельность теории голого экономизма и связанное с этим стремление русской интеллигенции выйти на дорогу здоровой политической деятельности. Наиболее живые и активные элементы готовы, очевидно, пойти в сторону той партии, которая удовлетворит их потребности непосредственной борьбы одновременно и за социалистический идеал, и за политическую свободу.

Мы должны в этом отношении отметить еще то знаменательное явление русской жизни, что на границе между интеллигенцией и рабочим классом вырабатывается все более и более многочисленный умствен-

ный пролетариат, который выходит и из буржуазных слоев, и из трудящейся массы и, по закону возрастающего «перепроизводства интеллигенции», попадает в тяжелые условия, заставляющие его зачастую переходить в ряды, близкие к простым рабочим. Составляя мост между интеллигенцией сравнительно хорошо оплачиваемых «либеральных профессий» и представителями физического труда, он, с одной стороны, отбрасывает предрассудки и высокомерие буржуазных слоев, а с другой стороны вносит смелую мысль и революционное настроение в общественно здоровую среду.

Русская буржуазия как была, так и осталась в целом противницей свободного политического режима. Мало того, покровительственная политика правительства приняла за последние 15 лет такие выгодные для нашей буржуазии формы, что ею царизм достиг, можно сказать, белокапильного жара. Она довольствуется ролью имущего и эксплуатирующего класса, а бремя правления с необыкновенною готовностью складывает на плечи нашего правительства. Ей нужны субсидии, высокие ввозные тарифы, держанье пролетариата в ежовых рукавицах драконовского законодательства о стачках, а не манчестерство и не распространение идей свободного общественного развития и на политическую область. Отражая это материальное положение и утратив последние следы бескорыстных стремлений, оставшихся от реформационного движения 60-х годов и поддерживавшихся революционным энтузиазмом 70-х, и буржуазная интеллигенция выражает в последнее время все яснее и яснее грубо реальные интересы. Даже люди, кормящиеся лишь из вторых рук процессом капиталистической эксплуатации — земцы, доктора, профессора, адвокаты, — в значительной степени превратились в прямых апологетов капитала; и такой характер буржуазной интеллигенции лишь ярче выступает благодаря контрасту лучшего меньшинства, которое, несмотря на свое привилегированное положение, может быть причислено к демократической интеллигенции.

Дворянство, подобно буржуазии, тоже гонится исключительно за покровительством и отнюдь не думает променять на проблематические выгоды «правового порядка» ощутительные преимущества правительственного кормления, которое выражается в ссудах дворянского банка прогорающим помещикам и в земско-начальнических окладах и льготах (властью над мужиком и т.п.) уже прогоревшим корнетам Отлетающим; хотя в настоящее время любым детищем нашего правительства является шустрая, бесстыжая, безыдейная буржуазия, наше самодержавие обращается тем не менее с «благородным» сословием, как с большим старшим ребенком, бросающим на царскую вотчину некоторый блеск элегантности и культуры.

Перебрав различные классы и общественные группы современной России и указав на свое отношение к ним, мы можем теперь на основании этого анализа резюмировать в немногих положениях нашу программу, программу, которую мы будем проводить и защищать в «Вестнике русской революции». Пусть лишь читатель не забывает, что это — программа литературного органа и что мы отнюдь не претендуем на ру-

ководство какой бы то ни было партией действия, существующей и борющейся в современной России.

Мы берем исходным пунктом своей деятельности работу в городе на почве сближения социалистической интеллигенции и пролетариата во имя непосредственной борьбы против самодержавия. Быстрота развития революционной оппозиции и ее многочисленность укажут нам, какие формы нападения на строй предпочтительнее: так, мы, например, не исключаем из своих планов даже в недалеком будущем теоретической возможности захвата власти и диктатуры революционной интеллигенции и пролетариата в центрах с целью дать толчок оппозиционному движению во всей стране.

С этой точки зрения, а также ввиду важной роли войск при участвующих случаях стачек и аграрных бунтов мы, в числе прочих приемов приготовления революции, стоим за почти забытую теперь пропаганду и агитацию в армии, даже лучшие элементы которой, как мы могли убедиться в последнее время, оставлены в стороне современными пропагандистами.

Помимо наиболее живых представителей интеллигенции «либеральных профессий», мы обратим особенное внимание на организацию умственного пролетариата, являющегося, как мы уже сказали, промежуточным слоем между буржуазной и рабочей интеллигенцией. С мыслящими же людьми «либеральных профессий» мы можем заключить вполне искренний, хотя строго определенный по своим целям, союз во имя требований демократической конституции, широкого самоуправления, полнейшей свободы печати, научного преподавания и т.д.

Каково должно быть наше отношение к крестьянству? Не забудем, что в числе политических приобретений, сделанных Народной Волей в период ее героической борьбы и завещанных ею русскому движению, был отрицательный взгляд на деревню, как на исходную точку демократического переворота, как на инициативную силу революции, «Народная Воля» подчеркивала важность общинных идеалов мужика, указывала на громадное значение аграрного вопроса для России. Но она не думала, чтобы революционная деятельность могла, по примеру прежних лет, искать отправного пункта для себя в деревне и непосредственно опираться на мужика. И, по нашему крайнему убеждению, с тех пор не произошло здесь ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда. Возникновение сельской интеллигенции увеличивает, конечно, число точек приложения оппозиционной пропаганды в деревне. И нет сомнения, что демократический переворот, начатый в центрах интеллигенцией и рабочими, будет поддержан теперь более сознательно, чем прежде, русской деревней благодаря увеличению в ней мыслящих элементов. Несомненно также, что стремление громадного русского крестьянства должно будет ярко проявиться в качестве одной из главных черт грядущего переворота: аграрный вопрос будет занимать важное место в заботах новой революционной России. Можно надеяться даже, что уже и теперь деревня поддержит своим громадным напором начавшееся революционное движение центров. Но иници-

инициатива переворота должна исходить от рабочих и интеллигенции городов.

Как бы то ни было, бережное отношение людей переворота к общине и требование ими расширения крестьянского владения в той или иной форме явятся достаточными мотивами мужицких симпатий к демократической революции. Стараться же идти дальше и, например, отделить часть сил, работающих в городах, на пропаганду социализма в деревне представляется нам пока операцией, решительно невыгодной, разбивающей дружный натиск революционной армии на самодержавие. Само собою, что мы горячо приветствуем, однако, пропаганду в деревне со стороны тех элементов, которые самым образом своих занятий прикреплены, так сказать, к ней.

Словом, наше отношение к земледельческому классу отнюдь не основано на отрицании революционной деятельности в деревне, но чуждо и преувеличения результатов ее при теперешних условиях. Эта деятельность сводится, по нашему мнению, к:

1) революционной пропаганде и воздействию на начинающее вырастать интеллигентное сельское меньшинство, во имя личного достоинства, свободы развития, устранения бюрократической и дворянской опеки, свободы религиозных убеждений (особенно важной в пунктах распространения рационалистических сект), 2) агитационной деятельности и популяризации демократического переворота на почве требований национализации земли, обработки государственной собственности, уменьшения налогов, отмены паспортной системы и т.д.; 3) толковому пользованию бунтами с тем, чтобы переводить крестьян от частных предметов недовольства к общей оппозиции против современного экономического и политического режима.

Среди подавляемых рас и национальностей мы должны явиться в роли искренних защитников их прав и их прогрессивного развития, не противоречащего идее международного социализма и интересам трудящихся масс внутри этих больших исторических групп. Не забудем, что, например, в данный момент рабочее движение лучше всего организовано среди евреев Западного края; и полная солидарность этого важного отряда со всею русскою революционною армией является одним из существенных условий успеха общего дела. То же можно сказать и по отношению к полякам, среди которых социалистическое движение опирается уже на прочную организацию пролетариата и за которыми мы припадем, кроме того, без всяких оговорок право самостоятельно распоряжаться своей страной и своей политической судьбой.

В Финляндии, лоялизм которой потрясен изменническими и противозаконными поступками «великого князя», мы должны явиться решительными сторонниками либеральной оппозиции, не говоря уже о мощном рабочем движении этой маленькой, но бойкой и культурной страны. На Кавказе наша роль заключается в признании права на вполне свободное национальное развитие за всеми местными народностями — сепаратизм которых существует лишь в болезненном воображении царских сатрапов, и т.д. По отношению к Западной Европе и вообще всему миру мы являемся решительными противниками войны, против-

никами шовинистической политики, сторонниками и горячими апостолами международного братства и союза народов. Мы будем бороться с неустанной энергией против завоевательной русской политики, русского «национализма», эксплуатации русскими присоединяемых народностей.

Мы заключаем выяснением нашего отношения к террору. Верные традициям Исполнительного комитета, мы смотрим на террор как на необходимое, хотя и печальное, орудие борьбы с правительством, которое само отказывается от человеческих форм самозащиты. И, как Исполнительный же комитет, мы полагаем, что систематический террор может оказаться целесообразным лишь в руках организованной партии. Не забудем, что террористическая деятельность «Народной Воли» отвечала насущной необходимости революционной борьбы, отвечала исторической, до сих пор еще не решенной задаче низвержения самодержавия, отвечала, наконец, настроению всех живых сил общества. Но уж, конечно, не из-за границы мы будем призывать людей к террору и ограничиваемся простым напоминанием о той точке зрения, на которой стояли двадцать лет назад наши товарищи...

Надо ли говорить в заключение, что мы смотрим на идейную полемику как на полезную, а часто как на прямо необходимую сторону печатной деятельности, но решительно отказываемся от полемики, направленной против личностей, оскорбляющей членов великой социалистической семьи и забывающей, что сегодняшний противник может завтра стать союзником и даже товарищем по деятельности. А мы настолько убеждены в верности нашей точки зрения, нашего понимания современных запросов, что видим в конечном результате такой идейной полемики сближение с нами и на почве нашей программы всех активных элементов. В сплочении и победе этих элементов и заключается именно историческая задача нашей страны, вступающей в XX век.

Долой же самодержавие Да здравствует русская революция, да здравствует союз русских социалистов во имя ее, и да облегчит нам скорую победу над ненавистным царем и капиталом историческая Немезида нового столетия. Немезида, секира которой уже лежит у подножия всех отживающих сил реакции!..

«Вестник русской революции», № 1. Париж, 1901 г. С. 1-15.

РАЗДЕЛ II

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

СООБЩЕНИЕ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ» ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Ввиду состоявшегося слияния «Союза социалистов-революционеров»²⁰ с «Партией социалистов-революционеров»²¹ официальным органом объединенной партии, посвященным вопросам текущей жизни, становится «Революционная Россия»²², выход которой мы постараемся сделать ежемесячным.

Теоретическим же органом Партии будет, в силу состоявшегося соглашения, издающийся за границей «Вестник русской революции», руководящие принципы которого вполне разделяются партией.

Довода до сведения товарищей о состоявшемся объединении, мы не можем не выразить нашего горячего желания видеть и заграничные социально-революционные силы также объединенными в одно организованное целое.

Мы глубоко убеждены, что серьезность переживаемого Россией исторического момента настоятельно требует объединения всех действующих в России революционных сил, и мы, социалисты-революционеры, ставя на первый план интересы дела, считаем своим долгом содействовать тому, что ведет нас к такому объединению.

Партия социалистов-революционеров.

«Революционная Россия», № 3, январь 1902 г.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А.А.АРГУНОВА (КУБОВА)²³ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК ПСР²⁴ ПО ДЕЛУ АЗЕФА²⁵

Главной своей задачей наш Союз всегда считал объединение всех тогдашних кружков с.-ровского (или народовольческого) направления вокруг какого-нибудь общего предприятия — литературного дела, в особенности издания периодического органа. Нашей давнишней мечтой было поставить такой орган. Силы наши были ничтожны, вели мы все дела сами, конспиративно, стремясь не связывать себя широкими сношениями, не передоверять лишним людям даже маленьких поручений. Мы рассчитывали начать более широкую организационную работу после того, как создадим что-либо реальное, какое-либо предприятие. При таких условиях постановка литературных предприятий потребовала массу времени и массу усилий. Нужно было заводить типографию, самостоятельно ставить ее и одновременно обеспечить другую, идейную сторону издания.

Хлопоты по устройству типографии мы начали с осени 1899 г. Летом 1900 г. продолжалась подготовительная работа по типографии, удалось вступить в сношение с Минской группой Партии Политического Освобождения России, которая взялась помочь нам до-

быть станок. Посредником между нами и группой был Гершуни²⁶, живший тогда легально в Минске... Это было весной 1900 г. Летом Минская группа добыла для нас у бундовцев деревянный печатный станок и Ч. привез его на нашу дачу (под Москвой, д. Кирилловка).

Азеф жил летом на даче в Сокольниках и был у нас всего один раз с женой²⁷. Сидели целый день, вели оживленный спор. Азеф впервые подробно излагал свои взгляды на очередные задачи, признавал потребность одной террористической борьбы, отрицательно относясь к прочим видам работы как к нецелесообразным, ввиду, главным образом, тяжелых полицейских условий, невозможности строить какое-либо прочное и широкое предприятие, неизбежности скорого провала и пр.

Мы были принципиальными сторонниками террора, но отводили место ему в ближайшем будущем, после предварительного организационного и идейного объединения, и признавали террор не единичный, случайный, а как систему ударов. Террор Азефа показался нам достаточно узким, беспочвенным, продуктом заграничных споров и заграничных выводов о русской действительности...

Азеф строго держался тактики «содействия», а не активного участия. Попросил его сделать тяжелый, но не громоздкий вал для типографии, получил согласие. Где и каким образом мы думаем ставить типографию, Азеф не интересовался, но он горячо убеждал не делать этого в России, а перенести все за границу. Вообще же все наши хлопоты с печатанием называл «пустяками». Главное ведь — террор, прибавлял он обычно...

В середине декабря мы окончили суету с техникой, приобрели в Москве все необходимое принадлежности и отправились в Финляндию... В самых последних числах декабря были на месте в Финляндии, в имении знакомой помещицы Г.²⁸ Печатали № 1 «Революционной России» втроем (я и две наборщицы — К.С. и моя жена). Упорным трудом одолели номер, проработав месяц и напечатав 500 экз.

В июле отпечатали и распространили № 2 «Р.Р.» и два номера «Летучего Листка» — издание, которое должно было содержать текущий информационный материал, не терпящий отлагательства до следующих номеров «Р.Р.»...

Летом у нас побывали Мельников²⁹ и Гершуни. Свидание с Гершуни происходило в лесу, у стога. Речь шла главным образом о необходимости объединения всех с.-р.овских групп и о слиянии с образовавшейся незадолго до этого с.-р. на юге, с центром в Кисве. Гершуни делал тогда объезд Урала, Волги и других мест одновременно с Брешковской. Сведения, добытыми, указывали на начавшееся оживление в наших кружках. Оживление чувствовалось и за границей, где возник объединенный орган «Вестник русской революции». Мы всей душой желали этого объединения, но полагали вместе с тем, что наша очередная задача — поставить прочно орган «Р.Р.» — «Революционную Россию» — еще не достигнута, а без этого мы мало верили в реальные результаты всероссийского объединения. Фактически объединение росло вокруг нашего предприятия. В особенности после выхода № 2 «Рев. Рос.», который всем понравился своею большею, по сравнению с № 1, определенностью и выдержанностью.

К лету в нашем распоряжении было достаточно литературного материала с разных концов России, начал функционировать постоянный редакционный коллектив в Петербурге (который должен был увеличиться представительством саратовских соц.-рев.), завелись корреспонденты (между прочим, Гершуни дал корреспонденцию с Урала и статью о зубатовцах), появились пожертвования и т.п.

Место для продолжения печатания «Рев.Рос.» мы наметили снова в Сибири, в Томске. Финляндская типография должна была остаться запасной и для экстренных изданий...

В сентябре у нас уже скопился материал для № 4. Настроение боевое, веселое. Чувствовали, что прочно налаживается дело, которым мы жили. В Москве остались моя жена³⁰ и М.Ф.³¹, я уехал на Волгу, главным образом в Саратов, где имел в виду ближе сойтись с тамошней группой с.-р. В самый разгар наших бесед с саратовцами (среди них была бабушка³²) я получил телеграмму из Москвы, из которой понял, что в Томске все рухнуло³³... Всего было арестовано по делу 23 чел[овека]. Аресты растянулись на сентябрь-декабрь. Последним был арестован на границе в мае 1902 г. — Чепик³⁴.

Мы (я, жена и М.Ф.) оставались невредимыми. Был выход бежать за границу. Но нам не хотелось идти добровольно в ссылку заграничную, а главное, жаль было бросить дело, труда потраченного. И мы решили остаться, чтобы спасти то, чего еще не коснулись жандармы, удержать связи и обеспечить продолжение издания «Рев.Рос.». Зная, что трудно будет возобновить издание в России, мы сделали уступку времени, решили напечатать экстренно арестованный № 3 «Рев.Рос.» за границей. Для этого отрядили за границу М.Ф. Ей выдали в московской полиции легальный вид, и она 25 октября уехала за границу. За нами слежки не было.

Азеф принял горячее участие в нашем горе. Из пассивного участника он превратился в активного члена нашего Союза. Торжественного вступления в Союз не было. Сделалось это само собой. Хотя слежки не было, но виделись мы с ним конспиративно. Помню свидание в Сандуновских банях: обсуждали дела голыми. Он настаивал на том, чтобы нам всем немедленно эмигрировать и продолжать дело за границей. Сам он ехал тоже за границу по своим личным делам (командировка в Берлин конторой)³⁵ и предлагал свои услуги там.

В конце концов мы сдались перед неизбежностью и признали совершившийся факт — конец нашего Союза и необходимость апеллировать к загранице. Уехавшей М.Ф. мы дали завешание войти в соглашение с заграничными организациями и выпустить во что бы то ни стало № 3 «Рев.Рос.». У нас сохранились дубликаты статей и, кроме того, был набор для № 4. Все это было отослано за границу с одним молодым студентом³⁶. Затем мы спешно увиделись с уцелевшими кое-где нашими товарищами по Союзу и сотрудниками и старались вселить в них уверенность, что не все пропало, что погром не вырвал корней Союза.

Азефу мы вручили все, как умирающий на смертном одре. Мы рассказали все наши пароли, всех людей, все без исключения связи (литературные и организационные), все фамилии и адреса и отрекомендова-

ли его заочно своим близким. За границей он должен был явиться с полной доверенностью от нас, как представитель Союза, рядом с М.Ф. Чувство к нему было теплое, товарищеское, пожалуй, даже чувство дружбы. За эти дни несчастья его активное вмешательство сдружило нас.

Он обещал (и исполнил) прислать нам отпечатанный № 3 «Р.Р.» из-за границы со своей кормилицей, которая должна была вернуться. Первые чемоданы с «Р.Р.» были действительно присланы им с кормилицей (1902 г., когда сидели мы в тюрьме). В конце ноября Азеф с семейством уехал за границу, с собой он ничего не взял.

7 декабря нас арестовали.

ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 131, лл. 4-13.

ИЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ М.Ф.СЕЛЮК СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК ПСР ПО ДЕЛУ АЗЕФА

...С самого же первого дня после томского провала он (Е.Ф.Азеф. — Н.Е.) начал нас убеждать ехать за границу. Убеждал обоих Кубовых и меня. Кубовы не согласились, тогда он обратился всецело ко мне. Предлагал в Берлине поддержку материальную, так как будет работать там. Я согласилась. Предлагал денег на дорогу, но были свои. За мной тогда усиленно следили. Мне выдали очень быстро паспорт. Тогда я приписывала это рублю, который дала в канцелярии участка, но теперь это объясняется проще. А. необходимо было иметь около себя за границей моральную поддержку. Без меня он был бы принят иначе. Он опирался на моих связей и личных симпатиях и знал, что всем этим он сможет воспользоваться и на этом сможет сделать свою карьеру.

Мы решили перенести печатание «Рев. Рос.» за границу, желая всеми силами, чтобы редакция осталась в России. И с этой целью Кубовы должны были остаться в России. 25 октября 1901 г. я уехала в Берлин.

По приезде в Берлин я жила там очень изолированно, желая выждать, что будет в России и не смогу ли я вернуться туда «чистой» через месяц, другой. Встречалась я только с молодой компанией учащих — А.³⁷, Ф.³⁸, З.³⁹ и другими. Через них я и начала вести переговоры о напечатании № 3 «Рев. Рос.» за границей с Мих. Раф. Гоцем⁴⁰, который жил тогда в Париже. К нашей затее Гоц отнесся сочувственно, и мы ждали материал из России. Этот материал был привезен одним студентом из Москвы. Скоро приехал и Азеф, кажется, в конце ноября 1901 г., с женой и кормилицей. Он уже встретился со мной как человек, облеченный полным доверием. Ему были уже переданы Кубовым явки и пароли. Он был в полном курсе всех наших дел.

Мы встретились друзьями и начали обсуждать вместе, как устраивать дальнейшие дела. В декабре же этого года я встретила совершенно случайно на одном собрании в Берлине Гершуни. Оказывается, он ме-

ня там искал. Я его познакомила с Азефом, и уже втроем мы начали строить проекты. Азеф очень заинтересовал Гершуни. Он не мог не отметить его характера, энергии и практической сметки. Гершуни в это время уже сосредоточил свои мысли на терроре и, конечно, был счастлив встретить в Аз[ефе] помощника и товарища. Они уже сталкивались о будущей работе. Несколько раз мы собирались втроем и решали, куда и кому ехать. Решили всеми силами постараться объединиться с редакцией «Вестника русской революции» и с редакцией Лиги и создать нечто единое. Тем более что и в России последнее время все наши разговоры и планы вертелись вокруг этого пункта. Решено было, что для этих переговоров в Париж и Женеву поедут Гершуни и Азеф. Я пока осталась в Берлине.

Азеф возвращается в Берлин и сообщает, что Гоц и Гарденин⁴¹ согласились быть редакторами «Рев. Рос.», что «Вестник русской рев.» превращается в партийный теоретический орган. Печатание будет в Париже, а наша задача в Берлине будет состоять пока в стараниях доставлять возможно скорее напечатанные номера в Россию. Решили переправлять в чемоданах и ящиках с двойным дном. И здесь начала сказываться большая практичность, энергия и предприимчивость А[зефа]. Он лично вел сношения с чемоданщиком, проявляя большую сообразительность в выборе разнообразного материала для этих ящиков, их формы и т.п. Третий номер «Рев. Рос.» был перевезен в чемодане с двойным дном кормилицей, которая возвращалась в Россию. Он умел отыскивать людей и предлагал им так настойчиво, что они не отказывались. Всю исполнительную работу по части отправки, снаряжение отъезжающих, заполнение разными вещами чемоданов производили его жена и я. Лично я, кроме того, продавал литературу и в столовке, где с.-ровская литература была новинкой. Он приобретал все большее мое уважение своей энергией. За что ни брался, всего достигал.

Так как он собирался в недалеком будущем ехать в Россию, так как он вел переговоры с Женевой и Парижем, то и сношения с ними поддерживал он, хотя постепенно осведомлял меня обо всем. С Гершуни у него завязывались уже все более и более тесные отношения. Гершуни в то время сходил в Россию, и, очевидно, они вдвоем строили планы ближайшей террористической борьбы...

*ГАРФ, ф. 1699. Судебно-следственная комиссия
при ЦК ПСР по делу Азефа, оп. I, д. 132, л. 2-5.*

**ИЗ СООБЩЕНИЙ СОТРУДНИКА
ВИНОГРАДОВА (Е.Ф.АЗЕФА)
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Л.А.РАТАЕВУ**

а) от 17/30 дек. 1901 г. из Парижа

Пишу отсюда, куда приехал из Берлина по очень важному делу — для переговоров с редакцией «Вестника русской революции», чтобы

она печатала свое издание от имени партии социалистов-революционеров. Дело в том, что в Берлин приехал один господин⁴², который живет уже давно в России нелегально — от имени партии социалистов-революционеров с этим предложением⁴³. Этот господин очень деятелен. Он объезжал всю Россию несколько раз в год. Ему удалось теперь объединить воедино все группы социалистов-революционеров — Харьков, Киев, Саратов, Тамбов и Козлов⁴⁴. В Москву он не заезжал ввиду того, что после провала в Томске он не решился приезжать, тем более что в Саратове ему говорили, что в Берлине он найдет меня, с которым он сумеет обсудить дело Москвы⁴⁵. Кроме меня, он нашел тут Марию Семенову, с которой ему и раньше приходилось встречаться. Он предложил нам присоединиться к партии социалистов-революционеров и издавать «Рев.Рос.» от имени партии, а не союза. Я ввиду важности этого дела для нас согласился, тем более что и предварительные переговоры его с Аргуновым привели к тому же результату⁴⁶, т.е. московская группа решила присоединиться к партии, если объединение произойдет общее. Вообще в Берлине и Париже я попал в центр. Теперь отсюда еду в Берн переговорить с главным сотрудником «Вестника»⁴⁷. Черновым о его согласии и, кроме того, там увижусь опять с этим господином, который туда едет по поводу устройства постоянного транспорта. Розенбаум⁴⁸ теперь живет на русинской границе около Лемберга, где он устраивает путь для транспорта. Этот господин вызвал Розенбаума в Берн для свидания. Мой приезд туда много даст нам во всех отношениях. Через несколько дней вернусь в Берлин. Обо всем подробно напишу скоро. Пока все не выяснится, не стоит писать.

Этот господин называет себя 44, 29, 19, 27, 94, 54 (Гранин). Он скоро поедет в Россию.

*ГАРФ, ф. 102, Департамент полиции,
Особый отдел, оп. 316, д. 2, ч. 8, л. Б. л. 1.*

б) от 26 дек. 1901/8 янв. 1902 г. из Берлина⁴⁹

Вчера только вернулся из Берна и спешу поделиться с Вами обо всем интересном. Здесь происходило свидание М.Розенбаума с Граниным. Г. крупная величина среди с.-р. в России преимущественно в той части, которая называет себя «Партией» и издала «Манифест». Эта часть с.-р., после того, как Вы теперь забрали 15 чел[овек] из тех, кто состоял в «Союзе» с.-р., издававших «Р.Р.» — самая сильная часть с.-р. Она еще сильна потому, что в Харькове и Киеве имеет большие связи среди рабочих. Напр., в Харькове работа среди рабочих разделяется между ними и с.-д. (союзом рабочего дела) по участкам города. Кроме у с.-р. имеются еще группы и отдельные личности во всех почти городах: Тамбове, Козлове, Воронеже, Саратове, Самаре, Казани, Ир-

кутске, Кременчуге, Кишиневе, Одессе, Ростове-на-Дону, Петербурге и Москве. (Последние города значительно опустошены.) Остатки «Союза» имеются в Полтаве, Чернигове, Тифлисе, Майкопе и Уфе. Таким образом, контингент с.-р. довольно значителен, и благодаря энергичной деятельности Гранина, который объездил теперь все эти города, ему удалось все объединить и уговорить сочувствующие «Союзу» с.-р. примкнуть к партии; остановка была только за Московской группой, которая составляла ядро т.н. «Союза». Переговорить с москвичами нельзя было ввиду тревожного времени, то и окончательные переговоры с москвичами и были отложены до приезда Гранина за границу, где он мог найти М.Селюк и меня, как я писал Вам в письме № 1.

Я счел нужным высказаться за объединение «Союза» с «Партией». Для нас, я думаю, это очень важно особенно при условиях, при которых это произошло, — когда нам почти все открывается; но, с другой стороны, тут есть некоторая опасность, так как я не только меценатствую, но и вхожу, так сказать, в организацию. В данном случае поступать иначе было бы глупо, а потому я, несмотря на риск, поступил таким образом. При этих условиях мне возможно было взять на себя миссию поехать в Париж, переговорить с редакцией «В.Р.Р.» относительно того, чтобы они издавали «В.Р.Р.» от имени русской п.с.-р. Переговоры, как Вы уже знаете, привели к положительным результатам.

«Вестник» в следующей книжке будет выходить от имени с.-р. Редакция «В.Р.Р.» состоит из 4 чел.: Тарасов⁵⁰, Рубанович⁵¹, М.Гоц (А.Левинский) и В.Чернов. В смысле организационном в «Вестнике» главную роль играет Гоц, который ведет всю практическую часть и все сношения с Россией и заведует транспортом.

Чернов живет в Берне, ведет большую пропаганду среди молодежи и пользуется большим успехом, ему удалось в Берне образовать 6 кружков с.-р. среди учащихся. Им поставлена типография-школа для желающих обучаться набору.

Кроме объединения с «Вестником», Гранин от имени русских с.-р. предложил членам Аграрной лиги соединиться с русской п.с.-р. При обсуждении этого вопроса в Берне большинство Лиги высказалось за объединение, и решено из состава Лиги образовать Комитет для выработки агитационной литературы для рабочих и крестьян. В Комитет вошли Чернов с супругой, Шишко⁵², Лазарев⁵³, Житловский с супругой, Гоц и Розенбаум.

Таким образом в лице «Вестника» имеется литература для интеллигенции; члены Лиги будут создавать агитационную литературу для рабочих и крестьян, а «Рев.Рос.» будет боевой газетой партии. Относительно «Рев.Рос.» еще не решено, будет ли она печататься в России или за границей. Все зависит от устройства транспорта. Если транспорт будет оборудован хорошо, то будет она печататься за границей. №N 3 и 4 решено печатать здесь. № 3 печатается по моему заказу в Париже у Прекера⁵⁴ (Гнатовский, по делу 1 марта 1887). Относительно транспорта, то Розенбаум специально был вытребован в Берн. Он оборудовал в двух местах на русинской границе около Лемберга с контрабандистами, но для пуска в ход нужно иметь постоянного человека в Каменец-Подоль-

ке. Такого субъекта по возвращении Гранин найдет в России, и дело начнет функционировать хорошо — как тут все надеются. Гранин отсюда уедет дней через 10, теперь он в Берне, живет у Чепика. Здесь в Берлине он остановится, вероятно, у врача Френкеля в Шарлоттенбур-

Это безусловно не настоящая фамилия. Гранин уже около двух лет живет в России нелегальным. Он года два назад был арестован в Минске, там он жил легально и имел химико-бактериологическую лабораторию. Арестован при больших минских арестах и привезен в Москву, где с ним Серг. Вас.⁵⁵ вел беседы длинные (о которых С.В. мне раньше и рассказывал) и выпустил его, взяв обещание с него не заниматься революционной деятельностью. С тех пор Гранин уехал

Минска и занимается очень энергично революционной деятельностью, но нелегально и не имеет постоянного места жительства. По всем этим данным, я уверен, Вам возможно будет установить, кто этот Гранин и следить за ним; брать же его пока не нужно — онлезен будет. Поездка моя в Париж и Швейцарию была очень позитивна для нас. Замечательно хорошо она сложилась; вообще очень удачно вышло, что я спроводил сюда Селюк. О Берлине и о многом другом до следующего раза. Как окончательно решится дело транспорта, сообщу. По поездки эти израсходовано мною 200 р., которые покорнейше прошу мне прислать вместе с жалованьем за январь и февраль, а также сообщить, как быть на будущее время с экстренными расходами, которые будут всегда, — они для нашего дела необходимы. Сообщать ли Вам всякий раз о них, или Вы назначите определенную сумму ежемесячно.

Сообщите и пришлите денег.

Мой адрес: 36, Но. 11 ч.

Мне.

Жму руку. Ваш Иван.

*ГАРФ, ф. 102. Департамент полиции,
Особый отдел, оп. 316, д. 2, ч. 8, л. 2-4.*

в) от 10/23 янв. 1902 г. из Берлина

Письмо Ваше № 1 с чеком получил. За награду весьма благодарен. Очень доволен, что одобряете мои действия. Надеюсь, что все будет хорошо. Фотографическая карточка соответствует лицу — только он теперь без бороды. Он отсюда уедет в воскресенье-понедельник месяца на полтора. Его маршрут буду, вероятно, знать — сообщу тогда. Брать его ни под каким видом не следует пока. Имейте это в виду. Но из глаз это не упустим. Хочу обратить Ваше внимание на то, что моими сообщениями в письме № 2, где я рассказываю о переговорах моих и Гранина с представителями заграничных групп, пользоваться при будущем аресте Гранина абсолютно нельзя. Такие вещи практикуются часто и

ведут к провалу. Кроме эмигрантов и Гранина, присутствовал **только я**. Вообще его заграничную поездку нельзя использовать в качестве фактов для дела, и без них многое будет. За границей он все с нами...

*ГАРФ, ф. 102, Департамент полиции,
Особый отдел, оп. 316, д. 2, ч. 8, л. 7.*

ОТ РЕДАКЦИИ «ВЕСТНИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В конце 1901 г. состоялось в России объединение почти всех социально-революционных организаций в одну партию социалистов-революционеров. Официальным органом объединенной партии будет служить «Революционная Россия», два первых номера которой были изда ны бывшим Союзом социалистов-революционеров. За границей идейным выразителем объединенной партии будет наш журнал, руководящие принципы которого разделяются новой партией.

Ввиду трудности сделать более частым выход «Вестника русской революции», редакция решила все корреспонденции небольшого объема передавать отныне для напечатания в «Революционную Россию», которая будет выходить приблизительно каждый месяц.

«Вестник русской революции», № 2, февраль 1902.

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ПАРТИЕЙ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И АГРАРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИГОЙ

§1. Партия социалистов-революционеров и Аграрно-социалистическая лига вступают между собою в федеративную связь, на условиях полного сохранения внутренней самостоятельности каждой из этих организаций.

§2. Каждая из договаривающихся сторон сохраняет за собой право вступать в ту или другую связь с другими организациями, не противоречащими по своей деятельности целям договаривающихся сторон.

§3. Основные взгляды на крестьянское и рабочее население в их взаимных отношениях и на задачи социально-революционной пропаганды в деревне, выраженные в брошюре «Очередной вопрос революционного дела» и программном воззвании Крестьянского Союза партии социалистов-революционеров, разделяются обеими договаривающимися сторонами; во всех остальных вопросах ни одна из сторон не принимает на себя ответственности за взгляды другой. Лига по-прежнему допускает в свою среду представителей всех оттенков социально-революционной мысли.

§4. Партия социалистов-революционеров берет на себя организацию распространения в России всех изданий Аграрно-социалистической ли-

ти, доставления ей всякого рода сведений и литературных работ, материальной помощи и т.п.

§5. Партия социалистов-революционеров и Аграрно-социалистическая лига предпринимают совместно издание популярных брошюр и книг для крестьян и рабочих.

§6. Эти издания составляют серию «Народной революционной библиотек» и выходят под общей фирмой «издания Партии социалистов-революционеров и Аграрно-социалистической лиги».

Примечание к §6. Обе договаривающиеся стороны сохраняют за собой право — в случае, если почему-нибудь найдут это нужным — издавать подобные брошюры и отдельно, вне этой общей серии.

§7. Обе договаривающиеся стороны сохраняют отдельность своих ближайшее же определение доли участия Партии социалистов-революционеров в расходах по всем общим предприятиям предоставляет соглашению между администрацией Лиги и центральным исполнительным органом партии.

§8. Настоящий договор может быть расторгнут каждой из договаривающихся сторон, причем действительное его расторжение может произойти лишь через три месяца после собственного заявления одной из сторон.

§9. Текст настоящего договора⁵⁶, равно как и все заявления и отчеты Аграрно-социалистической лиги, печатаются в органах Партии социалистов-революционеров.

«Революционная Россия», № 9, июль 1902 г., с. 18.

ОТ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ РОССИИ⁵⁷

Ввиду того, что после слияния большинства социально-революционных групп в Партию социалистов-революционеров, последняя расширила свою деятельность и образованием Боевой Организации и Крестьянского Союза восполнила существовавший в революционных организациях пробел, Рабочая Партия Политического Освобождения России, всецело разделяя программу и теоретические воззрения объединенной Партии социалистов-революционеров, считает в настоящий момент в интересах революционного дела важным прекращение дробления социально-революционных сил.

На состоявшемся съезде представители Рабочей Партии Политического Освобождения России и Партии социалистов-революционеров постановили: прекращая свою деятельность в качестве самостоятельных организаций, целиком войти в Партию социалистов-революционеров для совместной деятельности.

Товарищи! Мы призываем вас забыть мелкие разногласия, соединиться воедино и дружной революционной семьей вести победоносную борьбу во имя светлых идеалов будущего!

Рабочая Партия Политического Освобождения России.

3 июля 1902 г.

«Революционная Россия», № 11, сентябрь 1902 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ КИЕВСКОГО КОМИТЕТА «РАБОЧЕГО ЗНАМЕНИ»⁵⁸ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Борьба за освобождение трудящихся классов выдвигает на первый план необходимость объединения всех революционно-социалистических сил в одну сильную партию. Чтобы успешно бороться с такими организованными и сильными врагами, как царское правительство и класс капиталистов, действующими в самом тесном и дружном союзе, — нужна громадная сила. Эту силу может дать только всероссийская социал-революционная партия, которая составлена на обширных и прочных организациях среди заводских и фабричных рабочих, среди войска, крестьян и передовой интеллигенции. Только такая партия, борясь против всего современного зла за конечные цели социализма и за повседневные интересы крестьян, рабочих, может добиться полного освобождения всего трудового рабочего люда, как и всех вообще граждан русской земли — освобождения от гнета и произвола различных властей, от гнета алчности капиталистов. Преступно было бы оставить в стороне эту основную задачу нашего времени и вместо того, чтобы выполнять это громадное по важности дело, тратить силы на борьбу между своими, на борьбу между различными социалистическими фракциями, группами и организациями. Всякая рознь между страшно вредна; от нее выигрывают только наши враги — защитники современного строя.

Киевский комитет «Рабочего Знамени» признает, что конечной целью социализма должно быть полное освобождение каждой человеческой личности. Это освобождение должно быть в одно и то же время и политическим, и экономическим; т.е. в будущем обществе не может быть зависимости ни от самодержавной невыборной власти, ни от богатых людей — не может быть, во-первых, потому, что всякие власти тогда будут свободно избираться самими гражданами, а во-вторых, потому, что тогда каждый будет трудиться не для отдельных лиц, а для целого общества. Поэтому необходимыми условиями для полного освобождения трудящихся классов является уничтожение самодержавия и переход всех средств производства (земли, фабрик, заводов, машин, материалов и т.д.) в собственность всего общества. На первом месте должна быть поставлена борьба против самодержавия, борьба за политическую свободу. Пока существует самодержавная, ни перед кем не

ответственная царская власть, все мы, русские граждане, не будем иметь ни свободы союзов, ни свободы собраний и сходов, ни свободы совести, ни свободы печати и слова. Покуда существует самодержавие, мы всегда будем страдать от произвола и не только царского, но и произвола и насилия всяких чиновников. Самодержавие оковывает нас по рукам и ногам; оно мешает рабочим вести самую обыденную борьбу против капиталистов-хозяев за свои повседневные нужды, оно мешает крестьянам бороться против богатых кулаков-землевладельцев. Оно препятствует нам развиваться духовно, оно закрывает нам доступ к науке.

Точно такие же принципы выставляются и партией социалистов-революционеров.

Ввиду полного совпадения во взглядах Киевского комитета «Рабочего Знамени» и названной партии и в интересах общего революционно-социалистического дела, Киевский комитет «Рабочего Знамени» считали лишним параллельное существование двух одинаковых по своим воззрениям организаций и входит в состав Киевского комитета партии социалистов-революционеров.

16 декабря 1902 г.

«Революционная Россия», № 11, сентябрь 1903 г. С. 23.

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЯ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В.М.ЧЕРНОВА СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК ПСР ПО ДЕЛУ АЗЕФА

2 февраля 1910 г.

В выработке партийной программы Азеф не играл никакой роли. Первоначально положение было таково: существовала программа южных групп и программа Северного Союза. Кроме того, существовала Аграрно-социалистическая лига и «Вестник русской революции». Эти два заграничных органа приблизительно соответствовали воззрениям Северного Союза и южных групп. Члены южных групп — массовики, их построениям и воззрениям соответствовала заграничная Аграрно-социалистическая лига. В Северном Союзе — террористы, склонные даже несколько скептически относиться к работе в крестьянстве; им соответствовал «Вестник русской революции», который в первоначальном своем проекте содействовал несколько скептическим отзывам о работе в крестьянстве, и только во втором проекте, после замечаний с нашей стороны — моих и некоторых других товарищей — эти места были несколько видоизменены. Программа и тактика составились как синтез того и другого элемента: элемента массового и элемента индивидуальной борьбы — борьбы в городе и борьбы в деревне.

Редакция была поручена мне и Гоцу. Гоц в первое время был тоже склонен несколько скептически отнестись к работе в крестьянстве, но после того, что ему рассказал Гершуни, он коротко и ясно заявил: «Я могу этому только в высокой степени порадоваться; лично я крестьянства не знаю, и раз товарищи из России говорят, что они среди крестьянства работают и находят там такую почву, то тем лучше, стало быть, я всецело присоединяюсь в этом отношении к вам». Я с самого начала стоял на «крестьянской» точке зрения. Поскольку мне еще в России приходилось встречаться с Аргуновым и его кружком, мои споры с ним всегда заключались главным образом в том, что я отстаивал важность, необходимость и возможность работы в крестьянстве, основываясь на опыте нашей тамбовской группы. За границу я уехал именно с той целью, чтобы изданием соответственной литературы содействовать работе среди крестьянства. Что касается террора, то я всегда к нему относился положительно, но считал, что постановка его в программу партии, возможно, целесообразна и произведет надлежащее впечатление только тогда, когда фактически образуется отряд, который будет вести террористическую борьбу. К этому сводились и взгляды Гершуни, когда он приехал. Он и занял эту позицию, выраженную в № 3 «Революционной России», что «партия оставляет за собой право» и т.д. Всю задачу он видел в том, чтобы составить эту инициативную группу, которая совершила хотя бы только первый крупный террористический акт. Тогда, после такого акта, введение террора в программу сделалось бы вполне своевременным и целесообразным. Вот благодаря такому совпадению взглядов Гершуни и остановился на мне и Гоце. В это время еще продолжали оставаться некоторые несогласия между нами и парижской

группой, то есть между нами и Рубановичем и Вг (Русановым?), которые говорили, что они остаются в большей степени, чем мы, марксистами, несколько в большей степени оценивающими экономический момент и несколько более скептически относящимися поэтому к крестьянству и т.д. Вот в чем заключались в это время наличные теоретические разногласия в партии. Первое время существования партии было моментом сравнительно большой пестроты в программных воззрениях, так как в состав партии вошли элементы, до того времени занимавшие довольно различные позиции. Ведь в то время дело происходило так: за граница была расколота между несколькими группами — группой «Вольной Русской Прессы»⁵⁹, отношение к которой со стороны некоторых товарищей было довольно подозрительное в том смысле, что она уже слишком идет на всякие соглашения с либералами и т.д. Затем была «Группа старых народовольцев»⁶⁰, которые к этому времени были уже довольно пассивны. Ее основным замыслом было издание «С родины на родину», выпусков по истории социально-революционных движений в России⁶¹. Это предприятие закончилось неудачей в том смысле, что главные руководители группы — а таковыми были частью Вт.⁶², а отчасти чуть ли не Богданович⁶³, перешли к социал-демократам и оставили их, так сказать, без представительства. Был затем еще молодой «Союз социалистов-революционеров»⁶⁴, к которому, однако, более старые революционеры относились не особенно серьезно, не видели в нем серьезной организации и, быть может, смотрели на них немножко как на революционных парвеню⁶⁵. Те со своей стороны тоже относились к «Группе старых народовольцев» с не очень дружеским чувством, видя в них стариков, которые, с одной стороны, являются как бы естественными представителями старых народовольческих идей, но, с другой стороны, ничего не делают, или почти ничего не делают в защиту этих идей, только, так сказать, занимают место. Наконец, четвертая группа, т.е., вернее, не группа, а несколько человек с Серебряковым⁶⁶ во главе (Эспер Эсперович), не встречала поддержки ни в тех, ни в других. Он тоже стоял несколько обособленно и разошелся с «Группой старых народовольцев», членом которой раньше был, так как они смотрели на его инициативу (журнал «Накануне»⁶⁷, издаваемый в Лондоне) как на желание революционного сепаратизма и вообще не считали его способным к редактированию большой политической газеты, считали, что это должно быть делом «Группы народной воли» и тогда естественным редактором был бы Кудрин⁶⁸.

Таким образом, были четыре группы, между которыми отношения были довольно натянутые. Когда я приехал за границу, я застал такое положение и поставил себе целью сделать какую-нибудь попытку к некоторому сближению этих элементов вокруг какого-нибудь хотя и узкого, но практического дела. И вот «Аграрно-социалистическая лига» и была попыткой положить начало сближению этих элементов, так как во всех других вопросах, вопросах о программе революционных действий, неизбежно с самого начала опять возникла бы вся эта совокупность старых счетов и старых разногласий. Предложение составить Аг-

парно-социалистическую лигу заключалось в том, чтобы вступить в нее лицам, которые могли бы оказать помощь начинающейся работе среди крестьян созданием нелегальной популярной литературы, причем остальные взгляды могут быть как угодно различны. Объединившись на практическом деле, люди будут легче понимать друг друга, сотрутся взаимные разногласия. Прибытие Гершуни с товарищами ускорило этот процесс. Правда, Аграрно-социалистическая лига уже существовала и уже в нее входили, с одной стороны, некоторые члены из Фонда «Вольной Русской Прессы» — Вс. (Чайковский⁶⁹ или Волховский⁷⁰) и Шишко, с другой стороны, люди из «Группы старых народовольцев», как Серебряков, и в нее же входили Житловский с женой и Вр. (Розенбаум?). Таким образом, такое практическое объединение уже отчасти совершилось, когда поднялись вопросы, какие же пункты можно считать приемлемыми для всей партии. Все такие переговоры приходилось вести с Гершуни мне и Гоцу.

«Террористический элемент в нашей программе», — написал я. Затем мы вместе подвергли ее подробнейшему разбору, причем особенное участие принимал в этом Гершуни. Прежде всего террор как орудие обороны; затем уже как вывод из этого — его агитационное значение, затем как результат — не столько как цель, но как результат и то лишь при совокупности известных благоприятных для этого условий — его дезорганизующее значение. Гершуни сказал: «Ну уж теперь хорошо; потел, потел, да и выпотел!»

Другая статья, имеющая наибольшую важность, — относительно нашей позиции в крестьянстве. Это манифест нашего Крестьянского союза ПСР. Эта статья была целиком прислана из России и была плодом коллективного творчества. Мы со своей стороны нашли на нее несколько возражений, списались с авторами, нами были внесены только некоторые редакционные поправки в теоретические построения этой статьи.

«Вестник русской революции» все первое время был редактирован Русановым и Рубановичем, только впоследствии вошел в редакцию Гол. Затем они отказались от редакции и передали ее всецело нам, мотивируя это тем, что мы ближе и точнее выражаем идеи партии и что они более марксисты. Когда редакторами «Вестника русской революции» были еще Русанов и Рубанович, там была помещена статья в защиту террора...

История партийной программы: спор шел вокруг вопроса о программе-максимум и программе-минимум. Ракитников⁷¹ — за программу-максимум, Чернов — за минимум. Ракитников доказывал, что в «Народной Воле» и в программе других социально-революционных партий — «Пролетариате»⁷² и «Польской социалистической партии»⁷³ — программа-максимум и программа-минимум не столь резко разделены друг от друга и как бы вытекают одна из другой. Отсюда он заключал, что возможна и необходима «программа социально-революционного переворота»; разница между «программой социально-революционного переворота» и обычной программой-минимум заключалась, по мнению Ракитникова, в том, что требования, составляющие обычную

программу-минимум, предъявляются к существующему государству, в котором власть еще является чуждой рабочему классу, та же программа-максимум, которой хотел Ракитников, это была программа первоначальных мер, которые, хотя и не осуществляют полного социализма, но не уничтожают, однако, эксплуатацию. Он приходил к тому теоретическому выводу, что на каждой данной ступени развития производительных сил возможна такая совокупность революционных мер, которая, не осуществляя вполне социалистического строя, уничтожает эксплуатацию. Первоначально такой проект программы был написан в России и ходил там по группам, но Гершуни, показывая его нам, заметил, что он лично считает этот проект неудовлетворительным, да и в России он не видел большого сочувствия к нему со стороны товарищей. Гершуни предложил нам здесь составить другой проект программы.

В это время приехал за границу и Ракитников. История программы сфокусировалась главным образом вокруг вопроса о максимализме и минимализме. Первоначально проект программы был составлен на основании некоторого компромисса; составилось нечто вроде трехэтажной программы: программа-максимум и программа-минимум и еще что-то, но этот проект в таком виде даже не решились напечатать⁷⁴ и послали его

в Россию, так как Ракитников твердо стоял на том, что большинство партии стоит на его точке зрения. Мы послали это на рассмотрение центральных комитетов и групп и ждали оттуда ответов. Все эти ответы не вызвали сомнений, что промежуточный член программы, эта середина, должен непременно быть выкинут. Таким образом программа и сошлась в том виде, в каком она была напечатана в № 46 «Революционной России». Во всем этом Азеф совершенно никакого участия не принимал, но очень большое участие принимал Гершуни, который стоял на той же точке зрения, на которой стоял я*.

Вопрос о крестьянской программе⁷⁵ был выработан в России саратовской группой, террористическая статья была написана мною при ближайшем участии в обсуждении плана статьи и даже отдельных формулировок Гершуни, наконец, по рабочему вопросу еще раньше была написана статья тоже мною⁷⁶. Так как рабочей пропаганды у нас в то время почти вовсе не было, то эту статью мне приходилось писать главным образом по собственному вдохновению.

Из истории партии с.-р.

Показания В.М.Чернова

*по делу Азефа в следственной
комиссии партии с.-р.*

*2 февраля 1910 г. «Новый журнал»,
кн. 100, Нью-Йорк. С. 300-305.*

* **Примечание Н.И.Ракитникова.** На заседаниях и в общих разговорах Гершуни выражался иначе: он говорил, что теоретически он стоит на точке зрения Ракитникова, но по соображениям политической агитации считает необходимым программу-минимум.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ

Вопрос о своевременности или несвоевременности, вреде или пользе террористических действий вновь возродился в революционной литературе. Выстрел Балмашева*⁷⁷ вызвал несколько попыток вновь воскресить прежние дебаты на ту же тему.

Теперь без колебаний можно сказать, что это «давнишний, старый спор, уже взвешенный судьбою...» Сколько ни высказывали сомнений, сколько возражений ни выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, жизнь каждый раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений. Террористические действия оказывались не то что просто «нужными» и «целесообразными», а **необходимыми, неизбежными**. Прежде чем перейти к ним, революционеры всегда — пред эпохой народовольчества не менее, чем пред последними событиями — пытались воздерживаться от них и только неумолимой логикой событий неизбежно приводились к иному практическому выводу. Сам характер террористической борьбы, связанный прежде всего с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств.

А раз признав террористическую борьбу целесообразной, признав, что события ее требуют, мы не могли и не хотели уклониться от выполнения этого исторического долга — как бы суров и тягостен лично для нас он ни был...

Да, долга! В этом с нами не согласятся авторы № 1 «Летучего Листка» изд. СПб «Союза борьбы». Они пишут: «Газеты (какие?) рассуждали на тему, что право отнимать жизнь не принадлежит обществу. Мысль вполне справедливая. Ни приговор партии (правительственной или революционной — безразлично), ни мнение какого бы то ни было общества не могут санкционировать этого высшего насилия над личностью. Террор, как программа, вряд ли может быть защищаем как с социологической, так и с моральной точки зрения...»

Если бы под этим листком не стояла подпись «Тип. СПб Союза борьбы», то мы подумали бы, что это пишут сторонники «непротивления злу насилием»⁷⁹... Никто не имеет право отнимать у другого жизнь — террор незащитим с моральной точки зрения!.. Но в таком случае имеет ли какая бы то ни была партия вообще право на насильственные, на революционные средства? Во время кровавых революций отнимается жизнью еще больше, чем во время террористических актов. Может быть, и решение выйти на баррикады тоже неоправдываемо с моральной точки зрения. Ведь это решение не отступать в борьбе перед «высшим насилием над человеческой личностью»... И у кого «отнимать

* Балмашев С.В. 2 апреля 1902 г. убил двумя выстрелами из револьвера министра внутренних дел Д.С.Сипягина⁷⁸.

жизнь» будут восставшие революционеры? У тех самых крестьян, тех самых рабочих, переряженных в военные мундиры и вышколенных в лагерях, которые являются лишь слепыми орудиями в руках своих же собственных тиранов и истязателей! Неужели жизни их с нравственной точки зрения для нас менее священны, чем жизнь таких зверей в образе человеческого, как Сипягин, Клейгельс⁸⁰ и Плеве⁸¹?

Не хуже авторов «Листка» мы понимаем, что отнятие жизни человеческой — дело ужасное и отталкивающее... Но наши понятия о нравственности, по-видимому, совершенно расходятся с их понятиями. В стране рабства, в стране молчания, в стране, где миллионы людей осуждены правящей кликой на полуголодное, животное прозябание, превращены в рабочий скот, обезличены, повергнуты в ужас духовного невежества, грубейших суеверий и моральной смерти; в стране, где к бедствиям голода духовного присоединяются страдания физических голодовок, где гуляет голодный тиф, цинга, всякого рода эпидемии косят бесчисленное множество жизней — жизней дряхлых стариков, полных сил юношей, женщин, неповинных ни в чем малюток; в стране, где правящая клика поистине купается в слезах и крови своих несчастных жертв, отвечая свирепой жестокостью и наглými издевательствами на малейшие проблески протеста — в этой стране, согласно **нашей** нравственности, мы не только имеем нравственное право — нет, более того, мы нравственно **обязаны** положить на одну чашу весов — все это море человеческого страдания, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновников. Для нашего нравственного спокойствия было бы легче, чтобы этой роковой дилеммы не было, мы были бы избавлены от многих тяжелых «размышлений, тоски и думы роковой», от мучительной внутренней борьбы, от необходимости одерживать самую тяжёлую из всех побед — победу над самим собою. Но нельзя же нам из подобных соображений утонченного нравственного эгоизма уклоняться неизбежного выбора, когда это значило бы — обречь себя на роль попустителей и, следовательно, безмолвных, пассивных и нравственных участников творящихся вокруг нас преступлений. На эту позорную роль мы не хотим, не можем себя обречь.

Мы не понимаем той неземной нравственности, нравственности «не мира сего», которая блюдет лишь самодовлеющую и абсолютную чистоту индивида, не считаясь со страданиями или счастьем человека как основой решения. Не человек для субботы, а суббота для человека. Наша нравственность не витает где-то на недостижимой заоблачной высоте над грешной землею. Нет, наша нравственность — земная, она есть учение о том, как в нашей нынешней жизни идти к завоеванию лучшего будущего для всего человечества, через школу суровой борьбы и труда, по усеянному терниями тропинкам, по скалистым крутизнам и лесным чащам, где нас подстерегают и дикие звери, и ядовитые гады. Это — боевой клич, а не сантиментальные и прекраснóдушные воздыхания о том, как бы совсем обойтись без «насилий над личностью» — хотя бы и над личностью насильников; это — учение о трудном и суровом нравственном долге, а не об утонченном нравственном

эпикурействе, от которого никому ни тепло, ни холодно — кроме разве насильников и угнетателей, которым спокойно и тепло, да насилуемых и угнетаемых — которым очень и очень холодно... Нам не нужно этой нравственности, которая светит, но не греет и своим холодным светом только ярче освещает пропасть между жизнью и идеалом, вместо того чтобы построить мост от жизни к идеалу из материалов той же грешной земли...

В то время как «книжники» вели чернильную баталию по вопросу о том, можно ли терроризму придавать только «эксцитативное», т.е. попросту говоря, агитационное, возбуждающее, значение или же надо допустить также значение устрашающее и дезорганизующее, жизнь выдвинула на первый план такого рода потребность в террористических средствах, перед которою должны были умолкнуть все прежние возражения. Террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве орудия необходимой самообороны, без которого разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым. Тактика правительства понятна и проста. Оно было застигнуто врасплох неожиданно сильным ростом революционного настроения масс; оно спохватилось, оно надеется, что еще не поздно, что рядом экстраординарных мер еще можно задушить в стране ростки протеста. Судорожными усилиями оно пытается это сделать. И правительственный террор имеет свою логику. Если на демонстрантов перестают действовать грозные окрики городских, то в ход пускаются палки и пинки; перестают действовать они — пускается в ход натиск лошадей; привывают и к этому — на сцене появляются нагайки, привывают к нагайкам — начинают гулять по головам демонстрантов ружейные приклады, обнаженные шашки, и, наконец, раздаются ружейные залпы. Дальше, казалось, идти некуда. Но и ружейные пули не останавливают демонстраций. Что делать? Русское правительство изобретательно... Оно знает, как всего более уязвить протестантов; оно знает, что для них есть нечто такое, чем они дорожат больше самой жизни: это их человеческое достоинство. И вот по данному свыше знаку возводится в систему самое наглое издевательство над личностью протестантов, надругательство над их честью. Связанного врага истязают в участках и тюрьмах; на женщин и девушек обрушиваются сугубые унижения; нечистые руки жандармов грубо касаются их тела с подчеркнутым намерением надругаться над женской честью, над девичьей стыдливостью; наконец, порка, от которой даже уголовные обитатели «мира отверженных» все чаще и чаще начинают спасаться самоубийством, грозит сделаться обычным средством усмирения бунтов, стачек и демонстраций.

Правительство, видимо, надеется, что под грудой неслыханных оскорблений оно раздавит всякий дух протеста, наполнит смертельным ужасом сердца и загонит робкую толпу на единственный, оставшийся свободным путь, ведущий к западням и ловушкам зубатовщины⁸² и правительственного «сердечного попечения». Оно рассчитывает, что позорный клич «независимых»⁸³: «Мы не хотим вести рабочих путем, ведущим в Сибирь и тюрьму» — получит еще большие силы, если к Си-

и к тюрьме присоединится позорная розга и ужасная виселица. При таких условиях нет иного выхода, как доказать правительству обратное.

Вспомним времена «Народной Воли». Тогда еще более грозное и сильное правительство стояло лицом к лицу с гораздо более слабым врагом. Взаимная ненависть, взаимное ожесточение достигло крайних пределов. Но и тогда правительство не осмеливалось на такую наглость, как порка десятками своих политических противников. Правительство их ненавидело всеми силами души, но оно в то же время втайне боялось и уважало их. Нас не бояться... Наше молчание в ответ на самые возмутительные меры придает смелости врагу, рассчитывающему на полную безнаказанность...

Значение террористической борьбы как средства самообороны слишком очевидно и понятно. Оно не может отрицаться даже самыми крайними противниками террористических средств. Даже «Искра»⁸⁴, выставившая в последнее время (см., напр., № 20 от 1 мая) положения, что терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение, «террор мешает организации, а следовательно и вообще политическому воспитанию рабочих», — даже «Искра» не может не закрывать глаза на действительность, и все ею же сообщаемые фактические известия идут решительно вразрез с принципиальной антитеррористической тенденцией газеты. Сообщая данные о голодовках политических заключенных в Екатеринославской тюрьме (где их всячески оскорбляли, ругали площадной руганью, заключенным женщинам делали унижительные и позорные предложения и т.п.), — «Искра» не может не признать, что «делом чести всех недовольных существующим строем является энергическими протестами **заставить** самодержавие обуздать разнузданное рвение своих холопов». Да, делом чести! Да, заставить! Но как? «Искра» отвечает: «Энергическими протестами». Надеемся, однако, что не словесными и не бумажными? Мы сами не прочь бы хорошими словами усовестить сипягиных и их присных, и не наша вина, что «свист пули — вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислушиваться к голосу страны». Но «Искра» против террора. И кажется почему-то, что «такой поворот в современном революционном движении... означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей».

«Искра» хочет «сделать все возможное, чтобы не допустить такого поворота». Но и она соглашается, что эти ее усилия «могут увенчаться успехом лишь в том случае, если рабочие и интеллигенция будут внимать призывам, подобным тому, который сделан екатеринославскими товарищами, и покажут правительству, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах борцов». Екатеринославские товарищи призывали к демонстрации протеста перед стенами тюрьмы. 5 мая она состоялась и кончилась... **поркой** демонстрантов! Может ли мирная демонстрация «заставить» правительство «обуздать разнузданное рвение своих холопов», если оно **безнаказано** может употреблять все средства расправы с демонстрантами? Мы знаем петумскую демонстрацию перед стенами тюрьмы, окончившуюся тем,

что «рвение» царских слуг было еще более «разнузданно»: тринадцать убитых и множество раненых были итогом попытки «доказать, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томлящихся в тюрьмах борцов». Сомневаемся, чтобы после этого опыта батумские рабочие согласились с моралью «Искры». И вот нам порукой тот факт, что, несмотря на все свои теоретические споры и разногласия по вопросу о терроре, кавказские рабочие, в значительном большинстве идущие за социал-демократами, тем не менее жизнью вынуждаются к ответам насилем на насилие. Не та же ли самая «Искра» устами своего корреспондента «Тифлисского рабочего» (в № 15) по поводу убийства Веденеева («ярого противника раб. движ. и одного из умных бичей социал-демократии») говорит, что виновник покушения «верно подхватил настроение рабочих и тысячи уст матерей, жен и сестер рабочих, оставшихся без заработка, будут благословлять стрелка и меткую пулю». Сомневаемся, чтобы согласились с моралью «Искры» и виленские рабочие, демонстрация которых кончилась массовой поркой и которые уже выдвинули из своей среды героя-мстителя в лице благородного и смелого товарища, рабочего Гирша Лекерта⁸⁵. Сомневаемся, чтобы согласились с нею и многие другие... В этом же самом номере «Искры» мы находим описание ужасного положения арестованных гомельских рабочих. «Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью, — пишут заключенные, — о, ужаснее нельзя себе ничего представить! Воздух тогда так удушлив, что мы еле дышим. Мы мечемся во сне во все стороны, мы не находим себе места. Один стонет, другой кашляет, у третьего кровотечение из горла и т.д. Сердце разрывается на части от таких страданий...» И гомельские рабочие должны были вступить также на тот **единственный** путь, который им, при их условиях, оставался, чтобы выполнить «дело чести». «22-го марта, — пишет «Искра», — ночью на одной из главных улиц выстрелом из револьвера был ранен местный провокатор, виновник страданий вышеупомянутых заключенных... Виновник покушения скрылся». В Туле, в Чулковской части, по свидетельству той же «Искры», «мастеровые **со стыдом** спрашивают: неужели среди нас не найдется никого, кто бы избавил нас от Лаврова (один из маленьких местных самодержцев)?»

Устами этих рабочих говорит сама жизнь... Настроение широких слоев рабочих доказывает неопровержимо, что, выдвинув террористический способ борьбы, партия социалистов-революционеров шла навстречу уже назревшей и наполовину осознанной потребности рабочего люда — не только получать удары от врага и расписываться в получении, но и отвечать на эти удары ударами же.

* * *

Значение террористических действий как средства самообороны, повторяем, слишком очевидно и понятно. К ним обстоятельства все чаще и чаще вынуждают даже бывших противников этого средства борьбы, и не нужно быть пророком, чтобы предсказать близость почти

всеобщего признания его неотвратимости. И мы, верные партизаны этой идеи, даже во время ее всеобщей непопулярности, можем теперь сказать, что не напрасно пытались плыть против течения, не напрасно подготавливали почву для расширения нашей программы включением в нее оружия, поражающего врага, ободряющего друзей и потрясающего страну.

Один из крупнейших наших социал-демократических писателей как-то очень недурно определил отличие **агитации** от обычной **пропаганды**. «Агитация, — выразил он, — это та же пропаганда, имеющая место при особых условиях, именно при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста даже таких людей, которые не обратили бы на них внимание в обычное время». И в этой особенности лежит **агитационное** значение террористических актов. Они приковывают к себе всеобщее внимание, будоражат всех, будят самых сонных, самых индифферентных обывателей, возбуждают всеобщие толки и разговоры, заставляют людей задумываться над многими вещами, о которых раньше им ничего не приходило в голову, — словом, заставляют их **политически мыслить**, хотя бы против их воли. Если обвинительный акт Синягину в обычное время был бы прочитан тысячами людей, то после террористического акта он будет прочитан десятками тысяч, а стоустая молва распространит его влияние на сотни тысяч, на миллионы. И если террористический акт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей, то он вернее, чем месяцы пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч непосредственно пострадавших людей на революционеров и на смысл их деятельности. Для этих людей он будет ярким, конкретным ответом самой жизни на вопрос, кто им друг и кто им враг.

Устрашает ли, дезорганизует ли террористическая борьба правящие круги, и если да, то в какой мере?

Это зависит от многих обстоятельств. Нет сомнения, если вся революционная борьба исчерпывается террористическими поступками кучки лиц, то надежда раздавить эту последнюю будет настолько велика, что для страха и растерянности, естественно, не останется места. Но когда правительству и без того становится все труднее и труднее сдерживать общее недовольство, когда его окружает огненное кольцо волнений, демонстраций, сопротивлений властям, бунтов, тогда метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, безусловно, способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение. Если героическая борьба «Народной Воли», разыгравшаяся в эпоху меньшей культурной и политической зрелости России, при отсутствии сколько-нибудь активной поддержки со стороны масс, смогла пошатнуть трон и поставить на очередь вопрос о конституции, то теперь, при наличии относительно сильного движения, при общем оппозиционном настроении в широких культурных слоях, при все более и более сильных взрывах крестьянского недовольства, при общем экономическом и финансовом расстройстве страны, повторение такой же борьбы, несомненно, даст бы гораздо большие результаты. Она еще сильнее, чем прежде, похоронит бы веру в правительственное всемогущество, внушит бы обы-

вателям еще большее уважение к силе революционеров. Она вдохнула бы новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций. Она удовлетворила бы психологические потребности в отпоре, которым полны сердца избитых и опозоренных, и тем восстановила бы их душевное равновесие. Гроном героических подвигов, примером самоотвержения борцов она зажигала бы сердца лучших людей, наполняя их той же жадой пожертвовать всем, чем можешь, сделать все, что в силах, для того же великого дела. Наконец, эта борьба подняла бы высоко престиж революционной партии в глазах всех окружающих, доказав на деле, что революционный социализм есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца таким беззаветным энтузиазмом, такой жадой подвигов самоотречения и выдвигать таких истинных великомучеников правды, радостно отдающих жизнь за ее торжество!

И вот почему мы, далекие от всяких односторонних увлечений, иллюзий и чрезмерно оптимистических надежд, взяли за оружие террористических средств, чтобы подкрепить ими нашу борьбу, в которой найдется достаточно места для всех сил и способностей, для всех видов революционной энергии, для всех людей с живым революционным чувством и готовностью бороться до конца!

Мы — за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть какими-то замкнутыми внутри себя рядом актов, воплощающих собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив, для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой органической связи они и почерпают всю свою силу, все свое значение... И, как всякая часть, они должны быть сообразованы с целым, должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор лишь один из родов оружия, находящийся в руках одной из частей нашей революционной армии. В нашей борьбе мы стараемся привести в движение самые разнообразные общественные силы, и каждой из этих сил свойственен свой особый способ проявления. Это не мешает им действовать по единому плану. Так и террористическая борьба не будет чем-то витающим вне прочих видов революционной работы и господствующим над ними. Это только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодействии с другими приемами может проявлять все то действие, на которое мы рассчитываем. Он усиливает влияние всех других параллельных форм борьбы, и его собственное влияние усиливается действием этих последних. Совершенно так же, как сила ассоциации людей не сводится к арифметической сумме сил отдельных индивидов, так и сила одновременного напора на правительство всеми средствами увеличивает силу каждого отдельного из этих средств.

Таким образом, мы первые будем протестовать против всякого одностороннего, исключительного терроризма. Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря. Борьба террористическими средствами поэтому для нас вовсе не является тем поединком или единоборством вождей, которым в стародавние времена нередко решались войны; не является для нас террор и тем лицом, вокруг которого, как подчиненные планеты, вращаются все другие способы действия и отраженным светом которого они светят... Для партии социалистов-революционеров, как целого, террор не является таким центральным пунктом, из которого бы исходило и к которому бы сводилось все. Конечно, в ее рядах могут быть лица и группы, имеющие по этому пункту свое «особое мнение» в ту или другую сторону. Это их право. Партия никогда не будет покусаться на свободу их мнений, никогда не будет и лишать их возможности открыто эти мнения высказывать. Но она всегда будет проводить определенную грань между индивидуальными мнениями своих отдельных членов и тем, что служит общей почвой партийного соглашения.

Партия социалистов-революционеров, как целое, отнюдь не думает искать в террористической борьбе какого-то мистического, единоспасительного и всеразрешающего средства, какой-то панацеи, какой-то разрыв-травы, перед которой размыкаются все замки и запоры. Но это для нас одно из самых крайних и энергичных средств борьбы с самодержавной бюрократией, сдерживания правительственного произвола, дезорганизации правительственного механизма, агитации и возбуждения общества, пробуждения энтузиазма и боевого духа в самой революционной среде. И этого достаточно, чтобы занять по отношению к вопросу о терроре ту позицию, которую партия социалистов-революционеров заняла в настоящее время.

* * *

Вопрос о роли террористического элемента в революционной программе настолько серьезен и важен, что здесь не должно быть места никаким недомолвкам и никакой неопределенности. Его нельзя обойти, его необходимо решить. Мы совершенно не понимаем позиции, занятой по отношению к этому вопросу соц.-дем. органами, в частности, «Искрой». Одно из двух: или в настоящее время террористические акты нужны и необходимы, или нет. Если мнение о пользе и необходимости террора не верно, то нужно приложить все усилия, чтобы террористических поступков не повторялось. Нужно объявить вредной ошибкой выстрел Карповича⁸⁶, вредной ошибкой выстрел Балманева, вредной ошибкой выстрел Лекерта и т.д. и т.п. Или же террористические акты в настоящее время могут быть полезными и даже необходимыми, и тогда революционная партия не может сказать: «Моя хата с краю», не может отойти в сторону и умыть руки, подобно Понтию Пилату⁸⁷; она должна ввести террористические акты в свою программу и

поставить их под свой сознательный контроль, потому что только партийным контролем могут быть гарантированы и успех, и своевременность удара и, наконец, удачный выбор той цели, в которую бьет удар. Террористические акты — средство слишком сильное, слишком чреватое всякими последствиями, чтобы их употребление можно было бы с легким сердцем всецело предоставить индивидуальному произволу отдельных лиц, подверженных случайным влияниям и настроениям. Гириш Лекерт явился в тот самый момент, когда был необходим акт возмездия. Но Гириш Лекерт мог и не явиться, — что было бы тогда? Если объявить террористические акты исключительно делом иррегулярной, партизанской борьбы, то где ручательство, что они будут приходить вовремя и что их не будет не вовремя? Где ручательство, что цель будет выбрана удачно, что удар не обрушится на неподходящее лицо, случайно возбудившее негодование сравнительно небольшой кучки лиц, и не минет насильника, обуздание которого составляет затаеннейшую мечту самых широких слоев населения?

Только партия, т.е. совокупность практических работников, действующих на самых разнообразных поприщах, знающих потребности и запросы революционного дела во всех его разветвлениях, — только партия достаточно компетентна для решения подобных вопросов, и только партия достаточно сильна, чтобы обеспечить не случайно приходящий со стороны, а заранее подготовленный отпор врагу.

Мало того. Террористические акты требуют жертв. Если вы предоставите отдельным лицам всецело решать вопрос о нанесении ответных ударов врагам, если вы оставите их разрозненными, неорганизованными — где ручательство, что на террор не уйдет слишком много сил? Где ручательство, что на него не пойдут те самые лица, которые могли бы сделать больше на другом поприще? Где ручательство, что на него пойдут лица, способные с честью выдержать все испытания, связанные с такого рода попытками, лица, которые сумеют и перед лицом жестоких палачей, и перед лицом казни высоко держать знамя революции? Все эти вопросы слишком важны для партии, чтобы можно было предоставлять их на решение случайности...

Но и это еще не все. Не только интерес партии может страдать от ухода на террор сил, которые важно приберечь для другого дела; не только честь революции может страдать от выступления в ответственной роли исполнителей приговора революционной Немезиды⁸⁸ — людей, не обладающих для этого необходимыми данными; может еще страдать престиж революционной партии, вера в ее силы, если разрозненные, не организованные, не поддержанные партией бойцы окажутся просто слишком слабыми для достижения поставленной ими себе цели. Террористические акты могут произвести определенное положительное действие только тогда, когда за ними чувствуется сила, когда в них звучит серьезная, роковая угроза на будущее время. Случайные же покушения отдельных лиц, неорганизованные, неподготовленные, часто являющиеся только «покушениями с негодными средствами», способны только раздражить врага и внушить ему пренебрежение к силам

революционеров, т.е. достигнуть результата, диаметрально противоположного тому, который имеется в виду. Жертв же будет, конечно, не меньше, а даже больше, и, что всего ужаснее, — жертв бесплодных...

Вот перед вами Лаговский⁸⁹ — человек, решившийся на подвиг самоотвержения и вынужденный стрелять вместо в Победоносцева⁹⁰, в стекло квартиры Победоносцева, — а почему? Потому, что он один, предоставленный исключительно своим личным силам, изнемогший под тяжестью громадного дела, которое он взвалил на свои плечи; по-тому, что в бесплодных попытках выследить Победоносцева он остался без гроша в кармане, мучимый голодом и бессонницей, измотавшийся, наравно уставший, доведенный почти до отчаяния... Вот Алларт, револьвер которой в роковой, критический момент отказывается служить; вот Михалевич, вынужденный на безнадежную попытку с финским ножом в руках пробивать себе дорогу к Трепову; вот, наконец, Гирш Лекерт, который и при сравнительно благоприятных обстоятельствах достигает лишь частичного успеха. Все эти факты тем ярче оттеняют казнь Сипягина, так тщательно оберегаемого, казнь на том самом месте, где он совершал свои преступления против народа, казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящим успехом производит глубочайшее впечатление на всех...

Нет, довольно этих бесплодных человеческих жертвоприношений! Если подвиги Лекертов — не вредные ошибки, если эти подвиги действительно нужны, если мы горячо приветствуем их как необходимое дело для отпора и обуздания насильников, то было бы позорным и нечестным с нашей стороны отстраниться и свалить всецело на их плечи всю тягость рокового дела. Оскорбление чести и достоинства членов партии есть оскорбление ее собственного достоинства и чести, и отстаивание того и другого она не может взвалить, как чужое для нее дело, всецело на плечи отдельных смельчаков-партизанов. Они вправе требовать от нас поддержки и моральной, и материальной. Они умирают за нас, и мы нравственно обязаны дать им необходимые средства для успеха их отважных попыток, дать им возможность по крайней мере умереть с радостным сознанием, что не напрасно пожертвовать жизнью...

Террористические удары д[олжны] б[ыть] делом **организованным**. Они должны быть поддержаны партией, регулирующей их применение и берущей на себя нравственную ответственность за них. Это сообщит и самим героям-борцам то необходимое моральное спокойствие, которое невозможно при действиях на свой личный риск и страх, без уверенности в моральной санкции и поддержке партии. Партийный контроль и партийное регулирование предотвратят опасность — как бы террористическая борьба не оторвалась от всей остальной революционной борьбы, не превратилась бы во что-то самодовлеющее, не перестала считаться с ее меняющимися потребностями и интересами; как бы размеры сил террористической дружины не остались единственным решающим мотивом в вопросе о началах, продолжении, приостановке борьбы; как бы из средств эта борьба не превратилась в цель; как бы

она не заняла несоответствующего (в ту или другую сторону) места в революционной программе и практике; как бы, наконец, тактика террористов не разошлась с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней...

Но если таким образом в **тактическом** отношении необходимо координирование борьбы террористическими средствами со всеми прочими формами революционной деятельности и борьбы, то в **техническом** отношении не менее необходимо **отделение** ее от прочих функций партии. Строгое **идейное** единство и не менее строгое **организационное** разделение! Вот требование, которому вполне отвечает современная постановка этого дела в партии социалистов-революционеров. Согласно решению партии, из нее выделилась специальная Боевая организация⁹¹, принимающая на себя — на началах строгой конспирации и разделения труда — исключительно деятельность дезорганизационную и террористическую. Эта Боевая организация получает от партии — через посредство ее центра — общие директивы относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной самостоятельностью. Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (по условиям самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств. Эта Боевая организация берет всецело на себя роль охранительного отряда, освобождая местные комитеты партии от проклятой обязанности отвлекаться от своего главного дела для самозащиты и обуздания насильников. При правильном функционировании такой боевой дружины не могут оказать деморализующего влияния самые возмутительные акты произвола и надругательства над человеческой личностью, ибо всегда есть кому призвать к ответу виновных, есть надежное ручательство, что наиболее возмутительные безобразия не останутся безнаказанными. И поэтому местные комитеты более, чем когда-либо, получают полную возможность посвятить все свои силы, отдаться всецело творческой работе — пропаганде, агитации, подготовке и устройству демонстраций, организации рабочих масс в городе и деревне, вербовке той великой социалистической армии труда, непрерывный рост которой служит для нас вернейшим залогом победы!

Ибо революционизирование масс — вот наше постоянное, основное дело как партии социально-революционной; оно неотделимо от нас по самой своей сущности; это — тот необходимый общий фон, на котором уже дальше текущая жизнь с ее меняющимися запросами вырисовывает те или другие узоры. Террор же — одно из временных, переходящих технических средств, за которое мы беремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долг, вытекающий из трижды тяжелых условий современной русской жизни.

ОТ КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ⁹²

Ко всем работникам революционного социализма в России⁹³

40 лет назад революционная организация «Земля и Воля» (1862-1863) впервые подняла в России красное знамя социальной революции, выступили первые ее борцы, пали первые жертвы... Немного рук держали это великое знамя, но были то самоотверженные и неутомимые руки. И двинулось оно через длинный ряд поражений к победе. Страдальчески провлачилося оно в темных тогда массах крестьянства, облилось оно кровью в геройском единоборстве с самодержавием и, наконец, дотянулось до мощных рук рабочего народа. И вот настало для России после долгого безвременья светлое, яркое время: соприкосновение с передовыми рядами рабочего народа составляет для рабочего авангарда то же, что для богатыря в сказке прикосновение к матери сырой земле: силы революционного социализма в России удесятятся.

Прошло для нас безвозвратно то страшное время, когда после крупных битв, после тяжких кровопусканий у нас расход сил далеко превышал их приход и целыми годами, партия обессиленная, почти не двигалась, тяжело с мучительными усилиями собирая свежих борцов. Теперь, когда открылись мощные родники рабочих масс, когда из них притекают под знамя социальной революции уже не отдельные слабые капли, а бьют мощные и быстрые струи, — теперь никакой полицейский террор нам не страшен, теперь мы можем только усиливаться и крепнуть с каждым годом. Но чем больше наша сила, тем тяжелее лежащая на нас ответственность за целесообразное ее расходование.

Вот почему это новое положение требует тщательного пересмотра всех старых программ, беспощадной критики всех обветшалых догматов, безотлагательного и решительного приспособления наших действий к ускорившемуся и усложнившемуся движению самой жизни.

Мы, основатели Крестьянского союза партии социалистов-революционеров, в результате такого критического пересмотра программ принципиально к новым условиям, пришли к тому заключению, что условия эти позволяют, а стало быть, и требуют расширения нашего воздействия на все трудовые массы, а в том числе и на крестьянство*, и введения в программу борьбы всех средств от мирной пропаганды до вооруженных террористических нападений на самодержавие включительно. В истекшие 40 лет мы, русские социалисты-революционеры, действуя в холодной, малоотзывчивой общественной среде, принуждены были со своими слабыми силами бросаться то в одну, то в другую

* Раз навсегда оговоримся, что везде, где мы говорили о крестьянстве, мы разумеем не крестьянское **сословие**, не юридическую категорию, обнимающую целый ряд весьма различных слоев с весьма различными интересами, а крестьянство, как категорию экономическую; следовательно, кроме сельскохозяйственных наемных рабочих, мы выдвигаем особый класс рабочих людей, не разлученных с средствами производства и потому **формально** отличающихся от чистых пролетариев.

сторону, вместо того чтобы действовать систематически и планомерно во всех направлениях. Хотя в программах народников и народовольцев и были перечислены чуть не все общественные слои и группы как подлежащие революционному воздействию, но в действительности у первых все силы ушли на крестьянство (и частью на городских рабочих), а у вторых — на террористическую борьбу (и тоже только сравнительно в слабой степени на пролетариат). Социал-демократическое же движение 90-х годов уже и в программе своей решительно замкнулось в той узкой сфере городского пролетариата, которая и догмой этой партии, и еще более условиями самой действительности отмежеввалась тогда как единственная доступная для всех тех, кто отказывался от продолжения террористической борьбы с самодержавием (поэтому и социалисты-революционеры 90-х годов более теорией, чем практикой, отличались от социал-демократов). Вот эти-то вынужденные слабостью сил скачки от одной среды и системы к другой и должны заменяться теперь, когда силы наши так мощно возросли и будут расти все быстрее, одновременным разносторонним движением. Вместо беспорядочной смены антитез: **или** агитации в крестьянстве, **или** террористической борьбы с самодержавием, **или** пропаганды в городском пролетариате — может и должен осуществиться широкий и непобедимый синтез и террора против самодержавия, и пропаганды, и агитации, и в пролетариате, и в крестьянстве, а также и в армии, и в передовых слоях образованного общества.

Никто, вероятно, не станет спорить против **целесообразности** такой системы. Как окончательный исход войны решается всею совокупностью действий пехоты, артиллерии и кавалерии, а каждая из них в отдельности может дать лишь отдельную и временную победу, так и в той борьбе, которую мы ведем с самодержавием, непрерывно должны действовать и упорное предварительное пропагандистское обстреливание, и внезапные террористические вылазки и набеги, и, наконец, систематическая и широкая агитация с планомерным движением масс. Что одной пропагандой нельзя ограничиваться — это не требует доказательств, но и без основательной пропаганды, если даже нам и удалось бы взволновать массы, волнение это осталось бы поверхностным, неопределенным, скоропреходящим и всегда могло бы повернуться в неожиданную и в нежелательную для нас сторону. Один террор, не подддержанный сочувственным движением масс, как показал опыт «Народной Воли», только дразнит иллюзией победы, но не способен прочно завоевать ее; но террор в связи с работой в массах дает огромные результаты, внося неудержимую панику в действие властей и мощно, безгранично поднимая энтузиазм и энергию масс.

Огромное расширение наших сил за последние два года придало совсем новый масштаб пропаганде и агитации. Рабочие массы, а также кое-где и крестьянство жадно поглощают десятки тысяч революционных брошюр, газет, прокламаций; число издательских групп и типографий удвоилось или утроилось, и вместе с тем почти каждое из них все увеличивает число издаваемых экземпляров. Вместе с этим явился новый тип агитатора — решительного и смелого. Сотни людей уже дока-

зали, что они не боятся полиции и солдат, многие из них готовы на вооруженную борьбу, их не удовлетворяют уже полулегальные формы пропаганды 90-х годов, они жаждут рискованной самоотверженной революционной работы. Не станем же замыкать этот святой огонь в тот узкий круг, где и без того уже сравнительно светло и тепло, разольем его в самые глубокие, самые темные и холодные толщи рабочего народа. В такие времена, как наше, целесообразна одна смелость!

Итак, приглашая русскую социально-революционную партию выйти из узкого круга пропаганды среди интеллигенции и пролетариата на огромное поприще революционизирования трудовых крестьянских масс, тем самым мы не открываем ничего нового, мы только формулируем и вносим в программу то, что уже само явилось в жизни; мы только возводим в принцип и систему то, что уже делают многие товарищи, пока лишь эмпирически, без твердой системы и организации. Последние четыре десятилетия XIX века дали нам на опыте как бы отдельные слагаемые полной социально-революционной программы: теперь, с XX веком, мы подводим черту под этими слагаемыми и суммируем их в единое неразрывное и непобедимое целое.

* * *

На наш взгляд, всего меньше пока начинаний и всего меньше системы и организации в этих начинаниях было в революционной работе среди крестьянства. На заполнение этого-то крупнейшего пробела мы и решили обратить наши усилия, твердо помня, что только то дело идет хорошо, которым занимаются не между прочим, не за отсутствием другого дела, а на котором специализируются. Мы непоколебимо убеждены, что прошло то время, когда революционная работа в крестьянстве или вовсе запрещалась ортодоксией, или разрешалась лишь тем, кто не мог делать ничего другого. Мы хотим не объедки, не остатки от стола городской интеллигенции и пролетариата нести крестьянству, мы хотим звать его на серьезный ответственный пост в революционной борьбе. В нем, благодаря огромному количественному преобладанию, огромная сила; значит, и мы должны направить на него не меньше усилия.

Что могут интеллигенция и пролетариат без **крестьянства**, а тем более **вопреки крестьянству**? Весь догмат русских соц.-демократов конца 80-х и первой половины 90-х годов о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата, был всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы и в неизбежность за эти подготовительные несколько десятилетий пролетаризации если не всего, то значительнейшей части крестьянства. Мы не упрекаем товарищей, так думавших, мы хорошо помним и понимаем, что трудно было иначе думать в то, как бы остановившееся время, но мы констатируем только, что момент великой революционной борьбы приблизился скорее, чем ожидали, что им наполнятся и переполнятся ближайшие годы и что, значит, исход ее в руках не только рабочего, вываренного в фабричном котле, а и крестьянина, голодавшего в убогой деревне. Достаточ-

но ли разжигать революционный пожар среди сотен тысяч, пусть даже миллионов пролетариев, если **десятки миллионов** крестьянства надвигаются холодной ледяной массой и потушат его в самом начале?

Для этого не надо даже крестьянству открывать и враждебных действий против поднявшихся на паря городских людей, довольно, если оно останется совершенно нейтральным и неподвижным: этого довольно, чтобы войска, составленные из сыновей этих крестьян, «исполнили свой долг» и «кровью бунтовщиков» залили всякую вспышку. Правда, можно допустить, что само самодержавие не пойдет на эту крайность, что оно уступит, когда увидит готовность городских рабочих восстать за свободу, или что оно трусливо уползет от неуловимых и непобедимых ударов террора, на все это можно надеяться — но можно ли на такой надежде строить весь свой план действий? Можно ли мечтать о том, чтобы безоружные уличные толпы закидали своими шапками солдатские штыки и загородили своими телами путь казачьим атакам? Что же касается демонстраций вооруженных, то, конечно, о них легко писать и говорить как о деле неопределенно далекого будущего, но все эти разговоры до сих пор имели лишь теоретический, а не практический характер; и неудивительно, ибо всякий отступал перед громадной ответственностью — подать лишь повод к кровавой бойне, без шансов на успех. Мы приветствуем революцию, выходящую из фабричных ворот, но мы поведем ее к союзу с революцией, растущей и крепнущей в деревне. Только тогда, набравшись сил от матери-сырой земли, она выйдет всесокрушающим богатырем.

Что может интеллигенция и пролетариат **вместе с крестьянством**? Все. Крестьянство дает самодержавию огромнейшую долю его материальной силы: деньги и солдат; именно на крестьянской темноте, как на незыблемом доселе фундаменте, и держится царская власть. Поэтому опять-таки нет даже безусловной необходимости всему крестьянству напасть вооруженной силой, чтобы разрушить самодержавие. В критический момент может оказаться достаточным, напр., просто массового отказа от платежа податей и доставления рекрутов, чтобы подкосились главные подпорки самодержавия и оно рухнуло от первого сильного толчка. Поэтому ничего оно так не боится, как крестьянского движения, и очевидно, что если бы в помощь террористическим ударам и движению в городах хотя слегка дрогнули крестьянские массы, хотя бы в нескольких губерниях, то это сразу вырвало бы у самодержавия последнюю надежду на спасение, лишило бы его последней энергии сопротивления. Цитадель самовластия сравнительно в безопасности, пока слабые невооруженные толпы ломятся в закрытые стальной щетиной ворота; она может долго сопротивляться и террористическим выстрелам, направленным в ее слабее защищенную вершину, но что ей останется, когда мы заложим мину вглубь и сдвинем самый ее фундамент, когда он даст трещины и сотрясется в самых доселе неподвижных глубинах своих? Тогда самовластие останется только одно — сдаться.

* * *

Нам возражат: конечно, присоединение крестьянского движения к прочим силам революции лучше всего обеспечило бы победу и оно более чем желательно; но возможно ли оно? Разберем основные элементы этого главного вопроса.

Какие общественные классы вообще всегда держатся за существующий порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию? Очевидно, или те, чьи интересы удовлетворены, как, напр., у современной буржуазии, или те, интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу (как, напр., у мелкобуржуазных слоев), или, наконец, те, кому безнадежная косность и невежество мешают сознать свои интересы, объединить их и защитить планомерным политическим движением. Ни того, ни другого, ни третьего не находим мы в современном русском крестьянстве.

Осмелится ли кто-нибудь сказать, что крестьянин доволен экономическим своим положением, что интересы его как непосредственного производителя и работника удовлетворены? Неужели не всем еще известно, что этот полусобственник и полупролетарий живет со дня на день, с года на год, от урожая до урожая, а при неурожае голодает, болеет и вымирает? Что надельной земли значительному большинству крестьян далеко не хватает не только до нормы, которую они могли бы своими собственными силами обработать, но и до того минимума, который безусловно необходим только для поддержания своего жалкого, бедственного существования? Что над этим малоземельным и почти бескапитальным крестьянством также тяготеет денежный капитал? Что поэтому крестьяне принуждены идти в кабалу к помещику как арендаторы и батраки, к скупщику, хозяину, подрядчику — как кустари, ремесленники, чернорабочие, что именно они уделяют большую долю из рабочей силы своих семей крупной неzemледельческой промышленности и в этой своей части страдают от того же ярма капитала, что и горюлские пролетарии? И как нищий «собственник», как закабаленный работник, крестьянин одинаково неудовлетворен, придавлен в самый нижний подвальный этаж социальной пирамиды и тяжело страдает от того невыносимого гнета.

Но сливаются ли эти струи недовольства в один общий поток и тяготеет ли он, в общем, в сторону прогрессивного развития и переворота? Несомненно так. Свообразные условия экономического развития России сделали для капиталистической промышленности, особенно в области земледелия, выгодным в значительной мере питаться трудом крестьянина, а не пролетария, поэтому неzemледельческий заработок только в меньшинстве случаев отрывает крестьянина от земли, а обыкновенно еще плотнее придавливает его к земле своей кратковременностью и недостаточностью. Совершенно также полусытый от своего надела крестьянин является полударовым работником помещика, а потому и земельная аренда, и батрачество опять-таки не отрывают, а прикрепляют крестьянина к наделу. Таким образом, со всех сторон припущенный к земле, в чем же может видеть крестьянин просвет к лучшей

жизни? Конечно, в прирезке земли. С каждым десятилетием растет у нищающего мужика эта жажда земли, с каждым годом обостряется отчаянная борьба за землю. Но эта жажда дает массе крестьянства только муки Тантала⁹⁴, в этой борьбе только один из ста побеждает. Как ни много абсолютно захватил мужик за последние 30 лет земли, но по сравнению с растущей нуждой это бесконечно мало. И вот не утоляемая этими отдельными крупницами жажда земли, бесплодность борьбы за землю разрозненных семей сплавивают огромное большинство крестьянства в страстном чаянии общего коренного переворота в землевладении, общего перехода всей земли от землевладельцев к земледельцам; из капиталистической собственности в распоряжение и пользование всех лично трудящихся.

Констатируя эти факты, мы, конечно, далеки от идеализации их. Мы хорошо знаем, что жажда земли у крестьянства на многоземельных окраинах и у некоторой доли зажиточных в малоземельных местностях удовлетворена, что иные из них ближе к мелким помещикам, чем к рядовому трудовому крестьянству. Но мы на них не рассчитываем, как не рассчитывает и социалист, пропагандируемый на фабрике, на те сливки рабочих, которые поднялись в привилегированное положение и льнут к капиталу. Как пропагандист на фабрике обращается только к основному среднему здоровому большинству, так и мы направляем свои усилия только на чисто трудовые слои крестьянства. Нужно ли пояснять, что к этим слоям относится огромное большинство крестьянства, привлечение которого к революционным силам города вполне достаточно не только для разрушения самодержавия, но и для победы социализма на будущих всенародных голосованиях... Не закрываем мы глаза и на то, что в крестьянских чаяниях перехода земли от нетрудящихся к трудящимся светлая идея обмирщения — обобществления земли — покрыта темной ржавичной надежды на царя и неясного представления о том, перейдет ли затем распоряжение в руки всего народа, или отдельных общин, или даже отдельных крестьян. Мы знаем, что не мало нам предстоит упорной работы над очисткой чистого социалистического начала обобществления земли от традиций и индивидуалистических воззрений на землю, но ведь если бы готовая идея **социализации** земли уже двигала крестьянами, то нам нечего было бы и делать...

Эта работа трудна, но ведь не легка и работа переплавки обыденных интересов рабочего в социалистический идеал. Рабочих, мечтающих лишь о повышении заработка, приглашают стать равноправными членами и распорядителями коллективного хозяйства! Если и столь новую для них идею нам удастся уложить в их мозг, то неужели невозможно очистить и разработать тот идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина и подготовительные элементы которого уже существуют в России? Наша пропаганда в этом случае сводится к элементарнейшим функциям: уже теперь большая доля территории России принадлежит государству — надо, чтобы вся территория принадлежала народу, чтобы распоряжалась ею не самодержавная власть, а народное выборное управление; уже и теперь в России местами земля

перетекает от капитала к труду — надо, чтобы этот процесс был завершен государством (конечно, не нынешним и на условиях, более выгодных для трудовой массы, чем это было в 1861 г.); крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении — надо, чтобы это трудовое пользование было проведено до конца, распространено на всех, вывело бы трудящихся из голодного существования и завершилось бы чрез развитие всякого рода коопераций коллективным земледельческим производством.

Кроме того, остерегаясь неосторожных увлечений, мы предостерегаем товарищей и от того вялого и бессильного скептицизма, который, обжегшись когда-то на горячем молоке, дует теперь и на холодную воду. Есть много признаков того, что индивидуализм русского крестьянства в огромной степени преувеличен в воззрениях 90-х годов. Во множестве случаев (и в переселении на новые земли, и в перераспределениях общинных земель, и в покупке и аренде земли, и т.п., в особенности же в легальной и нелегальной борьбе с помещиками, кулаками и местным начальством) мы видим крестьянство действующим не в одиночку, а организованными, часто тесно сплоченными группами. С ростом культуры быстро растет и еще быстрее будет расти и это объединение крестьянства. Будет приучать его и в мысли, и в деле к началу коллективному социальному.

С другой стороны, не нужно преувеличивать и силу веры в царя. Уже а priori всякий должен согласиться, что этот старый лоскут традиции должен скоро разорваться под соединенным напором растущего культурного развития и давящей экономической необходимости, что, прождав десятки лет бесплодно от царя «земли и воли», крестьянин наконец перестанет ждать и надеяться. Из опыта пропаганды в целом ряде местностей мы знаем, что во многих случаях это уже совершилось, что критика царя теперь уже часто свободна и легка при пропаганде среди крестьян, что даже часто пропагандист находит уже совершенно готовым полное отсутствие надежды, полное неверие в царя... Неужели же легенда о «царе-батюшке» сама собой исчезнет в народе, а мы все будем верить в другую легенду — легенду о мужике, вечно надеющемся на царя-батюшку?

* * *

Итак, мы считаем несомненным, что экономические интересы крестьянства резко не удовлетворены, все яснее им сознаются и складываются в еще туманном, еще неясном социальном идеале, до известной степени родственном по своей тенденции нашему собственному. Поэтому, насколько крестьянство доступно нашему воздействию со стороны культурной и политической.

Все понимают, что за 40 лет освобожденный крестьянин сделал огромный шаг в своем культурном развитии, но не все делают отсюда необходимые практические выводы. «Крепкого черепа» крестьянина теперь боятся почти так же, как боялись 20 лет тому назад, после неудач-

ного «хождения в народ»⁹⁵. Между тем именно эти 20 лет, за которые вступило в жизнь поколение, не знавшее крепостного права и частью прошедшее земскую школу, широкой пропастью отделяют нас от того недоброй памяти времени и от возможности таких, как тогда, неудач.

20 лет назад очень часто бесполезно было бросать в народ книжки, так как не было грамотных, чтобы их читать; теперь уже и в самой глухой деревне книжка найдет себе читателя. Прежде темный мужик порой никогда не видел и уездного города и, понятно, часто не способен был понимать самые простые слова, делать самые элементарные выводы. Теперь чуть не вся крестьянская Русь стала бродячей: не менее 10 миллионов взрослых крестьян ежегодно странствуют вдоль и поперек, переменяют множество положений, встречаются со множеством разнообразнейших людей и явлений, поражаются контрастами роскоши и бедствия, чудес науки и своей темноты, и эта волна нужды, швыряющая по всей России миллионы рабочего крестьянства от одного эксплуататора к другому, открывает им со всех сторон давящую их социальную пирамиду, ударяет их о самые острые ее углы, и жизнь тут учит даже безграмотного лучше всякой книги.

И весь этот огромный поток впечатлений, чувств, знаний беспрерывно вливается обратно в деревни, беспрерывно расширяет горизонты даже и не уходящего от земли мужика. Очевидно, что этот десяток миллионов крестьян в этой погоне за заработком становится энергичнее, настойчивее, самостоятельнее, смелее, озлобленнее, что в такой жизненной школе личность быстро растет и критика просыпается. Вспомним, что самый исконный фабричный тоже не является прирожденным социалистом, что и от него социальная жизнь иной раз немногим меньше закрыта фабричной стеной и беспросветным трудом, чем для прежнего захолустного крестьянина околицей его деревни. Вспомним, наконец, что мужик уже не за одним хлебом гонится: он ищет правды в целом ряде сектантских учений, растущих с каждым десятилетием все шире и идущих от темных суеверий к светлому рационализму все быстрее и быстрее...

Одним словом, если 20-30 лет тому назад мы имели в крестьянстве ребенка, только что вышедшего из пеленок крепостного права, еще радующегося своей свободе и верящего во все сказки своих строгих нянек, то теперь мы имеем дело с юношей, у которого проснулись чувства, просветлела мысль, окрепла воля и который тяжело стонет жизнью и страстно ищет исхода. Неужели же мы издали будем пассивно смотреть, как эта мощная сила будет бродить, и волноваться, и расточаться в бесплодных потугах, неужели не обязаны мы броситься ей навстречу, открыть ей разумнейший исход?

Наконец, пора уже, давно пора заметить и признать, что в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто политической борьбе, как именно крестьянство. В то время как, например, городской пролетарий не входит ни в какую общественно-юридическую организацию, крестьянству формально предоставлена возможность такого самоопределения, которое своими границами и

компетенцией далеко шире земского и городского самоуправления. А с другой стороны, в эту широкую сферу крестьянского самоуправления постоянно вторгается самый дикий и беззастенчивый произвол, самое разнузданное самодурство земского начальника⁹⁶ и других властей, как будто нарочно для того, чтобы не дать крестьянству успокоиться, чтобы вечно будоражить их, плодотворить столкновения и конфликты с властью. К негнущемуся рабочему нужно подходить со стороны его непосредственного экономического угнетения, чтобы показывать косвенную его связь с современным общегосударственным строем; для крестьянина гнет этого строя, может быть, еще непосредственнее, чем экономическая угнетенность, и часто даже подати являются источником экономической угнетенности. Все внутренние крестьянские дела и отношения определяются «обычным правом», лишь в общих чертах и с некоторых только сторон ограниченным законом, и ведаются особым выборным волостным крестьянским судом; деревенским мирским сходом вершится множество важнейших в жизни крестьянина, как земельных, так и иных дел. И вот при этой-то своеобразной, но широкой самостоятельности крестьянство лишено элементарных гражданских прав, имеющихся у других сословий, и подвержено особому полурабскому кодексу до телесных наказаний включительно. Такое соединение точно нарочно было приумано для того, чтобы, с одной стороны, будить и упреждать политические инстинкты и навыки общественной борьбы и тесно сплачивать крестьянский «мир», а с другой стороны, дразнить его и нагло издеваться над его членами.

Александр III со своей стороны сделал бесконечно много для того, чтобы всю эту колоссальную организацию мирского крестьянства обратить в непримиримого врага власти. Бросившись после победы над террором в крайности репрессий, в неистовство «дворянской политики», Александр III «подтянул» и крестьянство, «приблизив к нему власть» в лице земских начальников и дав им право так же бесконтрольно самовластничать в каждой крестьянской общине, как сам самовластничал над Россией! И вот именно за последние 20 лет быстрого культурного роста крестьянства кулак земского начальника научил деревенский мир тому, что такое самовластие. Правда, крестьянин уже и без того ненавидел бюрократию, как механизм, «выбивающий» подати и взамен ничего не дающий, но тут, в земском начальнике, он увидел прямого ставленника царя, как бы подлинный снимок самовласти, и возненавидел его всей силой своего проснувшегося человеческого достоинства. И если все туже стягиваются эти путы на растущем культурно народе, презываясь ему в мясо, тем скорее лопнет его терпение, а с ним и эти путы. И чем скорее это будет, тем неотложнее должны мы спешить делать все от нас зависящее, чтобы возможно более объединить, организовать и направить это мощное освободительное усилие, чтобы всем своим натиском опрокинулось оно на самодержавие...

Итак, все, что известно нам об экономическом положении крестьянства и экономических его интересах, о культурно-политическом его развитии за последние 25-30 лет, — все говорит против теоретического

предубеждения, рисующего крестьянство чуть не навеки темной, безнадежно инертной или реакционной силой. Напротив, мы видим, что современные экономические, политические и культурные условия мощно толкают его на борьбу за лучшее будущее, на борьбу социально-политическую как нищего, закабаленного трудового класса — против нетрудовых слоев, как бесправного и угнетенного полураба — против давящей его власти... Крестьянству нужны «Земля и Воля», — наш долг, как социалистов, снова поднять в крестьянстве это великое знание.

Но мы отправляемся в своем начинании не от одних этих теоретических соображений, а также от целого ряда фактических опытов революционной работы в крестьянстве за последние 10-15 лет, особенно за последние 2-3 года. Все эти опыты единогласно подтверждают, что работа в крестьянстве вполне возможна и становится все легче и легче, что почти всегда результаты ее далеко превышают надежды и ожидания тех, кто за нее брался. Так говорят прежде всего те немногие стойкие интеллигентные одиночки, которые, живя по десятку и более лет в деревне, не теряли духовной свежести и старались сеять революционный социализм в окружавших их крестьянах; за полным отсутствием нелегальной литературы для крестьян они должны были ограничиваться легальными книжками и устной беседой, но и в таком узком масштабе им удавалось понемногу воспитывать вокруг себя целые гнезда совершенно сознательно и прочно убежденных социалистов-революционеров из крестьян, которые затем часто сами становились страстными пропагандистами; и эти гнезда теперь, при первом же наплыве агитационных брошюр, становятся прочными очагами, широко вокруг разносящими революционную заразу... Крайне интересен также опыт покойного Астырева⁹⁷, который с несколькими товарищами в голодный 1892 г. распространил довольно много агитационных листов среди крестьян; есть ряд свидетельств о полном понимании и полном, порою восторженном сочувствии многих крестьян этим воззваниям; почти всегда как присланный листок, так и человек, приехавший и произнесший речь крестьянам, тщательно скрывались от полиции, бывали и сочувственные им предостережения от кого-нибудь из толпы против отдельных лиц... Наконец, в последние годы, когда значительные группы молодежи в связи с некоторыми сохранившимися от 70-х и 80-х годов революционерами стали выделяться в самостоятельные организации «социалистов-революционеров», то одним из первых опытов этих молодых кружков была работа среди крестьян. И результаты этих опытов надо признать блистательными. Год — два работы нескольких человек давали десятки крестьян, сомкнувшиеся в тайные кружки, и сотни читающих нелегальную литературу и затронутых устной пропагандой; и при этом потери в людях были сравнительно ничтожны, во всяком случае не больше, чем при революционной работе среди городских рабочих...

Этим мы закончим изложение мотивов, ведущих нас в крестьянство: мы не теорию только развиваем, мы указываем факты. Если же кто-либо из книжников и доктринеров все еще не верит нам, то просим тако-го Фому неверующего⁹⁸ попробовать приложить собственные руки к

тому, в чем он сомневается! Мы глубоко уверены, что, если будет это человек живой и энергичный, то он в самое короткое время из Савла превратится в Павла⁹⁹, из неверующего станет верующим в возможность работы среди крестьянства, уже согретого веянием близкой борьбы за «Землю и Волю», за «Народную Волю».

* * *

Но мы не только убеждены в том, что вообще в настоящее время необходимо и возможно ввести крестьянство в круг революционного воздействия; мы полагаем, что именно теперь этого нельзя уже откладывать ни на один момент и что к этому надо приложить особенные, чрезвычайные усилия. Мы имеем в виду возможность и вероятность таких явлений: во-первых, неожиданного стихийного массового движения в крестьянстве в ближайшем будущем и, во-вторых, некоторых правительственных мер к облегчению экономического и правового положения крестьянства, мер, могущих при неблагоприятных условиях хотя на некоторое время подновить в нем обаяние самодержавия и оторвать его от борьбы за свободу. Первое сулит нам огромный шанс на близкую победу в борьбе за освобождение, второе грозит самыми серьезными осложнениями и неудачами в этой борьбе.

Что терпение крестьянской массы готово лопнуть, что она может повстать при первом же обострении ее хронических, безысходных страданий — это после движения крестьян в малороссийских губерниях¹⁰⁰ вряд ли кому нужно доказывать. Но для людей, знающих деревню, это движение и не было неожиданностью и даже не являлось новостью. Выпешки аграрной борьбы во всевозможнейших нелегальных формах не только не прекращались за это время, когда революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, но учащались и разрастались с каждым десятилетием, — они только не принимали так быстро такого массового распространения, как это случилось теперь, а в самом начале подавлялись полицией и войском. И как могло быть иначе? Неужели мужик уже совсем не человек, неужели же в нем нет ничего, кроме терпения, неужели даже угроза голодной смерти не пробудит в нем злобу, тем более страшную, чем дольше она сдерживалась? Как в июльский иссушающий зной Россия загорается от незаметных утолчков тычками пожаров, так теперь иссохшая от бедствий грудь крестьянства готова загореться яростью и местью от самой слабой и случайной искры. А если так, то каждый признает, какое огромное значение имеет то, чтобы этот пожар начался не от утолчка, подброшенного каким-нибудь темным слухом о милости царя, скрытою чиновниками или раздутою разными узкими и мистическими сектантскими откровениями, и чтобы привел он не к бесплодному и надолго обессиливающему пожару, вроде путачевщины¹⁰¹, а чтобы мы сами подожгли этот горючий материал светлым факелом борьбы за свободу, чтобы это пламя слилось с тем, которое разгорается на улицах в городах и сверкает молниями террора и чтобы в нем сразу до тла сгорело гнилое здание самодержавия!

Но что будет, если самодержавие лучше нас поймет близость и опасность крестьянского пожара и примет те или иные меры для его предупреждения?.. Мы должны предвидеть максимум, а не минимум уменьшения, дальновидности и быстроты в движениях нашего врага; мы должны суметь отпарировать самые удачные и ловкие из его приемов, вовремя разоблачить самые хитроумные из его западней и ловушек, расставленных для удовлетворения темных людей, чтобы на лицемерные заигрывания и податки царского правительства крестьянство ответило в один голос с революционерами, с рабочими, со всей поднимающейся за свободу Россией: нам от тебя ничего не надо, нам надо, чтобы тебя не было!

Итак, перед Русской социально-революционной партией сама жизнь поставила теперь завоевание крестьянства безусловно необходимой и неотложной задачей. Крестьянский союз партии социалистов-революционеров употребит все свои силы на разрешение этой огромной задачи в твердой уверенности, что много живых сил откликнется на его призыв. Было бы печально и стыдно нам под влиянием прошлых неудач и давно разбитых жизнью догматов снова остаться в стороне от жизни, но на этот раз уже не потому, что мы не можем ее сдвинуть с места, а потому, что она двинулась раньше, чем ожидали мы, разочарованные и придавленные реакцией; двинулись не по тем шаблонным путям, которые предусмотрены в наших построениях. Если даже и те наши товарищи, которые целых десять лет только и свету видели, что в фабричном окошке, год тому назад по собственному «единогласному» признанию оказались «отставшими от жизни», остановились в первый момент в недоумении и бездействовали перед внезапно развернувшимся, пробившимся наружу потоком открытого политического протеста со стороны рабочих масс города; если теперь им приходится из всех сил наверстывать потерянное, преодолевая возросшие трудности, то насколько же сознательная революционная работа отстала от того, что делалось в крестьянстве, на которое большинство упорно закрывало глаза в течение всего последнего времени, насколько мы тут должны догонять движение жизни! Пожелаем же, чтобы крестьянские волнения 1902 г. так же мощно выбили из догматического сна и толкнули подходящие силы на широкую работу в крестьянстве, как уличные демонстрации 1901 г. окончательно поставили крест над узким экономическим пропагандизмом на фабрике. И мы работой в крестьянстве в течение нескольких ближайших лет должны и можем наверстать почти полное бездействие в течение последних двух десятилетий.

* * *

Какими же средствами мы должны будить и развивать революционную энергию крестьян и куда именно направлять ее? Это должно быть строго логически выведено из общих наших целей и ближайших задач и тщательно сообразовано с условиями места и времени.

Конечная наша цель — осуществление социалистического идеала во всей его полноте. Но мы не думаем, конечно, чтобы сотканный из

братства и свободы социалистический строй мог сразу родиться готовым из недр современной полурабской России. Мы убеждены, что различные элементы нашего идеала будут осуществляться частично и разновременно, ибо одни из них служат и логически, и исторически необходимыми переходными ступенями для других. Поэтому задачей нашей работы является не подготовка фантастического, гигантского прыжка сразу к конечной цели, а планомерное восхождение по той лестнице изменений и переворотов, которая намечена уже самой историей. Таким образом, рядом с общей программой мы принимаем предварительную экономическую программу-минимум.

Для крестьянства мы на первую очередь ставим **социализацию** земли, т.е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся, а во-вторых, развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала и для подготовки грядущего коллективного земледельческого производства.

Но на эти предварительные ступени экономического освобождения трудящихся масс мы не можем взойти иначе, как через предшествующую им и логически и исторически ступень политического освобождения: мы считаем очевидным, что под гнетом самодержавия немислимо даже и частичное предварительное улучшение положения рабочего народа. Без свободы агитации, без свободы стачек, при полном беспрепятственности и при безграничном произволе полицейской администрации пролетариат не может усиленно бороться с капиталом. При этих же условиях и еще при целой сети законов и циркуляров, создавших особый полурабский режим для крестьянства, для него невозможна ни защита от эксплуатации землевладельцев и капиталистов, ни достижение каких-либо культурно-экономических успехов. Поэтому свободное представительное самоуправление — общинное, волостное, земское и общегосударственное — с тайным, прямым, всеобщим и равным избирательным правом, со всеми выработанными в Европе гарантиями демократической свободы (пропорциональное представительство, референдум, инициатива), с одной стороны, само по себе составляет необходимую и драгоценную часть социалистического идеала, с другой — является первой и ближайшей нашей целью. Мы твердо убеждены в том, что не только полное достижение социалистического идеала, но и осуществление нашей экономической программы-минимум возможны только через «Народную Волю» в обоих значениях этих прекрасных слов: **при свободе народа и воле народа.**

Принимая, таким образом, борьбу за политическое освобождение, за «Народную Волю», как первую задачу, на которой должны быть сосредоточены усилия, как наилучший общепартийный девиз для всех борцов социальной революции в современной России, мы полагаем, что Крестьянский союз должен в настоящее время работать для этой же цели. Оставляя открытым пока вопрос о том, в какой именно мере подготовлено крестьянство к чисто политической борьбе, мы должны, во всяком случае, сделать все, чтобы возможно большую часть его во-

влек в эту борьбу, чтобы также и в каждом экономическом движении крестьян усилить и расширить политический элемент. Поэтому, избирая своим девизом наиболее яркие и блистающие славной традицией слова «Земля и Воля», Крестьянский союз на первый план и на первую очередь выдвигает «Волю».

Таким образом, основной нашей задачей является не самодовлеющая экономическая пропаганда в тесных крестьянских кружках, а **общая политическая и социально-революционная агитация** в широких массах крестьянства. Помимо создания там и сям прочных сознательных кадров революционного социализма в крестьянстве, мы должны возможно скорее мобилизовать и крупные отряды крестьян, связанных с нами хотя бы самым общим пониманием и сочувствием и способных оказать хотя некоторую помощь идущим в авангарде борьбы за свободу интеллигенции и городским рабочим. Поэтому воздействие наше на крестьянство должно развиваться не только вглубь, а и вширь, и более всего вширь. До сих пор наша работа в крестьянстве переживала как бы период тепличного выращивания, теперь же, когда и в толщах крестьянства почва уже во многих местах оттаяла, пора пересаживать рассаду на вольный воздух, пора широко разбрасывать революционные семена на вольные поля... Этим определяется и содержание, и форма нашего воздействия на крестьянство.

И в печатных и в устных обращениях к крестьянам мы должны особенно подчеркивать политический элемент, экономическим же пользоваться главным образом как двигателем, как аргументом. Излагая наш идеал, мы должны как можно сильнее оттенить политические наши требования, особенно должны разъяснять, что к коренному экономическому перевороту на пользу рабочего народа мы не можем прийти иным путем, как чрез политическое освобождение. Агитируя в крестьянстве по поводу его конкретных, частных, местных нужд, а также по поводу всякого рода политических событий и особенно различных случаев революционной или вообще нелегальной борьбы, мы должны на почве огромного недовольства экономическим положением будить в крестьянстве правовое самосознание, должны неуклонно формулировать мелкие экономические интересы в широкие политические требования, должны доказывать невозможность мало-мальских серьезных улучшений в хозяйстве и быте крестьян **до тех пор, пока свободное всеобщее голосование не передаст их судьбу в их собственные руки, должны особенно твердить крестьянину, что когда будет во всем его воля, то будет ему и земля, должны звать мужика Землей к Воле и вести через Волю к Земле.**

* * *

Сообразно с этой нашей новой задачей, не только глубокой социалистической пропаганды, не только мелкой агитации на почве повседневных нужд, но более всего широкой политической агитации должны явиться и новые формы ее осуществления. В дополнение к тысячам

экземпляров брошюр, развивающих более или менее полную программу, требующих от крестьян известной подготовки для полного их усвоения, мы должны рассеять в крестьянстве десятки и сотни тысяч мелких листков, в которых социалистический идеал был бы очерчен лишь в самых общих и общепонятных его элементах, и главным образом в связи с идеей передачи народу земли, требования же политической свободы и призыв к борьбе за нее были бы подчеркнуты в самой простой, ясной и яркой форме, и которые при этом были бы прочтены и поняты самыми широкими массами крестьянства. А для этого рядом с личным непосредственным воздействием революционеров устным и печатным словом на небольшие кружки наиболее сознательных, надежных и хорошо известных крестьян мы должны организовать в самых обширных размерах тайное, а иногда, как, напр., при демонстрациях, и открытое распространение наших листков среди массы крестьянства, особенно в местностях, наиболее к тому подготовленных (напр., среди сектантов, среди голодающих, в районах аграрных волнений и т.д.).

Вся эта новая работа требует и новых работников. В то время как кружковой пропагандой могут и должны заниматься те наши товарищи из интеллигентов и из крестьян, которые постоянно живут в деревнях и привязаны своим занятием и условиями жизни к одному месту, — в это время разбрасыванием агитационных листков могут и должны заниматься люди, располагающие свободой передвижения, а в том числе и многие городские интеллигенты и рабочие. Все эти новые работники частью уже созданы, частью все быстрее и быстрее создаются новым свежим духом последних годов.

Десятки и сотни энергичной и смелой молодежи уже не удовлетворяются прежними осторожными и умеренными приемами пропаганды, а жадно хватаются за широкие, хотя бы и рискованные способы агитации. Все эти наши товарищи, глубоко охваченные революционным пылом, рвущиеся на живое, смелое, самоотверженное дело, найдут его не только в уличных демонстрациях, в разбрасывании прокламаций в театрах и т.п., но и в сеянии агитационных листков по сельским ярмаркам и базарам, в телеги крестьянского обоза, в котомки рабочих, в окна опустевших в летнюю страду крестьянских изб и т.п. Повсюду эта работа в деревнях может и должна идти рядом с демонстрациями в городах, а во множестве местностей, где еще не создан кадр городских рабочих, достаточный для дружных, многочисленных, внушительных демонстраций, такое сеяние агитационных листков в крестьянстве является чуть ли не единственным целесообразным приложением сил для большинства товарищей, которых проснувшаяся боевая энергия и революционное дыхание нашего времени властно толкают из узких кружков в ширь, на простор, в самую гущу трудовых масс, уже пробуждающихся к политической жизни, к политической борьбе...

Почти излишне пояснять, что вся эта новая работа не повредит, а поможет всем остальным отделам революционного дела. Когда в 1873 г. пошли в народ около 1000 пропагандистов¹⁰², то в них заключалась вся действующая армия революционного социализма в России в то время.

В настоящее же время мы свободно можем выставить большие отряды, несколько не ослабляя себя в других пунктах. Надо лишь привлечь тех людей, которые по своим внутренним и внешним данным сравнительно менее ценны, как пропагандисты и организаторы среди интеллигентских слоев и рабочих, но которые особенно пригодны для работы среди крестьян. Надо эксплуатировать летнее время многих из учащейся молодежи, которое теперь у них пропадает даром, исключительно только потому, что они хотят видеть в деревне лишь лоно природы и закрывают глаза на населяющего его мужика. Надо отвлечь тот без пользы или даже со вредом для дела переваривающийся в собственном соку избыток работников, который постоянно скопится в нескольких городах, излюбленных административно высланными и другими вышнбленными из колеи революционерами: прошли те времена, когда в темной и холодной России слабые горсти прогрессивно-революционной интеллигенции должны были жаться в нескольких центрах в тесные кучки для взаимного отогревания; теперь накопилось уже в России столько культурного света и революционного жара, что не могут они бесплодно погаснуть в толщах народных масс, а могут лишь просветлить и разогреть эти массы. Значит, пора нам перестать скопяться на наших привычных штаб-квартирах для бесшумного тления, пора смело рассыпаться по всей русской земле для деятельного ее разжигания...

Такие же новые силы откроет и использует великое живое дело революционизирования крестьянства и в тех глухих городках, где энергия сотен административносланных наших товарищей или вовсе спит, или затрачивается на бесплодные междупракционные междубоия. В этих глухих углах часто может не быть годного для революционного воздействия слоя интеллигенции и рабочих, но всюду есть крестьянин, жадно ждущий и ищущий просветления, и в таких случаях только революционное общение с ним внесет в жизнь и радость в тусклое и тоскливое существование этих распыренных и придавленных рукой самодержавия наших товарищей, только этот посев революционных семян там, где самовластие их думало заморозить, обратить это дело его рук на его же погибель, превратить даже и пленных его врагов из побежденных в побеждающих...

Еще большего прилива сил мы ожидаем от расширения и возведения в систему бегства и перехода на нелегальное положение революционных работников, попавших в ссылку, в тюрьму, под следствие. Такие случаи бегства из плена в ряды действующей революционной армии уже и теперь с каждым годом, чуть не с каждым месяцем, все учащаются и будут учащаться, ибо они психологически неизбежны при ускорении темпа борьбы, при приближении победы. Несомненно, что многие из этих, испытанных и сжегших за собою корабли борцов революции найдут удобные условия, гарантирующие долговечность и продуктивность работы, также и в деревне на работе, которая требует беспрестанного передвижения преимущественно по мелким городам и крупным селам, где до сих пор полицейский надзор далеко отстал от надзора в крупных городах, где благодаря этому даже небольшая группа энергич-

ных и умных людей может при современном напряженном настроении крестьянства достичь больших результатов при небольших сравнительно жертвах.

Но самый главный довод за достаточность наших сил, для быстрого и широкого революционизирования крестьянства, заключается в той подготовленности для нашего воздействия мысли и настроения крестьян, которая с такой необыкновенной яркостью выказалась в волнениях

Малороссии и которая награждает самыми пышными всходами почти каждый даже беглый и слабый революционный посев. Мы, основываясь на ряде разнообразных опытов, категорически утверждаем, что в настоящее время деревня дает революционеру, быть может, ничуть не меньший процент на затраченный им духовный капитал, чем фабрика. Скупиться на вклады в такое прибыльное дело, когда при затрате одного агитатора из интеллигентов являются десятки агитаторов из крестьян, было бы более чем нерасчетливо...

Погружаясь в глубины крестьянского моря, мы как бы опускаем кристалл революционизма в раствор, пересыщенный для революционной кристаллизации. Можем ли мы при этом бояться недостатка сил, имеем ли право медлить с этим животворным началом? Нет, нет и нет!

Дружным и быстрым натиском революционных идей в деревню мы добьемся таких же блестящих побед, как тяжелы были 30 лет тому назад в той же деревне наши поражения.

* * *

Но наша задача заключается не только в том, чтобы в некоторой степени привить крестьянству наши идеи и чтобы поднять до известного уровня его революционное настроение, но также и в том, чтобы по мере выработки в крестьянстве революционной энергии немедленно и непрерывно упражнять ее в действии, давать ей наиболее целесообразный исход. В этом случае мы опять-таки должны постараться, как можно большую долю этой энергии перевести из узкоэкономического русла на главную колею нашего движения в настоящий момент — на борьбу за политическое освобождение.

Первое дело, на которое сами собой должны направиться усилия затронутых пропагандой и агитацией крестьян, состоит, разумеется, в главной их организации — в создании тайных крестьянских кружков, «ратств», «комитетов крестьянского союза партии» и т.п. Эти крестьянские организации первой своей целью имеют возможно быстрое саморасширение, чтобы возможно скорее их сетью покрылась вся Россия

чтобы их участники и им сочувствующие составили бы заметный процент крестьянского населения. Но помимо этого, каждая такая тайная революционная крестьянская организация, как только вполне упрочится кадр ее сознательных главарей и достаточно расширится круг влияния на полусознательные массы крестьянства, — должна проявлять себя и в целом ряде действий, как легальных и полуполигальных, так и нелегальных.

Прежде всего крестьянским революционным братствам необходимо добиваться влияния во всех мирских делах, стараться проводить своих людей на выборные общественные должности, объединить крестьян на различных совместных культурно-просветительских и других общепользных начинаниях, развивать их самостоятельность, сознание своих прав и интересов и сплачивать крестьян в упорном их отстаивании от всяких на них покушений, а особенно в смелой, решительной борьбе против самовласти администрации.

Затем, хотя мы не думаем, чтобы при современных политических условиях крестьянство могло добиться мало-мальски серьезного и общего экономического подъема, но мы вводим в свою программу, как одно из главных средств повседневной деятельности, непосредственную экономическую борьбу трудового крестьянства против землевладельцев и представителей денежного капитала. Стачки земледельческих рабочих для повышения платы и улучшения условий труда, стачки арендаторов для улучшения условий аренды, уменьшения арендной платы, бойкот против разных притеснений кулака или помещика — все это в целом ряде случаев может дать крестьянам известный прямой выигрыш, а главное, поднимет их дух и энергию, теснее сплотит их, создаст некоторые массовые движения, которые легко будет направить на политическую революционную борьбу, если с самого начала и во всех случаях мы ни на минуту не будем упускать из виду нашей основной задачи: указывать общий источник всех частных бедствий и неурядиц крестьянской жизни в основах существующего строя.

Наконец, кроме этих хотя нелегальных, но мирных средств, мы с самого начала предвидим для тайных революционных крестьянских организаций возможность, а быть может, неизбежность и насильственной вооруженной борьбы. Прежде всего к этому может привести самозащита от шпионов, предателей, доносчиков, в деревне всегда гораздо более опасных, чем полиция; впрочем, в этих случаях наказание смертью представит, конечно, лишь редкое исключение. Но мы предвидим, что и помимо самообороны в отдельных случаях может оказаться неизбежным наказание смертью, напр., тех членов местной администрации, против которых особенно остра, всеобща и справедлива ненависть крестьян.

После очерченного первого подготовительного, так сказать, инкубационного периода, в течение которого хотя кое-где создадутся тайные революционные крестьянские организации и подготовится заметная сочувственная им среда в крестьянстве, могут начаться и открытые массовые и чисто политические действия. Таковыми нам представляются, с одной стороны, известные виды манифестаций, а также массовые коллективные приговоры крестьянских общинных и волостных сходок с различными требованиями в духе нашего девиза «Земля и Воля», как, напр., уравнивания крестьян во всех правах с другими сословиями, предоставления всем свободы совести, устного и печатного слова и общественных собраний, созыва Земского собора из выборных от всего населения для учреждения постоянного народного самоуправления, коренной реформы финансов на пользу трудовых слоев, широкой земель-

ной реформы для перехода земли в пользование трудящимся и т.п., а с другой стороны, — отказ от уплаты податей и воинской повинности до тех пор, пока эти требования не будут удовлетворены. Даже вполне допуская, что в ближайшем будущем невозможно будет поднять на такую борьбу большинство крестьянского населения, мы придаем, однако, громадное значение тому, чтобы это произошло хотя бы в нескольких местностях России в тот уже не очень отдаленный момент, когда интеллигенция и пролетариат начнут решительный общий штурм против самодержавия. В такой решительный момент даже и небольшое, но дружное движение хотя части крестьян при сочувственном нейтралитете остальных будет иметь огромное моральное и материальное значение: самодержавию придется сдаться в тот момент, когда войска потребуются одновременно и для городов, и для деревень, когда, как можно надеяться, и сами войска устанут служить самовластию против народа...

* * *

В заключение этого обращения мы еще раз настойчиво подтверждаем всем, кто сочувствует делу социальной революции в России, что Крестьянский союз не только не отвлекает и не обособляет всех входящих в него работников от общей революционной борьбы, от объединенной революционно-социалистической партии, но именно заполнением крупного пробела в общем деле как бы вставляет новое объединяющее звено в боевую цепь революционной армии.

Не теоретического, не программного только признания необходимости революционного воздействия на деревню добиваемся мы от работников революционного социализма в России. Мы зовем их к реальному делу, а не к бумажной отписке: мы зовем их к непосредственному практическому разрешению неотложной задачи, выдвинутой самой жизнью; мы зовем их как социалисты, почерпывающие силы в тесном общении с широкими массами всего трудового и угнетаемого народа; зовем как практики-революционеры, отдающие себе ясный отчет в шансах борьбы и соотношении общественных сил; зовем как политические деятели, понимающие невозможность уклониться от разрешения выдвигаемых жизнью новых и новых задач, замкнувшись в какую-либо одну излюбленную, узкую сферу деятельности; зовем, наконец, как живые люди, до которых долетают попытки этой массы ощутить выбраться из окружающей ее политической темноты к лучшему, светлому будущему.

Мы надеемся действовать в самом тесном единении со всеми родственными нам по целям и средствам уже выступившими группами, в особенности с Аграрно-социалистической лигой, которая за границей первая возобновила работу для крестьянства и в короткое время успела уже столь много сделать на этом пути. Мы убеждены, что живая, организационная связь между всеми работающими в одном и том же направлении, на одном и том же поприще деятелями будет крепнуть все больше и больше, удесятерять силы каждого отдельного работника.

Крестьянский союз партии социалистов-революционеров зовет в свои ряды, на живое революционное дело всех, кто понял необходи-

мость, кто чувствует в себе силы и способность работать в намеченном нами направлении, чтобы дружными усилиями возможно скорее наверстать потерянное время и придать крестьянскому движению ту сознательность и мощь, которые лучше всего обеспечат успех великого дела освобождения как самого многомиллионного крестьянства, так и всей вообще трудящейся и угнетенной России.

Мы полагаем, что в такое боевое время, как наше, всем, проникнутым единым духом, пора стереть всякие разъединяющие буквы, пора сойтись под одним знаменем, в рядах одной боевой армии революционного социализма. Эпоха существования множества обособленных групп и организаций, эпоха кустарничества, эпоха кружковщины, эпоха раздробления сил принадлежит прошлому. Клич настоящего — да здравствует единая, широкая, могучая, идущая навстречу всем запросам и требованиям жизни, социально-революционная партия!

«Революционная Россия», № 8, 25 июня 1902 г. С. 5-14.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Мы, как социалисты, против всего, что препятствует сближению национальностей. Поэтому мы — противники всякого национализма, самобытничества и тому подобных течений, ставящих себе существенно консервативные задачи — ревниво охранять исторически унаследованные национальные особенности. Наше стремление сделать общечеловеческим и, следовательно, общенациональным достоянием все лучшие черты всех национальностей. Человека мы стремимся освободить от всех узких, исторически сложившихся ограничений. Мы стремимся все человеческое сделать доступным всем людям, стереть все перегородки, мешающие взаимному пониманию и взаимному влиянию людей друг на друга. Но мы не слепы. Мы знаем, что к этому есть только один путь: работа на почве данных, исторически сложившихся национальных организмов, пользуясь могучим орудием культурного развития — родным языком, — приспособляясь к данному положению и уровню развития национальности, опираясь на ее лучшие стороны и черты, концентрируя свою борьбу против худших черт. Национальное возрождение, национальный подъем поэтому вовсе не враждебное — напротив того, крайне благоприятное для нас явление. Этот национальный подъем для нас, однако, измеряется степенью проведения в данную национальную среду в форме, соответствующей всем ее особенностям, великих международных общечеловеческих идеалов. Национальное для нас есть форма усвоения и воплощения всемирного, всечеловеческого прогресса. Мы — интернационалисты, но наш интернационализм не имеет ничего общего с тем пошлым, поверхностным буржуазным космополитизмом, который просто игнорирует все особенности национального развития и все вытекающие из них задачи...

Именно потому, что мы против всего, что разъединяет национальности, что затрудняет их взаимное сближение и взаимное понимание, именно потому мы — непримиримые противники государственно-ассимиляторской политики, стремящейся всеми мерами остановить, затормозить самостоятельное развитие подчиненных, угнетенных национальностей, навязать им кафтан с чужого плеча, язык и культуру господствующей национальности. Мы — непримиримые противники этой ассимиляторской политики, во-первых, потому, что она тормозит самостоятельное развитие народа. Высшие его классы, его образованные люди, его интеллигенция, правда, легко поддаются ассимиляции, легко выбывают свой родной язык, нравы, культуру и воспринимают чужие. Но обделенные, низшие классы, подавленные трудом, часто бредущие «по житейской дороге в беспросветной, глубокой ночи» и без того с величайшим трудом должны выстрадать и добыть с бою каждую крупницу знания и самосознания. Подавить национальную культуру этих масс не так трудно; но в десять раз труднее сообщить им чужую культуру в мало понятной форме... Ограбленный не только материально, ограбленный, что в тысячу раз хуже, духовно, лишенный всякого исторического духовного наследия, лишенный своей интеллигенции, ассимилированный другой национальностью, нищий умственными силами, нищий образованием, народ только легче поддался бы экономической эксплуатации, будучи не в состоянии поднять своего стихийного гнева против нее на степеней осмысленной борьбе, руководимой светом научной истины и научного социалистического идеала...

Во-вторых, мы — непримиримые противники этой государственно-ассимиляторской политики еще и потому, что она самим фактом национального угнетения способна пробудить в угнетаемых национальностях фанатическую привязанность ко всем их национальным особенностям именно потому, что за них гонят и преследуют. ...Национализм наступательный, национализм представителей господствующей национальности с его знаменем захватов, завоеваний и насилий глубоко противен и антикультурен. Но он антикультурен не только сам по себе, но еще и тем, что заражает антикультурным началом и другой национализм — национализм оборонительный. Этот последний, в пылу борьбы, тоже вынуждается на эксцессы, на преувеличения, выходит из рамок законной защиты свободы национального развития, придавая национальному началу не только значение формы проведения общечеловеческого содержания, но и стремясь, по закону реакции, к узконациональной обособленности, культурному отделению от других народов, хватаясь за старину только потому, что она «национальна», чужаясь нового, поскольку его приходится заимствовать. Наконец, национальный гнет в высшей степени способен пробуждать взаимное тяготение различных в сословном и классовом отношении элементов. Это взаимное тяготение законно, но лишь постольку, поскольку оно ограничивается общей почвой защиты прав на свободное развитие, необходимых всем членам, составляющим национальность; поскольку оно не заслоняет непримиримой розни классовых интересов внутри данной националь-

ности; и поскольку оно не заставляет забыть о международной солидарности рабочего класса всех национальностей. Но в том-то и дело, что национальный гнет более всего способен разжигать слепую, огульную вражду немца — ко всему французскому, француза — ко всему немецкому и т.д.; что национальный гнет более всего способен облегчать господствующим классам проповедь реакционной идеи гармонии интересов, усыплять революционность рабочего класса, создавая ей отводной канал в сторону борьбы исключительно против господствующей национальности и помогая буржуазным партиям тащить за собой в хвосте рабочее движение, лишенное его независимого, самостоятельного характера.

Вот почему мы пишем на своем знамени — полное и безусловное право национальностей на самоопределение. Вот почему мы стоим за федеративный строй, за широчайшее развитие местного самоуправления, за культурную автономию народностей. Лишь свободный общественный строй, в котором ограждены и права меньшинства, способен обеспечить мирное сожитие под одной государственной кровлей различных наций. Лишь такой строй может лишить прежней остроты национальные споры. Пока же такого строя нет, до тех пор различные народности будут вечно тяготеть к сепаратизму, к государственной особенности и независимости. До тех пор вечно будет вставать между ними и грозный призрак спора из-за границ. Более, чем когда-либо, теперь в целых областях перемешивается, переплетается друг с другом разнородное население. Никаким перекраиванием границ нельзя избежать того, чтобы на одной и той же территории не жило в виде большинства и меньшинства, различных национальностей. Есть местности, в которых, в различном процентном отношении перемешаны 3-4 отдельные национальности, из которых каждая — в меньшинстве. Есть целая национальность — еврейская, — которая не имеет своей сплошной территории и расселена повсюду рядом с другими исторически оседлыми национальностями. Это, конечно, не лишает еврейскую национальность такого же права на самоопределение, на автономное культурное развитие, какое мы признаем за всякой другой национальностью. Для нас, как социалистов, право на самоопределение дается не исторической традицией, не «семью боярами в числе предков», не государственной независимостью в прошлом, не тем или другим территориальным расселением, а самим фактом того глубокого культурного различия, который разделяет человечество на отдельные национальности. Ни одна из таких национальностей не имеет перед другой никаких монопольных прав, всем должно быть дано равное место друг подле друга, равная доля в благах мира, равная возможность самоуправляться и развиваться естественно, свободно, утилизируя весь свой национально-исторический духовный и культурный капитал и делая его исходной точкой для развития к великому, общечеловеческому идеалу социализма. Самомалейшая национальная привилегия в наших глазах столь же реакционна и антисоциалистична, как привилегия классовая или сословная. В будущем обществе мы должны и сумеем выработать формы, обеспечивающие мирное, братское сожитие всех народов, которое одно

способно создать истинно общечеловеческую культуру и свести к минимуму национальные перегородки. Но и в современном обществе мы, как социалисты, должны и будем вести ожесточенную, непримиримую борьбу против всякого угнетения и всякой несправедливости, направляется ли она против расы, религии, нации, племени, класса, пола или партии.

Мы горячо приветствуем историческое возрождение поработанных императорской Россией народов: финского, польского, литовского, латышского, еврейского, украинского, армянского и всех других, которые, приобщаясь к международному социалистическому движению, доказывают тем самым национальную жизнеспособность. Да здравствует же их союз с растущей революционной Россией! Этот союз скреплен общностью страданий и общностью борьбы против злейшего врага всех этих народов, начиная с русского — против хищного дворянско-плутократического самодержавия.

Февраль, 1903.

*По вопросам программы и тактики.
Сборник статей из «Революционной России».
Выпуск первый. Б.м., 1903. С. 189-193.*

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (не подлежавший огласке)

Современная Россия, при всех особенностях и при всем своеобразии условий своего социального развития, переживает ряд перемен, общих для всех культурных стран.

Развитие производительных сил, неразрывно связанное с приростом населения и ростом его потребностей, требует замещения труда обособленных, независимых работников трудом все более обобществленным. В современном буржуазном обществе это хозяйственное развитие происходит на основе частной собственности на средства производства, деления их от производителя и свободной конкуренции. Поскольку идет чисто стихийным, бессознательным путем, составляет равновесную между всеми соперничающими хозяйственными силами, оно влечет за собой концентрацию средств производства под главенством капитала. В одних отраслях производства мелкие производители массами разоряются и становятся в ряды пролетариев. В других же — попадают в зависимость от капитала в сфере кредита, обращения товаров или арендных отношений. Таким образом, развитие производительных сил происходит в капиталистической форме, все более раскалывающей буржуазные общества на два резко противоположных друг другу класса: эксплуатируемое большинство и эксплуататоров-капиталистов, монополизирующих в своих руках распоряжение плодами непрерывного труда целого ряда человеческих поколений. И это все усиливающееся социальное расслоение сопровождается все обостряющей-

ся классовой борьбой труда и капитала. Классовый характер капиталистического общества облекает исторический рост производительных сил в исключительно противоречивой форме.

Вместо того чтобы посредством технических усовершенствований облегчать и сокращать труд человека, он привел к вытеснению рабочего машиной и замене мужского труда женским и детским. Вместе с возрастанием общественного неравенства он усиливает зависимость эксплуатируемых от эксплуататоров и необеспеченность существования для трудящихся масс. Капитализм создал в крупных центрах невиданное сосредоточение богатства и культуры; и в этих же самых центрах он образовал невиданные никогда массы безработного люда. Он создал огромные очаги невыразимой нищеты и преступлений, физического вырождения и нравственного одичания. Он довел до небывалых размеров проституцию; он построил тюрьмы, размножил полицию. Стесненный узкими рамками свободных и культурных стран, он устремился в политику завоеваний, породил и порождает колониальные войны, создает в завоеванных колониях грубейшие формы кабалы и порабощения, отравляет народное сознание национальной враждой, кровожадным шовинизмом и империализмом. В своей новейшей формации, в нормировках, коалициях и трестах предпринимателей капитализм еще более подчеркивает и углубляет свои теневые стороны. Заменяя конкуренцию между капиталистами их соглашениями, эти союзы коалиции в колоссальной степени усиливают экономическую мощь капитала, его давление на рабочих и создают своеобразные формы нового промышленного феодализма. Давая капиталистам возможность вместе диктовать свои условия и потребителям, и производителям, разоряя множество мелких предпринимателей, союзы эти усиливают несоответствие между громадным ростом производительных сил и уменьшением покупательной способности населения. Капиталистическая форма производства, обмена и распределения была [...] известной ступени развития становится узами и для хозяйственного прогресса. Творческая, организующая роль капитала, заключающаяся в росте производительных сил и процессе обобществления труда, все более отступает перед его дезорганизующей, разорительной ролью [...] и ограничивающий этот процесс и взаимное отношение между этими двумя сторонами капитализма становится все более неблагоприятным для благосостояния и прогресса человечества. Капитализм переживает самого себя, перечеркивает все свое прогрессивное положительное содержание.

В земледелии капитализм менее всего совершает свою созидательную роль, истощая производительные силы земли — этого достояния ряда человеческих поколений. Он развивая [...] среди сельских рабочих и не сплачивает эксплуатируемых и представителей труда.

Не отделяя трудовое крестьянство от средств производства и оставляя по внешности самостоятельным производителем, принимающим на себя весь риск предприятия, капитал тем не менее взимает с него прибавочную стоимость, то в виде арендной платы за недостающий клочок земли, то в виде ростовщического процента на занятый капитал, то в

* Здесь и далее в [...] обозначены несколько слов, которые прочитав не удалось. — П.Е.

ние дополнительных податей и [...] эксплуатируя производителя в сфере обращения товаров.

Действие всех этих тенденций, ухудшающих положение громадного большинства человечества, ведущих его к физическому и духовному вырождению и задерживающих развитие производительных сил, неразрывно связано с самыми основами современного порядка и может быть преоделено лишь с устранением этих основ, т.е. социальной революции.

В пределах же современного общества оно встречает серьезное противодействие. Лишь в сознательном [...] и планомерном вмешательстве рабочего класса в стихийный ход капиталистического развития, в его солидарной борьбе как политической, так и экономической. Но все частичные завоевания этой борьбы могут и должны служить лишь средством для облегчения различным слоям рабочего класса условий борьбы против самих основ современного порядка, взять на себя руководство классовой борьбой всех слоев рабочего класса против его угнетателей, объединить ее и направить к единой общей цели — такова должна быть основная задача всех социалистических партий. Такова основная задача и партии социалистов-революционеров.

Конечной целью партии с.-р. является превращение частной собственности на средства производства в общественную, [...] с превращением товарного производства в социалистическое, планомерно и общественно организованное. Только при этом условии производительные силы человечества будут непрерывно и беспрепятственно развиваться во всех отраслях производства, и развитие это превратится для трудящихся масс из источника зависимости и угнетения в источник благосостояния и всестороннего гармонического развития личности. Только при социалистическом порядке человечество из раба своих собственных отношений сделается их господином, только при таком порядке прекратится в человеческом обществе [...] с одной стороны, от праздности и пресыщения, с другой, от непосильного изнурительного труда и полуголодного существования; только при таком порядке человечество будет беспрепятственно развиваться в умственном, физическом и нравственном отношениях, все полнее воплощая истину, справедливость и солидарность в формах своей общественной жизни. И в этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества. Партия с.-р. борется за уничтожение современного сословно-классового строя и нераздельной с ним сословно-классовой, национальной, племенной и религиозной вражды, за устранение насилия и эксплуатации человека человеком во всех ее формах, за свободу, равенство и братство всех без различия пола, расы и религии.

Партия с.-р. по самому существу своему является боевым авангардом всего трудящегося народа в борьбе за его социальное и политическое освобождение, постоянно стремясь охватить и объединить его целиком в своих рядах. Пролетариат физического и умственного труда, трудовые слои крестьянства, ремесленников и кустарей — словом, все живущие своим трудом и подвергающиеся эксплуатации капитала, связанные в глазах партии с.-р. общностью своих трудовых интересов. Задача

партии, доказать им, что, несмотря на различия конкретных форм их эксплуатации капиталом и на вытекающее отсюда разнообразие их ближайших, непосредственных интересов, их конечная цель одна, что в буржуазном обществе никакие частичные реформы не могут уничтожить их зависимости и унижительного положения, что только социалистический порядок может уничтожить тяготеющий над ними гнет и создать их царство, царство труда, освобожденного от ига капитала. Партия с.-р. стремится к тому, чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве необходимый залог своего освобождения и путем целесообразно организованной борьбы под руководством воплощающей это единство партии подорвали основы существующего порядка и заложили фундамент будущего.

Под знамя этой борьбы партия с.-р. призывает вместе с рабочим классом все наиболее сознательные, нравственно развитые элементы других слоев населения, все более и более порывающие с дряхлеющим буржуазным миром, изжившим все свое прогрессивное содержание и растерявшим все свои прогрессивные исторические традиции. Стоя на почве международного революционного социализма, партия с.-р. рассматривает свое дело как органическую составную часть всемирной борьбы труда против капитала. Но, ведя его в духе общих интересов этой борьбы, она сообразуется с конкретными условиями русской действительности.

Основным моментом, определяющим социально-политическое положение современной России, является ее общее оскудение и полное хозяйственное расстройство. Условия освобождения крестьян, сразу закабалившие их помещикам, финансовая политика правительства и развитие всевозможных форм кулачества систематически лишают трудовое крестьянство всяких избытков. Крестьянин не только не в состоянии развивать и улучшать хозяйство, но и не обеспечен от полного разорения в случае неурожая или какого бы то ни было другого хозяйственного бедствия. Вследствие капитализации промыслов он вынужден все более и более находить подсобный заработок в наемном труде, распределять силы своей семьи между земледельческим и промышленным трудом и получать от всех видов этого труда доход, едва соответствующий нищенской заработной плате. Он превратился в замаскированного рабочего. Это разорение и пауперизация подавляющего большинства населения, вместе с особенно сильным развитием тех разрушительных сторон капитализма, которые вообще ему свойственны в земледелии, парализуют общий рост производительных сил страны. Подрывая внутренний рынок капиталистической индустрии почти устраненной от внешних рынков конкуренцией более культурных и промышленно развитых стран, они ставят непреодолимые препятствия промышленному развитию России. Все это приводит к колоссальному росту избыточного населения, приливу из деревни в города массы безработных, понижающих уровень жизни городского пролетариата, и создает все данные для особенно обостренной постановки социального вопроса в России.

Но на пути его разрешения рабочий класс — пролетариат и крестьянство встречают сильнейшее препятствие в колоссально развившемся государственном механизме русского самодержавия. Этот механизм исторически сложился под давлением потребности страны в военной безопасности раньше, чем развитие производительных сил страны обеспечило необходимые для его содержания средства, и раньше, чем дифференциация населения создала достаточно сильные и независимые общественные группы, способные ограничить его всевластие. Результатом этого явилось закрепощение государству всех групп населения и всех жизненных сил страны — закрепощение, менявшее в течение дальнейшей истории свои формы, но не изменившее до сих пор своей глубокой сущности. Процесс дальнейшего обособления и развития различных социальных групп и классов вплоть до новой буржуазии происходил под непосредственным регулирующим влиянием государства и завершился взаимным приспособлением форм патриархального абсолютизма и капиталистической эксплуатации.

Современное русское самодержавие представляет собою не что иное, как замаскированное всевластие бюрократии, органически слившейся и сросшейся с наиболее хищническими элементами поместного дворянства и новой буржуазии. В интересах этих трех слоев оно направляет всю свою внутреннюю политику, опираясь на всеохватывающую полицейскую опеку, на подавление личной и общественной инициативы. Оно стоит поперек дороги всем освободительным попыткам рабочего класса и должно быть прежде всего низвергнуто его революционным движением.

Реакционность русской буржуазии, неразрывно связанной с отсталым характером русского капитализма, с ранних пор способствовала определенно социалистическому и антибуржуазному направлению революционного движения, которое на первых порах выносила на своих плечах идеалистически настроенная часть русской интеллигенции. С другой стороны, в лице самодержавия это социалистическое движение столкнулось с препятствием, которого нельзя обойти, которое можно только сломить. Верная лучшим заветам своих революционных предшественников, партия с.-р. рассматривает непосредственную борьбу против самодержавия как неотложную задачу, вытекающую из самого существа своей социально-революционной программы. В ее глазах господство абсолютизма в России является одним из главных оплотов всевропейской реакции и сильнейшей угрозой делу освободительной борьбы рабочих партий всех стран. Таким образом, его низвержение является крайне важным фактором международного прогресса, великой культурно-исторической миссией, выпадающей всей своей тяжестью на долю наших социально-революционных сил, так как буржуазия оказывается неспособной выполнить в России даже ту долю освободительной работы, которую она совершила в других странах Западной Европы.

Но ставя своей ближайшей очередной задачей низвержение самодержавия, партия с.-р. приложит все усилия к тому, чтобы плодами победы рабочего класса, который вынесет на своих плечах всю тяжесть

борьбы, не воспользовались враждебные ему элементы. Вернейшую гарантию против этого партия видит в широкой пропаганде идей революционного социализма и в организации рабочих масс во имя конечной цели — для завоевания политической власти, как средства социально-революционного переворота.

Программой этого переворота, которая в России будет лишь частью международной рабочей революции, является проведение в жизнь тех основных начал социалистического строя, для которых к тому времени созреют необходимые предварительные условия, как технические, так и культурные. Такими органическими мерами, подрывающими самые основы буржуазного общества и закладывающими краеугольные камни будущего строя, являются: полная демократизация всего политического и общественного строя, обеспечивающая свободное народное правление и превращение государства из орудия классового господства и репрессий в простой служебный орган общества; национализация земли, переход в непосредственное заведывание центральных государственных органов и органов местного самоуправления тех отраслей народного хозяйства, которые подготовлены для этого предварительным процессом капиталистической концентрации; передача на определенных законных условиях (напр., запрещение пользоваться наемным трудом) в заведывание рабочих ассоциаций других более крупных предприятий; передача земель, при посредстве органов местного самоуправления, в пользование товариществам равноправных работников, или, где это окажется возможным, отдельным лицам, обрабатывающим ее собственными силами, уничтожение права наследования имущества выше известных норм и т.п.

Осуществление полностью этой программы, направленной к воплощению конечной цели партии с.-р., предполагает переход к социалистической партии власти в государстве, а в случае необходимости временное установление революционной диктатуры организованного в политическую партию рабочего класса.

До тех же пор пока государственная власть не перешла в руки рабочего класса, пока, следовательно, он сможет оказывать лишь частичное влияние на ход законодательства, партия с.-р. будет стремиться к тому, чтобы политика проведения частичных реформ не заслоняла от рабочего класса конечной великой цели. Соответственно этому она будет требовать лишь таких реформ, которые развивают и усиливают его способности к освободительной борьбе, повышая уровень интеллектуального развития и материального благосостояния трудящейся массы, укрепляя их боевые позиции и создавая объективные условия, благоприятствующие их дружной, солидарной единой борьбе.

Партия с.-р. особенно предостерегает рабочий класс против того государственного социализма, который или является системой полумер для усиления борющегося рабочего класса, или представляет собою, в сущности, государственный капитализм, сосредотачивая в руках современной бюрократии, ради ее фискальных и политических целей, различные отрасли производства и торговли. Поэтому она сможет пойти

встречу проектам национализации (переход в собственность и распоряжение государства) тех или иных отраслей народного хозяйства лишь тогда и лишь постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно как и самый характер соответствующих проектов, дают достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящих классов.

Принимая во внимание, что наступающая ликвидация самодержавного строя должна в то же время поставить на очередь дня и обостренный вопрос о разорении трудящихся масс в России, партия с.-р. будет отстаивать как в революционный период, так и после него, поскольку преобразование России пойдет под руководством несоциалистических сил, следующие реформы:

В политической и правовой области

Установление демократической республики с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских, на основе пропорционального представительства и прямого, всеобщего, равного для всех без различия пола, религии и национальности права голосования для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайна голосования; прямое народное законодательство; полная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, неприкосновенность личности; полное и всеобщее гражданское равноправие; выборность, сменяемость и подсудность всех должностных лиц; безусловное право отдельных национальностей на самоопределение, отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого; установление обязательного, равного для всех, общего светского образования за государственный счет; уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

В хозяйственной, экономической области

В целях охраны духовных и физических сил рабочего класса и увеличения его способности к освободительной борьбе:

а) законодательное установление максимального рабочего дня (для большинства времени в 8 час.) и минимальных заработных плат, определяемых профессиональными организациями рабочих, государственное страхование от безработицы, несчастных случаев, на случай старости и т.п. законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли, согласно нормальным требованиям научной школы (запрещение работы малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних; запрещение женского труда в известные периоды и в известных отраслях производства; непрерывный еженедельный отдых и т.п.); профессиональная организация рабочих, их прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях, страхование во всех его видах и т.п.;

б) **в защиту трудовых интересов крестьян-земледельцев** партия с.-р. исходит из следующих соображений. Имея в виду, что в земледелии капитализм проявляет свое влияние не столько в организации крупного производства и обобществлении труда, сколько в обнищании сельского

населения, истощении и разрушении естественного плодородия почвы; имея далее в виду, что в русском крестьянстве, несмотря на разрушительное влияние индивидуализма, фискального гнета и бюрократической опеки, довольно прочны и распространены общинные и трудовые начала и взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. Партия ставит себе задачей противиться насаждению среди трудовых слоев крестьянства «собственнического фанатизма» и использовать в интересах привлечения к социализму все существующие среди них виды коллективной собственности, коллективного труда, равно как и соответствующие им черты народного сознания. В этих видах партия стоит за социализирование частновладельческих земель, т.е. за переход их в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования. С этой целью они будут отстаивать следующие меры:

предоставление сельским общинам и их территориальным союзам прав на принудительное отчуждение частновладельческих земель в том количестве, какое может обработать рабочее земледельческое население данной общины, не прибегая к наемному труду; учреждение крестьянских комитетов из выборных от общин для регулирования междообщинных поземельных отношений, определения размера нормального надела и т.д.; конфискация всех удельных и монастырских земель; обращение их, а также и государственных земель [...] дело обеспечения общин достаточным количеством земли, а также на нужды расселения и переселения; предоставление общинам и их союзам неограниченных прав по обложению находящихся в их районах земель (с целью конфискации поземельной ренты). Кроме того, пока сохраняются, хотя бы частично, частное землевладение и арендные отношения, партия будет стоять за их законодательное регулирование с целью: а) вознаграждения арендаторов за все производимые ими улучшения земли и б) ограничения арендной платы размером чистого дохода хозяйства (за вычетом их валового дохода, издержек производства и нормального вознаграждения занятых в хозяйстве);

в) меры в области финансовой политики:

Партия будет требовать **уничтожения косвенных налогов** (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин, выкупных платежей и всяких налогов на труд; **уничтожения круговой поруки** по взиманию податей; введения прогрессивного налога на наследство и доходы и совершенного освобождения от налога мелких доходов ниже известной нормы;

г) партия высказывается за широкое **развитие муниципального хозяйства**, за предоставление муниципалитетам неограниченных прав по обложению недвижимых имуществ (с целью конфискации поземельной ренты в городах) и по принудительному их отчуждению в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; за государственную и муниципальную политику, благоприятную развитию кооперации на строго демократических началах.

Партия с.-р., начиная непосредственную революционную борьбу с самодержавием, **агитирует за созыв Земского собора** (Учредительного со-

брания), свободно выбранного всем народом без различия пола, сословия, нации и религии, **для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков.**

Свою программу этого переустройства она будет выставять как в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период.

*ГАРФ, ДП 00, 1903, д. 1550.
О съезде с.-р. в 1903 г. в Женеве л. 1-7.*

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, выработанный редакцией «Революционной России»*

Современная Россия в культурном и социальном отношении входит все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя при этом ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения.

Во всех передовых странах цивилизованного мира, параллельно с ростом населения и его потребностей, идет рост власти человека над природой, усовершенствование способов управления ее естественными силами и увеличения творческой силы человеческого труда во всех областях его приложения. Рост этот является необходимым условием социального прогресса и борьбы за всестороннее и гармоничное развитие человеческой индивидуальности.

Но этот рост власти человека над природой происходит в современном обществе при условии буржуазной конкуренции разрозненных хозяйственных единиц, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал, предварительной экспроприации непосредственных производителей или косвенного подчинения их капиталу. По мере развития этих основ современного общества оно все резче распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ, и классы эксплуата-

* Настоящий проект составлен редакцией «Рев.России» на основании первоначального проекта и уже обсуждавшегося комитетами и организациями партии. Приняты в соображение многочисленные отзывы, проекты поправок, дополнений и т.п. Таким обр., редакции принадлежит преимущественно внешняя обработка предлагаемого проекта, являющегося, в существе своем, плодом коллективной партийной мысли. Опубликовывая этот проект, мы еще раз просим комитеты, организации, группы, а равно и отдельных членов партии присылать нам свои отзывы и замечания на проект. Те из этих отзывов, которые будут затрагивать не только детали и частности формулировок, а и важные принципиальные вопросы и с этой стороны будут иметь общий интерес, мы не замедлим опубликовать в отдельных ли приложениях «Рев.России», или в дискуссионном отделе «Вестника русской революции» — смотря по размерам и др. техническим соображениям. — редакция.

торов, монополизирующих владение естественными силами природы и общественными средствами производства.

Поскольку в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений развиваются, хотя и односторонние и неполно, формы коллективного труда и производство в крупных общественных размерах, постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для высшего социалистического строя жизни и объединения в компактную социальную силу промышленные армии наемных рабочих. Поскольку же буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и общественных производительных сил, постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои отрицательные, разрушительные стороны: анархию товарного производства и конкуренции; бесплодное расточение в ней хозяйственных сил; кризисы, потрясающие народное хозяйство в самых его основаниях; рост эксплуатации, зависимости и неопеспеченности рабочих масс; разлагающую все моральные устои власть денег; своекорыстную борьбу всех против всех за существование и привилегированное положение.

Взаимное отношение между этими положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития различно как для различных отраслей производства, так и для различных стран. Сравнительно благоприятное в высших отраслях индустрии и странах классического капитализма, оно становится все менее и менее благоприятным в других отраслях промышленности, в особенности же земледелия и в целых странах, менее благоприятных поставленных в международной экономической борьбе.

Но независимо от этих различий несоответствие и противоречие между положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития представляет собой общий и нарастающий факт, чреватый огромными историческими последствиями.

С ростом социального расстояния между эксплуататорами и эксплуатируемыми, с ростом противоречия между производительностью труда и ничтожностью доли в продукте самих трудящихся, с ростом нормы их эксплуатации растет их недовольство своим положением в современном обществе.

На почве стихийного процесса обострения классовых отношений все более и более развивается сознательное и планомерное вмешательство в ход событий организованных коллективных сил во имя того или иного общественного идеала, конечной цели, с систематически выработанной тактикой. Их целесообразно направляемая борьба охватывает одновременно все стороны жизни общества — экономическую, политическую и духовную.

Классы эксплуататоров стремятся увековечить основу своего существования — эксплуатацию путем ренты, прибыли на капитал во всех формах и податного отягощения трудовой массы. Посредством синдикатов, картелей и трестов они стремятся овладеть, в своих эгоистиче-

ских видах, условиями производства и сбыта. Они стремятся приспособить к своим классовым интересам все учреждения современного государства и превратить его всецело в орудие своего господства и порабощения эксплуатируемых. Наконец, они стремятся подчинить себе духовно и материально литературу, искусство, науку, ораторскую трибуну, чтобы держать трудящиеся массы не только в экономическом, но и в умственном рабстве.

Не обладая иными ресурсами или исчерпав их в борьбе, они прибегают к союзам с реакционными силами отживающего прошлого, воскрепляя расовую и религиозную вражду, отравляя народное сознание шовинизмом и национализмом, входя в компромиссы с остатками монархических, стародворянских и церковно-клирикальных установлений.

Изживая все свое бывшее прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нем классов, все сильнее отталкивая от себя умственный и моральный цвет нации и заставляя его тяготеть к враждебному буржуазии лагерю угнетенных и эксплуатируемых.

Классы эксплуатируемых, естественно, стремятся защищаться от тяготеющего над ними гнета и по мере роста своей сознательности все более объединяют эту борьбу и направляют ее против самых основ буржуазной эксплуатации. Международное, по своему существу, движение по все более и более определяется как движение огромного большинства в интересах огромного большинства, и в этом залог его победы.

Сознательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм. Ставя своей задачей умственную, политическую и экономическую эмансипацию рабочего класса, он выступает прежде всего как инициативное революционное меньшинство, как боевой авангард трудящихся масс, в то же время постоянно стремясь слиться с этими массами и охватить их всецело в своих рядах. Его основная практическая задача сводится к тому, чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения и путем планомерной, организованной борьбы совершили социально-революционный переворот, программой которого являются: освобождение всех общественных учреждений из-под власти эксплуатирующих классов; уничтожение, вместе с частной собственностью на естественные силы природы и общественные средства производства, самого деления общества на классы; уничтожение современного классового, принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т.е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Только осуществление этой программы даст возможность непрерывного, свободного и беспрепятственного развития всех духовных и материальных сил человечества; только оно превратит рост общественного богатства из источника зависимости и угнетения рабочего класса в источник его благосостояния и всестороннего, гармонического развития человеческой личности; только оно прекратит вырождение человечества

ва, с одной стороны, от праздности и пресыщенности, с другой, от чрезмерного труда и полуголодного существования; только при осуществлении свободного социалистического общежития человечество будет беспрепятственно развиваться в физическом, умственном и нравственном отношении, все полнее воплощая истину, справедливость и солидарность, в формы своей общественной жизни. И в этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества. Оно ведет к устранению всех форм междоусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплуатации человека человеком, к свободе, равенству и братству всех без различия пола, расы, религии и национальности.

Партия социалистов-революционеров в России рассматривает свое дело как органическую составную часть всемирной борьбы труда против эксплуатации, человеческой личности против стеснительных для ее развития общественных форм и ведет его в духе общих интересов этой борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности.

Взаимоприспособление форм патриархального дворянско-чиновничьего самодержавия и новейшей буржуазной эксплуатации обостряет постановку социального вопроса в России. Развитие капитализма обнаруживает в ней более, чем где-либо, свои темные стороны, менее, чем где-либо, уравниваясь творческим, организующим влиянием роста общественных производительных сил. Колоссально развившийся механизм бюрократического государства, в связи с условиями освобождения крестьян и развитием кулачества во всех его формах и видах, все более и более парализует производительные силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мере прибегать к подсобным промыслам и труду по найму, получая от всех видов своего заработка доход, едва соответствующий нищенской заработной плате пролетария. Тем самым сокращается и подрывается внутренний рынок промышленности, страдающей от недостатка внешних рынков. Прогрессивно возрастает избыточное население и капиталистически излишняя резервная рабочая армия, понижающая своей конкуренцией уровень жизни городского пролетариата. Рабочее движение вынуждено развиваться в условиях самодержавного режима, основанного на всеохватывающей полицейской опеке и подавлении личной и общественной инициативы. Более реакционный, чем где-либо, класс крупных помещиков и торговцев все сильнее нуждается в такой же поддержке против трудовых масс деревни. В интересах самозащиты самодержавие прибегает к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, парализуя их духовное возрождение и общественное развитие, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост сознания социально-политических интересов рабочих масс. Существование самодержавия становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь надежным союзником и опорой наиболее эксплуатирующих и паразитических классов внутри России, русское самодержавие становится и за ее пределами одним из главных оплотов ре-

акции и сильнейшей угрозой делу освободительной борьбы рабочих партий других стран. Его низвержение является не только ближайшей и неотложной задачей социально-революционной партии, как первое необходимое условие для разрешения социального вопроса в России, но и крайне важным фактором международного прогресса.

Вся тяжесть борьбы с самодержавием, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы «образованного общества», падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Необходимой задачей социалистической партии, к которой переходит руководящая роль в этой борьбе, является вследствие этого расширение и углубление в революционный момент тех социальных, имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия.

Осуществление полностью ее программы, то есть экспроприации капиталистической собственности и реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры.

До тех же пор пока в качестве революционного меньшинства, организованный рабочий класс сможет оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства, партия социалистов-революционеров будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной, основной цели; чтобы своей революционной борьбой он добивался и в этот период лишь таких перемен, которые будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбе, способствуя повышению уровня его интеллектуального развития и культурных потребностей, укрепляя его боевые позиции и устраняя препятствия, стоящие на пути к его организации.

Поскольку процесс преобразования России будет идти под руководством несоциалистических сил, партия социалистов-революционеров, исходя из развитых выше соображений, будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой следующие реформы.

А. В политической и правовой области

Установление демократической республики с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение; прямое, тайное, равное, всеобщее право голосования для всякого гражданина не моложе 20 лет — без различия пола, религии и национальности; пропорциональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц; полная свобода совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и

союзов; полное и всеобщее гражданское равноправие; неприкосновенность личности и жилища; полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого; установление обязательного, равного для всех общего светского образования на государственный счет; равноправие языков; бесплатность судопроизводства; уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

Б. В народнохозяйственной области

1. В вопросах рабочего законодательства партия социалистов-революционеров ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса и увеличение его способности к дальнейшей освободительной борьбе, общим интересом которой должны быть подчинены все узкопрактические, непосредственные, местные и профессиональные интересы отдельных рабочих слоев. В этих видах партия будет отстаивать: возможно большее сокращение рабочего времени в пределах прибавочного продукта; установление законодательного максимума рабочего времени согласно нормам, указываемым научною гигиеной (в ближайшее время — 8-часовая норма для большинства отраслей производства и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установление минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственное страхование во всех видах (от несчастных случаев, от безработицы, на случай болезней, старости и т.д.) на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли согласно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений, запрещение работы малолетних, запрещение женского и детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды, достаточный непрерывный еженедельный отдых и т.п.); профессиональная организация рабочих и их прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях.

2. В вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, т.е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования. В случае, если это главное и основное требование аграрной программы-минимум не будет осуществлено сразу, в качестве революционной меры, партия социалистов-революционеров в дальнейшей аграрной политике будет руководствоваться соображениями о возможном приближении к осуществлению этого требования во всей его полноте, выступая

за возможные переходные к нему меры, как, напр.: расширение прав общин и территориальных их союзов по экспроприации частновладельческих земель; конфискация земель монастырских, удельных, кабинетских и т.п., и обращение их, равно как и государственных имуществ, на то же дело обеспечения общин достаточным количеством земли, а также на нужды расселения и переселения; ограничение платы за пользование землею размерами чистого дохода хозяйства (за вычетом из валового дохода издержек производства и нормального вознаграждения за труд); вознаграждение за произведенные улучшения в земле при переходе пользования ею от одного лица к другому; обращение ренты путем специального налога в доходную статью общин и органов самоуправления.

3. В вопросах финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследства, при совершенном освобождении от налога мелких доходов ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложения предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд.

4. В вопросах муниципального и земского хозяйства партия будет стоять за развитие всякого рода общественных служб (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая организация, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщений и т.п.); за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах.

5. Что же касается до различных мероприятий, имеющих целью национализацию еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства, то партия социалистов-революционеров сможет пойти им навстречу лишь тогда и лишь постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно как и самый характер соответствующих мероприятий, будут давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии. Вообще же партия социалистов-революционеров предостерегает рабочий класс против «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усиления рабочего класса, отчасти же — своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии, ради ее фискальных и политических целей.

Партия социалистов-революционеров, начиная непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Земского съезда (Учредительного собрания), свободно избранного всем народом независимо различия пола, сословий, национальности и религии, для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков. Свою программу этого переустройства она будет как отстаивать

Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период.

«Революционная Россия», № 46, 5 мая 1904 г. С. 1-3.

РАЗДЕЛ IV

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В НАЧАЛЕ 900-Х ГОДОВ: СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИЗ ДОКЛАДА РОССИЙСКОЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ АМСТЕРДАМСКОМУ КОНГРЕССУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА¹⁰³

(Август, 1904 г.)

С. Деятельность партии социалистов-революционеров

Приступая к описанию повседневной работы партии, мы считаем достаточным охарактеризовать ее лишь в общих чертах. Эта работа, естественно, велась по двум направлениям: в городе и среди крестьянства.

В России, как и в других современных государствах, городской пролетариат составляет авангард движения за освобождение рабочего класса. У нас, как и везде, волнения рабочих масс отмечались прежде всего рядом забастовок, которые являлись отправной точкой радикального политического рабочего движения.

Первое пробуждение рабочих масс в 1890-1900 гг. в России совпало с необычайным расцветом — впрочем, чисто временным — тяжелой промышленности. Этот расцвет был вызван искусственной сверхпротекционистской политикой. Однако эта лихорадка промышленных спекуляций довольно быстро привела к кризису, продолжающемуся до сих пор и конца которому не видно.

Примерно в это же время деревня, разоренная и истощенная постоянным голодом, выбросила на рынок огромную рабочую силу, согласную на любую, даже самую низкооплачиваемую работу. Положение изменилось и стало менее благоприятным для забастовочного движения. Не видя выход только в забастовках, подталкиваемое безработицей и начавшимися студенческими волнениями, наконец, побуждаемое, с одной стороны, дикими репрессиями правительства, а с другой — все возрастающей революционной пропагандой, рабочее движение в таком случае приняло еще более революционный характер и в конечном счете проявилось в целом ряде уличных демонстраций откровенно политической направленности. В городах можно было видеть рабочих, шествовавших с красными знаменами, на которых было начертано: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!» Тюрьмы, ссылки, нагайки казаков, которые испытывали на себе манифестанты, казни, совершаемые с сознательной жестокостью, притеснения и унижения человеческого достоинства в полицейских участках, превращенных в настоящие камеры для допросов, все это не могло остановить революционного движения. Тогда правительство, находясь в полном замешательстве, попыталось применить новую тактику борьбы с неповиновущимися массами, названную в честь ее инициатора и вдохновителя «рабочей политикой Зубатова». Сущность этой политики была такова: внушать рабочему классу доверие к царизму, якобы «находящемуся вне классов», который и должен быть единственным естественным защитником «разумных» требований пролетариата во всем, что касается его профессиональных интересов; отвлекать пролетариат от политической борьбы

и направлять его против революционеров, призывавших рабочих как раз к отстаиванию своих прав политическими методами. Зубатов стремился организовать в главных рабочих центрах страны группы «независимых», которые должны были направлять свою деятельность против создания новых революционных организаций в рабочей среде. В 1901 г. зубатовщина достигла своего апогея в Москве, где лекции зубатовских агентов нередко собирали более тысячи слушателей-рабочих. В это время наша партия, как и другие социалистические организации, стремилась целым рядом статей, листовок и прокламаций, равно как и на собраниях рабочих, разоблачать эту политику перед трудящимися и привлечь их на поле битвы за экономическое и политическое освобождение рабочего класса. Рабочие — члены революционных организаций, открыто и решительно выступая на собраниях «независимых», вынуждали ораторов из «отделения безопасности» сбрасывать свои маски. Под воздействием подобной пропаганды и разоблачений у рабочих открывались глаза, и лучшие из них оставляли зубатовские организации. Летом 1903 г. мы были свидетелями окончательного провала политики Зубатова. Чтобы доказать рабочим, что правительство сохраняло нейтралитет и даже готово было отстаивать интересы рабочих, пока их требования не выходили за рамки мирной борьбы с капиталистами, агенты Зубатова время от времени организовывали забастовки с разрешения и под наблюдением полиции. Летом 1903 г. агенты Зубатова задумали организовать забастовку портовых рабочих в Одессе с целью восстановить свое влияние, сильно поколебленное очень энергичной пропагандой социалистических групп. Но, подготавливая эту акцию, наши социал-стукачи и не подозревали, что она выльется в поистине всеобщую забастовку, оправдать которую они будут не в состоянии и которая положит конец всей их провокационной деятельности. Правительство, напуганное размахом забастовки, смогло подавить его с помощью кровавых репрессий и наконец-то решилось прекратить опасное заигрывание с рабочими, а сам Зубатов был вынужден уйти в отставку.

В то же самое время, что и в Одессе, всеобщая забастовка разразилась и на Кавказе, и вскоре вся южная Россия была охвачена забастовочным движением, в котором приняли участие несколько сотен тысяч рабочих. В течение всего этого времени наши местные партийные комитеты стремились то посредством прокламаций, то с помощью выступлений направить это движение на революционный путь. На всеобщих митингах бастующих, насчитывавших иногда до 10-15 тысяч, ораторы, направленные нашими комитетами, поддерживали рабочих в их пылом стремлении к борьбе, доказывая необходимость покончить с полицейским произволом и самодержавием, преграждающими путь к их социальному освобождению. Эффективнее, чем в других очагах движения, наш комитет действовал в Екатеринославе, однако нужно признать, что российские социалистические организации в 1903 г. еще не имели достаточно сил, чтобы возглавить это движение, которое самым неожиданным образом захватило рабочие массы.

В это время мы часто получали возможность обращать внимание рабочего класса на правительственные преследования, которым подверга-

лись национальности, тесно связанные с русскими цепями центрального бюрократизма и угнетения. Тяжесть правительственного гнета, обрушившегося на Польшу, насилие и произвол в Финляндии, имевшие целью сделать из нее вторую Польшу, грабеж и несправедливость по отношению к армянам и т.д. — все это в скором времени вызвало у всех этих народов стремление к автономии или же, как мы видим в Польше, к воссозданию независимого государства. Подобная тенденция к автономизации, будучи тесно связанной с деятельностью социалистических партий и движением рабочих масс вообще, как, например, в той же Польше и на Кавказе, является средством для сближения между нашими комитетами и социалистическими организациями, действующими среди пролетариата других национальностей.

Образ, в котором наша партия предстает в прессе и в устной пропаганде, в общий чертах следующий: как социалисты мы выступаем против всего, что может помешать сближению наций между собой, следовательно, мы решительно против «национализма» и вообще против всех движений, направленных на ревностное сохранение всех национальных особенностей, составляющих историческое наследие. Вместе с тем мы видим в возрождении национального весьма отрадный факт, который мы оцениваем так из-за того, что он может способствовать проникновению в каждую национальную среду великих идей гуманности и интернационализма в форме, наиболее соответствующей ее характеру. Для нас национальность — одна из необходимых форм для усвоения и воплощения всеобщего прогресса человечества. Также мы являемся непримиримыми врагами ассимиляционной политики государства, которое всеми возможными и невозможными средствами пытается приостановить индивидуальное развитие угнетенных национальностей, навязывая им свой язык и культуру. На нашем знамени начертано: каждая нация имеет абсолютно полное и неограниченное право на независимое существование. Мы выступаем за федеративное устройство, за самую широкую автономию и независимое интеллектуальное развитие всех национальностей. Мы обращаемся к социал-революционным силам всех народов, скованных между собой единой цепью бюрократической централизации, и мы призываем их создать федеративный союз для борьбы против общего заклятого врага всех народов, и прежде всего русского народа, против алчного самодержавия, плутократии и бюрократии. Этот союз будет наилучшим проводником будущей свободной федерации народов, свергнувших иго самодержавия и капитализма... Перед тем, как закончить этот краткий отчет о деятельности нашей партии в городской рабочей среде, мы должны отметить, что наша партия делает все возможное, чтобы использовать весьма многочисленные связи, существующие между рабочими и их родными деревнями, сельской средой, готовя их на роль пропагандистов и революционных агитаторов среди крестьян.

Работа по пропаганде, агитации и организации среди городских рабочих ведется нашими местными комитетами. В настоящее время такие комитеты имеются в следующих городах: С.-Петербурге, Москве,

Одессе, Киеве, Саратове, Харькове, Екатеринославе, Херсоне, Воронеже, Житомире (Волинский комитет), Брянске, Смоленске, Пензе, Тамбове, Полтаве, Нижнем Новгороде. Вообще центр тяжести всей партийной деятельности приходится как раз на работу в местных комитетах, действующих в духе общей программы партии. Там, где еще нет наших комитетов, создаются небольшие группы отдельными, симпатизирующими нашей партии людьми. По мере того как деятельность этих групп расширяется, они вступают в контакт с партией, благодаря нашему Центральному Комитету, и действуют уже под наименованием организационных групп или партийных комитетов. В настоящий момент группы и организации, составляющие партию социалистов-революционеров, существуют в следующих местах: Белостоке, Баку, Николаеве, Кишиневе, Ельце, Азове, Орле, Васильсурске, Александрове, Севастополе, Нижнем Новгороде, Туле, Тифлисе, Витебске, Бердичеве, Астрахани, Чернигове, Вильне, Томске, Гомеле, Казани, Курске, Твери, Самаре, Минске, Двинске. Местные партийные организации создают небольшие группы, в которых ведется систематическая агитация среди рабочих и где работают лучшие пропагандисты, действующие со знанием дела; с другой стороны, эти группы организуют рабочие собрания, издают и распространяют необходимую агитационную литературу (листовки, прокламации, брошюры), руководят повседневной борьбой рабочих (забастовки, манифестации и т.д.). Вокруг них группируются чисто рабочие организации, состоящие из рабочих-пропагандистов. Они действуют в полнейшем взаимопонимании с партийными комитетами.

В соответствии с тем, что мы рассматриваем крестьянство как неотъемлемую часть рабочего класса, наша партия распространяет социал-революционные идеи среди этих трудящихся, наполовину собственников, наполовину пролетариев. Цель этой пропаганды — приобретение в деревне верных сторонников социалистических идей из наиболее передовых крестьян, которые позднее стали бы вождями великих крестьянских революционных движений, подготовка сознания всей темной массы деревенских работников к борьбе за политическое освобождение и за осуществление нашей аграрной программы-минимум: конфискация всех земель, принадлежащих частным собственникам, в пользу всех трудящихся, которые сами и обрабатывают эту землю.

Вся серая масса крестьян, составляющая подавляющее большинство русского народа, владея крохотным клочком земли и не имея вовсе никаких денежных средств, находится у нас под тройным гнетом предпринимательского, торгового и финансового капитала. Крестьянин, владея слишком маленьким клочком земли, вынужден наниматься к богатому хозяину, как рабочий или арендатор — к капиталисту или подрядчику, как ремесленник или батрак; наиболее трудоспособные члены крестьянской семьи вынуждены уходить на промышленные предприятия, не имеющие ничего общего с сельским хозяйством, и в этом случае они страдают от ига капитализма не меньше, чем городской пролетариат. Как нищий собственник и закабаленный работник, крестьянин постоянно находится на самом дне социальной пирамиды

и, следовательно, представляет собой самый уютный элемент общества. Именно по этой причине мы всегда подчеркиваем в нашей устной и печатной пропаганде среди крестьян то родство, которое существует между их интересами и интересами промышленного пролетариата. Кроме того, мы не перестаем им внушать, что они должны рассматривать городской пролетариат как верного союзника в общей борьбе за социальное освобождение.

Особые условия экономического развития России таковы, что капиталистическое производство, и особенно его сельскохозяйственная отрасль, часто находит более выгодным эксплуатировать бедного крестьянина, нежели пролетария; вот почему работа, которую крестьянину удастся найти вне сельского хозяйства, только в исключительно редких случаях навсегда отрывает его от села; в большинстве случаев происходит как раз противоположное явление: из-за недостаточной и несвоевременной заработной платы русский крестьянин становится еще более привязанным к своему клочку земли, чем прежде. Так же обстоит дело и с крестьянином, который никогда не имея достаточно средств, чтобы наесться досыта, становится почти даровым работником крупного землевладельца. В этом случае крестьянин тоже не становится мелким арендатором или батраком, не связанным со своей собственной землей, а скорее он становится еще более привязанным уже к чужой земле. Загнанный, таким образом, со всех сторон в угол, где он может наконец найти путь к лучшей жизни, если не в расширении своих прав на землю? Вот почему очень большая часть сельского населения просто потеряла голову от желания и ожидания радикальных изменений, которые, по ее мнению, должны произойти в структуре земельных отношений: вся земля, принадлежащая крупным собственникам, однажды должна перейти в руки трудящихся, а частная собственность должна стать общей собственностью тех, кто, будучи эксплуатируемыми, обрабатывает ее своими собственными руками.

Задача нашей пропагандистской и агитационной работы как раз и состоит в том, чтобы использовать подобное умонастроение крестьянства, вдохнуть в него здравый смысл и тем самым точно выразить истинные социалистические требования. Уже в наши дни весьма значительная часть земли в России (34%) находится во владении крестьянской общины, основанном на принципе уравнительного распределения; необходимо, чтобы вся земля **целиком** и **полностью** принадлежала трудящимся, а принцип ее коллективного использования окончательно восторжествовал. Проникновение элементарного образования в крестьянскую среду и опыт 40 лет жизни после крестьянского освобождения в 1861 г. сильно преобразили деревню и сделали ее гораздо более восприимчивой к усвоению революционных идей. 20 лет назад бесполезно было распространять в массах наши брошюры, так как никто не мог их прочесть; сегодня книга находит своих читателей в самых отдаленных деревнях. Прежде нередко бывало, что мужик за всю свою жизнь так и ни разу не видел своего уездного города, в настоящее же время почти вся крестьянская Россия ведет кочевой образ жизни. Не менее 10 мил-

лионов крестьян ежегодно перемещаются по стране во всех направлениях, постоянно меняя род занятий, встречая множество различных людей, останавливаясь перед всевозможными необычными явлениями, поражаясь контрастом между роскошью одних и нищетой других, между чудесами, на которые способна современная наука, и их собственной безграмотностью; эта беспредельность человеческого несчастья, которая ежегодно выбрасывает на поверхность русской земли миллионы крестьян, кидая их от одного эксплуататора к другому, раскрывает им глаза и показывает ту социальную пирамиду, которой они служат фундаментом и постоянно ударяются об ее острые углы. Весь этот поток впечатлений, ощущений и новых знаний все время врывается в деревню вместе с теми, кто возвращается к родному очагу, и неизбежно расширяет понемногу кругозор мужика, который и не видел ничего, кроме своего поля.

В то же время у крестьян развивается чувство осознания своих прав. Великая надежда мужика на своего батюшку-царя уже в достаточной мере улетучилась благодаря столь долгому и напрасному ожиданию, а также во многом из-за политики Александра III, который старался покровительствовать только дворянскому землевладению. Ко всему прочему среди крестьян ведется революционная пропаганда, особо интенсивная в последние годы.

В самом деле, в нашей устной пропаганде, так же как в брошюрах и прокламациях, мы не устаем показывать крестьянам всю необходимость уничтожения самодержавия, с одной стороны, и необходимость проведения целого ряда экономических и политических реформ — с другой. Мы обозначаем для мужика путь к свободе через землю, и мы ведем его к обладанию землей через свободу...

Спрос на запрещенную революционную литературу значительно вырос у крестьян за последнее время. Сейчас социалистические идеи гораздо легче овладевают массами. Частые визиты полиции и политической жандармерии обучили крестьян всем приемам конспирации. Они уже часто очень хорошо скрывают от глаз властей находящиеся у них пропагандистов, многочисленные революционные брошюры, от которых они сами очень активно переходят к чтению нашей литературы, организуя ее чтение на общинных сходах и рассылая по другим деревням, и т.д. Сейчас все чаще и чаще можно видеть крестьян среди политических заключенных. В таких случаях они демонстрируют развитое чувство собственного достоинства перед жандармами и спокойно идут в тюрьму или ссылку, не теряя веры в справедливость дела, которое они защищают.

Пропагандистская работа в деревне, как дело чрезвычайно сложное, в последнее время уже испытывает нужду в установлении более тесной связи между сельскими пропагандистами. Именно с этой целью был организован «Крестьянский союз ПСР», который, централизуя деятельность партии в деревнях, в то же время руководит революционными группами, созданными самими крестьянами под влиянием этой деятельности. Для того чтобы поддерживать постоянные связи с центром

партии, комитеты «Крестьянского союза» осуществляют прямые и непрерывные сношения с местными комитетами ПСР, частью которой они и являются. Центральный Комитет сформировал специальную группу, задача которой — служить центром местных комитетов «Крестьянского союза».

В 1903 г. ПСР... приняла в свои ряды новую организацию — «Союз учителей». Находящиеся постоянно в тесных доверительных отношениях с крестьянством, знающие лучше, чем кто бы то ни было, нужды и жизненные проблемы деревни, учителя народных школ являются неопенимыми помощниками в нашей работе; мы надеемся, что этот «Союз» позволит им обмениваться между собой результатами своих опытов и с большим успехом вербовать новых товарищей по борьбе. Основанный всего лишь в 1903 г. «Союз учителей» уже в ноябре того же года имел многочисленные связи в 10 губерниях страны.

Следуя фактам, мы должны вкратце проследить деятельность ПСР со дня ее основания или скорее с момента ее возобновления после 15-летнего перерыва, который произошел в социально-революционной пропаганде в русской деревне. Вопрос о необходимости привлечения крестьян в социально-революционное движение на практике был разрешен в 1900 г. той же группой, которая взяла на себя объединение, и ровно через год в Саратове вышел в свет номер журнала, озаглавленного «Крестьянское дело». Этот журнал продолжает издаваться под заглавием «Народное дело», уже вышло 5 номеров. И если их не появилось больше, то это только потому, что полицейские условия совершенно не позволяют издавать журнал чаще и к тому же сильно затруднена перевозка этих объемистых брошюр, в которых крестьяне находят не только объяснения, касающиеся своих собственных проблем, но также последние новости о ходе социалистического движения среди русских и иностранных рабочих.

В каждой брошюре в очень ясной и доступной форме излагаются экономические и политические требования крестьян; почти во всех статьях журнала, целиком проникнутого доктриной социалистов-революционеров, читатели-крестьяне находят убедительные доказательства того, что только социалистический строй может привести угнетенные классы ко всеобщему благоденствию.

В то же самое время, т.е. весной 1901 г., появились также (в очень ограниченном количестве) социалистические брошюры, изданные за границей Аграрно-социалистической лигой, которая находится сегодня в федеративном союзе с ПСР. Журнал и брошюры произвели своим появлением такое значительное впечатление, что вскоре получили отклики и просьбы со всех мест, куда только может проникнуть социал-революционная литература. В то время подпольных типографий было намного меньше, чем сейчас, и перевозка литературы, изданной за рубежом, тоже была не так хорошо организована. В какой-то момент партия была вынуждена прибегнуть к домашним средствам, если можно так выразиться, и занять сотни интеллигентских рук в работе по гектографированию брошюр и народных листков. В итоге эти молодые

люди так хорошо научились обращаться с гектографом и выпускать такие великолепные издания, что нельзя было поверить, что все это сделано вручную.

Эта литература, отпечатанная таким примитивным способом, распространялась в тысячах экземплярах в приволжских губерниях и доходила даже до Перми, Уфы, Вятки; везде потребность в ней была настолько велика, что в некоторые города (Саратов, Пермь, Самару, а также в Полтаву и Нижний) крестьяне приходили из своих деревень и просили научить их пользоваться гектографом, чтобы они сами могли размножать социалистическую литературу, не поступающую к ним в достаточном количестве. Вскоре в деревнях Саратовской, Самарской, Пензенской и Тамбовской губерний был арестован целый ряд лиц в связи с найденной у них нелегальной литературой, пользовавшейся популярностью у крестьян («Хитрая механика», «Как министр внутренних дел заботится о крестьянах», «Беседы о земле», «Венгрия и венгерцы», «Справедливость и несправедливость», «Николай Палкин» и т.д.).

Столь хороший прием, который крестьяне оказали социал-революционной пропаганде, не мог не вызвать определенной реакции в умах и сердцах русской молодежи, в течение долгих лет державшейся поодаль от работы в деревне, что произошло в связи с распространенным ложным толкованием марксистского учения. Теперь молодые агрономы, фельдшера, мужчины и женщины, учителя и учительницы народных школ и другие интеллектуальные силы, проживающие в провинции, с особым рвением брались за новую работу. Брошюра «Очередной вопрос», в которой автор доказывал необходимость революционной работы среди крестьянства, была встречена как давно ожидаемое откровение, как окончательное одобрение желаний, чувств и убеждений, уже давно созревших в революционной среде, но носители которых, загипнотизированные массой лженаучных представлений, совершенно не решались проявить себя без более или менее авторитетного призыва извне. Пропагандистская деятельность в деревнях велась значительно легче в тех местах, где в течение предыдущих лет (во время революционного затишья) трудились силы местной интеллигенции, распространяя постепенно просвещение повсюду. В общинах, в деревнях и уездах, которым посчастливилось заполучить на некоторое время хороших учителей, где существовали небольшие библиотеки, где крестьяне уже имели привычку частенько собираться по вечерам для публичных чтений, устраивать небольшие спектакли или другие более-менее культурные развлечения, можно было не сомневаться в наличии среди мужиков личностей, способных понять и оценить не только цель социалистического учения, но также методы борьбы, рекомендуемые социал-революционной литературой.

Город Саратов стал чем-то вроде водораздела для географического распространения крестьянской пропаганды. Уже в первый же год эта пропаганда доходит до земель, лежащих вверх по течению Камы и Вятки на севере России, на юге она спускается по Воронежской губернии до губерний Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, проходит

по Полтавской. Знаменитые волнения в Полтавской и Харьковской губерниях происходили, и это сущая правда, во время жесточайшего голода, однако следует отметить, что они начались прежде всего там, где уже побывали малороссийские социалисты и где уже начали действовать социалисты-революционеры...

Проповедуемые нами принципы социалистического учения во многом совпадают со взглядами, которых придерживаются сами крестьяне, в частности в том, что касается владения и коллективного пользования землей. Некоторые горячие малороссийские крестьяне решили сами воплотить в жизнь свои справедливые экономические требования в тех местах, где это им казалось возможным. Будучи полны решимости разделить на равные части все имущество, какое только есть в частных владениях, они захватывали одно поместье за другим и делили между собой не только запасы пшеницы, скот, рабочий инвентарь и т.д., но (в Харьковской губернии) часто даже землю, оставляя самому владельцу лишь часть, которая ему полагалась после раздела.

Волнения или, вернее, восстание крестьян Харьковской и Полтавской губерний имело двойное значение: с одной стороны, это восстание навело настоящую панику на средних и крупных землевладельцев, и не только на них, но и на все привилегированные классы... С другой стороны, восстание полтавских крестьян во многом способствовало оживлению народного движения вообще; мы видим этому доказательство в незамедлительно последовавших беспорядках в Черниговской, Саратовской, Тамбовской и др. губерниях, которые вызвали издание целого ряда административных и министерских циркуляров, очень строго и подробно указывавших неминуемую опасность революционной пропаганды, а также средства для ее предупреждения. В 1903 г. количество обысков, арестов и преданий суду, вызванных крестьянскими волнениями, выросло в 4 раза по сравнению с предыдущими годами, после чего последовало размещение в деревнях «сельских полицейских», иначе говоря, шпики в серых шинелях, наподобие солдатских, которым было поручено внимательно наблюдать за тем, что говорится в деревне, не только среди крестьян, но и в помещичьих имениях...

Однако ничто не смогло повергнуть в состояние прежней апатии однажды пробужденный ум русского крестьянина, и мы видим, что в 1903-1904 гг. учение социалистов-революционеров, вместо того чтобы исчезнуть из деревни, наоборот, постоянно, буквально каждый день одерживает все новые и новые победы. В течение относительно короткого промежутка времени (за полтора года) литература нашей партии и ее борцы проникли на север, юг и даже в центр России, в этот истинный оплот царизма.

Московская губерния вместе с восьмью другими губерниями, составляющими то, что называется Великороссией, не являются больше цитаделью самодержавия. Живущие в них крестьяне не только читают много социалистической литературы, но и принимают активное участие в создании крестьянских социалистических союзов, которые в настоящее время прочно обосновались на территории, расположенной

южнее Орловской губернии. Мы убеждены, что только недостаток реальных сил, большая часть которых изнемогает под прессом преследований правительства, бросающего их в тюрьмы и отправляющего в ссылки до того, как из них успевают вырасти опытные борцы, только невозможность создавать и поддерживать повсюду в одно и то же время наши организации затрудняют нам, социалистам-революционерам, объединение вокруг нас всей массы русского крестьянства. Его сочувствие идеям социалистов-революционеров, доверие, которое оно оказывает распространителям этих идей, настолько очевидно, что крестьяне сами по своей собственной инициативе призывают к себе пропагандистов для организации собраний с целью обсуждения своих насущных проблем и лучшего понимания нашего учения. За 4 года нашей работы в крестьянской среде мы не установили ни одного случая умышленного предательства революционера, ни одного отказа принять социал-революционную литературу для дальнейшего распространения. Само собой разумеется, что наши пропагандисты всегда обращаются к крестьянам, которые им внушают доверие, а уж сам факт возможности обнаружения социалиста-революционера в любой, неважно какой, деревне достаточно доказывает, в какой степени русский крестьянин способен воспринимать наши идеи (по крайней мере это доказывает, что он не боится этого делать). Кроме того, он замечает, что на каждую книгу, изданную ПСР, правительство штампует миллионы «патриотических» и «монархических» листов и столько же православно-антисемитских и т.д.

Два раза, по просьбам крестьянских союзов, замышлялось создание крестьянской газеты. (В Полтавской губернии в 1903-1904 гг. вышло три номера, отпечатанных на гектографе; газета была арестована в Одессе, в типографии; еще одна газета была выпущена в Екатеринославе¹⁰⁴). Также именно по их просьбе и с их денежной помощью производилась транспортировка литературы, предназначенной специально для крестьянских союзов, и мы предвидим в ближайшее время участие в конспиративной деятельности партии не только ограниченного круга лиц, но и целых групп, входящих в крестьянские организации, что, несомненно, будет чрезвычайно полезно для развития пропаганды на селе, которая сможет стать еще более расширенной и глубокой.

Восстановление социал-революционной пропаганды в среде русского крестьянства оценивается партией как самая большая наша заслуга, так как мы абсолютно убеждены, что только с помощью всего рабочего класса, включая сельских тружеников, революционному движению удастся избавить от позора нашу родину и уничтожить ярмо, тяготеющее над Россией в лице самодержавия, в сознании своей безнаказанности перешедшего все мыслимые границы.

*Rapport du Parti Socialiste Revolutionnaire
de Russe au Congrès Socialiste International
d'Amsterdam. Paris. Aout 1904. S. 28-47.*

ИЗ ПОКАЗАНИЙ С.Н.СЛЕТОВА (ЗЕМЛЯКОВА)¹⁰⁵
СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПРИ ЦК ПСР ПО ДЕЛУ АЗЕФА
(22 апреля 1910 г.)

Земляков: Сначала я очень кратко охарактеризую то положение дел, которое я застал в 901 г., когда приехал за границу. Приехал осенью, в сентябре. В это время я не примыкал официально ни к какой организации. У нас в Тамбове была небольшая группа, в которой раньше был и В.М.Чернов, но эта группа опять-таки не примыкала ни к какой другой, большей организации. Это была просто совершенно самостоятельная и автономная группа, которая главным образом вела пропаганду среди ремесленников, учащейся молодежи, крестьян и т.п. Сношения у нас были преимущественно, и даже исключительно с с.-р., нам было известно, что существует «партия с.-р.», т.н. южная партия, и «Союз с.-р.» Сношения у нас были крайне нерегулярными.

Для характеристики тогдашнего организационного положения дел упомяну об одном маленьком эпизоде — он довольно характерен для тогдашнего положения дел. Я хочу подчеркнуть, что формальных отношений было очень мало. Когда я в марте месяце 901 г. предложил свои услуги представителю партии с.-р. старику Анатолию Влад. Сазонову¹⁰⁶, в качестве нелегального, потому что мне все равно нужно было или уезжать за границу или переходить на нелегальное положение, то меня использовать никоим образом не могли, несмотря на то, что у меня была определенная репутация и рекомендации и даже маленькое прошлое. (Я был арестован в первый раз еще в 1896 г.). И тем не менее меня не могли использовать в качестве нелегального, очевидно, просто потому, что не было для этого ни сил, ни средств. Тогда я решил уехать за границу, чтобы там более или менее ориентироваться, тем более, что там уже был в это время В.М.Чернов, с которым мы вместе жили в Тамбове и вместе работали, причем нами была поставлена определенная цель — создание народной литературы; в частности, некоторые вещи из тех, что впоследствии издавались за границей, были написаны еще в Тамбове.

За границей я застал положение дел такое: существовал целый ряд маленьких организаций, совершенно оторванных от России, причем одна из них — «Союз русских соц.-рев.» — считалась представителем «Союза с.-р.» в России. Сношений с Россией почти никаких не было, или если и были, то страшно отрывочные и т.д. Другая организация, Аграрно-социалистическая лига, тоже прямых сношений с Россией собственно не имела, потому что попытки, которые ею были сделаны в этом направлении, делались через Ул.¹⁰⁷, но он оказался провокатором, так что это дело совершенно не клеилось.

Формально, по приезде за границу, я мог вступить в силу своих взглядов, только в Аграрно-соц. лигу, членом которой я сейчас же, по приезде, и был избран.

К концу 901 г. приехали в Берн, где жил в это время В.М.Чернов и где было нечто вроде центра «Союза с.-р.» (супруги Житловские и

Ак.¹⁰⁸, два делегата из России: один из них считался представителем южных групп и главным образом Саратовской Гр. (Гершуни), другой считался представителем «Союза с.-р.» (Азеф). Из собраний, которые происходили там после их приезда, я присутствовал не на всех; а главным образом на тех, которые касались вхождения Агр.-соц. лиги в новую партию, образовавшуюся из слияния партии с.-р. и «Союза с.-р.». С Аграрно-соц. лигой дело не выгорело. С одной стороны, запротестовали старики (напр., Шишко, Волховский), которые вообще недоверчиво относились ко всем русским организациям, потому что весь опыт 80-х и 90-х гг. был таков, что большинство русских организаций возникало и очень быстро лопалось. Кроме того, у них была иллюзия сохранить беспартийный характер Лиги и даже привлечь туда с.-д. С другой стороны, заграничная публика, напр., члены «Союза русских с.-р.» (Житловский и др.) они тоже были против вхождения Агр.-соц. лиги в новообразовавшуюся партию, потому что им хотелось за границей сохранить известный ряд организаций, сохранить за собою известную самостоятельность и известное значение.

Меня с Азефом познакомил Ханон Раппопорт¹⁰⁹, член «Союза русских с.-р.» на вокзале: «Вот очень важный человек из России» — показал он Аз[ефа].

Результатом переговоров явилась организация редакции «Революционной России». Организация этого дела была поручена двум человекам: Гоцу и Чернову. Затем были установлены и кое-какие формальности; члены Союза с.-р., которые считались представителями русского «Союза с.-р.» — все становились членами новой партии с.-р. Агр.-соц. лига вступала в союзные отношения с этой новой партией. «Вестник русской революции» (Рубанович, Тарасов и Гоц) — теоретическим органом партии, потому что «Вестник русской революции» входить в партию не хотел, а хотел, чтобы партия признала его своим теоретическим органом, и вот в этом смысле было составлено заявление...

О русских делах... известно было очень мало, и это было вполне естественно, потому что общение было очень незначительное, из России вообще приезжало очень немного народу. В 902 г. я ездил в Россию с литературой. Характерная вещь: литература шла страшно туго, почти даже совершенно не шла, были постоянные провалы. Эн. (Розернбаум — *Н.Е.*), классический транспортер Союза с.-р., сидел все время в Лемберге, а правильного транспорта не было. Напр., когда нужно было к 1 мая привезти литературу в Киев, где к тому времени уже были организации новой партии, то мне пришлось сделать такую вещь: прямо из Женевы привезти литературу на границу, перевезти через границу и самому же доставить в Киев. Там положение дел было самое плачевное. Я, напр., приехал с литературой в Киев, а ночевать меня отправили в Воронеж, потому что нельзя было найти квартиру для ночевки...

В сущности говоря, организации в то время никакой не было, были просто группы работавших людей, вот и все. (Зачеркнуто: «Это были именно группы людей, работавшие вместе по личному знакомству», но на полях черными чернилами дополнено: «Однако характеризовать эти группы, как сознательно подбиравшиеся из людей, близко между со-

бою знакомых, связанных между собою единством происхождения и воспитания, было бы неверно» — *Н.Е.*). Так, напр., Центральная заграничная группа сложилась скорее просто географически, так как, как раз, к этому времени в Женеву приехал Гоц, а там уже жил Шишко, жил Чернов, я. Как видите — люди различных революционных поколений и довольно различных, особенно в начале, взглядов. Впоследствии, благодаря совместной работе, происходило большее или меньшее слияние во взглядах, происходило взаимодействие.

И вот мы все и возились со всеми такими делами: нужно писать — пишешь, нужно ехать с транспортом — едешь, нужно корректуру править — правишь. Никаких прав и никаких обязанностей не было...

Тогда было гораздо труднее пробраться в организацию, чем потом уже, позже, потому что в большинстве случаев тип организации был такой: у с.-р., напр., почти в каждом крупном городе сидели «старики». Они поддерживали определенную революционную традицию, были страшно враждебны всякой формальной организации и вообще всякому объявлению себя. Напр., Воронежская группа: это была одна из старейших организаций, но самую первую свою прокламацию она выпустила только в 902 г., несмотря на то, что она существовала бесконечное количество лет: это из-за нежелания как-нибудь объявить о своем существовании. Так что работа их велась чисто органическая, они занимались главным образом углублением связей, работой вглубь, а не вширь. Пробраться к ним было страшно трудно, так как они были страшно законспирированы, разыскать кого-нибудь из представителей южной «партии с.-р.» или северного «Союза с.-р.» без очень солидных связей было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Над «Союзом с.-р.» даже шутили, что он так сильно законспирировался, что даже неизвестно, делает он что-нибудь или ничего не делает...

В 903 г. я решил весной ехать в Россию, в апреле или в мае. Как раз в это время приехала за границу Бабушка, она меня застала там уже в последние дни моего пребывания за границей. Для характеристики положения дела в тогдашнее время упомяну, что я уехал в Россию почти исключительно на свои деньги, от организации мне почти ничего не было дано, указаны были только лица, к которым можно заявиться в России, даны были рекомендации. Целью моей поездки было ознакомление с постановкой крестьянского дела, и мне самому хотелось принять участие в этом деле. Ехал нелегально. Ни о каком центре, ни о каком Центральном Комитете, который бы организовывал бы что-нибудь, не было и речи; практически мне всегда приходилось иметь дело главным образом с Гоцом, человеком, который всегда был в курсе всех дел. Опять-таки должен сказать, что поскольку я помню, в этот период какой-нибудь формальной организации совсем не было, так сказать, не было даже никаких формальных собраний, формальных заседаний. Помню, что только один раз было несколько заседаний, на которых вырабатывался проект программы. К этому времени в Женеву, как раз, приехал Т. (Ракитников — *Н.Е.*), затем Гершуни, приехал, кончив срок ссылки Розенблюм, который тоже примкнул к партии. Это было после

дела Сипягина, но тогда еще никакой формальной организации за границей не было.

Член комиссии Берг¹¹⁰: А в России?

Земляков. Трудно судить, что там было в это время. Приезжал по временам из России Гершуни, сообщал целый ряд сведений о российских делах, об организации новых комитетов, иногда приезжали другие люди из России и рассказывали о том, что делается на местах; получались также издания местных организаций. Впечатление от всего этого получалось такое, что организация, несомненно, растет и растет, растет главным образом, конечно, вширь: возникают новые организации среди молодежи, новые рабочие кружки и т.п.

И вот для характеристики, я говорю, что те собрания, на которых вырабатывался проект программы, были просто-напросто собраниями (зачеркнуто «публики», черными чернилами сверху надписано «социалистов-революционеров» — *Н.Е.*), которые находились в данный момент в Женеве и которые представляли какой-нибудь интерес. Проект был составлен четырьмя лицами: Гершуни, Т. (Ракитниковым), Черновым и Гоцом; сначала они обсуждали его между собою, затем набросок проекта был разослан всем заграничным литераторам: И. (Юделеvesкому)¹¹¹, Рубановичу, Тарасову и др., одним словом, всем, кто мог что-нибудь сказать по этому поводу...

Приблизительно в конце апреля 903 г. за границу приехала Бабушка, которая задалась целью организовать за границу, привлечением тех лиц, которые еще не были привлечены к работе и затем создать нечто вроде формальной организации, потому что в это время уже замечалась необходимость в создании такой более или менее формальной организации. Публики, которая примыкала к партии, в то время было уже достаточно много, когда я приехал за границу, но с.-ров не было, в сущности говоря. Был только Житловский, Тарасов и Рубанович соц.-рев. себя не считали, а считали себя старыми народолюбцами. В Париже, правда, иногда выступал И. (Юделеvesкий) и Х. Раппопорт, но не знаю, выступали ли они как с.-р. или же нет, потому что я тогда не был в Париже. Чернов официально не выступал, он начал выступать уже после того, как он вошел в редакцию «Рев. Рос.». Тогда условлено было, что с этого момента он начнет выступать уже как представитель партии, а раньше он выступал исключительно только со своими теоретическими рефератами, так как он жил за границей совершенно легально. И вот главным образом благодаря, с одной стороны, этой рефератной кампании Чернова, а с другой, появлению «Рев. Рос.», с.-р. за границей стали быстро расти. С одной стороны, в то время наблюдался прилив за границу учащейся молодежи из России, а с другой — начала приезжать постоянно публика, спасавшаяся от арестов. Из такой публики лишь немногие оставались постоянно за границей, а большинство, пробывши месяцев 4-6, уезжали обратно в Россию на работу уже нелегальным манером. Ввиду всего этого уже живо чувствовалась необходимость в существовании какой-нибудь формальной организации.

И вот приехала Бабушка, которая и занялась этим делом. Но это было уже в моем отсутствии, так что всего этого периода формирования фор-

мальной заграничной организации и официального образования «Заграничного комитета» я уже не наблюдал, так как был уже в России.

В мае 903 г. я поехал в Россию, забрав с собою разные личные рекомендации к людям в разных местах. В это время были уже установлены партийные пароли, но как всегда бывает, ими не приходилось пользоваться. Я поехал исключительно один. Раньше меня поехало несколько лиц. Я помню только, что в это же приблизительно время, в начале 1903 г. был образован Центральный Комитет, т.е., вернее, четверо уполномоченных ЦК, из которых каждый должен был объезжать свою область, и первыми уполномоченными ЦК были Гершуни, Рн.(Розенблюм), У.(Селюк М.Ф.) и Т.(Ракитников). Может быть, был в их числе и Азеф, я не знаю, вероятно, что был. Однако и здесь надо отметить, что при этом не было больших формальностей. Это были товарищеские (зачеркнуто «частные» — Н.Е.) переговоры Гершуни с отдельными лицами, которые должны были занять по своей работе центральное положение. Но я тогда поехал туда без всякой помощи какого-нибудь центра, а просто с обыкновенными явками.

Границу проехал через Румынию, заехал в Кишинев, а затем объехал почти всю Россию, побывал городах, по крайней мере, в 14, чтобы посмотреть просто, что делается на местах. Я побывал в Кишиневе, Киеве, Харькове, Чернигове, Одессе, Саратове, Москве, Смоленске, Орле, Курске, Самаре, Ниж.Новгороде, Тамбове, Калуге. В большинстве мест я застал картину полного разорения. Кратко тогдашнее положение характеризовали так: или уже провал, или провал налаживается — таково было техническое выражение. Я поехал в очень неудобное время — в мае 903 г. Как раз в это время были страшные первомайские провалы, потому что партия в это время поставила своей задачей подготовку к Первому Мая вооруженных демонстраций, и вот везде на этих приготовлениях публика страшно провалилась. Ужасающие провалы были в Киеве и многих других городах. Затем к этому же времени была взята вся первая русская центральная группа: она была вся уничтожена, в конце 1902 и начале 1903 гг. были арестованы Крафт¹¹², Гершуни, Ик.(Мельников), На.¹¹³, Ш.¹¹⁴, Т.(Ракитников) тоже был арестован. Бабушка и Рн.¹¹⁵ были за границей...

В России положение дел было такое: центральной организации нет: на местах, даже в таких местных центрах, как Киев, народу почти никого нет — сидят один-два человека, называются комитетом и ведут кое-какую работу. В Кишиневе никакой группы нет: работы никакой не ведется, немного только помогают транспорту. В Киеве были только остатки от прежней организации, были кое-какие связи с рабочими, но очень маленькие, был кое-кто из комитета, который потом все-таки принял некоторое участие в летней стачке 903 года. В Чернигове и Харькове — там ничего нет, после разгрома работает только маленькая группка людей. В Киеве меня смогли только познакомить с несколькими рабочими, которые были знакомы с крестьянами-штундистами. В Саратове дело было несколько лучше, но опять-таки очень слабо. В это время там главными действовавшими в то время на свободе лицами

были Старынкевич¹¹⁶ и Та.(Ракитникова И.И.¹¹⁷). Вокруг них группировалась тамошняя молодежь. Там была правильная организация: комитет, типография, выпускали прокламации, велась пропаганда среди рабочих, ширились и крестьянские связи. Главными деятелями по крестьянской работе были Нк.(Аникин¹¹⁸) и Ф.(Ульянов¹¹⁹), впоследствии депутаты первой Думы. Саратов представлял своего рода центр, поэтому публика обращалась туда за всем, что ей нужно было: часто приезжали из других мест за литературой и за связями. Из Саратова я поехал в Москву. В Москве ничего не было (зачеркнуто — Н.Е.). Там было еще меньше, чем в других городах; работа велась единичными силами только среди рабочих. Главным пропагандистом там был Ъ.(Ривкин¹²⁰). Во главе комитета стояли легальные люди, очень смирные и очень осторожные, типичная публика старого типа, которая осталась от 90-х гг. и около нее очень мало молодежи, причем и молодежь и они были оторваны друг от друга.

Хороший комитет и хорошую работу я нашел только в Смоленске; там было немного народа, но были такие люди, как Анастасия Биценко¹²¹, Максимилиан Швейцер¹²², Ю.(сестры Костюшко¹²³). Впечатление от них было очень хорошее. Это было почти единственное место, где смотрели на положение дел очень бодро, весело и где работа шла вовсю.

Недурную группу я нашел в Тамбове. В Калуге энергичную работу среди народных учителей вели ДК.(А.Д.Высоцкий¹²⁴) и Ф. Был в Орле, Курске, Самаре, Нижнем, там везде были только одиночки и даже не было формальных групп, — так слегка подрабатывают, получают литературу, вот и все. Это было в 903 г. В конце концов, объехав несколько городов, я остановился в Киеве и остался там работать. Там я встретил У.(Селюк М.Ф.). Это июль — по всему Югу России прошла волна стачечного движения. Это движение, конечно, повлекло за собою разгром тех остатков организаций, которые еще существовали. Приходилось собирать остаточки, собирать все заново. И вот мне и У. пришлось подбрать из оставшейся публики и начать буквально лепить работу. Пришлось поставить маленькую типографию, разыскать старые связи с рабочими. И в этих занятиях у меня прошел весь конец 903 г., но все-таки к концу года удалось поставить типографию, транспорт. Благодаря этому Киев скоро сделался своего рода центром для других организаций, к нам постоянно приезжала публика из разных мест за всякой всячиной: за шрифтом, напечатать прокламацию. Но все это было опять-таки совершенно неорганизованно. Просто в каком-нибудь Чернигове, Брянске или Белостоке узнали, что в Киеве можно получить что-нибудь и вот разыскивают какого-нибудь человека, от которого можно достать нужные рекомендации, посылают кого-нибудь с этими рекомендациями в Киев, отыскивают нас, и мы им даем, что можно, или не даем, если у нас самих нет. Материальные средства тоже приходилось доставать совершенно частным путем. Связи наши с границей были очень слабые, переписки мы не вели никакой, больше пользовались различными оказаниями: если придет кто-нибудь — ладно, дают ему поручения, а не едет никто — и так остается. Так что в общем сношений почти никаких не было...

В Киеве в это время произошел целый ряд разгромов, оставаться там было все труднее и труднее. Я перебрался на работу в Одессу. Там был кооптирован в комитет. Уместно сказать об условиях образования комитетов. В то время о демократическом начале в партии не могло быть и речи, все делалось, так сказать, чисто семейным образом; если какой-нибудь человек, пионер, т.с., работал в данном городе, то он старался привлекать к этой работе других и работающих лиц обыкновенно вводили в комитет. Комитет начинал более широкую работу, появлялись филиальные организации: так всегда бывал союз пропагандистов, затем агитаторская сходка и наконец, рабочий центр. Эти три учреждения всегда бывали при комитетах, не говоря уже о технических группах: типографской, транспортной, заведующей литературой, хранением и распределением. Организация обыкновенно строилась сверху вниз, т.е. сначала возникал комитет и он уже организовывал низшие организации, а не наоборот, не так, чтобы низшие организации посылали своих делегатов в вышние по порядку и по широте функций...

Берг. Было ли попыток организоваться вместе этим разным группам — Киевской, Одесской и др.?

Земляков. Об этом нельзя было даже и думать, потому что местная работа была до такой степени плохо поставлена, и приходилось тратить на нее так много времени, что совершенно ничего не оставалось для таких широких планов... При такой работе думать о каких-нибудь съездах и объединениях совершенно не приходилось. Объединение в то время было чисто идейное, через «Револ. Россию»; получил «Рев. Россию» и прочтешь, что в таких-то местах делается то-то и то-то, и знаешь приблизительно, что значит существует нечто, а с другой стороны, все-таки был постоянный обмен людьми, приезжали люди из других комитетов и сообщали о положении дел в своих краях. Брянск, Смоленск, Москва, Саратов, Одесса, — между этими городами был постоянный обмен людьми. Приходилось и самому наезжать в те пункты, которые были поблизости, так что связь-то чувствовалась, но связь чисто личная, не организационная, организационная связь выражалась только в том, что один комитет обращался к другому: «Нет ли у вас литературы? Дайте нам литературы». Вообще в этом, литературном отношении, был всегда страшный голод, и успех в отношении был громадный, колоссальный, как в смысле спроса на нашу литературу, так и в смысле одобрительного отношения к ней, но пути для удовлетворения такого громадного спроса были очень слабы. Несколько раз мы пробовали на свой страх и риск организовать транспорт, иногда это удавалось, иногда не удавалось, но все это было чисто кустарные попытки. Ведь весь бюджет нашего, например, Киевского комитета равнялся 150 руб. в месяц, причем и этот бюджет был отчасти дутый, так как в него мы включали и свои личные средства, которые мы тратили на свое содержание или на общие дела.

Я знаю, что была одна попытка устроить съезд в конце 903 г., когда я был в Киеве; я получил приглашение, это была инициатива одной местной группы, именно Смоленского комитета. Она, эта группа, по-

пробовала собрать хотя бы частичный съезд, но ничего не вышло, потому что, например, с Юга, где все-таки были в общем наиболее сильные комитеты, совершенно никто не мог приехать, потому что опоздали с приглашением. Так что, одним словом, сил для организации какой-нибудь конференции или съезда совершенно не было, и это было естественно, это было для нас физически невозможное дело. Мы пробовали, напр., создать районную местную газетку, и оказалось, что даже и для этого не хватает сил. Да это и понятно, если принять во внимание, что в таких городах, как напр., Одесса есть всего-навсего только один нелегальный, на котором и лежит вся конспиративная работа, а также отчасти и общеорганизационная работа. При этих условиях думать о какой бы то ни было более широкой работе было совершенно невозможно. Все сводилось в сущности (зачеркнуто: «к беготне по городу по целой массе разных мелких дел». — *Н.Е.*) к поддержанию связей в рабочей среде и интеллигенции, к распространению и воспроизведению литературы...

Вот вам общая характеристика дел: положение дел было очень скверно; недостаток центра, конечно, чувствовался. Собственно говоря, мы привыкли смотреть отчасти как на центр, на границу, но больше как на известный идейный центр; откуда приезжали люди с рекомендациями, мы их принимали и распределяли туда, куда было нужнее послать человека, но это делалось неорганизовано, и большей частью бывало так, что куда человек приезжал, там его и оставляли, потому что за каждого нелегального работника цапались всеми силами и средствами. В Одессе, напр., был целый ряд почтенных людей, заслуживающих всякого доверия, уважения и т.п. и, стало быть, там вполне естественно начало формироваться нечто вроде центра, к которому начали тянуться и другие организации. Говорили там, конечно, об организации формального центра и вообще о всяких больших вопросах. В частности, у нас был очень большой вопрос, это вопрос о терроре, потому что в программе у нас террор стоит, а террористических актов нет, о деятельности Боевой организации у нас сведений никаких нет. К нам, как лицам более осведомленным, со всех сторон поступают заявления и запросы, как обстоит дело в этом отношении, но мы сами совершенно ничего не знали об этом. Положение наше в этом смысле было крайне шекотливое. Тогда пользуясь тем, что тот нелегальный, который работал тогда в Одессе, Гендельман¹²⁵ («Илья Михайлович») уезжал за границу, мы воспользовавшись этим, устроили собрание и обсудили это вопрос. Были не все одесские комитетчики, а только «старики». Случайно из Саратова приехала к мужу Та. (И.Ракитникова), и она была. На нем мы обсуждали вопрос о своих отношениях к Боевой организации, относительно которой нам было даже неизвестно, существует она или нет. Резолюция: просим передать редакции «Рев. Рос.» и вообще (зачеркнуто «загранице». — *Н.Е.*) «центру», там была Бабушка, стало быть единственный представитель официальный старого центра партии, что мы просим нас осведомить о положении дел в этой области и ставим ультиматум, что если мы не получим об этом никакого извес-

тия, или же получим ответ в «почтовом ящике» «Рев. Рос.», какие уже и раньше получали, то в таком случае мы оставляем право за собою сделать попытку в смысле организации террористических действий, тем более, что нам было известно, что в это время уже такое террористическое течение со стороны некоторых частных групп и лиц уже начинало проявляться (в 904 г. была попытка со стороны частной группы лиц устроить покушение на Плеве, (группа Клитчоглу¹²⁶). Гендельман уехал. Какова судьба этой резолюции, мне неизвестно...

Через некоторое время, в апреле, в Одессу приезжает Азеф, разыскивает Да. (Рудина¹²⁷) и др. В это время приехала и У. (М.Селюк), был я, затем приехала и Л.Ш.(Волощенко¹²⁸). Вызывают нас всех, и Азеф рассказал, что положение дел таково: он является сейчас в Россию по поручению Бабушки и редакции «Рев.Рос.» с тем, чтобы восстановить ЦК. Прежнего ЦК сейчас нет, но организационное положение дел нам известно, известно, что необходимо во что бы то ни стало восстановить какую-нибудь центральную организацию, которая поставила на первую очередь организацию транспорта литературы в Россию и приемки ее тут, что он имеет как раз возможность организовать транспорт в широких размерах через границу, но нужно поставить организацию для быстрой развозки литературы уже в России. В это время шел транспорт через холодильники. Выдумка принадлежала не Азефу, но он ее осуществил практически... Разговоров было много, но Азеф был первым, кто из стадии разговоров перешел прямо к делу; вообще это было его главное, основное качество: если он видел перед собою что-нибудь практическое, то он или откидывал это, как негодное, или же брался за это, и тогда уже большей частью выходило что-нибудь дельное...

Я тогда изложил Азефу мнение относительно постановления дела в Боевой организации, указал на совершенно недопустимое отношение к прежним членам старой Боевой организации, но из этого ничего не вышло, никаких практических результатов. Он ответил, что ничего об этом не знает, что это Гершунин давал обязательство перед этими людьми, а его они не касаются. Я говорил о неудобстве положения, когда люди, стоящие в центре партии совершенно не знают о делах Боевой организации этой партии, что это дискредитирует самое боевое дело, затрудняет работу. Я указывал на ненормальность принципиальной изоляции и полной автономности Боевой организации от общепартийной организации. Я полагал, что Боевая организация должна находиться под непосредственным контролем и руководством ЦК. Вообще я считал нецелесообразным выделение террористической деятельности из других отраслей партийной работы как чего-то высшего, привилегированного, интересам которого должны подчиняться все другие партийные дела. Азеф продолжал настаивать на своем, что должна быть непременно изоляция; его любимый аргумент был обычно такой: «Ерунда!» Он предложил нам, т.е. мне, У.(Селюк) и Да.(Рудин) войти в новый ЦК. Я согласился, так как нелегальных сейчас почти совершенно нет, и в сущности мы и сейчас исполняем некоторые центральные функции, волей-неволей исполняем, потому что нет людей и, стало

быть, приходится войти в Комитет. Я оговорился при этом, что я с постановкой боевого дела несогласен совершенно, но я оставляю это дело в стороне, потому что сейчас необходимо выполнить некоторые практические задачи, стало быть, входить в пререкания и ставить какие-нибудь условия для своего вхождения в центральный орган не приходится...

Мы обсудили вопрос, кого еще нужно пригласить, и наметили несколько лиц, рассчитывали, что подойдет для этой цели кое-кто из сибиряков, а именно С.(Фейт¹²⁹), Д.(Фрейфельд¹³⁰) и Е.(Фрейлих¹³¹). Был разговор и о Сазонове. Мне было поручено переговорить с За.(Сазоновым Андреем), это старый ссыльный, сидел уже бесконечное количество раз.

И вот мы разделили между собою занятия. Первым нашим делом стало выпустить заявление по делу Покотилова¹³², где было сказано, что погибший товарищ — член Боевой организации и что Боевая организация продолжает свое дело. Мы все соглашались, что хоть чем-нибудь необходимо дать знать, что Боевая организация существует и работает. Кроме того, мы вообще придавали этому событию большое значение: хотя этот взрыв был и неудачный, но для публики и он уже имел большое значение: стало быть что-то делается, стало быть есть хоть разрывные снаряды в Петербурге. Подписались мы Центральным Комитетом. Это тоже имело некоторое принципиальное значение, в смысле отношений между Боевой организацией и ЦК, что значит о деятельности Боевой организации сообщает ЦК, стало быть он является учреждением, т.с. санкционирующим действия Боевой организации. Но о конституции Б.О. формального разговора у нас не выходило; этот вопрос был просто дело уже существующее, и мы решили не вмешиваться в это дело.

Азеф оставил нам целый ряд явок и адресов по России, так как мы с ним обсуждали и вопрос, где и с кем можно иметь дело. И вот мы с У. должны были объехать несколько мест с целью, во-первых, посмотреть, где, что есть, затем поговорить с некоторыми лицами относительно их участия в центральной организации и затем — подготовить дело организации складов для литературы...

Я отправился в объезд по России, был в целом ряде мест. Положение дел — далеко не блестящее во всех тех местах, где я был, а я был в Курске, Орле, Москве, Нижнем, Самаре и везде, где я был, положение дел в организационном отношении было опять-таки ниже всякой критики. Работают мелкие кучки или даже отдельные лица, правильной организации нет никакой совершенно... Я объезжаю Россию, ишу подходящих мест и людей; с другой стороны, в сношениях опять перерыв, так как «Иван Николаевич»¹³³ опять куда-то исчез. Дело с постановкой складов для литературы не выклеивалось и тогда мы с У. решаем, что мы уезжаем за границу... Едем за границу, чтобы выяснить в чем тут дело, так как тут что-то такое, чего никак не поймешь. А с другой стороны, нас в то время Бабушка звала за границу. Она уже неоднократно настаивала на том, чтобы мы приехали, потому что находила, что мы слишком уж долго держимся и рискуем провалиться.

Бабушка имела свои особые причины звать нас за границу; она тоже была недовольна отсутствием деятельности Боевой организации, и рас-

считывала, очевидно, узнать от нас о положении дел в России. Подозрений относительно Азефа никаких не было, у меня было личное недовольство его отношением к нам и в этом отношении я не мог его как-нибудь особенно выделять, в смысле такого недовольства, потому что дезорганизация была в партии общая, стало быть винить за ту или другую бестолковщину какое-нибудь отдельное лицо совершенно не приходилось, потому что везде приходилось наткаться на всевозможные нежелательные факты. Говорят, напр., что в таком-то месте есть то-то и то-то, а приедешь — оказывается там ничего нет. Дадут тебе явку, так это уже такая традиция, что на этой явке, наверно, ничего не найдешь. Пароли, напр., всегда перепутывают, но ко всему этому мы уже привыкли. Но меня особенно беспокоила боевая деятельность: мы знаем, что существует Боевая организация, знаем, что на нее отпускаются определенные средства, а она ровно ничем себя не проявляет; только вот и был признак, что она существует, это тот взрыв, когда погиб Покотилов. После дела Богдановича 6 мая 1903 г.¹³⁴ до 15 июля 1904 г. не было никаких решительно признаков боевой деятельности партии. Об этом все говорили и все этим волновались.

В мае 1904 г. я выехал за границу...

Постановка Боевой организации, как организации, находящейся вне контроля ЦК и обособленной от общепартийной организации, мне казалась неприемлемой. Дело Плеве¹³⁵ страшно подняло ее престиж и принимая во внимание узко (с моей точки зрения) террористические тенденции главных представителей Боевой организации (Азефа, Савинкова¹³⁶, Каляева¹³⁷) влияние Боевой организации должно было вредно отразиться на общепартийной тактике, отодвинув массовую деятельность на задний план.

Я думал, что необходимо противопоставить политико-террористическому течению в п.с.-р., течение т.с. массово-социалистическое. Поэтому я думал, что следует центральные силы направить на развитие социально-революционной организации в крестьянстве, которая держала бы партию с.-р. от увлечения чистым терроризмом. Я решил примкнуть к организовавшейся тогда под влиянием Бабушки и Лл. (Хилкова¹³⁸) группы, т.н. «крестьянцев»¹³⁹.

Я заявил о своем уходе из ЦК «Ивану Николаевичу»... В это время за границей образовалась группа молодежи, .. это главным образом Медведь, т.е. Соколов¹⁴⁰, некто Бондарь (не помню его настоящей фамилии). Они и еще несколько человек, работников среди крестьянства, считали необходимым усилить работу в крестьянстве, и внести в него боевой дух, до аграрного террора включительно. По своим взглядам я отчасти примыкал к ним, потому что всегда был сторонником массового боевого действия, а с другой стороны, я не видел в жизни серьезных оснований против аграрного террора. Но в общем я держался более умеренной точки зрения, чем они, тем более, что группа эта была под влиянием Бабушки и Хилкова. Вот это действительно было определенное крыло в партии, определенное партийное течение и его инициаторами и так сказать инспираторами являлись Бабушка и Лл.

У нас с этой молодежью был определенный план составить группу работников в крестьянстве, которая поехала бы в Россию работать среди крестьян, работать более или менее автономно. Мы не успели еще дотолковаться как следует до всего. Я вступил в эту группу и являлся бы связующим звеном между нею и партией, как человек с определенным партийным положением. Мы имели бы дело главным образом с Бабушкой.

...В это время образовалась Областная Северо-Западная организация, она составляла себе очень широковещательные планы, на почве которых вышли кое-какие недоразумения. Нужно было, чтобы кто-нибудь поехал туда для того, чтобы уладить недоразумения между этой организацией и партией. Азеф предлагал мне поехать туда и посмотреть там, в чем дело. Я ответил ему, что по организационному делу я не поеду, потому что с меня достаточно того, что целый ряд моих дел он или отрицает или говорит, что они не так сделаны, как надо было. Технические поручения ЦК я выполнять буду, но организационные на себя не возьму. Таких, где я должен был бы действовать от имени ЦК, и что вообще я намерен теперь заняться не организационной работой, а крестьянским делом. Я сказал ему, что образовалась группа лиц, которые думают заняться специально крестьянским делом, что я считаю, что то направление работы, которое имеется сейчас у данного ЦК, при Азефе, нецелесообразно, что в данный момент нужно прежде всего усилить крестьянскую работу и что в этом отношении из членов ЦК можно рассчитывать на Бабушку, что наша группа перед отъездом своим в Россию вступит в определенные отношения с партией, т.е. сформулирует свои отношения к ней. На этом мы с ним и расстались. Потом я получаю формальное письмо от имени ЦК, подписанное Азефом и У.(Селюк), в котором они мне говорят, что считают невозможным, чтобы я ехал на каких-то условиях, что они не считают возможным, чтобы я ставил партии или ЦК такие-то и такие-то условия, и что в конце концов они мне ставят ультиматум: или ехать в Россию без всяких условий и там сидеть и ждать дальнейших распоряжений ЦК, или же вовсе не ехать в Россию, а выяснить дело здесь, а все данные о транспорте передать У., которая должна заняться этим делом. Я сначала страшно обозлился, но потом поговорил с Бабушкой, с сестрой¹⁴¹. Они мне указали, что знамя бунта поднимать не к чему, что из этого может выйти только скандал. Тогда я дал себя уговорить и поехал в Россию, а вслед за мной ехала уже телеграмма¹⁴². 3 сентября 1904 г. я был арестован...

ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 128, л. 26-72.

УСТАВ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ С.-Р., ПРИНЯТЫЙ ЕЕ ЧЛЕНАМИ В АВГУСТЕ 1904 г.

1. Боевая организация ставит себе задачей борьбу с самодержавием путем террористических актов.

2. Боевая организация пользуется полной технической и организационной самостоятельностью, имеет свою отдельную кассу и связана с партией через посредство Центрального комитета.

3. Боевая организация имеет обязанностью сообразовываться с общими указаниями Центрального комитета, касающимися:

а) круга лиц, против коих должна направляться деятельность Боевой организации;

б) момента полного или временного, по политическим соображениям, прекращения террористической борьбы.

Примечание. В случае объявления Центральным комитетом полного или временного, по политическим соображениям, прекращения террористической борьбы Боевая организация оставляет за собой право довести до конца свои предприятия, если таковые ею были начаты до означенного объявления Центрального комитета, какового права Боевая организация может быть лишена лишь специальным постановлением общего съезда партии.

4. Все сношения между Центральным комитетом и Боевой организацией ведутся через особого уполномоченного, выбираемого комитетом Боевой организации из числа членов последней.

5. Верховным органом Боевой организации является комитет, пополняемый через кооптацию из числа ее членов.

6. Все права комитета, кроме нижеперечисленных, передаются им избираемому им же из числа его членов, сменяемому по единогласному соглашению всех членов комитета, члену-распорядителю.

7. Комитет Боевой организации сохраняет за собой:

а) право приема новых и исключения старых членов как комитета, так и организации (во всех случаях с единогласного соглашения всех членов комитета);

б) право участия в составлении плана действий, причем в случае разногласия между отдельными членами комитета решающий голос остается за членом-распорядителем;

в) право участия в составлении литературных произведений, издаваемых от имени Боевой организации.

8. Одновременно с выбором члена-распорядителя комитет Боевой организации производит выбор его заместителя, к каковому заместителю переходят все права и полномочия члена-распорядителя в случае ареста последнего.

9. Число членов комитета Боевой организации не ограничено, в случае же ареста одного из них все его полномочия переходят к заранее назначенному комитетом кандидату.

10. Члены Боевой организации во всех своих действиях подчинены комитету Боевой организации.

11. В случае одновременного ареста всех членов комитета Боевой организации или всех ее членов, кроме одного (заранее назначенного комитетом кандидата), право кооптации постоянного комитета Боевой организации переходит к заграничному ее представителю, а во втором случае — также и к кандидату в члены комитета Боевой организации.

12. Настоящий устав может быть изменен лишь с единогласного соглашения всех членов комитета Боевой организации и ее заграничного представителя.

*Борис Савинков. Воспоминания террориста.
Конь бледный. Конь вороной. М., 1990. С. 74*

КО ВСЕМ РАБОЧИМ

В борьбе обрешь ты право свое!

Товарищи!

15 июля в 9 часов 50 минут утра в г. Петербурге Боевой организацией партии социалистов-революционеров убит министр внутренних дел Вячеслав Константинович фон Плеве.

Мы все знаем, за что он убит.

В борьбе за свое освобождение, товарищи, мы встречаем двух врагов: буржуазию и самодержавие. Но первый наш враг — царское правительство. Оно стоит впереди; оно защищает и отстаивает существующий политический и экономический порядок в России.

Товарищи!

Мы знаем, какими жестокими средствами оно поддерживает господство капиталистов, а также и свое собственное господство. Во время наших стачек и демонстраций оно высылает против нас войско и расстреливает нас.

Оно стремится разрушить в самом зародыше нашу организацию, без которой мы не можем бороться с капиталистами. С этой целью оно насильственным путем стремится уничтожить наши кружки и комитеты; оно бросает в тюрьмы наших вожakov и гонит в ссылку наиболее смелых и сознательных рабочих. Мало того, оно стремится развратить рабочий класс подкупом и обманом; оно ищет среди нас наиболее слабых и побуждает их изменить своему собственному делу.

Товарищи!

Царское правительство ведет кровавую и неумолимую борьбу с рабочим движением. Время одной словесной пропаганды уже прошло. Рабочие массы уже пробуждаются в России, и царское правительство решилось подавить это движение жестокой расправой.

Товарищи! На насилие мы должны отвечать насилием; на борьбу мы должны отвечать борьбой; на кровавые меры против нас мы должны отвечать кровавыми мерами против наших палачей.

Товарищи! Одним из таких палачей был министр внутренних дел фон Плеве. Это был первый палач в государстве. Он руководил всеми злодеяниями, которые совершались против рабочего народа. По его приказанию расстреливали рабочих в Ростове, Батуме, Златоусте, Одессе, Екатеринославе, Тифлисе и Кисеве. По его внушениям и с его одобрения секли демонстрантов и стачечников в Вильне, Екатеринославе, на Воткинском заводе; по его приказаниям секут бунтующих крестьян, ссылают без суда лучших борцов за права рабочего народа. По его при-

казанию наполнялись тюрьмы и избивались беззащитные заключенные; по его приказанию на фабрики и заводы посылались сыщики и предатели. По его внушениям действовали чиновники и агенты, подстрекавшие темную толпу громил совершать ужасающие зверства и насилия над женщинами, детьми, стариками евреями в Кишиневе и Гомеле. По его внушениям рабочих разных национальностей наускивают друг на друга, чтобы отвлечь их от единодушной борьбы против хозяев и самодержавного чиновничества. По его настояниям с той же целью начата была война с Японией, в которой гибнут тысячи, десятки тысяч людей, рекой льется кровь, многие рабочие и крестьянские семьи остаются без кормильцев и работников, водворяется кризис и безработица, надвигаются лишения, нищета и голод. При его заступничестве и пособничестве хозяева высасывают из рабочих людей все соки и к тому же издеваются и помыкают ими. По его приказу увеличили во много раз орду туеняццев-полицейских, обязанных держать в страхе и повиновении рабочих люд. Это был враг, и мы должны были уничтожить его.

Товарищи! Партия социалистов-революционеров призывает рабочих соединиться не только для одной пропаганды, но также и для борьбы, и она уже ведет эту борьбу. Ее рабочие группы и комитеты ставят своей задачей наряду с агитацией и пропагандой составлять боевые дружины для вооруженного отпора против всякого насилия над рабочим народом.

Боевая организация партии социалистов-революционеров берет на себя задачу уничтожения тех наиболее вредных врагов, которые занимают главные места в правительстве и отсюда распоряжаются кровавой расправой. Палач фон Плеве убит Боевой организацией партии социалистов-революционеров.

Товарищи! Партия социалистов-революционеров призывает вас продолжать борьбу. До сих пор мы защищались; приходит пора перейти от обороны к нападению. Готовьтесь же, товарищи! Вооружайтесь, день расчета не за горами!

Долой самодержавие! Мы требуем, чтобы собрались выборные от всей земли обсудить и вырешить переустройство всех наших порядков в пользу рабочего народа! **Мы требуем созыва Учредительного собрания!**

Долой произвол и насилие! Мы требуем полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек! Мы требуем отмены всех законов, стесняющих права, включенных силою в состав русского царства, национальностей!

Долой самовластное чиновничество! Мы требуем выборности, сменяемости и подсудности всех должностных лиц!

Долой помещиков! Мы требуем прекращения торгового надела нашей матерью-землею, требуем отмены частной собственности на землю, требуем перехода всей земли в распоряжение и пользование всего рабочего земледельческого населения!

Долой капиталистов! Мы требуем, чтобы все, созданное трудом рабочих людей, доставалось им, шло на их общую пользу, а не в карманы кучки праздных бездельников.

Долой войну! Мы требуем мира и братства между народами, мы требуем, чтобы каждый народ сам свободно решал свою судьбу, мы требу-

ем всеобщего разоружения и замены постоянных армий — народным ополчением! Мы требуем немедленного прекращения тяжелой, убыточной, кровавой, ненужной для рабочего народа войны с Японией!

Товарищи! Борьба продолжается! В борьбе обретем мы право свое!

Центральный комитет партии социалистов-революционеров.

Июль 1904 г.

*Летучий листок «Революционной России»,
№ 4, 28 июля 1904. С. 22*

КО ВСЕМУ РУССКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ

В борьбе обретешь ты право свое!

15 июля 1904 г. в Петербурге по постановлению Боевой организации партии социалистов-революционеров убит министр внутренних дел Вячеслав Константинович фон Плеве.

Фон Плеве был министром два года и 105 дней. Перед фон Плеве министром был Дмитрий Сипягин. Сипягин за свои злодеяния против народа был убит 2 апреля 1902 г. Степаном Валерьяновичем Балмашовым по постановлению Боевой организации партии социалистов-революционеров.

Назначая фон Плеве министром, царь рассчитывал остановить народную революцию — восстание народа против гнета царского, помещичьего и хозяйского.

Министр внутренних дел облечен огромной властью. Вся Россия — в его руках. Ему подчинены все губернаторы, все земские начальники, вся полиция — до последнего стражника. Выше министра стоит только царь. Только царь может спросить отчет у министра.

Такою властью был облечен фон Плеве для того, чтобы удержать народ в рабстве. Фон Плеве был тот столп, которым хотели подпереть разваливающуюся стену самодержавия. И фон Плеве оправдал доверие царя. Он сделал все, чтобы задушить народное недовольство. Он не жалел народных денег на полицию, на тюрьмы, на шемакинские суды. Не жалел он и крови народной.

По приказу и велению фон Плеве в защиту фабрикантов и заводчиков, в охрану царского самовластья, против обираемого и угнетаемого народа высылались войска, казаки и полиция. Рабочих и крестьян били, секли, расстреливали, сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь и на каторгу. Все это за то, что народ перестал терпеливо сносить господское иго. Все это затем, чтобы укрепить разваливавшуюся крепость самодержавия.

Только что назначенный министром фон Плеве в апреле 1902 г. отправился в Полтаву и Харьков, чтобы самолично руководить там расправой над крестьянами за то, что те добивались земли и воли.

По его настоянию усмиренные, униженные, разоренные и засуженные крестьяне, вдобавок ко всем постигшим их наказаниям были обло-

жены в пользу помещиков налогом за круговой порукой. Видя все растущее в деревне недовольство, фон Плеве завел повсеместно новую сельскую полицию — стражников. Как саранча облепили они деревни. Всюду вынохивают эти ищейки дух недовольства, хватают верных слуг народа, гноят их в тюрьмах и потом отправляют их в ссылку в северные трупобиты. В правление фон Плеве черная туча гнет и произвола тяжелее чем когда-либо налегла на народ. Полиция всемогущего министра давила всех и вся. Казалось, что правда сгинула со света и на Руси воцарилась навеки тьма неправды. Фон Плеве делал, что хотел; казалось, не было такой силы, которая позвала бы его к ответу.

Но велика сила народа. Не царским министрам задушить народную волю. Министр не хотел считаться с народом, не хотел давать ему отчета в своих делах. Огражденный глухой стеной полиции, министр думал, что он недоступен народному суду.

Но этот суд пришел. Гром народного гнева грянул над дерзким супостатом народа. Смертью заплатил фон Плеве за голод, за нужду, за грабёж, за истязания, за стоны и смерть миллионов трудового народа.

Партия социалистов-революционеров, борющаяся в передних рядах пробуждающегося народа, от имени народа и во имя народа вынесла смертный приговор злодею. Приговор выполнила Боевая организация партии.

Фон Плеве был одним из столпов, на котором держится стена самодержавия, стена, преграждающая народу путь к свободе и счастью.

Руби столбы — стена повалится.

Но смертью фон Плеве борьба с угнетением не кончена. Фон Плеве — не один. Он только один из злейших врагов народа. Снести всю стену самодержавия, уничтожить без остатка все тяготеющее над народом зло может только сам народ.

Мы, социалисты-революционеры, неустанно зовем народ на борьбу за народное дело. Зовем словом и примером. Мы зовем в свои ряды всех, кто не хочет больше терпеть, кто не хочет добыть народу **землю и волю**.

Пусть же взрыв 15 июля громом пронесется по русской земле и пробудит всех, кто еще не проснулся, для великого дела освобождения народа.

Долой самодержавие! Мы требуем, чтобы собрались выборные от всей земли обсудить и вырешить переустройство всех наших порядков в пользу рабочего народа! **Мы требуем созыва Учредительного собрания!**

Долой произвол и насилие! Мы требуем полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек! Мы требуем отмены всех законов, стесняющих права заключенных силою в состав русского царства национальностей!

Долой самовластное чиновничество! Мы требуем выборности, сменяемости и подсудности всех должностных лиц!

Долой помещиков! Мы требуем прекращения торга нашей матерью-землей, требуем перехода всей земли в распоряжение и пользование всего рабочего земледельческого населения!

Долой капиталистов! Мы требуем, чтобы все созданное трудом рабочих людей доставалось им, шло на общую пользу, а не в карманы кучки праздных бездельников!

Долой войну! Мы требуем мира и братства между народами, мы требуем, чтобы каждый народ сам свободно решал свою судьбу, мы требуем всеобщего разоружения и замены постоянных армий — народным ополчением! Мы требуем немедленного прекращения тяжкой, убыточной, кровавой, ненужной для рабочего народа войны с Японией!

Товарищи! Борьба продолжается! В борьбе обретем мы право свое!

Центральный комитет партии
социалистов-революционеров
Июль 1904 г.

*Летучий листок «Революционной России»,
№ 4, 28 июля 1904. С. 22-23.*

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

В борьбе обрешь ты право свое!

К вам, гражданам цивилизованного мира, к вам, пользующимся и свободой, и политическими правами, мы, русские социалисты-революционеры, обращаемся с настоящим воззванием, являющимся в то же время и объяснением наших действий.

В России нет революционной буржуазии, которая во всех остальных государствах, опираясь на рабочие массы и изменив им потом для своих классовых интересов, разбила ярмо абсолютизма и завоевала права политические и гражданские.

И вот политическая судьба нашей родины сделала нас, борцов, собравшихся вокруг знамени международного революционного социализма и идущих впереди сознательных рабочих масс, выразителями политических и социальных требований всей современной России.

Да, граждане, только выполненный «Боевой организацией» нашей партии кровавый акт правосудия, полную ответственность за который Центральный комитет не колеблясь берет на себя и перед судом истории, и перед лицом цивилизованных народов, этот факт не был ни изолированным фактом, ни делом рук отдельного человека.

Партия вполне сознательно и после зрелых размышлений сочла себя вынужденной положить конец злосчастной политике действительного самодержца всея России, министра внутренних дел Вячеслава фон Плеве, так же как и раньше она уничтожила или пыталась уничтожить орудия той же самой политики: последнего предшественника Плеве — Сипягина, крестьянского палача князя Оболенского, расстрелявшего рабочих Богдановича, и других местных тиранов или оскорбителей политических заключенных и ссыльных.

В этом отношении наша партия возвращается к традициям энергичной борьбы «Народной Воли», в которой более четверти века тому назад Маркс и Энгельс видели авангард всемирной социальной революции.

Казнь политического деятеля, в котором воплощались все гнусности и все ужасы царизма, вырвала у общественного мнения всего мира, несмотря на обычные и условные оговорки, общий крик наконец-то удовлетворенной совести. Поэтому бесполезно распространяться о политическом и моральном значении этого акта.

Вячеслав фон Плеве был казнен:

1. За то, что он двадцать лет тому назад заточил в каменные кельи Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей наших братьев по «Народной Воле» и подверг их таким испытаниям — противным законам даже Российской империи, — благодаря которым они умирали десятками, падая жертвой лишений или безумия, порожденного этой жизнью из дантовского ада. Немногие оставшиеся в живых и до сих пор влачат это ужасное существование.

2. За то, что он, став всемогущим тираном России, не только возобновил, но даже еще усилил политику неслыханных репрессий против интеллигенции, рабочих, крестьян, против всех, кто живет, мыслит и страдает в России. Будучи в течение двух лет неотчетливым визи-рем, он возвел на эшафот или похоронил заживо в гробницах наших Бастилий — Балмашова, Леккерта, Гершуни, Фрумкин¹⁴³ и столько других доблестных борцов за право и свободу. Он пронзил солдатскими пулями сотни рабочих в Уфе и залил кровью пролетариев мостовые в промышленных центрах нашего Юга. Он возвел в политических тюрьмах в правило самые гнусные унижения и калечения заключенных, доходившие до того, что тюремщики ломали руки узников о свои колена. Он во время аграрных волнений 1902 г. приказал сечь крестьян, позволил пьяным казакам насиловать их жен и дочерей и возложил круговую ответственность на целые деревни, т.е. совершил деяния, неслыханные со времен восточных деспотий и варварских нашествий.

3. За то, что он, желая задавить все растущую волну революции, стараясь раздуть рознь между различными национальностями в империи, противопоставить их и друг другу, и «Святой Руси», православной и царской. Он довел до крайних пределов русификацию Финляндии, нарушив конституцию лояльной и мирной страны. Он ожесточенно преследовал поляков, армян, евреев, устраивал против последних в Кишиневе и Гомеле настоящие Варфоломеевские ночи, где жалкие русские илоты, обезумевшие от водки, подстрекаемые полицией, подвергали таких же жалких, как они сами, женщин, стариков и детей мученьям, не снисшимся даже маркизу де Саду¹⁴⁴.

4. За то, что он пытался опутать сетью общей интернациональной полиции цивилизованные страны всей Европы, стараясь подчинить их отжившему режиму царизм, и осмеливался всюду — в Италии, во Франции, в Германии — ставить ловушки русским революционерам, ускользнувшим от когтей московского орла.

5. Наконец, за то, что он, следуя все той же политике разделения, пустил в ход все свое влияние на царя, чтобы вызвать войну с Японией, и таким образом вовлек несчастную страну в одну из самых злейших в истории авантюр, холодно отдав в жертву аппетитам своих дру-

зей, флибустьеров, Безобразова¹⁴⁵, Алексеева¹⁴⁶ и компании, сотни тысяч молодых жизней и миллиарды рублей, выжатых из полуголодного, задавленного нечеловеческой работой народа.

За эти-то все преступления против народа и родины, против цивилизации и человечества Вячеслав фон Плеве был приговорен к смерти и казнен Боевой организацией.

Теперь мы обращаемся с этим воззванием к гражданам всего цивилизованного мира и говорим им: на нас выпала задача распространить в свободных странах истинное понимание смысла **единоборства**, завязавшегося между самодержавием и современной Россией. Это единоборство кончится вместе с гибелью одного из противников, с гибелью царизма, побежденного революцией шествующего к свободе русского народа. Не верьте корыстной клевете сторонников царизма, которые хотят сделать из нас варваров или врагов цивилизации. Именно для того, чтобы уничтожить варварские тиски деспотизма, для того, чтобы освободить великий народ от ярма царизма, открыть ему доступ к современной цивилизации, дать стране представительные учреждения, мы, социалисты-революционеры, и сражаемся в данную минуту не только за свое знамя, но и за либеральные и демократические требования всей современной России.

Вынужденная решительность наших средств борьбы не должна ни от кого заслонять истину: сильнее, чем кто бы то ни было, мы во всеуслышание порицаем, как это всегда делали наши героические предшественники «Народной Воли», террор как тактическую систему в свободных странах. Но в России, где деспотизм исключает всякую открытую политическую борьбу и знает только один произвол, где нет спасения от безответственной власти, самодержавной на всех ступенях бюрократической лестницы, мы вынуждены противопоставить насилию тирании силу революционного права.

К тому же не следует забывать, что рядом со специальной деятельностью Боевой организации все усилия нашей партии были и будут всегда посвящены пропаганде социализма среди рабочих и крестьян, а также и революционной организации масс при полном идейном общении с ними и в согласии с нашей программой революционного социализма.

И мы надеемся, что в этой исторической борьбе за свободу вы, граждане цивилизованного мира, всем сердцем будете на стороне борцов за право и справедливость.

Центральный Комитет партии
социалистов-революционеров

*Летучий листок «Революционной России»,
№ 4, 28 июля 1904 г. С. 21-22.*

ПРОТОКОЛ И ДЕКЛАРАЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ РОССИЙСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАРТИЙ

(30.9—4.10.1904 г. Париж.)

I. Протокол

По инициативе нескольких членов финляндской оппозиции были приглашены для участия в конференции 18 организаций: Российская социал-демократическая рабочая партия¹⁴⁷, Партия социалистов-революционеров, Польская социалистическая партия¹⁴⁸, Бунд¹⁴⁹, Социал-демократическая партия Польши и Литвы¹⁵⁰, Польская социалистическая партия «Пролетариат»¹⁵¹, Литовская социал-демократическая партия¹⁵², Латышская социал-демократическая рабочая партия¹⁵³, Союз латышской социал-демократии¹⁵⁴, Украинская социалистическая партия¹⁵⁵, Украинская революционная партия¹⁵⁶, Грузинская партия социалистов-федералистов¹⁵⁷, Армянская социал-демократическая рабочая организация¹⁵⁸, Белорусская социалистическая громада¹⁵⁹, Армянская Революционная федерация¹⁶⁰, Союз освобождения¹⁶¹, Польская национальная лига¹⁶², Финляндская партия активного сопротивления¹⁶³.

Из перечисленных групп, выразивших вначале принципиальное согласие участвовать в конференции, явились делегаты 8 организаций: П.С.-Р., Польской социалистической партии, Латышской социал-демократической рабочей партии, Грузинской партии социалистов-федералистов, Армянской революционной федерации, Польской национальной лиги, Финляндской партии активного сопротивления и Союза освобождения.

К результатам их совещаний и выработанной ею Декларации присоединилась позднее Белорусская социалистическая громада. Три организации: РСДРП, Соц.-Дем. Польши и Литвы и Украинская революционная партия — прислали мотивированный отказ от участия в конференции. Остальные группы по причинам, пока неизвестным, не прислали своевременно своих делегатов.

Группы, принимавшие участие в конференции, пришли к заключениям, изложенным в настоящем Протоколе, скрепленном в оригинале подписями всех участвовавших в совещании делегатов, причем представитель Латышской с.-д. рабочей партии заявил, что принимает все результаты конференции *arpiõ*.

Прежде всего собрание согласилось положить в основание всех последующих рассуждений следующие руководящие мотивы и принципы.

1. Настоящий момент политической жизни России является моментом особенного обострения политической борьбы. С одной стороны, быстрый рост оппозиционных и революционных сил, с другой — фактическая дезорганизация существующей власти и вырождение существующего режима делает вопрос о его ликвидации и насущным и своевременным. Ввиду этого согласованное действие различных групп, борющихся против этого режима, является особенно желательным.

2. Настоящая попытка соглашения оппозиционных и революционных групп является первой, и желательно ее обставить так, чтобы ре-

зультатом ее было не констатирование всем известных принципиальных разногласий, разделяющих партии, а выяснение тех общих пунктов, которые могут послужить основой для согласованного действия в данный исторический момент.

Для достижения этой цели конференция признала необходимым:

а) Ограничить суждение настоящего совещания установлением того минимума общих идей и целей, который уже в настоящее время входит в состав программ совещающихся партий и выяснение которого оставляет неприкосновенным все пункты программы и все тактические приемы каждой отдельной партии.

б) Поставить, однако, задачей при установлении этого общего фонда идей и целей не одно только констатирование общности некоторых более или менее отвлеченных принципов, но также, по возможности, и достижение конкретного соглашения по некоторым очередным вопросам политической борьбы.

Исходя из принятых таким образом общих положений, собрание обсудило возможные пункты соглашения и координированного действия, главным образом по следующим трем рубрикам: политический строй, вопрос о национальностях и вопрос о средствах борьбы.

1) По вопросу о политическом переустройстве, к которому одинаково стремятся представленные группы, оказалось возможным констатировать, что совместною целью борьбы может быть не только отрицательная задача — ниспровержение самодержавия, и не только общая формула политической свободы и основных прав, но что общим для различных совещающихся партий является также и стремление осуществить политическое переустройство в духе демократизма. Как осязательное доказательство общего стремления партий к демократическим политическим преобразованиям является констатирование конференцией одинакового для всех совещающихся партий признания, что основным принципом для народного представительства должно быть всеобщее избирательное право.

2) Что касается национального вопроса, констатировано было общее желание применить демократическую идею и к установлению общего взгляда на решение этого вопроса. Не входя в более подробное обсуждение спорного пункта о той роли, которую национальному вопросу суждено сыграть в установлении будущего государственного права преобразованного российского государства, собрание сочло возможным, однако, констатировать, что все участвующие в конференции партии при разрешении национального вопроса сходятся в признании за каждой народностью права на национальное самоопределение и на гарантированную законами свободу национального развития. Собрание единодушно признало, что настоящий режим является не организацией мирной совместной культурной работы различных национальностей, а организацией насилия, одинаково тяготеющего над всеми национальностями. Борьба против русофикаторских стремлений, извращающих самые основы общественной жизни окраин, и против разжигания национальной вражды должна быть поставлена наряду с борьбой против

агрессивной внешней политики, так как то и другое одинаково имеет целью отвлечь внимание общественного мнения от вопросов внутренней политики, чтобы сколько-нибудь протянуть существование настоящего режима.

3) По вопросу о способах действия было констатировано, конечно, прежде всего то разнообразие их, которое вытекает из различного характера, состава, задач и обстановки деятельности различных партий, но в то же время было констатируемо и то, что самое это разнообразие в известной мере может являться условием общего успеха и что, следовательно, в данном случае полная свобода действий для всех партий не только не противоречит, но, напротив, находится в полной гармонии с их намерениями координированного действия. Первым и весьма важным шагом на пути таких согласованных действий конференция признает уже самое опубликование настоящего Протокола совещаний представленных на ней организаций. Для сообщения решения собрания еще большей публичности конференция выработала также короткую Декларацию общих совещавшимся партиями принципов; Декларация эта прилагается к настоящему Протоколу.

Прения и решения по вопросу о дальнейших согласованных действиях не подлежат опубликованию.

II. Декларация

Принимая во внимание,

1) что самодержавный режим является роковым препятствием для прогресса и благосостояния как русского народа, так и всех других национальностей, угнетаемых царским правительством, и представляет собою при современном состоянии культуры нелепый и вредный анахронизм;

2) что борьба против этого режима могла вестись с гораздо большей энергией и успехом, если бы действия различных оппозиционных и революционных партий, как русских, так и не русских, были координированы;

3) что настоящий момент является особенно благоприятным для согласованных действий всех этих партий, как против самодержавного правительства, дискредитированного и обесцененного ужасными последствиями вызванной его авантюристической политикой войны, — представители Союза освобождения, Польской национальной лиги, Польской социалистической партии, Партии социалистов-революционеров, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, Армянской революционной федерации и Финляндской партии активного сопротивления, собравшись на конференцию оппозиционных и революционных организаций, пришли к единогласному решению сделать от имени всех этих организаций следующее заявление:

Ни одна из представленных на конференции партий, соединяясь для согласованных действий, ни на минуту не думает тем самым отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических приемов борьбы, соответствующих потребностям, силам и положению тех общественных элементов, классов или национальностей, интересы которых она представляет.

Но в то же время все эти партии констатируют, что следующие основные принципы и требования одинаково признаются всеми ими:

1. Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии.
2. Замена самодержавного строя свободным демократическим режимом, на основе всеобщей подачи голосов.
3. Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранения насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям.

Во имя этих основных принципов и требований представленные на конференции партии соединяют свои усилия для ускорения неизбежной гибели абсолютизма, одинаково несовместимого с достижением всех тех дальнейших разнообразных целей, которые ставит себе каждая из этих партий.

*«Революционная Россия»,
№ 56, 5 декабря 1904 г. С. 8-9.*

РЕЗОЛЮЦИЯ О БОЕВЫХ ДРУЖИНАХ В ДЕРЕВНЕ В СВЯЗИ С АГРАРНЫМ ТЕРРОРОМ¹⁶⁴

(14 ноября 1904 г. Женева.)

1. Принимая во внимание основной характер партии с.-р., а именно стремление совершить в ближайшем будущем одновременно с политическим переворотом возможно более полную и всеобщую экспроприацию частновладельческих земель в пользу всего трудового эксплуатируемого народа, принимая далее во внимание, что для достижения этой цели необходимо возможно скорее вовлечь сами крестьянские массы в революционную борьбу за землю и волю и что такое вовлечение возможно лишь на почве насущных крестьянских интересов, как экономических, так и политических, правовых.

2. Женевская группа Заграничной организации партии с.-р. считает крайне необходимым и неотложным в настоящий исторический момент организацию в деревнях боевых дружин в видах, с одной стороны, возможно большего расширения и обострения экономической и политической борьбы крестьянских масс со своими непосредственными эксплуататорами, с другой — внесением в эту борьбу возможно более чистого социалистического сознания, которое не позволило бы русскому крестьянству удовлетвориться лишь одними частными реформами (земельными и политическими) без достижения им основной минимальной цели, завоевания земли и воли.

3. При этом Женевская группа полагает, что ввиду полной невозможности организации надлежащего числа таких дружин непосредственно самой партией необходимо направить ее усилия на возможно большую популяризацию среди крестьянства идеи таких дружин по-

средством всех возможных путей идейного воздействия, какими располагает партия, с тем, чтобы само оно, крестьянство, по собственной инициативе сплачивалось в такие тайные боевые группы, как для самозащиты от всевозможных местных притеснений, так и для революционного нападения.

4. В число конкретных боевых задач таких групп должны входить инициатива и руководство в самых различных формах борьбы русского крестьянства с административно-политическим и экономическим гнетом, начиная с более пассивных — стачки-бойкота, саботажа, организованной неуплаты арендных платежей, невыполнения долговых обязательств мира помещикам или кулакам, а равно отказа вносить подати, исполнять натуральные повинности, поставлять рекрутов, запасных и т.д. — и кончая вооруженными массовыми столкновениями крестьян с частновладельческими стражниками и ставленниками, с полицией и войсками.

5. Кроме того, на обязанности боевых дружин в деревне должны лежать еще организация и осуществление на местах аграрного и политического террора в целях устрашения и дезорганизации всех непосредственных представителей и агентов современных господствующих классов.

6. Под аграрным террором, которому может дать свою санкцию партия, следует разуметь: потравы, порубки и захваты имущества, совершаемые миром, поджоги и другие формы повреждения имущества, убийство помещиков, вооруженные нападения и т.п.

7. Такие действия могут быть совершаемы стихийно, аморфно, без всякого сознания конечной цели — экономического и политического освобождения народа и, наоборот, планомерно, организованно, целесообразно, в связи со всей остальной революционной тактикой и стратегией боевых дружин в деревне.

8. Стоя, как партия, за аграрный террор второго рода, т.е. планомерный, входящий органической частью в общую систему революционных боевых средств как в городе, так и в деревне, мы должны, однако, приветствовать всякие акты стихийного протеста народа против своих истинных угнетателей, как симптомы его революционного пробуждения, причем Женевская группа полагает, что местные боевые дружины должны идти навстречу всем таким актам, раз только это соответствует интересам борьбы, помогая крестьянам всеми средствами привести задуманное ими дело к благоприятному результату и стремясь в то же время использовать такие случаи в целях организованного и революционно-социалистического воспитания народной массы.

9. При этом для партии нет никакой необходимости стремиться в каждом отдельном случае к подчинению аграрного террора, совершаемого планомерно боевыми дружинами партии с.р. в деревне, к непосредственной регламентации и контролю каких-либо других, вне их стоящих партийных организаций. Такой централизм по отношению к аграрному, да и политическому террору, совершаемому в деревнях и селах многолюдной крестьянской России, был бы прежде всего невозможен и, кроме того, вреден. Он парализовывал бы революционную энергию массы, тормозил бы действия местных боевых групп, умножал бы

письменные сношения между многочисленными пунктами периферии с центром и участил бы количество провалов до бесконечности.

10. Децентрализация в деятельности крестьянских боевых дружин не должна, однако, исключать возможно более живые связи центра с периферией, городских комитетов партии с деревенскими организациями, равно как и возможно более стройное координирование организованных боевых действий города и деревни, как в той или иной отдельной области, так и во всей России.

11. Но ни стремление к такой планомерной координации всех различных боевых сил, которыми могут рассчитывать социалисты-революционеры, ни какие бы то ни было другие соображения не должны, по мнению Женевской группы, послужить партии поводом к откладыванию в долгий ящик крайне насущного и неотложного дела революционизирования деревни путем всех средств, какие были отмечены выше. Партия должна немедленно, сейчас же приступить к организации с этой целью возможно большего числа боевых дружин в деревне, а также заполнить всю деревенскую Русь листками и прокламациями, призывающими сами крестьянские массы к самой энергичной экономической и политической борьбе со своими угнетателями.

12. Принимая во внимание все вышесказанное, Женевская группа Заграничной организации П.С.-Р. выражает свое желание, чтобы формулированное в предшествующих одиннадцати параграфах мнение относительно боевых дружин в деревне в связи с аграрным террором, нашло себе соответствующее выражение как в программе партии, так и в разрабатываемой в настоящее время руководящей записке или инструкции, излагающей основные принципы боевой тактики П.С.-Р.

13. Из предшествующего явствует вместе с тем, что Женевская группа никак не может считать себя солидарной с соответствующими резолюциями как первого съезда Заграничной организаций П.С.-Р., так и первого съезда Аграрно-социалистической лиги, высказавшихся против введения аграрного террора в партийную программу. Женевская группа полагает, что П.С.-Р. не может не внести аграрного террора в свою программу, лишь только она признала его полезность и необходимость для революционного движения, и что такое формальное включение данного средства борьбы в свою революционную тактику отнюдь не делает партию непременно солидарной с возможными ошибками боевых дружин и ответственной за отдельные случаи столь же возможных «эксцессов» народных масс при применении аграрного террора.

*ГАРФ, ф. 102, ДП 00, 1905,
II разд., д. 80, ч. 13, л. 66-67.*

КО ВСЕМ КОМИТЕТАМ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ЦИРКУЛЯР ЦК П.С.-Р. Декабрь 1904 г.

Центральный Комитет обращает внимание всех комитетов партии на следующие очередные вопросы данного исторического момента: вопрос о крестьянском движении; вопрос об отношении партии к либеральной оппозиции; вопрос о массовых движениях в связи с войной.

1. Ввиду приближающегося политического кризиса в России, партия с.-р. должна употребить все усилия, чтобы трудовые крестьянские массы выступили теперь же, в той или иной форме, на политическую сцену со своими собственными требованиями и со своими революционными действиями. Форма этого выступления будет зависеть от количества тех сознательных революционных элементов, которые уже подготовлены в крестьянстве всей предшествующей социалистической пропагандой и которые партия будет в состоянии объединить в ближайшее время с целью учесть и по возможности сплотить эти еще рассеянные сознательные элементы крестьянства. ЦК предпринимает ряд объездов в главных районах крестьянской работы, причем полагает, что при выработке общего плана крестьянского движения необходимо будет принять во внимание мнение на этот счет наиболее выдающихся представителей самого крестьянства. Тем временем для приготовления соответствующего настроения в широких крестьянских массах, партия должна немедленно же усилить свою социально-революционную пропаганду, агитацию и организационную работу в крестьянской среде и придать этой деятельности тот характер, при котором она могла бы принять действительно широкие размеры. С этой целью ЦК предпринял за границей издание целой серии небольших агитационных брошюр, листовок и доставлял их различными способами в Россию; в свою очередь комитеты должны употребить все усилия для перепечатки этих листовок и их распространения, заботясь в то же время о том, чтобы они были доставлены в те места, где наиболее широко и успешно велась до сих пор работа среди крестьянства, а также о том, чтобы сконцентрировать деятельность партии именно в этих районах ввиду достижения определенного практического результата. Было бы в высшей степени желательно также, чтобы комитеты по возможности переселяли в эти места ту часть своих наличных сил, которой они могут свободно располагать. (Ближайшее указание предполагающегося района крестьянского движения будет возможно лишь при личных переговорах).

Наряду с этой подготовительной работой местные комитеты должны 1) теперь же формировать кадры деревенских организаций (братств) и ставить их в возможно тесную связь с городом; 2) устраивать совещания и съезды между наиболее выдающимися представителями революционного крестьянства для обсуждения различных форм заявления народных желаний и требований, соответствующих настроению и положению местного сельского населения (постановление мирских приговоров, массовые походы в города во время земских собраний со своими

знаменами и лозунгами и пр.); 3) добиваться того, чтобы крестьянские массы теперь же и повсюду заявили во всеуслышание свое главное требование — обращение всех государственных, царских, удельных, монастырских и частных земель в общенародное пользование на уравнительных началах.

II. Отношение партии к либеральной оппозиции определяется тем, что партия признает в политической области приближающимся к ее целям лишь такое либерально-демократическое течение, которое окончательно разрывает с самодержавием и выставляет требование всеобщего избирательного права, достижимое лишь революционным путем. Лишь с таким либерально-демократическим течением партия с.-р. допускает возможность более или менее согласованные действия в смысле одновременности нападения на самодержавие. Но вместе с тем ЦК напоминает всем местным комитетам, что партия с.-р. отступила бы коренным образом от своей программы, если бы даже в данный исторический момент и даже на один этот исторический момент ограничивалась бы исключительно политической борьбой, — ибо одним из существенных пунктов ее минимальной программы является требование социализации земли, т.е. немедленное же обращение всех земель в общенародное уравнительное пользование. Поэтому никакая забота в согласовании своих действий с действиями либеральной демократии не должна ни на минуту отвлечь партию с.-р. от ее главной задачи: выдвинуть на политическую сцену рабочие массы и побудить их к активному вмешательству в ход событий во имя требования социализации земли и всех наших социально-революционных требований — в последней инстанции — с оружием в руках. Это основная и отличительная черта нашей партии, резко отделяющая ее не только от русской либеральной демократии, но даже от РСДРП, должна ясно выступать во всех заявлениях и прокламациях наших комитетов.

Этими основными положениями ЦК руководился и в том случае, когда согласился принять участие в состоявшейся недавно конференции оппозиционных и революционных организаций, протокол которой напечатан в № 56 «Революционной России». Принимая во внимание: 1) что ниспровержение самодержавия и замена его демократическим строем входят как одна из частей в нашу программу, 2) что разрешение этой задачи будет тем успешнее и быстрее, чем более координирован будет напор на современный русский политический строй со стороны всех элементов, хотя бы и не социалистических, заинтересованных в его падении, 3) что восстание против абсолютизма нерусских окраин империи ранее восстания русского ее населения может принять в наименее сознательной части последнего характер племенной вражды, вызвать шовинизм и тем укрепить позиции последнего, 4) что поэтому для успеха движения является в высшей степени важным известная координация действий всех как русских, так и не русских оппозиционных и революционных организаций против общего врага. ЦК П.С.-Р. подписал совместную декларацию, согласно которой все участвовавшие в конференции организации: Партия социалистов-революционеров,

Армянская революционная федерация, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Латышская социал-демократическая рабочая партия, Польская социалистическая партия, Польская национальная лига, Финляндская партия активного сопротивления и Союз освобождения, ни на минуту не думая тем самым отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических приемов борьбы, признали возможность согласованных действий по следующим трем пунктам: 1) замена самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщего избирательного права, 2) отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии, 3) устранение всякого насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям, т.е. полное проведение в жизнь принципа самоопределения наций.

Партия с.-р., признав желательным координированные действия разных оппозиционных и революционных сил в тех пределах, которые допускаются их программами, оставила за собой полную свободу действий в осуществлении всей своей политической и экономической программы и в принятии для того тех или иных мер, как бы таковые ни разнились от тактики остальных партий, подписавших декларацию. Поэтому ЦК предлагает комитетам употребить все усилия, чтобы внести со своей стороны в происходящее теперь политическое брожение в России революционные требования, соответствующие главным особенностям нашей программы и прежде всего требования перехода всех земель в общенародную собственность на основах уравнительного пользования. Представители партии должны провозглашать это требование от имени рабочих масс во время земских или других общественных собраний, а также во время массовых сходок и демонстраций, придавая всем этим манифестациям и всему развивающемуся политическому движению социально-революционный характер.

III. Настоящая война, поставив в крайне критическое положение русское самодержавие, создала особо благоприятные условия для борьбы с существующим режимом. С одной стороны, она возбуждает специальное и повышенное недовольство в массах, ярко выражающейся стихийно при наборах, призывах запасных, безработице и т.д. С другой стороны, война обнаруживает неспособность и несостоятельность правительства даже в ведении собственных дел и усиленно истощает его ресурсы. Вот почему мы должны удвоить свои усилия в развитии сопротивления и нападения масс именно теперь, пока длится военное время. Ввиду этого ЦК предлагает комитетам иметь в виду, что внесение в свою деятельность ими боевой функции в высшей степени желательно и необходимо в настоящее время.

Комитетам следует быть осведомленными о том, когда в их местностях или смежных с ними, предполагается мобилизация и заранее готовиться к таковой стягиванием к себе агитаторов и заготовлением в достаточном количестве предназначенных для таких случаев литературы (листовки «Кто враг?», «Не пора ли братцы...», «Откуда пошла война?», «Горе русских солдатиков» и пр.), когда же соберутся сами призывные

и в них проявится крайняя степень недовольства в форме буйства, надо пытаться направить волнуемую толпу на воинские присутствия, полицейские управления, губернаторские дома и вообще превращать такие волнения из стихийного буйства в сознательный отказ от следования на Дальний Восток. В тех местах, где не ожидается мобилизация, усиление безработицы или какие-нибудь волнующие общественные события, могут служить почвой для возбуждения массового движения; наконец, требование прекращения войны, социально-революционные дополнительные требования по поводу либеральной манифестации и т.п. могут служить поводами для устройства уличных демонстраций, которые должны быть вооруженными, т.е. должны заключать в себе ядро решительных вооруженных людей, готовых дать отпор полицейским насилиям. ЦК будет оказывать комитетам денежное и техническое содействие для приготовления их к вышеизложенной боевой деятельности.

Декабрь 1904.

*ГАРФ. ф. 102, ДП 00, 1904 г.,
оп. 316, д. 1, ч. 1, т. 3, л. 505-508.*

ЧАСТЬ II

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Товарищи!

Двух выходов нет. Залпы, штыковые атаки, кровавые гекатомбы на улицах Петербурга¹⁶⁵ указывают нам дорогу красноречивее всяких слов. Они разделили Россию на два сражающихся лагеря. В одном — все те, кто активно или пассивно, свирепым усердием или преступным равнодушием служит делу произвола и насилия, являясь соучастником или попустителем его злодеяний, его преступлений, позорящих все человечество. В другом лагере — все те, кто ушел «от ликующих, празднично болтающих, обогряющих руки в крови», чтобы отдаться делу освободительной борьбы и пополнять ряды «погибающих за великое дело любви».

Товарищи!

Средины нет, середины быть не может. И перед всяким, кто мог встать в ряды сражающихся — мог, но не встал — жертвы январских дней в Петербурге встают неммым укором, суровым упреком. Да, эти жертвы — живой вопрос, обращенный прямо к совести всех живущих —

«Где ты был, когда в битву мы грозную шли
Победить или погибнуть готовы?...»

И вот теперь для всех и каждого наступает время показать, на словах ли только становились мы под знамя, освященное подвигами наших славных революционных предшественников, или стремление быть достойными их светлой памяти повелительно и властно направляет мысль и волю каждого из нас...

Пусть же воодушевляют нас, товарищи, светлые образы героев революции, показавших нам верный путь борьбы с оружием в руках! Вспомним пионера этой борьбы «смелого сокола» Карповича, жертва которого мы верили, не была напрасной, и подвиг которого «ярко вспыхнул во мраке жизни и много смелых сердец зажег любовью страстной к свободе, к свету!» Вспомним Степана Балмашова, которого после победы над жестоким и тупым временщиком не лавровым венком венчала родина, а позорную петлю накинута наемный палач... Вспомним, наконец, и его, смелого «буревестника», Егора Сазонова¹⁶⁶, показавшего, как должен революционер чувствовать и действовать, ненавидеть и мстить, «и жертву жертвой не считать, и лишь для жертвы жить». Эти люди считали честью и счастьем быть в рядах нашей партии, нашей армии революционного социализма — и мы ли оскорбим их светлую, чистую память, оказавшись не на высоте положения в тот самый момент, когда родина призывает нас исполнить до конца свой долг?

Товарищи! Недавно мы были свидетелями явлений еще невиданных в летописях революционного движения. Пионеры вооруженной борьбы, которые до того времени могли выступать лишь одиночками, — потонули в массе, которая, наконец, сама схватилась за оружие...

Еще не так давно перед нашими глазами эти два фактора движения были разрознены, и этой разрозненностью лишены должной силы. С одной стороны, стояли массы — грозные своей численностью, волну-

щиеся и беспокойные, но еще не успевшие проникнуться решимостью, заставляющей кричать, как кричали в последние минуты рабочие в залитых кровью петербургских улицах: «Свобода или смерть!». С другой стороны стояли передовые борцы, с несокрушимой волей, с огненной решимостью. Словно молнии, пронизали их террористические удары омраченный небосвод! Но эти удары были внезапны, резки и отрывочны, а в промежутках между ними царило тоже тягостное молчание. Это была роковая тишина, предвещающая бурю — но эта не была буря. Стихия еще не молчала, масса еще не выступила во всеоружии.

Лед теперь проломлен. Пионеры вооруженной борьбы потонули в рядах возбужденной массы, масса поднялась до одиночек героев. В ней пробудился массовый героизм... Пусть же отныне растет и крепнет это начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть же масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических средств борьбы! Вооружайте же массу, товарищи! Работайте! Работайте!

И за этим слиянием терроризма с массовым движением пусть скорее последует воплощение других стремлений, составляющих не в меньшей степени душу нашей партийной тактики. Пусть скорее воплотится в жизнь слияние городского и деревенского движения, слияние борьбы городского пролетариата с борьбой трудовых масс крестьянства! Пусть крепнет начавшееся слияние борьбы всех национальностей, бющихся в крепких и острых когтях самодержавного двуглавого орла! Пусть, наконец, хоть теперь дух боевого единения проникнет в ряды разлазасемых братоубийственной враждой революционно-социалистических фракций и воскресит преступно подточенное сознание социалистической солидарности, более чем когда-либо, необходимое теперь для успеха!

А силы так нужны, а силы так дороги! Борьба еще только начинается. Революция — не момент, это долгий мучительный процесс. Франции потребовалось четыре кровавых года, чтобы от созыва Генеральных Штатов, начала Великой Французской Революции, прийти к казни Людовика¹⁶⁷. Мы должны также запастись силами и мужеством на долгое время — первая волна никогда не смывает плотины, и может быть, еще не раз революционный прибой отпрянет, разбившись о гранитный мол самодержавия. Сбережем же, сколько возможно, революционных сил, увеличивая их действие путем согласованного натиска.

Вырвем, вытравим из души все, что загрязняет ее, что стоит ей поперек дороги, покрывает ее шелухой мелочных раздоров — и сольем наши лучшие чувства, сольем все побуждения души в «одно лишь желание великое» поставить выше всего реальный интерес живой борьбы, под знаменем революционного социализма, который, как солнце, должен рассеять своими лучами завещанный прошлыми веками мрак насилия и эксплуатации. К этому нас зовет, товарищи, страдалец — народ, рабочий класс, этот скованный Прометей¹⁶⁸, в грудь которого вливается своими когтями хищный двуглавый орел... Да, у этого орла две головы — политический гнет и экономическая эксплуатация. «Бейте же по обсем головам хищную птицу!» Срывайте оковы с Прометея —

народа! Он зовет вас, он вызывает к вам... «Обещая и муки и счастье, он зовет — победить или пасть!»

«Революционная Россия», № 58, 20 января 1905 г.

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (ПРОКЛАМАЦИЯ ЦК ПСР)

Товарищи!

Наша жизнь вступила в полосу массовой, **народной революции**. Не только отдельные лица, не только замкнутые кружки, боровшиеся до сих пор с царским самовластием, держат теперь в своих руках знамя восстания. Это знамя освободительного восстания от ига придворных хищных безумцев поднимают все, в ком зашевелилось чувство протеста и проснулась жажда свободы. А таких жаждущих много, очень много. Десятилетия лившаяся революционная пропаганда сделала свое дело; когда крутом было тихо и спокойно, она незаметно формировала протестующую армию, втягивала в сферу своего влияния все новые и новые элементы, и волна возмущения росла шири и вглубь. Революционная мысль и революционное действие, словно ржавчина, разъедали крепкую ось самодержавия и подтачивали основы действительности, построенной на неимоверной эксплуатации трудящихся нетрудящимися. Революционный социализм бил на два фронта, борясь в одно и то же время с произволом престола, утнетающего народ, и с произволом экономически сильной, капиталистической группы промышленников и землевладельцев. И когда наступил благоприятный момент, оппозиционные силы оказались налицо. И самодержавие, а вместе с ним и все, что кормилось его милостями, зашаталось на своих глиняных ногах так, как никогда не шаталось, заметалось из стороны в сторону, как испанский бык, перед которым держат раскаленную проволоку.

15 июля был казнен Плеве. После долгого затишья это было первое **историческое** касание раскаленной проволоки революции. Оно знаменовало, что дверь, задержавшая победный ход революционной воли, взорвана усилиями социалистов-революционеров и то, что туго натянутые нити бессмысленной, продажной, развращенной бюрократии лопнули навсегда, безвозвратно. События пошли с головокружительной быстротой. Банкеты, съезды, совещания, соглашения чередовались с уличными манифестациями. Вся революционная Русь стала на ноги, образуя ядро, к которому тяготели те, кто вчера еще был индифферентен. Несчастия войны-бойни, которую царь не поколебался завязать с Японией, получили в лучах революционной пропаганды особое освещение, и приговор — революционный приговор азиатскому режиму страны, в которой правительство является неизменным палачом народа, — был произнесен. Это был второй приговор, первый был вынесен и приведен в исполнение партией «Народной Воли» 1-го марта 1881 г.¹⁶⁹

Товарищи! 24 года отделяет один приговор от другого. С точки зрения всей истории народа это срок мимолетный, ничтожный. Но внутреннее его значение и содержание огромно. Революционная Россия сделала в это время огромный шаг вперед. Из борьбы с абсолютизмом она выходит победительницей, выходит израненной, но гордой и непреклонной. Был момент, когда она стояла лицом к лицу с врагом и когда враг мог, казалось бы, заставить ее замолчать надолго. Это было 9 января. Петербургские рабочие с хоругвями и портретами шли на Дворцовую площадь бить челом царю и донести свой голос до его державных ушей. На карту была поставлена последняя иллюзия «неусыпного царского попечения» о своих подданных. Игра была важная. И ружейные выстрелы полков, двинутых князем Владимиром¹⁷⁰ на защиту придворной своры, решили задачу. Это решение гласило: «Нет тебе, русский, разноплеменный и многострадальный народ, иного пути для того, чтобы разорвать заброшенную на твою шею мертвую петлю, как путь народной революции; царь не за, а против тебя». Обман пал. Дворцовая площадь обратилась в лобное место казни самодержавия, откуда во всеуслышание на всю Русь прокатилось проклятие лживому правительству. И проклятие это повисло в воздухе. Его впитывают и дети и взрослые.

Народная революция началась. Для некоторых мест состояние восстания стало заурядным, будничным состоянием. Не проходит дня, чтобы деревни, села, города не поднимали бунта. И над всеми этими бурными, частичными проявлениями революционного протеста стоят требования политического переворота, и в частности установления демократической республики, которая одна только и лучше всего обеспечивает возможность свободной и планомерной борьбы за социалистические идеалы. То, что предугадывал революционный социализм, — осуществляется. Путь к социализму лежал и лежит через свержение самодержавия. И это свержение уже совершается с многих сторон.

Самодержавное правительство добровольно не уступит своей позиции. Самое большее, что оно способно сделать, так это указом, составленным в лицемерных словах, учредить какую-нибудь совещательную камеру, Государственную думу¹⁷¹, которая и явится жалким искажением западноевропейского парламента. Но такая мнимая уступка, конечно, не задержит ход революции, так как она окажется не в силах дать выход народной воле и лишь послужит новой точкой, к которой приложится революционная энергия.

Массовая революция будет стихийно расти, будет потоком разливаться по всей стране. Для того чтобы она достигла цели — свержения самодержавия — и чтобы вместе с тем были осуществлены требования нашей социалистической программы-минимум, необходимо революционно организовать и сообщить ей силу, которой она до сих пор не имела. Как это сделать? Мы видим единственный путь, которым будет обеспечен успех революционному делу, в вооруженном восстании. Истекий год в достаточной степени убедил всех сомневающихся и колеблющихся в том, что правительству верить нельзя. Делая микроско-

пическое движение вперед, правительство моментально совершает огромный скачок назад. Оно едва разжимает пальцы для того, чтобы еще сильнее сдавить народное горло: выпустить своей власти из рук оно не хочет и не может. И мы твердо верим, что уступит оно только революционному натиску, планомерно проведенному и, главное, вооруженному. Массовая революция требует дела прежде всего. И это дело есть вооружение. Мы, социалисты-революционеры, должны взяться за это дело. Момент, когда от слова переходят к действию, момент долгожданный, наконец наступил. Это сознается даже некоторыми либеральными фракциями, бросившими совершенно правильную фразу, что «общество насыщено резолюциями и что резолюции надо воплощать в жизнь». Тем более должны это сознать революционные социалисты. В этот последний исторический час, который пробьет, когда самодержавию будет вынесен **третий** и окончательный приговор, необходимо, чтобы мы не были застигнуты врасплох. Мы должны подготовить вооруженные кадры и направить разгоревшееся движение в городе и деревне к желанной цели. И каков бы ни был дальнейший ход русской революции, мы должны напрячь все усилия к тому, чтобы надвигающийся заключительный акт революционной драмы направился в сторону нашего революционно-социалистического идеала, почерпывающего силу из реальной жизни.

Итак, революция началась. Необходимо эту революцию вооружить. Старое русло должно быть взорвано. По-прежнему и даже с большей энергией и большими основаниями мы, социалисты-революционеры, будем уничтожать на местах свирепых противников революции, и не избегнут судьбы Плеве те, кто продолжает его политику. Но наряду с этим мы ставим себе конкретную, определенную задачу — вооружить организованные революционные кадры и готовиться к решительной борьбе за волю и землю, за осуществление нашей партийной программы. Ибо только такое восстание, с оружием в руках, выведет рабочий народ на широкую арену борьбы за социализм; только оно приведет к цели, намеченной уже четверть века назад нашими славными предшественниками.

Товарищи, вооруженное восстание — наш лозунг! И да пребудет он до тех пор, пока не совершится дело революции!

За работу!

«Ветер крепнет. Зыбь сильней. Будет буря...

Встретим бурю грудью и мы победим ее.

*«Революционная Россия»,
№ 69, 15 июня 1905 г.*

К ВОПРОСУ О БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ НАШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В знаменитые отныне октябрьские дни 1905 года¹⁷² рабочие организации Москвы, Петербурга, Харькова, Екатеринослава и некоторых других городов одержали первую решительную победу над самодержавием. И на этот раз во главе революционного движения в России оказались организованные силы русского рабочего класса; и на этот раз они заняли руководящую роль в политической борьбе и, в момент опасного политического кризиса, успешно разрешили поставленную перед ними историческую задачу.

В то время как даже наиболее радикальные элементы русской буржуазии явно ошибались в своей оценке политического движения, явно склоняясь в сторону признания булыгинской конституции как своего операционного базиса; в то время как ни одна из социалистических партий не могла бы выдвинуть по своему собственному почину лозунги политической забастовки, так как не имела бы никакой возможности определить численность готовых поддержать ее рабочих сил, — эта политическая забастовка, как наиболее могучее революционное орудие в данную минуту, как бы самопроизвольно зародилась в неизведанных глубинах массового рабочего движения, была поддержана и понята во всем ее политическом значении всеми рабочими организациями и успешно проведена ими до конца, до первой решительной победы над самодержавием.

Отныне старый порядок в России фактически уже разрушен, и в русском общественном движении наступил крупный исторический перелом. Порвалась многовековая цепь, сковывавшая всю русскую жизнь. Царская власть капитулировала. Передовые отряды народного ополчения уже вступают в полуразрушенные твердыни татарско-византийского владычества. Старому коршуну, умирающему на окровавленном гербе российского императорского дома, уже не поднять больше своей седой головы, покрытой не славой, а позором и преступлением.

Возможно, что агония самодержавия еще затянется; возможно, что потребуются еще новые и новые кровавые жертвы в борьбе с бесправными силами, организуемыми теперь озлобленной реакцией, но эта предсмертная агония уже не может восстановить старого порядка: подгнившее в своих устоях и рухнувшее здание не может быть поднято вновь. Русское самодержавие сломлено бесповоротно; начинается новая полоса русской истории, начинается новая полоса и в истории русского социалистического движения.

Но что же дальше, что же теперь? Как обрисовывается в настоящую минуту политическое положение социалистических партий в России? Каковы должны быть их ближайшие революционные задачи?

Над всем данным политическим положением, безусловно, господствует в настоящую минуту тот факт огромной исторической важности, о котором мы упомянули в начале нашей статьи: в силу особых условий нашего исторического развития первая решительная победа над са-

модержавием в России, безвозвратно надломившая старый порядок, была одержана не буржуазно-демократическими элементами русского общества, а **революционными силами русского рабочего народа**, и не только его революционными силами, но, что еще гораздо важнее, **под собственным политическим руководством**. И эта, без сомнения, наиболее важная черта данного политического положения как бы резюмирует в одном заключительном акте весь предшествовавший ход развития русской общественной жизни.

В самом деле, разве не являются наши последние события точным отражением общего характера нашей политической жизни? Нам нет, конечно, надобности настаивать здесь на той подчиненной и частью даже антиреволюционной роли, какую играли в течение всей долголетней борьбы с самодержавным строем в России представители наших буржуазно-демократических партий. Но легко видеть, что этот факт, достаточно известный сам по себе, тесно связан с общими условиями нашего исторического развития и прежде всего с теми особыми условиями, при которых совершился в России переход от самодержавно-крепостнического к самодержавно-капиталистическому фазису нашей общественной жизни.

В то время как капиталистическая стадия развития западноевропейских стран сопровождалась необычайно быстрым развитием в них крупной капиталистической индустрии и соответственным накоплением огромных национальных богатств, сосредоточившихся в руках буржуазного класса, капиталистическое развитие в России также сопровождалось, как и повсюду, разрушением натуральной формы хозяйства и превращением ее в товарную, разрушением домашнего ремесленного производства в главных отраслях обрабатывающей промышленности и заменой их крупным фабричным производством и, наконец, проникновением буржуазно-капиталистических отношений во все сферы нашей общественной жизни, но оно в то же время не сопровождалось у нас сколько-нибудь быстрым и успешным развитием крупной капиталистической индустрии, вследствие чего оно не повело за собою соответствующего накопления промышленных, торговых и денежных капиталов в руках нашей буржуазии.

Таким образом, капиталистическое хозяйство в России, развившееся в огромной степени при поддержке правительственных субсидий и казенных заказов, а также при огромном участии в нем иностранных капиталов, совершило успешно всю свою разрушительную и революционную общественную миссию; оно выдвинуло на политическую сцену передовые отряды революционного пролетариата и обратило в таких же пролетариев, по существу их экономических отношений, многочисленные массы русского трудового крестьянства; но оно не создало у нас ничего подобного тому обширному и могущественному классу капиталистов, который в Западной Европе все более и более усиливал свое господствующее влияние на все отрасли общественной жизни по мере роста своих колоссальных богатств.

В силу именно этого сравнительно незначительного накопления у нас промышленных, торговых и денежных капиталов, не только не за-

хватывавших в сферу своей эксплуатации других менее промышленных стран, но, напротив того, принужденных делиться даже в своей эксплуатации естественных богатств и рабочих сил самой России с владельцами иностранных капиталов, — в силу именно этого сравнительно ничтожного развития в России крупного капиталистического производства как главной основы колоссального обогащения западноевропейской буржуазии мы и замечаем столь малое влияние нашего буржуазного общественного слоя, с присущими ему политическими стремлениями, на ход развития нашей общественной жизни. Не будучи в состоянии создать своего собственного могущественного либерального течения, которое руководило бы освободительным движением в России подобно тому, как руководила своим политическим освобождением западноевропейская буржуазия в эпоху западноевропейских политических революций, русская буржуазная демократия осуждена была на второстепенную роль послушно следовать в своей либеральной политике за развитием социалистического и рабочего движения, получая возможность заявлять о своем политическом существовании лишь в те моменты колебаний и замешательств, которые наступали в реакционном лагере под влиянием революционных ударов социалистических партий и организованных рабочих масс.

Этими особыми условиями нашего исторического развития и объясняется прежде всего указанная нами выше наиболее характерная особенность настоящего политического положения России — в том, что касается распределения в ней ее главных общественных сил. Но не может подлежать никакому сомнению, что эта характерная особенность нашего общественного политического положения, уже отразившаяся на всем предшествующем ходе развития нашей общественной жизни, не может также не отразиться соответствующим образом и на всем ее дальнейшем течении. Подобно тому как во всех предыдущих общественных движениях в России руководящая роль неизменно принадлежала не буржуазно-демократическим элементам, а социалистическим организациям и организованным рабочим массам, точно так же и во всех последующих общественных движениях в России руководящая роль должна будет принадлежать неизбежно не буржуазно-демократическим, а социалистическим партиям.

Но легко видеть, что в силу именно этих исторических условий все более и более разрастающееся в своих размерах русское революционное движение, руководимое социалистическими партиями и не идущее по проторенной дороге буржуазно-демократических революций, неизбежно должно будет прокладывать для себя совсем иные пути и в том, что касается ближайших достигаемых им результатов. В этой именно мере, в какой русское революционное движение по самому своему классовому составу коренным образом отличается от буржуазно-демократических революций Западной Европы, в той именно мере, в какой русские рабочие массы играют в ней не подчиненную, а руководящую роль, — в той именно мере оно должно будет также существенно отличаться от западноевропейских буржуазных революционных движений и

по основному характеру своих ближайших политических и экономических завоеваний. А это значит, что соответственно уже указанному нами общему характеру всего русского революционного движения и ближайшие результаты его неизбежно должны будут носить **не буржуазно-демократический**, а социально-революционный характер.

Но отсюда еще не следует, конечно, заключать, чтобы русские социалистические партии имели основание относиться слишком оптимистически к стоящим перед ними революционным задачам, чтобы они имели основание переоценивать выгоды своего политического положения и преувеличивать размеры открывающихся перед ними исторических возможностей; это значит только, что и в своем представлении о дальнейшем развитии русского революционного движения они должны руководиться не той общей идеей, что «Россия идет навстречу буржуазной революции», а той общей идеей, что Россия идет навстречу **социальной революции**.

Что же касается оптимистического отношения к предстоящим великим социальным результатам развивающегося в настоящее время великого социально-революционного движения в России, то мы со своей стороны не видим сколько-нибудь серьезных оснований поддерживать это оптимистическое отношение. Мы считаем настоящее положение рабочей партии в России, рассматриваемой во всей ее совокупности — и именно в настоящую минуту, после только что одержанной ею крупной политической победы, — далеко еще не свободным от многих серьезных опасностей и прежде всего далеко еще не вполне обеспеченным в том отношении, чтобы она могла воспользоваться в должной мере всеми плодами уже достигнутых ею политических результатов **как социалистическая рабочая партия**.

Необеспеченность ее настоящего положения в этом последнем отношении, заключающаяся прежде всего в далеко еще не достаточной объединенности всех уже имеющих теперь в ее распоряжении сознательных элементов рабочего класса.

Благодаря той необычайной стремительности, с какой совершался у нас за последние полтора или два года процесс внутреннего разложения самодержавного бюрократического строя, процесс роста и организации нашей рабочей партии не мог успевать следовать в своем развитии за этим стремительно надвигающимся политическим кризисом, вследствие чего размеры происходящего теперь на наших глазах политического крушения в России не вполне соответствуют, в данную именно минуту, размерам уже готовых воспользоваться этим крушением организованных сил наших социалистических партий, поскольку они являются **социалистическими партиями**, а не партиями чисто демократического революционного переворота.

Но ясное дело, что мы только с этой последней точки зрения и касаемся здесь этого вопроса. Нет никакого сомнения, что если бы мы захотели рассматривать настоящее положение вещей в России с точки зрения не социально-революционной, а лишь одного буржуазно-демократического переворота, предполагая, что только такой один перево-

рот и возможен в настоящее время в России, то в таком случае мы, пожалуй, не имели бы основания характеризовать данное положение русской социалистической рабочей партии как еще не вполне соответствующее по степени ее сплоченности и организованности, размерам подлежащих ее осуществлению ближайших революционных задач, ибо чисто политические результаты совершающегося у нас теперь революционного переворота должны быть признаны более или менее обеспеченными даже в настоящую минуту. В таком случае та тактическая и организационная задача, которую мы считаем самой ближайшей и самой неотложной для данного революционного момента — задача немедленного объединения всех сознательных элементов русского рабочего класса на известных революционных требованиях **социального характера**, уже потеряла бы всю свою неотложность и всю свою настоятельность, так как выходила бы из рамок, обнимаемых данным периодом развития нашей общественной жизни.

Известно, что такой именно взгляд на дело долго и упорно господствовал в кругах нашей социал-демократической партии, которая, опираясь на догматы ортодоксального марксизма, считала возможным вести русское рабочее движение по проторенной дороге буржуазно-демократической революции. Но мы уже видели, до какой степени такое предприятие являлось бы по существу своему исторически и политически невозможным, как мало соответствовало бы оно данному распределению общественных сил в России, непосредственно вытекающему из условий нашего капиталистического развития, и как мало соответствовало бы оно той первенствующей политической роли, какую уже играли до сих пор в нашем революционном движении социалистические организации и рабочие массы. Такого рода отказ от своего исторического наследства, отказ от уже раз завоеванного руководящего политического положения был бы не только непонятной изменой своему собственному делу, но и являлся бы прямою историческою невозможностью.

В самом деле, допустить возможность буржуазно-демократического исхода совершающейся теперь революции в России значило бы допустить возможность того, чтобы наши пробудившиеся к политической жизни массы, и в том числе многомиллионные массы нашего трудового крестьянства, были способны удовлетвориться одними политическими преобразованиями государственного строя, не потребовав немедленных и прочных гарантий в области своего экономического существования. Но такого рода допущение является до такой невероятной степени не соответствующим настоящему политическому положению вещей в России, что во всем своем объеме оно не могло удержаться даже в рядах нашей социал-демократической партии, так долго отстаивавшей неизбежность именно буржуазно-демократического характера ближайшей русской революции. Только такого рода отказом от своей прежней точки зрения, хотя неполным и притом скрытым и замаскированным, но все-таки отказом — скрытым и замаскированным неизменным повторением своих прежних нападок на якобы утопический характер нашей аграрной программы, — и может быть объяснен тот резкий пово-

рот в постановке аграрного вопроса, какой совершило за последнее время левое крыло русской социал-демократии, признав открыто необходимость слияния у нас городского рабочего движения с крестьянским восстанием и выставив со своей стороны лозунгом этого крестьянского восстания революционный захват крестьянством всех, как государственных, удельных и кабинетских, так и частновладельческих, земель. Какими бы полемически-тождественными с прежней точкой зрения приемами ни сопровождался этот переход русской социал-демократии с почвы аграрных реформ на почву аграрной революции, мы не можем не признать его крупным шагом вперед с ее стороны, крупным шагом в сторону признания социально-революционного переворота; мы не можем не признать его крупным шагом в сторону признания нашей социально-революционной аграрной программы.

Пусть мы все еще резко расходимся в оценке социальных последствий этого аграрного революционного переворота, санкционированного теперь минимальной программой русской социал-демократической партии; пусть русская социал-демократия все еще признает этот революционный аграрный переворот вполне соответствующим буржуазно-демократическому характеру совершающейся теперь русской революции; пусть она пытается хоть отчасти прикрыть свое отступление от своей прежней буржуазно-демократической программы возвращения отрезков тем таинственным покрывалом неизвестности, за которым она оставляет совершенно в стороне вопрос о способе распределения и пользования конфискованной в революционном движении земель, вопрос о всем новом земельном устройстве России, — все это не изменяет сущности дела и является существенно важным для настоящего революционного момента. Теоретическая оценка социальных последствий революционного захвата земель оставшимся трудовым крестьянством относится к области научной разработки наших программных вопросов, а практическая проверка фактических результатов совершающейся теперь русской революции будет в более или менее непродолжительном времени сделана самою жизнью. Что же касается того таинственного покрывала, за которым русская социал-демократия оставляет совершенно открытым вопрос о способе распределения и пользования всеми конфискованными революционным движением землями, то мы охотно миримся в этом случае с ее добровольным абсентеизмом. Мы, конечно, употребили бы со своей стороны все то влияние, каким мы располагаем в сфере городских и деревенских сознательных рабочих масс, для борьбы против активной проповеди в пользу перехода земли к восставшему крестьянству на буржуазно-демократических основах свободной купли и продажи, но мы совершенно уверены, что социал-демократическая партия не будет даже в состоянии попытаться предпринять в широких размерах агитацию такого рода требования, явно противоречащего правовому сознанию огромного большинства трудовых крестьянских масс.

Итак, существенно важным является в данном случае в наших лишь чисто фактическая сторона дела. Существенно важным является в наших глазах прежде всего одновременное признание, как партией социалистов-революционеров, так и партией социал-демократов, полной

необходимости слияния нашего городского рабочего движения с революционным движением в среде нашего трудового крестьянства, как самой несложной задачи ближайшего революционного момента, от успешного разрешения которой будет в значительной степени зависеть самая прочность общего политического положения всей рабочей партии в России. Наконец, существенно важным является в наших глазах наше общее признание того, что широкое крестьянское движение может быть проведено в России лишь под революционным знаменем Земли и Воли. В этом отношении ближайшие революционные задачи партии социалистов-революционеров и партии социал-демократов, как оказывается, фактически сходятся теперь на одном и том же практическом лозунге, а с осуществлением этого практического лозунга самым тесным образом связана самая возможность для русской рабочей партии сохранить свою руководящую роль в настоящем революционном движении.

Эта необходимость удержать фактически в своих руках гегемонию общественного движения и составляет, в ее более общей формулировке, очередную революционную задачу рабочей партии в России. Если русская рабочая партия ограничит свою активную роль только тем, что будет своею революционною борьбою, хотя бы и в первых рядах, вырывать одна за другою политические уступки у самодержавного строя и добьется наконец осуществления свободных политических учреждений в России, то она неизбежно передаст в конце концов свою руководящую общественную роль в руки буржуазной демократии. Организованные силы нашего городского пролетариата должны помнить, что только тесный союз городского рабочего движения с надвигающимся восстанием трудового крестьянства может довести наше рабочее революционное движение до таких размеров, при которых оно будет способно овладеть всецело политическим положением и принять соответствующий его классовому составу социально-революционный характер. Организованные силы нашего городского пролетариата не должны забывать, что только крестьянское восстание во имя освобождения земли может влить социальное содержание в наше рабочее революционное движение и что только великая социальная победа, достигнутая усилиями всего рабочего класса в России, может создать твердую политическую и экономическую основу для дальнейшего политического и экономического освобождения нашего рабочего класса.

*«Революционная Россия», № 77.
Отдельный оттиск, декабрь 1905 г.*

В. ЧЕРНОВ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В последнем № «Рев. России»¹⁷³, вышедшем за границей, мы должны были оценить значение того крутого поворота, который произошел в русской жизни под влиянием великой генеральной политической стачки, или «первой всеобщей стачки», как ее теперь обычно называ-

ют. Эта стачка была победоносна. Она заставила правительство выпустить Манифест 17 октября, что, конечно, было не бог весть каким приобретением; но она же дезорганизовала правительство, заставила его фактически распустить вожжи и в то же время в огромных размерах подняла уверенность в своих силах, активность и решительность всех враждебных правительству слоев. Это последнее обстоятельство, установившее в России режим фактических свобод, так называемого «явочного порядка» и всеобщего бойкота правительственных распоряжений и узаконений, было действительным, реальным завоеванием всеобщей стачки. Это завоевание предстояло использовать.

Но какой метод использования будет правильным? Следует ли продолжать форсированным маршем атаку оставшихся за правительством позиций или же перейти к сдержанной и осторожной тактике, до поры до времени ограничиваясь возможно более широкой утилизацией завоеванных свобод в целях пропаганды, агитации и организации, чтобы только уже после прочных успехов на этом поприще перейти к новому решительному наступлению? Таков был основной тактический вопрос, который был выдвинут и поставлен ребром самой жизнью.

Выбор между двумя указанными тактическими методами зависел от того, как оценивать силы, с которыми русское революционное движение одержало свою первую победу. Силы эти были силами одного лишь городского пролетариата. Правда, он действовал в атмосфере всеобщего сочувствия. Его первую победу все умеренные и либеральные элементы называли «всенародной» победой. Но если эта победа была такой неопределенно и широковсенародной победой **по своим результатам**, то по характеру непосредственно одержавших ее активных действующих сил она была победой пролетарской.

Было, однако, совершенно ясно, что при дальнейшем наступлении от пролетариата должен отпасть целый ряд сил, так единодушно его поддерживающих в этих первых шагах. Да и как же могло быть иначе? Разношерстные по своему социальному составу и по своим интересам, недовольные элементы могут дружно стоять как будто заодно, пока непримиримая реакционная тактика правительства загоняет волей-неволей в оппозицию всех, кроме самых свирепых мракобесов. Но как только начинается и расслоение оппозиции...

Предстояло решить: насколько велика опасность разъединения, благодаря посулам Манифеста 17 октября, прежних врагов правительства? Достаточно ли будут те активные силы, которые одержали первую победу, выиграв первую забастовку, чтобы при отпадении значительной доли сочувствовавших движению раньше продолжить форсированным маршем штурм правительственных бастионов? Или же им следует привлечь резервы, двинуть на помощь силы, ранее еще не выступавшие на арену борьбы, а впредь до соединения с резервами воспользоваться всеми выгодами завоеванных позиций, укрепиться на них, крепче стянуть и соорганизовать силы, втянуть в ряды отсталых, подготовить будущую атаку обстрелами издали? Два течения должны были неизбежно наметиться и, действительно, наметились при решении этих вопросов.

Одно из этих течений увидело в блестящей победе первой политической забастовки новое доказательство своей давнишней идеи о всемогуществе городского пролетариата. Он, он один одержал эту победу. Без помощи крестьянства, в которой «иные-прочие» наивно усматривают главную политическую силу страны, без одновременных террористических актов, которым суеверные люди приписывают чудодейственное влияние, при обычной пассивной благожелательности «культурного общества» могучий колосс, созданный индустриальным развитием, ненавистный разного рода «народникам», нанес смертельный удар русского самодержавию и теперь готовится «добить гадину».

Стоя на этой точке зрения, далее совершенно логично приходилось стоять за немедленное, безостановочное развитие наступательной тактики. В самом деле, кому же не ясно, что в промедлении, в выжидании — гибель революции? Надо ковать железо, пока оно горячо. Народное настроение не может слишком долго поддерживаться на точке кипения — оно должно улететь, упасть, принизиться до будничного настроения повседневной жизни, неутомимо вступающей в свои права после недолгого, но бурного, истошающего силы подъема. Растерянность и дезорганизованность правительства тоже не могут слишком долго продолжаться: если немедленно не нанести ударов, которые бы его добивали, то тем самым оно получит возможность опомниться, оправдаться, собраться с силами. Итак, каждый день промедления, отсрочки нового штурма есть частичное самоубийство для революции. Каждый удобный случай должен быть использован для нового решительного натиска, для новой всеобщей забастовки, которая наконец должна перейти в окончательное восстание, в революцию!

Другой взгляд основывался на иной исходной точке зрения и неизбежно приводил к иным практическим выводам. С этой точки зрения в России действительно полная и действительно прочная победа революционного движения не может быть достигнута без одновременного натиска сил городского пролетариата и огромных масс трудового крестьянства. Пролетариат выступил как авангард движения и одержал блестящую авангардную победу; но за ней должна с обеих сторон последовать концентрация главных сил. Вместо двух авангардов столкнутся силы двух армий во всем их целом. С этой точки зрения первая победа пролетариата еще не могла быть достаточной гарантией победоносного исхода его новых атак, новых штурмов. Растерянность и нерешительность правительства объяснялись тем, что в атмосфере общего сочувствия первой стачке были заражены, увлечены даже такие элементы, на которых до сих пор опиралось правительство. Собственные агенты его колебались. В наскоро собранных войсках было мало веры. При таких условиях правительство не могло решиться поставить ва-банк. Оно предпочло успокоить обещаниями и посулами более умеренные элементы, и после наивных ликований и обывательских благодарностей по поводу Манифеста 17 октября его позиции были несколько улучшены. Этим ныне лучше укрепленных позиций уже не взять с силами уменьшенными благодаря отпадению части союзников и несколько ус-

тавшими от первого напряжения. Нужно ввести в дело новые силы, резервы. Эти резервы налицо, в виде еще не распропагандированных и не организованных нижних слоев пролетариата и в виде огромных масс трудового крестьянства. Мобилизация трудового крестьянства и введение мобилизованных сил в дело не может быть назначено по произволу. В массе двинуться в огонь крестьянство сможет только весной, в пору работ, а ни в каком случае не в осеннюю распутицу и даже не в зимний мертвый сезон. Поэтому в интересах революции — не форсировать событий, не торопить развязки. Конечно, важно не давать правительству опомниться. Но этого, по возможности, следует достигать методом широкого и всестороннего бойкота правительственных актов, осуществлений явочным порядком «свобод». Надо организовать новые, гораздо большие силы, надо организовать крестьянство, надо немедленно сделать все возможное для того, чтобы слить городское и крестьянское движение в один могучий поток. Сим победиши.

Таковы были два мирозерцания и две тактики, которые должны были вызвать два фактических течения в работе. Нетрудно было заранее предвидеть, какое из них победит. Первое течение имело за себя «право давности». Оно фактически господствовало в рабочих кварталах. Оно имело за себя демоническую соблазнительность. Конечно, легче уверять рабочего, что он — все и что все остальные общественные элементы, враждебные самодержавию, *quantité négligeable*, чем противопоставлять этому «возвышающему обман» прозаическую «низкую истину» об ограниченности сил пролетариата. За первое течение была нервность настроения участников движения, естественная в круговороте величайших, полных драматизма исторических событий; за первое течение была железная нелогичная ломка разбушевавшейся стихии, которая никак не могла улечься и вызывала неорганизованные вспышки, вроде кронштадтской¹⁷⁴; наконец, практически этому же первому течению придавали огромную фактическую силу и холодно рассчитанные провокационные маневры «конституционного» правительства.

* * *

Совершенно ясно, какая тактика подсказывалась в качестве наиболее целесообразной правительству всем опытом предыдущего, всем ходом событий. Ему предстояло усвоить тактику выжидания. Держа общество под обаянием радужных перспектив, набросанных туманными контурами в Манифесте 17 октября, оно должно было спокойно, под благовидными предлогами, оттягивать фактическое исполнение своих посулов. В то же время оно должно было овладеть собою, должно было заставить овладеть собою и всех своих агентов. Оно не должно было допускать ни в своем, ни в их поведении ничего такого, что резко противоречило бы духу обещаний Манифеста, чтобы не волновать «общества». А затем дальнейшие упования оно должно было бы возложить на то, что революционные силы откажутся на какой-нибудь нетерпеливый шаг, снервничают, сорвутся и дадут благовидный предлог к репрессиям ...

Вместо этого правительственная партия сама же первая не выдержала и стала нервничать. Ею овладело стихийное чувство страха за свои судьбы, за свое существование. Но нервность и страх — плохие советчики. Движимая слепым инстинктом самосохранения, правительственная партия не выдержала, не стерпела зрелища повсеместного ликования по случаю ожидаемой ликвидации старого режима. Она реагировала рядом рефлекторных, судорожных движений — знаменитой вакханалией черносотенных убийств и погромов. Это была огромная, почти непоправимая ошибка. Более самоубийственной тактики для правительства нельзя было выдумать. Сразу дискредитируя акт 17 октября, сразу набрасывая густую, черную тень на чистоту правительственных намерений, сразу колебля даже у самых наивных обывателей веру в честность посулов и обещаний, черносотенная вакханалия вызвала и за границей чувство гадливости и отвращения к правительству, соучастничество которого слишком явно просвечивало в организации погромов. Наконец, что было для правительства еще хуже, все эти зверства подпольного и подкушенного люмпен-пролетариата и люмпен-мещанства сделали то, что не могли сделать все призывы революционных манифестов и прокламаций. Они заставили рабочих, студентов, интеллигентов, чуть не поголовно всех граждан вооружаться. Инстинкт самосохранения, потребность в самозащите властно заговорили у всех. Все бросались к оружию. ...Своими черносотенными выходками правительство сорганизовало массовое вооружение народа.

...Быть может, не будь черносотенной эпопеи, сошел бы удачнее следующий контрреволюционный маневр: объявление военного положения в Польше¹⁷⁵. ...Отчасти причиной послужило то, что введение военного положения состоялось опять-таки слишком поспешно. Была видна нервная торопливость человека, судорожно хватающегося за соломинку. Маневр, при других условиях способный сильно подействовать на старую, историческую неприязнь «верного Росса» к «кичливому ялаху», был сразу встречен с предубеждением.

С другой стороны, нет никакого сомнения, что, не будь черносотенной эпопеи, не было бы и Московского восстания¹⁷⁶ — т.е. не было бы девятидневной героической уличной борьбы, которая могла идти с таким упорством лишь при той широкой распространенности оружия, которую создал страх погромов в обществе и гнев против хулиганов-погромщиков со стороны рабочих.

* * *

Если черносотенная эпопея сильно повредила правительству, если попытка введения военного положения в Польше не удалась, если правительство всем происшедшим, а также глухим брожением в войске было сильно озадачено и совершенно растерялось, то, казалось бы, судьба давала революционным силам такую благоприятную комбинацию условий, лучше которой и придумать было трудно. Однако положение имело и отрицательную сторону, создав такую видимость, будто

правительство истощило все свои ресурсы и достаточно еще небольшого усилия, чтобы его опрокинуть. Положительная же сторона состояла в том, что расчистилась почва для подготовительных работ. При растерянности правительства можно было собирать митинги, организовывать общества и союзы, писать и говорить все, что угодно.

В этом направлении, несомненно, делалось крайне много. Зарождались один за другим всевозможные профессиональные союзы; росли партийные организации; создавались, в сериях митингов, настоящие политические рабочие университеты. Из наиболее крупных организационных предприятий нужно отметить Советы рабочих депутатов (главным образом Петербургский¹⁷⁷, а затем и Московский¹⁷⁸) и два профессионально-политических союза: Всероссийский железнодорожный союз¹⁷⁹ и Всероссийский крестьянский союз¹⁸⁰. При этом в СРД преобладало, как общее правило, влияние соц.-дем., а в железнодорожном и крестьянском союзах — влияние социалистов-революционеров. В связи с этим определилось и тактическое их поведение. Советы рабочих депутатов с самого начала усвоили себе тактику муссирования движения, лихорадочного ускорения его темпа. Наоборот, железнодорожный союз, занятый огромной организационной работой, лелеял планы будущей грандиозной забастовки, которую, однако, нужно было обстоятельно подготовить и ради которой следовало отказаться от рискованных преждевременных вспышек. Крестьянский союз стоял также перед такой грандиозной организационной задачей, что не мог и думать о том, чтобы, стоя в самом начале ее разрешения, думать о немедленной мобилизации сил для решительного сражения. Да и самая природа сельского хозяйства делала возможным думать об активном выступлении крестьянства ни в коем случае не ранее весны. Перспективы у обоих союзов были грандиозные.

У социалистов-революционеров, как людей партийных, был, кроме соображений общего политического такта, и еще один, специальный мотив — придерживаться симпатий к более сдержанной тактике. Атмосфера «фактических свобод» оказалась для них еще благоприятнее, чем они сами того ожидали. Нечего и говорить о том, что это было уже полным сюрпризом для социал-демократов, воображавших почему-то, будто партия соц.-рев. жива лишь до тех пор, пока благодаря свирепости правительственного белого террора популярен ее революционный терроризм, и будто бы стоит лишь водвориться политической свободе, чтобы эта партия распалась и растаяла. Практика показала другое. Оказалось, что при свободе открыто высказаться шансы партии с.-р. сравнительно с социал-демократическими сильно возрастают. Преимуществом социал-демократов была гораздо большая численность их пропагандистов и агитаторов, зависящая от того, что под исключительным влиянием социал-демократических идей успело воспитаться, со времен падения «Народной Воли» до выступления с.-р. партии, уже не одно революционное поколение. Благодаря этому, при условиях конспиративной работы, при частых провалах, с.-р. оказывались в менее выгодных условиях; их работа чаще обрывалась, связи утеривались; социал-

демократам же было гораздо легче поддерживать преимущество работы и связей. Наконец, система замкнутых подпольных кружков давала возможность социал-демократам держать под своим монопольным влиянием большой контингент рабочих, организованных в кружки, заботливо оберегаемые от проникновения влияния с.-р.-ов, их литературы, их идей. Но как только сделались возможными открытая работа, свободное публичное слово, открытое распространение литературы — положение круто изменилось. Множество рабочих впервые получили возможность услышать социалистов-революционеров и сравнить их программу с социал-демократической. «Количество», которое раньше было решающим в вопросе о влиянии идей с.-д. и с.-р., отступило на задний план перед «качеством», в котором перевес оказался не на стороне с.-д. Началось завоевание с.-р. целого ряда позиций в рабочей среде, — иногда позиций на таких фабриках и заводах, которые с.-д. считали своими цитаделями. ...Единственным преимуществом с.-д., благодаря их численности, оставалось то, что с.-р. не всегда успевали организационно закрепить свои идейные успехи. Рост популярности среди рабочих идей с.-р. шел быстрее роста их организационной работы, для которой не хватало людей. С другой стороны, обнаруживалось следующее постоянное явление: с.-р. часто быстро склоняли на свою сторону серую массу (особенно из числа не потерявших связи с деревней) и молодежь; затем, с.-д. имели на своей стороне старых, известных на заводе, видных и влиятельных рабочих, убеждения которых успели прочно сложиться под монопольным влиянием прежнего исключительного господства с.-д.-ских кружков. И вот на том же самом заводе с.-р.-ы могли постоянно проводить на митингах своих резолюции, а с.-д.-ы — своих людей в председатели митингов и в представители районов и Совета рабочих депутатов.

Итак, работа с.-р.-ов и здесь открывала для них блестящие перспективы, но осязательные плоды ее были еще целиком в будущем. При таких условиях, не имея организационного руководства городскими рабочими и поглощенные подготовкой к завоеванию этого руководства, с.-р. и не могли быть расположены к немедленному использованию накопленных в этой среде сил. Не было достаточных гарантий того, что удастся эти силы использовать в духе своей программы и тактики. Иначе обстояло дело у социал-демократов. Они и не пытались оспаривать у с.-р. позиций в деревне; они видели, что с.-р. не только твердою ногою стали в железнодорожном союзе, но и угрожают их позиции среди заводских рабочих. Однако улита сдет, когда-то будет. Пока же дело обстояло так: Совет рабочих депутатов¹⁸¹ был захвачен в руки с.-д. с самого начала, в Исполнительном комитете было крупное с.-д.-ское большинство, и он стал организационным с.-д.-ского влияния. Растяжимость и неопределенность организационного строения Совета при отсутствии в нем устава (в Совете бывали депутаты не только от 200-300, но и от 50-30 чел.), давали широкий простор «искусственному подбору» однородных элементов. С.-р.-ам удалось только под конец усилить свое рабочее представительство в Совете, причем избранные депу-

таты-рабочие с.-р-ы постоянно жаловались на трудности, которые им приходилось преодолевать для фактического проникновения в Совет и даже осведомленности о времени его заседаний. В с.-д-ской литературе уже начали раздаваться первые тревожные голоса об опасности перемены общего направления в Совете, хотя бы и не в непосредственном, а сравнительно более далеком будущем. Дурным симптомом уже был провал попытки объявить Совет «примыкающим» к знамени Рос. Соц.-Дем. Раб. партии¹⁸². Предложение это встретило такую оппозицию, что его пришлось замять, снять с очереди и более уже о нем не заикаться. Конечно, с.-д-ам было выгоднее дать решительное сражение самодержавию тогда, когда их организационное руководство рабочими массами было наиболее прочно и бесспорно. Оттягивать это решительное сражение до весны — это значило, кроме того, признать последней инстанцией крестьянство и уже тем самым дать с.-р-ам и работавшему в духе их программы Крестьянскому Союзу гораздо более влиятельное положение в общем ходе событий. Конечно, с.-д-ам эта перспектива должна была крайне мало улыбаться, но более что они искренно были убеждены, что пролетариат и один сможет «добить гадину».

* * *

Социалисты-революционеры, как известно, находили неосторожным и рискованным поход в смысле введения «революционным путем» 8 часового рабочего дня¹⁸³. Но надо заметить, что они исходили при этом совсем не из тех соображений, по которым на эту меру обрушились гг. Струве¹⁸⁴ и его соратники из «Полярной Звезды»¹⁸⁵. Напротив, самый принцип — введения 8 часового рабочего дня «явочным порядком» или «революционным путем» с.-р. программе соответствовало гораздо больше, чем социал-демократической. Самая идея этого метода была взята у французских социалистов-синдикалистов-революционеров, выдвигающих значение непосредственного, внепарламентского давления на хозяев и правительство в противоположность социал-демократической исключительной склонности к парламентаризму и легализму. И когда представители социал-революционеров критиковали пачатую кампанию, они нападали не на принцип ее, а исключительно указывали на недочет в практическом применении принципа. В самом деле, на родине этого принципа, во Франции, несмотря на наличие сильных и объединенных синдикатов, никто и помыслить не мог о том, чтобы немедленно принятая вводить в каком-нибудь одном городе «революционным путем» 8 часовую рабочую неделю на всех фабриках и заводах. Рабочие и вожди их превосходно понимали, что, во-первых, ввести такую меру, при системе конкуренции между заводами, в одном лишь городе — невозможно, что ее необходимо проводить одновременно во всей стране, таким образом, сравнивая условия конкуренции всех предприятий, а не ставя некоторые в исключительно неблагоприятные условия; они понимали, во-вторых, что к такой крупной битве надо основательно подготовиться, и потому отсрочили начало «революционно-

го введения 8 часового рабочего дня» почти на год вперед, решив употребить все это время на специальную агитационную кампанию в пользу этого своего требования и этого своего метода борьбы. У нас же среди иных «идеологов пролетариата» вера в силы нашего, русского пролетариата стала доходить до колоссального суеверия... Предполагалось, что наш пролетарий не организуясь организован, стоит только сойти на него наитию революционного вдохновения. Благодаря этому без достаточной организации, без достаточной подготовки, каким-то экспромтом было декретировано для одного Петербурга введение революционным путем 8 часового рабочего дня. Эта попытка заранее была обречена на поражение. Она вызвала то, что должна была вызвать: самое упорное сопротивление хозяев, временное закрытие некоторые заводов, увеличение безработицы и довольно нестройную и недружную кратковременную борьбу, истощавшую силы и средства рабочих без всякой надежды на успех.

Не успела еще кончиться борьба за введение «революционным путем 8 часового рабочего дня», как началась вторая политическая забастовка¹⁸⁶. Она с величайшими трудностями кое-как сошла в Петербурге и совсем не прошла в Москве, как и в большинстве других городов, еще не успевших поправиться и набраться новых сил после первой забастовки. Теперь уже никто не оспаривает, что борьба за 8 часового рабочий день вместе со второй забастовкой так истощила силы петербургских рабочих, что этим объясняется полный провал Петербурга во время третьей забастовки и его позорное бездействие во время агонии Москвы, для подавления которой могли спокойно отправить из Петербурга достославных семеновцев¹⁸⁷. С другой стороны, не менее характерно, что Москва, не истощившая себя ни второй забастовкой, ни борьбой за 8 часового рабочий день (которой в Москве почти не было) и воспользовавшаяся этим временем для организационной работы, сумела блестяще развернуть свои силы на баррикадах и доказать, что при правильной тактике рабочий класс может в самых неблагоприятных внешних условиях совершать чудеса.

Вторая забастовка, поскольку она имела относительный успех, имела его не в качестве забастовки, а в качестве демонстрации. Солдаты говорили: «Ведь это теперь за нас рабочие бунтуют». Требование отмены военного суда над кронштадтскими солдатами и матросами¹⁸⁸, подкрепленное бросанием работы, было, конечно, превосходной наглядной пропагандой, проникавшей сквозь казарменные стены и действовавшей сильнее всяких прокламаций. Но велась эта забастовка именно как забастовка, т.е. «впредь до исполнения предъявленных требований». По настоянию федеративного с.-д. комитета¹⁸⁹, стачку тянули, пока только было возможно, на том основании, что «никогда нельзя предвидеть, когда общая стачка, вызвав где-нибудь особенно крупные события, перейдет в восстание». Но так как у ее руководителей не было ни ресурсов, ни решимости для того, чтобы какими-нибудь смелыми ударами перевести пассивную стачку в активное движение, то стачка медленно таяла. Несмотря на всю очевидную самоубийственность этой

тактики, критика способа ее ведения соц.-рев-ми была гласом вопиющего в пустыне. По мнению с.-р-ов, эту стачку еще можно было, в самом крайнем случае, вести как чисто демонстративную стачку, заранее определив ее срок. Это дало бы возможность многим заведениям примкнуть к стачке, ибо они могли продержаться лишь короткое время. При срочной стачке не было бы так сильно и давление хозяев на истощенных рабочих

Очень сильную оппозицию второй забастовке оказал и железнодорожный союз. Эта организация, в которой преобладало с.-р-ское течение, выиграла, в сущности, всю первую, великую политическую забастовку. Она стояла как независимая, самостоятельная всероссийская организация, посылая своих представителей в Совет рабочих депутатов лишь с совещательным голосом, для соглашения, но не организационного подчинения решению Совета. Представители петербургского узла с.-р-ы, при обсуждении вопроса о второй забастовке, ярко обрисовали трудное положение железнодорожного союза, забастовка которого могла быть решительным ударом, ибо сильно действующим средством нельзя играть по мелочам. Не менее ярко выставляли они нецелесообразность и рискованность прерывать по расширению и укреплению союза для будущей, решающей всероссийской забастовки, вместе с рабочими и крестьянами. Только ввиду твердого решения Совета рабочих депутатов начать и вести забастовку, петербургский узел примкнул к ней из солидарности и с большими трудностями провел свою забастовку, несмотря на большую силу среди служащих черносотенного элемен-

Но дальнейший ход событий оправдал предостережения представителей железнодорожного союза. В то время как Московский узел, не примыкавший ко второй забастовке, провел дружно третью, — забастовка Петербургского узла сорвалась и в своем провале увлекла всю и без того ослабевшую державшуюся третью забастовку городских рабочих Петербурга.

Здесь кстати будет упомянуть, что организации партии с.-р. во все время этих событий вели себя с самой строгой корректностью и общереволюционной дисциплиной. Как бы ни приходилось порою расхо-диться с с.-д. в Совете рабочих депутатов, или в особенности в Исполнительном комитете, в стенах которого происходила главная часть тактических споров, — всегда, когда большинством принималось то или другое решение, и по знаку Совета рабочие Петербурга начинали действовать, — члены с.-р-овских организаций, рабочие и интеллигенты, не только не ослабляли значения раз начатой большинством борьбы отчаянием, недоброжелательностью или лишь внешнею, показною солидарностью — но, напротив, шли в ногу, со всей той силой и энергией, на которую были способны. Мало того, в провинции, несмотря на неблагоприятное для аграрного движения время года, несмотря на тактическое расхождение с с.-д. о целесообразном выборе момента новой решительной схватки с правительством, с.-р-ы решили сделать все возможное, чтобы не оставить без поддержки движение трудовых масс северных движения городского пролетариата, оказавшегося в таком трудном и тяжелом положении. Саратовское крестьянское восстание и

отголоски его в целом ряде других губерний были сочувственным откликом деревни на вторую забастовку.

* * *

Итак, вторая забастовка не спасла положения, созданного неудачной борьбой за 8-часовой рабочий день. И ту и другую пришлось ликвидировать. Престиж Совета рабочих депутатов сильно пал, хотя это явно еще ни в чем не сказывалось. Правительство же и хозяева явно ободрились. ...С этих пор правительство явно вступает на путь холодной, рассчитанной провокации. Оно само стремится вызывать частные вспышки, чтобы систематически бить врага разрозненным и поодиночке. Первым проявлением этой тактики была созданная вызывающими действиями правительства почтово-телеграфная забастовка¹⁹⁰. Совет рабочих депутатов не решился поддержать ее, ибо урок только что испытанных неудач был слишком тяжким. Между тем такое сильное средство, парализующее все сношения страны, бьющее больно не только правительству, но и всю публику, дезорганизующее торгово-промышленные сношения, может способствовать, как ничто другое, успеху **всероссийского** решительного выступления рабочих масс; но, применяемое изолированно, оно недостаточно сильно, чтобы сломить упорство правительства, но достаточно сильно, чтобы восстановить обывателей — и даже либеральных обывателей, настроенных в духе «Полярной Звезды» г. Струве. Другим провокаторским маневром был арест Центрального Бюро крестьянского союза¹⁹¹, третьим — арест Хрусталева¹⁹², председателя СПб. Совета РД. Тот факт, что арест сошел совершенно спокойно — общее утомление и падение престижа Совета Р.Д. было тому причиной, — был новым толчком для реакционного реванша. Реакция к тому же была окрылена только что одержанной морской победой адмирала Чухнина¹⁹³ над «красным лейтенантом» Шмидтом¹⁹⁴. События далее с железной логикой катились под гору. Революционные партии и крупнейшие союзы объединились, чтобы попробовать, в виде средства самообороны, ударить правительство, если не дубьем, так рублем; был выпущен известный «Манифест»¹⁹⁵, нанесший серьезный удар правительственным финансам. Правительство ответило закрытием газет и, наконец, арестом Совета рабочих депутатов¹⁹⁶. Уже первые из провокационных правительственных актов вызвали в Совете предложение устроить новую всеобщую забастовку. С.-р-ам, при поддержке «большевиков»*, удалось настоять на том, чтобы, вместо нового необдуманного шага, который рискует остаться опять не поддержанным в других городах, разослать повсеместно своих людей для сговора и соглашения с провинциальными Советами РД и наиболее крупными всероссийскими союзами относительно выбора момента для всеобщего и дружного движения. Это дело, однако, не было еще закон-

* Вообще говоря, в это время тактические взгляды с.-р-ов не раз получали слабую поддержку представителей с.-д. «большинства».

ченным, когда новые вызывающие действия правительства, как арест СРД в его полном составе, придал новую силу сторонникам немедленного перехода в наступление. На своем съезде ж.-д. союз, после долгих колебаний, решил примкнуть к задуманной забастовке, вопреки своим прежним планам...¹⁹⁷ Опасение близкого разгрома заставило поспешить с использованием пока еще целой, хотя и незаконченной организации. Наконец, волнения солдат в Москве¹⁹⁸, не кончившиеся сдачей Ростовского полка, обещали, казалось, многое. Таковы были события, снова фатально приведшие к забастовке, которую с.-р-ы считали в Петербурге совершенно безнадежной.

Дальнейшее известно. Разразилось Московское восстание, в котором люди нашей партии сыграли такую яркую роль, снова и снова доказав, что все наши предыдущие попытки склонить рабочих на сторону более сдержанной и осторожной тактики зависели не от недостатка решительности и боевого революционного энтузиазма, а исключительно от глубокого сознания огромной исторической ответственности и соображений обдуманной политической целесообразности. Осада в доме Фидлера¹⁹⁹, взрыв охраны²⁰⁰, плен и казнь начальника сыска²⁰¹, оборона Пресни²⁰² и в особенности центра с.-р-ской агитации, Прохоровской мануфактуры²⁰³, выбравшей в СРД исключительно с.-р-ов, ряд мужественных смертей — все это покрыло имя партии новой славой. Московское восстание не может быть названо поражением революционеров. В самом деле, благодаря усвоенному в Москве партизанскому методу революционеры были почти неуловимы; упорная уличная борьба в течение почти полутора недель стоила с.-р-ам относительно крайне малого числа жертв... При тех неблагоприятных обстоятельствах, в которых разыгралось Московское восстание, оно было, напротив, блестящим доказательством полной возможности уличной вооруженной борьбы народа с войском, вопреки всем прежним пессимистическим отзывам о ней западноевропейской социал-демократической литературы, после известных политических заявлений Энгельса²⁰⁴. И если рассматривать подавление третьей забастовки, как поражение революции, это поражение было нанесено не в Москве, а в Петербурге, в уставшем, обессиленном и деморализованном предыдущей ошибочной тактикой, в рабочем Петербурге, который своею слабостью сделал бесцельным весь героизм Москвы.

Залогом победы русской революции может быть лишь ее синтетический характер; что только органическое объединение движения рабочих и трудового крестьянства, выступлений масс и авангардных ударов террора, завоевание сочувствия в широких слоях общества и внесение оппозиционной и революционной заразы в войско — только такое целесообразное объединение всех элементов движения способно вызвать крутой и решительный поворот в политической и социальной жизни России; что всякое разъединение сил, распри и односторонние фракционные увлечения самоубийственны.

Русская революция едва еще вышла из первой стадии своего развития. ...Впереди нас ждет еще немало новых упорных битв. Еще есть

время понять мораль событий воспользоваться их уроком предупредить повторение промахов и ошибок... А вся мораль событий властно указывает на программу и тактику партии социалистов-революционеров, недвусмысленно свидетельствуя перед всем рабочим народом: «СИМ ПОБЕДИШИ».

*В. Чернов. Прошлое и настоящее.
Спб. Издание Вл. Раснопова. 1906.*

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ТАКТИКЕ ПАРТИИ В ПЕРИОД I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(Постановления I Совета партии, май 1906 г.)

Вполне признавая правильность бойкота выборов, которая была необходима ввиду усиления революционного движения, но принимая во внимание, что

1) Дума, благодаря неслышанным правительственным репрессиям, имеет тенденцию быть оппозиционной,

2) Дума включает в себя элементы чисто пролетарские и принадлежащие к трудовому крестьянству,

3) Дума неизбежно втягивается в борьбу с правительством,

4) эта борьба благоприятствует, в частности, пробуждению революционного самосознания в массах,

Совет постановляет: Партия должна через посредничество парламентской Трудовой группы воздействовать на Думу, чтобы привести ее к требованию: созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, при условии, если будут гарантированы все основные «свободы», и признать принцип уничтожения частной собственности на землю.

* * *

1) В связи с открытием Государственной думы, впредь до большего выяснения для масс населения политического положения и тактики правительства, временно приостановить террористическую деятельность, не прекращая, однако, ни на минуту общей боевой подготовки. ЦК предоставляется определить момент возобновления террористической борьбы.

2) Совет признал необходимой, в случае наступления «свобод», переорганизацию Партии в открытую политическую партию на демократических началах. Переорганизация должна производиться сообразно местным условиям, не нарушая целостности организации и программы.

*Памятная книжка социалиста-революционера.
Выпуск I. 1911. Б.м. С. 43.*

Г.Г-ни (Г.А.Гершуни)²⁰⁵
ОБ ОТНОШЕНИИ К ДУМЕ
(Письмо из тюрьмы)*

Как относиться к Думе? Этот жгучий вопрос занимает всех, занимает и нас, отделенных толстою тюремною решеткой от арены политической борьбы. И мы не можем из-за этой решетки не подать и своего голоса...

Мы знаем, конечно, что... нельзя из этих стен диктовать поведение находящихся на воле и гораздо более нас ориентированных в фактических условиях момента. Но именно поэтому мы и стараемся осторожно ограничить поле нашего суждения узкими рамками и не столько решать, сколько наметить основные предпосылки решения этого настоятельно важного политического вопроса.

Чтобы разобраться в этом вопросе и прийти к какому-нибудь правильному решению, начнем с момента, когда партия впервые должна была определить свою тактику по отношению к Думе.

Это было в декабре прошлого года. Изолированное Московское восстание было раздавлено. Подавлены были и редкие отзвуки этого восстания — в Ростове²⁰⁶, Н.Новгороде²⁰⁷ и др.²⁰⁸ Реакция торжествовала победу по всей линии. За социалистами была учинена систематическая травля. Газеты с более или менее радикальным оттенком закрыты. Соборания разгонялись. Либералы резко бросились вправо, и в их органах раздавались призывы к необходимости отмежеваться от левых. «Умеренные» открыто перешли на сторону реакции, санкционируя ее узаконенный разбой. Положение о Думе мало изменилось²⁰⁹. Это была та же булыгинская Дума²¹⁰, на борьбу с которой трудящийся класс принес столько жертв. Анализировать и критиковать ее нет надобности — вопрос достаточно выяснен. Скажем прямо: трудно было придумать что-нибудь более уродливое, с одной стороны, и более совершенное в смысле глумления над народными требованиями и интересами — с другой. Цель правительства была ясна: создать фикцию народного представительства, мириться с словесными излияниями «народных избранников» и... в остальном оставить все по-старому. Не должно ли быть ясно отношение народной политической партии к этой цели правительства? Может ли у нее быть другой путь, кроме отказа в участии обманывать истерзанную и разорженную страну? Имеет ли она право вводить страну в заблуждение, прикрывая своим честным именем бесчестные замыслы правительства? Тут двух мнений быть не может: сознательное соучастие в обмане есть обман, и партии, требующие истинного народного представительства, правомочного вести всю законодательную деятельность, не могут принимать участия в карикатурном представительстве, не имеющем возможности вести какую бы то ни было законодательную деятельность. Положение, совершенно анало-

* С особенным удовольствием даем место этому письму, совершенно совпадающему — вплоть даже до многих отдельных аргументов — с тем, что говорилось нами до сих пор в «Деле Народа»...

гичное вопросу об участии в современном правительстве: «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых».

И наша партия стояла за бойкот Думы. Стояла вполне правильно, и до сих пор ничто не доказало ошибочности этой принципиальной аргументации...

Положение, таким образом, получалось такое. Мы к выборам в Думу отнеслись отрицательно: мы ее бойкотировали. Мы говорили, что от нее ничего ждать нельзя, что она ничего сделать не может. Но нас или не слышали, или не слушались. Против нашей воли и помимо нашего участия, как партии, народ послал своих депутатов добыть «землю» или «волю», или «землю и волю». Депутаты принимали эти указы и «клялись» их выполнить. Дума собралась²¹¹. Народ вложил в нее все свои надежды. Для него Дума — святыня, последнее убежище и последняя попытка мирно решить и устроить свою жизнь. Страна настроена грозно и торжественно. Каково должно быть теперь отношение наше к Думе?

Иные из противников наших всячески стараются навязать нам мнение, будто тут никакого и вопроса-то быть не может. Им хочется заставить нас рассуждать примерно так: мы бойкотировали выборы, следовательно, мы должны вести себя так, как будто Думы и не существует вовсе. Мы должны ее просто-напросто игнорировать...

Но навязать нам подобное мнение, конечно, никому не удастся. Мы не можем надевать себе на глаза повязку и не считаться с фактами действительности. Делать из нашего поведения и тактики такой якобы «прямой» вывод — нелепо. Такая «прямота» напоминает пословицу: «прямо только вороны летают».

Совершенно справедливо: мы, как партия, придерживались бойкота. Но что мы бойкотировали? Выборы и участие в Думе. До 27 апреля для нас Думы не существовало. Но 27 апреля совершился факт огромного общественного значения — открылась Дума. Что она из себя представляет? Как законодательное учреждение, от которого можно ждать каких-либо реальных результатов, она — нуль. Как организованное (относительно говоря) общественное мнение, как выразительница оппозиционного и некоторой части революционного настроения страны — величина крупная. Правда, это в то же время величина для нас **внешняя** — мы не имеем там и не собираемся иметь своей партийной парламентской фракции. Но ведь и внешнюю для нас силу мы можем в известных случаях поддерживать и так или иначе утилизировать. Мы должны определить свое отношение к ней в зависимости от того пути, на который она становится. Если она становится на реакционный путь, мы выступаем против нее, как всякой организованной реакции. Если она выступает на путь оппозиции, мы ей не противодействуем, как не противодействуем никакой открытой оппозиции. Если она выступает на путь революционный, мы ее поддерживаем.

Какой путь является самым желательным для дела трудящегося класса? Какой путь мы должны рекомендовать депутатам в смысле пути, на котором они найдут нашу поддержку? Ответ ясен из общего нашего отношения к Думе. Мы не верим, что ей удастся сделать что-либо

существенное, мы не верим, что ей удастся избежать конфликта с правительством; мы не верим, что правительство пойдет на серьезные уступки; мы не верим, что дело обойдется без активного вмешательства народа. Но мы знаем, что это активное вмешательство может окончиться в пользу народа только тогда, когда выступит не только организованный пролетариат, а когда поднимается весь трудовой народ, когда движение будет общенациональным.

Такое движение возможно только тогда, когда страна, в лице всего трудящегося класса, охвачена одной мыслью, когда она спаяна одним чувством. И разгон Думы может в настоящий момент сыграть роль этого цемента. Но сыграет только тогда, когда ответственность за разгон Думы будет лежать всей тяжестью на правительстве. Дума может сыграть действительно важную, в смысле стимулирования общенародного движения, роль только тогда, когда — в лице ли своего большинства, или в лице значительного и решительного меньшинства, увлекающего заодно с внепарламентским народным движением за собою других, — в сознании масс будет представляться защитницей дела свободы. Это воздействие было бы нам очень дорого, и мы должны желать и добиваться, чтобы Дума не дискредитировала всю себя, всю без исключения, в глазах народа, чтобы она возможно более честно и стойко выполняла свою миссию. Насколько кадеты способны на такую роль — это особая статья, но мы всеми силами должны толкать их на верную позицию. Если народ разочаруется в самих депутатах; если у него получится представление, что земля и воля не добыты по вине его избранников, а не по вине правительства, возникнет стихийное движение, которое партия не сумеет ввести в свое русло и которое делу освобождения народа, быть может, в окончательном итоге ничего не даст. Ибо плюс на минус сократится, и наряду с потерей иллюзий относительно **этой** Думы возникнет стихийное разочарование более темных масс вообще в идее народного представительства, еще такой новой в их сознании. Психологически положение совершенно сходное с историческим 9 января. Рабочие верили в возможность благоприятных результатов, мы не верили. Но мы не старались дискредитировать их вождей, предполагая, что они **честно ошибаются**; мы только предостерегали. И когда на тревожное сомнение: «А если нас не примут?» — следовал грозный ответ: «Тогда у нас нет больше...» — нет больше старой всковой иллюзии, мы знали, что событие будет чревато огромными последствиями. И когда катастрофа разыгралась, наша правота обнаружилась и все сердца обратились к нам. Но это потому, что мы поняли психологически глубокое значение момента, не предавались мелочному торжеству и не «пиныяли», примерно так: «Вы сами виноваты! Мы предупреждали, что нам идти незачем! Вы нас не слушались — разделяйтесь сами, как знаете...» Сознательные руководители пролетариата на эту почву не стали, наоборот, они вместе с ним ринулись в борьбу.

То же и теперь. Мы говорили — нас не слышали или не слушали. И вторично, но уже в грандиозных размерах вся страна идет добывать правду. Мирно, безоружно. «Идите и скажите»... «А если их не послу-

шают? а если их разгонят?» — «Тогда... о! тогда...»

К этому психологическому моменту мы должны готовиться. Но не забывать, что взрыв негодования пролетариата вырвался с такой силой потому, что была так нагло попраана самая пламенная его вера. И за Думу, которая стала его святыней, его символом спасения, народ станет грудью только тогда, когда сама-то она или некоторая часть ее в его глазах будет не запятнана, когда всю свою ненависть, весь свой гнев он сумеет направить на внешние, тяготеющие над Думою, силы.

Это должны твердо помнить народные избранники, это должны твердо помнить и мы. Они — для того, чтобы знать, что единственное спасение их в том, чтобы смело говорить и требовать выполнения воли народа — полной «амнистии», осуществления свобод, суда над старым правительством и созыва Учредительного собрания по четырехчленной формуле. Мы — чтобы знать, что чем честнее будут они себя держать, тем лучше для дела трудящегося класса, что наша задача заключается не в том, чтобы заранее дискредитировать их всех, без разбора, в глазах народа, а чтобы толкать их вперед на путь борьбы и отстаивания «свобод».

И эту задачу должна взять на себя трудовая группа²¹². Она должна проникнуться сознанием, что ей приходится гоняться не за тем, чтобы проводить в жизнь урезанные реформы — ей все равно ничего не удастся вырвать у правительства, — а за тем, чтобы громко и открыто говорить о требованиях трудящегося класса; чтобы создать группу, на которую трудящийся класс будет смотреть как на истинную выразительницу своих интересов.

В случае же упорного уклонения кадетов с верного пути должно противопоставлением их тактики и программы с тактикой и программой трудовой группы пользоваться для развития классового самосознания трудящихся.

* * *

Резюмирую. Тактика бойкота и с принципиальной, и с практической стороны была для нас, как партии, единственно возможная и единственно правильная.

1. Как партия, мы в Думу не шли, не можем идти и теперь. На Думу мы смотрим, как на слабо организованное общественное мнение и ясно выраженную оппозицию страны. До тех пор пока Дума не сходит с оппозиционного пути, мы не выступаем против нее; как только она переходит на путь решительных действий, мы поддерживаем ее, и мы выступаем против нее или против ее большинства лишь тогда и лишь постольку, поскольку они, начнут затушевывать конфликты, понижать тон, урезывать программу народных требований «страха ради иудейска».

Наше отношение к Думе может выражаться только во вдумчивой беспристрастной критике, с точки зрения интересов всего трудящегося класса, действий Думы, критики — чуждой, однако, навязываемому нам к.-д-тами стремлению дискредитировать ее в глазах страны, — и в воздействии на левые элементы.

2. Как партия, мы в Думу войти не можем; ограничиваясь внепарламентским воздействием трудящегося класса, мы должны стараться сделать трудовую группу действительной выразительницей его интересов.

Думу мы должны использовать в агитационных целях, особенно подчеркивая отношение к ней самовластной бюрократии.

В случае разгона оппозиционной Думы мы призовем трудящийся класс немедленно перейти к тем внепарламентским путям, которые остаются в его распоряжении.

«Дело Народа»²¹³, № 9, 12(25) мая 1906 г.

АГРАРНЫЕ ДЕБАТЫ И НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Сто ораторов! Это — все по аграрному вопросу. Так сообщает председатель Думы²¹⁴... Мы далеки от насмешки над этим «словесным наводнением». Конечно, «нет спасения во многоглаголии». Но на этот раз вопрос слишком жгучий, слишком острый. Чуть ли не каждый депутат считает долгом взойти на трибуну и передать то, о чем вопиют через него избиратели. Слишком много накопилось повсюду земельных нужд. Слишком задевает этот вопрос все население...

Но земельный вопрос не только невероятно острый, но и невероятно сложный. Его не осветишь двумя-тремя речами. Нет такого вопроса в хозяйственной, культурной и политической жизни России, который бы не был теснейшим образом связан с вопросом о земле. Нет такой стороны в народной жизни, нет такой области ее, на которой бы не отразилось глубочайшим образом земельное переустройство. Как взвесить все эти изменения? Как оценить их? Как обнять их все одним общим взглядом? Мысль теряется в бесчисленных последствиях, взор утонет в необъятных развертывающихся горизонтах... Уже целый ряд ораторов высказался, а вопрос освещен лишь в самой ничтожной его части...

И тем не менее огромное число ораторов, которое еще угрожает и дальше расти, возбуждает невольно чувство законной тревоги. Да, и психологически, и логически понятно, что об этом вопросе будут говорить, будут много говорить. Выскажется сто, может быть, полтораста ораторов в Думе. Затем вопрос будет сдан в комиссию для обстоятельной и детальной разработки. Такая разработка потребует и соответствующего времени. Затем комиссия составит законопроект и доклад для Думы. Этот доклад будет внесен в Думу, и там снова начнутся прения, снова, может быть, сто ораторов. Но прения будут, весьма возможно, идти по пунктам. Когда кончится эта работа?

Не надо забывать, что мы живем не в обычную, мирную эпоху. Тогда все можно делать «methodisch und systematisch»²¹⁵. Теперь же народное внимание страшно, неизмеримо напряжено. Терпение на исходе. Волнение растет. Неурожай и голод подвигивают нервы. Правительственная борьба с голодающими провоцирует на взрывы. Массы ждут не-

терпеливо. И надо считаться не только с объективной логикой положения, но и с субъективной психологией масс.

Тучей писем и телеграмм масса народная уже начинает напирать на трудовую группу. Сколько же времени это протянется? Когда же народ увидит, что дело земельной реформы не только обсуждается, но и сдвинулось с места, перешло в область практических шагов?

А бюрократия уже успело уловить эти нетерпеливые нотки. Оно уже начинает наигрывать на них. Чем дальше подвигается вперед дело разработки основ земельной реформы, тем более определенно начинается дифференциация внутри самих думских партий. Еще недавно сравнительно столь единодушное перед лицом общего врага, оппозиционное большинство Думы начинает «парцелироваться».

И у правительства уже в уме мелькает ловкий демагогический прием. Отчего бы не заявить, указывая на Думу: «Вы видите, милые дети, там все только болтают, там — пустая говорильня; и чуть до дела дошло — они сами друг с другом только ссорятся и не могут сойтись ни на чем. Правда, сулят-то они журавлей в небо, да что проку? Не лучше ли вам взять от нас, взять сейчас, немедленно, верную, надежную синицу в руки?» И в бюрократических канцеляриях уже началась какая-то таинственная стряпня... Того и гляди, всплывет снова какой-нибудь «завалывшийся» закон, именно такой, какой сейчас нужен, но с пометкою задним числом.

Конечно, сейчас все эти махинации еще не имеют шансов на успех. Население скажет: «Timeo Danaos et dona ferentes»^{*}. Но почему знать, как отнесется часть населения к этим проискам попозже, когда больше утомится ожиданием...

Ясно, что медлить нельзя. Но как же быть? Как двинуть вперед дело? Не эскамотировать же прения, не решать же слепо, не выслушавши всех. Конечно.

Но вот какое обстоятельство следует вспомнить. Все партии согласны, что реформа не может быть проведена без большой подготовительной работы на местах. Представители разных национальностей, автономисты особенно, настаивают на необходимости приспособить реформу к особенностям своих местных условий. Всецело признают важность этой подготовительной работы и к.-д. Центр тяжести склонна переносить на нее и трудовая группа.

За чем же дело стало? Почему не начать теперь же, не дожидаясь конца думских прений, этой работы на местах? Почему не организовать местные комитеты — конечно, на основе выборов по четырехчленной формуле, — чтобы они одновременно с думскими прениями и сами принялись за дело? Ведь за какой бы проект ни высказалась Дума, все равно придется для каждой местности отдельно определить потребительную и трудовую норму землепользования, определить количество свободных земель, земель арендуемых, обрабатываемых чужим инвентарем, земель, занятых под рационально поставленными экономия-

^{*} «Боюсь данайцев, даже приносящих дары».

ми, стоимость задолженности их и т.п. Кроме того, такие комитеты могут принять свою долю участия в самом обсуждении основ, на которых решают земельный вопрос различные проекты. В самом деле, нельзя забывать, что при выборах в Думу население почти не могло высказываться по этому вопросу. Такими условиями были обставлены выборы, что на уста приходилось налагать печать молчания. Создание местных комитетов будет означать привлечение всей страны к обсуждению вопроса. Всенародное дело и должно быть обсуждено всенародно.

Нечего и говорить, какую новую огромную моральную поддержку даст это движение Думе или той ее части, которая окажется верной выразительницей общенародного настроения. Нечего говорить, какое моральное удовлетворение даст и самой стране известие, что дело двинулось вперед, что оно уже перенесено на места, что началась практическая пригонка общих начал в действительности...

Мы сказали «началась», «перенесена»... Но кто позволит начать, кто позволит перенести? Вот в чем вопрос. Да, конечно, могут «не допустить». Пусть попробуют! Во всяком случае, этой пробой враждебные народу силу претворятся в дела. Они лишат себя всякой возможности ссылаться на свою «синицу в руки» против «журавля в небе», и «настоящее дело» против «думских разговоров». Помешать перенесению вопроса на места для бюродержавия значит — открыто и ясно встать между народом и землею. Бюродержавцы наши не имеют и слабого предостережения о том, что значит и во что может обойтись такое положение...

Особенно важно одновременное перенесение вопроса на места для трудовой группы. Не могут выступить против него и к.-д. Называющие себя «партией народной свободы», они не могут, без измены самим себе, высказаться против свободного привлечения всех местных сил к обсуждению проектов реформы и подготовке необходимых для нее разрешений материалов. Разве страна могла по этому поводу высказаться широко, полно и свободно? А если нет, кто может, кто смеет отказаться от привлечения ее к этому, от привлечения ее к участию в работах по земельной реформе?

Итак, работа местных комитетов должна идти параллельно с работой Думы и связывать ее непосредственно со страной. А для этого нельзя ждать конца неизбежно длительных прений. Пусть только выскажутся главные течения, а затем прения по аграрному вопросу должны быть временно прерваны. Должно будет немедленно приступить к выработке законопроекта о создании местных комитетов. Иначе аграрные прения съедят движение вперед, к разрешению аграрного вопроса. А что скажет на это население? И как оно отблагодарит за это вернувшихся «на каникулы» депутатов?

Работы местных земельных комитетов предполагают наличность свобод. Куда делась борьба за их осуществление. Она должна врезаться титаническим трудом в аграрные дебаты.

Мы требуем немедленного привлечения к участию в разработке вопросов земельной реформы **местных сил, самого населения!** Мы требуем, чтобы все необходимое и возможное со стороны Думы для этого

привлечения было сделано **в порядке неотложности**. И только прикоснувшись к **матери-земле**, подобно древнему великану, истинные выражители нужд народных наберутся новых сил, необходимых для решительной борьбы.

«Народный Вестник»²¹⁶, № 13,
23 мая (5 июня) 1906 г.

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНА, внесенного по предложению с.-р. в I Государственную Думу («Проект 33-х»)

Отдел I Основные законы о земле

§1. Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается.

§2. Вся земля с ее недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения Российского государства.

§3. Все российские граждане и гражданки имеют равное право на пользование: а) землей для занятия сельским хозяйством; б) участками для постройки жилых домов, хозяйственных построек, а также фабрик, заводов, мастерских и т.д.; в) всем материалом, необходимым для постройки и отопления.

Примечание. Все граждане и гражданки имеют одинаковое, равное право принимать участие в решении, как добывать и распределять между гражданами и все другие богатства земли.

§4. а) Народная власть, избранная всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия пола, веры и народности, устанавливает подобный закон о пользовании землей и всеми ее благами; б) народная власть наблюдает за тем, чтобы установленные ею земельные порядки не нарушались. За этим же наблюдают местные самоуправления, выбранные всем населением области, округа и уезда без различия пола, веры и народности, посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; в) они же охраняют богатства земли от напрасной траты и заботятся о приумножении богатства земли.

§5. Народное правление и местные земства распоряжаются по следующим основным правилам: а) никакая власть не имеет права мешать отдельным гражданам, общинам и товариществам устраивать для себя такие порядки пользования землей, которые они считают лучшими, если только эти порядки не нарушают общего закона и не вредят другим; б) для избежания бесполезной чиновничьей волокиты все дела, важные только для одного уезда, округа или области, решаются на местах; в) только те дела, которые важны для государства, а также и те, которые не могут быть справедливо решены на местах, решаются народным правлением.

Отдел II Земельные права российских граждан

Часть I

Пользование землей для сельскохозяйственных промыслов

§1. Все граждане и гражданки могут по желанию получать в пользование землю или на срок, или бессрочно.

Примечание. В последнем случае наделы могут передаваться по наследству до тех пор, пока земство или народное правление не найдут нужным ограничить таковое для пользы всего народа или на пользу более нуждающихся.

§2. Каждый имеет право получить в пользование столько земли, чтобы за уплатой поземельного налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи (потребительная норма надела).

Примечание. Если кто-либо из граждан имеет постоянный заработок на стороне, то ему прирезывается земли приблизительно столько, чтобы дохода от нее вместе с заработком на стороне хватило для уплаты земельного налога и здоровой жизни его семьи. Если кто-нибудь теряет подсобный заработок или захочет кормиться с одной земли, то ему прирезывается земля до полного потребительного надела.

§3. Никто не имеет права иметь в пользовании земли больше, чем он может обработать вместе со своей семьей без наемных рабочих (трудовая норма надела).

Примечание. Те семьи, которые временно по какому-нибудь случаю не смогут вести самостоятельно хозяйства (например, если работник уйдет в солдаты, заболел, умрет или мир назначит его на какую-нибудь мирскую службу и т.п.), сохраняют за собой право на надел.

§4. Землю нарезают всякому, кто пожелает, по возможности сообразно с тем, сколько земли и какая земля требуется для его промысла, земледелия, садоводства, скотоводства и т.п.

§5. Пользование землей устраивается на следующих основаниях: а) земельные общества, которые владели землей совместно и пожелают оставить землю в общем пользовании, получают общий надел и сами переделают землю, как решат, между отдельными хозяевами. Общины, получившие общий надел, обязаны производить поровнения, чтобы не было у каких-нибудь хозяев земли меньше, чем нужно для здоровой жизни, или чтобы кто-нибудь не имел больше, чем может обработать сам без наемных рабочих. Если в общине не выйдет соглашения об уравнительном переделе, то уравниение делает низшее земство (мелкая земская единица); б) по таким же правилам получают общий надел и те отдельные граждане, которые пожелают получить землю для пользования в общий надел; в) общий надел нарезается и тем гражданам, которые пожелают совместно обрабатывать землю и вести общее хозяйство артелями с уравнительным дележом всего того, что получают от земли; г) всякий, кто владел отдельным участком земли (надельной, выкупленной и купчей), если пожелает, наделяется особо, в личное пользо-

вание; д) также отдельно, если пожелают, могут наделяться и безземельные; е) если кто-либо выходит из общины, то с ее согласия может получить в пользование особый участок из общинной земли. В случае несогласия на то общины ему отводится отдельный участок в другом месте. Если же в общине часть граждан (примерно четверть, а в больших общинах примерно не менее двадцати) пожелает выйти из общины, то община обязана выделить им при переделе столько земли, сколько на них приходится, причем землю обязаны выделять так, чтобы никто не был обижен. Если выделение не устраивается полюбовно, то дело решает уездное земство.

§6. Никто не может сдавать землю в аренду. Те семьи, которые по какому-нибудь случаю не смогут вести самостоятельно хозяйство, могут по желанию передавать надел в общества, артельные товарищества или земства за плату, которую устанавливает общество, артельное товарищество или земство. Когда впоследствии семья сможет сама вести хозяйство, то надел ей возвращается обратно. Если же какая-нибудь семья не будет пользоваться своим наделом долго (примерно более двадцати лет), то ей могут дать вместо прежнего и другой надел в другом месте, где будет обществу удобнее.

§7. Каждый, кто пользуется наделом, обязан платить за него налог, устанавливаемый народной властью и земствами. Налог устанавливают, смотря по тому чистому доходу, который приносит земля.

Примечание. Граждане, живущие от земли, не должны платить другого налога, как с земли. Процент обложения не должен быть высоким. Кроме этого налога не может быть никакого другого налога с земли. Народное правительство может повышать налог, если доход с земли становится больше, с таким, однако, расчетом, чтобы успел окупиться расход на улучшение земли и хозяйства. Если же временно доход с земли уменьшается, то уменьшается и налог.

§8. Чтобы каждый желающий трудиться на земле действительно мог пользоваться землей, народным правлением и земствами выдаются за дешевый процент деньги в заем, а в некоторых случаях в бесплатную ссуду для нужд хозяйства и устраивается всеобщее страхование хозяйств от всяких несчастных в них случаев (пожаров, падежей скота, неурожая, болезней и смерти работников и т.д.). Эту помощь могут получать все, кто пользуется земельным наделом.

Часть II

Пользование усадьбами участками, материалами для построек и топлива, рыболовными и охотничьими угодьями и т.п. и недрами земли

§1. Все граждане и гражданки могут получить в бессрочное пользование усадьбы участки известного размера для всякого рода жилых и хозяйственных построек.

Примечание. Усадьбы участки по общей норме и с обложением общим налогом отводятся вне поселений и при мелких поселках. В селениях же крупного размера, а также в

местностях, где почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могут отводиться в уменьшенном размере за увеличенную плату и вообще на особых условиях, устанавливаемых земствами и городами.

§2. Все граждане и гражданки имеют право на получение материалов для построек и отопления в размерах своих нужд на условиях, определяемых народным правлением и земствами.

Примечание. Эти материалы или добываются самими гражданами с отведенных им наделов, или доставляются народным правлением и земствами, заведующими наиболее важными и крупными из них (каковы: большие леса, крупные залежи угля, ценные каменоломни и т.п.).

§3. Все граждане и гражданки имеют право на рыбную ловлю и охоту, а также на сбор диких плодов и т.п. по правилам и на условиях, устанавливаемых народным правлением и земствами.

Примечание. Народное правление и земства определяют те из этих промыслов, которыми, ввиду их важности и ценности, они заведуют непосредственно, и устанавливают правила для сбережения и приумножения рыбы, дичи, диких плодов и т.п. и правила для уравнительного ими пользования.

§4. Все граждане и гражданки имеют равные права в деле распоряжения и пользования всеми богатствами, добываемыми из недр земли.

Примечание. Народное правление и земства непосредственно заведуют важнейшими промыслами добывающей промышленности (каковы: угольные копи, руды, нефть, соль и т.п.). Менее значительные промыслы оставляются в пользование отдельным гражданам, общинами и товариществам на условиях, устанавливаемых народным правлением и земствами.

*Государственная Дума. Стенографические отчеты.
Сессия первая. 1906 г. Ч. II. Ст. 1153-1156.*

БОЕВАЯ ТАКТИКА ПАРТИИ ПОСЛЕ РАЗГОНА ДУМЫ²¹⁸

Товарищи!

Касаясь вопроса о боевой тактике нашей партии в ближайший революционный период, начавшийся разгоном Думы, приходится сделать центром изложения известные вам директивы Центрального Комитета²¹⁹, адресованные к партийным организациям после разгона Думы; эти же директивы приходится обсуждать в связи с теми условиями, при которых они вырабатывались.

Вы знаете, товарищи, что разгон Думы, в общем, застал страну врасплох. Еще незадолго до разгона возможность его большинству казалась почти невероятной. Опасность считали уже обойденной. «Сам» Трепов²²⁰ говорил интервьюерам, что считает, при известных условиях, не невозможным составление кадетского министерства²²¹. «Новое время»²²², особенно устами Меншикова²²³, начало уже вдруг кадетство-

вать напропалую. Сами кадеты со всей подобающей серьезностью и обстоятельностью доказывали свою «министрабельность» и готовились «принести жертву» отечеству, взяв в свои руки министерские портфели²²⁴. Уверовали по-своему в эти перспективы и социал-демократы. Они громогласно заявили, что начинается предательство кадетами народа, и обращались к ним словами Христа, обращенными к Иуде: «Что делаешь, делаешь скорее».

В этот самый момент как анализ общего политического положения, так и сведения, которые мы получали из разных источников, приводили нас к одному и тому же выводу: а именно что заигрывание правительства и репрессивных органов с кадетами есть не что иное, как лицемерный маневр с целью усыпить бдительность врага; что готовится новый контрреволюционный замысел против народа; что близится разгон Думы и что надвигается предварительная попытка разгрома всех более опасных для правительства революционных организаций. Последующее показало, что наш прогноз был правилен. В самом деле, Трепов, конечно, не мог не знать о том, что разгон Думы предreshен. И когда он распространялся на тему о возможности допущения кадетов к власти, это, конечно, было результатом не младенческой неосведомленности его относительно истинных намерений власти, а просто иезуитскою выходкой, маскирующей предательски подготовляемый план.

Таковы были условия, при которых мы в нашем органе «Мысли»²²⁵, начали свою кампанию разоблачений. Мы обвиняли правительство в том, что оно, лицемерно уверяя в своей лояльности, готовится разогнать Думу; что у него уже составлены проскрипционные списки для предварительной «чистки» революционных элементов (стоит отметить, что в этих списках на первом месте стояли именно организации П.С.-Р.); что у него уже выработаны боевые диспозиции войск на случай восстания в важнейших центрах; что оно организовало обширную «погромную лабораторию» при непосредственном участии целого ряда крупных чинов министерства внутренних дел и департамента полиции; что, словом, в тиши оно готовит тайный заговор, который должен неожиданно обрушиться на страну, раздавить всякое сопротивление и добиться своих контрреволюционных целей.

Мы считали необходимым немедленно начать эту опасную кампанию, чтобы подготовить страну к надвигающемуся конфликту, от ожидания которого в непосредственно ближайшем будущем большинство было далеко. Мы добились, однако, только того, что в качестве непосредственного предтечи разгона Думы был произведен как раз накануне разгром «Мысли», где правительство надеялось захватить в свои руки Центральный Комитет и даже Совет партии в полном составе, чтобы таким образом обезглавить ее организацию как раз в критический момент государственного переворота... Надежды правительства остались, однако, тщетными, его планы относительно нашей организации не удалось и наполюину. Центральный Комитет, несмотря на все сразу переменявшиеся условия, несмотря на град репрессий, обысков, арестов, высылки, имел возможность развить после разгона Думы довольно энергичную деятельность.

Положение было крайне затруднительным именно потому, что на-строение других партий и организаций было крайне неопределенное. Несмотря на все предшествовавшие зловещие симптомы, разгона Думы не ожидали, по крайней мере не ожидали так скоро; только в самые последние два дня перед разгоном более ощутительно для всех в воздухе запахло порохом. Кадеты все твердили, что Дума не будет, не может быть разогнана. После разгона следовало действовать немедленно, немедленно дать всем организациям точные директивы; но без переговоров с другими организациями нечего было и думать о плане всероссийского движения.

И вот начинается усиленная деятельность в смысле давления на другие организации и переговоров с ними. В это время состоялся знаменитый переезд депутатов в Выборг для решения — что делать ввиду разгона Думы? Мы, конечно, не могли не попробовать воздействовать на кадетов в том смысле, чтобы они не признавали этого разгона и заставили употребить против себя силу. Иначе разгон рисковал утратить свой драматизм и представлялся бы странным зрелищем. Как! Дума разогнана — именно разогнана, разогнана воровски, исподтишка, ибо даже не решились прочесть в ней указа о роспуске, а вдруг запечатали указание, а депутатам чрез напечатание указа в газетах дали знать, что они больше не нужны, — и что же? Депутаты прочли и разъедутся по домам, написав по дороге в Выборге протестующую прокламацию? Но ведь это значит собственным примером пригласить всю страну также пассивно подчиняться свершившемуся факту. И вот на частных совещаниях, где были и представители кадетов, и трудовиков, и представители социал-демократической партии и думской фракции, мы выставили требование, чтобы депутаты во что бы то ни стало снова стали собираться в Петербурге, продолжали свои заседания как Думы и принудили употребить против себя силу. Но к.-д. хотя и призвали в Выборге население к сопротивлению в деле дачи податей и рекрутов, хотя и заявили всем гражданам: «В этой борьбе ваши представители будут с нами», однако не решились подать пример открытого и энергичного сопротивления власти. Этим предreshалось дальнейшее. Как уже тогда было ясно, Выборгское воззвание²²⁶ прошло только потому, что — как все одинаково чувствовали — в тот момент было необходимо сделать что-то крупное. Ни на что другое к.-д. не чувствовали себя в силах. И вот последовала эта знаменитая декларация прав населения не платить теперь податей и не идти в солдаты. И эту декларацию к.-д. оставили на бумаге; о том, чтобы силами партии **организовать** повсеместное проведение неплатежей податей и недачи рекрутов, к.-д-ты, по-видимому, и не помышляли.

Что касается самого существа лозунгов Выборгского возвания, то наше отношение к нему, наша оценка его сама собою понятна. Лозунги эти — лозунги пассивного сопротивления. Но сила революции — в активности, а не в пассивности. Пассивно-оборонительная тактика самоубийственна для революции. В самом деле, демонстративное пассивное сопротивление в полной мере сопряжено со всеми тягостями ак-

тивного сопротивления, будучи лишено его сильных сторон. Демонстративный отказ от платежа податей и демонстративный отказ давать рекрутов, конечно, достаточно сильные средства для того, чтобы на деревню обрушился поток репрессий; но это слишком слабые средства для того, чтобы в них развернулась вся стихийная сила крестьянского недовольства, гнева и жажды борьбы. Итак, нам было ясно, что отвечать на разгон Думы **только такими** средствами борьбы невозможно. Или не будет никакого ответа, или борьба перешагнет через формы исключительно пассивного сопротивления и пойдет дальше. И если мы не хотим оставить контрреволюцию без всякого массового отпора, если мы готовы к борьбе, то нами должна быть выработана планомерная система активных массовых действий в деревне и городе.

Мы выработали такую систему и предложили ее на обсуждение всем революционным организациям. Система эта была построена на следующих основаниях. Во главу угла поставлено было крестьянство и войско, и вот почему. До сих пор движение начинал пролетариат. На этот раз ожидать того же было невозможно по двум причинам. Во-первых, пролетариат был в достаточной мере истощен прежними всеобщими забастовками и еще не успел в полной мере оправиться. Во-вторых, организации в его среде еще не были восстановлены. Особенно это приходилось сказать про железнодорожный союз, едва начавший воскресать. Увольнение огромного количества железнодорожников и замена их новыми, серыми и темными элементами заставляли начинать это дело почти что с самого начала. Но разве возможна настоящая всероссийская забастовка без участия железных дорог? В-третьих, среди городских рабочих горьким опытом было привито убеждение, что больше не нужно изолированных выступлений, что только вместе с крестьянством они могут произвести достаточно сильный натиск на врага.

Но тут-то и сказывается крупная тактическая трудность. Рабочие — если им суждено будет начать движение с тем, чтобы крестьянство поддержало его, — легко мобилизуемы вследствие своего сосредоточения в городах. Но, легко мобилизовавшись и начав забастовку, они не могут долго держаться: голод заставит их пойти на работу. Единственный источник их существования — тот самый завод или фабрика, которую они должны бросить, забастовав. Совершенно иное — крестьянство. Рассыпанное кучками по огромной территории, оно не только не может сразу раскататься и сколько-нибудь одновременно втянуться в общее движение — оно даже узнает о самых крупных событиях, вроде разгона Думы, далеко не все сразу. Известно, что еще долго спустя после разгона Думы из более темных углов все еще продолжали притекать приговоры, жалобы и прошения на имя как Думы в целом, так и отдельных депутатов. Зато крестьянское движение длительнее.

Уже по всем этим причинам с попытками перехода к открытой борьбе приходилось начинать в крестьянстве. Надо было считаться еще и с тем обстоятельством, что крестьянство было более всего заинтересовано в Думе; оно сплошь, несмотря на партийный бойкот, выбирало, оно надеялось на своих избранных; самый разгон последовал на об-

ращение Думы к стране с заявлением, что будет твердо стоять на требовании дополнительного наделения крестьян землею²²⁷. Разгон Думы был самым сильным ударом для крестьянских чаяний. В своих приговорах и раньше крестьянские массы мест обещали Думе свою поддержку. Необходимо было использовать психологический момент и начать в разных местах попытки развить массовое движение. Если бы эти попытки обнаружили готовность крестьян к немедленному широкому движению — на чашку весов пришлось бы немедленно бросить и другие силы. Ввиду более легкой мобилизуемости этих сил и затяжного характера крестьянского движения не представлялось опасности заготовить с ними. Притом для введения в действие одной из этих сил — железнодорожного союза — наличность разыгрывающегося крестьянского движения была бы даже необходимым **предварительным** условием. Дело в том, что при наличности специально железнодорожных карательных отрядов, блиндированных поездов, при расправах с железнодорожниками по методу приснопамятного Мипа²²⁸, Римана²²⁹ и т.п., да еще при изменившемся составе железнодорожного персонала, рассчитывать на проведение забастовки старым способом, простым поголовным бросанием работы, было бы полнейшей утопией. Будущая ж.-д. забастовка должна будет сопровождаться умелым удалением необходимых и трудно восстанавливаемых частей машин, взрыванием мостов, разборкой на больших расстояниях и в самых различных местах железнодорожного пути, укрыванием забастовавших ж.-д. служащих, т.е. мерами, которые могут быть осуществлены лишь в том случае, если окружающее крестьянское население примет в деле активное участие.

Что касается других сил — городских рабочих и войска, — то мы считали, что, начиная крестьянское движение, в то же время необходимо немедленно произвести по отношению к двум этим силам необходимые подготовительные меры. По отношению к войску это должно было выразиться в совершенно детальной выработке плана военного восстания, которое и предстояло провести одновременно, тщательно установившись повсюду с определенной методической последовательностью, обеспечивающей возможно большие шансы успеха. Военное движение предполагалось выдвинуть на первую очередь, тотчас вместе с крестьянским. Оно должно было ярко засвидетельствовать непрочность правительственной силы и тем дать толчок энергии городских и деревенских масс, развязав им руки и убив кошмар веры в военное всемогущество власти.

Что же касается городских рабочих, то среди них нами предполагалось немедленное создание Советов рабочих депутатов, которые, сплачивая массу независимо от политических убеждений, обладали бы — как это вполне показал предыдущий опыт — достаточно широким влиянием на массы, чтобы в необходимый момент двинуть их на борьбу. Эти Советы рабочих депутатов, истинные представители широких рабочих масс, обсуждая все боевые вопросы вместе с официальными представителями обеих социалистических партий, были вполне компетентны наметить такие сроки для городских выступлений, которые

обеспечивали бы соответствие и с настроением рабочих данной местности, и с потребностями общероссийской борьбы.

Таков был план общего выступления, отстаивавшийся нами. Начать планомерно развивать крестьянское движение, на первых же порах поддержать его выступлениями войск, вслед за тем ввести в движение силы городского пролетариата и, в качестве последнего удара, провести всероссийскую железнодорожную забастовку — вот какую тактику пытались мы обеспечить соглашением всех заинтересованных организаций.

Вначале, казалось, шансы успеха были довольно велики. Шесть главных организаций согласились подписать проект воззвания «Ко всему русскому крестьянству»²³⁰, излагавший нам план развития крестьянского движения. Было составлено междупартийное информационное бюро²³¹, которое могло служить посредническую роль для дальнейших тактических соглашений. В его информационное бюро представители ЦК социал-демократической партии внесли проект призыва всего русского пролетариата к немедленной всеобщей стачке, причем лозунгом стачки было предложение сделать восстановление старой Думы. Почти все другие организации, однако, в согласии с нами, отвергли как этот странный лозунг, так и предложение о **немедленной** городской всеобщей стачке. Вместо этого был принят призыв всего населения к ближайшей **всенародной** забастовке, пока без определения срока ее начала — это представлялось еще преждевременным, ибо не выяснилось еще, насколько можно рассчитывать на скорое разрастание общего крестьянского движения, а в связи с шансами такого движения стояло и то, на какие ныне действия возможно будет решиться.

Казалось уже близким и возможным то, что так долго составляло заветную мечту всех лучших революционных сил нашего времени: общее соглашение всех революционных партий для совместного, обдуманного, методически развивающегося плана действий, в котором займут свое место все силы, на которые может опираться революция: и пролетариата, и крестьянства, и революционной части войск, и угнетенных национальностей. Казалось, что разгорится бой по всей линии, — бой, который если и не даст нам окончательной победы, то будет ее непосредственным предтечей. Однако этой возможности не было суждено перейти в действительность.

Два обстоятельства помешали этому. Первым из этих обстоятельств была преждевременная вспышка в Свеаборге²³². Еще в то время, когда выработка общего плана военного выступления не была окончательно закончена во всех его деталях, еще когда шли переговоры между различными частями военной организации о выборе срока для общего выступления, провокация властей и частичное волнение среди минеров привели в Свеаборге к общему пожару, который наши агенты тщетно пытались предупредить. Военные силы Свеаборга имели, собственно говоря, второстепенное, подсобное значение. Но восстание в нем с самого начала было столь блестяще, что оставить его на произвол судьбы, конечно, было бы немыслимо. И вот в Кронштадте²³³ и в ревельской эскадре²³⁴ прихотится наскоро, экспромтом поддерживать героев Свеаборга.

Увы! Революционеру часто приходится вступать в сражение не при тех условиях, которые он сам считал бы для себя наиболее выгодными. Мы не можем так командовать народной стихией, как русский деспот покорной армией. Стихия нередко начинает бушевать разрозненно, отдельными вспышками прежде, чем это входит в наши планы. И революционер не может умыть руки и отойти в сторону. Его место всегда — в первых рядах восставшего народа. И вот красное знамя наших военных организаций с девизом «Земля и Воля» и «Учредительное собрание» поднимается на Михайловском острове Свеаборга и на форте «Константин» в Кронштадте; наши товарищи гибнут в рядах восставших, гибнут и от расстрелов после военно-полевых судов. Кровью свою они скрепляют связь нашей партии с восстающим народом.

Кронштадтские, свеаборгские и ревельские события, однако, для нас не казались крушением всего плана. Они имели огромное моральное значение. Военные организации в других местах еще не ставили на карту своих сил. Народ еще не двигался, а правительство уже чувствовало себя одно время висаящим на волоске.

Но здесь наступило второе событие, окончательно расстроившее весь изложенный выше план кампании. Под впечатлением кронштадтско-свеаборгских событий социал-демократы решили объявить всеобщую забастовку, назначили для нее определенный срок и при проведении забастовки ссылались на общие воззвания, как бы заранее санкционирующие их способ действий. И вот, не заручившись согласием других партий, не подготовив забастовки организацией масс в Советы рабочих депутатов, уповав на силу и влияние одной своей собственной организации, они предприняли этот шаг, не взвесив всей его ответственности и серьезности.

Трудно передать, сколько дезорганизации внес он в рабочую среду, ожидавшую согласных действий всех организаций. Социал-демократы, только что перед тем обсуждавшие сообща со всеми планы координированных выступлений, вдруг предпочли вернуть себе свободу действий и очертя голову пуститься в опасный забастовочный экспромт. В результате случилось то, что должно было случиться: момент оказался выбранным с.-д. неудачно; их вера в свою способность вести куда угодно русский пролетариат, не считаясь ни с чьим другим влиянием, оказалась пустым самообольщением; за их неожиданным и обособленным призывом рабочая масса не пошла; он внес только, как и следовало ожидать, крайнюю разногласицу, смуту и дезорганизацию в рабочую среду; забастовка была недружная и провалилась, выразившись лишь в ряде слабых вспышек, своим провалом она расстроила все дальнейшие планы, на радость реакции; она не только надорвала авторитет социал-демократии, но, к сожалению, посеяла местами семена недоверия к партиям и к революционной интеллигенции вообще; после себя она оставила атмосферу разочарования, упадка духа, взаимного озлобления и деморализации...

Вспышкой неорганизованной стихии и нервно-импрессионистским забастовочным экспромтом социал-демократии вопрос об общем со-

глашении и дружном, планомерном активном выступлении всех сил революции был снова отодвинут в долгий ящик. Подводя итоги всему истекшему периоду, ЦК нашей партии может сказать, что он делал все возможное ради достижения столь необходимого в боевой момент общего соглашения; что если этого соглашения все-таки не состоялось — в этом не наша вина; что, наконец, в том тяжелом положении, которое создалось для нас независимыми от наших условий обстоятельствами, люди партии до конца с честью исполнили свой долг.

Общее выступление теперь отодвинуто. Рабочее и военное выступление не удалось и скоро возобновлены быть не могут. Крестьянство благодаря этому изолировано. Реакция получила возможность временно торжествовать. Атмосфера репрессий сгущается и еще будет сгущаться. Мы снова должны будем отвечать на белый террор реакции красным революционным террором, и в то же время мы будем с удвоенной энергией работать над боевой подготовкой массы. Короткий период, протекший между получением боевых директив ЦК и повсеместной отменой намеченных выступлений ввиду первых поражений, достаточно выяснил для нас недочеты в нашей собственной боевой организационной подготовке. Имея некоторый опыт, мы усиленно примемся за нее, мы будем готовиться к новому, будущему, неизбежному выступлению. В нем, будем верить, наши партийные товарищи займут место в первых рядах борющегося народа с неменьшей честью, но на этот раз с большим успехом.

В революции нельзя действовать только наверняка, с гарантированной удачей, революция есть ряд все выше и выше поднимающихся и снова улегающихся волн; каждая из них служит опорной точкой для новой, еще более сильной; кронштадтско-свеаборгские события тоже были только одним из восходящих этапов этого тернистого пути — и этапы, беспримерным по своим размерам. И эта небывалая еще сила движения, несмотря на самые неблагоприятные условия, в которых они разыгрались, — лучший залог того, что время победоносной битвы уже недалеко.

«Партийные Известия», № 1, 22 октября 1906 г. С. 2-6.

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОСТОЯВШЕМСЯ СЪЕЗДЕ КРЕСТЬЯНСКИХ РАБОТНИКОВ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В первой половине сентября состоялся съезд крестьянских работников партии социалистов-революционеров, созванный Центральной крестьянской комиссией партии. По имевшимся у Комиссии сведениям, ко времени съезда партийная работа в деревне велась под руководством 60 губернских и других, равноправных с ними, самостоятельных организаций и захватила сотни уездов.

На съезд прибыли представители 30 губернских и нескольких областных комитетов. Общее же число участников съезда распределяется по России следующим образом:

I. Северная область:

От Областного комитета — 1

— Петербурга — 1

— Новгорода — 1 и 1 с совещ[ательным] голос[ом]

Вологды — 1 и 2 с совещ[ательным] голос[ом]

— Архангельска — 1

— Петрозаводска — 1

II. Центральная область:

От Москвы — 1

— Орла — 1

Владимира — 1

Твери — 1

III. Северо-Западная область:

От Смоленска и Областного комитета — 1

— Могилева — 1

IV. Уральская область:

От Областного комитета и Областного съезда — 1

— Сарапула — 1

V. Поволжье:

От Областного комитета — 1 с совещательным голосом

— Самары — 1 и 1 с совещательным голос[ом]

— Саратова — 1 и 1 с совещательным голос[ом]

— Симбирска — 1

Казани — 1

Пензы — 1

Тамбова — 1

VI. Украинская область:

От Воронежа — 1

— Курска — 1 и 1 с совещательным голос[ом]

Киева — 1

Харькова — 1

VII. Южно-русская область:

От Областной организации — 1

— Симферополя — 1

VIII. Северный Кавказ:

От Черноморской губ. — 1

— Ставрополя Кавказского — 1

Екатеринодара — 1

IX. Закавказье:

От Областного комитета — 1

Итого делегатов с мест было 30 с решающим голосом и 7 с совещательным.

Как показывают эти данные, делегаты прибыли с разных мест России, из 9 областей. Не было делегатов из 3 областей: из Сибири, Среднеазиатских владений и из Азово-Донской области.

Кроме перечисленных делегатов, на съезде было 10 человек от Центральной крестьянской комиссии (1 с решающим голосом), 6 представителей от Центрального Комитета партии и 9 человек гостей, по приглашению ЦК, в том числе 2 представителя от Комитета Трудовой группы и один делегат Латышского социал-демократического союза, сделавший доклад о деятельности их организации.

Общее число участников съезда — 62 человека, в том числе 31 с решающим голосом.

Согласно постановлению съезда, будут изданы протоколы съезда с приложением докладов и общим очерком о положении дел на местах на основании отчетов делегатов.

В это извещение входят только резолюции съезда, которые, не имея директивного характера, могут послужить товарищам только материалом и пособием при обсуждении на местах целого ряда вопросов к предстоящему партийному съезду.

Резолюции съезда

1. По тактике, в связи с оценкой текущего момента и настроением масс, были приняты две резолюции — 14 и 16.

Резолюция большинства избранной Совестью комиссии*

Выслушав доклады товарищей о положении дел на местах, совещание приходит к следующему заключению:

1. Значительное большинство трудового крестьянства настроено в настоящее время революционно и готово в массе своей бороться за «землю и волю» в духе понимания этого лозунга П.С.-Р.

2. Политическая его сознательность и отношение к царю и царизму резко изменились после роспуска Думы и дают широкую возможность настойчивой и открытой борьбы в пользу демократической республики.

3. Трудовое крестьянство, поскольку настроение его поддается учету тов. соц.-рев., пришло к сознанию неизбежности вооруженного восстания, но признает его целесообразность только в случае всеобщности и согласованности с движением войска и пролетариата.

4. С другой стороны, в значительном большинстве губерний замечается слабость общей партийной крестьянской организации, непригодность ее к технически-боевым задачам и крайняя недостаточность инициативных боевых групп.

Ввиду сказанного, группа полагает:

1. Вооруженное восстание крестьянских масс, при продолжении ныне существующих условий, неизбежно.

2. Точный его момент не может быть в настоящее время намечен, в частности вряд ли может быть приурочен к осенней даче рекрут и уплаты податей.

* За эту резолюцию голосовали депутаты от губ[ерний]: С.-Петербургской, Новгородской, Вологодской, Московской, Владимирской, Тверской, Смоленской, Могилевской, Курской, Харьковской, Симбирской, Казанской, Уральской области, Ставропольской, Кавказской и Екатеринодарской.

3. Работа в крестьянстве, наряду с общей пропагандой и агитацией, должна преимущественно направляться на расширение и упрочение общей организации, приспособление ее к техническим боевым задачам, развитие широкой организованной партизанской борьбы и внесение планомерности в частичные стихийные движения крестьянства для организации революционных сил в самом процессе борьбы.

4. Только энергичное проведение этой боевой тактики, способствующей настроению и формам борьбы трудового крестьянства, и согласованное с действиями других революционных сил приблизит момент всеобщего вооруженного восстания и обеспечит его успех.

Резолюция меньшинства избранной Совещанием комиссии*

Выслушав доклады с мест, Совещание крестьянских работников констатирует, что после разгона Думы революционное настроение крестьянства возросло и обострилось; вера в царя в массах окончательно подрывается, облегчая пропаганду нашего политического идеала (демокр. республики); надежда на мирные пути исчезает; растет убеждение, что только всеобщее народное восстание может вывести народ из современного положения. С другой стороны, после разгона Думы все учащаются и обостряются местные столкновения крестьянства с помещиками и властями.

Совещание предвидит, что предстоящие в ближайшем будущем платежи податей, сбор рекрутов и голодовка многих губерний еще более обострят это положение.

Перед партией встает поэтому совершенно неотложная задача — найти для растущей революционной энергии народа достаточно целесообразные формы организованной борьбы, имея в виду, что при отсутствии таких форм нам грозит опасность бесплодной растраты народной энергии в стихийных, разрозненных и анархических, по существу своему, вспышках.

Главным препятствием для практического разрешения этой задачи является слабая степень организационной и технически-боевой подготовленности народных масс вообще и сил партии в частности.

Но совещание полагает, что только в самом процессе непосредственной борьбы и может создаться надлежащая боевая подготовка и выработаться необходимые революционные кадры и вожди; что самое вооруженное восстание надо представлять себе не в виде одного моментального взрыва, а лишь как заключительный момент длительного и развивающегося процесса массового движения.

Партия при этом не может идти в хвосте событий и лишь тянуться за естественным развитием стихийного движения, но должна проявлять широкую революционную инициативу и целесообразное руководство народной борьбой. Ввиду этого Совещание считает необходимым намере-

* За эту резолюцию голосовали делегаты от губерний: Северной области, Архангельской, Петрозаводской, Орловской, Воронежской, Киевской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Южно-Русской обл., Симферополя, Черноморской, Центральная крестьянская комиссия (большинств. 6 против 3) и Самарской.

тить для ближайшего революционного периода (приблизительно для выборов в Думу) общий план активных действий, идущих навстречу народному настроению и способных слить отдельные проявления его недовольства в общее движение.

Не оставляя задач основной творческой работы партии (углубления пропаганды, расширения агитации и укрепления организованности масс) и обращая особенное внимание на развитие боевых организаций, мы должны на первый план выдвинуть энергичное проведение бойкота властей, систематическое невыполнение их предписаний и противодействие всем их мероприятиям; затем проведение, где это возможно, демонстративного неплатежа податей; неизбежным при этом правительственным репрессиям необходимо противопоставить организованную партизанско-террористическую борьбу. Сбору рекрутов должно быть оказано возможно широкое и активное сопротивление, для которого необходимо в особенности воспользоваться скоплением рекрутов на призывных участках. Точно так же необходимо организовать открытое давление на власти по вопросам, связанным с наступающим голодом. Дальнейшей естественной стадией крестьянского движения должна быть фактическая смена местных властей, учреждение революционного народного самоуправления и захват земель во временное распоряжение крестьянских революционных комитетов (впредь до Учред. собрания).

Совещание не предрешает, когда крестьянское движение, развиваемое по этому плану, дойдет до своего заключительного момента — непосредственного вооруженного восстания, необходимым условием успешности которого оно считает планомерное объединение всех сил города и деревни, пролетариата и крестьянства, революционной части армии и, по возможности, всех наличных революционных организаций. Но оно считает революционным долгом П.С.-Р. в настоящий критический момент приложить все усилия, чтобы противопоставить объединенным силам торжествующей и растущей реакции всю полноту революционной энергии народа.

По вопросу о выборах в Государственную думу съезд выразил пожелание, чтобы этот вопрос был поставлен на референдум всех членов партии.

По вопросу о рекрутчине выражено пожелание всеми возможными мерами активного и пассивного сопротивления противодействовать даче рекрутов.

По вопросу об организации крестьян съезд признал, что:

1) первоначальной ячейкой, первой ступенью партийной организации является сельское братство, состоящее из лиц, подчиняющихся партийной дисциплине, признающих основные положения партийной программы и главнейшие ее требования, насущные для данного исторического момента (социализация земли, демократическая республика и т.д.);

2) в зависимости от местных условий допустимо устройство беспартийных крестьянских организаций (независимо от существования первичных партийных ячеек), признавая таковые организации удобными для сплочения широких масс трудового крестьянства и для проведения в широкие слои народа идей нашей партии.

По вопросу о Центральной крестьянской комиссии съезд высказался за выборность ее состава.

Центральная крестьянская комиссия при Центральном комитете партии социалистов-революционеров.

«Партийные Известия», № 1, 22 октября 1906 г. С. 12-14

ОБ УЧАСТИИ В ВЫБОРАХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Резолюция II Совета партии (октябрь 1906 г.)

Совет П.С.-Р., принимая во внимание сообщения своих членов об отношении партийных организаций и широких слоев трудового народа к предстоящим выборам в Госуд. думу и обсудив этот вопрос в связи с общим политическим положением страны, пришел к заключению, что партия должна принять участие в выборах. Постановляя такое решение, С.П. исходил из следующих соображений:

1) Участие в выборах в теперешнюю Госуд. думу есть вопрос целесообразности, а не принципа, вопрос тактики, а не программы и не означает признания Думы нормальным органом законодательной власти.

2) Участие в выборах вполне совместимо с боевой тактикой партии. Партия не должна ослаблять своей боевой тактики и, в частности ввиду возможности насилий со стороны правительства и черной сотни на выборах, должна быть готова дать самый решительный отпор насильникам.

3) Разгон Думы и последние события создали такое положение, при котором одним из главных пунктов борьбы между силами правительства и реакции и силами оппозиции и революции является избирательная кампания. Давление революционного движения в стране на левые элементы Думы постепенно превращало ее из примирительной камеры, где деспотизм торговался с оппозицией, в орудие революции. Теперь правительство напрягает все силы, чтобы вырвать у революции это орудие, превратить его в орудие реакции или по крайней мере в орудие умиротворения страны путем приемлемых для деспотизма реформ. Наша партия должна употребить все усилия, чтобы расстроить эти контрреволюционные планы. В то же время разгон Думы нанес сильный удар иллюзиям народа относительно возможности мирного решения вопроса о земле и воле через Думу, и потому участие в выборах в целях развития революционной борьбы не может ослабить революционного настроения в народе и усилить надежды на мирный исход.

4) Как выборы в Думу, так и деятельность в самой Думе партия должна использовать в целях революционизирования и организации масс, разрушая веру трудового народа в то, что путем законодательной деятельности теперешней Думы могут быть удовлетворены его основные требования, доказывая, что их может и вправе решить только Учредительное собрание, избранное на основе 4-членной формулы вос-

торжествовавшим в своей борьбе за землю и волю народом. Партия должна в своей предвыборной агитации разъяснять народу, что он не должен ограничиваться избранием и посылкой в Думу своих представителей, что, как бы удачен ни был его выбор, представители бессильны что-нибудь сделать для народа без могучей поддержки. Партия должна использовать все возможности, которые предоставит ей избирательная кампания, в целях создания возможно прочных организаций как избирателей, так и широких народных масс для революционного давления на Думу и поддержки тех ее элементов, которые являются действительными представителями интересов трудящегося народа, а также в целях привлечения военных сил на сторону народа.

Что касается того, как должно проявиться участие партии в предстоящих выборах в Государственную думу, Совет Партии полагает:

а) в тех случаях, когда это окажется возможным, партийная организация должна выступать открыто, выставляя партийных кандидатов;

б) блок допускается только с такими национальными соц.-рев. партиями, которые вполне сходятся в программе с нашей партией; ни с какими другими партиями, хотя бы и с социалистическими, он недопустим;

в) соглашения с другими социалистическими и революционными партиями возможны лишь на именах кандидатов, и притом только в таких избирательных собраниях, в которых предшествовавшая агитация повела к образованию определенных групп, допускающих точный подсчет голосов.

г) отклонения от этих общих директив, вынужденные какими-либо исключительными условиями, допускаются не иначе, как с разрешения ЦК.

Участие партии в выборах и прохождение ее кандидатов в Думу не предreshает вопрос об образовании партийной фракции в будущей Думе. Этот вопрос должен быть решен съездом или Советом Партии, а при невозможности их созыва, — ЦК по окончании выборов.

Ц.Комитету, в случае невозможности созыва съезда или Совета, предоставляется право видоизменять директивы относительно участия в выборах и даже объявить полный бойкот выборов, если какие-либо новые обстоятельства изменят политическое положение страны и вынудят к перемене тактики.

«Партийные Известия», № 2, 25 ноября 1906 г.

О «МАКСИМАЛИЗМЕ»²³⁶

Резолюция II Совета партии (октябрь 1906 г.)

По вопросу об отношении к «максималистам» Совет Партии постановил:

Поскольку «максималисты» представляют собою одно из течений внутри партии, совершенно подчиняющееся партийной дисциплине, постольку они имеют право на столь же свободную критику и столь же

свободную теоретическую защиту своих взглядов, как и др. течения. Недопустимой и противоречащей партийной дисциплине признается пропаганда практических лозунгов максимализма в массе, как и всяких других лозунгов, не принятых партией. Напротив, «максималисты», остающиеся в рядах партии, обязуются поддерживать все общепартийные практические лозунги и директивы.

Недопустимо признается всякая попытка со стороны «максималистов» (как и со стороны всякого другого особого течения внутри партии) к созданию своей «организации внутри организации», как угрожающей партийному единству.

Предоставляя всем течениям социалистов-революционеров равную свободу в честной идейной борьбе, остающейся на товарищеской почве, Совет Партии считает абсолютно несовместимую с пребыванием в рядах партии пропаганду воззрений, не имеющих ничего общего с духовною сущностью партии. Сюда, между прочим, относится: всякая проповедь, направленная против основных принципов, составляющих условия принадлежности к международному социализму, а именно:

1) Проповедь против принципа социализации всех средств производства как основной конечной цели и классовой борьбы как средства.

2) Проповедь антипарламентаризма как догмы (принципиальное отрицание участия в представительных учреждениях современного государства)

Кроме того, недопустима проповедь свободы так наз. частных экспроприаций, антагонизма между работниками физического труда и революционно-соц. интеллигенцией, а точно так же классового антагонизма между трудовой интеллигенцией, трудовым крестьянством и пролетариатом и невозможности объединения их в единую социалистическую партию.

Что касается «максималистов», снявших с себя свои обязательства отношению к партии, члены последней приглашаются строго соблюдать все правила, обязательные в сношениях вообще с лицами, стоящими вне партии (несообщение явок, паролей и т.п.).

Совет партии выражает пожелание, чтобы на ближайший партийный съезд был приглашен в качестве гостя с правом совещательного голоса кто-либо из теоретиков «максимализма» для участия в заседаниях, посвященных дискуссии по вопросу об этом течении. Этот последний пункт теряет свою силу, если ко времени съезда П.С.-Р. «максималисты» соорганизуются в особую партию с самостоятельной программой и организацией.

«Партийные Известия», № 2. 25 ноября 1906 г. С. 2

ПРОЕКТ

ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНА («Проект 104-х»)²³⁷

§ 1. Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне и навсегда отменяется.

§ 2. Вся земля с ее водами и недрами объявляется достоянием Российского государства.

§ 3. На пользование этим достоянием все граждане и гражданки имеют равное право.

§ 4. Верховным распорядителем всей земли, с ее водами и недрами, в пределах, устанавливаемых настоящим основным законом, является собрание народных представителей; местными распорядителями на тех же основаниях являются органы местного самоуправления, каждый в пределах своей территории; низшим органом самоуправления — территориальная община, включающая одно или несколько поселений.

§ 5. На государство в лице центральных органов власти и органов местного самоуправления возлагается: а) обеспечение равного для всех граждан права пользования землей, б) охранение естественных богатств земли от истощения и принятие мер к их увеличению.

§ 6. Допускаются следующие виды пользования землей, ее водами и недрами:

а) Для общественного хозяйства: высшую государственную властью и органами местного самоуправления, организующими и ведущими на земле, в ее водах и недрах общественнонеобходимые, общепользные предприятия государственного и местного общественного значения (общественное пользование).

б) Для частнотрудовых хозяйств: лицами, семьями и группами их (товариществами и артелями), ведущими промыслы личным трудом (частнотрудовое пользование).

в) Для поселений и строений:

1) лицами, живущими доходом от сдачи строений в наем и от торговых и промышленных предприятий с наемными рабочими (капиталистическое пользование);

2) лицами, пользующимися усадьбами участками под дома и хозяйственные постройки, для собственного жительства и для торговых и промышленных предприятий без наемных рабочих.

Никакое иное пользование землями, водами и недрами, кроме указанного в этой (6) статье, не допускается.

§ 7 Основные правила общественного пользования.

а) Государство и все органы местного самоуправления имеют право особыми постановлениями соответственных представительных собраний обращать необходимые площади земли под общественное пользование в целях:

1) охранения естественных богатств земли от истощения и принятия мер к их увеличению (оросительные, осушительные и обводнительные сооружения, защитные лесонасаждения, укрепление песков и т.п.);

2) эксплуатации более крупных богатств земли и обращения на общественные нужды доходов от них;

3) устройства опытных и показательных полей, а также для санитарных, благотворительных, образовательных и др. общепользных целей;

4) установления более целесообразных форм хозяйства.

б) Особым законом устанавливаются правила об отпуске (на льготных условиях, по заготовительной цене или бесплатно) добываемых государством и органами местного самоуправления продуктов трудовому

населению в размере личного потребления, наряду с продажей их на коммерческих основаниях всем желающим.

в) Особым законом устанавливаются правила об организации труда в государственных и общественных предприятиях на основе предоставления работающим в них широких прав по управлению предприятиями.

§ 8. Нормы частнотрудового землепользования:

а) Максимальной нормой наделения является трудовая норма, выше которой никому не может быть отведено земли; отступления от этого правила допускаются лишь в случае особо неблагоприятного семейного состава (перевес едоков над работниками) или временной утраты рабочей силы.

б) Минимальной нормой наделения является потребительная норма, основанная на определении нормального бюджета рабочей семьи, принимаемая, во внимание гигиенический минимум личных потребностей и основных расходов на поддержание и развитие хозяйства (по расчету на одну душу населения).

в) Максимальная норма служит пределом для отрезков земли у многоземельных пользователей.

г) Минимальная норма служит для первоначального отвода земли многоземельным и безземельным.

д) На основе учета населения, числа соискателей общественной земли и ее доходности устанавливается средняя или общегражданская норма, которая служит для дальнейшего регулирования уравнительного землепользования.

е) Выработка на указанных выше основах проектов местных норм землепользования, применительно к различным видам сельскохозяйственных культур (земледелие, садоводство, огородничество и т.п.) и господствующим системам хозяйства, предоставляется органам местного самоуправления; проекты эти рассматриваются и утверждаются в общем законодательном порядке.

Примечание. В том же порядке, по мере надобности, совершается и пересмотр этих норм.

§ 9. Правила частнотрудового землепользования.

а) За отвод общественной земли в частнотрудовое пользование не может быть взимаемо никакой платы, ни в виде поземельного налога, ни в виде аренды. Обложению могут подлежать лишь излишки земли сверх принятой нормы или чрезвычайные доходы, обусловленные особыми качествами почвы или иными преимуществами данного участка (дифференциальная рента).

б) Земля может быть отводима в пользование:

- 1) отдельным лицам и семьям, подворными участками,
- 2) земельным товариществам, уравнительно между собою ее распределяющим,
- 3) артелям, совместно ведущими промысел и уравнительно делящим продукт его.

Примечание: Ни один из органов самоуправления не может ставить препятствий образованию артелей и земельных това-

ришество или устанавливать преимущества для подворных пользователей.

в) Уравнительность землепользования между отдельными общинами или другими территориальными самоуправляющимися единицами устанавливаются, по принадлежности, соответственные органы местного самоуправления и высшая государственная власть:

1) путем обложения излишков земли сверх принятой нормы в размерах чистого дохода с них при обязательном употреблении собранных таким образом средств на землеустройство малоземельных семей или общин;

2) путем расселения и переселения;

3) в случае недостаточности мер — путем изменения земельных границ.

г) Особыми законами устанавливаются основные положения для перделов земли, а высшим органам самоуправления предоставляется на основе этих положений и в применении их издавать обязательные постановления и правила, обеспечивающие:

1) необходимую, по местным условиям культуры, длительность пользования участком,

2) вознаграждение пользователей при переходах из рук в руки наделов или частей наделов, за неиспользованные улучшения, произведенные затратами их труда и капитала.

д) Общим уравнительным распределением земли между лицами, семьями и группами их заведует низшая инстанция местного самоуправления под контролем высших инстанций и при соблюдении общих норм земельного закона.

е) Каждый гражданин, желающий приложить свой труд к земле и не достигший этого путем соглашения с отдельными общинами, земельными товариществами или артелями, имеет право обращаться в землеустроительные учреждения местных самоуправлений и государства, которые обязаны:

1) или поместить его на землях одной из многоземельных общин в порядке, указанном особым законом,

2) или отвести ему надел из запасного земельного фонда той или другой более крупной территориальной самоуправляющейся единицы,

3) или устроить его в одном из общественных предприятий по обработке земли.

Примечание: Особым законом устанавливается порядок отобрания наделов или в их отведении в случаях, того требующих, а равно и порядок юридической защиты своих прав лицами, считающими эти права нарушенными.

ж) Сроки и способы уравнительных перделов земли и ее продуктов внутри земельных товариществ и артелей устанавливаются или самими при соблюдении общих норм земельного закона.

з) Всякая частная передача земли между отдельными пользователями (лицами, семьями, земельными товариществами и артелями) допускается не иначе, как с согласия общины и при соблюдении общих норм земельного закона. Частнотрудовые пользователи при оставлении занятия земледелием сдают используемые участки в распоряжение общины, причем в течение сроков, особо законом для разных местностей и

промыслов устанавливаемых, сохраняют за собой право на пользование землей в данной общине, по истечении же таковых сроков сохраняют лишь общее право на наделение землей каждого гражданина.

и) Особым законом устанавливаются правила кредита трудовым пользователям земель для приобретения ими необходимых средств и улучшений промыслов.

к) На основании особого закона, в виду всеобщего обязательного страхования или в какой-либо иной форме, возмещаются потери трудовых пользователей земель от всякого рода хозяйственных бедствий (пожаров, неурожая, падежей скота, потери трудоспособности и т.п.).

§ 10. На основаниях, однородных с изложенными в § 8, устанавливаются правила частнотрудового пользования недрами, водами, лесами и другими промышленными угодьями.

§ 11. Основные правила пользования землею для поселения, постройки и сооружений.

а) Усадьбы участки под всякого рода постройки и сооружения отводятся согласно с правилами, устанавливаемыми государством и органами самоуправления.

б) Всякие постройки и сооружения в случае, когда это требуется общественными нуждами, могут быть отчуждаемы государством и органами местного самоуправления в порядке, определяемом особым законом.

Порядок введения основных положений земельного закона.

I. Меры подготовительные к введению закона и регулирующие земельные отношения впредь до его введения

§ 1. а) Отменяются все указы о земле и пользовании ею, изданные в порядке ст. 87 Основных законов, а равно ст. 36 Общ. полож. о крестьянах.

б) Приостанавливается деятельность крестьянского и дворянского земельных банков, землеустроительных комиссий и действующих органов землеустройства.

в) Приостанавливается передвижение земельной собственности путем купли-продажи и дарения.

§ 2. Впредь до реорганизации местного самоуправления на основе территориальности и всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов и в целях землеустройства переходного времени организуются местные земельные комитеты — волостные, уездные, губернские и областные — на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Примечание. Разграничение областей сообразно основным особенностям их в сельском отношении совершается в законодательном порядке.

§ 3. Земельный комитет каждой волости состоит в равном числе из членов, избранных волостями пограничными.

§ 4. Земельный комитет уезда составляется в равном числе из представителей всех других уездов губерний, вместе взятых.

§ 5. Земельный комитет губернии составляется в равном числе из представителей данной губернии и представителей всех остальных губерний области, вместе взятых.

§ 6. Земельный комитет области состоит в равном числе из представителей области и представителей всех остальных областей, вместе взятых.

§ 7. Земельными комитетами, сообразно местным особенностям и условиям, составляются проекты:

- а) границ самоуправляющихся территориальных единиц,
- б) норм трудовом землепользовании и
- в) отвода наделов.

§ 8. В целях, определяемых предыдущей статьей, производится подробный учет населения и всех земельных и промысловых угодий и разрабатываемых недр и их оценка.

§ 9. Всякое распоряжение землею с ее недрами и водами, во всех его видах и формах, со стороны уделов, кабинета, церквей и монастырей немедленно прекращается, и заведование ею передается земельным комитетам, в их непосредственное заведывание передаются и казенные оброчные статьи.

§ 10. Распределение этих угодий между более мелкими земельными комитетами совершается под контролем соответствующих более крупных и высших земельных комитетов, причем за высшими комитетами остается право оставлять в своем непосредственном заведовании угодья более широкого местно-общественного значения.

§ 11. Земельным комитетам предоставляется право принимать меры к охране как всех земельных, с водами и недрами, имуществ, так и интересов трудового населения, регулировать взаимные отношения между владельцами земли и ее трудовыми пользователями, устанавливать размеры временного землепользования, нормировать условия аренды и наемного труда и т.п.

§ 12. Земли городов, земств, общественных, просветительных и благотворительных учреждений, инородческие и казачьи остаются во временном распоряжении их теперешних владельцев под контролем государственной власти и земельных комитетов, на особо устанавливаемых ими правилах, обеспечивающих общественные интересы и нужды трудового населения.

II. Меры по ведению закона

§ 1. За прежними владельцами и пользователями — отдельными лицами, товариществами, общинами и артелями — по их желанию, в размере, не превышающем принятой для каждой данной местности трудовой нормы, оставляются в пользование промысловые угодья и разрабатываемые недра,

- а) принадлежащие на праве собственности,
- б) надельные и
- в) находившиеся в их арендном пользовании.

Примечание. Предоставляется при этом органам местного самоуправления производить обмен угодий и изменение границ.

§ 2. Все остальные, с их водами и недрами, земли отчуждаются без выкупа и обращаются для организации государственного и общественного на них хозяйства и обеспечения ими трудового пользования мало-земельных и безземельных.

Примечание. Земельные комитеты составляют списки лиц, настолько пострадавших от земельной реформы, что для приспособления их к новым условиям личного существования необходима ассигновка из общественных средств. Вопрос об этой ассигновке и размерах ее разрешается в общем законодательном порядке.

§ 3. В первую очередь устраиваются местные малоземельные пользователи, затем безземельная часть земледельческого населения (батраки, бесхозийственные и т.п.), затем местное неземледельческое население и, наконец уже, если позволяет запас земли, пришлое.

§ 4. В местностях с господствующим подворным хозяйством прежние **подворные владельцы**, превращаются в **подворных пользователей** в смысле раздела I, п.б. § 9 Основ. Пол. Зем. Зак., со всеми вытекающими отсюда последствиями.

§ 5. В местностях с общинным хозяйством:

а) В тех случаях, когда территориальная община по составу населения приблизительно совпадает с бывшей владенной общиной, они сливаются, причем права и обязанности последней переносятся на первую.

б) В тех случаях, когда территориальная община охватывает две или несколько бывших владенных общин, им предоставляется или образовывать одну общину и слиться с общиной территориальной, или перейти на положение земельного товарищества в смысле разд. 2, п.б § 9 Основ. Пол. Зем. Зак. со всеми вытекающими отсюда последствиями.

в) Что касается сложных (волостных) общин, где таковые встречаются, то на тех же основаниях происходит их слияние или регулирование отношений с соответственно высшим органом самоуправления.

§ 6. Особыми законоположениями определяется порядок введения закона на землях инородческих и казачьих.

§ 7. Земли благотворительных и просветительных учреждений, поскольку они служат только для извлечения из них дохода, необходимого на содержание этих учреждений, обращаются для наделения малоземельного и безземельного населения, с возмещением путем денежных ассигнований; остальные же могут быть оставлены в их пользовании в размерах и на условиях, определяемых органами местного самоуправления.

§ 8. Городские земли, поскольку они служат непосредственно потребности городского населения (как выгонные земли или как места для поселения, построек и сооружений), оставляются в их заведении и, в случае надобности, увеличиваются; земли же, служащие чисто хозяйственным целям, переходят в заведение подлежащих территориальных общин или более крупных органов местного самоуправления.

§ 9. Все имеющие общегосударственное или крупное местное значение леса, воды и недра поступают в непосредственное заведение государства и органов местного самоуправления. При этом они могут быть

временно оставляемы в пользовании их прежних владельцев и пользователей на условиях, определяемых государственной властью или органами местного самоуправления, заботящимися об охране, как ценности, сдаваемых в частное пользование недр и вод, так и здоровья и труда работающего по эксплуатации их населения.

§ 10. Все сооружения и постройки, возведенные на усадебных землях, остаются за теперешними их владельцами, но за государством и органами местного самоуправления сохраняется право на их отчуждение в общественных или государственных целях, порядок производства которого должен определяться специальными правилами, утвержденными в общем законодательном порядке.

Государственная дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 5 Положения Государственной думы. СПб., 1907. С. 203-207.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П.С.-Р.

(Письмо первое)

Товарищи! Время от времени, в зависимости от более успешных выступлений левых думских фракций, снова и снова поднимаются слухи о разгоне Думы. При колеблющемся настроении в самой правящей клике и при неопределенности положения в самой Думе слухи эти не всегда являются лишь средством запугивания умеренных элементов Думы. Иногда судьбы Думы, действительно, начинают висеть на волоске. Теперь, с приближением принципиального вотума Думы по аграрному вопросу и решения вопроса о бюджете, шансы разгона снова начинают нарастать.

ЦК считает долгом поставить в известность об этом местные организации, чтобы возможные в недалеком будущем события не застали их врасплох.

Несмотря на все тревожные симптомы, мы, однако, не можем пока с уверенностью предвидеть ни момента разгона Думы, ни условий, при которых он произойдет. Разумеется, правительство постарается для такого разгона избрать наименее благоприятный для нас момент, откуда, однако, не следует, что оно не ошибется в своих расчетах. Пока еще неясно и то, чем будет сопровождаться разгон Думы, т.е. решится ли правительство на государственный переворот и изменение избирательного закона. Ввиду указанной неопределенности политического положения и неувязченности настроения масс (которое пока определяется как пестрось) ЦК находит преждевременным предлагать на случай разгона Думы готовый и разработанный план действий.

Однако обостренное положение в Думе требует теперь же со стороны местных организаций усиленного напряжения сил как в смысле подготовки масс к возможному разгону, так и в смысле развития их действительной энергии в настоящее время.

Еще партийный съезд констатировал, что безостановочное развитие народного движения вне Думы является залогом успеха всей нашей тактики. Несомненно, если разгону Думы не будет предшествовать общий подъем рабочего движения, нечего будет и думать о том, чтобы этот разгон мог моментально переменить всю картину и на место затихия вызвать взрыв народного восстания. ЦК обращает поэтому особенное внимание партийных товарищей на оживление забастовочного движения среди рабочих и аграрного движения в деревне. В то самое время, как общеполитическая жизнь страны забрела в какой-то тупик, из которого до сих пор не может выйти, народная энергия нашла обходной путь и в формах непосредственно экономической борьбы мобилизует на деле массовые силы. Чрезвычайно важно, чтобы это новое направление народной энергии не ускользнуло от внимания местных организаций. ЦК поэтому особенно рекомендовал бы партийным товарищам на местах войти в забастовочное движение (городское и сельскохозяйственное), чтобы придать ему возможно большее распространение и силу. Всего важнее именно пустить в ход **организованные** формы борьбы, по самому существу своему захватывающие возможно более широкие массы в качестве непосредственных участников движения. Пусть по содержанию требований оно местами будет сравнительно узким. Это не мешает ему быть школой, быть предварительным опытом для предстоящего столь же единого и организованного общеполитического движения, наиболее вероятным моментом которого явится ожидаемый разгон Думы.

Только в случае успешного развития народного движения, движения массового и по преимуществу в организованных формах, мы можем рассчитывать на подготовленность населения дружно и самостоятельно реагировать на попытку черносотенного переворота, который может напрянуть на нас все-таки относительно неожиданно.

Не надо забывать, что при разгоне Думы партийные представители сочтут своим долгом, своей нравственной обязанностью — **при всех** условиях одинаково — отказать сложить с себя депутатские полномочия и своим поведением дать пример неповиновения и сопротивления правительственной узурпации. Иначе поступить они не могут. Но и партия не сможет остаться безучастной к тому, что постигнет депутатов в результате такого их выступления. Она должна будет так или иначе ответить на новое посягательство правительства на позиции, завоеванные народом. Стремясь всегда развивать народное движение вширь и вглубь, стремясь вообще все больше и больше вносить в него элементы организованной вооруженной борьбы, мы в особенности для этого должны использовать такие острые моменты жизни, которые сами по себе глубоко и сильно волнуют массы. А одним из таких моментов является разгон Думы.

Мы все, конечно, согласны в том, что единственно достойным ответом на него может быть вооруженное восстание, и вопрос заключается только в том, какие будут для этого возможности как в смысле организованных сил, так и в смысле настроения масс. ЦК особенно предосте-

регают против модного неверия в вооруженное восстание, неверия, основанного на том, что многие слишком легко поддаются впечатлению прежних неудач в этом отношении. Все эти разочарования являются только крайностью психологической реакции против прежнего чрезмерного оптимизма. Партия в целом была всегда свободна от такого оптимизма, как и от слишком легкого отношения к восстанию. Она заранее считалась с возможностью неудач, и когда было нужно, шла на опасность им подвергнуться; потому ей не в чем разочаровываться, и лозунг вооруженного восстания по-прежнему в полном объеме служит содержанием ее агитации, подготавливающей народ как к разгону Думы, так и к другим грядущим политическим кризисам.

ЦК П.С.-Р.

«Партийные Известия», № 10, 24 мая 1907 г. С. 3-4.

ОТ ДУМСКОЙ ГРУППЫ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Граждане!

Измученные гнетом горсткой эксплуататоров, закабаливших весь трудовой народ, истерзанные произволом, насилием и преступлениями поддерживающей эту горсть самодержавной бюрократии, вы послали нас в Думу.

В стране царила обезумевшая от совершаемых ею зверств безответственная правительственная власть. Против этой власти были проклятия народа, за нее — штыки, пушки, каторга и виселица. Посылая нас, ваших избранников, стать лицом к лицу с этой беспощадной вооруженной силой, вы требовали, чтобы мы открыто, пред лицом всего мира сказали о преступлениях власти и о нуждах народа.

Мы требовали у правительства отчета в его преступлениях против народа.

Мы отказывали в своем согласии на издание законов, усиливающих власть всевластного чиновничества и полиции.

Мы внесли законопроекты, имеющие целью положить основу народному счастью, — о переходе без выкупа всей земли в свободное трудовое пользование, на равных основаниях для всех, желающих прилагать свой труд к земле, о свободе рабочих соединяться в профессиональные союзы, о государственной помощи безработным рабочим и голодающим крестьянам.

Мы принимали участие в выработке новых думских законов о свободе личности, печати, собраний, союзов, о свободе совести, о местном самоуправлении и проч.

Мы требовали, чтобы, убедившись в полном нежелании правительства идти на какие-либо уступки народным нуждам, Государственная дума отказала правительству в утверждении нового рекрутского набора и росписи доходов и расходов. Мы вместе с другими социалистически-

ми депутатами заявляли, что преступно давать самодержавному правительству наших сыновей и наши деньги, чтобы оно подавляло ими народную свободу и проливало при их помощи народную кровь.

Нам не удалось добиться этого. Здесь, как и во многих других вопросах, слабое и нерешительное большинство Думы шло за кадетами, а кадеты во многих вопросах — за предателями и изменниками народа — всей правой.

Но даже и это податливое, уступчивое большинство казалось царскому правительству нетерпимым.

Измыслив какой-то несуществующий заговор, правительство потребовало исключения 55 депутатов с.-д. фракции. Опасаясь, чтобы Дума, благодаря кадетам, не уступила хотя отчасти даже и этому бессмысленно-наглому требованию, правительство, не дожидаясь решения комиссии, распустило Думу²³⁸.

Царский указ объявляет, что Дума не оправдала возложенных на нее надежд, и ставит ей в вину то, что для нас, истинных защитников интересов трудящегося класса, являлось лишь слабым выражением исполнения возложенного на нас долга.

Между нами, депутатами группы социалистов-революционеров, и императором Николаем II, подписавшим свой указ о разгоне Думы, удий может быть только пославший нас трудящийся класс.

Но мы, депутаты социалисты-революционеры, совершили бы измену, если бы умолчали и не назвали бы преступления против народа, совершенного царским правительством, его истинным именем.

Этому правительству нужна не Дума — выразительница интересов трудового народа, а покорная раболепная прислужница дворцовой тирании, помощница в деле эксплуатации, насилия и произвола. Первая Дума была разогнана, и, несмотря на все преступные ухищрения власти, вторая Дума тоже оказалась против правительства.

В царском манифесте сказано, что то были не истинные представители народа. Теперь царь Николай II призывает уже этих истинных представителей народного счастья.

Кто же они?

Измученный трудовой народ не знает: это его исконные благодетели купцы и дворяне. Это те сто тридцать тысяч помещиков, интересы которых царское правительство взялось защищать.

Вот в чьи руки царь Николай II отдает свободу и благо крестьян и рабочих.

И чтобы эта всесильная клика могла свободно говорить от имени всего народа, в ночь со 2 на 3 июня в Зимнем дворце совершено преступление, которое на языке даже верноподданных называется государственным переворотом.

Этим государственным переворотом, почти совершенно уничтожившим и без того жалкие избирательные права трудового народа, власти добились того, что крестьяне и рабочие могут иметь в Думе только ничтожное меньшинство своих представителей.

Это преступление совершено и подписано именующим себя главой государства — императором Николаем II.

Мы, члены Государственной думы, заявляем всенародно, что император Николай II своим манифестом, отдавшим интересы народа в руки горстки дворян и помещиков, нарушил им же самим изданные основные законы и тем сделал свою власть лишенной всякой тени законности даже в смысле существующего государственного права; что не только интересы народа, но даже и точный смысл русских основных законов обязывает всех русских граждан отказать в повиновении власти, произведшей государственный переворот; что правительство, открыто заявляющее себя защитником интересов 130 тыс. помещиков, не может считаться законным правительством страны, а является стражем — наемником клики дворян и купцов.

Граждане! Отправляясь в Думу, мы указывали вам, что в борьбе за народные интересы Дума бессильна.

Ваши представители могли только одно: не покрывать своим именем злодейских посягательств на права народа — не утверждать правительственных законопроектов.

Теперь и это отнято. Третья Дума²³⁹, если только вы дадите ей собраться, — Дума дворянская, — злостно присвоив себе имя народного представительства, будет именем народа утверждать и покрывать все преступления власти.

Царский указ раскрыл перед вами сущность борьбы: или благо трудового народа, или благо дворянства. Благо дворянства взялось защищать царское правительство.

Благо народа защищать некому. Народ сам должен завоевать это благо и защищать его. Организованному насилию эксплуататоров и дворцовой дворни должна быть противопоставлена организованная сила трудового народа.

Комитет думской группы социалистов-революционеров.

«Знамя Труда», № 1, 1 июля 1907 г. С. 20-21.

ЧАСТЬ III

СЪЕЗДЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ПРОТОКОЛЫ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ²⁴⁰

ЗАСЕДАНИЯ 29-го ДЕКАБРЯ 1905 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Заседание открыто в 11 часов утра по поручению Организационного Бюро²⁴¹ временным председателем тов. Шевичем²⁴².

Тов. Шевич. Решение Орг. Бюро поручить открытие съезда делегату партии в Международном Бюро имеет несомненный характер указания тесную связь, которая, по мнению партии, должна существовать между фракцией русского социализма, представленного нашей партией, и силой армией международного организованного Интернационала труда. Эта связь уже существует и имеет характер не только идейный, но и организационный. Со времени Амстердамского конгресса²⁴³, в рамках которого партия принимала деятельное участие, наша партия состоит равноправным членом международной социалистической организации, подчиняется ее дисциплине и в свою очередь может до некоторой степени влиять на ее решения. Вступление в Интернационал предполагает со стороны партии трех основных принципов: 1) взгляд на господство частной собственности на орудия и средства производства, сосредоточенные в руках небольшой кучки эксплуататоров, как на коренное зло современного человечества. Отсюда необходимость стремиться путем организационной борьбы классов к обобществлению средств и орудий производства и переходу их в состояние всего народа и в коллективное пользование; 2) необходимость политической борьбы за переход власти в руки организованного рабочего класса; 3) солидарность трудящихся всех народов, к какой бы расе, племени, языку и религии они ни принадлежали.

Эти три обязательных принципа уже составляют такое идейное ядро программы, которое, раз оно признано, резко и решительно отделяет нас, с одной стороны, от всяких буржуазных партий, как бы радикальна ни была их социально-политическая программа, с другой стороны — от анархических тенденций, не признающих борьбы за политическую власть рабочего класса, ту власть, которая одна может на основе всеобщего избирательного права, прямого, равного и тайного, путем Учредительного собрания санкционировать все завоевания, которые рабочий класс прямым или косвенным путем сделает в области экономических и политических прав.

Эти принципы входят целиком в программу партии с.-р.

Хотя настоящий съезд фактически и есть учредительный для выработки и утверждения программы и устава партии, но было бы смешно думать и говорить, как это делают наши враги, что у П.С.-Р. не было за пять лет ее существования* ни программы, ни устава. Маркс говорил:

* Со времени выхода № 1 «Рев. Рос.» прошло ровно 5 лет.

«Один хороший акт в области практического движения лучше дюжины программ». Партия вела за эти 5 лет упорную борьбу, и девиз ее: «В борьбе обрешь ты право свое!», может смело быть приложен и к ее идейной жизни; борьбой она завоевала свое право на провозглашение той программы, которую настоящий съезд только санкционирует, но которая уже действовала в течение 5 лет, доказывая свою правоту и силою своего проникновения во все слои трудящихся масс, и своим распространением в самых различных областях России. Партия на этом съезде санкционирует свой устав, но дисциплина внутренняя, вытекающая из верности взятым на себя обязательствам и чувства революционного долга, не переставала, за ничтожным исключением, связывать всех членов партии в единое духовное целое, в одну партию. П.С.-Р. есть партия борьбы, партия действия. Зародилась она в такой момент, когда политически-революционная арена была занята почти исключительно другой фракцией русского социализма²⁴⁴, крайне враждебной ее тенденциям, унаследованным от «Народной Воли», фракцией, которая, заимствовав почти целиком свою программу у могучей немецкой социал-демократии, пользовалась авторитетом и влиянием последней, чтобы заградить дорогу к развитию и распространению других течений.

Тяжелый меч, выпавший из рук «Народной Воли», но поднятый П.С.-Р., пришлось пронести сквозь строй и вынести удары с одной стороны правительства, а с другой — братьев-социалистов, ослепленных своей догмой.

И вот скептики и порицатели, враги и клеветники должны умолкнуть не только перед чудными образами героев, выдвинутых партией, Балмашевых, Сазоновых, Гершуни, но и перед самой боевой тактикой, признанной как необходимое средство политической борьбы. Не только все мыслящее человечество, не только международный социализм, но сама гордая немецкая социал-демократия должна была признать, что боевая тактика П.С.-Р. допустима и целесообразна в условиях насилия и произвола русского самодержавия. В этом смысле резолюция, принятая в последнем Йенском съезде²⁴⁵, явно пристрастная в одном отношении, знаменательна в том ее пункте, где говорится о допустимости в России **всех** средств борьбы. Но партия одержала еще и другую победу. Она явилась продолжением «Народной Воли» и «Земли и Воли», взяв за основание объединение пролетариата и трудового крестьянства в единый рабочий класс, противопологающийся в своем непримиримом антагонизме всем правящим и владеющим классам и самодержавию, их естественному политическому выразителю и охранителю. Если, указывая на нашу тактику, враги и клеветники хотели исключить нашу партию из социалистического Интернационала, представляя нас адептами единоличных покушений в ущерб тактике массовой борьбы, то по вопросу самой базы социализма, борьбы классов, они хотели нас представить конфузионистами, вносящими смуту в ряды рабочего класса приобщением чуждых ему мелкобуржуазных элементов. Гениальный оратор французского социализма²⁴⁶ хотел было даже использовать в свою защиту на Амстердамском конгрессе и позже по поводу преслову-

той сиплетни о «блоке»²⁴⁷, неверно освещенном в его газете, клевету о нашем якобы «конфузионизме».

И в этом отношении программа партии одержала несомненную победу. Теоретик немецкой социал-демократии²⁴⁸ в номере от 23 дек. 1905 года «Vorwärts»²⁴⁹ признал право русского народа на всю землю. В области аграрной П.С.-Р. может явиться таким членом Интернационала, который повлияет, быть может, на судьбу Интернационального социализма. Для этого партия должна еще больше оформиться, усовершенствовать свои средства защиты и нападения, выработать ясную формулировку своей программы, гибкий устав, приноренный к нашей бурной эпохе. Это будет делом съезда, который будет работать дружно, в сознании своих верховных прав и ответственности не только перед партией, но и перед всей революционной Россией, перед международным социализмом и всем человечеством, которого глаза теперь жадно устремлены на Россию.

Оратор заканчивает возгласом:

Да здравствует Международный Социализм!

Да здравствует Русская революция! (Громкие аплод.)

По выслушании речи тов. Шевича собрание приступило к выбору комиссии по проверке полномочий членов съезда. Выбраны в комиссию товарищи Соломин²⁵⁰, Грибовский²⁵¹ и Рославлев²⁵², причем Орг. Бюро было предложено дать соответствующие указания комиссии.

После часового перерыва съезд признал себя правомочным приступить к рассмотрению регламента, отлагая рассмотрение существенных и спорных вопросов до момента окончательного и формального конструирования съезда. Организационное Бюро представило следующий «Проект регламента съезда».

§ 1. Предварительное собрание. Съезд открывается временным президиумом, назначаемым ОБ.

§ 2. Полномочия делегатов проверяются избранной на предварительном собрании комиссией из 3-х лиц и утверждаются по ее докладу съездом, причем голосуют лица, полномочия которых не оспорены комиссией.

§ 3. Съезд считается законным, если на нем представлены более $\frac{1}{2}$ голосов, имеющих право на представительство. В случае если съезд по малочисленности участников не может состояться, то съехавшиеся члены образуют конференцию.

§ 4. По конструировании съезда избирается бюро его из 3-х председателей и 6-ти секретарей.

§ 5. Съезд продолжается 5 дней (29, 30, 31 дек., 1 и 2 янв.) по два дневных заседания от 11 ч. до 3 ч. дня и от 5 ч. до 9 ч. вечера.

§ 6. Все вопросы на съезде решаются простым большинством, кроме утверждения программы и организационного устава в целом, которые считаются окончательно принятыми, если за них высказутся не менее $\frac{2}{3}$ полноправных участников съезда.

§ 7. Комиссии для предварительной разработки обсуждаемых вопросов избираются по мере надобности.

§ 8. Все предложенные резолюции, поправки и записи в очередь ораторов предлагаются в бюро письменно.

§ 9. Все вопросы, кроме выборов в постоянные партийные учреждения, решаются открытой подачей голосов.

§ 10. Именное голосование по решаемому вопросу производится в том случае, если того потребует не менее $\frac{1}{4}$ членов съезда.

§ 11. Выборы в постоянные выборные партийные учреждения производятся закрытой подачей голосов по запискам. Результаты их подсчитываются специально выбранными съездом лицами и на заседании не оглашаются; называется лишь лицо, через посредство которого можно обращаться к новоизбранным учреждениям.

§ 12. Назначенные Организационным Бюро докладчики по вопросам, стоящим в порядке дня, имеют $\frac{1}{2}$ часа для доклада и 20 минут для заключительного слова без права вмешательства в прения.

§ 13. Перед обсуждением каждого из этих вопросов на заседании съезда последний в случае надобности назначает содокладчика, который имеет слово на 30 мин. после доклада и на 20 мин. перед заключительным словом докладчика.

§ 14. В прениях по каждому из обсуждаемых вопросов, по которым открыт председателем список ораторов, каждый член съезда может брать слово дважды: первый раз на 10 мин., второй — на 5 минут.

§ 15. Личные замечания и поправки фактического характера допускаются лишь по окончании прений по данному вопросу.

§ 16. Предложения к порядку ведения дел исчерпываются предоставлением слова двум ораторам за и двум против предложения, каждому не более 2 минут.

§ 17. Протоколы заседания предыдущего дня заслушиваются и утверждаются в начале следующего дневного заседания. Для утверждения протоколов двух последних заседаний собирается специальное заседание.

Возникший вопрос об обязательности императивных мандатов съездом единогласно был разрешен отрицательно. После прений проект регламента съезда, предложенный Орг. Бюро, был принят в следующем виде.

§§ 1-7 целиком, § 8 — в редакции: «Все предложенные резолюции и поправки передаются в бюро письменно»; § 9 — целиком; при рассмотрении § 10 тов. Тамбовцев²⁵³ высказался против поименных голосований, находя, что в случае разногласия между взглядами делегата и пославшего его комитета, в последнем могут возникнуть недоразумения и что, отвергнув императивные мандаты, съезд поступит правильно, если отвергнет и поименное голосование. Возражавшими ему товарищами было отмечено, что именная подача голосов необходима для составления правильного суждения о течениях и направлениях в местных комитетах (тов. Дружинин²⁵⁴), что непризнание императивных мандатов всегда и везде имеет целью лишь развязать руки делегатам в вопросах, где необходимо столкнуться и прийти к тому или иному соглашению, а вовсе не устранить контроль комитетов над голосованием своих делегатов; напротив, комитетам необходимо знать, как поступали их делегаты при тех или иных ответственных решениях (тов. Тучкин²⁵⁵ и Андреев²⁵⁶).

Рассмотрение § 11 было отложено до окончательного конструирования съезда; § 12 принят без изменений. При обсуждении § 13 было принято, что съезд заранее должен назначать содокладчика в каждом отдельном случае по заявлению желающих групп.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Открыто в 5 ч. 30 м. дня

Выслушивается доклад комиссии по проверке полномочий. Прибыли пока представители 34 организаций с 46 решающими голосами. Ожидается еще несколько запоздавших по случайным причинам. Из прилагаемой таблицы можно видеть, какие организации представлены на съезде.

Относительно представителей Сибири (Иркутска, Красноярска, Томска, Якутска) Орг. Бюро внесло предложение признать их правомочными представителями с решающими голосами ввиду того, что они не могли получить формальных мандатов исключительно вследствие железнодорожной забастовки.

Это предложение было съездом принято единогласно, почему число представленных организаций возросло до 38 с 50-ю решающими голосами. Ввиду этого, согласно регламенту, выработанному организационной комиссией (съезд считается законным, если на нем представлены более половины голосов правомочных организаций), собрание было объявлено первым съездом объединенной П.С.-Р.

По предложению тов. **Тамбовцева**, решающий голос был предоставлен и представителю г. Козлова, так как выяснилось, что эта организация фактически действует на правах самостоятельного к-та. Равным образом дан был решающий голос еще третьему представителю Крестьянского союза; по вопросу о числе голосов от ЦК выяснилось, что на съезде ЦК будет располагать тремя голосами. Кроме того, им приглашено еще 15 лиц с совещательным голосом. Некоторые из присутствующих возбудили вопрос об увеличении числа решающих голосов от ЦК — именно, чтобы все присутствующие члены имели решающий голос. В ответ на это представитель ЦК указал, что ЦК считает неудобным присвоить себе слишком большое число решающих голосов. Собрание постановило, однако, чтобы ЦК располагал пятью решающими голосами. Вследствие этого постановления число голосов, которыми располагали явившиеся делегаты, возросло до 54.

Председателями съезда выбраны товарищи: Шевич (49 голосов), Серов²⁵⁷ (40 гол.), Соломин (37 гол.); в секретари Павлов²⁵⁸, Дружинин, Тульский²⁵⁹, Нижегородский²⁶⁰, Горецкий²⁶¹, Бельская²⁶².

Возвращаясь к обсуждению § 6 проекта регламента съезда, собрание постановило принять его целиком. Равным образом сполна приняты §§ 11, 14 и 15. § 16 изменен в том смысле, что представления к порядку ведения дел исчерпываются предоставлением слова одному оратору за и одному против, каждому не более одной минуты.

Вслед за тем председателем было предложено принять проект регла-

мента съезда в целом со всеми вышеупомянутыми изменениями. Проект принят единогласно.

Тов. **Иваненков**²⁶³, взяв слово вне очереди, вносит следующее предложение: ввиду того, что предельный срок для записи в избирательные списки истекает для столиц 3-го января 1906 г. и ввиду того, что без такой записи невозможно участие в предвыборной агитации, необходимо безотлагательно выяснить отношение партии к этому вопросу, чтобы товарищам в Петербурге можно было передать своевременно руководящие указания. Товарищ Иваненков напоминает, что предложение записываться в эти списки еще совершенно не предвещает вопроса об участии в выборах в положительном смысле. Правом являться на предвыборные собрания можно воспользоваться как угодно, в том числе и в смысле проведения бойкота выборов. Товарищ **Соболевский**²⁶⁴ со своей стороны отмечает, что и наши единомышленники из различных «союзов» уже выразили желание знать мнение партии, дабы решить, участвовать ли им в предвыборных собраниях с целью использовать их в интересах партийной организации. Товарищ оговаривает, что бойкот Думы для этих лиц представляется уже решенным.

После обмена мнений съезд признал необходимым рассмотреть этот вопрос в связи с общим: об отношении партии к Гос. Думе. Поэтому постановлено было отступить от предложенного порядка обсуждения вопросов. Товарищ Иваненков путем анализа последнего закона о реформе избирательного механизма для Гос. Думы устанавливает, что Дума есть ничто иное, как одно издевательство над рабочим народом, кровью купившим отступление правительства и его видимые «уступки». Нельзя найти достаточно резких выражений для характеристики этого подлога и грубой фальсификации народной воли. Ответ на этот маневр правительства необходим энергичный и решительный. Отсюда необходимость так называемого «бойкота» Думы. Термин этот, впрочем, неудобен. Бойкот пассивный состоит в том, что мы не записываемся, никуда не являемся, и все выборы проходят мимо нас. Руководствуясь таким методом бойкота, мы, очевидно, оставим вне нашей деятельности мелкую буржуазию, которая, безусловно, кинется к избирательным урнам. А между тем еще так недавно она рука об руку с нами дралась в Москве на баррикадах. Так же поступит и большинство крестьянства. Вследствие этого, воздерживаясь от всякого участия в выборных собраниях, мы перестаем влиять и на крестьянство. Еще менее при настоящих условиях надо считать применимым и активный бойкот, разумея под ним разрушение урн или срывание собраний избирателей, где мы войдем в столкновение с теми самыми элементами, с которыми вчера еще совместно дрались на баррикадах. Единственно возможные формы «бойкота» — это агитация и самое широкое разоблачение подвохов правительства на самих предвыборных собраниях, которым и следует предлагать вместо всяких выборов принятие резолюций с требованием созыва Учредительного собрания на основе прямой, всеобщей и т.д. подачи голосов.

Тов. **Тучкин** опровергает факт деятельного участия мелкой буржуазии на баррикадах во время Московского восстания, бывшего делом

главным образом пролетариата и революционно-социалистической интеллигенции. Хотя и не оспаривает сочувственного отношения к борьбе в широких «обывательских» слоях Москвы. Он стоит за абсолютный бойкот Думы, но не скрывает трудности нашего положения. Избирательные махинации правительства подкрепляются очень сильным оружием, массовыми арестами. Дума, ведь, якобы «улучшена»; это может ввести в смущение многих; а между тем достаточно широко поставить агитацию против нее сейчас крайне трудно. Наши газеты закрыты, митинги невозможны, а кадеты и черносотенцы зовут в Думу. Теперь, после подавления открытого восстания, трудно рассчитывать также на организацию открытых демонстративных шествий к избирательным участкам; несомненно, наступит некоторый переходный период, в течение которого общественная энергия временно уляжется, уйдет внутрь, превратится в незаметную молекулярную работу. При таком положении вещей агитация в избирательных собраниях могла бы быть удобным орудием воздействия на массу, известным коррективом к неудобствам положения. В самом деле, где мы иначе будем искать разбросанных избирателей, уже готовых идти на удочку, где мы противопоставим свою аргументацию речам многочисленных сторонников участия в выборах? Итак, резюмирую: бойкот необходим; где возможно, надо его превратить в широкое народное движение, в новую революционную войну со всеми последствиями; где нельзя — ограничиться тем, что разоблачать выборщикам истинную сущность Думы. А для этого не мешает проникать в качестве выборщиков в избирательные собрания, конечно, только для того, чтобы агитировать и против Думы, и против выборов.

Тов. **Гурьянов**²⁶⁵. В революционное время годны лишь революционные средства борьбы. Массы в напряженном настроении, выборная атмосфера повысит это настроение; необходимо избрать или бойкот, или хождение в избирательные собрания: одно с другим несовместимо, ибо в таком случае можно лишь отсрочить взрыв революционного негодования. Оратор стоит за безусловный бойкот, не прибегая ни к какому хождению в каких бы то ни было целях в избирательные собрания.

Тов. **Иванов**²⁶⁶ находит, что запись в избиратели будет непонятна для широкой массы и будет ею истолкована как противоречие с самим принципом бойкота, причем акт участия в выборах недопустим и с нашей собственной принципиальной точки зрения. Ведь это значит как бы обманывать самодержавие, хитрить с ним и играть в прятки, в то время как самодержавие играет в открытую.

Тов. **Тихин**²⁶⁷ излагает взгляд Рижского ком., который, считая, что не отходит от общего духа руководящих статей «Революционной России» по этому вопросу, высказался за участие в выборах с тем, чтобы представители избирались не в законных рамках, а всем населением в независимых собраниях и таким образом создалась бы действительно народная Дума. В случае невозможности этого необходим полный бойкот.

Тов. **Павлов** высказывается за абсолютный бойкот Думы, не прибегая ни в коем случае к посещению избирательных собраний на правах избирателей. Если Думу что-нибудь может сорвать, то не агитация в

избирательных собраниях, а независимый ход революции. Опыт с Думой 6-го августа налицо; не она создала революцию, революция ее создала, и как нельзя задержать глетчер освободительного движения деревянным забором правительственных указов, так не ускорить его нациями жалкими средствами.

Тов. **Красова**²⁶⁸ находит, что теперь общее положение не изменилось сравнительно с августовским. Печать молчала и тогда, и тогда не было митингов. Не дает основания изменить отношение к Думе и ее новая конструкция. Не дают почвы для агитации и предвыборные собрания, так как лучший элемент в них будет Союз 17 октября, ибо даже и либералов уже начинают изымать из обращения. Так же обстоит дело и в деревне. Единственно возможный и нужный бойкот — это независимо организованные в противовес правительственным выборам народные выборы в Учредительное собрание.

Тов. **Нижегородский** знакомит съезд с постановлением Нижегородской организации, высказавшейся за полный бойкот Думы. Нет смысла агитировать в предвыборном собрании, состоящем из каких-нибудь 150 черносотенцев. Революционное настроение назревает и все равно не даст собрать Думы. Являться в собрания избирателей — значит вновь возвращаться к легализации, т.е. повторять ошибку, нанесшую уже нам страшный урон.

Тов. **Тургенев**²⁶⁹ высказывает мнение, что для агитации среди мелкой буржуазии к ней незачем ходить именно в избирательные собрания.

Тов. **Рошин**²⁷⁰ считает ненужным останавливаться на принципиальной необходимости полного бойкота Государственной Думы. В этом согласны все. Вопрос лишь в том, какая форма его при данных условиях целесообразна, как для попытки сорвать Думу, так и для революционизирования масс. Из трех способов: а) пассивного отказа, б) попытки сорвать собрания силой и в) вхождения в предвыборные собрания с целью агитировать за срыв выборов, последний имеет больше всего шансов осуществить бойкот Думы, конечно, при необходимом условии развития общей революционной работы. Ни одна партия в России настолько не сильна, чтобы **одним отказом** сорвать выборы. Срывание силой и вредно во многих случаях, и невозможно при теперешнем военном положении. Вооруженное восстание, которое могло бы непосредственно устранить и выборы и Государственную Думу, не есть вопрос ближайших дней и недель после разрушения широких массовых организаций, железнодорожного союза и пр. Лишь третий вид бойкота, вхождение в предвыборные собрания с нескрываемым намерением их разрушить, агитировать против выборов, имеет на почве общего революционного движения наибольшие шансы осуществить полный, активный революционный бойкот Думы.

Тов. **Норринг**²⁷¹ лично не видит оснований к тому, чтобы не пользоваться и самой Думой, как трибуной для пропаганды. Это вопрос практический, отнюдь не принципиальный, вопрос оценки действительности. Он был раньше за такое участие, стоит за него и теперь. К сожалению, он стоит в этом вопросе совершенно одиноко, и даже в том ко-

митете, который он представляет, господствует противоположное настроение. Подчиняясь дисциплине, оратор не мог обращаться и не обращался к массе с проповедью положительного отношения к Думе. Но здесь, на съезде, он считает необходимым открыто выступить с защитой своего личного мнения, хотя и знает, что ни в ком не найдет поддержки.

Тов. **Поморцев**²⁷². Если стремиться использовать предварительные собрания избирателей в целях агитации и пропаганды своих социально-революционных идей, то надо быть последовательным и идти дальше с этой целью и в собрания выборщиков, и даже дальше, в Государственную Думу, где также открывается возможность влиять и склонять на свою сторону все колеблющиеся элементы, тем более что собрание выборщиков в полицейском отношении благоприятнее, чем предварительные собрания избирателей, где по положению 11-го декабря имеет право присутствовать полиция. Отсюда видно, что это наклонная плоскость, попла на которую, очень легко докатиться до признания участия в Думе.

Тов. **Соломин**. Я за полный бойкот. Репрессии сделают то, что Дума соберется и будет санкционировать все безобразия правительства. Пусть она будет архицерносотенной, пусть там будут одни мерзавцы; это для нас будет выгоднее, так как никакие иллюзии на ее счет не будут возможны. (Аплодисменты.)

Тов. **Васильев**²⁷³. При решении занимающего нас вопроса надо установить, что мы приобретаем, участвуя в собраниях избирателей, и что теряем. Взять что-нибудь мы не можем, потеряем же мы все или многое. Самодержавие нас всегда обманывало, обманет и теперь. Нас арестуют, и нашим участием в выборах воспользуются социал-демократы, чтобы дискредитировать нас, как оппортунистов.

Тов. **Железовский**²⁷⁴ стоит за бойкот Думы всеми имеющимися у нас средствами, где можно — словом, где можно — силой.

Тов. **Карский**²⁷⁵ также разделяет мнение о необходимости бойкотировать Думу, не посещая избирательных собраний, куда лучшие ораторы все равно не смогут попасть, и где против Милюковых и Струве с нашей стороны могут выступить самые заурядные ораторские силы.

Тов. **Мирский**²⁷⁶ сообщает резолюцию Псковской группы, решившей вопрос в смысле противодействия выборам всеми возможными средствами. Оратор указывает на опасность участия в собраниях избирателей хотя бы с целью бойкота, сообщив об имевшем в Пскове место случае ареста революционеров, причем прокурором было заявлено, что это делается для устранения их от участия в предвыборной агитации.

Тов. **Порошин**²⁷⁷ указывает, как далеко можно вообще зайти, участвуя в предвыборных собраниях; примером являются западноевропейские страны, где по наклонной плоскости легализации и парламентаризма социалисты докатились до полного оппортунизма.

Тов. **Тамбовцев**. Объект нашего воздействия — массы. Собрания, на которых будут жалкие десятки и сотни обывателей, нам не интересны. Поэтому не станем ходить на предвыборные собрания и будем проповедовать массам полную непримиримость.

Тов. **Горецкий** напоминает собранию известное постановление Кре-

стьянского съезда от 6-го дек., в котором признаются врагами народа все участвующие в выборах.

Аналогичное постановление принято и Саратовским съездом 59-ти делегатов крестьян, представлявшим 10 000 человек (19-го декабря с.г.). Неужели наша партия окажется менее революционной, чем Всероссийский Крестьянский союз?

Тов. Тучкин. Я не без удовольствия слушал речи некоторых товарищей, речи, которые, бесспорно, делают честь революционности их настроения, но свидетельствуют более об увлечении, чем о рассудительности. По поводу моих слов поднялись даже речи о «компромиссах». Где, в чем ухитрились рассмотреть хотя бы намек на слабое подобие компромисса? Разве речь идет о каком-нибудь, хоть косвенном, хоть замаскированном, участии в выборах? Ничего подобного; речь идет только о том, какими средствами лучше всего и удачнее всего провести полный бойкот выборов. Но нам говорят, что самое появление на предвыборных собраниях есть уже измена принципу. Как? Так, стало быть, западноевропейский анархист, непримиримейший из непримиримых, отрицающий **всякие** выборы и **всякие** парламенты, является для нас тоже жалким оппортунистом; помилюйте, ведь он ходит на собрания избирателей-социалистов и произносит там речи о бессмысленности выборов! Но ведь таким образом мы приходим лишь к самым крайним натяжкам и будем соединять совершенно несоответствующее содержание с самыми, казалось бы, установившимися терминами! Когда кто-то здесь характеризовал мое мнение как **среднее** между взглядами тов. Норринга, который один против всех стоял бы за попытку войти в Думу, и между товарищами, желающими игнорировать предвыборные собрания, я слышал восклицание: «Болото!» Из этого я могу только заключить, что здесь есть некоторые товарищи, на которых производит слишком сильное впечатление чтение с.-д. литературы; они заражаются ее приемами. Не завидую их вкусу! Еще менее могу завидовать их пониманию «революционности». Нам говорят, что в революционное время нужны революционные средства. Какие же это средства, противопоставляемые нашим неревolutionным? Я внимательно слушал всех возражавших нам. Они говорили о воздействии на массы, о продолжении агитации, о продолжении подготoвления к всенародному восстанию... Поистине все это необычайно ново! Я мог бы вернуть им назад все эти предложения, да еще с процентами, упомянув еще о терроре единоличном и массовом... Но я не думал, чтобы можно было эти общеизвестные элементарнейшие основы всей нашей тактики каким-то странным образом присвоить в исключительную собственность не желающих ходить на предвыборные собрания и с торжеством побивать тех, кто для бойкота выборов хотел бы, между прочим, использовать и предвыборные собрания. В чем же еще преимущественная революционность нашего метода? Кто-то из товарищей заявил: «Будем вести себя так, как будто никаких выборов вовсе и не было, будем их совершенно игнорировать». Конечно, «это звучит гордо», но если в этом и заключается вся тайна преимущественной революционности, то не че-

рескур ли она проста? Конечно, нет ничего легче, как такая «революционность». Происходит в жизни что-нибудь сложное, трудное, неудобное — закроем глаза и отойдем величественно в сторону. Но я сомневаюсь, чтобы мы ушли далеко, применяя такой новоизобретенный метод. Тогда, пожалуй, и к осуществлению деяний Плеве, Сипягиных, Сахаровых²⁷⁸ и им подобных следует относиться столь же просто — так, как будто бы их совсем не было? Но тут нам говорят, что, если в хождении на предвыборные собрания для агитации за бокйот и нет ничего неревolutionного, то как бы нам не покатиться дальше по наклонной плоскости: сначала будем в предвыборных собраниях, затем пойдем в коллегия выборщиков, а там, пугает нас тов. Порошин, докажемся до парламентарного оппортунизма многих западноевропейских социалистов. Иначе говоря, товарищи эти, при всей своей революционности, боятся, что, попав в черную среду, в отравленную морально атмосферу предвыборных собраний, наша революционная добродетель не вынесет испытания. Это, видите ли, слишком нежное растение. С верой в себя, товарищи, тут обстоит слабо. Да, поистине, только слишком хрупкая добродетель нуждается в таком опасливом отношении, какое мы видим у товарищей, усмотревших в наших речах «компромиссы»! Я извиняюсь, что мне приходится так долго говорить о вопросе по существу третьестепенном и маловажном; но он раздут нашими прениями, и вместо спора о целесообразности одного из частных приемов противовыборной агитации мы получили спор о чистоте принципов. Я уже исчерпал свое время, а мне хотелось бы ответить еще многое на раздавшиеся здесь многочисленные возражения. (Собрание просит оратора продолжать.) Нам говорят, что ниже нашего революционного достоинства заявить в участковых комиссиях и использовать законные права на вход в избирательные собрания. И я начинаю бояться, что завтра жить по законным паспортам и будем разбирать всерьез предложение обязать всех членов партии жить не иначе как по фальшивым, но и фальшивые эти ни в коем случае не прописывать в участках! Итак, я почти не нахожу действительных возражений по существу против выказанного мною мнения. Говорят, правда, будто не стоит обращать внимания на две, три сотни черносотенцев, которые соберутся на предвыборные собрания. Черносотенцы? Но не приходилось ли вам, товарищи, наблюдать, что в тех самых местах, где либералы и социал-демократы наткнулись на глухую стену черносотенного настроения, появлялись наши товарищи с нашими лозунгами, и тогда совершались целые превращения? От нас впервые вчерашние черносотенцы слышали магический клич «Земля и Воля», и сердца их, наглухо закрытые для теории пролетаризации или для умеренности и аккуратности «кадетского политиканства», раскрывались для восприятия этого клича. Представьте только себе, что хотя бы по приглашению Гапона²⁷⁹ или какой-нибудь «независимой рабочей партии» состоится на той или другой фабрике предвыборное рабочее собрание. Неужели его нужно просто игнорировать? Как черносотенное? Неужели не следует пойти туда со словом убеждения? Нам скажут, что пойти туда можно и незакон-

ным путем. Да, возможны два пути: или наш агитатор проникнет туда мирно и легально, или он с группой товарищей прокладывает себе туда дорогу силой. Но разве последний метод всегда целесообразен? Разве иногда он не будет принят сошедшими рабочими за попытку сорвать их собрание? А тогда вместо убеждения темных братьев-рабочих мы вызовем только их озлобление. Плохая стратегия! Псковский товарищ против участия в предвыборных собраниях на основании опыта: участия еще не было, а уже целый ряд людей арестован, и прокурор откровенно заявляет, что опасались их влияния во время предвыборной агитации. Но что доказывает этот факт? Только то, что правительство имеет основание не желать, чтобы мы принимали участие в предвыборной агитации. Нас путают арестами за такое участие. Но что же делать? Очистить покорно позиции? Этим путем избежать грозящих иначе арестов? Наивная мечта! Арестов мы не избежим, а для других партий создадим монопольное положение на предвыборных собраниях. Забудьте, товарищи, что в деревнях также будут аналогичные собрания — сходы для выбора волостных уполномоченных, которые являлись вместе с тем и выборщиками первой категории. Неучастие в предвыборных собраниях логически означало бы запрещение нашим товарищам по партии участия на законном основании в этих сходах, что было бы еще более странным. Не надо слишком легко играть словом «черносотенец». Правда, несколько съездов делегатов Всероссийского Крестьянского союза решили считать всех участвующих в выборах врагами народа, т.е. врагами самим себе. Но именно потому, что они бессознательно действуют против самих же себя, и нужно не игнорировать их предвыборных собраний, а являться на них и убеждать крестьян примкнуть к полному бойкоту выборов. Тов. Карский боится, что Миллюковы и Струве разобьют наших менее опытных ораторов, а более опытные все равно на эти собрания не попадут. Поэтому я чувствую потребность прежде всего успокоить его лично: он может легко убедиться, что по силе закона Миллюков²⁸⁰ и Струве также мало обладают избирательными правами, как я с тов. Карским: пробираться же на предвыборные собрания нелегально не в их привычках и нравах, так что здесь их конкуренция тоже не страшна. Но с каких это пор мы боимся встреч наших рядовых ораторов с либеральными ораторами? До сих пор в большинстве случаев именно эти рядовые ораторы, сильные силою нашей программы, с честью выдержали встречи и с более красноречивыми противниками; их даже менее складные речи производили часто на сердце масс большее впечатление, чем более гладкое и плавное изложение академических «кадетов». Тов. Соломин против хождения на предвыборные собрания: он говорит, что его самое искреннее желание, чтобы Дума была архичерносотенной и состояла из одних мерзавцев. Я не боюсь и Думы, которая не будет архичерносотенной; мне не важно, какой степенью черносотенности будет обладать Дума; вообще я сильно сомневаюсь в том, чтобы эта Дума собралась; вернее, она будет столь же мертворожденным детищем, как и Булыгинская. Но согласимся на момент с тов. Соломиным. Какой логический вывод следует из

сто аргументации? Да только один: пойти на предвыборные собрания и в самом убеждении увести с собою из них всех, доступных убеждению, всех не архичерносотенцев и не мерзавцев. Почему тов. Соломин не делает этого логического вывода, а делает другой нелогичный. Аллах знает. Наконец, тов. Васильев пугает нас тем, что с.-д. будут на нас нападать за решение идти на предвыборные собрания. Во-первых, с.-д.

только сами будут ходить на предвыборные собрания, но, вероятно, примут местами участие в самих выборах; меньшевики высказываются за это, и между ними и большевиками заключен какой-то временный компромисс. Но не в этом дело. Я принципиально протестую против того, чтобы наши решения хотя бы второстепенных и третьестепенных тактических вопросов зависели по существу от того, что будет говорить социал-демократическая княжна Марья Алексеевна²⁸¹. Этого до сих пор никогда не было, и мы не имеем оснований быть недовольными происшедшими отсюда результатами. Никогда этого не будет, я верю, и впредь. (Аплодисменты.)

Тов. **Соболевский** указывает на то, что вопрос о Думе есть лишь мелкий эпизод к общему вопросу о нашей тактике, по-прежнему революционной и непримиримой. Поэтому он напрасно вызывает столько страстей и разговоров. Объект нашего воздействия на предвыборных собраниях главным образом ремесленники, купцы, интеллигенция и мелкая буржуазия. На большинство этих избирателей мы влиять не можем, потому я за полный бойкот и предлагаю всем, кто может, влиять на порядочные элементы среди выборщиков. Но пусть влияют не как С.-Р., а как частные лица.

Тов. **Шукин**²⁸². Казалось, что по вопросу о Думе на этом съезде с.-р. возможно решение одной только альтернативы: разбивать думские урны или просто бойкотировать. Я решаю этот вопрос просто: не бить урны, чтобы не восстановить против себя бессознательной массы. Но здесь вопрос поставлен так: идти ли нам, социалистам-революционерам, на избирательные собрания? Дело, очевидно, только в том, чтобы использовать их; но я спрашиваю вас, есть ли на это у вас силы? Если бы они были, может быть, я и сказал бы вам: пойдите, попытайтесь! Но этих сил нет, и я говорю: не пачкайтесь!...

Тов. **Невский**²⁸³ отмечает, что вопрос о формах активного бойкота, собранием по существу не обсуждавшийся, есть вопрос весьма важный и сложный. Поэтому он предлагает обсудить его.

Председ. тов. **Шевич** предлагает выбрать комиссию, которая, собрав все предложения, выработает общую резолюцию. Собрание, чтобы дать руководящие указания комиссии, принимает резюме прений, предложенное тов. Соломиным. «Съезд П.С.-Р. полагает несоответствующим своим интересам вступление в предвыборные собрания путем даже временного использования законных прав в участковых комиссиях». (30 гол. за и 21 гол. — против.)

Отвергнуто большинством 28 против 20 резюме, предложенное тов. Гучиным: «Полный бойкот выборов в Думу во всех стадиях; агитация за этот бойкот повсюду, в том числе, где это удобно, и на предвыборных собраниях».

Бойкот Думы и выборов в нее принят единогласно. В комиссию по выработке резолюции выбраны: Тучкин, Карский, Горецкий, Соломин, Соболевский, Рославлев, Иванов.

ЗАСЕДАНИЯ 30 ДЕКАБРЯ 1905 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Собрание открывается товарищем Шевичем.

Товарищ **Павлов** читает протоколы двух предыдущих заседаний.

Товарищ **Соломин** предлагает, чтобы при чтении протоколов выпускали те речи, конспекты которых доставлены секретарю самим оратором. (Принято 34 против 8.)

Товарищ **Дружинин** предлагает при чтении протоколов делать поправки только о постановлениях съездов, что же касается поправок в речах, то они должны делаться частным образом, по соглашению с секретарем; и лишь в случае, если между последним и оратором возникает разногласие, вопрос выносится на заседание съезда. (Принято.)

Председатель объявляет, что на очереди доклад комиссии по выработке резолюции о Государственной Думе.

Товарищ **Соломин** (докладчик комиссии) заявляет, что комиссия единогласно постановила предложить собранию не приступать теперь же к обсуждению резолюции о Думе ввиду того, что вопрос об отношении к Государственной Думе неразрывно связан вообще с тактическими вопросами и может быть решен лишь после обсуждения этих последних в целом.

Председатель ставит на голосование предложение вместо обсуждения резолюции о Думе перейти к очередному вопросу. (Принято всеми против 5-ти.) Съезд переходит к рассмотрению проекта порядка занятий, выработанного Организационным Бюро.

Проект порядка обсуждения вопросов

1. Открытие съезда.
2. Выбор комиссии по проверке мандатов.

Перерыв.

3. Доклад комиссии по проверке мандатов.
4. Конституирование съезда и выборы бюро.
5. Выработка регламента съезда.
6. Обсуждение проекта программы.
7. Обсуждение Организационного устава.
8. Резолюции по тактическим вопросам:
 - а) Государственная Дума.
 - б) Террор: 1) политический и 2) аграрный.
 - в) Вооруженное восстание.
 - г) Временное правительство.
 - д) Революционная экспроприация земли.
9. Разные вопросы.
10. Выборы.

Закрытие съезда.

После прений принимается следующий порядок занятий съезда, предложенный товарищем Тучкиным:

1. Обсуждение Организационного устава.
2. Обсуждение проекта программы.
3. Резолюции по тактическим вопросам:
 - a) Оценка момента, вооруженное восстание, временное правительство (центральный и местное).
 - b) Террор политический: центральный, местный и массовый
 - c) Революционная экспроприация земель, казенных и частных имуществ (в частности, банков).
 - d) Террор аграрный и фабричный.
 - e) Отношение к Государственной Думе.
 - f) Отношение к партиям и к организациям (к профессиональным и профессионально-политическим союзам).
 - g) Интернациональная тактика.
4. Разные вопросы.
5. Выборы.
6. Закрытие съезда.

По принятии порядка работы съезда собрание приступает к обсуждению проекта Организационного устава, выработанного Организационным бюро съезда.

Проект прилагается:

Проект Организационного Устава Партии Социалистов-Революционеров

I. Членом П.С.-Р. считается всякий, принимающий программу партии, подчиняющийся постановлениям ее и участвующий в одной из партийных организаций.

II. Первичными организационными ячейками являются партийные группы (городские и сельские), объединяющиеся по возможности территориально. Из таких групп образуются районные: городские, окружные, уездные, губернские и областные организации, общая совокупность которых и составляет партию.

III. Основным принципом построения всех партийных организаций признается выборное начало, временным коррективом к которому, в силу конспиративных условий работы, является право кооптации.

IV. Руководящим и объединяющим органом всей партийной деятельности в пределах губернии является губернский комитет. Губернские комитеты выбираются на съездах представителей всех партийных организаций данной губернии, признанных правомочными.

Примечание. Признание правомочности вновь образовавшихся организаций низшего порядка принадлежит ближайшим организациям высшего порядка.

На губернский съезд посылают своих представителей наряду с городскими организациями одни уездные или уездные и районные группы, смотря по местным условиям.

Там, где полное проведение принципа территориальности оказывается невозможным, допускаются выборы в Комитет и по специально-профессиональным организациям.

Выбранные члены Комитета имеют право кооптации; число кооптированных членов не должно превышать числа выбранных.

Примечание. Ввиду внешних условий, городские и губернские организации могут выбирать ответственное число членов губернского комитета порознь.

Число представителей, посылаемых на губернский съезд отделыными партийными организациями, должно быть пропорционально числу входящих в них членов.

На таких же основаниях, как губернские, могут образовываться также городские и уездные комитеты или группы. В больших городах могут быть образованы специальные городские комитеты, выбираемые на общем собрании всех городских или представителей всех городских организаций. По отношению к городскому губернский комитет является высшей инстанцией.

В экстренных случаях по инициативе местного комитета или одной трети местных партийных организаций созывается общее собрание всех местных членов партий или, если это возможно, представителей местных организаций.

V Областные организации (союзы) образуются в целях руководства и объединения партийной работы в пределах своей территории. Территория областей определяется общепартийным съездом. Во главе областной организации стоит областной комитет, избираемый областным съездом представителей губернских и равноправных им городских и уездных организаций.

VI. Совет партии созывается по мере надобности по инициативе ЦК или половины общего числа областных организаций для обсуждения и решения неотложных вопросов тактики и организации, не предусмотренных партийным съездом или вновь выдвинутых изменившимися условиями жизни. Совет партии состоит из ЦК, представителей ЦО и по одному представителю от всех областных комитетов. Постановления Совета партии имеют обязательное значение для всех партийных организаций и могут быть отменены только общим съездом партии.

VII. Высшим руководящим и объединяющим органом партии является ЦК; он действует на основании директив, выработанных партийным съездом ЦК, содействует местным и областным комитетам в организации новых групп там, где их нет, или организует их сам, руководит деятельностью всех партийных организаций, разбирает конфликты между ними, назначает ответственного перед партией ЦО и представителя в МСБ, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, содействует правильному распределению сил, заведует центральной кассой партии и представляет партию в сношениях с другими партиями и организациями.

При ЦК состоят специальные комиссии или бюро: крестьянское, рабочее, военное, литературно-издательское, техническое и пр. и разъездные агенты.

ЦК имеет право распускать местный комитет и требовать новых выборов, если этот комитет существенно нарушил дисциплину партии или уклонился от программы ее. Если все местные организации одобряют поведение старого комитета, то ЦК созывает Совет партии, и если последний найдет правильным решение ЦК, то исключает из партии все эти организации и приглашает тех членов их, которые остаются верными дисциплине и программе партии, образовать новую партийную организацию и выбрать новый местный комитет.

ЦК избирается съездом партии и пополняется кооптацией.

VIII. Высшей инстанцией партии является общепартийный съезд, созываемый Центральным Комитетом или Советом партии не реже одного раза в год. Представительство на съезде имеют: ЦК и все правомочные областные, губернские и равноправные с последними уездные и городские комитеты, посылающие делегатов на основании пропорционального представительства, определяемого Советом партии. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе более половины решающих голосов.

Примечание. С правом совещательного голоса на съезде могут участвовать лица, приглашенные Центральным Комитетом.

Тов. Базаров²⁸⁴. Выработывая устав, Организационная комиссия имела в виду назревшую глубокую потребность последнего времени. На почве организационных вопросов в партии возникла масса прений и даже конфликтов, причем периферия обычно требовала проведения выборного начала в жизнь партии. Манифест 17-го октября, поманив нас «свободами», создал кажущуюся возможность для партии существовать открыто. Партия сразу встала перед необходимостью реорганизоваться на новых началах, но оказалась к этому неподготовленной и вследствие этого в период «свобод» организационные прения только усилились. На будущее время, когда вновь явится для партии возможность хотя отчасти легального существования, необходимо иметь заранее разработанный план организации. Надежды на то, что в ближайшее время партия сможет выступить вполне открыто, слишком слабы. Необходимость конспирации сохраняется. Ввиду этого Организационная комиссия выработала Устав, соответствующий сложному положению дел в России: выборное начало в уставе дополняется принципом кооптации, допустить который необходимо в качестве временного корректива. В будущем, когда обстоятельства изменятся, принцип кооптации будет устранен и организация примет вполне демократический характер.

Организационная комиссия имела в виду, что даже и настоящий устав, благодаря недавним арестам и разгрому, едва ли возможно будет ввести в жизнь немедленно; поэтому съезду предстоит задача выработать кроме этого устава еще и временные правила, необходимые для восстановления ослабленных и частью разрушенных организаций.

Тов. Железовский. Интересно было бы знать, какого же рода временные организационные начала, по мнению докладчика, нужны в настоящий момент вместо устава.

Тов. Базаров. Этот вопрос в Организационной комиссии в деталях

нее обсуждался подробно. Лично я мог бы указать на необходимость перераспределения сил и восстановления разрушенных органов партии по-старому — сверху.

Председатель предлагает разбить обсуждение устава на две части: сначала обсуждать устав в целом, а потом уже подробно по отдельным пунктам и затем, по обсуждению, выбрать комиссию для сводки всех поправок и выработки устава в окончательной форме.

Тов. Тамбовцев. При выработке устава должно преследовать разрешение следующих частных задач: а) указание и установление наиболее удобных форм взаимоотношений партийных работников и организаций и наиболее целесообразных и продуктивных способов работы; б) установление более тесной и живой связи между отдельными партийными работниками и организациями (определение обязательств и договорных отношений); в) включение в организацию широких масс трудящихся. Особенно необходимо сохранить устойчивость партийной программы и тактики, каковой устойчивости может грозить опасность ввиду частых провалов комитетов и недостаточной определенности в программном и тактическом отношении массового состава партийных работников. Я воспользуюсь своим правом взять в течение прений слово еще раз, чтобы выяснить, каким образом, с моей точки зрения, можно гарантировать организационно-партийную устойчивость.

Тов. Медведев²⁸⁵. Предложенный на наше обсуждение проект устава создавался в такой политический момент, когда некоторым из наших товарищей могло казаться, что перед партией открывается возможность если не полной, то хотя бы частичной легализации. Наша партия, как социалистическая, при свободных условиях политической жизни необходимо должна построить свою организацию на последовательно проведенных демократических началах: выборности, подотчетности и публичности. Однако уверенности в прочности приобретенных свобод у составителей проекта не было; они допускали, очевидно, вероятность возвращения правительства на путь репрессий, что вызвало бы и партию на возобновление свойственных ей приемов борьбы с деспотизмом, — а для успешного ведения такой борьбы партийная организация непременно должна быть конспиративной и централистической. Оба эти начала — демократизм и конспиративность — непримиримы, а между тем проект устава пытается их примирить и создать организацию, удовлетворяющую обоим противоположным требованиям. В результате получился проект с обеих точек зрения одинаково неудовлетворительный и практически в настоящий момент совершенно неосуществимый. Для иллюстрации своей мысли оратор подробно рассматривает пункт IV проекта и доказывает его полную неприменимость к жизни. Оратор указывает на то, что в действительности губернские комитеты возникают одним из трех способов: или самородно, или по назначению от ЦК или ОК, или, наконец, путем избрания членов комитета небольшим числом городских организаций. Все эти способы возникновения комитетов в различных случаях являются одинаково необходимыми, и требовать непременно выборности было бы насилием над жизнью. Еще

менее возможно применение выборного начала при необходимости быстро пополнить состав разгромленного комитета, а между тем погромы при наступившей реакции будут происходить постоянно. Мы должны считаться с тем, что реакция собственно в данный момент ставит перед партией на первый план ее боевую задачу, и все усилия партии должны направиться к тому, чтобы выполнить эту задачу успешно.

В заключение оратор предлагает съезду выработать устав на широких демократических началах, без каких бы то ни было уступок в сторону конспиративности и централизма, но устав этот, ввиду особенностей переживаемого момента, не вводить в действие теперь же, отсрочив это до наступления благоприятных политических условий. Для организации партийных сил в настоящий боевой момент оратор предлагает выработать тут же на съезде временное положение на началах строгой конспиративности.

Тов. Ладожский²⁸⁶ указывает на полную несовместимость двух начал в организационном уставе — выборного и конспиративного. Или дверь должна быть совсем открыта, или совсем закрыта. Чтобы стать партией рабочей, чтобы охватить народные массы, необходимо широкое проведение демократического принципа. Но в то же время теперь необходимо и сохранение многих строго конспиративных функций. Выйти из этой дилеммы можно только одним путем. Партия должна разбиться на две обособленные параллельно действующие организации: 1) конспиративную организацию всей боевой деятельности и 2) открытую демократическую организацию широких народных масс.

Тов. Фирсов²⁸⁷ предлагает разделить устав на две части — обязательную и необязательную. Обязательными для всех комитетов должны быть правила о сношениях между комитетами и об отношениях Центрального комитета к местным. Необязательным должен быть план местных организаций, который необходимо должен приспособляться к разнообразным и неодинаковым местным условиям.

Тов. Железовский. Провести выборное начало в настоящее время почти совсем невозможно. В этом направлении можно сделать лишь следующее. Комитеты по-прежнему организуются сверху, но различные группы комитетской организации посылают в комитет своего выборного представителя. Комитету предоставляется при этом право в некоторых крайних случаях налагать на выборы групп безапелляционное вето. Некоторые из низших групп могут быть всецело основанными на выборном начале, напр. рабочий союз. Далее Устав должен точно установить взаимоотношения между всеми местными группами, чтобы таким образом устранить постоянно возникающие между ними трения.

Тов. Красова. Все возражения против выборности начинаются словами: «в нынешний революционный момент» и т.д. Устав ведь вырабатывается не для одного момента, а как принцип для более или менее нормального времени. Когда надо идти на баррикады, организуют боевые отряды, и тогда не до уставов, но в обыкновенное время нужно вызывать самостоятельность масс, а этого можно достигнуть демократизацией организационного устава. Возражают, что при выборности попа-

дут в организации люди, недостаточно знающие программу, но разве организация сверху гарантировала нам чистоту и однообразие программы? Нет! — чистота партийных мнений от выборности может только выиграть, ибо в главари партии попадут люди наиболее популярные в массах, лучшие практики, убежденно проводившие партийные взгляды в жизнь. Теоретики не так важны в практических организациях, они могут проводить свои взгляды в литературе; важны организаторы, практические деятели... В больших городах выборность можно проводить по районам, где работники обязаны знать друг друга. Выборность вносит единообразие работы, поднимает жизнеспособность молодых работников, ибо дает возможность всякому хорошему работнику попасть в организацию, выборность уничтожает конфликты между работающими, что наблюдалось у нас за последнее время. Кооптацию можно допустить только для тех, кто по конспиративным условиям не может быть популярен в массах, но в то же время ценен как работник; количество кооптированных не должно превышать количество выборных. Весь боевой отряд может быть организован сверху (боевая дружина для специальных целей, боевая организация) и быть строго конспиративным. Но масса должна быть организована снизу, ибо только при такой организации мы сможем руководить ее борьбой.

Тов. **Рошин** (за себя и другого представителя Московского комитета). Благодаря конспиративным условиям, неполное развитие принципа демократизма в организации партии неизбежно. В этом отношении я в общем присоединяюсь к предложенному Организационным бюро проекту устава. Но при попытках сделать его партийно-обязательным я должен считать его не только неудачным, но даже вредным по следующим основаниям: 1) он является только уставом будущего, будучи совершенно непригодным для настоящего, которое неизвестно сколько долго будет длиться; 2) в нем смешано обязательное (необходимые основы организации) и желательное, если позволят условия (примерный устав); и вторая часть, будучи по шаблону проводима вне зависимости от местных условий, неизбежно вызовет крайне вредные прения. Можно надеяться, что единство партии впрямь будет создано не единообразием устава местных организаций, а живым единством взаимодействия между партийными группами и учреждениями. Поэтому я предлагаю разделить устав на две части — одну общеобязательную, другую необязательную. Первая включает в себе: а) установление общих понятий «партии» и «организации»; б) установление и границы партийных принципов, напр. партийной дисциплины, демократизма, автономии, контроля сверху вниз и снизу вверх, самостоятельности масс и пр.; в) установление сферы компетенции и взаимоотношений между ЦК, ЦО, БО, Советом партии, областными комитетами и местными комитетами. Вторая часть, необязательная, предполагает, что устав и строение местных организаций создаются соответственно местным условиям, местными же организациями с санкции ЦК. Если будет у съезда время, эта вторая часть должна быть разработана в двух направлениях: с одной стороны, примерный устав для местных организаций; с

другой стороны — необходимые общие руководящие начала для деятельности, нечто в виде общей инструкции по организационным вопросам.

Тов. **Карпенко**²⁸⁸. Наряду с ЦК и областными центрами, по уставу далее должны быть организованы местные губернские комитеты. Эти последние, по моему мнению, не могут быть сплошь выборными. Они должны состоять частью из выборных, частью из назначенных сверху. Таким образом будет установлен контроль над местной деятельностью и связь с высшими органами партии. Как комитетам, так и комитетским организациям должно быть предоставлено возможно больше самостоятельности.

Тов. **Соломин** принципиально соглашается с предложенным Организационной комиссией Уставом, но находит, что в Уставе недостаточно разработаны вопросы о взаимоотношениях местных групп с комитетом и не выработан план элементарных партийных ячеек (рабочего союза, крестьянского союза и т.п.). Затем оратор указывает на то, что ЦК должен являться руководящим органом партии, чего до сих пор, в сущности, не было. Современный момент совершенно неудобен для проведения в жизнь выборного начала, и поэтому необходимо два устава: один строго конспиративный и централистический для настоящего момента и другой — демократический, который при первой же возможности должен быть немедленно введен по всей линии.

Тов. **Нижегородский**. Нижегородский комитет решил обсуждаемый вопрос таким образом: признать принципиально необходимость выборного начала, но представить местным организациям решение вопроса, когда и поскольку его применение возможно и целесообразно. При этом возникло разногласие: какого рода «организация» должна решать этот вопрос — сумма ли всех организационных ячеек, объединенных комитетом, или только самый комитет, ведущий всю революционную работу в губерниях? В первом смысле высказалось 5 членов, во втором смысле — 4.

Тов. **Тамбовцев**. Организационный вопрос является еще далеко не продуманным в широких кругах массовых членов партии, и в его решении часто много тормозит смешение таких понятий, как, напр., партия и организация, или общая и специальная организация. Я разделяю общую организацию, так сказать государственную, от организаций, выполняющих специальные функции. В общем уставе должна быть, несомненно, полная централизация в деле идейного и тактического руководства партийной работы. Коррективом к этому, обеспечивающим согласие директив из центра с мнениями и стремлениями большинства партийных работников, является выборность и подотчетность ЦК.

Центральный комитет — полный хозяин и распорядитель партийной работы, но он избран на партийном съезде, что обеспечивает в нем представителя мнений большинства, и он подчиняется решениям партийного съезда, что и гарантирует соответствие его директив стремлениям большинства. Аналогично ЦК образуются областные комитеты и областные съезды, а также и губернские комитеты, уездные группы и волостные союзы. Первичной ячейкой является сельский союз. Как

примирить включение в союз всех крестьян или рабочих с требованиями, обычно предъявляемыми к организации партийной? Собственно партийной первоначальной ячейкой является не общий союз, а выбранный союзом совет. Этот совет должен быть из членов партии и должен получить санкцию правомочной на это партийной организации. Это гарантирует его партийность и вместе с тем обеспечивает более или менее от возможности уклонения всего союза от партийности.

Тов. **Корсаков**²⁸⁹ просит съезд обратить внимание на настоящий момент, в который приходится вырабатывать устав. Оратор, как и все участники съезда, в принципе за самую широкую демократизацию партийных организаций, но полицейские условия таковы, что о демократизации партийных учреждений в настоящий момент не может быть и речи. Настоящий момент боевой, и все силы партии должны быть организованы в боевой порядок. Партия должна выступить в данный момент единою, организованною и скрепленною железной дисциплиной. Поэтому и устав для данного момента должен быть строго централистическим и приспособленным к конспиративным условиям. Будут иные условия, допускающие широкую демократизацию партийных организаций, — будет выработан и другой устав. Корсаков категорически высказывается против выработки двух параллельно действующих организационных уставов. Это разнообразие в построении партийных организаций внесет хаос и дезорганизацию в партию в тот момент, когда более, чем когда-либо, нужны единство и сплоченность партии. Устав должен быть один, приноровленный к данному моменту, и именно таков, как указано выше.

Тов. **Гурьянов**. Деятельность партии разделяется на две части: 1) разрешительную и 2) созидательную. Вторая часть — стремление партии воплотить в жизнь определенную идею — требует тщательного подбора адептов, с чем трудно согласовать демократизацию организации. Первая же сторона деятельности в настоящий революционный момент привлекает к партии массу людей, более или менее равнодушных ко второй стороне, и если они будут участвовать в обсуждении программных вопросов, то это отразится на чистоте программы; участие же их в обсуждении тактических вопросов необходимо и законно, так как они участвуют в повседневной борьбе. Следовательно, нужно получить эти два противоположных требования организации. Я предлагаю оставить комитет, расширив его количественно, как охранителя чистоты программы, невыборным, но в комиссиях при комитете (крестьянских, рабочих, технических и пр.), ведущих повседневную борьбу, выборное начало надо провести до конца и расширить компетенцию этих комиссий в тактических вопросах.

Тов. **Старков**²⁹⁰. Кристаллизованного устава организаций не должно быть; план организации должен постоянно меняться в зависимости от места и времени. Необходимо только установить принципы организации. Для этого прежде всего следовало бы: 1) изложить все уставы организаций, которые действовали до сих пор; 2) разобрать недостатки этих организаций и 3) отсюда же вывести все поправки, какие должны

быть сделаны в плане организаций. Для всех этих трех задач необходимо избрать три комиссии.

Тов. Тучкин. Происходившие здесь споры нередко противопоставляли друг другу два принципа: демократизации, или построения всей организации снизу вверх, и централизации, или подбора партии сверху вниз. Два эти принципа на первый взгляд совершенно противоположны и непримиримы. Выработка компромисса между ними кажется заранее обреченной на неудачу. Нельзя примирить непримиримого. Так и смотрят некоторые товарищи, причем одни высоко ценят преимущества централизма, другие — демократизма. Однако резкая противоположность между ними, думается мне, значительно смягчается целым рядом обстоятельств. Во-первых, преимущества двух систем приходится брать в связи с различными основными периодами в жизни, в истории партии. Самые яростные сторонники демократизма согласятся, что в свое время, при первоначальном складывании партии, подбор сверху был единственно возможным и плодотворным принципом. Образовалась группа энергичных и убежденных людей, выступавших инициаторами образования партии. Успешно выполнить свою работу они могли, лишь выставив совершенно определенную программу, лишь подкрепляя эту программу не менее определенной тактикой. В среде, где господствовало другое направление, в среде, где элементы будущей новой партии были разьединены, ослаблены, иногда идейно деморализованы, было необходимо вербовать надежных, стойких агентов, образовать постепенно твердый и прочный скелет, который затем постепенно обрастал бы и облекался плотью и кровью. Только подбор сверху, подбор осторожный, умелый и мог в это время создать то хотя немногочисленное, но хорошо сплывшееся целое, которое могло бы вынести на своих плечах все трудности, связанные с первыми шагами выступающей под перекрестным огнем врагов партии. Повторяю, принцип централизма показал здесь все свои сильные стороны. Не следует, однако, на этом основании слишком ревниво держаться за них, возводить подходящий в известную эпоху организационный метод в незыблемую и всеприложимую догму. Вопросы организационные не суть вопросы логически стройного развития того или другого формального принципа. Организация должна быть гибка, должна обладать приспособляемостью к росту партии. В этом отношении каким бы нарушением симметричности организации ни являлись первые слабые шаги в смысле децентрализации, взвешивать их значение нужно практически, а не априорно-логически. То же относится и к принципу демократизма. В настоящее время мы уже вышли из периода подбора партии сверху. Партия создавалась, она возросла, окрепла, стала на ноги; она широко охватила своим влиянием массы; ей давно пора расширить свою организацию так, чтобы в нее легко и свободно влились эти массы; партия достаточно созрела для того, чтобы организация ее сложилась широко и открыто, снизу вверх. Если за нами позади осталась эпоха исключительного централизма и подбора сверху вниз, то перед нами впереди виднеется эпоха полного демократизма. Партия по своим внутренним силам созрела

участие в этом большинстве хотя бы одного члена комитета — рабочего. При проведении начала выборности в жизнь встретились значительные, местами непреодолимые препятствия и затруднения. Если в некоторых городах выборы прошли удачно в смысле избрания наиболее подходящих и ценных работников, то в некоторых других городах принцип свободных выборов не мог быть проведен из-за неподготовленности рабочих и пропагандистов к получению выборных прав. Выборы хотя и были проведены, но старым комитетам в некоторых местах пришлось в широкой мере использовать свое право исключения из числа выбирающих неподходящих, по их мнению, пропагандистов. Вообще комитетам пришлось производить сильное местами давление на выборы для получения соответствующего результата. Отношения между местными и областными комитетами характеризуются правом ОК вводить в подведомственные комитеты новых членов, но не из числа находящихся на местах работников, а из тех вновь прибывающих, которые вследствие своего отсутствия не могли быть избранными; члены ОК входят в комитеты в качестве их полноправных членов, даже если работа не позволяет им долго оставаться на данном месте и тем самым заслужить право участия в комитете. Областной комитет выбирается съездом, намечающим также кандидатов для замещения выбывающих членов. ЦК имеет право вводить новых членов в ОК не из областных работников. ОК выбирается ежегодно собирающимся партийным съездом (областной съезд состоялся в ноябре, когда свободные условия работы давали основание считать такие ежегодные партийные съезды возможными). Партийный же съезд намечает кандидатов для замещения выбывающих членов ЦК.

ЦК выделяет из среды своих членов главного редактора Центрального Органа и следит за тем, чтобы последний действительно отражал в себе партийную жизнь и соответствовал духу принятой партийным съездом программы и тактики. Члены или агенты ЦК должны постоянно находиться в числе не менее одного в каждой области для установления непосредственной связи между областями и руководящим партийным органом ЦК и для осведомления последнего обо всем происходящем на местах. Не менее четырех раз в год должны быть совещания ЦК с представителями от областей, по одному человеку от области. При необходимости должны быть экстренные совещания представителей областей и ЦК.

Тов. **Павлов** полагает, что осуществление принципов, на которых должен быть основан устав, находится в зависимости от распределения общественных сил и от тактических приемов общего режима. И раньше партия с.-р. должна была пользоваться конспиративными приемами, и теперь устав должен сохранить конспиративное начало с установлением, между прочим, права кооптации. О последнем в уставе упомянуто, но составители требовали согласовать его с выборным началом. Если уж вводить и выборное начало, и право кооптации, то это должно быть одинаково распространено на все комитеты, а между тем дозволяемое уставом для ЦК не допускается для местных комитетов. Именно, ЦК

пользуется правом неограниченной кооптации, в местных же комитетах число кооптированных не должно превышать числа избранных членов. Высказанное одним из товарищей мнение, что следует иметь два устава, один для ближайшего боевого периода, а другой на будущее время, в случае изменения условий партийной работы, должно быть отвергнуто: мы должны высказываться против всякого дуализма, а тем более плюрализма.

Тов. **Шукин** не находит возможным согласиться с тем, кто называет устав демократическим; ничего демократического предложенный устав не вносит, он — просто выражение организационного принципа, проводимого в жизнь. Тов. Шукин указал, что настоящий момент преходящий, что, когда он окончится, то тогда будет реализован и устав. Думает ли тов. Тучкин, что реакция скоро уступит настолько, что мы сможем легализоваться? Едва ли это так; рассчитывать на легализацию в скором времени мы не имеем основания. Строить одновременно два устава — временный и постоянный — нет надобности.

Тов. **Тургенев**. Я решительно высказываюсь против предложения некоторых товарищей о необходимости выработки двух организационных уставов — одного для легальной части партии, другого для подпольной. Это чрезвычайно опасно, т.к. может повести к разрыву партии на две части, совершенно разнородные не только организационно, но и по существу. Устав должен быть один, построенный на демократических началах. Я полагаю, что предложенный проект Организационного устава никакой двойственностью не страдает. В основу его положено выборное начало, кооптация же допущена только временно, в силу неизбежных условий конспиративной работы. Я разделяю мнение, что право кооптации должно быть минимальным на нижних ступенях организации и возможно максимальным на верхних.

Тов. **Шукин** (продолжает свою речь, получив от председателя разрешение воспользоваться дополнительным словом). Здесь говорилось, что устав выработан в расчете на будущее время, а между тем в нем есть один пункт, прямо указывающий, что он предназначен для настоящего времени, а не для будущего: это пункты, касающиеся избрания ЦК, членов которого никто не должен знать. Мы прежде всего должны иметь в виду настоящий момент, должны проводить жизненные принципы. Необходимо, чтобы периферия могла работать, не отказываясь от партии; партия же должна выдвинуть принцип выборности, так как массы работников перестают питать доверие к теперешним центрам. Группы пусть объединяются так, как указывает жизнь, центр же необходимо избрать здесь, на съезде, — и тогда партия будет пользоваться доверием. Еще задача съезда — поднять настроение партии и... (ввиду истечения определенного срока речь товарища остается незаконченной).

Тов. **Рождественский**²⁹¹. Мне кажется, что в происходивших прениях остался невыясненным один вопрос, одна сторона осталась в тени. Много говорилось о том, что устав обладает двойственностью, что выставленные в нем два начала противоречат друг другу, одно другое парализует. Это справедливо, но противоречие лежит глубже: оно корен-

нится в вопросе о существовании партии конспиративной или открытой. В партии конспиративной выборность мало изменит ее характер. Наша жизнь пришла к моменту, когда требуется выступление открытой политической партии, но устав обходит этот вопрос. Между тем можно не сомневаться, что только такая открытая партия, организованная на демократических началах, что только она может создать новые формы жизни. Разрушительная работа может еще производиться небольшими группами, работа же созидательная должна совершаться большими организованными массами — и такая работа нам предстоит. Дело не только в низвержении существующего порядка, но и в созидании нового. Теперь мы должны заняться собиранием живых сил, и только те, которые соберут народные силы, только они и могут рассчитывать на успех. Кто останется с кружками, те останутся в стороне. Только организованная народная сила может создать партию, и к этому должны быть направлены все усилия. Что касается возражений против организации такой партии, то они не выдерживают критики. Говорят: если мы допустим принцип выборности, то сохранится ли единство партии? Насколько серьезны такие опасения? Предлагают опеку над народом, предлагают, чтобы комитеты следили за своей пастью, не допускали к себе «еретиков». В этом ничего нет ни революционного, ни социалистического. Это, напротив, извращение социализма. Гибель той партии, которая возьмет на себя такую опеку! Можно обратиться к фактам. Теперь организация централистическая, но разве программа хранится в чистоте всеми членами партии и нет в середине ее программных разногласий? Каждый, кто следит за литературой, знает, что это не так: в партии есть разные оттенки мнений. Говорят, что нужна «железная дисциплина» и потому невозможна демократически организованная партия. По-моему, наоборот, такая дисциплина существует там, где существует свобода сговариваться, в не приказ. Что касается масс, то с ними на почве конспиративной организации ничего нельзя сделать. Относительно привлечения масс выставлено возражение, в котором сквозит мысль, как бы не ослабело настроение партии. Это возражение серьезно. Сейчас действует организация бойцов, не партия. Создавая партию, мы привлечем массы, у которых нет подобного настроения, но, по-моему, этого нечего бояться. Когда говорят о создании партии, необходимо установление известных принципов; далее, всегда есть в партии люди, у которых нет настроения; оно существует у авангардов, а за авангардами стоят массы. Всякое настроение ищет себе выразителей — все равно, у консерваторов, у умеренных, у революционеров, — везде руководителем тот, кто наиболее выражает настроение данной группы. Некоторые перемены, конечно, произойдут; руководящие лица будут чувствовать ответственность перед массой, должны будут соотноситься с требованием массы, когда эта масса будет смотреть на каждый шаг партии. Такая партия могла бы сейчас создаваться, и если бы была создана, то сыграла бы могущественную роль в настоящий исторический период. Пока партии нет, такая роль не под силу. Речь идет не об одном выборном начале; это сравнительно мелочь; речь может идти

только о том, переходить ли на путь открытой политической партии или нет. Говорили, что момент неудобен для создания такой партии, но ведь гонения правительства и раньше не останавливали работников, и раньше было много жертв. Теперь же партия предстоит громадное дело, и перед реакцией не следует останавливаться; понесенные жертвы окупятся достигнутыми результатами.

Тов. **Турский**²⁹². В настоящее время чувствуется необходимость в переработке организации, но наряду с этой необходимостью есть еще другая. Партия растет. Вокруг нее всегда была сочувствующая среда, теперь же в этой среде идет дифференцировка; эту сочувствующую среду надо организовать в интересах не только работы будущей, но и борьбы настоящего времени. Теперь везде играют роль массы, и с одним сочувствием далеко не уйти. Затем партия не всегда могла быть в курсе, как настроена масса хотя бы по вопросу о забастовке; уверенности в направлении массы не было, было только угадывание, как эта масса чувствует. Надо сплотить массу. До сих пор прискивали по одному человеку; когда будет организована масса, она сама начнет выделять силы в интересах борьбы, выделять пропагандистов. Массу нельзя связать с конспиративной организацией, вовлечь в конспирацию. Единственный путь — это указанный тов. Ладожским: существующую организацию конспиративную надо сохранить, а рядом с ней строить другую. Говорят, что сейчас это несвоевременно; но после 17-го октября был период, когда этого не сказал бы никто, и мы тогда, предвидя реакцию, настаивали перед Цент. Ком. на организации открытой партии. Цент. Ком. не решился тогда взять на себя ответственность за это и отказался. Но такая работа может идти и теперь, в настоящее трудное время: может опубликовываться программа, может идти постепенная организация партии. Может быть, правительство и выхватило бы жертвы, но это неважно; зато масса поняла бы, что ищут теперь не отдельных работников, а всю массу. Здесь были опасения, что такая новая партия разошлась бы с существующей организацией. Это, конечно, было бы большим ударом. Действительно, если оставить существующую организацию, а ту массу предоставить самой себе, то они разойдутся. Но мы полагаем, что за организацию новой партии должны взяться люди, стоящие во главе существующей организации; если они возьмутся за это, то они и придадут новой партии необходимую окраску, создадут настроение, и тогда должна будет определиться равнодействующая обеих организаций. Надо сохранить существующую организацию, улучшить ее, как деловую, и в то же время, пользуясь имеющимися силами, создать организацию новой, большой партии. Здесь, в деловой партии, члены связаны дисциплиной; там, в новой партии, такой дисциплины пока (до окончательного формирования) не будет. Зато, когда масса организуются и обратится в партию, она будет иметь громадную силу.

Тов. **Соболевский**. Я должен протестовать против обвинений, что мы боимся народа. На народ сосредоточены все наши мысли, и мы его никогда не боялись. Уже 35 лет, как русская социально-революционная партия обратилась к массам, сначала к городскому пролетариату, затем

к крестьянству, неся знамя «Земли и Воли». Нас ли обвинять в желании навязать что-либо народу? Нам говорят, что мы так законспирировались, что народ нас не знает. Но откуда же началось движение, откуда возникло движение рабочих и крестьян? Не те же люди, которые якобы боялись за свою чистоту, сделали это, не они ли шли в народ? Для нас всех ясно, что мы могли бы быть сильнее в качестве открытой партии. Мы всегда к этому стремились; при самых тяжких условиях мы все-таки передавали массам социалистические идеи. Конечно, это было соединено с конспирацией, но чем дело стояло ниже, тем конспирация была слабее, и чем дело выше, тем конспирация сильнее. Когда движение сделалось более широким, когда были завоеваны массы рабочих и крестьян, тогда мы пришли к убеждению, что надо стараться связать массы с партией (я настаиваю, что мы именно партия, а не какой-либо союз). Остановившись на вопросе о закреплении массовой организации, мы очутились перед двумя задачами: с одной стороны, очень широкие массы можно связать только территориально при условии организации на демократических началах. Все организации должны объединиться и образовывать волостные, уездные, губернские союзы, а проект Организационного устава на этом принципе и был построен, т.е. на принципе территориальности. С другой стороны, мы полагаем, что при теперешних условиях сделать это крайне трудно, так как правительство может рассеять такую широкую организацию, изъяв все открытые выборные центры. Вот почему мы пока сохраняем закрытую организацию и потому не всецело демократическую. Но выборное начало мы вводим в нее все больше и больше. Конечно, выборное начало не есть еще демократизм, но на этом никто не настаивает; пусть выборное начало проводится там, где возможно. В уставе есть, конечно, недостатки, но я протестую против создания двух одновременно действующих уставов, создания двух партий — так сказать, одной для работы, другой для сочувствия, хотя бы и «открытого». Это поведет только к разложению. Устав, предложенный съезду, даст всем полную возможность организоваться, сплотиться. Теперь — фактическая поправка. Тов. Турский сказал, что ими было предложено Ц. К-ту организовать открытую партию и что ЦК не соглашался, сказав, что он не имеет на это полномочий. Это сообщение верно, но с той лишь поправкой, что нам предложено было создать не открытую организацию партии социалистов-революционеров, а особую параллельную ей **народно-социалистическую** партию, и мы, конечно, не могли это сделать без съезда. Мотивы были ясны: мы не имели права создавать новую партию вообще, и в частности такую, которая пользовалась бы работой первой, уже давно созданной партии.

Список ораторов, закрытый ранее по постановлению собрания, исчерпан.

После некоторых замечаний членов съезда о порядке дальнейшего обсуждения вопросов слово предоставляется тов. Рождественскому для личного замечания.

Тов. **Рождественский**. Я просил слово в целях одного объяснения личного характера. Мне крайне жаль, что тов. Соболевский увидел в

моих словах какое-то обвинение. Никаких обвинений не было, унижить существующую организацию я и не думал; говорил я, основываясь на речах товарищей, и точно цитировал эти речи.

Тов. **Тучкин** ввиду нового, возникшего среди прений вопроса о поступившем в ЦК предложении организовать новую партию, об ответе ЦК и о возможности в настоящее время организовать рядом с П.С.-Р. аналогичную открытую партию предлагает снова открыть список ораторов специально по этому вопросу.

Прежде чем осуществить это предложение, председатель тов. **Соломин** предоставляет заключительное слово докладчику комиссии по выработке Организационного устава.

Тов. **Базаров**. Предложенный проект устава вызвал столько замечаний и возражений, что исчерпать все сказанное нет возможности. Я сгруппирую все, не упоминая об отзывах отдельных товарищей. Значительная часть возражений вызвана недоразумением; именно, многие предполагали, что устав решено вводить немедленно, невзирая ни на какие условия места и времени; но Организационное бюро и понимало предложения в таком только смысле, и я уже раньше заявлял, что бюро просит не смотреть на проекты как на такие, которые необходимо вводить при всяких условиях. К этому не везде можно приступить до изменения различных условий. Но в то же время бюро полагало, что к введению устава следует приступать при первой же возможности, не ожидая наступления полной свободы, а как только пройдет теперешнее хаотическое состояние. Бюро и не считало этот устав пригодным для периода широкой свободы, а приспособляло его для периода свободы умеренной. Здесь ставился вопрос: нужен ли вообще устав? Предлагалось отклонить выработку его до наступления момента полной свободы. Организационное бюро не согласно с этим. Созвать съезд не так-то легко, на созыв его уйдет масса времени. Другое предложение — выработать два устава, один для настоящего времени, другой для будущего. Организационное бюро предвидело возможность такого мнения и предпочло выработать проекты, не приуроченные к какой-либо одной свободе, а пригодные ввиду известной эластичности для периода всякой свободы.

Параграфы устава предоставляют местным организациям возможность полного переустройства. Предусмотреть, какой будет режим, нельзя, а надо было создать для устава широкие рамки, а затем уже деятельность организации может направляться особыми инструкциями. Организационное бюро считалось с раздававшимися отовсюду требованиями — требования же сводились к необходимости проведения выборного начала. Больше всего вызывает недоразумение § IV проекта Устава, определяющий состав комитетов. Этот параграф должен быть и мог вызвать много недоразумений. Я не буду подробно обсуждать его, скажу только, что здесь были предусмотрены различные местные условия. Напр., съезды могут быть устроены не везде, а там, где такие организации существуют. Если теперь еще не везде организации имеются, то скоро будут везде. Не только города, но и сельская периферия требу-

ет голоса в партии, и с этим надо считаться. § IV составлен в таких выражениях, что может быть приложен к различным условиям. Затем, при проведении принципа выборности бюро должно было считаться с условиями конспирации. Оно ввело многостепенные выборы вопреки четырехчленной формуле; это одно из ограничений, другое — принцип кооптации. Установить количество степеней при многочисленных выборах было крайне трудно, и здесь бюро полагало предоставить простор местным организациям. Вводить вполне определенные порядки, выливать все в прочные, затвердевшие формы бюро считало рискованным, почему и признало желательным предоставить часть самим местным организациям в зависимости от условий момента и времени. С таким коррективом — многостепенность выборов и право кооптации — бюро находит возможным введение проекта устава даже при современных условиях, при теперешнем режиме, в частности — проведение выборного начала. В заключение упомяну об иронии, направленной против партии за введение какого-то будто бы надзора за состоянием умов; эта ирония могла возникнуть только на основании параграфа о праве ЦК распускать местные комитеты, только этот параграф и мог дать повод. Я полагаю, что не только в церкви может существовать отлучение; оно должно иметь место и в партии в случаях отпадения не только в мыслях, но и в действиях, т.е. в случаях нарушения партийной дисциплины и разрушения партийного единства. При большей благожелательности к партии каждый сказал бы, что у партии нет нетерпимости, а есть самая широкая терпимость при условии подчинения меньшинства большинству, при соблюдении партийной дисциплины, отсутствие которой означало бы разброд.

Председатель, товарищ Соломин, резюмирует вкратце прения и, наметив основные высказавшиеся течения, ставит прежде всего на голосование поддерживавшееся многими предложение — передать проект Устава, предложенный бюро, в особую комиссию. Предложение принято.

Тов. **Тучкин** предлагает подвергнуть обсуждению вопрос, выдвигаемый группой товарищей, имеющих совещательный голос, об организации новой партии.

Тов. **Корнев**²⁹³ Я дополню уже высказанные товарищами соображения, восстановив историческое происхождение проекта.

Вопрос возник следующим образом. Когда обстоятельства сложились так, что явилась потребность в деконспирировании партии существующей, в выступлении на сцену широкой открытой партии, тогда и было сделано предложение Ц.К.-ту. Тов. Соболевский говорил о 35-летнем периоде работы.

Вы знаете, что существовал целый ряд преемственных организаций, была долгая работа всей русской мысли, и началось это много раньше, чем 35 лет тому назад. Не было концентрации, но самое направление существует уже давно. Усилия многих людей нужно было использовать так, чтобы около этого направления, около выставленного им знамени сгруппировать возможно большее количество сил, привлечь все силы народа. Как это сделать? Можно ли утверждать, что, какова бы ни была

конспирация, организация сможет собрать вокруг себя все возможные силы? Конечно, этого не могло бы быть. Вокруг всякой конспиративной организации может быть подбор только единиц; большие группы должны создаваться не путем именного подбора, а путем сделанного в массы клича — собираться вокруг знамени. Большая партия может быть только открытой. И вот тогда-то было сделано предложение создать открытую партию, без конспиративного начала. Но успеха эта новая партия могла бы достичь лишь тогда, когда проявилось бы активное участие в ней, в самом ее создании, представителей уже существующей партии с.-р. Та новая партия не могла бы даже создаваться, если бы с.-р. не приложили бы к этому своих усилий. С другой стороны, существующая партия с.-р., оставаясь прежней, не может привлечь в свои ряды массы. Не предполагалось создать какую-то неопределенную партию, а шла речь об установлении общих с партией с.-р. принципов. Далее вовсе не предполагалось, что будет существовать прежняя партия, а новая будет ее утилизировать. Все предполагалось сделать в интересах дела, в интересах страны.

Тов. **Соболевский** спрашивает, стала бы новая партия называться партией Социалистов-Революционеров.

Тов. **Рождественский**. Нет, но дело не в названии. Партия с.-р. трансформировалась бы в другую и приняла бы и другое название, но и новое название совершенно не означало бы, что партия и по существу становится иной. Она бы имела органическую связь с существующей партией с.-р., и основная аргументация в пользу этого пока не опровергнута. Другой вопрос, когда было бы своевременно приступить к созданию новой партии. Теперь это может быть делом очень затруднительным, но, по-моему, все-таки возможно и теперь.

Тов. **Шевич**. Я думаю, что предложение об образовании новой партии могли бы сделать, только исходя из положения, что у нас нет программы. Мы с.-р., мы — организация боевая, с заслугами, но партией нас почему-то не признают, может быть, потому, что у нас нет определенной, формально принятой и утвержденной программы. Да, в этом начальном смысле слова, программы у нас нет, но в действительности она у нас есть, и это доказывает не только деятельность партии с.-р. в течение пяти лет в России, но и положение ее в рядах интернационального социализма. Нельзя смешивать программной определенности с наличием формально утвержденного краткого текста. Я заявляю, что я против превращения нашей партии в какую-то открытую. Наша партия — партия, организующая народную революцию, и мы можем выступить, когда мы, так сказать, окристаллизуемся в открытую партию при наличии необходимых политических свобод. Здесь предполагают, что, если мы будем иметь возможность создать параллельную открытую организацию, то дисциплина временно в ней должна будет отсутствовать. Это ошибка. Что же это за партия, которая хотя бы временно остается без дисциплины? Ее открытый характер не основание. Из 24-х стран, входящих в Интернационал, Россия единственная страна с конспирацией, в остальных 23-х все партии строго организованы и

строго дисциплинированы и даже подчиняются международной дисциплине, как это доказала во Франции партия жоресистов²⁹⁴. Предполагают, что в открытую партию смогут войти самые различные элементы, ныне стоящие в стороне. Это недоразумение; если мы его допустим, то убьем нашу существующую организацию, не создав ничего прочного, нового, и тогда на наше место встанет исключительно партия социал-демократов. Если речь идет о людях нашего направления, которые, по-видимому, тяготеют к социалистической дисциплиной, то ведь они могут существовать как литературное направление, не образуя новой партии. Каждый оратор или писатель может иметь громадное влияние; для этого никакой партии им не надо... В речах говоривших товарищей я уловил еще одну тенденцию, против которой я протестую. Я считал бы унижением для партии доказывать, что борьба классов — необходимый исходный пункт для всякой социалистической партии. Я утверждаю, что является ошибкой указание не на 35 лет нашей предыдущей деятельности, а на период Екатерины²⁹⁵ и Радищева²⁹⁶. Ходжение в народ ведет происхождение от Бакунина²⁹⁷, Маркса, Интернационала, основным началом которых была именно борьба классов. (Из «группы» задают вопрос: «А Лавров²⁹⁸? А Желябов²⁹⁹?»). Лавров говорил, что до создания «Исторических писем»³⁰⁰ он находился в заблуждении и что лишь после знакомства с Варленом³⁰¹ и Марксом уяснил истинный базис для убежденной личности — борьба классов, а на первом съезде Интернационала в 1889 г. в Париже Лавров закончил свой доклад словами: «Да будет всем поколениям русских социалистов свято имя Маркса». А Желябов на суде говорил о той светлой эпохе своей жизни, когда он работал среди рабочих, а работал он на почве борьбы классов, как это всем известно. Я считаю желательным, чтобы кадры нашей организации расширились, расширился доступ в рабочие массы, чтобы это совершалось естественным путем, чтобы кадры партии были лучше, чтобы программа была более ясна, чтобы мы вошли в рабочие массы носителями рабочего социализма, и мы должны обсудить устав, дающий силы представителям партии. Каждый из присутствующих является центром; следовательно, вам надо выработать устав, вытекающий из постоянных целей партии с.-р. Если требуется изменение устава, изменяйте его; если где можно ввести выборное начало, это только укрепит организацию. Сохраните конспиративность, но помните всегда, что мы партия борьбы классов, а не какая-то «народная», не какая-то расплывчатая масса. (Аплодисменты.)

Тов. Рождественский. В словах тов. Шевича есть два недоразумения. Во-первых, он протестует против тех, кто говорит, что у с.-р. нет программы, но ведь только о формальном отсутствии программы и шла речь. Все говорили, что новая партия должна быть организована на основах программы с.-р.; как же могли бы мы это говорить, если бы отрицали наличность у партии программы, и программы совершенно определенной? Во-вторых, тов. Шевич говорил о проекте создания партии, в которой не будет дисциплины. О такой партии никто не говорил, а говорилось о том, что в организационный период, до учредительного

съезда в новой партии не может еще быть партийной тактики и партийной дисциплины, которые сохраняются в существующей партии с.-р., и руководители партии с.-р. могли спокойно взять на себя организацию новой партии, сохраняя уже выработанные принципы тактики и дисциплины. А после съезда создалась бы новая партия с определенной тактикой и дисциплиной. Далее тов. Шевич упоминал о замене термина «борьба классов» понятием о «каком-то» народе. Но мы, говоря о «народе», употребляем этот термин как понятие совершенно определенное и установившееся. Это понятие о народе, как о совокупности трудящихся классов. Это понимание Н.К.Михайловского³⁰²; это понимание, никем до сих пор не отвергнутое; оно не устраняет сущности борьбы классов; напротив, мы стоим на точке зрения классовой борьбы, хотя и полагаем, что она не исчерпывает всего содержания исторической жизни. Борьба классов не всеобъемлющее понятие, в которое можно включить всю жизнь народа, которая гораздо пестрее, разнообразнее, шире. Надо искать рядом с понятием борьбы классов и более широкую формулу для охвата всего содержания исторического процесса. Тов. Шевич допускает самую нежелательную, самую странную аргументацию. Можно отстаивать проекты, но нельзя утверждать, что авторы его стремятся организовать какую-то партию полулибералов, неопределенную и без дисциплины. На это никто не имеет права. Извиняюсь, что я не могу говорить об этом спокойно, но хладнокровие невольно покидает меня, когда нам навязывают вещи, с которыми мы ничего не имеем общего. Это мы достаточно доказали всей нашей деятельностью. Мы думаем, что только тогда будет плодотворна работа, когда будут привлечены массы, трудящиеся массы; только тогда будет возможна настоящая дисциплина, которая будет диктоваться массами, а не отдельными людьми. Мы убеждены, что партия с.-р. должна стоять на почве организации трудящихся масс. Можно признавать, что такая организация несвоевременна, но, по-моему, только тогда, когда она будет, пред партией с.-р. предстанет настоящее созидание дела социализма. (Аплодисменты.)

Тов. Тучкин. Высказанные с двух сторон мнения резко столкнулись, но, несмотря на эту кажущуюся противоположность, мы слышали с обеих сторон очень многое, на что сочувственно реагировали сердца всех присутствующих. Мы слышали призыв товарища к созданию такой организации партии, при существовании которой мы, так сказать, утонули бы в массах. Это всегдашний призыв, написанный в наших сердцах. Если мы порой под гнетом суровой необходимости прячемся в подполье, проводим жизнь в конспиративной работе, изолируемся от широких связей, живем подолгу замурованными, насилуя и коверкая себя, то делаем это только ради того, чтобы использовать единственно возможные способы пробиться наконец к народу, для расчищения широкой дороги в будущее, дороги к массам, к слиянию с ними. Разве мы с трепетным сердцем не ловим всякую возможность ринуться к этому слиянию? Еще недавно, после 17-го октября разве все мы не рванулись к этим массам? Сойтись с ними свободно, широко и вольно, составить

свободное, могучее организованное целое — у нас нет мечты заветнее этой. Не менее понятно для нас, что массы не могут быть организованы конспиративно. Поэтому-то мы и рвемся так страстно из подполья наружу, на открытую вольную арену говорить во всеуслышание перед всей страной. Убеждать нас во всем этом излишне, товарищи: это значит ломиться в открытую дверь. При всем желании создать открытую партию выбор момента для этого не от нас зависит; при Плеве, напр., никто и не выступил бы с таким предложением, не выступали тогда с ним и те товарищи, с которыми мы теперь спорим. Понимание необходимости при первой же возможности организовать открытую партию у нас есть, но оно дополняется еще другим пониманием — необходимости упорного расчищения пути суровой борьбой, натиском организованных конспиративно боевых сил. Мы работаем для будущей открытой организации даже тогда, когда по внешности пользуемся противоположным методом — уходим в подполье, кропотливо во тьме куем оружие и втайне готовим удары врагу. Но, может быть, настало время проститься с нелегальностью главной части работы? Ничего подобного; напротив, организации, выступившие открыто и легально, как, напр., Крестьянский Всероссийский союз, Железнодорожный союз и т.д., теперь загоняются в подполье. Я ставлю товарищам первый вопрос: считаем ли мы возможным обойтись дальше без террора? Если же это, очевидно, невозможно, то возможна ли организация такой партии, в программе которой стоит террор? А если это невозможно, то что же возможно? Здесь-то и выступает следующее предложение товарищей: параллельно открытой партии почему не быть партии конспиративной, сохраняющей прежние приемы борьбы? Удвоим себя, будем существовать в «двух лицах». Затруднение, по-видимому, устранено, но только по-видимому. На его место встает новое затруднение: каждая партия должна иметь определенную тактику, на каждый вопрос партия должна отвечать открыто. Как же стали бы отвечать обе партии на самые болезненные, самые острые вопросы? Если они будут отвечать одинаково, то, следовательно, это будет одна партия и двойное существование ее никого не обманет. Если будут отвечать различно, или одна на известные вопросы отвечать, а другая будет умалчивать, то дело неизбежно кончится их расхождением. Партия, замалчивающая или обходящая более острые пункты, привлечет к себе более пассивные, распыляемые, менее радикальные и энергичные элементы; в ней установится иная равнодействующая политического поведения, чем в партии более узкой. Неизбежно возникнут прения и борьба. Да и разве мыслимо быть рядом в двух партиях? Нам возражают, что до учредительного съезда новая партия не будет еще иметь ни своей особой программы, ни тактики, ни дисциплины, но это не совсем верно: собственно, в ней не будет на первых порах лишь дисциплины общей партийной, но групповая дисциплина уже будет. Например, мы обсуждали вопрос об участии или неучастии в предвыборных собраниях; состоялось определенное решение; я держался другого взгляда, но как член партии, естественно, подчиняюсь решению законного большинства и не могу идти туда. Но

представьте себе, что я в то же время член находящейся в процессе организации народно-социалистической партии. Та группа этой партии, в которую я вхожу, решила участвовать в этих собраниях; должен ли я подчиняться этому решению как член группы или, может быть, даже как член администрации этой группы? Это частный пример; возможно сколько угодно других, но и он показывает достаточно, что при существовании двух параллельных партий, одной с более узким, другой с более широким составом, они в целом ряде хотя бы и частных вопросов легко столкнутся; прения и столкновения явятся неизбежными. Вот почему, на мой взгляд, такое легкое и соблазнительное на первый взгляд решение, как образование двух партий, включает в себе ряд трудностей и может повести к конфликтам между ними, к борьбе за существование и в конце концов к дезорганизации вместо более широкой организации. Но как же добиться захвата масс? Ответ один: прокладывая грудью дорогу, пробиться вперед путем то прямых попыток, когда можно сорганизоваться в открытую партию, то путем других попыток, сконцентрироваться, когда нужно, в более замкнутые боевые единицы, которые расчистят дорогу от различных препятствий, мешающих идти открыто к массам. Если обратиться к уставу, то и он предполагает возможность такого положения. Он не дает ничего, что мешало бы организоваться в открытую партию, как только представится возможность. Если сейчас такой устав не мог бы быть проведен в жизнь, то только потому, что и другие организации не могут сейчас открыто существовать — ни крестьянский союз, ни почтово-телеграфный, ни многие другие. Если, положим, эти союзы опубликуют фамилии членов своих бюро, то результаты будут те же, что и для нашей партии. Почему же мы должны это сделать? Перейду теперь к другому. Здесь произошел спор о терминах «народ» и «классовая борьба». Могло показаться, что как будто существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Но это недоразумение. Мы — партия рабочего класса, мы стоим на классовой точке зрения, и эта последняя — рычаг нашей деятельности. Товарищи, с которыми мы спорим, употребляют часто термин «народ», но когда этот термин они употребляют в смысле совокупности трудящихся и эксплуатируемых, то отличие их от нас только кажущееся. С легкой руки русских социал-демократов у них слово «рабочий класс» обратилось в синоним лишь «индустриального пролетариата». Но это напрасно. Первое понятие гораздо шире последнего. Они не отождествляются у многих лучших представителей западноевропейского социализма, как, например, укажу хотя бы на Либкнехта. И мы стоим на этой более широкой точке зрения. На этой же точке зрения стояли давно социалисты-революционеры России, еще начиная с процесса 193-х³⁰³, еще землевольцы, которые, как и народовольцы, — я подчеркиваю это — всегда называли себя социально-революционной партией, и мы имеем право на это славное имя. Нам говорят, что это имя неудобно для организации новой партии, что оно отпугивает многие элементы. Но так ли уж дороги для нас такие чересчур пугливые элементы, так ли желательно их вхождение в партию? Усилит оно нас

или ослабит в настоящий революционный момент? Это вопрос...

Далее, дисциплина в партии необходима; желательная для нас дисциплина есть дисциплина масс, тот порядок, когда через массы, через их сознание, волю, голосование проходит каждое предложение оратора, когда талант оратора склоняется перед массами. Мы говорили, что рабочий класс должен быть верховным законодателем, но путь к такой организации, которая вполне осуществит партийное «прямое народное законодательство», лежит через Кавдинские ущелья³⁰⁴, а через эти ущелья необходимо идти сомкнутым строем, тесными группами, в них не пройдешь широко развернутым фронтом (Аплодисменты.)

Тов. **Шевич**. Мне принадлежит право сказать несколько слов в виде личного объяснения. Причислять оратора к либеральной партии я не собирался, и мои слова, очевидно, не так поняли. Когда употребляют слово «народ» только как синоним рабочего класса, я против этого ничего не имею. Напрасно также приводилось имя Михайловского, которого я не касался. Некоторые товарищи перед голосованием просят разрешить поставить еще несколько вопросов для разъяснения предложения тов. Коренева и других.

Тов. **Тучкин**. Я хотел бы разъяснить один вопрос: о чем, собственно, идет речь в их предложении — об особой организации существующей уже партии или об особой партии?

Тов. **Турский**. Мы все время предполагали, в сущности, одну партию, потому что программа их одна, при существовании формально двух организаций или партий. Из них одна уже существует, другая еще должна быть создана при самом деятельном участии в создании новой организации со стороны представителей существующей организации. И мы даже предпочли бы сказать, что новая организация и будет, в сущности, **партией** социалистов-революционеров, как бы она ни называлась; теперешняя же партия есть, в сущности, не партия: она не охватывает всех сторонников программы — она есть лишь организация активных борцов партии и оставляет вне себя периферию.

Тов. **Рославлев**. Вы предлагаете, чтобы партия с.-р. постановила создать еще одну организацию. Но представьте, что затем в этой самой партии с.-р. возникнет вопрос, не упразднить ли старую партию и не отождествить ли ее с новой созданной партией? Это будет решать та же партия с.-р. или нет?

После тов. Рославлева некоторые другие товарищи выражают желание знать, образуется ли широкая, открытая периферия вокруг существующей партии с.-р. или же особая организация; будет ли новая организация подчинена партии или нет; каковы должны быть формальные отношения между двумя организациями; нужен ли будет новый съезд или это надо решать теперь; имеются ли для новой организации в виду те элементы, которых отпугивает тактика с.-р., или какие другие?

Тов. **Корнев**. Я отвечаю на последний вопрос. Имелись в виду не те элементы, которые пугаются тактики партии, а другие; но действительно неудобно выступать с таким названием, как у партии, при создании новой открытой партии. Это название слишком ассоциировалось с из-

вестными методами борьбы, которые преходящи, — партия же остается.

Тов. Турский. Тов. Рославлеву я отвечаю, кто будет решать. Ведь создание новой организации будет происходить не в среде самой партии, а вне ее, хотя с ее участием, так как будет привлечена масса новых лиц: и, предпринимая это, надо, конечно, идти на то, что управление новой организацией перейдет ко всем собравшимся под новой программой. Далее, я себе представляю, что переход от старой к новой организации мог бы состояться путем одновременного съезда партии с.-р. и учредительного съезда новой партии. Их двойное решение ликвидировало бы период раздельного существования. Новую организацию, когда она существует параллельно старой, можно себе представить, пожалуй, как открытую периферию, которую, однако, нельзя мыслить подчиненной конспиративной организации. Новая организация может существовать временно без своего центра, но и без подчинения конспиративному центру; без своей дисциплины, но и без подчинения дисциплине, выработанной конспиративной организацией. Что касается вопроса о названии, то его мы не ставим и не выделяем. Наша точка зрения та, что существующую организацию нельзя называть партией, а новую мы могли бы назвать.

Вопросы исчерпаны. Вносятся несколько резолюций.

Тов. Рождественский предлагает съезду прежде всего голосованием ответить на следующий вопрос: «Признает ли съезд желательным, сохраняя пока существующую организацию активных сил партии, приступить при их деятельном участии к созданию открытой политической партии как особой организации, построенной на широких демократических началах? Большинство всех голосов против одного при семи воздержавшихся съезд высказывается по вопросу, сформулированному тов. Рождественским, в **отрицательном** смысле.

Далее по баллотировке 26 голосов высказываются за голосование резолюции тов. Шевича, который после обмена мнений между членами съезда отказывается от второй половины своей резолюции и соглашается на голосование первой половины с поправкой, внесенной тов. Тучкиным, что и ставится на баллотировку.

Первая часть резолюции, предложенной тов. Шевичем: «Партия с.-р., представительница интересов городского пролетариата и трудового крестьянства, объединенных ею в единый рабочий класс, борющийся непримиримо против всех классов эксплуататоров и партий, их представляющих, как бы ни были радикальным политические программы последних, стремится всей своей деятельностью к установлению такого режима, при котором эта борьба могла бы происходить в самых широких размерах в самом тесном общении и единении с трудящимися массами, на вполне открытой арене и в кадрах открытой организации». (Принято всеми голосами против трех.)

Вторая часть редакции тов. Тучкина: «Ввиду современных политических условий и потребностей текущей борьбы немедленный переход от конспиративной организации к вполне открытой партия социалистов-революционеров признает еще невозможным. (Принято всеми голосами против одного.)

Председатель тов. **Соломин** предлагает приступить к избранию комиссии для выработки проекта Организационного устава.

После обсуждения и отклонения нескольких предложенных списков членов комиссии и после принятия решения о численности комиссии в семь человек, составляется список кандидатов, которые подвергаются баллотировке каждый в отдельности, и по большинству голосов избираются шесть человек (Тучкин, Соболевский, Карский, Рошин, Железовский, Невский), которые вместе с докладчиком по вопросу об Уставе тов. Базаровым и составляют комиссию.

Заседание закрыто в 9¹/₂ часов вечера.

ЗАСЕДАНИЯ 31 ДЕКАБРЯ 1905 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Читается и утверждается протокол утреннего заседания 30-го декабря.

Тов. Рославлев, докладчик комиссии по проверке мандатов, докладывает, что со времени конституирования съезда прибыли делегаты Уфы, Читы, Одессы, Сибирского союза, Пензы и Крымского союза. Последний делегат имеет полномочия от Севастополя, Симферополя и Ялты, почему комиссия предлагает дать ему 2 решающих голоса. Доклад комиссии собранием принимается. Таким образом на съезде в данный момент представлены 43 организации с 58 голосами и не представлены 31 организация с 31 голосом. Гостей новых прибыло 5, а всего с прежними 8; по приглашению ЦК — 5 лиц, а всего с прежними 20.

Председатель тов. **Серов**. В бюро поступило предложение об образовании комиссии для разработки вопросов, поставленных перед П.С.-Р. Интернациональным Социалистическим Бюро: 1) об реорганизации представительства партии на международных съездах и 2) об отношении к войне.

Предложение об избрании особой комиссии принято съездом единогласно.

Тов. **Невский** сообщает, что комиссия по вопросу о переработке проекта Организационного устава не успела окончить своей работы и представит проект завтра. Поэтому собрание переходит к вопросу о программе. Председ. **Серов**, имея в виду группу, отстаивавшую в прошлом заседании идею открытой партии, указывает на то, что основная идея у всех присутствующих одна, разница лишь в деталях. Все мы стоим на точке зрения интересов трудящихся, и если употреблявшийся термин «народ» и есть понятие неопределенное, то оно становится вполне определенным, когда означает всех трудящихся и эксплуатируемых. Собрание высоко ставит авторитет товарищей и крайне интересуется их мнениями. Поэтому не найдут ли они возможность, ввиду необходимости для них в скором времени уехать со съезда, высказаться хотя бы по наиболее общим и важным вопросам?

Группа, о которой шла речь, остается, и заседание продолжается.

Съезд заслушивает проект программы П.С.-Р. представленный тов. Тучкиным от имени редакции «Рев.Рос.»

Современная Россия в своем историческом развитии входит во все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя, однако, ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения.

Социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и всестороннее, гармоничное развитие человеческой личности, предполагает как необходимое условие рост власти человека над естественными силами природы, в соответствии с ростом населения и его потребностей.

Но в современном буржуазном обществе рост этот совершается не на началах планомерно организованного общественного хозяйства, а на началах разрозненности и конкуренции индивидуальных хозяйств, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал и отлучения от них непосредственных производителей.

Поскольку эти буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах — постольку современному хозяйственному развитию присущи отрицательные, разрушающие стороны: анархия производства, достигающая крайних проявлений в кризисах; бесплодное расточение хозяйственных сил; материальная невыгодность высших хозяйственных форм при дешевизне рабочих рук или жесткости косвенной эксплуатации самостоятельных производителей; бедствия и необеспеченность рабочих масс; своекорыстная борьба всех против всех за существование и привилегированное положение; разлагающая все моральные основы общежития власть денег.

Поскольку же в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений, тем не менее, происходит, хотя односторонне и неполно, развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах. — постольку это хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготавливая некоторые материальные элементы для будущего социалистического строя и содействуя объединению в сплоченную социальную силу промышленных армий наемных рабочих.

Взаимное соотношение между этими положительными и отрицательными сторонами, более благоприятное в высших отраслях индустрии и в странах классического капитализма, становится все менее и менее благоприятным при переходе к различным отраслям промышленности добывающей, в особенности же к земледелию, и к сельским странам, хуже поставленным в международной экономической борьбе.

Чем благоприятнее это соотношение, тем более развит современный индустриальный пролетариат и тем больше его значение сравнительно с остальной массой трудящегося и эксплуатируемого населения. Чем всестороннее и последовательнее развиваются в обществе начала буржуазной собственности и хозяйства, тем резче оно распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую

долю создаваемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, сосредоточивающих в своих руках владение естественными силами природы, средствами производства и обмена.

По мере того как этот классовый антагонизм проникает в общественное сознание и освещается им, он превращается в организованную политическую борьбу классов, которая, сталкиваясь с пережитками старой междусословной, расовой, религиозной и национальной борьбы, все более и более представляет собою элемент планомерного коллективного вмешательства сознательных социальных сил в стихийный ход событий.

Классы эксплуататоров стремятся упрочить свое положение, овладевая посредством синдикатов и трестов условиями производства и сбыта, превращая органы государственного управления в орудия своего классового господства и подчиняя себе духовно и материально науку, искусство и литературу.

При бессилии победить другими средствами, они прибегают к союзам с клерикальными, сословными и монархическими пережитками прошлого и к разжиганию инстинктов расовой и религиозной вражды, шовинизма и национализма.

Изживая все свое бывшее прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нем классов, все более отталкивая от себя лучшие умственные и моральные силы страны и заставляя их тяготеть к противоположному лагерю угнетенных и эксплуатируемых.

Классы эксплуатируемых в естественном стремлении к самозащите, по мере роста сознательности, все более объединяют свою борьбу и направляют ее против самых основ гнета и эксплуатации, во имя своей полной экономической, политической и духовной эмансипации.

Наиболее последовательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм.

Являясь первоначально мировоззрением сознательного революционного меньшинства, он все более проникает в массы, ведя к тому, чтобы все силы трудового эксплуатируемого населения, от промышленного пролетариата до трудового крестьянства, осознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения, подчиняли все свои частные, местные и временные интересы одной великой задаче социально-революционного переворота.

Программой этого переворота является обобществление труда, собственности и хозяйства; уничтожение вместе с частной собственностью на средства производства самого деления общества на классы; уничтожение классового, принудительного, репрессивного характера общественных учреждений при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т.е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Только осуществление этой программы превратит рост общественного богатства из источника зависимости и угнетения рабочего класса

в источник его благосостояния и свободы; только оно даст возможность непрерывного развития всех духовных и материальных сил человечества, прекратив вырождение одних его слов от праздности и пресыщенности, других от чрезмерного, грубого физического труда и неудовлетворения элементарных потребностей; только оно гарантирует на основе социальной солидарности всестороннее и гармоническое развитие человеческой индивидуальности.

В этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества, устранения всех форм междоусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплуатации человека человеком. Для осуществления этой задачи революционный социализм стремится использовать как все положительные стороны хозяйственного развития, совершающегося в капиталистических формах, так и способность к самостоятельному хозяйственному творчеству рабочих масс, пролетаризованных и непролетаризованных. Партия соц.-рев. в России рассматривает себя как один из отрядов армии международного социализма и ведет свою деятельность в духе общих интересов ее борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности.

Развитие капитализма в России характеризуется наименее благоприятным соотношением между творческими, исторически-прогрессивными, и темными, хищническо-разрушительными тенденциями. Все связанные с этим развитием кризисы переживаются Россией в концентрированном виде, в сокращенный период времени, при низком культурном уровне, который обостряется взаимоприспособлением наиболее примитивных форм эксплуатации народного труда и медленно изменяющихся форм патриархального дворянско-чиновничьего царизма.

Колоссально развившийся механизм бюрократического государства в связи с условиями освобождения крестьян и развитием кулачества во всех его формах и видах все более и более парализует производительные силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мере прибегать к подобным промыслам и труду по найму, получая от всех видов своего заработка доход, едва соответствующий нищенской заработной плате пролетария. Тем самым сокращается и подрывается внутренний рынок промышленности, страдающей от недостатка внешних рынков. Прогрессивно возрастает избыточное население и капиталистически излишняя резервная рабочая армия, понижаящая своей конкуренцией уровень жизни городского пролетариата. Рабочее движение выступает с современными задачами в обстановке патриархально-полицейского строя, основанного на систематическом подавлении личной и общественной инициативы; более реакционный, чем где-либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в союзе с монархией против пролетариата. Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждается в таком же союзе против трудовых масс деревни, поднимающихся за землю и волю. В интересах самозащиты монархия и ее союзники прибегают к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост

самосознания рабочих масс. Существование такого режима становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь наиболее надежной опорой паразитических классов внутри России, за ее пределами русский царизм представляет в моменты своей силы главный оплот европейской реакции и сильнейшую угрозу освободительной борьбе рабочих партий других стран, почему уничтожение его является крайне важным фактором международного прогресса.

Вся тяжесть борьбы с царизмом, несмотря на наличие либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы «образованного общества», падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Вследствие такого соотношения сил, а также неразрывной связи политического кризиса с экономическим, необходимой задачей партии является расширение и углубление в революционный момент тех социальных, имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия.

Осуществление полностью партийной программы, т.е. экспроприация капиталистической собственности и реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и в случае надобности установление его временной революционной диктатуры.

До тех же пор, пока в качестве революционного меньшинства организованный таким образом рабочий класс может оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства, — партия с.-р. будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной основной цели, чтобы своей революционной борьбой он добивался и в этот период лишь таких перемен, которые будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбе, способствуя повышению уровня его интеллектуального развития и культурных потребностей, укрепляя его боевые позиции и устраняя препятствия, стоящие на пути к его организации.

Исходя из развитых выше соображений, П.С.-Р. в этот период будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой следующие меры:

А. В политической и правовой области:

Установление демократической республики с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение; прямое, тайное, равное, всеобщее право голосования для всякого гражданина не моложе 20 лет без различия пола, религии и национальности; пропорциональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц; полная

свобода совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и союзов; полное и всеобщее гражданское равноправие, неприкосновенность личности и жилища; полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого; установление обязательного, равного для всех общего светского образования на государственный счет; равноправие языков; бесплатность судопроизводства, уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

Б. В народнохозяйственной области:

I. В вопросах рабочего законодательства П.С.-Р. ставит своей целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе и деревне и увеличение его способности к дальнейшей освободительной борьбе, общим интересом которой должны быть подчинены все узкопрактические, непосредственные, местные и профессиональные интересы отдельных рабочих слоев. В этих видах партия будет отстаивать: возможно большее сокращение рабочего времени в пределах прибавочного труда; установление законодательного максимума рабочего времени согласно нормам, указываемым научною гигиеной (в ближайшее время 8-ми часовая норма для большинства отраслей производства и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установление минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственное страхование во всех его видах (от несчастных случаев, от безработицы, на случай болезней, старости и т.д.) на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли, согласно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений, запрещение работы малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних, запрещение женского и детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды; достаточный непрерывный еженедельный отдых и т.д.); профессиональная организация рабочих и их прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях

II. В вопросах аграрной политики и поземельных отношений П.С.-Р. ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию земли, т.е. за изъятие ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние.

Социализированная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловесных сельских общин и кончая государством (расселение и переселение, заведывание резервными земельными фондами и т.д.). Пользование социализированной землей должно быть уравнительно-трудовым, т.е. обеспечивать потребительную норму при

условии приложения собственного труда единолично или в товариществе, при обращении рентных доходов путем обложения на общественные нужды; при переходе пользования землей от одного лица и группы к другим устанавливается вознаграждение за произведенные улучшения в земле. Земля переходит в общественную собственность без всякого выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым хозяйственным условиям.

III. В вопросах финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследство при совершенном освобождении от налога мелких доходов ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд.

IV. В вопросах общинного, муниципального и земского хозяйства партия будет стоять за развитие всякого рода общественных служб и предприятий (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая и продовольственная организация, общинная товарищеская обработка земли, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т.п.); за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах.

V. Вообще по отношению ко всем мероприятиям, имеющим целью обобществление еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства, П.С.-Р. усвоит положительное отношение постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно и самый характер соответствующих мероприятий, будет давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии. Тем самым П.С.-Р. предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей.

Партия С.-Р., ведя непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Учредительного собрания на указанных выше демократических началах для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков в духе установления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов трудящихся. Свою программу этого переустройства она будет как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период.

Докладчик по вопросу о программе тов. **Тучкин** делает доклад относительно общего теоретического введения в программу.

Тов. Тучкин. Товарищи! Прежде чем мы перейдем к обсуждению программы по частям, я должен сказать несколько слов относительно общих требований, которые следует предъявлять к программе, и общем плане ее построения. Программа должна сжато и точно формулировать понимание партией конечных целей и ближайших задач революционного социализма, а также оснований исторических и этических, по которым революционный социализм ставит те, а не иные конечные цели и ближайшие требования. В этом смысле программа дает полное социально-политическое *credo* партии. Но давая такое *credo*, программа не может его аргументировать. Она только формулирует, но не доказывает; она не может ни входить в доказательства верности выставленных положений, ни апеллировать к чувству читателей литературной лирикой. Благодаря этому, программа по отношению к социально-политическому мировоззрению партии есть возможно краткий, потому по необходимости сухой конспект. Каждое положение этого конспекта предполагает целую серию мыслей, фактов, силлогизмов, доказательств. Но всякий конспект хорошо читать после прочтения книги, чтобы обозреть ее основное содержание в кратких чертах, сведенных к некоторому единству, к небольшому числу симметрично и стройно расположенных тезисов. Но конспект не заменяет книги и не вскрывает всего ее содержания; для того, кто не знаком с нею, конспект должен быть подробно комментирован, некоторые неясные по своей абстрактности положения заполнены конкретным содержанием, так сказать, расшифрованы. Отсюда все трудности выработки текста программы. Даже те партии, миросозерцание которых является наиболее простым, я сказал бы даже упрощенным, у которых, например, вся социальная философия укладывается в соблазнительно краткую формулу экспроприации самостоятельных производителей, капитализации, концентрации, пролетаризации, пауперизации, новой экспроприации, даже, повторяю, для таких партий выработка официального текста программы была связана с большими трудностями. Только целые годы и десятилетия существования программы, комментирования ее устного и печатного сделали то, что официальная программа партии достаточно популяризировалась, и с краткими формулами ее массы привыкли сочетать строго определенное содержание, не уклоняясь ни вкривь, ни вкось. В этом отношении поучительна хотя бы история Эрфуртской программы германской социал-демократии³⁰⁵, которая, кстати сказать, для популяризации в массах нуждалась в особом комментарии — известной книге Каутского³⁰⁶. Что касается нашей партии, то самый характер ее миросозерцания, стремившегося полнее, шире и всестороннее охватить жизнь во всей ее сложности и разнообразности, делает задачу выработки официального текста программы особенно трудной, а ее комментирования и популяризации особенно настоятельной. Вот почему я приглашаю, товарищи, особенно внимательно отнестись к предлагаемому проекту программы. Каждое положение в ней должно рассматривать в лупу, даже более — в микроскоп; все лишнее, все, без чего можно обойтись, должно быть из нее безжалостно удалено; должны быть приисканы в процессе нашей

коллективной работы везде, где это возможно, наиболее сжатыми и точными формулировками наших воззрений; при этом вы, конечно, не станете предъявлять к программе требований, какие можно предъявлять лишь к комментариям и к публицистической защите программы.

Теперь несколько слов относительно общего плана и расположения частей программы. В этом отношении программа нашей партии, естественно, сильно отличается от программ большинства социалистических партий Западной Европы. Поскольку многие из этих программ стоят по существу на почве традиционных догм марксизма, лишь привнося в них те или иные частичные поправки, постольку в них отразился и общий дух марксизма — сведения к одной схеме эволюции всех отраслей производства и всех отдельных стран. В этом отношении, как и во многих других, марксизм явился односторонней реакцией против гегельянства. Для Гегеля³⁰⁷ отдельные великие нации, отдельные крупные государственные единицы — его «избранные» или, как он выражался, «исторические» народности — являлись замкнутыми в себе, самодовлеющими, не переходящими друг в друга и не сливающимися типами; каждая народность выступала как представительница особого начала, принципа или идеи, вносимой ею во всемирную историю. Единство всемирно-исторического процесса у Гегеля выражалось не в конкретном, реальном взаимодействии, слиянии, эволюции конкретных народностей, влияющих друг на друга и заимствующих друг от друга, все более и более сливающихся в единое цивилизованное человечество. Нет, единство всемирно-исторического процесса было для народностей чем-то внешним: оно состояло в единстве той высшей, надысторической логики, по отношению к которой конкретные исторические народности являлись лишь носителями той или другой идеи, входящей как звено в процесс надмировой диалектики, путем которой мировой Разум приходит к самосознанию. В противоположность этому мировоззрению, которое представляло великие национальные единицы как неподвижно самодовлеющие, не переходящие друг в друга типы, марксизм все привел к одному знаменателю, все индивидуальное утопил в единой общеобязательной схеме развития. Предполагалось, что капиталистически наиболее развитая отрасль индустрии есть живой образец будущего развития всех других отраслей промышленности, а капиталистически наиболее развитая страна показывает картину их будущности всем остальным странам. Аналогия стала заменять индуктивное исследование. В марксизме был тот же метафизический абсолютизм, только в другую сторону, чем в гегельянстве: марксизм стоял на точке зрения абсолютного единства исторического развития отдельных стран, в то время как гегельянство — на точке зрения абсолютной независимости и самостоятельности развития каждой исторической национальности. Марксизм в общем и сходном топил своеобразие, гегельянство — в своеобразном все общее. И только постепенно пробился реалистический взгляд, по которому эволюция как отдельных отраслей промышленности, так и отдельных стран наряду с чертами общими проявляет и своеобразие; единство и своеобразие ее процессов не исключают друг

друга, ибо и то, и другое относительно, а не абсолютно; пределы же общности и своеобразия должны быть установлены реальным исследованием, причем индукция является существенным, ничем не заменимым методом, приводящим к цели. Вследствие этого наша программа распадается на характеристику, с одной стороны, общих тенденций развития, а с другой — на характеристику своеобразных условий эволюции России, в то время как социал-демократические программы ограничиваются лишь одною первою частью. Но и в первой части у нас раздельно характеризуются эволюция индустрии и сельского хозяйства.

Такова основная особенность в общей структуре нашей программы.

Есть и другие. В нашей программе красной нитью проходит неразрывное слияние двух моментов: теоретической характеристики форм общественного строя и оценки их с точки зрения интересов развития личности и общественной солидарности. Это неразрывное слияние исследования и оценки, объективного и субъективного, является особенностью той социологической школы, теоретические идеи которой вдохновляют большинство борцов нашей партии, чтущей наряду с именем Маркса и Энгельса имена Лаврова и Михайловского. Эти идеи дают нам возможность слить воедино этическое и историческое, субъективное и объективное обоснование социализма, одновременно как предмета нашего **предвидения** и содержания нашего морально-социологического **идеала**.

Далее в нашей программе отдельно характеризуются два великих исторических течения: генетического, стихийного хода событий и целесобразного, сознательного вмешательства организованных общественных сил. Конечно, и это различие лишь относительно; все классификации и перегородки существуют лишь в абстракции, действительность же объединяет мыслимые противоположности рядом посредствующих звеньев. Генетические и телеологические процессы, укладываясь в общих рамках причинного, закономерного течения событий, являются не абсолютно, а лишь относительно противоположными. Они различаются степенью развития коллективной, организованной общественной воли и степенью ее существенного значения в ходе событий. Сознание и воля участвуют во всяком человеческом деянии, но не всякое великое историческое событие прежде своего воплощения в жизни уже жило, как политическая цель, в умах целой общественной группы, действовавшей согласно данной цели. Многие великие события вырастали механически из миллионов индивидуальных проявлений, индивидуальных же, ничем между собой не связанных, целей и интересов, подобно тому, как в геологии меловые пласты или слои чернозема создавались как механический итог жизнедеятельности бесконечного количества мельчайших организмов и целого ряда химических и органических процессов. Общественное сознание лишь постепенно, по мере своего роста и развития приобретает все более и более решающее значение. Великие исторические напластования, стихийно вырастающие как механическая равнодействующая судеб целого ряда поколений, живших не исторической, а чисто зоологической жизнью, до сих пор служат ос-

повую, почвою, на которой развиваются более сложные культурно-социальные силы.

Наше дело — учесть оба фактора, стихийный и сознательно-целесообразный. Мы одинаково далеки и от одностороннего исторического интеллектуализма, игнорирующего стихийные процессы, и столь же одностороннего исторического материализма, который, по крайней мере на словах, все хочет потопить в железной объективной логике стихийной эволюции.

Во всем предыдущем предлагаемый на ваше рассмотрение проект программы мало чем отличается от проекта, опубликованного еще давно, в № 46 «Рев.Рос.». Редакция ЦО в старом проекте лишь подчеркнула несколько сильнее некоторые особенности нашего мирозерцания, так, напр., мы ввели особый пункт, принципиально устанавливающий как задачу социалистической партии использовать в своей созидательной работе не только т.н. «положительные стороны» капитализма, но и способности к хозяйственному творчеству, к объединению, к ассоциации рабочих масс как таковых, не только пролетаризованных, но и не пролетаризованных. Все остальные отличия от первоначальной редакции сводятся главным образом к большей сжатости выражений, хотя бы эта сжатость и была равносильна сухости, т.е. шла в ущерб литературным украшениям, уместным для статей, передовиц и т.п., но не для программы.

Переходя от этой социально-философской части программы к другой части, излагающей наши требования, я не буду сейчас останавливаться на методологическом расчленении ее на т.н. программу-максимум и программу-минимум. При подробном рассмотрении этой части нам, может быть, придется об этом немало поговорить и поспорить. Сейчас я только отмечу в немногих словах особенность предлагаемого проекта от прежнего. В прежнем проекте мы намеренно были очень скупы на детали и на конкретные подробности нашего требования социализации земли. На первых порах мы устанавливали его как принцип. Мы провозгласили в программе общественное владение землей и передачу распоряжения ею в руки демократических, т.е. бессловесных общин и других территориальных, общественно-правовых союзов. Но в каких отношениях должны находиться между собою союзы высшего и низшего порядка — примерно, община, волость или мелкая земская единица, область и т.д.? Как будут разграничены между ними разные функции по заведыванию землей? В чем, конкретнее выражаясь, может состоять механизм, регулирующий фактическую **уравни-тельность** землепользования? До поры до времени мы предпочитали разработку этих вопросов вести в партийной литературе, чтобы таким путем подготовить сознательное принятие партией той или другой официальной формулировки. Почему же мы были так осторожны, почему мы не хотели в самом проекте программы идти дальше самой общей, принципиальной формулировки данного требования? По двум причинам. Во-первых, до съезда, ведя литературную работу главным образом за границей, мы вообще очень боялись наложить слишком индивидуальный отпечаток заграничной литературной группы на эту фор-

мулировку, которая должна была формулировать лишь то, что уже является фактически общепочвой партийного соглашения. Во-вторых, прежний проект программы вырабатывался в момент начала нашей деревенской работы; вопрос о практическом осуществлении не надвигался так сильно, как теперь; наоборот, злобой дня ввиду социал-демократических нападок был самый принцип наших земельно-социализаторских стремлений. Вот почему мы тогда и должны были, и могли ограничиться самой общей формулировкой, без всякой конкретизации. Теперь — другое дело. В сущности, принцип экспроприации частновладельческих земель трудовыми массами деревни уже идейно победил, перед этой победой частью склонялись с.-д., ему сделали уступки и «кадеты». Теперь положительная, созидательная сторона нашей аграрной политики должна быть выяснена во всей своей широте. Развив конкретнее, детальнее требование социализации земли, мы зато предлагаем в программе опустить вовсе то место, которое, собственно говоря, относится к **тактике**, а не к программе. В прежнем проекте мы в общих чертах намечали возможную последовательность частных мер, приводящих в сумме к полной социализации земли, в случае если эта мера не будет осуществлена революционным путем, т.е. в своих главных очертаниях сразу. Вопрос о постепенном или единовременном осуществлении того или другого требования — это вопрос, который решается не нашими только желаниями, а гораздо более — внешними условиями и соотношением сил. Это вопрос тактики, а не программы. Нет надобности без особой нужды удлинять и усложнять последнюю элементами из другой области, как бы она ни была с нею тесно связана. Мы можем и должны ограничиться формулировкой существа наших требований, взятых во всей их широте и полноте; но зато эта формулировка по условиям момента должна быть менее обща и более конкретна.

Сделав несколько этих общих вступительных замечаний, я предлагаю обратиться к рассмотрению программы по отдельным частям. При этом для ускорения я предлагаю непосредственно читать каждый особый отдел проекта программы и открывать по нем прения. Мы достаточно знакомы с сущностью проекта, с его основными формулировками и потому можем, думается мне, обойтись без всяких по ним вступительных докладов. Мне, как докладчику, совершенно достаточно заключительного слова после обсуждения каждого из тех шести отделов, по которым будет открыт особый список ораторов.

Председатель ставит на голоса предложение тов. Тучкина относительно дальнейшего порядка обсуждения программы. Предложение принято единогласно.

Тов. **Рождественский**. Постараюсь изложить покороче, не вдаваясь в критику, свой взгляд, но и не могу вполне от критики отказаться. По моему, как введение, так и самая программа страдают большим грехом. Это, скажу резко, состязание с с.-д. Докладчик, как и многие другие, танцует все от той же роковой пьески — социал-демократических взглядов. Это и вносит эклектизм в нашу программу. Напр., докладчик употребляет слова «народ» и «рабочий класс» как синонимы, между тем как

я не могу мыслить ни трудовое крестьянство, ни тем более интеллигенцию как рабочий класс. Их можно объединять с идеологической, но не с экономической точки зрения. Затем, в программе с.-д. есть пункт — диктатура пролетариата. Как на него ни смотреть, но он имеет вполне определенный смысл. Но «диктатура народа» — это такой же абсурд, как диктатура над самим собой. Из других недостатков программы укажу на отсутствие разделения требований на ближайшие и неотложные, с одной стороны, и на дальнейшую органическую работу более отдаленного будущего, с другой. Партия не может рассчитывать на проведение всех своих требований революционным путем. Эта фраза в сущности ни к чему не обязывает и лишь затемняет дело. Прежде всего необходимо установить конечную цель партии. Эта цель, этот идеал — всестороннее развитие свободной человеческой личности. Рамки современного строя ей тесны, в классовых рамках свободная личность невозможна. Но свободна может быть лишь личность трудящаяся, и поэтому защита трудящегося класса есть для нас защита свободной личности. Работать над этим освобождением в классовой борьбе, выяснять классовое самосознание — это цель социалистической партии. Но всецело замыкаться в классовой борьбе невозможно. Условия освобождения двоякого рода: условия юридические, но они не дают еще полной свободы, свободы на деле, которая является лишь тогда, когда к ним присоединяются условия экономические. Но для нас социализм не только этическое, но и объективная необходимость; именно в эту сторону направляется общественное и хозяйственное развитие, так как лишь в этом отношении возможен хозяйственный и социальный прогресс. Идеал, с одной стороны, желателен, с другой — необходим; он диктуется всею жизнью — и субъективными условиями сознания и объективными условиями бытия. И наша революционность не сводится только к тем или иным боевым актам, она глубже, она состоит в переработке жизни путем мысли, она не преклоняется перед слепым ходом истории. Все мы тут не верим, конечно, в грандиозный мгновенный прыжок в царство грядущего социализма. Но в каких же размерах возможен шаг в этом направлении? Для ответа надо анализировать действительность и указать те неотложные требования, до осуществления которых партия не может оставить работы боевой, разрушительной и перейти к работе творческой. Ведь между условиями нынешнего момента и социализмом долгий путь с рядом этапов, которые нужно отделить в программе от требований минуты. Лишь при этом условии программа приобретает жизненный, а не абстрактно-утопический характер. При этом же условии приобретет она и симпатию значительной массы лиц, ныне от партии далеких.

Тов. **Корнев.** Предыдущий товарищ остановился на общей характеристике предложенной программы; я со своей стороны позволю себе указать на некоторые наши разногласия с аграрной частью ее. Впрочем, в главных основаниях мы сходимся, и придется сделать лишь второстепенные дополнения, которые к тому же уже делались в литературе. Мы стояли бы за термин «национализация», а не «социализация». Мы

желаем вывести землю из области частной собственности, распоряжение землею передать целому народу, сделать ее его «собственностью» за неимением лучшего термина. Это и передается удачно словом «национализация». Его иные из нас избегают ввиду того, что этим термином называются и конкретные предложения, напр. Джорджа³⁰⁸, который не сходит с почвы частной собственности: последняя лишь переходит к государству. Наша национализация признает за государством лишь **верховную** собственность на землю; **пользование** принадлежит всем трудящимся, ближайшее же **распоряжение** — целой концентрической лестнице мелких местных союзов. Не надо лишь забывать, что все эти союзы не случайные частные объединения, а союзы государственные, начиная от общегосударственного органа и кончая общиной. В этом мы сходимся со сторонниками «социализации». Если мы против этого термина, то лишь потому, что иные связывают с ним мысль о принадлежности земли только местным союзам, у других он невольно ассоциируется со словом «социализм».

Второй пункт разногласия: Аграрная реформа есть переход к нации **всей** земли, не только от крупных, но и от мелких собственников; государство наложит руку на все, даже на общинные земли. Возможно ли осуществление такой реформы путем захватов, партизанской борьбы? Нет, ее может осуществить лишь организованная народная воля правовым путем, хотя, правда, захваты давлением на общественное мнение, обостряя революционный момент, могут приблизить это осуществление.

Ошибка программы — это, между прочим, попытка слишком детально и точно учитывать соотношение общественных сил и интересов в момент революции. Пример — вопрос о выкупе земель. Мы не можем теперь знать наперед соотношение сил, когда возникнет борьба по этому вопросу, а выкуп лишь этим соотношением определяется. Это вопрос, таким образом, практический, деловой, а не принципиальный. Поэтому ему совершенно не место в программе. Сами крестьяне часто не возражают против выкупа. «Или кровью, или деньгами, а заплатить придется, так уж лучше заплатить деньгами», — пришлось мне слышать от одного крестьянина. Поэтому нельзя в этом вопросе связывать себе руки, так как мы решительно не можем предвидеть, как его придется решить. Других разногласий в аграрной программе у нас нет.

Тов. **Турский**. Остановлюсь тоже на аграрной программе, столь важной для нашей партии и ее успешного развития. Аграрная реформа произойдет не только в рамках определенного государственного строя, но и в рамках менового хозяйства. В проекте программы сказано о переходе земли в «уравнительное пользование». Иные влагали в этот термин приблизительно такое конкретное содержание, что это будет нечто подобное собиранию грибов и ягод в лесу. Больше ягод, больше народа приходит их собирать. Где будет больше земли, туда будет вселяться и больше народа. Но повторяю, важно указание на то, что рамки менового хозяйства останутся, будет неизбежно различная продуктивность труда, будет, значит, дифференциальная рента, которую необходимо будет взять в виде налога, и я рад, что это предусмотрено в программе.

Но это не единственный способ уравнивания; есть и другие, практикующиеся и теперь, напр. уравнивание качества земли количеством, а то и денежным налогом, наконец, напр., мелиорации за счет государства и т.д. Не надо забывать, что мы вступаем в революцию с тяжелыми пережитками. Строились дороги и города, перемещались экономические центры, а деревенское население не перераспределялось и накапливалось неравномерно. Нужно облегчить это перераспределение путем вселения и выселения, но решительно нельзя этого будет делать насильственным путем, а придется для этого прибегнуть к определенной покровительственной политике. Недопустимы и принудительные законодательные меры против наемного труда в сельском хозяйстве, а с ним также нужно бороться такой политикой, при которой трудовое хозяйство было бы выгодным, наемное — убыточным. Репрессии же против найма будут бессильны, раз условия будут ему благоприятствовать. Наконец, могут быть случаи, где наемный труд будет неизбежен, напр., смерть или болезнь домохозяина.

Тов. Горещий (обращаясь к трем предыдущим ораторам). Позвольте вопрос: считаете ли вы полезным рекомендовать революционный захват земли для разрешения аграрного вопроса?

Тов. Корнев. Революционным путем можно создать народное государство, которое и возьмет землю, но нельзя создавать у крестьян иллюзию, что прямым захватом они чего-нибудь достигнут. Правда, захваты толкают государство к аграрной реформе, подчеркивая и обостряя аграрный вопрос, и это, конечно, их положительная сторона, но отрицательная сильнее. Ведь эти захваты между прочим развивают земельное хищничество; являются хозяйственные мужички и при помощи банков скупают обесцененную землю.

Тов. Красова просит яснее формулировать отношение к вопросу.

Тов. Турский. Лично я еще недавно думал, что выкуп неизбежен, но события разворачивают неожиданные перспективы. В данном, напр., случае сама жизнь в значительной дозе уже экспроприировала земельную собственность, так как листы земельных банков, где эти имущества заложены, страшно падают, и кто знает, до чего дойдет это падение. Может быть, и выкупать будет нечего.

Тов. Рождественский. Нам говорят, что дело социализации будет сделано отдельными местными восстаниями, Учредительное же собрание ее санкционирует. Отдельные группы могут **только** взять землю в свою собственность, и это будет собственность именно этих деревень, а не общенародная. Говорят: «во временное пользование». Ну а что, если 10 000 деревень, захвативших землю, пожелают ее в пользование вечное и вступят в конфликт с Учредительным собранием? Ведь оно тогда этой земли не сможет взять в общенародное владение. Следовательно, останется лишь санкционировать **буржуазную** собственность отдельных групп, и в этом процессе не только может погибнуть бесследно община, но я тут вижу опасность, которая на сотню лет может замедлить дело социализма. Таким образом, лишь государство может провести эту реформу. А захват земли и вспашка есть лишь пользование крестьян

лапной деревни и ничего общего ни с социализацией, ни с национализацией не имеет.

Тов. **Шевич** указывает, что в понятии «диктатура рабочего народа» нет ничего нелепого, так как это означает диктатуру революционного крестьянства, пролетариата и интеллигенции над нетрудящимися классами общества; кроме того, он находит в мировоззрении оратора элементы чистого анархизма.

Тов. **Рождественский**. Диктатура пролетариата есть диктатура нескольких миллионов над сотней миллионов. Диктатура народа была бы диктатурой сотни миллионов над десятком, и в этом смысле она будет народовластием. Что касается второго замечания, то я должен сказать, что я социалист.

Тов. **Валин**³⁰⁹ просит тов. Рождественского указать более конкретно на недостатки практической части программы и отметить наиболее, по его мнению, неотложные задачи партии.

Тов. **Рождественский**. Критикуя экономическую программу, мы уже указали на ряд неотложных требований. В политической части я остановлюсь лишь на демократической республике. Только в последнее время, насколько я знаю, этот вопрос сделался очередной задачей. Но, по моему мнению, для социализма вопрос о форме правления не представляется решающим: важно лишь воплощение народовластия, что всецело может быть дано Учредительным собранием. Есть свободные монархии и недостаточно демократические республики. Требование демократической республики в русских условиях отдаляет партию от жизненной работы. На учительском съезде со всех сторон утверждали, что в деревне трудно пропагандировать уничтожение царской власти или династии. Но свободно можно сводить роль царя к роли старшего писаря. Большая разница признавать республику конечною целью организационной работы или всю разрушительную деятельность направлять к ее созданию немедленно.

Тов. **Турский**. Я выскажу еще несколько замечаний на программу. По-моему, необходимо выдвинуть на первый план наиболее выпуклые требования, не осложняя их деталями, именно 1) утверждение личных неотъемлемых прав граждан, 2) принцип народовластия, 3) принцип национализации земли. Между тем последнее требование сопровождается такою частностью, как, напр., муниципализация предприятий и г.п. Точно так же в рабочей части я выдвинул бы вперед 1) максимальный рабочий день, 2) минимальную заработную плату и 3) участие в управлении фабрик вообще (а не во внутреннем только распорядке).

Тов. **Старков**. 1) Почему товарищ опасается революционного захвата земли, если он сам признает, что деятельность партии и возникшее отчасти под ее влиянием аграрное движение уже уничтожило фактически частную собственность на заложенную землю, обесценив бумаги земельных банков? Ведь партия не проповедует захвата земли отдельными деревнями, но старается организовать местное революционное самоуправление, которое, захватывая землю, в то же время организует справедливые формы уравнительного землепользования. 2) Другой то-

варищ рекомендует установление платы за пользование землями неодинакового качества, установление своего рода дифференциальной ренты. Я утверждаю, что справедливость в пользовании землей может быть достигнута и без установления всякой денежной платы. Я надеюсь представить особый доклад об дифференциальной ренте, где постараюсь доказать, что ее не существует и что для уравнительного пользования совершенно не нужно прибегать к обложению более доходных земель.

Тов. Турский. Вопрос в том, звать ли к захватам. Ведь задача наша организовать общественные силы, стать во главе их, а тут мы зовем, но управлять ими, говоря вообще, не можем. Это подтвердилось даже в той губернии, где мы наиболее глубоко пустили корни — в Саратовской губернии. Ведь призыв к захвату есть в сущности призыв к восстанию, к захвату власти. Если мы имеем достаточно сил для последнего, будем звать к восстанию; в противном случае мы навлекаем лишь неизбежные репрессии. Конечно, и я признаю положительную сторону? состоящую в уничтожении ценности частной земельной собственности. Но, повторяю, пора приниматься за созидательную работу организации общественных сил, а то на развалинах после нашей разрушительной работы уже готовится воцариться чумазный легион.

Тов. Крымский³¹⁰. Имею два вопроса. 1) Думает ли группа, излагающая нам свою точку зрения, что социализация земли будет связана и с обобществлением мелкого производства в сельском хозяйстве? 2) Если, с вашей точки зрения, самостоятельное движение крестьян к захвату земель приведет к результатам, нежелательным для с.-р., то почему вы надеетесь, что представители тех же самых крестьян, действуя через Учредительное собрание, проведут нашу программу?

Тов. Коренев. Государство может лишь экспроприировать землю, дальнейший же прогресс в смысле приближения к социализму есть дело хозяйственной эволюции с участием в ней сознательного творческого элемента.

Тов. Турский. Учредительное собрание явится представителем интересов всех трудящихся, оно отразит все их идеалы и даст общий их синтез; между тем, если закрепить то положение вещей, которое создается захватом земель, то мы получим крайне пеструю картину от общественного производства до полного индивидуализма.

Тов. Нижегородский указывает на примеры Нижегородской губ., где захват принимал иногда такие формы: захватывался лес и к нему представлялись сторожа, чтобы охранить его неприкосновенность до созыва Государственной думы, которая и распорядится с ним, как захочет.

Тов. Рождественский. Такой захват мы можем только приветствовать, но много ли таких фактов?

Тов. Поморцев. Я хотел бы задать следующий вопрос. Тут высказывалась мысль, что все надежды и упования следует возлагать на народ и на Учредительное собрание, но если это Учредительное собрание отвергнет формулу «Земли и Воли» и, закрепив землю за народом, отвергнет или ограничит народовластие? В таком случае преклонитесь вы пред голосом Собрания или нет? Вот с этой точки зрения понятно, почему

земля может быть закреплена за народом только через вооруженный ее захват, подобно революционному захвату права союзов, свободы слова и т.п.

Тов. **Турский**. Учредительное собрание, созванное при всех гарантиях, на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права, есть для меня верховная инстанция, и бунтом против **такого** собрания я не пойду. Единственная форма борьбы против него для меня это воздействие на него непосредственно и через народное собрание.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель тов. **Шевич**.

Тов. **Князев**³¹¹ читает протоколы вечернего заседания 30-го декабря.

Председатель предлагает обсуждать сначала общую часть программы (теоретическое введение) и предлагает избрать немедленно комиссию, которая должна сделать сводку всех поправок и изменений к проекту и выработать окончательную редакцию программы.

Тов. **Соломин** присоединяется к этому предложению.

Председатель ставит его на голосование, но собрание отвергает его подавляющим большинством.

Тов. **Старков**. Теоретические предпосылки предлагаемой программы, по моему мнению, недостаточно удовлетворительны; они кажутся такими же, насколько знаю, многим из партийных работников. Я лично думаю, что хотя теоретическую часть программы — ее философское обоснование и возможно было бы составить более удовлетворительно, но сделать это теперь нам не удастся вследствие слишком короткого времени, которым мы располагаем. Поэтому я предложил бы ограничиться принятием и утверждением только практической части программы; ее философское введение или откинуть совсем, или оставить в виле проекта обоснования; жили же мы до сих пор только с проектом обеих частей программы. Для доказательства возможности выработки более удовлетворительных теоретических предпосылок, приведу здесь несколько самых сжатых положений, которые, может быть, могли бы послужить более или менее пригодным материалом. В основе существующего социального строя лежат помимо биологического два основных фактора: экономический или, правильнее, технико-экономический и политический. Люди существуют двумя способами: 1) эксплуатируют внешнюю, окружающую их природу, делая объектами своего труда для удовлетворения разнообразных потребностей растения, животных, минеральные богатства и силы природы, — это фактор технико-экономический; 2) эксплуатируют себе подобных: на первоначальных ступенях развития вполне приравнивают их к остальному зоологическому миру, поедая побежденных, затем ограничиваются тем, что отнимают их запасы и заставляют их на себя работать, — это фактор политический.

Процесс взаимной многовековой борьбы и войн, сначала отдельных племен и родов, затем малых, средних и, наконец, больших государственных организаций породил все главные черты современного типа государственных организаций; политическая эксплуатация отдельных ор-

ганизованных групп людей другими группами создала в существующем социальном строе всю главную массу несправедливостей, угнетения. Существующие государства представляют из себя общественные организации, происшедшие из завоевания сначала одних мирных групп другими, а затем из многократного покорения новыми завоевателями. Происходило последовательное напластание полноправных победителей над лишаемыми прав побежденными. Происхождение современных классов, вопрос мало выясненный до сих пор в экономической науке, с этой точки зрения представляется довольно ясным и простым. Технико-экономический фактор, т.е. отношение людей к внешней природе, влиял только на деление людей по специальностям, по занятиям; но разницу в экономическом могуществе и богатстве так же, как и более ранних их предшественников, сословий и каст, создал только фактор политический. Процесс первоначального накопления, художественно нарисованный Марксом, происходивший главным образом в виде разных форм политического грабежа и насилия, вовсе не прекращался с того момента, как вступил в полное действие механизм капиталистического строя. Он действует и теперь в полной силе, и весь капиталистический строй, как строй эксплуататорский, и теперь существует, питается и поддерживается действием политического грабежа и насилия. Таким образом, весь капиталистический строй существует сейчас как строй эксплуататорский не сам по себе, а только благодаря не прекращающейся во всем мире оргии политического грабежа и насилия. Он есть только видоизменение прежних способов политической эксплуатации побежденных победителями. В своем целом капиталистический строй представляет из себя сложное, составное явление, обусловливаемое обоими факторами, и технико-экономическим, и политическим. Частная собственность на землю появилась на свет благодаря политическому порабощению. Мирная гражданская форма землепользования была всегда и везде общинная. Между политическими организациями происходит такой же процесс борьбы, как и между отдельными капиталистическими предприятиями. В конце концов этот процесс и там, и здесь должен окончательно окончиться слиянием последних борющихся организаций в одно целое. По окончании процесса взаимной борьбы, после слияния последних борющихся организаций в одно целое, должны будут исчезнуть все те черты, которые возникли, как следствия этой борьбы всякое неравноправие, всякое классовое устройство, всякая частная собственность и всякая централизация, как в управлении, так и в законодательстве.

Тов. Медведев. Вчера тов. Соболевский с гордостью указывал нам на то, что наша партия, хотя она и получила свою организацию лишь недавно, как направление существует уже 35 лет, а некоторые из товарищей начинали нашу генеалогию с еще более давнего времени, чуть ли не прямо с Радищева и Новикова³¹². Как бы ни считать, но несомненно, что русский социализм, развиваясь в своеобразных условиях русской жизни, уже давно получил особый оттенок; как удостоверяет тов. Шевич в своей вступительной речи, русский социализм к нашему

времени успел внести особую струю и в международный социализм, и это достигнуто именно нашей партией и ее участием. Да, наша партия как направление имеет славное прошлое, и не только тем оно славно, что русские социалисты выставили из своих рядов героических борцов, имена которых чтутся всем пролетариатом, всеми честными людьми всего мира, оно славно и тем, что наряду с вождями на поле битвы, наряду с проявлением беззаветного самоотвержения сотнями и тысячами наших товарищей движение выдвинуло в России блестящих вождей и в области мысли, оно создало глубокие и своеобразные учения в философии и социологии. От Герцена³¹³ через Чернышевского³¹⁴ и Добролюбова к Лаврову и Михайловскому, — вот этапы в развитии русской социалистической мысли. Существенная особенность этого направления состояла не только в указании роли крестьянства и в исправлении холодного взгляда на этот общественный класс, являющийся у нас в России основным и первенствующим по значению; особенность нашего направления лежит глубже; наше миросозерцание не позволяет нам рассматривать процесс общественного развития с упрощенной точки зрения, на какой стоят последователи экономического материализма; мы стремимся охватить в своем мышлении этот процесс во всем его многообразии, не выделяя совершенно искусственно один какой-либо фактор как определяющий все остальное. Мы рассматриваем общественную эволюцию не только с внешней стороны, как механический процесс концентрации человеческих сил и более правильно и более правильного их распределения для производства продуктов; мы никогда не забываем внутренней стороны этого процесса, являющейся в сознании личностей неустранимым стремлением к осуществлению нравственного идеала, к водворению в жизни правды и братства. Этическая сторона социалистического учения, отошедшая куда-то на задний план в международном социализме и в особенности у с.-д., в трудах наших учителей Лаврова и Михайловского всегда занимала видное место, и в миросозерцании каждого из нас именно этический момент и придает социализму его главное обаяние.

Отразилось ли все это в предложенном нам проекте теоретической обосновки программы? Нет! В этом проекте общественный процесс рассматривается почти исключительно с экономической точки зрения, и нет в нем именно того, что составляет наиболее существенные и характерные черты нашего учения. Ввиду этого оратор предлагает подвергнуть вступительную часть проекта программы существенной переработке в смысле ее углубления и расширения.

Тов. Павлов указывает на то, что введение в проект программы содержит в себе целый ряд философских предпосылок, верность которых может быть оспариваема именно с теоретических точек зрения. Предпосылки дают определение природы социального прогресса, они указывают на цели последнего и вообще затрагивают множество утонченных социалистических проблем. И в то же время обоснование всего этого носит явно материалистический характер, как результат влияния марксизма. При таких условиях введение должно быть отвергнуто, и

составление его возможно лишь в том случае, если в нем будут точно учтены все господствующие в партии течения, как и едва возникающие и пока еще глухо пробивающиеся. Введение должно быть общему почвой соглашения, и оно должно оставить широкий вход для возможностей теории, чтобы с этой стороны не мешать росту партии. Оратор высказывается поэтому за разработку и опубликование лишь программ минимум и максимум, отклонив, согласно предложению тов. Старкова, обоснование введения и его составление до ближайшего будущего.

Тов. Абрамов³¹⁵. Относительно теоретических предпосылок к программе сверх того, что здесь было уже сказано, мне придется прибавить немного. Я согласен с большинством высказавшихся товарищей, что первая часть представленного съезду проекта программы столь же неудовлетворительна, как и таковая в первоначальном проекте. Лучше всего по сжатости, краткости и близости к философскому мирозерцанию наших учителей Лаврова и Михайловского, те основания, которые устно изложил тов. Рождественский, так как в основу им положен не объективный процесс истории, а целостная, всесторонне развитая, автономная личность. К сожалению, тов. Рождественский не изложил ее письменно. За неимением ни одного удовлетворительного письменного проекта изложения теоретических предпосылок к проекту и за неимением времени выработать его здесь, я предложил бы отложить его разработку до следующего съезда, приступив сейчас к разработке самой программы минимум и максимум.

Самая программа должна быть опять-таки кратка и общепонятна. В программе **максимум** мы изложили наше понимание революционного социализма, социализма как уничтожения частной собственности во всех отраслях человеческой жизни, частного присвоения орудий труда и средств производства, власти, знания и пр. и передать их обществу в коллективное пользование и владение. Программа **минимум** у нас, с.-р-ов, должна быть не подробным взвешиванием и перечислением реформ, какие мы думаем выторговать у буржуазии, так как мы не думаем приспособляться к последней; нет, в ней надо лишь в общих чертах наметить те этапы, которыми мы пойдем в нашей революционной борьбе к социализму. Этим ближайшим этапом является передача политической власти, орудий труда и средств производства, культурных приобретений трудящимся массам, не имея пока в виду общественного ими пользования за неподготовленностью к тому масс.

Итак, федеративная демократическая республика, коммунализация и муниципализация фабрик и заводов и социализация земли — вот те общие пункты, которые могут быть приняты нами вместо детальной программы **минимум**. Довольно одно, что даже и в такой общей форме программа **минимум** не везде может быть проведена одновременно, равномерно и одинаково. Так, на Урале, в губерниях башкирских Уфимской и Оренбургской захват земли в целях их социализации неизбежно вызовет национальную рознь, ибо башкиры, владея и теперь массами земель, глядят на всю «Башкирию» как на свою вотчину. С другой стороны, в заводских районах того же Урала, где рабочий рудников и заво-

дов в то же время и крестьянин, немислима социализация земли и педр без коммунализации или муниципализации самих заводов. Это значило бы разорвать живую человеческую личность надвое. Думаю, что подобные особенности будут встречаться и не на одном Урале. Вот еще почему детальная разработка программы **минимум**, по моему мнению, немислима.

Тов. **Поморцев**. На мой взгляд, от теоретического обоснования программы отказаться нельзя; но, с другой стороны, если и следует включить этическое обоснование, то искусственно втискивать его в тот безусловно выдержанный проект, который предложен нам, кажется мне также нежелательным. Я поэтому буду рассматривать введение к программе в тех пределах, которые намечены проектом, и хочу сделать к нему два замечания. Во-первых, на стр. 2-ой проекта мы читаем: «Чем всесторонней и последовательнее развиваются в обществе начала буржуазной собственности и хозяйства, тем резче оно распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, сосредоточивающих в своих руках владение естественными силами природы, средствами производства и обмена». Мне кажется, что предложение «получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ» следует выкинуть, т.к. оно является как бы пережитком увлечения теорией обнищания, теорией, которой я лично не разделяю и которая, как мне кажется, не защищалась в нашей партийной литературе. Во-вторых, на стр. 3 говорится: «уничтожение классового принудительно-репрессивного характера общественных учреждений при сохранении и развитии их нормальных культурных функций», и т.д. Мне кажется, что слова «принудительно-репрессивного характера» следует выкинуть, т.к. «принудительно-репрессивный характер общественных учреждений» сохранится во всяком, даже правовом, государстве, или слова «принудительно-репрессивный» заменить словом «полицейско-бюрократический».

Тов. **Валин** указывает, что в проекте отсутствует указание на одну из самых характерных черт в П.С.-Р. В нашей партийной литературе, в постановлениях наших съездов, в речах агитаторов и пропагандистов, как лейтмотив, всегда было указание, что грядущая революция не будет голько буржуазной. (Перерыв: «Это есть в программе!») Проект программы стоит тоже на этой точке зрения. Я не затруднился бы указать, особенно во второй части программы, которой мы пока не обсуждаем, места, которые сюда относятся. Но в программе они отмечены недостаточно энергично. Особенность, душа нашей программы в таком именно взгляде на задачи революции. Мы — социалисты, и мы — революционеры. В программе отсутствует этот революционный дух нашей программы. Но он нам нужен, он дорог нам как одна из самых характерных черт нашей программы. Но дайте же нам такую программу, которая была бы воплощение революционного настроения всей партии.

Тов. **Фирсов**. Принимая всю программу **en blok**, несмотря на частичные недостатки ее формулировки, я коснусь главным образом одного вопроса по существу. Как это ни странно, но в проекте программы не

нашла себе места та особенность оценки положения трудового крестьянства в современном обществе, которая так характерна для нашей партии. Трудовое крестьянство, как постоянная составная часть рабочего класса, столь же присущая органически капиталистическому обществу, как и наемный пролетариат, — эта характерная черта нашей программы отсутствует в проекте. Для «Револ.Рос.» трудовое крестьянство не мелкая буржуазия, неизбежно обреченная на исчезновение и становящаяся под социалистическое знамя лишь постольку, поскольку она усваивает точку зрения пролетариата. Нет, трудовое крестьянство по самым условиям своего социального положения, в силу своих собственных классовых интересов, столь же «социалистично», как и индустриальный пролетариат. Этот-то момент не отмечен и не подчеркнут в проекте. Он даже не определяет содержания понятия рабочего класса в смысле совокупности пролетариата и трудового крестьянства. Это, несомненно, лишь недосмотр, но тем более досадный недосмотр. Указание проекта на то, что партия стремится объединить в единый рабочий класс все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, далеко еще недостаточно. Понятие класса есть не только социально-политическое понятие. Для формирования класса недостаточно одной пропаганды и агитации. Необходима общая социально-экономическая подкладка, общее классовое положение для образования в процессе развития сознания в массах одного, единого рабочего класса. Вот эта-то общность классового положения трудового крестьянства и пролетариата в современном обществе и не указана в проекте.

Тов. **Порошин**. По порядку дня мы должны теперь ограничиться обсуждением предложенного нам проекта программы лишь в общих чертах его построения. В этом отношении очень жалко, что докладчик, очевидно из-за недостатка времени, не указал даже на такой важный момент в деле построения программы, как разделение ее на две части — программу-минимум и программу-максимум. Такое отсутствие в докладе канвы для дискуссии значительно затрудняет ход прений. Но, основываясь даже только на том, что дано в «проекте», можно указать на один очень крупный его недостаток, накладывающий на него печать двойственности, непоследовательности, именно двойственности тех начал, которые положены в основу рабочей и аграрной части проектируемой программы. Когда мы, с.-р., выступили несколько лет тому назад со своей аграрной программой, мы потому имели такой успех, что в основу ее был положен новый, чуждый другим социалистическим программам принцип, революционный принцип экспроприации земли, уничтожения частной собственности на нее и замены таковой собственностью коллективной, исключающей всякой земельной эксплуатации крестьянина вследствие уничтожения главной ее формы — рентной формы эксплуатации. Этот-то революционный принцип и придал ярко-красную революционную окраску нашей программе и сообщил нам такую силу, силу количественную, а еще больше качественную. Но когда мы, раз попав уже на революционный путь в деле построения программы, от аграрной ее части перешли к город-

ской, рабочей, нас одолела какая-то нерешительность, кончившаяся заменой положенного уже в основу одной части программы революционного принципа экспроприации частной собственности и замены ее собственностью коллективно-общественной, новым принципом, принципом реформы. 8 часовой рабочий день и другие улучшения социального положения рабочих, поскольку они не выходят из рамок существующего буржуазно-капиталистического строя, оставляют нас на почве эксплуатации остающегося еще наемного труда, изменяя лишь в той или другой степени благоприятную для рабочего класса сторону современных отношений между эксплуатируемыми и эксплуататорами. В этом смысле введение 8 часового рабочего дня или другое какое-либо его сокращение в пределах неунитожжаемого прибавочного труда есть реформа, а не переворот. «Проект программы», основанный на двух различных принципах, с одной стороны, на принципе революции, коренного переворота в земельных отношениях и, с другой, на принципе реформы, частного, а не коренного переворота в фабрично-заводских отношениях, безусловно поэтому страдает двойственностью, непоследовательностью. Гораздо последовательнее в этом отношении с.-д., у которых принцип реформы господствует во всех частях их программы; у них 8 часовым отрезкам в городе соответствуют пресловутые земельные отрезки в деревне, что создает вместе ясную, определенную и последовательную (жалкая последовательность!) реформаторскую, осуществимую в пределах буржуазного строя, программу. Если же мы, с.-р., хотим сохранить тот революционный дух, которым проникнута аграрная часть нашей программы, и в то же время быть последовательными и иметь цельную программу, нам остается одно — распространить принцип революции и на город и, наряду с революционной экспроприацией земли с заменой частной собственности на нее собственностью общественной, поставить революционную экспроприацию фабрик и заводов с заменой частной собственности на них собственностью коллективно-общественную.

Тов. Крымский. Товарищи, мне кажется, что крупным недостатком в строительстве нашей партии было то, что она объединялась не вокруг готовой программы. Теперь только, после пятилетнего существования партии, мы обсуждаем проект программы, и оказывается, что в партии имеются довольно разнородные элементы, так как к программе относились отрицательно, исходя из различных точек зрения: анархической (тов. Старков), с точки зрения русской субъективной школы (тов. Гурьянов, Медведев и др.), и, наконец, сама программа представляет из себя как будто, сравнительно с другими, марксистское направление; по крайней мере некоторые предыдущие товарищи в этом ее упрекали. Это привело некоторых даже к мысли совсем отбросить изложение теоретических предпосылок, что, конечно, невозможно. Прошло уже два года с тех пор, как опубликована эта программа; вокруг нее собралось немало новых товарищей, и вдруг съезд отказался бы в сжатой форме изложить сущность своего мировоззрения. Это привело бы ко многим печальным последствиям, из которых я на первом месте по-

ставлю дальнейшее развитие неоднородности нашей партии.

Я думаю, что мы должны принять в целом предложенное нам вступление, и я защищаю его именно за те стороны, которые вызвали обвинение его в марксизме, потому что именно эти стороны, не имея ничего общего с ортодоксальными догмами марксизма, роднят нас со всеми нашими заграничными товарищами, т.е. дают нам право называть себя одним из эшелонов великой международной армии трудящихся. Это вступление должно быть, по-моему, только более ясно и определенно написано. Так, его вступительные строчки говорят, что Россия вступает во все более и более тесную связь с передовыми цивилизованными странами. Что же это за связь? Без сомнения, здесь указывается на развитие капитализма в России; почему же не заявить об этом прямо? Вот это указание на развитие капитализма в России и дает, по моему мнению, главное основание для обвинения вступления в марксизм, но ведь если марксисты были правы, говоря, что Россия должна в известной мере пережить фазу капиталистического развития, чего не отрицали и наши учителя, Лавров и Михайловский, то это не значит, что марксисты были правы также, напр., хотя бы в своем экономическом материализме и т.п. Если мы признаем, что Россия переживает период развития в тех или иных пределах капитализма, то мы признаем только совершившийся факт и вовсе не повторяем социал-демократических ошибок относительно границ и последствий этого развития. Если признать, что лучшим вступлением к программе будет констатирование окружающей нас действительности, то надо ясно и определенно заявить, что мы живем в стране развивающегося капитализма. Обращаясь к литературе партии, укажу на № 1 «Вестн. Рус. Рев.», где в передовой статье «Наша программа» рассматриваются происшедшие в России перемены и на первом месте указывается на развитие капитализма.

Это признание обязывает ко многим логическим последствиям, между прочим, по вопросу о программе-**максимум** и программе-**минимум**. Мне приходилось слышать со стороны товарищей такое обоснование отрицания программы-**минимум**: «Ведь мы не признаем обязательности капиталистического развития как необходимого пути к социализму; как же мы признаем программу-**минимум**, раз она состоит из тех требований, которые могут быть удовлетворены в недрах буржуазного общества?» Так вот, если мы признаем, что мы живем в буржуазном обществе, то мы тем самым признаем, с одной стороны, что и для России путь к социализму такой же, как и в Западной Европе, а с другой — признаем программу-**минимум**.

Напрасно тов. Валин говорит, что проект программы не имеет того, что составляло всегда душу партии с.-р., а душу пар. с.-р., по его мнению, представляло предвидение близкого социалистического переворота, и это составляло, по его мнению, наше отличие от западноевропейских товарищей. Самый факт двухлетнего существования программы противоречит его словам. Итак, повторяю, вступление мы должны принять, внеся только поправки в духе более определенного указания на совершающийся теперь в России процесс капиталистического развития.

Тов. Базаров. Я первоначально хотел не касаться речей предыдущих ораторов. Я хотел говорить только по существу, но теперь я чувствую необходимость коснуться хотя некоторых из них. По-моему, нельзя лишить программу теоретического введения, как предлагали сделать некоторые ораторы. И хотя в иных частях я нахожу это введение неудовлетворительным, но думаю, что его все же можно будет принять с некоторыми поправками. Только поправки-то эти должны быть совсем не таковы, как предложил только что говоривший тов. Крымский. Конечно, важно установить, что мы имеем общего с остальным цивилизованным миром, но еще, пожалуй, важнее подчеркнуть те черты, которые отличают, обособляют нас от других стран, отметить то особое место, которое занимает Россия в ряду культурных народов. Я попробую наметить вкратце эти черты.

У нас развитие капитализма, отлучение непосредственных производителей от их орудий производства происходило при наличии социалистической критики буржуазных форм общества, при наличии социалистической интеллигенции, объединенной в партии. И это чрезвычайно важное обстоятельство. Именно на этом факте русская социалистическая интеллигенция во времена Герцена даже строила свои надежды, что России удастся обойти стадию капиталистического развития, что критически мыслящей части общества, вооруженной социалистической критикой, удастся объединить трудовые массы народа в социалистическую партию и преобразовать Россию на началах общей солидарности раньше, чем капитализм успеет захватить под свою власть все или даже хоть большую часть народного хозяйства. Позднее эти надежды приняли несколько иной вид, но что в них осталось неизменным — это стремление революционным путем круто поворотить развитие нашей земледельческой страны на путь развития трудового, а не буржуазного хозяйства, общественной, а не частной собственности. И вот теперь, когда эти надежды начинают осуществляться, когда они готовы воплотиться в жизнь, неужели теперь мы объявим эти надежды тщетными, эти традиции русского революционного социализма несбыточной утопией?!

Конечно, капитализм в России есть; конечно, он развивается. Но он имеет свои особенности, отличающие его от капитализма в Западной Европе. Некоторые из этих особенностей отмечены в проекте программы, но не все, и я предлагаю резче подчеркнуть ту особенность, которую я только что указал.

Я не понимаю, почему тов. Крымский здесь, на съезде П.С.-Р., а не в рядах с.-д. (Смех.) Если мы, как то делает вслед за с.-д. тов. Крымский, будем возлагать все свои надежды на дальнейший рост и развитие капитализма в России, то, простите мне вульгарное выражение, на кой прах нам крестьянство! Или оно — нуль, или ему суждено пролетаризироваться, а тогда нам нечего теперь с ним делать, или крестьянство — совершенно особая общественная сила, которая, выступив сознательно на историческую арену, вызовет глубокие изменения в т.н. «естественном ходе вещей». Если возлагать свои надежды лишь на рост

капитализма и пролетариата, то крестьянство не нужно. По воззрениям с.-д., только когда разовьется пролетариат и созреют производительные силы в недрах капиталистического общества, может наступить царство социализма. Но в таком представлении нет и следа крестьянства. А мы хотим опираться на крестьянство; по нашим взглядам, крестьянство не нуль; оно проявило уже свою могучую силу и проявит еще большую. И эта сила будет на стороне борцов за революционный социализм. Настоящий момент в России, момент глубокого социально-политического кризиса, обусловлен не соответствующую степенью развития капитализма, а ростом сознания народных масс, ростом социалистических партий. Если бы у нас, в России, все крестьянство сохранилось как таковое, то социальный переворот все равно у нас мог бы быть, как и в том случае, если бы все крестьянство превратилось бы в пролетариат. Но характер переворота в обоих случаях был бы совершенно различный. И это тоже должно быть отмечено в введении к программе. Во втором случае, т.е. если бы вся трудовая Россия была пролетаризирована и если бы объединенный в политическую партию пролетариат захватил власть в государстве, социальный переворот был бы социалистическим. Иное дело в первом случае. Если мелкое хозяйство самостоятельных производителей преобладает над крупнокапиталистическим, если партия переворота охватывает в своих рядах массы самостоятельных производителей, в частности трудового крестьянства, то непосредственное осуществление социалистического (т.е. организованного общественно-го) производства путем переворота невозможно по техническим условиям. Там, где господствует мелкое производство, невозможно быстро путем переворота организовать производство общественное. Поэтому и программа ближайшего переворота для партии, охватывающей в своих рядах многомиллионную массу крестьянства, не может быть программой полного **социалистического** переворота. Только та часть народного хозяйства, которая уже обобществилась в процессе капитализации, и может быть передана в общественное заведывание. Земля же, находящаяся в настоящее время под мелкой культурой, конечно, может быть социализирована, т.е. передана в общественное **владение**, т.к. по пользование ею по необходимости останется на некоторое время, может быть не один десяток лет, индивидуальным. И только уж постепенно и в этой области народного хозяйства будет развиваться хозяйство общественное по мере того, как прогресс сельскохозяйственной техники подготовит почву для крупного производства в земледелии, и по мере того, как сами мелкие производители-крестьяне сознают убыточность индивидуального хозяйства. Конечно, после переворота этот органический процесс обобществления может пойти очень быстро, но в самую программу переворота этот процесс входить не должен. Программа переворота должна включать в себя передачу в руки общества крупных промышленных предприятий и социализацию земли. И эту особенность возможного в России социального переворота необходимо также отметить в программе. Таким образом, вот те требования, какие я предлагаю сделать в общей части программы:

1) Капитализм в остальных странах развивается при наличии социалистических партий и социалистической критики.

2) Социалистические партии в таких странах состоят не из одного только пролетариата, а из мелких самостоятельных производителей.

3) Социальный переворот в таких странах не может быть вполне социалистическим; он сводится к передаче в заведывание общества крупных промышленных предприятий и предоставлению социализированной земли в пользование мелких производителей. Я должен теперь коснуться еще одного пункта предложенного нам проекта программы, именно вопроса о построении программы-**минимум**. Характер этой части проекта страдает очень существенным недостатком: она совершенно не дает ответа на один вопрос первостепенной важности. Всякая партия не только должна критиковать современные порядки и деятельность правительственных партий, но и сказать, что она сама сделает, что она может сделать, если станет у власти. Вот на этот-то вопрос и должна отвечать программа-**минимум**. Чтобы объединить народные массы, чтобы сплотить их вокруг своего знамени, партия должна ответить народу, что она станет делать, если народная воля поставит ее у власти.

Наша программа-**минимум**, таким образом, должна быть программой социального переворота на основах, которые я только что указал, с добавлением к ней, конечно, плана полного и всестороннего народовластия. Программа-**минимум**, предложенного нам проекта отвечает совсем на другой вопрос — на вопрос о том, какие **реформы** социалистическая партия будет отстаивать в будущем представительном собрании, какие она будет вырывать своей революционной борьбой у стоящих у власти несоциалистических партий. Но именно в нашей программе, программе П.С.-Р., такое построение программы-**минимум** совершенно нелогично. Я понимаю минимальную программу с.-д. У них есть совершенно ясный критерий для нее. Они преклоняются перед рамками буржуазного общества, и в их литературную программу включено все, что можно вырвать у господствующих классов, не затрагивая основ современного общества, не разрушая рамок буржуазного строя. Таков социал-демократический критерий, и это последовательно и логично, если предрешить заранее, что русская революция носит буржуазный характер. Но для нас, с.-р., этот критерий немыслим, мы не хотим стеснять себя рамками буржуазного общества, мы давно уже выставили на своем знамени требование, решительным образом подрывающее одну из основ буржуазного строя — частную собственность на землю. Очевидно, что при таких условиях решить заранее, что именно мы будем **вырывать** у несоциалистических партий, совершенно невозможно. Всякий твердый критерий утрачивается. Мы будем вырывать все, что приближает нас к социализму и что в каждый данный момент, в зависимости от соотношения всех социальных сил, мы в состоянии будем делать. На таком текучем принципе нельзя основать отчетливой и твердой программы, нельзя решить, до каких именно пределов она должна простираться.

Яркий пример полной невозможности построить твердую программу на этом принципе мы находим в речи тов. Турского. По его словам,

он еще весной считал невозможным добиться отобрания земли без выкупа. Теперь соотношение сил так изменилось, что ему уже кажется возможным вырвать у господствующих классов земли без выкупа. Вот что значит строить программу на соотношении общественных сил!..

Но развернем перед собою картину переворота, происходящего под руководством социалистических партий, и мы найдем вполне точный критерий программы такого переворота. Программа переворота, как я уже показал, должна ограничиваться пределами того, что в настоящее время возможно осуществить из социалистического идеала в зависимости от социально-экономических условий (в частности, от состояния производительных сил). Мы, с.-р., должны и можем ставить на своем знамени не уменьшение эксплуатации, а уничтожение ее, полное освобождение труда от эксплуатации; мы должны добиваться равномерного распространения в обществе всех материальных и духовных благ, доступных при современном состоянии культуры. Вот чем должен определяться минимум наших требований. (Аплодисменты.)

Тов. Снегов³¹⁶. Лишь несколько слов по поводу нового течения, выплывшего в последнее время на поверхность нашей партийной жизни. Оно выдвинуло здесь нескольких своих выразителей. Это новое течение считает, что лозунг «Земля и Воля», выставляемый нами по отношению к ближайшему революционному перевороту, недостаточно революционен. Оно идет дальше и выдвигает, как ближайшее требование нашей программы, социализацию фабрик и заводов, революционную коммуну. Провинция тоже прислушивается к этому новому течению, хотя оно слабо доходит до нее. У некоторых получается впечатление, что мы, выставляя свои ближайшие требования в программе, ограничиваем широту и смелость размаха, умеряем свою революционность, как будто мы ставим точку после наших ближайших требований. Такое понимание глубоко неверно. Появление нового течения — результат непонимания нашей программы. Для нас нет ничего священного в рамках буржуазного строя. Мы только заявляем, что у нас есть ближайшие, неотложные требования, неразрывно связанные с нашей конечной целью, которую мы отнюдь не отодвигаем в долгий ящик. Да и в ближайших наших требованиях разве не заключается уже элемент нового строя? Я укажу на следующие пункты: «страхование от безработицы», то право на труд, которое Луи Блан³¹⁷ называл социализмом; «прогрессивно-расширяющееся участие рабочих в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях» или, по-моему, больше — в управлении промышленным заведением путем выборов своего начальства, сама социализация земли, прогрессивный налог на наследство, коммунальная политика, принцип кооперации, обобществление (теперь же) тех или иных отраслей народного хозяйства в зависимости от некоторых предварительных условий — что это такое, как не мероприятия, непосредственно вводящие в рамки существующего строя зачатки нового социалистического строя? Удается или не удастся осуществить их и насколько удастся — это не вопрос программы. Это зависит от соотношения сил в момент их проведения в жизнь; это об-

ласть гадательных предположений. Конкретно я высказывался за принятие проекта программы целиком и настаиваю лишь на необходимости точнее сформулировать вопрос о ближайших требованиях и внести редакционные поправки в самые эти требования.

Тов. **Горещкий**. Я вполне присоединяюсь к положениям, высказанным тов. Базаровым, но попытаюсь обосновать их несколько иными соображениями. Было время, когда мы, с.-р. в спорах с с.-д. о социализации земли выставляли такой аргумент: мы спрашивали, что станут делать с.-д. в будущем Учредительном собрании, когда в революционный момент крестьянство попытается осуществить свою заветную мечту об отобрании всех земель. Мы высказывали тогда убеждение, что с.-д. самым ходом жизни будут вынуждены признать крестьянские требования. Мы видим теперь, что наше предположение оправдывается. И вот аналогичный аргумент я должен употребить против некоторых из моих товарищей с.-р. по вопросу о передаче в руки общества фабрик и заводов, рудников и т.п. Этот вопрос выдвигает сама жизнь. Среди рабочих уже широко распространено убеждение в необходимости и возможности в революционный момент попытаться захватить в свои руки фабрики и заводы. Мы должны предвидеть, что на Урале, например, такой захват будет почти всеобщим. Это — первое соображение, которое доказывает, что вопрос об экспроприации фабрик назрел. Вот еще два соображения. Во-первых, революционная неурядица (забастовки) разрушает капиталистическое хозяйство; заводы один за другим закрываются, производство прекращается. Уже теперь рабочие, оставшиеся без работы, пытаются взять производство в свои руки (напр., заводы Чирихиной и Макарова³¹⁸). При дальнейшем росте революции это явление обострится, и перед рабочими встанет вопрос или как-нибудь самим попытаться организовать производство, или умереть с голода. Во-вторых, социализация земли, если она будет проведена, еще более затруднит ведение капиталистических предприятий потому, что ослабление или даже почти полное уничтожение непосредственной эксплуатации в такой огромной отрасли народного труда, как сельское хозяйство, не может не отразиться самым решительным, самым глубоким образом на положении труда во всех других отраслях, на норму эксплуатации труда.

Деятельность партии всеобъемлющей, должна охватывать все методы, все формы борьбы, приближающие нас к осуществлению идеалов революционного социализма. Партия должна в своей тактике использовать все стихийно возникающие народные движения, которые направлены против существующего эксплуататорского строя. Но для того, чтобы деятельность партии стала всеобъемлющей, необходимо, чтобы и программа стала всеобъемлющей, чтобы она охватила собой бессознательные или полусознательные социалистические стремления и инстинкты народных масс.

Таким образом, вопрос об экспроприации фабрик и заводов выдвигнут самой жизнью и ответить на него необходимо. Но как же ввести его в нашу программу, как охватить его положениями программы? Это, по-моему, можно сделать только одним путем, путем перестройки про-

граммы-минимум на основаниях, указанных тов. Базаровым. Программа-минимум должна быть программой социального переворота.

Тов. Карский. В нашем проекте есть один существенный недостаток, легко объяснимый моментом его возникновения. 2-3 года тому назад, мы хотя и верили в революционность и социалистичность русского крестьянина и в возможность социализации земли в России, однако не имели вполне наглядных, достаточных оснований для этой веры в русской действительности. Вот почему программа старается все вопросы объяснить, исходя из одних общих соображений, а не освещая их светом конкретной русской действительности. Вот почему в общем введении есть только намек на социальный переворот в земельных отношениях, вот почему аграрная программа стоит позади рабочей и вот почему в первом проекте о постепенной социализации говорилось в три раза больше, чем о полном земельном перевороте. Между тем вся наша программа-минимум должна купаться в лучах социального переворота, который нам предстоит пережить. И рабочий и даже политический вопрос в значительной степени определяется у нас вопросом аграрным. Поэтому я предлагаю подчеркнуть в общем введении значение земельной революции, а в программе-минимум поставить аграрную программу впереди рабочей.

Тов. Соломин возражает товарищу Карскому и говорит, что настоящий момент ничего не показывает и никакое построение программы из оценки данного момента не вытекает и вытекать не может. Программа должна быть построена на теоретических основах, а не эфемерной оценке момента. Далее тов. Соломин указывает на то, что проект программы в течение пяти лет служил тем знаменем, вокруг которого объединялась наша партия, на котором воспитывались молодые наши тов. Конечно, этот проект имеет те или иные частичные недостатки, но тот град упреков и обвинений, который на него посыпался со стороны некоторых товарищей, незаслужен. Обвиняют этот проект в марксизме, так что недоумеваешь, почему же не с.-д. вокруг него объединились, а с.-р.? Сделать поправки к проекту, конечно, можно, но, по-моему, необходимо принять его в целом. Мы должны это сделать и потому, что проект в общем и главном формулирует наши основные идеи; мы должны это сделать и для того, чтобы не перебивать работы партии, чтобы продолжать ее без скачка, без той путаницы, которая была бы единственным результатом страшных предложений обойтись вовсе без вступления в программу или перестроить ее как каких-то новых неясных принципах.

Тов. Грибовский. Я стою на точке зрения предыдущего товарища и нахожу, что нельзя строчить программу, кладя в основу оценку настоящего революционного момента. Это служит вместе с тем ответом на предложение товарищей выдвинуть в программе новое положение как задачу, обусловленную теперешним революционным настроением рабочих. Я разумею социализацию фабрик и заводов. Но оставим даже вопрос о временном настроении, как основе переработки программы. И по существу мы полагаем, что такая постановка вопроса вообще совер-

шенно неверна. Во-первых, ниоткуда не видно, чтобы социализация фабрик и заводов, как практическая революционная тенденция, имела бы за собой такие организационные силы среди рабочих масс, которые необходимы для осуществления подобной реформы. Если бы в революционный период рабочие и захватили бы фабрики, то это далеко не значит, чтобы рабочие могли продолжать производство на этих фабриках. Ссылка на социализацию земли сюда не подходит, так как социализация земли непосредственно изменяет отношения собственности, но отнюдь еще не перестраивает всего производства; кроме того, требование социализации земли опирается на существование общинного землепользования. Это — реальный факт, а не фантазия, как предполагаемое стремление рабочих немедленно же захватить в свои руки фабрики и заводы. В революционный период крестьянам предстоит только расширить пределы общины за счет новой земли и видоизменить эту общину в высшую форму, не ломая всецело своего общественного быта, продолжая сохранять в своем лице и производителя, и потребителя, и продавца...

Здесь мы выслушали упреки общему построению программы, причем ни один из товарищей не представил своего проекта, а между тем проект программы опубликован уже давно, времени было достаточно. При таких условиях общую критику продолжать продуктивно нельзя. Критика, не чреватая ничем положительным, тем самым обнаруживает свою слабость. И я предлагаю вотировать программу в целом, избрав комиссию для внесения формальных, т.е. чисто редакционных, поправок в программу. Мне остается еще поддержать предложение товарища Карского о перестановке пунктов программы, так как они не находятся в какой-либо последовательной связи, чтобы сделать это нельзя было бы, а сделав подобную перестановку, мы подчеркнули бы тот пункт, решение которого имеет для нас кардинальное значение.

Тов. **Рошин**. Существенное различие между **утопической** и **реальной**, научной программой заключается, по-моему, в том, что первая строится во имя какой-нибудь отвлеченной моральной или экономической идеи, а вторая исходит из исследования существующих экономических и общественных условий и факторов с тем, чтобы установить исполнимые для партии в данную историческую эпоху задачи. И как ни скомпрометировали этот метод неудачные попытки для России установить прогноз политический и экономический на основании изучения западноевропейской действительности, нет основания отказываться от единственно научного метода, метода научного социализма. И этому-то методу и не следовали говорившие против предложенного проекта товарищи; вопрос толковался почти исключительно с точки зрения желательности, а не возможности, осуществимости; с другой стороны, забыты лучшие традиции П.С.-Р. — приходиться к выводам не путем дедукции от общих экономических и других категорий, а из изучения живой действительности.

Характерно, что за социализацию фабрик и заводов высказываются преимущественно представители крестьянского дела или представители мелких городов. Условия крупной промышленности в крупных городах

не оцениваются ими, а вопрос этот ведь вопрос крупной промышленности. Почему социализация земли в программе-минимум — требование **реалистическое**, а социализация фабрик и заводов явно **утопическое**? Выставлению социализации земли в программе П.С.-Р. предшествовало и сопровождало его выяснение в литературе **экономической необходимости** именно этой земельной реформы. И с другой стороны, для проведения этой реформы не требовалось резкой перемены организации производства. В-третьих, социализация земли соответствует основному миросозерцанию трудового крестьянства. По отношению же к социализации фабрик и заводов существует ли, может ли быть доказана для момента ближайшего переворота экономическая необходимость, даже возможность этой реформы? Вспомните даже проведение революционным путем 8 часового рабочего дня. Не существует в русском народе пока и «организационных новиков», так сказать; ведь они не даются от природы, а развиваются в процессе культурной эволюции, а условия для нее в России очень неблагоприятны были до сих пор. Вспомните судьбу трехнедельной революционной коммуны в Новороссийске³¹⁹, где город долго был в руках рабочих; однако они не социализировали там фабрик и заводов. Очевидно, нет и соответствующего элемента в миросозерцании пролетариата, нет убеждения в принадлежности ему фабрик и заводов. Вот почему вопрос о социализации фабрик и заводов есть вопрос другого, высшего порядка, сравнительно с вопросом более простым и элементарным о социализации земли; вот почему эти меры, по порядку своего осуществления, должны распасться во времени.

Тов. Железовский. Мы оказались в странном положении. Проект программы являлся для громадного большинства в сущности программой. Мы, прямо или косвенно, в большей или меньшей мере, участвовали в создании этого проекта. Основные положения этой программы были тем связующим звеном, тем знаменем, вокруг которого объединялись мы уже 5 лет. Основные положения этой программы являлись для нас той именно душой, о которой говорил тов. Валин. Мы ехали на съезд с твердым намерением подвергнуть строгой критике проект программы, исправить его, внести необходимые улучшения. Но улучшения предполагались в частности, в деталях. Но здесь мы слышим нападения на проект программы с той стороны, с которой, казалось бы, нельзя их было ожидать. Программа подвергается несколькими товарищами критике с точки зрения принципов, нападению подвергаются основы нашей программы, именно то, что нас должно объединять. Поэтому мне приходится защищать программу в целом. Первое возражение против программы, на котором я остановлюсь, это утверждение, что социологическое введение нашего проекта страдает излишним, так сказать, «экономизмом». Я полагаю, что товарищ Медведев и другие, утверждавшие это, заблуждаются. Их утверждение — плод недоразумения. Во введении ясно, напр., определенно и совершенно достаточно очерчена роль вмешательства в ход истории организованных сил. Большого требовать нельзя. Отрицать роль экономического фактора или сводить его к минимуму значит исказить основу нашего миросозерцания.

Второе мое возражение касается программы-максимум и минимум в их взаимоотношениях. Сторонники социализации фабрично-заводского производства, в том числе тов. Базаров, исходя из признания нами социализации земли, как программы-минимума, требуют внесения в тот же минимум социализации фабрик. Я утверждаю, что такое построение неправильно. Мы требуем, и боремся за осуществление социализации земли в пределах буржуазного общества по вполне конкретным причинам (которых сейчас касаться не буду). Мы утверждаем, что социализация земли не только желательна, но и осуществима, и не только в силу соотношения сил, но и в силу хозяйственных технических условий.

Ничего подобного в смысле аргументации я не вижу в построениях тов. Базарова и его единомышленников. В частности, считаю нужным заметить только, что в их построении, в их доказательствах приводятся примеры захвата, экспроприации фабрик или передачи их рабочим в силу соглашения между рабочими и предпринимателем. Я утверждаю, что экспроприация не есть социализация. Это слишком ясно, чтобы нужно было доказывать. Фабрику мало захватить, нужно ее держать в своих руках, нужно организовать производство. Что же касается перехода той или другой фабрики в собственность и распоряжение рабочих, — это ведь не более как производительная кооперация, существующая, напр., как частные случаи и в Западной Европе.

Я утверждаю, наконец, что требование социализации фабрик, как требование программного минимума, утопично в силу технических условий производства. Я предлагаю вотировать всю программу в целом. Считаю нужным заметить еще несколько слов по поводу речи тов. Карского. Предупреждаю при этом, что не буду говорить по поводу его речи, которую я, очевидно, понял не так, как ее следовало понимать, не так, как понимал ее сам тов. Карский. Я нахожу, что предложение тов. Карского быть может полезно в целях агитации, но нелогично, и я высказываюсь против его предложения.

Тов. Тамбовцев. В прежнем, старом проекте программы, сравнительно с новым, обращает на себя внимание одно несоответствие между практической и теоретической частью программы. Практическая часть должна опираться на теоретическую, между тем в практической части программы были меры вроде развития общественного хозяйства и коопераций, развития влияния трудящихся во внутренних распорядках фабрик и заводов, передачи земли трудящимся, тогда как в теоретической части программы ничего, из чего бы эти меры могли быть выведены, не было. Я обращаю внимание съезда на одно добавление в новом проекте: «для осуществления и т.д.». Я думаю, что это добавление отвечает на предложение тов. Базарова и вместе с этим устраняет отмеченное мною в старом проекте несоответствие. Тов. Базаров, как и Горецкий, определяет ближайшую революцию как социальную. Я считаю осуществление социализма процессом, начало которого будет положено в эту революцию. Этот процесс не только борьба, завоевание, вырывание уступок, но и творческая работа. В предварительной теоретиче-

ской части этот момент отмечен только одной фразой, тогда как моменту борьбы, классовой борьбы посвящено много места. Мне кажется, что этот момент, момент органического социального творчества, должен быть развит, если возможно, даже еще ярче, чем в предлагаемом проекте. Творческая сторона процесса должна быть подробнее формулирована и разработана. Я не высказываюсь за формулу «социализация фабрик и заводов», но думаю, что то или иное добавление относительно муниципализации промышленных предприятий дало бы удовлетворению такому пожеланию. Нельзя думать, чтобы использование способности к самостоятельному хозяйственному творчеству рабочих масс ограничилось лишь кооперацией. Думается, что под этим можно понимать и хозяйственно-творческую роль этих масс в общественных учреждениях, демократически организованных. К этому, мне кажется, логически развивая мысль этого дополнения, вполне возможно прийти.

Тов. **Крымский** вносит предложение написать комментарии к программе. Считая, что представленный нашему съезду проект № 46-го «Р.Р.» нуждается только в развитии, я со своей стороны предлагаю поручить это авторам проекта. Написанный комментарий должен быть представлен, конечно, к следующему съезду.

Тов. **Фирсов** опять поддерживает программу-минимум представленного проекта и возражает тов. Базарову, говоря, что с.-р. будут добиваться осуществления требований всей программы с оружием в руках, а вовсе не удовлетворяться тем, что им «дадут».

Тов. **Базаров** протестует против понимания его Фирсовым и утверждает, что он никогда такой клеветы на П.С.-Р. не произносил. Далее тов. Базаров отмечает, что тов. Железовский приписал ему такие мнения, каких он не говорил, напр. о присутствии следов экономического материализма в проекте программы.

Тов. **Карский** указывает на то, что вопрос об экспроприации фабрик и заводов до такой степени мало разработан в партии, что решить его на этом съезде невозможно. Необходимо открыть в партии дискуссию по этому вопросу.

Тов. **Тучкин**. Товарищи! Прежде всего я вынужден поделиться с вами чувством живейшего огорчения. Нежданно-негаданно я оказался взятым на замечание по подозрению в склонности к марксизму, к рассматриванию социальных явлений почти исключительно с экономической стороны, к явно материалистическому обоснованию всего социализма в ущерб обоснованию этническому. Согласитесь, что после всех моих статей и работ, после всей моей литературной деятельности оказаться в таком положении — казус довольно странный. И если мое огорчение умеряется некоторой веселостью, то в этом мне помогло одно воспоминание. Я вспомнил, что покойный Н.К.Михайловский, способность которого ярко и блестяще излагать свои мысли вряд ли кем-либо будет оспариваться, и отношение которого к марксизму также вряд ли было двусмысленно, не избег той же участи, как и я. От Юзова³²⁰ он в свое время даже получил титул «вреднейшего из марксистов». Ну, если уж такому человеку, как Михайловский, пришлось подверг-

путься этому обвинению, то мне-то, грешному, и сам бог велел. (Смех.)

Однако присмотримся все-таки поближе к этим обвинениям. Говорят, будто в нашем проекте программы нет этического обоснования социализма, нет, как выразился один из товарищей, «достаточной дозы морального элемента». Моральный элемент, этическое обоснование — все это святые слова. Но именно поэтому я и желал бы, чтобы товарищи, употреблявшие эти слова, вскрыли перед нами их реальное содержание. Что именно они разумеют под «моральным элементом», которого они не находят в программе? Ведь не ожидали же, в самом деле, они встретить в программе просто-напросто внешне привешенную фразу: «П.С.-Р., вводя в свое миросозерцание моральный элемент и этически обосновывая социализм...» Такая фраза была бы именно только ничего не говорящей фразой. Я до сих пор считал этическим обоснованием социализма стремление рассматривать весь исторический процесс в его закономерном ходе с точки зрения исторической личности, ее всестороннего и гармонического развития, предполагающего торжество общественной солидарности. Рассмотреть причинную связь социальных явлений с самым строгим реализмом, не упуская ни на минуту их отношений к судьбам индивидуальности, оборотную сторону которых являются судьбы внутри общественной солидарности, — это и значит неразрывно слить теоретическое исследование с нравственной оценкой, объективный элемент миросозерцания с субъективным, правду-истину с правдой-справедливостью. И я самым решительным образом утверждаю, что все построение проекта программы основывается на этом методе. Да разве исходной точкой обоснования нашего проекта не является установление понятия **социального прогресса**, выделение его из общей суммы эволюционных процессов? Разве не вскрывается тут же содержание этого понятия, как с одной стороны, борьба за индивидуальность, а с другой — борьба за солидарность, причем та и другая являются именно лишь разными сторонами одного и того же понятия, подобно выпуклой и вогнутой стороне одной и той же кривой? Разве, дальше, самый анализ капитализма и различие «положительных» и «отрицательных» сторон современного хозяйственного развития не продиктованы той же исходной точкой зрения? Разве не анализируются и не подчеркиваются особенно все античеловечные стороны капитализма, как такового, процессы «вырождения», «разложения моральных основ общежития» и т.п.? Разве рождающиеся в борьбе задачи эмансипационного движения не характеризуются как задачи освобождения экономического, политического и **духовного**? Разве, наконец, не достигает эта логическая нить идей своего апогея в определении конечных целей социализма, его глубокого «общечеловеческого» характера, как воплощения в общественные формы справедливости и солидарности, а в жизнь личности богатства и разносторонности духовного содержания, гармонического развития всех сил и способностей? И я спрашиваю: Чего же еще хотят наши критики, чего еще им нужно? В чем тайна того какого-то особого «морального элемента», которого они ищут в программе и не находят? Я чрезвычайно внимательно слушал их всех, же-

лая уловить разгадку, но не мог. И я несколько не удивляюсь, что никто из этих критиков не предложил ни одной конкретной поправки, ни одной определенной вставки в текст, словом — не пошел дальше чисто словесного выставления «морального» или «этического элемента». Конечно, недостатка в желании не было — они просто не могли этого сделать. И я даже беру на себя смелость предсказать — для этого вовсе не нужно быть пророком, — что они этого не сделают в дальнейшем. Я, далее, не удивляюсь, что те же самые товарищи предлагают в конце концов чрезвычайно простое решение: взять да и отбросить всю теоретическую часть проекта. Это — логический вывод из их позиции. Они хотят чего-то такого, чего у них у самих нет; и, упершись в неразрешимую задачу, они вынуждены остановиться на чисто отрицательном решении: окорнать программу на всю теоретическую часть! Но, товарищи, конституция, даже куца, еще имеет некоторые достоинства; но куца программа — это что-то такое, по меньшей мере, несообразное. Подводя итоги, я скажу, что наши критики, а не мы, хромают по части умаления этического элемента. Они ищут «этического» в качестве какого-то внешнего привеска к программе и, разумеется, не находят. Для нас этическое и теоретическое неразрывно слиты в том особом методе рассмотрения социальных фактов, который мы применяем вслед за Лавровым и Михайловским. Наши критики этого не замечали, тем хуже для них. Но оторвать «этический элемент» от целостного и всестороннего рассмотрения исторического процесса — это и значит свести его к слову без живого, реального содержания; а большего «умаления» этического элемента, разумеется, и быть не может.

Не менее колоссальное недоразумение и в другом обвинении против проекта, будто бы в нем проявляется склонность к исключительно экономическому рассмотрению истории, к историческому материализму. Откуда могло взяться такое представление? Разгадку мы найдем, быть может, в замечании одного из наших товарищей, который упрекал проект программы в том, что в нем нет признания «множественности факторов» социальной эволюции, они заслоняются «экономическим фактором». Но тут-то и зарыта собака, как говорят немцы. В том-то и дело, что точка зрения, с которой социальное целое распадается на обособленные «факторы» экономический, политический и духовный, есть точка зрения устарелая, ненаучная; в ней проявляются отжитые метафизические повадки мысли. Процесс социальной жизни так же един, как и ее атом — человеческая индивидуальность. Различать в ней экономическое, политическое и духовное можно только в абстракции, только условно; реально же они нераздельны и неразрывны. Где можно найти «экономическое» отдельно от правового или политического? Социальная жизнь есть сложное, известным образом упорядоченное коллективное бытие людей. Элемент этой «упорядоченности», и притом каждый раз специфической, особенной упорядоченности, и есть элемент политико-юридический — все равно, идет ли при этом речь о писаном праве или праве обычном. Нелепо думать, будто существует какое-то особое, самостоятельное начало — правовое нормирование. В

действительности нет такого чистого кристалла экономической субстанции, затем уже разрабатываемого «юридическим фактором». Напротив, всякое хозяйственное бытие *eo ipso* предлагает, как свою подкладку, определенное правосознание и определенный писанный или неписанный правопорядок. Собственность есть с известной стороны юридический факт; но где же вы найдете какое-нибудь экономическое отношение между людьми, существенным условием которого не являлась определенная форма собственности — общественной или личной, ограниченной или неограниченной? Я не говорю уже об общественном сознании — разве элемент сознания в том или другом виде, развитом или зародышевом, не составляют субъективной подкладки всякого юридического, политического, экономического отношения или акта? Нет, товарищи, не будем насиловать жизнь, не будем дробить единого социального процесса на какие-то будто бы обособленные силы или факторы, не будем абстрактные понятия превращать в какие-то реальности высшего порядка, «творящие» историю. Будем всегда помнить, что в социальном целом перед нами раскрываются лишь различные стороны, обособляемые лишь условно, путем отвлечения от других сторон, — так же условно, как условно обособляются нами в мысли видимая форма предмета от его осязаемой вещественности. Мы имеем дело не с особыми факторами, а лишь с различными сторонами процессов, открывающимися перед нами в зависимости от того, с какой точки зрения мы желаем рассматривать один и тот же объект. Рассматриваем мы социальное целое с объективно-материальной точки зрения — и общественная жизнь перед нами рисуется, как создание, т.е. производство, циркуляция в обществе, т.е. обращение и распределение, и, наконец, исчезновение, т.е. потребление вещественных благ; самые отношения между людьми здесь нами рассматриваются лишь постольку поскольку они непосредственно связаны с этим созиданием, циркуляцией и конечным исчезновением, потреблением, личным или производительным, продуктов. Мы имеем «экономику» общества. Посмотрим на то же социальное целое с точки зрения формально-правовой, сосредоточим свое внимание на действующем **распорядке** в отношениях между людьми, и то же социальное целое предстанет перед нами в виде стройного скелета юридических и государственных норм, и самые отношения между людьми нами будут рассматриваемы лишь постольку, поскольку они непосредственно связаны с выработкой, изменением, отменой или восстановлением тех или других особенных способов упорядочения своих отношений — определенных законов, учреждений, юридических прецедентов и методов, обычаев, правовых начал и т.д.; наконец, посмотрим на то же социальное целое с точки зрения уже не формальной и не объективно-материальной, а субъективно-психологической, и общественное целое предстанет перед нами столь же односторонне, как сложное сплетение интересов, потребностей, настроений, стремлений, идей, верований, моральных и религиозных систем, экономических теорий, политических целей, художественных, литературных и философских школ и т.п.; а сами отношения между людьми

будут рассматриваться лишь постольку, поскольку они имеют непосредственное отношение к возникновению, развитию и исчезновению наиболее значительных и важных из этих явлений общественного сознания. Все эти три метода рассмотрения событий равно неполны и односторонни, они друг друга дополняют, они дают возможность дальнейшего синтеза. Они рисуют нам вовсе не три независимых мира, которые как бы должны влиять друг на друга, взаимодействовать или свестись один на другой: нет, они лишь путем абстракции, путем условного мысленного отвлечения обманывают искушенных в научном мышлении людей видимостью обособления. Оставим же точку зрения самодовлеющих факторов: она одинаково ошибочна, будем ли мы в дальнейшем признавать все три фактора равноправными или один из них признаем основой и фундаментом, а другие лишь надстройками; она одинаково ошибочна, будем ли мы выводить все и вся из экономики, или из политики, или из идей; оставим социальным метафизикам искать «первичный фактор», который бы как-то «диалектически» порождал «в конечном счете» все остальное «из себя». Если вы станете на развитую мною точку зрения, то вы без труда поймете, почему придется признать особенно произвольным и непонятным построение тов. Старкова, который совокупность отношений человека к природе называет фактором технико-экономическим, а совокупность отношений человека к человеку — политическим. Ведь с этой точки зрения всецело к «политике» относится и факт пожирания дикарем пленника и факт купли-продажи, а к экономике — хотя бы процесс проникновения человека в тайны природы, или эстетического наслаждения ею, или овладения ею в художественном творчестве. Что могут дать для социологического понимания такого рода классификация «факторов»? Тов. Старков происхождение общественных классов желает объяснять «политикой», но при этом почти всецело сводит «политику» к насилию и завоеванию. Несомненно, и насилие и завоевание — вообще элемент «принуждения», преимущества в физической силе, входил существенным моментом в фактическое образование классов, как и момент хитрости, умственного преимущества, хозяйственной изворотливости. Роль торговли в расслоении на классы также хорошо известна. Но разве все это дает возможность ответить на вопрос, «политический», «экономический» или какой другой «фактор» создали классовое расслоение? Ведь «политический момент» гораздо шире «насилия», он входит составным элементом во всякое общественное состояние или во всякий переход из одного состояния в другое. Иначе говоря, процесс классового расслоения имеет свою хозяйственную, свою духовную и свою политически-правовую подоплеку, — вот и все, что можно извлечь из данного примера. Но это только снова возвращает нас к той синтетической точке зрения, которая исключает полуметафизическую точку зрения «факторов»; все это снова возвращает нас к той точке зрения, что в истории нужно искать законов, связывающих в одном течении развитие всех сторон общественной жизни, а не обособленных экономической, правовой и умственной закономерностей, затем уже вступающих между собой в какую-то борьбу за преобладание.

Но выдержана ли в проекте эта синтетическая точка зрения? Или, вопреки самому себе, в формулировках «проекта» я уклонился от нее в сторону исключительно и преимущественно экономического рассмотрения событий? Посмотрим. Альфа и омега экономического рассмотрения — понятие производительных сил, хозяйственной техники, как дрожжей, приводящих в брожение весь социальный строй. Есть ли в нашем проекте что-либо подобное? Нимало. Значение производительных сил определено у нас следующим образом. Прежде всего, самое понятие производительных сил или хозяйственной технологии у нас включено в более широкое, более общесоциологическое, а не чисто экономическое понятие **роста власти человека над природой**. Прогресс хозяйственной технологии есть ведь только частное проявление этого роста власти человека над природой; кроме хозяйственного овладения природой, как факт параллельный, наблюдается процесс умственного и художественного овладения природой; техника знания, изучения природы и техника эстетического творчества, техника прямой борьбы за существование, т.е. в высших ступенях развития **военная техника**, вместе с хозяйственной техникой составляют части одного и того же целого — техники культуры или общей власти человека над природой. Но и эта техника культуры — возведена ли она в ранг первопричины прогресса? Опять-таки ничего подобного: поддержание равновесия между ценой и биопсихологическим фактом роста населения и его потребностей объявляются не первоисточником и не конечной причиной, а лишь необходимым условием социального прогресса. Далее: существенные черты ходячего экономического материализма заключаются в сведении понятия класса к чисто хозяйственному, а не социально-политическому понятию, в придавании классовой борьбе исчерпывающего значения в определении содержания истории, в сведении программы социализма к разрешению чисто хозяйственной проблемы, в «объективизме», исключаящем точку зрения идеала как самостоятельной человеческой ценности, в сведении идеала просто к необходимому результату стихийного процесса, который только ввиду его исторической необходимости и должен быть признан нашей конечной целью, в игнорировании начала сознательного вмешательства в стихийный ход событий, в полном игнорировании интеллигенции как идеологической категории. Загляните же в наш проект программы и скажите, что вы там найдете: эти ли черты или каждый раз прямо противоположные? Разве не подчеркивается там каждый раз полнота и всесторонность охвата жизни, разве не заменяются систематически узкохозяйственные термины общесоциологическими, как и в пункте о производительных силах? Разве не отмечен сложный переплет междусословной, междурасовой, междунациональной борьбы вместе с борьбой междуклассовой? Разве не отмечено значение перехода от вырождающейся буржуазии к свежей, новой исторически-творческой силе рабочего класса, «лучших умственных и моральных сил страны»? Разве элемент «сознания» не отмечен как существенный момент, определяющий переход от стихийных классовых антагонизмов к настоящей классовой борьбе? Разве систематиче-

ски не проведено триединое — политическое, хозяйственное и духовное — содержание, как в борьбе буржуазии за свое господство, так и в борьбе рабочего класса за свою эмансипацию? Я мог бы пункт за пунктом прочитать всю программу, каждый раз систематически отмечая это единство охвата всех сторон социальной жизни, который проходит через весь проект красною нитью. Попробуйте сравнить его строчку за строчкой с социал-демократической программой — и все его особенностями ярче всего выступят наружу для всякого. Поверхностный взгляд на самый проект, конечно, может особенностей этих не обнаружить. Он рассматривает разногласия лишь тогда, когда бьет в глаза прямой спор, противоположение, полемика. Но в программе нет и не может быть места полемическому элементу; она может лишь холодно и спокойно формулировать положительную, а не критическую сторону наших взглядов.

Упрекавшие проект в чрезмерном марксизме не привели опять-таки не потому, что не хотели, а потому, что не могли, ни одного конкретного примера незаконного вторжения в текст программы элементов марксистского мирозерцания. И тем не менее «в общем духе» им чудится что-то «марксистское». Почему это? Потому ли, что характеристика хозяйственного механизма капиталистического общества в нем не опущена? Но с какой же стати нам опускать ее или сводить к минимуму? Разве нарочно, в пику марксистам? У вас-де все вокруг экономики вертится, а мы плюем на эту вашу экономику. Других мотивов у нас быть не может, а этот слишком несерьезен и наивен, чтобы подействовать хотя бы на одного из товарищей. Или, может быть, характеристика капитализма сделана слишком по-марксистски? Полагаю, однако, что анализ положительных и отрицательных сторон современного хозяйственного развития, установление границы в их взаимных отношениях для разных отраслей производства и разных стран есть резкий антиортодоксальный или, если хотите, антимарксистский мотив, а он-то и положен в основу всей характеристики; и еще дальше, он же положен в основу определения удельного веса чисто пролетарского элемента в общей массе рабочего класса, как совокупности трудящихся и эксплуатируемых. Другим таким же элементом, в корне идущим против основ марксистской догматики, является положение, что социализм должен использовать для своих целей одинаково как положительные стороны хозяйственного развития, происходящего в капиталистической оболочке, так и способности рабочих масс, не только пролетаризированных, но и непролетаризированных, идти к обобществлению труда и собственности самостоятельно, снизу, а не под палкой капитала, хватающего за шиворот и обобществляющего сверху. Где же тут можно усмотреть марксизм, для которого ведь только и света, что в капиталистическом окошке?

Откуда же все эти странные недоразумения? Не от того ли, что в программе немало отдельных слов, звучащих по-марксистски, т.е. терминов, употребляемых в марксистской литературе, так как они входят в состав того языка, который является обычным языком международного научного социализма? Но употреблять данную терминологию вместе с марксистами не значит думать одинаково с марксистами; на француз-

ском языке можно ругать французов же. Уж не терминология ли ввела в смущение товарищей, критиковавших проект? Мне кажется вообще, что я могу с полным правом вернуть им их упрек в марксизме. Какой-то остроумец сказал, что лицемерие есть последняя дань, отдаваемая пороком добродетели. Подражая ему, я скажу, что боязнь словечко сказать по-марксистски есть последняя дань, отдаваемая марксизму отрешившимися от его влияния. Не будем так боязливы, товарищи. Вспомним, что Маркс является в области экономики нашим общим великим учителем, хотя мы и не считаем обязанными сотворить себе из него кумира; вспомним, что мы имеем претензию кое в чем лучше понимать Маркса, чем так называемые марксисты. И если это можно назвать «марксистским элементом» в миросозерцании, то страшен он мог бы быть лишь тому, у кого этот элемент не входит органической частью в одно стройное, логически связанное целое. А наше миросозерцание слишком целостно для того, чтобы можно было бояться его присутствия. Не будем же бояться быть самими собою там, где мы разойдемся, и там, где мы можем сойтись с марксистами или кем бы то ни было. Итак, товарищи, вы хотите полной эмансипации от марксизма? Так сделайте же вместе с нами последний шаг к этой эмансипации: перестаньте бояться произнести хотя бы словечко, звучащее по-марксистски.

С общими возражениями я покончил. Теперь перейду к нескольким частным замечаниям товарищей, которые стоят в общем на точке зрения данного проекта, но как будто в отдельных местах его замечают недостаточно определенную формулировку нашей точки зрения или уклонения в сторону чужих формулировок. Указаний в этом духе сделано три. Тов. Поморцев предлагает выбросить место о том, что «класс рабочих, по мере развития всех начал буржуазного строя, получает все меньшую и меньшую долю создаваемых его трудом благ». Он боится, что это место будет понято в смысле «теории обнищания». Но это недоразумение. Пусть количество продукта, в котором выражается доля рабочего в доходе, растет; но пусть в то же время, благодаря быстро растущей производительности труда, общая сумма произведенных рабочим продуктов растет еще быстрее. Что мы получим? То, что получает рабочий, будет составлять все меньший и меньший процент по отношению ко всей сумме произведенного продукта; но количество продукта, приходящегося ему, будет не только не уменьшаться абсолютно, но даже возрастать. Он будет получать все меньшую и меньшую часть всей суммы производимых им благ; но эта все уменьшающаяся часть в каждый следующий момент будет представлять все большее и большее количество вещественного богатства. Иначе говоря, его доход будет расти абсолютно, но уменьшаться относительно, т.е. сравнительно с валовым доходом, как и с чистым доходом эксплуатирующих классов. Только тот, кто не понимает разницы между абсолютным и относительным ростом или уменьшением дохода, только тот и сможет истолковать данное место в духе «теории обнищания». Но это будет не наша вина, и потому данного места выбрасывать из программы не следует. Тов. Фирсов находит, что недостаточно рельефно выражен в программе наш

взгляд на трудовое крестьянство как органическую, постоянную составную часть рабочего класса наравне с пролетариатом. Однако он сам же мимоходом упоминает о том месте проекта, где говорится о тенденции, о влиянии революционного социализма в том смысле, «чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения, от пролетариата до трудового крестьянства, сознали себя единым классом рабочим и т.д.». Ему этого места кажется недостаточным, ибо здесь речь идет об объединительной тенденции социализма, а не об объективно данном факте. Я не могу в этом пункте совершенно согласиться с тов. Фирсовым по двум причинам. Во-первых, в седьмом абзаце программы мы говорим совершенно определенно о пролетариате как об известной части, именно лишь части, всей массы трудящихся и эксплуатируемых и формулируем один из общих законов, определяющих взаимное численное и политическое соотношение двух этих частей. Понятие «остальной (кроме индустриального пролетариата) массы трудящихся и эксплуатируемых» включает, подразумевает и трудовое крестьянство. Оно отдельно не подчеркивается там потому, что вопрос взят шире, вне отношения специально к земледелию. Во-вторых, объективно трудовое крестьянство, как и разнообразные слои пролетариата, в сущности представляют собою не столько класс, сколько материал для класса. Только в процессе развития сначала местных и групповых антагонизмов, только в процессе сплочения, организации, борьбы, растущего в этой борьбе самосознания «людская пыль», из которой первоначально состоят рабочие массы, вырастает в класс, сливая индивидуальные, групповые, профессиональные, узкие и местные интересы в единое классовое сознание. В этом смысле Маркс часто говорит об «организации пролетариата в класс», «образовании» или «превращении» его в класс. Хозяйственные условия ведь не дают нам рабочего класса как совершенно однородной массы; налицо есть солидная дифференцировка положений, интересов, форм эксплуатации, разнообразных культурных уровней и разновидностей рабочих. Процесс слияния их в единый класс есть процесс в значительной мере искусственный, конечно, употребляя слово «искусственный» не в смысле противоположности «нормальному», а лишь в смысле противоположности «стихийному». То, что дано естественными условиями хозяйства, есть еще не совсем «класс»; это «класс» лишь наполовину. Маркс это формулировал довольно метко, говоря, что на этой ступени развития рабочие составляют лишь класс «an sich»³²¹, но еще не являются классом «für sich»³²², таким образом, что там мы имеем класс как законченную социологическую величину, где он является уже классом и an sich, и für sich, где он выработал, фигурально выражаясь, единую классовую душу. Об этой выработке, под непосредственным руководством революционного социализма, общественного класса в разрозненных раньше трудовых элементов, от пролетариата до трудящегося крестьянства, наша программа говорит совершенно отчетливо, и я думаю, что в ней достаточно отразился этот чрезвычайно существенный оттенок нашего мирозерцания, не чуждый, как видите, и Марксу, но чуждый догматикам-марксистам.

Перехожу к замечанию тов. Валина, который меня, признаюсь, крайне удивил. Неоднократно в самой различной перефразировке он утверждал, что не нашел в программе «революционной души нашей партии». Этот «дух нашей партии», ее «душа», основная черта, проникающая всю ее деятельность, — в чем же состоит она? Тов. Валин определяет ее как убеждение или веру в то, что революция, в которую мы вступили, не будет революцией буржуазной. Да, эта вера всем нам в большей или меньшей степени свойственна. Я нисколько не хочу умалять ее значения, хотя не могу не заметить, что в нашем мирозерцании есть, и еще немало, идей, которые с не меньшим правом могут считаться составляющими самую душу нашей партии. Но дело не в этом. Пусть душа партии найдена; пусть это как раз та вера, о которой говорит тов. Валин. Но разве она не отразилась в программе? Сам же тов. Валин после перерыва со стороны какого-то из товарищей смягчил категоричность своего суждения и признал, что проект программы тоже стоит на этой точке зрения. Он сказал, далее, что сам мог бы привести относящиеся сюда места, но он находит, что эти места не отмечены печатью надлежащей энергии. Странно, однако, почему же он не привел этих мест и не доказал их недостаточности, а оставил свой упрек совершенно голословным? Таких серьезных упреков не бросают без всякого доказательства. Заглянем в проект программы. Там после характеристики экономического и политического положения России устанавливается, что, кроме промежуточных элементов либерально-демократической оппозиции, общественные силы России группируются, так сказать, в два враждебных «тройственных союза»: с одной стороны — самодержавная бюрократия, дворянство и плутократия, с другой — пролетариат, трудовое крестьянство и рев.-соц. интеллигенция. «Вследствие такого соотношения, — гласит далее программа, — а также неразрывной связи политического кризиса с экономическим необходимой задачей партии является расширение и углубление в революционный момент тех социальных, имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия». Далее, в самом конце программы, как ее заключительный аккорд, стоит положение, что свою программу переустройства всех современных отношений партия будет «как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период». И нам еще говорят, будто здесь недостаточно отразился революционный дух, живущий в нашей партии! При этом мне невольно вспоминается, как еще вчера нападал на нашу программу за этот последний пункт Рождественский. Как, говорил он, вы обещаетесь в период ближайшего политического кризиса чуть ли не осуществить всю вашу программу непосредственной революционной силой, до всякого Учредительного собрания? Да это какой-то революционный утопизм! Тов. Рождественский был, конечно, не прав: никаких обещаний мы не даем. Вообще в программе не место пророчаниям и обещаниям. В программе мы только определяем наши задачи и стремления. Мы не можем не проводить в жизнь своей программы всегда, когда получаем эту возможность, — до

Учредительного собрания, в революционный период, в эпоху временных правительств и фактического господства восставших рабочих масс, мы будем делать то же самое. При этом мы будем особенно стремиться, как выше сказано, расширить и углубить **социальное** содержание революции в духе интересов труда. Насколько все это нам удастся, мы не знаем и не «ручаемся» ни за что, кроме того, что будем действовать в этом направлении. Нам не для чего заранее ограничивать себя в этом отношении какими-нибудь рамками; это сделает жизнь. Мы не кладем заранее никаких ограничений революции; единственным ограничением будет количество и качество тех материальных и духовных сил рабочего класса, которые развернутся в процессе революции. Но не характерно ли, что тов. Валин не замечает веяния революционного духа там, где тов. Рождественский боится даже перехода в революционный утопизм! Я утверждаю, что наша непримиримая противоположность точки зрения «буржуазной революции» самым определенным и решительным образом выступает здесь, конечно, не в форме неуместной в программе полемики, а в форме отчетливой, положительной формулировки нашего взгляда. Боюсь, что, когда тов. Валин не находит эту формулировку достаточно энергичной, он смешивает то, что пора бы научиться различать: решительность и определенность точно и сжато сформулированной мысли с эмфазом прокламационных листовок или энергией агитационного стиля. Тов. Крымский хотел бы, с другой стороны, чтобы в программе нашей было резко и решительно высказано, что мы в России переживаем период развития капитализма; что мы идем к социализму тем же самым путем, как и Западная Европа. Он прибавляет, что на отрицании обязательности для России капиталистической стадии развития некоторые товарищи по партии логически обосновывают свое отрицание программы-минимум. Что касается принципов, на которых основывается программа-минимум, то я не стану сейчас на них останавливаться, как то делали некоторые товарищи; об этом нам придется подробно говорить только позже, при обсуждении соответствующих пунктов программы. Скажу одно: странно ставить вопрос о программе-минимум в зависимости от того, признаем или не признаем мы для России обязательность того капиталистического пути, каким шла и идет к социализму Западная Европа. Я утверждаю, что самая эта дилемма «того же» или «иного» пути есть дилемма мнимая, основанная на неправильной постановке вопроса. В самом деле, что это за противоположение «России» и «Западной Европы»? Разве «Западная Европа» есть какое-то сплошное, однородное целое? Разве от Англии через Бельгию, Францию и Германию к Австро-Венгрии и Италии мы не наблюдаем ряда своеобразных культурно-национальных типов, имеющих вместе с общими чертами и ряд совершенно особенных черт? Сравним Россию с Англией, с одной стороны, и Россию с Венгрией — с другой. Разве результаты сравнения не будут совершенно различны? Да может быть, Венгрия или Испания от Англии отличаются гораздо больше, чем от России. На каком же основании мы искусственно объединяем их в противоположность России в одно целое? Но попробуем только отре-

питься от этого искусственного приема, и мы получим правильную, реальную, а не фантастическую постановку вопроса. Мы поставим перед собой вопрос о том, какое место занимает Россия в лестнице весьма своеобразных, но отнюдь не самодовлеющих, и не абсолютно несоизмеримых стран, принадлежащих к европейской цивилизации; мы поставим далее вопрос, какими особенностями отмечено в ней проникновение капитала в хозяйственную жизнь народа в связи с особенностями ее естественных условий, исторически унаследованных форм жизни и международного положения. Разве вопрос стоит о том, «быть или не быть» капиталу в России? Да он уже давно есть, и даже в начале 90-х годов, при сильном влиянии В.В.³²³, спор все же шел о «судьбах капитализма в России» и судьбах России при капитализме. Вспомним «Отечественные записки» и отношение их к этому спору. Покойный Н.К. Михайловский в начале 1883 года, т.е. до русского марксизма, до всяких илехановских «Наших разногласий», отчетливо формулировал позицию наших настоящих идейных предшественников в этом вопросе. Он доказал, что В.В., на основании целого ряда своих же собственных признаний, должен весьма своеобразно понимать «жизнеспособность капитализма» в России, что, по его собственным данным, капитализм уже захватил и продолжает захватывать в России целый ряд крупнейших отраслей производства, что, правда, есть другие отрасли, как, напр., земледелие, которого он всецело захватить в свои руки совершенно неспособен, но что, с другой стороны, и в т.н. «Западной Европе» с этой стороны развитие капитализма имеет свои границы. Итак, вместо какой-то пропасти между «Россией» и «Европой» Н.К. Михайловский устанавливал лишь относительное своеобразие эволюции России, не исключающее полной соизмеримости этой последней со странами «Западной Европы», чем Россия вдвигалась в общий ряд современных культурных стран и чем подрезывалась в корне бывшая антитеза между «самобытничеством» и «западничеством». И что же, неужели мы будем вновь возвращаться к этой избитой антитезе между «Россией» и «Западной Европой», антитезе, с которой уже совершенно покончили, повторяю, раньше всякого марксизма наши идейные предшественники конца 70-х и начала 80-х годов? Конечно, мы этого не сделаем. Этого вряд ли пожелает тов. Крымский. Но если он этого сам не пожелает, тогда к чему сводится его пожелание? — К простому недоразумению. Разве в данном проекте программы наше отношение к вопросу о капитализме в России страдает какою-нибудь неясностью или двусмысленностью? Разве мы как-нибудь обошли или замолчали этот вопрос? Ничего подобного. Напротив, проект наш в этой части начинается с характеристики исторических условий и кончается социальными последствиями того факта, что наш капитализм характеризуется наименее благоприятным соотношением между творческими и разрушительными сторонами происходящего в его рамках хозяйственного развития. Центр тяжести вопроса для нас, конечно, не в том, признать или не признать капитализм как факт; об этом давным-давно не может быть никакого разговора; только наиболее ископаемые из русских марксистов могут

засиживаться на этой элементарной истине, которая установлена была еще раньше их первого пришествия; центр тяжести для нас в характеристике особенностей в судьбах капитала среди наших условий. Мы можем вообще сказать, что экономическая наука пережила две стадии. Первая, когда возникший капиталистический способ производства изучался в самых его основах, разгадывался самый механизм его. В это время специфические особенности отдельных отраслей производства или отдельных национальных организмов отбрасывались в сторону как усложняющие и без того сложную и запутанную проблему. Как временный и условный прием это отбрасывание было законным. Но когда из приема оно обратилось в теоретический принцип, в догмат, оно стало задерживающим, реакционным фактором в науке. Оно повело к замене фактического исследования суждениями по аналогии; проникновение во все разнообразие живой действительности стало сменяться поверхностным шаблонизированием. Вторая стадия, в которой экономическая наука находится теперь, характеризуется сознанием, что лишь специальное изучение природы каждого из отдельных видов промышленной деятельности даст возможность различать различные отрасли промышленности по степени тяготения их к концентрации, к частной или общественной монополии или же, наоборот, к сохранению в большом количестве конкурирующих или просто сосуществующих форм; различать их, далее, по степени творческой или разрушительной силы капитала. Наконец, что верно по отношению к отдельным отраслям промышленности, то верно и по отношению к целым великим национальным народнохозяйственным организмам. Не только у социалистов, но и у целого ряда передовых ученых неосоциалистического лагеря — достаточно указать хотя бы на Зомбарта³²⁴ и Гобсона³²⁵ — эта тенденция получила яркое развитие. Что касается социалистов, то современный теоретический кризис марксизма прежде всего в этом и состоит. Даже такие лица, как Каутский, уже вынуждены были гласно отречься от простой «аналогической» точки зрения в вопросе об эволюции сельского хозяйства. А куда делась вера, будто Англия как наиболее промышленно развитая страна показывает всем странам картину их собственной будущности? Тот же Каутский заявляет, что Англия «перестала» быть таким общеобязательным типом, — как будто она когда-нибудь им была, как будто вообще хозяйственное развитие всех стран представляет собою нечто вроде ряда одноформенных ступеней одной лестницы и в каждый данный момент все страны между собой отличаются лишь тем, до какой ступеньки каждая страна успела добраться по этой лестнице!

Я перейду теперь к тем особенностям в развитии России, которые считает нужным подчеркнуть тов. Базаров. Он указал их три: 1) развитие капитализма в России, совершаясь при патриархальных политических формах, с другой стороны, происходит с самого начала уже при наличии социалистической интеллигенции, богатой опытом других стран, 2) социалистическая партия для своих ближайших революционных задач должна охватить в одной армии труда пролетариат и трудовое крестьянство и 3) ближайшей революционной задачей в духе со-

циализма является социализация земли и крупных промышленных предприятий.

Что касается первого пункта, то я совершенно согласен с тов. Базаровым. Это очень существенная особенность. Ее имел в виду, когдаставлял в проект программы слова о «рабочем движении с современными задачами» в атмосфере патриархального государственного строя. Рабочее движение с современными задачами в других странах почти повсюду развилось уже по разложению патриархального абсолютизма, уже после торжества буржуазии и либеральных учреждений. У нас же оно предшествует такому разложению, это факт, чреватый крупнейшими историческими последствиями. Благодаря этому в нашей революции мы переживаем одновременно и революцию 1789 г.³²⁶, и революцию 1848 г.³²⁷, и эпоху Парижской коммуны³²⁸. Но формулировка проекта не содержит того особого оттенка, который есть в формулировке тов. Базарова. Мало того, что социалистическое движение как движение более или менее массовое предшествует у нас водворению либеральных политических учреждений; социалистическая идея и выступающее ее носителем революционное меньшинство у нас предшествовало даже настоящему водворению капитализма; и это обстоятельство, конечно, не осталось без самого серьезного влияния на весь ход политического развития России. Поэтому я вполне принимаю предложение тов. Базарова дополнить этой чертой характеристику условий нашего общественного развития. Что касается второго его предложения, то оно излишне: не говоря уж об общем теоретическом введении, роль трудового крестьянства наряду с пролетариатом уже отмечена совершенно определенно в пункте о России. С третьим же предложением тов. Базарова я не могу согласиться по существу, так как, по-видимому, тут у нас оказывается некоторое теоретическое расхождение.

Вопрос о социализации фабрик и заводов как о задаче, параллельной и одновременной с социализацией земли, не совсем новость в нашей партии. Как известно, за нее как за один из пунктов нашей программы-минимум высказались т.н. «дискуSSIONИСТЫ», кружок которых, возникший за границей, как я слышал, в настоящее время считает себя вышедшим из состава нашей партии и даже опубликовал какой-то манифест, призывающий всех с.-р. образовать новую партию «революционных социалистов»³²⁹. Постановка вопроса в «листочках» этого кружка отличалась несерьезностью и свидетельствовала о нетвердости экономических познаний его членов. Пропаганда их, сколько известно, успеха не имела. Только в Белостокском округе, где под нашим флагом контрабандным путем в последнее время стали выступать полуанархистские течения, водворилось направление в духе «дискуSSIONИСТОВ»; последствием был разрыв этих групп с нашей Северо-Западной областной организацией... Здесь, на этом съезде, «дискуSSIONИСТСКИЙ» отчет представлен тов. Порошиным. Я рассмотрю его аргументацию, как и аргументацию тов. Базарова, стоящего особо и подходящего к аналогичному по внешности решению с другой стороны, исходя из совершенно другой точки зрения.

Тов. Порошин рассуждает в главных чертах следующим образом. Наша программа-**минимум**, кажется ему, страдает двойственностью. Аграрная деревенская ее часть построена на принципе революционном, а городская рабочая на принципе реформистском. В первой мы преследуем цели крупного, коренного переворота; во второй говорим о мелких уступках вроде сокращения рабочего дня и т.п. Если мы хотим избежать этой несогласованности и непоследовательности, то и в рабочей части нашей программы мы должны выставить требование, соответствующее по своим размерам социализации земли, а именно: революционную экспроприацию фабрик и заводов и переход их в коллективную собственность.

Я прежде всего должен сказать, что аналогия тов. Порошина совершенно неправильна. Это все та же самая аналогия, которой аргументировали против нас сначала социал-демократы, а потом «кадеты». Они почему-то предполагали, что социализации земли в деревне соответствует социализация фабрик в городе. Но разве социализация земли есть только деревенская, только аграрная мера? Почему же социализации земли в деревне соответствует не такая же социализация городской земли, а что-то другое? Разве земля есть только в деревне, а в городе ее нет? Смеем заверить тов. Порошина, что есть, хотя от глаз она конспирирована — где асфальтом, где торцовой мостовой, где фундаментами домов. Но от внимания экономиста и политического деятеля это ее не укрывает. Земля как объект частной собственности дает ренту. Что же, неужели тов. Порошин ничего не знает о земельной ренте в городах? Да там-то именно рост ее особенно колоссален. Разве она не ложится страшнотой тягостью на низшие городские классы, и прежде всего на рабочих? Да весь столь обострившийся повсюду за последнее время жилищный вопрос тесно связан именно с проблемой земельной ренты в городах. Социализация фабрик означает социализацию всех орудий производства; а разве социализация земли в аграрной области равносильна социализации всех орудий земледельческого производства? Ничего подобного. Если тов. Порошин и другие часто не замечают, то лишь потому, что, особенно при современном низком техническом уровне крестьянского земледелия, значение земли как фактора производства заслоняет значение незатейливого инвентаря, рабочего скота и т.п. Но нельзя же на этом основании забывать, что в смысле производства социализация земли еще не означает никакого коренного переворота. Производство, пользование землею остается индивидуальным. Социализация земли в деревне может, конечно, явиться прекрасным фундаментом для дальнейшей органической, творческой работы в духе обобществления крестьянского труда, развития кооперативного и общинного хозяйства и т.д. Но ведь точно так же и социализация всей городской земли, ставя всех владельцев фабрик, заводов, даже домов в большую зависимость от муниципалитета, может быть прекрасным фундаментом для дальнейшей органической, творческой работы в муниципализации тех предприятий, которые по своей природе являются для этого подходящими.

Тов. Порошин крайне упрощает вопрос. Согласованность программных требований есть понимание взаимной зависимости разнообразных партийных задач в связи со степенью их относительной сложности. И с этой точки зрения приходится прежде всего различать между отношениями собственности и отношениями производства. В отношениях собственности можно произвести чрезвычайно крупные перемены непосредственным революционным актом или хотя бы одним декретом. Но переустройство на новых началах производства одним почерком пера или одним наитием революционного вдохновения не совершается. Она требует длительной, систематической, органической работы. Это-то, по-видимому, и забывает тов. Порошин, когда по аналогии с ожидаемой аграрной революцией выставляет формулу: «революционная экспроприация фабрик и заводов и переход их в коллективную собственность».

В самом деле, вдумаясь только немного в эту формулу. Что это значит — экспроприировать и социализировать фабрику? Значит ли это — социализировать фабричное здание, социализировать те стены, в которых происходит процесс производства? Или это значит социализировать самое производство, т.е. снять его с фундамента хозяйства капиталистического и поставить его на совершенно новый фундамент хозяйства непосредственно общественного? Фабрика, конечно, не есть фабричное здание. Фабрика есть живой производительный организм, раскидывающий свои щупальца далеко за пределы фабричных стен. Она непосредственно связана с рынком. Она предполагает организованную доставку продукта потребителю. При капиталистическом хозяйстве доставка — на коммерческих началах, в условиях конкуренции и побивания соперников низкими ценами для завоевания рынка. Социализируя фабрично-заводское дело, необходимо социализировать и распределение продукта, т.е. заменить обмен, торговлю и конкуренцию организованным доставлением продукта потребителям. Это со своей стороны предполагает систематический учет и расценку по степени важности потребностей населения, как и его производительных сил; распределение производительных сил между отдельными отраслями народного труда в соответствии с потребностями; установление таким путем гармонического соотношения, равновесия между разными отраслями производства. Нечего и говорить, насколько колоссальна эта задача, какой степени сознательности, сплоченности, единства и организаторских способностей рабочего класса требует ее осуществление. Мы, конечно, несколько не пугаемся ее громадности; мы знаем, что она должна быть осуществлена и будет осуществлена; но, всегда имея ее перед собою и выставляя ее как ясно сознанную, основную цель, мы делаем это не с легкомысленным игнорированием ее сложности, но, наоборот, отдав себе полный отчет во всей ее величине и вполне понимая, во сколько раз задача эта сложнее даже такой тоже огромной и сложной задачи, как социализация земли. Тов. Порошин крайне упрощает задачу потому, что он как-то обходит молчанием вопрос о том, кто и на каких началах будет заведовать фабрично-заводским хозяйством. Экспроприировать и перевести в коллективную собственность — вот как про-

сто для него решается вопрос. Он и не замечает, что этим вопрос насколько не решается, а только ставится. Это мне напоминает поведение наших с.-д., которые, будучи вынуждены считаться с колоссально растущим движением крестьянства, борющегося за землю, решились наконец наподобие Александра Македонского разрубить гордиев узел аграрной проблемы, в которой они так безнадежно запутались. Они заявили, что будут поддерживать крестьянство вплоть до полной экспроприации частного землевладения. И они не замечают, что этим вопрос не разрешен, а лишь поставлен, что настоящий вопрос заключается как раз в том, кому пойдет экспроприированное, кто будет им пользоваться, кто будет им заведовать.

Социализация фабрично-заводской промышленности, повторяю, предполагает социализацию распределения, предполагает создание целого ряда учреждений, делающих возможным новую, планомерную организацию общего труда на общую пользу; предполагает, напр., хотя бы такую статистику потребления, о которой мы сейчас лишь с трудом можем составить себе полное представление... Политически она предполагает, что организованный в социалистическую партию рабочий класс не только достаточно сплотился, чтобы победить всех своих врагов, не только революционно созрел для того, чтобы сплотить всякое сопротивление и захватить в свои руки бразды вершения политических судеб страны, но и настолько воспитался, чтобы всецело творчески использовать эту свою победу.

Потому-то эта задача и составляет содержание той части нашей программы, которая обычно называется программой-**максимум**. И я никак не могу понять тов. Абрамова: он как будто считает немедленное выставление, как ближайшего, практически осуществимого требования, социализации фабрик и заводов возможным и необходимым; и он же приводит ряд данных относительно существования в некоторых местах крайне сильных препятствий для того, чтобы гладко и успешно прошла социализация земли. Но если даже для социализации земли нет еще повсюду одинаково благоприятных условий, то откуда у него такой оптимизм в вопросе о социализации фабрик и заводов, когда эта последняя мера превосходит первую по своей сложности по крайней мере в несколько раз и предполагает, как необходимое условие, полную победу рабочего класса во всем государстве? (**Абрамов:** «Социализация фабрик и заводов возможна и в форме муниципализации их!») Что касается муниципализации фабрик и заводов, то здесь возможно одно из двух: или вы разумеете под этим термином обычные меры в духе т.н. «муниципального социализма», и тогда вы стучитесь в открытую дверь: наша программа и без того включает в себя муниципализацию промышленных предприятий в этом смысле; или вы мыслите это как всеобъемлющую меру, и тогда вы впадаете в самую серьезную ошибку. В самом деле, нельзя же не видеть огромной разницы между отдельными отраслями промышленного дела и относящимися к ним предприятиями.

Возьмите хотя бы следующее различие: одни из этих предприятий работают на ближайший рынок, примерно в границах данного города;

ругие работают на гораздо более широкий территориальный рынок; третьи снабжают общенациональный рынок; наконец, для четвертых даже этот последний слишком тесен, и они работают на международный рынок. Совершенно ясно, что первого рода предприятия могут быть муниципализованы относительно легко. Что касается предприятий следующих разрядов, то социализация их предполагает непременно привлечение соответственно высших органов народного самоуправления вплоть до центральных учреждений. Я взял еще только одну сторону дела: размеры рынка, с которым связаны предприятия. Но ведь здесь вступают в силу и другие факторы — напр., степень концентрированности данного производства. Если с одними муниципалитету невозможно справиться вследствие их величины, то с другими — вследствие крайней раздробленности и многочисленности мелких предприятий, обусловленной техникой производства или обмена. Итак, круг ведения муниципалитета, коммуны городской или сельской в области организации национального труда и национального потребления на новых началах по необходимости весьма ограничен; на их долю выпадает лишь часть этой огромной задачи, по своим размерам и характеру общенациональной. И впредь до окончательной победы во всем государстве работа социалистической партии в муниципалитетах не столько фактически заложит первые камни будущего хозяйственного здания, сколько докажет свою способность к хозяйственному творчеству и демонстрирует в малом масштабе возможность постановки всего ведения народного хозяйства на новых началах. Иными словами, это будет прежде всего наглядная, предметная пропаганда. Настоящая творческая работа по созданию будущего строя начнется, в сущности, лишь с того момента, когда во всем государстве власть перейдет к социалистической партии. Все, что этому предшествует, есть лишь частичное ее предвосхищение и подготовка.

Задачи социалистической партии в муниципалитетах современных государств, таким образом, чрезвычайно важны и существенны, но в то же время значения их нельзя преувеличивать, а широковещательная формула «социализация фабрик и заводов» к ним не подходит. Еще менее, конечно, подходит она к явлениям такого рода, как те переходы заводов к рабочим, о которых упоминал здесь тов. Горецкий. В городе Саратове г.г. Чирихина и Макаров заключили со своими рабочими договор о переходе к этим последним их заводов или, вернее, заводиков. Г.г. Чирихиной и Макарову это было выгодно, ибо заводы их шли в последнее время слишком плохо. Прекрасно. Но какое отношение все это имеет к вопросу о социализации фабрик и заводов или к вопросу о революционной экспроприации? Тут просто мы видим мирную сделку, вероятно, обоюдно выгодную, а может быть, выгодную лишь для какой-нибудь одной стороны, и еще неизвестно для какой. Представим себе, что таких явлений было бы гораздо больше, что они стали бы повторяться, и в более крупных размерах. Ведь это же все простые перемещения собственности из рук единого предпринимателя в руки кооперации производителей. Вспомним, однако, судьбу производительных

коопераций на Западе. Поскольку они выступают на рынке, конкурируют, вынуждаются «коммерчески» вести свои дела, постольку они вырождались и вырождаются в акционерные компании. Только примыкая к организованному потреблению, только приобретая условия постоянного, организованного сбыта, исключая буржуазную конкуренцию, они могут развиваться, а не вырождаться. Заглянем во Францию, в Англию: там мы найдем действительно сильное кооперативное движение, в котором рабочий класс получает длинную выучку, подготавливается к будущему заведению общественным хозяйством. Это кооперативное движение создало предприятия не чета заводикам Чирихиной и Макарова. Но попробуйте сообщить французам, что кооперативный завод в Альби есть доказательство возможности немедленно провести во Франции социализацию фабрик и заводов, или попробуйте с такими же аргументами переехать Ламанш и поговорить на эту тему с английскими социалистами — и вы не вызовете в них ничего, кроме естественной веселости. Правда, г.г. Чирихина и Макаров вошли с рабочими в необходимую сделку потому, что дела плохи: кризис и революционная неурядица потрясают народное хозяйство. Но неужели это преимущество с точки зрения социализации фабрик и заводов? Я полагаю, что трудности такой социализации во время кризиса и расстройств в условиях сбыта не уменьшаются, а только увеличиваются. Посмотрите на Парижскую коммуны. Она в свое время переписала в Париже все закрывшиеся и неработающие фабрики и заводы и особым декретом передала их в заведение рабочих. И что же произошло? Да ничего: декрет остался мертвой буквой. Ведь заводы потому и закрывались, что при всех средствах и всей изворотливости владельцев-капиталистов их нельзя было вести. Фактически взять в свои руки заведомо безнадежное дело — не самый ли это легкий путь к дискредитированию себя и своих идей? Я убежден, что эпоха революционных неурядиц менее всего подходяща для творческой работы в смысле социализации производства. Эта работа труднее шаблонного ведения дела на обычных коммерческих началах, и странно ожидать от нее больших успехов там, где превратности критического времени не дают возможности даже обычного ведения дел. В эпоху кризисов и гражданской войны все силы должны быть употреблены на **социализацию самой революции**. Одно это уже стоит в противоречии с выставлением той фантастической задачи, которую рисует тов. Порошин и которая потребовала бы и отвлекла бы громадную массу организаторских сил. Социализация фабрик и заводов — огромная мера в области органического творчества, а время для органического творчества наступает по окончании катаклизма и в тех размерах, в каких катаклизм расчистил для него почву.

Но тов. Горецкий пугает нас перспективой враждебного столкновения с настроением рабочих масс. Он напоминает, в каком положении были с.-д. со своими «отрезками», когда трудовое крестьянство выступило с требованием **всей земли**. Он напоминает, как мы ребром ставили перед с.-д. вопрос: **за** или **против** этого требования выступают они. Он напоминает, как мы заставили с.-д. капитулировать в этом вопросе.

И он пугает нас тем, что по отношению к социализации фабрик и заводов мы окажемся в том же неприятном положении, в каком с.-д. очутились по отношению к вопросу о социализации земли.

Как видите, зловещие перспективы! Но разве в них есть хоть что-нибудь реальное? И разве эта аналогия не является от начала до конца несостоятельной? В самом деле, с.-д. стоят на точке зрения развития капитализма до его крайних логических последствий; только такой путь они считают кратчайшим путем к социализму; всякая революционная по своему существу попытка, всякая попытка, не дожидаясь «капиталистического самоотрицания», круто повернуть к коллективному началу в той или другой частной области народнохозяйственной жизни в их глазах несостоятельна, и с нею они враждебно сталкиваются. Но где у нас сколько-нибудь аналогичные догматические самоограничения? Мы не ставим революции никаких внешних границ; только количество и качество силы творческой и разрушительной, накопленной рабочим народом в процессе борьбы, и ограничивает в каждый данный момент его революционные задачи. Будь сейчас у него налицо достаточная материальная сила для победы и интеллектуальная для полного использования этой победы, разве нас что-нибудь остановило бы от приступа к непосредственному строительству социалистических форм общежития? Разве мы стали бы держать рабочие массы за фалды, упрашивать поджидать, пока капитализм еще поразовется? Ничего подобного. А если так, то наша программа не может столкнуться враждебно ни с каким стремлением увеличить широту размаха революции. Она может столкнуться враждебно лишь с плоско-демагогическими стремлениями, лишь с попытками увлечь рабочих на социальные эксперименты без надлежащего понимания их размеров и связанных с ними трудностей, лишь с попытками подменить великие и сложные задачи социализма наивными и упрощенными решениями. Если бы, например, какие-нибудь анархистствующие элементы попробовали увлечь рабочих неясной, туманной и потому особенно соблазнительно звучащей формулой — захват рабочими фабрик и заводов — и, не вскрывая кроющейся за этою формулой огромной проблемы, толкали бы к соответственным действиям бессознательные элементы, то, конечно, морально-политический долг наших товарищей состоял бы в том, чтобы восстать против этой демагогии. Вы скажете, что им пришлось бы при этом занять невыгодную позицию, что они, быть может, рисковали бы даже своею популярностью? Пусть так; но разве когда-нибудь мы желали приобретать дешевую популярность, подделываясь к слабостям масс? Ведь мы гоняемся не за минутным успехом, мы хотим прочного слияния с массами. Рано или поздно массы поймут, что истинный, надежный друг не тот, кто поддакивает во всем, а тот, кто смело говорит прямо в глаза правду, хотя бы горькую правду. И если бы случилось, что часть рабочих временно отвернулось бы от нас, пойдя на уточку демагогов, они на горьком опыте не замедлили бы убедиться, что мы были правы, и тем решительнее и прочнее возвратились бы к нам искренними и убежденными жизнью. И мы не пожалели бы о своей прямоте, твердости и неподатливости.

Итак, социализация фабрик и заводов есть совокупность мер, логическое место которых в программе — **максимум**, а историческое — после окончательной победы рабочего народа, объединенного в социалистическую партию. Наша программа к этому добавляет: «и после установления, если потребуется, его временной революционной диктатуры». Но здесь вмешивается тов. Рождественский и говорит: это добавление есть нечто иное, как копирование марксизма. с.-д. говорят о диктатуре пролетариата, а мы хотим говорить о диктатуре народа. Но у них это имеет смысл: пролетариат составляет меньшинство населения, а диктатура есть непременно диктатура меньшинства над большинством. У нас же копирование выходит бессмысленным; рабочий народ — огромное большинство; над кем же он будет диктатором? Над самим собою, что ли? Это возражение, по-видимому остроумное, совершенно несостоятельно. Оно всецело опирается на ложное исходное положение, будто бы к диктатуре может прибегать только меньшинство. История говорит другое. В эпохи гражданских войн обе воюющие стороны, и большинство и меньшинство, одинаково нуждаются в диктатуре. Разве во Франции после Великой революции третье сословие, за которым шли массы, угрожаемое извне коалицией европейских монархов, а изнутри контрреволюционными заговорами, не нуждалось в диктатуре? Разве в 1848 г. не прибегали одинаково к диктатуре или к попыткам захватить диктатуру и революционные рабочие в лице тайных обществ, и третье сословие в лице Кавеньяка³³⁰? Разве не диктаторскими полномочиями обладали в 1870 г. одинаково правительство Комм.ны в Париже и правительство Тьера³³¹ в остальной стране? Диктатура есть такая форма власти, которая предполагает исключительные полномочия; которая предполагает отсутствие нормального функционирования государственного-правовых органов, правильных юридических гарантий и т.п. Иными словами, это власть военного характера, соответствующая эпохе гражданской войны. К такой власти может прибегать и большинство против неподчиняющегося сильного меньшинства, и меньшинство против побежденного нечаянным натиском, но готовящегося к реваншу большинства. И рабочий народ, рабочий класс, составляя громадное большинство нации, может при последней борьбе за власть в государстве и за социальную революцию столкнуться с таким упорным сопротивлением буржуазии, что результатом может оказаться вооруженная гражданская война и диктатура социалистической партии для безжалостного уничтожения заговоров и происков контрреволюционного меньшинства. Товарищу Рождественскому кажется, будто мы пишем о революционной диктатуре в подражание нашим социал-демократам. Как раз наоборот. Правда, социал-демократы по старой памяти любят шегольнуть словом «диктатура» пролетариата; правда, у них даже как будто эта «диктатура» провозглашается более решительно, они не прибавляют подобно нам слов «если потребуется». Но зато у них понятие «диктатуры пролетариата» совершенно выцвело и слиняло. Вспомним, как защищает этот пункт хотя бы г. Плеханов³³². Диктатура, говорит он, — это такая степень власти, которая позволяет в случае надобности сло-

мить всякое сопротивление; поэтому в Швейцарии, напр., буржуазия обладает диктаторской властью; несомненно, что и пролетариат нуждается в такой же степени власти; в этом нет ничего ни ненормального, ни страшного. Если, однако, Швейцария с ее демократическим строем, гарантиями свобод, референдумом, инициативой и т.д. есть страна с «диктаторской» властью, то, конечно, слово «диктатура» приобретает необычайно успокоительный смысл. И вот г. Плеханов получает возможность громогласно утверждать, что «диктатура» пролетариата есть непереносимое условие социальной революции. Но с понятием «диктатура» при этом происходит то же самое, что случилось, напр., с булавой швейцара, превратившейся в весьма невинное украшение, несмотря на унаследованный от невозвратного прошлого грозный вид. Таким же невинным украшением служат у современных с.-д. большинство формул, унаследованных от марксизма, революционного марксизма 1848 года. О каком же подражании с нашей стороны может здесь идти речь? Когда мы говорим о диктатуре, то говорим о революционной диктатуре, о состоянии гражданской войны, об исключительных полномочиях, которыми победоносный рабочий народ наделяет своих агентов по отношению ко всем, осмеливающимся силою оспаривать его победу. Мы высказываем, что в случае необходимости партия трудящихся масс, партия революционного социализма не должна будет остановиться и перед такою временной диктатурой, — временной, ибо ее задачей может быть лишь завершение победы, уничтожение остатков сопротивления, ликвидация гражданской войны для того, чтобы уступить место нормальному правопорядку в новом народно-трудовом государстве. Итак, когда мы говорим о «революционной диктатуре», мы говорим о ней в старом, действительно революционном смысле; и странно утверждать, будто мы в чем-то подражаем здесь современным нашим с.-д., которые здесь, как и везде, традиционной революционной фразеологией прикрывают весьма «умеренное и аккуратное» содержание.

Товарищи! Я старался не оставить без разъяснений ни одного из возникших здесь недоразумений, не оставить без ответа по существу ни одного из раздававшихся здесь возражений. Разбираемый проект не поколеблен ими ни в чем. Я полагаю, что некоторые частные добавления к разбираемому тексту было бы нецелесообразно редактировать окончательно здесь, в этом собрании, что это гораздо лучше сделает небольшая комиссия, причем окончательная санкция, конечно, будет принадлежать собранию. В настоящий момент я предлагаю принципиально голосовать за предложенный проект как в основных своих чертах вполне выражающий партийное мировоззрение и достойный такой партии, какою является Партия Социалистов-Революционеров. (Дружные аплодисменты.)

ЗАСЕДАНИЯ 1 ЯНВАРЯ 1906 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель тов. Соломин.

Секретари Зимин³³³, Орлов³³⁴ и Тульский.

Председатель предлагает приступить к обсуждению отдельных частей программы-**минимум**. Следуя порядку, установленному в предложенном проекте, нужно было бы начинать с обсуждения требований политических, но вчера поступило предложение тов. Карского о перестановке политической и экономической частей программы. Поэтому председатель предлагает двум ораторам высказаться за такую перестановку и двум против нее, чтобы затем проголосовать предложение тов. Карского.

Тов. **Горецкий** предлагает до обсуждения программы-**минимум** по частям обсуждать ее в целом, обсуждать самые принципы, на которых она построена; вчера эти принципы обсуждались случайно лишь, вне установленного порядка дня, и теперь необходимо поставить их на очередь.

Председатель ставит на голосование это предложение.

Громадным большинством голосов (против 5) предложение это отвергнуто.

Председатель предлагает высказаться по поводу предложения тов. Карского.

Тов. **Фирсов**. Приняв ту перестановку частей программы-**минимум**, на которой настаивал тов. Карский, мы совершили бы крупную и программную, и тактическую ошибку. Выставляя на первый план наши политические требования, мы тем самым подчеркиваем социалистичность этих требований. Пробуждение сознания и организация масс являются нашей главной задачей, но эта задача невыполнима при отсутствии политической свободы, и ее завоевание необходимо для нас прежде всего. Мало того, ни социализация земли, ни восьмичасовой рабочий день, ни другие экономические требования нашей программы-**минимум** не могут рассчитывать на проведение в жизнь до осуществления наших требований политического характера. Эти последние поэтому должны в программе-**минимум** стоять впереди требований экономических. Решая данный вопрос в противоположном смысле, мы впадали бы в своеобразный аполитизм.

Тов. **Шукин** возражает тов. Фирсову. Нас и без того упрекают, что мы считаем политические условия каким-то всеопределяющим моментом, что мы все, так сказать, производим от политики. Мы будем социалистичнее, если отметим соподчиненное положение, какое занимает политика по отношению к экономике. Я высказываюсь за предложение тов. Карского.

Председатель ставит на голосование предложение тов. Карского, и оно отвергается большинством против 7 голосов. Вслед за этим председатель читает проект программы в ее политической части и предлагает начать обсуждение этой последней.

Тов. **Красова**. Даже в среде партийных работников существуют различные толкования о «широкой автономии областей и общин», и я

спрашиваю поэтому авторов проекта, в каком смысле следует понимать это выражение.

Тов. Павлов. Наши требования субъективно-публицистических свобод необходимо дополнить новым пунктом, поставить на первом месте именно этот пункт. Мы должны выставить эти свободы как реальную неотчуждаемость, мы должны заявить требование, что «никакая власть случаев их осуществления не может отнять их, каковы бы ни были формы государственной жизни».

Тов. Рославлев. Требования политических свобод необходимо поставить в самом начале политической программы. За это говорит наше мировоззрение, в котором свобода личности, как таковой, играет весьма существенную роль. Без этой свободы мы не можем представить себе социалистического строя. Больше того, социалистическим строем мы называем такой строй, при котором человеческая личность получит возможность полного и гармонического развития. Перехожу к национальному вопросу. Признание за национальностями «безусловного» права на самоопределение может быть истолковано в крайне нежелательном смысле. Представим себе, что, напр., в Польше возникает сильное течение против четырехчленной избирательной формулы, что это течение получает в конце концов преобладающий характер. Мы не сможем относиться к этому явлению безучастно. Очевидно, безусловное право на самоопределение за национальностями признано быть не может. Русский народ должен завоевать одинаковые политические права для всех народностей, населяющих Россию; он может даже в период конституирования навязывать им известный минимум политических прав. Тот же принцип приложим к некоторым областям культурной жизни, напр. к вопросу о всеобщем, бесплатном, первоначальном обучении. С этим согласны главнейшие политические партии Польши. Ввиду всего этого я предлагаю изменить соответствующую формулировку, выбросив слово «безусловное» и сохранив только выражение: «признание за ними (национальностями) права на самоопределение».

Тов. Соболевский. Я скажу только два слова. Политические требования нашей программы должны располагаться в следующем порядке. На первом плане должна стоять свобода личности, во втором месте свобода союзов личностей, вытекающая из первой свободы, и уже затем федеративная демократическая республика. В проекте программы совокупность гражданских прав вполне правильно изложена, но в отдельности они страдают отсутствием логической связи между собою.

Тов. Красова. Очевидно, здесь происходит какое-то недоразумение. Возражая против признания за национальностями безусловного права на самоопределение, товарищи не могут как будто отделаться от исторически сложившегося взгляда на подчинение слабейших национальностей национальности командующей, русской. В самом деле, мы и не думаем, напр., оказывать какое-либо давление, навязывать что бы то ни было Германии или Франции. Не признав безусловного права на самоопределение, мы волей-неволей воспользуемся пережитками самодержавного режима. Я возьму крайний пример. Пусть какая-нибудь на-

циональность после низложения общероссийского самодержавного врага пожелает ввести у себя снова самодержавные порядки. Даже в этом крайнем случае мы можем действовать только пропагандой, только агитацией, самой широкой и горячей, но не силой, конечно, не навязыванием своих политических симпатий. Вспомним Швейцарию, федеративно-демократическую Швейцарию. В этой стране светские кантоны и не думают о насильственном уничтожении духовной школы у своих католических соседей. Я предлагаю оставить формулировку, принятую проектом программы.

Тов. Крымский. При безусловном праве на самоопределение некоторые национальности могут потребовать полного отделения от России, могут требовать установления таможенной границы. Мы не можем признать за ними такого права. Мы в нашей программе исходим из интересов трудящихся масс, а для них некоторые формы национального обособления необходимо нежелательны и вредны. Тов. Красова смешивает вопрос программный, определенное программное требование с его проведением в жизнь, с вопросом чисто практическим. Кстати, мы не определяем никаких притязаний на вмешательство в германские дела только потому, что не существует никакого соглашения между нами и социалистической партией, работающей в Германии, иначе вопрос об уничтожении соответствующей таможенной границы, несомненно, был бы поставлен на очередь. Дело, как видите, совсем не в исторических предрассудках.

Тов. Иваненков. Вопрос о перенесении требования основных свобод с конца параграфа в начало не является существенным, так как требование демократической республики само собой предполагает осуществление основных свобод.

При обсуждении вопроса о безусловном праве национальностей на самоопределение необходимо иметь в виду, что основные минимальные свободы должны быть гарантированы для всех национальностей, населяющих Россию, общегосударственной конституцией, как неотъемлемыми правами человека и гражданина, обсуждение коих даже не входит в компетенцию местных учредительных собраний.

Тов. Орловский³³⁵. По духу нашей программы Польша имеет право даже на полное политическое обособление от России. Я вполне согласен с тов. Красовой, думая, что в сфере национальных отношений не должно быть никакого принуждения.

Тов. Шевич. Национальный вопрос представляется двояко. Поскольку национальный вопрос есть пережиток территориальной, племенной или религиозной борьбы, поскольку он есть продукт борьбы привилегированных классов за власть, он стоит вне сферы воздействия социалистических партий; мы отвергаем наследство прежних эпох. Но поскольку национальный вопрос есть борьба трудящихся масс, подавленных национальностей за свое право автономной, самостоятельной, самоопределяющей жизни, он требует самого внимательного отношения со стороны всех социалистических партий. Никаких ограничений в праве самоопределения национальностей быть не должно. Стремление

организованных трудящихся масс представлять собою соответственные национальности не сопряжено с опасностью создания новых форм угнетения, ибо происходит в такой исторической обстановке, где солидарность трудящихся масс всех национальностей, языков и наречий есть основной органический принцип. В тенденции все социалистические нации составляют уже единый союз, единое рабочее человечество. Сила этого союза не только не исключает, но требует полного расцвета гения каждой отдельной единицы. Если Франция, Германия, Россия должны внести в этот союз максимум развития своей социалистической силы, т.е. пропаганды, организации, боевой техники и т.д., почему не желать этого для Польши, Литвы, Еврейства и т.д.

Эти до сих пор угнетенные национальности, борясь в сфере социалистической, не имеют никакого интереса изолироваться от своих братьев другой национальности. Если история концентрацией производства, развитием общей науки или техники создала такие условия, при которых известная степень координации усилий необходима, то простой исторический такт трудящихся масс заставит их во избежание излишних осложнений и войн самим определять надлежащий характер нужных им форм самоопределения.

Польша, быть может, скорее достигнет своих целей, ограничивая в переходный момент свои требования автономией, идя вместе с русскими социалистами в Учредительное собрание, оставляя при этом, конечно, за собою право дальнейшего расширения своей автономии, если того потребуют обстоятельства. Ведь это для социалистов дело простого такта, расчета, а не отвлеченного принципа. Наша тактика, давая самый широкий простор всем культурным и духовным потребностям трудящихся масс всех национальностей, должна руководиться принципами социалистической борьбы, а не быть игрушкой фантазии или произвола. Согласно нашей программе, мы должны обеспечить максимум единства и максимум самостоятельности организованных рабочих классов, входящих в состав международного рабочего движения. Это наш основной критерий.

Тов. **Норринг**. Буду говорить не с отвлеченно-принципиальной, а с практической точки зрения. Демократия несовместима с централизмом, а последний возможен только в государстве с прочной военной организацией. В Англии, напр., нет орудий военного воздействия, и мы видим, что ее колонии оградились от своей метрополии такими таможенными заставами, какие не установлены даже по отношению к совершенно чуждым государствам. Более яркий пример децентрализации трудно найти. Демократическое государство не может прибегать к помощи пушек, не может послать гарнизонов в некоторые провинции. Путь соглашений и договоров — единственно верный путь; метод агитации и пропаганды — единственно прочный метод.

Тов. **Климов**³³⁶. Я коснусь того пункта программы, где говорится о «рабочих» стачках и союзах. В обыденной жизни различаются рабочие и чернорабочие, и, пожалуй, могут подумать, что пункт не относится к чернорабочим. Я предложил бы выбросить слово «рабочих» во избежание такого недоразумения.

Тов. **Порошин**. Мне кажется, что в спор товарищей Красовой и Орловского с тов. Рославлевым вкралось недоразумение. Первые возражали против права главной государственной единицы навязывать отдельным автономным единицам тот или иной порядок и устройство. Но тов. Рославлев говорил не о постоянном навязанном порядке, а лишь о временном: он предлагает предоставить право каждой отдельной национальной единице высказаться в Учредительном собрании, созданном на основании 4-членной формулы по вопросу о том, какой порядок выборов этой национальности желателен, и в частности по вопросу о том, желательно ли этой самоуправляющейся единице право свободно проявить свою волю, свободно высказаться по вопросу о своем устройстве и организации. Кроме того, я хочу еще указать, что в проекте программы не указано одного весьма важного требования, именно свобод передвижения и переселения. Хотя вообще это требование включено в требование полного гражданского равноправия, но ввиду того, что у нас в России отсутствие этой свободы имело такие болезненные последствия для некоторых национальностей, мы должны подчеркнуть это требование и выставить его отдельно; наряду с требованием свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и т.д. мы должны поставить свободу передвижения и переселения.

Тов. **Рославлев**. Мы требуем установления «демократической республики с широкой автономией областей и общин», заметьте, широкой, а не безусловной. Я думаю, что было бы последовательнее в приложении к национальностям не настаивать на «безусловном» праве самоопределения. Конечно, наш идеал федеративный, но осуществленный в полном объеме, это только идеал. Установить сразу, непосредственно после революционного переворота безусловную автономность национальностей невозможно, так как в некоторых местностях соотношение революционных и реакционных сил складывается таким образом, что вся революционная работа, по всей вероятности, пошла бы там насмарку. В отрицании безусловности права на самоопределение нет, понятно, никакого насилия. Все народности, населяющие Россию, участвуют в общероссийском Учредительном собрании, как участвовали вместе с русским народом в напряженной революционной работе. Становясь на узко национальную точку зрения, мы можем заслужить вполне справедливый и крайне тяжелый упрек в предательстве, упрек со стороны тех самых национальностей, в защиту которых от самодержавного произвола мы выступаем в своей программе. Русская социологическая мысль давно уже указала на двойственный смысл, скрывающийся в понятии «нация». При бюрократическом режиме и даже при цензовой системе народного представительства «нация» — синоним «командующих классов». Вспомним обычный шаблон дипломатических телеграмм, где под словом, напр., «Россия» следует понимать г. Ламсдорфа³³⁷ с его министерством иностранных дел. Политические порядки должны быть выражением воли трудящихся классов, т.е. воли большинства народа. Если бы в Польше существовал цензовый парламент и если бы этот парламент заявил о нежелательности, с его точки зрения,

вмешательства России в польские дела для изменения системы представительства, то мы, разумеется, должны были бы властно заявить: «Революция совершается для большинства народа». Известный **минимум** политических прав должен быть обязательным для всех национальностей. Противоположная точка зрения оказалась бы и не справедливой, и не демократической, и не социалистической, и не революционной. Что касается централизации, то понятно, что в моих словах на централизацию нет и намека.

По предложению председателя съезда большинством голосов (прогив 1) решает закрыть лист ораторов.

Председатель предлагает ограничить время для ораторов, еще не успевших высказаться. После замечания тов. Абрамова, указывающего на то, что почти все ораторы говорили по национальному вопросу, и что другие пункты политической части программы еще не получили освещения, съезд большинством 35 голосов против трех принимает предложение тов. Горещкого о сокращении времени до 3-х минут только по отношению к тем ораторам, которые будут говорить по национальному вопросу.

Тов. **Городецкий**³³⁸. Термин «национальное самоопределение» подразумевает мнение **всей** нации. Это же мнение может быть выражено правильно только при условии наличности тех прав, которые обыкновенно разумеются, как неотъемлемые права гражданина. Права эти таковы: полная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов; полное и всеобщее гражданское равноправие; неприкосновенность личности и жилища; прямое, тайное, равное, всеобщее право голосования для всякого гражданина не моложе 20-ти лет без различия пола, религии и национальности. Эти неотъемлемые права должны считаться неснарушимыми и для самоопределяющейся национальности, так как в противном случае национального самоопределения, воли всей нации не будет, а будет выражено мнение только той кучки людей, которая получит возможность выразить свое мнение. Поэтому я полагаю необходимым поставить в начале этого параграфа неотъемлемые права, а фразу о «безусловном самоопределении национальностей» дополнить словами: «на основе указанных прав человека».

Тов. **Рошин**. Может быть я ошибаюсь, но долгие прения по дискутируемому вопросу представляются мне плодом недоразумения. Вопрос о праве самоопределения национальности может быть рассматриваться, во-первых, с точки зрения принципиальной и во-вторых, с точки зрения тактической, так сказать.

С точки зрения принципиальной, по существу, вопрос о праве самоопределения национальности, как приложение и развитие принципа свободы личности, решительно отделяет социалиста от материализма и шовинизма всех оттенков. Все вышесказанные мнения, напр., тов. Крымского, Красовой и др., как за, так и против безусловного права на самоопределение, основывались на тех или иных представлениях об условиях, в каких будет происходить осуществление свободы народами Российской империи. Программное требование формулирует принципиальное отношение. И при более или менее полном осуществлении

нашей демократической программы, установление демократической республики и пр., принцип, сформулированный как «безусловное право наций на самоопределение», необходимо должен быть осуществлен во всей полноте. Но вопрос о «самоопределении национальности» будет решаться в зависимости, между прочим и главным образом, от международного положения, войн и т.п. И как заранее нельзя сказать, что Великая Русская Революция и Русская Демократическая Республика непременно ограничат право на самоопределение отдельных от России национально-патриотических организмов (Польша, Финляндия), так нельзя и утверждать, как тов. Красова, что это право их будет гарантировано во всех случаях. Все зависит от будущих внутренних и внешних экономических и политических условий. Более того. У Великой Русской Революции есть великая мировая задача, есть общечеловеческая миссия, и во имя ее у нее есть право диктатуры революции — нарушать гарантии народов, и не только народов, соединенных игрою судьбы с Россией, но и всего мира.

Как принцип же, право национальностей на самоопределение должно быть сформулировано в самой определенной, абсолютной форме.

Тов. **Поморцев.** Я безусловно высказываюсь за сохранение той формулы по национальному вопросу, которая предложена проектом программы, и главным образом потому, что я разделяю взгляд тов. Соболевского, что неприкосновенные права личности должны быть поставлены во главу угла нашей программы. А раз так, то и права национальной индивидуальности должны быть оговорены возможно полнее. Мне кажется неверной та аналогия, которую проводил тов. Рославлев относительно автономии областей и национального самоопределения. Ведь первая касается юридического размежевания органов управления одной и той же власти, одной и той же национальности. Самоопределение же национальное предполагает наличие нескольких национальностей, и каждой из них должно быть предоставлено безусловное право на самоопределение, так как каждая из них представляет своеобразную индивидуальность, полное и гармоническое развитие каковой является основным принципом нашей программы. Кроме того, я хотел бы указать тов. Крымскому, что мы преследуем цели не только таможенно-фискальные, но и политические и культурно-духовные.

Тов. **Орловский.** Сейчас дело идет о юридической стороне вопроса, и с этой точки зрения слова проекта о признании за отдельными национальностями безусловного права на самоопределение должны быть оставлены. В замечаниях тов. Рошина, что бывают случаи, когда демократическое государство с точки зрения высшей справедливости имеет моральное право на вмешательство в жизнь другого народа, заключается смещение юридического и революционного методов.

Тов. **Красова.** Приглашать поляков в общероссийское Учредительное собрание, где они заведомо останутся в меньшинстве, крайне неудобно. У них должно быть свое учредительное собрание. Повторяю, путь договоров, а не навязывания — единственно правильный путь.

Тов. **Крымский.** Требования основных прав личности мы должны проводить повсеместно в полном объеме. О том, что какая-либо общи-

на, какое-либо земство смогут попирать эти права в пределах своей территории, конечно, никто не думает. Той же точки зрения следует держаться и в вопросе национальном, и с этой точки зрения о безусловном праве на самоопределение не может быть и речи. Предоставив национальностям такое право, мы, весьма вероятно, вызовем полный разрыв, утратим возможность оказывать на них влияние, наконец, отдалим установление тесной связи между народами. Вопрос об основных правах личности в данном случае не имеет, по-видимому, практического значения, но вопрос о возможности полного политического обособления — крайне серьезный вопрос. Отделение, напр., Закавказья нарушило бы интересы всего государства. Достаточно напомнить о бакинских нефтяных богатствах.

Председатель предлагает оратору внести предложение письменно.

Тов. **Абрамов** признает за национальностями право на безусловное самоопределение. Тов. Шевич стоял на той же точке зрения, но говорил лишь о культурных народах. О башкирах, напр., он не сказал ни слова. Кроме того, безусловное самоопределение он понимал несколько условно. При таких условностях мы надолго задержим ход революции. Необходимо различать периоды революционный и послереволюционный. В первый из этих периодов все национальности получают основные политические права в их полном объеме; во второй период, пользуясь уже безусловным правом самоопределения, они могут утратить эти основные права, но не мы будем виноваты в этом. Перехожу к другому вопросу. Обязательность обучения можно понимать двояким образом, но мне кажется, мы должны понимать ее смысл обязательно не для родителей, а для государства. Примем во внимание существование сект; примем во внимание такие случаи, когда родители не желают, как это бывает в Соединенных Штатах, отдавать своих детей в школы, отличающиеся шовинистическими тенденциями. Наконец, по вопросу о прямом народном законодательстве замечу, что в проекте программы не оговорено, при каких условиях будут приниматься референдум и инициатива, не указан их характер (факультативность или обязательность для референдума, число голосов для инициативы).

Тов. **Соболевский**. Происходит видное недоразумение. Мы социалисты прежде всего. Мы не можем поддерживать принудительного порядка, созданного русским самодержавием. Мы не имеем права приглашать финляндцев в русское Учредительное собрание, так как Финляндия связана с Россией только личной унией, так как это особое государство, так как такое приглашение противоречило бы его основным законам. Мы должны признать за Польшей право на самостоятельное Учредительное собрание. Недоверие поляков к русскому народу, это недоверие вполне естественно и понятно: вспомните обрусительную политику русских самодержцев. И притом в общем русском Учредительном собрании поляки по своей малочисленности сравнительно с русским народом оказались бы в крайне невыгодном положении. Правда, в отдельном кавказском парламенте более культурные грузины, армяне были бы задавлены более многочисленными татарами, но это уже

практический вопрос. Нужно помнить, что мы идем путем свободы, а не путем насилия.

Тов. Князев. Я хочу сделать одно замечание по поводу формулы: «свобода совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и союзов». Один из товарищей высказывал по поводу ее, что следовало бы прибавить к словам «рабочих стачек» еще слова о стачках «чернорабочих»; по-моему, в этом нет надобности, так как в понятие «рабочий», несомненно, входит и понятие о «чернорабочем». Я предложил бы съезду сделать к словам «рабочих стачек» иное добавление. Вся приведенная мною формула очень стара, входит в программу не только нашей партии, но и всех социалистических, а в последнее время даже и умеренных партий; по традиции она остается везде неизменной, хотя и не является вполне выдержанной: слова о свободе совести, слова, печати, собраний и союзов касаются всех граждан, они говорят о правах каждого человека без исключения; слова же о стачках касаются исключительно рабочего класса, т.е. части народа. Такое частичное добавление вполне понятно, как ввиду того значения, какое рабочий класс имеет, так и потому, что право стачек вызывает в области экономической наибольший протест со стороны правительства и буржуазии — в программы же обыкновенно вносится то, что в данное время наиболее сильно оспаривается. Но дело вот в чем: за последнее время русская жизнь выдвинула целый ряд совершенно новых, хотя и аналогичных рабочим стачкам явлений; укажу хотя бы на забастовку железнодорожную, телеграфную и др.; я убежден, что к такой же форме протеста может, напр., скоро прибегнуть и так называемый третий элемент в земском и городском самоуправлении, а также подобный протест может возникнуть и там, где мы сейчас даже и не предвидим возможности того. Подобные явления нельзя игнорировать; они имеют слишком большое влияние на жизнь страны, а затем — право на подобный протест крайне резко оспаривается многими, не только, напр., нашим правительством, даже ссылающимся на республиканскую Францию по вопросу о почтово-телеграфной забастовке, но и многими либеральными группами, даже такими, которые заявляют о своем сочувствии к партиям социалистическим. Я полагаю, что нам следовало бы высказаться о таких явлениях, и предлагать съезду включить в программу партии следующее добавление: «свобода... рабочих стачек, равно как и других аналогичных форм коллективного протеста во всех случаях экономической и правовой эксплуатации».

Тов. Серов. Дорогие товарищи! Я скажу лишь два слова, чтобы подполнить пробел в наших прениях. Здесь мы говорили о самоопределении различных национальностей. Но мы не упомянули об одной национальности, которая не обладает территорией и, однако, сыграла и играет громадную роль в русской революции. Я говорю о еврейской национальности, которая в лице своего героического пролетариата, защищающего великое социалистическое начало труда, вела в последние годы борьбу за свободу и против всякого угнетения, борьбу не менее славную и не менее плодотворную, чем длинная историческая борьба

исторической Польши против императорской России. Мы должны ярко и отчетливо выразить признание права на самоопределение еврейской национальности, доблестно представленной в русской революции еврейским пролетариатом и еврейской социалистической интеллигенцией. (Горячие аплодисменты.) Съезд постановил занести целиком в протокол речь тов. Серова.

Председатель читает поправки, предложенные при обсуждении политической части программы.

Поправка тов. Крымского. «Признавая право на самоопределение национальностей, входящих в состав Русского государства, мы думаем, что их политическое обособление нанесет ущерб делу единения трудящихся масс, и потому высказываемся против него».

Поправка Поступаева. Предлагаю заменить формулу «рабочих стачек» формулой: «стачек трудящихся и эксплуатируемых».

Поправка Князева, который предлагает после слов «рабочих стачек» сделать дополнение: «равно как и других аналогичных форм коллективного протеста во всех случаях экономической и правовой эксплуатации».

Поправка Порошина. Ввиду того, что в программе не указан характер требуемого референдума и инициативы, предлагаю указать, что П.С.-Р. требует референдума, обязательного во всех случаях решения общеполитического и юридического значения, и инициативы с указанием желательного количества лиц, по требованию которых тот или иной законопроект ставится на всенародное голосование.

Поправка Абрамова. По вопросу о всеобщем обязательном обучении пояснить, что обязательность эта относится к правительству, а не к родителям обучаемых детей.

Поправка Павлова. Неотчуждаемость ни при каких политических условиях, независимо от того, созданы ли они неограниченной монархией или демократической республикой, всех субъективно публичных прав, как-то: свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и рабочих стачек, неприкосновенности личности и жилища; полное и всеобщее гражданское равноправие, полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого; установление демократической республики *etc* (в порядке проекта программы). Установление обязательного равного для всех, общего светского образования и т.д. (в порядке проекта программы).

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Собрание открыто в 5 ч. 25 м. вечера под председательством тов. Шевича.

Секретарь тов. Дружинин читает протокол утреннего собрания 31 декабря, который и утверждается. Докладывается об отъезде председателя тов. Серова. На его место избирается третьим председателем тов. Дружинин. Выбраны, далее, в члены комиссии по разработке и изменению проекта товарищи Тучкин, Шевич, Карский, Базаров и Валин.

Собрание решает разбирать программу отдельно, причем в первую очередь постановлено рассмотреть аграрную часть программы.

Тов. Шевич читает текст аграрной части проекта.

Прения открыты.

Тов. **Валин** обращает внимание на некоторые редакционные недочеты в предложенном проекте. Партию обвиняют обыкновенно в том, что она чересчур подчеркивает аграрный вопрос. «У с.-р. нет ничего, кроме аграрного вопроса». Это обычная фраза, несмотря на свою вульгарность, слишком распространена, чтобы с ней не считаться. Отчасти сами с.-р. виноваты в таких предрассудках об их программе. На митингах, в рефератах, кружках мы слишком много говорим об аграрной программе, лишь изредка касаясь рабочих требований, которые, однако, занимают у нас оригинальное место в программе. В новом проекте с этой стороны наблюдается несомненный прогресс. Вопрос о коммуне деревенской и коммуне городской поставлен в редактировании программы в более тесную связь, чем раньше. Однако есть некоторые недочеты, о которых я хочу сказать. Мы выбрасываем, и совершенно справедливо, одно место из старой программы, именно такое: «В случае, если это главное и основное требование (т.е. социализация земли) аграрной программы-минимум не будет осуществлено сразу, в качестве революционной меры» П.С.-Р. вырабатывает ряд переходных мер к нему, «как, напр., расширение прав общин и территориальных союзов их по экспроприации частновладельческих земель». Выпуская это место, новый текст программы говорит вместе с тем о «предоставлении городским и сельским обществам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и принудительному их отчуждению». **Недвижимые имущества** — это прежде всего **земля**. Но земля уже социализирована в программе, как же она будет «принудительно отчуждаться»? Очевидно, оба приведенные места должны быть выброшены, раз выброшено одно из них, ибо они однородны. Возможные недоразумения здесь необходимо должны быть устранены, и сделать это очень просто, стоит только подчеркнуть в аграрной программе в своем месте роль местных муниципалитетов в деле пользования землей. Тогда получится следующее: «Социализированная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских общин» и **муниципалитетов**, как следует прибавить к цитированной фразе проекта, «и кончая государством». Нам нечего бояться лишнего упоминания о роли **муниципалитетов**. Нам необходимы такие упоминания, ибо они дают возможность подчеркивать в нашей программе удовлетворение интересов пролетариата. При такой поправке, вернее только дополнении, фраза об обложении «недвижимых» имуществ будет уже вполне ясно, резко, не допуская никаких кривотолков, относиться исключительно к удовлетворению жилищных и других нужд, о чем упоминает и программа. Это — первое дополнение. Далее, я хочу сказать несколько слов о выражении «социализированная земля поступает» и т.д. Социализированная земля понимается обыкновенно в более узком, чем следует, виде.

«Социализированная», т.е. такая, по вульгарному представлению, которая передается в руки **деревенских** общин. Я предпочел бы сказать: «земля, обращенная во всенародное достояние, поступает». Такова вторая необходимая, по моему мнению, редакционная поправка. Есть и еще выражения, против которых в программе нельзя не высказываться. «При переходе пользования землей от одного лица к другому» проектом программы «устанавливается вознаграждение», но кем именно устанавливается, не оговорено. В нашей рабочей программе мы выставим **минимум** рабочей платы, которая определяется органами самоуправления и местными рабочими организациями. Такое же упоминание необходимо и при «установлении вознаграждения» при переходах земли от одних хозяев к другим. Тогда получится: «при переходе пользования землей и т.д. местными органами самоуправления устанавливается вознаграждение». Если не такое, то аналогичное дополнение во всяком случае необходимо. Такова моя третья поправка к редакционной стороне проекта. Идем еще дальше. Проект признает право на общественную поддержку для людей, пострадавших при земельном перевороте, и «на время, необходимое для приспособления к новым **хозяйственным** условиям». Слова «хозяйственным условиям» неприемлемы по своей неопределенности. Приспособиться к хозяйственным условиям — это значит, между прочим, организовать хотя бы известное капиталистическое предприятие «в новых хозяйственных условиях», пользуясь тем, что осталось от переворота. Вместо новых хозяйственных условий я предпочел бы сказать: «к новым условиям личного существования» в смысле удовлетворения известного минимума потребностей личных, а не хозяйственных, о чем именно и говорит, вернее, хочет сказать проект программы. Кроме этих поправок, я не стал бы делать других изменений в программе, но хотел бы остановиться еще на двух-трех вопросах. Новая программа отличается от первоначального проекта большей детализацией, и в этом ее достоинство. Но его следует несколько более расширить. Я предложил бы, напр., внести вопрос о том, что разные угодья, леса, луга, а также недра земли, нефть, каменный уголь, оставлять не в распоряжении отдельных общин, а союзов общин или вообще более обширных, чем отдельная община, организаций. Такая детализация в духе программы и слишком важна, чтобы ее игнорировать. Позволю себе в заключение вернуться ко вчерашнему заседанию, чтобы сказать два слова *pro domo sua*³³⁹. Тов. Тучкин выразил по поводу моих вчерашних замечаний огорчение, что в партии существуют лица, не усвоившие различия между программой и ее характером и агитационной прокламацией. Было бы действительно печально, если бы такие люди были в партии. Вопрос, однако, решается очень просто. Есть программы, в которых целиком выражается «душа партии», хотя эти программы и не «прокламации». Такова подготовительная записка Исполнительного комитета «Народной Воли».

Тов. Порошин. Все споры о земле вертятся около двух осей, характеризуемых проектами национализации и социализации земли. Сущность обнаруживающегося здесь между товарищами расхождения за-

ключается в следующем. При экспроприации земли у помещиков, при изъятии ее из-под частного их владения первый вопрос, сейчас же возникающий при этом, как распорядиться с захваченной землей, какую общественную категорию сделать носителем прав на нее. Здесь могут быть разные ответы в зависимости от того, какой из многочисленных общественных категорий мы окажем предпочтение. Таких категорий несколько, и их можно расположить по степени возрастающей величины и значения. Ближайшей величиной будет личность, отдельный индивидуум; затем следуют чистые классовые организации земледельцев в виде основанных на принципе равенства общин из непосредственных производителей и территориальных союзов общин; дальше следует междуклассовая или сверхклассовая, а в действительности чисто буржуазная классовая организация современного государства, хотя и реформированного на демократических принципах республиканского устройства, но все же глубоко буржуазного по руководящим органам, буржуазному правительству и буржуазному по большинству своего состава «народному» парламенту и соответствующей политике, укрепляющей господство буржуазии и поддерживающей эксплуатацию и угнетение рабочего класса. От передачи земли и всех связанных с нею прав отдельному индивидууму мы отказываемся, так как это был бы передел земли в частную собственность отдельных индивидуумов; это к лицу лишь одним господам социал-демократам. Если мы от низшей организации перейдем к высшей, то, разбирая вопрос о государстве как о носителе прав на землю, нужно принять во внимание следующее. Современное государство, поскольку оно является орудием классовой эксплуатации рабочего класса буржуазией, не может быть той организацией, которой нам **желательно** было бы, а потому и можно бы передать землю. Такая передача укрепила бы положение господствующей буржуазии, дав ей могучее орудие эксплуатации земледельца разными рентами и уравнивающими обложениями, и вместе с тем облегчила бы финансовую задачу ее господства, открыв для современных правительств новый обильный источник дохода и сделав их независимыми или мало зависимыми от вотируемых или невоотируемых парламентом сметных отчислений и кредитов. Такое усиление врагов рабочего класса, укрепление позиций буржуазии не может быть нашей **целью**. Целью для нас должно быть такое проведение земельного переворота, которое дало бы рабочему классу возможность извлечь из него максимум пользы и выгод для себя. Исключив личность и государство как нежелательных для нас носителей прав на землю, нам остается обратиться к другим, более идеальным с точки зрения труда общественным категориям. Таковой является трудовая организация равных по своим правам земледельцев, реформированная община и территориальный союз общин. Вопрос о выборе между общиной и союзом общин есть вопрос практического удобства и осуществимости; поскольку можно будет создать добровольный территориальный союз (а мы рассчитываем на общинную психологию крестьянства), мы предпочитаем таковой как более широкий и более потому желательный в смысле более широкого воплощения принципа

кооперации. Но важен принцип. Именно эти общины или союзы общин, как чистые трудовые организации, должны быть объектом нашего внимания при движении к цели. Я ограничен временем и остановлюсь только на устройстве этих организаций. Здесь нужно принять во внимание одно обстоятельство. Мы стремимся к тому, чтобы земля была достоянием, была бы доступна всем трудящимся. В этом смысле может быть очень опасно развитие у крестьян кастово-профессионального духа. Получив землю, крестьяне могут замкнуться в себе и, не допуская никого из неприрожденных земледельцев к земле, превратить деревню в никому, кроме крестьян, не доступную Аркадию. В этом смысле очень важно иметь гарантию доступности земли **всем** трудящимся. Гарантию дают нам смешанные комитеты или организации из представителей крестьян и городских рабочих. Так именно был поставлен вопрос на областном съезде Северо-Западной областной организации. О деталях этой организации не могу распространяться за недостатком времени.

Тов. **Пашин**³⁴⁰. Я хочу обратить внимание собрания на одну сторону вопроса, который в социализации является основным. Это вопрос о трудовых общинах. У нас, как это утверждал здесь только что один из товарищей, по таким общинам распределяется будто бы $\frac{3}{4}$ всего крестьянства. Но это не так: трудовых общин, насколько я знаю, нет совсем. У нас имеются общинные владения и пользования, но не трудовые. Я не один десяток лет близко стоял к крестьянам и могу отметить некоторые интересные подробности в отношениях к земле. Остановлюсь на общинах владения землею, которую они получили на условиях выкупа. Крестьяне этих общин пойдут на захват соседних частновладельческих земель, и это будет расширение общинного землевладения, но это ни на шаг не продвинет нас в проведении социализации, так как захваченную землю общины не будут склонны отдавать в народное обладание. У крестьян таких общин уже развито чувство собственности, привитое к ним искусственно, и приобретенную ими землю они считают своею. У этих крестьян надо будет также экспроприировать землю, как у других частновладельцев. Для нас в этом обстоятельстве заключается трудность. Другое обстоятельство, на которое я обращаю наше внимание: принцип социализации может столкнуться не только с собственническими тенденциями части крестьянства, но и с автономными течениями некоторых наших областей. Примером может служить Сибирь: там господствует областное автономическое течение. Как же будут относиться области к землям в целом? Сибирский областной союз, в состав которого входят многие из наших товарищей, членов нашей партии, находит, что должна быть образована особая областная Сибирская Дума, в ведении которой должны находиться все местные дела, и в частности заведование всеми землями области, под которой понимается вся Сибирь. Насколько же выяснились тенденции Сибирского Областного Союза, он не склонен допускать чьего-либо стороннего вмешательства в заведование землями области. Он признает, что все земли области должны быть социализированы и что они составляют лишь часть общегосударственного земельного фонда, но распоряже-

ние этой частью, по его мнению, должно быть предоставлено только Областной Думе. Такое решение аграрного вопроса для области находится в противоречии с основным принципом нашей аграрной программы, исключающей возможность закрепления части социализированной земли за кем-либо, в том числе и за такими даже крупными коллективностями, какую в данном отношении представляла бы Областная Дума. Во всех таких случаях, как нетрудно предвидеть, не могут не возникнуть конфликты и в нашей среде, ее дезорганизующие. Мне лично неоднократно приходилось публично полемизировать с членами своей же партии по этому вопросу. Я думаю, что в таких странах, как Сибирь, где почти нет общин, владеющих собственными землями, вопрос о социализации пройдет успешно; там остро ставится и стоит лишь вопрос об отношениях к этому предмету некоторых групп населения. Сибирское казачье войско обладает, напр., громадною площадью лучших в крае земель, но казаки фактически землею плохо занимаются; ею пользуются на различных условиях киргизы и русские. При социализации, естественно, возникли бы кровавые столкновения между киргизами и казаками, если бы земли, захваченные теперь казачеством, были оставлены в распоряжении этого последнего и от пользования такими землями были бы устранены киргизы, фактически пользующиеся большею частью этих земель. Приблизительно так же обстоит дело и с другими инородцами, пользующимися землею. Надо обратить самое серьезное внимание на все это, на отношение к земле самого населения. Иллюзиям здесь не должно быть места, ибо каждая из них может стоить потоков крови. (Шумные аплодисменты.)

Оратор выражает сожаление, что не может подробнее остановиться на аграрной программе, ввиду необходимости сегодня же уехать и оставить съезд, и обращается к собранию с просьбой возможно осторожнее, вдумчивее и внимательнее отнестись к вопросу об аграрной программе. По просьбе собрания оратор, однако, согласился отсрочить свой отъезд.

Тов. Фирсов. Я присоединяюсь к предостережению предыдущего оратора о том, что не нужно питать никаких иллюзий. Аграрная программа-минимум должна быть осуществлена в рамках современного строя. Но буржуазный строй знает лишь одно право собственности — старинное римское право. И потому я спрашиваю, кто будет субъектами социализированной земли в современном обществе, кто будет ею владеть. В проекте программы на этот вопрос нет ответа. Проект говорит о «переходе земли» в «общенародное достояние», об «общественной собственности на землю». Но кто этот «общий народ», это «общество», которое будет собственником земли? Ответа нет в проекте. В буржуазном строе есть лишь один организованный орган всего общества — это государство. Общенародная, общественная собственность на землю — это государственная собственность, национализация земли. Но «Революционная Россия» так много, красноречиво и убедительно выступала против национализации, что я нахожу почти излишним повторять все ее доводы. Напомню лишь о судьбе Америки, где осуществлена полно-

нюю нашу политическая программа-минимум и где, несмотря на это, господствует шайка профессиональных политиканов, находящихся на откупе у класса капиталистов. Организованная народная воля в современном государстве — это буржуазная воля. Предоставить современному классовому государству право собственности на землю мы не можем по самому смыслу проекта. Он даже сам предостерегает рабочий класс против «государственного социализма» в разных его видах. Я стою за ясную формулировку аграрной программы 46-го №, за переход частновладельческих, казенных, монастырских, кабинетских и удельных земель во владение — я подчеркиваю это слово — и распоряжение демократически организованных местных органов самоуправления. Переход земли к таким общественным единицам не представляет опасности для рабочего класса. В муниципалитете городском и сельском, в более широких местных государственных союзах, уездных и губернских земствах народная воля быстрее и полнее становится волею трудящихся и эксплуатируемых, чем в современном организованном буржуазном государстве. Доказательство тому — современный муниципальный социализм. Я предостерегаю затем собрание товарищей против распространенных иллюзий, что наша аграрная программа обеспечивает всем трудящимся право на землю и спасает нас от эксплуатации в деревне. И то и другое — безнадежная утопия. В буржуазном государстве никакими кредитами нельзя разрешить проблемы отделения производителя от средств производства. Эта такая аксиома современного социалистического учения, что я нахожу излишним ее доказывать. Что же касается уничтожения эксплуатации трудового крестьянства вместе с осуществлением нашей аграрной программы, то при существовании менового хозяйства всегда будет разоряться часть трудового крестьянства и попадать в зависимость и эксплуатацию. Уничтожить эксплуатацию трудового крестьянства может лишь осуществление наших конечных целей, социализм. Наша аграрная программа-минимум стремится лишь обеспечить минимальный уровень жизни трудового крестьянства и больше ничего. Она стремится разрешить обострившийся земельный вопрос в деревне таким образом, чтобы расширение крестьянского землевладения не сопровождалось, как на Западе, образованием мелких собственников, который является таким страшным препятствием для западно-европейского социализма на пути его завоеваний. А этого можно достигнуть лишь посредством передачи земли в собственность демократическим органам местного и областного самоуправления.

Тов. **Старков**. В программе сказано: «При обложении рентных доходов путем обложения на общественные нужды». По этому привожу следующие соображения о ренте и в особенности о дифференциальной ренте.

Положим, говорит Рикардо³⁴¹, что участки № 1, 2, 3 при одинаковой затрате труда и капитала дают чистый продукт в 100, 90, 80 кварт хлеба. В стране, где существует пропорционально населению множество плодородных участков и где, следовательно, достаточно обработать участок № 1 для прокормления населения, весь чистый доход поступит в распоряжение земледельца и составит прибыль на затраченный капитал.

«Когда при возрастании населения, — продолжает Рикардо, — принимаются за обработку земель второстепенного плодородия, немедленно возникает рента для земель первого качества, и размер ее зависит от различия в качестве земли этих двух категорий».

Маркс должен признать, что Рикардо прав, говоря о дифференциальной ренте, что она является результатом разницы между продуктом, полученным при употреблении двух одинаковых количеств труда и капитала, если добавить к этому «на участках земли одинаковой величины».

Вот в каких словах авторитеты науки анализируют и доказывают существование дифференциальной ренты. Утверждаю, что указанные случаи вполне гипотетичны, никогда в жизни не могут существовать и, следовательно, дифференциальной ренты не существует.

В той стране, где есть множество плодородных участков, население всегда будет пользоваться всей площадью земли, а не одним ее участком. Применяя системы хозяйства различных степеней интенсивности на участках различного плодородия, всегда можно получить одинаковое количество продуктов при затрате одного и того же количества труда, только распределяя этот труд на различную величину земельной площади. Напр., если в гипотетическом случае нужно было для прокорма всего населения только с участка № 1 применять трехпольную систему, то в действительности население будет обрабатывать всю земельную площадь, находящуюся в его распоряжении, а не один участок № 1, но только при переложной системе. Это относится не только к отдельным хозяйствам, но и к отдельным участкам земли в пределах одного хозяйства. Каждый хозяин обрабатывает отдельные участки из своего хозяйства, но разного качества, как по плодородию, так и по отдаленности от потребительного центра, разными степенями интенсивности; напр., около усадьбы устраиваются огороды, дальше конопляники, дальше трехпольные поля, дальше пастбище и лес. Но гора вблизи усадьбы запускается лесом, а хороший луг или удобная лесная поляна, хотя и дальние, обрабатываются усиленно, т.е. по интенсивной системе хозяйства.

Предположим, что обрабатывается одной большой артелью земледельцев два имения, принадлежащие разным владельцам, каждое по 100 десятин, но с землей разного качества. В первом имении при трехпольной системе один взрослый рабочий вырабатывал бы в год продуктов на 7 душ, а во втором на прокормление всего 3-х душ; такое положение не может просуществовать и одного года: артель тотчас же повысит интенсивность системы хозяйства в 1-м имении и заведет такую систему, чтобы каждый вырабатывал на прокормление, не менее как на 5 душ; во втором — понизит интенсивность и перейдет к пастбищному или многопольному, чтобы каждый вырабатывал тоже не менее как на 5 душ. Если средняя норма порабощения, средняя норма экономического гнета такова, что рабочие отдают в этой местности предпринимателям половину своего труда, то величина ренты для обоих имений установится именно так: и в первом, и во втором будут отдавать половину продуктов или денежную цену этой половины; конечно, на каждую десятину будет ложиться неодинаковой величиной; напр., в 1-м будут

платить 15 р., а во втором — 6 р. с десятины; это будет зависеть от того, сколько рабочих сил понадобится для первого и второго имений при установившихся в них системах хозяйства.

Тот же пример можно применить и при земле одинакового или разного качества, но разного положения в смысле расстояния от рынка; только анализ будет несколько сложнее. Поэтому при широком мировом землевладении, при уравнительном пользовании целым народом обширной земельной площадью нет смысла в какой-либо дифференциальной ренте и необходимо только широкое, свободное переселение из одной местности в другую для того, чтобы установилась при помощи систем хозяйства различной степени интенсивности одинаковая степень продуктивности труда; необходимо осуществить легко исполнимое право поселения в каждой местности для **всех желающих**. Люди всей артели распределяются по обоим имениям и заведут в каждом хозяйстве такой степени интенсивности, чтобы труд их был одинаково производителен в обоих хозяйствах. Весь народ будет распределяться по всей земле и будет заводить на каждом клочке такие системы хозяйства, при которых везде он будет добывать себе пропитание с одинаковой трудностью.

Утверждаю поэтому, что дифференциальной ренты, как особой экономической категории ренты, не существует в действительной жизни; существует одна рента, происшедшая вследствие завоеваний, вследствие частной земельной собственности. Если эта фактически существующая рента и ложится неодинаково на участки различного плодородия, то это оттого, что эти участки впитывают в себя разное количество труда, равного по своей производительности, дают работу разному количеству работников, из которых труд каждого одинаково производителен, дает одинаковое количество продуктов; у всех этих работников рента или власть землевладельца отнимает одинаковую равную для них всех часть их продукта; везде земледельцы и работники — не собственники — эксплуатируются в одинаковой степени: и там, где они охотятся, и там, где ведут огородное хозяйство; везде они отдают приблизительно одинаковую долю продукта своего труда; если и бывает разница в отдаваемой работниками доле их продукта, то эта разница зависит от разницы в степени гнета частной земельной собственности: на окраинах мирового рынка, там, где поблизости имеются запасы свободных от частной собственности земель (Аргентина, Канада, Сибирь), этот гнет слабее, в центральных же странах он сильнее, и рента соответственно этому гнету бывает меньше и больше. Развитие дешевого транспорта постепенно убивает ренту везде и всюду. Если в демократическом или полусоциалистическом государстве начать применять ренту под предлогом уравнивания пользования землями неодинакового плодородия или неодинакового расстояния от рынка, то эта рента неудержимо обратится в абсолютную ренту, в плату за доступ к земле, в специальный налог на земледельческое население рядом с якобы единым, подходядно-прогрессивным налогом. Такое двойное обложение земледельцев, такое затруднение доступа к земле находится, очевидно, в непримиримом противоречии с основными положениями нашей программы.

Принимая во внимание все вышесказанное, я высказываюсь за исключение из программы понятия дифференциальной ренты как понятия не научного.

Тов. Грибовский. Как ни интересны те общие вопросы, которые здесь затронуты, я не считаю возможным в пределах доступного времени их касаться и перехожу к обсуждению по существу программы. Предполагая социализацию земли, мы основное ее значение полагали в том, что доступ к земле получают те рабочие руки, которые теперь лишены возможности вести собственное хозяйство. При условиях такого перехода мы должны иметь в виду, что кандидаты на социализованную землю, батраки и часть фабричных и заводских рабочих являются без необходимых средств для ее обработки, без орудий производства. И если мы не хотим лишить реформу ее основного значения или вылить ее только в пустую фразу, то мы должны указать на те практические меры, которые дадут возможность завести безлошадным и бесхозяйственным батракам и рабочим свое земледельческое хозяйство; таковыми мерами может явиться проведение самого широкого государственного кредита для всех тех, кто хочет воспользоваться открывшимся доступом на землю. Таким образом, я прошу внести в программу следующее дополнение: самый широкий государственный кредит для осуществления того перехода к собственному земельному хозяйству, который открывается при нашей реформе для батраков и части фабричных и заводских рабочих.

Далее необходимо отметить, как мы относимся к тем землям, которые крестьяне приобрели на трудовые деньги и считают своей личной собственностью. Это положение дел может создать известные трудности при осуществлении реформы, и мы должны ответить на это так: экспроприируя землю, мы не отрицаем за трудом права на вознаграждение.

Говоря о социализации земли, ничего не упоминается в программе о лесах. Если этим молчаливо принимается и социализация лесов, то я самым решительным образом протестую. Передать распоряжение лесами в руки общин нельзя: подобная мера была бы несправедлива и грозила бы гибелью общенародного блага. С другой стороны, надо не забывать того, что в некоторых губерниях, за отсутствием удобной пахотной земли, разработка лесов составляет важную статью крестьянского хозяйства. Я предлагаю здесь такую формулу: национализация лесов при полном признании права безземельных общин на пользование лесами в качестве подсобного промысла. Тов. Пашин упоминал о своеобразном отношении, принятом Сибирским союзом в земельном вопросе. Союз стремится автономно распоряжаться своими землями, и является, таким образом, опасность, как бы он не отказал в землях новым поселенцам из России. Я не знаю, принимал ли Союз в своих решениях обязательность безбатарного труда или нет. В первом случае нет никаких причин противиться занятию свободных земель поселенцами из России. Во втором случае мы должны подчеркнуть опять свое основное положение: земля ни в коем случае не может служить орудием эксплуатации чужого труда.

Тов. Нижегородский предлагает внести в проект аграрной программы некоторые вставки, необходимые по его и его товарищей мнению.

В соответствующем месте текста оратор предлагает сделать вставку: «без пайма батраков», поясняя при этом, что и земельную реформу нельзя провести во всей чистоте, как предлагает проект. Земледелие не может обойтись без наемного труда, ибо встречаются настолько разнообразные и многочисленные положения, когда необходимо прибегнуть к наемному труду. (Приводит факты.) И сами крестьяне различают понятия наемного и батрацкого труда. Батрак — это годовой или сроковой рабочий, когда как наймит — это рабочий, нанятый в исключительном случае для пополнения временно выбывшей рабочей силы из хозяйства. Во-вторых, необходимо уничтожить минимум в минимальной программе. В-третьих, необходимо всюду сохранить термин «социализация» как более полно характеризующий желательную для нас реформу. Наконец, желательно, чтобы программа была приспособлена к пониманию молодых работников на местах и была детализирована во всех пунктах, где это вообще возможно.

Тов. Поморцев. Экономическая сторона нашей аграрной программы достаточно разработана в партийной литературе, как в легальной, так и в нелегальной; достаточно для этого сравнить номера «Р.Р.», статьи Чернова и Пеннехонова в «Русском Богатстве», прилож. к № 75 «Р.Р.»³⁴², брошюре Новоторжского³⁴³ и т.д. Да, наконец, тут также возбуждался вопрос о разрешении или воспреещении пользования батрацким трудом согласно с принципами нашей программы. Но помимо экономической всякая реформа имеет также юридическую сторону, и вот эта-то юридическая сторона социализации земли меня всегда больше всего интересовала. В партийной литературе по этому вопросу мне ничего не приходилось встречать; то же, что предлагалось в качестве такового, страдало сбивчивостью и несдержанностью как юридической конструкции, так и самой терминологии. Так, напр., тов. Пашин только что употребил такого рода выражения: «владение в смысле собственности», «пользуются, но не владеют» и т.д.; то же самое делают товарищи Фирсов и Порошин. Но разве можно пользоваться землей, не владея ею? Можно владеть землей, но не пользоваться, можно владеть, но не быть собственником, можно быть собственником, но не пользоваться землей, но нельзя пользоваться землей и не владеть ею! Переходя к редакции аграрной программы, предложенной в проекте, я хочу сделать следующие замечания. Во-первых, выражение «общенародное достояние» следует заменить «общенародная собственность». Тов. Коренев, защищая вчера идею национализации земли, указывал, что слово народная **собственность** pseudobно, т.к. оно влечет целый ряд других понятий гражданского характера; но разве можно бояться слова, тем более что ни тов. Коренев, ни автор проекта, конечно, не предполагают, что с проведением социализации земли она будет вообще изъята из гражданского оборота, из международного товарного оборота. Собственность на землю вообще, народная собственность не уничтожится, конечно, после проведения реформы; на это проект программы и не рассчитывает, что следует из слов: изъять землю из товарного оборота; не международного **товарного** оборота, а товарного оборота (подразумевается,

конечно, только Россия). Слов бояться нечего, и поэтому следует определенно высказаться за термин «общенародная собственность», а не «общенародное достояние». Возникает вопрос о национализации и социализации земли. Я мыслю себе эту реформу следующим образом. Социализация земли предполагает национализацию; национализация есть логический *prius*³⁴⁴ социализации. Пользование логически предполагает того, во имя кого, или от имени кого оно происходит, как, напр., в Саратовской губ., когда крестьяне захватили землю во временное пользование до созыва Учредительного собрания, которое определит, на каких началах оно будет продолжаться в дальнейшем. Фактически социализация может быть условием национализации, хронологически она может и предшествовать признанию земли общенародной собственностью, и в то же время следовать за этим признанием, как форма землепользования, но логически она всегда предполагает идею национализации; поэтому на замечание тов. Фирсова, что автор проекта уклоняется от чистоты принципа социализации земли и сбивается на путь национализации вопреки полемике с подобного рода проектом, которую вела «Революционная Россия», я хочу указать хотя бы на № 14, 15 и 70 «Рев. России», где как раз указывалось, что против этой меры можно идти только до той поры, пока не соблюдены два условия политической реформы: демократический принцип выборов и наличие контроля за росписью доходов и расходов, на манер английского. Перехожу ко второму замечанию. В проекте программы говорится: социализированная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов самоуправления» и т.д. Распоряжение есть одно из проявлений права собственности, и только его одного. Момент распоряжения отличает право собственности от всякого другого права владения, пользования и чего угодно. На этот счет можно справиться и в догме римского, и в русском гражданском праве, и в любой юридической литературе. Поэтому для меня непонятно, как возможно передать распоряжение землею одновременно двум собственникам: и центральным, и местным органам самоуправления, как это предлагает проект программы. На этом основании я предлагаю слова «поступает в распоряжение»... заменить словами «поступает в заведование», т.е. в управление, которое, конечно, может распределяться между двумя и даже большими органами народного самоуправления.

Тов. **Красова**. Аграрный пункт нашего проекта программы начинается словами, которые указывают, что партия выводит социализацию земли из субъективно-психологических воззрений крестьянства. Социализация земли выводится из чисто объективных данных, и если бы общины у нас не было, мы все-таки оставили бы в своей программе социализацию земли. И в Европе, где общины давно уже нет, следовало бы тоже отстаивать меры, аналогичные нашей аграрной программе. Я не вношу определенной резолюции, но предлагаю или изменить эту фразу, или внести поправку, указывающую, что мы выводим нашу аграрную программу из объективной действительности.

Тов. **Васильев**. Предыдущие товарищи указали уже на некоторые желательные изменения в проекте программы по аграрному вопросу.

Со своей стороны считаю нужным добавить указание о выкупе земли у трудового крестьянства, земли, приобретенной главным образом при помощи Крестьянского банка. С этим вопросом часто приходится сталкиваться работающим в деревне, где в большинстве крестьяне считают таковой выкуп справедливым и необходимым, так как эти земли приобретены на трудовые деньги. Определенное разрешение и отношение к этому вопросу важно для работающих в деревне. Далее, указывалось на необходимость широкого государственного кредита для трудового крестьянства, т.к. при таком условии фактически осуществимо положение нашей программы: «Трудовое пользование землею без наемного труда».

Тов. Гурьянов. Прежде всего я хотел бы возразить одному из ораторов, предложившему добавление к проекту, именно об организации государственного кредита. Я согласен, что такое добавление необходимо, но я против того, чтобы это дело было в руках центральной власти; только местные органы самоуправления, знакомые с местными условиями и включающие в себя заинтересованных лиц, могут следить за правильным использованием этим кредитом и не дадут заглохнуть делу в условиях канцелярщины, неизбежной, если делом будут заведовать центральные учреждения. Фондом для кредита послужит муниципализованная рента. Во-вторых, я хотел ответить на возбужденный одним из ораторов вопрос, как поступить с землями наделными и купленными на трудовые деньги. Оратор думает, что эти земли должны быть выкуплены. Очевидно, он опасается, что крестьяне не захотят добровольно отдать купленные или выкупленные им добровольно земли. Но он упускает из виду, что после обращения земли в общественную собственность крестьянин получит больше, чем у него было наделной земли, и получит при уверенности, что, как бы он ни жил и как бы ни возросла его семья, его дети и внуки всегда будут иметь возможность получить землю. То же самое относится и к купленным землям в количестве, не превышающем трудовой нормы. Чисто хозяйственные соображения заставят крестьянина отдать свою землю в общественную собственность. Другое дело с купленными землями в количестве, превышающем трудовую норму. Но это уже кулацкие земли, а их мы не должны отличать от помещичьих. Крестьяне решают этот вопрос так: пусть, говорят они, человек недопивал, недоедал, чтобы купить себе десятин 50-100, но для чего он их купил, если сам все обработать не сможет? Для того, чтобы заставить работать на себя других, чтобы сесть другим на шею. Так что же тут и разговаривать? Ведь если человек будет голодать и холодать, чтобы накопить денег, а потом купит на них дубину и пойдет грабить на большую дорогу, так неужели когда его поймут, то ему дадут выкуп за дубину, хотя бы купленную на трудовые деньги?

Теперь я перейду к вопросу, особенно меня волнующему, вопросу о форме социализации земли. Среди наших партийных работников встречаются люди с анархической тенденцией, понимающие социализацию земли как захват земли отдельными общинами в свою собственность. В таком чистом виде здесь на съезде эта тенденция не проявилась, но было нечто приближающееся к этому. Сам лично я — сторон-

ник более или менее полной национализации, т.е. предоставления центральной власти более широких прав в распоряжении земель; но так как я, очевидно, буду в единственном числе, то и не стану развивать эту точку зрения. Против же взгляда с анархической тенденцией я скажу следующее: пока во главе государства не будут стоять социалисты, пока в обществе господствуют буржуазные отношения, трудящиеся так или иначе будут эксплуатироваться государством и капиталистами; в интересах борьбы важно, чтобы трудящиеся ясно видели своего врага — буржуазное государство и капиталистов — и объединились против него.

Если земля будет захвачена в собственность отдельными общинами, то между общинами будут постоянные столкновения и неудовольствия; вместо объединения трудящихся будет борьба между трудящимися, и этим междоусобием будут пользоваться враги трудящихся для своего укрепления. Кроме того, мы, с.-р., возражаем социал-демократам, требующим передачи земли в частную собственность отдельных лиц, что это создаст собственническую психологию у крестьян; но передача земли в собственность общин мало отличается от передачи ее отдельным лицам. Ведь частная собственность этим не уничтожается; лишь собственником явятся не отдельные лица, а коллективные единицы, достаточно узкие, чтобы не задержать развития собственнического фанатизма.

Тов. Медведев. Соглашаясь все в необходимости изъятия земли из частной собственности и передачи ее в пользование трудящихся, мы до сих пор не сходимся во взглядах на то, кому же должна принадлежать эта земля, кто явится субъектом владения и верховным распорядителем всех площадей и угодий. При решении этого вопроса необходимо прежде всего иметь в виду особую природу земельных имуществ, составляющих сплошную территорию, в которой отдельные площади и целые области находятся в такой тесной естественной связи и взаимной зависимости, что изменения в одной из этих площадей могут совершенно обесценить в хозяйственном отношении и лишить всякой пригодности для культуры обширные области, лежащие далеко от первых. Так, в случае принадлежности всей территории центральной России какой-нибудь великорусской областной единице, а тем более союзу земледельцев этой области, в их полном распоряжении оказались бы те водоемы, из которых питаются все русские реки. Легко представить себе такую систему хозяйства, которая была бы очень выгодна в данный момент для владельцев этой территории, но оказалась бы губительной для культуры чуть ли не всей России: напр., в случае вырубки лесов и истощения водоемов, повела бы к обмелению всех рек и иссыханию огромных площадей. Таких примеров можно было бы привести много, и единственное средство охранить культурную пригодность различных площадей от опасностей подобного рода состоит в установлении принципа общего национального владения, а отнюдь не местного и не синдикатного.

Помимо охраны существующей культуры перед нацией в ее целом лежит крайне важная и настоятельная задача увеличения производительности обрабатываемой земли и культивирования площадей, остающихся пока вне культуры. Эта задача требует во многих случаях таких

промадных затрат и таких сложных работ, которые совершенно не по силам мелким и даже областным единицам и доступны лишь для нации. И именно в России, более чем где-либо, широкая мелиорация (облесение одних площадей, осушение других и т.п.) составляет неотложную задачу, которая встает перед нацией с первого же момента ее свободы, т.к. почва наша истощена и дальнейшая земледельческая культура без ряда серьезных мер грозит полным упадком.

Наконец, третьим доводом в пользу национализации является то, что право всякого гражданина на землю, естественное и неотъемлемое право, на включении которого в нашу программу я настаиваю, не может практически осуществиться, если нация, призванная охранять права отдельной личности, будет лишена возможности содействовать переселению земледельцев и наделению их землей; между тем при суверенности общин или областей они могли бы закрыть доступ к земле для всех новоселов, и, таким образом, в рядах свободного народа образовалась бы вновь масса безземельных.

Для устранения такого явления, помимо суверенности нации над всей территорией страны, необходима самая широкая организация земледельческого кредита для хозяйственного обзаведения вновь сажаящих на землю граждан — новоселов, бывших батраков и пролетариев. Без такого кредита, организованного на средства нации или областной единицы, право на землю осталось бы красивой фразой, а не плодотворным принципом, каким оно должно явиться в свободно демократической России. Я поддерживаю владимирского товарища в требовании включить организацию кредита в партийную программу.

Гов. Порошин. Я хочу сказать несколько слов о выкупе, так как в проекте имеется пункт об «общественной поддержке» лиц, страдающих от экспроприации земли. Существует взгляд, что вопрос о выкупе есть вопрос не принципа, а тактики, вопрос практической целесообразности. Вчера здесь целая группа лиц высказывалась именно в таком направлении; по мнению этих лиц, важно лишь, чтобы земля перешла к крестьянам и фактически была доступна их пользованию; что же касается условий перехода, то это не имеет такого важного значения. Итак, осложнение перехода земли необходимостью ее выкупить не затрагивает принципа «социализации земли». Бывают иногда такие не «принципиальные» поправки, которые сводят на нет те принципы, которые они призваны поправлять, но которые они не поправляют, а оправляют в такие рамки, что из принципа — дух вон... Действительно, ведь здесь важен не принцип номинальной принадлежности земли крестьянам, принцип земельного величия (думаю!) крестьянства; важен принцип крестьянского благосостояния, а это-то последнее ставится под знак вопроса выкупной экспроприацией земли... Меня удивляет тот индивидуализм, который господствует у товарищей по отношению к разбираемому вопросу. Правда, здесь речь идет еще не о выкупе в полном смысле этого слова, речь идет лишь о «поддержке» пострадавших. Но если принять во внимание то, что размер суммы, необходимой для «поддержки», будут определять и органы самоуправления и что вся ре-

форма проводится на почве буржуазных отношений и при господстве буржуазии, так как на этот-то период и рассчитана программа-минимум наших товарищей, то ясно, что принцип «поддержки» и будет той формой, в которую буржуазные органы самоуправления сумеют воплотить и, безусловно, вложат выгодное буржуазии и только ей, а не рабочему классу содержание... Я обращаю внимание товарищей на ту опасность, которой они подвергнут революционность нашей аграрной программы принятием принципа «поддержки», могущей превратиться, помимо нашего желания, если не в полный, то частичный выкуп...

Тов. Старков. Я присоединяюсь к товарищам, настаивавшим на необходимости включения в программу широкого кредита. Земли, приобретенные на трудовые деньги, должны быть выкуплены. Необходима детализация нашей аграрной программы. Есть масса вопросов, решение которых должно быть указано в программе. Таков, напр., вопрос о лесах, о мельницах, об орошении, об охоте, о рыбной ловле и др., затем пользование лугами, совместное пользование дальних крестьян пастбищами, право держать пчел. Одним словом, масса вопросов должна быть детализована. Я поэтому предлагаю поручить Ц. К-ту собрать в недалеком будущем съезд из крестьянских работников и из наиболее развитых партийных крестьян из различных местностей. И пусть этот съезд займется выяснением тех вопросов, в которых их мнение было бы для нас в высшей степени ценно. Протоколы этого съезда должны быть опубликованы.

Тов. Соломин. Я стою на точке зрения прежнего проекта программы. Он давал возможность каждому работнику вливать в проект определенное содержание. Новый проект ставит нас в клетку, из которой многие из нас захотят вырваться. Сравним новый проект с прежним. В старом проекте сказано: «партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, т.е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования». Тут есть 1) уничтожение частной собственности, 2) переход земли в общественное владение, но владение коллективностей, причем не предусматривается, что это за коллективности, 3) тут заявляется, что эти коллективности должны быть демократичны, 4) указаны начала уравнительного пользования землей. Что же дает новый проект? «Партия будет стоять, — читаем мы в нем, — за социализацию земли, т.е. за изъятие ее из товарного оборота и превращение ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние». Что такое, прежде всего, «общенародное достояние»? Такого понятия нет на юридическом языке, который имеет лишь понятия собственности, владения, пользования. Я предлагаю замену слов «общенародное достояние» более конкретным понятием. Далее, в этом проекте не говорится, куда, в чьи руки уходит земля. Не вышло ли это потому, что авторам проекта хотелось согласить национализацию земли с социализацией, хотелось пристегнуть социализацию земли к иной идее? В прежнем проекте, далее, ясно была

видна и наша тактика в земельном вопросе: там предполагался переход земли снизу путем захвата. Завершением этого процесса являлась национализация земли. Для меня социализация земли — длительный процесс, который завершается тем, что вся земля переходит в общенародное владение, т.е. процесс законченный принимает форму национализации земли, там процесс социализаторским путем идет к национализации. В новом проекте путь национализаторский должен вести к социализированию земли. Если земельную реформу нам даст Учредительное собрание, если только оно не будет просто формулировать уже совершившийся факт, то будет что хотите, только не социализация земли. Надо, чтобы новый проект был **разработкой** старого, а не **переработкой**. Дальше, в новом проекте говорится: «социализированная» земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских общин и кончая государством... Пользование социализированной землей должно быть уравнительно-трудовым, т.е. обеспечивать потребительную норму при условии приложения собственного труда, единоличного или в товариществе». Как видите, земля, ставшая «общенародным достоянием», уже называется «социализированной». Этого нельзя допустить. Нельзя смешивать национализацию с социализацией. Как видите, если все-таки это смешение здесь есть, то причина тому очевидное желание отметить тенденцию национализации, к которой и заметна некоторая склонность. Наконец, отмечу, что раньше говорилось в проекте об «уравнительном пользовании» как об одном из главных наших требований в аграрной области. В новой программе требуется, чтобы пользование землей было уравнительно-трудовым, т.е. обеспечивало потребительную норму при условии приложения собственного труда. Я нахожу это положение неясным, ибо совпадение потребительной нормы надела с трудовой не всегда оправдается. Есть большая семья с определенными потребительными нормами, но с одной рабочей силой. Как же быть тогда? Работник получает надел по трудовой норме, а семья что же? Должна помирять с голоду? Очевидно, в этом пункте требуется большая точность. Когда раньше меня спрашивали, как будет проводиться уравнительность, я от себя лично старался, как мог, разъяснить это, указывая то на совпадение трудовой и потребительной нормы, то на помощь и на товарищество и пр. Теперь в проекте мы находим ответ, который только стеснит возможность пропаганды, ибо он суживает самый смысл понятия уравнительности. Я, наконец, присоединяюсь к заявлению товарищей, что батрацкий труд не должен быть допуском, но регламентировать полицейской опекой жизнь крестьянства тоже, разумеется, нельзя. Право частной собственности на землю уничтожается: в новом же проекте оно обращается в право частной собственности на чужой кошелек, вознаграждение «на поддержку», но ведь это лишь новая форма выкупа... Так что я стою против какого бы ни было введения в программу «вознаграждения» или «поддержки».

Будет ли дан частным землевладельцам от крестьян кусок хлеба, пирога или мороженое от самих крестьян — это их дело, но нам в про-

грамме надо исключить это право на «поддержку». Это дело филантропическое, местное и частное. Забота филантропа не может быть задачей нашей партии. Если даже погибнут все помещики, то что же из этого? Точка зрения филантропа необязательна в социальной борьбе, которая безжалостна. Интересы 130-ти миллионов крестьян не могут быть сопоставлены с интересами кучки помещиков. Другое дело, когда речь идет о вознаграждении крестьян за купленные ими земли, или целых народов, которых придется лишить земель в интересах всего государства.

Тов. **Пашин.** Аграрный вопрос в той его постановке, какая ему была придана партией с.-р., отличается не только сложностью и практической трудностью, но и еще одним свойством — способностью вызывать глубокое волнение в каждом из нас, кто подходит к нему близко, кто приходит с ним в тесное соприкосновение. И это не случайность, а вытекает из самой сущности того практического разрешения аграрного вопроса, какое дает ему наша партия. Центральным пунктом этого решения является социализация всех земельных пространств нашего отечества, т.е. полное уничтожение частной земельной собственности, полное устранение земли из товарного оборота. Все мы, товарищи, признаем, какой огромный шаг в направлении к осуществлению начал сделала бы партия, которой удалось бы осуществить, практически провести идею социализации всех земель страны, и все мы надеемся, все мы верим, что именно наш народ через партию с.-р. и под ее руководством практически разрешит этот вопрос, что именно наш народ через нашу партию сделает этот капитальный шаг вперед, в направлении практического осуществления начал социализма. Мы это знаем, мы в это верим, и это-то знание и вера не могут не вызывать в каждом из нас того волнующего чувства, о котором я говорю. Но на чем покоится наша вера, что именно русский народ при участии именно нашей партии разрешит эту труднейшую задачу? Эта вера покоится на знании, что наша партия в этом случае опирается на вполне реальную и прочную почву. Наша партия, как партия социалистическая, исходя из определенных научных положений, приходит к выводу о вреде частной собственности на землю и необходимости уничтожения ее, необходимости устранения из жизни самого понятия о земельной собственности, о необходимости социализации всей земли, понимая под этим выражением такое состояние, при котором не только все земли изымаются из частной собственности, но они не становятся даже собственностью государства, а делаются достоянием всего народа, взятого в целом. И вот соприкосновение с действительностью, внимательное отношение к ней, обнаруживает поразительное явление: это чисто научное, историческое построение и практические из него выводы, оказывается, совпадают с основами миросозерцания нашего трудового крестьянства; наши взгляды оказываются его основными воззрениями на землю. С точки зрения нашего крестьянства, земля не может быть предметом частной собственности, она ничья, «божья», по выражению народа. Право на землю дает один только труд, влагаемый в нее человеком. Вот почему земля не может быть предметом частной собственности. Продажа

и покупка земли, с точки зрения крестьянства, является невозможной, и поэтому-то крестьяне смотрят на частную земельную собственность как на грех, как на явление, противоречащее их личной точке зрения на землю и отношение к ней человека. Вот это-то совпадение точек зрения нашей партии и самого крестьянства и дает ту жизненность нашей партии, которая позволяет всем нам не только верить, но и знать, что через нашу партию будет практически осуществлен принцип социализации земли, что именно ею будет сделан этот огромный шаг в направлении к социалистическому строю. В этом залог крепости партии с.-р., ее несокрушимости и, я сказал бы, ее обаяния на народные массы.

Но перед партией стоит не только вопрос принципа, вопрос программы, но и вопрос тактики. Как, каким образом может быть осуществлена социализация земли, спрашивает тов. Фирсов, и этот вопрос имеет жгучий интерес. Я позволю себе высказать мнение, что тактически социализация земли будет осуществлена не во всех своих частях одновременно и не во всех своих частях революционным путем. В земельном отношении русская действительность представляет большую пестроту. Деля все разнообразнейшие виды земельной собственности в России, мы можем наметить в грубых чертах следующие главнейшие категории земель: земли государственные, которые находятся частью в эксплуатации самого государства, частью в пользовании трудового крестьянства; земли удельные и кабинетские, находящиеся в аналогичных условиях с государственными землями; частновладельческие — крестьянские и помещичьи — и земли надельные, находящиеся частью в пользовании, частью во владении крестьянских масс — общинном и индивидуальном. Социализация всех земель, кроме крестьянских надельных, которыми они пользуются на праве собственности, насильственно им навязанные государством через выкупную операцию, и частью земель крестьянских же купчих, не встретит большого затруднения со стороны самого населения. Все эти земли могут быть социализированы революционным путем. Неизмеримо труднее социализировать крестьянские надельные земли и мелкие участки купленной крестьянами земли. Социализация их потребует длительного процесса. Но опасность заключается не в них одних, а и в частновладельческих землях, о чем я уже имел честь изложить уважаемому собранию товарищей в своей первой речи. Крестьяне в надельные, полученные ими на условиях выкупной операции земли вложили не только свой труд, но оплатили их и деньгами, т.е. оплатили их вдвойне. Поэтому-то социализация этих земель и будет представлять такие трудности. Не меньшие трудности будет представлять и социализация захваченных общинами частновладельческих земель, за счет которых они расширят свое землевание. И в этом случае даже народная воля, организованная в Учредительном собрании, которое будет созвано даже при соблюдении всех тех гарантий, какие ставятся нашей партией, т.е. свободы выборов, основанных на равной, прямой и прочее подачи голосов, свободы агитации и т.д., даже такое Учредительное собрание, говорю я, было бы поставлено в большое затруднение, как социализировать эти крестьян-

ские земли; не штыками же оно будет прокладывать дорогу к социализации этих земель. Вот почему П.С.-Р. должна взять на себя организацию того стихийного движения, которым теперь охвачено крестьянство, и направить его так, чтобы захваты помещичьих земель не обращались теперь же в пользу крестьянских общин и чтобы эти последние таким образом сами не производили бы расширения границ своего землевладения, так как это была бы не подготовка социализации помещичьих земель, т.е. уничтожения земельной собственности, а лишь увеличение земельной собственности, правда, коллективных единиц — крестьянских общин. В этом острота данного момента, в этом его ответственность. Мне хотелось бы, чтобы собрание товарищей несколько задержало свое внимание на указываемой мною колючей стороне земельного вопроса, практическое разрешение много внимания и осторожности. Я уже указывал на то, какую прочность, мощь и силу нашей партии должен придавать и действительно придает факт совпадения требований, вытекающих из социалистических принципов, с отношением крестьянской трудовой массы к земле, право на пользование которой дает только приложенный к ней труд. Но есть пункт, в котором могли бы разойтись далеко крестьянская трудовая масса и наша партия. Этим пунктом является вопрос о выкупе частновладельческих земель. Трудовой принцип, как основа отношения к пользованию землей, проникает все миросозерцание нашего крестьянства. Только труд, непосредственно вложенный в землю самим ее обрабатывающим, дает человеку право на пользование ею. Только такой путь приобретения права на пользование землей является единственно справедливым; всякое же иное приобретение земли через покупку и проч., пользование землею через вложение в нее чужого труда и т.д. является нарушением справедливости. Вот почему крестьянство смотрит на помещичье землевладение как на нечто в самой основе своей несправедливое, подлежащее устранению и уничтожению. Отсюда отрицание трудовым крестьянством за землевладельцами крупными и мелкими не только права на дальнейшее пользование землей, но и права на выкуп за эксплуатируемую у них землю. И в этом случае П.С.-Р. должна стать на ту же точку зрения, т.е. точку зрения решительного отрицания выкупа за социализируемые частновладельческие земли в какой бы то ни было форме. Внося в свою программу этот принцип, принцип отрицания за частновладельцами права на выкуп, наша партия вновь опирается на крепкое и надежное основание, на широкие народные массы, на народное миросозерцание и на народную психологию. Тов. Фирсов опасается, что будущее русское Учредительное собрание, созданное даже при всех тех условиях, какие определяются нашей партией, все же необходимо будет буржуазным и будет отражать в себе буржуазные тенденции общества, что в свою очередь не может не отразиться на проведении такой меры, как социализация всех земель. Чтобы этого не случилось, тов. Фирсов предлагает признать за местными органами самоуправления право на **владение и распоряжение** землей. Я думаю, что в этом случае мы имеем дело с глубоким недоразумением. В самом деле,

нельзя отнять право **пользования** на землю у тех, кто ею фактически пользуется; но, присвоив им еще право **владеть** и **распоряжаться** теми же землями, мы тем самым признали бы за ними **право на собственность** тех земель, которыми они пользуются, так как понятие собственности, как известно, и складывается из этих именно трех моментов: права **владения**, **пользования** и **распоряжения**. Таким образом, желая осуществить социализацию земли, нам предлагают распределить ее в собственность между различными местными коллективностями. Еще менее понятно заявление тов. Поморцева о том, что нельзя представить осуществление права **пользования** без одновременного осуществления и права **владения** землею, так как нельзя пользоваться тем, чем не владеешь.

Это только недоразумение, и я останавливаться на нем не буду. Мне хотелось бы сказать еще несколько слов о наемном труде в сельскохозяйственном хозяйстве после социализации земли и праве принудительного поселения в общину новых членов. Конечно, право на землю может быть признано лишь за тем, кто непосредственно ее обрабатывает, так как лишь труд, в нее вложенный, может дать человеку на нее право. Но это принцип; практическое же проведение его в жизнь не допускает и не может допустить прямого запрещения употребления в хозяйстве наемного труда. И не только потому это не может быть допущено, что практически невозможно проследить, кто из земледельцев пользуется наемным трудом и кто нет, но и потому, что установление такого регламентирования вносило бы столько стеснения, столько насилия над самыми интимными сторонами личности человека, что подобный порядок устанавливал бы если не каторгу, то аракчеевщину для всего земледельческого населения, для живых людей невыносимую. Я предлагаю каждому из товарищей на одну минуту только представить себя в положении того земледельца, за каждым шагом которого наблюдают какие-то надзиратели, наблюдают в самых интимных сторонах его жизни, за явлениями простыми и несложными хозяйственными, за его отношениями к жене, детям и проч., и я уверен, каждого из вас немедленно охватит чувство тревоги, как оно охватывает меня, когда представляю перед собой эту картину будущих регламентированных интимных отношений человека. Тут, в этом самом зале, приводились примеры влияния на условия крестьянского труда случая смерти жены земледельца, болезни его ребенка и проч. Факты эти казались столь мелочными и в то же время столь курьезными, что некоторыми из товарищей были поняты в качестве анекдота. Но это не анекдот, не курьез, а сама подлинная живая действительность, полная истинного трагизма. И этот трагизм, слагающийся из видимых мелочей, и обязывает нас к осторожности и деликатному вниманию, чтобы в нашей погоне за чистотой проводимого принципа не пострадала личность человека. Я поэтому предложил бы совершенно устранить из программы вопрос о недопустимости в земледельческом хозяйстве будущего наемного труда, а взамен того установить только условия пользования землей, при которых приложение наемного труда было бы лишь допустимо в той степени, в какой оно неизбежно. Это легко может быть достигнуто установлением пре-

дельных размеров общинного и индивидуального участка земли, величина которого определялась бы установлением для каждой данной самоуправляющейся единицы средних потребительных норм. Выполнение этого должно лежать на органах местного самоуправления. Технически осуществление этой меры не могло бы вызвать чрезмерного затруднения, а между тем это избавило бы земледельцев от тех пут и цепей, которые мы наложили бы на них, приняв принцип воспреещения наемного в земледельческом хозяйстве труда. Достаточно уже было цепей, достаточно истерты ими руки и ноги русского человека, чтобы создавать еще новые. С этой же точки зрения охраны личности от давления общества я высказываюсь и против признания как за государством в его целом, так и за его отдельными самоуправляющимися единицами права на принудительное вселение кого бы то ни было в общину. Никакого принуждения тут не должно быть, хотя бы оно проявлялось и в самых мягких формах. (Шумные аплодисменты.)

Тов. **Дружинин**. Я наблюдал, с каким пристальным и глубоким вниманием выслушали товарищи поучительную речь тов. Пащина. Ввиду крайней важности вопроса и основательного знакомства с ним тов. Пащина я предложил бы просить его составить брошюру, в которой он подробно развил бы высказанные им сейчас взгляды.

Съезд принимает это предложение.

Тов. **Пашин** предлагает собранию, ввиду исключительной сложности, чрезвычайной важности и остроты аграрного вопроса, предложить Ц.К.-ту принять меры, которые тот найдет нужным, для широкой разработки аграрного вопроса, привлечь к этому по возможности все литературные силы партии.

Тов. **Тамбовцев**. Я не буду затруднять внимание съезда возражениями по существу и сделаю только некоторые чисто редакционные поправки, которые мне кажутся важными.

Во-первых, мне кажется совершенно неудовлетворительной формулировка нашей задачи в аграрном вопросе. Не только использовать общинно-трудовые воззрения, традиции и формы жизни крестьянства стремимся мы. Мы не думаем только сесть, если можно так выразиться, на эти воззрения и поехать на них, нет, наша задача по отношению к аграрной реформе более глубока и существенна. Мне кажется, чтобы не затягивать дела, можно было бы просто выкинуть эту формулировку и оставить: «в вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия будет стоять за социализацию земли и т.д.».

Второе замечание: мне казалось бы важным указать, какие именно органы будут обращать ренту на общественные нужды. Ведь главное опасение против национализации было именно то, что буржуазное государство путем поглощения ренты сможет усилить свое господство и создать эксплуатацию трудового крестьянства. Кроме того, было бы важно отметить наше отношение к чисто правовым союзам, профессиональным союзам земледельцев. По-моему, нам нет никакого дела до них. Они будут создаваться ради хозяйственной выгоды, внутри их будут создаваться те или иные отношения, но это не должно входить в

нашу программу. Наша задача — установить принципы организации не частноправовых союзов, но союза государственного. В прежнем проекте отношение к частноправовым союзам земледельцев оттенялось очень слабо. Многие понимают социализацию как передачу земли этим именно союзам, и только слова «демократически организованным» давали некоторый намек на возражение этому пониманию. Новый проект гораздо яснее указывает отношение к этому вопросу, но все мне казалось бы важным еще ярче отметить его. Еще одно замечание относительно термина «общенародное достояние». Мне кажется более подходящим термин прежнего проекта «общественное владение», как имеющий более определенное содержание.

Тов. Абрамов. После товарищей Пашина и Соломина мне приходится сказать лишь несколько слов. Я стою на том, что нам с римским правом считаться не приходится, и поэтому искать владельца земли не нахожу нужным. Меня пугает лишь проводимый проектом принцип отчуждения земли. Лучше уж оставить старый проект, ибо за него хотя бы то, что его можно толковать как угодно. Чтобы не возбудить национальной розни, земли у башкир, других инородцев, у казаков придется постепенно выкупить, ибо те сроднились с пониманием, что земля — их вотчина. Вот лишь в каком случае можно ввести в программу выкуп.

Тов. Базаров. Я начну с замечания. Я не согласен, что первый проект аграрной программы, помещенный в № 46 «Рев.Рос.», лучше; недостатком его является уже то, что он подвергался слишком разнообразным толкованиям. Программа не для того строится, чтобы на ней объединялись люди, разно понимающие ее. В деталях может быть расхождение, но в общем, по существу, должно быть полное единомыслие. Тов. Соломин говорил, что в прежнем проекте ничего не было сказано о вознаграждении владельцев, а в новом об этом сказано. Тут недоразумение. В новом проекте ясно сказано, что земля переходит без выкупа, тогда как в первом проекте об этом не сказано ни слова. В новом проекте этот пункт должен был удовлетворить тов. Соломина. Тов. Соломин нашел в прежнем проекте уничтожение частной собственности на землю. Там было сказано — изъятие земли из частной собственности. А это не совсем то же самое. Первый проект был настолько широкой клеткой, что мог объединить и сторонников выкупа, и сторонников отчуждения безвозмездного. Что касается вопроса о поддержке пострадавших от переворота лиц, то это второстепенный вопрос. Поддержка несколько не находится в противоречии с уничтожением частной собственности на землю. Но этот пункт можно и выбросить; я не стою за это, ибо вопрос второстепенный. Раздаются голоса, что этот новый проект является национализаторским, тогда как в прежней программе была социализация. Прежний проект и в этом отношении был слишком поместительной клеткой, так как в нем говорилось лишь о переходе в общественное владение и не указывалось на субъекта владения, будет ли то все общество или какая-нибудь мелкая единица, напр. сельское общество. И мы видим действительно, что некоторые смешивали

социализацию с передачей земель в частную собственность отдельных общин. Я высказываюсь за новый проект. Что касается термина «социализация» или «национализация», то ведь термин не существует. Прежде я предпочитал слово «национализация», теперь думаю, что ввиду популярности термина «социализация» он может быть оставлен; с ним уже сроднились, хотя я оговариваюсь, и он не лишен недостатков. Я согласен с тов. Пашиным, что общий характер вопроса волнует нас и весь русский народ, ибо вопрос этот слишком глубоко захватывает и все общество. На нем сошлись все стремления социалистов, начиная от Герцена и Чернышевского, стремления при помощи тех или иных мер сдвинуть Россию с тех капиталистических рельс, на которые ее поставила реформа 1861 года. Мое глубокое убеждение, что если теперешнее общественное движение приведет к социализации земли в той форме, в которой мы мыслим этот переворот, то существование капиталистического общества будет невозможно и приведет к социализации фабрик и заводов, ибо промышленность в настоящей существовать будет не в состоянии. Когда с.-р. говорят о социализации земли, то рассуждают совсем не по тому методу, как в том случае, когда говорят о том, что обычно называется программой-минимум. В первом случае они заботятся о последовательном проведении трудового принципа, который в конце концов несовместим с буржуазным строем. Я вижу тут непоследовательность. Этому методу должно следовать и при построении нашей программы в сфере промышленности. Тов. Фирсов с своей точки зрения последователен. Он говорит о невозможности предоставить каждому право на землю в современном буржуазном обществе. Он помнит, что это минимальная программа и что тут не должны быть нарушены рамки буржуазного строя, и в этом сходится с с.-д., которые в своей программе не посягают на современные формы собственности и хозяйства. С этой точки зрения с.-д. отрицают минимальную заработную плату. Это, по их мнению, утопия. Я говорю это не в полемических целях. Я говорю лишь, что тут есть полная аналогия. Эти два вопроса сродни: право на землю и минимум заработной платы и страхование от безработицы. Тов. Фирсов считает утопическим право всякого человека на землю ввиду существования огромной армии безработных: земли не хватит. И однако, мы убеждены, что социализация земли способна значительно сократить безработную армию и в городе, и в деревне.

Мы даже и мотивируем необходимость социализации земли именно существованием этой армии безработных. Если она останется, если ее не поглотит в значительной мере земледелие, то экономическое состояние России останется в том же тупике, в каком находится теперь. Теперь предложу несколько поправок к проекту. В предлагаемом проекте говорится: «партия будет стоять за изъятие земли из товарного оборота» и т.д. Во избежание недоразумений, по-моему, должно быть сказано так: «всей земли, в том числе и городской». Это тем необходимее, что в пункте червертом, где говорится об общественном и муниципальном хозяйстве, идет речь и о принудительном отчуждении недвижимых имуществ в пользу муниципий. Если не сказать ясно, что обще-

народным достоянием становится и городская земля, то пункт четвертый можно понять так, что только дома, а не городская земля муниципализируются. Нет, городская земля, в том числе и земля, принадлежащая городу, должна быть общенародным достоянием, как и вся остальная земля, по тем же причинам, как и нефтяные источники и вообще недра.

Затем я желал бы, чтобы из программы была исключена ссылка на потребительную норму. Она всегда ниже рабочей нормы, которой требует экономическая защита труда работника, тогда как потребительная норма обеспечивает лишь продовольствие данной семьи. Мы должны поместить не потребительную норму, ибо она связана с продажей на сторону излишней трудовой силы или растратой рабочей силы. Мы должны выставить рабочую норму, тем более что потребительный принцип не требуется вовсе текстом проекта.

Несколько слов о вселении, ибо тут возможны некоторые недоразумения. Против принудительного вселения по распоряжению высшей коллективности можно возразить с точки зрения автономии низшей, но ничего нельзя возразить против вселения, стоя на точке зрения индивидуализма. Мы говорим лишь о праве каждого человека селиться, где он хочет. Земля вся социализирована до последней пяди, и человек во имя права личности может селиться, где хочет, притом не только для жительства, но и для занятия земледелием. Надо предоставить населению самому расселяться по территории, и этим лучше достигается равномерность расселения. Надо формулировать право вселения не как право коллективности вселять, а как право свободного переселения.

Председатель заявляет, что список ораторов по данному вопросу закончен, и дает слово докладчику.

Тов. Тучкин. Товарищи! Приступая к своему заключительному слову, я несколько пугаюсь обширности своей задачи. Мне предстоит, отвечая отдельным, разъяснить немало недоразумений, осветить множество вопросов, множество сторон необычайно сложной аграрной проблемы. К моему удовольствию, задача моя несколько облегчена двумя прекрасными речами тов. Пашина, отвечающими на целый ряд возражений и обосновывающими разбираемый проект в самых основных его чертах. Но прежде чем перейти к своей части этой же работы, я должен ликвидировать один личного характера инцидент, который к спорам по аграрному вопросу никакого отношения не имеет и который в эти прения замешался совершенно незаконным образом. Именно, тов. Валин счел себя лично задетым моим вчерашним ответом ему по вопросу о том, насколько полно отразилась в разбираемом проекте программы «душа партии». Тов. Валин говорит, будто бы я «выразил сожаление», что в партии существуют лица, не умеющие отличать революционности содержания программы от агитационности внешней формы выражения. Но я такого личного характера своему замечанию не придавал. Я говорил лишь, и в этом ссылаюсь на всех присутствующих, что пора научиться строго различать между тем и другим. Но ни прямо, ни косвенно я не говорил и не хотел сказать, чтобы я желал о существовании в партии таких людей, как тов. Валин. Напротив, я желал бы, чтобы та-

ких людей в ней было больше. Это не мешает мне, однако, поддерживать существо своего ответа тов. Валину.

Перейдем к аграрной программе. Наше требование социализации земли с его отрицательной стороны означает уничтожение частной собственности на землю. В этом согласны все; но не все делают из этого положения необходимые логические выводы. Рассуждая о том, кому же достанется экспроприированная земля, некоторые товарищи аргументируют так, как будто бы земля не изымается вовсе из круга действия начал собственности, а лишь передвигается в руки какого-то единого конкретного собственника, напр. государства или области и т.п. Это — серьезное недоразумение, которое должно быть радикально устранено. При современном поземельном строе, когда земля есть такой же товар, как всякие другие, государство также является одним из собственников. Оно владеет землей на началах современного частного права: может путем покупок увеличивать свою земельную площадь, путем продаж уменьшать ее; может сдавать ее в аренду или капиталистически обрабатывать и т.п. Стоит ли социализация земли просто-напросто в том, чтобы теми или иными путями передвинуть всю землю на началах того же частного права в руки государства? Ничего подобного. В этом-то и заключается одно из существенных различий между вульгарной национализацией, как ее представляют себе левые «кадеты», и социализацией земли по нашей программе. Социализуя землю, мы отбираем у нынешних собственников известную сумму прав на землю; но разве мы просто-напросто передаем эту сумму прав, определяемую понятием собственности *jus utendi et abutendi*³⁴⁵ римского права, какому-то определенному органу общественного управления — и только? Разве самый объем и характер этих прав не реформируется самым радикальным образом? Этот вопрос достаточно поставить, чтобы на него ответить. Социализуя землю, мы именно ставим ее в такое положение, при котором обычные определения частного права к пользованию ею становятся более неприменимыми. Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области, мы не переводим ее и просто в разряд современных «государственных имуществ». Мы делаем ее **ничьей**. Именно как **ничья** она и становится **общенародным достоянием**. Но вот тут-то и подходит к нам тов. Фирсов со своими недоумениями. «Ведь мы обобществляем землю в рамках буржуазного строя; мы должны считаться с определениями римского права собственности; скажите, кто же вместо отдельного лица становится после социализации субъектом прав на землю; кто этот «общенарод», о котором вы говорите, кто его представляет?» На первую часть этого вопроса ответ прост: в рамках буржуазного строя, в рамках товарного производства мы, однако, изымаем землю из товарного оборота; и поскольку мы ее изымаем, постольку мы прекращаем ее нахождение в сфере действия современного частного права. Стремление рассмотреть с строго юридической стороны сущность земельного переворота можно только приветствовать. Но при этом юридическом рассмотрении нельзя же забывать, что речь идет об установлении новых правовых начал. А потому наши юри-

сты должны поднатужиться и вырваться из круга обычных понятий римского права. Они должны вспомнить прежде всего о том, что это римское право, в сущности, народу совершенно чуждо, навязано ему сверху и успело его коснуться лишь поверхностно. Современному праву частной собственности в России не более одного с четвертью века, развитие его шло очень медленно и слабо. Оно не успело проникнуть в жизнь народа, чем и объясняется сила народного воззрения на землю как на общее достояние, которым должны пользоваться те, кто на ней трудится и пока трудится. И во многих других местах, как в Германии напр., римское право было навязано народу против его воли и вопреки его потребностям абсолютистскими князьями и юристами, но там оно успело укорениться. У нас же новые правовые воззрения социализма выступили против буржуазных правовых начал тогда, когда эти последние еще не успели победить народных трудовых правовых воззрений. Будем же смелее, внесем в неокрепшие и смутные народные воззрения всю логичность и силу новых взглядов, не будем бессильно путаться в терминах устарелого римского права, — мы должны стремиться к тому, чтобы оно на нашей почве отцвело, не успевши расцвести!

К сожалению, очень многие товарищи не могут выбиться из заколоченного круга старых правовых понятий, а потому и создают для себя искусственно целый ряд ненужных недоразумений, которые разрешить им никак не удастся. Тов. Фирсов спрашивает с недоумением, о каком таком «общенароде» идет у нас речь? Кто его представляет? Он должен непременно видеть какое-нибудь конкретное общественное учреждение, чтобы он мог его рассматривать, как юридическое лицо, к которому и перешла земля. Но «народ» не исчерпывается своими общественными и государственными учреждениями. Он, кроме того, есть совокупность живых индивидов. Перенесем ли мы через их голову права на землю к каким-нибудь учреждениям? Забудем ли мы их? Нет! Тов. Порошин исключил вовсе личность из числа претендентов на роль субъекта некоторых юридических прав на землю; но он сделал это по недоразумению, не представляя себе иных прав, кроме прав собственности. Но мы можем признать за каждой личностью трудовое право на пользование землей, причем, конечно, это право ограничивается равным правом каждой другой личности на такое же пользование. Раз мы исходим из этого субъективно-публичного права, то совершенно ясно, что органы народного самоуправления, от общины до центральных учреждений, будут для нас вовсе не искомыми суверенными собственниками земли, спорящими из-за этого суверенитета, а просто регуляторами личных трудовых прав на землю. Их задача — установить в каждый данный момент гармонию между наличными индивидуально-трудовыми правами. Формы установления такой гармонии могут быть крайне разнообразны; мы мыслим их себе развивающимися все далее и далее; развитие их в основном и главным будет состоять в переходе от уравнилельных систем распределения и перераспределения земли между отдельными хозяйствами и группами хозяйств к уравнилельным системам коллективной обработки земли. Итак, органы самоуправления

не суверены земли, а регуляторы поземельных отношений между личностями, за которыми признается равное право на землю. И потому тов. Фирсов делает ошибку, когда говорит, что, стоя на точке зрения старого проекта, он отстаивает переход земли в собственность демократически организованных учреждений местного и областного самоуправления. Старый проект тоже не говорил о собственности: он говорил лишь о владении и распоряжении. Владение нельзя смешивать с собственностью. Что касается до функций распоряжения или заведования землей, то он распределил их между различными территориальными, т.е. общественно-правовыми союзами. Зачем же тов. Фирсов смешивает владение с собственностью? Ведь это и по римскому праву не тождественные понятия. И даже тов. Поморцев, который особенно стремился к юридической точности, не чужд смешения. Он почему-то не представляет себе возможности пользоваться землею, не владея ею. Но даже и в кругу определений римского права это возможно: достаточно, как на пример, посмотреть на сервитуты.

Мне кажется, что, формулируя свои требования социализации земли, мы во избежание дальнейших недоразумений должны попробовать самым резким и последовательным образом порвать с терминологией римского права. Должно быть ясно понятно, что здесь мы переходим в совершенно, так сказать, другую плоскость. Поэтому я высказываюсь даже против предложений товарищей Поморцева и Соломина заменить слова «общенародное достояние» словами «общенародная собственность». Лучше бросим совсем это слово «собственность», невольню тянущее за собою ряд обычных буржуазных представлений. Тов. Поморцев в защиту этого предложения заметил, что, изымая землю из внутреннего товарного оборота, мы не изъемлем ее из международного оборота: отдельные нации или государства все-таки будут противостоять друг другу как собственники своих территорий и будут уступать их друг другу в силу договоров на началах частного права. И здесь опять смешение совершенно различных понятий. Уступка одним государством другому известной территории есть уступка суверенных **государственных** прав на территорию и на людей, на ней обитающих, а вовсе не уступка права поземельной собственности. По Версальскому договору Франция уступила Германии Эльзас-Лотарингию³⁴⁶, но разве это значит, что эльзасские землевладельцы-французы перестали быть собственниками своих имений? То же происходит и в тех случаях, когда государство уступает территорию за деньги. В стоимости территории оно капитализирует не ренту. Оно капитализирует лишь свои доходы с этой территории, как суверена, облагающего население податями, косвенными налогами и вообще имеющего те или иные коммерческие или стратегические выгоды от обладания данной территорией. И это недоразумение, таким образом, надо устранить. Наконец, чтобы еще полнее провести разрыв с буржуазной терминологией, я готов в прилагаемом проекте лучше заменить слово «распоряжение социализированной землей» другим словом, ибо для тов. Поморцева, живущего и думающего терминами римского права, как мы слышали от него самого, «распоря-

жение есть одно из проявлений права собственности и только его одного». Скажем тогда лучше «заведование» — это термин чисто экономический, не влекущий за собой никаких нежелательных представлений из области буржуазной юриспруденции.

Право на землю, обусловливаемое трудом, — вот основная черта нашей аграрной программы, и ее родоначальником является, как я показал в «Рев.Рос.», Н.Г.Чернышевский. Нужно ли говорить о том, насколько эта программа отличается от программы буржуазных национализаторов всех толков и видов, от Генри Джорджа и Уоллеса до Флорейма и Опленгеймера. Духовную сущность, сердцевину их теории составляют прежде всего следующие взгляды: современный частноправовой строй с его свободной конкуренцией есть нормальный строй человеческого общежития; в экономических бедствиях масс он не повинен; вся беда от того, что этот строй, основанный на полной свободе частной предприимчивости, никогда не мог развернуться вполне, всецело; его благотворительные последствия уродуются влиянием начала, совершенно чуждого его основам, — начала монополии, выражающегося в частной собственности на землю; уничтожим этот по самому своему существу монопольный вид частной собственности, и эксплуатация, в последнем счете всегда происходящая от монополии, исчезнет. Итак, национализаторская школа стоит, по существу, на почве основных буржуазных принципов, мечтая лишь дать им полное последовательное развитие во всей их чистоте. С этим тесно связана и вся их концепция национализации земли как положительной системы. Для одних она состоит в передвижении всей поземельной собственности в руки государства; обрабатывающие землю являются обыкновенными свободными арендаторами; сущность частноправовых отношений остается та же, только в их рамках происходит концентрация собственных прав у одного юридического лица — центральной государственной власти. Другим кажется достаточной еще более простая мера — конфискация путем особого налога всей поземельной ренты; фактически это должно уничтожить все экономические преимущества собственника как монополиста и эксплуататора. В том и другом случае свободная игра соперничающих сил приводит, по мнению национализаторов, как к своему логическому выводу, к уничтожению эксплуатации. Характерными чертами обеих буржуазно-национализаторских систем является централистический и бюрократический характер предлагаемой ими реформы. Государство, остающееся буржуазным, опирающееся на признание святости принципов частной собственности и частной предприимчивости, является колоссальным поземельным собственником; от него в непосредственной зависимости находятся массы мелких и иных арендаторов; или же, по другой концепции, колоссальный фискальный механизм охватывает их, определяя и конфискуя в пользу государства поземельную ренту, в то время как наше требование социализации земли покоится на принципах самой широкой децентрализации и гармонии прав личности.

Я думаю, что все это буржуазно-национализаторское течение настолько характерно и целостно, что мне кажется целесообразным

стремление некоторых товарищей заимствовать у этого течения для характеристики нашей программы самый термин «национализация», только пополнив его обновленным содержанием. Я боюсь, что этим мы не только внешним образом сблизим себя с течениями, столь резко противоположными нам по своему духу и конечным целям; я боюсь, что мы введем в заблуждение значительную часть публики; я боюсь, наконец, как бы многие из наших товарищей не оказались пленниками чужой терминологии, тесно сросшейся с целым рядом идей и представлений, нам чуждых. Конечно, терминология — дело условное, дело, до известной степени, литературного вкуса, а на вкус и цвет товарищей нет. Но я лично предпочитал бы оставить буржуазным национализаторам их терминологию и, уж во всяком случае, не употреблять параллельно и той, и другой. Иначе получается путаница и неразбериха. Так, тов. Соломин говорит, что представляет себе социализацию как путь к национализации, а тов. Поморцев говорит, что логически социализация уже предполагает национализацию. Вдумайтесь в сущность их мыслей, и окажется, что тот и другой просто употребляют слова «социализация» и «национализация» в различных смыслах. Тов. Соломин различает желательную для нас поземельную реформу, как стройную, законченную систему, от процесса воплощения ее в жизнь; он хочет только этот процесс, идущий снизу, в значительной мере революционным путем, называть «социализация земли»; результатом же этого процесса, новую систему поземельных отношений он называет «национализацией земли». Тов. Поморцев, наоборот, под «национализацией» разумеет исключительно основной принцип передачи земли **всему** народу, нации; определенную же систему распорядков, обеспечивающую трудовое и уравнительное пользование этой землею он называет «социализацией». Понятно, что при столь различном словоупотреблении один получает, что социализация ведет к национализации, а другой — что социализация уже предполагает национализацию как свое необходимое условие. Пешехонов в «Рус.Бог.», придерживаясь приблизительно того же словоупотребления, как здесь тов. Поморцев, считает «социализацию» лишь частным видом «национализации». Но я бы предпочитал под национализацией разумеать тоже совершенно конкретный, определенный вид аграрной реформы; и если уж нужно общее родовое понятие для всех видов поземельной реформы, стремящихся заместить частную собственность общественной, — национализации и социализации — я бы предпочел говорить просто об «уничтожении частной собственности на землю». Я так долго останавливаюсь на вопросах терминологии потому, что путаница в ней, по-видимому, совершенно сбита с толку одного или двух из присутствующих товарищей. Так, тов. Соломин, тот самый, который думает, что надо через социализацию идти к национализации, в то же время высказывается против нового текста за сохранение старого, ибо в новом тексте он усмотрел вредную попытку «согласить социализацию с национализацией». С тов. Порошиным случилась история еще хуже: он просто нашел, что новый проект предлагает национализацию вместо социализации. Отсюда можно видеть, на-

сколько точное представление имеет он о национализаторских системах. И это после того, как, по признанию тоже одного из защитников старой формулировки против новой, «Рев.Рос.» так много, красноречиво и убедительно говорила против национализации.

Итак, я полагаю, что, избирая новый термин «социализация земли» и порывая с терминологией «национализаторов», мы поступаем так же правильно, как и тогда, когда освобождаемся из пут юридических определений римского права. И пусть не говорят нам, что у термина «социализация» могут быть свои неудобства, ибо ее могут смешать с социализмом. Да, могут, но кто? Я сам был свидетелем того, как одна провинциальная барынька, услышав в первый раз слово «социальная наука», была убеждена, что это означает «социалистическая наука». Но, устанавливая терминологию, с провинциальными барыньками или со спекулирующими на уровне их развития в полемике против нас считаться не приходится. Неудобства от принятия терминов «национализация» или «государственная собственность» гораздо хуже. Эти термины не только не точны; и в агитационном отношении они неудобны. Они порождают видимость, будто мы отнимаем у крестьянских общин и передаем государству собственность; а между тем мы вовсе не мыслим при нашей реформе роли государства как действующего просто-напросто на правах полного собственника земли. Крестьяне имеют перед собой в виде образца «государственной собственности» современные государственные имущества. Не скажу, чтобы они могли считаться фактором «наглядной пропаганды» преимуществ государственной собственности. Но к чему же брать термины, которые не только теоретически неудовлетворительны, но и в агитационном отношении скорее вредны, чем полезны?

Я сказал, что социализация земли характеризуется тем, что ее исходный момент — признание равного права каждого трудящегося на землю, согласно еще определению Н.Г.Чернышевского. Но тут предъявляет нам свои сомнения тов. Фирсов. «Это иллюзия, — говорит он, — будто наша программа обеспечивает за всеми трудящимися право на землю и спасает от эксплуатации в деревне». Но тов. Фирсов впадает здесь в недоразумение. Он почему-то сливает воедино две совершенно различные вещи. Строить аграрную программу, исходя из равного права на пользование, — это одно; а обеспечивать от всякой эксплуатации — другое. Социализация земли еще не уничтожает всякую эксплуатацию в деревне, потому что крестьян эксплуатирует не один лишь капитал, вложенный в землю, но и другие виды капитала: торговый, кредитный, биржевой и т.д. Уничтожить всякую эксплуатацию в деревне, как и в городе, может лишь уничтожение всех видов и форм капитала. Но если признание права на землю не равносильно обеспечению от всякой эксплуатации, то что же оно означает? Да ничто иное, как более конкретную формулировку более общего и элементарного права — права на существование. Но разве исходить из этого права при построении программы-минимум значит быть утопистом или впадать в иллюзии? Напротив — это значит быть в полном согласии с интернациональным

социализмом. Последний международный социалистический конгресс в Амстердаме провозгласил, что в основе выработанной им программы рабочего законодательства, а это есть часть социалистической программы-минимум, лежит признание за каждым права на существование. Мы на такой же самой точке зрения и стоим, когда строим свою аграрную программу: равное право на землю есть только конкретное приложение к данной социальной среде общего положения: права на существование. Но разве тов. Фирсов имеет какие-нибудь мотивы с этим не согласиться? Нисколько! Да ведь он сам же говорит, что реальной задачей нашей аграрной программы может и должно являться стремление «обеспечить минимальный уровень жизни трудового крестьянства». Но ведь это только другие слова для той же мысли. И тов. Базаров, желая из защиты нашей аграрной программы извлечь аргумент против других частей той же программы, на деле незаметно для себя только подтвердил ее. Тов. Базаров подхватывает замечание тов. Фирсова, что, социализируя в пределах рамок буржуазного общества, нельзя выставлять права на землю, ибо это вещи несовместимые. И тов. Базаров замечает, что ведь эта несовместимость нас не останавливает: мы не стесняемся тем, что право на землю резко противоречит буржуазному строю, мы хотим ввести в него это антибуржуазное начало, мы в наших аграрных требованиях смело идем против буржуазных рамок, действуя, таким образом, уже в программе-минимум революционно. Почему же, спрашивает тов. Базаров, мы не рассуждаем по тому же методу, когда из аграрной области переходим в индустриальную? И вдруг, поставивши этот вопрос, тов. Базаров дальше сам же, нечаянно для себя, на этот вопрос отвечает, и отвечает самым успокоительным образом. Оказывается, что и в индустриальной области мы следуем именно тому же самому методу. Тов. Базаров указывает, что, бережно относясь к современным формам собственности, социал-демократы не вводят в свою программу минимальную заработную плату, а равно и страхование от безработицы. Совершенно верно — а мы вводим их, и вводим именно потому, что и в построении рабочей программы-минимум исходим из того же принципа: права на существование, права на труд, права быть застрахованным на общественный счет от безработицы, а имея работу, получать плату, удовлетворяющую нормам научной гигиены. И сам тов. Базаров говорит: «Тут есть полная аналогия; эти два вопроса сродни: право на землю, с одной стороны, минимум заработной платы и страхование от безработицы, с другой». Опять-таки совершенно верно. Но это именно и означает, что между аграрной и рабочей частью нашей программы существует полное равновесие, что как та, так и другая построены по одному методу и на одних принципах. В нашей программе-минимум мы выставляем в наивозможно большем объеме все те меры, которые до введения социализма и уничтожения товарного хозяйства могут обеспечивать право человека на существование.

Но именно поэтому я был бы против раздававшегося здесь предложения включить в число «неотъемлемых прав личности», которые должны быть перечислены в первой политически-правовой части на-

шей программы, «права на землю». Повторяю, я не считаю его одним из самостоятельных, основных, неотъемлемых субъективных прав. Право на землю — это скорее частный вывод из права на существование, это односторонняя, частная формулировка более общего права: права на существование или, в не совсем правильной формулировке, права на труд. Если бы мы приняли данное предложение, мы последовали бы за Генри Джорджем, который, признавая за каждым человеком естественное право пользования благами природы, ограничивает, однако, это благо лишь земельной собственностью. Конечно, это вяжется со всей его национализаторской теорией, выводящей всю эксплуатацию лишь из монополии на землю, но с нашим взглядом это не вяжется.

Переходим теперь к вопросу о заведовании и пользовании социализированной землей. Но здесь мы с самого начала встречаемся с совершенно особенной концепцией, которую развил перед нами все тот же тов. Поморцев. Его мысль такова: государство никуда не годится; отдать землю государству значило бы провести национализацию; но ведь органы местного самоуправления вплоть до сельского суть также органы государственные. Государство в широком смысле этого слова охватывает всю совокупность общественно-правовых союзов, обладающих принудительной властью. Но как же быть? Он видит только один исход: земля достается не этим территориальным, хотя бы и демократически организованным союзам, а «чисто классовым организациям» трудового крестьянства. Ячейкой должна быть «община земледельцев», не в смысле совокупности сельских жителей, связанных в одно самоуправляющееся целое, а в смысле свободного, добровольного трудового союза, что выходит, по существу, из узкой аренды деятельности такой «трудовой общины», то должно быть в ведении союза таких общин, вплоть до их национальной федерации. Таким образом, «чисто трудовая», «чисто классовая» и вполне «свободная» организация создалась. До сих пор все шло хорошо. Но тут-то вдруг и оказывается, что создана, в сущности, просто-напросто замкнутая корпорация и земля отдана ей в собственность. Корпорация, заметьте, совершенно свободная, добровольная. Однако «добровольность» ее довольно странного сорта. Земля вся отдана в полное распоряжение такого рода корпорации; иначе говоря, земли нельзя получить иначе, как только войдя в одну из них. Конечно, при таких условиях поневоле «свободно» войдешь! Но ведь войдешь, если примут; а если не примут? Тов. Поморцев сам замечает, что в этом пункте дело не ладно, и придумывает, чтобы поправить дело, новую сложную надстройку. Чтобы его «чисто классовая» организация не замкнулась в касту, не допускающую до земли других, он проектирует смешанные комитеты из представителей крестьян и городских рабочих, а мимоходом оговаривается, что сюда же можно включить и трудовую интеллигенцию. Каким образом? Кого считать «трудовой интеллигенцией»? Для представительства в смешанных комитетах обяжут ли и ее «свободно» соединиться в «чисто классовые организации трудовой интеллигенции»? Будут ли «смешанные комитеты» просто третейскими судами, вызываемыми к жизни соглашением между «классовыми

организациями» труда в городе и деревне? Или они будут существовать в силу закона? Будут ли «чисто классовые организации» обязаны подчиняться этим комитетам? Каковы будут их prerogatives? Кому, наконец, какой «классовой организации» попадет в руки городская земля? Ни на один этот вопрос мы не видим ответа, или даже хотя бы намек на ответ. Мало того. Поскольку «чисто трудовые», «свободные» общины трудящихся суть организации не общественно-правового, а частнопровового характера, постольку ведь они могут соединиться и распадаться. Тов. Поморцев предвидит только первый случай: ему нужно, чтобы общины группировались в высшие союзы общин, и он мысленно заставляет это делать. Ну, а если община распадается, что будет с землей? Ну, а если «чистая классовая организация», хотя бы в виде национальной федерации общин, вследствие каких-нибудь разногласий расколется на две организации, как это и бывает, скажем с профессиональными союзами? Как тогда быть с землей? Дело в том, что все построение тов. Поморцева не выдерживает никакой критики. В его основе лежит ряд анархических представлений. И я не понимаю, как он пытается свою концепцию передачи земли в собственность профессионального союза земледельцев как будто примкнуть к старой формулировке нашей программы. Там ясно было сказано, что земля переходит во владение **общества**, а не замкнутой корпорации или профессионального союза. Там было сказано, что земля переходит в заведование «демократически организованных общин» и таких же «территориальных союзов этих общин». Тов. Поморцев говорит, правда, тоже как будто об «общинах» и их союзах. Но у него эти общины — вовсе не территориальные, демократически самоуправляющиеся союзы населения. Его общины не имеют ничего общего ни с существующими общинами, сословно-крестьянскими, ни с будущими бессловесными, вполне демократическими и вполне самоуправляющимися. Справедливо заметил тов. Пашин, что тех трудовых общин, о которых говорил тов. Поморцев, нет и не было в русской деревне. Еще бы! Это просто «общины» анархистской теории, существующие лишь в противоречивых и искусственных построениях, образец которых мы только что видели. Но предположим даже, что старый текст программы был бы настолько туманен, настолько неопределенно сформулирован, что с грехом пополам, путем натянутых толкований можно было доказывать, что концепция тов. Поморцева не противоречит ему так резко и так наглядно, как теперь. Но ведь кроме этого краткого текста мы имеем в «Рев.Рос.» и других официальных партийных изданиях целую литературу комментарием к нему. Что же, неужели хоть раз в ней встречалось что-нибудь похожее на эту полуанархическую концепцию, не выдерживающую никакой критики?

Тут в течение прений один из немногих товарищей, отстаивавших прежний проект против нового, заявил, что мы «боимся государства, как черт ладана». Я опять-таки с этим не соглашусь. Этого суеверного страха, характерного для анархистов, мы не имеем. Мы не боимся работы на почве демократических форм современного государства, осо-

бенно на почве его органов местного самоуправления, в иных из которых мы можем иметь большинство, а стало быть, и власть значительно раньше приобретения большинства во всей стране. Мы только не имеем ничего общего с «государственным социализмом» и формулируем те же условия и оговорки относительно расширения сферы буржуазного государственного хозяйства, что и революционные социалисты всех стран. Но дальше этого наша «боязнь государства» не идет. Итак, заведение социализированной земель должно находиться в руках демократически организованных территориальных союзов или органов самоуправления. Но они не бесконтрольные и не произвольные «владельцы» земли. Их функция — следить за уравнительностью пользования землею. Они не могут нарушить прав на землю, признанных за индивидом; иначе этот последний может судом восстановить нарушенное право. В «Рев.Рос.» мы уже давно вскрывали конкретное содержание понятия «уравнительности землепользования» совершенно в том же самом смысле — только более подробно — как теперь в предлагаемом проекте. Мы указывали, что самый грубый способ уравнивания — количественный: большим количеством худшей земли уравнивается меньшее количество лучшей. Но такое уравнивание неполно и односторонне. Оно уравнивает количество получаемого продукта, но не уравнивает затрат труда на лучшей и худшей земле. Совершенно естественно и логически, чтобы при раскладке общественных повинностей это имелось в виду и чтобы на худшую землю падало соответственно меньше, а на лучшую — соответственно больше. Эти и другие способы уравнивания существуют и теперь на опыте наиболее живых и развитых общин. Но там они прилагаются лишь к членам отдельной общины. Наша поземельная система предполагает, что общественные коллективности высшего порядка будут по отношению к коллективностям низшего порядка исполнять те же уравнивательные функции, какие община исполняет в применении к отдельным своим сочленам. Кроме того, более обширные угодья — леса, недра земли, рыбные ловли и т.п. должны поступить, разумеется, в распоряжение соответственно более широких органов самоуправления. В общем виде это у нас и выражено. Здесь было высказано пожелание, чтобы относительно недр земли и т.п. было упомянуто особо. Ничего против этого не имею и охотно предложу от себя комиссии соответственную формулировку. Я только против той чрезмерной детализации, которой хочет тов. Старков: он желал бы даже, чтобы в программе были сформулированы особые нормы, регулирующие пчеловодное дело. Это уж, конечно, завело бы нас бог весть куда. Совершенно ясно, далее, что и центральных государственных учреждений нельзя совершенно обойти. Такие вопросы, как о расселении и переселении, заведении резервным земельным фондом и т.п., не могут разрешаться без участия центральных органов. Тов. Пашин на примере сибирских земель показал это достаточно хорошо. Другой тов. показал то же самое на примере лесов, особенно в тех местах, где находятся главнейшие водоемы и истоки больших рек; где от нерасчетливого хозяйства в одной территории может произтечь ряд

бедствий для всей страны. Но зачем бы нам стараться в таких случаях обходить и игнорировать центральные учреждения? Достаточно относиться с должной осторожностью к условиям возложения на центральные учреждения той или другой культурно-хозяйственной миссии. Достаточно относиться с должной осторожностью к самостоятельности и правам как индивида, так и разных самоуправляющихся территориальных единиц. Повторяю, мы чужды суеверного страха перед государством. Но мы зато большие сторонники децентрализации. Мы стремимся сохранить в ведении местных органов самоуправления, более близких к народу, все то, что можно сохранить без нарушения более широких и общих интересов. Мы помним, что в России эта тенденция к широкому самоуправлению, к его децентрализации тем более важна, что для населения, не привыкшего постоянно следить за ходом общего законодательства, местное самоуправление должно будет сыграть роль первоначальной политической школы. Опыт сельского, волостного, затем земского и далее областного самоуправления даст ему последовательно данные, необходимые для вполне сомнительного отношения и к делам общегосударственным.

Как мы видели, наша система предполагает, что рента путем соответственного обложения обращается на общественные нужды; но она не скопится в руках центрального правительства, а распределяется между всею лестницей органов самоуправления. Но мы говорим о ренте. А между тем тов. Старков пытался в своем докладе доказать оригинальную мысль, что дифференциальной ренты нет. Я не стану, разумеется, подробно входить в разбор этого теоретического вопроса. Здесь для этого не время и не место. Охарактеризую лишь ход аргументации тов. Старкова вкратце. На примере отдельного хозяйства он старается доказать, что и возможно и хозяйственно выгодно так распределить между землями различного качества разные системы обработки, чтобы на каждой единице пространства единица труда давала одинаковое количество продукта. Предположим даже, хотя тов. Старков этого не доказал, что это верно. Но это свидетельствовало бы лишь о том, что при национально-государственной организации всего земледелия то же правило было бы верно по отношению ко всей стране и таким путем дифференциальная рента умерла бы естественной смертью. Но ведь мы говорим не об эпохе обработки всей земли государством по одному плану, а об эпохе существования частных хозяйств. Эту разницу тов. Старков хочет уничтожить, предполагая, что при праве свободного, неограниченного переселения из одной земледельческой общины в другую (предполагая при этом и право доступа к земле) как-то естественным путем установится наиболее хозяйственно выгодная комбинация систем обработки на землях разного качества; а это и означает комбинацию, уничтожающую дифференциальную ренту. Но разве мыслимо предположить право всех желающих в неограниченном количестве садиться на территорию данной общины, ведущей хозяйство определенным способом, требовать пропорциональную своей численности долю земли и этим заставлять изменять способ ведения хозяйства? Но я не

стану входить в разбор всех аргументов товарища, которые мне кажутся неправильными. Практически возражение его сводится вот к чему: он боится, чтобы под предлогом рентного обложения не возродилась просто-напросто плата за доступ к земле, плата за право приложить к ней труд, и чтобы таким образом не создалось двойное обложение земледельца. Это опасение излишне. Обложение ренты для всех нас есть не более как частный случай обложения дохода, а потому это обложение должно будет следовать основным принципам требуемого нами прогрессивно-подоходного налога в том смысле, что доходы ниже известного **минимума** будут свободны от всякого обложения. Итак, труд, как таковой, не пострадает.

Здесь было предложено особо оговорить, что батрацкий труд в земледелии исключается проведением нашей аграрной программы. Конечно, поскольку устанавливаются порядки уравнительного землепользования на чисто трудовых началах, постольку эксплуатация наемного труда этим исключается. Но значит ли это, что в состав нашей аграрной программы-**минимума** входит требование **законодательного воспреещения** наемного труда? Нисколько не значит. Есть два метода борьбы с нежелательными явлениями: один метод состоит в том, чтобы просто-напросто декретировать его устранение и следить за тем, чтобы запрет не был нарушен или обойден; другой же заключается в том, чтобы создать такие положительные условия, которые бы не давали возможности нежелательному явлению развиваться. Мы предпочитаем этот последний метод. Что же касается первого метода, то это обычный грубо-бюрократический метод, который, в конце концов, совершенно недействителен, хотя опутывает граждан со всех сторон неослабленным надзором и чиновничьим вмешательством. В самом деле, что будет значить декрет об устранении наемного труда, если сохранились налицо условия, при которых одни соглашаются наниматься, а другие могут нанимать? Разве трудно обойти этот декрет, прикрыв наемный труд той или другой ложной видимостью — напр., фикцией приема в семью или родственного сотрудничества? А в деревне, в конце концов, родством близким или дальним могут счесться все. Или декрет останется мертвой буквой, или проведение его потребует чисто инквизиционного метода вмешательства в народную жизнь. Но этого мало. Применение наемного труда в деревне вовсе не всегда означает эксплуатацию пролетария хозяином. Очень часто при неблагоприятном составе семьи (много едоков, мало работников) ей приходится прибегать к наемному труду, который при ее бедности является для нее прямо невыгодным. То же самое случается при временной убыли (заболевание) работников. Мало того. Нередки и типичны такие случаи: безошадный крестьянин, не бросающий своего хозяйства, сам отправляется в отход, а обработать поле нанимает соседа. «Пролетарий» — безошадный является хозяином-нанимателем «мелкого буржуа» — самостоятельного производителя-земледельца. Попробуйте регламентировать сверху упомянутыми декретами эти ложные хозяйственные отношения! Один из товарищей заметил, что в Нижегородской губернии сознательные крестьяне разли-

чают «наемный труд» от «батрацкого труда». Различение это приблизительно соответствует отличию приведенных выше случаев найма некапиталистического от найма в смысле определенной буржуазной эксплуатации. Этот товарищ и предлагает, чтобы мы в программе формулировали исключение батрацкого труда (а не наемного). Но я должен заметить, что как ни метко различение, делаемое нижегородскими крестьянами по самому своему существу, но фиксирование его в терминах «батрацкий» и «наемный» далеко не может считаться распространенным: оно чисто местного происхождения. Обычно же оба принимаются как синонимы и если отличаются оттенками, то вовсе не такими. Батраком чаще всего называется годовой постоянный работник, в то время как просто «наемным работником» будет соседний крестьянин или пришлый рабочий, нанимаемый на короткий срок, напр. на время уборки. Кроме того, к запрещению «батрацкого» труда приложимы все те аргументы, как и к запрещению «наемного» труда. Повторяю, мы не пойдем по пути бюрократической регламентации. Поскольку наша цель на основе социализации земли развивать трудовое, коллективное хозяйство и подрывать эксплуатацию труда, постольку мы для этого имеем иные пути, не столь устарелые и более действительные. Это развитие на новых началах агрономической организации, и в частности организации местными органами самоуправления кредита, снабжения безлошадных и бесхозяйных инвентарем, рабочим скотом, удобрениями, улучшенными семенами и т.п.; это предполагает, конечно, что мы организуем крестьян для борьбы за власть и во всех этих органах самоуправления, боремся там с буржуазными партиями и, по мере завоевания партией отдельных коммун, волостных и земских учреждений, пользуемся ими для положительной работы в смысле подъема трудового хозяйства, особенно на кооперативных началах. Я должен только здесь же оговориться, что все это относится к следующему отделу нашей программы, касающемуся вопросов общинного, муниципального и земского хозяйства. Не нужно смешивать двух этих областей, и в обсуждаемом пункте будем говорить лишь об основных началах земельного устройства; вводить сюда же требования относительно кредита поэтому неуместно.

ЗАСЕДАНИЯ 2 ЯНВАРЯ 1906 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. **Соломин**.

Тов. **Горецкий** читает протокол вечернего заседания 31-го декабря.

Протокол утверждается.

Тов. **Князев** вносит следующую резолюцию, которая принимается единогласно: Съезд постановляет, что никто из его членов, за исключением принадлежащих к Организационному бюро*, не имеет нравствен-

* Члены бюро разъезжаются после всех.

ного права, уезжая со съезда, брать с собою какие-либо касающиеся съезда документы и вообще всякие записи. Решая так в интересах всей партии и всех организаторов съезда, по соображениям конспиративного характера, нарушение этого постановления съезд будет считать преступлением против партийной дисциплины.

Равным образом в интересах партии съезд постановляет, что впредь до изменения политических условий настоящего момента никто не имеет права сообщать кому-либо, даже членам партии, потребности о месте и времени созыва съезда.

Тов. №³⁴⁷ предлагает просить Организационное бюро принять меры к скорейшему опубликованию Программы и Организационного Устава.

Принято единогласно.

Тов. Тучкин докладывает о тех изменениях, какие комиссия по переработке программы нашла возможным внести в проект: Ввиду замечаний, сделанных на предыдущем заседании, комиссия внесла некоторые изменения и поправки. Кое-где текст просто сокращен. Затем, резко подчеркнуто этическое обоснование социалистического идеала. Комиссия не нашла возможным заменить выражение: «уничтожение принудительно-репрессивного характера общественных учреждений выражением: «уничтожение бюрократизма в государственных и общественных учреждениях», как это предлагал сделать один из товарищей. Комиссия полагает, что при полном осуществлении социалистического идеала принудительный характер государства в том смысле, как обычно понимается это выражение, исчезнет и, следовательно, борьба с принудительно-репрессивными формами государства есть одна из задач революционного социализма.

Предлагалось также подчеркнуть определенное, что крестьянство есть такой же равноправный член социалистической армии труда и такой же необходимый общественный слой в буржуазном обществе, как и пролетариат. Но выражение проекта, указывающее на то, что все слои трудового и эксплуатируемого населения должны сознать себя **единым рабочим классом**, вполне достаточно подчеркивает равноправность крестьянства с другими слоями рабочего народа. Что же касается необходимости крестьянства как класса для существования буржуазного общества, то в таком общем виде утверждение это не вполне верно, так как, например, в Англии роль крестьянства сведена почти к нулю. Ввиду этих соображений комиссия предлагает оставить соответствующие места проекта без изменений.

Председатель оглашает две поправки к проекту, внесенные тов. Горюковым. Поправки эти следующие:

1) «Социальный прогресс человечества, **выражающийся в борьбе...** заменить следующим: «Социальный прогресс человечества, **вырабатывающийся (или завоевывающийся) борьбой...**

2) «Превращая органы государственного управления в орудия своего классового господства и **подчиняя** себе духовно и материально науку, искусство и литературу». Вставить после «классового господства» слова: **«и отчасти даже подчиняя etc».**

Тов. **Соболевский** спрашивает, почему комиссия нашла нужным выпустить в конце второго абзаца проекта указание на то, что в современном обществе рост власти человека над природой совершается при условии частной собственности на средства производства.

Тов. **Тучкин**. Принципиально комиссия ничего не имеет против прежней формулировки. Все это место не изменено, а просто сокращено. Мы хотели высказаться короче. Это звучит сильнее. Несомненно, однако, что в смысле полноты определения старый текст лучше. Что же касается поправок тов. Топоркова³⁴⁸, то я не могу с ними согласиться. Сказать, что прогресс человечества **вырабатывается** борьбой за установление общественной солидарности, значило бы сказать, что прогресс есть результат сознательных усилий передовой части человечества. На самом деле это не так: социальный прогресс обусловлен и сознательной работой борцов за истину и справедливость, и процессом роста власти человека над естественными силами — процессом в значительной мере стихийным. Вторая поправка тоже едва ли нужна. Тов. Топорков, очевидно, желает указать ею, что буржуазия не в силах окончательно подчинить себе науку, искусство и литературу. Но ведь этого не утверждает и наш проект. Там употреблено выражение: «подчиняя», «не подчинив», и этим указывается лишь на несомненно существующую тенденцию капитала подчинить своей власти духовную жизнь общества, а отнюдь не на окончательный результат.

Председатель ставит на голосование предложение т. Соболевского сохранить в конце второго абзаца прежний более подробный текст с указанием на частную собственность. Предложение принимается большинством 34-х против 10-ти. Поправки тов. Топоркова отвергаются подавляющим большинством (причем за первую часть из них высказываются 6 голосов, а за вторую — 3).

Предложение тов. Поморцева заменить термин: «принудительно-репрессивный характер общественных учреждений» термином: «полицейско-бюрократический характер» — отвергается (за него 2 голоса).

Председатель предлагает голосовать вопрос о том, является ли теоретическое введение к программе обязательным для всех членов партии или нет.

Тов. **Базаров**. Я не понимаю, какой смысл имеет этот вопрос. Что означает обязательность введения для всех? Это не значит, конечно, что никто из членов партии не имеет права употреблять в защиту нашей программы других аргументов, кроме указанных в введении. Введение включает в себе **минимум** теоретических предпосылок к нашей программе, принимаемых всеми, и в этом только смысле его и можно назвать обязательным.

Тов. **Шевич**. Внесено предложение, которое, в сущности, клонится к тому, чтобы принять программу, лишив ее теоретической предпосылки. Есть, конечно, европейские партии, как французские, программы которых почти не содержат никакой предпосылки. Но там общественная жизнь настолько развита, социальная расслойка на борющиеся классы так окристаллизована, что эта предпосылка живет, так сказать,

в самой борьбе классов. Пролетариат легко узнает своих врагов и фальшивых друзей. Но в России эта дифференциация только намечается, если не считать городского пролетариата и части трудового крестьянства. Социалистические партии обязаны формулировать точно, какой свод общих идей объединяет их членов в одно целое, какие основания у нее звать на борьбу за определенные интересы те или иные классы русского народа. Чтобы окристаллизировать общественную среду, надо партии самой оформиться, самопознаться и самоопределиться, а для этого ей нужна программа в широком и философском значении этого слова. Иначе партия будет сбродом добрых людей, высказывающих благие пожелания. Но как быть? Мы работали на съезде в исключительных условиях. Программы не импровизируются. Программы лишь резюмируют мировоззрение, ссылаясь в скрытом виде на определенные учения великих мыслителей. Когда упоминается борьба классов, ссылаются на учение Маркса; вмешательство сознательных борцов — учение Лаврова. Громадное большинство делегатов от большинства комитетов, несомненно, проникнуты мировоззрением, которое легло в основание программы. Есть оттенки, но суть, несомненно, выражает строй мысли большинства. Борьба классов, готовность бойцов жертвовать всем за осуществление своих идеалов истины и справедливости, трудовое крестьянство как элемент рабочего класса, объединение трудовым началом и принципом уничтожения частной собственности на землю и обобществление земельной собственности как ближайшее разрешение аграрного вопроса внутри буржуазного общества. Но каково положение тех, которые не разделяют еще этих мнений? Я слышал, правда, очень редко, протест против начала борьбы классов.

Другие, наоборот, склонны дать интеллигенции более производное значение. Для некоторых товарищей является вопрос совести — поднять ли руку за принятие в **обязательное** руководство предисловия к программе требований. Быть может, съезд найдет желательным дать времени произвести большую отслойку в рядах самой партии и остаться при выработанном предисловии как **временном проекте** программы. Это для партии невыгодно и даже опасно, но в этих вопросах ложный шаг еще опаснее. Вопрос должен быть поставлен ребром.

Тов. **Тучкин**. По поводу введения к нашей программе еще раньше возникали недоразумения. Его часто называли «философией» партии и на этом основании предлагали или совсем отбросить, или считать необязательным. Но нельзя называть «философией» социологические доказательства необходимости социализма и его этическое оправдание. Философия включает в себе синтез воззрений на всю природу и на общество. И конечно, определенная философия в этом смысле не обязательна: члены партии могут иметь различные философские убеждения, но ведь такой философии в проекте и нет. Иное дело понимание сущности революционного социализма. Обобщить и ясно формулировать наше понимание его безусловно необходимо. Ведь не может же быть, чтобы у нас не было общих идей, чтобы мы не могли представить теоретического обоснования нашей программы. Это было бы недопусти-

мо. Мы как организация существуем уже более пяти лет, а как общественное течение — более 45! Было бы невероятно, чтобы мы не могли представить теоретического оправдания тому течению, современными выразителями которому мы сами являемся. Тогда, пожалуй, правы оказались бы те, кто не устает повторять на все лады, будто П.С.-Р. не имеет под собою научного базиса. Итак, иметь теоретические предпосылки к программе необходимо. Но если так, то совершенно непонятно, почему некоторые товарищи предлагают отбросить все это теоретическое введение целиком. Ведь за все время дебатов по этому вопросу не было высказано никем какого-нибудь другого, отличного обоснования нашей программы; спор велся лишь об оттенках мнений, о незначительных поправках; коренных противоречий во взглядах среди огромного подавляющего большинства товарищей я не заметил. Я уверен, что в основных своих положениях это обоснование объединяет всех. Нам давно пора иметь не временный проект программы, но настоящую программу, ясную и отчетливую. Этот текст программы, вероятно, не будет окончательным, навеки нерушимым, со временем он будет развиваться и дополняться. Но цельный, кристаллизованный текст нам необходим теперь же, и он должен быть.

Тов. Павлов. Проект программы был сдан по постановлению съезда в комиссии для поправок. Уж этим самым съезд выразил свое одобрение проекту в основных его чертах. Теперь вдруг съезду предлагают радикально изменить свое решение. И для чего? Требуют, чтобы каждому была предоставлена свобода индивидуального мышления. Но самое требование вотировать свободу индивидуального мышления есть уже нарушение этой свободы. Таких вещей не вотируют...

Председатель оглашает проект резолюции тов. Дружинина: несогласие с социологическими взглядами, положенными в основу нашей программы, не представляет препятствия для вступления в партию, раз вступающий всецело разделяет платформу и признает тактику партии.

Отдельные голоса. Это лишнее... Не надо... Это само собою разумеется... Это слишком неопределенно: что понимать под «социологическими» взглядами?

Резолюция Дружинина ставится на голосование и отвергается (за нее 4 голоса).

Председатель ставит на голосование все теоретическое введение до слов: «Развитие капитализма в России характеризуется...».

Введение принято подавляющим большинством (за — 52, против — 1, воздержались — 3).

Тов. Тучкин читает дальше проект программы со слов: «Развитие капитализма в России» и до начала программы-минимум.

В этой части программы мы подчеркиваем особенности развития капитализма в России, отмечая неблагоприятное для нашей страны соотношение между творческими и разрушительными сторонами капитализма. Рабочее движение в России тоже находится в особых условиях. Выступая с современными задачами, оно вынуждено развиваться в анархической обстановке политического беспорядка.

Программа отмечает положение крестьянства и его громадное значение для России и в заключение характеризует те условия русской действительности, вследствие которых у нас создан неразрывный проистественный союз между монархизмом, дворянством и буржуазией. Этим именно союзом и связью современного кризиса с экономическим в значительной мере обусловлено социальное содержание грядущего переворота.

Тов. **Базаров**. В анализе тех особенностей, которые характеризуют развитие капитализма в России, проект программы странным образом упускает роль социалистической интеллигенции. Капитализм в России развивается при наличии социалистической критики и социалистической интеллигенции, которая давно уже стремится организовать рабочий народ для борьбы с молодым, не окрепшим еще капиталом. Значение этого обстоятельства для истории России чрезвычайно важно. Ведь, например, если в 61 году не произошло более или менее полной экспроприации крестьянства, то в значительной мере это следует приписать роли социалистической интеллигенции.

Тов. **Тучкин** присоединяется к предложению тов. Базарова внести в программу ту мысль, что развитие капитализма в России происходило и происходит при наличии социалистической критики и социалистических партий, чего в других странах Западной Европы не было.

Председатель ставит на голосование предложение тов. Базарова.

Принято единогласно.

Председатель читает предложение тов. Топоркова выкинуть место об «установлении в случаях надобности военной революционной диктатуры рабочего класса».

Предложение отвергнуто подавляющим большинством. (За — 10, против — 44, воздержалось — 2.)

Председатель ставит на голосование в целом всю часть программы от слов: «Развитие капитализма в России...» до программы-минимум.

Принято единогласно.

Тов. **Тучкин** читает пункт об аграрной программе и дает краткие объяснения тех изменений, которые внесены комиссией в первоначальный проект.

Тов. **Горецкий** предлагает выкинуть из текста программы положение об общественной поддержке лицам, пострадавшим от имущественного переворота. Это положение описывается какой-то благотворительностью. Я понимаю, что экспроприированные помещики могут оказаться в безвыходном положении. Но мало ли нуждающихся и помимо их — больных, вдов и сирот, может быть, еще раненных в Японскую войну или во время революции. Вероятно, общество окажет всем им необходимую поддержку. Но если уж кому-нибудь кажется необходимым внести в программу П.С.-Р. пункт о благотворительности, то надо внести его в общей формулировке, а не для одних только помещиков. По-моему же, всякое упоминание о благотворительности в нашей программе неуместно.

Тов. **Нижегородский** предлагает в том месте, где говорится об уравнительном пользовании земель, вставить в текст слова «без найма батраков».

Тов. **Базаров** предлагает выбросить упоминание о потребительной норме. Потребительная норма, как это точно установлено в экономической науке, есть норма минимальная, в программе же вполне достаточно установить лишь максимальную норму, а такой и является норма трудовая.

Далее я предлагаю выражение: «недра земли национализуются» заменить выражением: «недра земли переходят в распоряжение всего государства». Термину «национализация» придан в последнее время смысл какого-то противопоставления термину «социализация», и поэтому я нахожу употребление их рядом, в одной и той же программе без всяких пояснений неудобным.

Кроме того, необходимо сделать добавление в этом месте проекта. Помимо недр и лесов, есть иные земли, имеющие общегосударственное значение. Таков, например, южный берег Крыма. Есть также территории, и очень обширные, которые теперь, в сущности, никакого значения не имеют (например, пустынные берега Каспийского моря), но которые в будущем, если государство предпримет ряд обширных работ для улучшения их, могут оказаться пригодными для поселения. Понятно, что такие земли не могут быть предоставлены ни общинам, ни даже более крупным земским единицам. Поэтому я предлагаю внести в проект такую поправку: пользование угодьями и землями, имеющими не узкоместное значение или эксплуатация которых недоступна мелким органам местного самоуправления, регулируется соответственно более широкими органами самоуправления вплоть до государства*.

Тов. **Абрамов**. А как же будет поступлено с инородческими землями? Почему в проекте нет об этом ни слова?

Тов. **Тучкин**. Тов. Горецкий возмущается тем, что в программу введена благотворительность по отношению к помещикам. Но это напрасное возмущение: никакой благотворительности тут нет, и специально о помещиках в программе не говорится ни слова. Говорится вообще о тех лицах, которые будут вышиблены из условий их личного существования проведением в жизнь нашего требования социализации земли. Вот, напр., сейчас только тов. Абрамов задал вопрос об инородцах. Это ведь, надеюсь, не помещики, а между тем аграрный переворот может коренным образом затронуть их интересы, и обществу по необходимости придется с этим считаться. Вопрос о поддержке таких лиц, как и вопрос о выкупе, относится, собственно говоря, не к программе, а к тактике: здесь речь идет не о том уже, что будет сделано, а **как** это будет сделано. И если мы нашли нужным этот тактический вопрос вследствие его особой важности включить в программу, то должна указать, что, проводя в жизнь социализацию земли, мы не хотим голодной смерти тех, чьи интересы будут этим нарушены. И мы указываем тот путь, по которому необходимый и справедливый аграрный переворот может быть произведен с наименьшим количеством человеческих страданий. Это не благотворительность!

С возражениями Базарова о потребительной норме я не могу согла-

* Последняя поправка тов. **Базарова** принята. См. ниже.

ситься. Одной максимальной (трудовой) нормы недостаточно. Научными трудами об общине установлено, что потребительная разверстка есть прогрессивное явление в жизни общин, и нам необходимо отметить глубокое значение этого явления. Применение максимальной (трудовой) нормы возможно только при сравнительно широком земельном просторе. С увеличением плотности населения исчезает возможность полного поглощения его трудоспособности. Но мы должны все-таки отметить, что наделение земель не будет нищенским, оно будет удовлетворять потребностям семьи.

Тов. Базаров. Но ведь нельзя же требовать, чтобы потребности семьи удовлетворялись исключительно в земледелии. Городской рабочий может иметь огород, маленький садик, размеры которого могут не стоять ни в каком соотношении с потребительной нормой. Неужели вы хотите запретить рабочим иметь такие участки?

Председатель. Здесь все говорят о нормах, приноравливаясь к потребностям и силам отдельной семьи, но по-моему, проще установить норму сразу для целой общины. Тогда все эти разногласия о нормах исчезнут сами собой.

Тов. Тучкин. Это неудобно. Община существует не везде, и мы не хотим декретировать законом ее введение. Что касается возражения тов. Базарова, то оно бьет мимо цели. Посторонние доходы могут приниматься во внимание при определении нормы землепользования.

Тов. Карский. Если не установить минимальной нормы, то земля будет дробиться до бесконечности.

Тов. Новгородцев. Если мы установим одну только трудовую норму, то может показаться, будто мы хотим сделать обязательными для общин рабочие разверстки.

Тов. Тучкин соглашается изменить место о нормах следующим образом: «размеры наделения земель не должны превышать трудовой нормы и нарушать потребительной».

Председатель ставит это предложение на голоса.

Большинством отвергнуто (за — 19, против — 27).

Голосуются предложение Горецкого совершенно выкинуть упоминание о потребительной норме.

Отвергнуто (за — 6, против — 40).

Голосуются предложение оставить место о нормах в том виде, как оно было в предложенном комиссией проекте.

Принято (за — 43, против — 7, воздержалось — 4).

Голосуются предложение Горецкого выбросить место об общественной поддержке лиц, пострадавших от проведения в жизнь социализации земли.

Отвергнуто (за — 14, против — 35, воздержались — 5).

Голосуются предложение Тамбовцева заменить выражение: «общенародная собственность» выражением: «общенародное достояние».

Принято (за — 35, против — 9, воздержались — 10).

Голосуются предложение Нижегородского добавить слова: «без найма батраков».

Отвергнуто (за — 4, против — 29).

Голосует ся поправка тов. Базарова об угодьях, имеющих не чисто местное значение (текст ее см. выше).

Принята (за — 26, против — 12, воздержались — 16).

Председатель приглашает к голосованию всей аграрной программы в целом.

Принята подавляющим большинством (за — 55, против — 1).

Съезд переходит к обсуждению рабочей программы. Голосует ся предложение после доклада дать слово докладчику-«максималисту» на $\frac{1}{2}$ часа и еще одному «максималисту» на 10 минут и затем без общих прений обсуждать лишь частные поправки.

Принято (за — 37, против — 13, воздержались — 4).

Тов. **Тучкин** (докладчик). Мы решили при обсуждении нашей программы рабочего законодательства одновременно обсуждать и общие принципы построения программы-**минимум**. В сущности, этот последний вопрос тесно связан не только с рабочей, но и со всеми другими частями программы; поэтому мы в предыдущих прениях не раз касались его, обсуждали его частично и попутно. Таким образом в настоящее время окончательное обсуждение данного вопроса является достаточно подготовленным. С другой стороны, как мы ниже увидим, рабочая программа особенно тесно связана с постановкой общего вопроса о программе-**минимум**, так как в рабочей программе нам приходится иметь дело с развитыми капиталистическими отношениями как с теми данными, в рамках которых приходится действовать. Заранее оговариваюсь, что в данном докладе я буду по преимуществу обсуждать вопрос о программе-**минимум** и лишь мимоходом буду пользоваться теми или иными отдельными пунктами рабочей программы для иллюстрации общих положений.

И еще одна оговорка. Я должен сказать, что не считаю самого названия «программа-**минимум**» особенно удачной. Название не выражает того, что характерно для этой части программы: не выражает ни ее назначения, ни ее содержания. Ее отличительною чертою, как мы далее увидим, является вовсе не сведение чего-то к минимуму. Кроме того, в названии неудачно и то, что ряд требований, характеризуемых этим словом, превращается именем программы-**минимум** как будто во что-то особое, самодовлеющее, как будто это какая-то целостная и самостоятельная программа в программе, а между тем здесь на деле не может и речи быть о какой-то двойной программе — нет, это лишь логически неразрывная часть единой программы; без этой части программа не была бы целостной, потому что не давала бы ответа на ряд вопросов, требующих такого ответа.

Оговорить это полезно прежде всего для того, чтобы весь наш дальнейший спор шел по существу, велся с надлежащей серьезностью и поднялся высоко над мелочными недоразумениями или придирками к словам, которые, к сожалению, с лишком часто заменяют у противников программы-**минимум** (анархистов или близких к анархизму элементов) аргументацию. В самом деле, если присмотреться к литературе от-

рицающих программу-**минимум**, то поневоле поражаешься той идейной скудостью и бессодержательностью, которою она насквозь пропитана. Почти нигде возражения не идут дальше плоских противопоставлений настоящих действительных социалистов каким-то социалистам на ущербе или социалистам «минимальным»; или же защитники первого сорта «максимального» социализма избирают благую часть, выступая благородными защитниками единой и целостной программы против двухпрограммности, против якобы «двойной бухгалтерии». Иначе говоря, вся эта дешевая аргументация спекулирует на неудачное выражение «программа-**минимум**» и вертится больше вокруг слов, вместо того чтобы углубиться в существо вопроса. Я, впрочем, проявил бы недостаток уважения к съезду, если бы предположил, что и наши прения о так называемой программе-**минимум** могли бы спуститься на эту плоскость.

Итак, для всех нас равно, несомненно, что программа должна быть целостна и едина, что никакой двойственности в ней не должно быть места. Из этого следует, что сумма требований, которая в нашей программе соответствует тому, что обычно называется программой-**минимум**, есть не что иное, как логическое звено единого построения, как частное применение того же самого единого принципа, который проникает собою всю положительную часть нашей программы. Речь, иными словами, идет не о механическом сожительстве двух программ: максимальной и минимальной, — а лишь об ответах на два основных жизненных вопроса — на два различных вопроса, обуславливающих различие ответов, хотя они объединены единством общей идеи, единством основного программного принципа. И сущность вопроса о т.н. «программе-**минимум**» состоит, прежде всего, в выяснении — в чем состоят эти два различных вопроса, в разрешении которых необходимо применить одну исходную точку зрения своей программы.

Эти два различных вопроса обуславливаются двумя типически-различными ситуациями, в которых может находиться социально-революционная партия. Эта партия может находиться в большинстве или меньшинстве, у власти или в оппозиции. От зарождения своего до выполнения всех своих задач партия может переживать самые разнообразные политические комбинации и положения, но каждое из них может быть подведено под тот или другой из двух этих типических случаев. Конечно, схемы и подразделения, ясные теоретически, в жизни могут связываться рядом незаметных переходов. Этот факт, однако, не уничтожает жизненного смысла данного различия. Как, с одной стороны, не может быть негласно-влиятельной большая оппозиционная партия и как ни слаба может быть власть неокрепшего и слабого большинства — все-таки ничто в мире не сгладит и не затушит момента **победы, завоевания власти, овладения государственным рулем**, — момента, являющегося резким водоразделом между двумя полосами партийной жизни. Если это верно вообще, то тем более верно это по отношению к партии социалистической. Ведь ее от других партий отличают не мелкие оттенки, не частные лишь разногласия, а противоположность основных целей. Поэтому и переход к ней власти будет означать собою

крутой перелом в жизни, резкий поворот в исторических судьбах человечества.

Программа партии должна быть полной и единой. Это значит, что она должна дать ответ на то, как будет вести себя партия и до, и после этого перелома. Единство программы состоит в том, что и до, и после него партия останется верна себе, верна своему революционному знамени; в том, что дух партийной деятельности будет одинаков и там, и здесь. Общий и основной критерий ее деятельности всегда один и тот же: социалистический идеал. Но огромная разница в положении до и после охарактеризованного перелома обуславливает собою непосредственное различие в формах и мерилах деятельности двух этих эпох.

Здесь высказывалось мнение, что программа требований партии есть лишь программа мер, которые партия примет, когда будет у власти, что всякие другие временные и меньшие требования, осуществляемые благодаря влиянию партии, — всякие уступки, которые делают партии ее враги, — не заслуживают названия партийной программы, не достойны входить в ее состав. Почему же это, однако? Неужели партийная деятельность, партийная созидательная работа начинается только с момента завоевания ею власти? Неужели только с этих пор и начинается воплощение партийной программы в жизнь? Неужели весь предыдущий — гораздо более тяжелый и суровый период борьбы — не знает побед и завоеваний? Неужели все, что практически достается в этот период, покупаемое нередко ценою кровавых жертв, не может называться положительными партийными завоеваниями? А если это не так, то почему же система требований, руководящих партией в это время, не может фигурировать как законная часть партийной программы?

В этом взгляде проскальзывает как будто отголосок того мечтательного, не реалистического воззрения, по которому вся текущая борьба есть что-то низшее по достоинству, чем будущая строительная работа. А между тем именно эта борьба требует такого напряжения действительной энергии, что всякая ее недооценка способна сильно ослабить шансы борьбы и оказаться крайне вредным, задерживающим фактором. Пренебрежение текущей борьбой, пренебрежение сложными вопросами, выдвигаемыми ею, может служить лишь показателем незрелости партии. В периоде своего детства именно и свойственно партиям вознаграждать за практическую слабость, за фактическое бессилие подобными экскурсиями в область туманного будущего. Только оно считается достойным внимания, только его вопросы — заслуживающими конкретной разработки. Настоящее рассматривается лишь как чисто подготовительная эпоха, эпоха распространения своих идеалов, которые можно хранить в тем большей чистоте, чем меньше принимаешь живого участия в работах современной лаборатории исторической жизни. Это — время, когда царство идей партии есть царство отвлеченного разума, царство «не от мира сего».

Реалистическое воззрение говорит иное. Оно столь же обращено в будущее, как и в настоящее. Подымаясь высоко головою к небесам, оно ногами твердо стоит на земле. Оно стремится рассматривать пар-

тию с самого ее зарождения как живую, реально действующую силу. Программа партии с этой точки зрения есть программа всего ее реального действия. Она сложна и дифференцирована, как сложна и дифференцирована самая ее деятельность, в ее историческом развитии, проходящая ряд различных последовательных фазисов.

И в самом деле, разве партия начинает переживать жизнь по своему образцу и подобию только начиная с момента полной победы? Разве до этого момента она только копит силы, только пробует их, только подготавливается их утилизировать в будущем? Нет! Еще задолго до окончательной победы партия уже начинает становиться живою влияющею силою. Каждый прирост своей силы она стремится использовать; увеличенным давлением на другие, враждебные, силы она заставляет их считаться с этим приростом своей силы. Междоусобия в вражеском лагере облегчают ей эту задачу. Ослабленные взаимной борьбой, отдельные буржуазные партии попеременно стремятся нанести друг другу удары, присоединяя свой натиск на соперников к натиску растущей армии труда. Умелою тактикой в такие моменты социалистическая партия может значительно изменить в свою пользу условия дальнейшей борьбы.

Текущее законодательство есть функция соотношения борющихся законодательных сил, борющихся общественных групп. Чем сплоченнее, сознательнее и активнее данный общественный слой, тем более у него шансов, при прочих равных условиях, заставить считаться со своими интересами. Рост армии труда имеет те же самые последствия. Правящие классы начинают реагировать на этот рост и на эту борьбу теми или иными мероприятиями — то защитительного, то предупредительного характера. Иногда уступая силе и настойчивости натиска рабочих, иногда же думая предупредить рост недовольства своим режимом, они идут навстречу тем или иным интересам трудящихся классов. Чем сильнее становятся последние, тем более вырастает эта социально-реформаторская работа современного государства. Но она носит неискренний и двойственный характер. Почти всегда, идя навстречу насущной нужде, правящие классы стараются свой способ ее удовлетворения облечь в такие формы, которые бы заключали в себе задерживающее начало, примиряя трудящихся с режимом господства их классовых врагов. Для этого есть два средства: во-первых — пропитывать полезные по существу реформы духом онеки, обставляя их учреждениями, осуществляющими патриархальное попечительство над народом буржуазных элементов; во-вторых, внесение разобщения в среду трудящихся слоев, весьма неравномерно поднимая их уровень благосостояния, создавая среди них привилегированные группы, удовлетворяя преимущественно перед другими наиболее узкие, непосредственные, профессионально-своеобразные и даже антагонизирующие интересы отдельных групп. Вся социально-реформаторская деятельность государства представляет собою сложный переплет двух этих тенденций, одной — исторически-прогрессивной, хотя и вынужденной, хотя и «прогрессивной поневоле», — и другой — исторически-реакционной. При этом социалистическая партия, своею борьбой вынудившая правящие классы к

социально-реформаторской деятельности, стоит перед двойной опасностью. Она должна благополучно миновать и Сциллу и Харибду: Сциллу — огульного, мнимо-радикального отрицания всяких реформ из-за тех хитроумных маневров, посредством которых правящие классы стараются обратить в свою пользу даже свои невольные уступки враждебной стороне. Харибду — прекраснодоушной, оппортунистической переоценки этих реформ, являющейся результатом игнорирования их нередко реакционной изнанки и приводящей к плоским компромиссам и к политической системе «мирного сотрудничества классов».

Социалистическая партия может уже теперь смело и с законной гордостью сказать: все, что только до сих пор современным государством было сделано в пользу трудящихся классов, было сделано под моим прямым или косвенным влиянием. Но она никогда не забудет, что это влияние было лишь частичным и неполным и что поэтому далеко не всякая реформа является действительным выигрышем рабочего класса. В иных из этих реформ на ложку меда может приходится столько же дегтя; бывают и такие реформы, которые сплошь являются обманом и ловушкой. Итак, задача, перед которой здесь стоит социалистическая партия, заключается в том, чтобы в лабиринте совершившихся, проектируемых и мыслимых реформ строго разобраться и заранее ориентировать рабочий класс — какие из этих реформ и насколько он сможет считать своими действительными завоеваниями и какие, наоборот, он должен считать мнимыми, обманными реформами, в которых под внешней видимостью **уступок** на деле скрываются **западни** и **ловушки**.

Не нужно думать, будто критерий расценки социальных реформ и отличия в них полезных и вредных так прост, как это может показаться на первый взгляд. Иногда говорят: социалистический идеал — вот критерий. Да, в конечном счете, разумеется, он является критерием всей нашей деятельности. Но это есть именно исходный руководящий принцип. Но из него и нужно вывести более непосредственное мерило. А это мерило неодинаково для двух эпох партийной жизни: до и после завоевания политической власти. В самом деле, я уже говорил, что ничто в мире не может стереть огромного, принципиального различия между двумя этими политическими положениями: находится ли власть в руках буржуазных элементов, хотя бы бледных и слинявших, или она уже перешла в руки рабочего класса, объединенного в социалистическую партию. Принципиальному различию двух этих положений соответствуют и различные потребности. Есть социальные учреждения, введение которых полезно и необходимо, но лишь при том условии, что у государственного руля стоит рабочая партия; те же самые учреждения в руках буржуазных дирижирующих элементов были бы нелепостью и даже более вредными, чем полезными. И наоборот, есть целый ряд мероприятий, являющихся для рабочих жизненною необходимостью в эпоху господства капитализма и буржуазии и которые просто сделаются излишними и ненужными по уничтожении этого господства. Итак, исходя из того же самого социалистического идеала, как верховного критерия, мы приходим к двум различным непосредственным меркам для

оценки законодательных мер, сообразно двум типически-отличным фазисам развития партии.

Эта дифференциация непосредственных мерок и есть то, что обычно обозначается в терминах, как я уже сказал, не весьма удачных — программа-максимум и программа-минимум. Как видите, речь идет здесь вовсе не о двух программах, а о двух логически нераздельных частях единой и целостной программы, о применениях к разным ситуациям одних и тех же принципов.

Совокупность тех мер — **всех тех мер**, которые при условии существования политической власти в руках буржуазии были бы выгодны рабочему классу и его борьбе за социализм, — причем каждая из таких мер берется во всей ее мыслимой полноте и широте, — эта совокупность и есть то, что обычно называется программой-минимум. С какой же точки зрения можно было бы отрицать принципиальную необходимость иметь такую программу? Да только с одной — с той утопической точки зрения, которая выражается в формуле: «все или ничего». Но это — точка зрения практически бесплодная, и ее революционность лишь мнимая, кажущаяся. Практически она означает: все — в мечте и фантазии и ничего — на деле. Но кто же теперь стоит на этой точке зрения? Она оставлена даже анархистами. Ведь реально борющиеся партии не могут относиться с огульным отрицанием к политике практических непосредственных завоеваний, к текущей борьбе рабочих. А принимая в ней участие, всегда приходится частично утилизировать возрастающую силу движения, реализовывать ее в форму уступок, облегчающих дело дальнейшей борьбы. Следовательно, фактически приходится самим разбираться и ориентировать рабочий класс в оценке этих уступок. Хорошо сидя в кабинете, вне жизни, относиться с величественным презрением и философским безразличием к практическим результатам текущей борьбы. Но каждая из таких якобы «мелочей» для согбенного под каторжным трудом пролетария составляет жизненный, насущный интерес; его подневольная жизнь стоит в гнетущей зависимости от сети этих мелочей, и, взобравшись на недостижимый революционный Монблан, с которого все эти уступки гроша медного не стоят и не заслуживают просвещенного внимания социалиста, можно добиться только одного: совершенно оторваться, отрезать себя от рабочих масс и даже заслужить их законное негодование. Да и каков же может быть единственный результат принятия этой, по-видимому, столь гордой формулы: «все или ничего»? Ведь хотим мы или не хотим, а если даже мы одной пропагандой, организацией и попытками сразу добиться власти возвысим активность, сплоченность и сознательность рабочих масс, мы помимо своего желания все-таки дадим толчок социал-реформаторской деятельности государства. Эта деятельность во всех случаях является ведь одним из попутных, побочных результатов общего роста силы рабочего класса и социализма. Итак, партия, которая бы говорила «все или ничего», фактически все равно в течение долгой эпохи вызывала бы к жизни своим косвенным влиянием лишь такого рода меры, из которых каждая не была бы ни «все», ни «ничто», а лишь «нечто». В сво-

ем мнимо-революционном великолепии эта партия лишь отстранилась бы от обдуманной, научной расценки всех этих «нечто». Массы она все равно не убедила бы, что для нее судьба и характер частичных уступок совершенно безразличны. Но, устранившись от реальной расценки благодаря огульному отрицанию, лишь затруднила бы для масс дело различения действительных уступок от мнимых — а следовательно, невольно облегчила бы для народных врагов дело втирания народу очков в глаза и выдачи мнимых уступок за действительные.

Но повторяю, теперь сторонников этой гордой формулы днем с огнем не отыщешь. Благодаря этому фактически **все** партии участвуют в текущей борьбе, помогают добывать частичные уступки, правильно расценивать их и т.д. А следовательно, фактически у всех у них имеется — хотя бы подразумеваемая — сумма требований, которые они считают полезными при наличности буржуазного государства. Эта подразумеваемая сумма, или программа, и служит для них непосредственным критерием социал-реформаторской деятельности государства или фабрично-заводских улучшений, предпринимаемых отдельными хозяевами. Чем менее данное улучшение расходится и чем полнее сходится с соответственным пунктом этой подсказуемой суммы, тем она желательнее и полезнее. Таким образом, фактически все партии стоят на точке зрения так называемой программы-минимум. Разница только в том, что некоторые на словах продолжают громить программы-**минимум** так, как будто бы они стояли на точке зрения «все или ничего». Стыдясь иметь официальную, обработанную, логически согласованную и стройную программу-**минимум**, они предпочитают иметь **официозную**, закулисную, подразумеваемую и находящуюся, так сказать, в сыром и бесформенном виде. Они при этом иногда так же мало подозревают, что стоят фактически на точке зрения программы-**минимум**, как мало подразумевал молюеровский «мещанин во дворянстве», что он всю жизнь свою говорил прозой. Или, точнее, они в своем отрицании программы-**минимум** как две капли воды похожи на тех обывателей, которые говорят, что не признают философии и руководятся простым здравым смыслом, — не понимая, что на деле они тоже имеют, как и все люди, свою философию, только смутную и зачаточную. Воображая себя большими «максимальными» революционерами, отрицающими программу-минимум, они имеют — только зачаточную и смутную, ибо пренебрегают ее разработкой и сведением, а потому во всех практических расчетах вынуждены поступать более эмпирически, а следовательно, более случайно, менее логично и принципиально. Такого рода «революционности» я, разумеется, не позавидовал бы, и ее я не пожелал бы для нашей партии.

Итак, я считаю твердо установленным, что вопрос о целесообразности той или другой меры или того или другого учреждения может решаться различно, в зависимости от того, идет ли речь об эпохе **после** или **до** завоевания политической власти социалистической партией; иными словами, что для двух этих эпох непосредственные критерии оценки различны. Конкретно это особенно ярко проявляется в том чрезвычайно осторожном отношении к центральной государственной

иности, которое характерно для нашей партии, отнюдь не склонной попадать в избитую колею «государственного социализма». Мы прекрасно понимаем, что как ни эволюционирует исторически государство, как ни изменялось оно, а тем не менее до сих пор в основе оно оставалось государством эксплуататоров, органом господства буржуазии и оплотом того частно-трудового строя, который для пролетария означает положение социальной зависимости, порабощения и бедствий. Как таковое оно резко отличается от трудового народного государства, которое поставит на общественно-правовой фундамент естественное человеческое право на существование, развитие и полноту жизни, которая является необходимым условием счастья. Государство первого типа всегда в корне остается прежде всего организацией насилия и репрессии, какую бы позолотой цивилизации она ни покрывалась; государство второго типа будет, напротив того, прежде всего закономерной организацией общественных сил для закреплённого нормами публичного права обеспечения основных потребностей личностей, составляющих общество. Соответственно этому в первом случае оно будет в руках господствующего — идейно или материально — буржуазного меньшинства, во втором же случае оно будет в руках представителей сознательной и солидарной грядущей массы. Естественно, что отношение наше к тому и другому различно. Для функций, которые мы можем доверить одному, другое может оказаться совершенно не подходящим. И потому — кстати сказать — наше опасливое отношение к центральной государственной власти в буржуазном режиме ничего не имеет общего с анархической боязнью государства. В будущем обществе центральные государственные учреждения будут играть ту крупную роль, какая естественно принадлежит им, как высшим координирующим органам народного самоуправления.

Однако при формулировке так называемых «минимальных» требований и при определении их содержания приходится считаться не только с тем, что ими непосредственно руководятся в текущей борьбе, происходящей в рамках государства, в котором у кормила правления стоят классовые враги рабочего народа. В связи с этим стоит другое обстоятельство: наличие частноправового хозяйственного строя, основанного на товарном обмене и конкуренции, а следовательно, строя, в котором огромную роль имеет **капитал**. Таким образом «минимальные» требования суть такие требования, которые способны всячески подрывать силу капитала и увеличивать силу труда в рамках досоциалистического, частноправового хозяйственного строя. Но для того, чтобы совершенно точно, не сбиваясь, понять это положение, чтобы не мешать его с каким-нибудь другим, на первый взгляд звучащим одинаково, необходимо прибегнуть к сравнительному методу и сопоставить нашу концепцию программы-минимум с концепцией социал-демократической.

Для социал-демократов программа-минимум есть программа требований, проводимых «в рамках буржуазного строя». Но для них эта программа получает иногда еще более близкое определение: «требования, **не затрагивающие** начал буржуазного строя». Эта, на первый взгляд, невинная перифраза на деле вовсе не так невинна и отражает в себе мно-

го такого, что для нас, как социалистов-революционеров, является абсолютно неприемлемым.

По соц.-дем. концепции, наступление социализма обеспечивается внутренней логикой капиталистического строя. Чем более развивается капитализм, чем полнее его началами пропитывается все общество, чем более развертываются они до своих самых крайних логических последствий, тем быстрее идет диалектическое самоотрицание этого строя, тем ближе придвигается перелом в сторону социализма. Приближение социализма прямо пропорционально развитию до своих естественных крайних результатов капитализма. Отсюда — двойственное отношение к капитализму как своеобразному «друговрагу» социализма и пролетариата. Необходимо его революционное уничтожение — когда он вполне закончил свою «историческую миссию» и сам себя исчерпал. Необходимо крайне бережное к нему отношение — пока этот момент еще не пробил. Чтобы исчерпать себя, он должен полнее развиться, и не препятствовать ему в этом, не замедлять, а скорее способствовать и ускорять это развитие — вот что будет в интересах рабочего класса. Отсюда и возникновение таких, на первый взгляд, странных и непонятных политических программ, которые на социалистическую партию готовы возложить, например, задачу содействовать активно «введению деревни в условия жизни, свойственные буржуазному обществу». Картинно я бы так охарактеризовал социал-демократическую концепцию: по ней пролетариат является естественным, единственным и законным наследником капитала; но всякий наследник заинтересован в непрерывном, беспрепятственном, возможно более крупном и быстром накоплении наследства; итак, ему невыгодно все, что ограничивает разрастание поля деятельности наследователя. Но наследник должен быть достоин своего наследства, должен суметь им распорядиться. На этих мотивах и построена социал-демократическая минимальная программа. Линия поведения, определяемая ею, совершенно ясна: ее характер — выжидательно-оборонительный. Недаром как-то Бебель³⁴⁹ на Бреславльском партийге³⁵⁰ заявил, что каждую меру он взвешивает с двух точек зрения: не повредит ли она непосредственным духовным и материальным интересам рабочих и не потревожит ли она хода капиталистического развития. Эта боязнь возмутить, потревожить спокойное развитие начал буржуазного режима, это бережное отношение к его интересам чрезвычайно характерно. Пусть колесница капитала шествует вперед в силе и славе своей, не вздумайте как-нибудь неосторожно помешать ей или закрыть для нее какую-нибудь дорогу или тропинку. Ждите, пока она сама вырастет яму, в которую упадет. Пока же этого не случилось, ограничивайтесь тем, что не менее старательно охраняйте моральное и физическое здоровье рабочего класса, этого наследника, спокойно, с большой выдержкой, выжидающего, пока наследство не сделается зрелым плодом, готовым упасть в протянувшиеся к нему руки.

Для нас, социалистов-революционеров, эта социальная философия несколько не соблазнительна. Мы не думаем, будто только и приходит света, что через капиталистическое окошко. Для нас единственное ог-

раничение широте революционного размаха содержится в количестве и качестве активных сил, соорганизованных в социалистическую армию: а она, по нашему мнению, может вербоваться не только из пролетариата капиталистической промышленности, но также из самостоятельных, некапиталистических производителей. Поэтому для нас не существует того другого ограничения, тех других рамок революционному «деланию», которые существуют для социал-демократов, — т.е. недостаточной зрелости самого капитализма, как такового. Мы не считаем себя не призванными содействовать его созреванию, ни обязанными дожидаться его. Везде, где мы считаем возможным по соотношению активных революционных сил, мы готовы стремиться ограничить площадь всевластия капитала: так мы стремимся изъять землю из-под господства частнопроводного режима. В борьбе против буржуазной эксплуатации рабочих мы также не считаем нужным останавливать руку на полуразмахе из опасения подорвать или «потревожить» естественный ход развития капитала. Соц.-демократы выступают против капитала **революционно** лишь с момента естественного довершения капиталом его миссии; до этого момента они относятся к капиталу строго эволюционно, пассивно оборонительно, частью даже с «сочувственным нейтралитетом», если не с прямой поддержкой (что делаешь, делай скорее). Мы же считаем возможным теперь же относиться к капиталу революционно. В нашей рабочей программе это сказывается на том, что свои требования в пользу рабочих мы выставляем безотносительно к тому, насколько они соответствуют интересам дальнейшего развития капитализма. Так, мы выставляем требования минимальной заработной платы, отвергаемое с.-д.-тами, в качестве противоречащего основным интересам развивающейся индустрии; так в ней же требование сокращения рабочего времени не ограничиваем границей 8-час. рабочего дня, а выставляем сокращение его до крайнего логического предела, т.е. в пределах прибавочного рабочего времени и т.д. Социал-демократы в своей программе вынуждены совместить, примирить два критерия: интересы развития капитала и интересы духовного и физического здоровья рабочих. Но так как интересы эти не являются абсолютно совпадающими, то вся программа выходит компромиссом между двумя этими началами. Наша программа, наоборот, в своей основе едина и целостна. Как революционные социалисты мы преследуем **только** интересы рабочего населения, исходим только из его права на существование, требуем везде, во всех областях социальной жизни в максимальном объеме всего того, что еще до перехода власти к социалистической партии и до уничтожения частнопроводной основы хозяйства может реализовать это право. Там, где эти требования и практические попытки в смысле их осуществления пойдут вразрез с интересами развития капитала или будут подрывать его основы, — тем хуже для капитала. Но на его «выучку» и на его творческие силы всецело и исключительно своих надежд и чаяний мы не возлагаем; где обобществление труда и собственности не совершается или недостаточно совершается под эгидой капитализма, там оно должно быть совершено и будет совершено снизу,

непосредственной творческой работой самой рабочей массы: мы не думаем, чтобы последнюю в элизим социалистического строя можно вогнуть только крепкой капиталистической дубиной. Итак, мы не только имеем и не можем не иметь так наз. программу-минимум: мы имеем еще своеобразную, **революционную** концепцию ее; требовать отказа от программы-минимум, значит требовать отказа и от этого идейно-теоретического своеобразия нашего, требовать нашего частичного идейного **обезличения**. (Аплодисменты.)

Объявлен перерыв до вечера.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Заседание открыто председателем **Дружининым**, доложившим о том, что на съезде находятся четыре новых делегата: трое от Северо-Западной области (от Виленского, Смоленского и Гомельского комитетов) и один от Самарского комитета.

Тов. **Новгородцев** (к порядку). Предлагаю, чтобы уезжающие делегаты перед отъездом передавали свои голоса, чтобы результаты голосования не теряли своей авторитетности.

Предложение это собранием принято.

Председатель открывает прения по той части программы, которая касается рабочего законодательства.

Тов. **Базаров**. У нас вышло недоразумение; вчера решено было не подвергать обсуждению вопрос о программе **максимум** и **минимум**. Я за это не голосовал. Позже решено было поднять прения по этому вопросу в рамках рабочего законодательства. В столь узких пределах мое обоснование минимальной программы не может иметь места. Если бы собрание пожелало открыть прения, то следовало бы открыть их во всей полноте. Но вряд ли удобно поднимать этот вопрос теперь на собрании, так как прения будут вращаться вокруг отвлеченных теоретических вопросов; неудобно это, наконец, делать уже после того, как данная часть программы принята собранием. Я должен сказать, что весьма неохотно называю себя максималистом. Я минималист, но кладу в основание минимальной программы другой принцип. Предложение мое сводилось бы к следующему: вопрос этот, ввиду его сложности, оставить так, как он есть; в партийной нашей литературе он почти не подымался; лично я не имел возможности познакомиться с литературой т.н. дискусионистов. Я предлагаю открыть по данному вопросу дискуссии на страницах нашей партийной, а не какой-нибудь дискусионистской, «отщепенской» литературы.

Тов. **Тучкин** (к порядку). Предложение тов. Базарова можно было бы принять, если бы другие представители максимального течения держались того же взгляда, так и тов. Базаров. Ввиду же того, что на съезде есть представители различных течений максимализма, то им надо дать высказаться.

Тов. **Норринг** указывает на раскол в партии, делающий невозможною совместную работу с максималистами.

Тов. **Васильев** подкрепляет слова Норринга ссылками на факты, имевшие место в Северо-Западной области.

Тов. **Новгородцев** указывает на совершенную невозможность сколько-нибудь планомерной партийной работы, благодаря междупартийным трениям; вся энергия уходит на споры, и организация не может расти; получается не организация, а дезорганизация.

До чего дошло дело, можно судить по примеру смоленского рабочего союза, принявшего перед областным съездом резолюцию, идущую совершенно вразрез с партийной программой и заключающую в себе явно анархические тенденции, как, например, резко отрицательное отношение к парламенту и программе-минимум и признание частной экспроприации частных капиталов. При таких условиях гораздо лучше расколоться, чем чувствовать себя в положении двух каторжников, прикованных к одной тачке.

Тов. **Тучкин**. Не следует смешивать программных разногласий с вопросами практическими, относящимися к области партийной дисциплины. Необходимо разграничивать различные течения, существующие в среде, т.н. максималистов. Нужно заметить, что группа Устинова³⁵¹ в данный момент фактически вышла из партии и призывает всех с.-р. перейти в группу революционных социалистов. Незачем вместе обсуждать вопрос о максималистах и дискусионистах; это — вещи разные. Обсуждение вопросов, поднятых Норрингом, Васильевым и Новгородцевым, необходимо отнести к области партийной дисциплины, хотя я не отрицаю известной связи между теоретическими воззрениями дискусионистов и их практическим поведением; из анархического мировоззрения вытекает и подчинение партийной дисциплине.

Тов. **Горецкий** присоединяется к мнению тов. Тучкина.

Тов. **Карский** вносит резолюцию, которая принимается большинством.

Резолюция тов. **Карского**. Ввиду намечающихся в партии различных течений по вопросу о построении программы-минимум и социализации (муниципализации) фабрик и заводов и принимая во внимание важность и серьезность этих вопросов и вместе с тем их полную неразработанность в литературе и невыясненность для большинства членов партии, съезд постановляет открыть в партии и партийном теоретическом органе самую широкую дискуссию по этим вопросам и пригласить Центральный и местные комитеты принять необходимые к тому меры.

Тов. **Тучкин** читает часть программы, относящуюся к рабочему законодательству.

Тов. **Порошин**. Тов. Тучкин пытался здесь разрешить социальную проблему и при ее разрешении определить те начала, на которых зиждется наша программа. При этом он провел резкую разграничительную черту между двумя периодами, эпохами истории человечества, соответственно которым наша программа и должна, по мнению тов. Тучкина, распадаться на две части, максимальную и минимальную. Первая эпоха, нами переживаемая, есть эпоха буржуазно-капиталистической эксплуатации труда и разделения общества на классы, эпоха буржуазного существования человечества; за ней следует, после некоторого времен-

ного, переходного периода, эпоха социалистического творчества, характеризующаяся уничтожением эксплуатации частной собственности и вместе с тем деления общества на классы. На первую, буржуазную, эпоху рассчитана программа-**минимум**, на последнюю — программа-**максимум**. При этом, касаясь программы-**минимум**, тов. Тучкин старался показать, какое существенное различие существует между нами и социал-демократами в деле ее построения. с.-д., возлагая все свои надежды на капиталистический процесс, который логическим, имманентным развитием своих характерных черт и особенностей «должен» дойти до самоотрицания и затем уступить место другому процессу; последний, в соответствии с теорией «развития путем противоречий», прямо противоположен предшествовавшему ему, устанавливая «свободу» на месте «необходимости», кооперативно-трудовое начало на месте начала буржуазно-капиталистического. Вместе с тем процесс капитализации есть **единственный** путь создания необходимых для существования социализма производственных и экономических условий, высокого развития и роста производительных сил и обобществленного в крупной капиталистической кооперации труда. Взглядом на капитализацию как на единственный путь к социализму и обусловливается та осторожность, я бы сказал, бережность, с какой с.-д. относятся ко всему, так или иначе касающемуся спасительного капитализма. На всякую общественную реформу они смотрят сквозь призму выгод или невыгод для господина Капитала, как это и заявил откровенно, до неосторожности откровенно, Бебель на Дрезденском партийге. Правда, с.-д., заботливо оберегая дело буржуазной реформы, быстро наполняющей или стремящейся быстро наполнить общественную ванну грязной водой капиталистической эксплуатации, не забывают и об освобожденном от орудий производства ребенке, которому грозит опасность погибнуть, опасность, иногда или часто весьма серьезная. Двойственностью симпатий с.-д. к имеющей столь очистительное значение грязной воде и одновременно к находящемуся в опасности быть захлестнутым этой самой грязной водой ребенку определяется их противоречивая, убийственная тактика и поведение: нужно радеть о свободном течении капиталистического процесса, но не нужно забывать и о пролетарии. Тов. Тучкин справедливо отмечает то, что такой двойственности для нас, с.-р., не существует, так как у нас нет симпатий к одному из объектов социал-демократической заботливости — к капитализму, как к чему-то очистительному и всеспасающему. Поэтому у нас при построении программы-**минимум** и исключается всякая забота о нуждах капитализма. Я хотел бы указать на некоторые другие различия между нами и с.-д. в вопросах программного строительства. с.-д. все свои надежды возлагают на пролетариат как на единственный способный к восприятию социалистических идей класс; ввиду сравнительной малочисленности этого класса у с.-д. вопрос о торжестве социализма, кроме всего, связан еще и с тем, достигнет ли и когда достигнет этот класс численного преобладания в массе всего населения. Пролетариат, как порождение капитализма, численно растет в процессе развития последнего, от чего и зави-

сит пролетаризация широких масс и создание необходимой для социалистического переворота силы. Для нас, с.-р., дело обстоит несколько иначе. Кроме пролетариата, мы в социалистическую армию включаем трудовое крестьянство, так что необходимая для социалистического переворота численная сила имеется у нас налицо и в настоящее время, так что решение вопроса зависит от чего-то другого. От чего же? Рабочий класс, включающий и пролетариат и крестьянство, имеет численное преобладание в массе населения, и сила, кроющаяся в нем, вполне достаточна и теперь для коренного переустройства всех существующих порядков на новых социалистических началах, и только некоторые неблагоприятные обстоятельства, отнюдь не технико-производственного характера, являются препятствием к этому. Таким неблагоприятным обстоятельством является бессознательность масс, отсутствие у них ясного понимания своего классового положения классовой противоположности буржуазии и возможных путей освобождения от капиталистической эксплуатации. Развитие классового сознания рабочего класса представляет собой тесно связанный с характером конкретной обстановки момента процесс, заключенный в строго детерминистические рамки. Наша задача, как сознательного меньшинства, и заключается в стремлении к идеалу полной сознательности рабочего класса путем наивозможного большего приближения к этому идеалу. Орудиями воздействия на массы является у нас пропаганда и агитация. Пропаганда есть орудие воздействия на ум пропагандируемого, на его мирозерцание; при ее помощи мы стремимся изменить взгляды масс в сторону, приближающуюся к нашим собственным взглядам; нашей пропагандой мы делаем социалистов, но мы социалисты-**революционеры** и должны сделать социалистов — революционерами. Для этой цели мы и прибегаем к агитации. Мы стараемся подействовать агитацией на волю слушателей и вызвать их на определенные действия. Накопленную пропагандой умственную энергию мы переводим в волевую, в энергию волевого импульса, активного действия. Но здесь замечается странное явление, не вяжущееся с законом сохранения энергии. Старые товарищи не весь запас накопленной умственной энергии переводят в эмоционально-волевою, оставляя некоторую часть в скрытом, пассивно-неподвижном состоянии. Проявляется это в следующем, проводимом ими в своей революционной работе правиле: программа-**максимум** — для пропаганды, для перестройки мирозерцания; для агитации же, для призыва к действиям — нечто меньшее, программа-**минимум**. Но почему старые тов. разрывают пропаганду и агитацию на две разноценные части, чем оправдывают эту двойственность? Главное оправдание в следующем. До перехода власти и господства в руки социалистических сознательных масс нужно считаться не с тем, что должно, желательно осуществить, а с тем, что можно осуществить. До тех пор, пока фактически еще жив буржуазный строй, нужно добиваться того, что осуществимо в рамках этого строя. Я согласен с тем, что до уничтожения буржуазных порядков при оценке реальных фактов и мыслимых в данном положении результатов нужно считаться с ними как с фактами буржуазного

порядка, потому что самое-то условие уничтожения буржуазных порядков предполагает, что эти порядки положат свой буржуазный отпечаток на все явления жизни данной эпохи.

Тов. **Поступаев**³⁵³ предлагает поправки: 1) заменить слова: «освободительная борьба» словами: «борьба за социализм», 2) внести пункт о полном воспрещении сверхурочных работ в видах удобства агитации и 3) выражение: «участие во внутренних распорядках» заменить выражением: «участие в управлении промышленными заведениями», как более широким.

Тов. **Норринг**. Широкую терпимость в программных разногласиях я всегда считал неотъемлемой чертой большой народной партии, в том числе и П.С.-Р. потому что она стремится стать таковой. Несмотря на это, я считаю совместную работу с социализаторами, максималистами, дискуSSIONИСТАМИ, или как их еще там называют, невозможной. Нас разделяют не программные разногласия, а основные принципы духа партии. Мы всегда утверждали, что в основе духа П.С.-Р. лежит не только самоотвержение, не только боевая готовность, но и трезвый, глубокий анализ действительности. Эту действительность с.-р. не приносят в жертву никакой схеме, никакой доктрине. Максималисты и дискуSSIONИСТЫ являются революционными романтиками и утопистами. Они считаются только со своими желаниями, а не с действительностью. Поэтому они на каждом шагу приходят с нами в столкновение, начиная с организационных и кончая программными вопросами. Они не практики, а утописты. В том, что пагубное анархистское течение примесилось к П.С.-Р., виновато и большинство наших партийных деятелей. В понятие о насильственном захвате земель они вложили анархическое содержание. Земельная анархия и аграрное движение имеют только боевое значение. Они должны сломить сопротивление землевладельцев аграрной реформе, но говорить о прочном захвате крестьянами земель и об удержании и обработке их, как последствиях отдельных революционных актов есть анархическая утопия. Многие из наших агитаторов делали это, и нет ничего удивительного, если другие с.-р. в городе пошли в этом направлении еще дальше.

Я предлагаю партии самым решительным образом очиститься от всех этих анархистских течений. Иначе ей грозит опасность из революционной народной партии, глубоко влияющей на народную жизнь, превратиться в кружок беспочвенных революционных романтиков и утопистов.

Тов. **Базаров**. Я не предполагал говорить, но тов. Норринг вынуждает меня к этому. Он экспроприировал дух П.С.-Р. в свою пользу и обрисовал его в таких чертах, в каких он вовсе не проявлялся. По его мнению, социалисты-революционеры своим участием в аграрном движении создают анархию, предполагая, что она окажет давление на помещиков и вызовет уступки с их стороны. Такого взгляда, между прочим, держится буржуазная интеллигенция (не владельческая), которая только в этом и видит положительную сторону движения; эти люди не понимают нас. С.-р. удерживают крестьян от стихийных вспышек, стараются организовать крестьянство, насколько возможно, и перевести

аграрное движение в революционный организованный захват земли. (Аплодисменты.)

Тов. **Тучкин**. Я не буду останавливаться подробно на речи тов. Порошина. В общем, он против своей воли сказал комплимент нашей программе, подтвердив ее революционное значение. Он изобразил ее положительное значение в таких ярких красках, что этого трудно было ожидать и странно слышать от максималиста. Не нужно преувеличивать значение социализации; при ней в деревне до рая будет далеко и эксплуатация там не уничтожится окончательно; капитал всегда сумеет найти дорогу в деревню и взять там свое; кроме того, теперь нет такого равновесия между городом и деревней, которое могло бы привести к отливу рабочих рук из городов в деревни. Тов. Старков преувеличивает значение таможенных пошлин; безусловно, после отмены их падут искусственно созданные отрасли промышленности, но зато взамен их появятся новые, соответствующие природным и экономическим условиям; таможенные пошлины, благоприятствуя одним отраслям промышленности, угнетают другие, напр. пошлины на железо. Таможенные пошлины вообще приводят промышленность к ожирению, к ее дряблости, развращают капитал. Сейчас многие отрасли промышленности не развиваются за отсутствием внутреннего рынка; социализация земли создаст последний. Еще раз повторяю, что дело обстоит вовсе не так, будто есть равновесие между городом и деревней; теперь уровень последней ниже городского, а потому улучшение условий приложения труда в деревне не нарушит равновесие, а восстановит его. Теоретическая обосновка тов. Порошиным программы-**минимум** давала повод ожидать от него более крупных изменений в практической ее части; он же удовлетворился предложением заменить слова: «сокращение рабочего времени в пределах прибавочной стоимости» словами: «сокращение рабочего времени вплоть до полного уничтожения прибавочной стоимости»; но ведь это простая перефразировка. Тов. Порошин думает, что уничтожение прибавочной стоимости есть то же самое, что социализация фабрик и заводов, но социализация есть планомерная организация общественного производства; до момента ее наступления мы не дорожим ни одним процентом капитала и не ставим никаких границ минимуму прибавочного труда.

Тов. **Порошин**. Я предлагаю уничтожение прибавочного труда в революционное время.

Тов. **Тучкин**. Товарищ ошибается; это неверно. Результатом уничтожения прибавочного труда будет лишь то, что фабрики перестанут существовать на капиталистических началах, и нельзя их уничтожить взрадробь. Социализация фабрик опирается на регулярный принцип народного хозяйства, на учтенные и расцененные народные потребности. Только там, где это есть, возможна социализация фабрик и заводов. Но кооперация с товарным обменом возможна; только она далеко не социализация; это одно из величайших теоретических заблуждений.

Я не против первых двух поправок тов. Поступаева, если это так важно в пропагандистских целях; заменить же фразу: «участвовать в

распорядках...» фразой: «участвовать в управлении...» нахожу неудобным. Если понятие «распорядок» узко, то понятие «управление» широко; оно обычно в командите, где власть хозяина кончается за порогом фабрики. Управление фабриками может быть неприемлемо социалистами-революционерами, так как капиталисты прибегают к политике разделения рабочих, привлекая некоторых из них к участию в прибылях и к распоряжению ими. Я предлагаю внести такое изменение — сказать: «участвовать во внутренней организации труда».

Тов. **Зимин** читает следующую резолюцию Тульского комитета:

«Большинством голосов (против $\frac{1}{4}$ состава) комитет высказался против включения в программу-**минимум** социализации фабрик и заводов как решительного и определенного требования. Однако комитет (большинством против другой $\frac{1}{4}$ состава) полагает, что социализация фабрик и заводов может быть включена в программу, но не как *fixum*³⁵⁴, не как непреложное требование, а как известная возможность при тех или иных условиях, в тех или других предприятиях, территориях и отраслях производства, может быть включена при сохранении, конечно, всех пунктов минимальной рабочей программы».

Ввиду того что съезд не признал императивных мандатов, поддерживать это мнение я не буду, так как сам на такой точке зрения не стою.

Затем он предлагает поименное голосование по вопросу о социализации фабрик и заводов, чтобы выяснить, в каких организациях и областях преобладает течение в пользу последней.

Тов. **Старков** указывает, что не все комитеты прислали на съезд представителей, согласных с мнением большинства.

Тов. **Базаров**. Голосование это не даст ничего. Я лично опрашивал, и люди, склоняющиеся к максимализму, говорили, что голосовать не стоит, так как они не выскажутся из соображений тактических.

Тов. **Тучкин**. Я не касаюсь тех тактических соображений, которые заставляют голосовать против своих убеждений, но важно знать, какие течения существуют в комитетах. Делегат может держаться иной точки зрения, чем пославший его комитет. Напр., в Московском комитете всего двое максималистов, и один из них был избран делегатом.

Тов. **Базаров** дает личное объяснение. Он говорит, что под тактическими соображениями он понимал, что мнение партии еще не определилось, вопрос в партийной литературе не разработан и убеждения их не окристаллизовались.

Тов. **Железовский**. Такие товарищи воздержатся от голосования, и я поддерживаю предложение тов. Зимина.

Тов. **Зимин**. Пусть каждый голосующий объявит, чье мнение он высказывает: свое или делегировавшей его организации, и тогда получится полная картина.

Председатель ставит на вотум вопрос о желательности поименного голосования предложения тов. Зимина. Большинство (25 гол.) решено голосовать предложение тов. Зимина. Из опроса делегатов выяснилось, что ни один из представленных на съезде комитетов не стоит за включение в программу-**минимум** социализации фабрик и заводов.

Тов. **Тучкин**. Теперь другой вопрос: не известно ли присутствующим о существовании комитетов, которые стоят за включение социализации фабрик и заводов в программу-минимум?

Тов. **Васильев** и другие указывают на Белостокский комитет.

Тов. **Порошин**. И Минский комитет также. (Протестующие голоса.)

Председатель делает поименный опрос личных мнений делегатов. За социализацию фабрик и заводов был подан один голос. (Тов. Порошиным).

Тов. **Базаров**. Видите, как нецелесообразно было голосование.

Тов. **Тучкин**. Нет, это было важно. Только один Белостокский комитет оказался приверженцем максимализма, между тем как максималисты заявляли, что именно они являются П.С.-Р., а не мы. Теперь мы видим, насколько это справедливо.

Председатель ставит на голосование две первые поправки тов. Поступаева, которые приняты единогласно, и поправку тов. Тучкина, принятую большинством против одного. Поправка тов. Тучкина выражена следующим образом: «Прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутренней организации труда в промышленных заведениях».

Тов. **Горецкий** предлагает сделать поправку в тексте программы: на стр. 12-й в седьмой строке отбросить слово «детей» потому, что в нашей программе содержится запрещение труда до 16 лет. Поправка эта принята единогласно.

Резолюции товарищей Новгородцева и Еленина³⁵⁵ собранием отнесены к категории разных вопросов.

Рабочая программа в целом принимается большинством при четырех воздержавшихся.

Тов. **Тучкин** читает финансовую часть программы.

Тов. **Грибовский**. По вопросу о широком государственном кредите я нахожу, что он необходим и для крестьян и для рабочих. Центральный орган сможет обсудить их нужды, но никогда это не под силу земству и общине.

Тов. **Карский**. Я предполагаю возможность, что после удачной революции нужны будут громадные средства для переселения и приспособления крестьян на земле. И им нужен кредит.

Тов. **Тучкин**. Это вопрос невыясненный. Лично я считаю желательным общинный и земский кредит. Если у земских и областных органов самоуправления не хватит средств, то надо поднимать вопрос об ассигновке из общегосударственных сумм, а распоряжение этим кредитом оставить в руках земства. Вопрос о кредите я рассматриваю в следующем пункте программы.

Голосование всей программы, которая и принята большинством против одного воздержавшегося.

Тов. **Тучкин**, прочитав муниципальную и земскую программу, говорит: Я считаю этот вопрос важным в нашей программе; мы здесь можем внести новый вклад в международный социализм. Конкретизации в этом вопросе быть не может, и обычно намечаются лишь одни директивы. В Англии, Германии, Франции, Италии и в особенности в Бельгии и Голландии вырабатывается коммунальная программа съездами

представителей различных отраслей труда под контролем партийтагов. Для нас особенно важное значение имеет сельская коммунальная программа (общинная и товарищеская обработка земли, мелкий кредит и земско-агрономическая помощь). Мы не должны входить в детали, потому и не оговорено было о кредите. Вопрос состоит в том, как предоставить возможность безлошадным, безхозяйственным прилагать свои силы к земле. Здесь возможно вставить вопрос о кредите. Для города намечен путь политики муниципалитетов, особенно для жилищного вопроса. Что касается развития коопераций, то для них нужно требовать политики на демократических началах. Государство часто берет под опеку; для нас важно, чтобы государство не ставило препятствий. Важно уничтожить посредничество, отдавая преимущество сдачи подрядов артелям. Кооперации внутри капиталистического общества поставлены в неблагоприятные условия. Они должны существовать на тех же началах, как и капиталистические. Они живут в атмосфере торгашества, которая смертельна для производительных коопераций. Вот почему эта проблема становится на новое начало. Она рассчитана на организационное потребление, на учтенный рынок.

Тов. **Новгородцев**. После разъяснения докладчика ясно, что нужно в тексте вставить фразу «кооперации на трудовых началах».

Тов. **Грибовский** предлагает свою резолюцию.

Тов. **Тучкин** читает свою поправку.

Тов. **Медведев** настаивает, чтобы кредит был распространен на всех нуждающихся, независимо от того, состоит ли человек в товариществе или нет.

Тов. **Тучкин**. Необходимо вставить: «преимущественно». Не в наших интересах поощрять индивидуальные стремления в хозяйничании. Ведь мы признаем, что развитие трудового хозяйства наиболее возможно при сочетании сил. Нам нужно же будет в конце-то концов увеличить емкость территории.

Поправка тов. Тучкина ставится на голосование и принимается.

Тов. **Князев** предлагает заменить в тексте слова: «П.С.-Р. **начиная борьбу**» словами «ведя борьбу».

Голосование поправки заканчивается принятием ее.

Тов. **Карский** предлагает отбросить в пятом пункте программы вторую часть, предостерегающую рабочих от государственного социализма, находя, что это отзывается необоснованной боязнью государства, которое, безусловно, будет демократично, ибо буржуазное государство никогда не проведет социализации земли.

Тов. **Соломин** протестует против этого предложения. Исключение этой строки идет против всего духа партии.

Тов. **Тучкин** стоит за удержание этой части программы, находя, что все возражения т. Карского направлены мимо цели. Здесь именно имеется в виду государственный капитализм, который, например, проводится министерством Витте³⁵⁶.

Голосованием поправка отвергается.

Тов. **Невский** предлагает вместо рабочей программы поставить аграрную как центральную в нашей программе.

Тов. **Тучкин**. Мнение комиссии таково: в начале политическая программа, потом финансовая, рабочая, земельная, муниципально-земская и дальнейшая национализация.

Голосует и принимается порядок, предложенный комиссией.

Объявляется перерыв.

Тов. **Снегов** предлагает заменить фразу «ведя борьбу с самодержавием» более широким: «ведя борьбу с современным режимом».

Поправка принимается собранием.

Перерыв

Председатель (Шевич) читает доклад комиссии по вопросу об Интернациональном Социалистическом Бюро: В своем докладе я вынужден быть очень кратким. Социалистическое движение в России всегда было самым тесным образом связано с международным рабочим движением. Интернационал времен Бакунина и Маркса играл не малую роль в самом возникновении социалистического движения в России, и целые течения русской революционной мысли, возникая на почве потребностей русской жизни, вдохновлялись борьбой фракций, происходившей внутри Интернационала, и питались духовно их идеями. Объясняется это тем, что вообще развитие научной мысли и экономических сил в различных странах в течение второй половины XIX в. стало все более и более носить и носит международный характер.

После подавления Парижской коммуны Интернационал, как формальная организация, распался. Социалистические партии национализировались и развивались как бы вне всякой связи между собой. В каждой стране рабочее движение, кроме того, как бы распалось на два отдельных течения. С одной стороны, профессиональное рабочее движение в тесном смысле этого слова, преследовавшее чисто экономические интересы; с другой, политическое, парламентское течение, ставившее себе явную или скрытую целью добиться результатов путем мирного участия в законодательстве каждой страны. Оба течения, развиваясь, то независимо одно от другого, то враждебно отталкиваясь, и лишь изредка в тесной, солидарной связи, пришли самым ходом вещей к необходимости международного соглашения. Мы видим возникновение международных союзов углекопов, рабочих металлургического, текстильного производства, портовых рабочих и т.д., которые, независимо от каких бы то ни было социалистических партий, съезжаются на международные съезды для выработки общих резолюций, касающихся рабочего законодательства, в частности 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, создания международных касс для поддержания в отдельных странах стачек, бойкотов и т.д. А с другой стороны, мы замечаем, как потребность одновременных законодательных мер в парламентах разных стран, сокращение рабочего дня, срока военной службы и вообще борьба против эксплуатации рабочего класса капиталом или государством заставляет национализированные социалистические партии сблизиться на международных конгрессах. Первым конгрессом этого рода после Парижской коммуны был международный съезд в Париже 1889 г.³⁵⁷ На нем от русских социалистов, придерживавшихся на-

правления народовольцев, был Лавров. Между прочим на этом съезде было постановлено праздновать во всех странах ежегодно 1-е мая, которое стало, таким образом, одним из конкретных символов, объединяющих социалистов всего мира. В этот день социалисты всего мира напоминают правящим классам своими однородными требованиями 8-часового рабочего дня и всеобщего мира об объединении эксплуатируемых и угнетенных всего мира на почве борьбы против эксплуататоров и угнетателей всего мира. Аргументы, которые развивают пропагандисты и агитаторы всех стран, доказывают, какое глубокое единство существует в сознании социалистов всего мира относительно как причин экономического и политического угнетения, так и конечной цели. На втором международном съезде в Брюсселе³⁵⁸ была принята резолюция относительно войны. На следующем съезде в Цюрихе³⁵⁹ присутствовали только С.-Д., а народовольцы прислали письмо, подписанное Лавровым. То же и на Лондонском конгрессе³⁶⁰. На последнем принята резолюция против допущения анархистов. На Парижском конгрессе³⁶¹ 1900 г. присутствовали две фракции социал-демократической партии, три социалиста-революционера заграничного Союза С.-Р. и один представитель Группы старых народовольцев. Парижский съезд носил очень бурный характер, так как на нем решался вопрос о милитаризме, т.е. об участии социалистов в буржуазном министерстве. На этом вопросе обнаружилась потребность общих директив социалистической тактики, так как увлечение парламентаризмом и оппортунизмом грозило опасностью заслонить в сознании рабочего класса конечную цель, к которой стремится на почве борьбы классов все мировое современное социалистическое движение. Выработана и принята была довольно эластичная резолюция Каутского, специально имевшая в виду участие социалиста в буржуазном министерстве. На этом же конгрессе выработана резолюция относительно борьбы с шовинизмом и милитаризмом, резолюция, которой, к сожалению, не совсем строго подчиняются такие влиятельные партии, как немецкая социал-демократия. Постановлено было также учредить международное бюро, в котором будут представлены от всех стран по два делегата. Это бюро собирается раз в год. В промежутке между двумя съездами оно отправляет функции не то исполнительного органа, не то справочного учреждения. Оно выделило из себя исполнительный комитет, состоящий из делегатов Бельгии Анселя³⁶² и Вандервельда³⁶³ и постоянного платного секретаря.

Это бюро должно сосредоточивать все документы, касающиеся социалистического движения в разных странах и служить посредником в сношениях между различными партиями.

На пари́жском съезде 1900 г. обе социал-демократические фракции того времени — рабочеде́льцы и Гру́ппа освобо́ждения труда — получили право представлять все социалистическое движение в России в его целом.

Партия социалистов-революционеров возникла в 1901 г. Один из редакторов «Вестника Русской Революции», по поручению Центрального Комитета П.С.-Р. вступил немедленно в сношения с Бюро и сообщил ему о целях и тактике партии; через Бюро он рассылал всем пар-

тиям все документы партии, в том числе и прокламации Боевой организации. Ему же доставлялись краткие отчеты об издательской и боевой деятельности Партии. На Амстердамском конгрессе партия с.-р. добилась не без борьбы против с.-д. права представительства в МБ, права автономного голоса на международных съездах. Об участии партии в работах Амстердамского конгресса вы знаете из партийной литературы.

В январе 1905 г. делегат партии присутствовал первый раз на годичном собрании Бюро. На нем была востановлена резолюция в честь бойцов русских социалистических партий. Собрание главным образом обсуждало вопросы о реорганизации представительства на международных съездах, о перераспределении голосов для тех стран, в которых есть несколько социалистических партий, и о представительстве этих партий в Бюро. На этом же собрании был известный вам инцидент³⁶⁴ с представителем российской соц.-дем., инцидент, давший лишний раз повод присутствовавшим делегатам подтвердить, что международный социализм рассматривает нашу партию как автономную фракцию русского социализма.

Резолюция по вопросу о реорганизации представительства была отложена до следующего года, до января 1906 года, т.е. до заседания, которое должно произойти 20-го января. Внесено предложение Van Kol'я³⁶⁵ голландской партии, исправленное некоторыми другими странами. (Докладчик излагает предложение Van Kol'я и поправки Vaillant'a³⁶⁶.)

Второй вопрос, возбужденный в промежутке между двумя заседаниями Бюро, — это вопрос, неоднократно возникавший в течение этого года и формулированный в настоящий момент предложениями Вальяна и Жореса: вопрос о поведении социалистических партий на случай опасности возникновения войны.

(Докладчик излагает известное предложение французской секции и обмен мыслей, происшедший по этому вопросу внутри Интернационала.)

Наконец, Бюро было сильно занято вопросом о примирении двух враждующих фракций российской социал-демократической партии, и вопросом о допущении Бунда, Армянской социал-демократической партии и Латышской социал-демократической партии, и вопросом о распределении сумм, поступивших в Бюро в пользу жертв царизма. Бюро приняло предложение делегата П.С.-Р., поддержанное делегатом Российской Социал-Демократии.

Далее докладчик развивает ту мысль, что участие в качестве автономного и равноправного члена в Союзе социалистических партий мира обеспечивает за партией возможность влиять в духе своей программы на мировое социалистическое движение и кладет поэтому на нее большую ответственность. От нее обстоятельства могут потребовать не только участия в праздновании 1-го мая, но поднятия рабочих масс во имя какой-нибудь международной опасности, как война. Тогда обнаружится реальная степень ее общения с массами, ее влияния на сознательные и организованные элементы. Наш враг, царизм, пользуется желтым Интернационалом капитала, и на развалинах московского восстания уже расцветает союз французских, американских, немецких и

других капиталов для спасения русского самодержавия. П.С.-Р. должна поэтому жить в настоящем общении с Красным Интернационалом, расширяющим наши горизонты, укрепляющим наши позиции и заставляющим нас все точнее и точнее совершать процесс своего социалистического самоопределения и самопознания.

Закончив доклад, тов. Шевич предлагает две резолюции комиссии:

1) о реорганизации представительства на международных конгрессах и 2) по вопросу о войне.

1-я резолюция: Высказываясь за допущение всех организованных социалистических партий, признающих основные принципы международного социализма, на международные конгрессы с правом голоса, мы полагаем, что резолюция наиболее целесообразна.

П.С.-Р., ввиду силы своей организации, требует себе такого же числа голосов, какое будет дано Российской Социал-Демократической Партии, взятой в целом.

Что касается прав организаций других национальностей, кроме Финляндии и Польши, имеющих внутри международного социализма вполне законное и автономное положение, то, по мнению П.С.-Р., они должны также выделиться в отдельные автономные секции или группироваться для вотирования на съездах или для представительства в Международном бюро вокруг двух больших российских социалистических партий, уже представленных, и решать вместе с каждой из последних вопрос о распределении общего числа голосов.

2-я резолюция: Принимая во внимание, что современная война есть необходимый результат капиталистического строя, являясь столкновением классовых государств, руководимых имущими и правящими классами; принимая во внимание, что с точки зрения международного революционного социализма, законна и плодотворна лишь война социальная, т.е. борьба эксплуатируемых классов против классов эксплуатирующих, и что вне этой сферы допустима лишь законность защиты угнетенной национальности против угнетателя, — партия с.-р. объявляет войну войне и в случае возникновения столкновения между нациями будет всеми силами противодействовать вовлечению своей страны в братоубийственную войну, гибельно отзывающуюся прежде всего на трудящихся массах, и прибегать для этого к самым решительным средствам. П.С.-Р. принимает предложение делегатов французской секции и заявляет свою готовность делегировать своих уполномоченных всякий раз, когда обстоятельства этого потребуют.

Обе резолюции принимаются съездом единогласно, после чего воздвигается собранием благодарность председателю т. Шевичу за его глубоко интересный и поучительный доклад и деятельность в Интернациональном бюро, что принято при долгих и дружных аплодисментах.

Тов. Тучкин читает политическую часть программы и предлагает от имени комиссии внести в программу добавления: 1) «свободу передвижения; выбора рода занятий и коллективного отказа от работ для защиты своих интересов», хотя первые два добавления и подразумеваются, но ввиду того, что товарищи высказываются в том смысле, что та-

кая вставка будет полезна в целях пропаганды и агитации, особенно в Северо-Западном крае, где вопрос этот имеет особенную остроту; 2) наряду с пунктом о введении родного языка после слов «образования на государственный счет» вставить: «в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете на культурно-просветительные цели и распоряжения этими средствами по своему усмотрению».

Председатель докладывает, что на съезде находится вновь прибывший делегат от Елизаветградского комитета.

Тов. Уманский. Нужно оставить в программе выражение «право стачек».

Тов. Львов. Необходимо, чтобы в программу были включены однопалатность и вознаграждение народным представителям. Что же касается до предложенных прибавок о свободе передвижения и выбора занятий, то это лишнее; идя таким образом, придется и еще многое включить в текст программы.

Тов. Горецкий. Слова «для защиты своих интересов» следует выбросить из предложенной комиссией вставки, так как коллективный отказ может быть не только оборонительного, но и наступательного характера, и кроме того, он может быть применен в случаях защиты интересов других.

Тов. Железовский. Не следует детализировать программу, и потому от предложенных поправок надо отказаться.

Тов. Соломин. Прибавки, предлагаемые в интересах нашей работы в Северо-Западном крае, излишни. У нас много национальностей: армяне, тунгусы и т.д., для которых, быть может, тоже понадобятся разные оговорки. Свобода передвижения и выбора занятий охраняется общим духом программ.

Тов. Тучкин. Практическое дело важнее включения трех лишних слов, и потому нам следует удовлетворить требования наших работников, хотя предложенная вставка с методологической точки зрения, конечно, лишняя. Жалование депутатам, конечно, служит одною из гарантий, чтобы население могло иметь представителей из своей среды. Что же касается однопалатной системы, то бывают случаи, когда при федеративной системе имеется лишь подобие двухпалатности; одна из палат в таких случаях, не нося характера привилегированного, является учреждением, в котором отдельные автономные части страны решают свои местные дела. Поэтому предложение говорить в программе однопалатную систему принимать не следует.

Товарищ, предлагавший последнюю поправку, снял ее с востума. Голосуются предложения: 1) о жаловании депутатам; большинством против шести отклонено, чтобы не загромождать программы подробностями, которые сами собою вытекают из общих ее оснований; 2) выкинуть выражение «для защиты своих интересов» — принято большинством; 3) вставить предлагаемые комиссией требования «свободы передвижения, выбора рода занятий и коллективного отказа от работ» принято большинством.

Поставленная затем на востум вся политическая часть программы принимается собранием единогласно.

Тов. **Тучкин**. Предлагаемая съезду программа есть результат коллективной нашей работы. Я заметил, что после горячих споров спорные пункты принимались громадным большинством или единогласно; это указывает на то, что между нами существует окрепшая связь и при желании мы сможем найти такой пункт, на котором сойдемся. Всякая программа не есть что-либо неприкосновенное; она может быть лишь общим полем для деятельности. Не будучи раз навсегда святыней, она, как результат коллективной работы, — символ единства партии. Поэтому я приглашаю съезд принять ее, как результат коллективной работы, единогласно.

Тов. **Базаров**. Мои слова могли быть приняты съездом в том смысле, будто я отклоняюсь от проекта программы, и в имевшие здесь место дебаты о максимализме было внесено много страстности. Я скажу, в чем наши разногласия. Мы живем в революционный период и потому должны обдумать и разрабатывать поднятые здесь вопросы. Партия должна принять меры для расчистки дороги к социализму. Нет разногласия по существу, имеет место лишь различная оценка. И я не отрицаю, что известные директивы необходимы, пока партия — меньшинство среди буржуазных партий; директивы эти — программа-минимум. Вот к чему, товарищи, сводится моя ересь. Но ведь это не ересь; это решение задачи, выдвигающейся в данный момент. Мы будем работать вместе. Я не считаю своего своеобразия чем-то таким, чтобы меня отличало от тов. Тучкина. (Аплодисменты.)

На голосование ставится вся программа целиком и принимается всем собранием при одном воздержавшемся (тов. Порошин).

Председатель тов. Шевич. Наша партия имеет свою программу. Эта незаконная сожительница, с которой вы уже жили пять лет, стала теперь законною женою. Надеюсь, что любовь будет все возрастать и что не будет ударов жизни, которые случаются и в законном супружестве.

Товарищи! Программа эта написана кровью наших товарищей, соками наших собственных нервов. Она спаяла нас в одну дружную семью борцов, которая не должна распадаться. Это не символ веры, но символ единства между нами, символ единства между нами и трудящимися.

Этот символ вы приняли в исключительный момент русской революции. (Аплодисменты.)

Позвольте мне предложить съезду благодарить человека, молодого гиганта, который пять лет несет на своих плечах всю тяжесть теоретической разработки нашей программы. (Несмолкаемые, дружные аплодисменты.)

Слово дается докладчику от комиссии по выработке Организационного устава.

Тов. **Невский**. На съезде мнения по вопросу организационному, как известно, разошлись; пришлось образовать особую комиссию. В комиссии мнения тоже разделились; одни стояли за чисто демократическое начало, другие за централизацию, и наконец, третьи держались среднего взгляда. Нельзя создать постоянный устав в наше переходное время, и комиссия дает собранию только проект устава временного. Не пред-

решая, ввиду разнообразия в оценке момента на местах, организациях первичных, комиссия устанавливает только принцип этих организаций, совершенно не трогая деталей. Для организаций же более центральных дан и план их, даны более или менее детали.

Вотируется предложение приступить к частичному обсуждению проекта Устава, что и принимается собранием. Прения ограничиваются тремя ораторами по каждому отделу с правом говорить каждому по три минуты и только против Устава.

Тов. **Невский** докладывает первый пункт Организационного устава.

Тов. **Красова**. Я не согласна с данным в Уставе определением понятия «член партии». Думаю, что члены партии не только члены организации; таковы, например, сельские учителя.

Тов. **Радин**³⁶⁷. Определение Устава пригодно только для подпольной организации и подпольной работы. Мне кажется, что член партии — каждый разделяющий ее программу и тактику и оказывающий ей какие-либо услуги. Тогда под наши знамена придут многие.

Тов. **Зимин**. Присоединяюсь к предложению тов. Красовой. Но сверх того необходимо внести принцип самообложения. Особенно теперь, когда происходит сильная общественная дифференциация. Мы радуемся этой дифференциации, но нам приходится жить только на свои средства.

Тов. **Железовский** (как член комиссии). Вводя принцип, комиссия исходила из основного момента всей нашей организации. Поэтому нельзя ввести определение «всякий работающий под контролем партии». Тов. Красова указала, как на пример на сельскую учительницу, но мы должны позаботиться, чтобы такая учительница как можно скорее вступила в нашу организацию. Предложения тов. Радина не следует принимать. Не следует же заключать в члены партии каждого, кто, положим, доставит нам квартиру. Принцип самообложения, разумеется, сам собой, но неудобно ставить принадлежность к партии в зависимость от денег. Если у наших товарищей есть деньги, они, конечно, будут давать их; если денег не будет, конечно, мы не будем их требовать. Голосуются предложения. Предложение тов. Красовой отвергнуто (12 гол. за, 45 гол. против); предложение тов. Радина отвергается всеми против двух, и предложение тов. Зимина отвергается всеми против трех.

Докладчик тов. **Невский** читает второй пункт Устава.

Тов. **Красова**. Выборное начало принципиально должно быть поставлено таким образом, чтобы оно фактически не сводилось на нет. Так может случиться, если мы допустим неограниченную кооптацию. Возможен случай, что выбран один, а все остальные будут кооптированы. Необходимо поэтому установить число выбранных и ограничить число кооптированных членов.

Тов. **Нижегородский**. Право кооптации следует оставить, оставить навсегда. Есть очень ценные люди, которых может и не знать масса. Их необходимо иметь в организации, и они не пройдут иначе, как через кооптацию. Но число кооптированных не должно быть больше числа выбранных.

Тов. **Львов**³⁶⁸. Если выбранные арестованы, то кооптация может идти дальше. Следует это оговорить в Уставе.

Тов. **Новгородцев**. Право кооптации нужно ограничить тем, чтобы число кооптированных не превышало половины общего числа членов организации.

Тов. **Невский**. Все говорившие здесь по поводу предложенной нами формулы говорили о местных комитетах. Но мы в своем Уставе не задавались этой целью. Местные организации зависят от местных условий; мы говорили только о центральных организациях. Повторяю, наше время переходное; мы совершенно не знаем, что будет, и поэтому нам приходится совместить два начала: выборное и кооптацию.

Председатель ставит на голосование внесенные предложения.

Предложения товарищей Красовой, Новгородцева и Уманского³⁶⁹ отвергаются значительнейшим большинством.

Вотируется весь второй пункт Устава и принимается (42 голоса за него).

Докладчик тов. **Невский** читает третий пункт Устава.

Тов. **Базаров** задает вопрос, на каком основании выброшено слово «губернский»?

Тов. **Железовский** (как член комиссии). Это сделано ради практического удобства. Это термин административный, и есть губернные города, не имеющие никакого значения.

Тов. **Тамбовцев**. Я против безусловного признания права назначения высшими организациями низших. У нас есть и волостные организации; такие организации вряд ли можно признавать компетентными. Полагаю оговорить, что такое право признается лишь за организациями не ниже уездных.

Тов. **Базаров**. Настаиваю, чтобы слово «губернский» было оставлено. Здесь оно определяет не местонахождение организации.

Тов. **Новгородцев** поддерживает предложение тов. Тамбовцева.

Тов. **Крымский**. В предлагаемом пункте не указано ясно, какая именно организация имеет право. В этом недостаток пункта. Мы, например, не знаем у себя губернской организации. Мне кажется, что следует прямо сказать: «областная организация».

Тов. **Васильев**. Присоединяюсь к предложению тов. Крымского. Возможны ведь и случаи споров, и кто же будет судьей? Следует определенно сказать: «областная организация».

ЗАСЕДАНИЯ 3 ЯНВАРЯ 1906 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствует тов. **Соломин**.

Товарищи Зимин и Снегов читают протоколы предыдущих заседаний, каковые и утверждаются съездом.

На очереди предложение доклада комиссии по выработке окончательного текста Организационного Устава.

Председатель предлагает давать слово только двум ораторам **против** предложения комиссии и затем слово докладчику для защиты.

Принято единогласно.

Председатель оглашает сообщение Организационного бюро о том, что прибыл тов. Глазов³⁷⁰ (представитель Лондонского комитета партии). Уехали представители Киевского комитета, Московского областного и Калужского комитетов. Уехавшие передали свои голоса.

Тов. Невский (докладчик) читает § 3 Организационного Устава. Вносятся мелкие редакционные поправки, после чего § 3 голосуется в целом и утверждается подавляющим большинством (против — 3 голоса).

Единогласно принимаются §§ 4 и 5 после того, как в них внесены незначительные поправки.

Тов. **Невский** читает § 6.

Принимаются некоторые незначительные поправки к первой части этого параграфа. Затем голосуется предложение тов. Шевича добавить к этому параграфу следующее примечание:

По всем данным вопросам тактики, волнующим в каждый данный момент партию, ЦК обязан публиковать соответственные заявления или прокламации.

Как примечание к § 6 Устава, это предложение тов. Шевича отвергнуто, но принято (большинством 29 против 20) как резолюция для руководства ЦК.

Тов. Глазов и Тамбовцев вносят добавление: ЦК организует новые местные комитеты и группы при содействии областных и губернских организаций, а где их нет, самостоятельно.

Тов. **Шевич** предлагает избрать представителя в МСБ из состава редакции или Центрального Комитета.

Принято (за — 34, против — 9).

По вопросу о выборности ЦК и кооптации в него возникает оживленный обмен мнений.

Тов. **Невский** высказывается за неограниченную кооптацию, так как невозможно с точностью заранее определить, какое именно число членов понадобится для выполнения всех функций, возложенных на ЦК. Не надо устанавливать заранее цифры членов комитета. Мы выберем 5 членов, а они уж решат сами, сколько им необходимо товарищей. Доверимся разуму наших выборных.

Тов. **Рошин** возражает тов. Невскому. Деятельность ЦК до сих пор была не урегулирована. Это можно достичь, только ограничив право кооптации. Функции ЦК известны, и поэтому не представляет большой трудности наметить теперь же, сколько именно должно быть членов. О числе функций можно, наконец, спросить представителей прежнего ЦК.

Товарищи Тургенев и Нижегородский присоединяются к тов. Невскому.

Тов. **Глазов** высказывается за определение цифры членов ЦК теперь же. Съезд избирает несколько членов ЦК, но мы должны быть гарантированы, что роль наших выборных не будет сведена к нулю путем неограниченной кооптации. Партия должна быть уверена, что в ЦК ее влияние живет. И эта уверенность важна для самого ЦК, так как толь-

ко при наличии ее главный орган партии будет пользоваться подобающим ему престижем. Этого можно достичь лишь в том случае, если число выборных и число кооптированных членов ЦК будет одинаково.

Голосуются предложение ограничить число членов ЦК какой-нибудь определенной цифрой.

Принято (за — 31, против — 20).

Тов. **Шевич** предлагает избрать в ЦК только **одного** члена (остальные должны быть кооптированы). В защиту своего предложения товарищ произносит следующую речь:

Товарищи! Предлагая выбрать в ЦК **одного** человека, я должен объяснить это предложение во избежание недоразумений. В начале съезда принята резолюция, мною сформулированная и предложенная, в которой высказывается желание организовать нашу партию на широких демократических основаниях и вывести ее из подполья на арену открытой борьбы. Следовательно, не может быть сомнений в наших демократических тенденциях. Но оценка современного момента заставила нас поручить особой комиссии выработку **временного** устава, который мы и обсуждаем теперь. Этот временный устав вызывается необходимостью **усилить и сосредоточить** нашу боевую тактику. Для этого экстраординарного момента я предлагаю учреждение действительного, активного, ответственного центра, который может быть реализован, по моему мнению, лишь тогда, когда он будет вручен одному человеку. Само собою понятно, что для разнообразных функций будут созданы отдельные организации, но в течение переходного момента все они будут в распоряжении единоличного центра. При этом срок этого чрезвычайного положения должен быть точно обозначен.

При решении вопроса о том, должно ли число избранных членов превышать кооптированных, голоса разделились поровну.

После краткого перерыва тов. **Соболевский** от лица ЦК заявляет: ЦК стоит в принципе за неограниченную кооптацию, но ввиду выяснившегося разногласия по этому вопросу ЦК сам предлагает ограничить число членов его десятью при пяти выборных.

Предложение тов. Соболевского голосуется и принимается съездом. (За — 50, против — 2, воздержавшихся — 4.)

Голосуются § 6 в целом.

Принято единогласно.

Тов. **Невский** читает § 7.

Число представителей ЦК в Совете партии определяется в 5 человек, и затем § 7 принимается единогласно.

§ 8 принят единогласно без прений.

Вносится предложение назвать Устав **Временным** Организационным Уставом П.С.-Р.

Принято (за — 24, против — 9).

Голосуются весь Устав в целом.

Принято единогласно.

Тов. **Невский** предлагает принять следующую резолюцию:

Съезд поручает ЦК выработать Организационный Устав на широких демократических началах с тем, чтобы при первой возможности откры-

того выступления для партии этот Устав, по утверждению его Советом партии, был введен в жизнь.

Принято единогласно.

Тов. **Старков** предлагает созвать в ближайшем будущем съезд представителей от крестьян.

Принято единогласно.

Тов. **Дружинин**. Ввиду того что в местностях, где организационная работа лишь начинается, работники часто незнакомы с наиболее практичными типами организации, желательно, чтобы в приложении к утвержденному нами сейчас общему Уставу было напечатано несколько наиболее полно разработанных и притом уже действующих на местах детальных уставов различного типа.

Принято единогласно.

Председатель предлагает немедленно произвести выборы в ЦК закрытой баллотировкой по спискам и для подсчета голосов избрать особую комиссию.

В состав комиссии избраны: Соболевский, Шевич и Глазов.

Заседание закрыто.

Мелкие поправки к Организационному Уставу, не внесенные в протокол.

К § 3. Добавить при перечислении партийных организаций **губернские комитеты**.

К § 4. Выкинуть слово «изменяющиеся».

К § 5. Добавить о кооптации для областных комитетов.

К § 6. Выбросить слово «верховный».

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

Заседание открыто в 6 часов вечера.

Председательствует тов. **Шевич**.

Тов. **Тургенев** предлагает установить границы территориальных союзов и по принятии съездом этого предложения прочел список существующих районов. Всех союзов 9.

1. **Северный Союз**. В состав его входят губернии: Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая и Архангельская.

Городские организации существуют в Петербурге, Новгороде и Пскове.

2. **Центральный Союз**. Губернии: Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская и Нижегородская. Организации в Москве, Твери, Ярославле, Костроме, Рязани, Муроме, Туле, Калуге, Орле, Ельце и Нижнем Новгороде. Спорным пунктом является Брянск, отнесенный ранее к Северо-Западной организации, хотя его естественнее отнести к Центральному району.

Тов. **Поступаев** предлагает ввести в Центральный район Елатмю, мотивируя свое предложение тем, что у Елатомской группы уже были постоянные сношения с Центральным районом через Муром (что под-

тверждает тов. Медведев) и в организации работали московские товарищи. Сноситься с Тамбовом много труднее, с чем согласен и тов. Нижегородский, поддерживающий предложение.

Собрание принимает предложение.

Тов. **Тургенев** находит неудобным название Центральный Союз, так как легко спутать с Центральным Комитетом, и предлагает изменить название. Отдельные голоса предлагают «Московский».

Тов. **Радив** указывает на неудобство спутанной терминологии, принятой по отношению к названию районов (одни из них называются союзами, другие — областями), предлагает установить однообразное название. Наиболее подходящим, по его мнению, является «область».

Тов. **Тургенев** находит необходимым сохранить прежнее название «союз», так как к нему уже привыкли, да и оно более подходит и по существу дела.

3. Поволжский Союз. В состав его входят губернии: Саратовская, Самарская, Симбирская, Казанская, Астраханская, Пензенская, Тамбовская и Оренбургская. Организации в Саратове, Самаре, Симбирске, Казани, Астрахани, Пензе, Тамбове, Царицыне, Сызрани, Козлове и Оренбурге.

4. Уральский Союз. В состав его входят губернии: Уфимская, Вятская и Пермская. Организации в Уфе, Златоусте, Екатеринбурге, Перми, Вятке и Верхне-Камская группа.

Тов. **Абрамов** находит нужным ввести в союз еще Оренбург.

5. Северо-Западная Областная Организация. В состав ее входят губернии: Смоленская, Минская, Виленская, Витебская, Могилевская и Гродненская. Организации в Смоленске, Минске, Вильне, Витебске, Брянске, Гомеле, Двинске, Могилеве и Белостоке.

Тов. **Васильев** заявляет, что он по уполномочению областной организации после областного съезда был в Белостоке и предложил белостокским товарищам подчиниться принятым на съезде решениям и ввиду отказа принужден был исключить организацию из состава области.

Украинский Союз. В состав его входят губернии: Киевская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Черниговская, Волынская, Каменец-Подольская, Курская и Воронежская. Организации в Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове, Воронеже, Курске, Житомире, Каменец-Подольске и Екатеринославе.

На съезде указываются новые пункты партийной работы, которые следует включить в Украинский Союз: Ромны, Сумы, Кременчуг, Елизаветград, Нежин, Бердичев и Конотоп.

7. Южный Союз. В состав его входят губернии: Херсонская, Бессарабская и Таврическая. Организации в Одессе, Николаеве, Кишиневе и Херсоне.

На правах подрайона к Южному Союзу относится Таврический Союз с организациями в Ялте, Симферополе и Севастополе.

Тов. **Крымский** разъясняет, что Таврический Союз сложился раньше Южного, поэтому сохраняет особое название, и нет надобности его уничтожать, тем более что, как удостоверяет тов. Львов, он подчиняется решениям Южного Союза.

Рядом товарищей указывается на то, что было бы естественнее отнести к Южному Союзу и Екатеринослав; другие находят более удобным отнести его к Кавказскому Союзу.

После обмена мнениями и фактических справок съезд относит Екатеринослав к Украинскому Союзу ввиду связи его с Харьковом.

8. Кавказский Союз. В состав его входят губернии: Тифлисская, Бакинская, Кутаисская. Организации в Баку, Тифлисе, Кутаисе и Батуми.

Предлагается отнести к Кавказскому Союзу Ташкент, вокруг которого стали группироваться, как указывает Бельская, несколько мелких организаций.

9. Сибирский Союз. В состав его входят губернии: Иркутская, Енисейская, Тобольская и Забайкальская. Организации в Иркутске, Красноярске, Томске и Чите.

По прочтении списка существующих районных организаций тов. Тургенев и представитель Рижского комитета вносят предложение об установлении двух новых союзов: Донского и Прибалтийского.

В состав Донской области должны войти организации: Ростов-на-Дону, Новочеркасск и Ставрополь, с чем съезд и согласился.

Организация Прибалтийского Союза вызывает оживленные прения. В пользу образования Союза приводятся между прочим следующие доводы. За последнее время в Прибалтийском крае стали быстро расти партийные организации. В Виндаве, Митаве, Либаве появились группы, и заметно усиливается работа в Риге, где число организованных рабочих возрастает с каждым днем. Все это говорит, что почва для революционной работы, и именно работы социалистов-революционеров, в высшей степени благоприятна, что и следует использовать; сделать же это может легче всего областная организация (тов. представитель Риги); Прибалтийский район если уж и относить куда-либо, то в Северный район ввиду связи его с Петербургом, но это все-таки далеко (тов. Тургенев), да и вообще не следует увлекаться группировкой организаций при крупных центрах, так как главное внимание областных организаций уделяется тогда этим центрам (тов. Львов). Главный же аргумент в пользу образования союза — это бытовые особенности Прибалтийского края, сплошь населенного эстами, латышами, немцами и пр. (т. Глазов). Способствует работе и существование на месте сильного латышского Союза социал-демократов, а по духу и по тактике родственных социалистам-революционерам (тов. Бельская).

Противниками образования Прибалтийского Союзу ставится на вид, что район непропорционально по сравнению с другими мал для образования самостоятельной области. С таким же правом можно говорить и о самостоятельности Таврического Союза (тов. Крымский). Условия местной работы в Прибалтийском крае очень отличны от условий работы в других местах, и необходимо, конечно, с этим считаться и обратить особое внимание на выделившийся своим революционным настроением край, но для этого незначе еще выделять его в особую область. Для создания новой области необходим центр, вокруг которого работа группировалась бы, но в Прибалтийском крае такого центра нет.

Удобнее всего отнести область к Петербургу, сообщение с ним удобное и простое (тов. Железовский).

Прения об образовании Прибалтийского Союза выдвигают более общий вопрос об образовании территориальных союзов вообще и о фиксации их границ.

Тов. **Глазов** обращает внимание съезда на то, что главным фундаментом при обсуждении вопроса об образовании того или иного союза должны быть хозяйственные бытовые условия. Естественно было бы, например, присоединение к Донскому Союзу Екатеринослава, так как занятие населения общее — горное дело. Также естествен и Прибалтийский Союз, так как население его своими бытовыми чертами сильно разнится от населения соседних местностей России.

Тов. **Тамбовцев** находит, что фиксация областей, вообще необходимая, не всегда, однако, применима. Особенно неприменима она в настоящее время, когда организации ослаблены репрессиями и значение их и влияние на ближайшие районы подвержено сильным колебаниям. Товарищ предлагает зафиксировать области до следующего съезда и поручить выполнить эту фиксацию Центральному Комитету с правом перевода организаций из одной области в другую.

Ввиду затянувшихся прений и необходимости обсудить ряд других весьма важных и неотложных вопросов съезд постановляет прекратить прения по данному вопросу и принимает огромным большинством предложение тов. Бельской: «Съезд поручает Центральному Комитету распределить партийные организации по областям», и предложение тов. Шевича: «Съезд обращает внимание Центрального Комитета на районы Донской и Прибалтийский, и в частности на город Ригу».

После пятиминутного перерыва собрание переходит к выслушиванию доклада комиссии по тактическим вопросам.

Докладчик тов. **Тучкин**. Комиссия заседала всю ночь, но успела рассмотреть лишь часть пунктов, так как сразу же в среде ее встретились разногласия по одному из самых существенных вопросов. Первый вопрос, рассмотренный комиссией, вопрос основной, о современном положении России и находящийся с ним в тесной связи вопрос о вооруженном восстании. Наши организации, в частности Петербургская, считали необходимым усвоить тактику не форсировать дальнейших событий, а использовать в агитационном смысле новый метод организационной работы и тем расширить сферу нашего влияния. Насколько такая тактика была целесообразна, показали результаты, но провести ее всецело не удалось. Этому помешали, во-первых, стихийность движения и, во-вторых, то, что другие организованные силы, как, например, Совет рабочих депутатов и партия социал-демократов, усвоили тактику иную. Целый ряд крупных предприятий был затян без достаточного учета своих сил, напр. введение восьмичасового рабочего дня революционным путем. Эта в идее весьма целесообразная и плодотворная мера была испробована без серьезных шансов на успех и вместо поднятия революционного настроения масс повела к значительной потере престижа. Правительство и стоящие за ним классы стали понемногу раз-

бираться в действительном соотношении своих и противостоящих им сил. С этого момента начинается реакция; элементы колеблющиеся, примыкавшие раньше к революции, кто из моды, кто, так сказать, по обязанности, начинают уклоняться вправо. И тут-то во время второй стачки³⁷¹ нашим организациям пришлось встать лицом к лицу с вопросом об открытом выступлении, результат которого, благодаря сложности положения, предвидеть было невозможно. В Петербурге дело окончилось полным утомлением рабочих, в Москве движение вылилось в вооруженное восстание. Само собой разумеется, вооруженное восстание в Москве не есть поражение революции, как утверждают это правительство, оппозиционные элементы и заграничная буржуазная пресса. Наоборот, московские события с новой убедительностью доказали возможность вооруженного восстания, и то, что еще так недавно казалось очень многим мечтой, утопией, стало яркой действительностью. Сейчас мы в разгаре реакции, репрессии идут одна за другой, но настроение не упало. Вот характерный пример: Всероссийский Крестьянский Союз признал необходимость стачки в том широком значении, которое всегда придавали ей мы, и постановил начать ее весной.

По отношению к вооруженному восстанию комиссия предлагает ту тактику, которой всегда придерживалась наша партия.

Призывать к вооруженному восстанию мы не можем и не должны, так как пока еще нет гарантии полного успеха, и мы не можем брать на себя морально политической ответственности. Но мы должны **готовиться** к восстанию в техническом, организационном и др. отношениях, чтобы начавшееся стихийное движение не застало нас врасплох. Незачем, конечно, и говорить, что если восстание начнется, то наши партийные силы должны быть в первых рядах. А пока что мы должны зорко следить за изменениями общественного барометра и принимать все меры, которые способствуют мобилизации боевых сил и содействуют нашей организованности. Поэтому существенно важно Центральному Комитету знать о всяких изменениях в настроении рабочих и крестьянских масс. Важно тем более, что часто из одних и тех же мест поступали совершенно противоречивые сведения: то сообщалось о готовности перейти к революционному захвату земель, то о полном падении революционного настроения и о надеждах населения, возлагаемых на Государственную Думу. В этих целях крайне желательно выслушать здесь наблюдения съехавшихся товарищей, это дало бы солидный материал для определения нашей тактики по отношению к вооруженному восстанию.

Но в общем она останется той же, какой была и раньше, — осторожность в призывах к вооруженному восстанию.

Тов. **Рошин** вносит предложение, чтобы ораторы при изложении как своих личных впечатлений, так и мнений уполномоченных их организаций давали бы сжатую общую характеристику настроения той части населения, среди которой они работали, и отвечали бы главным образом на следующие вопросы: 1) существует ли организация и какая, 2) сильна ли и не разбита ли в нынешние погромы, 3) каково настроение масс, 4) ожидается ли в близком будущем стихийное движение?

Собрание принимает предложение, равно как и предложение председателя, об ограничении времени для ораторов пятью минутами, после чего ряд товарищей сделали доклады, по постановлению съезда оглашению не подлежащие.

Говорили: Нижегородский, Горецкий, Васильев, Тульский, Зимин, Грибовский, Уманьский, Гурьянов, Львов.

Тов. **Абрамов** вносит предложение представить письменные отчеты и дать их в Организационное Бюро.

Тверской делегат вносит предложение приложить к протоколам съезда протоколы областных съездов, в которых есть подробные отчеты о положении работы на местах.

Тов. **Гурьянов** вносит предложение приложить к протоколам съезда протоколы съезда Крестьянского союза П.С.-Р. Все три предложения принимаются съездом единогласно*.

После часового перерыва заседание открывается председателем тов. **Шевичем**, и съезд переходит к обсуждению внесенной товарищами Новгородцевым и Елениным резолюции.

Резолюция Новгородцева и Еленина. «Принимая во внимание весь тот вред, который причинило всей партийной работе отсутствие строго определенной программы, принимая во внимание, что партия должна быть единым целым, объединенным единством как конечных, так и ближайших целей, а не конгломератом совершенно разнородных элементов, — съезд, допуская дискуссию по вопросам программы и тактики в тесных пределах партийных работников, считает необходимым строгую выдержанность и единство программы во всей партийной работе, в каких бы кругах она ни велась, причем все партийные работники должны только излагать партийную программу, не внося в нее ничего нового».

Мотивируя внесение этой резолюции, тов. Новгородцев указывает на особенные условия партийной работы в Северо-Западном крае. Благодаря присутствию среди местных работников сторонников т.н. максимализма работа сильно затрудняется. Одни и те же вопросы освещаются с разных точек зрения, и на рабочих собраниях дело доходит иногда до того, что ораторы, если они оказываются сторонниками различных оттенков партийной мысли, вступают между собой в публичный спор, внося тем самым полную дезорганизацию в партийную работу. Принять программу еще недостаточно; Организационный Устав подобных случаев не предусматривает, поэтому нужна специальная резолюция. Иначе пришлось бы обращаться всякий раз в ЦК, что делать часто затруднительно и тормозило бы работу. Если же резолюция будет принята, то у организации будет под ногами твердая почва для разрешения конфликтов.

Тов. **Радин** обращает внимание на возможные нежелательные практические результаты резолюции. Раз в Северо-Западном крае существуют уже два течения, слить их в одно путем запретительной резолюции невозможно; скорее можно вызвать раскол. Более были бы уместны ре-

* Протоколы Крестьянского съезда будут напечатаны в отдельном приложении.

золюции узкоконкретного характера, напр. о безусловном воспреещении частичной экспроприации капиталов частных лиц.

По мнению тов. Городецкого, резолюция противоречит принятому ранее постановлению, допускающему дискуссию по вопросу о перестройке программы-минимум на новых основаниях и по вопросу об экспроприации фабрик и заводов. Резолюцией тов. Новгородцева такая дискуссия слишком сужается. Партия закрыла бы ею возможность развития новых программных взглядов, дискуссия по которым допущена прежними постановлениями. По его мнению, эту резолюцию нельзя даже голосовать.

Поддерживая резолюцию тов. Новгородцева, тов. Васильев считает неизбежным обострение отношений между работниками в Северо-Западном крае. Иллюстрируя свою мысль фактами (подобранными, впрочем, как замечает тов. Порошин, из числа наиболее резких), он видит в резолюции по крайней мере уже ту выгоду, что рабочие будут знать, кто именно проводит партийные взгляды.

При голосовании резолюция принимается 34 голосами, против 5, при 7 воздержавшихся.

После разъяснений тов. Соболевского, указавшего на необходимость если не выработать на съезде резолюции по тактическим вопросам, что ввиду недостатка времени выполнить трудно, то, во всяком случае, установить руководящие начала, руководясь которыми ЦК мог бы сам опубликовать соответствующие резолюции. Съезд перешел к выслушанию доклада комиссии по тактическим вопросам.

Первый докладчик тов. **Тучкин**. Товарищи! Я буду по возможности краток, так как времени, оставшегося в распоряжении съезда, действительно мало. При оценке настоящего момента возможны две концепции. По одной, революционное движение так разрослось и революционное напряжение достигло такой высоты, что в ближайшем же будущем окончательно разрешится вопрос, победит ли революция или укрепится буржуазия, ближайшее будущее решит, будет ли осуществлена аграрная программа партии теперь же, или, наоборот, произойдет затверждение буржуазных начал. И в этом смысле сторонники такого понимания исторического момента говорят: теперь или никогда. Мнения комиссии разделились: одни считают настоящий кризис решительным, другие — затяжным.

По мнению сторонников второй концепции, к числу которых принадлежу и я, дело еще совсем не проиграно, если ближайшей весной революционных сил для осуществления аграрной программы и не хватит. Пусть одержит временную победу буржуазия, и у нас будет конституционная монархия. Данные народной психологии, я глубоко верю в это, выдержат и это испытание. Социальный кризис так глубок и не устраним мерами частичными, что буржуазное правительство справиться с ним не сможет, и кризис лишь затянется, но не устранился.

Отсюда-то и вытекает различие в выводах комиссии по вопросу о революционным захвате земель ближайшею весной.

Съезду необходимо дать общие директивы Центральному Комитету

для выработки тактики партии. В понимании ближайших тактических задач мнения членов комиссии сходятся и сводятся к следующему.

Так как нам предстоит упорная борьба не только против самодержавия, но и главным образом за то, чтобы победа над ним возможно полнее была использована в интересах трудового народа, то напряжение **организационных** сил должно быть доведено до максимума. И ЦК и Областные организации должны возможно скорее и разностороннее провести эту организационную работу. Поэтому комиссия предлагает:

1) по вопросу о вооруженном восстании держаться прежней тактики: не призывать к нему, но готовиться на случай его стихийного возникновения в техническом, стратегическом и иных отношениях;

2) продолжать усиленную работу по организации рабочих мест;

3) обратить особенное внимание на агитационную и организационную работу среди войск и 4) продолжать террористическую тактику.

По вопросу о терроре комиссия прежде всего считает необходимым усилить центральный политический террор и подчеркивает особенное значение для настоящего времени массовой партизанской борьбы. Под массовой партизанской борьбой следует понимать непосредственное и возможно более широкое участие масс в боевой деятельности за свой страх и риск, выражающееся в нападениях на мелких агентов правительственной власти, в одиночку и группами: напр., городских, жандармов, шпионов, земских начальников. Такие нападения способствуют формулированию боевых сил, но происходят вне контроля партийных организаций. Местный политический террор должен происходить под обязательным контролем комитета, но ввиду того, что в настоящее время комитеты ослаблены, контроль должен передать в руки областных организаций. Более сложные террористические акты должны быть по тем же соображениям выполняемы летучими боевыми дружинами, обслуживающими более широкие районы. По вопросу о прекращении террора комиссия полагает, что он должен быть применяем до полного завоевания фактических свобод, и только тогда ЦК может приостановить террористические акты.

Разрешение вопроса о революционном захвате земель стоит в связи с упомянутыми выше концепциями. Революционная экспроприация земель и организованное пользование плодами земли указаны в программе и признаются, конечно, всеми. Вопрос не в этом, а в том, должен ли быть захват произведен в ближайшую весну. Комиссия считает весьма возможным, что весной начнется широкое стихийное движение. В таком случае нам придется поставить его на широкую ногу. Разногласия среди членов комиссии лишь в том, предпринимать ли его заранее, призывать ли к нему крестьян.

Второй докладчик тов. **Рощин**. Решение тактических вопросов всецело определяется оценкой общего положения России и опытом предшествующей революционной работы. С этой точки зрения необходимо указать на положительные и отрицательные черты политического момента.

Положительные черты: не разрешены ни политический, ни социальный вопросы, острый революционный период еще не закончился,

правительство все еще дезорганизовано, и психика народных масс все еще в приподнятом и неуравновешенном состоянии. Отрицательные черты: неорганизованность революции, крайнее утомление рабочих и разгромы социалистических партий и революционных организаций.

Первый вывод, который мы можем сделать, — это признать, что ждать инициативы от города нельзя и возбуждающим моментом может явиться лишь деревня. Поэтому, по личному мнению докладчика, в городе надо занять выжидательную позицию и главные силы направить в деревню; террористическую деятельность довести до максимума, каких бы жертв это ни стоило.

В данный момент в деревне нам приходится иметь дело с совершенно исключительными условиями. Считаясь с наличием организованных и организаторских сил, нам, конечно, следовало бы подождать с попытками к революционному захвату земли, если бы мы могли ждать. Но, подсчитывая условия за и против, надо помнить, что момент, переживаемый нами, исключительно благоприятен и более уже не повторится. Государственный механизм сильно расстроен, и у правительства нет сколько-нибудь значительных групп, на которые оно могло бы опереться. Такая дезорганизация долго длиться не может. Создастся правовое государство, и в дальнейшем решении аграрного вопроса мы останемся одиноки; против нас будут даже социал-демократы.

То же приходится сказать и о напряженном состоянии масс. Массы возбуждены, брожение в умах всюду. Правовое государство разрядит возбужденное настроение частичными уступками и понизит готовность масс к активному выступлению. Фактическое осуществление социализации земли может быть мыслимо лишь при очень высокой температуре общественного настроения, так как сама по себе она еще недостаточный стимул, чтобы повести за собой массы немедленно. На основании этих соображений необходимо прийти к выводу, что социализация земли осуществима или сейчас, или лишь при социализме. Хорошо, если самодержавие будет держаться слепой политики репрессий и поворота к прошлому. Тогда положение дел не меняется и мы выгадываем во времени для организации, но и правительство и буржуазное общество ясно представляют себе положение и пойдут на реформы. Поэтому я предложил бы, не предпринимая политического момента, поручить ЦК или Совету партии, собрав все данные о положении вещей, объявить через месяц призыв к революционному захвату земель весной.

Тов. Новгородцев. Вопрос об осуществлении социализации земли является очень сложным, и особенно трудно решить его в данный момент ввиду неопределенности общей политической ситуации. Но для меня лично является несомненным, что социализация земли может быть осуществлена сознательным организованным движением крестьянства, а не стихийными вспышками. Эти стихийные вспышки могут вызвать «скорбные манифесты», но не могут привести нас к осуществлению нашей аграрной программы. Я думаю, что как в вопросе о достижении социалистического строя, так и здесь мы должны возлагать свои надежды не на стихийное движение изголодавшихся масс, а на

организованную борьбу сознательного рабочего класса. Поэтому вызывать стихийное аграрное движение мы не можем; быть может, в этом случае более чем где бы то ни было опасны действия «на ура», действия, диктуемые тактикой отчаяния. Между тем я вынес впечатление, что товарищи, отстаивавшие вторую формулировку, считают возможным осуществление социализации земли только в ближайший момент высшей напряженности революционного настроения масс. «Теперь или никогда» — вот мнение этих товарищей, и если самодержавное правительство вступит на путь реформ в области политической и аграрной, то социализация земли станет совершенно проблематичной. Мне думается, что это совершенно неверно. Не нужно слишком пессимистически смотреть на результаты этих реформ. Нам нечего бояться ни превращения самодержавия в полуконституционную монархию, ни тех земельных квазиреформ, которые могут быть проведены цезовой Думой. Ни этот «правопорядок», ни отрезки, ни прирезки не могут задержать борьбу крестьянства за землю и волю. Между тем даже этот частичный «правопорядок» даст нам возможность внести большую сознательность и организованность в крестьянское движение, т.е. увеличит наши шансы на победу. Таким образом, я полагаю, что товарищи, настаивающие на необходимости вызвать этой весной общий революционный захват, слишком переоценивают значение стихийного взрыва, с одной стороны, и слишком недооценивают преимущества организованности в движении, которая одна только может гарантировать нам успех именно **социализации** земли, а не захвата ее. Я вполне присоединяюсь к характеристике данного момента, к тов. Тучкину, думаю, что нам нечего бояться затяжного характера революции и что мы не должны становиться на путь рискованных действий. Конечно, мы не можем целиком организовать крестьянство, но и не наше дело вызывать стихийные вспышки. Мы должны лишь в случае их возникновения вносить в них сознательность и организованность, ибо в сознательности и организованности трудящихся масс лежит залог нашей победы.

Тов. **Гурьянов** указывает, что трудно определить, насколько затянется революция. Напряженное настроение масс длится уже много времени, и революционная энергия накоплялась с давних пор. Движение было повсеместным, но шло волнами. Начинается в одном месте и угасает, спустя некоторое время в другом, в третьем и т.д. Но если рассматривать эти отдельные вспышки хронологически, то оказывается, что промежуток времени между ними все более и более сокращается. Это указывает на то, что революционное движение достигло высшего предела. Если затянуть революционный захват земель, настроение крестьян упадет неизбежно. Но как бы там ни было, будущей весной крупное и повсеместное крестьянское движение начнется несомненно, и наш долг сделать его, насколько это в наших силах, одновременным. Если мы не приложим усилий в этом отношении и в то же время признаем будущей весной более чем весьма вероятным, то такая наша выжидательная тактика будет предательством. Единственный и неизбежный выход из положения, в которое нас поставила действительность — аги-

тировать в крестьянских массах за революционный захват земель будущей весной.

Тов. Порошин. Я хочу высказать несколько соображений в защиту тех положений, которые были выставлены вторым докладчиком, тов. Рошиным. Разбираемый вопрос обстоит так. Если бы возможно было отсрочить приближающееся крестьянское восстание на некоторое время, примерно на год, безусловно, дело восстания от этого выиграло бы, так как была бы возможность вылить движение в более организованные формы, подготавливая почву для этого пропагандой и агитацией. Но все наши споры самой жизнью ограничиваются определенными рамками и ставятся на почву настоящего, фактического положения вещей. Товарищи, выяснившие раньше вопрос о вероятности или невероятности весеннего крестьянского восстания с точки зрения настроения крестьян на местах, все сходятся на том, что восстание более чем возможно. Поэтому мы не можем остаться нейтральными, как это предполагал тов. Тучкин; мы не можем не решить вопрос о нашем отношении теперь к готовящемуся крестьянами захвату земель весной будущего года; не можем также ограничиться ролью соучастника восстания... поневоле, не можем оказывать свою поддержку движению лишь тогда, когда нас вынудят к этому сами восставшие крестьяне, и лишь тогда вмешаться в дело, когда захват земли начнется помимо нашего желания и воли. Нам необходимо теперь, сейчас же определить те позиции, которые мы намерены занять по этому вопросу. Необходимо потому, что связь нашей партии с массой и влияние на нее настолько уже велико, что, если мы не поставим вопроса о восстании, его нам поставят те крестьяне, которые увлечены нашей пропагандой и агитацией, нам доверяют и от нас ждут указаний и руководства. Поэтому мы не можем двусмысленно молчать, так или иначе мы должны ответить на поставленный ребром вопрос, начинать или не начинать восстание. Если бы все крестьяне обращались к нам за советом и если бы обращающиеся действовали только согласно нашим указаниям, то тогда можно было бы говорить, спорить о целесообразности восстания ближайшей весной. Но мы ведь знаем, что не все будущие «бунтовщики» спросят нас, и мы не уверены в том, что те, которые спросят, послушаются нас, если мы будем советовать отсрочить восстание. Как ни велики успехи нашей партии за последнее время, все же колоссальное большинство готовых восстать нас не знает, не услышит и наших советов и восстанет, ни с кем не справляясь и никого не спрашивая. Таким образом, восстание фактически неизбежно, и так как все мы согласны с тем, что восстание, если такое начнется, необходимо поддержать, то нужно заранее подготовиться к неизбежному; нужно приступить к подготовке все равно неизбежного восстания для того, чтобы рабочий класс мог извлечь из него максимум плодов.

Здесь разбирают вопрос о том, какая судьба может постигнуть весеннее восстание, если таковое будет. Указывают на некоторые шансы на успех, и приводят причины вероятной неудачи. Присмотримся к конкретной обстановке готового разразиться сражения. Государствен-

ная машина совершенно расстроена, буржуазия отчасти еще не организовалась, отчасти дезорганизована, недовольство в широких слоях населения; озлобление в массе городских рабочих; голод и отчаяние в среде обнищавшего крестьянства. С одной стороны, слабость силы сопротивления, с другой, готовность к самым решительным действиям и огромная величина силы нападения; в общем создается многообещающая рабочему классу политико-общественная комбинация. Но здесь нельзя не обратить внимания на отрицательную сторону дела. Тов. Новгородцев и указывает на это. Он обращает внимание на то, что движение не имеет более или менее соответствующей организации и поэтому будет носить характер стихийный. Между тем, как и указывает тов. Новгородцев, организованность имеет главное значение в деле переворота. Безусловно, организация движения есть главное **условие** его успешности в **полном** объеме поставленных им целей и задач. Но не всегда организованное движение **исторически** дает больше неорганизованного, что зависит от перемены момента и обстановки. Мы знаем организованные массы, которые не добиваются того, чего добиваются неорганизованные или слабо организованные массы. Мы знаем немецкую социал-демократию, числящую в своих рядах миллион сознательных и прекрасно организованных социалистов и неспособную вырвать у буржуазии и малой доли того, что вырываем мы, русские неорганизованные социалисты. Дело в том, что процесс организации есть процесс, протекающий во времени, рядом с **другими** процессами, способными парализовать все то положительное, что дается процессом организации. Особенное значение имеет это у нас, в России, где теперь весь строй разлагается, а постепенная реорганизация его на конституционно-монархических началах придаст ему известную прочность и устойчивость. Хотя количество организованной массы увеличится за это время во много, может быть, раз, но если принять во внимание соответственный рост силы врага, буржуазии, то совершенно неизвестно, когда решительное столкновение сулит больше успеха и побед. Поэтому аргументировать против весеннего восстания ссылкой на выгоду организации, которая, мол, изменит в нашу пользу соотношение сил, как мы видим, довольно неосновательно.

Кроме того, я не разделяю того пессимизма, который господствует у некоторых товарищей по отношению к элементу стихийности в движении. Безусловно, поскольку движение стихийно и нельзя предопределить его направление, оно, выливаясь в самых нежелательных формах, потому нежелательно. Но здесь не о желательности идет речь, потому что желательно, безусловно, сознательное движение; речь идет об оценке фактически выливающегося в стихийные формы движения. Здесь товарищи слишком пессимистичны. За стихийными движениями нельзя не признать известного значения. В революционном перевороте роль стихийного движения может быть очень велика. Раньше, чем иметь возможность хотя бы только заложить фундамент будущего переустроенного здания, необходимо расчистить почву, и эту черную работу революции и может исполнить массовое стихийное движение. В этом

смысле стихийное движение играет роль того тарана, который должен разрушить стену капиталистической эксплуатации. На почве, подготовленной стихийным движением, и можем мы, сознательное меньшинство, начать свою дальнейшую творческую работу, и в этом смысле значение стихийного элемента огромно. Я обращаю внимание тов. на то, что вопрос о весеннем восстании решается самой жизнью, и нам нужно лишь позаботиться о том, чтобы то, что все равно будет, дало рабочему классу максимум победы и успеха.

Тов. Глазов. Меня удивляет, почему съезд остановился на одном только общем вопросе так долго. Ведь есть целый ряд вопросов, по которым необходимо дать директивы. Фактическое осуществление социализации земли возможно в ближайшем времени лишь при наличии исключительных условий. В программе П.С.-Р. она строится на традиционных воззрениях крестьянства, и потому она *eo ipso* на три четверти стихийна. В предстоящем крестьянском движении стихийность — неизбежный элемент, и его нечего бояться. Положение вещей к выгоде революции. Дезорганизация правительства, несомненно, крупный плюс в пользу революции. Предыдущими ораторами упущен еще целый ряд вопросов международного характера, финансового и другие, напр. займы и пр. Крестьянство само хочет аграрной революции. И вдруг, при всех этих самых благоприятных условиях, мы скажем крестьянам: подождите. Если мы теперь из страха перед стихийностью не поможем крестьянству восстать, мы попадем в положение социал-демократов. Мы-то подождем, но не будет ждать буржуазия и примет меры к упрочению своего положения. Вспомните западноевропейских крестьян. Долг нашей партии — поставить развитие страны на социалистические рельсы. Путь к этому один — через социализацию земли. И если для осуществления ее нужна отчаянная попытка, пусть погибает партия, но да произойдет аграрная революция.

Одной из самых существенных частей предстоящей работы должна быть пропаганда среди многочисленных дезертиров и солдат Маньчжурской армии.

Тов. Соломин. Съезду нужно выработать практические директивы по тактическим вопросам. Выработать их нельзя иначе, как произведя определенную оценку настоящего момента. При всякой оценке играют роль как объективные, так и субъективные данные. Субъективные данные — это возбужденное настроение, охватившее все слои общества; это возбуждение отразилось и на нас, и мы привнесли субъективный элемент в нашу тактику. Отсюда наша страстность, отсюда предлагаемая политика отчаяния. Данные же объективные говорят не в нашу пользу. Доклады товарищей о положении работы среди крестьянства показали, как ничтожны наши связи в деревне сравнительно с колоссальным числом не затронутых пропагандой крестьян. Мы не обладаем достаточными силами для руководства движением, оно будет стихийным. А при стихийности что обеспечит нам успех? И какой это будет успех? Будет ли это простой захват земли крестьянами или же осуществится социализация земли в том виде и в том объеме, как понимает ее

П.С.-Р.? Во всяком случае, сколько-нибудь солидных данных, что при стихийном движении вопрос решится в духе программы нашей партии, у нас нет. Сознательно или бессознательно, но мы смешиваем предстоящее крестьянское движение из-за куска хлеба, из-за куля овса, из-за поленницы дров с социальной революцией. Мы не можем дать директивы: призывайте к революционному захвату земли, раз вся надежда на стихийные размеры движения. Это была бы авантюристическая политика. В стихийное движение мы должны вносить сознательность, большую целесообразность и планомерность; мы должны выступать, полагаясь на организованность масс, а не спекулируя на стихийности. Если не через три-четыре месяца, то никогда, грозит тов. Рошин; и в таком случае мы социал-демократы, утверждает тов. Глазов. Это отрывка социал-демократических идей у тов. Глазова. По его выходит одно из двух: или социализация земли, или неизбежный капитализм. Я не такой с.-д., как тов. Глазов, и думаю, что, какие бы уступки ни сделало правительство, какие бы убудочные реформы оно ни проводило, почва для нашей социально-революционной работы никогда не ускользнет. У нас был уже опыт — полтора месяца свободы, и за это время мы окрепли и влияние наше удесятерилось. Воля без земли — для меня это уже достаточный аргумент в пользу неизбежности революции. Тов. Власов³⁷² в своей речи соглашается с мнением товарищей Глазова и Рошина.

Тов. Грибовский. Благоприятный момент упущен во время московского восстания. Если будет вспышка теперь, то шансов на полный успех мало, так как силы в центрах частью надломлены, частью утомлены и генерал Мищенко³⁷³ явится не умиротворителем, а усмирителем. Крестьянское движение будущей весной, конечно, весьма возможно, и мы обязаны будем его поддерживать, все равно, будет ли оно через три месяца или через год, но думать, что оно окончательно разрешит земельный вопрос, по-моему, очень смело. Для полной победы необходим захват центральной власти, а обстоятельства этому, как я уже указал, неблагоприятны. Правильным решением вопроса я считаю не играть *va banque*, призывать к захвату земли весной, а держаться прежней осторожной тактики.

Тов. Базаров (содокладчик комиссии по выработке тактических резолюций). Прежде всего я должен устранить одно недоразумение. Когда взгляд на современный момент, в частности на значение крестьянского революционного движения, выражается в такой краткой формуле — «теперь или никогда», то не следует понимать это выражение буквально. Не следует думать, будто мы хотим этим сказать, что только теперь, нынешней же весной земля может быть социализирована или уже никогда, что только теперь крестьянство может завоевать себе землю или уже никогда не добьется ее. Нет, этим выражением — «теперь или никогда» — мы хотим сказать нечто совсем иное. Я убежден, что бы там ни случилось нынешней весной, крестьянство в конце концов победит, земля в конце концов будет социализирована, и весь вопрос лишь в том, как это и скоро ли произойдет. Теперь, по-моему, возмож-

но немедленное осуществление нашего требования революционным путем. Если же современный благоприятный момент будет упущен, то весьма вероятно, что **такой** возможности уже более никогда не представится и путь к социализации земли будет уже совсем иной, медленный и неревOLUTIONный путь.

В истории бывают периоды особенно благоприятные для глубоких революционных переворотов в социальных отношениях, это периоды почти полного расстройств власти, когда власть в одних руках уже ослаблена, почти разрушена и когда никакой еще новый общественный класс не пришел на помощь старой власти, чтобы вновь укрепить ее, или же не успел еще организовать свою собственную сильную власть. Это периоды. Это периоды, когда сдерживающее, конспиративное (так в тексте. Правильнее, наверное, консервативное. — *Н.Е.*) начало в обществе обессиливает, исчезает. И такой именно период переживает в настоящее время Россия. Самодержавная власть распадается, ее органы в значительной степени вышли уже из повиновения, и даже армия, этот последний могущественный оплот всякого принудительного государства, колеблется и частью готова перейти на сторону революции. И вот пока не пришел еще новый класс на поддержку отживающему правительству, чтобы влить в него новую жизнь или самому создать на его обломках свое собственное правительство, и является для России возможность самого глубокого и немедленного переворота в социальных отношениях. Для крестьянского движения этот момент необычайно благоприятен. Разбросанное на громадном пространстве, неорганизованное, в значительной части своей забитое и невежественное, оно не могло бы противопоставить могучей силе организованного государства столь же могучую и организованную силу революции. Поэтому теперь, в период анархии, переживаемой Россией, слабо организованным силам крестьянства и легче, чем когда бы то ни было, осуществить на деле революционным путем свою заветную мечту о земле. Конечно, благодаря недостаточной организованности и сознательности крестьянства крестьянское движение выливается часто в неприглядные, стихийные формы. Конечно, для нас было бы в высшей степени желательным отсрочить, если бы это было возможным, на год, на два момент окончательной битвы с современным строем, чтобы успеть организовать за это время крестьянство, объединить его вокруг нашего знамени, вокруг нашей программы и сделать крестьянскую революцию в целом движением сознательным, планомерным. Итак, эта отсрочка была бы для нас желательна, но беда в том, что она слишком маловероятна. Все говорит за то, что момент решительного взрыва крестьянского недовольства наступает; политическое и социальное движение в стране глубоко взволновало крестьянские массы; отдельные вспышки крестьянского восстания приковали к себе внимание всего крестьянства, и в сознании его крепко укоренилась мысль о необходимости на весну всеобщего захвата земель, и первая попытка в этом направлении передовых губерний легко увлечет за собой крестьянские массы. И хотя крестьянство еще слишком мало усвоило основные принципы нашей программы, хотя

оно еще в меньшей мере охвачено нашими организациями, движение разольется, и с этой неизбежностью мы должны считаться и готовиться к нему. Каков бы ни был ход и непосредственный результат этого движения, именно им определится на долгие годы успех аграрной реформы, успех нашего требования — социализации земли. Если движение это будет раздавлено, если в России установится прочное буржуазное правительство, то и при нем можно, конечно, будет добиваться постепенно удовлетворения крестьянских земельных нужд; но социализации земли в том чистом виде, в каком мы ее проповедуем, сильное буржуазное правительство не допустит. И вот эту-то идею, идею о том, что в настоящий момент анархического разложения самодержавия и всеобщего социального брожения крестьянам легче всего добиться земли на началах наиболее справедливых, наиболее соответствующих интересам трудящихся и что потом сделать это будет гораздо труднее, мы и должны нести в народные массы.

Правда, наибольшие шансы на успех крестьянского движения могут быть за ним обеспечены еще в одном случае даже и при отсрочке этого движения, а именно в том случае, если отсрочится и политический переворот, если самодержавие сможет еще удержаться год-два своими собственными силами, не пытаясь путем уступки части своей власти найти опору в каком-нибудь сильном социальном классе; но едва ли есть возможность предполагать это; все факты повседневной жизни свидетельствуют, на мой взгляд, что мы накануне самого решительного кризиса. Все такие расчеты на большую продолжительность русской революции, на затяжной характер ее, едва ли основательны. Здесь приводили в пример Французскую революцию, продолжавшуюся чуть не 10 лет. Но едва ли это удачное сравнение. В начале Французской революции конечные цели ее были неясны, не было партий с отчетливыми, разработанными программами. До бегства Людовика в Варен, в сущности говоря, не было еще республиканской партии. Не только народные массы, но и их вожди революционизировались и воспитывались в самом процессе революционной борьбы. Идеи, необходимые для того, чтобы обобщить движение, еще только вырабатывались, и ход событий часто опережал их. Отсюда сравнительно медленный темп развития Французской революции и ее продолжительность. У нас политические партии (по крайней мере крайне левые), их программы, их идеи окристаллизовались раньше, чем началась революция, и это значительно ускоряет темп нашей революции и дает возможность более сознательно, более отчетливого отношения к ней. Французская революция развивалась органически, шаг за шагом, и вместе с тем постепенно уяснялся и истинный смысл ее. У нас же теперь уже резко противостоят друг другу крайние элементы: на одной стороне — все темные силы, на другой — социалистические партии. Промежуточные партии не имеют шансов на успех и не могут задержать революцию сколько-нибудь долго на средних фазах ее развития. Если бы буржуазные партии могли у нас рассчитывать на успех, темп нашей революции был бы медленнее...

Тов. Глазов (перебивая). Но ведь во Франции 4-го августа было в самом начале революции³⁷⁴.

Тов. Базаров (отвечая). Да, но 4-ое августа было весьма и весьма неполным актом. Была уничтожена личная зависимость крестьян и отменены феодальные права, да и то не все, а главное, за отмену их был установлен вполне приличный выкуп, так что, в сущности, нельзя даже сказать, чтобы они были отменены: они были **не отменены**, а **проданы**. И аграрная революция этим не удовлетворилась, она развивалась дальше, и ее развитие явилось одним из могущественных факторов, влиявших на поступательный ход всей вообще Французской революции. Окончательно все остатки феодализма были истреблены, и притом без всякого выкупа, лишь в период Конвента³⁷⁵, т.е. когда революция достигла своего зенита.

У нас темп революции гораздо быстрее. Средних партий сколько-нибудь влиятельных нет, и на арене борьбы сталкиваются лишь крайние элементы; поэтому поворот будет сразу, и поворот решительный. Я уже указывал на возможность некоторой отсрочки этого переворота³⁷⁵, — это в том случае, если современное правительство путем прямого насилия сумеет продержаться с год, — но общий ход революции и в особенности настроение крестьян заставляют думать, что окончательная развязка наступит раньше. И вот поэтому-то мы и говорим: теперь или никогда. Это не значит, конечно, что если аграрное движение, которое неизбежно вспыхнет нынешней весной, будет раздавлено, то уже тогда конец нашему делу на веки вечные. Нет, но только тогда добиваться осуществления наших требований придется уже не революционным методом, а путем отвоения постепенных уступок в будущем буржуазном государстве.

Состояние и психология народных масс в период революционного брожения резко отличаются от состояния их в период господства какого бы то ни было прочного порядка. В революционные моменты народные массы взволнованы до самых низов. Перед нами встает ряд коренных вопросов, перед нами нет более прочного, привычного уклада жизни, все основы общежития подвергаются сомнению, массы находятся как бы в состоянии временного прозрения. Но эта психология непостоянна, с «восстановлением порядка» она быстро исчезает. В периоды мирной, спокойной работы мы действуем на психику народных масс путем систематической, последовательной критики современного строя, и действие это по необходимости нарастает лишь с большой медленностью. В революционный период эту работу совершает за нас сама жизнь. Революционеры должны дорожить такими моментами, так как только тогда бывает возможно радикальное разрешение назревших общественных вопросов — в другое время массы легко идут на компромиссы, удовлетворяясь половинчатыми уступками. Теперь взбудораженное, взволнованное трудовое крестьянство все целиком видит земельный вопрос в самой резкой форме, и наибольшим успехом среди крестьян может пользоваться лишь призыв к самому радикальному решению его. В другое время только наиболее сознательная часть крестья-

яинства будет ясно понимать необходимость и значение такого решения. Это соображение и заставляет меня утверждать, что или коренной переворот в земельных отношениях произойдет теперь же, или это будет уже не переворот, не революция, а реформа, и осуществляться будет она путем медленного, постепенного процесса. К тому же выводу приводит и другое соображение. Успех пропаганды наших идей в среде крестьянства в значительной мере обусловлен существующими у крестьян общинно-трудовыми понятиями и воззрением на землю как на общее достояние всех трудящихся. Но эти общинно-трудовые начала находятся в постоянной и непримиримой борьбе с буржуазно-собственническими воззрениями, постепенно проникающими в более зажиточные слои крестьянства. Развитие торгового обращения и укрепление в деревне позиций капитала (хотя бы и ростовщического) подтачивает традиционные мирские взгляды и вносит сбивчивость, дисгармонию в трудовое миросозерцание крестьянства. Теперь, в революционный момент, вредное влияние буржуазных начал стирается; охваченное жаждой справедливости, трудовое революционное крестьянство восстает против буржуазной частной собственности, стремится в корне подорвать эксплуатацию человека человеком. Но в другой момент разлагающее влияние условий жизни, свойственных буржуазному обществу, скажется, цельность трудового миросозерцания нарушится, крестьянство поддастся системе мелких улучшений, системе подачек, главными выгодами от которых, несомненно, прежде всего воспользуются нетрудовые, мелкобуржуазные слои и более зажиточные элементы трудового крестьянства. Борьба за социализацию земли, а вместе с тем и самая проповедь социалистических идей встретит тогда такие препятствия, каких сейчас нет. Этого-то и не должна забывать П.С.-Р.

Наша партия стоит теперь, может быть, перед одним из величайших моментов мировой истории, и наша задача — использовать его в целях наиболее глубокого, наиболее полного переворота в социальных отношениях. Из такого понимания современного момента вытекает с полной определенностью и наша тактика: разъяснять крестьянам огромное значение совершающихся и надвигающихся событий, организовать их по мере наших сил для предстоящей великой борьбы и призывать к восстанию в том случае, если из обследования положения дел на местах выяснится его стихийная неотвратимость.

Тов. **Рошин**. Я хочу пояснить, в каком смысле я понимаю фразу: «теперь или никогда». Социализация земли произойдет или теперь, в революционный период, или растянется на десятки лет, осуществится революционным путем теперь или путем эволюции в будущем. Но фраза эта вовсе не значит, что если социализация земли не осуществится теперь, то не осуществится уже никогда. Я — с.-р. и признаю, конечно, социализацию земли. Я думаю только, что в мирное время она может осуществиться лишь путем постепенного к ней приближения в виде частичных мер.

Тов. **Тучкин**. Тов. Рошин не совсем правильно понял наше разногласие. Никто здесь и не предлагал осуществить социализацию земли

эволюционным путем. Спорили о том, своевременно или несвоевременно призывать крестьян к захвату земель нынешней весной.

Председатель, вкратце резюмируя прения, указывает, что вопрос идет о том, какие директивы съезд дает партии по вопросу о революционном захвате земель. Комиссия представила два определяющих тактику мнения. Одно, изложенное докладчиком Тучкиным, признает настоящий революционный период затяжным и сообразно с этим предлагает не призывать крестьянство к захвату земель нынешней весной; другое, защищаемое Рошиным и Базаровым, подчеркивает катастрофичность фактического осуществления социализации земли и предлагает призывать крестьян нынешней весной. И то и другое мнение предлагает, конечно, тщательное предварительное ознакомление с настроением деревни.

На голосование было поставлено мнение, представленное тов. Тучкиным, и принято 39 голосами против 19.

Товарищи Рошин и Невский предлагают выработку резолюций поручить ЦК и предложить ему возможно скорее ознакомить с ними партийные организации.

ЗАСЕДАНИЕ 4 ЯНВАРЯ 1906 г.

Председательствует тов. **Соломин**.

Председатель оглашает результаты выборов в ЦК. Всего подано 64 голоса. Избраны 5 лиц подавляющим большинством в 56, 52, 49, 48 и 46 голосов.

Тов. **Дружинин** вносит следующую резолюцию: Принимая во внимание, что, по нашему общему убеждению, крупный аграрный взрыв, если не полное крестьянское восстание в целом ряде местностей, почти неизбежен, съезд рекомендует всем учреждениям партии быть к весне в боевой готовности и заранее составить цельный план практических мероприятий, вроде взрыва железных дорог и мостов и порчи телеграфов, распределить роль в этих предприятиях и т.д., наметить административных лиц, устранение которых может внести дезорганизацию в среду местной администрации. Резолюция принята единогласно без прений.

Тов. **Базаров** (докладчик комиссии по выработке тактики) докладывает об аграрном и фабричном терроре. Взгляд комиссии на аграрный и фабричный террор вполне определенно отрицательный. Аграрный террор не может быть принят в число тех средств борьбы, которые рекомендует партия, прежде всего потому, что не соответствует нашим целям организованной борьбы со всем современным строем. Он не может служить орудием достижения и той непосредственной ближайшей задачи, которую мы ставим аграрному движению, — задачи революционного организованного захвата земель. Аграрный террор — в лучшем случае вынуждает лишь частичные уступки, а политика частичных завоеваний не есть политика нашей партии. Аграрный террор как ряд раз-

розненных актов, совершаемых лишь отдельными лицами или небольшими группами, не может также служить цели воспитания и организации народных масс, этой важнейшей задаче современного момента. Те же соображения комиссия выдвигает и против фабричного террора.

Во избежание недоразумений необходимо точнее установить самое понятие аграрного террора. Часто под этим понятием разумеют исключительно поджоги и убийства. Но такое понятие слишком неточно. Понятием аграрного террора охватываются все виды нанесения вреда личности или имуществу, возникающие непосредственно на почве аграрных отношений. Сюда же относится, напр., очень часто практикуемый крестьянами из мести скос зеленого хлеба, вытаптывание посевов и т.п. Но совсем уже другое дело — попытки организованного пользования землями, угодьями и продуктами земли (напр., пользование лесами, пастбищами, лугами и т.п.). Раз такое пользование правильно организовано на демократических началах, оно является как бы небольшими опытами всеобщего захвата земель, опытами организующими, сплачивающими крестьянские массы и воспитывающими их для дальнейшей борьбы. Эти формы борьбы комиссия нашла вполне соответствующими задачам партии. Остается сказать еще несколько слов о тех террористических актах, которые возникают не непосредственно из аграрных отношений, а осложняются присутствием полицейского гнета и прямого военного насилия. Так, напр., теперь уже не редкость встретить экономии, охраняемые наемной экономической стражей или наемными же казаками. В таких местах устанавливается ужаснейшая атмосфера казацкого военного террора, операционным базисом которого является дворянская усадьба. В ответ на этот террор — террор со стороны крестьян необходим и неизбежен. Но это уже не аграрный террор, а политический, хотя бы он и был направлен против жизни и имущества отдельных лиц. Такой террор неизбежно будет применяться в особенно широких размерах во время грядущего восстания по соображениям стратегического характера.

Тов. Нижегородский. Тов. Базаров дал определение аграрного террора, но не дал определение фабричного. Да и для аграрного его определение недостаточно ясно. Можно ли, напр., отнести к явлениям терроризма такой факт: сход крестьян открыто постановляет сжечь дворянскую усадьбу и приводит затем обща свое решение в исполнение? Как мы должны относиться к подобным явлениям?

Тов. Бельская. Я хочу указать съезду на те громадные затруднения, в какие попадают иногда активные работники на местах по отношению к фабричному террору. Всем памяты страшные августовские дни в Баку. Резня между татарами и армянами остановила все производство в Баку и его окрестностях, остановила всю жизнь. Рабочие, оставшись без заработка, без гроша денег, обречены были выбирать любое из двух: голодную смерть или смерть от татарской пули. Капиталисты не чувствовали ни малейшей охоты пойти на помощь народному бедствию. Социал-демы пытались устраивать какие-то мирные шествия, которые при первой же попытке встречались градом пуль. Бакинский комитет П.С.-Р.

решил на свой страх прибегнуть к фабричному террору. По его решению были сожжены вышки тех капиталистов, которые пытались возобновить среди этой резни работу, подводя рабочих под смертельную опасность, а не заботясь об общем умиротворении. Другим капиталистам были посланы угрозы, чтобы они не считали свою жизнь и имущество в безопасности до тех пор, пока не будет установлена личная и имущественная безопасность рабочих. И только таким путем удалось добиться разрешения кризиса. Целый ряд требований был удовлетворен. В частности, им была оказана материальная помощь и выданы пособия и даровые билеты для выезда из Баку.

Я не думаю, чтобы в подобных случаях, когда капиталисты обрекают рабочих прямо-таки на гибель, можно было отрицательно относиться к фабричному террору.

Тов. **Порошин**. Вопрос об экономическом терроре очень важен и не разработан; поэтому я предлагаю съезду не решать его в окончательной форме, предоставив местным комитетам решить его самим, сообразуясь с обстоятельствами места и времени.

Тов. **Глазов**. Надо прежде всего считаться с фактами, с современным положением дел. Мы — П.С.-Р. — самая крайняя из существующих в России социалистических партий, и наиболее революционные элементы и активные элементы привыкли считать нашу партию своей руководительницей. Факты аграрного и фабричного террора существуют, они неизбежны, и никто здесь не будет отрицать этой неизбежности. Мы не должны сами рекомендовать и вызывать эти факты, но не нам и отречься от них. Нужно, чтобы все эти крайние элементы, проявляющие свою революционную активность в актах аграрного и фабричного терроризма, чувствовали себя связанными с организацией, действующими под ее контролем; иначе все они пойдут вразброд, и мы потеряем свое положение руководителей наиболее революционно настроенного меньшинства. Даже представитель умеренного течения в нашей партии — т. Тучкин — признал вчера возможным и необходимым в военное время по стратегическим соображениям уничтожение частной собственности, поэтому мы не должны выносить отрицательного приговора аграрному и фабричному террору. Я предлагаю не вводить такой террор в программу, не призывать к нему, но не высказываться против него.

Тов. **Валин**. Комиссия высказалась против аграрного террора, между прочим, на том основании, что партия не в состоянии его регулировать и не может призывать к таким действиям, которые остаются вне сферы ее контроля. Но как быть в тех условиях, когда такой контроль возможен? Я приведу такой пример: крестьянские братства в целом ряде волостей, может быть, в целом уезде стовариваются в один и тот же час зажечь все дворянские усадьбы. Как отнестись к таким проявлениям организованного революционного терроризма?

Тов. **Абрамов**. Докладчик говорил нам, что в тех случаях, когда помещики приглашают в свои имения казаков, террор признается партией, и это будет уже не аграрный террор, а политический. У нас в Уфе

был такой случай. Вице-губернатор Куленовский, кстати сказать, недавно подстреленный членом летучего отряда БО П.С.-Р.³⁷⁶, созвал съезд землевладельцев и по соглашению с ними призвал в нашу губернию казаков для расправ над крестьянами. Как отнестись нам к такого рода съезду; можно ли воздействовать на членов его террористическими мерами?

Тов. **Базаров**. Тов. Глазов говорил, как мне кажется, о терроре вообще, но я этого вопроса совершенно не касался. Я говорил, что комиссия не считает возможным ввести аграрный и фабричный террор в программу, но комиссия не предлагала вести агитацию против такого террора. Мы вполне понимаем, что бывают положения, когда эти акты неизбежны, как ответ на грубые, грабительские формы эксплуатации. Но наша задача не содействовать этим формам борьбы, а вносить новые сознательные и организованные формы, хотя, конечно, и аграрный террор лучше, чем ничего. Там, где малосознательные массы не в силах дать организованного отпора экономическому насилию, наиболее активные личности прибегают к террору. В этом смысле экономический террор нам симпатичен. Не мы, конечно, будем проповедовать пассивность, но не нам призывать к аграрному террору. Наши задачи — подготавливать рабочий народ к массовой борьбе с эксплуататорским строем жизни. На вопросы, предложенные товарищем Нижегородским и тов. Валиным, ответ вытекает сам собою из того, что я сказал уже раньше. Когда крестьянские братства нашей партии одновременно повсюду поднимают знамя восстания, понятное дело, тут имущества и даже жизнь отдельных лиц приносятся в жертву стратегическим соображениям. И такие действия, как сожжение усадеб, могут входить в план восстания, если они почему-нибудь окажутся необходимыми. Другое дело — сожжение барской усадьбы отдельным обществом, хотя бы и по общему уговору. Это уже не организованная борьба против класса помещиков, а лишь симптом возмущенного состояния народа. Такие действия мы не можем вводить в свою программу, не можем к ним призывать. В случае, указанном тов. Абрамовым, дело идет уже, очевидно, не об аграрном терроре, а о политическом, и весь вопрос сводится к тому, насколько целесообразно расширять сферу действия политического террора до такой степени, чтобы целый съезд землевладельцев подвергать перекидному и анфиладному огню. Что касается Баку, то там мы имели дело со случаем настоящей гражданской войны, и, следовательно, здесь речь может идти уже не о фабричном терроре, а опять-таки о стратегических приемах, вызываемых нуждами военного времени. При этом, конечно, желательно, чтобы общее руководство военными действиями находилось по возможности в руках высших организаций (областных и центральных), и только в крайних случаях можно предоставить самостоятельность в этом отношении местным комитетам. Террористические действия против капиталистов допустимы и могут производиться от имени партии в том случае, если, напр., капиталисты в целях оказания политического давления на рабочих закрывают фабрики и заводы, обрекая рабочих на голодовку, но когда такое закрытие фабрик

происходит вследствие экономического кризиса, то, наверное, тов. Бельская согласится, что террор в данном случае был бы плохим лекарством от безработицы. Тов. Рошин считает необходимым подчеркнуть определенно и ясно принципиально-отрицательное отношение наше к аграрному и фабричному террору как методу классовой борьбы.

Председатель предлагает вотировать мнение комиссии по вопросу об экономическом терроре в целом, как оно выразилось в речи тов. Базарова, для руководства ЦК при составлении резолюции по вопросам тактики.

Предложение принято (за — 47, против — 6, воздержавшихся — 6). Тов. Дружинин предлагает рекомендовать ЦК при выработке резолюций (по вопросам тактики) подробнее остановиться на мотивировке наших тактических приемов.

Принято единогласно.

Тов. Тучкин. Ввиду крайней важности вопроса о профессиональных союзах и невозможности рассмотреть его достаточно всесторонне за недостатком времени, остающегося до закрытия съезда, я предлагаю передать его для обсуждения в комитетах партии с тем, чтобы после выяснения на местах, руководясь выяснившимся мнением организации, Совет партии или ЦК составил для руководства всех членов партии обязательную инструкцию по вопросу о профессиональных союзах и отношениях между ними и партией.

Тов. Соболевский докладывает заключение комиссии об отношении к политическим партиям. — Наша задача — создание в России единой социалистической партии, т.е. только такая партия сможет осуществить в будущем всесторонний социалистический переворот и организовать жизнь общества на новых началах солидарности и равенства. Фактическое положение дел в России, к сожалению, не соответствует этой задаче: в самой России преобладают две соперничающие между собою партии: П.С.-Р. и РСДРП, на окраинах же действует целый ряд партий и самых деятельных организаций, из которых одни по характеру своей деятельности и программе примыкают ближе к с.-д., другие к нашей партии. Из числа последних можно перечислить следующие: ППС, Латышский С.-Д. союз, Белорусская «Громада», Грузинская П.С.-Р. — федералистов и, наконец, партия «Дрошакистов», в последнее время все более и более решительно выдвигающая социалистический принцип как лежащий в основе ее программы; эта эволюция, связанная с отделением от нее примыкавших к ней раньше из-за ее национальной программы буржуазных элементов, должна окончательно завершиться на съезде ее, происходящем в настоящее время или имеющем состояться приблизительно около этого времени.

Комиссия предлагает предоставить ЦК (и под его директивом областным и местным комитетам) входить с этими организациями в более или менее постоянные союзы и соглашения. С с.-д. и родственными им организациями предлагается входить только в боевые соглашения для координирования действий. По возможности эти соглашения должны происходить через ЦК (по крайней мере в наиболее важных случаях). Ни в коем случае эти соглашения не должны переходить в

слияние наших местных организаций и их групп (напр., военной группы, боевой и т.д.) с с.-д. В ближайшем будущем состоится, вероятно, конференция всех социалистических партий по вопросу о вооруженном восстании, созываемом по почину ППС. Участвовать в этой конференции, по мнению комиссии, безусловно, необходимо, т.к. могущественным и победоносным вооруженное восстание может быть лишь в том случае, если в нем сольются силы всех социалистических и даже просто революционных демократических организаций.

Тов. **Шевич.** Я вполне присоединяюсь к мнению докладчика, что только единая социалистическая партия может рассчитывать совершить в будущем социалистический переворот в России. К этому надо стремиться как к конечной цели. Что же касается ближайших задач, то не следует заключать таких союзов, которые могли бы стеснить хоть в чем-нибудь тактику нашей партии: следует осторожно относиться к союзам с национальными партиями, т.к. у них, помимо общесоциалистических задач, могут быть еще и свои частные задачи, несовместимые с нашей тактикой и программой.

Тов. **Рощин** спрашивает, как мы должны относиться к образующимся за последнее время т.н. коалиционным комитетам.

Тов. **Еленин.** Имеют ли местные комитеты право самостоятельно входить в соглашения (конечно, временные) с с.-д. по местным практическим делам? По просьбе тов. Зимина, тов. председателя оглашает предложение Тульского К. П.С.-Р. об устройстве постоянных межпартийных конференций.

Предложение Тульского комитета:

Ход революционной борьбы за истекший год, и в особенности кровавая московская неделя, когда московский пролетариат сражался и умирал на баррикадах, а в очень многих русских городах не было возможности провести даже простую политическую забастовку, и задача правительства вследствие этого была в значительной мере облегчена, — все это показывает, что даже в пределах нашей партии, насчитывающей в своем составе, судя по данным съезда, до 75 организаций, дело революции ведется не вполне организованно, не вполне планомерно.

Но, принимая во внимание одновременное существование других партий, усвоивших себе революционную тактику, а прежде всего — РСДРП, существование ряда совершенно революционных профессионально-политических союзов (почтово-телеграфного, железнодорожного и крестьянского) и Советов рабочих депутатов в некоторых городах, в настоящее время трудно рассчитывать на руководство движением одной партии с.-р., хотя бы и хорошо организованной.

Ввиду этого Тульский комитет считает своевременным возбудить вопрос о тактическом (разумеется, временном) соглашении между нашей партией и указанными партийными организациями. Мы считаем своевременным образование прежде всего на местах, по отдельным городам, местных междупартийных конференций, в состав которых входили бы представители таких организаций и партий. Существование таких конференций значительно облегчило бы местную революцион-

ную работу (напр., проведение всеобщей забастовки или вооруженного восстания) в ее активных проявлениях, и мы видим, что в некоторых городах, напр. в Туле, такие конференции уже организованы. Далее, должна существовать общероссийская партийная конференция, состоящая из представителей всех местных конференций, созываемая по мере надобности с выборным центром, для решения вопросов общегосударственного значения. В пределах ее, и только ее, компетенции могли бы лежать вопросы о всеобщей политической забастовке и вооруженном восстании. В случае, если конференция местная не сошлась бы на одном делегате, она могла бы посылать двух или более делегатов с половинным и т.д. голосом. Разумеется, что на предложенной схеме Т[ульского] К[омитета] несколько не настаивает. Ее можно изменить в ту или другую сторону, но установить самый принцип необходимо.

Практически мы предложили бы съезду поручить ЦК партии войти в сношение с ЦК РСДРП и центральными органами революционных союзов для совместной выработки условий и форм такой междупартийной организации.

Тов. Соболевский (докладчик). Возможность местных соглашений зависит, конечно, прежде всего от степени их важности и местных обстоятельств. В **чисто** местных делах наши комитеты должны быть автономны, по отношению к вопросам не местного характера желательно, а в сколько-нибудь важных случаях и безусловно необходимо, чтобы соглашения с с.-д. велись через ЦК или под его руководством. Вообще с с.-д. нужна осторожность и еще раз осторожность, т.к. вероломство их достаточно уже нами испытано.

Комиссия предлагает с родственными социалистическими организациями входить в постоянные соглашения и союзы, с с.-д. — временные боевые и тактические союзы, с революционно-демократическими организациями — во временные боевые соглашения, с партиями оппозиционными (как буржуазными) ни в какие соглашения не входить и относиться к ним вполне непримиримо, ввиду того, что современный момент ставит на очередь как раз такие задачи, в которых мы с ними самым резким образом расходимся.

Тов. председатель ставит все эти предложения одно за другим на голоса, и все они съездом принимаются единогласно.

Тов. Шевич напоминает, что остались неразрешенными еще некоторые вопросы, в частности об отношении к Всерос. крест. союзу.

Съезд, за недостатком времени, предоставил разрешение этих вопросов Совету партии и ЦК.

Тов. председатель заявляет, что таким образом порядок занятий съезда исчерпан, и спрашивает, не желает ли кто перед закрытием съезда сделать какие-либо заявления или сообщения?

Тов. Горецкий. **Тов. Шевич,** открывая наш съезд, совершенно справедливо указал на тесную и крайне ценную для нас связь П.С.-Р. с международным революционным социализмом. Позвольте теперь, в конце съезда, мне — одному из молодых членов партии, хотя и вступившему в ее ряды с самого основания, — указать на другую связь, не менее

важную и которую мы, активные работники в России, чувствуем так непосредственно, так живо, и не менее живо, а иногда даже более непосредственно, чем связь с Интернационалом, которой суждено особенно возрасти в дальнейшем будущем. Это — связь с предшествовавшими нам течениями русского революционного социализма. Со славным прошлым русского социализма мы связаны двойными неразрывными цепями. Мы — идейные наследники этого прошлого — мы свято храним традиции русской революции и, кроме того, в наших рядах находятся как непосредственные личные ученики павших борцов, так и те немногие из них, которые еще живы, которые вынесли на своих плечах громадную тяжесть почти полувековой борьбы, сохранив под своими сединами весь революционный пыл и энергию молодости. Наша партия есть союз безудержной юности и героической, не знавшей отступлений старости. В личном отношении в наших рядах идут рука об руку самые молодые борцы революционного социализма в России и его ветераны. В идейном отношении наше мирозерцание охватывает неразрывным синтезом новейшие выводы европейской науки и философии с родными нам теориями наших учителей — Чернышевского, Лаврова и Михайловского. Я предлагаю приветствовать в наших рядах ветеранов революции, которые служат живым олицетворением нашей связи с ее славным и великим прошлым. (Аплодисменты.)

Тов. Глазов — в ответ на приветствие старикам от молодежи.

Товарищи! Самый тот факт, что в нашем социально-революционном движении принимают деятельное участие наряду с молодыми борцами последнего московского восстания и социалисты-народники, и участники «Земли и Воли» 70-х гг., говорит за то, что все оно составляет следствие одних и тех же исторических причин и преследует одни и те же исторические задачи как теперь, так и тогда, хотя в несколько изменившейся общественной обстановке. Как теперь, так и тогда мы исходим из признанной нами экономической, политической и моральной необходимости добиваться избавления русских рабочих масс от подавления их творческих способностей царизмом и от эксплуатации их как русским, так и иностранным капиталом. Как теперь, так и тогда мы делаем это, привлекая в нашей революционной работе силы не только городского интеллигентного и рабочего пролетариата, но и трудового крестьянства. Как теперь, так и тогда мы считаем возможным для русского социально-революционного движения внести во всемирную борьбу пролетариата с вооруженным капитализмом нечто своеобразное, оригинальное. Этого требуют от нас и особенности нашего положения среди других культурных стран света. Выражаясь фигурально, исторически рост этих последних уподобляется растянутой трубке телескопа, каждое кольцо которой соответствует особой эпохе их социально-политического развития; тогда как для нас трубка исторического телескопа оказывается почти что вполне сложенной; история гонит нас вперед, не спрашиваясь с нашей готовностью или собственным желанием, и в результате получается, что нам теперь приходится решать задачи и Великой Французской революции конца XVIII века, и демократиче-

ской революции 1848 г. и Парижской коммуны 1871 г., и притом решать их сразу, одновременно. Уже по одному этому слепое подражание Западу в предыдущей борьбе было бы для нас невозможно и опасно. Вот почему наши рабочие массы уже теперь обнаруживают в русской революции больше сознательности, больше глубокого понимания происходящей социально-политической перестройки и оказываются уже в самом начале хорошо организованными и способными к солидарному действию, в то время как наши промежуточные, т.е. буржуазные, классы только теперь, и то при понукании и при поддержке со стороны правительства, начинают складываться в политические партии. И у нас есть полное основание надеяться, что и в будущем нашей революции суждено проходить под идейным и организационным руководством рабочих и крестьянских организаций. Этим самым, мне кажется, уже заранее определяется и характер того своеобразного элемента, который будет внесен нашим движением в дальнейший рост международного социализма.

В нашем ближайшем будущем мы не можем и не должны, если бы даже и хотели, ограничиваться ни одним успокоением страны во что бы то ни стало, ни одной демократизацией наших политических учреждений, ни даже одним осуществлением буржуазных условий будущей борьбы классов, как это думают наши ближайшие соседи по революционной борьбе. Короче говоря, мы не можем надеяться на осуществление своих задач даже в далеком будущем, сознательно становясь теперь на путь капиталистического развития, если бы нам даже и удалось справиться со своими ближайшими врагами — царизмом и российскими капиталистами. И это главным образом потому, что за нами стоит всесветный капиталист, который снабжает до сих пор царское правительство миллиардами занятых денег и усиленно теперь требует за них своих процентов, который скупал у нас сырье и ввозил к нам иностранные фабрикаты, выручая таким образом свои высокие дивиденды на обмене русского дешевого черного труда на квалифицированный и машинный труд заграничного рабочего. Наш потребитель разорен. У нас нет ни свободных оборотных капиталов, ни дешевого кредита. Становясь на проторенную дорожку новых займов для поддержания крупной капиталистической промышленности, мы неизбежно натываемся на опасность или быть сведенными в непосильной конкуренции с иностранным фабрикантом, как только попытаемся снять тарифные рогадки, как это и случалось уже не раз с малокультурными странами, или же, оставаясь на прежних тарифах, быть вовлеченными в войну с соседями.

Таким образом, и нам остается один выход: пользуясь преобладающим влиянием у нас рабочих масс, теперь же поставить наше народное хозяйство на социалистические рельсы, не заботясь о том, будет ли это полным осуществлением социалистического строя или нет. Для этого нам придется перестроить свою промышленность, имея в виду не высокие дивиденды предпринимателей, а прокормление трудового населения и быстрое поднятие уровня культуры и образования.

И притом делать все это на свои собственные средства, не прибегая к иностранным займам и при всяком удобном случае заменяя наемный труд артельным или общинным, а индивидуальное управление — общественным.

Вот почему, мне кажется, мы с полным правом и сознанием должны вместо пресловутого клича капиталистических прихвостней: «Пойдем на выучку к капитализму!» — смело и теперь же выкинуть новый клич: «Пойдем на службу к своему пролетариату и трудовому крестьянству в их неизбежной борьбе со всемирным капитализмом рука об руку с революционными социалистами всех культурных стран и под знаменем освобождения от него человечества!» (Аплодисменты.)

Объявляется перерыв на 10 мин. После перерыва тов. Шевич дает слово тов. Тучкину.

Тов. Тучкин. Дорогие товарищи! Перед тем как наш председатель закончит этот первый съезд Партии социалистов-революционеров, мы должны выслушать человека, с именем которого тесно связаны возникновение, рост и первые, самые трудные шаги нашей партии к победам; человека, соединявшего пламенное сердце с холодным политическим умом, обаятельную мягкость души со стальной волей бойца, пытливую, беспокойную мысль с деловым складом практика-организатора. Этого незабвенного товарища нет более в наших рядах; он вырван из жизни, он лишен возможности видеть первые результаты той бесконечно тяжелой работы, для которой он искал и находил прямые пути, по которым не всякому дано идти.

Последнее слово на нашем съезде по праву принадлежит человеку, письмо которого я вам сейчас прочту и имя которого неизгладимыми чертами написано в наших сердцах, — Григорию Андреевичу Гершуни.

(Гром аплодисментов.)

Тов. Тучкин.

Вот это письмо, полученное нами из Шлиссельбурга, товарищи.

Всем близким друзьям.

«Наконец-то, друзья мои, получил от вас известие, вы живы, здоровы и невредимы. Каким радостным и успокоительным было для меня известие — вы во всей полноте вряд ли представите себе. Но не в том дело. Вы живы — это главное, и я уже окрыляюсь надеждой, что, быть может, мне еще доведется прижать вас к груди и снова очутиться с вами в рядах Партии. Как странно! Минутами кажется, что целая вечность отделяет меня от живого прошлого, минутами — точно вчера мы расстались, но расстались безвозвратно. Живой мир, борьба — казались в этой могиле так безвозвратно утраченными, что порой прямо не верится, что впереди еще ждет тебя что-то светлое. Все теперь переживаемое представляется каким-то сном — дивным, упоительным сном. Подумайте: с апреля 1903 г. по август 1905 г. я не видел живой души и не имел ни малейшего представления о том, что делается на свете. Я возлагал надежды на естественное отрезвляющее влияние войны, но не заставил ли «патриотический утар» общества ослабить, сократить деятельность партии? В августе 1905 г. я успел на лету подхватить слова,

из которых я понял, что Плеве больше не министр... Почему? Неужели так просто вышел в отставку? Плеве вышел в отставку, совершив в пределе земном все земное?... Через пару недель я получил за 1904 г. «Хозяин»³⁷⁷ из которого узнал, что с сентября настала какая-то весна³⁷⁸, что произошел решительный поворот правительственной политики, что и 12 декабря, к торжеству россиян обещан какой-то «правовой порядок», восстановлены «великие реформы»...³⁷⁹ Где-то промелькнуло «покойный министр Плеве». Покойный — волею божьею — или волею партии? Ровно месяц я терзался в неизвестности... 15 сентября, в день перевода меня в новую тюрьму, я увиделся со всеми старыми шлис-сельбуржцами и узнал все: что Плеве убит Сазоновым, что Сазонов жив и сидит здесь, что смерть Плеве встречена повсеместным восторгом, что объявлено что-то вроде конституции, учреждена Государственная Дума и пр. Я узнал о позорном разгроме японцами царских генералов, о каких-то неопределенных волнениях в стране, о казни, бывшей здесь в связи с покушением на Сергея, и массу мелких известий, тогда производивших на меня потрясающее впечатление по своей импозантности. Настали радостные, светлые дни, казавшиеся мне особенно радостными и особенно светлыми после подавляющего мрака и одиночества 1903-1905 годов. Перемены — результат напора революционных сил, партия жива, борьба будет продолжаться, будет вырвано нечто существенное. Что именно делается на воле — мы не знали. Изредка удавалось схватить неопределенные, неясные намеки на брожение, на всеобщее недовольство, на рост оппозиции. По этим намекам мы рисовали себе фантастические, дух захватывающие картины народного движения, порой пессимистически относясь к своим собственным радужным фантазиям. И боже мой, какими жалкими, бесцветными оказались эти смелые фантазии в сравнении с реальной действительностью! Известия, дошедшие впервые от вас, были жгучим, ослепительно ярким снопом света, ударившим в наши потемки. Точно вихрь ворвался в наш склеп и перевернул все вверх дном, а сердце, точно вспугнутая птица, трепещет, радостно и порывисто, рвется туда, наружу! Трудно вам передать ясно то странное, двойственное настроение, крайне нервное и приподнятое, которое охватило нас в эти дни. Последнее время, после первого радостного настроения, начал постепенно приходить в себя и успокаиваться. С одной стороны — бодрящее сознание, что довелось дожить до момента поворота в России, с другой — уверенность, что созидательная работа партии пойдет теперь планомерным путем, совершенно примирили меня с моим положением, и после отъезда стариков я «расположился на зимние квартиры». И тут вдруг перед нами во всей грандиозности совершенно неожиданно развернулась вся картина пережитого страной за последний год! Все величие момента предстало перед нами во всей своей необъятности и, сконцентрированное во времени и в пространстве, в первую минуту придавило нас своими размерами и необъятными горизонтами. Каюсь, все это заставило меня позавидовать вам, все это переживающим в горниле борьбы. Перед нами встают громы революции, смертный бой с ненавистным чудовищем, а

мы тут вынуждены, полные сил и жажды борьбы, в бездействии томиться в царской цитадели. Момент, единственный не только в истории России, но и Европы, небывалый по широте настроения, идет мимо нас, будто мимо мертвецов.

«К мечам рванулись наши руки, — но лишь оковы обрели...»

Сбылось предсказание — последние да будут первыми. Россия сделала гигантский скачок и сразу очутилась не только рядом с Европой, но даже в некоторых отношениях впереди ее. Изумительные по грандиозности и стройности забастовки, революционность настроения, полное мужества и политического такта поведение пролетариата, великолепные его постановления и резолюции, рост сознательности и организованности трудового крестьянства, готовности его биться за решение величайшей социальной проблемы, все это не может не быть чревато сложнейшими благоприятными последствиями для всего мирового трудового народа, и России, по-видимому, в XX веке суждено сыграть почетную роль Франции XIX века. Но крупнейшим счастливым результатом будет, почему-то мне кажется, то, что России удастся миновать пошлый период меланхолического довольства, охватывающий мертвящей петлей европейские страны, переживавшие революционный период при менее благоприятной конъюнктуре и в другой исторической эпохе.

Какое счастье выпало на долю партии! Вот уж именно: «смеется в унижении, восстает во славе; сеется в немощи, восстает в силе». При благоприятных условиях, если только вожди окажутся на высоте своей задачи, партия может занять в ближайшем будущем положение, которому позавидуют все европейские партии. Не жалейте только сил на достижение возможно скорейшего объединения в одну Российскую Социалистическую партию. Как это ни трудно, постарайтесь забыть все тяжелое, безобразное, лежащее преградой на пути к объединению, все личные отношения, — ведь теперь социал-демократия находится уже не в руках отдельных лиц, а части организованного пролетариата, к здравому смыслу и гражданскому долгу которого вы можете и даже обязаны в ближайшем будущем апеллировать. Имея в виду желательность и неизбежность предстоящего объединения, вы, конечно, будете прилагать все старания не обострять настоящих отношений, и в политике, по-старому, побеждать не ухарством, а благородством. Пусть по-прежнему остается распределение примыкающих сил: действуйте на наиболее чуткие, морально чистые элементы, — и победа будет за вами!

Что привело меня в безумный восторг — это позиция трудового крестьянства. Вот победа наша действительно выстраданная! Сколько насмешек, издевательств пришлось партии перенести из-за этого вопроса! И вы с полным правом можете сказать себе, что если бы не настойчивость партии в этом пункте, если бы не ее предварительная работа, — степень сознательного отношения крестьянства была бы совсем другая и результаты для крестьянства — несравненно менее благоприятные.

Как изменяется, как, вероятно, уже изменилась наша партия! Из прежней скромненькой робкой девушки она, мне рисуется, преврати-

лась в пышную красавицу, с высоко поднятой головой победоносно и гордо шествующую сквозь толпу покорных поклонников. Как-то она встретит, если только этот счастливый час настанет, своих друзей детства? Пожалуй, отуманенная успехом, давно уже забыла о поре первой юношеской любви и первых вздыхателях?

Вот говорю о встрече, а ведь это, возможно, и «бессмысленные мечтания»? Рисуешь себе торжествующее шествие революции, затоптанную в грязь гидру самодержавия, но раздается окрик часового, посмотришь на эти ужасные стены, и невольная дрожь охватит тебя: Шлиссельбург стоит — самодержавие еще живо! Недаром на воротах его красуется золотая надпись: «государева». Пока не разбита эта надпись — цело и не безнадежно еще «государево дело».

Но — что бы ни было впереди — мы постараемся снова войти в колею, терпеливо ждать минуты освобождения и готовиться к этой великой для нас минуте: настанет же она когда-нибудь! Союзники кланяются вам всем, Сазонов обнимает. Обнимает всех вас и преданный вам

Григорий Гершуни».

(Громовые, долго не смолкающие аплодисменты.)

Председатель тов. Шевич. Товарищи! Мы пришли к концу наших работ. Я боюсь нарушить то настроение благоговения, с которым вы выслушали письмо нашего дорогого, нашего славного шлиссельбургского узника. Мы работали, и самым напряженным образом, в течение шести дней. Мы можем подвести итоги. Мы выходим из этого первого, по существу своему учредительного, съезда с программой, уставом и твердой формулировкой нашей дальнейшей тактики. Что приходится прежде всего отметить — это дух широкой терпимости к мнениям шлиссельбургского узника, который царил в наших дебатах. Все оттенки мнений могли свободно высказываться. Как умеренные элементы, склонные несколько приблизить нас к направлению чисто демократическому, так и элементы, близкие по некоторым частным пунктам своего мировоззрения к анархизму, могли высказаться и убедиться после почти единогласных баллотировок, что партия социалистов-революционеров одинаково далека от обоих направлений. Стоя на почве борьбы классов и сознательного вмешательства в стихийные процессы жизни борцов за истину и справедливость, вы как один человек реагировали всякий раз, когда надо было отделиться от политической и организационной расплывчатости или от вспышек неорганизованного бунтарства. Те, находящиеся вне наших рядов, которые рассчитывали на раскол в нашей среде, как всегда, горько разочаруются. Присутствие различных оттенков мысли есть доказательство жизненности партии. Но эти оттенки спаяны в один твердый сплав, в одно могучее целое. В течение дебатов было кем-то сказано, что надо поставить партию на твердые рельсы. В то бурное время, какое мы переживаем, это — мечта, которая, конечно, сбудется. Но если искать фигуральных сравнений, я в данный момент скорее уподобил бы нашу партию кораблю на бурном потоке, которому оговсюду угрожают подводные и надводные камни.

Выработав программу, мы тем самым вручили партии, ее Центральному Комитету и ее Центральному Органу компас, который будет им всегда указывать направление пути и конечную цель, нашу путеводную звезду: уничтожение частной собственности на средства и орудия производства и обобществление последних; переход политической власти в руки рабочего класса, учреждение царства труда и справедливости организованным и объединенным пролетариатом, трудовым крестьянством и сознательным, инициативным меньшинством, выносившим в своей среде научные идеи и идеалы социализма. Но мало иметь компас, чтобы выдержать курс движения. Надо иметь постоянно в виду препятствия, которыми усыпан путь к конечной цели; наша тактика реальной борьбы за право, накопленный нами революционный опыт предостерегут нас от подводных и надводных камней: они, смотря по обстоятельствам, будут или обойдены нами, или взорваны на воздух.

Товарищи, за эти шесть дней дебатов, порой страстных, между нами росла и крепла не только партийная, не только организационная связь, но и связь нравственная. А. Михайлов, великий организатор Исполнительного Комитета «Народной Воли», в своем завещании просит иметь всегда в виду необходимость давать товарищам по партии полное нравственное удовлетворение. Это достигается атмосферой товарищеской любви и доверия, уважения чужой человеческой личности, откровенной дружеской критикой и внутренней дисциплиной. Только эта атмосфера может предохранить живую партийную организацию от вырождения в мертвую бюрократическую машину. Михайлов вместе с тем завещал шадить молодые, неокрепшие силы; дать им время определиться, устояться. Великая ответственность, с которой до сих пор справлялись с честью, падает в этом отношении в особенности на тех, в чьих руках грозный, боевой аппарат нашей партии.

Товарищи, наши работы кончены. Я вспомнил великого практика «Народной Воли», позвольте мне также вспомнить одного из наших величайших теоретиков, умершего на чужбине. Позвольте вызвать перед вами образ нашего великого старика и учителя Петра Лавровича Лаврова. Он говорил нам всем — и с этими словами его, как с напутственным лозунгом, мы разойдемся с этого съезда: «идите и делайте!»

(Продолжительные аплодисменты.)

Съезд постановляет послать приветствия: «бабушке», Е. Брешковской, которая по условиям нелегальной работы не могла прибыть на съезд, товарищам, находящимся в тюрьмах, Ф. В. Волховскому, задержанному болезнью за границей, и всем другим заграничным партийным работникам.

Председатель объявляет первый съезд партии закрытым, и собрание, при кликах в честь интернационального социализма и партии социалистов-революционеров, расходится.

СОСТАВ СЪЕЗДА

№	Название организаций	Фамилия делегатов	С голосом		Примечания
			реш.	сов.	
1	2	3	4		5
1	Петербургский комитет	Железновский	1		Прибыл 31 декабря
		Семенов	1		
		Дранг	1		
2	Псковская группа	Мирский			В начале решающий голос принадлежал Тихину, по прибытию же Норринга перешел к нему
3	Новгородская группа	Красин	1		
4	Рижский комитет	Норринг Тихин	1	1	
5	Центральный Обл.Ком.	Корсаков	1		
6	Московский комитет	Поморцев	1		
		Карский	1		
		Рошин	1		
7	Тверской комитет	Карпенко	1		
8	Ярославский комитет	Красова	1		
9	Владимирский комитет	Грибовский	1		
10	Калужский комитет	Веселовский	1		
11	Тульский комитет	Зимин	1		
		Тульский (канд)		1	
12	Нижегородский комитет	Нижегородский	1		
13	Орловская группа	Орловский	1		
		Орлов (канд.)		1	
14	Рязанская группа	Князев	1		
15	Муромская группа	Поступаев	1		
16	Киевский комитет	Павлов	1		
17	Харьковский комитет	Уманьский	1		
18	Екатеринославский комитет	Ладожский	1		
19	Курский комитет	Снегов	1		
20	Сев. - Запад. Обл.ком.	Васильев	1		
21	Витебский комитет	Порошин	1		
22	Саратовский комитет	Горецкий	1		
		Иванов	1		
23	Астраханский комитет	Аненнская	1		

1	2	3	4	5
24	Тамбовский комитет	Тамбовцев	1	Сибирские делегаты, благодаря случайным причинам (забастовки и пр.) не успели получить мандатов, но съезд формальных на основании сведений Орг. Бюро постановил признать за всеми ними право решающего голоса.
25	Екатеринбургский комитет	Щукин	1	
26	Иркутский комитет	Иваненков	1	
27	Красноярский комитет	Завадов	1	
28	Якутская группа	Городецкий	1	
29	Томская организация	Пашин		По первоначальному предложению ЦК, ему принадлежало 3 реш. голоса, но съезд постановил дать ему еще 2 голоса. Итого 5.
30	ЦК	Соболевский	1	
		Яблочков	1	
		Лесовский	1	По первоначальному решению Орг.Ком. и представители Крестьянск. Организ. ЦК, Ц. Бюро Крест. Союза было дано 2 реш. голоса. Съезд постановил дать решающий голос и 3-му его представителю Гурьянову. Кроме того, Кр. Союзу было предоставлено право пригласить 5 крестьян из Кр.Союза с решающим голосом. На съезд из числа последних удалось прибыть только Дымову.
31	Центральный орган	Тучкин	1	
32	Интернациональное Бюро	Шевич	1	
33	Заграничный комитет	Соломин	1	
34	Крестьянский союз	Базаров	1	
35	(Центральное Бюро и представители Крестьянских Организаций)	Старков	1	Первоначально явился с решающим голосом Боровский, но по прибытии Глазова (3 янв.) решающий голос перешел к нему.
		Гурьянов	1	
		Дымов	1	
36	БО	1	1	
37	Лондонский комитет	Глазов Боровский	1 1	

1	2	3	4	5
38	Таврический союз	Крымский	2	Крымский имел полномочия от Симферопольск., Ялт. и Севастопольск. ком. Съезд признал за ним право на 2 реш. голоса. Прибыл 1 января.
39	Уфимский комитет	Абрамов	1	
40	Читинская группа	Садовский	1	
41	Одесский комитет	Фирсов	1	
42	Сибирский союз	Зубов	1	
43	Пензенский комитет	Либин	1	Прибыл 31 декабря.
44	Смоленский комитет	Новгородцев	1	Прибыли 1 января.
45	Гомельская группа	Радин	1	
46	Самарский комитет	Самарин	1	
47	Елизаветградская группа	Львов	1	Прибыл 3 января.
48	Виленский комитет	Еленин	1	Прибыл 1 января.
49	Рославльская группа	Власов	1	Прибыл 3 января.
50	Козловская группа	Климов	1	Съезд признал за Климовым право решающего голоса, так как выяснилось, что группа существует на правах комитета.
51	Бакинский комитет	Бельская	1	Бельская за неимением формального мандата могла воспользоваться лишь совещательным голосом.
ИТОГО 51 организация с 67 решающими голосами				

**Члены по приглашению ЦК
(с совещательным голосом)**

Андреев	7	Коренев	13	Тулина
Медведев	8	Невский	14	Тургенев
Грозовский	9	Рославлев	15	Серов
Окунев	10	Турский	16	Дружинин
Рождественский	11	Сидоров	17	Х.
Омулевский	12	Красноярцев	18	Борисов
			19	Петрова

Гости по приглашению Орг. Комитета

1	Крамер
2	Матвеев
3	Степанова
4	Мальцева
5	Северова
6	Топорков
7	Тульская
8	Поликарпова
9	Егоров
10	Крюкова
11	Галина

**ПРОТОКОЛЫ
ВТОРОГО (ЭКСТРЕННОГО) СЪЕЗДА
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ³⁸¹
(12-15.02.1907 г.)**

**ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(12 февраля 1907 г. с 11 ч. до 2 ч. дня)**

Обязанности секретаря временно по поручению Организационного Бюро³⁸² исполняет тов. **Нагорцев**³⁸³.

По предложению Организационного Бюро тов. **Е.К.Брешковская** открыла съезд и обратилась к нему с приветственной речью. Появление тов. Брешковской встречено дружными и несмолкаемыми аплодисментами.

Тов. **Брешковская**. Дорогие товарищи! Дети мои дорогие! Да, я имею право так приветствовать вас. Мы собрались на съезд, и это великое счастье при теперешних условиях. Необходимо было свидеться и обсудить совместно дела, но в то же время съехаться вместе двумстам пятидесяти депутатам не было возможности по многим причинам. Во-первых, отрывать столько работников зараз значило бы временно ослабить работу в самое горячее время. Во-вторых, такой громадный съезд мог бы состояться только за границей, на что потребовалось бы и много времени и много денег, а в нашем распоряжении очень мало и того и другого. Обстоятельства так тяжелы и полицейские условия такие варварские, что и в половинном составе съезд собрался лишь при усердном содействии друзей наших финнов. Было решено, чтобы каждая губернская организация имела своих представителей от работ: крестьянской, среди рабочих и интеллигентов плюс представители специальных организаций партии. Но, к сожалению, съезд пришлось значительно урезать и все вопросы придется обсуждать в уменьшенном составе. Тем более ответственности лежит на нас, дорогие товарищи, тем усерднее должна быть наша работа. А работы навалилось множество. Одна «Дума»³⁸⁴ с сопровождающими ее обстоятельствами чего стоит! (Боюсь, чтобы она не через меру поглотила наше внимание, чтобы мы не забыли временно наши повседневные революционные дела, чтобы не понизили наше революционное настроение, как это было в прошлом году, при появлении «Думы».) Жизнь ширится неизменно и тянет наши силы во все стороны. Приходится и отвечать на все явления, затрагивающие жизнь народа, и помнить ограниченность сил партии. Это обязывает нас напрягаться и отдаваться делу без остатка. Вот почему я говорю, товарищи, что каждый из нас должен особенно строго относиться к себе, требовать от себя, заставлять себя. У нас принято, как, вероятно, и в других партиях, порицать ЦК и винить его во всех неудачах и недостатках в партийной работе. Но я думаю, что, работники-провинциалы, часто забываем о том множестве работы, которая лежит на ответственности ЦК. Огромная литературная работа — легальная и нелегальная, — издание брошюр, газет: солдатской, военной, рабочей,

крестьянской, сборников руководящих статей, «Партийных Известий»³⁸⁵ и прокламаций; устройство способов распространения всей этой литературы по огромной России и даже за границу, до самой Японии; сношение со всеми своими комитетами и со всеми организациями, лежащими вне партии: Крестьянский Всероссийский союз, военная организация, железнодорожная, теперь прибавились профессиональные союзы рабочих и, кроме этого, сношения со всеми родственными нам фракциями Польши, Западного края, Кавказа, Остзейского края и множеством других обязанностей — также лежат прежде всего на ЦК. Максимум 10 человек должны все знать, всюду поспеть и за все ответить... Это невозможно. И пока наши провинциальные организации сами не пойдут навстречу ЦК, пока со своей стороны не сделают всего от них зависящего для того, чтобы аккуратно и в достаточном количестве получать литературу легальную и нелегальную, для того, чтобы поддерживать определенные сношения с ЦК и быть всегда в курсе того, что делается во всех других местных организациях, — до тех пор работа ЦК не будет достигать цели и добрая половина его усилий останется бесплодной. На местах замечается узкий патриотизм. Редкий комитет думает о том, что, кроме его района, есть еще огромная окружающая этот район среда, тоже во всем нуждающаяся. Мое убеждение, что лишь тогда дело всероссийской организации пойдет хорошо, когда каждая область будет самостоятельно обслуживать все свои дела местными силами и средствами: установит правильные денежные сборы, образует правильную полку литературы и равномерное ее распределение, сумеет вызвать к деятельности местных людей, привлечь к ответственной работе крестьян и рабочих. Огромное количество комитетов и организаций не может ожидать, чтобы ЦК представлял собою неиссякаемый источник всяких средств для партийной работы, и все, что мы можем требовать от него по праву, это возможно полной осведомленности о положении дел в России, со всеми ее партиями, течениями и в связи с этим правильных указаний направления деятельности партийных организаций. Затем мы требуем от ЦК хорошей литературы и в виде периодических изданий, и в виде народной партийной литературы и, наконец, присылки во все области своих представителей, обязанных поддерживать постоянную связь между местными организациями и ЦК.

Принимая во внимание те неисчислимы бедствия, которым подвергалась партия во всем ее составе со стороны разъяренных врагов народа, принимая во внимание огромный рост партии, вызывающий к жизни не только новые организации, но и целые области новых работ и задач, мы должны признать, что положение ЦК партии социалистов-революционеров не из легких, и если не все принятые им на себя задачи были выполнены вполне удовлетворительно, то, во-первых, и члены ЦК не суть боги и могут иногда ошибаться, во-вторых, повторяю, их работа будет достаточно плодотворна лишь в том случае, когда все мы, работающие на местах, усердно направим наши силы навстречу начинаниям нашего центра.

Но что все мы работали дружно и не бесплодно, доказывается тем, что уже миллионы голосов крестьян и рабочих избирают своими пред-

ставителями социалистов-революционеров. Открывающийся съезд, имеющий решить вопросы для партии большой важности, да послужит доказательством и нашей дальнейшей работоспособности, и нашей дальнейшей солидарности. Товарищи! В переживаемое народом нашим время мы с особенным вниманием должны следить за тем, чтобы дух несогласия и раскола не коснулся партии соц.-революционеров, чтобы сильная и сплоченная она, как один человек, встала в защиту крестьян и рабочих, в защиту всех угнетенных...

Товарищи! Второй съезд партии соц.-революционеров открыт. (Дружные аплодисменты.)

Затем тов. Брешковская уступает председательское место второму председателю, по предложению ОБ, тов. Парфинову³⁸⁶.

Председ. **Парфинов** предлагает избрать комиссию по проверке мандатов.

Выбирается комиссия из 7 лиц: Беглецова³⁸⁷, Вологодского³⁸⁸, Веровой³⁸⁹, Градского³⁹⁰, Зиновьева³⁹¹, Уфимского³⁹², Молниева³⁹³.

Затем председатель объявляет на время проверки мандатов перерыв.

Председ. **Парфинов** вновь открывает заседание и объявляет, что заседания мандатной комиссии затянулись, но так как из ее работ уже и теперь ясно, что на съезде присутствует, во всяком случае, больше половины решающих голосов, то съезд может объявить себя конституировавшимся и приступить к некоторым предварительным работам.

(Съезд соглашается с мнением тов. Парфинова.)

Председ. **Парфинов** предлагает съезду выработать регламент. В качестве проекта регламента он читает регламент Первого съезда (текст регламента см.: Протоколы Первого съезда, с. 5-7), §§ 1, 2, 3 принимаются без изменения. В § 4, по предложению тов. Нагорцева, делается поправка: вместо 6 секретарей назначается 9. В § 5 время заседаний съезда определяется следующим образом: утреннее заседание от 9 до 2 и вечернее от 4 до 9 ч. Из § 6 оставляется только первая половина.

Остальные §§ 7-17 принимаются без изменений. Таким образом, принятым является нижеследующий текст регламента:

Регламент 2-го (экстренного) съезда П.С.-Р.

§ 1. Предварительное собрание. Съезд открывается временным президиумом, назначенным Орг. Бюро.

§ 2. Полномочия делегатов проверяются избранной на предварительном собрании комиссией и утверждаются по ее докладу съездом, причем голосуют лица, полномочия которых не оспорены комиссией.

§ 3. Съезд считается законным, если на нем представлено больше половины голосов, имеющих право на представительство. В случае если съезд по малочисленности участников не может состояться, то съехавшиеся члены образуют конференцию.

§ 4. По конструировке съезда избирается бюро из 3 председателей и 9 секретарей.

§ 5. Съезд продолжается 5 дней по 2 ежедневных заседания: от 9 ч утра до 2 ч дня и от 4 ч дня до 9 ч вечера.

§ 6. Все вопросы на съезде решаются простым большинством голосов.

§ 7. Комиссии для предварительной разработки вопросов избираются по мере надобности.

§ 8. Все предложения, резолюции и поправки передаются в бюро письменно.

§ 9. Все вопросы, кроме выборов в постоянные партийные учреждения, решаются открытой подачей голосов.

§ 10. Поименное голосование по решаемому вопросу производится в том случае, если того требуют не менее $\frac{1}{4}$ членов съезда.

§ 11. Выборы в постоянные выборные партийные учреждения производятся закрытой подачей голосов по запискам. Результаты их подсчитываются специально выбранными съездом лицами и на заседании не оглашаются, называется лишь лицо, через посредство которого можно обращаться к новоизбранным учреждениям.

§ 12. Назначенные Орг. Бюро докладчики по вопросам, стоящим в порядке дня, имеют $\frac{1}{2}$ ч. для доклада и 20 м[ин] для заключительного слова без права вмешательства в прения.

§ 13. Перед обсуждением каждого из этих вопросов на заседании съезда последний, в случае надобности, назначает содокладчика, который имеет слово на 30 м[ин] после доклада и 20 м[ин] перед заключительным словом докладчика.

§ 14. В прениях по каждому из обсуждаемых вопросов, по которым открыт председателем список ораторов, каждый член съезда может брать слово дважды: в первый раз на 10 мин, во второй раз на 5 мин.

§ 15. Личные замечания и поправки фактического характера допускаются лишь по окончании прений по данному вопросу.

§ 16. Предложения к порядку ведения дел исчерпываются представлением слова одному оратору за и одному оратору против предложения, каждому не более 2 минут.

§ 17. Протоколы заседаний предыдущего дня заслушиваются и утверждаются в начале следующего дневного заседания. Для утверждения протоколов двух последних заседаний собирается специальное заседание.

После принятия регламента пред. **Парфинов** закрывает заседание на время обеда до 4 часов.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(12 февр[аля] 1907 г. от 4 ч. дня до 10 ч. вечера)

Председательствует тов. **Парфинов**. Обязанности секретарей временно по поручению Орг. Бюро исполняют т.т. **Нагорцев**, **Симбирский**³⁹⁴ и **Ольгина**³⁹⁵.

Председ. **Парфинов** дает слово докладчику мандатной комиссии тов. **Вологодскому**.

Тов. Вологодский сообщает, что комиссия нашла целый ряд неудовлетворительных мандатов. Неудовлетворительными оказались мандаты представителей Вологды, Житомира, Коканда, Тулы, Златоуста и Заграничной Организации. Делегаты от Екатеринбурга, от Тверского и Мос-

ковского губ. комитетов и от Риги-Юрьева просят допустить их с совещательными голосами. Кроме того, Южная Областная организация ходатайствует перед съездом о предоставлении ей вместо 7 голосов 10.

Председ. Парфинов заявляет, что таким образом, как уже раньше известно, на съезде присутствует значительно более половины голосов и съезд может признать себя состоявшимся. Затем председатель предлагает рассмотреть неудовлетворительные мандаты по отдельности и предоставляет слово тов. Вологодскому.

Тов. **Вологодский** сообщает, что мандат Вологодской организации признан комиссией недействительным ввиду того, что настоящий, избранный конференцией делегат передоверил право голоса другому без согласия избравшей его губернской конференции. Ввиду этого тов. Вологодский от имени комиссии предлагает дать представителю Вологды только совещательный голос.

Тов. **Костромич**³⁹⁶, становясь на юридическую точку зрения, присоединяется к мнению комиссии.

Тов. **Крымов**³⁹⁷. С формальной стороны и комиссия и тов. Костромич правы, но надо иметь в виду, что вологодский делегат передоверил свое право не какому-нибудь постороннему лицу, а известному в Вологде партийному работнику, кандидатура которого выставлялась на конференции. На этом основании тов. Крымов предлагает дать вологодскому депутату решающий голос.

Тов. **Семенов**³⁹⁸. Вологодскому делегату не было дано право передоверять свой мандат. Здесь указывалось на то, что кандидатура явившегося на съезд представителя выставлялась вологодской конференцией, но ведь, однако, конференция его не избрала. Я думаю, что мы не можем дать ему решающего голоса.

Председ. ставит вопрос на голосование, и собрание подавляющим большинством дает ему только совещательный голос.

Тов. **Вологодский** докладывает о мандате Житомирского комитета. Комиссия не находит возможным дать решающий голос житомирскому представителю ввиду того, что он был избран не конференцией, а комитетом.

Тов. **Минский**³⁹⁹. Если Житомирский комитет основан на выборных началах, то я предлагаю предоставить его представителю решающий голос на съезде, если же комитет назначенный, то — совещательный.

Тов. **Курский**⁴⁰⁰ стоит за то, чтобы дать товарищу решающий голос, так как прежде всего настоящий съезд не очередной, а экстренный и созывается он при крайне стесненных обстоятельствах.

Тов. **Псковский**⁴⁰¹ высказывается против решающего голоса на том основании, что в значительном числе наших организаций существуют трения между комитетом и периферией и представительство только комитетов не может быть правомочным.

Тов. **Филимонов**⁴⁰². Вследствие провалов далеко не везде можно собирать конференции, и, кроме того, в извещении о съезде не сообщалось, что выборы должны производиться конференциями, а не комитетами, поэтому я предлагаю дать товарищу решающий голос.

Тов. **Лаврецкий**⁴⁰³. Съезд не должен создавать нежелательных прецедентов. Совет партии решил даже Обл. комитетам дать только совеща-

тельный голос. На каком же основании мы дадим решающий голос низшей и менее авторитетной организации? Я стою за то, чтобы дать только совещательный.

Тов. **Семенов**. Мне непонятно, как это некоторые товарищи говорят, будто им неизвестно было, что на съезде должны выбирать конференции, а не комитеты. Ведь постановления Совета партии не оставляют в этом отношении никаких сомнений.

Тов. **Крымов** тоже недоумевает, как это комитеты могли не знать советских решений.

Тов. **Волынцев**⁴⁰⁴ (д-гат Житомирского к-та) дает разъяснение, почему он не был избран конференцией.

Мы получили извещение о съезде 6 февр., причем 7-го уже надо было явиться в Петербург! При таких условиях созвать конференцию среди предвыборной горячки и страшных провалов было совершенно невозможно.

Тов. **Семенов** (к порядку дня). Необходимо выбрать комиссию для расследования этого факта.

Тов. **Вологодский**. Комиссия уже выбрана, и я от ее имени и даю доклад.

Тов. **Лаврецкий**. О съезде сообщалось даже в газетах.

Тов. **Семенов**. Мало ли что пишут в газетах. Это не организационное извещение.

Тов. **Борисовский**⁴⁰⁵. Надо помнить, что экстренный съезд, а не очередной. Извещение о нем действительно было получено поздно. Я сам избран был конференцией, но не на этот съезд, а на большой и гораздо раньше получив извещение.

Тов. **Григорьев**⁴⁰⁶. Во многих случаях комитеты у нас оторваны от периферии и от масс. Поэтому давать делегату комитета решающий голос значило бы уменьшить авторитет съезда в широких кругах партийных работников. Не может быть, чтобы о съезде не знали заранее, о нем говорили с ноября и всем было известно, что до Думы непременно должен быть созван съезд.

Председ. **Парфинов** ставит вопрос о житомирском делегате на баллотировку, и собрание значительным большинством постановляет дать ему только совещательный голос.

Тов. **Вологодский** докладывает о мандате Заграничной Организации. Комиссия предлагает дать тов. Долинину⁴⁰⁷, депутату Загр. Орг. лишь совещательный голос, так как не установлена партийность Загр. Орг., которая не была санкционирована ЦК.

Тов. **Григорьев** присоединяется к мнению комиссии.

Тов. **Долинин** начал было излагать историю Загр. Орг., но был остановлен председателем на том основании, что съезд не имеет времени входить в обсуждение вопроса по существу.

Тов. **Большов**⁴⁰⁸. От имени ЦК я должен сообщить, что Загр. Орг. до сих пор не санкционирована ЦК, так как он не был уверен в партийности всех объединившихся на заграничной конференции групп. Материалы по этому вопросу еще не проверены, и ЦК вынужден был отло-

жить окончательное его решение. На этом основании и было решено предоставить представителю Загр. Орг. лишь совещательный голос.

Тов. **Воинов**⁴⁰⁹. В извещении о съезде значится, что Загр. Орг. предоставляется 1 решающий голос, и это вполне соответствует решению Совета партии дать Загр. Орг. 2 решающих голоса на большой очередной съезд. Почему же теперь ЦК изменил это решение?

Тов. **Большов**. Я могу разъяснить это обстоятельство: Совет был в ноябре, и он постановил дать 3О 2 решающих голоса **предположительно**, если она ко времени съезда конструируется как вполне партийная. И ЦК, рассылая извещение на экстренный съезд в половинном составе, действовал также предположительно. Но как я уже сказал, в распоряжении ЦК не оказалось достаточных и точно проверенных материалов, на основании которых он мог дать 3О свою санкцию. Вот поэтому-то теперь и предлагаем дать только совещательный голос.

Тов. **Зиновьев**. Не стоит нам терять время по этому вопросу. Пусть ЦК сам решит его.

Тов. **Семенов**. Я думаю, что нам придется решить этот вопрос не формально, а по существу. Надо избрать особую комиссию, и тогда сам съезд уже решит по докладу этой комиссии: следует или нет дать санкцию 3О и вместе с тем решающий голос.

Тов. **Тучкин**⁴¹⁰. Если ЦК до сих пор не мог решить этого вопроса, то что может сделать комиссия в 3 дня? Она не успеет даже собрать материалов. ЦК-ту, вероятно, придется послать за границу специальное лицо для обследования положения вещей на местах, так как для партии имеет чрезвычайно важное значение правильное решение этого вопроса.

Тов. **Семенов**. Здесь есть 3 чел., присутствовавших на заграничной конференции, и они могут дать все нужные сведения.

Председ. **Парфинов** ставит на голосование предложение тов. Семёнова о выборе комиссии, и съезд отвергает его большинством 19 против 15. Затем председатель баллотирует вопрос о предоставлении т. Долинину решающего голоса, и собрание большинством всех против одного решает дать ему только **совещательный** голос.

Тов. **Вологодский** докладывает о мандате Кокандской организации. Кокандский делегат был выбран конференцией, но слишком давно и притом на предполагававшийся большой (очередной) съезд. С того времени в Коканде могли произойти многие перемены, и, может быть, кокандские товарищи уже выбрали другого делегата, который и может прибыть на съезд. Поэтому комиссия предлагает дать товарищу решающий голос лишь условно, если не приедет из Коканда никто другой.

Председ. **Парфинов** голосует вопрос, и собрание единогласно решает принять предложение комиссии.

Тов. **Вологодский** докладывает о Туле. Комиссия не решилась дать определенного заключения о тульском депутате: при проверке его мандата возникли такие сомнения и подозрения, что комиссия предлагает назначить еще новую специальную комиссию с представителями от ЦК для окончательного расследования.

Тов. **Федотыч**⁴¹¹. Ведь и будущая комиссия тоже ничего не разберет. Не лучше ли выяснить вопрос прямо на съезде.

Тов. **Уфимский**. У комиссии были такие сведения, которые неудобно оглашать на общем собрании.

Председ. **Парфинов** голосует предложение избрать комиссию с представителем от ЦК и от Обл. Комитета Центральной Области. Большинством решено избрать комиссию из 5 лиц: Коренев⁴¹², Брежневская, Графский, Сергеев⁴¹³ и Владимирский⁴¹⁴. По избрании комиссии председ. Парфинов дает слово Златоустову⁴¹⁵ для объяснения по поводу правомочности златоустовского мандата.

Тов. **Златоустов**. Я не был выбран конференцией. Но надо иметь в виду, что в Златоусте, кроме комитета, существует и «ядро» из 10 выборных от рабочих, и я являюсь представителем не только комитета, но и был выбран «ядром». Конференцию же мы не могли созвать за недостатком времени.

Тов. **Зиновьев** предлагает дать Златоустову решающий голос как непосредственному представителю рабочих.

Председ. **Парфинов** голосует вопрос, и собрание подавляющим большинством постановляет дать решающий голос.

Тов. **Вологодский** докладывает, что Южная Обл. Орг. просит дать ей сверх 7 еще 3 голоса.

Тов. **Крымов**. Советом партии решено дать нашей области 14 голосов для очередного съезда, сообразно с этим ЦК на половинный экстренный съезд предоставил нам 7 голосов. Наш областной съезд решил, что это мало, что нам необходимо еще 3 голоса, и мы просим теперь дать нам эти голоса. Я должен добавить, что пока из нашей области прибыло только 6 деп., вероятно, скоро придет еще 1, что же касается остальных, то они, может быть, и совсем не явятся. При распределении голосов внутри области мы один голос решили отдавать Обл. К-ту.

Тов. **Лаврецкий**. Я не понимаю, с какой стати мы будем давать Южн. Орг. какие-то особые привилегии.

Председ. **Парфинов** по просьбе одного из товарищей ставит на баллотировку предложение совершенно снять вопрос о 3 лишних голосах с очереди.

Большинством 24 против 9 постановлено снять вопрос с очереди и т. обр. ЮО имеет 7 голосов.

Тов. **Вологодский** докладывает о мандате представителя Риги-Юрьева. Советом партии решено дать Риге-Юрьеву для очередного съезда 1 совещательный голос, для экстренного съезда и совсем не было дано голоса. Северный Обл. съезд ввиду особой важности Рижско-Юрьевского района просит дать ему хотя бы совещательный голос. Комиссия присоединяется к этой просьбе.

Председ. **Парфинов** голосует, и предложение комиссии принимается единогласно.

Тов. **Вологодский**. Представители Московской губ., Екатеринбурга и Твери, как избранные не конференцией, а комитетами, просят для себя лишь совещательных голосов. Комиссия предлагает удовлетворить эту просьбу. Предложение комиссии принято единогласно.

Тов. **Большов**. Здесь присутствует еще один тов. **Белоруссов**⁴¹⁶, который приехал без мандата и без приглашения ЦК. Тов. Б-сов состоит

членом Центральной Крестьянской Комиссии и вообще уже давно работает в партии. ЦК не считал себя вправе теперь, когда уже съезд конструирован, пересматривать и пополнять список приглашенных и предлагает решить этот вопрос съезду. С своей стороны ЦК не находит никаких препятствий к положительному решению.

(Предложение тов. Большова принято единогласно.)

Тов. **Большов**. Я должен внести еще одно предложение от имени ЦК: существует непартийная офицерская организация. Создана она, однако, нашими партийными работниками и находится под нашим влиянием. ЦК ассигнует деньги на издание ее периодического органа⁴¹⁷. Но все же сам ЦК не решился взять на себя приглашение представителя этой организации. Между тем офицерская организация знала о предстоящем съезде, выбрала от себя депутата (человека вполне партийного) и просит теперь допустить его с совещательным голосом. ЦК представляет этот вопрос на решение съезда, предлагая со своей стороны решить его в положительном смысле.

Предложение тов. Большова принято единогласно.

Тов. **Курский** предлагает пригласить еще с совещательным голосом тов. Юрьева⁴¹⁸, который дожидается в Выборге. Это старый тов., недавно вернувшийся из ссылки.

(Предложение тов. Курского принято.)

Председ. **Парфинов** делает сводку результатов проверки мандатов; оказывается, что на съезде присутствует 90 ч[ел.]: 61 с решающим голосом, 11 — с совещательным и 18 гостей. Итак, еще раз повторяю, что съезд может считать себя законным. Теперь необходимо избрать президиум из трех лиц и бюро секретарей. Орг. Бюро предлагает в президиум избрать: т.т. Семенова, Парфинова и Капустина.

(Голоса: Кто такой Капустин, где он?)

Председ. **Парфинов**. Я могу сказать, кто такой тов. Капустин (с глубоким волнением), — это Гершуни... (гром рукоплесканий; при появлении тов. Гершуни рукоплескания усиливаются).

Председ. **Парфинов** (продолжает) ...я с волнением назвал это имя, товарищи, и вы понимаете, конечно, мое волнение. Мы закончили наш первый съезд чтением письма Григория (А[ндреевича]), теперь он появляется среди нас сам, и это налагает на всех нас великое обязательство безусловного молчания о присутствии Гр.А. на съезде. По предложению председателя, съезд избирает единогласно т.т. Гершуни и Брешковскую почетными председателями и т.т. Гершуни, Парфинова и Семенова — действительными. Тов. Гершуни приглашается занять председательское место, и появление его на эстраде снова вызывает гром рукоплесканий.

Председ. читает предложенный Орг.Бюро список 9 секретарей, и съезд утверждает их единогласно: Нагорцев, Симбирский, Ольгина, Петров⁴¹⁹, Волжанин⁴²⁰, Павлова⁴²¹, Молниев, Вяткин⁴²² и Игорев⁴²³.

Председ. **Гершуни**. Товарищи, я прибыл сюда из Америки, а у американцев самая распространенная поговорка: «Время — деньги». И я хотел бы перейти прямо к делу, но все же я обязан предварительно

сказать несколько слов... Нас, партийных работников, на Ангаре⁴²⁴ было 15-20 человек. Это все известные и дорогие всем товарищи, начиная с самого старшего Карповича и кончая самой молодой Спиридоновой⁴²⁵... Прежде чем упаковать меня в бочку, все они просили передать вам (сильно волнуется и говорит с трудом)... Я должен передать привет и те чувства... чувства привязанности и любви к вам, к делу партии. Я говорю не для возбуждения сентиментальных чувств. Нет, но нам всегда казалось, что если партийным работникам нужен какой-нибудь этический балласт и руль, то это может быть только беспредельная любовь к партии, — любовь сына к дорогой матери... И эти чувства, эту любовь наши товарищи просили передать вам, партии...

Еще одно я должен сказать вам, т-щи. Как только на одной из финляндских станций я узнал о победе левых на выборах и о готовящемся съезде нашей партии, на котором я должен присутствовать, с тех пор я не могу отвязаться от одной мысли, мысли, которая, как змея, обвивает сердце. Я хочу поделиться этой мыслью с вами, хочу, чтобы она постоянно стояла перед вами. Вот эта мысль: нам, небольшой и молодой еще конспиративной Партии, приходится теперь выступить открыто на такую громадную арену, что дух захватывает! Возникает страшная, огромная ответственность. Ведь и мы будем в Думе, и мы, еще недавно конспиративная партия, будем открыто перед лицом всего мира решать широчайшие проблемы. Не забывайте этого, товарищи! Судьба всего революционного дела в России и вместе с тем судьбы революционного социализма в мировой истории тесно связаны с нашими решениями. И я хочу, чтобы эта мысль всечасно стояла перед вами. Я хочу, чтобы мы сделали все, что могли, что мы ничего не забыли...

Еще одно слово. После многих лет отсутствия и оторванности я сразу попал на многолюдный съезд. Мне говорят, что представлена еще далеко не вся партия, но если б даже и вся, то это много, очень много. Но к чувствам радости по этому поводу примешивается чувство глубокой скорби о погибших... Товарищи, почтим их память. (Съезд единодушно поднялся, и был пропет гимн: «Вы жертвою пали...»)

Довольно, товарищи, мы партия борьбы, партия трудящегося класса, и у нас нет времени долго стоять у дорогих нам могил. Но прежде, чем уйти с них, мы должны дать клятву честно умереть — приложить все силы с **пользой** умереть, с наибольшей пользой для народа, с наибольшим вредом для его врагов! **Умереть храбро и умно**, — вот девиз второго съезда, который объявляю открытым. (Долгие несмолкаемые аплодисменты.) Теперь к делу. И прежде всего я должен сказать о необходимости строгого соблюдения конспирации. Я передаю вам просьбу Орг.Бюро, и лучше сказать, не просьбу, а **приказ**, да, именно **приказ**: мы здесь на поле битвы и можем отдавать приказы — никто не должен ввиду конспирации отправлять отсюда что бы то ни было: ни почтой, ни телеграфом, ни телефоном без ведома Орг. Бюро.

Затем председ. Гершуни предлагает перейти к обсуждению порядка дня и читает проект порядка дня по «извещению о съезде».

ЦК ставит на разрешение экстренного съезда следующие вопросы:

1. Общая тактика П.С.-Р. во время действия новой Государственной Думы. Террористическая деятельность. Образование парламентской фракции П.С.-Р. и наказания народным депутатам. Тактика партии в случае разгона Думы. 2. Организационные вопросы. 3. Отношение к национальным соц.-револ. партиям. 4. Отношение к Союзу соц.-рев. максималистов и партии народ[ных]-социалистов. 5. Участие П.С.-Р. в Штутгартском международном социалистическом конгрессе. 6. Отчет ЦК и других партийных организаций. 7. Выборы ЦК.

Тов. **Бромский**⁴²⁷. Я уполномочен Виленской организацией предложить съезду в порядок дня вопросы о локауте, об издании литературы на еврейском, литовском, польском языках, о Белорусском Крестьянском Союзе, о Литовском Крестьянском Союзе и о Всероссийском Железнодорожном Союзе.

Тов. **Курский**. Я хочу сказать несколько слов по поводу 2-го пункта прочитанного «порядка дня», по поводу организационных вопросов. На местах предполагали, что в этом пункте под «организационными вопросами» разумеется вопрос о пересмотре Орг.Устава. И по крайней мере у нас, в Украинском Обл. комитете, этот вопрос является злобой дня, в особенности вопрос о реорганизации Областных комитетов и разделения нашей области на две части. Я предлагаю включить эти вопросы в порядок дня.

Тов. **Войнов** по поручению Петербургской организации предлагает в «порядок дня» включить вопросы: о профессиональных союзах, об экспроприациях, об экономическом терроре и об устранении «центральной фигуры».

Тов. **Филимонов** и затем **Рязанцев**⁴²⁸ поддерживают предложение о необходимости поднять на съезде организационный вопрос, в особенности вопрос об Обл. Комитете.

Тов. **Долинин** предлагает отнести орг. вопрос в самый конец ввиду того, что перед нами стоит необходимость обсудить прежде всего практические действия.

(Говорили по поводу «орг. вопроса» **Крымов**, Волгин и Сергеев.)

Председ. **Гершуни**. Положение съезда в смысле безопасности еще слишком неопределенно, и я предлагаю теперь прямо перейти к обсуждению первого пункта «порядка дня», который займет больше всего времени; затем, когда мы выясним точнее, сколько дней мы будем в состоянии заседать, и сумеем выработать соответствующий порядок.

Предложение принято подавляющим большинством.

Тов. **Крестовский**⁴²⁹ дает разъяснения от имени следственной комиссии по поводу тульского делегата. Тульский делегат спутал все пароли и по некоторым пунктам дал явно лживые показания. Комиссия, не находя данных для подозрения его в провокации, предлагает все же арестовать его до окончания съезда и разъезда всех делегатов.

Предложение принято большинством.

Тов. **Тучкин** (докладчик по поручению ЦК)*

* Речь тов. Тучкина будет напечатана в дополнении⁴³⁰

(После доклада тов. Тучкина Рязанцев, Андронов, Курский говорили о порядке обсуждения вопросов, выдвинутых докладом. Решено открыть прения по всему докладу сразу.)

Тов. **Владимирский**. Одним из многих основных вопросов нашей текущей тактики является целесообразность или нецелесообразность образования в Думе фракции нашей партии. В прошлом году этого вопроса в сущности и не могло возникать, так как мы бойкотировали Думу. И только оппортунистическая тактика могла толкнуть бойкотирующую партию образовать в Думе свою фракцию. На этот путь поспешила вступить соц.-демократия, но на него, конечно, не вступила партия с.-р. В этом году мы принимали участие в выборах, а следовательно, мы имеем право на образование в Думе своей фракции. Но мы не только можем, но и должны образовать в Думе свою фракцию. Тов. Тучкин в доказательство этой мысли привел аргументы организационного характера. Я приведу аргументы иного характера. Мы принимали участие в выборной кампании не только как революционеры, но и как социалисты, поэтому и необходимо, чтобы в Думе были представители социалистической мысли. И было бы крайне печально, если бы русская социалистическая мысль была односторонне представлена только соц.-демократией. Итак, мы должны образовать свою «парламентскую» фракцию. Но раз мы образуем свою фракцию, то на нас оказывается обязательство изменить свою обычную боевую тактику. В прошлом году, несмотря на то что наша партия бойкотировала Думу, Совет партии постановил приостановить террор, т.е. изменить временно свою обычную тактику. Совет совершил крупную политическую ошибку. Мы бойкотировали Думу, но ради нее приостановили свою тактику. И вот теперь перед нами стоит опять вопрос — изменить или не изменять нашу обычную тактику. Существует на этот счет три течения. Совершенно изменить свою тактику. Долой террор, говорят сторонники этого течения. Диаметрально противоположно этому течению течение, считающее необходимым оставить нашу тактику прежней, т.е. боевой. Но есть и среднее течение, к которому принадлежит тов. докладчик. Рекомендуется нашу тактику изменить, но не совершенно. Рекомендуется производить террористические акты каждый раз лишь с санкцией ЦК. Ведь не всякий террористический акт полезен. И как странно стремиться совершать акт пропаганды и агитации всякий раз с особого разрешения ЦК, так же странно всю террористическую деятельность передать в ведение ЦК. Это приведет к сведению террора почти на нет. Это есть лишь замаскированное изменение нашей общей боевой тактики. В ведении ЦК должна быть лишь та террористическая деятельность, которая направлена против центральных фигур, считая в том числе и фигуру царя, личность которого до сих пор в этом отношении была для нас почему-то неприкосновенной... Наше путешествие в Думу является лишь небольшой частью нашей общей тактики: общая тактика есть боевая тактика, и вот рекомендуется нашу общую тактику подчинить части. Мы этого не должны делать. Наша тактика есть тактика боевая, причины, ее вызывающие, те же, как и прежде, и потому никаких, решительно никаких изменений в нашей тактике быть не может.

Тов. **Квадратов**⁴³² (Астрахань). Тактика бойкота первой Государственной Думы не была ошибочной тактикой: мы бойкотировали Думу, не желая питать конституционных иллюзий в народных массах. Нынче мы пошли в Думу лишь в том убеждении, что урок прошлой Думы был достаточным уроком для народного сознания, что во всей своей массе народ вполне сознал, что Дума должна быть не законодательным учреждением, а орудием в руках революции. Если мы, партия революционного социализма, пошли теперь к избирательным урнам, то только с целью создать в Думе свое абсолютное большинство и пред всем народом, пред всем миром показать, как должны говорить и что должны делать люди, которым революционный народ вверил свое представительство. Это выразилось бы, конечно, в нашей внедумской тактике.

Мы только что прослушали мнение об этом ЦК и, да простит мне тов. Тучкин, если я скажу, что предложенная в докладе тактика изумительно напоминает мне ту наклонную и скользкую плоскость, по которой скатились так низко кадеты; благодаря этой скользкой тактике они оказались гораздо ниже революционного настроения народа; благодаря ей первая Дума закончила свое существование в Выборге жалким писком умирающего мышонка.

Голос **революционной** Думы должен быть голосом властного народа, он властно должен сказать народное «я хочу». И если бы мы действительно заняли в Думе позицию решающего большинства, мы имели бы фракцию, которой смело могли бы вручить наше партийное знамя. Эта фракция действовала бы, как указывали бы ей мы. Теперь же эта тактика может служить лишь в качестве единственно возможного для партии революционного социализма регулятивного принципа. Здесь я выражаю мнение пославшей меня астраханской конференции и свое собственное. Во-первых, ни в коем случае не принимать присяги царю. Подписаться под гнусными словами текста присяги пред всем миром — это вовсе не то же, что жить по фальшивому паспорту, и никакие параллели и аналогии здесь не выдерживают критики. Присяга должна быть принесена, но не царю, а народу; народные представители должны поклоняться народу, выработать для этого особый текст присяги. Во-вторых, ни слова к преступному правительству; все декларации должны быть обращены к народу в форме определенных законченных постановлений. Должно быть объявлено освобождение всех находящихся в плену у царского правительства, должны быть декретированы все свободы и передача всей земли трудящимся на ней. Низложение правительства может быть не фактическое, но, во всяком случае, оно совершится в народном сознании. Принятие функций Временного правительства и организация выборов в Учредительное собрание — вот чем должна закончить свою деятельность Дума.

Недавно один товарищ, прошедший теперь в Думу, говорил мне (тогда он только надеялся еще, что пройдет): «Если я войду в Думу, то дойду до виселицы». Если бы мы могли иметь свое большинство в Государственной Думе, составленное из таких товарищей, наша тактика была бы, должна бы быть именно такой, а не иной. Но мы большинст-

ва не имеем. Раз это так, у нас не должно быть в Думе фракции. Пусть это будет группа социалистов-революционеров, на которую мы будем действовать, но за действия которой мы, как партия, не отвечаем.

Тов. **Выборгский**⁴³³. Что касается до меня, то я не испытываю того ощущения, о котором только что говорили тов. Квадратов, а именно будто мы, социалисты-революционеры, скользили куда-то по наклонной плоскости вместе с докладчиком. Наоборот, доклад возбуждает во мне несколько общих соображений о нормальном отношении между нашей деятельностью в Думе и нашей деятельностью в стране, как разными, но отнюдь не противоречивыми сторонами одного и того же революционизирующего Россию процесса. Действительно, мы, русские социалисты-революционеры, подобно всем партиям мира, стоящим на точке зрения непримиримой классовой борьбы труда против капитала, эксплуатируемых и угнетенных против эксплуататоров и угнетателей, стремимся всевозможными способами и при помощи разных средств к одной великой цели: низвержению современного экономического режима и современного классового государства. Избирая, между прочим, одним из орудий революционизирования страны думскую деятельность, а именно с думской трибуны мы так же мало противоречим этим себе и своей революционной деятельности в стране, как и всякая другая серьезная социалистическая партия, громко заявляющая в парламенте о том, что она готовит революцию. Когда, например, нашего товарища по международному социализму, депутата Вальяна, рабочие посылают в буржуазный парламент Франции, он несколько не противоречит своему революционному мировоззрению, всходя на **легально** предоставленную ему трибуну, но с тем, чтобы оттуда говорить о необходимости революционного и, стало быть, **нелегального**, с точки зрения правящей буржуазии, переворота. Даже у таких временами очень увлекающихся парламентаризмом партий как немецкая социал-демократия, вызывается в критические моменты подобное же признание необходимости смотреть на парламентскую деятельность лишь как на одно из средств, ведущих к общей революционной цели. В этом отношении поучительны некоторые передовицы, появившиеся в «Vorwärts» после того, как немецкий избиратель — по тем или иным причинам — вылил ушат холодной воды на социал-демократическую партию... С другой стороны, и теперь с трибуны разных парламентав раздается апология не только общей революционной деятельности, но и террора... правда, не своего, а чужого. Так, уже упомянутый Вальян несколько лет тому назад выразил с трибуны такое горячее одобрение русским террористам, что президент палаты Бриссон⁴³⁴ призвал его к порядку. Так, социалист Руанэ⁴³⁵ всего несколько дней тому назад назвал казнь великого князя Сергея⁴³⁶ не убийством, а тем, чем она была на самом деле, т.е. исполнением революционного приговора над насильником, вызвав тем лицемерное возмущение на скамьях буржуазных депутатов. И даже в смирном немецком рейхстаге и из рядов довольно умеренной германской соц.-демократии в ответ на завывание реакционеров против «русских убийц» прозвучала два года тому назад негодующая фраза: «То не

убийцы, а национальные герои». Итак, из того, что русские социалисты-революционеры идут в парламент, еще не следует, чтобы они должны были прекратить свою революционную и, в частности, террористическую деятельность в стране.

Наоборот, они не только будут продолжать ее, но громко и энергично защищать с думской трибуны, которая стоит все-таки выше, чем трибуна на каком-нибудь простом митинге. Вопрос лишь в том, как удобнее сделать это. Если, например, в Думе образуется фракция партии соц.-революционеров, официально признающая партийную дисциплину и партийные директивы, то в случае защиты ею террора или просто совершения партией вне Думы террористического акта правительство может одним взмахом юридической сети прикрыть ее петлями всю фракцию, извергнуть ее из Думы и обрушиться на нее преследованиями по пункту 1-му статьи 126, т.е. значит зажать рот партии в Думе и насильственно прекратить ее агитационную и организаторскую роль при помощи Думы. Другое дело, если прошедшие в наш «парламент» члены партии образуют собою солидарную группу социалистов-революционеров, официально не признающих директив партии, но не упускающих случая, чтобы развивать ясно и определенно социально-революционную программу, включая сюда и террор, и даже в особенности террор. Ибо, повторяю, ввиду страшного правительственного произвола террористическая деятельность не только не должна будет прекратиться или ослабеть, но? наоборот, сконцентрироваться и выразиться в определенных и очень ярких актах, регулируемых партией. Замечу, что группа наших товарищей, попавшая в Думу, должна вдохновляться тем соображением, что апология террора лишь лицемерно отрицается современными буржуа и что было время, дивившееся не один десяток лет, когда поэзия, философия, публицистика третьего сословия была полна прославлением решительных актов против тиранов и когда идеалисты Шиллер⁴³⁷ и Байрон⁴³⁸, рассудительный и благородный Джон Стюарт Милль⁴³⁹, и Гюго⁴⁴⁰, и столько теоретиков и практиков свободолюбивой европейской демократии восхваляли руку героев, поражавших всемогущих деспотов и людей беззаконного произвола... Я кончаю и предлагаю в виде вывода следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что партия социалистов-революционеров, как стоящая на точке зрения революционного социализма, смотрит на парламентскую деятельность вообще, лишь как на одно из орудий революционизирования страны и ни в коем случае из-за легальной деятельности в Думе не может прекратить революционной деятельности в стране; принимая далее во внимание, что террористическая борьба, как одна из форм упомянутой революционной деятельности в стране, теперь в особенности необходима, ввиду ужасающего произвола правительства съезд находит, что террор должен быть не только не прекращен, **но еще усилен**, во-первых, проявляясь по возможности в резких и для всех понятных актах против агентов правительства, особенно поддерживающих реакцию, и, во-вторых, защищаем с высоты думской трибуны соц.-революционерами, прошедшими в Думу. Но принимая во внимание, что выступле-

ние таковых, как членов фракции, связанной дисциплиной и политическими директивами с партией, может дать повод правительству преследовать всю фракцию, как преступное сообщество, исключив ее из Думы и обрушившись на нее всей тяжестью преследований, съезд приглашает товарищей в Думе составить особую солидарную группу, которая официально не признавала бы себя связанною партийной дисциплиною и директивами партии, но которая не упускала бы случаев твердо и громко защищать программу социалистов-революционеров, включая сюда и террор». (Аплодисменты.)

Тов. Зиновьев. Целью образования социально-революционной фракции в Государственной думе должно быть широкое развертывание перед народными трудовыми массами программы и тактики партии, в особенности тех пунктов основного мировоззрения партии, которые отличают нашу программу от программы всех других партий. Необходимо также широкая популяризация П.С.-Р., как таковой. В некоторых местностях России, несмотря на крайне широкое влияние идей партии, мы при выборах в 2-ю Думу не могли надеяться на победу, выступая под знаменем П.С.-Р., и должны были для популярности воспользоваться родственным нам идейно, внепартийным флагом Трудовой группы или Крестьянского Союза. Теперь на обязанности партийной фракции в Думе лежит задача выдвинуть именно знамя и лозунг П.С.-Р., в ее широком виде, во всей ее своеобразности. Отсюда вытекает необходимость образовать в Думе не группу с.-р., как здесь было предложено, а именно фракцию. П.Соц.-Рев., которая должна своей вполне определенной программой и тактикой увлечь за собою влево все народническо-трудовые элементы Думы (Трудовая группа, Крестьянский Союз, народ.-соц.). Для наиболее широкой популяризации идей партии, подчеркивающих ее отличие и своеобразие от других, даже тождественных ей по конечной цели, партий, фракция П.С.-Р., наряду с критикой и разоблачением действий правительства, должна внести в Думу в первые же дни проект закона или предложение о социализации земли в духе П.С.-Р. Этим партия будет популяризирована среди широких трудовых масс крестьянства и деревенского пролетариата. Для укрепления позиций партии среди городского пролетариата фракция должна внести в Думу и рабочий законопроект, в котором должен быть особенно освещен пункт о минимальной заработной плате и об участии рабочих в установлении внутренней организации труда в промышленных заведениях, т.е. в пунктах, отличающих нашу партию от соц.-демократической. Необходимо также от имени фракции внести предложение о непризнании займов, которые будут заключены без согласия Думы. Широкой популяризации программных идей партии будут мешать террористические акты, особенно нецелесообразно поставленные. Народные массы еще не настолько сознательны, не настолько понимают агитационное значение террора, чтобы не быть отпугнутыми и оттолкнутыми террористическими действиями.

Поэтому Центр. Ком. должен объявить о прекращении террора во время деятельности Думы. Но положение теперешнего момента так не-

определенно, неясно, что может появиться надобность в возобновлении террора, быть может еще с большей силой. ЦК должно быть предоставлено право возобновить террористическую деятельность в момент необходимости. Надо еще помнить, что тактика думской фракции П.С.-Р. зависит очень много от того, насколько фракция будет изолирована или будет действовать совместно с другими социалистическо-трудовыми элементами Думы. Желательно было бы узнать от ЦК мнение по этому вопросу, а также мнение съезда. Я предложил бы принять следующую резолюцию (читает):

«1) Принимая во внимание, что главной целью выступления партийных депутатов в Государственной Думе должна быть широкая популяризация программы партии, особенно тех ее пунктов, которые отличают ее от других программ, как-то: социализация земли, минимум заработной платы и участие рабочих во внутреннем управлении промышленных предприятий; что эта пропаганда может встретить широкое сочувствие внепартийных трудовых элементов Думы и тем привлечь их в ряды П.С.-Р., съезд высказывается за временное приостановление террора как средства борьбы, которое может оттолкнуть эти трудовые элементы, а также вызвать протест среди широких непартийных масс трудового народа вне Думы, все еще возлагающих на Думу надежды.

2) Находя, что образование парламентской фракции П.С.-Р. может сыграть громадную роль в деле распространения идей партии в самых широких массах трудящихся, а также установить с нею самую тесную связь и таким образом способствовать ее широкой организации, съезд высказывается за выделение депутатов П.С.-Р. в особую фракцию, которая должна стараться наиболее резко выдвигать особенности тактики и программы партии (социализация земли, минимум заработной платы и участие рабочих во внутреннем управлении промышленных заведений) и тем самым увлечь за собою влево все другие народнические трудовые элементы Думы (Трудовая группа, народные социалисты, Крестьянский Союз).

3) Фракция должна внести на обсуждение Думы в первую очередь законопроект о социализации земли, с одновременной передачей его на обсуждение в местные земельные комитеты, избранные на основании четырехчленной формулы. Также должен быть внесен законопроект по рабочему законодательству, с включением статей о минимуме заработной платы и участии рабочих во внутренних порядках в промышленных заведениях.

4) Фракция должна всецело подчиняться директивам партийного съезда и Совета партии, координируя свои действия с действиями ЦК».

Тов. **Трубочевский**⁴⁴¹. Мнение астраханского делегата, тов. Квадратова, — стремление к какой-то партийной невинности. Тов. Тучкин поставил вопрос на правильную точку зрения учета реальной обстановки, но дал неверное настроение партийной тактики. Расхождение тов. Тучкина и Киевской организации, представителем которой я являюсь, заключается в следующем: Киевская организация думает, что основной задачей партии является подготовка почвы для вооруженного восста-

ния. Это мнение разделяет и тов. Тучкин. Но тов. Тучкин, приписывая Думе слишком большое значение, думает, что работа думской фракции будет организовывать народ сверху, а киевская организация, полагая, что организовать можно только в процессе борьбы, во главу угла тактики ставит партизанскую борьбу в самых широких размерах. Тов. Тучкин совершенно не различает партизанской борьбы и центрального террора; тогда как руководство центр. террором действительно может быть предоставлено ЦК, партизанская борьба всецело должна быть освобождена от всякого контроля центральных партийных учреждений, ибо в противном случае она выродилась бы в бюрократическую затею и совершенно не удовлетворяла бы своему главному назначению — организации широких народных масс в процессе борьбы. Дума, по мнению Киевской организации, должна быть использована как агитационная трибуна, и только отчасти ей удастся содействовать организации народных масс путем установления возможно тесной связи депутатов с народом. Фракция отнюдь не должна заниматься органической работой, но под последним термином никоим образом нельзя понимать, что фракция не может требовать передачи разрешения земельного вопроса на места и прочих чисто революционных законопроектов. Когда же кадеты будут представлять какой-нибудь законопроект в кадетском духе, хотя бы о свободе печати, на обязанности фракции лежит лишь выяснение принципиальной позиции П.С.-Р., а не участие в разработке подобного законопроекта, так как Дума совершенно не является действительным народным представительством. Тем более странным со стороны тов. Тучкина является положение, чтобы работа нашей фракции была направлена на подъем значения всей Думы в ее целом как представительного учреждения, что сам же тов. Тучкин указал на то обстоятельство, что в нынешней Думе нет большинства, а есть лишь три большие группы: правые, центр и левые, — из которых ни одна большинством не обладает. При таком положении заставить нашу фракцию поднимать значение всей Думы как представительного учреждения значит наложить на нее совершенно неисполнимую задачу. Вообще же вся тактика, предложенная ЦК, страдает сильным преувеличением роли Думы в организации народных масс, и этой тактике я противопоставляю тактику, предлагающуюся Киевской конференцией. Существо мнения нашей конференции сводится к следующему (читает): «Дума есть агитационная трибуна, и образование с.-р. фракции имеет лишь чисто агитационное значение, причем фракция отнюдь не должна вести органической работы. Целью всей партийной работы является подготовка вооруженного восстания. Вооруженное восстание будет лишь результатом организации народных масс в процессе борьбы.

Поэтому необходимо самое широкое развитие партизанской борьбы, от которой следует строго отличать центральный террор, руководство которым должно находиться в руках ЦК. В случае разгона Думы, если парламентская фракция свяжется с широкими народными массами и партизанская борьба примет значительные размеры, партийная фракция должна объявить себя временным правительством».

Тов. **Курский**. Я выхожу из того же положения, как и тов. Тучкин. Дума — величина X; мы не знаем, как долго продержится Дума. Тов. Тучкин показал нам, что ни одна из трех групп в Думе не представляет из себя большинства. По вопросу об адресе произойдет конфликт. Кадеты напишут адрес, но правые его не поддержат, а левые адреса совсем не напишут. Это будет, по словам тов. Тучкина, законным поводом разогнать Думу как неработоспособную. Если мы признаем вслед за тов. Тучкиным, что нам необходимо использовать Думу как агитационное средство, то мы должны добиваться, хотя бы ценой уступок, чтобы она продержалась как можно дольше. Но, делая первую уступку, мы делаем первый шаг по скользкому пути. Наша партия находится в загоне, она сидит в подполье, и, однако, у нас в Думе 50 депутатов. Попробывали себя легализовать [народные]-[социалисты], что же дала им эта легализация? 7 голосов в Думе! И нам не следует повторять их ошибки. Тов. Тучкин указывает на то, что народ в прошлые выборы верил в Думу и приостановил революционную деятельность. Но ведь он теперь не верит. Мне пришлось в Курской губ. бороться с крестьянами, заставляя их идти в Думу. Крестьяне, когда предлагали им ставить свою кандидатуру, говорят: «Не хотим идти в тюрьму, надо выбирать тех, у кого нет семьи». Они от Думы ничего не ждут. И нам нечего ждать от Думы и нечего бояться ее разгона. Курская организация решила, что мы никоим образом не можем поступаться нашей тактикой. Террористическая и боевая деятельности не должны быть прекращены. Соединить деятельность фракции и террор нельзя, поэтому лучше, чтобы в будущей Думе создалась группа вроде Трудовой. Конференция, пославшая меня, выработала по этому вопросу следующую резолюцию (читает):

«Считая непосредственной задачей настоящего политического момента организацию широких трудовых масс и популяризацию среди них партийных лозунгов, каковая задача наилучше могла бы быть выполнена при посредстве парламентской фракции П.С.-Р., Курская организация П.С.-Р. высказывается за образование таковой и за временное прекращение в связи с этим террористической деятельности, но только в том случае, если правительство станет на строго конституционный путь; в противном случае тактика партии не изменяется».

Тов. **Крымов**. Я считаю тактику бойкота первой Рос. Думы правильной и несогласен с теми тов., которые полагают, что мы должны признать нашу ошибку в этой области. Вопрос об участии и бойкоте Думы — вопрос тактической целесообразности, а не вопрос принципа. И мы бойкотировали Думу в прошлом году только потому, что не считали рациональным идти в Думу. Теперь ситуация вещей изменилась и изменилось отношение к Думе сознательных трудовых масс. А потому Совет партии и постановил принимать участие в выборах, и никакой ошибки тут нет. Но, как бы мы ни относились к вопросу о бойкоте, факт совершился, и члены нашей партии попали в Думу. Ясно, следовательно, что они должны широко развернуть знамя партии с.-р. перед лицом всей страны, перед лицом всего мира. Но только одно образование нашей фракции в Думе не может нас заставить переменить нашу

тактику. И я не могу согласиться с тов. Зиновьевым, который предлагает нам совершенно отказаться от террора. Защищая с.-д., он и говорит по соц.-демокр. Защита населением депутата Оникко имеет, по его мнению, большее значение, чем убийство Литвинова⁴⁴². И он нам предлагает: или убийство Литвинова, или защита Оникко. Очевидно, он не представляет себе, что можно и что должно делать и то и другое. Что касается органической работы наших депутатов в Думе, то мне думается, что наши депутаты должны стремиться создать необходимые юридические условия созыва Учредительного Собрания: выработать четырехчленную формулу и т.д. Я категорически высказываюсь в данный момент против партизанской войны. Сторонники последней странно рассуждают. Во время Думы, по их мнению, мы должны развить партизанскую войну, которая во время разгона превратится в вооруженное восстание. И тогда мы ликвидируем старый режим. Я совершенно согласен с ними, что мы организуемся в процессе борьбы. Но теперь наша задача состоит в том, чтобы организовать огромное идейное течение, примыкающее к нашей партии, и, что еще вернее, организовать весь трудовой народ для решительной битвы. И вот если Дума просуществовет хоть несколько времени и нам удастся организовать за это время кадры революции, то в момент разгона мы и бросим клич партизанской войны, которая тогда может залить революционной волной всю страну и превратиться в вооруженное восстание. И результат доставит нам победу.

Тов. **Волышев**. Теперь уже выяснилось, что образование думской фракции партии с.-р. (поскольку речь идет о неуклонно боевом и революционном характере нашей тактики) приводит нас к заметному противоречию с собой. Между партией с.-р., как таковой, и между группой наших товарищей, которые будут в Думе, создается как бы некоторый промежуток, который одни хотят совершенно устранить за счет нашей революционной последовательности, другие же — просто замаскировать. Мнение мое таково: раз мы уже допустили сделку с нашей революционной совестью — пошли выбирать в Думу, — необходимо из этой сделки извлечь для партии возможно большую выгоду. Здесь уже говорилось о том, какое серьезное значение имеет для партии (во многих отношениях, в том числе и организационном) внушительная по своим размерам партийная парламентская фракция, и я лично стою за то, чтобы такая фракция была санкционирована съездом. Я беру на себя смелость указать съезду, что по вопросу об отношении к [Государственной] Думе, партия уже дважды руководствовалась мотивами, существеннейшую роль в которых играло скрытое сознание собственной организационной слабости — очевидное несоответствие между скромными размерами наших организаций и исключительно широкой популярностью в массах трудового населения наших программных и тактических лозунгов. Первый раз, когда мы бойкотировали Думу, мы боялись остаться в ней без своих представителей. Мы предсказывали черносотенную Думу. Второй раз, снимая бойкот, мы уступали требованию главным образом рабочих и крестьянских групп, для которых эта Дума

все-таки шаг вперед к неизвестному будущему, хотя бы роль ее сводилась только к обострению конфликта между народом и существующей властью. Наша партия еще не создала организацию, на которую трудовой народ мог бы возложить все свои надежды, игнорируя всякое постороннее вмешательство. В той мере, поскольку мы будем рассчитывать на то, что наша парламентская фракция своим выступлением в Г. Думе дает нам возможность выдвинуться вперед и подействовать организационному развитию нашего дела, в той же мере мы необходимо обречены оставаться в сфере компромиссов и колебаний. Это последнее обстоятельство не может быть замалчиваемо, иначе политика компромиссов грозит сделаться нашей повседневной политикой.

Тов. **Костромич**. Я отказываюсь от слова, так как мое мнение выразил тов. Курский. (Аплодисменты.)

Тов. **Войнов**. При решении вопроса о нашем положении в Думе возможно три выхода: образование фракции П.С.-Р., образование просто группы с.-р., и объединение наших депутатов с другими левыми в одну трудовую группу. Пример первой Думы показал, что существование общей трудовой группы не гарантирует нам, что наша программа будет проводиться во всей полноте и что трудовики будут придерживаться нашей тактики. Такой же неопределенной явилась бы и неофициальная группа с.-р. По-моему, необходимо образование фракции, но образование фракции нисколько не обязывает нас отказаться от своей решительной тактики. От террора мы не можем отказаться. Это не мое только личное мнение, оно совпадает со взглядами, выраженными в резолюциях петербургской конференции. Вот две из этих резолюций — о фракции и терроре (читает):

«По вопросу о фракции в Думе: Образование думской фракции с.-р. необходимо в целях осуществления задач партии и пропагандирования во всей полноте партийной программы и лозунгов. По вопросу о терроре: Партия не прекращает террористической деятельности во время действия Думы, но применение террора и определение тактического момента по-прежнему предоставляется ЦК. Мы ни в коем случае не допустим хотя бы временного прекращения террора».

Тов. **Михайловский**⁴⁴³. Вопрос о тактике в Думе и вне Думы распадается на четыре частных вопроса: об общем направлении тактики, о парламентской фракции, о терроре во время Думы, о тактике на случай ее разгона. Прошлая Дума противопоставила интересы народа и замыслы министерства. Задача наших депутатов в настоящей Думе — раскрыть враждебность этих интересов самому принципу монархии. Выяснить роль царя, противопоставить в ясной, конкретной форме его стремления стремлениям народа — таково руководящее начало нашей тактики внутри Думы. С этой целью Дума должна использовать все случаи обращаться к монарху, минуя министерства, ставить ему запросы, требовать категорического ответа. В этом отношении могут быть в высшей степени полезными те меры, на которые указывал тов. Тучкин. Например, отмена актов старого законодательства в связи с постановкой земельного вопроса дала бы повод заявить монарху, что указ 9 но-

ября и другие аграрные мероприятия правительства резко расходятся с интересами трудящихся масс, поставить требование о их отмене, и в такой форме, при которой он мог бы ответить или да, или нет. Я не останавливаюсь на других примерах, но всюду и везде в целях агитации наши депутаты должны поступать так. Конечно, это может быть неконституционным, но как раз нашей задачей менее всего является ограничение своей работы конституционными рамками; наоборот, мы должны ломать эти рамки...

С вопросом об агитационной деятельности наших депутатов связан вопрос о фракции. Раз мы должны участвовать в Думе с целью агитации, мы должны вести эту агитацию вполне организованно, последовательно и партийно: это логически приводит к необходимости организации думской фракции, строго подчиненной партийным директивам. Некоторые товарищи делали здесь одно возражение, на которое я и отвечаю. Говорили об юридической ответственности наших товарищей — членов Думы, которых в случае образования фракции мы подвергаем опасности обвинения по 126-й статье. Но разве мы не подвергаем опасности обвинения по 126-й статье своего агитатора, посылая его к рабочим? Разве не посылаем мы на смерть наших товарищей-террористов? И если в интересах нашего дела сделать нечто подобное по отношению к нашим товарищам-депутатам, нас это не должно останавливать. Здесь же возникает вопрос об отношении парламентской фракции к беспартийным трудовым элементам, которые могут образовать в новой Думе коллектив по типу Трудовой группы. Наша фракция должна войти в эту группу как центральное революционное ядро и толкать ее влево к революционным выступлениям. Но, конечно, этого нельзя сказать о партийных не с.-р. элементах: ни с н.-с., ни с какой-либо иной партийной обособленной группой мы не можем смешиваться. Каковы наши организационные задачи вне Думы? Я не считаю целесообразной организацию масс вокруг выборщиков, уполномоченных и т.д.: во-1-х, в силу уродливого избирательного закона и участия в выборах лишь незначительного процента населения немыслима достаточно широкая и правильная организация масс; во-2-х, мы всегда подчеркивали специальный характер нашей революции: это налагает на нас обязанность создавать трудовые организации, боевые коллективы, способные быть вождями рабочего народа в этой революции. Организация масс вокруг политических центров, вроде инстанций уполномоченных, выборщиков и т.д., не удовлетворяет этой цели. Но у нас имеются иные формы организации, выработанные в процессе революционной борьбы: Советы рабочих депутатов в городах, организации по типу крестьянских комитетов в деревнях и другие формы, соответствующие задачам массового революционного выступления. Конечно, думская фракция сама по себе не сможет справиться с этой работой: это работа всей нашей партийной организации, но содействовать этой организации она может и должна. Центр тяжести вопроса о терроре — совместимость одновременного существования террористических актов и парламентской группы. Кажется, что здесь создается противоречие между

легальным положением фракции и конспиративным характером террористических актов. Но в этом-то и состоит задача революционной партии в революционный момент, чтобы возможно более углублять его противоречия, в данном случае противоречие между половинчатостью думского представительства и запросами революции. В самом характере террора, однако, намечаются некоторые изменения. Далеко не разрешает вопроса предложение тов. Тучкина. Дело не в передаче ЦК или какой-либо иной организации, а в реорганизации всей нашей боевой работы, в координации отдельных выступлений, в направлении их на центральные величины современного строя: от одной к другой, все выше по ступенькам трона, пока не наступит время и для центральной фигуры... Мы, конечно, должны согласовать свою террористическую тактику с нашей общей тактикой, учитывать объективные условия психологии и организации масс. Но эти объективные данные могут и не совпадать, как данные о своевременности того или другого выступления, с фактами внутри думской работы. Наконец, по вопросу о тактике на случай разгона Думы я так формулирую свой взгляд. Для нас несомненно необходима революционная массового выступления как единственного способа разрешения политического кризиса. И в сущности, вся тактика нашей партии в данный момент есть лишь тактика подготовки этого выступления; это остается справедливым и теперь и по разгоне Думы. Ставится лишь вопрос: должны ли мы на возможный разгон отвечать лозунгом вооруженного восстания? Стоя на той же основной точке зрения, не признавая за деятельностью нашей парламентской фракции решающего момента революции, я думаю, что и здесь этим решающим моментом должен явиться не самый факт разгона Думы, а объективные данные сознательности и организованности масс. Считаясь с этими условиями, мы должны вести намеченную ранее организационную работу, и, только исходя из них, мы можем вести трудовые массы к вооруженному восстанию.

Председ. **Гершуни** оглашает сообщение ОБ о том, что прибыл представитель Южн. Русск. Обл. Ком. — тов. **Тигрин**⁴⁴⁴.

(Затем за поздним временем, в 10 часов вечера заседание объявляется закрытым.)

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ (13 февраля с 9 ч. до 2 ч. дня)

Председательствует тов. Семенов.

Секретари: Петров, Павлов и Волжанин.

Секретарь **Нагорцев** читает протокол утреннего заседания 12 февраля и затем часть протокола вечернего заседания.

Прочитанная часть протокола утверждается.

Товарищ председателя предлагает продолжать прения, начатые во вчерашнем заседании.

Тов. Душин⁴⁴⁵. Я, товарищи, не буду говорить о правильности или неправильности бойкота, а, исходя из факта существования 45 депутатов с.-р.⁴⁴⁶, постараюсь наметить основные перспективы нашей новой тактики. Все мы, конечно, согласны с формулой: Дума — для революции, а революция — для осуществления нашей программы минимума, — с формулой, которая, по моему мнению, вполне предрешает вопрос о партийной фракции.

Выплывши с большими усилиями и затратами на думскую арену, выплывши под именем, с которым тесно связаны самые лучшие моменты прошлого русской революции, под именем, лозунг и знамя которого мы хотим сделать руководящими в будущем народном движении, для нас будет самоубийством прятаться за ширмы «Земли и Воли» или растворяться в разных трудовых группах. Я лично и конференция, которая меня делегировала, считаем образование партийной фракции необходимым для использования ее в деле революции. Когда же на съезде приступают к дальнейшему определению работы фракции в этом направлении, то мнения расходятся в разные стороны. Между прочим, докладчик, стоя на такой же точке зрения, как и я, ставит нашу партию на скользкий путь, включая в ее программу действий такие элементы, как продовольственная кампания, амнистия, суд над врагами народа и т.д. Основная его ошибка заключается в переоценке народной психологии; совершенно не выдерживает критики его утверждение, что народ в Думу не верит. Если считать за «народ» самые широкие круги крестьянского населения, массы, мало воспитанные и политически, и этически, которые хватаются за каждую возможность избавиться от голодной смерти даже через ненавистное ему правительство, то как же не воспользуется народ думским временем, чтобы чрез посредство этого промежуточного звена не улучшить своего положения, а поэтому всякие земельные комитеты, помимо их идеального значения, будут для крестьян средством маленьких реформ, такое положение сеет иллюзии и расхолаживает народную революционность. Надо связать население не с Думой, потому что после разгона большая часть Думы нас только скомпрометирует и, уехавши куда-нибудь в Выборг, может затормозить восстание, — надо связать население посредством наказов, приговоров, посылки ходяков и делегатов и другими путями, которые можно выяснить на месте и вместе с нашей фракцией; последняя должна заниматься подготовлением народных масс к восстанию, возникновение которого неизбежно должно быть связано с разгоном Думы. Что же касается партизанской борьбы, то если за нее принимать то, что доселе практиковалось, т.е. выдвигание более инициативных лиц из сельских братств и комитетов и вовлечение их в террористическую борьбу со стражниками, урядниками, в борьбу аграрно-террористическую и экспроприаторскую, часто компрометирующую партию, то мы высказывались против таких форм борьбы, считая необходимым участие в этой борьбе самых широких слоев народа; в думский же период создается возможность такой массовой борьбы на почве конфликта при явочном осуществлении народных прав и действий правительства.

Террор же прекращен никоим образом быть не может, но должен регулироваться в центральных актах ЦК, в остальных — Обл. К-ами. И вся эта тройственная работа нашей фракции в Думе — широкого народного движения и террористическая — должна окончиться последним аккордом народного гнева, разгон Думы для которого будет сигнальной ракетой.

Тов. Баровский⁴⁴⁷. Рабочая конференция в Одессе, как и общая, вынесла следующую резолюцию: использовать Госуд. Думу в целях революционного движения вплоть до вооруженного восстания. Первый вопрос — об организации фракции. Мы должны использовать все средства для широкой пропаганды, а думская трибуна даст возможность самой широкой агитации, и было бы неразумно от этого отказываться. Мы видим изменение отношения народа к Думе, народная психология становится на точку зрения с.-р., народное мнение организуется вокруг нашей партии. Что же делать с нашей тактикой? Как смотреть на террор в настоящее время? Многие говорят, что его надо прекратить. Ссылаются на возможность применения 126-й ст. к нашим депутатам. Но это несущественно. Ведь боевые дружины — клапан, куда прорывается гнев народа. Я резюмирую: необходимо использовать Думу и развить боевую тактику.

Тов. Петров отказывается от своего слова ввиду того, что его мнение уже высказано несколькими ораторами, в особенности представителем Петербурга.

Тов. Федотыч. Товарищи! Вчера целый ряд ораторов, говоря о Думе, часто упоминали слово «парламент». Можно подумать, что наша Дума имеет нечто общее с парламентами западноевропейских стран. Я бойкотист — считаю Думу, как и вы, ненормальным, уродливым созданием, но, если бы даже у нас была не Дума, а парламент действующий при лучших условиях, чем наши теперешние, я бы все-таки предостерег товарищей от увлечения, излишнего увлечения парламентаризмом. Я беру германский парламент и говорю, что он убивает революционность когда-то революционной германской социал-демократии. Чем отвечала германская социал-демократическая партия на разгон рейхстага? А ведь она уже организовала более 3 миллионов лиц. И, припоминая слова одного товарища о парламентаризме, я считаю нужным еще раз предостеречь вас от излишнего им увлечения, ибо не парламент освобождает трудящиеся массы от векового гнета и произвола. Я утверждаю, что за все время его существования он если не ничего, то очень мало сделал для трудового народа. Возвращаясь к докладу Тучкина, я должен сказать, что не разделяю его взгляда на принятие присяги как на пустую формальность. Я против принятия нашими партийными депутатами этой присяги. Далее. Я считаю необходимым иметь в Думе свою фракцию — довольно того, что наше партийное имя душилось самоудержанием, предаваться же самоудушению, я думаю, что это не наше дело. Мне, как бойкотисту, могут сказать, что я, оставаясь последовательным, не должен отстаивать прав организации фракции, на это я отвечу, что как мы, с.-р., всегда стараемся проникнуть в каждое собрание, что-

бы популяризировать нашу партию, то в этих же целях нужно использовать и Думу.

Касаясь вопроса о терроре, я категорически протестую против его отмены, наоборот, нужно его расширить, развить. Предоставляя санкцию на организацию центрального террора в том числе и лиц царствующего дома — ЦК, я высказываюсь также за то, чтобы террор в пределах области санкционировался бы лишь Областным Комитетом. Затем нужно как можно шире и глубже развить вообще нашу боевую тактику; нужно расширить партизанскую борьбу так, чтобы в ней участвовали не отдельные лица, а масса, самая широкая народная масса. Нужно, чтобы эта партизанская война перешла в конце концов в вооруженное восстание. Докладчик не отрицает, что чистка старого строя произойдет посредством вооруженного восстания, а раз это так, то нужно подготовить закаленные кадры бойцов — что только и может создать партизанская борьба, в которой широкая масса приобретает и навык бороться, закаляя себя в постоянной борьбе. Товарищи, я хочу указать съезду на то обстоятельство, что у нас в народе скопилась масса элементов, недовольных произволом и насилием, и если наша партия не использует этого народного чувства, то я боюсь, что мы оторвемся от масс. Я протестую против ставропольского делегата, который говорит, что террор отталкивает от нас массы; нет, выбирали в Думу с.-р. после известных террористических актов; петербургский пролетариат показал, что мы не отталкиваем от себя народных масс, а совсем наоборот, расширяем свою сферу влияния на них.

Председатель сообщает о прибытии на съезд т.т. Северова⁴⁴⁸ и Южного⁴⁴⁹, обоих с совещательным голосом, по приглашению ЦК, и т. Макарова⁴⁵⁰, кутаисского делегата, с решающим голосом.

Тов. **Беглецова**. Прежде всего я должна сообщить мнение товарищей по вопросам, которые мы теперь решаем: о терроре и о фракции в Думе.

Перед съездом в нашей области был ряд конференций — в Пинске, Смоленске, Брянске, Минске, — был также областной съезд крестьянских работников. Тут приходится отметить одно: замечательное единодушие в вопросе о фракции. Все революции сводятся к тому, что партия должна выступить в Думе как партия; в вопросе о терроре не было такого единодушия: высказывались с одной стороны, что с существованием Думы террор, как агитационное средство, становится излишним, с другой — замечалась боязнь расстаться с таким испытанным орудием борьбы, как террор. Теперь я выскажу свое мнение по этим двум вопросам. В истории нашей партии был момент, когда террор был временно прекращен. Это о том, насколько это решение было рационально. Но мне представляется важным выяснение причин, которые могли вызвать это решение. Причины эти, как мне представляется, сводятся к тому, что мы, партия, иначе относимся к Думе, чем народ. Мы не верим в Думу и не могли верить, а народ верил. Раз так, нам приходилось выжидать, чтобы жизнь разрушила эти иллюзии. Мы хотели, чтобы две силы, народ и правительство, непосредственно столкнулись одна с другой. С нашей стороны, следовательно, это был извест-

ный педагогический прием. Посмотрим, как же теперь народ относится к Думе? Мне пришлось во время предвыборной кампании близко соприкасаться с крестьянами. И на основании моих впечатлений я могу сказать, что народ в массе своей не верит в Думу. Именно в силу этого полного неверия в Думу народ сначала безучастно относился к выборам; потом, под влиянием предвыборной начавшейся агитации и справа, и слева, интерес к выборам возрос. Вот как определял народ свое отношение к выборам: гомельские крестьяне говорят: в Думу не верим, а выбираем, «чтобы отклонить патриотов». Новозыбковские крестьяне заявляли: выбираем в Думу, чтобы «оказать факт», т.е. показать, чего народ хочет. Значит, народ смотрит на выборы как на демонстрацию сил, как на возможность сплотить революционные элементы. Народ стал выбирать в Думу, чтобы показать, чего он хочет. Следовательно, теперь нас уже не отделяет разница взглядов на Думу; следовательно, и причины, которые вызывали приостановку террора, теперь отсутствуют. Но тут встает другой вопрос — вопрос об образовании фракции. Как известно, Совет партии, решивший принять участие в выборах в Думу, оставил его открытым, так как трудно было предсказать все те условия, при которых соберется Дума, и, кроме того, трудно было предсказать, возможно ли было проведение партийных элементов, из которых могла бы создаться фракция. Результаты выборов не оставляют сомнения в том, что у соц.-революционеров будет достаточно элементов для образования фракции, и все-таки, при наличии этих сил в Думе, следует ли нам выступать открыто? До начала предвыборной кампании у нас в партии было 2 течения, одно за то, чтобы выступать не под флагом партии, другое — за то, чтобы выступать открыто, как партия. Совет высказался за последнее, и это решение логически вытекало из наших взглядов на задачи Думы, в которой мы видели главным образом агитационное средство. А раз агитация — так не за одни идеи и лозунги, но и за имя, за знамя, которое объединяет эти идеи и лозунги в одно целое, окрашивает их в определенный цвет. Дальнейшим логическим шагом, вытекающим из нашего участия в выборах, как партии является наше выступление в Думе как определенной фракции. Одно из двух — или мы смотрим на себя, как на партию, которая выдвинута временно, острым жизненным моментом; или мы смотрим на себя как на партию, которая глубокими жизненными нитями связана с народными массами, которая воплощает в своей программе идеальнейшие стремления народа и не имеет права поэтому растворяться в расплывчатой массе других элементов. Важно ведь не только бросить в жизнь идею, важно, чтобы она проникла в жизнь во всей ее неприкосновенности и чистоте. Наша идея — «земля — народу» — прошла в жизнь, — но что делают из нее к[онституционные]-д[емократы] и с[оциал]-д[емократы]? Только партия, как единое целое, выступающее под определенным знаменем, может уберечь свои идеи от смешения и загрязнения всякими примесями. Поэтому я стою безусловно за то, чтобы везде, где к этому представляется возможность, партия выступала бы как партия, не прячась за чужие спины и не растворяясь в чужой

среде. Итак, я стою за думскую с.-р. фракцию не только с точки зрения расширения сил, предвыборная кампания это доказала до очевидности; я стою за фракцию с точки зрения чистоты наших принципов. Что же касается вопроса о терроре, то я думаю, что с общими положениями докладчика ЦК приходится согласиться. Раз мы выступает открыто, конечно, должен быть более строгий контроль над действием партийных организаций. Поэтому остается открытым вопрос о том, в какие формы это выльется — я высказываюсь только за то, что партия должна, так сказать, прибрать террор к рукам — централизовать его.

Тов. Лаврецкий. По вопросу об общей тактике партии в данный момент я должен был бы изложить мнения Северного областного съезда, но так как, в основных чертах, они совпадают с точкой зрения т. Тучкина, я ограничусь лишь несколькими словами и приведу вынесенные резолюции.

В построении тактики партии Сев. област. съезд исходил из анализа и учета наших сил и отношений. Съезд не мог не считаться с тем тяжелым кризисом, который теперь переживает наша родина. Сущность кризиса состоит в том, что врагам народа удалось соорганизоваться и временно дезорганизовать силы революции. Неотложною очередною задачею всех революционных сил вообще, а нашей партии в особенности является восстановление или расширение и укрепление организации народных масс под знаменем революционного социализма. В этом смысле съезд и признал целесообразным использовать Государственную Думу в качестве революционной трибуны и опорного пункта для организационной работы в массах. Кроме того, съезд признал возможным сделать новый шаг к выходу партии из подполья, и участие членов партии в Государственной Думе, по мнению съезда, значительно облегчает решение этой грандиозной задачи. Но положение обязывает: мы должны непременно согласовать нашу тактику в Думе и вне Думы, ибо непоследовательность тактики для революционной партии недопустима.

Самым острым вопросом в выработке последовательной и целесообразной тактики для съезда является вопрос о терроре в связи с деятельностью наших товарищей в Думе. После долгих прений съезд, состоявшийся из 10 решающих голосов, не придя к единодушному решению, разбился на две равные части и вынес две следующие резолюции. (Читает.)

Резолюция 1-я. «Признавая целесообразным образование партийной фракции в Государственной Думе, Северный областной съезд предлагает съезду партии, из тактических соображений, прекратить террор со дня открытия думской сессии, но предоставить Центральному Комитету партии право, в случае продолжения правительственного произвола и насилия, распустить партийную фракцию в Думе и восстановить партийный террор».

Резолюция 2-я. «Несмотря на выступление в Государственной Думе партийной парламентской фракции, считаем необходимым на правительственные насилия отвечать силой, не приостанавливая террористической деятельности партии, вплоть до изменения современной тактики правительства».

По вопросу о тактике партии в случае нового разгона Думы — съезд единогласно принял следующую резолюцию: «Северный областной съезд считает необходимым немедленно приступить к подготовке партийных сил и средств для активного участия в могущем возникнуть при разгоне Думы народном восстании. Если же восстания не последует или оно будет быстро подавлено, партия должна ответить на разгон Думы целым рядом одновременных террористических актов против крупных представителей власти».

Тов. Трофимов⁴⁵¹. В прениях выяснилось 3 течения. Одно считает необходимым придерживаться прежних острых приемов борьбы. В другом течении замечается сильное увлечение Думой и желание отбросить то острое, которое могло бы помешать думской работе. Третье же течение стремится не только ослабить и урегулировать террор, но и совершенно отбросить его, причем защитники последнего мнения указывают на слабые стороны террора. То же самое, что когда-то говорила «Искра»! Мне как будто надо защищать террор. Но я этого делать не буду, отсылая к статьям Брежневской в «Р.Р.»⁴⁵² Против второго течения и должен сказать, что здесь чудовищное противоречие. С одной стороны, мы будем употреблять террористич. средства, с другой — стоять всецело на легальной почве, твердить: «Закон! закон!» До тех пор пока мы не были в Думе, мы были действительно революционерами, а как только нам дали намек на законность, мы проявляем стремление к ослаблению нашей боевой тактики. В нашем положении, как совершенно верно заметил докладчик, много странностей! Их надо устранить. Мы всегда должны приводить их к одному знаменателю, ничего не будем отбрасывать! Какой смысл нам отбрасывать нашу боевую тактику из-за 45 с.-р.-ов-депутатов, от которых, если мы сохраним нашу боевую тактику, хорошо, если останется человек пять. Относительно фракции нахожу, что существование ее не дает нам особенных преимуществ и несуществование ее не влечет больших потерь. Словом, вопрос о фракции я не считаю слишком важным. Вопрос же о боевой тактике — слишком существенным.

Теперь прочту резолюцию, принятую в нашей области (читает):

Резолюция Поволжского Обл. Съезда

«Принимая во внимание революционность тактики партии с.-р.-ов, всегда призывающей своими лозунгами трудящиеся массы к активному осуществлению своих прав, и считаясь с тем, что только самостоятельность масс гарантирует действительное осуществление этих прав, и предусматривая, кроме того, что ближайший момент явится моментом наибольшей революционности масс в силу неизбежного столкновения правительства с революционно настроенной частью Думы, Поволжский Обл. Съезд указывает на необходимость как пропаганды социально-революц. идей, так и немедленного расширения активных выступлений широких масс и призыва отдельных революционнонастроенных групп к террористическим выступлениям в самых широких размерах. Только такие меры усилят революционное настроение Думы и приведут к осуществлению требований трудового народа».

В заключение я напомним товарищам, которые говорят об ослаблении тактики, что наш лозунг не «сидеть у моря и ждать погоды», а «в борьбе обречешь ты право свое!».

Тов. Тайгин⁴⁵³. Прежде чем приступить к выяснению нашей тактики в думское время, необходимо выдвинуть два основных положения, исходя из которых и решать данный вопрос. Первое: при данных условиях нашу минимальную программу мы можем провести в жизнь только революционным, насильственным путем. Второе: мы, как партия, приняли участие в выборах и напрягли все свои силы, чтобы провести в Думу своих представителей. Исходя из первого положения, мы должны высказаться за революционную тактику, за те приемы борьбы, которые ведут волю народа по пути вооруженного восстания, и этой тактики мы должны придерживаться всюду, где мы ни были.

Приемы борьбы могут принимать различные формы, в зависимости от тех условий, среди которых нам приходится действовать, но одно должно оставаться неизменным — это принцип революционного социализма... В настоящее время нам приходится считаться с новыми общественными условиями — с Госуд. Думой, войти в которую решила наша партия. Революционный принцип необходимо проводить как вне, так и внутри Думы. Я останавливаюсь только на одном приеме нашей борьбы — терроре. Т. Тучкин высказался за передачу террористических актов под контроль ЦК. Я не могу с этим согласиться, так как нахожу, что у нас нет еще в наличности тех условий, которые могли дать нам право отказаться от местного, провинциального террора. А передача последнего под контроль ЦК фактически вызовет прекращение провинциального террора в силу того, что нет никакой физической возможности так широко провести контроль ЦК.

Теперь перейду к тем выводам, которые вытекают из второго положения. Решение принимать участие в выборах и проводить своих кандидатов в Думу — обязывает нас приложить все усилия к тому, чтобы в Думе наши товарищи заявили открыто о себе как с.-р. Соорганизуются ли наши товарищи в виде фракции, открыто подчиняющейся ЦК, или группы с.-р., формально не подчиняющейся, но фактически действующей по указаниям ЦК — это неважно. Важно только то, чтобы в Думе с.-р. выступили открыто, не пряча в карман своего знамени. Некоторые товарищи высказались против того, чтобы давать подписку, считая это оппортунизмом. По их мнению, наши депутаты должны отказаться от присяги, бросив при этом в массы лозунг: вооруженное восстание и Учредительное собрание. Но не тот революционер, кто кричит везде и повсюду: «Долой солдат, да здравствует вооруженное восстание!», а кто принимает ряд мер, способствующих проведению в жизнь этих лозунгов. Если неприятие присяги может послужить поводом исключения депутатов из Думы, нам необходимо уступить, это требует второе положение — решение принимать участие в выборах. Что же касается нашей тактики в Думе, то красноярская конференция подробно не умела разобрать этот вопрос, высказавшись только за то, чтоб она была революционна и согласована с тактикой вне Думы.

Тов. Деревенский⁴⁵⁴. Вчера и сегодня много товарищей высказывали различные взгляды на положение вещей, т.е. на нашу организационную тактику в связи с Думой. Взгляды эти носили все более теоретический характер, но самую жизнь как-то оставляли в стороне. Они не хотят считаться с тем моментом, который мы переживаем, или оставляют в стороне то настроение, те заветные желания и стремления, которыми заняты в данное время народные массы — главным образом наше пострадавшее крестьянство. Несколько месяцев тому назад оторванный от сохи, испытавши на своих плечах все тяжести этой ужасной жизни и работая все последнее время среди крестьянства, я стараюсь изложить свои взгляды главным образом на крестьянство. Мы, как партия, считающая себя выразительницей и защитницей интересов трудящихся масс, по-моему, главным образом должны строже следить за ходом жизни народа, заглядывать в самую ее глубь, следить и всматриваться в психологию народа, и только тогда мы будем иметь возможность успешно применить свои силы в борьбе за наши идеалы революционного социализма. Мы, товарищи, не должны обходить те явления, которые все чаще и чаще встречаются на нашем пути, так как, обходя эти явления, мы можем оттолкнуть от себя народ, непроизводительно потратить свои силы. Таким важным явлением настоящего момента нашей революции является Дума, обойти которую мы ни в каком случае не можем — мы на это не имеем никакого нравственного права. Правда, Дума сама по себе — ничто, и никто из нас, конечно, признавать ее как парламент не осмелится. Да и не только мы не считаем ее настоящим парламентом, но от нее не ждут ничего и не возлагают на нее никаких надежд и все народные массы, но все же они как-то инстинктивно чувствуют в ней какое-то могучее средство для борьбы; поэтому мы видим, как внимательно, как серьезно отнеслись народные массы к самим выборам в эту Думу. Несмотря на то что все честное, все живое вбито в грязь, когда лучшие творческие силы страны находятся в казенных складах или заточены в душное подполье, все-таки мы видим сотни социалистов, идущих в Думу.

И кому из нас пришлось внимательно познакомиться и проследить эти выборы, тот, я думаю, не станет отрицать важности той роли, какую Дума может сыграть в интересах революции. Мы видели, как крестьяне, выбирая в Думу, брали клятву с депутатов в том, что они должны будут умереть там, и как крестьяне клялись, что эта кровь будет стоить правительству очень дорого и, может быть, будет стоить ему жизни... Одним словом, я хочу сказать, что Дума может послужить главнейшим средством организации и агитации народных масс, а может быть, ей удастся дать главный тон нашей революции. И чтобы показать, почему я так смотрю, я сделаю небольшое сравнение настоящей Думы с прошлой. Выбирая в прошлую Думу, народ не давал себе отчета, что из этого выйдет. Для крестьянина враг был только помещик, о правительстве он мало имел представления — он думал и говорил, что, раз собралась Дума, раз она говорит о земле, значит все это и будет; правительство, по его мнению, должно было подчиниться Думе, так

как ведь Дума говорила правду. И народ действительно устремил на Думу все свои надежды; в Думу посылались ходоки, писались тысячи наказов, народ собирался, обсуждал свои дела, читал книги, газеты, одним словом, деревня жила, мысль невольно притягивалась к Думе как магнитом. Деревня перевоспиталась. Но народ все-таки ограничивался только надеждами. Теперь же разгон Думы и вообще та суровая действительность, которую пришлось народу пережить, окончательно разбила у народа те надежды, которыми он убаюкивал себя, и мы наблюдаем уже совершенно не то, что было раньше. В головах народа созданся коренной переворот, возврата к старому больше нет, между правительством и народом образовалась громадная пропасть, и никакой связи между ними быть не может. Но народ, этот измученный, умирающий с голоду народ, он стоит на распутье, он чувствует себя разъединенным, одиноким. Он не видит опорного пункта, на котором можно было бы ему стоять. Он сознает теперь необходимость борьбы, но не видит того руководящего центра, вокруг которого он мог бы сосредоточить свои силы.

Наши заслуги, заслуги П.С.-Р., народ умеет уже ценить, но глубоко почувствовать, воспринять наше учение широкие народные массы не успели еще. Над этим еще много рук поработает! И мы, находясь в таких ужасных условиях, когда нас беспощадно душат, когда от нашей партии остаются одни клочья, мы не можем, при всем желании выполнить всей нашей задачи. Вот в силу этого-то мы и должны обратить внимание на Думу и всесторонне ее использовать в своих целях. Мы не должны создавать преждевременно конфликта Думы с правительством, и каждый лишний день существования Думы послужит с большой пользой делу революции. Дума вызовет к деятельности новые, громадные силы из недр народа, которых мы сейчас не можем вызвать. Эти живые силы, найдя в Думе точку опоры, непременно возьмутся за дело. Они лучше нас встрепают массу, и наша задача облегчится в сотни раз. Мы должны только давать тон, направлять все это по определенному руслу. Когда в Думе будет наша фракция, то она не только сможет развернуть наше знамя перед глазами народа, но туда с мест потянутся сотни ходоков. Эти ходоки, получив совет, получив наказы от фракции и вернувшись обратно, могут создать очень многое, как в смысле организации, так и боевой подготовки народных масс, чего нам создать, может быть, очень долго и не удалось бы. Без такой связи между деревней и нашей партией через Думу и наши слабые возгласы: развивать партизанскую борьбу! — долго останутся именно слабыми звуками... Над этим, товарищи, долго придется поработать, для этого нужны силы и силы...

Разгона Думы мы не боимся; но пусть народ знает, за что она будет разогнана. Товарищи, в жизни народа теперь иной период, но на разгон Думы народ ответит иначе, если мы сумеем ее правильно использовать. (Аплодисменты.)

Председатель сообщает о прибытии товарищей Панасенко⁴⁵⁵ (представителя от ЦБЖДС с совещательным голосом); Рубинштейна⁴⁵⁶ (представителя ЦК СЕРП); Юрьева (с совещательным голосом по приглашению съезда); Лисинова⁴⁵⁷ и Такова⁴⁵⁸ (оба от Литерат. Конф. ⁴⁵⁹: один

был приглашен ЦК с совещательным голосом, но Лит. Конф. нашла желательным послать двоих; после заявления одного из членов ЦК, что ЦК ничего не имеет против того, чтобы предоставить и 2-му товарищу совещательный голос, съезд выражает на это согласие); Максимовича⁴⁶⁰ — 2-го представителя от Главной Ком. Вс.Кр.С.

Все эти 6 товарищей имеют совещательный голос. Кроме того, были еще трое делегатов с решающими голосами из Севастополя, Курска и Томска: товарищи Андреевич⁴⁶¹, Янов⁴⁶², Сонин⁴⁶³.

Тов. **Архангельский**⁴⁶⁴. Товарищи, общая тактика партии с.-р. в текущий момент должна быть тесно связана с задачами, которые она ставит теперешней Думе. С.-р. смотрят на Думу как на один из главных пунктов народной борьбы с самодержавием, как на оружие дальнейшего развития и углубления революции. Бойкот первой Думы имел целью разбить веру трудящихся классов в мирное разрешение великого социально-политического кризиса, назревшего в глубинах жизни трудового рабочего народа, и подчеркнуть в его сознании жизненность революционной тактики — борьбы за право. Первая Дума сделала свое дело: отныне народ понял, что только напряженной борьбой можно опрокинуть позицию самодержавия. Опираясь на эту психологию, мы должны сделать Думу мощным орудием революционного натиска на старый режим. Партия с.-р. должна широко развернуть свое знамя в Думе и организовать во имя революционной борьбы трудящиеся массы. В этих видах, в видах широкого ознакомления страны с программой и тактикой П.С.-Р. и сплочения трудовых слоев общества в единую армию борьбы, необходимо образование своей фракции с.-р. в Думе. Такова задача фракции: проведение этой задачи необходимо должно привести к конфликту с правительством; но фракция не должна создавать конфликта с властью на почве требований, наиболее дорогих и близких трудящимся классам. Такими требованиями являются экономические требования, главнейшее из них — передача земли трудящимся. С этим требованием должны сочетаться и политические, так как в этой связи они более понятны народу. В случае разгона Думы, фракция с.-р. не должна оставлять свой пост, а войти — если возможно — в соглашение с другими революционными группами, чтобы взять на себя руководство борьбой, к которой должно призвать все революционные элементы страны: крестьянство, городской рабочий класс, армию и флот. Движение должно начаться в городе, так как крестьянскую массу труднее мобилизовать и сплотить. Выбатывать однообразную тактику для деревни и города не приходится ввиду специфических условий, среди которых протекает деревенская и городская борьба. Тактика в крестьянстве развивается следующим образом: смена правительственных властей, организация народной революционной власти, захват земли, партизанская террористическая борьба, общее восстание. Городской рабочий класс организуется вокруг своих выборных учреждений. Средство его борьбы — забастовка, поддержанная вооруженным восстанием. Особенное значение я придаю ж.-д. стачке и движению в войсках.

По вопросу о терроре архангельская конференция, представителем

которой я являюсь, высказалась, что в период действия Думы террор должен быть сосредоточен только на центральных фигурах.

Тов. Чуваши⁴⁶⁵. Нет никакого сомнения, что Дума имеет революционное значение, благодаря участию в ней членов П.С.Р., с.-д. и других левых, равно как нет ни малейшего сомнения в том, что от настоящего экстренного съезда П.С.Р. требуется очень и очень даже много осмотрительности в решении вопроса о тактике во время Думы. Срок существования Думы равняется X. Но X может быть большой и малой величиной. Однако как докладчик Тучкин, так и многие ораторы, на основании лишь предположений, под X разумели сравнительно длинный срок существования Думы, в какое-то время фракция нашей партии будто бы может сделать то и то. X в задачах всегда разыскивается при помощи математических правил, а в данном случае X может быть разыскано путем тщательного анализа психологии самодержавного правительства. Ближайшее время, по-моему, можно себе представить так: скоро соберется Дума, положение дел в стране не изменилось и не изменится — военно-полевые суды останутся по-прежнему. С.-р. в Думу идет не менее 50 человек и других левых около 150, всего около 200 непереносимых врагов, с точки зрения самодержавия. Нужно еще обратить внимание на то, что в предстоящей Думе будет около 100 человек крайних правых, которые уже решили (по частным известиям) поддерживать предполагаемый заем. Отсюда понятно, что правительство с новой Думой церемониться не будет; следовательно, X будет равняться 1, 2, 3, 4 дням. Если это так, если Столыпин⁴⁶⁶ с целью заключения займа у столичных банкиров заговорил о задушении революции в России, то нам нет никакого основания не только приостанавливать во время думской сессии прежней боевой деятельности, но должен быть усилен террор центральный.

Это острое революционное средство не может не подействовать положительно на наших чувашей; чувашская организация ничего не ожидает от Думы для блага народа. Резолюция чувашской организации по вопросу о тактике такова (читает): «Принимая во внимание, что Дума будет левая, следствием чего явится разгон последней, чувашская организация П.С.Р. считает безусловно необходимым продолжать подготовку народной массы к всеобщему вооруженному восстанию для созыва всенародного Учредительного собрания на основании четыреххвостной формулы, оставляя прежнюю боевую деятельность с усилением центрального террора; причем во время думской сессии контроль над центральным террором предоставляется Центру. К-ту».

Ввиду логической несовместимости террора с фракцией чувашская организация П.С.-Р. предлагает членам Думы нашей партии не выступать в Думе в качестве фракции П.С.-Р., а под другим наименованием. Разгон же Думы может быть встречен народным восстанием. Таково мнение чувашской организации. Лично от себя добавлю еще: в случае разгона Думы зимой необходимо устроить жел.-дор. забастовку путем революционным, т.е., чтобы остановить ж.д., должны быть взорваны мосты, разнесены рельсы и т.д. Если же разгон состоится весной или ле-

том, то возможно будет организовать и судоходную забастовку при помощи мин...

Тов. Филимонов. Одним из важных вопросов при определении нашей тактики в связи с новой Думой является вопрос о терроре. Вне всякой связи с тем, решим ли мы образовать в Думе партийную фракцию или просто группу, я думаю, что у нас нет никаких оснований прекращать террористическую борьбу. Во время первой Думы приостановка террора еще имела за себя некоторое основание: не хотели осложнять положения, чтобы облегчить трудовым массам понимание неизбежного бессилия Думы наряду с самодержавием, облегчить понимание того, что самодержавие безусловно враждебно интересам и желаниям народа. Теперь этот мотив совершенно отпадает, народ понял бессилие Думы, и новый неизбежный разгон Думы будет приписан народом не бомбам террористов, а повторенному и явному нежеланию правительства идти навстречу желаниям народа. Итак, никаких доводов за прекращение террора нет. Доводы же за его продолжение — и все усиливающиеся доводы! — дает ежедневная деятельность правительства, изменения которой, по крайней мере в ближайшее время, не предвидятся. Решая таким образом в положительном смысле вопрос о терроре, я тем самым до некоторой степени предreshаю уже и вопрос об образовании в Думе группы с.-р. или же партийной фракции. Последнее неудобно для партии, ведущей террористическую борьбу, неудобно потому, что прежде всего просто-напросто непрактично: образование в Думе фракции П.С.-Р., при сохранении террористической деятельности, дало бы в руки правительства законное право изъять нашу фракцию из обращения, привлекая к суду всех членов ее, как участников террористических заговоров. С группой с.-р., формально не объявившей свою принадлежность к партии, этого сделать нельзя. Есть, однако, и другие доводы в защиту такого решения вопроса. Видные члены партии, ее вожди, не могли попасть в Думу. Туда прошли или бледные и незаметные люди, или же только с.-р-ующие и сочувствующие, не принимавшие близкого участия в активной работе партии. При таких условиях трудно рассчитывать, чтобы наша партия была представлена в Думе достаточно хорошо, и будет лучше для партии, если она не возьмет на себя официальной ответственности за деятельность наших депутатов в Думе. Вывод ясен: должна быть образована группа, а не фракция. Меня удивляет, что здесь возбуждает споры вопрос о присяге. Я понимаю, что бойкотисты могут решать его в отрицательном смысле. Но раз партия решила отказаться по тем или иным соображениям от тактики бойкота, она тем самым предreshила уже и вопрос о присяге в положительном смысле. Было бы обманом по отношению к избирателям, если бы наши депутаты, избранные народом в Думу, отказались войти туда, а ведь отказ от присяги равносителен отказу войти в Думу... Перехожу к тронной речи и ответному адресу Думы. Разговаривать с царской властью не наше дело и вообще не дело левой революционной части Думы. Не надо нам выслушивать тронную речь, и само собой разумеется, не должно на нее отвечать. Даже кадеты, вероятно, на этот

раз откажутся от поднесения адреса Николаю. Если же черносотенцы вздумают представить свой адрес, то он, конечно, будет отвергнут подавляющим большинством. Чтобы завоевать на свою сторону симпатии самых широких масс народа, вся левая революционно-социалистическая часть Думы должна выступать по возможности дружно и согласованно. Для той же цели левый блок должен выяснить народу свою истинную физиономию провозглашением популярных лозунгов: амнистии, земли без выкупа, всех свобод и Учредительного Собрания. Став популярной в массах, левая Дума сможет сделаться организующим центром для народных масс и облегчить в огромной мере партиям их организаторскую работу, которая во время Думы должна вестись с наибольшей энергией.

Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов должны быть созданы повсюду, должна быть установлена тесная связь между ними и думской левой. Эта организационная работа в массах, и связь ее с Думой может сделать то, что неизбежный в будущем разгон Думы явится действительным лозунгом к вооруженному восстанию. И рассчитывать на возможность всеобщего восстания теперь есть гораздо больше оснований, чем во время первой Думы. Тогда передовая часть народа еще во время выборов оплевывала Думу, изображая ее как правительственную ловушку для обмана народа. Массы, напротив, возлагали на Думу большие надежды и воображали, что она **сама** может для них что-то такое сделать. При таких условиях «сознательные», естественно, не могли стать вожаками восстания по поводу разгона этой самой Думы, которую они объявили чужой и ненужной. И восстание не могло вспыхнуть в массах стихийно, так как массы ждали многого от Думы, верили в ее силу и были разочарованы в ней, когда она ничего не могла сделать. Теперь положение иное: лучшие передовые элементы и сами шли и звали в Думу, народные массы не возлагают уже таких надежд на Думу **саму по себе**, они поняли, что ей нужна поддержка и опора в народе. И народные массы в тесном союзе с передовыми элементами страны заранее готовятся оказать поддержку Думе и ее требованиям. Психологическая почва, таким образом, является в высшей степени благоприятной как для **подготовительной** организационной работы, так и для возбуждения восстания в решительный момент... Я кончаю. В заключение приведу резолюции, принятые севастопольской конференцией по тем самым вопросам тактики, которые мы сейчас разбираем (читает):

I. О террористических актах

«Партия с.-р. ведет террористическую борьбу, не прекращая ее, вплоть до созыва Учредительного Собрания на основе равного, всеобщего, прямого и тайного голосования».

II. Об образовании парламентской фракции

«Стремясь организовать возможно больше кадры трудящихся в партии с.-р., нам необходимо популяризовать партию в широких народных массах. «Парламентская» фракция, конкретизируя отчасти партию, сыг-

рает огромную роль в деле популяризации П.С.-Р. Вместе с тем фракция сплотит и объединит партийных депутатов, не даст им расплыться в общей массе депутатов и окажет высокое нравственное и моральное давление на правую часть их. Принимая все это во внимание, собрание единогласно высказалось за образование думской фракции П.С.-Р.»

III. О наказах

«Наказы партийным депутатам Думы установят тесную связь между ними и трудящейся массой и между массой и партией. Наказы поддержат дух бодрости у депутатов и сыграют агитационную и организационную роль. Наказы должны писаться в духе требований Учредит. Собр. на основе четырехчленных выборов, Земли и Воли всему народу, а также требования объявить временное правительство».

IV. О тактике в случае разгона Думы

«Самый факт разгона Думы использовать в агитационном и организационном смысле всеми возможными для партии способами. И до, и после разгона Думы партия призывает к вооруженному восстанию за Учредительное Собрание на основе 4-членных выборов. Для координирования же действий и большей сплоченности рабочих и крестьян необходимо временно объединиться всем социалистическим и революционным партиям на общей для всех их платформе: «вооруженное восстание за Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования». К таковому соглашению приступить немедленно. Необходимо немедленно приступить к организации Совета рабочих депутатов и крестьянских депутатов, которые будут руководить борьбой трудящихся и на местах будут решать вопросы Земли и Воли.

Если же все условия для вооруженного восстания будут налицо во время разгона Думы, — объявить временное правительство и назначить созыв Учред. Собр. на основании 4-степенной формулы». (Эту последнюю резолюцию не успели голосовать, потому что собрание надо было распустить вследствие провала квартиры. В принципе собрание единогласно высказалось за такую резолюцию, прослушав доклад товарища.)

Тов. Муринов⁴⁶⁷. В теории защитники Думы, как агитационного и организационного центра, вокруг которого должно сосредоточиваться все революционное движение России, правы, но в действительности — нет, так как Дума не народное представительство, обладающее властью и могущее выполнить эту задачу. Ссылка на историю прошлой Думы, которая дала возможность использовать ее как народный революционный трибунал, не должна иметь место теперь при созыве второй Думы. В прошлой Думе состав оппозиции был неопределенный не только для правительства, но даже и для нас. Поэтому правительство вначале и не принимало никаких решительных мер, пока трудовики организовывались в боевую группу. Это-то и дало возможность нам использовать Думу как агитационное средство.

Но теперь в Думу войдут представители определенных политических партий, с определенными боевыми лозунгами, и колебаний у прави-

тельства не будет. Поэтому оно и не даст нам развить свою тактику в Думе. Наша окраина смотрит на Думу только как на революционный трибунал, где разразится только вспышка народного гнева. Вспышка эта сама по себе пройдет безрезультатно, если страна по-прежнему будет находиться в состоянии подавленности и гнета военно-полевых судов. Поэтому одновременно с созывом Думы мы должны развить в стране революционный пожар, развивая всякие частные выступления народных масс, усиливая повсеместный террор и т.д. Этим мы усилим революционность Думы и обратим вспышку народного гнева в Думе в общее революционное выступление народа. Тактика наша должна быть поэтому резко боевая, в самых широких размерах.

Тов. Костромич. Товарищи! Из речей, которые мы вчера и сегодня слышали, обнаружилось два течения, или направления, у членов съезда. Одно течение, к которому принадлежит докладчик и ЦК, я позволю себе назвать направлением «реальной политики», второе течение, с точки зрения докладчика, надо назвать направлением «идеалистическим», или «романтическим». Первое течение считает возможным согласить нашу революционную программу и тактику с революционной же якобы работой в Думе; второе течение не допускает возможности такого соглашения и стоит за полное сохранение настоящей тактики. Год и полтора месяца тому назад, товарищи, первый съезд партии с.-р. признал необходимым бойкот Думы, — основания известны, и я на них останавливаться не буду. Изменились ли объективные основания для бойкота? Нет, они остались те же и еще увеличились во много раз. Но анкета, произведенная ЦК прошлой осенью, показала, что крестьянская и рабочая масса (я имею в виду главным образом Центральную область), несмотря ни на что, желает идти в Думу, а революционная партийная интеллигенция по большей части осталась при прежнем мнении, т.е. за бойкот.

Совет партии и ЦК по основаниям тактическим, а не принципиальным предписал всем партийным организациям в выборах участвовать и энергично приняться за предвыборную кампанию. И вот результатом этой кампании явилось избрание тех 50 наших товарищей в Думу, о которых известно теперь *urbi et orbi*⁴⁶⁸. Теперь, товарищи, пред нами встал труднейший вопрос: что делать дальше? Мы в тупике. Приходится оставить в стороне вопрос о согласимости нашей программы и тактики с участием в Думе и исходить из самого реального факта: наши 50 товарищей избраны в Думу, что им там делать? Товарищ-докладчик рисовал нам картины буколического сожительства революционной Думы, и в частности нашей фракции, со скорострельным кабинетом министров, с правительством военно-полевых судов: прошли пред нами и заманчивые для революции земельные комитеты, избранные по четырехчленной формуле, и следственные комиссии и продовольственная кампания, и проч.

Я позволю себе усомниться в возможности и осуществимости хотя бы одного из этих предположений — правительство разгонит такую Думу и наши товарищи, не успев, может, раскрыть рта для агитации, бу-

дуют из Думы прогнаны. Для чего же, спрашивается, идти в Думу? Допустим теперь, что Думу не сразу разгонят. В органической работе наши депутаты не участвуют. К.-д. вносят законопроекты о собраниях. (Это органическая работа.) Наши товарищи заявляют, что Дума некомпетентна, и начинают говорить в целях агитации по земельному вопросу; кадеты — о местном самоуправлении, наши товарищи срывают законопроекты и говорят о народовластии; к.-д. — о союзах, наши товарищи — о преступлениях бюрократии... К чему же сводится их реализм, товарищи? К парламентской обструкции! Достойно ли это нас, нашего славного прошлого? Чьи симпатии заслужим мы такой тактикой? Где организующая роль Думы? Допускаю третье положение, что проходит какой-нибудь законопроект, что идет органическая законодательная работа — при помощи наших товарищей, — даже самая радикальная... Результатом этого обстоятельства явится разжижение революции, ослабление революционного настроения народа, и с революцией, т.е. с вооруженным восстанием и Учредительным Собранием, придется проститься, может быть, на несколько десятков лет. Не забывайте, товарищи, что народ верит в Думу, надеется на нее, он в массе не расстался еще с иллюзиями удовлетворить свои нужды через Думу, так неужели же достойно нас, с.-р., не только не разрушать этих иллюзий, но своим прямым в Думе участием поддерживать их? Ведь массы не могут разобратся в наших тактических тонкостях, что мы идем в Думу не для органической работы, а для разрушения, для агитации и организации! Нет, товарищи, признаемся добросовестно, что мы ошиблись, что мы увлечены общим потоком, что нас притягивали в Думу наши низы, массы, а мы не сопротивлялись, не боролись!..

Мне скажут, что факт-то уже совершился, что нашего решения ждут 50 наших избранных в Думу товарищей, где же выход из этого тупика? Выход, товарищи, вот в чем: пусть наши депутаты, придя в Думу, обратятся к народу с декларацией, в которой скажут, что такое Дума с нашей точки зрения, чего мы требуем, разовьют нашу программу, докажут невозможность участия в такой Думе, разобьют народные иллюзии и демонстративно уйдут отсюда.

Товарищ председатель. Я хочу сообщить товарищам, что говорили 25 ораторов и осталось еще 27.

Нагорцев. Предлагаю закрытый список ораторов.

(Предложение т. Нагорцева принято.)

Тов. Бессарабев⁴⁶⁹. Я ничего нового не скажу, так как мое мнение уже выражено предыдущими ораторами, и ограничусь прочтением резолюции Кишиневск. Конференции Южной области (читает):

«Принимая во внимание, что [партия] участвует в жизни и деятельности Г. Думы лишь постольку, поскольку она является трибуной для пропаганды программы и тактики партии, что только активное выступление масс в форме вооруженного восстания может привести нас к Учред. Собранию. Партия во время действия второй Г. Думы должна употребить все усилия к тому, чтобы сплотить и организовать широкие трудовые народные массы, как внутри Думы, так и вне ее, под единым

партийным знаменем, продолжая единичные активные выступления сообразно требованиям момента, развивая их переход через партизанскую борьбу к вооруженному восстанию, для чего должно широко использовать самостоятельность трудовых масс как в их стремлении к собственному объединению, так и в поддержке партийных депутатов посылкой наказов. В случае разгона Думы партия должна использовать народное негодование, стараясь облечь его в форму вооруженного восстания».

Тов. **Никольский**⁴⁷⁰. Нашей конечной целью является вооруженное восстание. И вот для того, чтобы подготовить условия его возможности, необходимо учесть их поскольку возможно. Более или менее благоприятный момент является зависимым от той или иной комбинации психологии народных масс, с усилением и ослаблением экономического гнета. Психология масс! Я, как работающий в крестьянстве, хочу указать на кое-что из этой области. Нужно строго различать психологию масс и организованных единиц. Для нас же масса имеет решающее значение. У массы нет определенной, ярко выраженной физиономии. Она нуждается в средствах к жизни, и она недовольна — это верно. Но как выйти из этого положения, она не знает; масса течений разделяет ее на мелкие группы и довольно сильной среди них является группа надеющихся на возможность мирным путем выйти из затруднительного положения. Для того чтобы сгладить эти противоречивые течения, необходим яркий факт, который бы мог толкнуть большинство, или громадную часть, по одному пути. Вспоминая прошлый год, мы должны сказать, что толчок был, но не было чего-то другого; и главное, что обусловило неудачу восстания, — это слабость организации и несогласованность с экономическими условиями жизни. Из всего этого по отношению к тактике в Думе можно сказать следующее: 1) с.-р-ры должны способствовать развитию сознательности, 2) организованности и, 3) выбравши удобный момент, сообщить необходимый для народного восстания толчок. Развивать сознательность возможно: 1) популяризацией идей и тактики партии с думской кафедры, 2) посылкой обращений к народу, 3) обращением депутатов непосредственно на месте к народу. Дума может способствовать организованности широких масс путем составления наказов с.-р., посылки ходяков, организации отделений и т.д.

И наконец, могут в удачно выбранный момент обратиться к народу с воззванием, в котором укажут на бесплодность дальнейшей работы и на необходимость собственными силами добиться осуществления своих прав.

Понятно, что в логической связи с этим стоит вопрос о продолжительности работы в Думе. На мой взгляд, только тогда можно добиться желательного, если Дума просуществует не день и не два, а больше...

Переходя теперь к вопросу о внедумской деятельности, я думаю, что здесь должно быть руководящим то же начало. Необходимо стараться развить как можно шире агитацию, устраивать конспиративные организации, которые должны готовиться стать во главе народных масс в случае призыва к восстанию. Они должны выделять боевые элементы, которые уже теперь должны начать боевые выступления и ко времени общего восстания явиться вполне подготовленными. Террористическая

тактика должна остаться неизменной, даже наоборот — желательно ее более острое развитие.

Тов. **Молшнев**. В великой Российской революции было со дня ее сигнала 9 января много этапов, была всеобщая славная политическая забастовка, было декабрьское грозное восстание, была даже двухмесячная Дума и, наконец, наступает время 2-й Г. Думы. Первую Думу, которую партия наша бойкотировала, мы все-таки, считаясь с ее появлением, использовали то в виде влияния на образование Трудовой группы, то в виде целого ряда других, не менее важных в агитационном смысле действий, как-то: проекта земельной реформы Трудовой группы и т.п.

Со дня смерти первой Думы до рождения второй прошло много месяцев, и это время тяжелой реакции, беспощадной военно-полевой юстиции, кровавых набегов карательных отрядов после разгона 1-й Думы было продолжением агитационного влияния Думы, которая косвенно нами использовалась. Широкие трудовые слои народа за этот год выросли в своем сознании, и эволюция мысли монархически настроенного крестьянства становится постепенно все более республиканской: идея веры в царя, по-моему, падает. С одной стороны, для трудовых масс народа обозначилась, хотя в схематических чертах, роль Думы и, с другой стороны, — правительства.

Мы решили принять теперь участие в выборах в видах тактической целесообразности, чтобы и выборную кампанию, и самую Думу использовать для организации народных масс, для провозглашения и популяризации нашей программы и для достижения того момента, который завершился бы вооруженным восстанием и стер бы с лица земли всю царскую орду, построив Всенародное Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права. Вот наша цель хождения в Думу. Вопрос об образовании фракции или группы решается, кажется мне, сам собой, так как в Думе мы имеем наших 50 депутатов с.-р. Таким образом, наша задача состоит в том, чтобы деятельность думской фракции и непрерывная работа на местах были строго координированы. Террористические акты, партизанские выступления мы должны развивать вширь и вглубь.

Если же я признаю контроль со стороны ЦК, то только при центральном терроре, но для меня в понятие ц. террора не входят Каульбарсы⁴⁷¹, Курловы⁴⁷² и пр., которые во время Думы и без нее будут вести свою погромную тактику на своих местах. Это есть террор местный и общегосударственного значения в абсолютном смысле слова не имеет — отсюда вывод: под контроль ЦК его отдавать не надо. Товарищи! Мы идем в Думу не для органической работы, а для углубления русла нашей революции, которая носит социально-политический характер. Мы знаем, что только революционной непримиримой борьбой мы скуем из Думы орудие революции, развернув наше знамя революционного социализма и воплощая в жизнь наши святые идеалы. На щите нашем должно быть теперь и всегда — «революция». На очереди теперь террор и массовая борьба. Я кончил.

Тов. **Сахаров**⁴⁷³. Мой товарищ по организации вчера высказался по вопросу о думской фракции и по вопросу о террористической деятель-

ности во время существования 2-й Думы. К словам его мне остается прибавить лишь то, что в резолюциях, вынесенных некоторыми рабочими районами Петербурга, была подчеркнута необходимость при данных условиях усилить центральный террор; затем на конференции, пославшей сюда меня и моих товарищей, кроме сообщенной вчера резолюции, была предложена и получила значительное большинство голосов другая резолюция, в которой указывалось на необходимость направить нашу террористическую деятельность против центральной фигуры.

Перехожу к вопросу о том, что будут делать наши товарищи, члены фракции П.С.-Р., в Гос. Думе. Теперь уже поздно говорить о том, должны ли были они идти туда: они выбраны и будут там. По вопросу об органической работе нашей фракции двух мнений быть не может. Мы не должны и не станем работать в том учреждении, которого мы не признаем. Вчера один из товарищей, кажется из Курска, указывал в своей речи на то, что петерб. рабочие требуют всеобщего обучения. Да, товарищи, в проекте наказа имеется, между прочим, такой пункт. Но разве потому подавались голоса за с.-р. на заводах Петерб., что наши товарищи пойдут во вторую Думу и проведут там закон о всеобщем обучении? Рабочие голосовали за нашу боевую тактику; мы получили так много голосов потому, что мы не только говорим, но и делаем; на нас возлагаются громадные надежды.

Итак, депутаты нашей фракции в органической работе Думы участвовать не будут; поэтому для них недопустимо голосование по каким бы то ни было законопроектам. В известных случаях, вероятно, им придется покидать зал заседаний.

С.-р. пошли в Думу со своей специальной целью. Через Думу мы будем организовывать трудовой народ, из Думы мы будем агитировать, Думой мы воспользуемся для ускорения вооруженного восстания. И вот возникает вопрос. Если Дума нами, с.-р., будет использована, то как мы отнесемся к этому учреждению. Ясно, что в два дня мы сделаем больше, чем в один, а в неделю еще больше. Заинтересованы ли мы поэтому в том, чтобы Дума просуществовала подольше? Ставим ли мы себе целью, чтобы Дума просуществовала еще один день?

Наша боевая тактика должна оставаться неизменной; Дума не может нас заставить отказаться от чего-либо в ней. Я думаю, затем, что затягивание думских заседаний и не в интересах революции.

Поэтому если нам придется выбирать между разгоном Думы и тем, чтобы сказать и сделать хоть что-нибудь не так, как должны сказать и сделать с.-р., то мы выберем первое.

В заключение позволю себе сообщить съезду резолюцию Петерб. конференции, чего не сделал вчера мой товарищ (читает):

«Партия отрицает органическую работу в Думе (19 — за, один воздерж.). Партия ставит себе целью содействие захвату власти народом для созыва Учред. Собр. путем организации народных масс через Думу и вне ее в органы народного самоуправления. Для этого П.С.-Р. продолжает держаться своей прежней боевой тактики, а в Думе выставляет лозунг партии: Учред. Собр. и коренной переворот в соц. земельных отношениях» (20 — за).

Тов. Алексеева⁴⁷⁴. Товарищи! Прежде всего я должна сказать, что мое личное мнение совпадает с мнением Северно-Кавказской конференции, представительницей которой являюсь. Я думаю, что раз мы вошли в Думу, мы должны использовать ее в довольно широких размерах. Образование парламентской фракции необходимо. Настал момент, когда П.С.-Р. должна выйти из подполья и открыто заявить о своем существовании. Идеи партии популярны в массах, партия имеет на нее широкое влияние, но нам надо закрепить это влияние (у нас страдает орг-ция).

В этом отношении, мне кажется, громадную роль может сыграть думская фракция. Каким образом? Внеся в первую очередь законопроекты по аграрному и рабочему вопросам и передав одновременно их на обсуждение в местные комитеты, избранные на основании 4-членной формулы, фракция тем самым установит тесную связь с трудящейся массой и будет способствовать ее организации. Наконец, есть еще и другие пути, которые указаны товарищем Тучкиным. Препятствие к организации фракции партии с.-р. может встретиться со стороны конкретного состава депутатов, которые должны будут взять столь сложную и ответственную задачу. Но я надеюсь, что этот состав будет удачен, что он сможет ее выполнить. Фракция должна подчиниться директивам, выработанным партийным съездом, и координировать свои действия с действиями Центрального Комитета.

Теперь о террористической деятельности в период заседания Думы. Так как одной из главных задач Думы должна быть возможно широкая пропаганда программы партии, и в особенности тех ее пунктов, которые отличают ее от других программ, что эта программа должна увлечь за собой внепартийные трудовые элементы Думы и родственные партии группы, я стою за временное приостановление террора на время заседаний Думы как средство борьбы, которое может изолировать фракцию партии с.-р. от других родственных групп. Наконец, есть еще одна причина, в силу которой я считаю необходимым временную приостановку террора. Товарищ Тучкин, говоря вчера о приостановке террора в период заседания первой Г. Думы, сказал, между прочим, что это было сделано потому, что масса еще возлагала на Думу надежды. Я думаю, что эта причина существует до некоторой степени и сейчас, хотя сознание массы безусловно возросло за последний год, но мы не можем сказать, что она вся сознательна и не ждет ничего от Думы, и вот в такой-то сфере террористическая партия в период заседания Думы может встретить горячий протест и оттолкнуть ее от партии. Но, высказываясь за временное приостановление террора, я в то же время думаю, что может настать момент, когда террор будет необходим, когда будет позорно ничего не сделать, и вот, считая такой момент вполне возможным, я высказываюсь за то, чтобы предоставить ЦК право возобновить террористическую деятельность до разгона Думы, когда этот момент настанет. Силы партии вне Думы должны быть направлены в период ее заседаний на широкую организационную работу трудящихся масс, должны готовить их к возможному конфликту с правительством, к возможному активному выступлению. Что касается тактики партии

после разгона Думы, то я и пославшая меня конференция, считая себя недостаточно осведомленными о широте партийной организации, о настроении массы во всей России и в то же время признавая всю сложность данного вопроса и громадную ответственность, не сочли возможным вынести какое-либо определенное решение и постановили предоставить его решение партийному съезду.

Тов. Леккер⁴⁷⁵. Нам нужна в Думе не «группа с.-р.», а «фракция партии с.-р.». Группа не ответственна за тактику партии вне Думы и партия не ответственна за тактику группы в Думе. Но фракция есть орган нашей партии в Думе, действия которого должна быть сообразованы с интересами целого и который в свою очередь должен быть облечен доверием и авторитетом со стороны партии. Мы обязаны сделать это по отношению к нашим товарищам, идущим в Думу. Мы ведь знали, что парламентаризм — скользкий путь вообще, тем более скользок этот путь в русской Г. Думе. Посылая своих товарищей на этот скользкий путь, в начале которого стоит принятие известной присяги и ответ на тронную речь, мы не имеем права отказываться от ответственности за то их поведение, которое неминуемо вытекает из положения, в которое мы их поставили. Мы не имеем права оставить за собою формально-юридическую возможность открещиваться от них и сказать: «Это не мы; это лишь группа наших однофамильцев». Фракцией наши представители в Думе делаются тогда, когда они, во-первых, признают нашу программу и основные принципы нашей тактики, во-вторых, подчиняются директивам ЦК, устанавливающим основы их тактики в Думе, и, в-третьих, образуют коллектив, в котором меньшинство подчиняется большинству.

Собственно говоря, эта фракция должна была быть объявлена партийным учреждением, которое, как всякое партийное учреждение, пользовалось бы правом представительства на наших съездах с определенным количеством решающих голосов. Но это означало бы формально юридическое признание, что все ее члены состоят eo ipso членами нашей организации, ибо формальный критерий принадлежности к нашей партии заключается, как известно, в принадлежности к одному из ее учреждений. Поэтому вопрос об объявлении фракции партийным учреждением должен быть отдан на совместное обсуждение фракции и ЦК и решаться он будет, понятно, не по соображениям о личной безопасности для наших представителей, а в интересах самого дела. Но какова должна быть задача наших представителей в Думе? Когда наша партия приняла решение идти в Думу, я, как бойкотист, подчиняющийся решениям большинства партии, примирил этот шаг с моими принципами следующим образом: я сказал себе: первая Дума вынесла смертный приговор над правительством и всем старым режимом. Правительство насильственно кассировало этот приговор, разогнало судей и созвало новый состав их для пересмотра дела. Мы должны постараться, чтобы этот смертный приговор был вынесен вторично. И не только вынесен, но и приведен в исполнение. Однако это приведение в исполнение не может входить в задачи думской фракции, это — дело все-

го революционного движения, в котором верховная роль принадлежит нашей партии по праву, т.е. по внутренней правоте нашей программы и тактики. Стало быть, задача думской фракции заключается главным образом в том, чтобы оказывать услуги нашему революционному, вне-думскому движению начиная с использования депутатских прав в чисто техническом отношении (адреса, конспиративные квартиры, подставные редакторы и пр.) вплоть до защиты нашей программы и нашей тактики пред всем миром с высоты думской трибуны. Особенно нуждается в этом наша террористическая тактика. Признаюсь, когда я слушал доклад ЦК о нашей тактике в Думе, в котором эфемерная Дума выдвигается как новый операционный базис для революции, вызывая этим мысль о банкротстве старых методов борьбы, я не мог отделаться от угнетающего впечатления. Только те места его, в которых говорилось о расширении нашей террористической деятельности по направлению «ввысь», снова поднимали настроение. Терроризм — один из наиболее важных методов нашей борьбы. Страна еще недостаточно знакома с основными принципами, которыми он руководится. Правительство и идейные противники достаточно потрудились для того, чтобы исказить его истинный облик. И теперь еще нередко приходится встречаться с мнением, что мы террористы *par excellence*⁴⁷⁶; что мы хотим ввести социализм бомбами. Но уже «Народная Воля», в своем письме к Александру III, указала на те условия, при которых мы готовы прекратить террористическую борьбу: введение в жизнь того минимума политической свободы, без которого немыслима мирная и легальная борьба за свои убеждения, и полная амнистия политическим преступникам. Наша партия подтвердила этот основной принцип террора в своем манифесте по поводу казни, совершенной над Плеве. Наши представители в Думе должны будут воспользоваться первым же крупным террористическим актом, исходящим из Центра нашей партии, чтобы выяснить характер, условия и истинное значение всей нашей террористической тактики. И не только выяснить, но и бесстрашно защищать ее. Для облегчения этой задачи было бы желательно, чтобы ЦК обратился с манифестом и к стране, и к Думе, в котором он еще раз указал бы на причины, вынудившие нас стать на этот путь, и еще раз подтвердил бы данное обещание немедленно прекратить свою террористическую борьбу, как только будет предоставлена гарантия введения в жизнь вышеупомянутого минимума политических прав. Обслуживанием революции, конечно, не исчерпывается деятельность наших депутатов в Думе.

Они должны будут принимать активное участие в ходе ее работ. Иногда даже голосовать вместе с кадетами, хотя бы для того, чтобы помешать заграничному займу правительства. Основное правило, которым фракция должна, по моему мнению, руководствоваться в этой работе, это — гнуть свою линию, не соображаясь с тем, выйдет ли или не выйдет из этого конфликт между Думой и правительством. Незабегать этого конфликта и откладывать его на тот или другой «удобный» момент. Вся думская деятельность не стоит того, чтобы из-за сохране-

ния ее возможности поступиться хоть чем-либо из интересов и нужд внедумского революционного движения. Но с другой стороны, незачем вызывать искусственно и притягивать за волосы этот конфликт: он неминуемо возникнет сам собою, на первых же порах думской деятельности, раз не только мы, но и вся левая будет отстаивать наболевшие нужды страны. Возьмем продовольственное дело. Всем известно, почему правительство так ревниво оберегает его от общественного участия в нем. Оно не хочет лишиться бюрократию источника хищений и, что еще более важно для него, не может допустить своего врага — общество — вступить в непосредственные сношения с народом. Дума должна будет стремиться к тому, чтобы вырвать продовольственное дело из рук Гурко-Линдвелей и взять его в собственные руки для того, чтобы организовать его совместно с общественными силами и самим народом. Необходимо, чтобы наша фракция взяла на себя инициативу в этой борьбе Думы против правительства за борьбу с голодом. Но на этой почве конфликт с правительством неминуем, хотим ли мы этого или нет. Краткоستم времени мешает мне затронуть вопрос о народном вооруженном восстании в связи с тактикой нашей партии в Думе. Скажу только, что подготовка этого восстания или даже военного восстания — не дело нашей думской фракции и надежд, возлагаемых на нее со стороны, я не разделяю. Только тогда, когда внедумское революционное движение подготовит всенародное или военное восстание, думская фракция сможет по сигналу ЦК сделать те шаги, которые от нее потребуются. (Аплодисменты.)

Тов. Рязанцев. Вопрос о Государственной Думе и об отношении к ней П.С.-Р. выяснился с достаточной ясностью. Я остановлюсь поэтому лишь на терроре, который получил своеобразную окраску в словах некоторых из предыдущих ораторов. Многие из них говорили о полном прекращении террора, подразумевая под ним все активные выступления, сопряженные с лишением жизни. Зачем теперь нужен террор, когда есть у нас Дума? На самом же деле в стране идут по-прежнему репрессии, по-прежнему народ страдает под грубым натиском государственной власти... В одной из губерний Украинской области местный исправник, недовольный избранием крестьянами прогрессивных десяти-дворных, созвал их, подвергнул истязаниям и голыми, в трескучий мороз, гнал нагайками несколько верст из местечка в село. Возбужденное население требует теперь от нас оружия или людей! Крестьяне знают, что Государственная Дума у нас есть, но они видят насилия и не хотят и не могут ждать, когда это учреждение страны прекратит произвол и насилие.

Что же нам ответить на их запрос? Чтобы ждали Государственной Думы? Или просьбу их обратиться в ЦК? Ведь мы же говорили народу о борьбе, ведь мы же призывали его на террор, а когда наступает тяжкий момент, отсылаем их в ЦК или Государственную Думу.

Мне кажется, что тут недоразумение, что террористические акты смешали здесь с гражданской войною, в которую втягиваться начали массы.

В речах двух-трех из товарищей prominently для меня интересное слово **восстание**, остальные ораторы не отнесли отрицательно к этой

форме борьбы, почему полагаю, — настоящий партийный съезд признает, что окончательный удар правительству революционный народ нанесет именно этим путем.

Теперь вспомним, какие формы борьбы применялись нами за последние два года. Мы знаем всеобщую политическую забастовку, которая охватила Россию в 1905 году и привела самодержавие к капитуляции. Эта форма борьбы отжила, едва успевши родиться. В декабре 1905 года мы имели новый вид борьбы — борьбы лицом к лицу с врагом на баррикадах с оружием в руках. Здесь народ потерпел поражение. Но этот вид борьбы еще повторится как заключительный аккорд революционной войны.

Наконец, третий вид борьбы — декрет о вооруженном восстании, изложенный на бумаге — на бумаге же и остался. Безоружный народ выступать не мог, не умел и не имел желаний.

Вот этот третий вид борьбы, я очень боюсь, еще повторится, если мы на этом съезде решим, что террористической борьбе надо положить границы.

Когда массы боролись в 1905 г. путем всеобщей забастовки, главную роль в этой борьбе взяли на себя железные дороги, Железнодорожный Всероссийский Союз.

Организован этот союз, как нам известно, был так, что во всех концах России, особенно в узлах, были разбросаны союзные ячейки. Каждый член союза давал обязательство бороться за выполнение выставляемых требований активно, путем всеобщей забастовки, и это условие было *conditio sine qua non*⁴⁷⁷.

И вот, когда наступила минута подъема масс, союз кликнул клич, объявил забастовку и на протяжении какой-нибудь недели все союзники бросились в борьбу и личным примером увлекли за собою 700 тысяч.

Когда в Москве, в декабре месяце, тысяча дружинников взойшла на баррикады, народ примкнул к ним и началась борьба, которую могли окончить лишь расстрелом из пушек.

Одни лишь директивы июня не повлекли за собою массы, так как мы, приглашая их начинать борьбу, сами не сходили с места.

Есть еще не использованный путь, на который рано или поздно мы вступим. Это путь гражданской партизанской борьбы. На него мы должны вступить, дав директиву нашим активным, сознательным и организованным силам среди крестьян, рабочих, войск, интеллигенции.

Начать решительный, искусный бой по всей линии. И только тогда народные, неорганизованные массы втянутся и сделают уже невозможным дальнейшую жизнь самодержавия.

Поэтому, если съезд решит ввести в некоторые рамки террор, пусть призовет нас на партизанский бой, иначе же произойдет то, что только одна сторона будет нести вечные, неизгладимые потери.

Тов. **Войнов**. Фракция с.-р. не должна участвовать в органической работе. Наш взгляд на Думу остается старый — Дума бессильна дать что-либо народу законодательным путем. Пример первой Думы, где кадетское большинство голосовало либеральные законопроекты, а прави-

тельство продолжало гнуть свою линию, слишком красноречив. Голосование законопроектов в бессильном учреждении будет носить трагический характер.

Наша партия в Думе должна заняться не законопроектами, а разоблачением царизма, уничтожением остатков веры в царя. В то же время партия должна готовить казнь нынешнего «самодержца Николая II» и в случае разгона Думы убить его, что будет иметь тогда большое значение.

Тов. **Армави́ров**⁴⁷⁸. Я хочу сказать всего несколько слов в защиту резолюции С.-Кавказской Обл. Конференции. Дело в том, что многие из товарищей поняли эту резолюцию так, как будто конференция высказалась за полное прекращение террора на все время Думы. На самом деле это не так. Главным мотивом временного прекращения террора был следующий.

Конференция считает необходимым, чтобы Думой было выставлено в первую очередь требование немедленной отмены военного и других положений, безусловной и немедленной отмены смертной казни, чтобы Думой были внесены земельный и рабочий законопроекты. В это время необходимо прекратить террор, выжидая ответа правительства на требования. Если же эти требования не будут удовлетворены, — возобновить террор с новой силой. Это будет иметь громадное моральное значение; это покажет народу, что террор применяется нашей партией не ради террора, а в силу существующих российских условий, что при других условиях партия может вести моральную идейную борьбу. Такова мотивировка С.-Кавказской Обл. Конференции.

Я же лично полагаю, что на первое время заседания Думы право разрешения террористических актов должно быть предоставлено ЦК, так как ЦК более компетентен в том, когда необходимо было бы произвести террористический акт, имеющий общеполитическое значение.

Когда должно выясниться отношение правительства к требованиям Думы, ЦК должен объявить о возобновлении террора в прежней его форме. Кроме того, я считал бы необходимым, чтобы право разрешения террористических актов было предоставлено не только Обл. К., но и губернским.

Тов. **Тиги́рия**. Вторая Дума еще не родилась, а между тем она привлекает внимание. С напряженным интересом следят за тем, каков будет состав Думы, какова будет тактика различных партий и в какую форму выльется столкновение народного представительства с правительством. И вот те, которые не придают значения парламентской деятельности наших товарищей, те хотят изъять нашу партию из центра народного внимания. Как бы энергично ни развивалась террористическая деятельность в стране, все свое значение она получит от отношения Думы к ней. Пусть, наприм., во время думской сессии совершится устранение Столыпина — разве на самый этот акт, как таковой, будет направлено внимание страны, а не на то, как отнесется к этому факту Дума?..

Вот почему партия, которая желает быть фокусом политической жизни, должна занять соответственную позицию в самой Думе. Наша партия должна проявить себя в ней так ярко, как она проявила себя и

во внедумском политическом движении. Если мы предоставим нашим депутатам действовать в Думе самостоятельно, мы лишим их опоры. Отделившаяся от нас группа депутатов не будет иметь такого авторитета, какой она будет иметь, если она будет ясной для мира частью нашей партии. Тут были возражения против образования фракции, причем ссылались на возможный качественно неудовлетворительный состав ее. Наоборот! Если бы в Думе были все строго партийные люди, то тогда они могли бы скорее образовать вполне самостоятельную партийную группу. При иных же условиях необходима особенно тесная связь. Вопрос о фракции я считаю центральным, и от его разрешения зависит то или иное решение других тактических вопросов. Поставленная на должную высоту фракция не только сыграет огромную агитационную роль, но она проявит и творческую работу. Я не сомневаюсь, что она сумеет внести и в чисто политические вопросы новое освещение, новые точки зрения, подобно тому, как это сделала наша партия в теории социализма.

Фракция должна организовать не только мнение и чувства народа, но и волю его. В этом отношении она многое может сделать, подавая пример солидарности и решительности действий. В трагический момент конфликта она проявит героизм, которое либо увлечет народ, либо в будущем послужит как факт революционного героизма нашей партии. Итак со всех точек зрения — технической, практической и идейной — нам необходима фракция.

Я допускаю даже возможность, во имя полного развития действий фракции, временной приостановки террора. Во всяком случае, о нашем отношении к террору необходимо обратиться к народу и Думе с декларацией. Пусть всем, всему миру будет ясно, почему партия поддается террором. Пусть все знают, что на это нас толкают современные условия России, что мы прибегаем к террору не потому, что считаем его нераздельной частью нашей тактики. И приостановка террора в таких случаях будет не отречением от него, а его подтверждением. Я не сомневаюсь, что приостановка будет кратковременна, время этой приостановки может определить ЦК.

Тов. **Курский**. Товарищи, я прочту вам резолюцию Курской организации, составленную на тот случай, если съезд найдет нужным создать в Думе партийную фракцию (читает):

Резолюция Курской организации

«В случае разгона Думы или предъявления ею ультиматума правительству депутаты П.С.-Р. объявляют себя временным революционным правительством, выпускают соответствующий манифест к народу и в случае революционного выступления масс становятся во главе народного движения».

Теперь несколько теплых слов лично от себя! Это тяжелая обязанность предостеречь вас от излишних увлечений. Я понимаю тех товарищей, которые настаивают на значении думской трибуны. Их захватила грандиозная перспектива говорить перед целым миром. И они так ув-

лечены, что готовы отказаться от старого испытанного средства борьбы! Да, если мы взойдем на эту высокую трибуну и скажем народу: «Дума не полновластна! Только Учред. Собр. может облегчить Вашу участь, путь к нему через **вооруженное восстание!**» — тогда мы исполним свое призвание — так должен поступить каждый с.-р. Вот это действительно будет иметь громадное значение. Если же мы будем заниматься работой в Думе, когда народ не верит в нее, то мы внесем в народные массы сомнения и у них может явиться мысль: не даст ли чего-нибудь эта Дума? Этим вы сократите революционное движение. Вы не революционизируете народные массы, а их деморализируете! Наша работа не в Думе, а в народе! Не увлекайтесь! Смотрите трезво! При малейшем компромиссе народ скажет, что мы **обманщики**. Не забывайте готовиться к вооруженному восстанию! Пусть П.С.-Р. останется незапятнанной.

Тов. **Калинин**⁴⁷⁹. Тифлисская Организация при оценке настоящего политического момента исходит из той мысли, что теперешняя Дума не сможет вести органической работы, даже если бы она этого захотела, ибо Дума не есть отражение устоявшихся конституционных сил: страна находится в состоянии брожения, поэтому остается вся прежняя тактика, а именно собрание и организация народных сил для вооруженного восстания в процессе борьбы. Борьба же, в процессе которой организуются трудовые массы, ведется на почве тех глубоких органических процессов, которые волнуют и тревожат огромные массы трудового народа, например: рекрутский набор, сбор податей, наконец, и выборная кампания в Госуд. Думу, и сами думские сессии. И в это море людей, объединенных одной тревогой, одной заботой, партия идет со своим пониманием момента, со своими лозунгами, со своей системой тактики, организует трудовые массы на защиту их прав. Так и думская кампания. Партия образует фракцию в Думе и силою ее влияния пошлет к трудовым массам следственные комиссии из депутатов, примет участие в организации крестьянских комитетов по почину Думы и т.д. И массы, понявшие после Гурко-Лидваля⁴⁸⁰ с одной стороны, и после говорившей и только говорившей первой Думы, с другой, что только самодеятельностью и явочностью можно спастись от голода и бесправия, охотно пойдут на призыв Думы организовать и на Думу станут смотреть как на объединяющий центр этой самодеятельности и явочности работы. Что же касается террора, то партия всегда применяла его, когда сталкивалась с правительством на пути своих организационных работ, когда все средства идейной борьбы использованы, когда иначе нельзя и когда массы эту роковую необходимость ясно сознают. Тогда террор чист и даже свят. Многие товарищи смешивают террор с партизанской борьбой. Это два совершенно различных явления. Первое — террор — всегда сверху по плану, второе — партизанская борьба — самопроизвольно снизу. Первый чист и свободен от подозрения в личной заинтересованности, второй ведется силой бесчисленного количества побуждений, иногда и некрасивых. Можно заметить, что и террор, когда спускается с централизованного верха вниз, теряет в своей чистоте и часто делается похожим на партизанскую борьбу, усваивая только от-

рицательные стороны ее, не будучи в то же время стихийным, органическим процессом, выражающим массовые настроения.

Тов. **Касимов**⁴⁸¹. Простите, товарищи, мне мою умеренность, я представляю здесь Татарскую организацию П.С.-Р., организацию народа, самого многочисленного в России после русских, самого угнетенного русским правительством и самого бессознательного во всех политико-экономических вопросах, а поэтому я не буду увлекаться зажигательными речами товарищей оптимистов, не назыву черное белым, а скажу вам в нескольких словах ту правду, в которую я верю.

Здесь говорили, что не следует нам увлекаться Думой, что народ и без Думы хорошо понимает и оценивает нас, с.-р., что он и теперь готов к выступлению, лишь стоит его побудить на это путем террористических актов и партизанской войны. Товарищи эти аргументировали свое положение якобы громадной нашей победой на выборах; они говорят, что мы выставили в Думу 50 депутатов, что, следовательно, за нами стоит 15 миллионов народа-избирателей.

Нет, товарищи, это иллюзия. Мы не выставили 50 депутатов и не проводили их; если сбудется невероятное, что в Думе окажутся 50 чистопартийных с.-р., то и это, я вам скажу, дело не наших рук. Ведь в парламентских странах политические партии выставляют при выборах известное количество **своих** кандидатов и их стараются провести; было ли у нас это, велась ли у нас организованная выборная кампания? Нет, товарищи, депутаты наши преимущественно прошли в Думу благодаря популярности своих личностей или как оппозиционный элемент; поэтому нам не приходится строить план вооруженного восстания на победе на выборах и возлагать надежду на 15 миллионов избирателей. Сказать же, что народ хорошо понимает нас, с.-р., и без Думы, мне кажется совершенным непониманием действительности; народ пока еще нас не понимает, и это происходит оттого, что мы до сих пор не были лицом к лицу с широкой массой народа; трудовики, например, выступившие на политическую арену менее чем год тому назад, обладают большею популярностью, чем мы.

Вероятие вооруженного восстания помимо Думы или после разгона Думы, но без подготовки к этому через Думу, конечно, также немислимо.

Мы говорили, что разгон первой Думы вызовет восстание, и к этому призывали народ через ЦК, но результаты всем известны. Как для популяризации основных принципов нашей программы среди широких слоев народа, так и для подготовки вооруженного восстания, необходимо использовать Думу; игнорируя Думу, мы, кроме вреда, ничего не создадим. В высказанном мною смысле была выработана резолюция Татарской организацией партии с.-р. (читает):

Резолюция Татарской организации

«Принимая во внимание, что Дума в теперешнем ее положении отнюдь не может служить законодательным учреждением страны, что П.С.-Р. принимает ее исключительно как народную трибуну для подготвления более широких масс к активному выступлению, Татарская ор-

ганиз. находит необходимым использовать каждую высказанную с трибуны Думы революционную речь и каждый момент существования Думы в интересах организации и приготовления народа в будущем к более сильному выступлению».

Здесь говорили, что террористические акты, совершенные нашей партией, не имеют никакого отношения к думской фракции П.С.-Р. Я не понимаю, как может существовать парламентская или думская фракция данной партии, действия которой не согласованы с общей тактикой этой партии. Татарская организация П.С.-Р. вынесла мотивированную резолюцию о временном прекращении террора во время Государственной Думы.

Но лично я, после выслушания доклада ЦК, пришел к убеждению, что террор, как центральный, так и местный, ввиду важности момента целесообразно передать в ведение ЦК; он как наиболее компетентное лицо может определить время приостановки, если это потребует политическими условиями, и вовсе не приостанавливать, если не произойдет существенного изменения в курсе политики правительства.

Тов. Абрамович⁴⁸². Вопрос сводится к тому, как наилучше использовать это орудие — Думу. Никто не думает, что Дума — настоящее народное представительство и что настало время для исключительно парламентской борьбы.

Народ еще в большинстве темн и бессознателен, и нам нужны особые средства для его организации. Дума может сыграть эту роль. Прошлая Дума оставила глубокий след на населении, мы нуждаемся в том, чтобы она продолжила свою работу. Очень многое предстоит ей сделать, на нашей же обязанности лежит углубить и расширить влияние.

Момент весьма запутанный и сложный, мы же должны выйти с честью из этого положения. (Дальше оратор останавливается на вопросе о думской фракции.) Во главе народного движения должны стоять люди вполне определенные во всех отношениях. Таковыми лишь могут быть члены нашей партии, а не случайные люди. Волна выносит на поверхность того или другого человека, нам неизвестно его прошлое, его настоящее, тем более его будущее. Доверить им народное дело рискованно. Вывод: должна быть образована думская фракция, а не суррогат ее. (Дальше оратор указывает на несовместимость одновременного существования думской фракции и террористической тактики.) Нам нужно вызвать всенародное движение против военно-полевой юстиции, сами же в это время будем практиковать террор? Эта тактика должна быть возобновлена, как только выяснится положение. Предоставив ЦК право возобновить ее, мы этим не совершим никакой измены по отношению к нашим принципам. Опыт прошлого года убеждает нас в том, что ЦК не злоупотребил нашим доверием. Террор был возобновлен, когда он стал нужным.

Тов. Долинин. Заграничная организация обсудила только часть настоящего вопроса и приняла необходимость участия в Госуд. Думе и вместе с тем полную допустимость присяги; последнее решение принято большинством против 2 голосов. В остальном я высказываю исклю-

чительно личное мнение. Ближайшая революционная цель наша остается прежней: развитие и подготовка восстания с определенной программой, указанной социальным содержанием. Но подготовка его двусторонне — техническое, боевое подготовка, реально развивающееся в активной борьбе террористической, партизанской и т.п., и подготовка более широкое, политическое. Госуд. Дума как раз и может выполнить в грандиозных размерах эту часть нашей задачи и тем только расширить поток революции. Партия, получив возможность не только открытого, но и государственного выступления, приобретает грандиозное значение и несравненно легче может вести работу политического выступления масс, идейного их революционизирования, сплачивая в силу, способную выступить однородно и одновременно; в Думе можно шире, чем когда-либо, пропагандировать нашу программу и тактику. Но не только для этого необходимо стремиться создать нашу фракцию.

Нельзя, как сказал один товарищ, оставить дело в том виде, что социализм в Государственной Думе будет представлен карикатурно. Социал-демократы не только в России, но и во всем мире, будут присматриваться к нашей деятельности в Думе, и лучший способ действительно завоевать прочную позицию в нем — это открытое действие партии в Думе.

Революционизирование и организация масс в борьбе за социализм определяют сущность и основы нашей тактики, проявления которой разнообразятся в зависимости от конкретных условий жизни. В настоящее время положение наше усложняется, и мы получаем возможность получить второй центр нашей деятельности в рабочем классе, — центр думский. Задача и там и тут одна, но способы действия различны. Для партии вне Думы остается вся прежняя тактика, и прежние методы, и прежние основания к ним. В Думе метод действия другой. И только в этом — различие двух сторон деятельности партии. И ясно, если признать, что Думу необходимо использовать и возможно это только войдя в нее, то нечего колебаться взять «паспорт», т.е. «присягу». Что касается террора, то сложность положения, разветвление партийной деятельности, важность политической конъюнктуры заставляет подчинить террористические акты ЦК, которому необходимо дать в руки регулятор. Думская фракция и террор вполне совместимы. Незачем строить гипотезы о том или ином сроке жизни Госуд. Думы. Нам нечего стремиться ни ускорить, ни оттянуть ее разгон и не с ее существованием во что бы то ни стало сообразоваться нашей тактике. Я не знаю таких террористических актов, которые были бы вредны — ибо они всегда отпор насилью, но в той новой конъюнктуре, что создается созывом Думы, может случиться, что именно наша думская деятельность станет центром внимания и работы, и тогда акты — даже сами по себе крупные — теряют свое значение и вовсе не нужны, разве только допустить, что они могут действительно выбить правительство из его позиций. Рядом с большим — незачем того же дела творить в малом виде. Соглашаюсь вполне с докладчиком ЦК, я предлагаю внести поправку, что от санкции ЦК должны зависеть исключительно крупные и общеполитически значащие террористические акты. Более мелкие по-прежнему остаются

в ведении местных организаций, продолжая служить развитию массовой борьбы, в которой партия и при Думе принимает обычное передовое и руководящее участие, отнюдь не отстраняясь от нее. Сказать в Думе, какова наша программа, и потребовать Учредит. Собран. слишком просто: нас не поймут и толку не будет.

Тов. председатель. Прибыл из Петербурга тов. Алов⁴⁸³, кроме того, прибыл тов. от Закавказского Обл. К-та. Тов. Борисовский имеет императивный мандат от Бакинского К-та. Возникает вопрос, дать ли ему решающий или только совещательный голос?

Тов. Псковский. Я присоединяюсь к товарищу Долинину и только прочту резолюцию Псковской губ. конференции (читает):

«1) Признавая прежнюю тактику партии целесообразной и для настоящего момента, конференция считает обязательным для партии использовать Думу не в качестве законодательного органа, а в качестве агитационной трибуны с заключительным лозунгом: вооруженное восстание во имя всей полноты народных прав (принята единогласно).

2) Конференция считает необходимым немедленное (по открытии Думы) образование парламентской фракции П.С.-Р. (принято единогласно).

3) Семью голосами против 3 при одном воздержавшемся конференция высказалась за развитие во время думской сессии террористической деятельности партии до возможного максимума».

Тов. Трубочевский. Тов. Рязанцев полностью выразил мое мнение — от слова отказываюсь.

Тов. Сонин. Мне кажется, что обсуждаемый вопрос в достаточной степени уже выяснился, и я не позволил бы себе утруждать внимания товарищей еще и своею речью, если бы не сознание лежащего на мне долга перед организацией, от которой имею честь представлятьствовать здесь и мнение которой я должен довести до сведения съезда.

Но прежде чем перейти к изложению мнений томской конференции, я позволю себе сделать несколько замечаний по вопросу об отношении нашей партии к Государственной Думе. В последнее время часто можно слышать о том, будто бы противоречие, в какое встала наша партия к самой себе по вопросу о Думе. В прошедшем году мы Думу бойкотировали, третировали ее как «собачью думу», а в этом году не только не бойкотлируем, но и принимаем в выборах активное участие, призываем в Думу других. Между тем сама Дума не только не стала лучше, но различными сенатскими разъяснениями она поставлена в еще худшее положение. В этом видят противоречие и его ставят в упрек партии. И эти упреки исходят не только со стороны, но их можно услышать и из среды наших же товарищей, мы их слышали и здесь, в этом зале. Вот по этому-то пункту я прежде всего и хотел бы высказаться. Есть ли в самом деле противоречие в отношении партии к Думе в прошедшем году и в настоящий момент? Я думаю, что нет: отношение к самой Думе, наша основная точка зрения на нее остаются неизменной, партия и теперь смотрит на Думу так же, как и в прошлом году. Как тогда, так и теперь партия не видит в Думе того учреждения, которое способно было бы вывести страну из переживаемого ею тяже-

лого кризиса; как в прошлом, так и в этом году партия признает, что только Учредительное Собрание, собранное на известных условиях и в определенной обстановке, одно в состоянии выполнить стоящую перед народом задачу, так как только оно будет действительным, правомочным народным представительством. Дума же по самому своему устройству, по самому своему характеру, ни в каком случае не может заменить собою такого представительства, она является правительственной попыткой фальсифицировать народное представительство.

Отсюда отрицательное отношение нашей партии к Думе, отсюда ее прошлогодний бойкот. России нужно настоящее народное представительство, а не фальсифицированное. России нужно Учредительное Собрание, а не Дума, не имеющая никаких прав, никакой силы.

Так мы смотрели на Думу в прошлом году. Так же, в сущности, мы смотрим на нее и теперь, — в этом смысле в отношениях партии к Думе, вообще говоря, ничего не изменилось. Но почему же в таком случае мы и в этом году не бойкотлируем Думу, почему изменилась наша тактика по отношению Думы? Да потому, что партия стояла в прошлом году в противоречии не с самой собой, как думают некоторые наши товарищи, а с теми народными массами, среди которых партия работает, на которые она опирается, из которых она получает все свои жизненные соки; в то время, когда партия бойкотировала Думу, массы народные не только не участвовали в бойкоте — исключение составляла часть городских рабочих, — но связывали с нею свои лучшие надежды. Партия осталась изолированной, она как бы оторвалась от широких масс, на которые она должна была опираться.

И как только собралась Дума, фактически бойкот ее был прекращен.

Исполнительный орган партии — ЦК — сейчас же приступил к организационной работе в самой Думе, и ЦК был вполне прав, ЦК не должен был и физически не мог поступать иначе.

Разгон Думы имел огромное революционизирующее значение, но он не вытравил в народных массах тех надежд, которые были связаны у них с Думой. Это определило и дальнейшую тактику нашей партии: партия должна быть там, где народные массы, ее выдвинувшие, иначе она совершенно оторвется от них и утратит свои жизненные силы, утратит свое значение. Вот почему партия и **не могла** бойкотировать вторую Думу, вот почему она **должна была** принять участие в выборах, хотя ее собственная точка зрения на Думу и оставалась прежней. И я думаю, как в прошлом году партия, оставаясь верной себе, должна была бойкотировать Думу, так в этом году она должна была участвовать в выборах. Никакого противоречия тут нет, и говорить о нем можно только по недоразумению. Выборы кончаются, и мы уже знаем, что наши товарищи будут в Думе, притом в значительном количестве. Это создаст для партии совершенно новое положение, и ей нужно выяснить свои отношения к тем из своих товарищей, которые будут заседать в Думе, определить свою тактику чрез этих товарищей в Думе и соответственно с нею свою тактику вне Думы.

Этим вопросам и были посвящены происходившие до сих пор прения на съезде. Здесь в речах товарищей обозначились два главных тече-

ния, те же два течения разделяли голоса товарищей на Томской конференции, делегировавшей меня на съезд, и литературной конференции, в работах которой я только вчера принимал участие. Различие взглядов заключается в следующем.

Часть товарищей находит, что раз члены партии прошли в Думу, то они должны в ней организовать фракцию партии с.-р., которая в своей деятельности подчиняется открытым директивам партии. Другие говорят, что практически это неосуществимо, так как в силу характера нашей партии это создало бы для наших товарищей, депутатов Думы, весьма затруднительное, а пожалуй, и прямо невозможное положение. Но в то же время партия не может согласиться с тем, чтобы ее товарищи вошли в Думу какими-то анонимами или псевдонимами. Они непременно должны войти туда в качестве соц.-революционеров. Поэтому они полагали, что будет практичнее, если товарищи депутаты образуют думскую группу с.-р., которая формально не будет связана с партией, но в действительности будет руководствоваться в своей парламентской деятельности директивами партии. Голоса как на Томской конференции, так и на литературной разделились по этому вопросу почти поровну. Но в чем же лежит причина такого различия мнений, которую мы видим и на самом съезде? Она лежит в партийной тактике — в том, что партия пользуется террором как одним из средств борьбы с правительством, и отказаться от этого средства пока что партия не может. Практика террора и открытое участие в Думе партии — если и несовместимо, то, во всяком случае, весьма затруднительно и может повести к весьма нежелательным последствиям, как **разгон Думы, с отнесением вины этого на партию с.-р.**, присутствие членов которой не может быть в Думе терпимо. Некоторые товарищи высказывали не только эти опасения, но также указывали и на необходимость приостановки террора на время деятельности Думы. Другие же, напротив, держались той точки зрения, что террор не только не может быть приостановлен, но даже должен быть развит с наибольшей силой. Я остановлюсь на этих мнениях и позволю себе высказать свою точку зрения.

Наши товарищи — в Думе. Но могут ли они открыто выступить в ней как члены П.С.-Р.? Я говорю не о том, что это было бы желательно, а о простой возможности. Некоторые из товарищей отвечают на этот вопрос: не только возможно, но иначе и быть не должно. Если уж наши товарищи в Думе, то они могут там быть только как открытые члены партии, объединенные в открытую фракцию П.С.-Р. Как ни желательно было бы видеть в Думе открытую фракцию П.С.-Р., тем не менее, думаю мне, от этого желания мы должны отказаться как совершенно неосуществимого в данных условиях.

Если мы непременно пожелаем образовать в Думе открытую фракцию нашей партии, то это будет означать, что мы, пославши своих товарищей в Думу, вместе с тем хотим создать для них условия, которые делают их присутствие в Думе невозможным. Не будем забывать, что наша партия, с точки зрения действующего уголовного законодательства, не только не легализованная партия, а преступное сообщество,

одна принадлежность к которой карается каторжными работами. Не будем также забывать, что неприкосновенность депутатов имеет свои ограничения. Не будет ничего удивительного, если в первый же день заседания Думы кто-нибудь из депутатов-реакционеров потребует, чтобы все члены фракции нашей партии в Думе были удалены из Думы и преданы суду. Может ли быть уверенность, что их прямо из Думы не водворят в тюрьму? Думаю, что такой уверенности быть не может. Но беру лучший исход: Дума отвергнет это предложение, и вот конфликт между Думой и правительством готов, готов повод для разгона Думы, причем и в глазах народных масс, и в глазах Зап. Европы вина этого конфликта будет свалена на нашу партию. Правительство хотело мирной работы, скажут по этому поводу, но в Думу проникла революционная партия, убивающая министров, и работа оказалась невозможной: пришлось заняться выработкой мер, которые сделали бы повторение подобного факта невозможным. Доказывайте потом народу, что это вздор, что дело не в том, что это одна из уловок преступного правительства; дело партии будет уже проиграно.

Понимая это, некоторые товарищи и говорят: поэтому-то мы и предлагаем на время Думы приостановить террор, объявив об этом, как было в прошлый раз. Но возможно ли это? Возможно ли, чтобы партия отказывалась от одного из могучих средств борьбы, средства испытанного, надежного. Я думаю, что нет. Что такое террор? В своей основе, по сущности, это отпор партии на совершенное правительством насилие. Пока есть насилие, пока есть произвол, пока правительство будет попирает все права народа и личности, до тех пор партия, желая быть активной, революционной силой, не может отказаться от террора, как непосредственного сопротивления насилию и произволу правительства.

Но разве можно говорить серьезно, что на время Думы правительство во откажется от произвола и насилия?

Вспомним прошлую Думу: разве во время ее деятельности правительство прекратило насилие, разве не продолжало оно их с еще большей силой? Разве оно не издевалось над самой Думой? Да вспомните один ржиский эпизод! Нет, правительство от казней отказаться не может, и до тех пор не может быть прекращен и террор партии.

Но где же в таком случае выход? Я его вижу лишь в одном: в образовании в Думе не фракции П.С.-Р., а парламентской группы с.-р., **оргции от партии независимой**. Шагом этим мы развяжем руки нашим товарищам депутатам, сделаем их присутствие возможным. При наличности парламентской группы они в Думе останутся неуязвимыми: если принадлежность к партии, как наша, в уголовном смысле преступна, то исповедовать точку зрения с.-р., быть им по своим убеждениям не наказуемо даже с точки зрения русского уголовного закона. Будучи с.-р. и в Думе, они получают возможность защищать не только программу, но и тактику партии вне Думы. В этом отношении их позиции будут особенно благоприятны.

Но, говорят некоторые товарищи, было бы печально, если бы в первые же дни существования Думы совершались террористические акты,

которые позволили бы правительству обвинить партию в желании сорвать Думу, помешать ее мирной работе. Поэтому желательна приостановка террора на первое время, нужно изменение тактики партии.

Отчасти я разделяю эту точку зрения: было бы нежелательно, если бы какой-нибудь не вовремя совершенный террористический акт дал правительству повод к каким-нибудь махинациям и возможность всю ответственность за них свалить на нашу партию. Но для меня здесь вопрос не в изменении тактики партии, хотя бы и временной, а в политическом такте партии. Политический такт партии, конечно, должен удерживать партию от таких фактов, и я не сомневаюсь, что наша партия этим тактом располагает в достаточной степени. Чтобы вырвать у правительства самую возможность подобных попыток, было бы весьма важно, если бы перед открытием Думы партия обратилась к народу с особым манифестом, в котором, очертив условия момента, созданного второй Думой, выяснила бы свое отношение к Думе и свою тактику, в частности свой взгляд на террор как на одно из практикуемых ею средств борьбы с правительственными насилиями; и то, что террор может быть прекращен только тогда, когда прекратятся насилия правительства. Прекращение террора зависит от самого правительства, и только от него. Такое заявление лишит возможности правительство при последующих событиях свалить вину с больной головы на здоровую. За необходимость обращения с таким манифестом к народу высказалась и литературная конференция.

Тов. **председатель** сообщает о прибытии двух представителей от группы «Земля и Воля»⁴⁸⁴, т.т. Чернякова⁴⁸⁵ и Белякова⁴⁸⁶; один — по приглашению ЦК с совещательным голосом, другой прибыл без приглашения. Проверочная комиссия предлагает съезду дать и ему совещательный голос. Кроме того, прибыл член редакции «Труда»⁴⁸⁷ тов. Егоров⁴⁸⁸ по приглашению ЦК, с совещательным голосом. Съезд предоставляет второму товарищу от «З. и В.» право присутствовать с совещательным голосом.

Тов. **Председатель**. Прошу собраться комиссию по делу о Туляке ввиду поступления новых сведений.

Объявляю перерыв до 4 часов.

(Заседание кончилось в 2 ч.)

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(13 февраля, вечером с 4 ч. дня до 12 ч. ночи)

Председ: Парфинов.

Секретари: Молниев, Шаров⁴⁸⁹, Вяткин.

Тов. **Семенов** оглашает заключение комиссии, избранной для выяснения инцидента с делегатом от г. Тулы. Комиссия пришла к заключению, что полномочия депутата от Тулы сомнительны, но он не возбуждает подозрения в провокаторстве. По мнению комиссии, делегат Тулы

на съезд допущен быть не может, а также не следовало бы до конца съезда выпускать его отсюда.

Тов. председатель. Съезд не может рассматривать этот инцидент по существу, так как это заняло бы у нас слишком много времени; нам приходится довольствоваться только заключением комиссии, и съезд должен считаться с ее мнением, которое, не оскорбляя делегата Тулы, в то же время предохраняет съезд от могущих быть последствий.

Тов. Лисинвой. Литературная конференция, от которой я прибыл сюда, нашла вполне совместным применение террора с образованием фракции в Думе. Я же лично расхожусь с этим мнением. Я думаю, что мы в террористической борьбе слишком уходили вперед, упуская из виду мнение массы, а этим мнением, и особенно в этот момент, надо руководиться. Когда у нас, на литературной конференции, был поднят вопрос о центральном терроре, то мнение товарищей по этому вопросу раскололось. Те, которые стояли за образование фракции в Думе, высказывались за прекращение центрального террора; они считались с мнением массы, с мнением тех, кто выбирал соц.-революционеров в Думу. Ведь еще большой вопрос, чем руководствовались выборщики при избрании наших товарищей в Думу. Я думаю, что для нее крайне важно, чтоб через посредство выбранных в Думу широко выяснилась наша партийная физиономия. И чем более будут благоприятны условия, при которых будет происходить это выяснение, тем лучше для дела русской революции. Конечно, против террора я не высказываюсь. Но при применении его надо учитывать все обстоятельства. Те же товарищи, которые стояли за продолжение террора, высказались за образование группы с.-р. По моему мнению, образование группы нам менее выгодно и от такого мнения нам надо отказаться. Я бы предложил собранию по этому поводу такую резолюцию: «Приостановка террористической деятельности допустима лишь в том случае, если правительство прекратит свои насилия и даст нормальные условия парламентской работе Думы, о чем партия заявляет при посредстве своих членов в начале думской сессии».

Тов. Донской⁴⁹⁰. Товарищи! Я не буду отнимать у вас лишнего времени, ибо вопрос об отношении к Думе и террору считаю достаточно выясненным предыдущими ораторами, но я считаю необходимым изложить взгляд, который господствовал на Ростовской конференции и на Азовско-Донском Обл. съезде, взгляд на то место, какое должна занять террористическая деятельность в партии во время функционирования Думы, и на то положение, которое займут наши товарищи в самой Думе, а также об организации масс при наличии таких элементов, как наши представители в Думе, с одной стороны, и деятельность партии вне Думы, с другой. В принципе наши товарищи считают приостановку террора ненужной, но при обсуждении грядущего момента сознание того громадного исторического поворота, какой переживает наша партия, выступая открыто своей частью в Думе, заставило нас с особенной внимательностью, с особенной осторожностью отнестись к этим живо-трепещущим вопросам. Без сомнения, наряду с существованием гро-

мадного количества социалистически мыслящего элемента в Думе правая позиция будет представлена тоже в довольно внушительных размерах. Понятно, что всякое террористическое выступление во время функционирования Думы будет комментироваться ею на все лады. Таким образом, какое-нибудь недостаточно обдуманное или нерационально террористическое выступление может послужить громадным материалом для правого элемента Думы, в целях оправдания репрессий, вплоть до организации массовых погромов, оправдывая их тем, что это результат наших террористических выступлений, стараясь этим дискредитировать нашу партию в глазах широких трудовых масс, которые, без сомнения, нерациональному террористическому акту сочувствовать не будут. Вопрос об усилении, уменьшении или приостановке на время террористической деятельности представляется мне и моим товарищам в таком виде: в зависимости от изменения правительственной тактики в области усиления или ослабления репрессий будет меняться и наша тактика. Мы находимся на войне, мы представляем из себя одну из воюющих сторон, и возможно, что в целях тех или других соображений может случиться, что нам придется на время, по крайней мере в начале думской сессии, впредь до выяснения дальнейшей правительственной тактики приостановить террористическую деятельность даже в том случае, если это покажется нашему противнику явным отступлением, даже бегством с поля битвы. Но в то же время мы должны подготовиться к нанесению удара с совершенно другой стороны. Мои товарищи высказались за то, чтобы партийным съездом предоставлено было право ЦК, во избежание тех или иных нежелательных результатов, на время приостановить или приурочить террористические выступления сообразно с обстоятельствами момента. Конечно, если на местах в это время тактика местных властей отклоняется от общей тактики правительственного механизма в форме погромов, избиения и т.д., местные работники в то же время оставляют за собою право террористических выступлений в таком виде и в пределах тех постановлений, которые действовали до сих пор. Такова резолюция, которая в общем была вынесена нашими товарищами. Мне осталось очень мало времени, и мне хотелось бы в одно и то же время высказаться о нашем отношении к образованию думской фракции и о ее роли и значении в роли организации и объединении широких трудовых слоев населения. Для этого считаю чрезвычайно важным прочесть вам резолюцию съезда уполномоченных от крестьян Таганрогского округа, характеризующую отношение самих крестьян к вопросу о значении нашей думской фракции в области организации масс. Считаю необходимым заявить, товарищи, что никакого влияния со стороны местных интеллигентных работников в данном случае не было (читает):

«Мы, крестьяне, уполномоченные волостей Таганрогского округа, собравшиеся на съезд для назначения выборщиков от крестьян, обсудив современное положение дел в России в связи с предстоящим открытием второй Г. Думы, пришли к следующим заключениям:

1) принимая во внимание, что чаша терпения народного переполнилась и что наступило, наконец, столь долгожданное нашими отцами и

нами время для переустройства в России всех порядков на пользу и благо трудящегося народа;

2) принимая во внимание, что труженики, в поте лица своего зарабатывающие свой хлеб, как в городе, так и в деревне, могут избавиться от голода, нужды, темноты и обиды только тогда, когда народ получит все свободы и всю власть, т.е. при народовластии, и когда будет правильно решен земельный вопрос, самый важный в России, где громадное большинство жителей хлебопашцы;

3) принимая во внимание, что народ избавится от безземелья, земельной тесноты и гнета землевладельцев только тогда, а) когда все земли, принадлежащие казне, уделам, кабинету, монастырям, помещикам и всем владельцам, пользующимся от земли нетрудовым доходом, будут отобраны без всякого выкупа и обращены в собственность всего народа; б) когда земля будет наделяться в уравнительное пользование только тем, кто будет сам ее обрабатывать с своей семьей или с товарищами; в) когда распоряжаться землей будут избранные всем народом самоуправления, т.е. собрания и управы волостные, уездные и областные, и, наконец, избранная всем народом Госуд. Дума, которая будет заведовать земельным запасом, недрами земли (шахтами, рудниками и пр.) и заботиться о расселении и переселении, и г) когда никому нельзя будет ни покупать земли, ни продавать своего надела никому, кроме казны, для наделения нуждающихся и когда вместо существующего права частной собственности на землю будет объявлено право на равный надел всех граждан, желающих приложить к ней собственный труд;

4) принимая во внимание, что нынешняя Дума не может ни ввести народовластия, ни решить земельный вопрос, во-первых, потому, что ей запрещено касаться так называемых основных законов, во-вторых, потому, что по теперешнему избирательному закону трудовой народ не может послать в Думу большинство своих представителей, и, наконец, потому, что ни царь, ни Государственный Совет не утвердят законов, невыгодных для помещиков и крупных землевладельцев;

5) принимая во внимание, что правительство, разогнавшее первую Думу и залившее кровью и слезами всю Россию, пользуется всею властью и от нее добровольно не откажется;

6) принимая во внимание, что избранные народом члены Г. Думы сами перед лицом правительства бессильны и что министры не постесняются опять разогнать их, если не будут бояться народа. Принимая все это во внимание, мы решили, что:

1) дать народу Землю и Волю может только полновластная Дума — Учредительное Собрание, свободно избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан без различия пола, веры и народностей,

2) наши крестьянские депутаты должны в Думе присоединиться к той партии, которая ставит своей целью созыв Учредительного собрания для введения народовластия и передачи всей земли всему народу в уравнительное трудовое пользование, т.е. к партии социалистов-революционеров.

3) мы, крестьянские уполномоченные, считаем, что этим съездом наши обязанности не только не кончились, но что самое важное дело наше впереди, а именно:

а) мы поручаем нашим выборщикам столкнуться в Новочеркасске с выборщиками других округов и составить союз для наблюдения за деятельностью членов Г. Думы и для поддержания всех их полезных действий присылкою приговоров, наказов, устройством митингов сочувствия и протеста против всех, кто мешает им исполнить свой долг перед народом. Выборщики должны из своей среды выбрать Областное Бюро, которое будет сноситься с разными округами, в том числе и с таганрогским, давая им советы и указания, каким образом лучше поддерживать действия крестьянских и рабочих депутатов в Думе. Через своих депутатов Обл. Бюро вступит также в сношения с выборщиками от рабочих Донской обл. и с крестьянскими и рабочими бюро выборщиков соседних губерний. В случае грозящего депутатам Думы разгона Обл. Бюро дает нам сигнал к общему выступлению для того, чтобы положить предел беззаконию,

б) мы, уполномоченные волостей, обязуемся через сознательных десятидворных организовать крестьянскую массу во всем округе, пробуждая интерес к деятельности Думы, выясняя тактику и программы разных партий, устраивая митинги и сходы для составления приговоров и наказов, выражающих волю населения, его сочувствие или негодование по поводу тех или иных поступков министров и думских партий. Мы должны сплотить население и приготовить его к общему выступлению на случай разгона Думы и для поддержки требования созыва Учредительного Собрания, основывая с этой целью в каждой волости комитеты из сознательных крестьян, оказывая воздействие на наших сыновей и братьев, служащих в войсках, посылкой писем и наказов. Для облегчения нашей деятельности мы выбираем из своей среды Окружное Бюро, которое будет направлять дело, созывая, возможно, съезды уполномоченных, а также представителей волостных комитетов, распространяя газеты и листки, где будут правильно освещаться события и подаваться руководящие советы населению. Окружное Бюро должно стараться войти в соглашение с выборщиками от рабочих нашего округа и в своей деятельности сообразоваться с мнениями Областного Бюро, знакомясь через него с настроением трудового народа во всей области. Только сплотившись таким образом, трудовой народ явится несокрушимой силой, опираясь на которую наши истинные представители в Думе смогут осуществить великую задачу созыва Учредительного Собрания, которое одно только даст народу Землю и Волю».

Из самой этой резолюции, товарищи, которую, без сомнения, можно считать за голос трудового народа в массе своей, мы видим, что утверждение многих товарищей, будто крестьяне ничего не ждут от Думы, не совсем верно. От самой Думы, пожалуй, не ждут особенно много, но, без сомнения, крестьяне очень много ждут от своих представителей в Думе, т.е. от нас, от нашей партии, за представителей которой они голосовали. Принимая участие в предвыборной кампании, агити-

руя за наших товарищей, мне кажется, что этим уже самым мы вопрос об организации нашей фракции предрешили. Так по крайней мере думаю я и мои товарищи по работе. И мне кажется, что и трудовые массы, выбрав наших товарищей в Думу, тем самым вопрос этот предрешили. Что касается вопроса о значении нашей фракции в области организации масс, то мне кажется, что вопреки нападкам некоторых из товарищей самая верная мысль была в этом отношении товарища докладчика. Его точка зрения всецело совпадает с точкой зрения всех нас, и мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что она совпадает с точкой зрения, выходящей из недр самого трудового народа. Крестьяне, даже более сознательные из них элементы, если не ждут от самой Думы прямого улучшения их положения, то, во всяком случае, думают очень много сделать через своих представителей в ней, через них они надеются достигнуть если не коренного социального преобразования, то очень многого для приближения к этому преобразованию. О важном значении депутатов и выборщиков, принадлежащих к нашей партии, для организации масс не может быть и речи. Товарищи, кому из вас приходилось работать среди крестьян, тому, вероятно, известно, что крестьяне несравненно лучше относятся к печатной прокламации, чем к гектографированной. Я думаю, что депутаты и выборщики, принадлежащие к нашей партии и от нашего имени выступающие в народе, сделают очень много в области организации масс во время функционирования Госуд. Думы. Выражаясь образно, они явятся своего рода «печатными прокламациями», по сравнению с нашими нелегальными организациями. Их официальное положение — избранников самих же крестьян — в огромной мере облегчит для них задачу организации трудовых масс деревни и подготовки их к будущему неизбежному массовому выступлению.

Тов. Авраамов⁴⁹¹. Так как мнения партийных крестьян и работников северной части Таврической губ. в достаточной степени обоснованы и освещены со всех сторон многими из предыдущих ораторов в целом или по частям, то я не буду затруднять съезд и приведу наши решения, не обосновывая соображениями, заставившими принять такие решения. Сущность наших мнений такова:

1) Необходимо образование фракции П.С.-Р в Думе ввиду полного использования Г.Думы как народной трибуны и ввиду международного значения факта появления представителей революционного социализма на политической арене.

2) Общая тактика и фракции и партии должна быть строго революционной. В частности, вне Думы она должна быть такова, чтобы захватить широкую массу низов и вовлечь в борьбу самую непосредственную, боевую. Фракция в Думе не ставит целью, испустив истерический крик, прекратить свою деятельность вначале, а должна вызвать конфликт на вопросе, имеющем для народа кардинальное значение.

3) Что касается террора, то в смысле широты его он должен быть таковым, как и теперь, если, конечно, тактика правительства та же.

Тов. Семенов. Товарищи! Не стану говорить о том, о чем говорилось здесь уже не раз. Я остановлюсь только на вопросе, который был

слегка затронут докладчиком от ЦК Тучкиным, а именно на вопросе о положении нашей фракции в Думе, когда при голосовании тех или других вопросов ей придется входить в соглашения с другими левыми фракциями. Не рассматривать этот вопрос можно было бы только в том случае, если бы мы на деятельность нашей фракции в Думе смотрели так, как смотрит один из говоривших здесь товарищей, взгляд которого можно лучше всего характеризовать известной большевистской фразой: «хлопнуть дверью и уйти». Подробный разбор этого взгляда мы, наверное, найдем в ответной речи докладчика, а потому останавливаться на нем долго пока не будем. Я скажу всего несколько слов. Товарищи, говорившие по вопросу о фракции и терроре, стояли на слишком узкой точке зрения. Они при решении вопроса о терроре исходили единственно из факта существования нашей фракции в Думе. Я укажу на другую сторону дела. Для меня вопрос о фракции — второстепенный. Террор же я ставлю в связь с вопросом о соглашении деятельности нашей фракции с деятельностью других левых групп. В соц.-демокр. фракции, наверное, будут преобладать меньшевики, а, как известно, меньшевики не признают единичного террора. Они нам могут сказать, что мы, дескать, только в том случае войдем с вами в соглашение, если вы откажетесь от террора. Но отказаться от террора мы не можем, как от орудия острого, сильного.

Таким образом, вопрос о терроре расколет социалистические группы, и направлять законодательную деятельность Думы для нас будет уже невозможно. Итак, наша фракция, изолированная, оставшись в слишком незначительном меньшинстве, будет в силах выполнять только одну функцию: она должна явиться центром организации и агитации масс. Ничего нет удивительного в том, что наряду с существованием парламентской фракции партия будет применять террор. В стране, высшим законом которой является казацкая нагайка, в которой наряду с военно-полевой юстицией — представительное учреждение, немудрено такое противоречие. По моему мнению, террор должен быть сохранен: он дает силу нашей фракции, около которой, как это и предусматривалось Советом партии, будет кристаллизироваться революция. Таким образом, я предлагаю относительно террора решить так: центральный — от губернатора до царя — передать под контроль ЦК; ниже — оставить по-старому. Надо развивать во всю ширь террор снизу с тем, чтобы он захватил самые широкие массы. И подкапываясь снизу, нам не придется взбегать по ступеням трона к центральной фигуре, а напротив, он сам рухнет, от основания до вершины, под напором массового террора. (Аплодисменты.)

Тов. Зиновьев. Я выскажусь за прекращение террора во время действия Думы. Может случиться террористический акт, совершенный даже не нами, а максималистами или отдельными любителями. Кто-нибудь запросит партийную фракцию в Думе: сочувствуют ли они террористическим актам? И может случиться, что террористические акты будут осуждены всей Думой: и правыми, и к.-д., и с.-д., принципиальными противниками террора. Этим будет в глазах народа осуждена наша про-

грамма. Здесь говорили о том, что Дума скомпрометирована в глазах народа. Но здесь уже слышали речь товарища Касимова, представителя татарской организации, о крайнем интересе народа к Думе. Я проехал всю Россию и всю дорогу только и слышал разговоры о Думе. Докладчик говорил, что причина отказа партии от участия в первой Думе была та, что народ мог не понять и поверить тому, будто с.-р. помещали либералам и правительству выработать законы, нужные для народа. Нужно помнить, что и теперь то же положение продолжается. Народ все еще мало сознателен. Следовательно, надо в Думе выдвигать и популяризировать свою программу, именно социализацию земли, законопроекты по рабочему вопросу и т.п. Не надо нам плакать на святых могилах, а от этих могил идти к народу для победы под флагом нашей партии.

Предс. **Парфинов** сообщает о приезде делегата Витебской губ. Ефимова⁴⁹², который просит съезд дать ему слово, несмотря на то что список ораторов уже постановлено закрыть. С такой же просьбой обращается и тов. Егоров, тоже приехавший после закрытия списка. Съезд постановил дать слово товарищам Ефимову и Егорову.

Тов. **Федотыч**. Я предостерегаю товарищей от решения оставить в действии только единичный террор. В широких слоях народной массы накопилось так много негодования, слез и обид, что если остановить массовый террор — единственное оружие массы, — то народное негодование может вылиться в нежелательные формы.

Тов. **Разумов**⁴⁹³. Товарищ из Ставрополя указывал на массовую психологию как исходную точку при решении всех вопросов, и главным образом при решении вопроса о вооруженном восстании. Это совершенно правильно. Но это не значит, что наша тактика должна приспособляться к массам. Нет! Наша тактика, напротив, всегда старалась методы борьбы масс перелить в высшую форму, слить с своей. Из истории мы знаем, что все вооруженные восстания проходили под влиянием психоза, а толчками, революционными толчками к восстанию, всегда являлось какое-либо яркое событие. Никогда, нигде вы мне не укажете, чтоб восстание сочинялось. А потому-то нам необходимо еще внимательнее, еще тщательнее заняться воспитанием психологии масс. И задача нашей фракции в Думе должна заключаться в том, чтобы, связав себя тесными узами с народом, сделавшись его нервной системой, своей тактикой беспощадно порвать все нити, связывающие народ с правительством. Только тогда можно рассчитывать на вооруженное восстание. И если тактика фракции будет такой, как я очертил, то можно сказать, что успех восстания обеспечен. Еще раз повторяю: массовая психология — психология момента!

Тов. **Выборгский**. Товарищи, я пользуюсь 5 минутами, предоставленными мне с тем, чтобы объяснить, почему я хочу взять свою резолюцию обратно... Да, я беру ее обратно, потому что, вдумавшись хорошенько в наскоро сделанную мною вчера формулировку моих взглядов, я нахожу, что некоторыми своими частями она может вызвать недоразумение и, во всяком случае, идет дальше мыслей, развитых мною во вчерашней речи. Могут, напр., подумать, что, говоря об усилении тер-

рора, я говорю о его количественном распространении, об учащении и без того не всегда целесообразных актов на местах. Но это идет совершенно против моих основных взглядов. Под словами «усиление террора» я разумел усиление его эффектов. А это может быть достигнуто только тогда, когда политический террор будет передан ЦК. Иначе распыление террора может пойти на руку нашим максималистам, анархистам и т.п. Действительно, даже на нашем съезде раздавались голоса, что всякий террористический акт уже потому хорош, что он террористический, что всякий такой акт есть целесообразное орудие пропаганды и агитации. Согласен, что всякое террористическое действие есть акт пропаганды и агитации. Но, к сожалению, иное террористическое действие есть акт агитации, как раз идущий против людей, прибегающих к нему. Словом, я принципиальный противник романтического терроризма. Я всегда стоял и продолжаю стоять на точке зрения Народной Воли, Исполнительный Комитет которой заявил громко и ясно, что террор есть печальное, есть страшное, но лишь необходимое оружие в борьбе революционеров с правительством. Это страшное, это обоюдоострое оружие должно быть вручено ЦК, который один должен руководить политическим партийным террором. Что касается до местного, само собой возникающего террора — террора зачастую не ко времени, — то это чисто стихийное движение, с которым мы не всегда, пожалуй, можем успешно бороться, но поощрять и одобрять которое мы, во всяком случае, отнюдь не должны. Политический партийный террор в руках ЦК! Вот мое заключение...

Итак, я беру свою резолюцию назад. (Аплодисменты.)

Тов. **Панасенко**. Я являюсь представителем Центрального Бюро Всероссийского Железнодорожного Союза. Я не буду говорить о той роли, которую должна сыграть Дума в революционном движении. Этот вопрос в значительной степени освещен многими говорившими передо мною товарищами. Мне лично хотелось бы осветить заключительный акт Думы — разгон Думы. Здесь многие товарищи говорили, что на разгон Думы нужно ответить.

Предлагалось образование и организация крестьянских депутатов, совета рабочих депутатов, совета военных организаций и т.д. и т.п.

Говорилось о вооруженном восстании... Для нас, железнодорожников, вопрос является решенным. Третий съезд Всероссийского Жел. Союза, бывший здесь же, в Финляндии, два месяца тому назад⁴⁹⁴, внес определенное решение. Он признавал, что поводом к активному выступлению может быть разгон Думы. Только двое из ораторов коснулись одного из могущественных нервов страны, это — железных дорог, водных путей сообщения и транспорта... Один из них, тов. Чувашин, подошел к этому вопросу с точки зрения активного выступления крестьянских масс. Подойдя к этому центральному вопросу, он коснулся его только вскользь, указав, что железные дороги будут разбираться крестьянами, и только. Я думаю, что этот вопрос должен быть освещен возможно шире и разобран возможно глубже. Я поэтому остановлюсь на той роли, которую играют железные дороги и прочие пути сообщения в

централизованном государстве. Железные дороги и прочие пути сообщения являются не только средством передвижения людей и товаров, но они являются в значительной степени и распространительным обменом мыслей — почта, письма, книги и т.д., — они, так сказать, поддерживают культурную жизнь страны. Но и с нашей точки зрения — революционной — железные дороги играют огромную роль. При помощи железных дорог правительство может перебрасывать с поразительной быстротой свои скомплектованные войска и орудия убийства. В любой момент оно может отправить несколько поездов усмирителей в восставший округ, город, деревню. Но что будет делать это правительство, когда железные дороги замрут, когда железные дороги станут? Огромные кадры войск, сосредоточенных в городах, не могут быть никуда направлены. Защита правительства: пулеметы, штыки, пушки, блиндированные поезда — это мертвый капитал, которому нет приложения. Есть силы и нет силы!.. А между тем из провинции могут идти требования одно решительнее другого. Сатрапы требуют войск, есть войска — и нет войск! Они не могут быть отправлены. Прекращается телеграфное сообщение, прекращается всякое сообщение центральной власти с местными органами. Наши сатрапы, привыкшие жить по указке из Питера, теряют голову... У них нет самостоятельности; привыкшие всю жизнь жить приказами и распоряжениями, они окончательно теряются. С остановкой железных дорог, с прекращением телеграфных сношений прекращается вся жизнь в стране. Объявляется всеобщая политическая забастовка. Возмущенный народ отказывается в своем труде...

Останавливаются фабрики, заводы, и пролетариат высыпает на улицы, происходят митинги, собрания... Я не согласен с тов. Рязанцевым, когда он говорит, что как средство борьбы политическая забастовка отжила. Нет, товарищи, не отжила, она только начинает жить... Мы, русские революционеры, показали всему миру воочию, каким могущественным средством располагает пролетариат! Какое страшное оружие он держит в руках для правительства и эксплуататоров... Мне скажут, что правительство уже приготовилось: оно обратило узловые пункты в вооруженные лагеря, разбросало свои войска по всей стране. Да, это так. Правительство приготовилось... Но скажите вы мне, как можно защитить 59 тысяч верст рельсового пути от восставшего народа? Нужна полумиллионная армия только для охраны пути. Но ведь нужны войска и в городах, и в уездах... Да, охрана путей нужна, так как местные жители, являясь всегда непосредственными работниками на железных дорогах, знают лучше всяких инженеров секрет разрушения дорог. Образуя вольные боевые дружины и хорошо зная местные условия, они будут нападать там, где их не ожидают. Вот чего боится власть и что для нее является ужасным положением. Забастовка железных дорог переносит революцию в деревню, в этом ее огромное значение. Я не знаю, что произойдет, но я представляю себе весь ужас того положения, когда сын-солдат будет вынужден убить отца, брата, мать, и, кто знает, не склонятся ли штыки перед открытой грудью голодного, разоренного народа... Товарищи, это сильное средство, и, кто знает, как поступят

250 чел. солдат с восемью насильниками-офицерами, решившимися произнести «пши!»? Кто даст на это ответ? Ответит будущее проснувшегося народа!

Вот в нескольких словах мое мнение о значении железных дорог в русской революции. Железные дороги так часто связаны с водными путями, что необходимость координирования действий является сама собой. И Всероссийский Железнодорожный Союз давно уже вступил в самую тесную связь с Волжской судоходной организацией П.С.-Р.⁴⁹⁵, такая же связь намечена и с Каспийской организацией⁴⁹⁶ и Черноморскими компаниями⁴⁹⁷. Ввиду того огромного значения, которое имеют железные дороги для революционного выступления, я и предлагаю съезду обратить самое серьезное внимание на работу на железных дорогах. Происходившая в июле прошлого года конференция Всерос. Железнодорож. Союза выяснила, какое огромное значение при выступлениях имеют крестьянские массы и поддержка пролетариата, а потому внимание товарищей, железнодорож. работников на местах, обращалось на установление самых тесных связей с крестьянскими работниками и организациями. Это взаимодействие необходимо развить и расширить, тогда успехи выступления обеспечены. Необходимость приготовления технических средств для прекращения движения на железных дорогах признавалась на июльской конференции, и становилась в обязательство подготовка их, а поэтому я обращаюсь к тов., работающим на железных дорогах, что независимо от организации крестьянских масс должно быть отведено место и технической подготовке для взрывов мостов, труб и т.п. сооружений. Во всех этих работах и действиях должна быть полная согласованность Всерос. Железнодорож. Союза и крестьянских и прочих организаций. И раз мы говорим, что центр тяжести революции забастовками железных дорог переносится в деревню, как в сторону наименьшего сопротивления, то здесь на этих маленьких центрах и должна быть сосредоточена борьба с правительством. Это становится тем легче сделать, что мелкие центры являются наименее уязвимы при легкой подвижности мелких крестьянских дружин, брошенных в поток разрушительной борьбы с прекращением движения по железным дорогам. Теперь я скажу несколько слов о тех наших предположениях и подготовках для развития революционного настроения среди железнодорожных масс. Центральное Бюро Всер. Железнодорож. Союза задалось целью образовать при Думе особое бюро из бывших железнодорожников. Этот вопрос уже обсуждался членами Центр. Бюро, хотя еще окончательного постановления и не последовало, но тем не менее он выдвинут самой жизнью, и я думаю, что нам удастся образовать особое бюро, которое будет поднимать в Думе железнодорож. вопросы, как средство для агитации. Не многим из нас, товарищи, известно, что у нас на железных дорогах до сих пор есть служащие (барьерные сторожихи), которые получают по 3 руб. в месяц на своих харчах! Затем, то невыносимое положение, в котором живут служащие, трудно передать в нескольких словах, то бесправие, которое царит на дорогах, не только не уменьшилось, но местами приняло и истинно русский характер. В ор-

ганизованном при Думе бюро будут разбираться требования, которые железнодорожники предъявили правительству и которые им не были выполнены. В бюро будут стекаться все те требования и проявления произвола начальствующих лиц, которые послужат для предъявления запросов министру путей сообщения. И когда с думской трибуны раздадутся голоса железнодорожников, огромная, 750-тысячная армия железнодорожных служащих услышит их! И вот в тот момент, когда правительство разгонит Думу, для железнодорожников не будет вопроса: бастовать или нет? Они забастуют, они остановят жизнь... И никакие лестницы подстройки самодержавия не спасут его от гибели. Оно погибнет под обломками старых мостов. Я кончил. (Аплодисменты.)

Тов. Янов. Вопрос об отношении к Думе не является вопросом принципа, даже не вопросом тактики, а вопросом возможности. Может ли партия, даже при желании, свести в Думе себя на нет — так стоит вопрос. Ведь может получиться второй опыт бойкота. Агитационные речи с думской трибуны, ряд заявлений в духе, предполагаемом некоторыми ораторами, — да ведь это же — отказ от деятельности в Думе, это — самооскопление партии. Только путем выступлений определенных, совершенно реальных, по возможности, детально разработанных предложений, отвечающих, насколько допускают принципы партии, ближайшим нуждам народа, и возможно организовать массы, дав им реальные требования для защиты и завоевания. Только при этом условии и возможно надеяться на единодушное массовое выступление. Отсутствие реальных требований не может не привести к охлаждению масс к партии, не может не создать благоприятной почвы для агитации сторонников правительства, которые могут ссылаться, что правительство хоть что-нибудь даст массам, а с.-р. только речи говорят. Для того чтобы такая деятельность была возможна, парламентской группе необходимо оставаться в рамках парламентских приемов борьбы. Революционизировать должны не воззвания группы, а самое содержание ее требований. Параллельно с работой в Думе должна идти работа вне Думы: организация мнений (извиняюсь за кадетизм), путем выработки наказов и устройства наблюдательных комитетов (за деятельностью депутатов); организация сил — путем укрепления конспиративных организаций и их расширения.

Последняя задача ближайшим образом выдвигает вопрос о терроре. Террор — наиболее могучее средств для укрепления боевой организации масс, а потому о прекращении террора не может быть и речи, даже о сокращении может быть речь только при перемене правительственной системы, а пока действует «русская конституция», должен действовать и старейший ее институт — террор.

Необходимо готовиться, не упуская времени ни одной минуты, к роспуску Думы. Ответом партии на роспуск Думы должно быть вооруженное восстание. Но восстание не может разгореться моментально, и всякий упущенный момент — невозвратная потеря. Поэтому в первый же момент по роспуске должен быть развит самый беспощадный, пожалуй, даже неразборчивый террор. Все, носящее клеймо правительст-

ва, должно быть обречено истреблению при всякой возможности, всякими средствами. Для усиления эффекта этого выступления желательно не прекращение террора в период Думы, а его ограничение случаями наиболее наглого нарушения прав народа или прав отдельных лиц.

Тов. Андронов. Мое мнение уже было выражено несколькими ораторами. Поэтому, в сущности, я мог бы и не говорить. Но все же я сделаю несколько дополнительных замечаний. Идя в Думу, мы не должны связывать руки партийным организациям в их внедумской тактике. Эта тактика должна сохраняться во всей полноте. Дума лишь один из новых способов нашей борьбы с правительством — не более. Он не должен заслонять собою нашей остальной работы. Вопрос о том, должна ли быть организована фракция партии в Думе или просто непартийная группа с.р. — не важен, так как наши депутаты идут в Думу не для организационной работы. Вместе с тем мы не можем сейчас предрешать поведение нашей группы, так как оно зависит от многих условий, которые могут меняться почти каждый день. Ответственность за тактику группы должен взять на себя ЦК, и ему мы можем поручить руководство этой тактикой. Сейчас же мы можем установить некоторые общие положения, которые должны быть положены группой в основание ее деятельности. Прежде всего мы должны исключить организационную работу. Но это не значит, конечно, чтобы наша группа стремилась непременно сорвать Думу, как предлагал тов. Курский. Свое широкое влияние на массы группа должна обратить на организационную деятельность, должна стать руководящим организационным центром. Террористическая деятельность в думский период распадается на две части: наступательно-центральною и оборонительно-местною. Надо предусмотреть, чтобы центральные террористические акты, совершаемые во время Думы, не вносили сумбура в сознание масс. И только в том случае, если такой акт превышает самый смысл существования Думы, мы будем вправе совершить его. Решить этот вопрос — дело фракции и ЦК. Что же касается оборонительно-местного террора, то его нельзя останавливать постановлениями, так как в каждом отдельном случае он вызывается конкретными условиями. В общем внедумская тактика наша должна остаться прежней, и сущность ее сводится к подготовке всеобщего открытого выступления. Создание совета рабоч. деп., крестьянских союзов, работа в войсках — вот главные моменты этой деятельности. Возможно ли приурочить момент всеобщего выступления к разгону Думы? Мне кажется, что решать сейчас этот вопрос нельзя. Ведь Думу могут разогнать и на второй день и через несколько месяцев. В зависимости от состояния наших сил и от настроения народа только и можно решать этот вопрос.

Тов. Ефимов. Ввиду того, что я только что приехал на съезд и не успел познакомиться ни с докладом, ни с речами большинства ораторов, я могу только огласить резолюцию, принятую по этому пункту конференции, которая послала меня делегатом на съезд, и высказаться по вопросу о терроре во время Думы, вопросу, который главным образом обсуждался последними ораторами.

Конференция приняла такое решение: группа депутатов с.-р., не отступая от своих принципов, избегает таких выступлений, которые бы привели к немедленному разгону Думы. Партия не может приостановить террористическую деятельность, пока правительство терроризирует страну военными судами и попранием всех прав человека. Остановимся на минуту на тех мотивах, которые выдвигались последними ораторами против продолжения террористической деятельности во время Думы. Указывалось, что террористическая деятельность может вызвать разгон Думы. Я не могу с этим согласиться. Если бы террористические акты имели влияние на существование Думы, то те три почти одновременных террористических акта (убийство Игнатьева⁴⁹⁸, Лауница⁴⁹⁹ и Павлова⁵⁰⁰), которые произвели ошеломляющее впечатление на правительство, вызвали бы решение не созывать Думу, что для правительства легче было бы исполнить, чем разогнать уже созванную Думу. Между тем об этом и разговора не было. Дальше высказывалось опасение, что если не всю Думу разгонят, то прогонят из Думы с.-р. группу. Но опасения напрасны. Лишить депутатов их полномочий можно только с согласия и разрешения самой Думы, а нельзя и предполагать, чтобы большинство Думы выдало правительству группу депутатов с.-р. Было высказано еще опасение, что при каком-нибудь центральном террористическом акте, вся Дума, не исключая и с.-д., выскажет порицание партии с.-р. Этого нельзя опасаться. С.-д. никогда этого не сделают. Не сделают этого даже и кадеты. С.-д. не сделают этого из политической порядочности, а с.-д. из политической блудливости. Вспомните, что они в прошлом году отказались высказать осуждение политическим убийствам. И если нашим депутатам придется объясняться в Думе по поводу террористических актов, им, депутатам, это нетрудно будет сделать. Они смогут с думской трибуны указать главного виновника террористических актов — правительство. Террористическую деятельность нельзя приостанавливать. Ведь наказываться будут не просто агенты правительства, а те палачи и насильники, которые будут продолжать топтать ногами самые элементарные права народа, и террор, таким образом, будет подчеркивать клятвопреступную тактику правительства. Конечно, могут быть моменты, когда просто неудобно будет по тактическим соображениям совершить террористические акты. Но такие тактические соображения всегда принимались в расчет и впредь будут приниматься. Следует передать это дело в ЦК, и заявлений о прекращении террора не будет. Но следует выработать для депутатов известный модус, как держаться и какие заявления делать в случае террористических актов. Что касается террористических актов местного характера, вызванных насилием местных сатрапов, то приостанавливать их и невозможно и нежелательно. Да и как мы скажем нашим екатерининским или варшавским товарищам, из рядов которых вырваны и вырываются военно-полевой юстицией десятки и сотни жертв, — приостановите по политическим соображениям вашу террористическую деятельность, пока заседает Дума! Очевидно, ответ на такое предложение мог бы быть только один: пусть прежде прекратится полевая юстиция,

пусть будут прежде обеспечены элементарные права личности... А так как Дума, сама по себе, не в силах их обеспечить, то она и **не может быть** поводом для прекращения террора.

Тов. **Егоров**. Несколько времени тому назад мне пришлось слышать такое крестьянское выражение относительно «приостановки» террора I Сов. партии — **«вот и эти тоже поверили»**, т.е. поверили в то, что при Думе возможны какие-то нового характера отношения с нашей властью, кроме отношений, характерных для того времени для нас. И я боюсь, что, в случае нового решения в том же духе, теперь еще большие массы народа скажут, как говорили уже и раньше отдельные группы, — **вот и эти тоже поверили**.

Между тем что собственно оправдывает требования временной приостановки террора? Почему-то у нас принято при этом ссылаться на постановление I Совета партии, и даже сегодня, если не ошибаюсь, докладчик тов. Тучкин делал такую же ссылку. Безусловно, постановление I Совета дает повод для таких ссылок, но и то едва ли не по недоразумению. Дело в том, что сравнительно недавно, на II Совете, когда речь зашла по поводу некоторых замечаний тов. Сашина⁵⁰¹ о приостановке террора во время думской сессии, представитель ЦК тов. Бобров⁵⁰² сказал, что действительно тогда было решено приостановить террор, но с одним важным исключением, и это исключение было сделано для ген. Трепова. Таким образом, центральный террор был приостановлен, но только центральная из центральных фигур нашего правительства была объявлена вне этого «постановления». Можно ли поэтому ссылаться в подтверждение доводов за приостановку террора на постановление I Совета? Очевидно, нет. Очевидно, истинный характер решения I Совета был совсем иной. Своим постановлением Совет продемонстрировал просто свою готовность отказаться от таких средств борьбы, как террор, при наличии нормальных условий политической жизни. Вот так должны мы поступить и теперь! Центральный Комитет нашей партии должен от имени партии заявить, дать исповедание торжественно перед всем народом, что мы сложим оружие, если правительство даст нам гарантию в готовности с его стороны положиться на нормальные условия борьбы парламентарной. В противном же случае террор продолжается! Это не значит еще, конечно, что, продолжая террор, мы не должны соотноситься с новыми условиями для него, созданными всей думской работ! С этими условиями и этой обстановкой нам необходимо считаться, что само собой разумеется. Но ведь разве и раньше наши центральные учреждения не учитывали целый ряд условий для совершения террористических актов, порой отказываясь от совершения их, хотя бы для этого были очень благоприятные условия, но условия, не удовлетворяющие нашим требованиям. Так должно быть и во время Думы. И тут даже не вопрос политической тактики, а просто вопрос такта.

Тов. **Рубинштейн**. Как представитель СЕРП, я пользуюсь гостеприимством, оказанным нам ЦК и предоставленным нам совещательным голосом, для того, чтобы познакомить съезд с теми воззрениями на об-

суждаемые текущие вопросы, которые господствуют в рядах нашей партии.

Вопрос о том, как должны конституироваться депутаты с.-р. в Думе, как группа с.-р., или как фракция П.С.-Р., не мог, конечно, обсуждаться на наших партийных собраниях, но по всему тому, что там высказывалось о роли Думы в общем ходе революции и задачах депутатов в Думе, я могу, кажется, безошибочно заключить, что наша партия склонялась к образованию думской фракции, органически связанной с партией и подчиняющейся в Думе партийным директивам и лозунгам. Лишь при этом условии речи и действия социалистических депутатов в Думе будут восприниматься как речи и действия социалистической партии, т.е. организованного революционного авангарда рабочего класса. И тогда рабочий класс будет сознавать, что на думской трибуне возвышаются не бледные фигуры Аладына и Аникина, а сам рабочий класс России, социальная личность которого развернется в деятельности фракции. Лишь при этом условии можно надеяться, что думская кампания подымет в стране новую громадную революционную волну и что разгон второй Думы вызовет сильный революционный взрыв; достойный ответ на разгон такой Думы будет вопросом чести всего революционного класса. По вопросу о взаимоотношении между думской деятельностью и непосредственно революционной работой в стране, т.е. партизанской, террористической борьбой, я полагаю, что последняя не только не должна быть прервана на время думской сессии, но даже наоборот. Те товарищи, которые говорили о приостановке террор. борьбы, обусловливали срок этой приостановки моментами объявления открытой войны правительству с самой думской трибуны. Если правительство не выполнит определенных предъявленных ему в Думе минимальных требований, то, по общему мнению, необходимо будет возобновить террор и другие методы непосредственно революционной борьбы. Но в таком случае ясно, что весь спор идет касательно нескольких дней... Сколько бы минимальны ни были наши условные требования — хотя бы дело шло всего лишь о прекращении военно-полевого судопроизводства, — правительство, очевидно, не удовлетворит этих требований. На эти считанные дни террор, если он будет находиться под контролем ЦК, может быть, разумеется, прекращен. Но ни в коем случае нельзя прекратить террор, как и другие приемы непосредственно революционной борьбы, на более продолжительное время, если сессия Думы затянется на несколько месяцев. И вот на каких основаниях СЕРП, подобно П.С.-Р., считает вооруженное восстание объективно необходимым и неизбежным финалом революции и поэтому рассматривает каждый метод революционной борьбы как средство, ведущее к этой конечной цели. Является ли думская работа сама по себе центральным моментом в процессе организации вооруженного восстания? Отнюдь нет. Думу отнюдь нельзя рассматривать как организующий центр в деле вооруженного восстания. Дума является лишь центром политического соотношения страны, и поэтому от нее будут исходить, быть может, наиболее сильные импульсы к восстанию. И только. Где же те пути и средства,

которые более непосредственно приближают нас к восстанию? Они лежат во всех тех методах революционной борьбы и революционного выступления народных сил, совокупность которых создало то военное положение, которое мы, революционеры, объявили правительству. То обстоятельство, что правительство не решается вывести отряды солдат и казаков из самых глухих деревенских закоулков, опасаясь немедленного взрыва аграрной революции, что все бюрократы рангом выше частного пристава постепенно фактически становятся заключенными, опасаясь выглянуть из дома под страхом смерти, — это обстоятельство и есть следствие того военного положения, которое мы объявили правительству. Время ли теперь снимать с правительства это военное положение? Менее, чем когда бы то ни было. Прежде всего это невозможно теперь сделать, так как террористическое движение приняло теперь стихийный характер. Противники этого движения указывают на вызываемое им отрицательное явление — на «распыление революции». Но они игнорируют его положительную сторону. Отсутствие этого движения значило бы пассивное мученичество народных масс, а ничто так не деморализует народные массы, как это пассивное мученичество. Вывод отсюда лишь тот, что необходимо лишь организовать эти стихийные вспышки народного революционизма и придать им более целесообразные формы. Их надо направить в русло партизанских выступлений, под которым я разумею всякого рода дезорганизацию административных, полицейских и военных аппаратов правительства, и в террористическую борьбу под строгим контролем центральных учреждений.

Ошибка товарищей, возлагающих все свои ближайшие упования на Думу, кроется, очевидно, в той аналогии, которую они, сознательно или бессознательно, проводят с октябрьскими выступлениями. Но эта аналогия учит как раз обратному. Те новые, невиданные дотоле формы борьбы и организации масс, которые появились в октябре, явились результатом дезорганизованности и распушенности правительства. В данный момент это не наблюдается, и до тех пор, пока революции не удастся новыми могучими ударами дезорганизовать правительство, нельзя рассчитывать на те формы организации революции, свидетелями которых мы были в октябре. Лишь при этом условии могут оправдаться и те надежды, которые мы возлагаем на Думу.

Тов. Северов. Здесь много говорилось о том, что в настоящее время и народные массы уже не верят в Думу, сознают ее бессилие, ничего от нее не ждут, и если участвовали в выборах, то только для того, чтобы не дать пройти черносотенцам. Такая характеристика народного взгляда на Думу, по моему мнению, ошибочна. Мне кажется, что народ, и особенно крестьянские массы, придает Думе огромное значение и теперь, несмотря на всю неудачу первого опыта. Отдельные пессимистические отзывы, с которыми встречались наши товарищи в деревне, едва ли не были отголоском того, что крестьяне слышали от самих партийных работников, и вряд ли могут считаться выражением взглядов, господствующих в народной массе. В этом нас убеждает, помимо прямых заявлений, идущих от крестьян, следующее простое соображение. В Ду-

ме будет около ста депутатов, прошедших под знаменем социалистических партий, т.е. около $\frac{1}{5}$ всех членов Думы; за ними, следовательно, стоит около $\frac{1}{5}$ всего населения страны, т.е. около 30 миллионов. Если допустим, что даже не большинство населения, а хотя бы только та часть его, которая голосовала за социалистов, смотрит на Думу так сознательно и так безнадежно, как это сегодня утверждали многие, то это значило бы, что революция уже в данный момент располагает несметной армией людей, ясно видящих в ней единственный путь к избавлению. Но такая огромная масса сознательных людей не могла бы оставаться неподвижной. Она давно бы поднялась, увлекла бы за собою весь остальной народ и не оставила бы камня на камне от старого режима. Ничего подобного не случилось. Выбрав, наперекор безобразному избирательному закону и всем правительственным ухищрениям и насилиям, резко оппозиционную Думу с сильной революционно-социалистической окраской, народ сам не пришел в движение: очевидно, он надеется на эту Думу, он верит в нее, он чего-то еще ждет...

И мы не должны уменьшать значения Думы. Какая она ни на есть, она завоевана революцией, за нее уплачено народной кровью, в нее народ послал социалистов, наконец. Она плоха, она бессильна, потому что так ее сформировала бюрократия. Дело народа и партий — укрепить ее силы, расширить ее власть, раздвинуть рамки представительства и дать им новое содержание. Нельзя видеть в Думе только агитационную трибуну, а в ее речах — те же митинговые речи, только произносимые перед более обширной аудиторией, разносящиеся по всей стране. Слова, раздающиеся с думской трибуны, не только слышат большее число людей: их слушают иначе, потому что это слово народных избранников. Дума не митинг, а орудие народной воли, рычаг, приводимый в действие давлением той силы, которой располагает народ. Народ вправе требовать от Думы, чтобы его желания были ею отлиты в законодательные формы. Пусть Государственный Совет или царь отвергнут принятые ею проекты, тогда народ увидит, что только собственным воздействием он может преодолеть сопротивление враждебных сил. Пусть, наконец, разгонят Думу после того, как она свяжет себя с ним, дав конкретную законодательную формулировку его требованиям. Тогда разгон может послужить сигналом к восстанию.

Задача партии в настоящий момент — по мере сил подготовить и организовать это восстание. Дума может создать для него будущих вождей. Деятели конспиративных организаций народным массам неизвестны. Литературные представители партии известны более или менее широким кругам читающей публики, но их опять-таки не знает народ. Опыт первой Думы показал, какую громадную популярность в народе приобретают люди, смело выступавшие на защиту его интересов с парламентской трибуны. Вспомним, каким обаянием до сих пор окружены в глазах народа имена некоторых бывших депутатов-трудовиков. Одно их появление на местах подымало на ноги целые уезды. Тысячи народа собирались вокруг них и жадно ловили каждое их слово, готовые отдать за них жизнь и идти за ними, куда укажут. Тогда ничего не было

подготовлено, вожди не знали, когда и куда вести. Но это были уже вожди, признанные народом...

Что касается организации нашей группы в Думе и конкретного плана ее работы, то мы здесь, по моему мнению, не можем решить ни того, ни другого. Мне кажется только, что законопроекты о свободах и о всеобщем избирательном праве должны быть предшествовать всему остальному. Будет ли у нас в Думе фракция партии или группа депутатов, разделяющих воззрения партии, — это прежде всего зависит от самих депутатов, решать за них мы не можем. Замечу только, что и в том случае, если они составят фракцию, эта фракция должна пользоваться автономией в парламентских делах. Депутаты избраны широкими массами населения и не могут получать обязательных инструкций от органов партии. Единение должно быть основано не на внешней обязательности, а на свободной работе разума и совести. Подробности думской тактики также должны вырабатываться совместно с депутатами.

По вопросу о внедумской тактике я держусь того мнения, что на время существования Думы, особенно если в ней образуется парламентская группа или фракция партии, террор необходимо должен быть приостановлен. Все силы партии должны быть направлены теперь на организацию народной поддержки Думе в ее требованиях и на подготовку всеобщего восстания, которое должно явиться ответом на разгон. Вот та идея, которую мы обязаны теперь возможно шире распространить в массах, опираясь на те элементы сознания и воли, которые естественно назревают в народной среде. Вот центр, около которого должна вращаться деятельность партии в настоящий политический момент. (Аплодисменты.)

Тов. Брешковская. Бойкотировать Думу и не вступать в нее — по моему, это две разные вещи. Ни первый раз, ни второй я лично не была за бойкот Думы, потому что оба раза было ясно, что крестьяне и рабочие пожелают участвовать в выборах и дело каждой политической партии воспользоваться предвыборной агитацией для проведения своих идей, своего учения. Но мне всегда казалось, что в Думе Дурново или Столыпина программе партии с.-р. нет места. А потому раскаиваться (как это некоторые предлагают) в том, что мы не посылали своих депутатов в первую Думу, нам не только не приходится, но мне кажется, что лишь при этом условии мы с чистой совестью можем приветствовать наших единомышленников во второй Думе. Смело смотря в глаза народу, мы говорили: мы тебя не обманываем, утверждая, что казенная Дума не даст тебе ничего, и если мы теперь вступили в нее, то лишь для того, чтобы громче раздался голос о нуждах твоих и о злодействах твоих врагов. Я полагаю, что вторая Дума своим составом, сложным и пестрым, окруженная еще более убийственной атмосферой полицейского надзора, представит крайне неудобную позицию для депутатов социалистов-революционеров, желающих провести свою программу во всей ее чистоте. Они будут все время стоять под тысячью перекрестных огней, и каждому из них понадобится совместить в себе всю змеиную мудрость, всю голубиную кротость и все львиное мужество для того,

чтобы сохранить равновесие. Вот почему, на мой взгляд, депутатам, разделяющим программу соц.-рев., а не партийную фракцию, войдя при этом в тесную связь с ЦК. Обе стороны, взаимно помогая друг другу, в то же время оставались бы свободными. В случае продолжения со стороны правительства казней, кар и репрессий, партия продолжает борьбу посредством террора и сама за него отвечает. Центральный террор остается под контролем ЦК; местный же применяется на прежних основаниях, т.е. контролируется областными и губернскими комитетами. Но не террор важен во время существования Думы. Важно в это время настроение всей страны. Важно то состояние, в каком будут находиться крестьяне и рабочие. Если, как и в первый раз, народ по инерции будет ждать от своих депутатов сверхъестественной силы, чтобы решать вопрос о Земле и Воле, если он ограничится митингами и приговорами, для поддержки своих избранников в их требованиях можно быть уверенным, что и вторая Дума явится лишь кратковременной кафедрой для ознакомления масс с вопросами политической тактики. Если же, наоборот, страна будет заявлять свои нужды и требования поступками, борьбой, революционными действиями, она укрепит волю и энергию своих депутатов, она заставит тупоумное правительство идти на уступки. Молчание страны, ее терпеливое ожидание результатов думских разговоров — это смертный приговор всем усилиям посланных ею людей; это возвращение во всей силе свирепости и жестокости правительства. Этой ошибки, этого исторического промаха народ не должен сделать, и наша обязанность, обязанность П.С.-Р., все сделать для того, чтобы организация революционных сил народа удвоилась, удесятерилась за эти месяцы, за эти дни, если Думе суждено дышать несколько дней всего. Все время, пока идут приготовления к открытию Думы, и все время ее заседаний, вплоть до того момента, когда ЦК или думская фракция с.-р. не обратится к народу с призывом к восстанию или протесту, сопряженному с боевым выступлением — все работники партии должны быть заняты работами, тесно связанными с подготовкой ясного сознания **крестьянских масс** в неизбежности **скорого** выступления боевых сил народа, а также в практической подготовке этих сил всеми революционными способами, признаваемыми партией.

Обязательными способами приготовления восстания для партийных работников являются следующие:

- 1) Усиленная работа партийных типографий для выяснения борьбы между депутатами с.-р. и правительством с его правыми фракциями и для неуклонного пояснения неизбежности самочинного захвата Воли и Земли, требующего немедленного сплочения народных сил и готовности их встать по первому зову депутатов для созыва Учредит. Собрания прямой и всеобщей подачей голосов.

- 2) Демонстрации в деревнях и городах со знаменами и девизами, с обращением к депутатам телеграммами и отсылкой к ним выборных, уполномоченных ходок.

- 3) Устная пропаганда, собрания и митинги; причем каждая речь должна заканчиваться призывом к немедленным протестам со стороны

крестьян, а именно: самовольной смене и удалению зловредных властей; к составлению приговоров, отменяющих распоряжения высших властей и постановавливающих свои решения; обращению хлебных магазинов и волостных сумм на неотложные нужды народа и передаче их в распоряжение выбранных представителей.

4) Наложение запрета на пользование помещиками земельными угодьями (а также лесом и водой), необходимыми для поддержания крестьянского хозяйства. Обращение этих угодий во **временное** пользование самих крестьян, при условии ответственности пред. Учред. Собр., которому одному принадлежит право **окончательного** установления порядка землепользования.

5) Изгнание из волостных, земских, уездных и губернских учреждений состава служащих и замена их своими выбранными людьми. **Закрытие и уничтожение ненужных учреждений и институтов** (жандармского, охранного, сысканого, стражников, урядников и высшей полиции). Одновременно с этим рассылка своих людей в ближайшие волости и уезды, для привлечения и побуждения их к подобному же образу действий.

6) Захват оружия и всех принадлежностей к нему оптом и в розницу; а при невозможности воспользоваться ими — истребление их. Все речи, обращенные к народу устно и письменно, должны указывать ему и на то, что партия с.-р. бессильна сама по себе доставить ему оружие и другие военные запасы; что все это крестьяне должны добывать сами себе: отобранием того и другого у войск, расположенных по уездам, у всякого рода полиции, наполняющей волости, и нападением на ближайшие склады и казармы, при содействии ими же распропагандированных солдат.

7) Всюду, где крестьяне встречают со стороны правительственной власти попрание своих прав, а также насильственные препятствия своим революционным действиям, они должны сами терроризировать эти власти всеми имеющимися у них средствами и побуждать к тому же соседей своих, сливая, где возможно, свое революционное движение с движением окрестных деревень.

8) Образование дружин (боевых ячеек) входит всенепрерывно в программу подготовки народного восстания. Каждая из них при массовом движении должна будет обратиться в застрельщиков, в авангард передвигающегося отряда, а потому необходимо, чтобы от начала своего дружина воспитывалась в правиле согласования каждого поступка своего с требованиями своей широкой среды и при выступлениях своих руководилась бы **общими** интересами той окрути, где она работает. Ввиду приготовления к возможно широкому восстанию деятельность боевых дружин должна быть теперь направлена главным образом на выступления, могущие охватить наибольшее число участников и привлечь целые массы к образованию открытых протестов, а где возможно и вооруженных выступлений.

Если каждый член из участников съезда будет проникнут сознанием необходимости того, чтобы за все время работы Г. Думы крестьянство

поддерживало своих депутатов не только бумажными и словесными обещаниями материальной опоры в роковую минуту, чтобы присутствие этой опоры во все время заседания Думы чувствовалось по всей стране в форме достаточно убедительной для правительства и черносотенных классов, чтобы напряжение революционного настроения народа не только не ослабевало, но возрастало бы по мере приближения к неизбежному открытому разрыву левых фракций с правительством или же к казацкому разгону Думы; если каждый член передаст **обязательство** и для остальных членов — работников партии «отныне отдать все свои силы и **направить внимание самих крестьян** на подготовительную к восстанию работу», — тогда только можно быть уверенным, что требования, выставляемые фракцией левых, будут иметь значение в глазах правительства и правых партий и поведут к отвоєванию части свобод, нужных для дальнейшего освободительного движения.

Принятые на съезде решения и выработанные в резолюциях принципы могут сослужить достояточным руководством для областных и местных комитетов в деле боевой подготовки крестьян. Эти решения и принципы одни и те же для всех местностей, и в их пределах каждая партийная организация должна действовать самостоятельно, не связывая себя ожиданием новых инструкций и постановлений ЦК и не прибегая каждый раз за разрешением в пределах определенных.

Лишь в вопросе объявления восстания «**всенародным**» местные организации обязаны будут руководствоваться призывом ЦК или думской фракции, признанной партией действительной представительницей интересов рабочего народа.

И мы должны здесь заранее условиться, с каким событием, с каким моментом должен совпасть этот призыв. По моему глубокому убеждению, это должен быть неизбежный разгон Думы.

Товарищи! Мы все, сколько нас есть здесь налицо, должны проникнуться сознанием необходимости готовить народ к тому, чтобы он достойно встретил новую обиду, новый разгон Думы. Здесь на съезде мы должны выработать директивы предстоящих нам задач. Пусть каждый из нас унесет и в сердце своем и в голове своей решение идти рядом с народом в бой, и пусть везде, по всей России сигналом для выступления послужит один и тот же лозунг: разгон Думы. (Аплодисменты.)

Тов. Гершуни. Товарищи! Я приступаю к своей речи с несколько тяжелым чувством. Вопросы, связанные с партийной тактикой в думский период, на съезде оказались такими сложными, что потребовали двухдневных страстных прений. Высказалось уже около 50 ораторов. Вопрос, несомненно, исчерпан, вряд ли можно высказать что-либо новое, а между тем вы, по-видимому, ждете от нас нового слова.

Я не стал бы у вас отнимать дорогого времени. Но есть целый ряд обстоятельств, заставляющих меня воспользоваться своим словом. В течение этих двух бурных дней, слушая ораторов, я не мог отделаться от одной мысли: серьезные вопросы партия не впервые обсуждает. Но впервые приходится эти вопросы решать при таких необычайно серьезных условиях. Все ли вы, товарищи, со всей ясностью представляете

себе всю исключительную важность настоящего момента, а стало быть и важность решения, которое мы сегодня примем? Одна мысль, как грозная, предостерегающая тень, стоит неотлучно предо мною, и я хотел бы, чтобы она также грозно стояла перед вами. Это — сознание, что с сегодняшнего дня мы уже не замкнутая конспиративная организация, а политическая партия, выступившая на широкую общественную арену. Партия, решения которой могут в известной степени направлять события в ту или иную сторону. Сегодня мы примем решение, и завтра оно станет известным всей стране, всему миру. Нашего решения ждут. А что, если характер его пойдет вразрез с ожиданиями и настроениями пославшего нас трудящегося класса?

Вот эта-то исключительная важность момента заставляет меня броситься в самый огонь прений и высказать пред вами свое мнение. Я далек от мысли, что мое мнение склонит результаты дебатов в ту или иную сторону. Нет, я решаюсь говорить потому, что, мне кажется, наше высказывавшееся здесь разногласие есть результат не действительного разногласия в мнениях, а плод недоразумения. Наше разногласие внешнее, и причины тому то, что ораторы сразу стали на совершенно неверную дорогу. Подождите, я вам сейчас это докажу.

Цель настоящего экстренного съезда ясная и определенная: наметить в общих чертах тактику как партии, так и ее парламентской группы в Думе и вне Думы. Для всякого стратега ясно, что выработать заранее определенную **детальную** тактику совершенно невозможно, так как наша тактика есть разумная контртактика правительственной, и характер ее определяется исключительно характером и направлением последней. И потому все те, которые основали свою тактику, предполагая заранее известную позицию правительства, стали на неблагоприятный для политика путь пророчества. «Солнце дважды не освещает одного и того же мнения во дворце его Величества» — вот исчерпывающее определение политики нашей камарильи. Это прекрасно поняли японцы, которые говорят, что с русским правительством теперь невозможно иметь никакого дела, так как никогда нельзя предсказать, как оно будет поступать завтра. Наша задача, таким образом, должна свестись к тому, чтобы установить **принципы**, которыми должно руководиться в нашей контртактике правительственной. Но для того, чтобы установить правильную контртактику, нам раньше всего необходимо выйти из области общих фраз и революционных возгласов, учить действительность, а не мечтания, спуститься с облаков, «касаясь головой неба, упираться ногами в грязную землю». И раньше всего ясно поставить себе вопрос: чего мы хотим, какие у нас средства для выполнения поставленной цели и каким путем мы производительнее используем имеющиеся в нашем распоряжении средства?

Здесь со всех сторон говорилось: вооруженное восстание! Дума — нуль, нам нечего рассчитывать на Думу! Только вооруженное восстание способно спасти страну! И я с недоумением думаю, зачем так много и так страстно говорить о вещах, так для всех очевидных и о которых никто не спорит! Кто из нас, да и не только из нас, соц.-рев., но и из всех

более или менее сознательных людей, сомневается теперь в том, что без вмешательства самого народа победа невозможна? Вопрос теперь не в том, чтобы признать необходимость восстания — с этим согласны все, а в том, что делать, чтобы восстание, нами давно признанное, было признано **народом и начато им**? Вот вопрос, вокруг которого должны были здесь сосредоточиться прения. А между тем, об этом-то говорилось мало, и то, что говорилось, для меня по крайней мере было совершенно неубедительно.

Товарищи! Важность момента нас многому обязывает. И раньше всего оно обязывает быть совершенно откровенным и бесстрашно смотреть в глаза истине. Будем откровенны. Здесь многие делегаты, работающие среди крестьян, передавали их настроение: крестьяне от Думы ничего не ждут, верят только в вооруженное восстание. О рабочих и говорить нечего. Но если так, спросим мы, в чем же дело? Отчего же восстания нет, а есть крестьянские и рабочие депутаты в Думе? Я не сомневаюсь, что говорившие тут делегаты совершенно верно схватили и передали нам настроение крестьянских и рабочих масс, но с маленькой оговоркой: тех масс, с которыми они, делегаты, сталкивались. И я отвечу им словами одного китайца, которому доктор показывал благодарственные письма выздоровевших больных: «Вы показали мне 100 писем от больных, которые выздоровели; это хорошо! Но мне еще надо знать, сколько писем вы получили бы от больных, которые умерли, если мертвые могли писать?» Да! Вам передают только мнение тысячи крестьян и рабочих, готовых идти к восстанию. Но каково мнение десятков миллионов, с которыми наши делегаты **не говорили** и настроения которых они **не знают**? Я не боюсь здесь заявить, что мнение наших делегатов, верное по отношению к массе, среди которой они работали, совершенно неверно по отношению к массе вообще.

У наших работников на местах, вследствие неизбежной конспирации, замкнутости и ограниченности круга сношений, создается психологически неизбежный, так сказать, обман зрения. Все время вращаясь среди распропагандированных или, во всяком случае, близких к этому крестьян и рабочих, наши работники постепенно начинают принимать мнение и настроение этих сравнительно узких кругов за мнение и настроение широких масс. В этом лежит корень нашей постоянной переоценки действительности, и нам, товарищи, необходимо во что бы то ни стало от этого отделаться.

Вдумаемся только в положение дел. Вот уже два почти года, как все говорят о неизбежной близости революционного взрыва. И с упорной последовательностью момент взрыва откладывается предсказателями с зимы на весну, с весны на лето, с лета на осень, с осени на зиму, с зимы опять на весну и т.д. Вспомните: разве прошлой осенью и зимой не говорили с уверенностью, что весна **так** не пройдет! А между тем она прошла именно **так**. И разве летом не все с уверенностью предполагали, что в случае разгона Думы страна подымется? Я был тогда вне жизни. Но настроение в стране, очевидно, было так сильно, что передавалось даже там, в Сибири, через тюремные стены. Живо помню, как ве-

чером, во время поверки, получилась телеграмма о разгоне Думы, как все, каторжане, конвой, надзиратель, столпились вместе, охваченные одним чувством: вот когда грянет буря! И конвой, и надзиратели с тревогой, растерянные, спрашивали нас: ну, что же теперь? Как быть? Ужели опять смолчат? Надоть бы солдатишкам-то разъяснить, чтоб заодно, стало быть, с народом, да и делу конец!..

Несомненно, таково было настроение во всей стране.

В полном соответствии с этим настроением, наш ЦК выпустил призыв к восстанию. Такой же призыв выпущен был потом совместно с другими организациями. И все же, несмотря на все объективные благоприятные данные, несмотря на полную уверенность, что восстание будет, — **восстания не было.**

Не знаю, как вы, но мы там, на каторге, располагая временем, с тревогой и тоской мучались тяжелой думой: что же это, наконец, за богами проклятый край — Россия, для которой никакие, по-видимому, законы общественного движения неприменимы? Как бы то ни было, ясно одно, и это мы должны твердо запомнить: до сих пор действительность, как она ни ужасна, не ударила еще по народной душе — главный нерв еще не задет, чего-то еще недостает, чтобы народ понял, что, кроме цепей, ему терять нечего, и, поняв, нашел бы в себе достаточно мужества, чтобы тронуться в бой.

Вот этот-то главный нерв, это нечто, еще оставшееся незатронутым, мы и должны найти. Спешу оговориться: я знаю, что недостойное поведение депутатов, разбежавшихся в Выборг, а потому по домам, могло в значительной степени ослабить настроение масс, но я не думаю, чтобы это было единственной причиной молчания страны. А дальше? Изолированные героические выступления Свеаборга, Кронштадта, Ревеля и Либавы остались неподдержанными, и страна имела позор терпеливо сносить вакханалию правительственных указов. Да, товарищи, терпеливо сносить, потому что те ответы, которые давались обнаглевшему правительству, те удары, которые ему наносились, давались и наносились не всей страной, а отдельными лицами и организациями. Каков же смысл создавшегося положения вещей и каково должно быть наше отношение к Думе?

Ответ прост. Допустим, Дума не созывается, никаких выборов, никакой думской деятельности не ожидается в ближайшем будущем. Столыпин царствует, страна молчит. Что тогда у нас имелось бы в виду? Какие виды были бы у нас тогда на подъем вооруженного восстания? Не знаю, как вам, но мне представляется, положение вещей было бы бесконечно тяжелым. Чувствуется какая-то мертвая точка, какой-то тупик, в который **на время** загнано движение. И я смею думать, что первое, что охватило бы массы, — это глубокое уныние, растерянность и сознание своей беспомощности. Дума явилась, грубо выражаясь, той соломинкой, за которую хватается утопающий. Конечно, не Дума сама по себе — это и отличает нас от кадет, — а те события, которые неизбежно должны развернуться в связи с существованием Думы. С этой точки зрения крайне недальновидным представляется мне заявление,

что Дума — ничто, что Дума — нуль, который нам необходимо игнорировать. Дума — ничто, если мы будем к ней относиться легкомысленно; Дума — очень многое, если мы отнесемся так, как подобает политической партии. Если мы признаем, а мы не можем не признавать того, что при отсутствии на первых порах Думы мы даже приблизительно не представляем себе, как народное движение выйдет из мертвого тупика, в который оно попало, если мы признаем, а мы не можем не признать этого, организующее и революционизирующее влияние Думы, то нам совершенно ясно будет и наше отношение к Думе, и тактика наших депутатов в ней, и внедумская тактика партии.

И раньше всего два слова о все еще продолжающемся споре по поводу бойкота первой Думы и не бойкота второй. Я не могу признать ошибочным бойкот первой Думы. В «Деле Народа» мне пришлось подробнее об этом высказаться, теперь я буду краток. Решение съезда о бойкоте состоялось в начале января. Тогда другого решения съезд не мог принять. Мнение это было преобладающим для всех левых, включая Союз Союзов. И было преобладающим потому, что тогда, в первые дни торжества реакции, **нельзя было предвидеть**, что трудящемуся классу удастся, хотя бы до некоторой степени, провести своих представителей. Постановление о бойкоте **тогда** шло в соответствии с общим настроением самих сознательных трудящихся масс. К апрелю изменилось положение, изменилось настроение. Прибавился новый фактор: безумные кровавые репрессии Витте-Дурново бросили самых умеренных и отсталых влево. Массы бросились к урнам. Это было их право, но это не доказывает, что нами была в январе сделана ошибка.

Совершенно иначе обстоит дело теперь. Теперь спор о бойкоте ведется только по недоразумению. Перед нами стоит вопрос: должна ли партия соц.-рев. идти в Думу или нет? И тогда я слышу страстные споры по этому вопросу комитетов, невольно хочется им напомнить: господа, вы сводите счеты без хозяев!

Да, без хозяев! Потому что что такое партия соц.-рев.? Разве это маленькие группки, заседающие в комитетах? Партия — это организованный трудящийся класс рабочих и крестьян. **Его воля — воля партии.** И когда партия решает, идти ли в Думу или нет, это конкретно значит, что рабочие и крестьяне решают, выбирать или не выбирать. И если голос организованного партии пролетариата и крестьянства ясно и определенно решает: идти, — комитеты и центральные учреждения партии — эти исполнительные органы трудящегося класса, должны провести в жизнь его решение.

На другую почву мы стать не можем. Но этого мало. В данном случае задача **облегчается** тем, что мы не только должны, но и можем, не изменяя своим принципам, идти в Думу. Можем идти, потому что наше отношение к Думе несколько теперь не расходится с отношением трудящегося класса. **Теперь** и он уже не ждет от самой Думы ничего существующего, теперь и он уже знает, что Дума — это только 300-400 безоружных человек — ничто перед силой правительства, если народ не будет с ними, и несокрушимая сила, если народ **на деле**, а не на словах

только будет за них. Дума и в сознании народном теперь только один из этапов революционного движения, в качестве какового трудящийся класс предлагает своим представителям умно ее использовать. Я не вижу, против чего мы прегрешаем, если выполним эту его волю.

Решив утвердительно вопрос об участии в Думе, наши депутаты на ее пороге уже встречаются с первыми терниями — необходимостью подписать т.н. торжественное обещание. Решение этого вопроса мне представляется простым. Необходимость подписать была известна раньше. Выбранный депутат, самим согласием баллотироваться, пред-решает этот вопрос. Теперь говорить об этом уже поздно.

Вопрос о том, образуют ли наши депутаты фракцию или группу, мне кажется, здесь на съезде, даже лишним и обсуждать. Во-первых, этот вопрос не может быть решен в **отсутствии** депутатов. Во-вторых, решение его в ту или иную сторону зависит от массы обстоятельств политического и юридического характера, в настоящее время еще не выяснившихся. Я не думаю, что вообще этому следовало придавать особенное значение. Мы можем ограничиться постановлением общего характера: желательности выступления в Думе депутатов соц.-рев.; вопрос же о форме выступления предоставить на решение ЦК совместно с организовавшимися депутатами.

Какова должна быть тактика наших депутатов в Думе?

Раньше всего, мне кажется, необходимо отказаться от излишней детализации. Не забудьте: речь идет о народных представителях, о **наших** народных представителях. И самый характер их деятельности, и то уважение, которое партия обязана к ним питать, вдвигают вопрос в определенные рамки. Наша парламентская фракция или группа — это безразлично — должна пользоваться широкой свободой и автономностью. Ошибочным и бестактным было бы со стороны партии поставить думскую группу под **мелочный** контроль. Вопрос, таким образом, сводится к установлению **принципиальной тактики**.

Все мы здесь согласны с тем, что Дума сама по себе бессильна, что ни водворить «свобод», ни вернуть землю она не в состоянии, что она неизбежно будет разогнана, что она имеет значение лишь постольку, поскольку будет служить революционизированию страны. Из этого следует вывод: тактика депутатов соц.-рев. должна быть революционной. Вывод, конечно, правильный. Но маленькая оговорка. «Не всяк **восклицающий**: Господи, Господи — достоин царствия небесного, а лишь делающий дело Его». Не всяк **восклицающий**: революция, революция — достоин назваться революционером, а лишь делающий дело революции. Разграничим резко: есть революционное дело и есть революционная фраза. Есть тактика революционная **по существу**, и есть тактика революционная лишь **по форме**.

Возьмем пример. Меня выбрали в депутаты (чего на свете не бывает!), я революционер, я против каких бы то ни было компромиссов. Я являюсь в Думу, всхожу на кафедру, говоря, что эта Дума обманная, что делать здесь нечего. Я оборачиваюсь к царскому портрету, бросаю ему от имени трудящегося класса перчатку и с возгласом: долой само-

державие, да здравствует революция! — ухожу. Поведение революционное, не правда ли? А может быть, просто нелепо-мальчишеское? Ибо каков будет результат? Разве я этим хоть сколько-нибудь поведу народ по пути восстания? И не скажут ли мне самые сознательные избиратели: для того ли мы послали тебя, чтобы ты в первый же день вернулся к нам обратно?

Стало быть, из того, что мы не сомневаемся в неизбежном разгоне Думы, совсем не следует, что мы этот разгон должны ускорить и что он для нас выгоден всегда, при всяких условиях.

Наши депутаты должны быть против тактики, исчерпывающейся словами: пришли, увидели и были разогнаны.

Мы не боимся разгона. Но так как для организации и революционизирования масс нам Дума необходима, мы не должны чисто внешними, мало понятными для народа поводами вызвать и ускорять неизбежный момент.

Дума должна стать стране близкой и дорогой. В сознании народном наши депутаты должны быть людьми, желающими работать и **умеющими работать** для блага страны. И пусть для всего народа станет ясно то, что давно ясно для нас; вот собрались народные избранники. Упорно, не покладая рук, они хотели честно выполнить возложенные на них трудящимся классом обязанности. И как только царское правительство убедилось, что они серьезно занялись делом, оно разогнало их. И чем более резкой будет тактика **по существу** и менее резкой **по форме**, тем существеннее для дела революции будут результаты. Коротко: **тактика наших депутатов должна быть такова, чтобы в сознании народном ответственность за разгон всей тяжестью легла на правительство.**

Одно обстоятельство делает работу наших депутатов в высшей степени сложной и требующей громадного политического такта. Дума оппозиционная. Но состав оппозиции в партийном отношении неоднобразный. Ни одна партия не имеет абсолютного большинства. Подумайте, какое потрясающее положение, может быть, получится, если депутаты, вместо того чтобы дружно направить свои силы против общего врага, вооруженного теперь с ног до головы, займутся, по российскому обычаю, взаимной борьбой. Представьте себе, если при взаимных расприх и несогласованном выступлении левой, будет тормозиться работа Думы, и правительство вправе будет обратиться к стране с заявлением: вот, ваши депутаты не могут даже между собой поладить и никакого дела не делают!

Не разуверится ли народ в самой возможности управления посредством народного представительства?

Ведь не малая часть людей и теперь твердит, что для России парламент — учреждение совершенно несообразное, что русский народ не дорос до парламентской жизни и должен управляться отечески-попечительным начальством. Не смейтесь над этими речами! Вся вздорность их видна для нас, но мысль широких масс легко может пойти по этому пути, если на первых же порах они не увидят в своих депутатах людей, способных ради общего дела и блага отбрасывать все мелкое и несущественное. В той великой борьбе, которая нам предстоит, нужна

крайняя экономия сил. Преступно хотя бы крупинку порошу тратить без надобности. И в свалке борьбы мы ни на секунду не должны терять из виду главного врага. Этот главный враг сейчас, сию минуту — царское самодержавие и поддерживающее его высшее дворянство. Не примите за ересь: в **настоящий** момент я на поле брани не вижу других **серьезных** противников, и ясно: все удары должны направляться туда.

Я остаюсь при старом мнении: кадеты **пока** не наши враги и нам не опасны. Они хотели бы быть нам врагами. Но пока для этого они слишком слабы, слишком ничтожны. В союзе с революцией они представляют собой некоторую силу; во вражде с ней — они политически нуль. Мы — **для них враги, и враги опасные**, но нам бороться с ними нет надобности. Их дни сочтены: особые исторические условия выдвинули их на арену; если бы они стояли на ней твердо, они сослужили бы не малую службу делу свободы. Но как только, с ними ли, или без них, свобода будет завоевана, как партия они в России исчезнут. Масса за ними не пойдет: массе место только в рядах социализма. Чего же ради мы будем тратить силы на борьбу с ними? Право, надо безнадежно не верить в правоту и жизнеспособность своей партии, чтобы так бояться сотрудничества в борьбе с врагом. Сегодня делу свободы полезен всякий, кто бьет врага свободы. И всем им мы говорим: «Добро пожаловать!» И говорим это искренно и безбоязненно, так как знаем и верим, что в тот момент, когда можно будет перед трудящимся классом открыто и во всю ширину развернуть программу партии социалистов-революционеров, он пойдет под ее знамя, и только под ее знамя.

И мы должны приложить все усилия к тому, чтобы все социалистические группы выступили дружно и согласованно вместе, а в борьбе за «свободы» и против реакции — совместно со всей оппозицией.

Пусть ответственность за изолированное выступление, за разъединение истинной оппозиции падет на нашу думскую группу. Ибо ясно: эта ответственность будет тяжелым камнем, надгробным камнем для партии, которую она придавит.

Я исчерпал уже свое время, а мне еще осталось разобрать последний пункт. Постараюсь быть кратким.

Мне кажется, вопрос о терроре в думский период вызвал здесь такие страстные прения в значительной степени благодаря недоразумению. Одни, как будто защищая предложение ЦК, говорили о необходимости прекратить террор, другие возразжали. Между тем ведь ЦК никакого предложения о прекращении террора не вносил. Речь идет о том, что, по мнению ЦК, обстоятельства теперь могут сложиться так, что в ближайшем будущем потребуется или усилить террор, или временно приостановить его.

И нападки были так сильны, что один оратор даже высказал мысль, что он вообще не видит надобности в приостановке террора, так как-де не представляет себе, когда бы террористический акт мог оказаться не полезным. Когда мы слышим такие речи, невольно закрадывается мысль, что в партии участвуют лица, лишь по недоразумению туда попавшие, так как место им среди анархистов. С каких это пор для соц.-

рев-ра террор стал самодавяющим средством, уместным и полезным во все времена и при всех обстоятельства? Мы — партия, применяющая террор. Но мы знаем, что есть обстоятельства, при которых он не только бесполезен, но бесконечно вреден.

Да! Возьмем пример. Припомните 14 февраля — день убийства Боголепова⁵⁰⁴. Припомните тот громадный общественный подъем, тот всеобщий восторг, который вызвала пуля Карповича. Но ведь если бы не по разуму рьяный последователь Карповича вслед за тем застрелил бы Ванновского⁵⁰⁵? Припомните бомбу Сазонова, когда в дыму, в крови, в грохоте падающих обломков рухнул кошмар страны — режим Плеве, и политическое значение террористического акта поднялось на небывалую высоту; представьте, что вслед за тем бомба бросается под карету Святополк-Мирского⁵⁰⁶. Вот вам два акта. В одном случае — громадная польза, в другом — не менее громадный вред. Террористический акт Партии Соц.-Рев-ров не есть физическое убийство, физическое уничтожение носителя власти. Для нас террор имеет другое значение, и быть может, теперь это не бесполезно ясно и отчетливо вспоминать и повторять.

Когда общественное негодование, общественная ненависть сосредотачивается вокруг какого-нибудь правительственного агента, все равно этот агент становится символом насилия и деспотизма, высшего или низшего, когда его деяния становятся вредными для общественного блага, когда в распоряжении нет никаких средств обезвредить его и когда само его существование является оскорблением для общественной совести, последняя открывает дверь террору — исполнителю приговора, выжненного в сердцах сознательных граждан.

И когда раздается взрыв бомбы, из народной груди вырывается вздох облегчения. Тогда всем ясно: совершился суд народный! Не надо никаких объяснений, никаких прокламаций.

Страна ждала этого суда, страна знает, за что убит насильник, страна знает, что не убивать его было нельзя, страна знает, что только убийством можно было спасти от него народ. Вот когда убийство, от которого, естественно, отшатывается человеческая натура, становится великим подвигом, а «убийца» — национальным героем.

Но из этого следует только один вывод: террористический акт допустим не тогда, когда его можно делать, а когда его должно делать, и что бывают случаи, когда брошенная бомба убивает не только того, в кого она брошена, но и организацию, от имени которой она брошена. Из этого общего положения нам нетрудно сделать правильный вывод для интересующего нас частного случая — применимости или неприменимости террора в думский период.

Допустим ли в этот период террор?

И да, и нет.

Да — если Дума ничего не изменит в стране; да — если страна не будет ждать, что Дума сама может что-либо изменить. Нет — если Дума, паче чаяния, окажется в состоянии начать водворять политическую свободу в погибающей от бесправия стране. Нет — если для страны не

ясно будет направление правительства, если общественное внимание и надежды будут сосредоточены вокруг Думы и борьбы в Думе.

Говорят — разве мыслимо одновременно существование Думы и террористической борьбы? Да, ответим мы, мыслимо!

Если мыслимо существование страны, где при наличности парламента естественной конституцией является казацкая нагайка, диктующая все законы и гуляющая по спинам самих «священно-неприкосновенных» законодателей, то неизбежным дополнением к такой конституции должен быть террор.

Где плеть и нагайка — там револьвер и бомба.

Так было, так есть, так будет. У событий своя логика, и против этой логики мы бессильны. Дело нисколько не меняется от того, что в Думе будут сидеть **наши** депутаты. Дело вообще не в том, **кто** сидит в Думе, а в том, **что** сидящие в Думе в состоянии дать стране.

И наша тактика может быть выражена кратко: при хорошей Думе и плохая бомба — лишняя и скверная вещь; при плохой Думе хорошая бомба — вещь неизбежная.

Итак, как острота борьбы зависит исключительно от правительства, намерений которого мы в настоящую минуту не знаем, так как в каждый момент при сложности создавшегося положения может потребоваться, в зависимости от правительственной политики, изменение боевой тактики: в сторону ли ее усиления или временной приостановки, эта тактика должна быть поставлена в условия, удобные для быстрого регулирования.

Единственное надежное к тому средство — поставить все террористические акты, имеющие общеполитическое значение, под строгий контроль ЦК. Это значит, что ЦК, в зависимости от изменяющейся политической обстановки, может в каждый данный момент приостановить готовящийся террористический акт. Это значит, что партия сумеет оградить себя от ненужных и нецелесообразных в известный момент актов. Мера эта должна быть временной, впредь до окончательного выяснения правительственной политики, после чего террор регулируется в прежних принятых и утвержденных партией формах.

Не будем ни преувеличивать, ни уменьшать значения образования нашей думской группы.

Когда в 1789 г. Людовик XVI угрожал Национальному собранию разгоном, Мирабо⁵⁰⁷ обратился к депутатам со словами: «Граждане, вы сегодня те же, что вчера, — приступим к прениям».

Когда Николай II, участь которого, надо думать, будет одинакова с участью Людовика, царским указом собрал Думу, мы тоже можем обратиться к вам с теми же словами: «Товарищи, мы сегодня те же, что вчера, — приступим к делу!» Да, мы сегодня те же, что вчера. Но **обстоятельства**, условия, среди которых мы работаем, могут быть завтра **другие** — тогда и мы иначе будем действовать. Условия останутся те же — наши действия будут те же.

Товарищи! Я знаю, я хорошо знаю, что потрясающие условия русской действительности зажгли злобой и ненавистью сердца всех чест-

ных людей. Я знаю, что если бы мы хотели заставить царских разбойников — наших российских властителей — искупить хотя бы тысячную долю тех бесконечных страданий и мук, которые они причинили народу, ответить хотя бы в малейшей степени за целые моря невинной крови и слез, — я знаю, товарищи, сам аллах не мог бы придумать казней и пыток, достаточно справедливых и достаточно ими заслуженных.

Но здесь, сегодня, мы глубоко затаим все чувства. Все это мы оставили там, за порогом этой залы. Здесь мы бесстрастные общественные деятели, подчиняющиеся только холодному политическому расчету. Твердые, как сталь, и холодные, как камень, да будут сегодня наши сердца, и при решении вопросов подчиним их только голосу рассудка. Чувству мести не должно быть места. Велика ответственность наша перед сославшими нас, если мы будем руководствоваться лозунгом нашего съезда: умереть честно и умно.

Позор человечества — царское самодержавие и дворянскую эксплуатацию — мы разрушим, но разрушим так, чтобы под обломками и раздавленным чудовищем не поггло наше знамя.

На развалинах бесправия и угнетения мы водрузим наше незапятнанное красное знамя революционного социализма!

(Долго несмолкающие дружные аплодисменты.)

Тов. **Нагорцев**. Товарищи! Ввиду огромного значения речи тов. Гершуни я предлагаю единодушно и единогласно просить его и даже обязать написать эту речь полностью и поручить ЦК-ту как можно скорее издать ее отдельными оттисками. (Дружные аплодисменты.)

Предложение тов. Нагорцева принято единогласно.

Тов. **Парфинов** сначала отказывается от слова на том основании, что тов. **Брешковская** (в первой половине своей речи) и тов. **Гершуни** вполне высказали его мнение. Но после просьб со стороны съезда он все же берет слово.

Тов. **Парфинов**. Товарищи! После всего выслушанного трудно сказать что-нибудь новое. Если бы не ваше настойчивое приглашение, я бы воздержался от слова, особенно после блестящих речей т.т. **Брешковской** и **Гершуни**. Но я понимаю ваше желание выслушать в этом важном вопросе человека, которого партия поставила на ответственный пост. Я поэтому сжато изложу вам мое мнение на участие партии в выборах, образовании думской фракции и ее тактику вообще.

Год тому назад партия бойкотировала выборы в первую Думу. В этом году она приняла деятельное участие в выборах, и, по сведениям Центрального Комитета, уже более 50 депутатов избрано под флагом Партии Социалистов-Революционеров. Партия осталась верна себе, своей программе и тактике, несмотря на эту разницу поведения в два различных момента истории.

Не прав товарищ, говоривший о каких-то ошибках, которые партия якобы не имеет смелость признать. Партии могут ошибаться, но было бы непростительной слабостью не уметь вовремя признать своей ошибки, если последние налицо. Но мы не признаем в данный момент ошибки. Наша тактика год тому назад вытекала из революционного

выступления масс. Мы бойкотировали выборы, так как готовились вместе с крестьянами и городским пролетариатом к революционному захвату всей земли и всей власти. В процессе непримиримого и непрекращающегося противопоставления интересов трудящихся масс интересам бюрократии и буржуазии партия имела ответственную задачу освещения сознания масс и должна была, рискуя даже своей популярностью, сопротивляться бессознательным увлечениям самих масс, когда дело шло об исторической миссии рабочего класса.

Оставаясь вне выборов в первую Государственную Думу, наша партия, как и другие социалистические партии, закрепила перед лицом проснувшегося к политической жизни пролетариата и трудового крестьянства свои позиции классовой борьбы.

Влияние нашей партии, ее идей на первую Государственную Думу было громадно. Ее давление отразилось на действиях не одной Трудовой группы. С ее именем связано всякое активное выступление и решение центрального вопроса русской жизни — аграрного вопроса — в вполне определенном смысле.

Разгон первой Думы был вызовом со стороны царского правительства. Не имея последнее надобности в кредите у западноевропейских банкиров, Дума была бы просто уничтожена. С Думой считаются, так как без нее всякие займы стали невозможны. Самодержавие предало русский народ армии банкиров. Самодержавие все сделало, чтобы терроризировать народ и фальсифицировать народную волю. Наша партия приняла вызов и в полной солидарности с пролетариатом и трудовым крестьянством дала сражение врагу на им же выбранной почве. Мы явились в Думу выразителями народной воли, покажем миру, что связь самодержавия с народом порвана, и порвана навсегда. Мы должны в Думе занять **позицию против самодержавия и его западноевропейских союзников — финансовых тузов**, которые спекулируют на растерянности русского народа. Дума против царского правительства, ибо народ против царского правительства — вот девиз, с которым мы вступаем в Думу и который должен служить нашим путеводным указателем в предстоящей борьбе внутри Думы.

Парламентский «кретинизм» происходит оттого, что депутаты отрываются от народа, их избравшего, и отдаются целиком своим импульсам и комбинациям. Надо не бояться заявить, что наши депутаты просят тот же кретинизм, если вместо политики систематического изолирования царского правительства они занялись бы междупартийной грызнью или отстаиванием в Думе своих особенностей. Наша партия обеспечит своей внедумской деятельностью постоянное общение депутатов с массами в духе основных положений нашей программы.

В Думе задача наших депутатов будет искать все точки соприкосновения с другими революционными и оппозиционными фракциями для исполнения политической задачи, обнажения бюрократии вплоть до ее центральных фигур и изолирования ее пред народом и всем миром.

Будем помнить, что черносотенная группа в Думе есть первый аванпост враждебного рабочему классу класса собственников, новая цита-

дель, за которой будет защищаться старый режим. Борьба классов проникла в Думу. Я слышал возражения, связанные с протестом против присяги. Товарищи, нарушение данного слова недопустимо ни для отдельной, ни для коллективной личности. Этический принцип обязателен для партии, как и для индивидуума. Но присяга есть, признанная всеми, внешняя формальность. Она не вводит никого в заблуждение. А для охранения наших депутатов от лицемерных нареканий фальшивого ригоризма заявим торжественно, что партия, предприняв выборную агитацию, этим самым дала своим будущим депутатам санкцию на исполнение всех формальностей. Поступая иначе, мы бы заслужили упрек, так как не сумели бы воспользоваться своей победой.

Вопрос об образовании в Думе фракции П.С.-Р. есть вопрос организационный. Мы не знаем еще степени близости избранных депутатов к нашей организации. Но партии надо координировать свою деятельность с деятельностью своей парламентской группы, на которую будет теперь обращено все внимание народа и цивилизованного мира. Центральному Комитету надо предоставить прерогативу этой коалиции.

Дело тут не в одной террористической тактике. Это вопрос пока второстепенный. Будет ли группа или фракция, обязанность соц.-ревров будет торжественно выражать солидарность с теми нашими героями, которые отдали или готовы отдать свою жизнь в борьбе против насильников и мучителей родины. Партия не видит в Думе торжества идеи народного представительства. У нее нет еще причины отказаться от своей тактики. Но я удивился, слушая товарища, который в предложении отдать всю террористическую тактику под строгий контроль ЦК увидал какую-то наклонную плоскость... Этот товарищ не знает истории нашей партии. Террор — печальная необходимость, он с первых же шагов нашей партии стал под контроль центральных ее учреждений. Об этом говорит и 1-й № «Вестника Русской Революции» и 7-й № «Революционной России».

Отдать террор на произвол отдельных членов или групп партии значило бы опуститься до последних пределов анархии. Провозгласить, что все террористические акты полезны, — это объявить распушенность и впасть в дикое состояние. Мы ответственны и морально, и политически перед народом и миром за ту кровь, которую проливают во имя народного правосудия или как средства самозащиты. По мере того как партия будет развиваться ее террористическая тактика, все более и более концентрируясь в руках ЦК, будет отходить на задний план, уступая место нормальным массовым и коллективным приемам социалистических партий цивилизованных народов. Мы жаждем оставить такие приемы, как террор. Но не посреди битвы с бешеным врагом мы объявим о прекращении этого приема. Дума — пока случайный этап, который мы должны использовать со всей мудростью политической партии. Мы должны напрячь все силы, чтобы действия БО не мешали действиям парламентской фракции. Но только центральный регулятор деятельности нашей партии сможет с тактом установить координацию этих двух органов.

Пока существует практика полевых судов и карательных экспедиций, будет действовать и правосудие через Б.О. Но мы должны дать сигнал, что партия готова сложить с себя звание партии террористической и остаться только социалистической и революционной, если произвол, жестокость и безнаказанность старого режима станут одним воспоминанием.

Товарищи! На западе нас не знают, не понимают. Когда мы говорили, что П.С.-Р. посреди кровавой вакханалии столыпинского произвола решила принять участие в выборах, на нас смотрели, как на безумцев, которых поражение заранее предусмотрено всем ходом событий.

Из кровавого тумана, окутавшего Россию, мы, однако, выходим победителями. За нашими депутатами миллионы избирателей. Укрепим связь между ними и нашей партией. Обеспечим постоянное общение Думы со страной. Подыдем боевую готовность последней. Создадим атмосферу планомерной революции. Подготовим почву для будущего Учредительного Собрания и, если Дума должна стать центром политического воспитания русского народа, первым воплощением Народной Воли, употребим все усилия, чтобы из нашей неорганизованности, необдуманности это могучее орудие народной организации не было преждевременно сломано. Холодный политический расчет, соединенный с неугасимым внутренним энтузиазмом, поможет нам преодолеть все препятствия. Вот все, что я вкратце хотел вам сказать. (Аплодисменты.)

Тов. Гершуни. Товарищи, нам необходимо закончить двухдневные дебаты определенной резолюцией, заключающей в себе основные принципы нашей тактики в текущий момент. Я предлагаю вам рассмотреть черновой предварительный набросок этой резолюции. Но прежде я хочу сказать краткое напутственное слово к ней. Огромное значение предстоящего нам голосования не подлежит сомнению. Результаты его ждет вся Россия. Все партии заинтересованы в том решении, какое мы примем. За границей знают, что в настоящий момент происходят съезды и конференции политических партий в России, и ждут их решений. Вместе с тем я напому вам, что внутренние раздоры терзают в настоящее время большинство русских партий и про нашу партию говорят, что она раскалывается на три части... Лицемерные друзья слева и враги справа с нетерпением ждут полного распада. До сих пор мы сохраняли, однако, прочное единство. Расколов не было и не будет! Я уверен, что и теперь в этом голосовании мы обнаружим свое единство. Во имя важного необходимо отказаться от мелочей. Я приглашаю вас вотировать резолюцию единогласно. (Аплодисменты.)

Тов. Гершуни. Теперь я прочту резолюцию, но еще раз прошу вас, помните, что это только черновой, предварительный набросок. Вы выберете особую комиссию для окончательной выработки текста резолюции, который и будет вновь представлен на утверждение съезда; теперь же мы должны вотировать только основные принципы, оставляя в стороне частности и редакционные поправки (читает):

«1. Экстренный съезд П.С.-Р. признает желательным и возможным выступление социалисто-революционеров в Г.Думе, поручая ЦК со-

вместно с избранными в Думу с.-р.-ами решить вопрос о форме этого выступления, т.е. в виде ли группы с.-р., или партийной фракции.

2. Съезд признает возможным дать требуемую формальную подписку (так наз. «торжественное обещание»).

3. Съезд признает желательным, чтобы тактика наших депутатов в Думе была такова, чтобы в случае неизбежного ее разгона ответственность за это в сознании трудящегося народа всею своею тяжестью легла на царское правительство.

4. Принимая во внимание, что резкая партийная группировка внутри Думы, при изолированном выступлении каждой отдельной группы и внутренней фракционной борьбе, могла бы совершенно затормозить деятельность Думы и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов саму идею народного представительства, съезд находит необходимым для наших депутатов приложить все старания, не поступаясь принципами нашей программы и тактики, выработать постоянное соглашение для координации выступлений всех социалистических и крайних левых фракций, а по вопросам общеполитическим, в борьбе с царским правительством, стремиться координировать выступления всей думской оппозиции против правой, где только это окажется возможным и не противоречащим партийной программе и тактике.

5. а) Принимая во внимание сложность и остроту политической конъюнктуры, создавшейся вследствие резко оппозиционного состава Думы, и неизвестность, как правительство определит свою тактику; принимая во внимание, что обстоятельства могут в ближайшем будущем требовать, в зависимости от действий правительства, быстрого изменения террористической тактики в сторону крайнего ее усиления или временной приостановки, съезд находит необходимым временно, до полного выяснения положения, поставить террористические акты, имеющие общеполитическое значение, в условия, благоприятные для полного контроля и руководства партии, и с этой целью передать в заведование ЦК все центральные и местные террористические акты против представителей власти, имеющих общеполитическое значение.

б) Применение террористических актов против местных правительственных агентов в ответ на насильственные меры против борющегося за свои права народа регулируется в прежде принятых партией формах.

в) Партия должна приложить все усилия к тому, чтобы развить в стране в целях поддержки наших основных требований широкое и активное движение, имеющее перейти во всеобщее революционное восстание». (Аплодисменты.)

Тов. **Гершуни** предлагает рассмотреть резолюцию по пунктам и читает I пункт (об образовании фракции или группы в Думе).

Первый пункт принят единогласно без прений.

Тов. **Гершуни**. Читает II пункт. (Вопрос о присяге.)

Тов. **Северов** настаивает на том, что этот пункт совершенно лишний. Раз мы решили образовать в Думе группу или фракцию, то этим уже предпринимается вопрос о присяге.

Тов. **Гершуни**. Тов. Северов, конечно, прав с формальной стороны,

но я все-таки предлагаю этот пункт включить, чтобы ни у кого не оставалось на этот счет никаких сомнений. Пусть не думают, что наша партия обходит этот щекотливый вопрос молчанием.

По предложению одного из товарищей съезд постановляет, не включая пункта о присяге в общую резолюцию о нашей тактике в связи с Думой, поместить его в особом наказе нашим депутатам.

Принято единогласно.

Читается III пункт. (Тактика внутри Думы.) Принято единогласно при двух воздержавшихся, без прений.

Читается IV пункт. (О координировании действий всех левых фракций в Думе и о координировании действий всей оппозиции.)

Тов. **Войнов** предлагает, чтобы необходимым условием всех соглашений с к.-д. было предварительное соглашение левых фракций между собою.

Тов. **Гершуни** замечает, что это имелось в виду и будет принято при окончательном редактировании текста.

Тов. **Войнов** предлагает резче определить наше отрицательное отношение к органической работе.

Тов. **Янов** заявляет, что в таком случае он будет голосовать против этого пункта.

Тов. **Тучкин**. Я вижу здесь простое недоразумение: товарищи различно понимают термин «органическая работа». Кадеты, для того чтобы отстоять нормальную законодательную деятельность Думы, подвели под понятие органической работы всякое думское постановление. Но мы, конечно, не должны соглашаться с такой квалификацией. В моей речи я указал уже целый ряд думских постановлений и актов, которые не могут быть подведены под понятие органической работы. Такова, например, выработка законопроектов о всеобщ. избир. праве, о свободах и т.п.

Тов. **Янов**. В таком случае я ничего не имею против этого пункта.

Пункт IV принимается единогласно при двух воздержавшихся.

Читается V пункт (О центр. и местном терроре и развитии массового движения.)

Тов. **Абрамович** вносит предложение голосовать пункт V по частям.

Предложение принято.

Тов. **Рязанцев** указывает на то, что слова об уменьшении или увеличении террора могут быть неправильно истолкованы.

Тов. **Гершуни** предлагает не останавливаться в общей резолюции слишком подробно на терроре, а вместо того поручить ЦК обратиться к народу с особым манифестом, в котором будет точно и определенно разъяснена наша позиция по отношению к террору и указаны условия, необходимые для его прекращения.

Съезд принимает по этому поводу следующую резолюцию.

«Съезд предлагает ЦК немедленно выпустить декларацию с заявлением, что только политическое бесправие народа вынуждает партию прибегать к террору и что она оставит террористическую борьбу, когда народу будет обеспечена возможность пользоваться основными правами гражданина».

Тов. **Трофимов** предлагает изменить этот пункт так, чтобы в нем не было упомянуто об уменьшении или приостановке террора. Съезд должен поручить ЦК усилить центральный террор, усилить и еще раз усилить!

Тов. **Войнов** предлагает внести в этот пункт слова, что террор будет применяться вплоть до центральной фигуры. Этим добавлением мы впервые точно определим действительные границы применения террора.

Тов. **Тучкин**. Я против этой поправки. Такие поправки надо вносить делами, а не словами.

Первая часть IV пункта принимается всеми при 6 воздержавшихся.

Тов. **Гершуни** читает 2-ю часть IV пункта (о местном терроре).

Тов. **Ефимов** предлагает выпустить эту часть совсем, так как, оставляя местный террор в прежних условиях, она является совершенно излишней.

Предложение Ефимова отвергнуто.

Тов. **Абрамович**. Если мы предоставляем ЦК право veto в вопросах центрального террора, то, по моему мнению, ему надо предоставить такое же право и в вопросах местного террора.

Тов. **Филимонов** поддерживает поправку Абрамовича.

Предложение Абрамовича отвергнуто на том основании, что съезд не признает за местным террором общеполитического значения.

Вторая часть IV пункта принимается всеми при 1 воздержавшемся.

Тов. **Гершуни** читает 3-ю часть IV пункта (о подготовке и о развитии массового движения).

Принимается всеми при 1 воздержавшемся.

Резолюция читается в целом и принимается съездом единогласно при громких аплодисментах.

Съезд постановляет избрать редакционную комиссию для окончательного редактирования текста резолюции.

Тов. **Курский** предлагает ввести в состав этой комиссии представителей от группы товарищей поволжан и украинцев.

Предложение принято.

В 12 ч. ночи заседание закрыто.

ПРОТОКОЛ ПЯТОГО ЗАСЕДАНИЯ

(14 февраля от 9 ч. утра до 2 ч. дня)

Председательствует тов. **Семенов**.

Секретари: Нагорцев, Симбирский и Ольгина.

Тов. **Нагорцев** читает протокол вечернего заседания 12 февраля. Протокол утверждается.

Председ. **Семенов** сообщает, что вчера решено было избрать комиссию для редактирования резолюций о нашей тактике в связи с Думой.

Тов. **Курский** напоминает, что вчера группа поволжских и украинских товарищей просила пригласить в редакционную комиссию ее представителей.

Съезд постановляет включить в комиссию одного представителя от группы поволжан и украинцев.

В комиссию избраны тт. Гершуни, Тучкин, Большов, Семенов, Северов, Парфинов, Тигрин, Зиновьев, Леккерт.

Председ. Семенов. Ввиду того, что весь президиум избран в комиссию, необходимо избрать новый президиум.

Избраны: Выборгский, Волков⁵⁰⁸, Михайлов⁵⁰⁹ и Войнов.

(Новый президиум вступает в свои права.)

Тов. Войнов. Тов. Панасенко просит огласить его предложение образовать «Секцию путей сообщения». Товарищей, желающих работать в секции, просят записаться у тт. Панасенко и Волжанина.

Тов. Крестовский предлагает избрать особую комиссию для разбора всех недоразумений и жалоб, которые могут возникнуть на съезде.

Тов. Андреевич передает просьбу жены Мельникова разобрать, на каком основании Мельников исключен из партии?

Избирается комиссия для разбора жалоб и недоразумений в частности для разбора дела Мельникова, из следующих лиц: Гершуни, Корнев, Брежневская, Северов и Выборгский*.

Тов. Крестовский предлагает на время, пока заседает редакционная комиссия, дать слово тов. Парфинову для доклада о деятельности Межд. Соц. Бюро.

Тов. Брамский. Нельзя ли в связи с этим вопросом поднять вопросы о защите интересов еврейской эмиграции?

Тов. Соболевский. В порядке дня нашего съезда стоит, между прочим, вопрос о нашем отношении к различным национальным партиям, существующим и действующим в пределах России. Было бы чрезвычайно желательно в связи с этим вопросом и прежде его обсудить вопрос о нашем положении в среде социалистических партий других стран, о нашем положении в международной социалистической семье. Есть пункты, в которых вопросы внутренних межпартийных отношений и вопросы об Интернационале тесно между собою связаны. Поэтому я предложил бы, пока у нас есть свободное время, пока заседает редакционная комиссия, выслушать доклад тов. Парфинова, так как неизвестно, найдется ли в дальнейшем у нас для этого время.

Председ. Волков ставит на голосование предложение тт. Крестовского и Соболевского. Предложение принято, и слово дается тов. Парфинову.

Тов. Парфинов. Товарищи! Доклад о нашей деятельности в Международном Бюро и о заседаниях последнего в марте, июле и ноябре будет мною прочитан, когда черед дойдет до отчета Центрального Комитета, если время позволит это сделать на этом нашем экстренном съезде. Теперь минуты наши дороги, и я посвящаю поэтому свое сообщение исключительно вопросу об участии Партии С.-Р. на Международном Социалистическом съезде в Штутгарте. Позвольте прочитать текст официального приглашения, которое мы подписали вместе с представителями социалистических партий других стран, представленных в Бюро (читает): «Ближайший Международный Социалистический Конгресс будет происходить в Штутгарте (Германия, Вюртемберг), с 18 по 24 августа 1907 г. нового стиля.

* Тов. Гершуни, выбранный в комиссию в его отсутствие, просил освободить его.

Международное Социалистическое Бюро, учрежденное в 1900 г. для продолжения работ и исполнения решений международных конгрессов, приглашает на конгресс в Штутгарт, согласно решениям, принятым на конгрессах в Лондоне (1896) и Париже (1900):

1. Все партии, признающие основные правила социализма: социализацию средств производства и обмена, международное объединение и такое же действие трудящихся, социалистическое завоевание функций общественной власти пролетариатом, организованным в классовую партию;

2. Все корпоративные организации, которые, становясь на почву классовой борьбы и объявляя себя признающими необходимость политической, а следовательно, законодательной и парламентарной деятельности, не принимают, однако же, прямого участия в политическом движении.

Если ваша партия признает эти принципы, то Международное Социалистическое Бюро просит вас внести в ближайшее время в порядок дня вашего ближайшего съезда вопрос об участии вашей организации в Штутгартском Конгрессе и в то же время обсудить, какие вопросы должны, по вашему мнению, стать предметом совещаний помянутого Конгресса.

Не желая ограничивать вашего права инициативы, Бюро все же выражает пожелание, в интересах успеха Конгресса, чтобы вопросы, уже решенные предшествовавшими конгрессами, не являлись более предметом совещаний предстоящего Конгресса. Кроме того, в своем заседании 10 ноября 1906 года Бюро составило временный порядок дня, включающий вопросы, отложенные до Штутгартского Конгресса предшествовавшими конгрессами, вопросы современности, коих обсуждение представляется настоящим, вопросы внутренней регламентации, разрешение коих весьма желательно.

Эти вопросы суть:

1. Одобрение резолюций Международного Социалистического Бюро;
2. Регламентация международных социалистических конгрессов и Международного Социалистического Бюро, статуты Междупарламентарной Комиссии;
3. Милитаризм и международные конфликты;
4. Отношения между социалистическими рабочими партиями и синдикальными (профессиональными) организациями;
5. Вопрос колониальный;
6. Иммиграция и эмиграция иностранных рабочих.

Организации, которые требуют, чтобы в порядок дня были внесены другие вопросы, должны прислать их точную редакцию и объяснительную к ним записку, а также текст резолюций и заключений в Секретариат Международного Социалистического Бюро (au Secrétariat du Bureau Socialiste International, Maison du Peuple, Bruxelles) до 1 апреля 1907 г. (нов[ого] стиля). Эти документы будут опубликованы одновременно с докладами и резолюциями, относящимися до вопросов, включенных во временный порядок дня, и разосланы партиям и примыкающим организациям.

Позволяем себе напомнить этим последним неоднократно приглашения Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро, приведенные в периодических докладах Секретариата. Действительно, является важным опубликовать — ранее Штутгартского Конгресса — доклады национальных секретарей о деятельности их партий и рабочих организаций со времени Амстердамского конгресса 1904 г. по 1 января 1907 г. Эти доклады, которые должны дать товарищам всех стран объективный и точный обзор социалистического и рабочего движения, должны получиться в Секретариате Международного Социалистического Бюро к 1 февраля и, самое позднее, к 15 февраля 1907 г. (нового стиля). Ввиду того, что эти документы должны будут появиться на трех языках — немецком, английском и французском, — соблюдение указанных сроков является чрезвычайно полезным.

Что касается до материальной организации Конгресса, то мы с удовольствием извещаем вас, что совместно с германскими товарищами нами приняты все необходимые меры для облегчения работ членам Конгресса и для того, чтобы сделать для них пребывание по возможности приятным.

Конгресс будет собираться в Liederhalle, где есть зал для 1000 делегатов и многочисленные залы для секций. Местным Комитетом будет издан путеводитель по городу и окрестностям, он назначит подкомиссии по расквартированию приезжих и по устройству празднеств, позаботится о составлении групп, на которые будут возложены обязанности проводников при товарищах иностранцах, предоставит специальное помещение в распоряжение прессы и также устроит почтовое бюро. Совместно с Секретариатом Международного Социалистического Бюро он устроит склад социалистических газет и книжную социалистическую выставку на немецком языке и, по возможности, выставку социалистических изданий других стран, причем мы приглашаем к содействию в этом предприятии всех издателей, преданных нашему делу. Наконец, Секретариат будет издавать на трех языках — немецком, французском и английском — краткое резюме дебатов, происходивших по секциям и в общем собрании, чтобы дать возможность всем членам Конгресса легче следить за прениями.

Ради облегчения подготовительных работ мы просим делегатов заявлять о своем участии возможно скорее. Они получают тогда временные карты, которые, по проверке полномочий, будут заменены в Штутгарте окончательными картами, коих стоимость установлена в 10 фр., 8 мар., 8 шилл., 3 р. 75 к.

Адрес местного Комитета будет вам сообщен в течение января месяца 1907 г.

Мы приглашаем социалистические и рабочие журналы и газеты содействовать возможно более широкому распространению настоящего циркуляра и в надежде, что Штутгартский конгресс будет достойным всевозрастающего могущества международной социалистической демократии; мы просим вас, дорогие товарищи, принять наше братское приветствие».

Прежде всего обращает на себя внимание порядок дня Штутгартского конгресса. На первом плане стоит вопрос о взаимном отношении между политическими, социалистическими партиями и профессиональными союзами, жгучий вопрос современности во всех странах.

Давая отчет об Амстердамском конгрессе, наш официальный орган выражался в следующих выражениях:

«Нужно было присутствовать в комиссионных работах для того, чтобы отметить тенденцию, которая несомненно проявилась в последнем конгрессе, хотя могла ускользнуть от внимания публики, посетившей только общие собрания: это пробивающееся убеждение, что самая резкость и обостренность спора между министралами и антиминостралами есть симптом другой слабости современного движения — увлечения внешней парламентской тактикой, с ее преходящими, поверхностными комбинациями, в ущерб и за счет органической работы в стране, в глубь идущей пропаганды, прочной, боевой, как экономической, так и политической организации рабочего класса. И нет никакого сомнения, что плоды этих работ конгресса скажутся неотвратимо в ближайшее же время» (см.: «Рев.Россия», № 51, 21 августа 1904 г., ст. 4).

Вы видите, автор этой статьи не ошибся: он ясно и метко оценил положение вещей — центр тяжести «кризиса», переживаемого западноевропейским социализмом, переносится с поверхности парламентской тактики глубже, в самый грунт, на котором зиждется все социалистическое современное движение, в самое нутро рабочего класса. Вопрос о взаимоотношениях политических партий и профессиональных рабочих организаций выдвинут жизнью во всех странах. И если в маленьких странах — Бельгии, Дании, Швейцарии — этот вопрос разрешен в смысле уже осуществленной солидарности этих двух сторон единой классовой борьбы рабочего класса, то в больших странах, как Англия, Германия, Италия, Франция и др., он далек от своего разрешения. Теоретически вопрос крайне прост. Всюду, где политические социалистические организации теряют тесное соприкосновение с профессиональными рабочими организациями, преобладающую роль в жизни социалистических партий приобретают выборные и парламентские интересы. Социалистические депутаты уходят из-под контроля рабочего класса. Они начинают воображать, что социальную революцию можно совершить посредством тех или иных текстов писанных законов. Словом, впадают в так называемый «парламентский кретинизм». Обратно, рабочее движение, если оно целиком уходит в профессионализм, синдикализм, становится консервативным; и как бы ни были революционны первые проявления профессионального движения, особенно когда эти профессиональные союзы малочисленны и во главе их стоит кучка интеллигентов, громко кричащих против интеллигенции, самый факт, что эти союзы суживают свою платформу одними непосредственными экономическими интересами, обрекает их на кретинизм синдикальный. Таким образом, рациональное решение этого вопроса лежит в синтезе этих двух проявлений классовой борьбы так, чтобы политическое действие рабочего класса было продолжением его экономической самодей-

тельности, а последняя из узкой сферы корпоративных интересов всегда выносила бы рабочее и крестьянское движение на арену широкой плодотворной идейно-политической борьбы. И жизнь толкает во всех странах движение в сторону этого синтеза. Примеры Англии и Франции в этом отношении очень поучительны. В Англии профессиональные союзы сильнее, чем где бы то ни было. Более, чем где бы то ни было, английские Trade-Union'ы⁵¹⁰ старались держаться в стороне от политики. Однако сама жизнь, интересы самого синдикализма заставили последний искать опоры в политике, и мы наблюдаем в последние годы в Англии возникновение новых и новых группировок, целью которых является сблизить, объединить обе формы проявления английского рабочего движения. Если в палату общин проникло 30 рабочих депутатов, то это благодаря тому, что удалось для конкретной цели сблизить три социалистические партии Англии — социал-демократическую федерацию, независимую рабочую партию и фабианскую партию — с представителями главнейших синдикатов и этим обеспечить сильное влияние таких личностей, как Keir-Hardie⁵¹¹, на ход английского законодательства. Характерно, что под влиянием этого нового течения последний съезд английских углекопов хотя по вопросу о сближении с социалистической партией высказался еще отрицательно (большинством 101 741 против 92 222 при наличности 487 000 углекопов организованных, но в большинстве воздержавшихся), но принял **единогласно** резолюцию, требующую немедленной **национализации** угольных копий и шахт⁵¹². Есть основание думать, что вопрос о восьмичасовом рабочем дне будет скоро поставлен в палате общин благодаря тому, что углекопы Durham'ского участка прекратили бойкот этого законодательного почина под влиянием социалистической агитации. Во Франции результатом протеста рабочих против дробления социалистических сил на разные партии и фракции явилось возникновение революционного синдикализма, который сумел сгруппировать весь воинствующий пролетариат через синдикаты и биржи труда в огромную федерацию труда⁵¹³, противопоставившую себя социалистической, объединившей после Амстердамского международного конгресса в единую организацию все прежние фракции и именующей себя «французской секцией рабочего Интернационала». И мы присутствуем во Франции при печальном и поучительном зрелище, что объединенной социалистической партии недостает одного для своего дальнейшего процветания — это организованного в синдикаты пролетариата, политические интересы которого эта партия, однако, **по теории** должна представлять против интересов всех других классов. Более чем где-либо парламентский кретинизм угрожал французской партии, несмотря на гений таких личностей, как Жорес. Последний понял опасность, подчинился международной дисциплине, вошел в объединенную партию, сделал опасность т.н. министриализма менее чувствительной: доказательство — пример Бриана⁵¹⁴ и Вивiani⁵¹⁵, которые не прочь оживить т.н. независимую социалистическую партию, — и все-таки социализм без синдикализма является **формой без содержания**, и одним из самых важных, насущных вопросов

французского социализма является сближение, синтез социалистической партии с конфедерацией труда. В Италии, где благодаря ловкости нашего товарища Энрико Ферри⁵¹⁶ сохраняется внешнее единство, в котором синдикализм Лабриола⁵¹⁷, Леоне⁵¹⁸ и др. сочетается с реформизмом Турати⁵¹⁹, вокруг т.н. интегрализма Ферри, но несомненно кризис неизбежен и вопрос должен будет быть решен не гибкими дипломатическими формулами, а каким-нибудь широким и глубоким организационным принципом, соответствующим характеру обеих сторон проявления в Италии классовой борьбы. В Германии кризис этот, несомненно, существует, хотя по стараниям вожakov стушевывается до последних размеров. В этом отношении Мангеймский съезд немецкой социал-демократии⁵²⁰ дал ценные указания. Синдикализм проявил на Кельнском съезде⁵²¹ своей резолюцией о массовой политической стачке консервативное упорство корпораций, замкнутых в тесном горизонте непосредственных интересов. Бебель на Йенском конгрессе 1905 г.⁵²² был лидером революционных тенденций политического социализма. В Мангейме он спустил тон и старался примирить непримиримое. И резолюция, принятая на этом съезде, конечно, очень гибкая, но мы боимся, что она окажется крайне эфемерной. Тем не менее в Мангеймской резолюции намечено теоретическое разрешение этого вопроса, которое, вероятно, и будет преобладать на Штутгартском съезде. Не мешает поэтому процитировать ее целиком.

1. «Мангеймский съезд подтверждает резолюцию Йенского съезда по вопросу о массовой политической стачке и, признав, что резолюция Кельнского профессионального съезда не находится в противоречии с резолюцией Йенского социалистического съезда, считает нужным закрыть все прения относительно смысла Кельнской резолюции. Съезд еще раз и с особой силой обращает внимание всех на те резолюции, которые имеют отношение к усилению и расширению партии, к распространению ее литературы, к вступлению членов партии в синдикаты и членов синдикатов в партию.

Как только Центральный Комитет партии сочтет нужным объявить массовую политическую стачку, он вступает в сношение с Центральной комиссией профессиональных союзов и примет все нужные меры для успешного приведения стачки в исполнение».

2. «Синдикаты, безусловно, необходимы для улучшения положения рабочего класса в недрах буржуазного общества, они не менее необходимы, чем социалистическая партия, которой приходится бороться за понятие уровня всего рабочего класса, за приобретение последнему политических прав, равных правам других классов, но которой приходится также освобождать рабочий класс от всякого угнетения и эксплуатации путем уничтожения системы заработной платы и путем организаций системы производства и обмена, основанной на социальном равенстве всех, т.е. путем организации социалистического общества, — цель, к которой всякий рабочий профессионального союза должен сознательно стремиться. Следовательно, обе организации должны друг другу помогать и сотрудничать в борьбе. Чтобы координировать дейст-

вия, одинаково интересующие как партию, так и профессиональные союзы, центральные учреждения обеих организаций должны стараться столкнуться. Но чтобы обеспечить это единство мысли и действия партии и синдикатов, безусловно необходимое для победы пролетарской классовой борьбы, нужно, чтобы синдикальное движение руководилось духом социал-демократии. Долг члена партии всегда действовать в этом смысле».

Последняя фраза есть часть резолюции, предложенной Каутским. Другая часть резолюции по требованию оппозиции и самого Бебеля должна была взята обратно: в ней говорилось, что члены партии и синдикатов должны руководиться в своей деятельности духом социал-демократии.

Сказанного достаточно, чтобы показать, какое громадное, жизненное значение в Европе имеет этот вопрос, поставленный на обсуждение Штутгартского съезда. Но не меньше его значение и для России. Профессиональное движение охватывает не только промышленный пролетариат, но и крестьянство. Рядом с могучим Железнодорожным Союзом мы имеем Всероссийский Крестьянский Союз. Каковы взаимные отношения этих организаций?

Наше рабочее и крестьянское движение, благодаря П.С.-Р., имеет широкий и политический и социальный размах. Оно одержало уже крупные победы и знало также такие поражения. Как обеспечить максимум полезного действия в интересах и политического освобождения России, и экономического улучшения масс, и всемирного социализма?

Многому мы должны, конечно, учиться у наших западноевропейских братьев, но кое-что и своего мы можем сказать важного и поучительного для них. Вопрос об отношении политических партий и профессиональных союзов есть для нашей партии вопрос первой важности.

Вопрос о милитаризме, как вам известно, поднят был французскими товарищами, главным образом нашим другом Эдуардом Вальяном. Наш первый Учредительный съезд вотировал резолюцию по этому вопросу. Речь идет о мерах предупреждения войны между народами. Принципиально вопрос обсуждался уже на предшествующих международных съездах. Напомню вам резолюцию Брюссельского съезда. Но речь идет о практических мерах. Интернационал готов от резолюции перейти к делу. Принцип солидарности рабочих всего мира без различия пола, расы, национальности должен перейти в фазу международных институтов. Пред партиями и нашей партией стоит вопрос грандиозной важности. В нашу программу входит уничтожение постоянных армий и замена их народными милициями. Во время периода восстаний 1905-1906 гг. не в одном месте отряды нашей партии старались ввести в жизнь это учреждение. В нашу программу входит также борьба с милитаризмом на почве пропаганды среди солдат и офицеров наших идей. Многочисленные военные организации, союзы офицеров, созданные нашей партией литература и периодическая нелегальная пресса для пропаганды среди военных — все это свидетельствует, что наша партия глубоко интересуется этим вопросом и может сказать свое слово в этом вопросе на международном съезде. Но этот вопрос заставляет нас задуматься в другом

отношении. Я говорю о количественном и качественном составе нашей организации и сфере ее истинного, а не воображаемого только влияния. Легко съехаться делегатам партий 2 стран. Но чтобы прийти к каким-нибудь практическим результатам, нужно будет знать, на какие организованные силы опирается в самом деле партия и какую степень способности координации своих тактических приемов с приемами других социалистических партий страны обладает наша партия. На этом вопросе, если жизнь его внезапно поставит на очередь, может проявиться степень зрелости нашей организации не на бумаге, а на деле.

Мы логически приходим к вопросам организационным, которые стоят на первой очереди в порядке дня Штутгартского съезда. Оставляя поэтому в стороне колониальный и эмиграционный вопросы, которые не найдут нашу партию безучастной, я перехожу к вопросу об организации представительства партии на международных съездах и в Международном Бюро.

Международное Бюро работает в течение 3 лет над вопросом рациональной организации представительства разных партий разных стран. Отчеты заседаний МБ свидетельствуют об этом. Специальная комиссия, докладчиком которой является наш голландский товарищ Van Koll, работала над этим вопросом. Не стану входить в подробности, отчасти многим из вас знакомые, я укажу лишь на результаты.

МБ предложит Штутгартскому съезду, чтобы основанием представительства была секция. Партии каждой страны или национальности составляют единую секцию, эту основную ячейку международной социалистической организации. Национальности, объединенные в одно государство, составляют одну секцию. Исключениями являются Польша, Богемия, Финляндия, уже имеющие внутри международного социализма автономию. Исключением будут и такие национальности, за которыми МБ признает право на самостоятельность. Что касается тех стран — Сев. Соед. Штаты, Англия, Россия — в которых существуют различные партии, то этот вопрос сильно дебатировался, и мы защищали ту резолюцию, которую принял наш Учредительный съезд. Интернационал смущен разнообразием социалистических партий в России. Он желает внести побольше единства в эту пеструю смесь партий и организации. До сих пор в Бюро представлены две партии: партия социалистов-революционеров и социал-демократов. Но добиваясь этого представительства партии Бунда и Латышская Рабочая Социал-Демократическая партия, не говоря о многих других партиях, которые являлись на международные съезды с требованиями права участия в работах съезда. Фр[анцузский] депутат Вальян предлагает признать факт существования в России 2 подсекций: соц.-рев. и соц.-дем. Делегат Российской Рабоч. соц.-дем. партии Плеханов, признав существование в России 2 больших социалистических партий, требовал их полной автономии. Ваш делегат требовал признания автономии этих 2 больших подсекций, но и равенства голосов как на съезде, так и внутри Международного Бюро, причем предлагал, чтобы все другие партии или организации группировались вокруг одной из этих подсекций. Представитель

Бунда, приглашенный на заседание Бюро с правом совещательного голоса, возражая против нашего предложения, указывал на то, что в то время, когда течение социал-демократическое представлено многими социал-демократическими партиями, наша партия будет представлена в России в единственном числе. Бунд желает игнорировать и еврейскую соц.-рев. организацию «Серп», и Союз Латышских соц.-демокр., и армянскую фракцию, отделившуюся от старой дрошакистской партии и принявшую социал.-рев. программу, и маленькую партию эстонских соц.-рев., и большую партию грузинских федералистов, и белорусскую Громаду... Мало того, Бунд желает маскировать свое объединение с российской соц.-демократией, и в то время, как мы указывали на это объединение как на нечто облегчающее представительство российских партий, Бунд, к удивлению всех членов Инт.Бюро, заявил, что именно теперь он будет больше чем когда-нибудь требовать себе автономного представительства в МБ.

Мы знаем, что наша партия должна продолжать упорно отстаивать свои позиции внутри международного социализма. И наша тактика, и особенно свособразность постановки нами аграрного социализма, выделяет нас в семье социалистической Европы. Если после упорной борьбы и уроков жизни нас признали, то все-таки психология большинства европейских партий ближе не к нашей тенденции, а к тенденции, нам враждебной. Мы поэтому должны во имя интересов социализма, ищущего все большего и большего распространения и, в процессе международной эволюции, пробивающего себе новые пути, бороться за наше влияние.

Мы хотели бы, чтобы такие организации, как Бунд, соблюдали бы необходимый такт. Более чем кто-либо, с первых шагов нашей политической деятельности мы оценивали значение еврейского пролетариата и еврейской революционной интеллигенции в судьбах русской революции.

Еврейские организации имеют право голоса в международном организованном социализме, и не мы будем им мешать занять следующее место в Интернационале. Но Бунд не должен забывать, что еврейский пролетариат составляет лишь незначительную долю русского рабочего класса, что его претензии, противоречащие логике и реальности, могут дать возникнуть нареканиям, которые простой политический расчет должен заставить его избегать. Стать поперек дороги партии, охватывающей уже миллионы русского крестьянства, — это просто безумие. Пусть Бунд не идет по стопам догматиков — его ждет поражение и разложение.

Итак, мы должны бороться за наше влияние. Мы будем на следующем заседании М.Б. отстаивать наше предложение. Центральный Комитет подготовит все необходимые данные. Ближайшему заседанию предстоит распределить голоса между различными секциями по масштабу от 2 до 20. Не знаю, почему представители Бунда предполагают, что России достаточно иметь 14 голосов. Я думаю, что и величина русского народа, и важность социалистических партий, их выступлений, и результаты выборов в Думу — все говорит за то, чтобы Россия была признана, так сказать, первоклассной социалистической нацией и по-

лучила бы **максимум**, т.е. 20 голосов. Парламентские группы обеих русских социалистических партий должны записаться в международную интерпарламентскую комиссию, первое заседание которой было летом прошлого года в Лондоне. На нем присутствовал представитель Трудовой группы, Аникин. На этом заседании приняты были очень важные резолюции по отношению к России. Наш ЦК, который много способствовал появлению представителя Трудовой группы первой Думы в среде международного социализма, озабочится привлечением думской фракции партии с.-р. к работам международной парламентской фракции для реализации Лондонских резолюций.

Товарищи! В среде международного социализма наша партия призвана занимать все более и более влиятельное место; ей предстоит внести туда свои особенности и в борьбе приобрести право влиять на судьбы международного социализма, а через него — и всего эксплуатируемого и угнетенного человечества.

Приложим все силы, чтобы наша организация была на высоте своей исторической задачи, и в частности чтобы наша партия была достойно представлена и количественно и качественно на Штутгартском съезде. Предлагаю 2-му съезду П.С.-Р. принять следующую резолюцию (читает):

«Экстренный съезд П.С.-Р., выслушав доклад представителя Партии С.-Р. в международном С. Бюро по вопросу об участии ее на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, постановляет пригласить Центральный Комитет партии принять необходимые меры к тому, чтобы в ближайшем будущем был составлен подробный доклад о деятельности партии за промежуток времени от Амстердамского конгресса до 1 января 1907 г., чтобы от партии были назначены компетентные товарищи для составления докладов по всем вопросам, которые намечены в порядке дня, выработанном Международным Соц.Бюро; чтобы своевременно наметить вопросы, которые партия предлагает на обсуждение Штутгартского конгресса, и приготовить к сроку — 1 апреля 1907 г. (нов. стиля) — доклады по этим вопросам и, наконец, чтобы П.С.-Р. количественно и качественно была бы достойно представлена на Штутгартском конгрессе». (Аплодисменты.)

(Резолюция принята единогласно.)

Тов. **Выборгский**. Товарищи, вы мне позволите, как вашему временному представителю, сказать несколько слов относительно впечатления, произведенного на меня, да я уверен и на вас, интересным докладом товарища Парфинова. Доклад был для нас напоминанием о том, что мы, партия русских социалистов-революционеров, являемся полноправной частью великого целого, интернациональной армии труда. Доклад был еще новой и, по моему мнению, удачной попыткой расширить ту брешь, какую международный социализм пробил в китайской стене, отделяющей еще недавно, благодаря усилиям самодержавия, Россию от Запада. Сквозь эту брешь общения народов мы можем видеть различные сцены и перипетии великой борьбы труда с капиталом в культурных странах. Но сквозь эту брешь от нас до Европы в свою очередь доходит запах ружейного и пушечного дыма при расстрелах на-

ших трудящихся масс правительством, грохот орудий карательных экспедиций, революционный гул пробудившегося многомиллионного народа и громкий крик, брошенный нашей партией на всю родину: «Земля и Воля». На этой, наконец, брешки и по обеим сторонам ее развевается великое красное знамя международного рабочего класса, то самое знамя, которое одному из самых уравновешенных российских кадетов уютно было в момент выборной, по-моему, уже теперь резко классовой борьбы назвать красной тряпкой... Товарищи, не будем отказываться от этой тряпки, а с гордостью развернем ее против наших врагов. Да, это «красная тряпка»! Но почему эта «тряпка» красная? Потому, что то цвет зари загорающегося социалистического дня, и еще потому, что она залита кровью рабочих масс, которых столько раз избивали западноевропейские кадеты, либеральные защитники порядка и собственности... Да, великое красное знамя — «тряпка», но потому, что это — старое и гордое знамя, которое насчитывает не один десяток лет, в течение которых столько раз его рвали штыками и пронизывали пулями солдаты, дрессируемые буржуазией.

Ну а что скажем мы относительно кадетского знамени? Это серо-грязно-желтая «тряпка». И я думаю, что мое определение верно и своим прилагательным, и своим существительным. Да, серо это знамя, потому что оно прикрывает серую, неопределенную мешанину демократических и глубоко буржуазных взглядов, разделяемых кадетами, этой классовой партией имущих, рядящейся в «Народную Свободу». Да, грязно это знамя, ибо мы увидим скоро, на какие сделки и с кем будет способна партия, идущая под этим флагом. А желтая полоса в этом знамени — то желтый цвет червонца, цвет капиталистического интернационала, который думает, что все подлежит куле и продаже и который, продав свою душу низменным интересам наживы, думает, что и великая армия трудящихся способна продать свою «душу живую» и поклониться пред желтым сиянием червонца... Я, конечно, не буду в заключение говорить, почему, если уже бросаться словом «тряпка», его должна избрать своим символом тряпичная кадетская партия, лишенная истинного гражданского мужества и готовая на всякие уступки.

Я, конечно, выражаю живую благодарность от лица собрания нашему заграничному товарищу, доколад которого возбуждает так много интересных вопросов. (Аплодисменты.)

Тов. **Крестовский**. Товарищи, заграничный представитель нашей партии, тов. Парфинов, несет на себе тяжелую и ответственную работу. Год назад ему легче было выполнять свою задачу международного представительства, так как за границей был наш идейный центр, с которым всегда можно было снестись по каждому поводу. Теперь тов. Парфинов стоит за границей одиноко, вдали от нас, и стоит на боевом форпосте, где ему приходится отражать удары с самых различных сторон. И положение его в огромной мере затрудняется еще тем, что мы сами слишком мало заботимся о доставлении нашему товарищу за границей всех необходимых сведений о партии. И все же тов. Парфинов блестяще отражал все удары, блестяще защищал наши интересы на международной

арене. Я предлагаю единодушно принести глубокую благодарность тов. Парфинову. (Аплодисменты.)

Тов. **Крымов**. В «Сознательной Мысли»⁵²³ появилась статья Плеханова, ложно освещающая деятельность нашего представителя в МСБ, и я предлагаю просить тов. Парфинова дать правильную оценку нашего положения в международном социализме на страницах «Новой Мысли»⁵²⁴. (Принято.)

Тов. **Брамский**. От имени Виленской конференции я еще раз прошу поднять на Международном Соц. Конгрессе вопрос о защите евр. эмиграции.

Тов. **Парфинов**. Этот вопрос входит в мою резолюцию.

Затем поднимается вопрос о распределении мандатов на М. Соц. Конгрессе. После обмена мнений, по предложению тов. Коренева, признается правильной установившаяся в партии традиция, по которой этот вопрос решается ЦК.

Тов. **Брешковская** предлагает, пока продолжаются заседания ред. комиссии, перейти к обсуждению организационных вопросов и заслушиванию доклада Григорьева.

Тов. **Михайлов** оглашает сообщения Орг. Бюро о прибытии делегата Труд. группы Власова⁵²⁵ с совещательным голосом. (После обмена мнений по поводу дальнейшего порядка обсуждения вопросов слово дается тов. Григорьеву, докладчику по орг[анизационным] вопр[осам].)

Тов. **Григорьев**. Товарищи! Понятно и естественно живое и горячее желание как можно скорее разрешить организационный вопрос во всей его полноте. Действительно, это один из самых острых и наболевших вопросов. Жизнь и работа партии страшно усложнились как в отношении внешних условий, так и в отношении внутреннего строя, внутренних взаимоотношений.

Обычное право, если можно так выразиться, уже является недостаточным регулятором, необходимы иные регламентации, более общие, более широко охватывающие, более авторитетные. Фактическое установление взаимоотношений должно в значительной степени заменить официальными договорами. Все это так, все это очевидные истины. Но, товарищи, вопрос не в том, нужны ли эти внешние нормировки, нужны ли эти общие формы официального договора, партийной конституции. Весь вопрос в том, где искать эти новые формы, что может служить в этом искании путеводной нитью. Жизнь, и только жизнь, товарищи. Только в опыте можно и должно искать это. Вопрос организации, установление взаимоотношений — это вопрос техники, практического опыта. Все, что можно сделать в этом отношении путем теоретического умозрения, — это только наметить общие основания, общие руководящие тенденции. Детали взаимоотношений, те или иные формы их должны определяться только практикой, опытом. Разработка и выяснение их должны опираться только на изучение и синтез практики.

Это, товарищи, я говорю о разработке только, о выяснении тех или иных форм организации. Уже здесь необходима наибольшая осторожность, уже в этом необходимо как можно больше опираться на практику жизни, как можно меньше вносить отвлеченно теоретических по-

строений. Тем более необходима осторожность в установлении тех или иных обязательных норм. Необходимо всегда твердо помнить, что такие нормы должны быть выводом из опыта, во-первых, и что они представляют договор — во-вторых. Регламентировать извне бюрократическим порядком мы не можем; это будет противоречить самому существу наших убеждений и мировоззрения. Как бы ни были хороши те формы организации, какие мы можем теперь выработать, как бы ни верно мы угадывали в них тенденции жизни, все же введенные как обязательные, без предварительного обсуждения тех, кому в этих формах придется работать, они могут превратиться в цепи, сковывающие и парализующие всякую самостоятельность. Предварительное обсуждение и добровольное принятие всеми участниками — это основа договора и наиболее ясная и характерная черта демократизма.

На этом съезде, экстренном, связанном тесными рамками, мы, товарищи, тем более должны быть осторожными. Как ни остро многими из нас ощущается потребность в тех или иных усовершенствованиях организации, как ни страстно хочется скорее устранить те или иные трения, мы все же должны строго ограничить свою компетенцию. Как я узнал из разговоров с товарищами здесь, некоторые из них предполагают внести предложение установить определенные формы взаимоотношений, напр. Областных комитетов, ввести определенную регламентацию. И им кажется таким легким разрешение этого вопроса, кажутся такими пригодными предлагаемые ими формы. Но, товарищи, и в этом сравнительно маленьком вопросе партийной организации необходимо считаться с опытом партийной работы. Вы наткнулись в своей местной деятельности на определенные неудобства, которые — напомним это — явились результатом ваших местных условий. Вы нашли форму, устраняющую эти неудобства. Прекрасно. Но на каком основании вы признаете эту форму панацеей от всех неудобств и трений во взаимоотношениях Областных Комитетов всех областей, при самых разнообразных условиях их функционирования. Ведь вы предлагаете съезду санкционировать или рекомендовать при авторитетности решений съезда это одно и то же — открытую вами форму всей партии. Но партия имеет в этом отношении более чем двухлетний опыт. Считаетесь ли вы с ним? Является ли предлагаемая вами форма синтезом этого опыта? Нет, товарищи. Этот опыт не собран даже, не было почти никакого обмена им, никакого обсуждения в широких рядах партии. А без этого, товарищи, повторяю, мы не должны, мы некомпетентны устанавливать какие-либо обязательные нормы и формы.

Мы не знаем здесь мнений 0,1 части работников. Я скажу, что именно потому, что острота вопроса и кажущаяся легкость его решения вызывает в нас стремление теперь же установить регламентацию, мы должны быть осторожными. Мне, в опыте работы, приходилось встречаться с такими фактами, когда в один день, на одной конференции, в корне изменялся весь строй местной организации. Конечно, от этого происходила или большая путаница, или же устав оставался на бумаге, а на деле все шло по-своему. Нам уж, конечно, нельзя идти по

такому пути болезненной поспешности и нетерпеливости. И мне кажется, что настоящий съезд должен отказаться от установления каких-либо обязательных регламентаций во внутренней организации, во внутренних взаимоотношениях партии. Чрезвычайно интересных, назревших и острых вопросов организационного строительства партии очень много, и более важных, чем вопрос об Обл. Ком.

Укажу хотя бы на такой вопрос, как установление общего, я бы сказал, административного строя партии и функциональных органов ее деятельности. Но я намеренно не касался их, так как для решения их необходимо условие, которого теперь нет: широкий обмен опытом партийной работы, широкое обсуждение вопросов в рядах партии.

Напомню, что 1-й съезд в этом отношении ограничился только определением внешних границ партии и указанием принципиальных оснований ее организационного строительства. Во внутренней организации 1-й съезд наметил только, в самых общих чертах, схему организации и более детально регламентировал лишь деятельность и роль ЦК.

Первый Совет также не решился вмешиваться во внутреннюю организацию партии, ограничился лишь тем, что наметил рамки деятельности Обл. Комит. в отношении боевого дела и известного посредничества между местными организациями и ЦК. Все же детали организации, конструирование тех или иных общих или функциональных органов, формы представительства на областных, губернских и т.д. съездах, компетенция и права тех или иных постоянных органов во внутренних делах их района и т.д. не регламентированы обязательными рамками, представленными местным работникам.

Настоящий съезд также должен ограничить и прения, и решения свои только самыми неотложными вопросами. Наиболее постоянным из этих вопросов является вопрос о более точном определении внешних границ партии, об установлении тех признаков, которыми должна определяться принадлежность к партии тех или иных работников революционного дела, должна установиться их правомочность во внутренней жизни партии. Первый съезд наметил в этом отношении известные рамки, но они на практике оказались слишком общими и отвлеченными. Отвлеченность эта, на мой взгляд, не в том, в чем ее видят многие из товарищей, не в слишком общей, мало детализированной формулировке признаков партийности. Нет, эта формулировка достаточна и иной быть не может. Суть здесь в том, что в числе этих признаков нет таких, которые бы указывали на формальную принадлежность того или иного лица к организации. Это требование формальных условий может показаться канцелярщиной, но оно неизбежно. Необходимо установление известного требования, которое поставило бы резкую границу между своими и не своими, между членом партии и только сочувствующим или содействующим. Итак, первая задача настоящего съезда — наметить внешние границы партии более точно, установить рамки формально-организационные.

Другие предложения я не буду мотивировать, а прямо изложу. Предложения мои следующие: 1) признать необходимым и обязательным

для всех организаций партии, начиная от низших ячеек, сельских братств и далее, строгое разграничение членов партии, включенных в организацию, от элементов, находящихся только в сфере влияния, и точный учет тех и других; 2) к основному определению члена партии, данному на 1-м съезде (членом П.С.-Р. считается всякий, принимающий программу партии, подчиняющийся постановлениям ее и участвующий в одной из партийных организаций), добавить: причем обязательным минимумом этого участия является членский взнос; 3) технические вопросы организации: перераспределение территорий областей и т.п., временно до очередного съезда — предоставить право решать ЦК; 4) поручить ЦК образовать комиссию для выработки примерного устава организации партии, который в самом близком будущем опубликовать по партии. В эту комиссию передать все предложения, замечания и пр. материалы по организационному вопросу; 5) в отношении к конструированию будущего очередного съезда я предлагаю *остаться* на почве решения II Совета.

По окончании доклада председатель дает слово нескольким товарищам для вопросов докладчику.

Тов. **Рязанцев**. Кто будет определять степень партийности членов? Из кого будет состоять ячейка, имеющая право давать звание члена партии?

Тов. **Бессарабев**. Кто будет выбирать комитеты и все другие руководящие органы?

Тов. **Петров**. Если уплата членских взносов считается обязательным минимумом участия в партийной работе для получения звания члена партии, то можно ли считать членом партии безработных и голодающих, которые, очевидно, не могут уплатить взнос?

Тов. **Псковский**. Я поднимаю вопрос о возрасте. Будет ли членом партии 14-летний гимназист, аккуратно уплачивающий ежемесячно взносы? (Смех.)

Тов. **Ростовский**. Каким образом происходят выборы в т.н. «рабочие центры», кто вообще участвует в выборах?

Тов. **Аврамов**. Должна ли быть установлена минимальная величина членских взносов?

Тов. **Архангельский**. Что такое первоначальная ячейка? Как она образуется?

Тов. **Игров**. Можно ли считать сочувствующих и с.-р-ствующих членами партии, если они уплачивают взносы?

Тов. **Костромич**. В чем критерий, по которому можно определить члена партии?

Тов. **Григорьев** (отвечает на вопросы). На первый вопрос, что такое первичная ячейка партийной организации, отвечу только обрисовкой формального положения дела, как оно мне представляется. Партия в настоящее время уже имеет известное количество санкционированных организаций, как губернские комитеты, во многих местах уездные группы и даже организации ниже уездных. Предлагаемое решение съезда должно будет заставить эти организации пересмотреть те организации, которые находятся под их руководством, и установить их офици-

альную партийную правомочность. До сих пор и так бывало, что считает уездная группа в своем ведении 20 братств, 2-3 районных комитета, да еще несколько волостных, но при этом даже не всегда знает, где эти организации находятся, не говоря уже о составе их членов и т.д. Этому должен быть положен конец. Все организации должны быть на учете, и всегда должно быть определено, какие из них правомочно-партийные, санкционированные и какие только в сфере влияния. Санкционированные и будут основными партийными ячейками.

Следующий вопрос: как при этом считаться с разницей типов местных организаций? Мне в этом вопросе кажется недоразумение, неясное различие организаций правомочно-партийных, входящих в состав партии, и только стоящих около партии, в кругу ее влияния. Говорят, что в одной организации только отборные работники, а в другой считаются все сочувствующие, присоединяющиеся и т.д. без особого разбора. Но здесь вопрос не в том, кто считается, а в том, кто пользуется правом полномочного участия в решении вопросов партийной работы. Насколько я знаю, нигде в организациях, считающих в своем составе более или менее широкую массу, эта масса не привлекается к решению основных вопросов местной работы, к выборам руководящих центров и т.д. В конференциях, решающих эти вопросы, всегда участвует более тесный круг, именно отборных работников, остальная же масса только считается в организации, но не участвует в ней. Это положение безусловно ненормально, и одной из целей предлагаемой резолюции является уничтожение этого. Кто считается в организации, тот и должен иметь право участвовать в делах ее, в решении всех вопросов ее работы.

Кому организация такого права не может дать или даже кто не берет на себя такого обязательства, тот и не должен считаться в организации. Эта сфера сочувствия к партии и влияния ее, а не ее составные элементы. При условии же такой точной квалификации состава партийных организаций, мне кажется, средний уровень партийности уже и теперь достаточно определился в практике местных организаций. При всем разнообразии типов местных организаций и условий их работы я имею основание думать, что состав их полноправных членов достаточно однороден, и это дает право признать, что у местных организаций практикою уже выработан критерий, по которому они определяют партийность людей, возможность признать за ними право полномочного участия в жизни партии. Отклонения уже теперь невелики и при увеличении партийного опыта, при урегулировании партийной жизни и работы они устранятся.

Из этого ясен и ответ на вопросы: какими точными признаками должны руководиться местные организации при определении партийности людей? Кто будет определять эту партийность? Какой минимальный возраст устанавливается для членов партии? Определять партийность того или иного лица, несомненно, должна та местная организация, которая решает вопрос о принятии этого лица в число своих полноправных членов. Высшая инстанция, съезды и пр. могут в этом отношении установить только общие рамки. Детально же обсуждение ка-

честв того или другого лица, определение, насколько оно подходит под эти общие рамки, должно лежать на местных организациях. Вопрос при этом должен ставиться так: возможно ли признание за данным лицом прав полномочного участия в жизни местной организации и тем самым партии? Вопрос о полномочии решается признанием партийности, и наоборот; эти вопросы не должны быть разделяемы ни в коем случае. И если так, то и критерий партийности — тот, которым организации руководствовались при признании полномочности. Здесь, конечно, будет и возраст, и минимум обязательств, и целый комплекс всяких других условий...

Решение об обязательности членского взноса, конечно, с одной стороны, не лишает права организации принять в партию члена, не имеющего возможности делать взносы, но по всем другим качествам вполне достойного, по ее оценке, пользоваться правами полномочного члена партии, и, с другой стороны, не дает права лицу, никакого участия в партийной жизни не принимающему, на основании только того, что оно делает известный, хотя бы и крупный взнос, требовать признания за ними права полномочного члена. Как всякое правило, это общее требование допускает исключения. Но пусть эти исключения будут санкционированы организацией, пусть они действительно будут исключением, а не общим правилом, как теперь. Вся цель и смысл этого решения — это установление определенной, резкой границы, границы формального, точного, более или менее постоянного обязательства члена партии перед партией, обязательства очевидного, легко учитываемого, для всех ясного и понятного. Вопросы о кооптации, о гарантиях от провокации при выборах в рабочие центры и т.д. — вопросы техники, и я уже заранее исключил их из своего доклада.

(После обмена мнений о дальнейшем порядке обсуждения орг. вопросов собрание **отвергает** незначительным большинством предложение обсуждать орг. вопросы все в целом и самый принцип организации и решает обсуждать наиболее важные и острые вопросы. Намечается в особенности вопрос о членстве в партии и затем об Областных Ком.)

В 2 ч. засед. закрыто на время обеда до 4 ч.

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ

(14 февраля от 4 ч. дня до 12 ч. ночи)

Председательствует временный президиум из тт. Волкова, Выборгского, Войнова и Михайлова.

Секретари: тт. Павлова, Волжанин и Петров.

После продолжительных пререканий о порядке дальнейшего обсуждения вопросов (во время этих пререканий м[ежду] пр[очим] было съездом принято предложение одного из товарищей обсуждать вопрос о «членстве в партии») тт. Уфимским, Нагорцевым и некоторыми другими было обращено внимание съезда на то, что действительный пре-

зидиум в полном составе находится в зале заседания. (Раздаются голоса: «Просим настоящий президиум».)

Председ. Волков. В самом деле, раз старый президиум освободился, то пусть он и председательствует, а то мы никогда не выберемся из этих беспорядочных прений о порядке дня.

При дружном смехе и аплодисментах временный президиум покидает свои места, уступая их гг. Гершуни, Парфинову и Семенову.

Тов. Парфинов. Ввиду того что был прочитан доклад, в котором разбирался прежде всего вопрос о членстве, ввиду того что этот же вопрос поставлен в предложенном от ЦК порядке дня и, наконец, ввиду того что вами самими уже поставлено обсуждать именно его, я предлагаю поставить обсуждение этого вопроса в первую очередь. Если собрание согласно, то мы открываем дискуссию по этому вопросу.

Тов. Душин (к порядку). Список ораторов был открыт не по одному этому вопросу. Необходимо просить товарищей снова записаться.

Председатель баллотирует предложение: обсуждать вопрос о членстве.

Съезд принимает это предложение.

Тов. Парфинов. Внесено предложение ограничить время ораторов до 5 минут.

Предложение принято.

Тов. Владимирский. Самым важным пунктом организационного вопроса является пункт, определяющий признаки члена партии. Организационный устав, принятый первым съездом партии соц.-рев., указывает на три признака, тов. докладчик к этим трем признакам прибавляет новый, и этот новый есть взносы. Я полагаю, что это ни в каком случае не может быть критерием члена партии. Это может быть лишь частным постановлением той или иной организации. Но это не должно быть в общем организационном уставе. Затем я полагаю, что к признакам, указанным организационным уставом, надо добавить такую поправку: членом партии считается всякий, принимающий **основные** принципы программы и тактики. Если наша партия стремится быть массовой партией, то она должна открыть свои двери перед массой. Масса может усвоить лишь основные принципы нашей программы и тактики, а не детали. И это должно быть указано в нашем организационном уставе!.. Перехожу к третьему признаку, он-то и является наиболее трудно улавливаемым. Кого же считать членом организации? На мой взгляд, есть критерий для этого. Это — участие в жизни партии, в ее строении — участие, формально выражающееся в участии в выборах в партийные учреждения. Тот, кто принимает основные принципы программы и тактики, тот имеет право входа в организацию. Его же участие в организации формально определяется тем, что он выбирает в партийные учреждения.

Тов. Михайловский. Мне кажется, что доклад не достаточно глубоко затрагивает вопрос. Расчленение на партийных работников и примыкающих к партии, постановление о членских взносах и т.д. — эти вопросы ставились и решались раньше. Но требует более внимательного отношения к себе § 1 нашего устава.

Тов. Владимирский не прав, ограничивая 1-й пункт этого § «основными положениями программы». Приняв основы, тем самым вы принимаете и все логические выводы из них, т.е. всю программу, — о чем говорит § 1. Практически определить партийность по этому пункту легко путем выяснения отношения к спорным вопросам, служащим предметом разногласия. Второй пункт не возбуждает сомнений. Третий понимается двояко: одни находят, что наша задача как можно шире раскинуть нашу организацию, охватить ею широкие массы. Отсюда понижение критерия партийности, установка членского взноса как условия зачисления в члены.

Я держусь другого взгляда. Наша партия должна быть массовой, но не посредством расширения ее за счет понижения условий приема, а за счет подъема членов массы до уровня, при котором они становятся партийными работниками. Недостаточно пассивное участие в организации, необходима активная работа в ней, чтобы быть членом партии. Исходя из этого, я думаю, что § 3, обуславливающий принадлежность к партии, должен быть дополнен или изменен в том смысле, чтобы условием принадлежности к партии было фактическое участие в работе, исполнение определенной функции в организации. Что касается органов, определяющих эту партийность, — ими могут быть местные комитеты.

Тов. **Рязанцев.** Товарищ докладчик, между прочим, указал на то, что среди партии есть лица, находящиеся лишь под влиянием партии и не могущие считаться полноправными членами.

Я согласен с тем, что надо было бы отделить одних от других. Но как это сделать? — вот вопрос. Кто будет судьей в оценке партийности членов-товарищей? Не те же лица, сомнения в партийности которых возбуждаются докладчиком?

Единственный выход из этого — это организация при ЦК стоящей вне сомнения в этом отношении особой группы «референтов», которая вела бы занятия окончательной подготовки и проверки степени партийности товарищей из местных и областных организаций, обслуживающих их в качестве референтов и пропагандистов. Недостаточная партийность этой категории работников безусловно недопустима.

Тов. **Крымов.** Я считаю первый параграф устава правильным и полагаю, что нет необходимости в его исправлении. Ни в каком случае нельзя заменить слово «программа» словами «основы программы». Тов. Владимирский полагает, что большинство рабочих и крестьян не знают нашей программы и считать их с.-р. можно потому, что они признают только основы программы. Мне же думается, что эта замена создает путаницу, ибо под «основой» принято подразумевать теоретическое обоснование, которое рабочие и крестьяне еще менее знают, чем программу. Если человек считает социализм необходимым и осуществимым, признает требования программы-минимум, нашу тактику и стоит на точке зрения классовой борьбы, то он настоящий С.-Р. А потому указанная замена — излишняя.

Критерий для определения членов партии, действительно, трудно установить на практике однообразно во всей партии, ибо у нас различ-

ные типы организации на местах. Однако устранить это неудобство можно в том случае, если предоставить Област. съездам определить: являются ли члены тех или других организационных ячеек партийными или нет. Поэтому предлагаю оставить первый параграф устава без изменения. Надо только добавить, что член партии должен, если он в состоянии, делать определенный взнос, размеры которого определяются местным комитетом. Он же может, в случае необходимости, освободить членов от взноса.

Тов. **Войнов.** Нам предлагают считать членом партии того, кто принимает участие в выборах в партийные организации. Но ведь в этих выборах могут принимать участие только члены партии! Здесь получается какой-то заколдованный круг!

Другое предложение — внести изменение в 1-й пар[аграф] устава, чтобы дать возможность подойти под него большему количеству лиц. Наша организация, как конспиративная, все равно не может обнять всей совокупности партии. Так было, есть и будет!

И я считаю необходимым оставить 1-й и 2-й пункты § 1 нашего устава без изменений. А к третьему я внес бы следующее дополнение: членом партии считается всякий, состоящий в организации или оказывающий какие-нибудь услуги партии. Это необходимо ввести, так как есть много лиц, которые по разным условиям не могут войти в организацию, а между тем оказывают очень важные услуги. Укажу как пример группу «Земля и Воля» в С.-Петербурге.

Тов. **Черняков.** С юридической точки зрения членом партии считается лишь тот, кто не только сочувствует цели и программе ее, но и является активным ее деятелем. При этом недостаточно принятия одной только основы программы и тактики партии, что характеризует именно лиц, сочувствующих партии, но требуется принятие всей программы, всей тактики партии и подчинение ее уставу. Также мне кажется, что не может быть признан критерием для определения членства денежный взнос, так как даже в благотворительных обществах один денежный взнос не устанавливает прав действительного члена. В отношении партии С.-Р. следует отличать: 1) лиц, теоретически разделяющих направление программы партии, 2) лиц, принявших основы ее программы и тактики и в качестве сочувствующих партии, оказывающих ей известного рода услуги и 3) активных членов партии. Этими последними могут быть признаны лишь те, кто принял целиком программу и тактику партии и входит в состав одной из ее организаций в качестве полноправного ее члена, т.е. с принятием на себя соответствующих обязанностей и всей ответственности за свою деятельность и с подчинением партийной дисциплине. С этой точки зрения члены организации «Земля и Воля» в настоящее время не могут быть признаны членами партии, так как организация эта является не партийной, а припартийной, а членами ее состоят зачастую лишь лица, сочувствующие, так наз[ываемые] с.-р.-ствующие. Ввиду изложенного я полагаю бы, что § 1 должен быть изменен лишь в смысле более точного определения характера участия члена партии в одной из ее организаций путем введения слов: «...в качестве ее полноправного члена».

Предложения тов. Владимирского и Григорьева не могут быть приняты, так как партия не может включить в свой состав всех сочувствующих, хотя бы делающих денежный взнос.

Тов. **Янов.** Я только хочу внести небольшую поправку в предложение предыдущего оратора. Заменить слова «входящий в качестве полноправного члена» словами «принятый в качестве полноправного члена».

Тов. **Долинин.** Партия и организация — одно и то же. Это такая действительная, боевая величина, которая однородно — идейно и физически — должна выступать как против внешнего врага — правительства и буржуазии, — так и в своем воздействии на рабочий класс, его организации и организацию его выступлений. Партия спланирует рабочий класс в политическую силу. «Рабочий класс» и «партия» — понятия не тождественные. Только борьба за жизнь с классом капиталистов и политическими силами эксплуататоров приводит к тому, что все более и более рабочий класс проникается нашими идеями, становится в ряды П.С.-Р.

Чтобы обеспечить однородность действий, необходимо иметь общие цели, формулируемые программой, общую тактику и подчинение партийным директивам.

Разумеется, требуется не буквенное точное знание нашей программы. Тем более что ведь очень немногие из действительных и активных работников партии знают ее, как говорится, наизусть и слишком многие понимают ее весьма неудовлетворительно.

Но общий дух, основные требования и позиции ее как программы социально-революционной — в целях и методах — составляют необходимое условие членства в партии П.С.-Р. Поэтому, безусловно, нельзя ни в чем ослаблять § 1 нашего устава; иначе мы вместо организованной партии получили бы распыленное бессилие.

Тов. **Кутанов.** По-моему, съезд должен выработать только критерий, которым будут руководствоваться организации на местах при определении членства в партии. Этот критерий ясно выражен в нашем партийном уставе; я только подчеркиваю одно из главных условий членства в партии: это — активное участие в одной из партийных организаций, но безусловно высказываюсь против того, чтобы принимать во внимание при принятии в члены партии только взносы в партию.

Тов. **Семенов.** Я считаю, что все затруднения в наших преданиях возникают от смешения понятий «партии» и «партийной организации». Между тем и другим разница очень велика. Партия есть совокупность лиц единомыслящих, но не только не входящих в деловое общение с той или иной организацией нашей партии, а, может быть, даже и совершенно неизвестных ей. Между тем организация партии есть совокупность лиц не только **единомыслящих**, но и **единодействующих**. Итак, вопрос о членстве в партии и членстве в организации надо расчленить. Первое не поддается и не нуждается, да и не подлежит организационному регламентированию. Второе же должно быть поставлено в самые строгие рамки, и мне кажется, что условия, устанавливающие признаки членом организации данного человека, вполне выражены в положениях, предлагаемых резолюцией. Признание программы, тактики и

подчинение партийной дисциплине — вот необходимые условия принятия товарища в члены партийной организации. (По предложению одного из товарищей председатель предлагает закрыть лист ораторов. Предложение принято.)

Тов. **Ефимов**. Вопрос о том, кого считать членом партии, поднимается теперь потому, что после 17 октября, когда партия почти вышла из подполья, массы стали вливаться в нее. Вследствие этого во многих местах создалось крайне неопределенное положение. Я укажу на Витебскую губ., откуда я и приехал. Там было 100 крестьянских братств, в которые входило 2300 человек, и братства эти считались с.-р-овскими. В настоящее время местный комитет решил не считать их членами партии, а только примыкающими. Решение это было вызвано следующим инцидентом. В этой местности от братств было выбрано 11 выборщиков, которых считали с.-р-ами. На избирательном собрании 6 из этих с.-р-ов начали говорить черносотенные речи и провалили выборы. Вот что значит поддаваться иллюзиям.

Когда мы поднимаем вопрос о том, как принимать в члены партии, то естественно спросить и о том, как из нее исключать. Решение этого последнего вопроса имеет большое значение для многих местностей. Я знаю, например, одну организацию, где деморализация достигла высших пределов. Один из членов этой организации подделал организационную печать, собирал, пользуясь ею, деньги и прокручивал их. Этот, с позволения сказать, «товарищ» не был исключен. А когда я задал вопрос «почему?», то мне сказали, что «ведь тогда нужно исключить очень многих», и рассказали при этом такие факты, что волосы стали дыбом. Это может происходить только потому, что не существует строго определенного порядка приема в члены партии. Члены партии должны не **вступать**, а быть **принимаемы**. Желаящий может об этом заявить, а дело самой организации, принимать только тех, которые того заслуживают.

Тов. **Трофимов**. В своей основной мысли я вполне согласен с тов. Долининым, но я хотел бы к этому прибавить несколько слов.

По-моему, тов. Долинин совершенно прав, говоря, что нет никаких оснований прибавлять что-либо к § 1 организац. устава, расширяя его и тем самым делая более расплывчатым и туманным.

Параграф устава должен быть краток и ясен, таковым он был и таковым должен остаться.

Теперь стараются расширить параграф и тем самым подвести под понятие члена партии как можно более широкую массу. Но от того, что мы параграф подделаем под массы, а не массы поднимутся до параграфа, — с.-р-ов больше не будет. Я стою за то, чтобы оставить его без изменения.

Что касается доклада, то, по-моему, докладчик исходил из соображения о необходимости подсчета голосов и сил, на которые опирается партия и подсчет которых, по заявлению тов. Парфинова, очень важен для Международного Социалистического Бюро.

По-моему, в условиях конспиративной работы мы такого счета произвести не сможем, несмотря ни на какое расширение параграфа. Бо-

лее или менее точный подсчет мы сделаем только тогда, когда добьемся возможности открытой и широкой политической борьбы.

Тов. Псковский. В последнее время партия разрослась; в нее проникло много малоустойчивых и полусознательных элементов, вносящих немалую путаницу в партийную работу, поэтому я предлагаю не отменять 1-й пункт устава, а только дополнить его указанием, что новые члены принимаются в партию уполномоченными на это местными организациями и должны быть не моложе 20 лет.

Тов. Душин. Я заметил в прениях 2 оттенка: с одной стороны, сетуют на бесформенность организации, на отсутствие границ между партийными и беспартийными ячейками, а с другой — бьются над определением партийного члена. Два эти вопроса надо расчленить. Второго вопроса мы не решим и при легальном существовании партии, потому что голосование на выборах — недостаточный критерий, с другой стороны, никакие экзаменаторы, даже ЦК, не могут каждого дипломировать и никакие поправки к пунктам устава не помогут делу. По-моему, вся беда заключается в распылении организации; необходимо твердо установить рамки низших ячеек, установить порядок приема новых членов и постоянный контроль высших органов над низшими. Членский взнос я считаю обязательным, но не для определения партийности, а как акт элементарной самодеятельности каждого члена, устанавливающий связь его с организацией, а также как один из способов учета сил. Мое конкретное предложение, следовательно, таково: оставить прежние признаки партийности, прибавив необходимость членских взносов, строго определить границы партийных организаций и формы контроля и приема новых членов.

Тов. Авраамов. Товарищи! Все предыдущие ораторы рассматривали устав. И те из них, которые его осуждали, попутно указывали на дефекты работы. Аргументация такова: если устав плох, то и работа не продуктивна. Изменим устав, и дело пойдет как по маслу. Сюда и направили свои усилия, предлагая различные проекты изменений. Товарищи! Это не верно. Всякая партия — совокупность организаций — должна иметь свой устав. И когда она, по мере своего развития, обнаруживает, что внутри ее есть трения, замечает дефекты своей работы, она прежде всего ставит вопрос: исполнялся ли устав? Вот почему от товарищей, раньше высказавшихся, я требую ответа: исполнялся ли точно, неуклонно устав, признанный на первом Учредительном съезде? И только тогда, когда этот факт будет установлен, если каждый из нас, положив руку на сердце, скажет, что, несмотря на самое пунктуальное исполнение устава, получились дефекты в работе, тогда, и только тогда, мы скажем: да, устав плох, да, его надо изменить! Из речей товарищей — противников нашего устава — можно извлечь некоторые полезные сведения. Здесь приводился факт, как в Витебской губ. сотни признанных с.-р.-ов пришлось объявить непартийными. Что это? Исполнение устава? Ошибка? Случайность? Нет! Это более яркий пример, характеризующий, как применялся точный 1-й пункт партийного устава. Здесь ясно проглядывает халатность при вербовке новых членов. Оно и

понятно: увлекшись работой расширения партии, мы мало смотрели на тех, кого мы принимали. Если у нас есть 99 с.-р-ов, то мы на стену лезем, чтобы скорее заполучить сотого, несмотря на то, достоин или не достоин он стать с.-р. в истинном смысле этого слова. К той же категории принадлежат и те частые трения и разногласия, которые существуют между периферией и центром, когда в периферии — люди недостойные, выдолбившие свои права, но не понимающие своих обязанностей, как это было во время кружкового периода существования партии. Итак, не устав, а мы, товарищи, виноваты в этих дефектах. Выработай мы хоть перл искусства, с нашей точки зрения, но, исполняя его так, как этот устав, вы не добьетесь никаких положительных результатов. Резюмирую: считая этот пункт устава вполне удовлетворительным и объясняя все недостатки в работе исключительно неисполнением устава, я приглашаю товарищей осторожнее относиться к вербовке новых членов, а с существующими недостатками справиться на местах, как с созданными нами же самими, но не такими, конечно, средствами, как проверкой через посыльных «референтов» степени партийной чистоты членов. Укажу еще, что тов. Семенов не понял тов. Крымова. Тов. Крымов не говорил, что рабочий или крестьянин должен знать философское обоснование. Нет! Он сказал: кто — социалист, принимает программу-минимум и классовую борьбу в том смысле, как ее понимает П.С.-Р., тот и соц.-р-р. Я кончил.

Тов. **Зиновьев**. Я присоединяюсь к тому течению, которое стоит за широкое допущение в партию народных масс. В недоразумениях, часто имеющих место между периферией и центром, между организациями и комитетами, о которых здесь говорилось, почти всегда виноваты комитеты. Это вечное недоразумение между интеллигенцией и народом.

Я хотел бы, чтобы к следующему партийному съезду в партии было бы побольше народных масс, которые пришлют на съезд побольше своих людей: крестьян и рабочих. Нечего бояться прикосновения к народу. Это только укрепит и оживит партию.

Тов. **Волинцев**. Наша партия прежде всего — партия боевая и конспиративная. В ней нужно различать активных работников, с одной стороны, и массу, которая находится под ее влиянием, сочувствует ей и оказывает ей услуги — с другой. Не только успешный ход партийной работы, но и самая **возможность** ее требуют от первых некоторых особых достоинств и специального навыка; вот почему я обращаю внимание съезда на предложение одного из товарищей выделить их как центральное ядро партии. Они будут членами **организации** П.С.-Р. Наша практика работников, которые имеют дело больше всего с периферией, дает нам в руки обширный материал, иллюстрирующий настоятельную необходимость подобного выделения активного ядра партии. Вполне законное стремление расширить количественный состав организации до возможных пределов приводит нередко к совершенно отрицательным результатам. Условия переживаемого исторического момента требуют решительного заявления со стороны съезда, что наша партия или по крайней мере та часть ее, которая объединяет активных партийных

работников, сильна не столько количеством своих членов, сколько их качеством. Прием в члены такой организации должен быть обставлен особыми формальностями и особым контролем со стороны ближайших по восходящей степени партийных коллективов.

Тов. Гершуни. Года 3-4 тому назад вопрос о том, кого считать членом партии, не возникал. Должно быть, это потому, что тогда член нашей партии имел только обязанности, и много обязанностей, а прав никаких не имел. Теперь у него завелись и права. Насколько я понял из прений, вся суть вопроса в том: кто пользуется правом выбирать в руководящие органы партии. Но едва ли в этом вопросе нам предстоит открывать Америку: ведь не мы, конечно, первая партия, которая определяет состав своих членов и вырабатывает порядок приема в них. Все социалистические партии уже выработали для этого известные формы. Я считаю безусловно неправильным, чтобы всякий, разделяющий программу партии, считался по этому самому ее членом. Можно быть с.-р-ом и не членом партии, но само собой разумеется, что совершенно невозможно быть членом партии, не будучи социалистом-революционером.

Партия есть совокупность организаций трудящегося класса, и членом ее является тот, кто принят в одну из этих организаций. Тут выражали мнения, что известная материальная помощь, денежный взнос, дает право стать членом партии.

Но это недоразумение. Товарищи! У нас есть люди, которые дают нам десятки тысяч и оказывают очень серьезные услуги партии, но они даже не дерзают и думать о принятии их в партию, о праве на звание членов партии. Итак, П. с.-р-ов представляет собой совокупность многочисленных партийных организаций. Каждая первичная ячейка имеет право принимать в свою среду новых членов. Но этот прием должен быть обставлен известной формальностью, так как это есть прием членов в партию. Если доступ в любое из буржуазных благотворительных и иных обществ обставлен формальностями — требуется рекомендация нескольких членов и согласие известного числа членов общества, — то как же может быть свободно открыт всем желающим доступ в партию с.-р-ов, в партию конспиративную! В партию нельзя принимать, не выяснив, что желающий разделяет целиком программу и тактику партии, и не установив его моральной и политической доброкачественности.

Только тогда ячейка, большинством, положим, $\frac{2}{3}$, может принять его в организацию. Раз установлена форма приема, то этим самым уже определяется и форма исключения. Вопрос о членском взносе — вопрос не принципиальный, но я бы настаивал на обязательности взносов. Они помогают учитывать число членов организации. Как ни бедны наши крестьяне и рабочие, но они почти всегда смогут дать несколько копеек в месяц для своей партии. Размер взносов, конечно, может быть установлен только на местах. И так, я думаю, что нужно сохранить п. 1 нашего устава, добавив к нему м[ожет] б[ыть] в виде примечания, что прием должен производиться организацией, по установлению моральной и политической доброкачественности принимаемых, двумя третями голосов.

Что же касается атмосферы сочувствующих и содействующих, которые окружают партию, то их ни в коем случае нельзя считать членами партии.

Тов. **Парфинов**. Многие из ораторов рассуждали, точно партия или организация еще не существует или предстоит строить ее сызнова, снизу доверху. Это глубокая ошибка. Партия имеет на своем съезде представителей существующих санкционированных областных комитетов. Для них и всех комитетов, через них представленных, решения съезда обязательны. ЦК, который будет избран, будет пользоваться полнотой партийной власти. Он будет, согласно уставу, иметь право санкционировать Обл. Комит., которые в свою очередь имеют соответственное право по отношению к местным комитетам. Обратите самое серьезное внимание на то, как рекрутируются местные группы. От твердости настроения и удачного пополнения этих основных ячеек зависит крепость самой организации. Но не забывайте, что основной грунт партии — это рабочие массы, городской пролетариат, трудовое крестьянство. Пока организация партии с.-р. вынуждена носить характер конспиративный, навряд ли организации удастся охватить эти широкие массы. Но готовиться к этому надо. Кто члены нашей партии? Сколько у нас членов партии? Я затребовал эти сведения у ЦК для сообщения в Международное Бюро. Совет партии в октябре 1906 г. пытался свести статистический материал. Получилась следующая картина. Между числом тех, кого Областные Комитеты считали действительными членами, и тех, кого считают на периферии лишь разделяющими нашу программу, но не входящими правильно в наши организации, существует громадное расстояние. В самом деле, судите сами: по крайне неполному и приблизительному подсчету наших Областных Комитетов, численность действительных членов **партии** (без Украинской области) едва ли превышает 50 тыс., численность же лиц, захваченных в **сферу постоянного партийного влияния**, никак не менее 300 тысяч.

Между 50 тыс. и 300 тыс., согласитесь, расстояние громадное. Как ни трудно осуществить формальный, правильный, объективно удобоприемлемый признак принадлежности к партии, это надо сделать для закрепления организационной связи с партийными рабочими и крестьянскими организациями. Я думаю, следует внести в условия приема в группы принцип членского взноса. Рабочие и крестьяне, конечно, не могут делать больших взносов; но и не требуется от них больших взносов; следует только приучать их смотреть на партию как на свое дело. Ничто так не приучает непрофессиональных революционеров, обыкновенных работников к партийной жизни, как эта периодическая, постоянная, правильная, добровольная, в исполнение раз принятого обязательства, поддержка партии членским взносом. Следует также требовать от партийных членов рабочих и крестьян принадлежности к профессиональным союзам. Таким образом, прием члена будет обставлен следующими требованиями. Двое членов уже существующей, признанной партией, т.е. ее высшими комитетами, группы ручаются за кандидата в группу, т.е. ручаются, что он принимает основные пункты программы, подчиняется партийным постановлениям, директивам съезда и

ЦК и соглашается делать периодический взнос, размер которого определяется групповым уставом. Такой кандидат принимается в группу полноправным членом, имеющим все права, присвоенные этому званию. Само собою разумеется, что звание члена не ставит человека в зависимость, не отдает в распоряжение ЦК или других учреждений. Этот предрассудок надо разрушить, ибо мы не должны смешивать конспиратора с членом большой демократической партии.

Тов. **Большов**. Вопрос о членстве в партии по существу своему прост, хотя и породил здесь множество разногласий и путаницы. Ведь прав же в самом деле т. Гершуни, говоря, что мы не открываем в этом вопросе никакой Америки, — не мы первая партия, которой приходится давать определение понятия о членстве. И если все же такой простой вопрос плодит здесь все эти бесконечные разговоры, то причина этому лежит в промежуточности, в двойственности нашего теперешнего положения. Этой двойственностью объясняются и все противоречия в речах товарищей. Один говорит, что мы все еще партия конспиративная и что неизбежно должно быть принято во внимание при определении состава членов партии и решении вопроса о членстве. Для других же, наоборот, важнейшим и, можно сказать, решающим моментом является то обстоятельство, что мы уже не вполне конспиративная организация, что мы в значительной мере уже стали партией в широких массах и некоторые наши организации, некоторые функции все более и более делаются открытыми. Вот из этой-то двойственности и происходит вся путаница. И в самом деле, мы уже не можем считать всю нашу партию сверху донизу конспиративной, она слишком разрослась, чтобы вся целиком могла уместиться в подполье. Возьмите, например, выборы: это уже совершенно конспиративная функция; а ведь для них во многих местах создались особые открытые полупартийные и даже партийные организации. И для меня в особенности удивительно, как это т. Черняков, представитель петербургской организации «Земля и Воля», дает такое узкое решение вопросу о членстве в партии и даже отказывается считать «З. и В.» партийной организацией. Однако не так смотрела на нее партия, вызывая ее образование, поручая ей одну из важнейших своих функций — ведение избирательной кампании в столице и организацию партийных избирателей, как для выборов, так и для поддержки нашей фракции в Думе. Не так, по-видимому, смотрит на себя и вся организация «З. и В.» в целом: по крайней мере она очень ревниво относилась к своей самостоятельности и автономии и даже оспаривала малейшее право П[етербургского] К[омитета] вмешиваться в те или иные вопросы предвыборной кампании. На этом примере, как нельзя лучше, вырисовывается наше современное двойственное и переходное положение. И вот в ряде предложений, которые делались здесь т-щами, они неизменно колебались именно между этими двумя полюсами: между требованием соблюдения конспиративных условий и требованием широко открыть рамки организации для привлечения и охвата масс. Но мы не можем и не должны окончательно склоняться ни к одному из этих решений: ни строго замкнутая, конспира-

тивная организация, ни «открытая» партия не могут в настоящее время удовлетворять настоящим условиям. И я настаиваю на том, что только формулировка, данная в § 1 нашего Орг. Устава, действительно соответствует современному положению и не должна быть изменена. Можно, конечно, дополнить этот §, как это предлагает сделать докладчик (т. Григорьев), но ни в коем случае его нельзя ни отменять, ни изменять по существу. В этом § совершенно правильно сказано, что членами партии могут быть только лица, принимающие «программу» партии и тактические принципы, а не какие-то основания программы и тактики, как это предлагают некоторые товарищи. По этому критерию каждая правомочная партийная ячейка сама может уже легко определить, кого она вправе принять в свою среду и, следовательно, сделать официально членом партии и кого нет. Странное предложение создать особую должность «контролеров» или «референтов», которые разъезжали бы повсюду и производили экзамены на право быть членом партии, совершенно излишне и неуместно в нашей среде. Правомочная ячейка должна быть автономна в этом вопросе в пределах права, предоставленного ей уставом. Между прочим, следует отметить, что Совет партии косвенным образом и по другому поводу дал точное разъяснение того критерия, по которому элементарные наши ячейки легко могут разрешить вопрос о членстве. Это разъяснение вы найдете в резолюции 2-го собрания Совета партии по поводу максимализма. В этой резолюции Совет указал, в каких пределах допустима в партии свобода мнений. Мы не можем требовать, чтобы каждый знал и понимал до тонкости всю программу с ее социологическими обоснованиями, и, конечно, не всякая запятая и точка в нашей программе для каждого члена партии обязательны. И вот Совет определяет, в чем должны заключаться главнейшие принципы программы, безусловно необходимые для каждого состоящего в рядах партии. Это прежде всего те три принципа, которые выставляет международный социализм: социалистический строй как цель движения, классовая борьба как средство и признание в принципе парламентской деятельности. Кроме того, Совет добавил еще 4-й тезис, специально характеризующий нашу партию и отделяющий нас от соц.-демократов: это признание принципа объединения в одну социалистическую партию, в один организованный рабочий класс, пролетариата, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции. Такова наша программа в целом, таковы те принципы, признание которых безусловно необходимо для всякого члена партии. Таким образом, я не вижу основания менять по существу формулировку § 1 Орг. Устава. Индивидуальное отклонение во мнениях, конечно, допускается, но раз кто-либо вступает в члены партии, обязан исповедовать ее программу, а не свои индивидуальные мнения. Об этих последних каждый может говорить лишь с точной оговоркой, отграничивающей их от общепринятых и общеобязательных партийных воззрений.

Вторым признаком, определяющим «члена партии», является строгое подчинение постановлениям партии. И это условие настолько ясно, настолько неизбежно, что не возбуждает здесь никаких сомнений.

Я перейду поэтому к третьему признаку: к участию в какой-нибудь партийной организации. Я согласен с т. Гершуни, что прием новых членов в наши элементарные ячейки необходимо обставить какими-нибудь точно определенными формальностями. Иначе нельзя избежать расплывчатости состава самих этих ячеек. Но является еще вопрос, какие ячейки мы можем признать в настоящее время партийными. У нас есть теперь много неопределенных, переходных организаций; таковы, напр., некоторые крестьянские братства, первоначальные рабочие кружки, кружки учащейся молодежи. Признавать ли их партийными и, следовательно, признавать их членов членами партии? За последнее время наша партия чрезвычайно далеко продвинула свои организации в народные массы, и в особенности в деревне. Образовался ряд крестьянских братств, называющихся пратийными и получивших на это соответственную санкцию. Но надо иметь в виду, что многие из этих братств образовались стихийно, так сказать, самотеком. Члены их не только часто не разбираются в партийной программе, но даже смешивают Вс.Кр.Союз с Кр.Союз. П.С.-Р. Причисление таких братств к партийным является нередко почти номинальным. Мне кажется, что теперь наши Комитеты и признанные правомочными уездные группы должны произвести фактическую проверку элементарных сельских ячеек. Отсюда, конечно, невозможно это сделать. Проверка может быть выполнена только на местах. Но без такой проверки для партии нельзя строго конструироваться. Только сызнова пересмотрев состав всех крестьянских братств, можно определить и строго ограничить те из них, которые действительно должны быть признаны партийными. И только тогда, установив особые условия приема новых членов в элементарные ячейки, мы будем вправе сказать, что действительно отчетливо отграничили состав членов партии от неопределенной массы «сочувствующих», «содействующих», «охваченных влиянием» и т.п. Точно так же и в городах с рабочими кружками и с кружками учащихся. Надо пересмотреть их право именоваться партийными, пересмотреть их состав и ограничить постоянные определенно организованные группы от текущих, только что возникающих, первоначальных кружков. Только первые должны быть признаны партийными, только их члены могут считаться членами партии, и затем для них необходимо установить правила приема новых членов. Кстати, здесь надо будет сказать несколько слов о возрастном составе членов партии. Здесь смеялись, когда кто-то возбудил вопрос о том, можно ли считать 14-летнего гимназиста, состоящего членом ученической организации и аккуратно уплачивающего свой ежемесячный взнос, членом партии? Но тут ничего нет смешного. Я не предлагаю включить в Устав нового §, устанавливающего минимальный возраст для членов партии, но я думаю все же, что определенная степень зрелости, безусловно, необходима. Наша программа в своей политической части объявляет полноправным гражданином каждого, достигшего 20 [летнего] возраста. Этот возраст считается, т.об., возрастом достижения политической зрелости, и его же следует принимать во внимание при приеме членов в партию. Но, конечно, нет надобности оговаривать

этого в уставе, так как на практике это всегда само собой подразумевается. Еще два слова о формальных условиях, какими должен быть обставлен прием новых членов. Т. Гершуни предлагает обусловить прием решением $\frac{2}{3}$ голосов всех членов данной ячейки. Я готов присоединиться к этому предложению. Можно, конечно, установить и другие формальности. Но пред нами остается еще вопрос о том, как ввести эти правила приема в жизнь, в повседневную практику всех организаций... Мы можем разрешить этот вопрос двояко; во-первых, съезд может рекомендовать каждой элементарной ячейке включить в свой устав такие-то и такие-то условия приема новых членов и? во-вторых, съезд может обязать первоначальные ячейки признать определенные, выработанные съездом условия приема, одинаковые для всех. В последнем случае мы можем указать эти условия в особом добавлении к § 1 нашего Орг. Устава. Съезд может принять любое из этих решений. Сейчас не буду аргументировать ни за одно из них за недостатком времени, но замечу только, что сам лично я скорее склонялся бы к первому решению, к тому, чтобы съезд поручил ЦК специальным циркуляром предложить элементарным ячейкам включить в свои уставы особые формальные правила о приеме новых членов.

Тов. Григорьев. (Заключительное слово.) Отвечу сначала на некоторые замечания по докладу.

Предлагают установить известный минимум требований, фиксировать некие основы программы, и кто признает их, тот должен считаться партийным человеком. Но, товарищи, самая попытка определить эти «основы» как минимум требований безнадежна. Если это будут действительно основные положения программы, то уж ни в коем случае они не будут минимумом требований. Если в качестве таких «основ» будут взяты отдельные частности программы, даже наиболее характерные и выпуклые, то где гарантия, что признание их есть признание программы? Я уже не говорю о «принятии тех положений программы, которые разногласят с программами других партий». Это предложение падает при одном указании на то, что признание разногласящих положений неизбежно должно сопровождаться признанием многих и многих, совпадающих в большинстве программ политических партий, положений. Наконец, если этим минимумом требований будут положения программы, наиболее доступными и понятными массам, то в этом случае, мне кажется, партию смешивают с союзами и аналогичными им организациями. Партия организуется на почве признания определенной программы, преследования определенных целей и задач. Как же партия будет вводить в свою организацию те элементы, которые к этим целям не идут и даже их не знают, не понимают? Партия поднимает сознательность находящихся под ее влиянием элементов до понимания и признания ее программы и только тогда вводит их в свою организацию, а не урезывает программу, не приспособляет ее к уровню понимания широких масс. Это задача союзов и т.п. организаций, которые организуют массы на платформе, приспособляемой к уровню их понимания, стремятся углубить сознательность массы путем организаций и объеди-

нения ее на почве борьбы за требования, уже сознанные ею, уже сблизившиеся в ее сознании с ближайшими, жизненными ее интересами. Партия идет иным путем.

Предложения т. Рязанцева ввести оценку партийности членов через ЦК, путем учреждения специальной организации агентов — оценщиков, каковыми должны быть посылаемые ЦК референты и пропагандисты — это предложение, безусловно, не может быть приемлемо. Т. Рязанцев мельком набросал картинку проведения этого предложения в жизнь, как приехавший референт будет чинить допрос местным работникам. Я не могу себе представить этой картины без крайнего смущения. Какую атмосферу сыска, доносов, подслуживания и всякой такой грязи создаст это положение.

Отчасти по этой же причине, а отчасти и во избежание превращения в бюро оценщиков, коллегии экзаменаторов и даже институт следователей не приемлемо и предложение передать оценку партийности местным руководящим органам, Областным съездам, Областным и Губ. Комитетам. Предлагалось еще две формулировки формальных признаков членов партии: 1) участвующий в партийной организации выполнением в ней определенной партийной функции и 2) принятый в какую-либо организацию полноправным членом. Товарищи-юристы знают разницу и значение двух моментов, выражающихся в этих предложениях: формального принятия и формального обязательства. Оба эти момента должны быть введены в формулировку, так как оба они равно важны и существенны. Формальное принятие без определенного обязательства может создать кадры членов, ничем не участвующих в партии, и, с другой стороны, одно обязательство, без формального приема, может ввести в партию членов, очень полезных энергией, умелостью и т.п. качествами, но совершенно не подходящих по своему мировоззрению, моральным качествам и т.п. И на мой взгляд, оба эти момента должны быть указаны в самых определенных, конкретных формулах. Второе предложение дает такую формулировку, и против его введения ничего нельзя иметь, но первому надо предпочесть указание определенного минимального обязательства — членского взноса.

Говорят, что такое стремление ограничить партию формальными рамками есть результат смешения понятия партии с понятием организации. Партия, по мнению Семенова, — это есть единомыслящие, а организация — это боевые элементы, и, стало быть, член партии и член организации не одно и то же. Такое понимание совершенно не соответствует существу дела. Партия — это форма частноправового объединения людей для преследования определенных целей. А раз так, то это не что иное, как организация. Кто идет вместе с нами к одной цели, кто вместе борется, тот и в партии. И пока существуют такие элементы, идущие к определенной цели, пока они объединены в организацию, до тех пор есть и партия. И раз этой организации не будет, не будет и партии, хотя бы и осталось сколько угодно людей, имеющих то же мировоззрение, признающих ту же программу, желающих достижения тех же целей, но все это мирно хранящих в кладовой своей па-

мяти, в карманах своего сознания и ничем во вне не проявляющих. Я бы назвал такие элементы не партией, а ныне вошедшим в употребление термином: течение или направление.

Разделение же понятия партии и понятия организации противоречит самому существу наших задач, самому факту нашего существования как партии. Как организация, и только как организация, мы составляем партию.

Я перехожу теперь к общему вопросу, которого я не думал, но вынужден коснуться. Этот вопрос о слиянии партии с народом, с широкими трудовыми массами, вопрос большой и, может быть, особенно важный в настоящее время. За нами идут массы, становятся под наше знамя, принимают наши лозунги. Как быть с ними? В прошлом году этот вопрос уже стоял перед партией. Было предложение разрешить его образованием открытой партии, куда был бы открыт доступ всякому желающему. Высказывалось мнение, что партия желает быть народной, если она считает свою программу соответствующей интересам народа, она не должна бояться широко открыть свои двери народу. Все, заявившие желание, всякое собрание, принявшее соответственную резолюцию, может быть включено в партию. А затем — соберите съезд, и он примет вашу программу, если она, действительно, народная программа. Так ли это, товарищи? Я, безусловно, не могу с этим согласиться. Как бы ни верно определила партия истинные интересы народа, как бы ни правильно наметила путь борьбы за эти интересы, все же в основе она — партия далекого идеала. Понимание масс, примитивное, не способное оторваться от текущих нужд ближайшей действительности, может в корне разойтись с пониманием партии, особенно в ее тактике.

Программа партии есть синтез ее научно-философского воззрения на ход общественной мысли, а не итог того или иного учета уровня понимания, сознательности масс, это последнее присуще платформам профессионально-политических организаций. А раз партия основным условием приема ставит признание программы, то она не может принимать без оценки. И этот путь ни мало не мешает ей признать себя народной, и только он может привести к указанному в партийной программе результату: «победе народа, организованного в социально-революционную партию». Здесь вопрос не принципа, а вопрос практического стремления. Если партия идет в массы, постоянно поднимает уровень их сознания, постоянно пополняет свои ряды передовыми элементами этой массы и через эти слои еще шире разливает в массах свое учение, она и есть, и будет народной партией. Выделение квалифицированной организации в этом случае уже ни в коем случае не означает стремления оторваться от массы, создать кружковую организацию, дружину борцов и т.п. Нет, в этом случае партия, оставаясь народной по целям и практическому стремлению, стоит на правильном пути сохранения силы своей организации. В революционное время, когда даже простая порядочность расценивается по мере политических убеждений, все охотники называться революционерами, соц.-рев. и даже членами П.С.-Р. — все тянутся к тем, кого считают передовыми

борцами. Созвучие слов: революция и революционеры, также играет в этом свою роль. Но становятся ли они от этого действительно с.-р-ами? И что будет с партией, составленной из таких элементов, в момент упадка революции или после нее, когда установятся, может быть, иные мерки порядочности, иные признаки общественного достоинства? Где тогда будут массы членов такой партии? Истинно партийным людям, может быть, придется вновь образовать старую партию... Партия — революционна. Революционность партии, на мой взгляд, в том, что она всегда готова будет призвать народ к коренному изменению тех или иных законов, раз они, по ее мнению, противоречат интересам большинства. Я не пожелал бы партии дожить до такого времени, когда голосование парламента, как такового, безотносительно к действительному соотношению сил в стране, стало бы для нее святыней, пределом, его же не преидеши. Действительная, свободно выраженная воля большинства народа — вот закон для партии, и она всегда должна быть готова к революционной борьбе против всего ограничивающего, насильствующего и искажающего выражение этой воли, каким бы авторитетом это насилие ни санкционировалось.

Но вечная готовность к революции — не в нравах широких масс, и революционная партия должна всегда точно учитывать свои революционные силы, должна знать, кто идет с нею, а не только за нею. Т. Трофимов ошибается, когда говорит, что мы будем учитывать силы по голосам, поданным на выборах. Это учет сочувствия, а не сил. Ведь в числе этих голосов есть и голоса тех, которые рады-радехоньки, что напшились люди, взявшие на себя тяжкое бремя борьбы, и дали возможность этим трусам, ничем не рискуя, в теплом углу ждать плодов победы. Разве такие господа — сила?!

Мы должны резко квалифицировать свой состав, должны строго разграничивать элементы, входящие в организацию, от сочувствующих или увлеченных личным влиянием членов партии. Приводят еще часто указания на некоторую практическую выгодность широкого включения в организацию: что связь с организацией сильно влияет на определение партийной физиономии, что большинство записавшихся под влиянием увлечения, затем, под влиянием организации становятся партийными людьми. Но тут суть не в том, что они записаны в организацию, а в том, насколько активно организация воздействует на эти элементы. Не расширением организации, а усилением активного воздействия должна достигаться партийная определенность сочувствующих элементов... Но как быть с теми элементами, которые вполне определились в партийном отношении, но по тем или иным причинам не могут войти в организацию? Этот вопрос касается главным образом околупартийной периферии из интеллигенции. Да, около партии было всегда много людей, партийных по мировоззрению и стремлениям, но не входящих в организацию. Объяснялось это или тем, что, привыкши к работе на легальной арене, они не могли приспособиться к нелегальной работе, или тем, что они не могли вменить риска, связанного с нелегальной революционной деятельностью, или не могли ужиться в организации.

Часто, например, таким легальным людям, привыкшим к открытой формальной ответственности определенных легальных лиц, трудно было помириться с руководством каких-либо тайных, анонимных, неуловимых, только морально ответственных организаций и т.п.

Главная причина невключения таких элементов в организацию заключалась в конспиративности и рискованности партийной работы. Но уже теперь условия значительно изменились, и мы видим в своих рядах многие из элементов, о которых идет речь. Дальнейшее развитие партийной организации, приспособление ее к формам легального существования, несомненно, даст возможность вовлечь и остальные подобные элементы. Найдутся удобные, приемлемые для них, подходящие к их навыкам и привычкам формы партийной организации и деятельности. Да и сами эти элементы, раз они не хотят ограничивать ее только внутренним, недейственным признанием партийной программы, но желают принять участие в борьбе за достижение ее, они сами найдут для себя ту или иную форму организации, участия в общей работе партии. До сих пор сплющ и рядом нелегальным работникам, с их установившейся уже нелегальной психологией, приходилось изобретать для таких легальных партийных элементов и формы легальной организации и даже намечать план легальной работы. Я не скажу, чтобы это была легкая задача и чтобы неумелость в этом можно было поставить в вину нелегальным организациям партии. Если они виновны в чем в этом отношении, то лишь в том, что не думали и часто даже враждебно и отрицательно относились к использованию сил этих легальных элементов для общего дела борьбы.

Но уже теперь этого отношения нет, уже теперь орг-ции направляют свою деятельность к отысканию форм, пригодных для использования всех партийных сил. Я знаю случай, когда, не отыскавши другой формы орг-ции легальных элементов, создали просто кружок содействия соц.-революционному движению. И использование всех этих сил — вопрос только времени, изменения внешних условий существования партии, усовершенствования и развития ее организации.

Главная трудность не в этом, не со стороны интеллигентской периферии. Мне кажется, что в основе всех прений, возражений, недоразумений лежит не слишком общее определение понятия члена партии, не невозможность ввести в это определение все элементы соц.-рев. направления и т.п.; нет, основа здесь иная. Перед товарищами встает картина наших орг-ций. Верхние ячейки до Губернских Комитетов, в некоторых местах и до уездных групп, еще представляют из себя нечто определенное, еще можно перечислить их членов, определить их состав — а далее?

Работа велась вширь, стремилась исключительно к тому, чтобы как можно шире разбросать семена своего учения — и они разбросаны страшно широко. И теперь все это, всю эту безграничную массу организованных, сочувствующих, эсерствующих, увлеченных и т.д., и т.д., массу, в которой не разберешь совершенно, где орг-ция, где простое влияние личностей и простое сочувствие, нужно пересмотреть. Чем

глубже в массы, тем больше все смешано, запутано. Ведь об иных бра-ствах только то и известно, что там был агитатор, вызвал общее сочув-ствие и оставил устав, и более ничего. А теперь надо все это выяснить, изучить. Понятно, что при одном представлении замирает сердце и яв-ляется невольное стремление отложить ее или уменьшить так или иначе.

Но нет, нельзя ни избежать, ни откладывать этой работы. Нам уже пришлось однажды, в практическом вопросе восстания, считаться с не-удобствами неточного учета наших сил.

А на местах разве мало с этим приходится считаться, когда часто со-вершенно неопределенно, из кого и как организуются съезды, кто вы-бирает руководящие органы, из кого должны состоять конференции и т.д. Но наибольшую важность этот вопрос теперь имеет в отношении к предстоящему очередному съезду. Съезд должен будет решить, может быть, наиболее важные вопросы во всей жизни партии. Вопрос о его компетенции, о его авторитетности — страшно важный и ответствен-ный вопрос. А он тесно связан с вопросом о том, кто будет делегиро-вать и какие формы эта делегация будет иметь.

И мы должны, должны во что бы то ни стало точно установить свою орг-цию. Я настаиваю, между прочим, на членском взносе, как на требовании, которое, с одной стороны, заставит непременно сделать это и, с другой, до известной степени облегчит эту работу. Напомню, что и теперь одним из наиболее убедительных признаков существова-ния братства является существование кассы. Как ни трудна эта работа, как ни велика она, мы не можем оставить ее. Для нас настоятельно не-обходимо изучить нашу периферию, нужно в этой громадной расплыв-чатой сфере сочувствия наметить и установить осто́в определенной ор-ганизации. Эта работа даст нам страшно много и в отношении углубле-ния нашего опыта, и даже в отношении роста нашей силы и влияния. Мы должны ее сделать, товарищи.

Я согласен с поправками т. Гершуни. Суть не в той или иной фор-мулировке резолюции, а в том, чтобы за этой резолюцией стояло ясное сознание всех товарищей, что дело должно быть сделано, и чтобы такое решение было энергично проводимо ими на местах.

Тов. Черняков. Я считаю необходимым разъяснить недоразумение, могущее лечь тенью на всех членов К-та «З. и В.» Т. Большов непра-вильно понял смысл моего заявления насчет «З. и В.» Эта организация, по существу, конечно, партийная, но с формальной точки зрения она таковой не может быть признана; так как хотя она и образована по инициативе ЦК, но для определенной цели на помощь партии в пред-выборной кампании и в состав ее вошли лица, не вполне усвоившие программу и не во всем разделяющие тактику партии, т.е. с.-р-ствующие. «З. и В.» не умрет и успеет еще оказать услуги партии и, вероят-но, будет признана партийной организацией, но в настоящее время она таковой еще не признана, а потому члены ее не могут приписывать се-бе чести считаться членами партии в полном смысле этого слова. Из этого, конечно, не следует делать вывода, что члены комитета не при-знают себя людьми партийными, и если деятельность «З. и В.» не оп-

равдала, может быть, возлагавшихся на нее надежд, то причина этого отнюдь не лежит в недостаточной готовности ее членов послужить на пользу партии.

Тов. **Парфинов**. Я прочту проект резолюции тт. Чернякова и Янова, к которой с небольшими изменениями присоединяется т. Гершуни (читает):

«Членами партии считаются лица, признающие программу и **тактику** партии, подчиняющиеся *постановлениям партии* и партийной дисциплине, принятые в качестве полноправных членов, *большинством* $\frac{2}{3}$ в одну из партийных орг-ций по установлению их *политической и моральной доброкачественности* и уплачивающие регулярные членские взносы* Комитетам предоставляется право освободить от взносов члена партии, а равно и устанавливать размер взноса».

Тов. **Черняков**. Я нахожу вопрос о $\frac{2}{3}$ вопросом организационным и подлежащим утверждению съезда, а не местных организаций и согласен с этим добавлением т. Гершуни. Упоминание же о моральной и политической доброкачественности я считаю излишним.

Тов. **Гершуни**. Я не хочу особенно настаивать на этой поправке в той именно формулировке, какую я ей делал, но я все-таки считаю полезным внести ее по существу, ввиду того, что здесь раздавались голоса о широком открытии дверей партии чуть ли не для всех желающих. Под моральной и политической доброкачественностью разумел не то, что данное лицо не вор, и не мошенник, и не провокатор: этого еще не достаточно, чтобы быть достойным войти в партию. Бывают люди в частной жизни порядочные, принять которых в партию мы, однако, не можем. Как на пример укажу на лиц, занятых в какой-нибудь профессии, не совсем подходящей для члена партии.

Тов. **Курский**. Я поддерживаю предложение т. Гершуни, так как такая оговорка необходима, когда мы видим, что в массах, которые теперь вливаются в партию, есть много нежелательных и отрицательных элементов.

Тов. **Трофимов**. Та поправка, которая сделана т. Гершуни о $\frac{2}{3}$ голосов, должна быть помещена, по-моему, не в самом пункте, а в примечании; что касается второй поправки о моральной и политической доброкачественности, то я бы вообще не хотел вносить этого в устав, так как это само собой подразумевается. Если каждая местная орг-ция заведет у себя такой порядок принятия в члены партии, согласно которому необходимо большинство $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{2}$, при отсутствии мотивированного протеста, то этого вполне достаточно для определения политической и моральной физиономии личности.

Тов. **Лисиной**. Я хочу спросить т. Гершуни — эти $\frac{2}{3}$ необходимы для приема в каждую организацию партии или только в партию?

Тов. **Гершуни**. Все время речь у нас идет о первоначальных ячейках. Я не настаиваю на 2-й поправке, тем более что вот и т. Брешковская мне говорит, что это звучит слишком примитивно, так как моральная и политическая чистота с точки зрения соц. партии и то, что понимается под этими словами в обычном смысле, совсем не одно и то же. Эту поправку надо или иначе редактировать, или совсем снять.

* Курсивом напечатаны добавления тов. Гершуни (примеч. секретаря).

Пред. Парфинов. Автор поправки заявляет, что он не настаивает на этой ее редакции. Он может проредактировать ее в указанном смысле. Ставлю эту поправку в принципе на голосование.

Поправка принимается.

Пред. Парфинов. Куда же съезд найдет нужным вставить эту поправку, в текст ли Общ. Орган. Устава или в Устав местных организаций?

Тов. Большов. Я понимаю это принятое дополнение, как правило, рекомендуемое съездом местным организациям при конституировании партии. Поэтому я предлагаю не вносить ее в Устав, а издать в виде инструкции местным организациям.

Предложение тов. Большова принято.

Предлагается правило о приеме членов большинством $\frac{2}{3}$, не вводя в самый текст Устава, добавить в форме примечания к § 1.

Предложение принято.

Пред. Парфинов читает целиком текст § 1 Орг. Устава со всеми поправками:

«Членами партии с.-р. считается всякий, признающий программу и тактику партии, подчиняющийся постановлениям партии и партийной дисциплине, принятый в одну из партийных орг-ций и уплачивающий регулярно членские взносы».

«Примечание. Прием членов в первичные партийные ячейки производится большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов».

Тов. Михайловский вносит предложение после слов «уплачивающий регулярно членские взносы» прибавить слова «где возможно».

Тов. Душин. Пункт о необходимости членских взносов не исключает возможности их отсутствия в исключительных случаях.

Тов. Михайловский. Пункт о взносах не должен носить обязательного характера: у нас существуют различные организации — рабочие, крестьянские, военные. Крестьянские по большей части не могут делать взносов, солдатам же это совершенно невозможно.

Предложение Михайловского принято.

Тов. Курский. Вношу поправку: «членам партии считается участвующий в организации или выполняющий какую-нибудь партийную функцию».

Тов. Соболевский. Я против такой поправки. Дело в том, что у нас есть много людей, оказывающих целый ряд услуг партии, услуг порою безусловно необходимых и важных, но вся подобная деятельность по большей части основывается на личных отношениях. Пока, скажем, Иванов находится в данном К-те, Сидоров, Егоров и Петров оказывают целый ряд услуг благодаря личным отношениям с Ивановым, но как только Иванов исчез, все эти Сидоровы, Егоровы остаются совершенно оторванными от партии и их деятельность прекращается. Я настаиваю на том, чтобы все такие лица, если, конечно, они разделяют программу и тактику партии, не просто исполняли бы какую-либо функцию по личному знакомству, а входили бы непременно в соответствующую организацию и имели бы с партией организационную связь. В таком случае они, конечно, будут считаться членами партии.

Тов. Войнов. Бывают условия, когда член партии лишен возможно-

сти принимать участие в какой-нибудь орг-ции. Приведу в пример тов. Гершуни, который фактически не мог состоять в орг-ции, а разве он не был членом партии, когда, например, читал о ней лекции в Америке.

Тов. **Черняков**. Я предлагаю так формулировать поправку тов. Курского: «лица, выполняющие какую-нибудь постоянную партийную функцию, считаются членами партии».

Тов. **Семенов**. Предлагаю добавить еще следующие слова: «или случайно не исполняющий никаких функций в партии».

Председатель баллотирует по очереди обе поправки, и съезд отвергает их.

Пред. **Парфинов** вновь читает целиком текст § 1 Орг. Уст. со всеми принятыми поправками:

«Членом П.С.-Р. считается всякий, принимающий программу и тактику партии, подчиняющийся постановлениям партии и партийной дисциплине и принятый в одной из партийных орг-ций.

Примечание 1. Где возможно, местные организации устанавливают членский взнос.

Примечание 2. Прием членов в первичные партийные ячейки производится большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов».

Сначала баллотируется самый текст § и принимается большинством 52 против 1 при 7 воздержавшихся. Затем баллотируется 1-е примечание и принимается большинством 54 против 4 при 2 воздержавшихся. Примечание 2-е не баллотируется, так как сам автор предлагает снять его, с чем съезд соглашается.

Таким образом, окончательно принятым можно сказать приведенный выше текст § 1 с первым примечанием, но без второго, которое не принято.

Тов. **Гершуни**. Я предложил бы все-таки принять 2-е добавление о том, что местные комитеты обязаны установить, какие из первичных ячеек они считают партийными орг-циями. Члены этих ячеек будут являться членами партии.

Тов. **Уфимский**. Я против внесения этого в постоянный Устав; этому можно придать вид циркуляра что ли.

Тов. **Гершуни**. Мы и не думаем вносить это в Организационный Устав. Это просто как бы разъяснение к сведению ЦК. Я прочту текст моего предложения: «Экстр. съезд П.С.-Р. предлагает Цент. Ком-ту поручить местным Комитетам установить, какие из существующих организационных ячеек признаются ими партийными учреждениями. Члены этих ячеек считаются членами партии».

Это разъяснение ставится на баллотировку и принимается съездом. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председатель. Некоторым из товарищей необходимо уехать, и они делают вопрос: могут ли они передать свои голоса остающимся товарищам, сообщив им свое отношение к разным вопросам?

Тов. **Костромич**. Это можно допустить только по отношению к выборам в ЦК. Пусть уезжающие передадут товарищам списки своих кандидатов.

Тов. **Уфимский**. Вполне присоединяюсь к этому мнению. Так как если допустить, передачу голосов по теоретическим вопросам, то получатся те же императивные мандаты, которые, как известно, нами совершенно устранены.

Тов. **Ефимов**. Уезжающим необходимо дать возможность передать свои голоса, так как они все равно голосовали бы в определенном направлении в зависимости от резолюций пославших их конференций. Каким же образом проявится мнение этих конференций? Затем у них есть товарищи по области, с которыми они, конечно, уже успели говорить. Поэтому я не нахожу этого невозможным, тем более что мы уже имели прецедент такой передачи на прошлом съезде.

Пред. **Парфинов**. Я ставлю вопрос на баллотировку о передаче голоса только для избрания членов ЦК.

Принято большинством 31 голоса против 9.

Пред. **Парфинов**. Теперь голосую вопрос о передаче голоса полностью по всем вопросам.

Собрание подавляющим большинством высказывается против.

Пред. **Парфинов**. Итак, уезжающие товарищи могут передать только свой избирательный голос. Теперь же в виду того, что комиссии для составления и редактирования резолюции о Думе еще не кончила своей работы, я предлагаю выслушать доклад тов. Брешковской по очень важному вопросу — об экспроприациях.

Тов. **Курский**. Прошу слова к порядку. Долго ли мы будем еще так прыгать, бросаясь от одного вопроса к другому? Я, как стоящий на земле, считаю организационный вопрос самым важным и нахожу необходимым его обсуждать сейчас же. Один товарищ даже уезжает потому, что потерял надежду добиться чего-нибудь по этому вопросу.

Пред. **Парфинов**. Товарищи, нам нужно как-нибудь выйти из этого положения. Вопрос, безусловно, очень важный. Но он отнимает у нас сейчас массу времени. Я предлагаю временно снять его с очереди, выслушать доклад очень компетентного лица по поводу наболевшего вопроса об экспроприациях, а уже затем перейти к организационному вопросу.

Тов. **Янов**. Вопрос этот, вопрос организации и самоуправления партии, самый неотложный. Может быть, 21, 22 февраля нам придется перейти в наступление. Я не знаю, как в других областях, но у нас существует большое недоверие к правящим организациям, и я не знаю, как мы будем выступать при подобных условиях. Всякая работа делается невозможной. Предлагаю заняться этим немедленно.

Тов. **Ефимов**. Я нахожу этот вопрос в высшей степени важным, но его нельзя ставить так, как это делает предыдущий товарищ. Какая может быть реорганизация в день, два и когда же можно успеть завоевать утраченное доверие? Да к тому же вопросы организационные решаются главным образом на местах.

Мое мнение — поставить в первую очередь вопросы более экстренные, как, например, вопрос об экспроприациях.

Тов. **Бессарабев**. Вопрос об экспроприациях в официальных повестках ЦК не значится. Я прошу снять этот вопрос с очереди.

Тов. **Сонин**. В порядке дня стоит целый ряд очень важных насущных вопросов. Вопросы об экспроприациях там нет. У нас есть товарищи, которым необходимо сегодня уехать, что же они скажут пославшим их организациям?

Пред. **Парфинов**. Нам технически неудобно заниматься организационным вопросом, потому что для детального и компетентного освещения его нам необходимо присутствие товарищей, занятых теперь обработкой думской резолюции. Кроме того, вопрос этот может быть еще решен только что внесенным предложением избрать комиссию по организационному вопросу.

Тов. **Петров**. Вопрос об экспроприациях не значится в повестках ЦК, не стоит в порядке сегодняшнего дня. Но зато там значится вопрос организационный. А в нем имеется рубрика о профессиональных союзах. Эта часть организационного вопроса так близка нам, работникам больших городов. Сколько сомнений и недоумений нам нужно решить и разъяснить. Сдать в комиссию его никак невозможно.

Тов. **Лаврецкий**. Передача вопроса в комиссию еще не означает сдачу его в архив; наоборот, это именно и означает серьезное отношение к вопросу.

Пред. **Парфинов**. Вопрос считаю выясненным и ставлю его на баллотировку.

Съезд решает избрать комиссию для разработки организационных вопросов и составления доклада.

В состав комиссии по определению съезда вошли по одному представителю от каждой области и, кроме того, трое сведущих товарищей по указанию ЦК. Представители обл.: тт. Алексеева (Сев. Кавказ.); Беглецова (Сев. Запад.); Новгородский (Сев. Обл.); Андронов (Цен. Обл.); Рязанцев (Украинск. Обл.); Сельский⁵²⁶ (Южно-рус. Обл.); Графский (Поволжье) и Вяткин (Урал). Выбраны съездом по указанию ЦК: тт. Брешковская, Гершуни, Григорьев.

Тов. **Михайлов** вносит предложение избрать комиссию из 5 человек для выработки доклада по рабочему вопросу. В частности: о профессиональных союзах, о локаутах, о безработице, об экономическом терроре и др., относящихся к рабочему вопросу.

Предложение принято. Выборы в комиссию отложены до следующего заседания.

Пред. **Парфинов** спрашивает съезд, не найдет ли он нужным за поздним временем и явным утомлением большинства товарищей закрыть заседание?

Тов. **Нагорцев** (к порядку дня). Я категорически высказываюсь против закрытия. Еще совсем не так поздно, утомление же мы должны превозмочь. Нам необходимо немедленно выслушать т. Брешковскую об экспроприациях. Часы съезда сочтены, и неизвестно, будет ли у нас завтра время ее выслушать. А между тем ее мнение для нас и вообще, конечно, важно и дорого, а тем более в таком наблевшем и остром вопросе, как вопрос об экспроприациях. Предлагаю поэтому продолжать заседание для выслушанья доклада т. Брешковской.

Предложение т. Нагорцева принято подавляющим большинством голосов, и пред. Парфинов при шумных аплодисментах предоставляет слово т. Брешковской.

Тов. Брешковская. Мне придется вернуться к началу этого тяжелого вопроса. Когда почти год назад я прочитала в газетах, что экс-ция казенных денег может практиковаться и партией с.-р-ов, в голове моей мелькнула зловещая мысль и сердце сжалось от ужаса. Не потому, конечно, что я не понимала необходимости употреблять казенные, т.е. народные, деньги на дело народного освобождения; не потому, что такое обращение с этими деньгами может бросить тень на имя партии, отдающей себя без остатка революционному делу. Нет, я испугалась другого, испугалась того, пред чем мы сейчас стоим: перед возможностью деморализации неокрепших сил партии. Товарищи! Человек, который 40 лет привык относиться с благоговением к составу людей, образующих социалистическую революционную партию, который видел, как ценою жизни лучших ее борцов слагалась внутренняя сила и внешнее величие этой партии, — этот человек не мог не почувствовать, что «экспроприация» в теперешнем ее виде является заразой, способной нарушить здоровую чистоту психологии партии. А раз эта цельность образа партии будет нарушена, изменится и отношение к нему и окружающего мира. Достоинства человеческой души выковываются долгими годами деятельности нашей мысли и нашей воли в сфере вопросов высокой гражданской нравственности. Достоинства же целой партии слагаются из ряда действий, вызывающих уважение к ее членам, усиливающих доверие к ее путям к непоколебимости ее принципов. И потому пусть лучше партия будет бедна, пусть работа ее сократится во много раз, пусть ее труды и тяжести удесятерятся, чем хоть на время допустить разложение ее великого и цельного учения и тем ввести в соблазн новые армии, входящие в состав партии, армии, не прошедшие суровой школы своих старших товарищей, не выносившие в себе священных традиций предков-героев. Товарищи, мы стоим не перед гаданием, а уже пред совершившимся фактом. Перед нами Московский Банк⁵²⁷, со всеми его последствиями; перед нами не один мелкий факт казенных экспроприаций; пред нами множество людей, погибших за одни попытки произвести «экс». Подсчитайте итоги и вы содрогнетесь от ужаса! Повсюду надежды возлагаются на внезапный прилив денежных средств, и потому никто не думает о сборе членских взносов, о сборе денег прежними, хлопотливыми, но верными путями обращения к симпатиям окружающих нас сред.

Таким образом, отодвигается постановка многих дел (типографии, магазины книжные, мастерские) — все в ожидании богатого притока сразу. Притока нет, и множество голов набрасывается на изобретение планов возможных эк-ций, и наиболее энергичные силы уходят на измышления, на подготовку, на отрывание людей от настоящего дела, на заражение молодой психологии искательством приключений, на вовлечение простых людей в сторону корыстных помыслов. Насколько мне известно, 99 сотых этих прицеливаний к «эксу» остаются даже без по-

пыткок его осуществить. Но тем не менее одно направление психологии работников партии в его сторону уже обездоливает работу. Но что совсем губительно для партии, это то, что под именем ее целые стаи бесшабашных людей обратили идею экс-ции казенных денег для обслуживания народной революции в обыкновенный грабеж; вернее сказать, окрестили свои обычные грабежи словом «экспроприация». Вы знаете, товарищи, какое ужасное смешение понятий вызывает такая запутанность названий и действий, совершенно различных по существу. Эта фатальная путаница дает право непосвященным массам бросать на партию подозрение в самых низких поступках; с другой стороны, эта же путаница дает полную возможность врагам нашим бросать в нас грязь перед лицом народа. Итак, товарищи, неужто мы будем жертвовать борцами народными ради экс-ции? Неужто мы введем молодежь нашу, наших рабочих, наших крестьян в атмосферу борьбы из-за денег? Неужто мы пренебрежем чистым именем нашей партии и подвергнем его сомнениям и поруганию? Нет, говорю я! Наши борцы, наши работники, создавшие значение и величие нашей партии, дороже нам всех миллионов. Наша молодежь должна суметь выйти победительницей из всех трудностей, голода, холода, из всех трудностей обширной работы, создаваемой на медные гроши полуголодных тружеников. Наше имя, имя нашей дорогой партии, мы должны пронести чистым и безупречным через все тернии жестокой истории. Товарищи, кто вам сказал, что нельзя вести дел без экс-ций! Обернитесь назад. Всего год прошел с тех пор, как соц-рев-ры перестали перетаскивать на себе от 300-500 пудов нелегальной литературы ежегодно. Выйдя из Женева и пройдя сложный путь мытарств, прежде чем попасть в глухую деревню, пятикопеечная книжка обращалась в рублевое издание; одна транспортировка каждого пуда такой литературы обходилась (средним числом) 200 рублей. Тьма эмигрантов и нелегальных жили на общепартийные средства. Плеве стоил партии не менее 75 000, столько же стоил и еще кто-то. Правда, партия разрослась вширь, она все больше растворяется среди рабочих и крестьян, всегда неимущих. Пусть учатся делиться последним, пусть учатся умирать за права, за свободу, а не за сумку с кредитками. Совсем другое дело, когда народ сам идет и берет то, что ему необходимо. Пусть он берет землю, луга, леса; пусть голодные идут и берут поездка с хлебом, амбары с зерном, все, что им надо для поддержания жизни. Это не только их право, это обязанность их: не ждать подачек и милостей, не смотреть молча, как пухнут их дети и жены, а идти и брать. Вы скажите: оружие нужно; крестьяне кричат: дайте оружие! А я говорю вам: **идите** вместе с крестьянами и **возьмите** его. Сколько в деревне стражников, столько винтовок, сколько казаков, столько лошадей и всякого рода оружия. Всюду оружейные склады и погреба. Вы же отбираете отважных людей, обособляете их от масс и ведете совершать эфемерную экспроприацию, которая для местности оставит лишь след дурного поступка. Да, нет сомнения, что вопрос о денежной экс-ции партией был определен ЦК-том в положительном смысле **только** потому, что в момент возникновения этого вопроса уже

давно поставлен был вопрос о экс-ции **народом** всего, что правительством сумело себе присвоить. Народ уже начал делать шаги в этом направлении, объявляя народной собственностью (то там, то тут) и целые территории, и склады оружия, и учреждения... Стоял разгар движения, и можно было ждать, что каждая минута сольет все силы в один поток и что воля народа станет вершителем общей судьбы. О, тогда другое дело, тогда партия заодно с народом и народ вместе с партией, — а не каждый член партии в отдельности — будут решать, что и как экспроприировать. Но сейчас наша задача как социалистов, как революционеров — передать народу учение наше и помочь ему сдвинуть с места свою могучую силу. Товарищи! Сорок миллионов крестьян мрут голодной смертью; в сотнях волостей их тиранят, засекают до голых костей; дети их, наши будущие граждане, остаются **неграмотными**... Вот что должно заставлять поднимать нашу руку и руку нашего брата крестьянина и рабочего. А эти ужасы остаются почти всегда безнаказанными. И горе народу, не отвечающему на них. Вот почему я взываю к вам: бросьте думать об экс-циях, этих кажущихся победах, **всчески разоряющих партию**, идите к народу звать его в битву с врагом, пусть выступает народ где и как может, пусть напряжет свою решимость умереть в борьбе. Народ ждет вождей, он просит их, он взывает к ним. И партия обязана идти на этот зов и становиться в ряды и вести их, пока не сомкнутся они со всех сторон для победного шествия. Пусть не говорят, что «мы уже звали, но нас не услышали». Мы должны, мы будем звать до тех пор, пока не сдвинется победоносная сила, пока народ не водрузит знамя Учредительного собрания! (Гром аплодисментов.)

Заседание закрыто в 12 ч. ночи.

ПРОТОКОЛ СЕДЬМОГО ЗАСЕДАНИЯ (15 февраля утром от 9 ч. утра до 2 ч. дня)

Председатель т. Гершуни.

Секретари: тт. Молниев, Игорев и Вяткин.

Предс. **Гершуни** приглашает в зал членов всех комиссий и предлагает съезду, ввиду недостатка времени, протокол прежнего заседания не читать, а приступить прямо к очередным делам.

Предложение съездом принимается.

Предс. Гершуни читает выработанный президиумом порядок дня.

I. Выбор комиссии по рабочему вопросу из 5 ч.

II. Об организации объединительного комитета для подготовки и координации действий на случай разгона Думы.

III. Доклад Всероссийского Крестьянского Союза.

IV. Резолюция об экспроприациях.

V. Резолюция по вопросу о Государственной Думе.

VI. Резолюция комиссии по организационному вопросу.

VII. Доклад Всероссийского Железнодорожного Союза.

VIII. Отношение к национальным с.-р. партиям.

IX. Отношение к максималистам, народным социалистам и трудовикам.

X. Отчет Центрального Комитета.

XI. Выборы Центрального Комитета.

Съезд утверждает этот порядок дня.

Затем съезд производит выборы членов комиссии по рабочему вопросу, и выбранными оказались: товарищи Выборгский, Волков, Трубчевский, Михайлов, Фомин⁵²⁸.

По окончании выборов в комиссию слово предоставляется тов. Максимовичу, представителю Всероссийского Крестьянского Союза.

Тов. Максимович. Товарищи! Мы собрались здесь, чтобы обсудить насущные вопросы предстоящей вам работы в Думе и вне Думы. К сожалению, до настоящего времени ни одна из наших революционных партий не выдвинула самого насущного для всех нас вопроса: как нам действовать на случай или в момент разгона второй Государственной Думы.

По вашему приглашению на настоящий съезд прибыли представители центральных организаций некоторых союзов и партий. Я предлагаю съезду воспользоваться этими обстоятельствами и поручить Центральному Комитету партии пригласить присутствующих здесь представителей взять на себя совместно с партией социалистов-революционеров инициативу в деле организации объединенного комитета для координирования действий на случай разгона Думы. Насущность этого вопроса, конечно, сомнению не подлежит. Мы знаем, что разгон второй Думы, как и разгон первой, несомненно, вызовет в стране движение, а быть может, и восстание. Но это восстание при отсутствии руководящей центральной организации, при отсутствии общего плана выступления и общих согласованных действий всех революционных организованных сил страны, конечно, легко будет раздавлено царским правительством. Разгон Думы не за горами. Во имя этих будущих жертв борьбы за Землю и Волю, во имя скорейшего и полного торжества революции я приглашаю вас, товарищи, немедленно приступить к созданию координационного комитета. В его состав мы должны включить представительство как от левого блока членов Думы, так и от всех революционных партий и организаций. Эти представители, съехавшись в ближайший срок, должны представить от своих организаций определенные директивы своих тактических действий на случай разгона Думы.

На основании партийных директив они должны немедленно работать общий план действия и в определенный момент, по указаниям от своих центральных организаций, призвать все организованные силы страны ко всеобщему выступлению, а также и руководить этим выступлением. Кроме того, они заранее должны наметить важнейшие центры страны, около которых должны концентрироваться выступления и от которых они должны развиваться по всей стране. Эти центры теперь же нам надо серьезно оборудовать как личным персоналом, так и материальными средствами. В них также необходимо создание объединенных координационных комитетов. Наконец, предлагаю присутствующим здесь товарищам, вернувшись на места, немедленно вступить в не-

посредственные сношения с другими революционными организациями и партиями для совместной подготовки выступления и единодушного его осуществления.

Предс. **Гершун** ввиду крайней простоты и очевидности вопроса предлагает принять без прений резолюцию, выработанную ЦК, следующего содержания:

«Съезд признает необходимым заранее выработать план согласованных действий всех революционных сил страны в момент общего выступления. С этой целью съезд уполномочивает ЦК войти в сношение со всеми социалистическими партиями, с Всероссийским Крестьянским союзом, с Всероссийским железнодорожным союзом, Трудовой группой и левыми парламентскими группами по вопросу о создании в центрах и на местах коалиционных органов для подготовки общих революционных действий в решительный момент».

(Резолюция принята единогласно.)

Тов. **Янович** сообщает, что Центральный Комитет Всероссийского офицерского союза в своем заседании 10 февраля нашим необходимым и своевременным создание боевого координационного комитета для выработки плана совместных выступлений на случай разгона 2-й Государственной Думы и поручил ему войти в переговоры по этому поводу с центральными органами революционных партий, союзов и организаций.

Поэтому он всецело присоединяется к предложению товарища Максимовича.

Тов. **Лисиной** предлагает добавить к резолюции, что съезд предлагает товарищам-работникам на местах точчас же войти в соглашения с перечисленными здесь организациями.

Тов. **Семенов**. Вопрос о соглашении — чрезвычайно важный вопрос, и выработать директивы, на основании которых оно могло бы состояться, необходимо сейчас же. Ведь, может быть, 21 февраля мы станем перед вопросом о немедленном выступлении.

Тов. **Брешковская**. Вопрос о всеобщем массовом выступлении — насущный вопрос настоящего момента. Наша партия обнаружила в борьбе с самодержавием много героизма и самоотвержения. Наши товарищи доказали, что мы умеем сражаться, умеем умирать. Но до сих пор мы не научились еще **вести массы в бой**, не научились быть народными вождями. Но мы должны научиться... Массовое восстание может быть очень и очень скоро, и нашим товарищам на местах необходимо заранее знать, как готовиться, что делать, чтобы в решительный момент не летели с мест в ЦК недоумевающие вопросы, как это было после разгона первой Думы, когда призыв к восстанию положительно застал врасплох все наши комитеты. Теперь не должно быть так. Нужно заранее разработать план организованных действий всех наших местных организаций в решительный момент. Нужно условиться заранее о сигнале к восстанию. Таким сигналом может быть разгон Думы. И товарищи на местах должны знать, что как только он совершится, то нечего уже ждать инструкций из центра, а прямо, немедленно надо призывать народ к восстанию и начинать его. К этому же необходимо заранее

подготавливать и народную психологию. Всюду народ должен знать, что на случай разгона организации готовят всеобщее восстание. Народ надо приучить к этой мысли о необходимости и неизбежности немедленного восстания в момент разгона. Таким образом, призыв организаций не явится для масс неожиданностью и они, действительно, смогут пойти за нами. Вспыхивают восстания внезапно, готовить их надо заранее...

Тов. Коренев. Так как выступления бывают не часты, то в резолюции необходимо поместить, что в случае всеобщей забастовки мы должны стремиться перевести ее в вооруженное восстание.

Тов. Соболевский. В нашей практике уже были три случая соглашений по вопросу о совместных выступлениях. Это в декабре 1905 г., весной 1906 г., когда ожидалось крестьянские волнения, и летом, после разгона Думы. Из опыта этих соглашений для нас выяснилось, что с.-д. всегда стараются ставить препятствия привлечению тех национальных организаций и союзов, которые родственны нам по своей программе. Всякий раз для того, чтобы включить представителя такой организации в комитет для объединенных выступлений, приходилось выдерживать горячие столкновения с с.-д. С.-д. не будут ставить препятствий к привлечению Всерос. Крестьян. союза, Вс. Ж.-Д. союза, Трудовой группы как организаций, уже и раньше принимавших участие в таких объединенных действиях, но я заранее предвижу, что они из всех сил будут упираться, если мы потребуем приглашения представителей нашей Волж. Суд. Организации, Военного Союза, «Серпа» и т.п. Конечно, мы все-таки должны добиваться привлечения и этих организаций, но мы не можем выставить этого требования как ультиматум: лучше уж соглашение без них, чем полный отказ от соглашений. Поэтому я предлагаю ЦК-ту, при образовании объединительного комитета, настаивать на привлечении всех перечисленных здесь организаций, но в крайнем случае согласиться на образование к-та, при условии приглашения хотя бы только главнейших из них, как Крест. Союз, Железнодорожн. Союз и Трудовая группа.

Председ. Гершуни предлагает съезду принять сообщение товарища Соболевского у руководству.

(Принято единогласно.)

Тов. Волгин (предст. Вс. Кр. Союза). Мне поручено было Гл. Комит. и Ц.Бюро Вс.Кр.Союза, обратившись к съезду П.С.-Р., упорядочить отношения между партией и Союзом и устранить, насколько будет возможно, те трения и столкновения, которые за последнее время нередко нарушали правильный ход работы нашего Союза. Вс.Кр.Союз стремится стать широкой организацией крестьянских масс; он стремится к возможно более полному организационному охвату и объединению всего трудового крестьянства на основе суженной программы, элементарных требований, уже ставших понятными и доступными самым широким массам. Союз — не какая-нибудь особая политическая партия: это **беспартийная** организация, охватывающая в себе и представителей различных партий и направлений, и массу беспартийных, какими являются в

огромном большинстве наши крестьяне. В соответствии с такими задачами Союза и таким его характером рамки союзных организаций должны быть широки и общедоступны. В них широкие слои среднего рядового крестьянства должны находить удобную и легкодоступную для них форму организации своих сил, для подготовки объединенных согласованных выступлений. Массовая демократическая организация должна быть самоопределяющейся и самоуправляющейся. Внутри ее должны объединяться представители различных уже резко определившихся течений, поскольку они могут идти рука об руку друг с другом и с беспартийными массами. Таковы задачи и характер Союза. Но за последнее время и его работа на местах слишком часто искажалась и вырождалась в узкую партийную. Активными руководящими элементами в Союзе в большинстве случаев являлись интеллигенты, люди, почти всегда уже определившиеся в партийном отношении и искушенные во всяких программных тонкостях, разногласиях и спорах. И вот они-то очень часто стремились внести партийную окраску в Союз и превратить его в филиальное отделение какой-нибудь определенной партии. Очень много работало в Кр.Союзе партийных с.-р. И далеко не всегда они шли в Союз, правильно понимая его задачи, далеко не всегда относились к нему как к широкой массовой организации, для которой безусловно необходимо сохранить свою беспартийность. Часто они шли в Союз только потому, что неудобно было выступать открыто под партийным знаменем. И исключительные гонения, каким подвергается партия, и неподготовленность рядового крестьянства, которое нередко пугается имени с.-р., заставляли партийных работников с.-р. подходить к массам под флагом Крест. Союза. Но, воспользовавшись этим флагом, они вовсе не хотели вести на самом деле широкой «союзной» работы на суженной платформе, а вели исключительно партийную пропаганду и организовывали чисто партийные группы, поневоле ограничивая их состав лишь меньшинством наиболее сознательных крестьян. Пользовались, таким образом, флагом Кр.Союза, а в результате получалась организация П.С.-Р. — и только! В конце концов массовых организаций не создавалось, беспартийное рядовое крестьянство не захватывалось и оставалось неорганизованным. Я должен оговориться: не все с.-р-ские работники относились таким образом к Союзу, многие из них правильно понимали и правильно вели и «союзную» работу наряду со своей чисто партийной, но я отмечаю здесь лишь нежелательные темные стороны отношений партий к Союзу, так как задача наша, выяснив именно эти стороны, устранить их на будущее время. Итак, продолжая. Под флагом ли Кр.Союза, открыто ли под знаменем партии, создавались лишь тесные партийные группы, массы серого рабочего крестьянства не захватывались, и это, конечно, вредило даже и самой чисто партийной работе: партия оказывалась оторванной от масс, у нее не было переходного связывающего звена с ними, в тылу партийной армии не было резервов... Еще больше вреда и затруднений создавало такое положение вещей для Кр.Союза. Неожиданно для него даже там, где числились его организации, у центральных органов его не оказыва-

лось связей, так как организации эти на самом деле были партийными группами, работавшими только под флагом Союза. Во время предвыборной кампании агенты Союза, являясь в местные его отделы, нередко не получали связей к крестьянским группам, так как эти отделы *de facto* оказывались лишь филиальными отделениями при местном комитете П.С.-Р. Местные Бюро содействия отказывались давать связи Гл. Ком. и Ц.Бюро, отказывались исполнять их поручения, распространять литературу Союза, представлять отчеты и т.д. Союзная работа, таким образом, превращалась в чисто партийную, и выходит так, что с.-р. вступали в Союз как-будто бы только для того, чтобы разрушить его. Такое положение вещей дальше продолжаться не может: необходимо, чтобы партийные работники поняли действительный характер нашего Союза или отказались вступать в него, или, вступая, бережно относились к его беспартийности.

Главный Комитет и Центральное Бюро Всероссийского Крестьянского Союза выработали ряд условий, принятие которых мы считаем необходимым для правильного урегулирования отношений между Союзом и партией. Эти условия мне поручено передать на ваше обсуждение. Вот они (читает):

«Главный Комитет и Центральное Бюро Всероссийского Крестьянского Союза, обсудив создавшиеся в настоящий момент взаимоотношения между центральным и некоторыми местными органами содействия Всероссийскому Крестьянскому Союзу, признали необходимым обратиться к съезду партии социалистов-революционеров с предложением поставить и теперь же так или иначе решить вопрос об урегулировании взаимоотношений между партией и Союзом. Для этого Главный Комитет и Центральное Бюро Всероссийского Крестьянского Союза считают необходимым точно установить те условия, при непременно соблюдении которых возможно участие партийных работников в вспомогательных органах Всероссийского Крестьянского Союза.

Таковыми условиями Главный Комитет и Центральное Бюро Всероссийского Крестьянского Союза признают следующие:

1) Партийные работники, принимающие участие в местных органах содействия Всероссийскому Крестьянскому Союзу, должны работать в строгом согласии с основным организационным принципом Союза, т.е. они должны содействовать созданию крестьянских организаций, объединяющих не только ту сравнительно незначительную часть крестьянства, которая вполне сознательно воспринимает программу той или иной партии, но возможно более широкие слои трудового крестьянства, какие только могут быть объединены на почве программных, тактических и организационных положений, установленных первыми двумя крестьянскими съездами.

2) Раз принявши на себя обязанности работников по организации Всероссийского Крестьянского Союза, партийные работники тем самым берут на себя обязательство правильно выполнять все функции посредничества между центральными и местными органами Союза (поддержание связей и сношений, передача литературы, ведение отчет-

ности и т.д.), не делая никакого исключения для поручений, которые могут не соответствовать их желаниям как партийных людей.

3) Сотрудничество разнопартийных и непартийных элементов в местных органах содействия Всероссийскому Крестьянскому Союзу, главной целью которых является объединение в деле организации народных сил возможно более широких кадров интеллигенции и сознательного крестьянства, не должно встречать себе препятствий в партийных разногласиях, выходящих за пределы программы Всероссийского Крестьянского Союза».

Таковы наши условия. Союзу необходимы активные интеллигентные работники, и мы приглашаем вас работать в наших бюро. И вы можете, конечно, совместить с работой в Союзе и свою чисто партийную работу, но так, чтобы одна не мешала другой. Партийные разногласия и партийная нетерпимость не должны губить дела беспартийного объединения широких масс трудового крестьянства.

Предс. **Гершуни**. Вопрос об отношении к Крестьянскому Союзу — вопрос, наиболее важный для многих местных работников, и может вызвать страстные прения. Я, как председатель, напоминаю вам, товарищи, что если вообще мы должны держаться корректно в наших дебатах, то тем более такая корректность необходима по отношению к гостям, какими являются здесь представители Крестьянского Союза. Пусть наши прения будут резки по существу, но мы не должны допускать резкости по форме.

Тов. **Брешковская**. Вполне понятно, что наша партия приняла горячее участие в образовании Всероссийского Крестьянского Союза и вошла в него своими крестьянскими организациями, задолго уже действовавшими. Крестьянский съезд в Москве, в ноябре 1905 года, и программа, вынесенная им, сильно оживили крестьянские массы и породили множество новых братств и союзов. Потребовались бюро содействия во всех углах России, и московские организаторы спешили формировать их повсюду. Но оказалось, что люди внепартийные или совсем не шли в эти бюро, или же, войдя в них, вели работу вяло и рутинно и там, где они одни соприкасались с крестьянами, организационная работа не двигалась и самостоятельность крестьян не вызывалась к жизни. Мало-помалу союзы и братства, жившие вне влияния партийных работников, тускнели и блекли, а затем или вовсе распадались, или же пребывали в омертвелом состоянии. В своих объездах мне несколько раз случалось сталкиваться с такими стоячими организациями, сознавшими свою беспочвенность, просившими прислать им книги и особенно живого человека для приведения в действие застывшего механизма. Но совершенно иную картину представляют те места, где в Бюро Всероссийского Крестьянского Союза вошли члены партии с.-р.-ов. Как люди, посвятившие себя исключительно служению народа, как люди энергичные и проникнутые всецело учением своим, они не только вели вперед уже создавшиеся ячейки, но и образовывали новые и новые союзы и вводили самих крестьян в организационную и пропагандистскую работу. Они распространяли всю литературу партии и на всех собраниях и митингах вели пропаганду своих идей. Одним словом, под их

влиянием Всероссийский Крестьянский Союз превратился снова в Крестьянский Союз партии социалистов-революционеров. Теперь спрашивается: хорошо или дурно поступали члены партии, беря на себя одну задачу и превращая ее в другую. Я скажу, что это было бы дурно, если бы они делали это преднамеренно; но они шли в бюро отчасти и потому, что никто другой, способный работать, туда не шел, вся интеллигенция была слишком занята своими собственными «организациями» и «союзами». Как всегда, остаются одни социалистические партии, которые идут к народу, идут притом в лице самоотверженной молодежи, которая не может раздвоить свою психологию и отложить в сторону свои убеждения и верования по тому одному, что вошла в состав организации другого типа. Вот почему для избежания столкновений между двумя родственными по духу организациями самым удобным, вернее, единственным исходом является следующее: Бюро Крестьянского Союза ведет самостоятельно свои дела, и члены партии ведут самостоятельно организацию Крестьянского Союза партии социалистов-революционеров. Россия достаточно велика и еще слишком нуждается в политическом и социальном просвещении, в умении организовывать свои силы, чтобы обе организации не нашли приложения сил своих. На мой взгляд, коренная разница между ними состоит в том, что Бюро Всероссийского Крестьянского Союза полагает, что крестьянство наше находится в первоначальной стадии политического и социального понимания и что потому оно должно еще оставаться в первом классе политической школы. Социалисты-революционеры полагают, что история последних лет настолько повысила сознательность русского крестьянина, что уже пора его перевести во второй класс, и потому приглашает его принять не только самостоятельное, не только активное, но и решающее участие в определении своей судьбы. Такое различное отношение к крестьянству определяет и различие деятельности обеих партий, и мне думается, что оно всегда будет служить серьезной помехой для совместной работы на местах. Я думаю, что если бы Бюро Крестьянского Союза смогло поставить свои организации более прочно, если бы оно заручилось содействием лиц энергичных и преданных делу, если бы оно имело достаточный запас литературы и издавало бы свои газеты, круг его воздействия сразу расширился бы и его влияние охватило бы все те места, где еще нет работы П.С.-Р. Обе организации, оставаясь в дружеских отношениях, выполняли бы одна другую и быстрее двигали бы вперед общенародное дело. Но, повторяю, для этого надо работать в самой крестьянской среде, для этого надо отдаваться делу всецело.

Тов. Большеv. Мне очень жаль, но я должен начать мою речь категорическим заявлением, что ЦК не согласен со взглядами на отношения к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, какие только что были высказаны тов. Брешковской. Я напoмню вам вчерашние прения о членстве в партии. Высказано было мнение — и съезд согласился с ним, — что нам необходимо принять некоторые меры против наплыва в нашу партию широких и потому непартийных масс, необходимо строже обставить прием новых членов. Таким образом, мы признали,

что не считаем возможным охватить широкие массы в рамках нашей организации. Но значит ли это, что мы считаем разумным и целесообразным предоставить дело организации широких масс «учителям первого класса», на свою долю оставляя лишь сравнительно узкий круг «учеников второго класса», как это предлагала тов. Брешковская?.. Конечно, нет! Мы хотим и должны сами создавать широкие массовые организации, мы должны их всеми силами поддерживать, участвовать в них, закреплять в них свое влияние на массы. Что было бы, если бы мы, согласно предложению тов. Брешковской, ограничив свое организационное влияние тесным кругом «учеников 2-го класса», воспитали их в строго социалистическом духе, довели до высшей точки революционного каления, а широкие массы «учеников первого класса» предоставили бы всецело умеренным? Чего мы добились бы такой тактикой? Да прежде всего полной и трагической оторванности от масс!.. Мы стремимся создавать и развивать широкие профессиональные рабочие союзы, так же как Всероссийский Крестьянский Союз, конечно, не для того, чтобы в них преобладали умеренные. Наоборот, мы хотим, чтобы в этих, уже организованных, но еще не партийных массах разгорался наш революционный дух, углублялось и ширилось социалистическое сознание. И ЦК никогда не пренебрегал делом организации народных масс, никогда не предлагал отдать их в распоряжение умеренных «учителей 1-го класса», чтобы самим замкнуться в узком кругу отборных «второклассников». В этом стремлении к массам, в этом желании организовать их, закрепить среди них **свое** влияние, влияние чистых идей революционного социализма, лежит главнейший смысл нашего участия в массовом профессиональном движении. И как мы стремимся в беспартийных профессиональных союзах организовать массы наемных рабочих, так во Всероссийском Крестьянском Союзе мы хотим видеть широко беспартийную организацию трудового крестьянства на профессионально-политической платформе. И конечно, мы содействуем созданию и развитию таких беспартийных организаций не для того, чтобы поддерживать в массах «теплую атмосферу», а для того, чтобы революционизировать их. Этими идеями всегда было проникнуто наше отношение к Всероссийскому Крестьянскому Союзу. Мы уделяли часть сил для работы в нем и понимали, конечно, что эти силы отнюдь не должны «захватить флаг» Союза, под этим флагом на самом деле создавать чисто партийные группы — и только. Нет. Но как и профессиональным рабочим союзам, мы считали нужным, чтобы наши работники вели в Крестьянском Союзе двойную работу, а не двойную игру; они должны работать над организацией широких крестьянских масс не только «под флагом», но и на платформе Союза и вместе с тем должны пользоваться своим влиянием в Союзе для партийной пропаганды и для создания параллельно с широкими организациями Крестьянского Союза более узких, строго партийных групп. Вот как мы понимали — и теперь понимаем — разницу между «партийной» работой и работой «союзной». Обе они не должны ни мешать, ни заслонять друг друга. Мы рекомендовали нашим местным организациям выделять

часть сил для работы в Крестьянском Союзе и даже создавать по собственной инициативе отделения Союза и Бюро содействия там, где их не было, но при этом нашей задачей должно было являться привлечение в организацию непартийных масс, — привлечение для работы в массах непартийных же агитаторских, организаторских и пропагандистских сил. Расширение сферы воздействия и увеличение числа активных руководящих работников — вот, таким образом, та задача, какую мы себе ставили. Если же в некоторых местах случалось, что Бюро содействия Крестьянского союза сплошь состояло из наших партийных работников, то это было уже явлением ненормальным и нежелательным с нашей точки зрения. Именно при таких условиях организации Союза легко превращались в чисто партийные группы и самое отдельное существование Союза и его Бюро делалось номинальным и бесцельным. Те нежелательные явления, на которые указывал представитель Крестьянского Союза, вырастали именно на этой, ненормальной почве. Но ни в коем случае в них всецело нельзя обвинять одних наших товарищей. Главнейшие причины, вызвавшие их, лежат в тех внешних ненормальных условиях, в какие была поставлена работа Союза после отмены октябрьских свобод. Период наибольшего роста Союза совпал с «днями свобод», когда многим казалось, что право на легальное открытое существование, по крайней мере таких организаций, как Всероссийский Крестьянский Союз, уже окончательно завоевано. Именно благодаря этому Союз привлек к работе в крестьянских массах чрезвычайно много непартийных и порой довольно умеренных элементов. Это был период нормальной жизни Союза, и в это время работа наших товарищей в нем носила тот именно характер, какой мы считаем единственно правильным. Но затем, с отменой свобод, на Союз обрушились правительственные громы. Его гнали и преследовали почти так же, как нашу партию. Это сделало его нелегальной организацией и вызвало отлив от него «сочувствующих», «содействующих» и т.п. непартийных элементов, предпочитающих держаться вдали от конспираций и тюрем. «Бюро Содействия» сильно полевели, стали более однородными, и местами от них остались почти только партийные с.-р. Организация стала конспиративной, организация стала с.-р-ской по своему составу и по духу и, естественно, у нее явилась тенденция к формальному превращению в отделы нашей партии. При таких условиях удержаться на позиции «беспартийности» было очень трудно, тем более что она не давала никаких ощутительных выгод: ни приращения сил, ни возможности открытой работы для широкого охвата масс. Вместе с тем все увеличивалось и увеличивалось разобщение местных организаций Союза от его центральных органов. Вы помните, сколько неурядиц и неудовольствий порождала в нашей партии оторванность ЦК от местных сил. Только избрание ЦК на прошлогоднем съезде устранило эти трения, только возможно частое переизбрание его может поддерживать единство партии и доверие местных органов к центру. Между тем в Крестьянском Союзе, при больших переменах в составе и характере местных работников, ЦБ и Гл.Ком. Союза оставались прежними. А ведь они были из-

браны еще в июне 1905 г. на учредительном съезде Союза, когда он еще только конструировался и когда с.-р.-ское влияние в нем было еще сравнительно слабо. Отсюда оторванность центральных органов от местных групп, отсюда недоверие к центру и те организационные трения, на которые указывал тов. Волгин. Это и вообще вполне естественно, что центральный орган теряет свой авторитет, раз долго не было его переизбрания, и тем более это понятно в Крестьянском Союзе благодаря тому, что в центр[альных] его органах непосредственное влияние нашей партии по-прежнему отсутствует, а в местных оно страшно возросло. Ослабить при таких условиях организационные трения и недоверие местных работников к центру можно только одним путем, — путем обновления состава центральных органов Союза.

Такое обновление формально и полно должно быть сделано на Всероссийском Крестьянском Съезде, который поэтому и необходимо созвать в ближайшем будущем. До тех же пор, как временную меру, мы могли бы предложить введение в состав Ц.Бюро представителя нашей партии для того, чтобы местные наши силы, работающие в Союзе, знали, что интересы партии представлены в центральных его органах. Только таким путем в настоящее время возможно быстро улучшить отношение местных групп к центру. Мое предложение сводится поэтому к тому, чтобы съезд пока отложил дальнейшее обсуждение вопроса, поручив ЦК, совместно с представителями Крестьянского Союза, выработать условия, необходимые для упорядочения отношений между Союзом и партией, и доложить о них съезду. (Аплодисменты.)

Тов. Волгин (представитель Всероссийского Крестьянского Союза). Те условия, которые изложены в постановлении Центрального Бюро, мы считаем безусловно необходимыми для устранения трений. Только тогда мыслима совместная работа, если эти условия будут приняты. Что же касается вопроса о представительстве в Ц.Органе Союза интересов партии, то мы здесь не можем дать окончательного ответа, так как не были уполномочены на это. Но, конечно, можно выработать предварительные условия соглашения, которые потом уже могут быть окончательно приняты.

Съезд, по предложению предс. Гершуни, постановил, чтобы члены ЦК-та совместно с представителями Всероссийского Крестьянского Союза выработали условия соглашения и доложили бы съезду в следующем заседании.

Предс. Гершуни. В президиум только что передано приветствие Съезду от Финской Партии Активного Сопротивления (читает):

Приветствие съезду партии социалистов-революционеров.

Представители Партии Социалистов-Революционеров снова собрались на партийный съезд с целью обсудить и решить вопросы величайшей важности для дела свободы русского народа, а эта последняя есть необходимое условие прогресса Финляндии по пути свободы и народного суверенитета. Финская Партия Активного Сопротивления шлет съезду товарищеский привет и искренние пожелания продолжительной и успешной партийной работы.

Да здравствует свобода наций!

Гельсингфорс, 25 февраля 1907 г.
Правление Партии Активного Сопротивления.

(Аплодисменты)

Тов. **Парфинов** предлагает Съезду принять нижеследующий текст ответного приветствия (читает):

Экстренный съезд партии с.-р. единогласно шлет Финской Партии Активного Сопротивления свою товарищескую благодарность за привет. Партия Социалистов-Революционеров, борясь за полное экономическое и политическое освобождение трудящихся масс и за полное развитие человеческой личности под знаменем международного организованного революционного социализма, ставит на первый план освобождение угнетенных национальностей на почве их полного и безусловно-го самоопределения. Поздравляя Финляндский народ с завоеванием некоторой относительной свободы, партия с.-р. с удовольствием отмечает, что в этом деле усилия партии не раз сливались с усилиями Финской Партии Активного Сопротивления. Съезд убежден, что в скором времени весь русский народ на развалинах самодержавия встретится с финским народом при нормальных условиях на почве солидарной работы по пути к освобождению всего человечества, без различия пола, религии и национальности, от всех видов политического гнета и экономической эксплуатации.

Да здравствует свобода Финляндии!

Да здравствует международная солидарность свободных наций!

(Аплодисменты.)

Приветствие принимается единогласно.

Предс. **Гершуни** ставит на очередь вопрос об экспроприациях.

Тов. **Тучкин** читает резолюцию об экспроприациях, выработанную ЦК:

«Ввиду того, что в последнее время наблюдается эпидемическое распространение всякого рода экспроприаций; ввиду того, что практика экспроприаций деморализующе действует на участников; что ее распространение позволяет множеству недоброкачественных элементов совершать в видах личной выгоды самые возмутительные деяния, маскируясь революционными целями и прикрываясь именем партии; ввиду того, что все это подрывает престиж Партии среди населения и компрометирует самое дело революции, Съезд постановил:

1) Экспроприации частных сумм абсолютно недопустимы. Участники частных экспроприаций безусловно исключаются из партии.

2) Допуская экспроприации казенных сумм и оружия в период гражданской войны, Съезд признает необходимым поставить их под строгий контроль и руководство ЦК и тех партийных органов, которым ЦК найдет возможным передоверить свое право. В план экспроприации не должны входить убийства».

Предс. **Гершуни** предлагает за недостатком времени дать слово 2 ораторам против резолюции и одному за резолюцию, кроме Тучкина.

Принято единогласно.

Тов. **Лисиной**. Вчера, слушая доклад т. Брешковской, мы все время

удивлялись, к чему эти энергичные доказательства вреда мелких акций. К чему эти аргументы против распыления революции? Ведь в этом отношении мы все согласны. Никто здесь не будет защищать экспроприаторских убийств из-за двуривенного. Но не в этом совсем дело. Мы, конечно, не станем защищать священности хулиганства, но мы также должны подчеркнуть, что и частную собственность не считаем священной. В резолюции говорится, что эк-ции допускаются в период гражданской войны, и притом не иначе, как под строгим контролем и руководством ЦК. Здесь двойное внутреннее противоречие: именно во время восстания ЦК, конечно, уже будет лишен всякой возможности руководить местными предприятиями. Это во-первых. А во-вторых — бесполезно говорить, что во время восстания допустимы казенные эк-ции: ведь восставший народ будет захватывать, конечно, и частную собственность, необходимую для дела революции. Затем, в резолюции говорится, чтобы эк-ции обходились без жертв. Этого я уже совсем не могу понять. Как это без жертв, да еще в период восстания? Само собою разумеется, что мы должны беречь наших товарищей, но нельзя же заранее обещать, что из каждого рискованного предприятия они выйдут целы и невредимы.

Этак мы, пожалуй, скоро установим резолюцию, чтобы и террор обходился без жертв.

Тов. **Тучкин** (перебивая). Вы не поняли: в резолюции идет речь не о жертвах со стороны товарищей, а об убийствах посторонних лиц.

Тов. **Лисиний** (продолжает). Все равно: в период восстания и этого нельзя обещать. Надо совершенно отказаться и от экспроприаций, и от террора — тогда и жертв не будет. Я предлагаю вынести резолюцию в таком смысле: не будучи принципиальными противниками экспроприаций, мы ставим их под самый строгий контроль ЦК-та и Обл. К-тов.

Тов. **Михайловский**. Я выступаю против резолюции т. Тучкина. Но при этом я стою на несколько иной точке зрения, чем предыдущий товарищ. Я не знаю, как понимал товарищ Тучкин термин «гражданская война», так ли, как понимал говоривший товарищ, или так, как понимаю его я, т.е. не в смысле вооруженного восстания, как определенного момента революции, а в смысле длящегося, ранее начавшегося процесса революционной борьбы. Только в этом последнем случае я могу понять эту резолюцию... Я высказываюсь против нее по следующим соображениям: во-первых, с развитием революционного движения, с одной стороны, обостряется потребность революционных организаций в пополнении средств для удовлетворения запросов революции, с другой стороны, усиливается противоречие между сознанием трудовых масс, говорящим за необходимость надлежащего использования народных средств, и нахождением этих последних в руках правительства. Это неизбежно ведет к развитию, учащению конфискаций. Но чем далее идет это развитие, тем становится невозможнее контроль из одного центра, как предлагает резолюция. Это концентрирование может привести к тому, чего так опасаются авторы резолюции, т.е. недостаточному, чисто формальному, обсуждению условий этих экспроприаций со всеми его

последующими результатами. Во-2-х, вопрос об экспроприациях — это наш больной и крайне важный вопрос. И решать его следует в высшей степени осторожно: формальные решения, вроде тех, которые предлагает резолюция, здесь могут дать лишь отрицательные результаты. Экспроприационное движение не остановится: оно будет продолжаться, только неорганизованно, стихийно. На этой почве возникнет серьезный раздор вместо умиротворения. В-3-х, резолюция, по-видимому, имела в виду и то и другое, вводя пункты: «и тем организациям, которым ЦК передоверит». Может быть один из двух случаев. Или ЦК будет давать одному областному или местному комитету и не давать другому это право. В этом случае неизбежны организационные противоречия, недовольство, раздор. Или ЦК дает это право целому ряду организаций, равно правомочных. В этом случае они, очевидно, не будут предоставлять этого права местным группам. Но если так, то остаются лишь областные комитеты и приравненные к ним комитеты, т.е. то, что имеется и теперь. А так как в силу изложенного выше основания (роста конфискаций) потребность передачи будет все значительнее, то таким путем фактически уничтожится смысл самой резолюции...

В силу этих соображений я предлагаю остаться при прежней позиции и отвергнуть резолюцию в той редакции, какая предложена нам.

Предс. Гершуни. Товарищи! Время дорого, я постараюсь быть возможно более кратким. Мне хотелось бы, говоря о крайне отрицательном отношении к экспроприациям, с особенной настойчивостью подчеркнуть то изумительно деморализующее действие, которое они производят в рядах революционных работников. И я думаю, что в этом злобешем вопросе излишняя откровенность и излишняя резкость мешать не будут.

Не будет ли самым правильным такая постановка вопроса: как быть, чтобы мы по отношению к экспроприациям не оказывались Пилатами, умывающими руки в крови эти экспроприации совершивших? Я хочу сказать, что мы не можем относиться к этому вопросу формально. Мы не можем ограничиться лишь словесной резолюцией. Наш долг самым решительным образом вмешаться и мешать экспроприаторскому течению, грозящему вырождением революции. Уже раньше доносились до нас смутные известия о чудовищных формах, в которые быстро вырождались экспроприации. Но то, что пришлось услышать здесь от товарищей, работающих на местах, превосходит все, что мог изобрести злой гений врага революции. И мы с ужасом стоим перед вырождением революционного духа: революция, еще так недавно бывшая святыней широких масс, благодаря экспроприациям начинает, в представлении этих же масс, покрываться налетом грязи и мерзости.

На Волге сознательные крестьяне дошли до такой степени озлобления, что выдали полиции своих товарищей-экспроприаторов. В другой местности комитетские рабочие застрелили двух товарищей за совершения возмутительной экспроприации. И говорю это не с целью осуждения товарищей, допустивших небывалую до сих пор расправу. Но подумайте только, в какой мы пропасти, если эти товарищи вынуждены

были прибегать к таким средствам. Товарищ Тучкин развернет перед нами картину всех ужасов, происходящих на этой почве, и вы увидите, что революционный организм заражен страшной болезнью. Меры должны быть приняты и предприняты немедленно.

Но сразу признаем, что среди всех сложных причин, влиявших на развитие этой болезни, одной, из, быть может, самых важных, было то, что мы с самого начала недостаточно резко и прямолинейно отнеслись к этому. Вспомните историю с ограблением Московского банка. Бутырская тюрьма дрожала от аплодисментов, когда узнали, что это дело рук революционеров, а мы, недавно привезенные из Шлиссельбурга, с тяжелыми думами прислушивались из Пугачевской башни, и ликования молодежи нам, наблюдавшим жизнь через тюремную решетку, представлялись похоронным маршем чистоте революционных принципов.

Здесь есть свидетели: мы тогда предостерегали молодежь, мы сказали — к несчастью, эти слова оказались пророческими, — сегодня вы ограбили на миллион частный банк — завтра вы будете душить старух из-за гривенника. И мы указывали, что есть один путь спасти честь революции: раздобыть во что бы то ни стало экспроприированные деньги и с разъяснительным письмом Центр. Комит., что это дело рук увлекшейся молодежи, вернуть до копейки в правление банка.

Правда, экспроприация была совершена не партией, а московской оппозицией, не подчиняющейся партийным директивам, но и многие партийные работники с улыбкой встречали наше предложение вернуть деньги. Восемьсот-то тысяч? Да, восемьсот тысяч, отвечали мы. И возвращенные сегодня восемьсот тысяч завтра дадут нам восемь миллионов.

Это значит, что только чистое имя и широкое сочувствие могут материально обеспечить революционную партию, не говоря уже — социалистическую. Партия, я знаю, не принимала участия в частных экспроприациях. Но партийные работники не всегда на первых порах достаточно отрицательно относились к внепартийной молодежи, ступившей на этот скользкий путь. И к запрету партии относились как к запрету **формальному**, не клеймили частных экспроприаций, не отшатывались от них, не высказывали резко своего отношения к ним, как к чему-то действительно преступному и недопустимому. Вокруг экспроприаций создавалась на первых порах атмосфера, грубо выражаясь, потворства, и эта-то атмосфера питала и укрепляла экспроприаторское течение, как бы давала ту необходимую моральную санкцию, без которой революционная молодежь никогда не ступила бы на этот путь. Вот почему я говорю, что мы, ограничиваясь формальными постановлениями, а на самом деле не относясь со всей беспощадностью к участникам частных экспроприаций, являемся невольными попустителями и истинными виновниками моральной гибели неопытной молодежи, пошедшей по этому пути.

Силой вещей экспроприации фатально быстро вырождаются. Московский банк вскружил молодежи головы. Упускают из виду, что крупные учреждения могут себя ограждать и обезопасить. И экспроприации неизбежно должны, идя по пути «наименьшего сопротивления», спус-

тяться до тех ужасов, которые происходили в Белостоке, Одессе, где была убита старушка, торгующая лимонами.

Для нас мало успокаивающего в том, что эти экспроприации совершаются не нами, а анархистами или кем-либо другим. Дело не в партийности. Дело в дискредитировании революции вообще.

Пытаются объяснить экспроприации, хотя бы казенные — напр., винных лавок и пр. — тем, что организации бедны, что они вынуждены содержать целую массу нелегальных, что средств от сочувствующих поступает очень мало. Поэтому организации вынуждены допускать мелкие казенные экспроприации.

Создался, таким образом, порочный круг. В организациях нет денег — поэтому необходимы экспроприации. Но экспроприации отшатывают широкие круги «сочувствующих», и средства организаций все больше и больше сокращаются.

Я исхожу, во-первых, из того, что никакие миллионы не в состоянии окупить той деморализации, которая вносится экспроприаторской деятельностью.

Нам нечего закрывать глаза: мы знаем, в какое чудовище неизбежно должны выродиться экспроприаторские отряды, в какое они уже местами выродились.

Я исхожу, во-вторых, из того, что, даже оставляя в стороне все соображения морального и политического характера, экспроприации с **чисто материальной стороны для организаций не выгодны**. Крупные экспроприации можно считать единицами. Вся «деятельность» неизбежно сводится к мелким, материальные результаты которых ничтожны. И если вы сосчитаете, сколько в конце концов организации получили от экспроприаций, вы увидите, что все сводится к ничтожным цифрам.

Для меня несомненно, что сумма, которую партия уже потеряла вследствие того, что значительный круг отшатнулся от помощи революции, гораздо значительнее того, которую она приобрела.

В переживаемый нами революционный период вообще можно заметить переоценку значения материальной силы. И это увлечение грозит большими осложнениями.

Совершенно забывая, что истинная сила революционного социализма чисто морального характера, начинают впадать в ошибку, постоянно совершаемую правительством и правящими классами, возлагающими все свои надежды исключительно на физическую силу. Правительство со своими двумя миллиардами денег и миллионом штыков бессильно перед идеей революции, зажегшей сердца и умы наиболее этически чутких элементов. Оно бессильно, потому что народные симпатии на стороне этих элементов. Бессильна будет и любая революционная организация, вооруженная материально с ног до головы, но не имеющая за собой главного всепобеждающего оружия народных симпатий. А симпатии эти будут только там, где моральная чистота и высокий идеализм участников движения не подвергаются никакому сомнению.

Я не хочу этим сказать, что революция не нуждается в материальной силе, а только подчеркиваю, что для нас не безразлично, откуда

эта материальная сила исходит: что она — ничто, если привнесена со стороны, и — всесильна, если является естественным результатом обаяния и моральной силы партии.

Там, где эта моральная сила имеется, где партия благодаря чистоте своих принципов и тактики окружена сочувствием и симпатией широких масс, — материальные средства будут притекать неизбежно, несмотря на позицию, занятую буржуазией вообще.

Мы хорошо знаем, что корни экспроприаторской эпидемии лежат глубоко в убийственных условиях современной жизни масс. Потрясающие условия российской действительности выбросили на улицу сотни тысяч. Все эти голодные, холодные, беспризорные, — в большинстве жертвы революции. Прибавьте сюда армию безработных, и вы получите достаточный контингент лиц, силой вещей вынужденных уже для одной необходимости поддержания жизни прибегать к насилию над чужим имуществом.

Ответственность за эти стихийные действия лежит не на революционных партиях, вообще не ответственных за стихийные проявления.

Это мы знаем. Но если мы говорим теперь об экспроприациях, то лишь постольку, поскольку партийные работники в той или иной степени причастны к этому делу.

Экспроприации — неизмеримое зло. Они будут совершаться до тех пор, пока народ не свергнет царское правительство, превратившее страну в военный лагерь. Но мы, как партия, должны бороться с этим, как боремся со всяким злом. Видя и зная теперь ту невероятную деморализацию, которую экспроприации вносят в ряды революционных работников, мы раньше всего должны не только формально, но на деле и вполне искренно клеймить экспроприаторскую деятельность, должны сорвать особенно перед молодежью с экспроприаций ореол общественного целесообразного действия, должны относиться к этому, как к обыкновенной уголовщине. Участники недопустимых экспроприаций должны быть безжалостно исключаемы из партии, и ни под каким видом партийные организации не должны пользоваться экспропрированными деньгами, под каким бы замаскированным видом они в организации ни передавались.

Наше отношение к этому должно быть для всех ясно, определенно отрицательное. Нужно ли упоминать, что мы к экспроприациям так враждебно относимся не потому, что исходим из чувства «священности частной собственности», а потому, что они разрушают и развращают наши организации, унижают революцию и ослабляют ее силы.

Поэтому мы не только безусловно против частных экспроприаций, недопустимых ни под каким видом, ни при каких условиях, — мы вообще против всякого вида экспроприаций (денежных), допуская исключения лишь для особых обстоятельств. Так, крупные казенные экспроприации имеют общереволюционное, дезорганизирующее правительство значение. Поэтому, если партия в исключительных случаях благодаря своим связям и военным организациям может нанести крупной экспроприацией чувствительный удар правительству — такой акт мо-

жет быть допустим, но при условии, чтобы в план его не входили человеческие жертвы.

Такие крупные экспроприации могут фактически совершаться чрезвычайно редко, а потому, как практическая мера, нами должна быть сейчас же принята резолюция, безусловно и под угрозой исключения из партии запрещающая частные экспроприации, безусловно запрещающая местным организациям, включая областные комитеты, и казенные экспроприации.

Предоставить ЦК в исключительных случаях право казенных экспроприаций при условии, что в план не войдут человеческие жертвы.

Товарищи, не будем смущаться, что мы исключаем этот источник средств.

Нам нужно дорожить одним: чистотой партии, ее честью и добрым именем. В этом наша сила, в этом наше богатство. Все остальное приложится. Социально-революционная партия победит, как партия морской силы и чистых идеалов.

Социально-революционная партия погибнет, если, пренебрегая этим, она будет пользоваться силой, на которую опираются буржуазные партии, — силой денег, приобретенных не всегда чистым путем. (Аплодисменты.)*

Тов. Брешковская. И вот поэтому-то я и думаю, что мы должны совсем отказаться от экспроприаций. (Аплодисменты.)

Предс. Гершуни читает резолюцию, внесенную т. Брешковской, совершенно отвергающую экспроприации, и предлагает ее голосовать.

Тов. Нагорцев. Здесь читалась раньше только одна резолюция, резолюция т. Тучкина, допускающая экспроприации с некоторыми ограничениями. По этой резолюции были допущены прения. Теперь же вносится совершенно новая резолюция противоположного характера, и ее нельзя, по-моему, голосовать без прений.

Тов. Парфинов поддерживает мнение т. Нагорцева. Мы не можем внезапно отменить экспроприации без всякой мотивировки.

Зло, которое обнажила с такой силой речь т. Брешковской, должно быть уничтожено в корне. Я всегда высказывался против хулиганских приемов, замаскированных революционной фразеологией. Злоупотребление такими приемами в неподготовленной культурной среде встречало во мне всегда убежденного противника. Не я поэтому буду говорить против самых радикальных резолюций. Но не надо, чтобы опасность, в которой очутилась партия, заслоняла перед нами действительность, и, выплескивая грязную воду из ванны, мы должны остерегаться заодно выплеснуть и самого ребенка. Партия торжественно заявила, что она осуждает всякую практику так называемой экспроприации частного и общественного имущества. В этом отношении нет и не может быть никакого двусмыслия, никакого толкования. Всякий участник подобной экспроприации не должен быть в рядах нашей партии. Он нарушил са-

* После речи тов. Гершуни говорил тов. Тучкин, речь которого будет напечатана отдельно⁵²⁹.

мым явным образом самую элементарную дисциплину и попытался нанести престижу партии самый опасный ущерб. Он должен быть изгнан из рядов партии. Но партия дала свою санкцию так называемым казенным экспроприациям. Она руководилась правилами военного времени. Она не может теперь без оговорок, без оценки момента, вне всякой связи с своими предшествующими заявлениями декретировать отказ от всякой конфискации казенного имущества. Она должна зрело и всесторонне обсудить позицию и сделать все необходимое, чтобы за теорией военной конфискации казенного имущества не скрывалась ширма для всяких недопустимых поползновений.

Когда в деле Беленцова⁵³⁰ я был призван в Швейцарии в качестве эксперта и заявил, согласно директивам партии, что, не признавая нападений на частных лиц и частные имущества, Партия С.-Р. признает те формы конфискации, которые освящены законами военного времени.

Если партия, координировав свои действия с действиями возмущенного народа, в процессе народного восстания конфискует казенное имущество для передачи его в руки народа, поднявшего оружие на защиту своих прав, партия делает тогда и только тогда экспроприацию, за которую она берет ответственность пред народом и цивилизованным миром.

Такого рода приемы должны быть отданы под контроль центральных учреждений партии для координации с другими приемами. Эти же центральные учреждения поступают по законам военного времени, и по отношению к тем индивидуумам, членам или нечленам партии, которые являются на поле битвы в качестве мародеров и принцип конфискации превращают в удобный предлог для облеживания своих частных или групповых делишек. Таких воров и мошенников на войне просто-напросто расстреливают. Предлагаю съезду принять резолюцию в этом смысле. Эта резолюция дает удовлетворение и таким ораторам, как бабушка, и тем товарищам, которых почему-то тут заподозрили в пристрастии к «экспроприациям». В их страстных порою речах я слышал лишь отражение революционного настроения с глубоких низов партии. Они, очевидно, боятся, как бы съезд немотивированной резолюцией не дал *dementi*⁵³¹ практике, освященной до сих пор партийными постановлениями. Партия, которая каждые два месяца принимала бы противоречивые постановления, обнаружила бы опасное шатание мысли. Этого не должно быть. Большая моральная персона должна знать твердо, куда идет, какие средства может и не может употреблять для достижения цели. В заключение позвольте напомнить, что та же Швейцария, которая гнусно выдала Беленцова, теперь изменила свое поведение и отказала в выдаче трех грузин-революционеров, обвинявшихся в ограблении казенного банка. Эти приемы борьбы юрисдикцией цивилизованных стран признаются политическими актами, совершаемыми в момент гражданской войны. Резолюция, которую вы примете, должна подтвердить, а не ослабить позицию, которую мы с трудом отвоевали в общественном мнении Западной Европы. (Аплодисменты.)

Тов. Семенов. Мне кажется, что здесь смешивают момент открытого восстания с длящимся периодом гражданской войны. Весь вопрос в

том: признаем ли мы, что за последние два года в России совершается революция, или нет? Даже швейцарский суд признал современное состояние России революционным, и я думаю, что не нам сомневаться в этом. Для революционного же периода отменять экспроприации немислимо. Я решительно высказываюсь против резолюции т. Брешковской и стою за резолюцию ЦК. (Аплодисменты.)

Ввиду внесенной новой резолюции т. Брешковской, совершенно отвергающей экспроприации, съезд постановляет вновь открыть список ораторов, ограничив время каждого 5 минутами.

Тов. Брешковская. И вчера я категорически высказывалась против экспроприаций, и сегодня говорю то же. Я хочу, чтобы вы, товарищи, признали весь огромный вред экспроприаций и отказались от них. Партия должна согласиться на ампутацию этого зараженного члена. Мы должны работать в народе и идти с народом. Когда народ открыто восстанет, он вернет себе и казенное имущество, и, может быть, многое из частных.

До тех же пор мы сами, на свой страх и риск, не вправе делать этого. Но если ваша психология так прониклась экспроприаторскими замашками и вы не в силах отказаться от того, что год тому назад возбуждало ваше отвращение, то я снимаю свою резолюцию и не буду принимать участия в дальнейших спорах об этом.

Тов. Долинин. Соглашаясь с тем, что многие экспроприации выродились в бессмысленные и вредные деяния, считая правильным самое резкое их осуждение, я вместе с тем решительно расхожусь с тов., предлагающими совершенно отказаться от них. Если эти действия вредны, если это «слабость», по выражению т. Тучкина, то ясно, что наш ЦК слабостям потакать не будет и экспроприаций не допустит, и раз они грязны, нечего их наваливать на ЦК — их надо отвергнуть.

Речи о внутренней ломке, которая неизбежно по наклонной плоскости скатывает экспроприации к безобразиям всякого рода, — совершенно не состоятельны. Ведь то же самое говорили с.-д. о терроре, и мы умели их опровергнуть, и жизнь опрокинула эту критику. Такой ломки нет. И только один вывод можно получить: для правильности партийной работы в этом деле необходимо его организовать наиболее строго и серьезно. В то же самое время, когда даже часть с.-д. все более склоняется в нынешнее революционное время к признанию необходимости экспроприаций, не говоря уже о том, что они ими пользуются, мы в это самое время отвергаем их и объявляем ошибкой свою пропшую тактику!

Я не имею времени показать, почему следует принципиально отвергнуть навсегда так называемые частные экссы, и говорю, разумеется, исключительно о казенных. Товар. находят, что средства будут у нас и без того. Это не верно. Революция идет, и растет дифференцировка всего народа; буржуазное сочувствие и карманы буржуазные все больше отходят от нас, и все менее можно надеяться на них; методы борьбы, нелегальность положения, провалы, требуют все больше средств; революция растет, партия тоже — откуда взять эти средства? Нам нечего надеяться, что будут достаточны свои внутренние легальные источники.

Принципиально казенные эксы вполне допустимы и полезны, и своевременны в настоящее время, когда идет гражданская война. Правда, периоды могучих взрывов сменяются относительным покоем, но раз начатая война далека еще от конца. Считать революцией только дни восстаний и тогда лишь допускать экс — неправильно и метафизично.

Эксы являются одним из методов борьбы с правительством и вместе с тем источником дохода партии; они будут расти и приобретать все большее значение. Оценивать их не политически, а только абстрактно, морально — значит, смотреть на дело с слишком узкой точки зрения. Если только съезд примет предложение об исключении экс, — он создаст условия ослабления партии.

Со своей моралью останется небольшая группа лиц, а революция будет концентрироваться вокруг таких организаций, для критики которых у нас тогда будет много меньше сил и которых теперь мы признаем вредными — как, напр., максималистов, анархистов и многих других С.-Р. оппозиций, — одним словом, разложим партию. Это предложение надо отклонить безусловно. Вместе с тем надо, считаясь с новой политической ситуацией при Думе, и эти боевые акты так же, как и часть террористических, — подчинить ЦК. Тем более — наши Обл. Ком. часто слабы, и наиболее выдержанной и целостной организацией является ЦК — почему и должно, принимая во внимание насущную необходимость, ограничить вредные стороны экс — передать их в ведение ЦК, но не с тем, чтобы их прекратить, а с тем, чтобы их организовать более целесообразно.

Надо помнить, что моралью штыков не перешибешь и нечего бояться экспроприаций. (Аплодисменты.)

Тов. Филимонов. С самого начала террористической деятельности нашей партии она находилась в заведовании особой Б.Организации, под строгим контролем ЦК-та. И только благодаря этому боевая деятельность была так обставлена, что завоевала себе всюду широкие симпатии. Также надо было поступить с самого начала и с экспроприациями. Тогда несколькими крупными, удачно выполненными, казенными экспроприациями мы завоевали бы симпатии и для этого рода деятельности и на деле, а не на словах, определили бы свое к ним отношение. Зло экс-ций заключается не в них самих, а в обстановке, в тех условиях, при которых они производятся. Мы видели уже, как даже европейские буржуазные правительства резко различают частные и казенные экс. Но ведь частных экс-ций мы никогда не признавали, и о них здесь не может быть и речи. Казенные же экс-ции должны быть поставлены под строгий контроль ЦК.

Тов. Владимирский. Нам нужно выяснить основные принципы нашей тактики. И для выяснения их необходимо дать теоретическое обоснование. Какое же теоретическое обоснование дается противниками экс, явными и скрытыми? Это обоснование — лишь указание на практику экс-ций, и только. В доказательство ненужности экс-ций приводятся указания и масса указаний, когда экс превращались в хулиганство. Но не в этом обоснование нашей тактики. К тем примерам

хулиганства экспроприаторских актов, которые приводились т. Тучкиным, я бы мог прибавить еще больше и более ужасного характера. Но дело не в этом... Если экс-ции превращались в хулиганство, то это значит, что так и должно быть. Но это не аргумент против экс-ов вообще. Я стою за экс-ции, выходя из того положения, что сейчас происходит в России война. И партизанские выступления имеют известное значение. А экс-ы есть одно из средств партизанских выступлений. Я безусловно отношусь отрицательно к обычным экс-циям. Все дело это нужно реорганизовать. Надо устраивать экс-ы, имеющие партизанский характер. Формой такой экс-ции является, например, временный захват целого города, захват банков с миллионными суммами. Технически это выполнимо, так как самодержавие не может всюду расквартировать войска. Есть города без войск, с какими-то 3-4 десятками стражников. Вот какие экс-ции мы должны совершать. Поэтому неприемлема резолюция тов. Тучкина, которая запрещает экс-ции, где будут жертвы, и не только наши, но и наших врагов.

Я должен добавить, что я являюсь сторонником не только казенных экспроприаций, но, хотя это и является признаком дурного тона, частных черносотенных экс-ций. Возьмем пример. Союз Русского народа⁵³² устраивает в Иваново-Вознесенске свой съезд, который закончился погромом. Явление вполне допустимое. Можно деньги у этого союза взять? Ведь погромы устраиваются отчасти и при помощи денег... Отобрать сумму у СРН мы не можем, так как это противоречит резолюциям. Таково формальное положение. А в сущности это постановление Совета партии в данном случае противоречит всем остальным принципам нашей тактики. Мы эти противоречия должны уничтожить, тактика не должна их содержать.

Тов. **Квадратов.** Здесь раздаются голоса, высказывающиеся против экс-ций по чисто принципиальным соображениям, но разве мы, отрицающие самый принцип частной собственности, можем, не впадая в противоречие, принципиально быть против всяких экс-ций? Неужели можно что-нибудь иметь по принципиальным соображениям против конфискации у правительства экспроприированных у народа денег? Ведь эти деньги будут возвращены народу: они послужат его освобождению от страшных когтей деспотии! Я решительно не могу понять, что же здесь противоречит нашим принципам. Дело иное, когда говорят, что экс-ции практически вредны нам, что они подрывают престиж партии. Во мнении кого? — спрошу я. Во мнении апологетов «священной собственности», во мнении благонаправленного обывателя? Пусть так, но ведь это мнение не имеет для нас решающего значения. Нам важно мнение трудовых масс народа, и это мнение на нашей стороне. Кто был во время экспроприаторской горячки на Волге, тот знает, каким радостным гулом встречалась в народе каждая удачная экс-ция. Есть лишь одно достойное внимания возражение, направленное против экспроприаций, это то, которое указывает на возвращающее влияние их на партийных работников. Но разве это возражение против экспроприаций? Разве, когда мы говорим, что проявления экономического и

фабричного террора бывают отвратительны, мы возражаем против самого террора как известного тактического приема? Здесь нет ни одного товарища, который бы без боли слушал ужасные случаи, рассказанные только что тов. Тучкиным! Я думаю, что у каждого у самого стоит перед глазами несколько подобных, даже, может быть, более ужасных, случаев. Но это вовсе не показывает, что от экс-ций нужно окончательно отказаться; это показывает лишь то, что дело экс-ций поставлено из рук вон плохо. Нельзя же, как говорят крестьяне, вместе с блохой и шубу в печь. Совершенно напротив. Печальный опыт прошлого обязывает нас взять дело экс-ций в твердые руки партии и создать, я бы сказал, идейную экс-цию, экс-цию примерную, которая так же отличалась от всех других хулиганских экс-ций, как отличаются наши террористические акты от проявлений неорганизованного экономического террора. Тов. Тучкин говорит, что путь экс-ций — это скользкая наклонная плоскость. На сей раз мы с тов. Тучкиным по этой наклонной плоскости не скатимся, так как я убежден, что создать примерную экс-цию в твердых руках партии вполне возможно и что она создана будет.

Меня удивляет, что решительно против экс-ций высказалась тов. Брежневская. Разве мы первое поколение революционеров, создавших террор? Нет. Народовольцы — а мы всегда преклонялись и преклоняемся перед памятью о Великой Народной Воле, мы всегда ставим ее в пример самим себе, всегда, оценивая себя, берем ее за образец — народовольцы признавали экспроприации: достаточно напомнить удачное ограбление Херсонского казначейства и неудачный подкоп под Кишиневское.

Мое конкретное предложение — передать дело экс-ций в ведение и строгий контроль центральных партийных учреждений. Я стоял бы за передачу его в Област. Комитеты, если бы, к сожалению — это факт, наши областные центры не были лишь фикцией. Поэтому я стою за передачу в ведение ЦК-та.

Тов. **Петров** (к порядку дня). Мы уже слышали здесь и об «идеальных» и о «черносотенных» экс-циях. Я думаю, что уже довольно, и предлагаю закрыть лист ораторов и, независимо от того, как будет реагировать собрание на мое предложение, предлагаю еще попросить говорить только тех ораторов, которые могут сказать что-нибудь новое.

Оба предложения приняты.

Тов. **Лисиной**. Прежде всего надо ограничить рамки спора: мы все признаем в принципе экс-ции...

(Голоса: «Нет, не все!»)

Тов. **Лисиной** (продолжая). Не все, так огромное большинство. Но мы резко расходимся по вопросу, как организовать их. И здесь, однако, огромное большинство выскажется, наверное, против таких экс-ций, какие тов. Владимирский назвал «черносотенными», а также против убийства 20-30 стражников, хотя бы за несколько миллионов. Я смотрю на экс-цию как на тактический прием, и это один далеко не из самых важных методов нашей тактики. Поэтому нет никаких препятствий временно приостановить его и потом, когда будет нужно, возобновить его. Для окончательного решения этого вопроса в партийных органах

следует открыть дискуссию. Несомненно, что мы скомпрометировали себя некоторыми экс-циями и теперь является вопросом тактики временная приостановка их. Я высказываюсь за резолюцию тов. Брешковской.

(Голос одного из товарищей: «Как же это? Час тому назад вы же, товарищ, говорили о расширении экс-ций?»)

Тов. **Муринов**. Вопрос об экс-циях имеет две стороны: влияние их на общество и влияние их на среду партийных работников. Если мы примем половинчатую резолюцию ЦК-та, то не исчезнет ни деморализующее влияние экс-ций на среду товарищей, ни их влияние на общество. Разрастется только число экс-ций, совершаемых вне контроля партии. Только резолюция тов. Брешковской разрешает вопрос резко и определенно: она окончательно уничтожила бы в партии все раздоры по этому поводу, вытекающие из неясности положения. Если тов. Брешковская сняла свою резолюцию, то я вновь вношу ее.

Тов. **Выборгский** читает выработанный им проект резолюции:

«Съезд допускает конфискацию казенных имуществ. Совершение актов конфискаций решается Ц.Комитетом и выполняется под его ответственностью и строгим контролем».

Тов. **Выборгский**. Такова моя резолюция. И вот основания, почему я стою за нее. В настоящий момент Россия находится в состоянии хронической, вполне характерной, гражданской войны. Старая Россия борется с новой Россией. Впереди одной враждующей стороны идет правительство. Впереди другой — партия социалистов-революционеров, выражающая лучшие стремления молодой России, а в ее первых рядах, вместе с нами и опираясь на нас, — наш центральный орган, Центральный Комитет. Наша партия, производя самые определенные акты гражданской войны, конфискует имущества правительства. Она конфискует их при посредстве нашего центрального органа.

Тов. **Семенов**. Здесь оценивали экс-ции с моральной точки зрения. Но мораль ведь у всех нас одна, и эта точка зрения здесь совсем неуместна. Здесь уместен исключительно практический взгляд: точка зрения разума и логики. Надо помнить, что не мы вызвали и создали экс-ции. Они развились на почве голода, безработицы и гражданской войны. И вне партии, и внутри ее они поддерживаются самыми условиями момента. Если мы высказываемся против частных экс-ций, то опять-таки не из-за принципиальных соображений о священной частной собственности, а исключительно по мотивам практическим благодаря их дезорганизующему влиянию на революционную среду. Вывод отсюда ясен: мы не в силах остановить практику экс-ций и у нас нет достаточных доводов против казенных экс-ций, правильно организованных. Говорят, что в Думе этот вопрос будет поставлен перед нашей фракцией. Но если это так, то его все равно поставят за прошлые экс-ции, если мы даже и приостановим их на будущее время. Я высказываюсь за допущение казенных экс-ций под руководством ЦК-та и тех Област. Комит., которые ЦК-т найдет достаточно сильным для этого.

Председатель объявляет заседание закрытым до 4 ч. дня.

ПРОТОКОЛ ВОСЬМОГО ЗАСЕДАНИЯ (15 февраля от 4 ч. дня до 10 ч. вечера)

Председательствует т. Гершуни.

Секретари: тт. Нагорцев, Андреев, Ольгина.

Предс. **Гершуни** объявляет, что по конспиративным условиям съезд должен окончиться сегодня в 9 ч. вечера. Затем по поводу речи т. Брешковской об экс-циях и дебатов на ту же тему т. Гершуни предлагает принять следующую резолюцию:

«Ввиду того что в последнее время наблюдается эпидемическое распространение всякого рода экспроприаций; ввиду того что практика экспроприаций деморализующе действует на участников; что ее распространение позволяет множеству недоброкачественных элементов совершать в видах личной выгоды самые возмутительные деяния, маскируясь революционными целями и прикрываясь именем партии; ввиду того что все это подрывает престиж партии среди населения и компрометирует самое дело революции, съезд постановил: экспроприации частных имуществ и капиталов абсолютно недопустимы. Участники частных экспроприаций безусловно исключаются из партии».

Что касается экспроприаций казенных сумм, то она допускается партией лишь под строгим контролем и руководством исключительно ЦК, причем в план организованных таким образом экспроприаций не должны входить человеческие жертвы».

Ставится на голосование и принимается 58 голосами против 2 при 2 воздержавшихся.

Тов. **Вольский** заявляет свой протест по поводу поспешности принятия резолюции.

Тов. **Григорьев** также ввиду поспешности предлагает открыть дискуссию в партийных органах по вопросу об экс-циях.

Предс. **Гершуни** предлагает перейти к чтению резолюции о нашей тактике в связи с Думой. Как член комиссии по выработке этой резолюции он сообщает, что она была принята в комиссии единогласно.

Тов. Тучкин читает эту резолюцию.

Экстренный съезд П.С.-Р. по вопросу об участии в избирательной кампании и о ее результатах констатирует:

Партия вступила в избирательную кампанию, чтобы превратить весь ее период в новый период общественного подъема и напряжения революционной энергии рабочих масс и чтобы лишить правительство возможности превратить Думу в послушное орудие своего произвола или в примирительную камеру для соглашения правительства с буржуазной оппозицией через голову рабочего класса.

Несмотря на характер избирательного закона и его последующих «разъяснений», на неслыханные предвыборные репрессии и на прямую фальсификацию выборов, трудовой народ сумел дать достойный ответ на правительственную политику, послав в Думу подавляющее оппозиционное большинство и особенно усилив его крайне левое крыло.

Народное голосование доказало огромный рост влияния на трудовые массы социалистических партий, и в частности партии социалистов-революционеров. Хотя правительственные гонения, более всего обрушившиеся именно на нашу партию, и не дали ей возможности быть представленной в Думе во всей полноте и силе, однако народ заставил правительство отныне считаться с открытым выступлением в Думе значительного числа соц.-рев., членов партии, наиболее ему ненавистной и наиболее гонимой.

Ввиду всего этого экстренный съезд П.С.-Р. считает необходимым логически продолжить начатый план кампании, использовать с целью дальнейшего углубления и развития народного революционного движения деятельность соц.-рев. в Думе. Деятельность эта должна вдохновляться общими тактическими принципами партии и быть согласована с тактикою партии вне Думы. Со своей стороны внедумская тактика партии должна учитывать все те изменения, которые вносят в общее политическое положение существование Думы и выступление в ней революционно-социалистических сил.

Считаясь с этим, съезд поручил Центральному Комитету решить, совместно с избранными в Думу с.-р.-ами, вопрос об образовании думской группы или фракции на началах необходимой внутренней автономии.

По вопросу о думской тактике съезд пришел к следующим заключениям:

Основная задача этой тактики равно далека как от стремления во что бы то ни стало, ценою компромиссов, избегать разгона Думы, так и от стремления создавать внешние, несущественные и малопонятные широким массам поводы для конфликта. Задача эта, напротив, заключается в таком разоблачении правительства перед народом и таком укреплении связи народа с Думой, чтобы разгон последней сделался для правительства трудным и рискованным делом и послужил бы лишь исходным пунктом нового подъема революционного движения. И потому, не боясь разгона Думы и не стараясь ускорить его, депутаты с.-р. должны держаться такой тактики, при которой, в случае разгона Думы, ответственность за это в сознании трудящегося класса всею своею тяжестью легла бы на правительство. Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачу Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством, при самоограничении Думы рамками основных законов, не санкционированных народной волей.

Съезд полагает, что, действуя согласно с принципами партии, с.-р-ы в Думе должны: немедленно выступить за самые наболевшие нужды страны и существеннейшие пункты партийной программы во всю их широту (свобода, народовластие, полноправие национальностей, переход земли к народу и т.д.), разоблачать правительственные преступления против народа, стремясь к тому, чтобы при этом особенно наглядно обнаружилось перед народом истинное существо «верховой власти»; путем назначения следственных комиссий, расследований на местах, различных специальных командировок в провинцию и др. мер войти в живую связь с населением и вообще привлечь возможно большее

количество живых общественных сил к прямому или косвенному участию в работах Думы и во внедумской деятельности депутатов; подрывать материальную силу правительства решительной тактикой в вопросах финансовых и бюджетных; разрушать прямо направленное против народа внедумское законодательство правительства; облечь в конкретную законодательную форму такие основные народные требования, которые Дума в момент окончательного конфликта должна провозгласить как подлежащие немедленному осуществлению явочным порядком, непосредственную революционную силу (напр., всеобщее избирательное право, необходимое для созыва Учредительного собрания, местные земельные комитеты и т.п.).

Съезд находит, что резкая партийная группировка внутри Думы при изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междупартийной борьбе могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства. Съезд считает поэтому необходимым, чтобы партийные депутаты приложили все усилия для организации возможно более постоянного и согласованного выступления всех социалистических и крайне левых фракций: специально же в вопросах борьбы с думской правой и с правительством за свободы и политические права народа стремились к отдельным возможно более согласованным выступлениям революционно-социалистической части Думы с ее оппозиционной частью, причем все эти, как длительные, так и частичные, согласованные выступления должны происходить на началах, ни в чем не противоречащих основным принципам партийной программы и тактики.

Принимая во внимание всю сложность, изменчивость и остроту политического положения, создающегося вследствие резко оппозиционного состава Думы, при возможности резких и быстрых колебаний в тактике правительства; принимая во внимание, что обстоятельства могут в ближайшем будущем потребовать от партии, в связи с переменами правительственного курса и народного настроения, не менее быстрого изменения террористической тактики в сторону или крайнего ее усиления или временной приостановки, съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство Центрального Комитета.

Вместе с тем съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране в целях поддержки наших основных требований широкое и активное народное движение, имеющее перейти во всеобщее восстание. Равно далекая и от утешения проявлений народного революционного духа, и от возбуждения неорганизованных вспышек, партия должна постоянно вносить в народное движение необходимую выдержку, энергию и целесообразность и направлять его в оправданные опытом и признанные ею формы организационной борьбы.

Применение террористических актов против местных правительственных агентов в ответ на насильственные меры против борющегося за свои права народа регулируется в прежде принятых партией формах.

Съезд находит, что в случае разгона Думы обязанность партийных депутатов, вместе со всей революционной частью Думы, не подчиняться акту правительственного насилия и, отказавшись сложить с себя данные народом полномочия, осуществлять их вопреки узурпаторскому правительству, призвав население и армию к активной поддержке. Обязанностью партии является в этом случае — сделать все возможное для создания такой поддержки и нанесения правительству наиболее тяжких ударов.

Предс. **Гершуни** спрашивает, открывать ли прения по поводу этой резолюции.

Собрание решает прений не открывать, но дать каждому желающему право внести немотивированные поправки и замечания.

Тов. **Макаров** указывает на то, что в резолюции не упоминается о манифесте к народу по вопросу об условиях, при каких террор может быть прекращен.

Предс. **Гершуни** разъясняет, что так как съезд постановил выпустить такой манифест, то ЦК и сделает это. Кроме того, в этой резолюции не упомянуто еще о допустимости депутатской присяги. Это сделано потому, что мы не хотели вводить в резолюцию общего характера такого частного вопроса, но само собой разумеется, что решение съезда на этот счет останется в силе и будет опубликовано.

Тов. **Макаров** спрашивает, почему в резолюции не упомянуто о нашей тактике в Думе по финансовым вопросам.

Тов. **Тучкин**. Нет, об этом упомянуто: в Думе наши депутаты будут «подрывать материальную силу правительства решительной тактикой в вопросах финансовых и бюджетных». Эта решительная тактика может, конечно, вылиться в различные формы: депутаты могут отвергнуть весь бюджет целиком и на этом основании объявить народу, что все подати, пошлины и налоги становятся с момента такого вотума незаконными поборами; могут отказать правительству в выпуске внешнего займа и объявить, что русское государство по займам, заключенным против воли народа, платить не будет. Можно было бы и еще указать несколько примеров решительной тактики, но сказанного уже достаточно, чтобы понять общий характер ее.

Тов. **Кутаисов**. Съездом было постановлено разоблачать буржуазность кадетской позиции, между тем в резолюции об этом не упомянуто.

Предс. **Гершуни**, указав, что об этом сказано в резолюции, читает соответственное место:

«Партия вступила в избирательную кампанию, чтобы... лишить правительство возможности превратить Думу в послушное орудие своего произвола или в примирительную камеру для соглашения правительства с буржуазной оппозицией через голову рабочего класса». И дальше: «Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачу Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством...»

Тов. **Мурин** спрашивает, указана ли в резолюции наша тактика по поводу местных народных волнений, если такие возникают во время Думы.

Тов. **Тучкин** читает соответствующее место: «Съезд находит, что партия должна... безостановочно развивать в стране в целях поддержки наших основных требований широкое и активное народное движение, имеющее перейти во всеобщее восстание».

Тов. **Баронский** предлагает выражение «через голову рабочего класса» заменить выражением «через голову трудового народа».

Тов. **Тучкин** указывает на то, что в резолюции термины «рабочий класс» и «рабочий народ» употребляются как равнозначные.

И, по-моему, мы вовсе не должны отдавать выражение «рабочий класс» в монопольное владение с.-д. Мы только вкладываем в него более широкий и более правильный смысл...

Предс. **Гершуни** ставит на голосование резолюцию в целом. Принята большинством всех 66 против 1 (Трофимова из Саратова)*

(Аплодисменты.)

Предс. **Гершуни** (обращаясь к Трофимову). Вы, товарищ, испортили нам всю обедню (смех).

Предс. **Гершуни**. Теперь на очереди вопрос о Крестьянском Союзе. Можно по поводу его дать слово тем 17 ораторам, которые записались еще на прошлом заседании. Но за недостатком времени я предложил бы, чтобы съезд в особой резолюции выразил свое принципиальное отношение к Кр. Союзу и дал бы указания, на основании которых ЦК мог бы выработать соглашение с представителями Кр. Союза. Со своей стороны ЦК предлагает следующую резолюцию.

Тов. **Тучкин** читает резолюцию:

«Съезд, рассматривая Крестьянский Союз как беспартийную профессионально-политическую организацию широких масс трудового крестьянства, находит целесообразным и желательным поддерживать и развивать его и предлагает всем товарищам, работающим в крестьянстве, вступить в Союз, стремясь на основе его платформы к созданию беспартийной организации для охвата и объединения трудовых масс и вместе с тем образуя наряду с широкими группами Союза, свои собственные, более узкие, но строго партийные ячейки».

Тов. **Курский**. Я не согласен с этой резолюцией. Если я войду в состав Бюро Кр. Союза как член П.С.-Р. и буду вербовать там других членов для партии, то таким образом выйдет раскол.

Тов. **Крымов** сообщает, что в Южно-Рус. области отношение к Кр. Союзу совсем иное.

3-й Южно-Рус. областной съезд принял следующую резолюцию: «Областной съезд приглашает товарищей, работающих в деревне, оставить работу в Вс. Кр. Союзе и организовать партийные крестьянские организации».

* В голосовании принимали участие 67 членов съезда, так как к этому времени один из делегатов с решающим голосом (т. Ефимов из Витебска) уже уехал. — прим. секретаря.

Тов. **Нагорцев** сообщает о тех материалах, которые имелись в распоряжении Ц.Крестьянской Комиссии по вопросу о Вс. Кр. Союзе.

— Прежде всего мы имеем ряд сообщений фактического характера, из которых следует, что деятельность Вс. Кр. Союза обычно стоит чрезвычайно близко к работе наших организаций. Всюду Вс. Кр. Союз расчищает дорогу для партии и облегчает партийным работникам проникновение в крестьянскую среду. В материалах Ц.Кр.Комиссии не имеется ни одного сообщения обратного характера. Надо заметить еще, что там, где наши работники почему-либо покинули Союз, с.-д. воспользовались этим и пытались под его флагом организовать свои собственные с.-д. группы, что вносило изрядную деморализацию в работу. Кроме этих фактических соображений, в материалах Ц. Кр. Комисс. имеется ряд резолюций Област. и Губ. крестьянских съездов, в общем относящихся к Кр. Союзу приблизительно так же, как предлагает относиться к нему резолюция ЦК, прочитанная тов. Тучкиным. Была только одна резолюция отрицательного характера — это уже упомянутая тов. Крымовым резолюция 3-го Южно-Рус. Обл. Съезда. Мне кажется, что съезд при решении вопроса о Крест. Союзе должен принять во внимание эти материалы, которые исходят главным образом от местных крестьянских работников и являются, так сказать, маленьким партийным референдумом.

Тов. **Тучкин** предлагает дать слово 3 ораторам, исключительно против резолюции ЦК.

Тов. **Авраамов**. Вопрос о Кр. Союзе давно уже возбуждает споры среди партийных работников, и за последнее время отношение к нему все более и более изменяется в отрицательную сторону. Прежде, например, у нас в Черниговской губ. работа шла под флагом Кр. Союза, потому что это облегчало нашу задачу. Теперь же мы можем работать открыто под своим флагом и Кр. Союз только мешает нам. Я могу привести один резкий пример: на севере Таврической губ. под флагом Кр. Союза работают с.-д. и благодаря их влиянию целый ряд крестьянских сходов постановил резолюции против террора. В этих резолюциях крестьяне, или, правильнее сказать, интеллигенты с.-д. устами крестьян, заявили, что они относятся к террористам, как к разбойникам! И вообще вся деятельность Таврического отдела Вс. Кр. Союза проникнута духом крайней умеренности. Я согласился бы, что мы должны работать в Кр. Союзе, если бы это был Союз профессиональный, как Вс. Ж.-д. Союз, но это не профессиональный союз, а особая политическая партия, имеющая свою особую программу, во многих отношениях враждебную нашей. Поэтому я не вижу никакой надобности участвовать в работе Кр. Союза и помогать ему, как не вижу, напр., необходимости работать в Партии н[ародных]-с[оциалистов].

Тов. **Никольский**. Я хочу поделиться с вами своим личным опытом, который я приобрел, работая больше года среди крестьян. В развитии Кр. Союза мы наблюдаем несколько фазисов. Он образовался и развился в эпоху свобод. Этим объясняется и половинчатый характер его программы, и быстрый рост. К нему примыкали люди умеренные, так как в эпоху свобод эта организация не казалась им опасной. Агитаторы

свободно и открыто разъезжали по деревням и присоединяли массами народ к Кр. Союзу. Но время свобод прошло, и перед крестьянами возник вопрос, как существовать при изменившихся условиях. С прекращением свобод крестьяне подходили к вопросу о вооруженном восстании. Крестьянский Союз перестает удовлетворять их революционному настроению, они выходили из Союза и становились в наши ряды, образуя крестьянские С.-Р. братства. В Харьковской губ. не осталось следа от Кр. Союза. То же происходит повсеместно. Нам нет надобности воскрешать умершую организацию и делать из нее какую-то профессионально-политическую организацию в то время, когда она ничего общего с профессиональной организацией не имеет, так как не охватывает широких масс. ЦБ в Кр. Союзе вследствие того, что возникло давно, оторвалось от жизни, и между ним и его работниками нет единодушия. В этом не наша вина, и не наша задача поднимать престиж ЦБ в Кр. Союзе вследствие того, что возникло давно, оторвалось от жизни и между ними и его работниками нет единодушия. В этом не наша вина, и не наша задача поднимать престиж ЦБ в глазах местных работников.

Тов. **Владимирский**. Трения между нами и Главн. Ком. Центр. Бюро, различными бюро содействия Вс. Кр. Союза возникли давно. Причина их заключается в самом составе этих учреждений — состав их умеренный, очень умеренный. Трений же между ними и Вс. Кр. Союзом в его целом, трений с его массами у нас никогда не было и не могло быть. В прошлом году можно было идти и работать в Вс. К. С., ибо, действительно, он был профессионально-политической организацией. Теперь он, в сущности, фикция. Весь он состоит из этих главных бюро, бюро содействий и т.д. Но разве можно совокупность этих лиц назвать профессионально-политической организацией? Ни в коем случае! Эту профессионально-политическую организацию свободно можно было поместить вот в этой комнате, и еще место осталось бы. Теперь политические условия таковы, что В. К. С., как проф.-полит. орг-ция, не может существовать. Его нет. Есть ряд бюро. Поэтому нецелесообразно и идти в эту профессионально-политическую организацию.

Да и практически это поведет к очень неприятным явлениям. Представитель этих бюро требовал, чтобы мы, входя в Союз, подчинялись всем его постановлениям, распространяли всю его литературу. А что, если мы получим литературу, в которой, между прочим, говорится: «Нам нужен царь смиренный, добрый, хороший и т.д.». Мы должны распространять эту литературу? Я, как с.-р., это делать не могу и не должен. Я безусловно, отрицательно отношусь к Главному Комитету и к Бюро содействия...

Тов. **Волгин**. Мы, представители Вс. Кр. Союза, приехали сюда установить условия, при которых мы можем работать в крестьянстве. Нас сравнительно мало интересует, какую резолюцию вынесет съезд относительно Кр. Союза. Но не потому, конечно, она не интересует нас, что нам не важно знать отношение к нам партии, а потому, что резолюция эта будет настолько обща, что не сможет ответить тем конкретным потребностям и запросам жизни, для удовлетворения которых мы

приехали. Один из товарищей сказал, что не считает возможным работать с нами. Наоборот, другой товарищ, т. Нагорцев, кажется, и за себя лично и за целый ряд местных групп говорил, что отношение к Союзу в общем в партии «дружественное». А вот т. Никольский, наконец, просто сообщил, что в Харьковской губ. от организаций Союза не осталось и следа. И в некоторых других местах — тоже. Избави нас Бог от такого «дружественного» отношения, после которого от наших организаций не останется и следа. Лучше уж совсем не иметь с нами дела, чем, работая в Союзе, разрушать нашу организацию. Лучше высказаться открыто враждебно к Вс. Кр. Союзу, чем при «дружеском отношении» разрушать нашу работу. Для нас приятнее слушать, когда нашу организацию признают ненужной, это упрощает наши отношения. Если бы с.-р. «покинули Кр. С.», как говорил здесь кто-то, и не обращали бы на него внимания — это было бы гораздо лучше для нас (голос одного товарища: «Для вас, м.б., но не для Кр. Союза»). Тогда мы могли бы работать отдельно и самостоятельно. И главное, чего мы хотим, — это избежать того двусмысленного отношения, когда мы не знаем, как смотреть на с.-р. — как на врагов или как на союзников. В заключение я хочу ответить еще на обвинение т. Владимирского, будто Кр. С. несет в народ литературу, в которой восхваляется царь добрый, хороший и т.д. Он указывал на прокламацию Кр. Союза, в которой будто бы доказывалось, что крестьянам нужен царь милостивый, хороший и добрый! Подобное утверждение я считаю недоброкачественным, тем более что 1/2 часа тому назад в частной беседе я говорил этому же товарищу, что это неправда.

Провокация, о которой здесь идет речь, — это известное «Письмо русских крестьян к Николаю II». Фраза о «добром царе» там действительно есть, но она совсем не носит того характера защиты монархизма, какой ей хотят приписать; она служит лишь связующим звеном с дальнейшими положениями прокламации, в которых доказывается, что лучший образ правления — республиканский. Общий дух этой прокламации — республиканский. И лучшим доказательством, что это действительно так, служит то, что эта именно прокламация была несколько раз перепечатана комит. партии. Вы сами же перепечатывали ее, из вашей же среды раздаются голоса, обвиняющие нас за нее в защите царской власти. Больше, я думаю, нечего говорить по этому поводу. (Аплодисменты.)

Тов. Владимирский. Я не знаю, как переиздавали это письмо другие наши комитеты и переиздавали ли вообще, но по крайней мере в издании Москов. К-та фраза «о добром царе» выкинута...

Тов. Тучкин. Товарищи, у меня нет сейчас под рукой этого «Письма к Николаю II», о котором идет здесь речь, и я даже не видал его. Но уже один тот факт, подтвержденный многими товарищами, что оно было в целом ряде мест перепечатано нашими организациями, показывает, что обвинять за него Кр. Союз мы по меньшей мере не вправе. Но хотя бы и так, хотя бы это «письмо» и действительно заслуживало порицания, — с каких это пор мы, товарищи, начинаем прибегать к с.-д-вской манере критиковать деятельность целой организации на основа-

нии отдельной бумажки, на основании отдельной выхваченной фразы. С такими приемами критики можно прийти к каким угодно результатам. Ведь сказал же кто-то: «Дайте мне только одно письмо, и я найду в нем три слова, за которые можно повесить». Ничего не может быть ошибочнее такого метода критики.

Ничего не может быть также ошибочнее и плачевнее гордого по внешности заявления: «Уйдем из Крест. Союза и будем открыто работать под своим знаменем». Но разве работа в Союзе есть свертыwanie нашего знамени? Разве работа в Ж.-Д. Союзе и во всех других профессиональных союзах — свертыwanie знамени? Напротив: эта работа есть популяризация нашего знамени в широких массах, еще не проникнутых с.-р-ским сознанием. Эта работа разворачивает наше знамя перед массами во всю ширь, она устанавливает между партией и непартийными массами постоянную организационную связь. В наших партийных организациях мы можем охватывать только ту часть рабочих масс, которая уже созрела до понимания и нашей программы, и нашей тактики. Оставить работу в Кр. Союзе таким образом, означало бы оставить несорганизованной всю недозревшую до нашей программы часть крестьянства или отдать дело организации этих «недозревших» всецело в чужие руки, в руки людей, может быть, враждебных нашей программе, как с.-д. и к.-д. Тов. Курский говорил, что, вступая в Союз, тем самым обязывается прекратить свою партийную работу, что иначе, продолжая ее, он вызовет в Союзе раскол и разброд. Как это так? Если мы, вступая в Союз, как партийные работники, превратим часть членов в сознательных с.-р., то разве это помешает другим членам Союза оставаться беспартийными или примыкать к другим партиям? Разве это помешает вступать в Союз новым массам беспартийных? Не нужно только нетерпимости, не нужно только из-за беспартийной работы забывать основной цели Союза — организации широких масс на ограниченной, доступной их пониманию, платформе. Вот если бы руководители Союза запрещали внутри его вести партийную пропаганду, если бы они стремились изгнать из Союза с.-р-овские идеи, тогда другое дело, тогда вступление в Союз было бы для нас невозможным, но тогда это и не был бы **беспартийный** Союз. Здесь говорили о враждебности программы Союза нашей партийной программе и в доказательство указывали на переход таврических отделов Союза в руки с.-д. и на резолюции против террора, принятые там под влиянием с.-д. Характерный пример, но едва ли он говорит в пользу противников нашего участия в Кр. Союзе! Дело в том, что как раз в Таврической губ. наши товарищи постановили «покинуть Союз и вести работу под партийным флагом». Что же мудреного, если после этого с.-д. овладели Союзом, если, оставшись в нем одни, они из беспартийной организации постарались превратить его в партийную с.-д-ковскую. В этом виноваты наши таврические товарищи. У с.-д. не было дороги к крестьянству, они не пользовались никаким успехом, являясь под своим собственным знаменем, но вот наши товарищи любезно открыли для них дорогу: они уступили им популярное имя Крестьянского Союза. И с.-д., под флагом Союза, распространили свое собственное влияние.

Сегодня беспартийная крестьянская масса вступает в беспартийную организацию; завтра, если этой организацией всецело овладели с.-д., значительная часть крестьянства станет уже партийной — с.-д.-ковской. Это было не в одной только Таврической губ., — в Киевской, благодаря тому, что наши товарищи «покинули Крест. Союз», в Думу от крестьян прошли 4 с.-д.

Если мы таким же манером «покинем» еще и Ж.-Д. Союз и другие профессиональные союзы, чтобы создавать исключительно партийные организации, то результаты получатся еще более обширные: наше влияние упадет повсюду, связь наша с **широкими** массами утратится... Что же касается создания партийных массовых организаций, то тут легко можно впасть в иллюзию. Во время дебатов о членстве в партии уже приводились яркие примеры этого: крестьянские братства, по имени партийные, на деле оказывались совершенно не партийными. И это понятно. Если мы будем стремиться охватить организацией массы, стоящие ниже уровня партийного сознания, то как бы ни называли такую организацию — с.-р-ской или беспартийной, — **на деле** она не будет с.-р-ской. Лучше же ясно и прямо организовать массы на суженной программе, до понимания которой они доросли уже. В нашу строго партийную организацию мы будем собирать элементы, уже созревшие, доросшие до нашей программы, а в широкие организации Кр. Союза объединять всех «недозревших». Таким образом, не останется места для враждебного столкновения между союзом и партией, так как они не будут конкурировать друг с другом: «союзная» и наша партийная работа лежат в разных плоскостях и одна пополняет другую. Непосредственно участвуя в организации на платформе Кр. Союза, мы тем самым приходим в близкое соприкосновение с ним, получаем возможность повышать их сознание в желательном для нас смысле и непрерывно пополнять кадры наших собственных партийных ячеек, создаваемых параллельно с группами Союза.

Я настаиваю на том, чтобы все возникающие столкновения и трения были улажены по-товарищески, чтобы выработаны были условия, благоприятные для дружной совместной работы.

Тов. **Максимович**. Позвольте мне дополнить слова тов. Тучкина. Самый факт нашего здесь присутствия доказывает, что ЦК относится к нам с доверием. Кр. Союз — это не какая-нибудь особая политическая партия, это профессионально-политическая беспартийная организация, стремящаяся охватить широкие массы на основе суженной, доступной их пониманию, программы. Существование такой широкой организации, наряду с партиями, вполне законно и необходимо. Не только в России при нашем политическом беспорядке, но даже в Западной Европе политические партии не в силах охватить в своих организациях широкие массы. Об этом только что говорил в своем докладе член Международного Социалистического Бюро тов. Парфинов. Тем более важную роль беспартийные широкие организации должны играть в России. Мы приглашаем вас работать в Кр. Союз, как приглашаем представителей других соц. партий. Даже с.-д., которые до сих пор сидели на отрезках,

на своем последнем съезде в Стокгольме⁵³³, вынесли резолюцию о поддержке В.К.С., и мы ждем от вас по меньшей мере такой же резолюции.

Тов. **Большов**, от имени ЦК сообщает о тех переговорах, которые ЦК только что вел с представителями Кр. С. ЦК выставил 2 необходимых условия соглашения. Он предлагал ЦБ кооптировать в свою среду одного нового члена по указанию ЦК. Кроме того, принять в ближайшем будущем все меры к созыву нового съезда Кр. Союза. И та и другая меры могли бы облегчить создание нормальных отношений между ЦБ и работниками на местах. Уже один факт присутствия представителя П.С.-Р. дал бы нашим местным работникам гарантию, что в работе ЦБ интересы партии представлены и защищаются. Созыв съезда и выборы нового Бюро еще в большей мере помогли бы восстановлению нормальных отношений, так как в настоящее время этому препятствует главным образом почти полная оторванность Бюро от местных работников. Оба представителя К.С., присутствующие здесь, вполне согласны на эти условия, но не могут ручаться за выполнение 1-го из них, так как кооптация в ЦБ производится единогласно. Что же касается съезда, то они просят нашего содействия для его организации. Таким образом, окончательное разрешение вопроса о Кр.С. не может быть дано здесь, но я желал бы, чтобы товарищи, разъезжаясь на места, помнили, что наши отношения к К.С. должны основываться на признании его беспартийности, как организации широких масс трудового крестьянства, уже охваченного активным стремлением к лучшему, но еще неспособного в целом вписаться в рамки нашей партийной организации.

Предс. **Парфинов** читает проект резолюции о Вс. Кр. Союзе.

Резолюция об отношении к Вс. Кр. Союзу

«Съезд, признавая, что Вс. Кр. Союз есть беспартийная профессионально-политическая организация широких масс трудового крестьянства и что существование ее может облегчить дело партии, стремящейся к объединению на почве экономических и политических интересов всех слоев рабочего класса, поручает ЦК вступить в переговоры с Вс. Кр. Союзом для урегулирования в центрах и на местах отношений между партией и Союзом».

(Принята единогласно.)

Предс. **Парфинов** ставит на очередь вопрос о Вс. Ж.-Д. Союзе и ж.-д. забастовке и дает слово его представителю.

Тов. **Панасенко**. Я хочу указать на значение Ж.-Д. Союза. Его значение в революции огромно. При железнодорожной забастовке останавливается жизнь страны, правительство не может перевозить войска, и железнодорож. забастовка ведет за собою всеобщую. Меня поражает, что С.-Р. так сравнительно мало прилагают усилий, чтобы закрепить свое влияние на массы, охваченные в организации Ж.-Д. Союза.

Между тем в Ж.-Д. Союзе идеи П.С.-Р. пользуются большим успехом и вся Ж.-Д. организация хотела бы работать на тесном единении с партией. Нам не следует забывать этого, не следует терять своих позиций в Союзе. Напротив, мы должны стремиться укрепить и расширить

их. Для этого партия должна усилить свою работу в ж.-д. трудовых массах, и я убеждаю товарищей входить в ж.-д. Союз и самым энергичным образом работать в нем. От имени группы товарищей, образовавших здесь на съезде секцию путей сообщения, я предлагаю вам принять следующую, выработанную нами резолюцию (читает):

«Принимая во внимание, что для массовых революционных выступлений громадное, иногда решающее значение имеет переход путей и средств сообщений, и в особенности железных дорог, в распоряжение революционных организаций; что для успешного осуществления как всеобщей забастовки путей и средств сообщения, так и иных способов их революционного использования необходима широкая массовая организация, объединяющая рабочих и служащих путей сообщения на почве борьбы за их профессиональные интересы и за осуществление общеполитических задач; что по отношению к железным дорогам наиболее отвечающей этим условиям организацией является Всерос. Жел.-Дор. Союз, союз беспартийный — профессионально-политический, — съезд, подтверждающий правильность ранее принятых по отношению к Вс. Ж.-Д. Союзу решений, постановляет предложить всем товарищам:

1) обратить усиленное внимание на агитационно-пропагандистскую и организаторскую деятельность в среде железнодорожных рабочих и служащих;

2) вступать в организацию Вс. Ж.-Д. Союза, создавая одновременно с тем строго партийные ж.-д. группы и ведя как общую организаторскую работу в рамках Союза, так и специально партийную;

3) работать над установлением тесной связи и координации действий организационных ячеек Вс. Ж.-Д. Союза с Волжской Судоходной Организацией П.С.-Р. и с крестьянскими партийными и беспартийными орг-циями».

Принята единогласно.

Предс. **Парфинов** сообщает, что 2 дальнейших пункта в порядке дня — доклад Организационной комиссии и доклад по рабочему вопросу — не могут быть выполнены, так как комиссии эти не имели времени для заседаний.

Вносится предложение за недостатком времени для обсуждения других вопросов приступить к выборам в ЦК.

Тов. **Семенов**. По моему глубокому убеждению, ЦК должен обновляться как можно чаще, и, если бы это был очередной съезд, я первый бы стоял за новые выборы. Но теперь я высказываюсь против, и не только потому, что наш съезд экстренный в половинном числе, но и потому еще, что настоящий момент крайне неудобен для изменения в личном составе ЦК, так как вызвал бы крайне нежелательный перерыв в работе. Поэтому я предлагаю оставить старый ЦК, пополнив его двумя новыми членами на место выбывших. Этих двух новых членов мы можем выбрать единогласно, стоит только назвать их имена: это гг. Гершуни и Брешковская.

Тов. **Тучкин**. Я высказываюсь против этого предложения. Мы не должны вводить в обыкновение подобный отказ съезда от своих прав. Если съезд находит, что старый состав ЦК хорош и что перерыв в ра-

боте нежелателен, то он может выбрать этих же самых лиц вторично. Указание на то, что настоящий съезд экстренный, не имеет никакого значения. Ведь в повестках этот пункт о выборах в ЦК был помещен, и товарищи на местах знали и готовились к выборам. Кроме того, мне кажется странным предложение как-то «дополнить» ЦК: такого пункта нет в нашем организационном уставе.

Тов. **Минский** присоединяется к мнению т. Семенова. Настоящий съезд экстренный, в ограниченном составе, и выборы поэтому необходимо отложить до полного очередного съезда, тем более что он предполагается всего через несколько месяцев — летом.

Тов. **Семенов**. Принципиально я согласен с т. Тучкиным. И этот экстренный съезд имеет, конечно, право переизбирать ЦК, но он вправе также и не переизбирать, оставив просто прежний состав. Я думаю, что теперь нельзя изменять характер активной работы ни на йоту, и на этом только основании и поддерживаю свое предложение.

Предс. **Парфинов** ставит предложение т. Семенова на голосование, и съезд отвергает его подавляющим большинством голосов.

Тов. **Курский** предлагает избрать комиссию из 3 лиц для подсчета голосов по выборам в ЦК.

В комиссию единогласно избран весь президиум: т.т. Гершуни, Семенов, Парфинов.

Объявляется перерыв на 10 минут.

После перерыва, во время которого производились подача записок и подсчет голосов, предс. Гершуни объявляет результаты выборов.

Всего подано по числу решающих голосов 68 записок: двое получили по 68 голосов, третий — 66, четвертый — 64, пятый — 58. Эти пять товарищей и должны считаться избранными в ЦК. Число голосов, поданных за остальных кандидатов, совершенно ничтожно: только в одном случае оно достигает 8 голосов, в остальных не превышает 1-2 голосов. (Продолжительные аплодисменты.)

Тов. **Трубчевский** от имени комиссии по рабочему вопросу сообщает: комиссия по рабочему вопросу, за недостатком времени не успевшая представить доклада, ввиду громадной важности и неотложности назревших вопросов рабочего и профессионального движения предлагает съезду принять решение о скорейшем созыве Всероссийской Конференции работников по профессиональному и рабочему движению.

Тов. **Тучкин**. Я поддерживаю это предложение и могу сообщить, что еще старый ЦК хотел созвать такую конференцию; кроме того, старый ЦК предлагал организовать Ц. Комиссию по профессиональному движению, на манер Ц. Крест. Комис., и так как новый ЦК, вероятно, продолжит эту работу, то в высшей степени желательно, чтобы работники на местах приготовились к съезду и прислали в организуемую Ц. Комиссию все необходимые материалы.

Предложение Трубчевского принято единогласно.

Тов. **Егоров**. У нас осталось еще время до закрытия съезда, и я предлагаю его посвятить обсуждению вопроса о национальных партиях. Этот чрезвычайно важный для нас вопрос совершенно не разработан в

нашей литературе, другие же вопросы, стоящие на очереди — о максимализме и н[ародных]-с[оциалистов] — достаточно уже обсуждались в наших партийных органах.

Тов. **Крымов**. А я как раз наоборот. Именно потому, что вопрос о максимализме и н.-с. до некоторой степени разработан, предлагаю его обсудить сейчас, так как для решения вопроса о национальных партиях мы не подготовлены и у нас не хватит времени, чтобы вынести определенную резолюцию.

Съезд большинством голосов постановляет перейти к вопросу о национальных партиях.

Тов. **Тучкин**. В настоящее время ЦК ведутся переговоры с родственными нам национальными социально-революционными партиями о созыве Всероссийской Конференции для выработки постоянного соглашения между нашей партией и ими. Нац. партии должны обсуждать этот вопрос на своих съездах, и ЦК находит необходимым, чтобы и наш съезд вынес по этому поводу резолюцию, которая и будет вам предложена.

Предс. **Гершуни** предлагает высказаться по этому поводу представителю СЕРП.

Представитель этой партии тов. Рубинштейн по соглашению с тов. Крестовским уступает свое слово этому последнему.

Тов. **Крестовский**. По поручению ЦК я собрал некоторые материалы о СЕРП и постараюсь в самых кратких чертах доложить о них съезду. СЕРП в настоящее время довольно солидная организация, насчитывающая в своих рядах около 10-12 тысяч организованных рабочих. Наиболее сильные организации СЕРП находятся в Екатеринославской губ., в Крыму, в Подольской губ. и Ростове-на-Дону, в Харькове, Виленской и Витебской губ., в Смоленске, Минске и Могилевской губ., и, кроме того, небольшая группа имеется в Киеве, Бердичеве и Волынской губ.

СЕРП располагает значительным числом интеллигентных работников и выдающимися литературными силами, которые по своим воззрениям вполне примыкают к с.-р. Что же касается рабочей массы, то это почти сплошь бывшие с.-д., главным образом бундовцы, отколовшиеся из-за национального вопроса. В настоящее время, по составу большинства рабочих, эту партию нельзя назвать не только с.-р., но даже эсерствующей. Но это исключительно потому, что до сих пор почти не было нашей литературы на еврейском языке. СЕРП стремится создать такую литературу, и благодаря этому с.-р.-ская тенденция в еврейских рабочих массах быстро усиливается. Отношения с этой партией всюду, где существуют организации, были самые дружественные и близкие. СЕРП желала бы установить в дальнейшем будущем постоянные федеративные отношения с нашей Партией. До тех же пор, пока главная масса членов этой партии еще не достаточно проникнута с.-р. тенденциями, она предлагает установить такое соглашение, какое существует с ППС, Грузинской П.С.-Ф. и Белорусской Громадой.

Тов. **Рубинштейн**. По поводу наших пожеланий я могу сказать, что мы стремимся к федеративному объединению всех социалистических партий в России. Но осуществление этого плана ставим в зависимость от разработки национального вопроса, и для этого мы предлагаем со-

звать конференцию из представителей национальных партий, родственных с.-р.-ам, а также национальных с.-р. организаций, как чувашская, татарская и т.п. Такая конференция могла бы разработать национальный вопрос и выработать план федеративного объединения.

Тов. **Крестовский**. Ввиду того что неизвестно еще, когда соберется следующий партийный съезд, я предложил бы настоящему съезду поручить совету партии или ЦК установить отношения с национальными партиями.

Для этого я предлагаю съезду принять следующую резолюцию:

«Съезд находит желательным созыв конференции из представителей нашей партии, родственных нам национальных социально-революционных партий и наших партийных национальных организаций для выработки общего типа соглашения с национальными партиями; до тех же пор съезд поручает ЦК входить в соглашения с теми из них, с какими он найдет желательным и возможным».

Тов. **Андронов** недоумевает: для чего в резолюции упомянуты национальные организации нашей партии? Раз они являются составными частями нашей партии, то непонятно, в какие еще с ними соглашения мы будем входить?

Тов. **Семенов**. Представители наших партийных организаций помогт на этом съезде выработать соглашение с отдельными национальными партиями и помогут вообще в разработке национального вопроса.

Резолюция тов. Крестовского голосуется и принимается единогласно.

Тов. **Тучкин**. Я предложил бы теперь представителям Кавказа высказаться по поводу «Дашнакцутюна».

Тов. **Кутаисов**. Вопрос об отношениях к «Дашнакцутюну» и грузинским федералистам на Кавказе за последнее время чрезвычайно обострился. За недостатком времени я должен ограничиться лишь самым кратким сообщением. Соглашение, выработанное на Женевской конференции⁵³⁴, уже не соответствует современному положению вещей. На последнем Закавказском Областном Съезде было признано, что «Даш-тюн» в целом нельзя считать с.-р. партией. В нем борются 2 течения — с.-р. и буржуазное. И в настоящее время, напр., Тифлисская организация нашей партии была вынуждена почти совершенно порвать все сношения с «Дашнакцутюном». Что касается грузинских федералистов, то в этой партии тоже замечается два течения — с.-р. и анархистское. Последнее, особенно сильное среди молодежи, грозит одержать верх во всей партии. Мне кажется, что съезд в настоящее время не может решить вопроса об отношении к обоим этим партиями необходимо передать его для окончательного решения местным областным съездам.

Предс. **Парфинов** спрашивает, участвовали ли федералисты в выборах?

Тов. **Кутаисов**. Да, участвовали.

Предс. **Парфинов**. Ну какие же они после этого анархисты?

Кутаисов. Анархистское течение особенно сильно среди молодежи, и об этом мне говорили сами федералисты. Литературные силы федералистов по своему направлению очень близки к с.-р.

Тов. **Семенов**. Я хочу дать некоторые дополнительные объяснения к сообщению т. Кутаисова.

Он поставил вопрос резко и определенно, но не совсем верно. Обл. Закавказский Съезд постановил не прерывать сношения с центральными органами «Д.», с целью поддерживать внутри этой партии с.-р. течение.

Между тем товарищ сообщил, что Тифлисский комитет уже **порвал** сношения. Может быть у Тифлисского к. и было достаточно оснований для такого решения, но он, во всяком случае, поступил неправильно с формальной точки зрения. Тифлисский к., таким образом, нарушил постановления Женевской конференции, решения ЦК и Областного съезда. Я думаю, что ему, во всяком случае, не следовало бы прерывать сношений до решения нового Обл. Съезда с.-р. течение в «Д.», во всяком случае, еще достаточно могущественно и живо, и нам необходимо употребить все усилия к поддержке его, как это было постановлено на Обл. Съезде. Осложняя положение наше на Кавказе конфликтом с «Д.», мы тем самым страшно затрудняем собственную работу: благодаря этому мы можем оказаться и без людей, и без поддержки, и без денег. Соглашение с «Д.» нам до сих пор давало одну большую выгоду, через них мы распространили массу нашей литературы. Этого-то по крайней мере не следует забывать...

Тов. **Калинин**. Тифлисский комитет не нарушал партийной дисциплины и до сих пор сохранил все необходимые сношения с «Д.». Вот резолюция, которая была вынесена Тифлисской конференцией по отношению к этой партии.

«Признавая, что национальное эсерство не имеет никаких оснований на обособленное партийное существование, ибо во 1) обособленность национального эсерства дробит с.-р. силы, во 2), что партия «Д.» и грузинских федералистов затемняет национальным духом идеи с.-р.; в 3) что в самых этих партиях возникает течение борющееся с национализмом, искажающим эсерство, Тифлисская Ор. П.С.-Р. считает необходимым занять более резкую позицию по отношению к этим партиям и всячески содействовать молодым течениям в их борьбе с отживающими традициями и приглашает их войти в П.С.-Р. целыми организованными составами».

Тов. **Кутаисов**. Т. Семенов стоит на неправильной точке зрения и, по-видимому, недостаточно осведомлен о кавказских делах. Областной Съезд постановил порвать сношения с «Д.».

Тов. **Семенов**. Нет, это неверно, он постановил сохранить их. Вот точный текст резолюции 2-го Закавказского Областного Съезда (читает):

«Съезд полагает, что нашим товарищам следует **не прерывать сношения с центральными учреждениями «Д.»** и всеми силами стараться помочь им выйти из трудного положения».

Тов. **Тучкин**. Я должен предостеречь кавказских товарищей от преждевременного и недостаточно обдуманного разрыва сношений с кавказскими национальными партиями. Конференция, которую мы только что постановили созвать, окончательно выяснит этот вопрос. Пока же местные группы наши, во всяком случае, должны держаться прежде принятых партийных решений и не порывать сношений.

Грузинская П.С.Р.Ф. почти целиком приняла всю нашу программу — пока еще неофициально, впрочем, до ближайшего съезда, — и если в

ней есть элементы анархистствующие или крайние националисты, в общем с.-р.-ское течение, несомненно, преобладает. В армянской партии «Дашнакцутюн» тоже, безусловно, очень сильно с.-р. течение.

И как раз именно теперь эта партия переживает процесс двойного отсоединения от нее чуждых эсерству элементов: с одной стороны, от несотделяющихся к.-д.-ские, буржуазные элементы, с другой — крайние боевики — «земворы» (не признающие ничего, кроме эксов и бомб и действительно имеющие весьма мало общего с социализмом). Остаток в партии наиболее влиятельное с.-р.-ское течение стремится очистить ее от негодных элементов. И наша задача — помочь им в этом самоочищении. Опыт показал уже, что дружеские сношения и практика совместной работы с нашей партией являются лучшим средством поддержать и усилить с.-р.-ское течение, и нам не следовало бы сходить с этого пути. Надо отметить еще, что у «Дашнакцутюна» в настоящее время особенно усиливается работа в турецкой Армении, а там как раз наша идея социализации земли имеет шансы на наибольший успех, так как армянское население почти сплошь земледельческое, лишенное земли курдами и татарами. Правда, что на почве крайнего боевизма среди обостренных и запутанных национальных отношений на Кавказе в армянской партии происходило немало в высшей степени безобразных и возмутительных явлений. Но не следует забывать, во-первых, что этим именно элементы теперь выделяются и частью уже выделились из партии, а во-вторых, нам приходится сознаваться, что и у нас в периферии на той же почве боевизма и экспроприаций происходили подчас крайне нежелательные вещи...

В заключение я еще раз повторяю, что до созыва конференции по вопросу о национальных партиях прямая обязанность наших местных работников на Кавказе сохранить дружеские отношения с армянской и грузинской партиями.

По предложению товарища Тучкина съезд принимается подавляющим большинством следующая резолюция:

«Съезд постановляет вопрос об отношении к армянской партии «Дашнакцутюн» и грузинской партии соц.-рев.-федералистов выяснить на предстоящей конференции по вопросу о национальных социально-революционных партиях; до тех же пор съезд предлагает товарищам на Кавказе сношений с этими партиями не прерывать».

Тов. **Кутансов**. Необходимо, чтобы ЦК послал на Кавказ человека для созыва Областн. Конфер. и специального расследования отношений к этим двум партиям.

Тов. **Баронский**. Я заявляю свой протест против тифлисской резолюции, она составлена в чисто с.-д. духе. Я настаиваю, чтобы этот мой протест был занесен в протокол.

Предс. **Гершуни** напоминает, что в распоряжении съезда имеется всего 50 минут, и спрашивает, какому вопросу съезд желает посвятить их — отношению к максималистам и н.-с. или отчету ЦК.

Съезд постановляет немедленно выслушать отчет ЦК.

Тов. **Парфинов** заявляет, что отчет ЦК будет краткий и неполный, так как представитель ЦК, который должен был его дать, арестован и многие документы пропали.

На эстраде появляется т. Соболевский для дачи отчета ЦК. Съезд встречает его продолжительными аплодисментами⁵³⁵.

Тов. **Тучкин** дает некоторые дополнения к сообщению Соболевского.

Тов. **Крымов** предлагает выразить благодарность ЦК. (Аплодисменты.)

Тов. **Гершуни**. Я протестую против этой благодарности ЦК, вы можете только сказать, что он выполнил свой долг и выражение какой-то «благодарности» было бы для него оскорблением. (Аплодисменты.)

Тов. **Баронский**. Я предлагаю вспомнить и многих наших лучших товарищей и послать приветствие товарищам актуйцам. (Аплодисменты.)

Тов. **Семенов**. Предлагаю выразить благодарность представителю нашей Партии в Международном Социалистическом Бюро, редактору «La Tribune Ruse»⁵³⁶. (Аплодисменты.)

Голос одного из товарищей: предлагаю послать привет Международному Социалистическому Бюро. (Аплодисменты.)

Тов. **Гершуни**. Мы приходим к концу. И я чрезвычайно рад, что не мне придется говорить заключительное слово. Мы предоставляем его самому **молодому по душе товарищу — Брешковской**. (Гром аплодисментов.)

Тов. Брешковская. Дорогие дети, уважаемые товарищи! Многое еще надо бы нам обсудить вместе, много важных решений предлагает нам жизнь, но мы, вечно преследуемые изгнанники, радуемся, что нам удалось свидеться и сговориться хоть по главным делам нашим. Мне чувствуется, что мы расходимся по местам бодрыми и уверенными в том, что нам предстоит делать; что мы достаточно поняли друг друга, чтобы действовать разумно, не ожидая каждый раз новых директив; наконец, что мы пережили настолько сложный, серьезный и длительный период русской революции, что и собственный опыт наш может и должен подсказать нам многое. Не ошибок боюсь я — их не делает только тот, кто ничего не делает, я боюсь, чтобы из мыслей наших не ускользнуло сознание того, что только неумолимый к себе и строгий к другим человек может быть достойным социалистом-революционером, — чтобы верить в народ свой, чтобы, не сомневаясь в нем, вести его в смертельный бой, надо прежде всего верить в себя, товарищи, сознавать в себе непоколебимую силу. Все делается человеком, один он может. А раз он может, то он и должен... Дети родные! Будем умными, добрыми, непобедимыми.

Второй Съезд партии соц.-рев. закрыт!

До скорого свободного свидания!

Долго несмолкающие аплодисменты.

Предс. **Гершуни**. Мы все сделали. Остается сказать два слова. Перед нами стоит великая задача объединения социально-революционных сил. В бой мы все рвемся, но не очень рвемся: сдерживайте ваше настроение. Когда же настанет решительный момент, то **да не смутится наш дух и не дрогнет рука!**

Товарищи! Объявляю второй съезд П.С.-Р. закрытым, с тем, чтобы третий собрался на Невском. (Аплодисменты.)

Гершуни. От того, что вы хлопаете, на Невском мы не соберемся. (Аплодисменты.)

В 10 ч. вечера съезд закрыт.

СОСТАВ СЪЕЗДА

№	Название организаций	Фамилии делегатов	Голоса	Не явились делегаты организаций, имевших право представительства
			реш сов	
1	2	3	4	5
1	Северная область	Семенов	1	
2	Северн. Област. Комитет	Архангельский	1	
3	Архангельская организ.	Псковский	1	
4	Псковская	Новгородский	1	
5	Новгородская	Вологодский	1	
6	Вологодская	Горин	1	
7	Прибалтийская (Риги-Юрьевская)	Войнов	1	
8	Петербургский	Фомин	1	
9	Городской комитет	Сахаров	1	
10		Михайлов	1	
11	Северо-Зап. область	Бегунова	1	Гомельской, Новозыбковской и Двинской
12	Северо-Зап. Обл. Ком., Смоленская организ.	Минский	1	
13	Минская	Бромский	1	
14	Виленская	Сергеев	1	
15	Брянская	Ефимов	1	
16	Витебская			2 делегат от съезда крестьянских организаций Саратов. губ.
17	Поволжская область	Квадратов	1	
18	Астраханская организ.	Разумов	1	
19	Царицынская -"	Трофимов	1	
20	Саратовская			
21	Самарская -"	Сысоев	1	
22	Симбирская -"	Симбирский	1	
23		Деревенский	1	
24	Чувашская -"	Чуваши	1	
25	Татарская -"	Касимов	1	
26	Пензенская организ.	Павлова	1	Пермская и Сарапульская организации
27		Смирнова	1	
28	Оренбургская -"	Муринов	1	
29	Козловская -"	Федотыч	1	
30	Тамбовская -"	Графский	1	
31	Казанская -"	Макаров	1	
32	Уральская область	Сережников	1	
33	Областной комитет	Уфимский	1	
34	Уфимская организ.			
35	Вятская	Вяткин	1	
36	Златоустовская	Златоустов	1	
37	Екатеринбургская	Матов	1	

35	Областной Комитет	Рязанцев	1	
36	Харьковская организ.	Молние	1	
36	Харьковская организ.	Никольский	1	
38	Курская -"	Курский	1	Полтавская, Екатеринославская и Подольская организации
39		Янов	1	
40	Киевская -"	Трубчевский	1	
41	Воронежская -"	Борисов	1	
42	Черниговская -"	Андреева	1	
43	Волынская -"	Волынцев	1	
	Центральная область			
44	Областной комитет	Андреев	1	
45	Костромская орг-ция	Костромич	1	
46	Орловская -"	Игорев	1	Тульская, Рязанская, Ярославская, Калужская и Московская окр-ружная организации
47	Владимирская -"	Владимирский	1	
48	Нижегородская -"	Андронов	1	
49	Тверская -"	Рошина	1	
50	Судоходная -"	Волжанин	1	
51	Московский	Михайловский	1	
52	городской Комитет	Петров	1	
	Южная область			
53	Областная конф-ция	Тигрин	1	
54	Южно-русский крестьянский съезд	Крестьянинов	1	
55		Сельский	1	
56	Мелитопольск. орг.	Авраамов	1	
57	Конференция Ялты и Симферополя	Крымов	1	
58	Кишиневская орг-низ.	Бессарабев	1	
59	Одесская организ.	Баронский	1	
60	Севастопольская -"	Андреевич	1	
61	Азовско-Донск. обл.			
61	Таганрогская орг-низ.	Донской	1	
62	Ростовская -"	Ростовский	1	
	Северный Кавказ			
63	Кавказская областная конференция	Алексеева	1	
64	Ставропольская -"	Зиновьев	1	Новороссийская организация
65	Екатеринодарск.	Богданов	1	
66	Пятигорская -"	Полунов	1	
67	Армавирская -"	Армавиров	1	
	Закавказская область			
68	Тифлисская организ.	Клинин	1	
69	Кутаисская -"	Кутаисов	1	
70	Бакинская -"	Борисовский	1	
	Сибирская область			
71	Красноярская орг-ция	Тайгин	1	Омская, Иркутская, Читинская, Владивостокская организации
72	Томская -"	Сашин	1	
	Туркестанская область			
73	Кокандская организ.	Коканцев	1	Асхабадская и Ташкентская

1	2	3	4	5
74	Конференция воен-	Филиппов	1	
75	ных организаций	Верова	1	
76	Представитель П.С.-Р.	Парфинов	1	
	в Интернац.Бюро			
77	Центральный	Большов	1	
78	Комитет	Соболевский	1	
79		Крестовский	1	
80	Заграничная организ.	Долинский	1	
81	Конференция	Токов	1	
82	писателей	Лисиной	1	
83		Черняков	1	
84	«Земля и Воля»	Беляев	1	
85	«Труд»,	Егоров	1	
	«Голос Рабочего»			
86	Центр. Организ. Бюро	Лаврецкий	1	
87		Вернер	1	
88	Организационное	Григорьев	1	
89	Бюро Съезда	Нагорцев	1	
90		Ольгина	1	
91		Волков	1	
92		Большаков	1	
93		Валерианов	1	
94		Павлов	1	
95		Выборгский	1	
96		Михайлов	1	
97		Коренев	1	
98		Северов	1	
99	Члены ЦК,	Южный	1	
100	Уполномоченные ЦК	Леккерт	1	
101	и товарищи,	Янович	1	
102	приглашенные ЦК	Пермский	1	
103	и самим съездом	Г.А.Гершуни	1	
104		Тучкин	1	
105		Е.К.Брешковская	1	
106		Семенов	1	
107		Белоруссов	1	
108		Юрьев	1	
109		Алов	1	
110		Горева	1	
111		Звездин	1	
112	Офицерский союз	Южин	1	
113	Трудовая Группа	Власов	1	
114	Всероссийский	Максимович	1	
115	Крестьянский Союз	Волгин	1	
116	ЦК Вс.Ж.-Д.Союза	Панасенко	1	
117	ЦК СЕРП	Рубинштейн	1	
			68 49	

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Наши задачи* — Программа Союза социалистов-революционеров, организации, одной из первой в России официально принявшей название социально-революционной. Сформировалась в Саратове в 1894-1896 гг. Программа была написана в начале 1896 г. одним из основателей и лидером Союза А.А.Аргуновым (1866-1939), ставшим затем видным деятелем партии социалистов-революционеров, и оттектографирована под названием «Основные положения программы Союза социалистов-революционеров». В 1898 г. Программа с предисловием Аргунова и под названием «Наши задачи» была издана на mimeографе в Москве, куда к тому времени переместился центр Союза. В 1900 г. «Наши задачи» были отпечатаны в Лондоне эмигрантским Союзом русских социалистов-революционеров с послесловием «Социал-демократы и социалисты-революционеры», написанным лидером этой организации С.Григоровичем (Х.О.Житловским).
2. *Манифест партии социалистов-революционеров* — Программа партии социалистов-революционеров (южной). Проект Манифеста был разработан Воронежской группой социалистов-революционеров и принят с некоторыми поправками и дополнениями съездом южных эсеровских организаций, состоявшимся в конце лета 1900 г. в Харькове и образовавшим партию социалистов-революционеров. В октябре того же года Манифест был отпечатан Харьковской организацией социалистов-революционеров с рядом самовольных поправок, не одобрявшимися эсерами других организаций.
3. *Свобода* — программная брошюра Рабочей партии политического освобождения России (РППОР), организованной в 1899-1900 гг. в Минске Л.М.Клячко (Родионовой) при активном содействии Е.К.Брешко-Брешковской и Г.А.Гершуни. Брошюра была написана Клячко и отредактирована Гершуни. В начале 1900 г. она была издана в Минске в типографии партии.
4. *С.Григорович* — литературный псевдоним Хаима Осиповича Житловского (1865-1943). Участвовал в народовольческих кружках Северо-Западного края во второй половине 80-х гг. После разгрома народовольческой группы, готовившей покушение на Александра III 1 марта 1897 г., эмигрировал, окончил Бернский университет с дипломом доктора философии. В начале 90-х годов основал Союз русских социалистов-революционеров, редактировал его газету «Русский рабочий» (1894-1895 гг., № 1-11). Входил в эсеровскую делегацию на Амстердамском конгрессе II Интернационала (август 1904), принявшем партию эсеров в состав этой международной социалистической организации. Один из организаторов и руководителей еврейской социалистической рабочей партии (СЕРП). В 1907 г. эмигрировал в США, где играл заметную роль в еврейском социалистическом движении и культурной жизни, в Россию не возвращался. С конца 20-х годов симпатизировал социалистическому эксперименту, начавшемуся в СССР, и считал, что Социалистический Интернационал должен помочь советскому правительству в этом эксперименте. Согласно некоторым сведениям, оправдывал сталинский казарменный социализм, принимал его за тот социализм, который проповедовался русской интеллигенцией.
5. *С.Григорович. Социализм и борьба за политическую свободу* — неофициальная

- программная брошюра Союза русских социалистов-революционеров. Написана лидером и теоретиком этой организации Х.О.Житловским.
6. *«Grattez le marxiste et vous trouverez un utopiste pur sang»* (франц.) — поскреби русского марксиста и обнаружишь настоящего утописта.
 7. *«Heilige Familie»* (немец.) — имеется в виду работа К.Маркса и Ф.Энгельса «Святое семейство, или критика критической критики».
 8. *«Entente cordiale»* (франц.) — «сердечное согласие».
 9. Имеется в виду одно из действующих лиц повести А.П.Чехова «Мужики», бывший лакей московской гостиницы Н.Чикильдеев.
 10. *Жорес Ж.* (1859-1914) — один из лидеров французской социалистической партии, страстный борец против милитаризма и войны, убит французским шовинистом 31.7.1914.
 11. *Лассаль Ф.* (1825-1864) — немецкий социалист, основатель и руководитель Всеобщего германского рабочего союза.
 12. Согласно воспоминаниям В.М.Чернова («Записки социалиста-революционера». Берлин-Петербург-Москва. М., 1922.), которые являются единственным источником, содержащим сведения о том, как появился на свет этот документ, в с. Павлодар Борисоглебского у. Тамбовской губ. самими крестьянами была создана нелегальная организация — «Братство для защиты народных масс». По просьбе крестьян Чернов помог составить устав этой организации. Затем образовались такие организации в других селах этого и соседних уездов. На съезде представителей «Братств» устав был окончательно отредактирован. Выехав в мае 1899 г. за границу, Чернов взял с собой оригинал устава и использовал его как веское свидетельство в пользу идеи, что деревня просыпается и революционная работа в крестьянстве является вполне назревшим и необходимым делом для социалистов. Сообщение Чернова об образовании тайных крестьянских организаций произвел сильное впечатление на народническую эмиграцию. Устав вместе с *«Письмом ко всему русскому крестьянству»*, призывавшим крестьянство объединяться в «Братства», незамедлительно был отпечатан Союзом русских социалистов-революционеров, а для издания революционной литературы для деревни в 1900 г. была создана *Аграрно-социалистическая лига*.
 13. *К товарищам по мысли и делу* — обращение Аграрно-социалистической лиги с кратким изложением своих целей, тактики и организационной основы, а также призывом ко всем, разделяющим идеи Лиги, оказывать ей всяческую поддержку. Опубликовано в качестве предисловия к брошюре *«Очередной вопрос революционного дела»*.
 14. *Аграрно-социалистическая лига* — народническая организация, созданная по инициативе В.М.Чернова в феврале 1900 г. в Париже и объединившая представителей разных течений народнической эмиграции с целью издания и распространения революционной литературы для крестьян.
 15. *«Очередной вопрос революционного дела»* — программная брошюра Аграрно-социалистической лиги, написана В.М.Черновым.
 16. *Программа революционной деятельности в деревне* была выработана I съездом Аграрно-социалистической лиги, состоявшимся в июле 1902 г. в Женеве.
 17. *Крестьянский союз партии социалистов-революционеров* — создан в Саратове летом 1902 г. с целью расширения и активизации работы эсеров в деревне. Издал два воззвания: *«От Крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма в России»* и *«Ко всему русскому крестьянству»*, в которых излагались задачи, тактика, предполагаемая схема организации союза и содержался призыв вступать в партию эсеров и союз для борьбы с правительством за крестьянское дело.
 18. *Наша программа* — программа журнала *«Вестник русской революции»*, написана редактором журнала К.Тарасовым (Н.С.Русановым).
 19. Имеется в виду *«Вестник русской революции»* — журнал, основанный в Париже представителями народнической эмиграции, более других остававшихся верными народофильству. Печатался в Женеве. Выходил в 1901-1905 гг. не-

- регулярно, издано 4 номера. Первый номер появился — летом 1901 г. под редакцией К.Тарасова (Н.С.Русанова). Со второго номера (февраль 1902) — теоретический орган партии эсеров под коллективной редакцией (В.М.Чернов, М.Р.Гоц, Н.С.Русанов и И.А.Рубанович).
20. *Союз социалистов-революционеров* (сер. 90-х — 1901). Основан в Саратове, затем его центр переместился в Москву, имел группы и отдельных представителей в ряде городов — Петербурге, Ярославле, Полтаве, Томске и некоторых других. В целом был малочисленной, чисто интеллигентской по составу, крайне законспирированной организацией, отметившей свое существование прежде всего изданием программы «*Наши задачи*», нескольких прокламаций и двух номеров газеты «*Революционная Россия*». Разгромлен полицией в конце 1901 г.: в сентябре была арестована его типография в г.Томске, печатавшая третий номер «*Революционной России*», а в декабре — центральная группа в Москве и большая часть представителей Союза в других городах. Провал Союза в решающей мере был связан с провокаторской деятельностью агента Департамента полиции *Е.Ф.Азефа*.
 21. *Партия социалистов-революционеров* (1900-1901). Образована на съезде южных эсеровских организаций (Воронежской, Харьковской, Одесской и ряда других) в Харькове в конце лета 1900 г. Объединение было скорее номинальным, чем реальным, не было создано общее руководство, не принят устав. Одобрены были лишь общие принципы партии, изложенные в опубликованном в ноябре «*Манифесте партии социалистов-революционеров*». Образование партии являлось определенным шагом в собирании эсеровских сил под общее знамя, однако даже по признанию *Е.К.Брешко-Брешковской*, являвшейся «крестной матерью» партии, «*Манифест*», был «слабо составлен». Ряд эсеровских организаций был недоволен решением «*Манифестом*» многих принципиальных вопросов и не соглашался на объединение на его основе. В итоге партия социалистов-революционеров осталась региональной организацией и потому среди эсеров и в полицейских документах она порой именовалась южной партией социалистов-революционеров.
 22. «*Революционная Россия*» — газета социалистов-революционеров, издавалась в 1901-1905 гг. Основана Союзом социалистов-революционеров, им же были изданы первые два номера, затем издание было перенесено за границу, где газета печаталась уже как центральный орган объединенной партии эсеров сначала в Париже, потом в Женеве. Всего вышло 77 номеров, последний — в виде отдельных оттисков статей. В состав партийной редакции входили *В.М.Чернов*, *М.Р.Гоц* и *Л.Э.Шинко*.
 23. *Кубов* — *Аргунов Андрей Александрович* (1866 -1939), один из основателей и руководителей Союза социалистов-революционеров. Накануне ареста в конце 1901 г. принял в Союз агента охраны *Е.Ф.Азефа*. Член ЦК ПСР с 1905 г., где занимался главным образом организационной работой. Возбудил перед ЦК вопрос о расследовании слухов о провокаторстве *Азефа*, вел это дело в России. После разоблачения *Азефа* вышел из состава ЦК. В годы первой мировой войны — оборонец. После Февраля 1917 г. вновь был избран в ЦК, один из лидеров правого крыла партии. К большевистскому перевороту относился резко отрицательно. Участник Уфимского государственного совещания, где был избран в состав Директории. В 1919 г. выслан *А.В.Колчаком* за границу, сотрудничал в эмигрантской печати.
 24. *Судебно-следственная комиссия при ЦК ПСР по делу Азефа* — создана по решению V Совета партии, состоявшегося в Цюрихе в мае 1909 г. В состав комиссии были избраны *В.В.Лункевич* (Аракатский), *А.Н.Бах*, *С.А.Иванов* (Берг) и *С.М.Блеклов* (Сенжарский). Окончательно конституировалась в сентябре того же года под председательством *Баха*. Работала полтора года, опросила 31 человека. В числе опрошенных были руководящие деятели партии, а также другие члены партии, которые могли своими показаниями дать возможность комиссии как можно полнее и объективнее решить поставленную задачу — выяс-

нить условия, как со стороны организационных партийных принципов, так и со стороны действий ответственных органов и отдельных лиц, благоприятствующие развитию провокаторской деятельности Азефа. Итоги работы комиссии были подведены в ее «Заключении», опубликованном в 1911 г.

25. *Азеф Е.Ф.* (1869-1918), из мещан, сотрудник Департамента полиции, один из основателей и руководителей партии эсеров, глава ее Боевой организации в 1903-1908 гг. Начал сотрудничать с охранкой добровольно с 1893 г., находясь в Германии, где учился в Политехническом институте. Освещал различные революционные эмигрантские кружки, особенно сблизился с Союзом русских социалистов-революционеров. В 1899 г. вернулся в Россию, находился в Москве в распоряжении начальника местного охранного отделения С.В.Зубатова. Благодаря рекомендации заграничных эсеров, вошел в контакт с руководством Союза социалистов-революционеров, оказал ему ряд услуг, в том числе в постановке типографии в Томске. После провала этой типографии в сентябре 1901 г., при печатании № 3 «Революционной России», убедил руководство Союза в необходимости на время перенести печатание газеты за границу. Накануне полного провала Союза был принят в его состав А.А.Аргуновым, который передал ему все конспиративные дела Союза и наказ вместе с *М.Ф.Селюк*, к тому времени уже выехавшей по настоянию Азефа за границу, наладить за границей временный выпуск «Революционной России». Вместе с Селюк от имени Союза вел в Берлине в декабре 1901 г. переговоры с представлявшим якобы южных эсеров Г.А.Гершуни, закончившиеся принятием решения о слиянии Союза и южной партии эсеров в единую партию социалистов-революционеров. Участвовал в подготовке террористических актов против харьковского губернатора И.М.Оболенского и уфимского Н.М.Богдановича. В 1903-1904 гг., после ареста Гершуни и выезда за границу Е.К.Брешко-Брешковской, фактически возглавлял партию в России: кооптировал ЦК, руководил Боевой организацией, организовал покушение на министра внутренних дел В.К.Плеве (июль 1904) и бывшего генерал-губернатора Москвы, дядю царя, великого князя Сергея Александровича (февраль 1905), входил в состав эсеровской делегации на Амстердамском конгрессе II Интернационала (август 1904), вместе с В.М.Черновым представлял партию на конференции российских революционных и оппозиционных партий в Париже (осень 1904). В 1905 г. организовывал доставку оружия в Россию и динамитные мастерские. После издания Манифеста 17 октября настаивал на прекращении террора и роспуске Боевой организации. На I съезде партии избран в состав ЦК. В марте 1906 г. перешел в подчинение начальника Петербургского охранного отделения А.В.Герасимова, который ужесточил контроль за ним. С этого времени деятельность Боевой организации была фактически парализована. В ЦК партии эсеров неоднократно в различной форме поступали сигналы о провокаторской деятельности Азефа, однако авторитет последнего был настолько непререкаем, что они или вовсе игнорировались или расследовались поверхностно. Окончательно был разоблачен В.Л.Бурцевым, который получил подтверждение о сотрудничестве Азефа с охранкой от бывшего директора Департамента полиции А.А.Лопухина. 7.1.1909 г. ЦК ПСР объявил Азефа провокатором, но он скрылся от партийного суда. С конца 1909 г. жил в Берлине под фамилией А.Неймeyer, занимался игрой на бирже. В 1915 г. был арестован германской полицией, как подданный враждебной страны, до декабря 1917 г. содержался в Моабитской тюрьме. Там тяжело заболел и вскоре после освобождения умер.
26. *Гершуни Г.А.* (1870-1908) — сын арендатора имения, аптекарь-бактериолог, один из организаторов и руководителей партии эсеров, основатель и глава Боевой организации до его ареста в мае 1903 г. В 1898 г. поселился в Минске, открыл бактериологический кабинет, одновременно вел культурно-просветительскую работу среди еврейского населения и оказывал посильную помощь революционному подполью в организации паспортного бюро, мастерской по изготовлению печатных станков, транспортировке литературы из-за границы и

распространении ее по другим городам, познакомился с проживавшей в то время в Минске Е.К.Брешко-Брешковской, близко был знаком с организатором Рабочей партии политического освобождения Л.М.Клячко, редактировал программную брошюру партии «Свобода», усилив ее террористическую направленность. Летом 1900 г. был арестован по делу партии, доставлен в Москву, где с ним вел ночные беседы начальник охранного отделения С.В.Зубатов. Через несколько дней был освобожден, потому, видимо, что пообещал оказывать определенное содействие создававшейся в то время охранкой в Северо-Западном крае Независимой еврейской рабочей партии. Вернувшись в Минск, после длительных раздумий решил перейти на нелегальное положение, и в дальнейшем целиком отдается революционной деятельности. Разъезжает по стране, помогая Брешковской в организации эсеровских сил и формируя Боевую организацию. Вместе с Брешковской и П.П.Крафтом вошел в Комитет по связи с заграницей, первоначальным предназначением которого была организация доставки литературы из-за границы. С созданием партии эсеров этот Комитет станет исполнять в определенной мере функции ЦК партии. Видимо, по делам Комитета в конце 1901 г. оказывается в Берлине, где случайно встречается с М.Ф.Селюк, познакомившей его с Е.Ф.Азефом. В течение нескольких дней названная троица вела между собой переговоры, в которых Гершуни представлял южных эсеров. Итогом этих переговоров стало решение о слиянии Союза социалистов-революционеров и Партии социалистов-революционеров (южной) в единую партию социалистов-революционеров. Особое взаимопонимание между Гершуни и Азефом возникло по вопросу о терроре. Боевая организация, руководимая Гершуни, совершила террористические акты против министра внутренних дел Д.С.Сипягина и губернаторов И.М.Оболенского и Н.М.Богдановича. В мае 1903 г. Гершуни был арестован по подсказке Азефа на станции Дарница под Киевом. В марте 1904 г. осужден на смертную казнь, замененную затем на пожизненную каторгу. До конца 1905 г. содержался в Шлиссельбургской тюрьме, затем после пребывания некоторого времени в Бутырках был отправлен на каторгу в Акатуй. В октябре 1906 г. бежал. Участвовал в работе II съезда партии, был избран в состав ЦК. Горячо защищал Азефа в связи с усилившимися слухами о его провокаторской деятельности. Умер в марте 1908 г. от саркомы, похоронен в Париже на кладбище Монпарнас.

27. *Жена Азефа* — Л.Г.Азеф, урожденная Менкина, примыкала к эмигрантским революционным кружкам, затем член партии эсеров, перед первой российской революцией была представителем Заграничного комитета партии эсеров в Париже.
28. Помещица Г. — Гедд.
29. *Мельников М.М.* (1877-?) — из мещан, бывший студент Петербургского горного института, арестован в 1898 г. за участие в петербургской группе социалистов-революционеров. В начале 900-х годов активный участник организации эсеровских сил в Поволжье и на Юге России. Работал в Харькове, поставил там типографию, помогал Г.А.Гершуни в создании Боевой организации и в подготовке террористических актов против министра внутренних дел Д.С.Сипягина и обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева. Осенью 1902 г. участвовал в совещании в Киеве тогдашних лидеров эсеров (кроме Мельникова были Гершуни, П.П.Крафт и Е.Ф.Азеф), на котором принято было решение упорядочить руководство партией путем более четкого распределения функций в ее руководстве. В ведение Азефа отводилась партийная работа на Севере, Мельникову поручался Киев, а Крафт и Гершуни должны были оставаться разъездными деятелями партии. Мельников был против самовольного присвоения определенной группой статуса ЦК партии, считал, что вопрос о ЦК может быть решен только съездом представителей партийных организаций. Этот вопрос стал одним из первых в его разногласиях с Гершуни. Арестован в начале 1903 г. по делу Боевой организации партии, судился военным судом вместе с Гершуни в марте 1904 г., был приговорен к смертной казни, подавал проше-

ние о помиловании, смертная казнь была заменена пожизненной каторгой. До конца 1905 г. содержался в Шлиссельбургской крепости, затем отправлен на Акатуйскую каторгу. Отношения с Гершуни ухудшились во время пребывания в Шлиссельбурге, после того, как Мельников высказал ему свои предположения о провокаторской роли Азефа. Гершуни подозрения Мельникова показались настолько невероятными, что он посчитал его «психически больным» и незамедлительно поделился своим заключением с находившимся в то время в Шлиссельбурге старым народовольцем С.А.Ивановым. После побега Мельникова в 1906 г. с каторги вместе с большевиком, вопреки запрета на побег в такой кампании со стороны Гершуни и находившихся под его влиянием других эсеров-каторжан, в ЦК ПСР было послано письмо десяти эсеров-акатуйцев, осуждавшее Мельникова за ряд «предосудительных» поступков и исключавшее его из состава каторжан. Можно предположить, что организовывая это письмо, Гершуни рассчитывал заранее нейтрализовать Мельникова в случае, если он попытался бы возбудить перед ЦК вопрос об истинном лице Азефа. Вместо того, чтобы провести расследование, заслушать самого Мельникова, ЦК просто разослал копию письма по всем российским партийным организациям, кроме Чернигова, где в то время находился Мельников. Из Чернигова Мельников выехал за границу, при этом со стороны партии ему не была оказана даже минимальная поддержка, паспорт ему пришлось добывать самому. Дальнейших сведений о судьбе Мельникова нет.

30. *Жена А.А.Аргунова* — Аргунова М.Е., урожденная Павлова, преподавала в реальном училище, член Союза социалистов-революционеров, арестована вместе с мужем в декабре 1901 г. по делу Томской типографии Союза, сослана в Восточную Сибирь на шесть лет, откуда вместе с мужем бежала за границу.
31. *М.Ф.* — Селюк М.Ф. (ок. 1872-?), дочь потомственного почетного гражданина, домашняя учительница, активный деятель Союза социалистов-революционеров, по настоянию Е.Ф.Азефа накануне полного разрома Союза выехала за границу для организации там временного издания «Революционной России». В декабре 1901 г. случайно, на одной из эмигрантских вечеринок встретила Гершуни, познакомила его с Азефом и втроем, проведя в течение нескольких дней переговоры между собой, решили вопрос об образовании партии социалистов-революционеров. В 1903 г. кооптирована Азефом в ЦК. Работала в Киеве и Одессе вместе с С.Н.Слеповым, вышла за него замуж. Давала показания Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. После первой российской революции постепенно отошла от революционной деятельности.
32. *Бабушка* — Брешко-Брешковская Е.К. (урожд. Вериги) (1844-1934), из дворян. Участница народнического движения 70-х годов. Осуждена по «процессу 193-х» на каторгу. Вернулась в Европейскую Россию в 1896 г., разъезжала по стране, пропагандируя идеи народничества, помогая организации сторонников этих идей. Причастна к созданию Рабочей партии политического освобождения России, Южной партии социалистов-революционеров и организации эсеровских сил в Поволжье. Помогала Г.А.Гершуни формировать Боевую организацию. Всегда на первый план ставила массовую работу в крестьянстве. Одна из главных организаторов и лидеров партии эсеров. В 1903 г., в связи с нависшей угрозой ареста, выехала за границу, активно участвовала в организации эмигрантских эсеровских сил и мобилизации их для работы в России. Находилась в известной оппозиции к большинству руководства партии, выступала против чрезмерного увлечения политической борьбой и центральным террором, за усиление работы в крестьянстве, за развитие аграрного террора. Под ее покровительством осенью 1904 г. сформировалась группа аграрников-террористов. Входила в состав эсеровской делегации на Амстердамском конгрессе II Интернационала. Вместе с В.М.Черновым представляла партию на конференции российских революционных партий, происходившей в начале апреля 1905 г. и рассматривавшей вопрос об объединении сил в революции. После конференции вернулась в Россию, вела революционную работу прежде всего в Повол-

- жье, публиковала в «Революционной России» «Письма старого друга» с призывами идти в народ, организовывать его и поднимать на вооруженную борьбу с правительством и помещиками. Почетный председатель II съезда партии (февр. 1907). Выступала за строгое запрещение всех видов экспроприаций, разлагающих партию, подрывающих ее авторитет. В сентябре 1907 г. арестована в Симбирске, осуждена и сослана в 1910 г. на поселение в Восточную Сибирь. В период первой мировой войны занимала оборонческую позицию. После Февральской революции — одна из лидеров правых эсеров, поддерживала А.Ф.Керенского. Была воинственной противницей Октябрьской революции. Депутат Учредительного собрания. Одна из организаторов борьбы с советской властью в Поволжье и Сибири. В 1919 г. выехала в США для сбора средств в помощь антибольшевистским силам, осталась в эмиграции, сотрудничала в ряде эмигрантских изданий, вела просветительскую работу в Закарпатской Украине, умерла в местечке Хвалы-Подтипица под Прагой.
33. Имеется в виду арест типографии Союза в Томске в сентябре 1901 г., печатавшей № 3 «Революционной России».
34. *Чепик А.А.* (ок. 1868-?) — один из основателей и активных деятелей Союза социалистов-революционеров, сын чиновника, бывший студент юридического факультета Московского университета и Демидовского лицея, помощник прижизненного поверенного. Через него была установлена связь Союза с эсерами-эмигрантами. Арестован в 1902 г. по делу Томской типографии, сослан на 4 года в Восточную Сибирь.
35. После окончания Политехнического института в Дармштате в 1898 г., получив диплом инженера-электротехника, Азеф служил сначала в одной из фирм во Франкфурте-на-Майне, затем в электротехническом обществе в Берлине. Служба эта была для него своего рода крышей. Формально в качестве представителя этого общества Азеф осенью 1899 г. приехал в Москву.
36. *Молодой студент* — Гоц А.Р. (1882-1940), один из лидеров партии эсеров, брат М.Р.Гоца, сын купца-миллионера. В 1900 г. окончил реальное училище в Москве, где одним из преподавателей была Аргунова М.Е., затем стал студентом Берлинского университета. В конце 1901 г., возвращаясь из Москвы, доставил в Берлин материалы №№ 3 и 4 «Революционной России». В 1904 г., окончив университет, вернулся в Москву, работал в московской эсеровской организации, участвовал в вооруженном восстании, делегат I съезда партии, был членом Боевой организации, участвовал в подготовке покушений на министра внутренних дел П.Н.Дурново и полковника Римана. Арестован в мае 1906 г., приговорен в 1907 г. к 8 годам каторги, отбывал ее в Александровском центральном. После Февральской революции вернулся в Петроград, возглавлял эсеровскую фракцию в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, был заместителем председателя ВЦИК, член ЦК партии. К Октябрьской революции относился враждебно. Один из организаторов «Комитета спасения родины и революции» и юнкерского мятежа в Петрограде. Арестован советской властью в 1920 г. Судился Верховным Революционным трибуналом в 1922 г., в числе двенадцати руководителей и видных деятелей партии эсеров был приговорен к расстрелу, замененному затем 5-летним тюремным заключением. Последний раз был арестован в 1937 г. в Алма-Ате, умер в лагере.
37. А. — Авксентьев Н.Д. (1878-1943), один из лидеров партии эсеров, из дворян, бывший студент юридического факультета Московского университета. Был в числе руководителей студенческих беспорядков в университете в 1899 г., за что был исключен без права поступления в другие российские университеты. В том же году выехал за границу. Изучал философию и политэкономия в Берлинском, Лейпцигском и Галльском университетах, защитил докторскую диссертацию по философии. Был главной фигурой кружка русских студентов (А.Р.Гоц, В.М.Зензинов, И.И.Фондаминский и др.), обучавшихся в Германии и оказывавших различную помощь партии эсеров. В конце 1904 г. выехал в Петербург, в начале 1905 г. был избран в местный комитет партии, затем кооп-

тирован в ЦК. После издания Манифеста 17 октября постоянный оратор от партии эсеров на различных митингах и собраниях, входил в редколлегия первого легального центрального органа партии эсеров, газеты «Сын отечества», замещал М.А.Натансона в Исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован вместе с большинством членов Исполкома 3.12. 1905 г. В 1906 г. осужден по процессу Петербургского Совета и сослан в Обдорск. В 1907 г. бежал за границу, вновь кооптирован в состав ЦК. После революции один из лидеров правого крыла партии, заявившего открыто о себе изданием в 1912 г. журнала «Почин». В годы войны — оборонец, входил в редколлегия оборонческих изданий «За рубежом», «Новости» и «Призыв». В апреле 1917 г. вернулся в Россию. Член ПК и ЦК партии эсеров, председатель ВЦИК Советов крестьянских депутатов, министр внутренних дел Временного правительства, председатель Демократического совещания, затем Временного Совета республики («Предпарламента»). К Октябрьской революции и большевистской власти относился враждебно. Один из основателей и руководителей антибольшевистских организаций — «Комитета спасения родины и революции» и «Союза возрождения России». Участник Уфимского государственного совещания и избранной им Директории. Арестован колчаковцами во время совершенного ими в ноябре 1918 г. переворота, выслан за границу. Обосновался в Париже, был противником решения ЦК партии прекратить вооруженную борьбу против советской власти. Один из основателей и член редколлегия эмигрантского журнала «Современные записки». В 1940 г. перешел в Нью-Йорк, где и умер.

38. Ф. — Фондаминский (Бунаков) И.И. (1880-1942). Видный деятель партии эсеров, сын московского купца 1-й гильдии. После окончания частной гимназии в 1900 г. — студент Берлинского университета, учился философии, социологии, политической экономии и праву, один из активных членов кружка русских студентов, оказывавшего помощь партии эсеров. Жена — А.Гавронская, двоюродная сестра М. и А.Гощов. В конце 1904 г., после окончания университета, вернулся в Москву. С начала 1905 г. член МК ПСР, штатный оратор от партии эсеров на митингах и собраниях, кооптирован в состав ЦК, пожертвовал большую сумму денег на покупку оружия для участников Декабрьского вооруженного восстания, участник I партийного съезда. В период I Государственной думы разъезжал с докладами по провинции. Во время восстания на флоте летом 1906 г. был направлен ЦК в Ревель, где был арестован. Судом был оправдан, выехал за границу, жил в Париже, был членом комиссии ЦК по расследованию слухов о провокации Азефа, с 1909 г. член Заграничной делегации ЦК, оказывал финансовую помощь партии, один из лидеров правого ликвидаторского крыла партии, член редакции журнала «Почин». Занимал «диссидентскую» позицию в партийной дискуссии по аграрному вопросу, допускал возможность разрешения этого вопроса не революционным, а эволюционным путем. Был близок с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус, давал им деньги на издание журнала «Вопросы жизни». Во время первой мировой войны — последовательный оборонец, член редакции журнала «Призыв». После Февраля 1917 г. вернулся в Россию, член ЦК и редакции его органа, газеты «Дело народа», товарищ председателя ВЦИК Советов крестьянских депутатов, комиссар Временного правительства на Черноморском флоте, депутат Учредительного собрания от этого флота. К Октябрьской революции относился враждебно. После разгона Учредительного собрания принимал активное участие в разработке планов борьбы с большевиками, член «Союза возрождения России», участник Ясской конференции представителей русских антибольшевистских организаций и союзников. В апреле 1919 г. эвакуировался из Одессы, жил в Париже, входил в местную партийную группу, занимавшую позицию правее центра, не соглашавшуюся с решением ЦК об отказе от вооруженной борьбы с большевиками и от иностранной интервенции, участник частного совещания членов Учредительного собрания (Париж, янв. 1921). Член редакции журнала

«Современные записки», опубликовал в нем свое большое философско-историческое исследование «Пути России». Вместе с Ф.А.Степуном и Г.П.Федотовым издавал в 30-х годах журнал «Новый Град», проповедовавший идеи слияния «религиозности и социальности, христианства и политики». При оккупации Парижа немцами был брошен в концентрационный лагерь и погиб в газовой камере.

39. *Зезинов В.М.* (1880-1953) — один из лидеров партии эсеров. Сын московского купца 1-й гильдии. После окончания московской гимназии в 1899 г. учился в Берлинском, Гельдербергском и Галльском университетах, изучал философию, политэкономия и право. Член кружка русских студентов, оказывавшего помощь партии эсеров. В начале 1904 г., получив университетское образование, вернулся в Москву, вошел в местную группу эсеров, настоял на преобразовании ее в комитет и стал одним из его руководителей. Арестован в ночь на 9.1.1905 г., после освобождения через несколько месяцев уехал за границу, вернулся после появления Манифеста 17 октября, был сначала в Петербурге, затем в Москве, кооптирован в состав ЦК. Вместе с В.В.Рудневым был представителем МК эсеров в Исполкоме Московского Совета рабочих депутатов. Вопреки мнению большинства ЦК, поддерживал идею о начале вооруженного восстания, организатор взрыва Московского охранного отделения. Участник I съезда партии эсеров. После съезда — член Боевой организации, участвовал в подготовке покушения на министра внутренних дел П.Н.Дурново. Во время I Государственной думы — уполномоченный ЦК на Украине по вопросу организации партийной работы в крестьянстве. Участвовал в разработке ЦК планов вооруженных выступлений в армии и на флоте после роспуска Думы. В конце 1907 г. выехал за границу, жил в Париже. Секретарь комиссии ЦК по расследованию слухов о провокаторстве Азефа, горячо его защищал. V Советом партии (май 1909) избран в состав ЦК. В апреле 1910 г. арестован в Петербурге, сослан в Восточную Сибирь, в 1913 г. бежал, снова был арестован и сослан. Вернулся из ссылки осенью 1914 г., жил в Москве, по вопросу об отношении к войне занимал оборонческую позицию. Близко сошелся с А.Ф.Керенским, участвовал в конференции народнических партий (Петроград, 1915). С конца 1916 г. секретарь редакции журнала «Северные записки». В 1917 г. член ЦК и редакции газеты «Дело народа», председатель ПК партии, секретарь ЦК по организационному вопросу, один из представителей партии в Исполкоме Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. К Октябрьской революции относился враждебно, член «Комитета спасения родины и революции», один из организаторов и активных участников антибольшевистской борьбы в Поволжье, член правительства Комуча, участник Уфимского государственного совещания, где был избран в состав Директории. После колчаковского переворота в ноябре 1918 г. выслан за границу, жил в Париже, принимал активное участие в эсеровском белоэмигрантском движении, один из редакторов журнала «Современные записки». После нападения Германии на Францию выехал в США. Умер в Нью-Йорке.
40. *Гоц М.Р.* (1866-1906) — один из основателей и лидеров партии эсеров, сын богатого московского купца, старший брат А.Р.Гоца. Еще будучи гимназистом, включился в народофильское движение, в 1885 г. стал членом центральной московской народофильской группы, арестован в 1886 г., отправлен в ссылку в Восточную Сибирь на 8 лет, участник вооруженного сопротивления ссылных охранникам (Якутск, март 1889). Приговорен военным судом к бессрочной каторге, которая затем была заменена 20 годами, а в 1895 г. — ссылкой на поселение. В 1898 г. вернулся в Европейскую Россию, жил в Одессе, откуда в конце 1900 г. выехал за границу. Активно участвовал в оживлении народнической эмиграции, оказывал финансовую поддержку ее деятельности. Благодаря его содействию стал издаваться журнал «Вестник русской революции», входил в состав редакции журнала и в дальнейшем настоял на превращении его в теоретический орган партии эсеров. Был одним из редакторов «Революционной

России». Представитель ЦК партии за границей и Боевой организации в ЦК. В партии его неофициально называли диктатором. Департамент полиции считал Гоца «самым опасным человеком» в партии эсеров. По требованию русского правительства был арестован в марте 1903 г. в Неаполе итальянской полицией. Благодаря кампаниям, развернутой социалистами в европейских странах в его защиту, итальянское правительство не решилось выдать его русским властям. После освобождения из неаполитанской тюрьмы через несколько месяцев после ареста тяжело заболел. Почти полностью парализованный, продолжал оставаться центральной фигурой партии, а его квартира в Женеве — ее штаб-квартирой. Умер в Берлине, похоронен в Женеве.

41. **Гарденин** — В.М.Чернов (1873-1952) — теоретик и лидер партии эсеров. Сын чиновника-дворянина, внук крепостного. После окончания гимназии в Дерпте в 1892 г. стал студентом юридического факультета Московского университета, исключен со второго курса в связи с арестом. В революционном движении с начала 90-х годов. Будучи студентом, принимал активное участие в студенческих организациях, являлся членом кружка молодых народovolыцев, оказывал содействие народоуправцам. Арестован в апреле 1894 г. по делу последних. После многомесячного заключения был освобожден под залог и выслан на родину в Камышнин. Затем отбывал ссылку в Саратове и Тамбове. Во время пребывания в Тамбове установил связи с крестьянами, оказывал помощь в образовании первой в России тайной крестьянской организации — «Братства для защиты народных прав» в с. Павлодар Борисоглебского у. Тамбовской губ. и в составлении устава этой организации. С твердым убеждением, что революционная работа в крестьянстве является вполне назревшим революционным делом, в мае 1899 г. выехал за границу. По его инициативе и при его активнейшем участии создается Аграрно-социалистическая лига. Чернов изучает все новинки западноевропейской философии, социологии и социалистической теории и использует их для модернизации народничества, учения об особом пути России к социализму, для разработки рецептов распространения социализма на российское трудовое крестьянство с целью включения его в состав российских и международных борцов за социализм. В рамках народничества разрабатывает особую модель эволюционного демократического социализма для аграрных стран. Основу его теории аграрного социализма составляла идея социализации земли. В партии эсеров с декабря 1901 г., член ее ЦК в 1903-1909 и с 1917 г. до первой половины 20-х годов, когда этот орган полностью распался и прекратил свою деятельность. Был больше теоретиком, чем политиком-практиком. Играл ведущую роль в редакциях практически всех центральных органов партии. В октябре 1905 г. вернулся из-за границы в Петербург. Выступал за тактику не форсирования событий, за приостановку террора, против злоупотребления забастовками, явного введения 8-часового рабочего дня, начала декабрьской всеобщей политической стачки с переводом ее в вооруженное восстание. Считал, что революция должна была использовать временные свободы, объявленные манифестом, для привлечения на свою сторону путем агитации и пропаганды новых сил и прежде всего широких слоев крестьянства, для организации этих сил. Принимал деятельное участие в формировании и работе Трудовой группы в I Государственной думе. Входил в состав комиссии от ЦК, оказывавшей помощь эсеровской группе во II Думе. III и IV Думы рассматривал как конституционную фикцию и выступал за их бойкот. До ухода из ЦК в 1909 г. в связи с разоблачением Азефа выступал не только за расширение социалистической пропаганды в массах, но и за усиление центрального террора и боевой работы партии. В годы войны в целом занимал интернационалистскую позицию, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. Вернулся в Россию в апреле 1917 г. Революцию считал «народно-трудовой», долженствующей демократизировать власть, социализировать землю и создать условия для мирного прорастания социализма из деревни. Сторонник коалиционного правительства на первом этапе рево-

люции. Министр земледелия во Временном правительстве в мае-августе 1917 г. По мере углубления революции, нарастания большевистской опасности все более переходил на левоцентристскую позицию в ЦК и в оппозицию к политике Керенского. Накануне большевистского переворота выехал из Петрограда, пытался поднять против большевиков войска Западного фронта и организовать социалистическое правительство без большевиков. После первых неудачных вооруженных попыток свергнуть большевиков являлся сторонником их изоляции путем усиления агитационно-пропагандистской и организаторской эсеровской работы в массах. Председатель Учредительного собрания. Образование Директории на Уфимском государственном совещании оценивал как поражение демократии и партии эсеров, однако ни на пленуме ЦК, ни на съезде членов Учредительного собрания Чернов не добился осуждения Директории, как факта отступления от решений IV съезда партии, осудивших политику коалиции. В период гражданской войны — сторонник политики партии как «третьей силы», ведущей борьбу за демократию одновременно и против белых, и против большевиков. Исходил из того, что надо не только свергнуть большевиков, но и сохранить социалистическую перспективу развития революции. В сентябре 1920 г. навсегда уехал из России. Представитель ЦК за границей, член ее Заграничной делегации, основатель и редактор журнала «Революционная Россия». В 1928 вместе со своими сторонниками вышел из состава Заграничной делегации партии и образовал Заграничный комитет партии эсеров, продолжавший прежнюю левоцентристскую политику. Строй, сложившийся в России при Сталине, считал не социализмом, а «интегральным государственным капитализмом», исключал возможность его мирного перерождения в демократический социализм. Миссию партии эсеров видел в подготовке очередного народно-общественного подъема при осуждении любых попыток форсирования событий всевозможными вооруженными авантюрами и террористическими актами. В 1940 г. из Парижа переехал в Нью-Йорк. Выступал за поддержку России в войне с Германией, но при условии осуществления в ней политической амнистии. Умер в Нью-Йорке.

42. *Один господин* — Г.А.Гершуни.

43. Здесь Е.Ф.Азеф явно лукавит, первоначальная цель приезда Г.А.Гершуни за границу, видимо, не шла дальше налаживания транспорта литературы из-за границы в Россию. Основанием предполагать подобное является то, что Гершуни был известен за границей лишь одному М.А.Розенбауму, члену Союза русских социалистов-революционеров и его штатному транспортеру литературы, и для него было бы верхом наивности предполагать, что члены редакции «Вестника русской революции», старые и опытные конспираторы, сталкивавшиеся не с одной провокацией, вступили бы с ним в переговоры по вопросу о том, чтобы журнал стал органом партии, в то время за границей ничем не известной, кроме что изданным ею «Манифестом».

44. Эти сведения тоже сомнительны. Тамбовская и Козловская организации в южную партию эсеров, представителем которой якобы был Г.А.Гершуни, не входили. К тому же М.М.Мельников, возглавлявший тогда Харьковскую эсеровскую организацию и игравший видную роль в южной партии эсеров, свидетельствует о том, что тогдашний объезд Гершуни эсеровских организаций имел цель не их объединение, а поиск кандидатов в Боевую организацию.

45. Тому, что Г.А.Гершуни получил сведения в Саратове о том, что Е.Ф.Азеф выехал в Берлин, еще можно в какой-то степени верить, но, по воспоминаниям того же М.М.Мельникова, саратовцы не давали Гершуни мандата на решение с Азефом вопроса об объединении с Союзом социалистов-революционеров.

46. Е.Ф.Азеф и тут преувеличивает. Встреча Г.А.Гершуни с А.А.Аргуновым происходила вскоре после образования южной партии эсеров. Во время этой встречи Аргунов высказал сомнения в реальных результатах объединения. К тому же он не торопился на равных объединяться с южными эсерами, будучи тогда уверенным, что объединение эсеров произойдет вокруг его Союза с помощью газеты «Революционная Россия».

47. В.М. Чернов вошел в состав редакции со второго номера журнала, но никогда не был его главным сотрудником. В первом номере, вышедшем к тому времени, была опубликована лишь одна его статья «Конечная цель и повседневная борьба революционного социализма».
48. *Розенбаум М.А.* (1872-?) — из мещан, бывший студент Берлинского университета, член Союза русских социалистов-революционеров, заведовал транспортной эмигрантской литературы в Россию, неоднократно в Минске встречался с Г.А.Гершуни. После образования партии эсеров некоторое время переправлял через границу ее литературу в районе Лемберга (Львова), затем уехал в США, где в 1921 г. издал свои «Воспоминания социалиста-революционера».
49. Как и в первом своем сообщении, Е.Ф.Азеф значительно преувеличивает и число эсеровских организаций на то время, и степень их объединения. По нашим сведениям, тогда существовало лишь 8 эсеровских организаций: Киевская, Одесская, Екатеринославская, Полтавская, Воронежская, Саратовская, Самарская и Пензенская. Азеф, видимо, преднамеренно искажал картину эсеровского движения, стремясь тем самым оправдаться за то, что он нарушил инструкцию внутреннего агента, не позволявшую ему принимать активное участие в деятельности освещаемой организации, тем более участвовать в том деле, на которое он решился.
50. *Русанов Н.С.* (Тарасов, Кудрин) (1859-1939) — один из видных деятелей и теоретиков партии. Сын купца, бывший студент Медико-хирургической академии, участник народнического движения 70-х годов, сотрудник ряда легальных демократических журналов. В 1882 г. выехал за границу, жил в Швейцарии, затем в Париже. Один из редакторов журнала «Вестник Народной воли». Друг П.Л.Лаврова, встречался с Ф.Энгельсом. Входил в «Группу старых народо-вольцев», вместе с Лавровым редактировал издававшиеся группой «Материалы для истории социально-революционного движения в России». С середины 90-х годов — сотрудник, а позже член редакции журнала «Русское богатство». Непласный редактор и сотрудник эсеровского журнала «Русская трибуна», издававшегося в Париже на французском языке. Противник бойкота Бульгинской и I Государственной дум. В ноябре 1905 г. вернулся в Россию, член редколлегии всех центральных эсеровских газет, издававшихся в период первой русской революции. После поражения революции легализовался, сдал экзамены в Демидовском юридическом лицее со званием кандидата прав. В период первой мировой войны занимал интернационалистскую позицию. После Февральской революции занимал левоцентристскую позицию, один из представителей партии эсеров в Исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член редакции центральной эсеровской газеты «Дело народа». Делегат партии на международную Стокгольмскую социалистическую конференцию. К Октябрьской революции относился негативно. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение. В апреле 1918 г. выехал за границу, вошел в Заграничную делегацию партии. Выступал за полный разрыв партии со II Интернационалом, против иностранной интервенции в Россию. Член редакции журнала «Революционная Россия». С 1928 г. — член черновского Заграничного союза социалистов-революционеров. С начала 30-х годов окончательно отошел от всякой политической деятельности. Автор ряда воспоминаний.
51. *Рубанович И.А.* (1859-1922) — видный деятель партии эсеров. Сын адвоката, бывший студент Новороссийского университета, участник одесских народо-вольческих кружков, арестован, освобожден под залог, в 1882 г. выехал во Францию, учился в Сорбонне, входил в парижскую группу эмигрантов-народо-вольцев, сотрудничал в «Вестнике Народной воли», секретарь «Группы старых народо-вольцев», сотрудничал в издававшихся группой «Материалах для истории русского социально-революционного движения». Член Аграрно-социалистической лиги. Один из редакторов журнала «Вестник русской революции». В партии эсеров с января 1902 г. Ее представитель в Международном

социалистическом бюро с 1904 г. вплоть до своей смерти в 1922 г. Редактор журнала «La Tribune Russe». Участник всех партийных съездов, председательствовал на I и II съездах, на III и IV съездах избирался в состав ЦК.

52. *Шшико Л.Э.* (1852-1910) — народник-семидесятник, один из видных деятелей партии эсеров. Из дворян, окончил Михайловское артиллерийское училище и сразу же вышел в отставку, стал студентом Технологического института, через год его покинул и целиком отдался революционной работе. Член кружка «чайковцев», участник «хождения в народ». Арестован в 1874 г., судился по «процессу 193-х», приговорен к 10 годам каторги, отбывал на Каре. По болезни был переведен на поселение. В 1890 г. бежал, жил в Лондоне, затем в Париже. Один из основателей «Фонда вольной русской прессы», член его Комитета. Входил в административную и редакционную комиссии Аграрно-социалистической лиги. Один из редакторов «Революционной России» и теоретиков партии по аграрному вопросу. Автор ряда популярных работ для народа, в том числе «Очерков из русской истории» и «Бесед о земле».
53. *Лазарев Е.Е.* (1855-1937) — народник-семидесятник, видный деятель партии эсеров. Сын крепостного крестьянина, учился в самарской гимназии, участник «хождения в народ», судился по «процессу 193-х», оправдан, продолжал революционную работу. Вновь арестован и в 1884 г. выслан на три года в Восточную Сибирь. После возвращения из ссылки был опять арестован и отправлен в Восточную Сибирь на 5 лет. Бежал в 1890 г. через Японию в США. Один из основателей «Фонда вольной русской прессы». В 1894 г. вернулся в Европу, в Лондон, затем Париж. Предпринимал неудачные попытки объединения русской революционной эмиграции. Из Парижа был выслан в Лондон, затем поселился в Швейцарии, женившись на вдове одного из русских эмигрантов, владевшей молочной фермой в местечке Боже под Клараном. Новое место жительства Лазарева стало приютом для русских эмигрантов-революционеров. Скептически встретил сообщение приехавшего за границу В.М.Чернова о пробуждении к сознательной борьбе российского крестьянства, однако вошел в Аграрно-социалистическую лигу. Член партии эсеров с 1902 г., уполномоченный Заграничного комитета партии в Лозанне и Париже. Вернулся в Россию после Манифеста 17 октября, член Крестьянской комиссии при ЦК, один из экспертов эсеровской группы во II Государственной думе. В 1907 г. легализовался, секретарь редакции журнала «Вестник знания». Арестован в связи со студенческими волнениями в конце 1910 г., приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, замененную затем высылкой за границу. В 1910 г. встречался с будущим убийцей П.А.Столыпина — Д.Богровым, просившим Лазарева связать его с ЦК ПСР в целях организации терракта против Столыпина. Однако Лазарев сделать это отказался. Во время первой мировой войны — оборонец. В июне 1917 г. вернулся в Россию, жил в Самаре, примыкал к правым эсерам, член губернского комитета партии и Совета крестьянских депутатов, от губернского съезда крестьянских депутатов был делегирован в состав Всероссийского Совета крестьянских депутатов. К Октябрьской революции относился отрицательно. Депутат Учредительного собрания, министр просвещения в правительстве Комуча. В 1919 г. выехал из России, жил в Праге. Один из редакторов и издателей журнала «Воля России».
54. *Прекер* (Гнатовский А.Д.) (1863-?) — из дворян, участник народовольческого движения 80-х годов в Вильно, был связан с группой народovolьцев в Петербурге, готовившей покушение на Александра III 1 марта 1887 г. После покушения выехал за границу, входил там в группу «молодых народovolьцев». Один из членов «Союза русских социалистов-революционеров», член редколлегии его газеты «Русский рабочий». Заведовал эсеровской типографией в Париже.
55. *Сергей Васильевич* — начальник Московского охранного отделения С.В.Зубатов (1864-1917), статский советник, один из виднейших представителей политического розыска, бывший участник революционного движения. Пытался привлечь рабочих на сторону самодержавия особой политикой попечительства над ними, получившей название «зубатовщины».

56. Договор был окончательно одобрен I съездом Аграрно-социалистической лиги, состоявшимся в Женеве в июле 1902 г.
57. По своей величине и масштабу деятельности РППОР далеко не соответствовала своему громкому названию. Группы партии имелись лишь в Минске, Белостоке, Екатеринославе и Житомире, а отдельные ее сторонники в Двинске и Бердичеве. Попытка закрепиться в Петербурге почти сразу же была пресечена полицией. Уже весной 1900 г. партия была практически ликвидирована арестами в Минске и Петербурге, было арестовано около 60 человек. Продолжали существовать лишь небольшие разрозненные группы в Екатеринославе, Белостоке и Житомире. В связи с этим надо критически относиться к данному документу, помнить что за ним стояла не партия, а лишь остатки ее. Заявление же от имени партии было явно рассчитано на политико-психологический эффект с целью активизировать процесс объединения революционных сил под флагом партии эсеров.
58. *Киевский комитет «Рабочего знамени» Русской социал-демократической партии.* Русская социал-демократическая партия возникла в конце 90-х годов. Она объединяла социал-демократическую молодежь, недовольную марксистским догматизмом и экономизмом и настаивавшую на переходе к активной политической борьбе. Печатным органом партии был бюллетень «Рабочее знамя». В связи с этим и партия была более известна под названием группа «Рабочего знамени». Партия неоднократно подвергалась погромам. Из ее уцелевших организаций Киевский комитет был наиболее значительным.
59. *Группа «Вольной русской прессы», «Фонд вольной русской прессы».* Основан в 1891 г. в Лондоне С.М.Кравчинским, Ф.В.Волховским, М.Л.Войничем (Кельчевским И.М.), Н.В.Чайковским и Л.Э.Шишко. Издавал литературу, оппозиционную правительству: брошюры и «Летучие листки» (№№ 1-46). В начале 900-х годов представители «Фонда» вошли в партию эсеров, хотя формально, как самостоятельная структура, «Фонд» существовал вплоть до 1905 г.
60. *Группа старых народолюбцев* — основана в Париже в конце 1892 г. П.Л.Лавровым, М.Н.Ошаниной (Полонской), Н.С.Русановым, И.А.Рубановичем, Э.А.Серебряковым и др. После смерти Ошаниной (1898) и Лаврова (1900) «Группа» распалась, ее видные члены — Русанов и особенно Рубанович — в своих воззрениях эволюционировали от народолюбчества к марксизму. В начале 900-х годов они вошли в партию эсеров.
61. В.М.Чернов имел в виду «Материалы для истории социально-революционного движения» и приложения к ним «С родины и на родину», издававшиеся «Группой старых народолюбцев» в 1893-1896 гг. (Вып. 1-7)
62. *Вт.* — видимо, Яковлев (Богучарский) В.Я. (1861-1915) — общественный деятель, публицист, историк. Сын чиновника, окончил военное училище. Арестован в конце 1884 г. за связи с народолюбцами, отбывал ссылку в Сибири. В 1890 г. вернулся, жил в Воронеже. Оказывал содействие в организации партии «Народного права». Во время пребывания за границей в 1892 г. установил связи с «Группой старых народолюбцев», обязался быть ее представителем в России. В середине 90-х годов переходит к народолюбческим позициям на позиции легального марксизма. Один из основателей и активных деятелей «Союза освобождения», затем «Союза союзов». Сотрудник ряда оппозиционных легальных изданий, один из издателей журналов «Былое» и «Минувшие годы», автор многих трудов по истории общественной мысли и революционного движения в России.
63. *Богданович А.И.* (1860-1907) — общественный деятель, публицист. Из дворян, бывший студент Киевского университета. В 1883 г. привлекался к суду по делу народолюбческой организации, но был оправдан. С 1884 г. жил в Новгороде, с начала 90-х годов в Петербурге, сотрудничал в журнале «Русское богатство». Один из организаторов партии «Народное право» и авторов ее программных документов — «Манифеста» и брошюры «Насущный вопрос». С 1894 г. ведущий сотрудник журнала «Мир божий». Примкнул к легальным марксистам, участвовал в полемике с народниками.

64. Имеется в виду «Союз русских социалистов-революционеров». Основан в 1893 г. в Берне группой молодых народовольцев во главе с Х.О.Житловским, еще в конце 80-х годов начавших называть себя социалистами-революционерами. Издавал в 1894-1899 гг. газету «Русский рабочий» (вышло 11 номеров).
65. *Парвеню* (фр. parvenu) — выскочка.
66. *Серебряков Э.А.* (1854-1921) — сын действительного статского советника, железнодорожного инженера, морской офицер, член военной организации «Народной воли». Во избежания ареста в 1883 г. нелегально выехал за границу. Сотрудничал в эмигрантских изданиях, входил в «Группу старых народовольцев». В 1899-1902 гг. издавал в Лондоне ежемесячник «Накануне». Член Аграрно-социалистической лиги, в партии эсеров не вошел. После 17 октября 1905 г. вернулся в Россию, сотрудничал в различных изданиях. В 1917 г. примыкал к правым эсерам газеты «Воля народа».
67. «*Накануне*» — журнал, издававшийся Э.А.Серебряковым с января 1899 г. по февраль 1902 г. в Лондоне. Вышло 37 номеров. Сотрудничали представители разных течений народнической эмиграции.
68. *Кудрин* — Н.С.Русанов.
69. *Чайковский Н.В.* (1851-1926) — видный революционный деятель. Из дворян, окончил Петербургский университет, включился в революционное движение в конце 60-х годов, член кружка «чайковцев», отдал дань маликовской теории «богочеловеков». В 1874 г. выехал за границу, был в Европе, затем в США, где жил в общине «богочеловеков». В 1879 г. вернулся в Европу, поселился в Лондоне. Один из организаторов «Общества друзей русской свободы», член Комитета «Фонда вольной русской прессы». Тяготел к анархизму, всегда занимал воинственную позицию по отношению к марксизму. Секретарь распорядительной комиссии Аграрно-социалистической лиги, с 1904 г. — член Заграничного комитета партии эсеров, его уполномоченный в Лондоне. Вернулся в Россию после Манifestа 17 октября 1905 г. Летом 1907 г. активно выступал за партизанскую войну с правительством. Арестован в конце 1907 г., оправдан судом в 1910 г. Легализовался, активно занимался кооперативным движением. В 1914-1915 гг. — президент Вольного экономического общества. В период войны оборонец. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от Трудовой группы, член ее ЦК, член ЦИК Совета крестьянских депутатов, один из лидеров правого крыла Демократического совещания и Предпарламента. К Октябрьской революции относился отрицательно, один из организаторов вооруженной борьбы с большевиками, сторонник иностранной интервенции. Член «Комитета спасения родины и революции» и «Союза возрождения России», противник Брестского мира. Протестовал против колчаковского переворота. Возглавлял правительство Северной области. В начале 1919 г. выехал за границу для участия в Политическом совещании, поддерживал А.И.Деникина, надеясь на демократизацию его власти, а также Польшу и П.Н.Врангеля в их борьбе против советской власти. После гражданской войны свои надежды на ликвидацию этой власти связывал прежде всего с партизанской борьбой самого народа.
70. *Волховский Ф.В.* (1846-1914) — революционный деятель. Из дворян, учился на юридическом факультете Московского университета, включился в революционное движение в середине 60-х годов, один из создателей «Рублевого общества», был связан с «нечаевцами», арестован по их делу, но судом оправдан. Организатор кружка «чайковцев» в Одессе. По «процессу 193-х» сослан в Сибирь, откуда бежал в 1889 г., жил в Лондоне. Один из основателей «Общества друзей русской свободы» и «Фонда вольной русской прессы». Член редакционной комиссии Аграрно-социалистической лиги. С начала 1906 г. в России, один из руководителей Военной организации партии эсеров, редактор газеты «За народ». После революции выехал вновь за границу, один из редакторов газеты «Знамя труда» и сотрудник ряда других эсеровских изданий.
71. *Ракитников Н.И.* (1864-1938) — один из лидеров и публицистов партии эсеров. Сын бывших крепостных дворовых людей, закончил Петербургский уни-

верситет. Член рабочей группы «Народной воли». Впервые арестован в 1887 г. Вернувшись из ссылки в 1891 г., жил в Саратове, где входил в народовольческий кружок, оказывал помощь народоуправцам, имел связи с нарождавшимися эсеровскими организациями в других городах, написал программную статью для планировавшегося петербургской группой эсеров «Рабочего сборника» с критическим обзором предшествовавших народнических программ. В начале 900-х годов, будучи за границей, познакомился с российской революционной эмиграцией, изучал западноевропейское социалистическое движение, обязался обеспечивать литературным материалом Аграрно-социалистическую лигу и посылать корреспонденции в социал-демократическую «Искру». По возвращении в Саратов вошел в местную эсеровскую организацию, один из организаторов объединенной группы эсеров и эсдеков. В 1902 г. выехал за границу со своим проектом программы эсеровской партии, принимал активное участие в эмигрантских дискуссиях по программным вопросам, в отличие от В.М.Чернова выступал против деления программы на минимум и максимум. В 1903 г. вернулся в Россию, был арестован в Одессе. В конце 1904 г. освобожден, вел большую работу в Поволжье, организовал там Областной съезд эсеров. Один из редакторов газеты «Земля и воля», участник съезда Всероссийского крестьянского союза, происходившего в ноябре 1905 г. в Москве. Делегат I съезда партии эсеров от ЦК. Взгляды Ракитникова характеризовались известным уклоном в сторону максимализма. Избирался членом ЦК на всех съездах. Член редакций всех центральных эсеровских изданий. После первой российской революции находился в эмиграции. Много писал по важнейшим партийным вопросам: программным, тактическим и организационным. В период войны занимал интернационалистскую позицию. В 1915 г. решил вернуться в Россию, был арестован на границе и отдан судом под гласный надзор, поселился в Саратове. После Февраля 1917 г. вел большую работу в Саратове, затем в центре партии. Председатель президиума III съезда партии, член редакции «Дело народа», товарищ министра земледелия, курировал Главный земельный комитет, один из авторов законопроекта о земле, предоставленный эсерами Учредительному собранию. К Октябрьской революции относился отрицательно, критиковал ленинский декрет о земле. Противник вооруженной и террористической борьбы с большевиками. В 1919 г. вышел из состава ЦК, один из организаторов группы «Народ». В том же году фактически отходит от политической деятельности. Член народовольческого кружка в обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Член редколлегии ряда сборников по истории «Народной воли».

72. «*Пролетариат*» — Польская социалистическая партия «Пролетариат», образовалась в 1900 г. из групп, отделившихся от Польской социалистической партии (ППС), признавала политический террор. После первой российской революции прекратила свое существование.
73. *Польская социалистическая партия* образовалась в 1892 г., придавала большое значение борьбе за независимую Польшу. В 1906 г. раскололась на ППС-«левую» и ППС-«революционную фракцию». В 1948 г. объединилась с Польской рабочей партией в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП).
74. См. с. 111-119 настоящего издания.
75. Имеется в виду манифест «От Крестьянского союза партии социалистов-революционеров. Ко всем работникам революционного социализма в России». См. с. 89-108 настоящего издания.
76. Речь идет, видимо, о статье В.М.Чернова.
77. *Балмашев С.В.* (1882-1902) — участник революционного движения. Сын политического ссыльного, народника-семидесятника. Бывший студент Казанского и Киевского университетов, участник студенческого движения, один из 183 студентов, исключенных в 1900 г. из университета за участие в массовых беспорядках и отданных по высочайшему повелению в солдаты. В своих воззрениях колебался между социал-демократами и эсерами. Член Боевой организации

- эсеров. 2.4.1902 г. совершил убийство министра внутренних дел Д.С.Сипягина и этим актом положил начало эсеровскому террору. Повешен в Шлиссельбурге.
78. *Сипягин Д.С.* (1853-1902) — егермейстер, министр внутренних дел в 1899-1902 гг.
79. *Клейгельс М.А.* — генерал-адъютант, петербургский градоначальник до осени 1904 г., затем киевский генерал-губернатор. Боевая организация партии эсеров предпринимала несколько попыток совершить против него террористические акты, но они заканчивались неудачей.
81. *Плевее В.К.* (1846-1904) — дворянин, действительный статский советник, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор. В 80-х годах директор Департамента полиции, член комиссии по составлению положения о чрезвычайной государственной охране, товарищ министра внутренних дел. С 1894 г. государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном совете. 1902-1904 гг. — министр внутренних дел. 15.7.1904 г. убит членом Боевой организации эсеров Е.С.Созоновым.
82. *Зубатовщина* — политика попечительства, проводившаяся самодержавием в начале 900-х годов в отношении различных слоев общества. Суть ее сводилась к тому, чтобы путем мелких уступок отвлечь их от борьбы за изменение существующего строя. Особенно активно такая политика проводилась начальником Московского охранного отделения С.В.Зубатовым по отношению к рабочим.
83. Имеется в виду Независимая еврейская рабочая партия, созданная Зубатовым в начале 900-х годов в Северо-Западном и Южном районах России для противостояния развитию там революционного движения.
84. «*Искра*» — газета, орган российской социал-демократии, издавалась в 1900-1905 гг. Вышло 112 номеров. После III съезда РСДРП, с № 52, орган меньшевиков. Постоянно вела острую полемику с эсерами.
85. *Лекерт Гириш* — рабочий-еврей, 5.5.1902 г. совершил покушение на виленского губернатора, генерала фон В.В.Валя за его распоряжение подвергнуть телесному наказанию участников первомайской демонстрации. Повешен 28.5.1902 г.
86. *Карпович П.В.* (1874-1921) — из мещан, бывший студент Московского, затем Юрьевского университетов. 14.2.1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения Н.П.Боголепова, был приговорен к 20 годам каторги, замененной в конце 1905 г. ссылкой в Сибирь, откуда бежал в 1907 г., являлся некоторое время помощником Е.Ф.Азефа в Боевой организации. После разоблачения Азефа отошел от активной политической деятельности, жил за границей. Погиб, возвращаясь на родину после Февральской революции 1917 г., в результате взрыва парохода немецкой подводной лодкой.
87. *Понтий Пилат* — римский наместник Иудеи, распорядившийся привести в исполнение смертный приговор Иисусу, хотя знал о его невиновности. После исполнения приговора омыл руки в воде и заявил о своей невиновности в пролитии крови праведника.
88. Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия.
89. *Лаговский Н.* — статистик самарской земской управы. 9.3.1901 г. пытался убить обер-прокурора святейшего Синода К.П.Победоносцева, произведя четыре выстрела в окно его петербургской квартиры.
90. *Победоносцев К.П.* (1827-1907) — государственный деятель, юрист. Учитель права у наследников престола, будущих российских императоров Александра III и Николая II, их ближайший советник.
91. *Боевая организация партии эсеров* (1901-1909) — создана по инициативе Г.А.Гершуни для борьбы с самодержавием путем «центрального террора». Занимала в партии автономное положение. Возглавлялась до весны 1903 г. Гершуни, затем Е.Ф.Азефом. Совершила 11 террористических актов, среди которых наиболее значительные против министров внутренних дел Д.С.Сипягина и В.К.Плевее, а также бывшего московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.
92. Инициатива создания Крестьянского союза партии социалистов-революционеров принадлежала Саратовскому комитету партии, игравшему до его разгрома

- осенью 1902 г. роль российского партийного центра. Крестьянский союз должен был организовать и централизовать деятельность партии в деревне, руководить крестьянскими «Братствами».
93. По некоторым сведениям, автором данного воззвания был К.Р. Качаровский.
 94. *Тантал* — в греческой мифологии царь, обреченный богами на вечные муки. Стоя в воде и видя плоды, свисающие с дерева, он не мог утолить ни жажду, ни голод.
 95. *«Хождение в народ»* — массовое движение демократической и революционной молодежи в деревню в 1873-1874 гг. Целью движения были пропаганда социалистических идей и крестьянское восстание. Большинство участников движения было арестовано, а наиболее активные из них судились по «процессу 193-х».
 96. *Земский начальник*, с 1889 г. должностное лицо из потомственных дворян, контролировавшее крестьянские органы управления и бывшее для крестьян первой судебной инстанцией.
 97. *Астырев Н.М.* (1857-1894) — писатель, статистик, незаконнорожденный сын генерала, бывший студент института путей сообщения, народник. Участник «второго хождения в народ» в начале 90-х годов. Автор «Письма к голодающим крестьянам» за подписью «мужичьих доброты». Арестован в 1892 г., через два года вышел из заключения тяжелобольным и через некоторое время умер.
 98. *Фома неверующий*, один из двенадцати апостолов, первоначально не верил в воскрешение распятого Христа.
 99. По библейской легенде еврей Савл, ярый гонитель христиан, после явления ему Христа стал пылким его приверженцем и крупнейшим проповедником христианства, принял имя Павла.
 100. Имеется в виду восстание крестьян в Полтавской и Харьковской губ. весной 1902 г.
 101. *Пугачевщина* — крестьянская война 1773-75 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, символ жестокой, все разрушающей, бесплодной народной борьбы.
 102. См. примечание № 95.
 103. Доклады социалистических партий в Международное социалистическое бюро представлялись на трех языках: английском, французском и немецком. Доклад партии эсеров на русском языке нам выявить не удалось и остается пока неясным, существует ли он вообще. Вполне вероятно, что доклад сразу же составлялся на требуемых иностранных языках. Нами использован доклад на французском языке. Он состоит из трех частей: A. *Precis historique*; B. *Le Programme du Parti*; C. *L'Action du Parti socialiste-revolutionnaire*. Поскольку первая из этих частей составляет краткий обзор развития революционного движения в России, а вторая — проект программы партии эсеров, который приводится выше (см. с. 119-125), то мы решили ограничиться публикацией лишь третьей части доклада, которая содержит интересные сведения о партии эсеров и ее деятельности. Перевод сделан С.В. Кудряшовым, студентом моего просеминара на историческом факультете МГУ.
 104. И в Полтаве, и в Екатеринославе газеты выходили под названием «Крестьянская газета». Полтавская арестована на 4 номере. В Екатеринославе вышел один номер. Газета издавалась Екатеринославским комитетом Крестьянского союза партии эсеров.
 105. *Слетов (Земляков) С.Н.* (1876-1916) — один из видных деятелей партии эсеров, сын чиновника, шурин В.М. Чернова по первому его браку. Бывший студент Московского университета, участник студенческого движения, был связан с московским социал-демократическим «Рабочим союзом». В 1896 г. арестован, отбывал ссылку в Уфимской губ., затем в Тамбове. Вместе с В.М. Черновым устанавливает связи с местным крестьянством. Осенью 1901 выехал нелегально за границу, член Аграрно-социалистической лиги, участвовал в собраниях, обсуждавших программные проекты партии. Большую роль в повороте нарождавшегося эсерства в сторону работы в деревне сыграла его

статья «У земли» («Вестник русской революции», № 2, февраль 1902). В 1903 г. был кооптирован Е.Ф.Азефом в состав ЦК партии. Выступал за то, чтобы в партии отдавалось предпочтение массовой работе в крестьянстве, и за децентрализацию террора. С сочувствием относился к «аграрным террористам». По этим вопросам находился в остром конфликте с Азефом. По доносу последнего был арестован в сентябре 1904 г. Освобожден после Манифеста 17 октября. Входил в московскую группу ЦК, член Крестьянской комиссии при ЦК, участник I съезда и первых двух Советов партии. Арестовывался в 1906 и 1907 гг. В последнем случае ссылка в Сибирь была заменена высылкой за границу. После революции — один из лидеров «ликвидаторского» течения в партии, издавшего журнал «Почин». Во время первой мировой войны — оборонец, доброволец во французской армии. Погиб на фронте. Автор ряда работ по истории партии эсеров. Литературный псевдоним «С.Нечетный».

106. *Сазонов А.В.* (1862-1927) — мещанин, внебрачный сын помещика, окончил земледельческую школу, занимался статистикой, за принадлежность к революционному кружку был арестован в 1886 г. и сослан в Сибирь на три года. По окончании срока ссылки жил в Саратове. Один из организаторов революционного общества в Поволжье на рубеже 80-х — 90-х годов, арестован в 1892 и освобожден в 1893 г., поселился в Орле, где примкнул к партии «Народное право», арестован в 1894 г., отбывал гласный надзор в Воронеже, входил в местную эсеровскую группу, один из основателей южной партии эсеров. Активный участник революционных событий в Воронеже в 1905 г., арестован в конце года, сослан в Сибирь, откуда вскоре бежал. В 1907 г. вновь арестован и сослан. В 1917 г. примыкал к правому крылу эсеров. В 1920 г. эмигрировал, жил в Маньчжурии, Японии и Китае.
107. *Ул. (Паули Н.К.)* (1859-?) — сын военного врача, бывший студент Харьковского, затем Петербургского университетов. С начала 80-х годов активный народоволец, за участие в студенческих беспорядках уволен, привлекался по делу революционной пропаганды среди рабочих. В 1882 г. подчинен гласному надзору полиции на 5 лет, выехал в Самару, затем оттуда через год скрылся, продолжал участвовать в народовольческом движении. Арестован и в 1884 г. отправлен в ссылку в Сибирь. В 1886 г. пытался бежать, но неудачно. В 1888 г. бежал, арестован в Петербурге в конце года, сослан в отдаленные места Сибири, бежал из Верхотурска в марте 1899 г. за границу. Один из организаторов Аграрно-социалистической лиги. В 1900 г. предложил свои услуги заведующему заграничной охраны П.И.Рачковскому. Провокаторство Паули вскоре стало известно в эмигрантской среде. Объяснял товарищам свои действия желанием знать замыслы полиции. Исключен из состава Аграрно-социалистической лиги. Уехал в Россию. В 1902 г. арестован, дал откровенные показания. После освобождения жил в Туркестане, сотрудничал в различных местных газетах.
108. *Ак. (Рапопорт А.)* (Анский С.А.) — из мещан, в молодости работал на шахте, затем беллетрист и публицист, сблизился с Г.И.Успенским. С его рекомендацией уехал за границу и стал личным секретарем П.Л.Лаврова. Одним из первых среди эмигрантов поддержал идею приехавшего из России В.М.Чернова о создании Аграрно-социалистической лиги, познакомил его с П.Л. Лавровым.
109. *Рапопорт Х.Л.* (1865-1940) — из мещан, был связан с группой народовольцев, готовившей покушение на Александра III 1 марта 1887 г., затем эмигрировал, учился в Берлинском университете, один из активных членов «Союза русских социалистов-революционеров». В начале 900-х годов перешел к социал-демократам, затем член Французской коммунистической партии.
110. *Берг (Иванов С.А.)* (1857-1927) — из дворян, бывший студент Медико-хирургической академии, был связан с «Землей и Волей», активный участник народовольческого движения 80-х годов. В 1886 г. арестован в Петербурге. Судился военно-окружным судом по «процессу 21-го», приговорен к смертной

казни, замененной затем бессрочной каторгой. Содержался в Шлиссельбургской крепости до конца 1905 г., когда каторга была заменена ссылкой. Жил под строжайшим надзором полиции сначала в Лифляндской губ., потом в Киеве. В 1909 г. получил разрешение выехать за границу для лечения. Присылал к партии эсеров и оказывал ей услуги. Входил в судебно-следственную комиссию по делу Е.Ф.Азефа. В 1917 г. протестовал против проезда через Германию русских эмигрантов-социалистов, возвращавшихся в Россию.

111. *И. (Юделевский Я.Л.)* (1868-1957) — из мещан, бывший студент Петербургского университета, арестован в 1892 г. по делу о террористическом кружке. После годичного содержания в тюрьме был сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. Отбыв ссылку, выехал за границу, жил в Париже, занимал крайне левую позицию в народнической эмиграции, затем в партии эсеров. Принимал активное участие в деле разоблачения Е.Ф.Азефа.
112. *Крафт П.П.* (1870-1907) — один из основателей и видных деятелей партии эсеров. Сын чиновника, бывший студент Московского университета, в 1889 г. арестован за участие в революционном движении, исключен из университета. В 90-х годах еще несколько раз арестовывался, содержался под стражей. По освобождении жил в разное время в Пензе, Симферополе и Саратове. Принимал активное участие в образовании и деятельности саратовской эсеровской организации, вместе с Е.К.Брешко-Брешковской и Г.А.Гершуни входил в «Комиссию для сношения с заграницей», созданную киевской и саратовской организациями, и являвшуюся прообразом будущего ЦК партии. Основатель первой эсеровской партийной типографии в Пензе, один из организаторов террористического акта С.В.Балмашева против министра внутренних дел Д.С.Сипягина. Арестован в Киеве осенью 1902 г. Содержался в течение трех лет в Петропавловской крепости, затем приговорен к 10-летней ссылке, амнистирован после Манифеста 17 октября 1905 г. После I съезда партии эсеров был кооптирован в состав ЦК, занимался организационной и террористической деятельностью.
113. *На. (Буланов Л.П.)* (1856-1922) — из дворян, бывший студент Петербургского университета, затем Медико-хирургической академии, участник революционного движения 70-х годов, член «Земли и Воли». Арестован в 1878 г. Приговорен к ссылке в Сибирь. После ссылки поселился в Саратове, служил в земской управе. В начале 900-х годов один из организаторов местной эсеровской группы, затем и партии эсеров. Арестован осенью 1902 г., сослан в Сибирь, освобожден в 1905 г. Жил в Уфе, затем в Петербурге. В 1917 г. примыкал к правому крылу партии эсеров, в конце года переехал в Саратов, отошел от активной политической деятельности, служил в банке.
114. *Ш. (Струмилло-Петрашкевич Ч.М.)* (1866-1918) — сын обер-офицера, в начале 900-х годов — член ПСР, работал в Москве и Петербурге, выдан Е.Ф.Азефом в 1903 г.
115. *Рн. (Розенблюм Д.С.)* (1875-?) — видный деятель партии эсеров, один из авторов книги «К пересмотру аграрной программы и ее обоснования», в 1917 г. член ЦК партии эсеров.
116. *Старынкевич И.Ю.* (1861-1920) — сын генерала, бывший студент Московского университета, исключен за участие в студенческих волнениях, член рабочей группы партии «Народная воля», в 1881 г. арестован, приговорен к 20 годам каторги. Вернулся из Сибири в начале 900-х годов, примкнул к партии эсеров, входил в Саратовский комитет партии, игравший тогда роль партийного центра. Осенью 1902 г. привлечен к дознанию по делу Саратовского комитета ПСР, освобожден из-за недостаточности улик в 1904 г. под особым надзором полиции. В 1906 г. выехал за границу, уполномоченный ЦК в Швейцарии, участник Лондонской общепартийной конференции. В годы войны оборонец. В 1917 г. примыкал к правому крылу партии.
117. *Та. (Ракитникова И.И., урожденная Альтовская)* (1870-1965) — видный деятель партии эсеров, жена Н.И.Ракитникова. Из семьи служащих, домашняя

учительница, фельдшер, в революционном движении с начала 90-х годов, участница второго «хождения в народ». Со второй половины 90-х годов жила в Саратове, входила в местный революционный кружок. В 1900-1901 гг. вместе с мужем была за границей, знакомясь с западноевропейским рабочим и социалистическим движением и устанавливая связи с русской революционной эмиграцией. По возвращении в Саратов вошла в местную эсеровскую организацию, вела активную пропагандистскую и организационную работу в крестьянстве, участвовала в издании первой эсеровской газеты для крестьян «Крестьянское дело», входила в «Объединенную группу социал-демократов и социалистов-революционеров». После разгрома эсеровской организации в конце 1902 г. возглавила работу по ее восстановлению. Один из организаторов «Союза народных учителей партии эсеров». Участвовала в I съезде (осень 1904, Самара) Поволжского союза партии. В 1905 г. — один из организаторов крестьянского движения в Саратовской губ. В декабре 1905 г. арестована, сослана на 5 лет в Сибирь, по дороге туда бежала, уполномоченный ЦК в Северо-Западной областной организации, участница II Совета и съезда партии, арестована в 1907 г., отправлена в Сибирь, бежала из Якутска весной 1908 г., выехала за границу, секретарь редакции центральной эсеровской газеты «Знамя труда», член Заграничной делегации ЦК. В годы первой мировой войны примыкала к интернационалистскому крылу партии. Вернулась в Россию в августе 1917 г., делегат II Всероссийского съезда Советов, избрана в состав его Исполкома. В 1919 г. отошла от активной политической деятельности, окончила педагогический факультет 2-го Московского университета, работала учительницей, входила в «кружок народолюбцев» при обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Автор ряда работ и воспоминаний по истории революционного движения.

118. *Нк. (Аникин С.В.)* (1868-1919) — общественный и политический деятель, писатель, публицист, народный учитель. Сын жандармского унтер-офицера, один из организаторов Всероссийского съезда учителей (рубеж 1902-1903, Москва), член партии эсеров, в 1905 г. — один из организаторов Всероссийского Крестьянского союза в Поволжье, депутат I Государственной думы, один из организаторов и лидеров Трудовой группы. В 1909 г. эмигрировал в Швейцарию. Осенью 1914 г. вернулся в Россию, арестован и сослан в Сибирь, через год оправдан судом, активно участвовал в кооперативном движении. Участник первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (май, 1917), член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В конце 1917 г. отошел от политической деятельности, вернулся в Саратов, занимался кооперацией и просвещением.
119. *Ф. (Ульянов Г.К.)* — народный учитель, член партии эсеров, активный деятель Всероссийского Крестьянского союза, один из лидеров Трудовой группы.
120. *Ъ. (Ривкин Г.А.)* — социалист-революционер, затем один из лидеров эсеро-максималистов и руководителей Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., активный участник восстания в Кронштадте летом 1906 г., был арестован, бежал за границу. В 1917 г. вернулся в Россию, председатель максималистской фракции в Кронштадтском совете, один из организаторов подавления корниловского мятежа, делегат II Съезда Советов. Умер в 1922 г. от сыпного тифа.
121. *Биценко А.А.* (1875-1938) — из крестьян, учительница. С 1902 г. член партии эсеров, вела партийную работу в Смоленске, Петербурге и Москве. После ареста в 1904 г. выслана в Вологду на 3 года, вскоре бежала. Член летучего отряда Боевой организации партии эсеров, убила в Саратове в ноябре 1905 г. ген. В.В.Сахарова. Приговорена к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. Освобождена в марте 1917 г. С ноября 1917 г. член ЦК партии левых эсеров. С 1918 г. член РКП(б), окончила Институт красной профессуры, была на преподавательской, хозяйственной, советской и партийной работе. Арестована в 1938 г. по обвинению в принадлежности к эсе-

ровской террористической организации и расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

122. *Швейцер М.И.* — бывший студент Московского университета, член Боевой организации партии эсеров, химик. Погиб под фамилией англичанина Артура Генри Мюр Мак-Кулона в ночь на 26 апреля 1905 г. в гостинице «Бристоль» в Петербурге от взрыва готовившейся им бомбы для террористического акта против великого князя Владимира Александровича.
123. *Ю. (Костюшко, сестры)* — члены Смоленской организации партии эсеров.
124. *Высоцкий А.Д.* — сын московского купца 1-й гильдии, бывший студент Московского университета, активный деятель партии эсеров.
125. *Гендельман М.Я.* (1881-?) — видный деятель партии эсеров, один из ее теоретиков, присяжный поверенный. В 1917 г. на III и IV съездах партии избирался в состав ЦК, член исполкома московских общественных организаций и исполкома Моссовета, один из редакторов «Известий Моссовета». На II съезде Советов от имени фракции эсеров заявил о неправомерности съезда и об уходе с него эсеровской фракции, член Учредительного собрания, товарищ председателя Комуча, участник Уфимского государственного совещания. По процессу над членами ЦК и видными деятелями партии эсеров в 1922 г. приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено.
126. *Клитчоглу С.Г.* (1876-1926) — дочь чиновника, окончила Бестужевские курсы, член Петербургской группы эсеров, арестована в 1898 г., подвергнута двухгодичному гласному надзору в Саратове, активный участник местной эсеровской организации. В 1902-1903 гг. на партийной работе в Харькове и Киеве. С конца 1903 г. в Петербурге, где возглавила группу, готовившую покушение на В.К.Плеве. Выдана А.Ф.Азефом, арестована в январе 1904 г., после заключения в Петропавловской крепости выслана на 5 лет в Архангельск, откуда бежала за границу. В декабре 1905 г. вновь арестована, выслана в Благовещенск, где снова была арестована. Вскоре после смерти мужа, оставшись с тремя малолетними детьми, отошла от политической жизни, работала учительницей.
127. *Да., Рудин (Потапов А.И.)* (1869-1915) — один из основателей партии эсеров, член ее ЦК в 1903-1905. Один из ее специалистов по аграрному вопросу, неоднократно выступал с критикой ленинской аграрной программы «отрезков». В 1909 г. выслан в Астрахань, откуда выехал за границу, вернулся накануне войны, работал городским санитарным врачом в Москве.
128. *Л.Ш. (Волощенко П.С., урожд. Ивановская)* (1853-1935) — видная участница народнического движения 70-х — нач. 80-х годов и эсеровского движения начала 900-х годов. В 1883 г. по процессу «17-ти» народовольцев была приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1890 г. каторга была ограничена 20 годами. Под ее руководством в начале 900-х годов была поставлена эсеровская типография в Чите. В 1903 г. бежала, вступила в Боевую организацию эсеров, уполномоченная (по другим сведениям, член) ЦК партии. Участница подготовки покушения на В.К.Плеве и Д.Ф.Трепова. Арестована в марте 1905 г. Освобождена после Манифеста 17 октября. Принимала активное участие в партийной работе. Скрываясь от полиции, выехала за границу, вернулась в 1913 г. Во время войны занимала оборонческую позицию, служила на фронте машинисткой. После Октября 1917 г. жила в Полтаве, в семье В.Г.Короленко, жена которого была ее сестрой. Высказывала недовольство антидемократическим характером советской власти, отказалась вступить даже в общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев.
129. *С. (Фейт А.В.)* (1864-1926) — активный участник народовольческого движения 80-90-х годов, видный деятель партии эсеров. Сын врача, бывший студент Петербургского и Дерптского университетов, закончил Военно-медицинскую академию. Впервые был арестован в 1882 г. В 90-х годах — член Петербургской «Группы народовольцев», арестован в 1896 г. по делу ее типографии, подвергнут 2-годичному тюремному заключению и ссылке в Восточную Сибирь на 8 лет. С 1901 г. член читинской организации партии эсеров.

Осенью 1905 г. вернулся в Европейскую Россию, член нижегородского комитета партии, кооптирован в состав ЦК. Один из представителей партии эсеров в Исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован 3.12.1905 г. вместе с другими членами Исполкома и рядом депутатов. Осужден в 1906 г. по процессу Совета на ссылку в Сибирь, откуда вскоре по прибытии бежал за границу. Член Заграничной делегации ЦК. С началом войны — врач-доброволец во французской армии. В 1917 г. вернулся в Россию, член ЦК партии. К Октябрьской революции относился отрицательно, оказывал содействие борьбе эсеров против большевиков, будучи официально инспектором санитарных поездов «Красного креста». Позже отошел от политической деятельности, занимался санитарией и научно-литературной работой.

130. *Д. (Фрейфельд Л.В.)* (1863-?) — активный участник народофильского движения 80-х годов, видный деятель партии эсеров. Сын купца, бывший студент Харьковского университета. Арестован в 1889 г. в Харькове. По процессу С.М.Гинсбург и др. в 1890 г. приговорен к смертной казни, замененной 10-летней каторгой. Содержался в Акатуйской и Зерентуйской каторжных тюрьмах. С 1895 г. на поселении. С 1903 г. жил в Чите, входил в местную эсеровскую организацию. В 1904-1905 гг. в Одессе — уполномоченный, затем член ЦК. В 1906-1907 гг. — уполномоченный ЦК на Урале, участник II съезда партии. При возвращении со съезда был арестован, выслан в Сибирь на 5 лет, бежал за границу. На V Совете партии избран членом ЦК. После революции закончил Бернский университет с дипломом врача. В период войны занимал интернационалистскую позицию. В 1917 г. вернулся в Россию, отошел от политической деятельности, занимался врачебной практикой.
131. *Е. (Фрейлих Н.Н.)* (1863-1905) — активный участник революционного движения 80-х годов и видный деятель партии эсеров в начале 900-х годов. Из дворян, сын архитектора, бывший студент Петербургского, затем Казанского университетов, присяжный поверенный. В 90-х годах связан с Петербургской группой народолюбцев и «Фондом вольной русской прессы». Арестован в 1898 г., выслан в Сибирь на 5 лет. С начала 900-х годов член партии эсеров, работал в ее читинской организации. В 1903 г. вернулся в Европейскую Россию, поселился в Нижнем Новгороде, входил в местную партийную организацию, был кооптирован Е.Ф.Азефом в члены ЦК партии.
132. *Покотилов А.Д.* (1879-1904) — сын генерала, бывший студент Киевского университета. За участие в демонстрации у Казанского собора в Петербурге в марте 1901 г. был выслан в Полтаву, откуда скрылся, вступил в Боевую организацию партии эсеров. Погиб в ночь на 1 апреля 1904 г. в Северной гостинице в Петербурге при взрыве бомбы, готовившейся для покушения на В.К.Плеве.
133. «*Иван Николаевич*» — одна из партийных кличек Е.Ф.Азефа.
134. 10 марта 1903 г. по приказу уфимского губернатора Н.М.Богдановича в Златоусте стреляли в недовольных заводскими порядками рабочих. Было убито 69 и ранено 250 рабочих. По постановлению Боевой организации партии эсеров Богданович был убит 6 мая 1903 г. слесарем уфимских железнодорожных мастерских Е.Дулесовым. Террористу удалось скрыться.
135. Дело Плеве — см. примечание № 81.
136. *Савинов Б.В.* (1879-1925) — видный деятель партии эсеров, публицист, писатель. Из потомственных дворян, сын судьи, бывший студент юридического факультета Петербургского университета, исключен за участие в студенческих беспорядках. В начале примыкал к социал-демократам «экономистам», затем к ставившим на первое место политическую борьбу организациям «Социалист» и «Социал-демократическая рабочая библиотека». В 1901 г. арестован и сослан в Вологду, где окончательно переходит на позиции эсерства. В 1903 г. бежал за границу, вступил в Боевую организацию партии эсеров, являлся заместителем главы этой организации Е.Ф.Азефа. Участвовал в организации покушений на В.К.Плеве и великого князя Сергея Александровича. Ни один

из террористических актов Савинкова не удался, если он пытался организовать его самостоятельно без Азефа. Ошибкой считал решение ЦК о прекращении террора и роспуске Боевой организации после 17 октября 1905 г. Вместе с Азефом и В.С.Панкратовым входил в Боевой комитет, созданный ЦК для технической подготовки вооруженного восстания, хотя не питал никакой веры в успех этого восстания. По решению I съезда партии, решившему возобновить террористическую деятельность, вместе с Азефом восстанавливал Боевую организацию, готовил покушения на министра внутренних дел П.Н.Дурново, московского генерал-губернатора Ф.В.Дубасова и ряд других, но ни одно из них не было удачным. Вопреки решению I Совета партии о временном прекращении террора на период I Государственной думы, с согласия Азефа пытался организовать покушение на адмирала Чухнина в Севастополе. Был арестован 14.5.1906 г., через два месяца бежал. Вместе с Азефом стал настаивать на прекращении террора до тех пор, пока не будет выработана его новая тактика и не найдены иные его средства, так как прежние якобы уже не пригодны, так как охранка их достаточно изучила. В 1905 и 1906 гг. Савинков был кооптирован в члены ЦК. На II Совете партии в октябре 1906 г. вместе с Азефом заявил о своей отставке, отставка была принята и Боевая организация фактически прекратила свое существование. Савинков жил в Париже, в стороне от боевой деятельности партии, лишь в июне 1908 г. участвовал в подготовке несостоявшегося покушения на царя на крейсере «Рюрик». Познакомился с З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковским, занимался литературным творчеством, писал «Воспоминания террориста», повесть «Конь бледный». До личной встречи с бывшим директором Департамента полиции А.А.Лопухиным в Лондоне, в декабре 1908 г., подтвердившим провокаторство Азефа, протестовал против обвинений в его адрес. Попытка Савинкова воссоздать Боевую организацию после разоблачения Азефа закончилась неудачей. С 1911 г. после опубликования «Заключения судебно-следственной комиссии ЦК РСР по делу Азефа», которое он расценил как клевету на Боевую организацию, отошел окончательно от активной партийной деятельности, занимался литературой. Написал роман «То, чего не было». С самого начала войны занял патриотическую позицию, сотрудничал в журнале «Призыв», издававшимся совместно оборонцами социал-демократами и эсерами. В 1917 г. вернулся в Россию, военный комиссар Временного правительства, товарищ военного министра А.Ф.Керенского, управляющий военным министерством, военный генерал-губернатор Петрограда, содействовал вырыванию корниловского мятежа с надеждой использовать Л.Г.Корнилова в целях установления в стране своей личной военной диктатуры для подавления большевизма и победоносного окончания войны. С началом мятежа был освобожден от всех занимаемых им постов, затем в октябре 1917 г. постановлением ЦК РСР был исключен из партии эсеров. Принял активное участие в организации борьбы против советской власти, создатель нелегальной офицерской организации «Союз защиты Родины и Свободы», организатор мятежей в Ярославле, Муроме и Рыбинске, рядовой в отряде В.О.Каппеля, совершавшего диверсионные рейды по тылам Красной армии, глава военной миссии сначала Директории, затем правительства А.В.Колчака в Париже. С благословения Ю.Пилсудского, своего школьного товарища, сформировал в Польше «Русскую народную армию», но и эта затея успеха не имела. Рядовой в отряде С.Н.Булак-Болоховича, потерпевшего неудачу в походе в советскую Россию, что послужило окончательному разочарованию Савинкова в успехе белого движения. Свои настроения он не замедлил изложить в очередном своем романе «Конь вороной». Идеино и психологически он все явственнее эволюционировал к фашизму, в котором ему импонировали непримиримая вражда к коммунизму, стремление к твердому порядку, национализм с примесью демократизма. Арестован ОГПУ в Минске 16.8.1924 г. Перешел советскую границу с надеждой стать во главе антибольшевистской подпольной организации «либераль-

- ные демократы», в действительности созданной в провокационных целях чекистами. 29.8.1924 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к расстрелу, замененному Президиумом ЦИК СССР десятилетним тюремным заключением. О смерти Савинкова существуют несколько версий. Согласно официальному сообщению, он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна кабинета следователя, находившегося на 5-м этаже.
137. *Каляев И.П.* (1877-1905) — сын околоточного надзирателя, бывшего дворового-крепостного крестьянина, бывший студент Московского, затем Петербургского университетов, участник студенческих волнений в 1899 г., арестован, выслан в Екатеринослав, входил в местный социал-демократический комитет. В 1902 г. арестован прусской полицией и выдан русским властям, выслан в Ярославль, где установил связи с эсерами. Бежал за границу в 1903 г., вступил в Боевую организацию партии эсеров. Участвовал в покушении на В.К.Плеве, был одним из метальщиков бомб. 4.2.1905 г., бомбой, брошенной Каляевым, был убит в Кремле на Сенатской площади бывший генерал-губернатор Москвы, дядя царя, великий князь Сергей Александрович. 5.4.1905 г. Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости по приговору суда Особого присутствия Правительствующего Сената.
138. *Лл. (Хилков Д.А.)* (1854-1914) — потомственный дворянин, князь, выпускник Пажеского корпуса. Вышел в отставку в чине подполковника, увлекся толстовством, раздал часть своей земли крестьянам, был связан со штурдистами. За распространение среди крестьян «вредных идей» ссылался в Закавказье и Эстляндскую губ. В 1898 г. выехал за границу. С 1903 г. член Аграрно-социалистической лиги и Заграничного комитета партии эсеров, один из покровителей «аграрных террористов». В 1906 г. вернулся в Россию, отошел от политической деятельности, вышел из партии эсеров.
139. *Группа «крестьянцев»* — имеется в виду группа «аграрных террористов», сформировавшаяся из молодых эсеров во главе с Е.Устиновым (Е.И.Лозинским) и М.И.Соколовым осенью 1904 г. в Женеве. «Аграрные террористы» выступали за немедленное начало борьбы в деревне всеми методами, включая аграрный террор. Подробнее см.: *Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С.39-46.*
140. *Соколов М.И.* (1881-1906) — из крестьян, бывший учащийся земледельческого училища, один из лидеров «аграрных террористов», в 1906 г. — организатор и лидер Союза социалистов-революционеров-максималистов. Один из руководителей Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. Партийные клички Каин и Медведь. За участие в покушении на П.А.Столыпина был казнен по приговору военно-окружного суда.
141. Имеется в виду Слетова А.Н. — первая жена В.М.Чернова, учительница, одна из активных деятелей партии эсеров.
142. Имеется в виду донос Е.Ф.Азефа, по которому С.Н.Слетов был арестован на границе.
143. *Фрумкина Ф.М.* (1866-1907) — из мещан, повивальная бабка. В мае 1903 г. арестована при ликвидации эсеровской типографии в Киеве. В декабре того же года, будучи вызванной на допрос, напала с ножом на начальника Киевского губернского жандармского управления генерала В.Д.Новицкого. Осуждена на 11 лет каторги, отбывала в Горном Зерентове. В 1906 г. бежала. Вновь арестована с браунингом в феврале 1907 г. в Москве в Большом театре по обвинению в намерении убить московского градоначальника Рейнбота. Находясь в Бутырской тюрьме, ранила начальника тюрьмы. Казнена по приговору военно-полевого суда.
144. *Маркиз де Сад* — литературный псевдоним французского писателя Донасьена Альфонса-Франсуа графа де Сада (1740-1814). Свойственное его творчеству соединение жестокости с развратом получило название садизма.
145. *Безобразов А.М.* — полковник, статс-секретарь, один из виновников русско-японской войны, инициатор приобретения лесной концессии на р. Ялу, был

- близко связан с высокопоставленными лицами и Николаем II, усиленно агитировал за агрессивную политику по отношению к Японии. В значительной мере под его влиянием в 1903 г. образованы Дальневосточное наместничество и Особый комитет по делам Дальнего Востока, который почти устранил министерство иностранных дел от проблем этого региона и своей политикой привел к войне.
146. *Алексеев Е.И.* (1843-?) — адмирал. В 1899-1903 гг. командующий войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана. С 1903 г. наместник Дальневосточного наместничества. Много сделал для обострения отношений России с Японией и крайне мало для подготовки к войне с ней. С началом войны был назначен главнокомандующим сухопутных и морских сил с сохранением в звании наместника. В октябре 1904 г. смещен на этой должности А.Н. Куропаткиным. В 1905 г. отозван с Дальнего Востока и назначен членом Государственного совета.
 147. *Российская социал-демократическая рабочая партия.* Создание партии было провозглашено ее I съездом, состоявшимся в марте 1898 г. В 1903 г. на II съезде были приняты программа и устав партии и тогда же партия разделилась на два направления — большевиков и меньшевиков, сначала по организационному, затем и по тактическим и организационным вопросам. Главное отличие заключалось в том, что меньшевики не считали Россию достаточно зрелой для социалистической революции. Большевики же, пренебрегая отсутствием объективных предпосылок для такой революции, захватили власть в октябре 1917 г. и в течение семидесяти с лишним лет вели в России безуспешный эксперимент социалистического строительства. В 1991 г. партия большевиков-коммунистов прекратила свое существование.
 148. *Польская социалистическая партия* — см. примечание № 73.
 149. *Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России)* — образован на I съезде, состоявшемся в 1897 г. в Вильно. В 1898 г. вошел в РСДРП на автономных началах. II съезд РСДРП отклонил претензию Бунда на право быть единственным представителем еврейского пролетариата, а также его стремление сохранить федеративное устройство РСДРП, и Бунд вышел из нее. В 1906 г. Бунд вернулся в лоно РСДРП на ее IV объединительном съезде, находился на меньшевистских позициях. В 1917 г. поддерживал Временное правительство в его демократических преобразованиях. Октябрьскую революцию не признавал, в июне 1918 г. его деятельность была запрещена советской властью. В марте 1919 г. признал советскую власть и призвал еврейский пролетариат встать на ее защиту. В 1920 г. присоединился к РКП(б). Правая часть объединилась в Бунд социал-демократический. Впоследствии одни из его руководителей были репрессированы, другие эмигрировали.
 150. *Социал-демократия Королевства Польского и Литвы* — образовалась в результате слияния в 1900 г. Социал-демократии королевства Польского (СДКП) и Рабочего союза Литвы. В 1906 г. СДКП и Л объединилась с РСДРП. Приветствовала Октябрьскую революцию, некоторые ее руководители стали видными деятелями советского государства. В конце 1918 г. вместе ППС-«левицей» образовала Коммунистическую рабочую партию Польши.
 151. *Польская социалистическая партия «Пролетариат»* — см. Примечание № 72.
 152. *Литовская социал-демократическая партия* — образовалась в апреле 1906 г. В связи с отходом партии от постановки на первый план национального вопроса, в 1905 г. название партии было изменено. Она стала называться Социал-демократическая партия Литвы (СДПЛ).
 153. *Латышская социал-демократическая рабочая партия* — создана в 1904 г. Большое значение придавала вопросу национального самоопределения Латвии. В 1906 г. вошла в состав РСДРП на началах автономии и приняла название «Социал-демократия Латышского края». В 1917 г. раскололась на меньшевистскую Латышскую социал-демократическую рабочую партию (ЛСДРП) и большевистскую Социал-демократию Латвии (СДЛ). В 1919 г. последняя была переименована в Коммунистическую партию Латвии (КПЛ).

154. *Союз латышской социал-демократии* — образовался осенью 1900 г. По своей программе и тактике приближался к российским социалистам-революционерам, значительное внимание придавал национальному вопросу. Влияние его было незначительным.
155. *Украинская социалистическая партия* — основана в 1900 г. на Правобережной Украине. В 1903 г. объединилась с Революционной украинской партией (РУП), но уже в следующем году вновь выделилась в самостоятельную партию. Первостепенным требованием было требование независимости Украины.
156. *Украинская революционная партия (РУП)* — первая украинская политическая партия, основана в 1900 г. Положила начало политическому направлению «самостийности» Украины. Тяготела одновременно к народничеству и марксизму. В конце 1905 г. прекратила свое существование. Ее восприемницей стала Украинская социал-демократическая рабочая партия.
157. *Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров* — конституировалась в 1904 г. в Женеве. Объявляла себя «классовой партией трудящегося народа», выступала за грузинскую автономию в федеративной России. В 1917 г. поддерживала Временное правительство. В 1918 г. играла роль легальной оппозиции в Грузинской республике, хотя в целом поддерживала правительство грузинских меньшевиков. В 1923 г. после ряда расколов прекратила свое существование.
158. *Армянская социал-демократическая рабочая организация («специфики»)* — создана вскоре после II съезда РСДРП армянскими социал-демократами, тяготевшими к национал-федерализму и объяснявшими это «специфическими условиями каждой нации».
159. *Белорусская социалистическая громада* — предшественницей ее была *Белорусская революционная громада*. В 1903-1904 гг. приняла название БСГ. В программных положениях использовала элементы польской социалистической партии, эсеров, Бунда и меньшевиков. Съездом БСГ в 1907 г. принято решение о ее роспуске, однако отдельные кружки ее продолжали существовать. Возродилась после Февраля 1917 г. Осенью того же года раскололась. Левая часть приняла целиком программу РСДРП(б), правая же блокировалась с буржуазно-националистическими группировками и выступала против установления советской власти в Белоруссии, искала поддержки у германского правительства в целях «возрождения белорусской государственности». На месте расколовшейся БСГ возникли Белорусская партия социалистов-федералистов, Белорусская социал-демократическая партия и Белорусская партия социалистов-революционеров.
160. *Армянская революционная федерация («Дашнакцутюн»)* — национальная армянская социал-революционная партия, образовалась в 1890 г., добивалась самостоятельности объединенной Армении. По своей социальной программе и тактике была близка к российской партии социалистов-революционеров. В 1908-09 и 1912 гг. прошли в Петербурге большие судебные процессы над партией, по которым несколько тысяч ее членов были сосланы в Сибирь. В 1917 г. главный политический соперник большевиков в Армении. После Октября вместе с грузинскими меньшевиками и азербайджанскими мусаватастами боролась против большевиков и за отделение Закавказья от Советской России. В 1918-1920 гг. — правящая партия в Армянской республике. В конце 1920 г. правительство «дашнаков» было свергнуто большевиками. В 1923 г. партия заявила о ликвидации своей деятельности в Армении, но эмигрантские организации продолжали функционировать. Ныне партия вновь воссоздана в независимой Армении.
161. *Союз освобождения* — нелегальная либеральная организация, образовалась вокруг журнала «Освобождение». Начало организации было положено на совещании либеральных земцев и интеллигенции в июле 1903 г. в Швейцарии в г. Шафгаузене. Учредительный съезд состоялся в Петербурге в январе 1904 г. Вместе с «Союзом земцев-конституционалистов» составил партию конституционных демократов, учредительный съезд которой состоялся в октябре 1905 г.

162. *Польская национальная лига* — национально-демократическая организация, выделилась из Лиги польской в 1893 г. Лидеры: Р. Дмовский, З.Балицкий, Я.Поплавский. Распушена в 1928-1929 гг.
163. *Финляндская партия активного сопротивления* — образована в 1903-1904 гг. представителями национальной буржуазии и интеллигенции, выступала за независимую конституционную Финляндию, кроме прочих средств борьбы использовала и террор против высших чинов царской администрации, проводивших политику, урезавшую финляндскую автономию.
164. Резолюция исходила от «аграрных террористов» (см. примечание № 139). На собрании Женевской группы 14.11.1904 г. она получила значительное большинство (25:12). Без ведома ЦК партии «аграрники» стали распространять эту резолюцию в других зарубежных эсеровских организациях, что чрезвычайно обеспокоило ЦК и видных членов партии — «стариков». Недовольное этой резолюцией «меньшинство» Женевской группы 5.11.1904 г. приняло свою резолюцию «О задачах партии в деревне, политическом и аграрном терроре», которая легла в основу циркуляра ЦК ПСР «*Ко всем комитетам партии социалистов-революционеров*» (см. с. 164-167 настоящего издания).
165. Речь идет о «кровавом воскресенье» 9.1.1905 г., когда царскими войсками было расстреляно шестие рабочих к Зимнему дворцу с петицией к царю. Трагические события этого дня положили начало первой российской революции.
166. *Сазонов Е.С.* (1879-1910) — сын лесопромышленника, выходец из крестьян-раскольников, бывший студент Московского университета, исключен за участие в студенческих беспорядках, член «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров». После ареста в 1902 г. сослан в Восточную Сибирь, бежал за границу, стал членом Боевой организации партии эсеров. 15.7.1904 г. на Измайловском проспекте в Петербурге бросил бомбу в карету В.К.Плеве, убившего министра и ранившего самого Сазонова. 30.11.1904 г. приговорен к бессрочной каторге. До конца 1905 г. содержался в Шлиссельбургской тюрьме, затем отправлен в Акатуйскую каторжную тюрьму, в 1907 г. переведен в Алтаинск, где вступил в конфликт с начальником тюрьмы, пытавшимся ужесточить тюремный режим, переведен на Зерентуй. После неудачи первой революции пережил душевный надрыв, ставил под сомнение прежние террористические методы борьбы. В 1910 г., в знак протеста против телесных наказаний по отношению к политическим заключенным, совершил самоубийство, приняв морфий.
167. Имеется в виду французский король Людовик XVI, свергнутый революцией и казненный в 1793 г.
168. *Прометей* — в греческой мифологии титан, похитивший у богов огонь и подаривший его людям. По приказу Зевса был прикован к скале и обречен на постоянные муки: прилетающий каждый день орел расклеивал его печень. Освободил Прометея и убил орла Геракл.
169. 1 марта 1881 г. был убит император Александр II бомбой, брошенной агентом Исполнительного комитета «Народной воли» И.И.Гриневицким.
170. *Владимир Александрович* (1847-1909), великий князь, брат Александра III, дядя Николая II. До октября 1905 г. командовал гвардией и Петербургским военным округом.
171. Имеется в виду рескрипт на имя министра внутренних дел А.Н.Булыгина о создании комиссии по разработке положения о законосовещательной Государственной думе, подписанный Николаем II 18 февраля 1905 г.
172. Речь идет о Всероссийской октябрьской политической стачке. Она началась 7.10.1905 г. в Москве, затем охватила всю страну. В ней приняло участие около 2 млн. человек. Под ее давлением царизм издал 17 октября Манифест, обещавший свободы и законодательную Государственную думу. После издания Манифеста стачка пошла на убыль и к 24.10.1905 г. была прекращена.
173. Имеется в виду № 77 «Революционный России», представляющий разрозненное издание отдельных статей.

174. Имеется в виду восстание матросов и солдат в Кронштадте 26-27 октября 1905 г. Восстание было подавлено, арестовано 1,5 тыс. матросов и несколько сот солдат, наиболее активных из них правительство хотело предать военно-полевому суду, но это намерение было сорвано ноябрьской политической стачкой.
175. Польша (все 10 привислинских губерний) была объявлена на военном положении 28 октября 1905 г.
176. Вооруженное восстание в Москве происходило 9-18 декабря 1905 г. Центром восстания была Пресня. Для его подавления правительством были переброшены войска из Петербурга, Твери и Западного края. Московский Совет рабочих депутатов принял решение прекратить вооруженное сопротивление с 19 декабря.
177. Петербургский Совет рабочих депутатов образовался в ходе Всероссийской октябрьской политической стачки. Первое его заседание состоялось в ночь на 14 октября 1905 г. Организационно Совет оформился 17 октября, когда был избран временный Исполнительный комитет. Октябрьская стачка и создание Петербургского Совета дали толчок к организации Советов в других местах страны. Преобладающим влиянием в Петербургском и подавляющем большинстве других Советов пользовались социал-демократы. Советы являлись органами новой революционной власти. Они издавали свои постановления и распоряжения, явочным порядком вводили 8-ми часовой рабочий день и демократические свободы. Эсеры рассматривали их как профессионально-политические союзы. В то же время социал-демократы делали другую ошибку в своем стремлении сделать их чисто социал-демократическими органами.
178. Первое заседание Московского Совета рабочих депутатов состоялось 21.11.1905 г. Совет вел политику более сдержанную, по сравнению с Петербургским Советом, не обещивал рабочих призывами к забастовкам по всякому поводу, концентрировал их силы к решительному выступлению. В начале декабря он принял решение о начале всеобщей политической стачки с переводом ее в вооруженное восстание. Однако из-за ареста большинства лидеров Совета, он не стал руководящим центром вооруженного восстания.
179. *Всероссийский железнодорожный союз* образовался в апреле 1905 г. Он сыграл ведущую роль во Всероссийской октябрьской политической стачке. Влияние эсеров в союзе в 1905 г. было значительным, но не преобладающим. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что железнодорожный съезд, происходивший в начале декабря, вопреки мнению ЦК ПСР и лично В.М.Чернова, поддержал решение Москвы о начале Всеобщей политической стачки. После поражения декабрьского вооруженного восстания союз перешел на нелегальное положение. Летом 1906 г. он поддержал призыв революционных партий и организаций к всеобщей стачке и вооруженному восстанию в связи с роспуском I Государственной думы. Влияние эсеров в союзе возобладаало лишь в конце 1906 г. Тогда социал-демократы пошли на его раскол, было принято решение о выходе социал-демократов из этого союза.
180. *Всероссийский крестьянский союз*. Учредительный съезд союза состоялся 31 июля—1 августа 1905 г. Союз выступал за политические свободы, созыв Учредительного собрания, отмену частной собственности на землю. Союз объединял более двухсот тысяч человек и являлся самой многочисленной революционно-демократической организацией. Влияние эсеров в Союзе было значительным, однако стремление эсеровского руководства полностью подчинить себе союз вызывало недовольство большинства руководства союза. Союз постоянно подвергался полицейским репрессиям. К концу 1906 г. союз утратил свое бывшее влияние, а в 1907 г. прекратил существование.
181. Имеется в виду Петербургский Совет рабочих депутатов
182. На том, чтобы Совет рабочих депутатов принял социал-демократическую программу, особенно настаивали представители большевиков. Целесообразность такой точки зрения была поставлена под сомнение В.И.Лениным в его статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», написанной им в начале ноября

- 1905 г. за границей для центрального органа РСДРП, легальной газеты «Новая жизнь», но тогда там не опубликованной. Он считал, что в Совете, как боевом центре, должны быть представители всех революционных партий и Совет не должен включать ни в одну из этих партий.
183. Резолюцию о введении 8-часового рабочего дня на предприятиях Петербурга была принята Советом рабочих депутатов 29 октября 1905 г.
 184. *Струве П.Б.* (1870-1944) — экономист, философ, историк, публицист, общественный и политический деятель, лидер «легального марксизма», автор Манифеста I съезда РСДРП, редактор журнала «Освобождение», член ЦК партии кадетов, один из лидеров ее правого крыла, редактор еженедельника «Полярная звезда» и журнала «Русская мысль», один из авторов «Вех». Академик Российской академии наук в 1917-1928 гг., министр в правительстве П.Н.Врангеля, член Особого совещания при А.И.Деникине. В эмиграции редактировал журнал «Русская мысль» и газету «Возрождение».
 185. «Полярная звезда» — еженедельное общественно-политическое и культурно-философское издание, редактируемое П.Б.Струве. Выходило с 15.12.1905 г. по 19.03.1906 г., прекратилось на № 14.
 186. Имеется в виду политическая стачка в Петербурге 2—7.11.1905 г., являвшаяся протестом против предания военно-полевого суду участников Кронштадского восстания и введения военного положения в Польше.
 187. Речь идет о гвардейском Семеновском полке, переброшенном правительством из Петербурга в Москву 15.12.1905 г. и сыгравшем решающую роль в подавлении вооруженного восстания.
 188. Требование отмены суда над кронштадцами — участниками воосстания было одним из основных в ноябрьской политической стачке. Правительство вынуждено было отступить.
 189. Имеется в виду «Петербургский Федеративный с.-д. совет», созданный во время Всеобщей октябрьской политической стачки. В его состав входили представители Петербургского комитета большевиков, Петербургской группы меньшевиков, ЦК и Организационной комиссии РСДРП.
 190. Речь идет о Всероссийской стачке работников почт и телеграфа, происходившей 15.11.-15.12.1905 г. Поводом к стачке послужило запрещение властями организации почтово-телеграфного союза и увольнение ряда служащих почтово-телеграфного ведомства — организаторов союза.
 191. Арест членов Центрального бюро и Бюро содействия Всероссийского крестьянского союза произошел 14.11.1905 г.
 192. *Хрусталеv-Носарь Г.С.* — помощник присяжного поверенного, председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, был арестован 26.11.1905 г.
 193. *Чухнин Г.П.* — вице-адмирал, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, руководил подавлением восстания матросов Черноморского флота 11-16.11.1905 г.
 194. *Шмидт П.П.* (1867-1906) — дворянин, из семьи потомственного морского офицера, окончил морское училище, лейтенант. В период русско-японской войны командовал миноносцем на Черноморском флоте. В 1905 г. организовал в Севастополе «Союз офицеров — друзей народа». В октябре 1905 г. арестован, освобожден по требованию революционных масс. Возглавил восстание на крейсере «Очаков» 14.11.1905 г. На следующий день арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян вместе с другими руководителями восстания.
 195. Имеется в виду «Финансовый манифест», подписанный революционными партиями и организациями и призывавший не платить казенных платежей, снимать вклады и сберегательных касс, и Государственного банка и требовать выдачи зарплату золотой монетой. «Манифест» был опубликован революционной и частью оппозиционной печати 2.12.1905 г.
 196. Исполнительный комитет и 230 депутатов Петербургского Совета рабочих депутатов были арестованы 3.12.1905 г.

197. В начале декабря 1905 г. в Москве состоялся не съезд, а конференция 29 железных дорог. Она вместе с Центральным бюро Всероссийского железнодорожного союза 7.12.1905 г. приняла обращение ко всем рабочим и служащим железных дорог с объявлением совместно с Советами рабочих депутатов Москвы и Петербурга Всеобщей политической стачки. В.М.Чернов присутствовал на этой конференции и от имени ЦК ПСР пытался отговорить от принятия такого решения, но сделать это ему не удалось.
198. Революционное брожение в частях московского гарнизона началось в начале декабря 1905 г. Его кульминацией стало восстание во 2-ом гренадерском Ростовском полку 2-3-го декабря. Однако из-за нерешительности восставших воинскими частям, оставшимся верными правительству, удалось перехватить инициативу, и выступление было подавлено.
199. Училище Фидлера на Чистых прудах, являвшееся штабом дружинников, было осаждено вечером 9.12.1905 г. драгунами при поддержке артиллерии и разгромлено. Событие это стало началом перерастания Всеобщей политической стачки в вооруженное восстание.
200. Решение о взрыве Московского охранного отделения было принято комитетом партии эсеров, как ответ на разгон властями митинга в саду «Аквариум», который охранялся эсеровской боевой дружиной. Осуществить решение было поручено В.М.Зензинову, непосредственными исполнителями-метальщиками бомб были художник из Строгановского училища по имени Оскар и приказчик галантерейного магазина Борис.
201. Начальник московской сыскной полиции А.И.Войлошников был расстрелян по приговору военно-революционного трибунала в ночь на 15.12.1905 г.
202. Пресня дольше других московских районов сопротивлялась правительственным войскам. Руководили обороной Боевой комитет и районный Совет рабочих депутатов. После двухдневного боя, видя что дальнейшее сопротивление бесполезно, руководство обороной Пресни приняло решение о прекращении борьбы с 18 декабря.
203. Прохоровская трехгорная мануфактура, рабочие которой имели прочные связи с деревней, в период высшего подъема революции являлась эсеровской штабелядь в Москве.
204. Речь идет о «Введении» Ф.Энгельса к работе К.Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.», где Энгельс ставил под сомнение возможность баррикадной борьбы рабочих против современного войска.
205. В конце 1905 г. Г.А.Гершуни был переведен в московскую пересыльную тюрьму Бутырки, а из нее весной 1906 г. отправлен в Сибирь. Публикуемое письмо написано Гершуни во время пребывания его в Бутырьках.
206. Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону происходило 13-20 декабря 1905 г.
207. Всеобщая стачка и вооруженное восстание в Нижнем Новгороде, Сормово и Канавине были 12-15 декабря 1905 г.
208. Всеобщая стачка переросла в вооруженные выступления также в Екатеринославе (8-24.12.1905 г.), Горловке (13-17.12.1905г.), Харькове (12-18.12.1905 г.), Новороссийске (9-25.12.1905 г.), Сочи (28.12.1905-2.1.1906 г.), Перми (9-12.12.1905г.), на Мотовилихинском заводе (Пермская губ., 12-13.12.1905г.).
209. Имеется в виду указ от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений». Главное изменение сводилось к некоторому расширению избирательных прав в Думу и прежде всего к созданию рабочей курии.
210. *Булыгинская дума.* «Манифест об учреждении Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и «Положение о выборах в Государственную Думу» были опубликованы 6.8.1905 г. Законодательные акты были выработаны в особой комиссии под руководством министра внутренних дел А.Г.Булыгина, чем и объясняется широко распространенное название Думы. Дума наделялась законосовещательными правами, избирательные права предостав-

лялись узкому кругу лиц. Протестом против этой Думы стала Всеобщая октябрьская политическая стачка, которая и смела ее.

211. Имеется в виду I Государственная Дума. Она работала 27.4.—8.7.1906 г. Выборы в нее состоялись в марте 1906 г. Левые партии и организации бойкотировали выборы. В Думу было избрано 478 депутатов, из них: кадетов — 179, автономистов — 63, октябристов — 16, беспартийных — 105, трудовиков — 97, социал-демократов — 18. Центральное место в работе Думы занимал аграрный вопрос. Правительство, твердо стоявшее за охрану частной собственности на землю, не нашло общего языка с крестьянскими депутатами, требовавшими отмены частной собственности на землю и передачи ее в уравнительно-трудовое пользование народу («проект 104-х»). Конструктивной законодательной работы в Думе не получалось, она все более превращалась в орган революционной пропаганды и агитации и потому Николай II посчитал более целесообразным ее распустить
212. *Трудовая группа* — фракция крестьянских депутатов в Государственных думах. Образовалась в апреле 1906 г. Выступала за демократизацию политического строя и землепользования. Ее аграрный «проект-104-х» выразил интересы большинства российского крестьянства в революции. В 1917 г. трудовики слились с «народными социалистами», образовав общую Трудовую народно-социалистическую партию.
213. *«Дело народа»* — ежедневная легальная газета партии эсеров. Издавалась в Петербурге с 3 по 12 мая 1906 г. Вышло 9 номеров.
214. Председателем I Государственной думы был С.А.Муромцев (1850-1910), юрист, профессор Московского университета, видный деятель кадетской партии.
215. *«Methodisch und sistematisch»* (немец.) — методически и систематично.
216. *«Народный вестник»* — ежедневная эсеровская газета; издавалась в Петербурге с 17 по 31 мая 1906 г., являлась продолжением журнала того же названия. Вышло 13 номеров.
217. *«Проект основного земельного закона»* («проект 33-х»), разработан частным совещанием депутатов Трудовой группы при непосредственном участии эсеров и выражал в основном их взгляды по аграрному вопросу. За подписью 33-х депутатов проект был внесен 6-го июня 1906 г. на рассмотрение Государственной думы. Проект был отвергнут большинством Думы. Оно же высказалось и против передачи его в аграрную комиссию Думы в качестве материала.
218. Данный документ является докладом представителя ЦК ПСР на Всероссийском совещании партийных работников среди крестьянства, состоявшемся в сентябре 1906 г.
219. Имеется в виду прежде всего циркуляр ЦК «К партийным организациям», обязывавший партийные организации объявить и начать немедленно открытую войну с правительством, причем главное внимание должно быть обращено на восстания крестьян и войска.
220. *Трепов Д. Ф.* (1855-1906) — дворянин, генерал-майор, окончил Пажеский корпус, служил в лейб-гвардии конном полку. В 1896-1905 гг. московский обер-полицмейстер. С 11.1.1905 г. — петербургский генерал-губернатор, а с 24.5.1905 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией с сохранением в должности генерал-губернатора. 26.10.1905 г. уволен от этих должностей и назначен дворцовым комендантом.
221. Речь идет, видимо, об интервью Д.Ф.Трепова корреспонденту агентства Рейтер, появившемся 24.6.1906 г. в английских газетах. На следующий день это интервью было опубликовано петербургскими газетами. Трепов заявлял, что правительство И.Л.Горемыкина не контролирует положение в стране и единственным выходом может быть формирование правительства из кадетов, как сильнейшей партии в Думе.
222. *«Новое время»* — ежедневная газета; издавалась в Петербурге в 1868-1917 гг. С 1876 г. издатель А.С.Суворин. Газета имела проправительственную ориентацию.

223. *Меньшиков, М.О.* (25.9.1859-1918) — ведущий публицист «Нового времени» с 1901 по 1917 гг., сын коллежского регистратора, окончил морское училище, инженер-гидрограф. В 1892 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана и целиком посвятил себя публицистической деятельности. До 1901 г. — секретарь, ведущий критик и публицист газеты «Неделя».
224. Речь идет о следующем. 13 мая 1906 г. Дума, в ответ на отказ царской власти пойти ей навстречу, подавляющим большинством высказалась за отставку правительства И.Л.Горемыкина и создание правительства, пользующегося доверием Думы. С этого времени начались неофициальные, полуконспиративные контакты и переговоры высокопоставленных представителей власти с некоторыми лидерами партии кадетов по вопросу о возможности создания кадетского министерства. По поручению императора инициативу переговоров взял на себя Д.Ф.Трепов. На его предложение вступить в переговоры ответили отказом С.А.Муромцев и И.И.Петрункевич, согласился лишь П.Н.Миллюков. По этому вопросу Миллюков встречался также с главноуправляющим министерства земледелия А.С.Ермоловым и министром внутренних дел П.А.Столыпиным. В печати публиковались списки возможных кадетских министров. Интересно отметить, что Миллюков пытался выяснить отношение эсеров к возможности создания кадетского министерства. В своих показаниях судебно-следственной комиссии по делу Азефа член ЦК ПСР М.А.Натансон говорил, что Миллюков обращался к нему с целью выяснить, на каких условиях партия эсеров согласна поддержать кадетское министерство. Натансон назвал полную амнистию и отмену военного положения. В то же время он пытался убедить Миллюкова, что с ним ведется лишь игра, что готовится антиконституционный переворот, но Миллюков этому не верил. В конечном итоге идея «кадетского министерства» не была реализована. В ряду причин и обстоятельств ее провала нельзя исключить и то, что Натансон во время переговоров не был до конца откровенен. Он умолчал о том, что имеется крайне слабая надежда на успешное революционное выступление в войсках. (ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 123, л. 31). Если бы это стало известно Миллюкову, он, более уверенный в том, что революция не победит, быть может, был бы уступчивее в переговорах с властями о «кадетском министерстве».
225. «Мысль» — ежедневная политическая и литературная газета, легальный орган партии эсеров; издавалась в Петербурге с 20.6. по 6.7.1906 г. Вышло 15 номеров.
226. *Выборское воззвание* — обращение к «Народу от народных представителей», принятое на совещании 9-10 июля 1906 г. в Выборге, куда после роспуска Думы прибыло около 200 депутатов, в большинстве кадетов. Воззвание призывало население в знак протеста против роспуска Думы не платить налогов, не давать рекрутов, не признавать правительственных займов, не одобренных Думой. Вскоре подписавшие под Выборгским воззванием были привлечены к судебной ответственности, лишены права избираться в Думу. Суд над ними, состоявшийся в декабре 1907 г., приговорил их к трехмесячному тюремному заключению.
227. Речь идет об обращении к народу, принятом Государственной думой 6.7.1906 г. голосами кадетов. В обращении говорилось о том, что в основании разрабатываемого Думой земельного закона лежит принцип принудительного отчуждения земли, и Дума выразила недоверие правительству, считающему использование этого принципа недопустимым. Одновременно население призывалось спокойно и мирно ждать законодательного разрешения земельного вопроса. Принятие этого обращения послужило для правительства поводом для «законного» роспуска Государственной думы 9.7.1906 г.
228. *Мин Г.А.* — командир лейб-гвардии Семеновского полка, полковник, затем генерал-майор, командовал карательными действиями полка в Москве при подавлении декабрьского вооруженного восстания. Убит членом эсеровского Летучего боевого отряда Северной области З.В.Коноплянниковой на станции Новый Петергоф 13.8.1906 г.

229. *Риман Н.К.* — полковник лейб-гвардии Семеновского полка. При подавлении Московского вооруженного восстания командовал отрядом карателей на участке Московско-Казанской железной дороги от Москвы до Коломны.
230. Имеется в виду или «*Манифест ко всему русскому крестьянству*», изданный в июле 1906 г. после разгона I Думы комитетом социал-демократической фракции Государственной думы, комитетом Трудовой группы, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, Всероссийскими крестьянским, железнодорожным и учительским союзами, или воззвание «*Ко всему народу*», подписанное комитетами социал-демократической фракции Думы и Трудовой группы, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, ЦК ППС и ЦК Бунда.
231. К сожалению, нам не удалось выяснить что-либо определенное об упомянутом межпартийном бюро. В литературе и источниках, публиковавшихся в советское время, о нем нет никаких упоминаний. М.А.Натансон в своих показаниях судебно-следственной комиссии говорит, что в январе-июле 1906 г. образовались два междупартийных бюро, «как информационного, так и взаимно вспомогательного характера». В состав этих бюро входили представители от ПСР, РСДРП, ППС, Бунда, латышской социал-демократии, социал-демократии королевства Польского и Литвы, Всероссийских крестьянского и железнодорожного союзов (ГАРФ, ф. 1699, оп. 1, д. 123, л. 30). Другой член тогдашнего эсеровского ЦК той же комиссии показывал, что межпартийное совещание около Териок в Финляндии, состоялось тогда, когда в Свеаборге уже вспыхнуло восстание (там же, д. 130, л. 71).
232. Восстание в Свеаборге началось стихийно 17.7.1906 г. Преждевременность этого выступления в советской литературе связывалась с авантюризмом и подстрекательством эсеров. Свидетельства эсеров несколько иные. Эсеры еще до роспуска Думы, но особенно после него, основное свое внимание сосредоточили на работе в войсках. Ставка делалась прежде всего на военные выступления в Петербурге, Кронштадте и Севастополе, а затем уже в Свеаборге. То, что первым начал Свеаборг, было неожиданностью и для эсеровского руководства. Это выступление свалилось на него, по словам М.А.Натансона, «как снег на голову» и «все карты были смешаны». От эсеровского ЦК в Свеаборг уехал сам В.М.Чернов, однако через три дня восстание было подавлено.
233. Восстание в Кронштадте началось в ночь с 19 на 20 июля. Подготовка к нему тоже не была еще закончена, его организаторы и руководители торопились поддержать Свеаборг. Эсеровский ЦК отправил в Кронштадт своим представителем депутата Государственной думы Ф.М.Онипко. Восстание было подавлено на следующий день, 20.7.1906 г.
234. В Ревеле восстание произошло на крейсере «Память Азова». Восстание было начато также в поддержку свеаборжцев. Однако оно не получило развития и вскоре было подавлено. Прибывший на корабль представитель эсеровского ЦК И.И.Фондаминский (Бунаков) был арестован.
235. Речь идет о II Совете ПСР, состоявшемся в октября 1906 г. на Иматре в Финляндии.
236. *Максималисты* — крайнее левое течение в неонародничестве, возникло в эсеровской среде в 1904-1905 гг. Предшественниками максималистов были «аграрные террористы» и «московская оппозиция». В октябре 1906 г. максималисты оформились в самостоятельную организацию Союз социалистов-революционеров-максималистов. Максималисты не признавали эсеровскую программу-минимум, ставили непосредственную задачу достижения социализма путем социализации земли и фабрик и установления власти народа в виде Трудовой республики.
237. В работах В.И.Ленина и советской литературе этот проект называется «проект 105-ти», что не совсем правильно. Под ним действительно стоят 105 подписей, но одна подпись фигурирует дважды. Поэтому название «проект 104-х», по нашему мнению, более соответствует истине. Кстати сказать, в эсеровской литературе он известен тоже как «проект 104-х». Проект был вне-

сен эсерами во II Государственную думу 3.5.1907 г. и был передан в думскую аграрную комиссию.

238. Речь идет о государственном перевороте 3-го июня 1907 г. Поводом для него явилось сфабрикованное охранкой обвинение социал-демократической фракции в связях с военной организацией и в подготовке вооруженного восстания. 1.6.1907 г. П.А.Столыпин потребовал отстранения этой фракции от работы в Думе и ареста 16 ее членов. Для проверки обвинения Дума создала особую комиссию, однако правительство не стало ждать результатов работы этой комиссии, арестовало большинство членов социал-демократической фракции и 3.6.1907 г. распустило Думу. Одновременно был издан новый избирательный закон без одобрения его Государственной думой, что являлось нарушением Основного закона Российской империи.
239. III Государственная дума работала с 1.11.1907 по 9.6.1912 г. Она была избрана на основе третьейиюньского избирательного закона. Общее число депутатов равнялось 442. В Думе были представлены 11 политических партий и групп. Правых депутатов было 147, октябристов — 154, кадетов — 54, прогрессистов — 28, трудовиков — 14, социал-демократов — 19, остальные — от национальных партий. Партия эсеров бойкотировала выборы в Думу и не была в ней представлена. Хотя консервативные элементы в Думе преобладали, но абсолютного большинства не имела ни одна из фракций, что позволяло правительству проводить политику лавирования между консервативными и либеральными слоями общества.
240. I съезд партии социалистов-революционеров происходил в Финляндии, недалеко от станции Иматра в гостинице «Турист» с 29.12.1905 по 4.1.1906 г.
241. Выявить состав Организационного бюро съезда не удалось. По ряду сведений главную роль в организации съезда играл М.А.Натансон.
242. Имеется в виду Шевич (И.А.Рубанович).
243. Амстердамский конгресс II Интернационала состоялся в августе 1904 г. На нем присутствовали 483 делегата от 40 рабочих и социалистических партий 24 стран. На этом конгрессе партия социалистов-революционеров была принята в состав Интернационала. В эсеровскую делегацию на конгрессе входили Е.К.Брешко-Брешковская, Ф.В.Волховский, Ю.Гарденин (В.М.Чернов), В.С.Гоц (жена М.Р.Гоца), С.Григорович (Х.О.Житловский), А.Гросс (Е.Ф.Азеф), Е.Е.Лазарев, О.С.Минор, И.А.Рубанович, К.М.Терешкович, Е.Устинов и Л.Э.Шишко. Делегация избрала от себя в бюро президиума конгресса Брешковскую, в подготовительные комиссии: 1) по вопросам парламентской тактики — Рубановича, 2) социальной политики — Григоровича, 3) колониальной политики — Волховского, 4) о всеобщей стачке — Устинова, 5) о трестах — Лазарева. Главным вопросом конгресса был вопрос о тактике социалистических партий. Большинство участников конгресса высказалось против участия социалистов в буржуазных правительствах и соглашениях с буржуазными партиями. Среди этого большинства были и эсеровские представители.
244. Имеется в виду российская социал-демократия.
245. Йенский съезд германской социал-демократической партии состоялся в 1905 г.
246. Имеется в виду Ж.Жорес. См. примечание № 10.
247. Речь идет о соглашении российских революционных и оппозиционных партий, достигнутом осенью 1904 г. на Парижском совещании. См. с. 158-161.
248. Имеется в виду К.Каутский (1854-1938).
249. «Vorwärts» — газета, центральный орган Германской социал-демократической партии, издавалась в Берлине в 1891-1933 гг.
250. Соломин (Минор О.С.) (1861-1933) — видный деятель партии эсеров. Сын раввина, бывший студент юридического факультета Московского университета, участник народолюбческого движения 80-х годов. В 1885 г. приговорен к 10-летней ссылке в Восточную Сибирь, за участие в вооруженном сопротивлении властям в 1889 г. в Якутске был приговорен к бессрочной каторге, замененной в 1894 г. на 20-летнюю, затем каторга была заменена 10-летним поселением. В

1898 г. вернулся в Европейскую Россию, в течение 4 лет находился под полицейским надзором, проживая в Вильно, Кишиневе и Слутске. В 1902 г. нелегально выехал за границу. Член Аграрно-социалистической лиги и Заграничного комитета партии эсеров, с 1904 г. его глава и член ЦК партии, один из активных борцов с «аграрными террористами». После Манифеста 17 октября 1905 г. вернулся в Россию, один из председателей I и II съездов партии. После Лондонской общепартийной конференции в качестве уполномоченного ЦК выехал в Поволжье для восстановления партийной работы в этом регионе. Арестован в Саратове в январе 1909 г., приговорен военно-окружным судом к 8 годам каторги. Накануне Февральской революции вышел на поселение. В 1917 г. делегат и член президиума III съезда партии, избран членом ЦК. Председатель московской городской думы, издатель газеты «Труд». Один из лидеров эсеровских фракций на Государственном и Демократическом совещаниях. Возглавлявшаяся им московская городская дума стала политическим и организационным центром в борьбе с большевиками. В начале 1919 г. эмигрировал из России, жил в Париже, один из организаторов Парижского частного совещания членов Учредительного собрания. В 1919 г. в газете «Русский солдат — гражданин Франции» были опубликованы его воспоминания «Это было давно. (Воспоминания солдата революции)». В 1933 г. они вышли отдельным изданием.

251. *Грибовский* — делегат Владимирского комитета, псевдоним не раскрыт.
252. *Рославлев* — участвовал в работе съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
253. *Тамбовцев* — представитель Тамбовского комитета, псевдоним не раскрыт.
254. *Дружинин* — участвовал в работе съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
255. *Тучкин* — В.М.Чернов, делегат от редакции ЦО «Революционной России».
256. *Андреев* — участвовал в работе съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
257. *Серов* — Н.С.Русанов, участвовал в работе съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом.
258. *Павлов* — делегат от Киевского комитета, псевдоним не раскрыт.
259. *Тулский* — 2-й делегат от Тульского комитета с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
260. *Нижегородский* — делегат от Нижегородского комитета, псевдоним не раскрыт.
261. *Горецкий* — Альтовский А.И. (ок. 1890-?), сын чиновника, брат И.И.Рахитниковой, жены Н.И.Рахитникова, учился в гимназии и начал свою деятельность как эсер в Саратове, один из организаторов Крестьянского союза партии эсеров. После первой революции жил в эмиграции, играл заметную роль в Заграничном комитете. В 1917-1918 гг. один из видных деятелей партии. На процессе эсеров в 1922 г. приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено.
262. *Бельская* — представитель Бакинского комитета с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
263. *Иваненков* — делегат Иркутского комитета, псевдоним не раскрыт.
264. *Соболевский* — Натансон М.А. (1850-1919), сын купца, бывший студент Медико-хирургической академии и Земледельческого института, в движении революционных народников с конца 60-х годов, один из основателей «Земли и воли». Арестован в 1877 г., сослан в Восточную Сибирь, откуда вернулся в 1889 г., один из основателей и руководителей партии «Народное право». В 1894 г. арестован и вновь сослан в Восточную Сибирь. После возвращения из ссылки в 1902 г. сблизился с эсерами, однако формально вступил в партию лишь в ноябре 1905 г., вошел в состав ЦК, был представителем партии в исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов. На I съезде избран в состав ЦК партии, занимался главным образом организационными и финансовыми вопросами, а также связями партии с другими партиями и организациями. В период первой мировой войны — интернационалист, участник

Циммервальдской и Кинтальской конференций социалистов-интернационалистов. В 1917-1918 гг. один из лидеров левых эсеров, порвал с ними после их июльского мятежа против большевиков. Умер «революционным коммунистом».

265. *Гурьянов* — представитель Центрального бюро Крестьянского союза, псевдоним не раскрыт.
266. *Иванов* — 2-й делегат от Саратовского комитета, псевдоним не раскрыт.
267. *Тихин* — представитель Рижского комитета с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
268. *Красова* — делегат от Ярославского комитета, псевдоним не раскрыт.
269. *Тургенев* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
270. *Роцин* — Руднев В.В. (1879-1940), из дворян, бывший студент медицинского факультета Московского университета, исключен в 1899 г. за участие в студенческих беспорядках, учился вместе с В.М.Зензиновым, Н.Д.Алексантьевым, А.Р.Гоцом и И.И.Фондаминским в Берлинском университете, при поездке в Россию был арестован в 1902 г., сослан на 3 года в Восточную Сибирь. В 1905 г. возглавлял Московский комитет партии эсеров, был представителем его в исполкоме Московского Совета рабочих депутатов, участвовал в декабрьском вооруженном восстании. Арестован после I съезда партии, приговорен к 5-летней ссылке в Туруханский край, замененной высылкой за границу. Вскоре нелегально вернулся в Россию. Вновь арестован в конце 1906 г., выслан в Енисейскую губернию на 4 года. После окончания ссылки выехал за границу, закончил медицинский факультет Базельского университета. С начала войны — оборонец. В 1915 г. вернулся на родину, служил врачом в госпитале, затем земским врачом в Московской губернии. В дни Февральской революции возглавил Московский комитет партии эсеров, избран городским головой. Председатель комитета общественной безопасности, созданного в Москве для борьбы с большевистским переворотом. Председатель бюро эсеровской фракции в Учредительном собрании. Член «Союза возрождения России», председатель Союза городов и Земско-городского объединения. Сторонник тактики «единого национально-демократического фронта» для борьбы с большевиками, поддерживал правительство А.И.Деникина, считая, что оно со временем может демократизироваться. В начале апреля 1919 г. навсегда оставил Россию. Жил в Париже, входил в «правую оппозицию» в партии, выступал за пересмотр партийной программы, за широкую коалицию с несоциалистической демократией, за восстановление в России «здорового капитализма». Член редакции журнала «Современные записки».
271. *Норринг* — делегат от Рижского комитета, псевдоним не раскрыт.
272. *Поморцев* — Вишняк М.В. (1883-1976), сын купца, бывший студент юридического факультета Московского университета, затем медицинского факультета Фрейбургского университета в Германии. Вернулся в Россию осенью 1904 г. Друг детства А.Р.Гоца и И.И.Фондаминского, принят ими в партию эсеров в 1905 г., член Московского комитета партии, член редколлегии газеты «Известия» Московского Совета рабочих депутатов. Арестован после возвращения с I съезда партии, предназначался к высылке в Сибирь, однако бежал из полицейского дома. Один из слушателей «академии К.Р.Качоровского», разрабатывал проблему русского обычного права. В 1908 г. закончил юридический факультет Московского университета, стал помощником присяжного поверенного. С 1911 г. за границей, сотрудничал в газете «Знамя труда». Накануне войны вернулся в Россию, в период войны — оборонец, служащий Всероссийского союза городов. В дни Февральской революции — активный организатор и деятель Московского комитета партии эсеров, редактор его газеты «Труд». В 1917 г. — ведущий эксперт партии по вопросам публичного права, представитель партии в Особом совещании по выработке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Докладчик на III съезде партии по вопросу о государственном устройстве России, считал наиболее целесо-

сообразной для России парламентскую республику, секретарь Временного Совета республики («Предпарламента»). К Октябрьской революции относился враждебно, член «Комитета спасения Родины и Революции». Секретарь единственного заседания Учредительного собрания. В 1918-1919 гг. участник борьбы с большевиками на Юге России. В апреле 1919 г. через Одессу покинул Россию. Жил в Париже, секретарь Российского общества защиты Лиги наций, член редакции журнала «Современные записки», вел в нем отдел внутреннего обозрения под названием «На родине». Главной мишенью его критики были большевики и большевизм. Осенью 1940 г. покинул Париж и поселился в Нью-Йорке, сотрудник эсеровского журнала «За свободу» и «Нового журнала», а также ряда организаций, провозглашавших своею целью борьбу с коммунистической диктатурой и установление демократии в Советском Союзе. Автор ряда воспоминаний: «Дань прошлому», «Современные записки», «Годы эмиграции. 1919-1969» и др.

273. *Васильев* — делегат от Северо-Западного областного комитета, псевдоним не раскрыт.
274. *Железовский* — делегат Петербургского комитета, псевдоним не раскрыт.
275. *Карский* — Фондаминский, И.И.
276. *Мирский* — делегат от Псковской группы, псевдоним не раскрыт.
277. *Порошин* — Ривкин Г.А. (1877-1922), один из лидеров эсеров-максималистов, член Боевого комитета Пресни в дни декабрьского вооруженного восстания в Москве, активный участник вооруженного восстания в Кронштадте в июле 1906 г., арестован, но бежал, до 1917 г. был за границей, по прибытии в Россию возглавлял фракцию эсеров-максималистов в Кронштадтском совете, делегат II съезда Всероссийского съезда Советов.
278. *Сахаров В.В.* — генерал-адъютант, руководил карательными войсками, подавлявшими крестьянские волнения в Саратовской губернии, убит 22.11.1905 г. А.Биценко, членом Областного летучего боевого отряда партии эсеров.
279. *Гапон Г.А.* (1870-1906) — священник, имел связи с охранкой, продолжатель дела С.В.Зубатова, основатель и руководитель легального «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Организатор шествия петербургских рабочих 9.1.1905 г. с петицией к царю, закончившегося его расстрелом войсками. После этого скрылся за границей, призывал к вооруженной борьбе с царизмом, входил некоторое время в состав партии эсеров. После Манифеста 17 октября вернулся в Россию, вновь установил связи с охранкой, склонял своего знакомого П.М.Рутенберга, члена Петербургского комитета партии эсеров, к выдаче Боевой организации партии эсеров. Повешен рабочими, бывшими членами гапоновского общества, узнавшими о его провокаторской деятельности.
280. *Миллюков П.Н.* (1859-1943) — общественно-политический деятель, публицист, историк, лидер партии кадетов.
281. *Княгиня Мария Алексеевна* — персонаж комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума».
282. *Шукин* — делегат от Екатеринбургского комитета, псевдоним не раскрыт.
283. *Невский* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
284. *Базаров* — Ракитников Н.И.
285. *Медведев* — Лазарев Е.Е.
286. *Ладозжский* — делегат от Екатеринбургского комитета, псевдоним не раскрыт.
287. *Фирсов* — Розенблум Д.С. (1875-?), видный деятель партии эсеров, по своим взглядам тяготел к марксизму. Один из авторов книги «К пересмотру аграрной программы и ее обоснования», изданной в 1908 г.
288. *Карпенко* — делегат от Тверского комитета, псевдоним не раскрыт.
289. *Корсаков* — делегат от Центрального областного комитета, псевдоним не раскрыт.
290. *Старков* — делегат от Центрального бюро Крестьянского союза партии эсеров, предположительно псевдоним Бонч-Осмоловского А.О.(1857-1930), старого народника-«чернопередельца», в 1905 г. члена ЦК партии эсеров, одного из организаторов ее Крестьянского союза.

291. *Рождественский* — Мякотин В.А. (1867-1937), публицист, историк, общественно-политический деятель, сын чиновника, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, член редакции либерально-народнического журнала «Русское богатство». Участник I съезда партии эсеров по приглашению ее ЦК с совещательным голосом, вместе со своими коллегами по редакции Н.Ф.Анненским и А.В.Пешехоновым выступал на съезде с предложением об образовании на основе партии эсеров открытой трудовой народно-социалистической партии. Не добившись успеха, эти лица покинули съезд и в 1906 г. основали свою самостоятельную трудовую народно-социалистическую партию.
292. *Турский* — Пешехонов А.В. (1867-1933), публицист, статистик, общественно-политический деятель, сын сельского священника, бывший учащийся духовной семинарии, член редакции журнала «Русское богатство». Участник I съезда партии эсеров по приглашению ее ЦК с совещательным голосом. Один из основателей и главный идеолог трудовой народно-социалистической партии.
293. *Корнеев* — Анненский Н.Ф. (1843 -1912), публицист, статистик, экономист, общественно-политический деятель, окончил Петербургский и Киевский университеты. Основатель собственной школы в статистике, возглавлял статистические отделы в ряде губернских земств, член редакции журнала «Русское богатство», участник I съезда партии эсеров по приглашению ее ЦК, один из основателей трудовой народно-социалистической партии, председатель ее Организационного комитета.
294. Имеется в виду Французская реформистская социалистическая партия, возглавлявшаяся Ж.Жоресом.
295. *Екатерина II* (1729-1796) — российская императрица.
296. *Радищев А.Н.* (1749-1802) — писатель, провозвестник революционных идей в России. Главное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву».
297. *Бакунин М.А.* (1814-1876) — один из идеологов революционного народничества, теоретик анархизма, член I Интернационала, боролся с марксизмом, отрицал политическую борьбу рабочего класса. В 1872 г. исключен из Интернационала за раскольническую деятельность.
298. *Лавров П.Л.* (1823-1900) — философ, социолог, публицист, один из идеологов революционного народничества.
299. *Желябов А.И.* (1851-1881), один из создателей и вождей «Народной воли».
300. «*Исторические письма*» написаны П.Л.Лавровым в конце 60-х годов XIX в., развивали идеи долга интеллигенции перед народом, необходимости его революционного просвещения и организации, пользовались большой популярностью среди революционной молодежи.
301. *Варлен Л.-Э.* (1839-1871) — левый прудонист, член I Интернационала и Парижской коммуны, расстрелян версальцами.
302. Михайловский *Н.К.* (1842-1904) — социолог, публицист, литературный критик, идеолог политического направления в народничестве. Один из редакторов журналов «Отечественные записки» и «Русское богатство».
303. «*Процесс 193-х*» — процесс над участниками «хождения в народ», происходил в Петербурге 18.10.1877 — 23.1.1878.
304. *Кавдинское ущелье* на юге Италии. Здесь в 321 г. до н.э. римляне, попав в засаду, созданную самнитами, сдались и были прогнаны под «ярмом» (воротами из копий).
305. *Эрфуртская программа* — программа германской социал-демократической партии, принятая в 1891 г. в Эрфурте.
306. Видимо, имеется в виду книга К.Каутского «Комментарии к Эрфуртской программе», впервые изданная в 1892 г.
307. *Гегель Г.В.Ф.* (1770-1831) — философ. *Гегельянство*, идеалистическое философское течение, исходившее из учения Гегеля и развивавшее его идеи, возникло в Германии в 30-40-х годах XIX в.

308. *Джордж Г.* (1839-1897) — американский экономист и публицист, считал основной причиной народной бедности земельную ренту, выступал за национализацию всей земли государством без ликвидации частного землевладения.
309. *Валин* — Колосов Е.Е. (1879-1937), видный деятель партии эсеров, сын офицера, революционера-шестидесятника, бывший студент Томского технологического института и вольнослушатель Петербургского университета, член Союза социалистов-революционеров, в 1905 г. член ЦК партии эсеров. В 1917-1919 гг. — один из лидеров сибирских эсеров, в 1920 г. член делегации Политцентра, выехавшей для переговоров с большевиками, по дороге был арестован. После освобождения сотрудничал в ряде печатных органов, работал в научно-библиографическом отделе Библиотеки им. Ленина. В 20-х—30-х годах неоднократно арестовывался и ссылался. Последний раз был арестован в Тобольске в 1937 г., расстрелян в омской тюрьме.
310. *Крымский* — делегат от Таврического союза, псевдоним не раскрыт.
311. *Князев* — делегат от Рязанской группы, псевдоним не раскрыт.
312. *Новиков Н.И.* (1744-1818) — просветитель, писатель, журналист, издатель.
313. *Герцен А.И.* (1812-1870) — революционер, писатель, философ, один из основоположников народничества, основатель Вольной русской типографии в Лондоне, издавал журнал «Колокол».
314. *Чернышевский Н.Г.* (1828-1889) — революционер, ученый, писатель, публицист, один из основоположников народничества.
315. *Абрамов* — делегат от Уфимского комитета, псевдоним не раскрыт.
316. *Снегов* — делегат от Курского комитета, псевдоним не раскрыт.
317. *Блан Л.* (1811-1882) — французский социалист-реформист, считал, что капитализм и социальный гнет можно смягчить путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права. Во время Революции 1848 г. член Временного правительства.
318. Имеются в виду заводы в Саратове, принадлежавшие этим лицам.
319. *Новороссийская республика* существовала с 13 по 25 декабря 1905 г. Власть в городе находилась в руках Совета рабочих депутатов
320. *Юзов* — псевдоним И.И. Каблица (1848-1893), одного из идеологов либерального народничества, автора труда «Основы народничества».
321. «An sich» (нем.) — в себе.
322. «Für sich» (нем.) — для себя.
323. *В.В.* — псевдоним В.П. Воронцова (1847-1918), экономиста, социолога и публициста, одного из идеологов либерального народничества 80-90-х годов XIX в.
324. *Зомбарт В.* (1863-1941) — немецкий экономист, историк, социолог и философ. Вначале находился под влиянием идей К. Маркса, в дальнейшем выступал против них, один из авторов теории «организованного капитализма».
325. *Гобсон Д.А.* (1858-1940) — английский экономист, выступал с критикой империалистических захватов, за реформирование капитализма. Главный труд «Империализм» (1902).
326. Имеется в виду Великая Французская революция 1789-1792 гг., объединенными усилиями буржуазии и народных масс свергнувшая феодально-абсолютистский строй и провозгласившая Декларацию прав человека и гражданина.
327. Имеется в виду Революция во Франции в феврале 1848 г., установившая буржуазную республику.
328. *Парижская коммуна* — первая пролетарская революция и первое правительство рабочего класса, существовала в Париже с 18 марта по 28 мая 1871 г.
329. Имеются в виду предшественники эсеров-максималистов, издавшие в 1905 г. в Женеве три номера своего органа, который назывался «Вольный дискуссионный листок».
330. *Кавеньяк Л.-Э.* (1802-1857) — французский генерал, военный министр, руководил в 1848 г. подавлением Июньского рабочего восстания.
331. *Тьер А.* (1797-1877) — французский государственный деятель, историк. В 1871 г. глава исполнительной власти, руководил подавлением Парижской коммуны.

332. *Плеханов Г.В.* (1856-1918) — деятель российского и международного социал-демократического движения, философ, бывший народник, организатор первой российской марксистской группы «Освобождение труда». После II съезда РСДРП один из лидеров меньшевизма.
333. *Зимин* — делегат от Тульского комитета, псевдоним не раскрыт.
334. *Орлов* — кандидат в делегаты от Орловской группы с совещательным голо- сом, псевдоним не раскрыт.
335. *Орловский* — делегат от Орловской группы, псевдоним не раскрыт.
336. *Климов* — делегат от Козловской группы, псевдоним не раскрыт.
337. *Ламсдорф В.Н.* (1841-1907) — граф, русский дипломат, в 1900-1905 гг. — ми- нистр иностранных дел.
338. *Городецкий* — делегат от Якутской группы, псевдоним не раскрыт.
339. «Pro domo sua» (лат.) — по поводу себя, в защиту себя.
340. *Пашин* — Шевцов С.П., народник-семидесятник, по инициативе эсеров ему, как старейшему депутату, предложено было открыть Учредительное собрание, однако большевики не позволили ему сделать это.
341. *Рикардо Д.* (1772-1823) — английский экономист, один из крупнейших пред- ставителей классической политэкономии.
342. Вероятно, имеется в виду статья «О нашей аграрной программе», опублико- ванная в приложении к указанному номеру «Революционной России».
343. Речь идет, видимо, о брошюре Г.Новоторжского «Социализация земли» (М., 1905).
344. «Prius» (лат.) — прежде, раньше, сначала.
345. «Jus utendi et abutendi» (лат.) — право владения и пользования.
346. Здесь явная ошибка. Франция уступила Германии Эльзас и Лотарингию в ре- зультате поражения в войне 1870-71 гг., закончившейся не Версальским, как в тексте, а Франкфуртским мирным договором.
347. Криптограмма не раскрыта.
348. *Топорков* — гость съезда по приглашению Оргкомитета, псевдоним не раскрыт.
349. *Бebel А.* (1840-1913) — один из основателей и руководителей германской со- циал-демократической партии и II Интернационала.
350. *Бреславльский партийтаг* — съезд германской социал-демократической пар- тии, состоялся в г. Бреславле в 1895 г.
351. Группа являлась провозвестницей максималистов, образовалась в рамках Же- невской группы эсеров. Е.Устинов (Е.И.Лозинский) был ее организатором и идеологом. В 1905 г. издавала «Вольный дискуссионный листок».
352. Порошин ошибся, данное заявление А.Бebel сделал не на Дрезденском, а на Бреславльском партийтаге.
353. *Поступаев* — делегат от Муромской группы, псевдоним не раскрыт.
354. *Fixim* (лат.) — прочный, твердый.
355. *Еленки* — делегат от Виленского комитета, псевдоним не раскрыт.
356. *Butte С.Ю.* (1849-1915) — граф, государственный деятель, министр путей сообщений, затем министр финансов, председатель Кабинета министров и Совета министров, член Государственного совета.
357. Речь идет об учредительном конгрессе II Интернационала, происходившем в Париже в июле 1889 г.
358. Конгресс в Брюсселе состоялся в августе 1891 г.
359. Цюрихский конгресс происходил в августе 1893 г.
360. Лондонский конгресс состоялся в июле 1896 г.
361. От Союза русских социалистов-революционеров на Парижском конгрессе II Интернационала присутствовали Х.О.Житловский, Х.Л.Раппопорт и М.А.Ро- zenбаум, а от «Группы старых народовольцев» — И.А.Рубанович.
362. *Ансель Э.* (1856-1938) — один из основателей и лидеров Рабочей партии Бель- гии, член Исполкома Международного социалистического бюро II Интерна- ционала, представитель реформистского социализма, крупный деятель бель- гийского кооперативного движения.

363. *Вандервельде Э.* (1866-1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала, представитель реформистского социализма.
364. О каком «инциденте» идет речь, выяснить не удалось.
365. *Van Kol* (Ван Коль, Генрих) (1851-1925) — один из основателей и лидеров голландской социал-демократической рабочей партии, представитель реформистского социализма.
366. *Vaillant* (Вальян Э.-М.) (1840-1915) — французский социалист-бланкист, один из руководителей Парижской коммуны и II Интернационала, а также один из инициаторов образования Социалистической партии Франции.
367. *Радин* — делегат от Гомельской группы, псевдоним не раскрыт.
368. *Львов* — делегат от Елизаветградской группы, псевдоним не раскрыт.
369. *Уманьский* — делегат от Харьковского комитета, псевдоним не раскрыт.
370. *Глазов* — Н.В.Чайковский.
371. Имеется в виду Всеобщая декабрьская политическая стачка, в ряде мест, прежде всего в Москве, переросшая в вооруженное восстание.
372. *Власов* — делегат от Рославльской группы, псевдоним не раскрыт.
373. *Мищенко П.И.* — генерал-адъютант, командир сводного кавалерийского корпуса, участвовавшего в подавлении Московского вооруженного восстания.
374. Имеется в виду решение Учредительного собрания 4-го августа 1789 г., провозгласившее полную отмену феодального строя. На деле же были отменены лишь второстепенные привилегии дворян и сохранены основные повинности крестьян.
375. *Конвент (Национальный Конвент)* — высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики, действовал в 1792-95 гг. Депутаты Конвента делились на три группы: жирондистов, якобинцев и «болото». До мая 1793 руководство Конвентом находилось в руках жирондистов, затем в результате народного восстания, изгнавшего жирондистов, перешло к якобинцам. После термидорианского переворота 4.7.1794 г. Конвент подготовил почву для режима Директории.
376. В тексте, видимо, ошибка. В Уфе был ранен в результате террористического акта, совершенного 21.12.1905 г., не вице-губернатор, а губернатор по фамилии не Куленовский, а Келеповский.
377. «*Хозяин*» — еженедельный иллюстрированный сельскохозяйственный и экономический журнал, издавался в Петербурге с 1894 по 1905 гг.
378. Речь идет о «правительственной весне» или иначе «политике доверия» к обществу, которая была провозглашена министром внутренних дел П.Д.Святополк-Мирским осенью 1904 г.
379. Имеется в виду указ 12 декабря 1904 г., содержащий обещания расширить права местных органов самоуправления, устранить некоторые стеснения печати, разработать меры по «устройству крестьянской жизни», ввести государственное страхование рабочих и ряда других реформ.
380. *Михайлов А.Д.* (1855-1884) — революционный народник, один из основателей и лидеров «Земли и воли» и «Народной воли». В 1882 г. был приговорен к бессрочной каторге, умер в Петропавловской крепости.
381. II (экстренный) съезд партии социалистов-революционеров происходил в Финляндии, одним из самых больших отелей Таммерфорса. Главную роль в практической организации съезда играл М.А.Натансон. Он использовал при этом давнишние связи партии эсеров с Финляндской партией активного сопротивления и свои личные знакомства с руководством этой партии, а также свои приятельские отношения с таммерфорским полицмейстером. Большинство делегатов съезда прибыло первоначально в Выборг, где состоялось несколько предварительных совещаний с руководством партии. Съезд открылся в присутствии 88 участников, из которых 59 были с решающими голосами, 11 — с совещательными и 18 гостей. К концу съезда число его участников возросло до 117, из них с решающими голосами были 68. Съезд начал

свою работу 12.2.1907 г. и, далеко не исчерпав намеченную повестку дня, спешно свернул свою работу вечером 15.2.1907 г., поскольку через таммерфорфского полицмейстера стало известно, что съездом заинтересовалась русская полиция. По свидетельству Н.С.Русанова, участвовавшего в работе съезда, опубликованные протоколы съезда «плохо средактированы и страдают большой неполнотой» (*Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Т. 3. Снова на родине. РО РГБ, ф. 678, к. 1, д. 9, л. 164*).

382. В Организационное бюро съезда входили Вернер, Григорьев, Нагорцев, Ольгина и Волков. Удалось выяснить псевдоним Нагорцева.
383. *Нагорцев* — А.И.Альтовский (см. примечание № 261)
384. Имеется в виду II Государственная дума, работавшая с 20 февраля по 3 июня 1907 г.
385. «*Партийные известия*» — журнал, центральный орган партии эсеров, издавался нелегально в Петербурге с октября 1906 по май 1907 г.
386. *Парфинов* — И.А.Рубанович.
387. *Беглецова* — делегат от Северо-Западного областного комитета и Смоленской организации, предположительно А.Н.Бищенко.
388. *Вологодский* — делегат от Вологодской организации, псевдоним не раскрыт.
389. *Верова* — делегат от конференции военных организаций, возможно Ю.Зюбелевич (Даша), одна из руководителей восстания в Кронштадте в июле 1906 г. Автор воспоминаний «Кронштадт в 1906 г.».
390. *Градский* — в протоколах съезда лицо под этим псевдонимом упоминается дважды, в то время как в приложении к протоколам, перечисляющим состав съезда, оно не указано, но указан *Графский*, делегат от Тамбовской организации, в тексте протоколов также дважды упоминающийся. Видимо, *Градский* и *Графский* одно и то же лицо, в псевдониме которого в каком-то варианте допущена опечатка. Ни один из вариантов псевдонима установить не удалось.
391. *Зиновьев* — делегат от Ставропольской организации, псевдоним не раскрыт.
392. *Уфимский* — делегат от Уфимской организации, псевдоним не установлен.
393. *Молниев* — делегат от Харьковской организации, псевдоним не раскрыт.
394. *Симбирский* — делегат от Симбирской организации, псевдоним не выяснен.
395. *Ольгина* — член Организационного бюро съезда.
396. *Костромич* — делегат от Костромской организации, псевдоним не раскрыт.
397. *Крымов* — делегат от конференции Ялты и Симферополя, псевдоним не выяснен.
398. Под одним и тем же псевдонимом *Семенов* в протоколах съезда значатся два его участника — делегат от Северного областного комитета, истинную фамилию которого не удалось выяснить, и О.С.Минор, приглашенный на съезд ЦК. В данном случае замечание принадлежит скорее всего *Семенову* — делегату от Северного областного комитета.
399. *Минский* — делегат от Минской организации, псевдоним не раскрыт.
400. *Курский* — делегат от Курской организации, псевдоним не раскрыт.
401. *Псковский* — делегат от Псковской организации, псевдоним не раскрыт.
402. Судя по протоколам, участник съезда под псевдонимом *Филимонов* несколько раз выступал на съезде, однако в приложении к протоколам, указывающим состав съезда, он не значится. Но значится некий *Филиппов*, делегат от военной конференции, который не фигурирует среди выступавших на съезде. Видимо, в данном случае опять сказалась небрежность при редактировании протоколов съезда и их приложения, и псевдонимы *Филимонов* и *Филиппов* означают одно и то же лицо.
403. *Лаврецкий* — представитель от Оргбюро ЦК, видимо, П.П.Крафт.
404. *Волынец (Волынцев)* — делегат от Волынской организации, псевдоним не раскрыт.
405. *Борисовский* — делегат от Бакинской организации, псевдоним не раскрыт.
406. *Григорьев* — представитель Оргбюро съезда с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт

407. *Долинин, Долинский* — представитель Заграничной организации с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт
408. *Большов* — Н.И.Ракитников.
409. *Войнов, Войнов* — делегат от Петербургского городского комитета, псевдоним не раскрыт.
410. *Тучкин* — В.М.Чернов.
411. *Федотыч* — делегат от Козловской организации, псевдоним не установлен.
412. *Корнеев, Корнеев* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
413. *Сергеев* — делегат от Брянской организации, псевдоним не раскрыт.
414. *Владимирский* — делегат от Владимирской организации, псевдоним не выяснен.
415. *Златоустов* — делегат от Златоустовской организации, псевдоним не выявлен.
416. *Белоруссов* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, возможно А.О.Бонч-Осмоловский.
417. Имеется в виду Всероссийский офицерский союз, созданный в 1906 г. по инициативе эсеров и находившийся под их влиянием. Печатными органами Союза были журналы «Военный союз», затем «Народная армия».
418. *Юрьев* — участник съезда по приглашению съезда с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
419. *Петров* — делегат от Московского городского комитета, псевдоним не выяснен.
420. *Волжанин* — делегат от Волжской судоходной организации, псевдоним не выяснен.
421. *Павлова* — делегат от Пензенской организации, псевдоним не раскрыт.
422. *Вяткин* — делегат от Вятской организации, псевдоним не выяснен.
423. *Игорев* — делегат от Орловской организации, псевдоним не раскрыт.
424. Гершуни имел в виду эсеров, находившихся в Горно-Зерентуйской и Акатуйской каторжных тюрьмах.
425. *Спиридонова М.А.* (1884 - 1941) — из дворян, в партии эсеров с 1905 г. В 1906 г. выстрелами из револьвера убила Г.Н.Луженовского, руководившего карательным отрядом, подавившим крестьянские волнения в Тамбовской губ. Была приговорена к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. Освобождена Февральской революцией. С 1917 г. один из лидеров левых эсеров.
426. Штутгартский конгресс II Интернационала состоялся в августе 1907 г. На нем рассматривались вопросы о милитаризме, о колониализме, о взаимоотношениях социалистических партий с профсоюзами и ряд других.
427. *Бромский* — делегат от Виленской организации, псевдоним не выяснен.
428. *Рязанцев* — делегат от Украинского областного комитета с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
429. *Крестовский* — делегат от ЦК, возможно С.Н.Слетов.
430. Текст речи Тучкина (В.М.Чернова) выявить не удалось.
431. *Андронов* — делегат от Нижегородской организации, псевдоним не выяснен.
432. *Квадратов* — Г.Сазонов, делегат от Астраханской организации.
433. *Выборгский* — Н.С.Русанов, участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом.
434. *Бриссон А.* (1835-1912) — политический деятель, спикер французского парламента в 1904 и 1906-1912 гг.
435. *Руанэ Г.* (1855-?) — журналист, член Французской социалистической партии, примыкал к ее правому крылу, депутат парламента с 1893 г. по 1914 г.
436. *Сергей Александрович, великий князь* (1857-1905) — московский генерал-губернатор в 1891-1905 гг., консерватор, убит 4.2.1905 г. бомбой, брошенной членом Боевой организации партии эсеров И.П.Каляевым.
437. *Шиллер И.Ф.* (1759-1805) — немецкий поэт и драматург.

438. *Байрон Д. Н.Г.* (1788-1824) — английский поэт, романтик. Выступал в защиту луддитов, участвовал в движении итальянских карбонариев и в национально-освободительной борьбе в Греции.
439. *Милль Д.С.* (1806-1873) — английский философ, экономист и общественно-политический деятель, основатель английского позитивизма, реформист.
440. *Гюго В.-М.* (1802-1885) — французский писатель.
441. *Трубчевский* — делегат от Киевской организации, псевдоним не выяснен.
442. Имеется в виду убийство в Омске 15.12. 1906 г. эсеровским боевым летучим отрядом генерал-губернатора Литвинова.
443. *Михайловский* — делегат от Московского городского комитета, псевдоним не раскрыт.
444. *Тизрин* — делегат от Южной областной конференции, псевдоним не выяснен.
445. *Душин* — на съезде выступал четыре раза, но в списке участников съезда почему-то не указан, поэтому не удалось установить не только псевдоним, но и то, какую организацию он представлял на съезде.
446. К началу работы съезда не было еще точно известно, сколько депутатов-эсеров избрано во II Государственную думу и на съезде назывались разные цифры, но как и в данном случае, не соответствующие действительности. В конечном итоге эсеровская группа в Думе составила из 37 депутатов.
447. *Баронский* — делегат от Одесской организации, псевдоним не выяснен.
448. *Северов* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
449. *Южный* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
450. *Макаров* — в тексте протоколов он назван делегатом от Кутаисской организации, в приложенном к протоколам списке *Макаров* указан как делегат от Казанской организации, а от Кутаисской организации делегатом значится *Кутаисов*.
451. *Трофимов* — делегат от Саратовской организации, псевдоним не выяснен.
452. Вероятно имеются в виду «Письма старого друга», публиковавшиеся в №№ 69, 71 и 73 «Революционной России».
453. *Тайгин* — делегат от Красноярской организации, псевдоним не раскрыт.
454. *Деревенский* — В.А.Злобин, делегат от Симбирской организации.
455. *Панасенко* — представитель от Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
456. *Рубештейн* — представитель ЦК СЕРП с совещательным голосом, предположительно Х.О.Житловский.
457. *Лисиной, Лисин, Лисинов* — представитель от писательской конференции с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
458. *Таков, Токов* — представитель от писательской конференции с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
459. О какой литературной конференции идет речь, выяснить не удалось.
460. *Максимович* — представитель от Всероссийского крестьянского союза с совещательным голосом, возможно председатель Главного комитета этого союза *С.П.Мазуренко*.
461. *Андреевич* — делегат от Севастопольской организации, псевдоним не выяснен.
462. *Янов* — делегат от Курской организации, псевдоним не выяснен.
463. *Сонин* — делегат от Томской организации, псевдоним не выяснен. В списке участников съезда, приложенном к протоколам, указан делегат от этой организации под псевдонимом *Сошин*. Видимо, это очередная опечатка.
464. *Архангельский* — делегат от Архангельской организации, псевдоним не выяснен.
465. *Чувашин* — делегат от Чувашской организации, псевдоним не выяснен.
466. *Столыпин П.А.* (1862-1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров в 1906-1911 гг.
467. *Муринов* — делегат от Оренбургской организации, псевдоним не выяснен.
468. «*Urbi et orbi*» (лат.) — всему миру, на весь мир, везде, ко всеобщему сведению.

469. *Бессарабев* — делегат от Кишиневской организации, псевдоним не выяснен.
470. *Никольский* — делегат от Харьковской организации, псевдоним не выяснен.
471. *Каульбарс А.В.* — генерал, командующий войсками Одесского военного округа.
472. *Кураев П.Г.* (1860-1923) — генерал, минский губернатор (1905-1906), товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1909-1911).
473. *Сахаров* — делегат от Петербургского городского комитета, псевдоним не выяснен.
474. *Алексеева* — делегат от Кавказской областной конференции, псевдоним не раскрыт.
475. *Леккерт* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
476. *Par excellence* (фр.) — по преимуществу, в особенности.
477. *Conditio sine qua* поп — необходимое, неперемное, обязательное условие
478. *Армавилов* — делегат от Армавирской организации, псевдоним не выяснен.
479. *Калинин* — делегат от Тифлисской организации, псевдоним не раскрыт.
480. *Гурко В.И.* (1863-1927) — государственный деятель, в 1906 г. товарищ министра внутренних дел. *Лидваль Э.Л.* — шведский подданный. В 1906 г. подвизался на поставке продовольствия в голодающие губернии. Дело приобрело скандальный характер, когда в печати появились сообщения о том, что Лидваль занимается спекулятивными махинациями и что его субсидировал крупными денежными суммами из государственных средств В.И.Гурко. Было возбуждено уголовное дело, однако впоследствии оно было замято.
481. *Касимов* — делегат от Татарской организации, псевдоним не раскрыт.
482. *Абрамович* — в протоколах съезда зафиксировано два выступления лица под таким псевдонимом, однако в списке участников съезда, приложенном к протоколам, это лицо не значится.
483. *Алов* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не выяснен.
484. *Группа «Земля и воля»* — возникла в Петербурге во время избирательной кампании во II Государственную думу с целью поддержки эсеров в этой кампании и в будущей Думе. Формально была внепартийной.
485. *Черняков* — псевдоним не выяснен.
486. *Беляков* — псевдоним не выяснен.
487. *«Труд»* — легальная газета, издавалась Петербургским комитетом партии эсеров в 1907-1908 гг. Всего вышло 20 номеров.
488. *Егоров* — псевдоним не раскрыт.
489. *Шаров* — в протоколах съезда упомянут всего один раз в качестве одного из секретарей вечернего заседания 13 февраля. В списке участников съезда не значится. От какой организации он присутствовал на съезде, с какими полномочиями, а также его псевдоним, выяснить не удалось.
490. *Донской* — делегат от Таганрогской организации, псевдоним не раскрыт.
491. *Авраамов* — делегат от Мелитопольской организации, псевдоним не раскрыт.
492. *Ефимов* — делегат от Витебской организации, псевдоним не раскрыт.
493. *Разумов* — делегат от Царицынской организации, псевдоним не раскрыт.
494. III съезд Всероссийского железнодорожного союза состоялся в Таммерфорсе 9-15 декабря 1906 г.
495. *Волжская судоходная организация* — профессионально-партийная организация, созданная Нижегородским комитетом партии эсеров в 1906 г. и объединявшая членов пароходных команд не только эсеров, но и сочувствующих им.
496. *Каспийская организация* была одностипной с Волжской судоходной организацией, объединяла такой же контингент, служивший на судах и пристанях Каспийского моря.
497. Имеются в виду организации, подобные вышеуказанным, объединяющие черноморских моряков гражданских судов и портовых служащих.
498. *Игнатьев А.П.* (1842-1906) — граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, представитель крайне правых, консервативных кругов, в 1905 г. председатель Особого совещания для пересмотра исключительных законоположе-

- ний об охране государственного порядка и по веротерпимости, руководил подавлением крестьянских выступлений в Херсонской губ. и революционно-го движения в Одессе. Убит из револьвера в Твери 9.12.1906 г. членом эсеровского Боевого летучего отряда Центральной области Ильиным.
499. *Лауниц фон дер В.Ф.* (1855-1906) — генерал-майор, в 1902-1905 гг. Тамбовский губернатор, в 1905 г. жестоко подавивший крестьянские выступления в своей губернии. С 1906 г. — петербургский градоначальник. Убит из револьвера 21.12.1906 г. членом эсеровского Центрального боевого отряда А.П.Кудрявцевым.
500. *Павлов* — генерал, главный военный прокурор, убит эсеровскими боевиками в Петербурге 26.12.1906 г.
501. *Сашин* — псевдоним не выяснен.
502. *Бобров* — М.А.Натансон.
503. *Аладын А.Ф.* (1873-?) — бывший студент Казанского университета, в середине 90-х годов исключен за участие в нелегальных кружках. После отбытия тюремного заключения выехал за границу, где прожил 9 лет. Вернулся в Россию после Манифеста 17 октября, был избран в I Государственную думу, где стал одним из лидеров Трудовой группы.
504. Имеется в виду убийство П.В.Карповичем министра народного просвещения Н.П.Боголепова.
505. *Ванновский П.С.* (1822-1904) — генерал-адъютант, военный министр в 1881-1898 гг., расследовал причины студенческих беспорядков 1899 г., министр народного просвещения в 1901-1902 гг.
506. *Святополк-Мирский П.Д.* (1857-1914) — князь, генерал-адъютант. С 1900 г. товарищ министра внутренних дел. В 1902-1904 гг. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, с августа 1904 по январь 1905 — министр внутренних дел.
507. *Мирабо О.-Г.-Р.* (1749-1791) — граф, деятель Великой французской революции, депутат Генеральных Штатов, прославился своими обличительными речами против абсолютизма.
508. *Волков* — член Оргбюро съезда, псевдоним не выяснен.
509. *Михайлов* — участник съезда по приглашению ЦК с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
510. *Trade-Unions* (англ.) — название профсоюзов в Великобритании
511. *Hardie Keir (Гарди, Джеймс Кейр)* (1856-1915) — лидер Независимой рабочей партии, один из основателей лейбористской партии в Англии, по профессии шахтер, член парламента, один из лидеров правого крыла во II Интернационале.
512. Речь идет, видимо, о съезде английских утлекопов, состоявшемся в 1905 г.
513. Имеется в виду Всеобщая конфедерация труда Франции, основанная в 1895 г.
514. *Бриан А.* (1862-1932) — французский государственный деятель, неоднократно был премьер-министром и министром иностранных дел.
515. *Вигиани Р.* (1863-1925) — французский политический и государственный деятель, примыкал к «независимым социалистам», в 1906-1911 гг. — министр труда.
516. *Ферри Э.* (1856-1929) — один из лидеров Итальянской социалистической партии. В 1898, 1904-1908 гг. редактировал центральный орган партии «Avanti!»
517. *Лабриола А.* (1873-1959) — экономист, один из лидеров и теоретиков революционного синдикализма в Италии.
518. *Леонэ Э.* — один из теоретиков и лидеров революционного синдикализма в Италии.
519. *Турати Ф.* (1857-1932) — один из основателей Итальянской социалистической партии, лидер ее реформистского крыла.
520. Мангеймский съезд германской социал-демократической партии состоялся в 1906 г.
521. Речь идет о съезде профсоюзов Германии в Кельне, происходившем в мае 1905 г. и принявшем резолюцию, осуждающую пропаганду и проведение всеобщей политической стачки.

522. Йенский съезд германской социал-демократической партии состоялся в сентябре 1905 г. Он признал массовую политическую стачку одним из наиболее действенных средств борьбы пролетариата и рекомендовал ее широкое применение.
523. Издание под таким названием выявить не удалось, видимо, оно названо ошибочно. В 1906-1907 гг. Г.В.Плеханов издавал ежемесячник «Современная жизнь».
524. «Новая мысль» — в то время, когда происходил II съезд эсеров, под таким названием выходило лишь одно издание — московская ежедневная политическая и литературная вечерняя газета, редактором которой был С.Н.Алексеев.
525. Власов — представитель от Трудовой группы с совещательным голосом, псевдоним не раскрыт.
526. Сельский — делегат от Южно-русского крестьянского съезда, псевдоним не выяснен.
527. Речь идет об экспроприации «московской оппозицией» партии эсеров 7.3.1906 г. в Москве на Ильинке в помещении Московского общества взаимного кредита 875 тыс. руб., принадлежавших Московскому купеческому банку.
528. Фомин — делегат от Петербургского комитета, псевдоним не раскрыт.
529. Текст речи Тучкина (В.М.Чернова) выявить не удалось.
530. Дело Беленцова — речь идет, видимо, о деле участника одной из частных экспроприаций, присвоившего себе часть экспроприруемой суммы.
531. Dementi — безрассудство, безумие.
532. Союз русского народа — самая крупная крайне правая политическая организация, существовала с 1905 по 1917 г. Официальным печатным органом являлась газета «Русское знамя». Председателем Главного совета Союза был А.И.Дубровин.
533. Имеется в виду IV (объединительный) съезд РСДРП, состоявшийся в Стокгольме в апреле-мае 1906 г.
534. Имеется в виду конференция российских революционных партий, происходившая в Женеве в начале апреля 1905 г. Партию эсеров на этой конференции представляли Е.К.Брешко-Брешковская и В.М.Чернов.
535. Сообщение Соболевского (М.А.Натансона) найти не удалось.
536. «La Tribune Russe» («Русская трибуна») — бюллетень партии эсеров, издавался в Париже на французском языке в 1904-1909 гг., затем с октября 1912 г. по июль 1913 г. Редактор-издатель — И.А.Рубанович.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

А. — см. Авксентьев Н.Д.
 Абрамов — 292, 322, 333, 335, 337, 359, 380, 412, 416, 431, 432, 445
 Абрамович — 497, 539, 540
 Авксентьев Н.Д. (А.) — 63
 Авраамов — 508, 555, 563, 612, 626
 Азеф Е.Ф. (Виноградов, Раскин, Иван Николаевич, Толстый) — 12, 13, 60, 61, 63, 64, 67, 68, 74, 77, 138, 139, 146, 147, 148, 149
 Ак. — см. Рапопорт А.
 Аладьин — 518
 Александр III — 97, 133, 490
 Александр Македонский — 322
 Алексеев Е.И. — 157
 Алексеева — 488, 580, 626
 Алларт — 87
 Алов — 499, 627
 Альтовский А.И. (Горецкий, Нагорцев) — 237, 241, 246, 286, 301, 305, 323, 324, 328, 374, 379, 380, 393, 399, 405, 416, 435, 443, 446, 448, 449, 454, 468, 484, 534, 540, 557, 580, 581, 600, 607, 612, 614, 627
 Андреев — 236, 445
 Андреев — 607, 626
 Андреева — 626
 Андреевич — 478, 546, 626
 Андронов — 457, 515, 580, 6231, 626
 Аникин С.В. (Нк.) — 143, 518, 550
 Анненская — 443
 Анненский Н.Ф. (Коренев) — 264, 288, 453
 Ансель Э. — 402
 Анский С. — см. Рапопорт А.
 Аргунов А.А. (Кубов) — 12, 60, 63, 65, 74
 Аргунова М.Е. — 62, 63
 Армави́ров — 493, 626

Архангельский — 478, 555, 625
 Астырев Н.М. — 98

Б

Базаров — см. Ракитников Н.И.
 Байрон Д.Н.Г. — 460
 Бакунин М.А. — 266, 401
 Балмашев С.В. — 78, 85, 153, 156, 171, 234
 Баронский — 470, 611, 623, 634, 626
 Бебель А. — 390, 394, 546, 547
 Беглецова — 448, 471, 580, 625
 Безобразов А.М. — 157
 Беленцов — 601
 Белоруссов — 453, 627
 Бельская — 237, 413, 414, 430, 433, 445
 Беляков — 503
 Беляев — 627
 Берг — см. Иванов С.А.
 Бессарабев — 484, 555, 579, 626
 Биценко А.А. — 143
 Блан Л. — 300
 Бобров — см. Натансон М.А.
 Богданов — 626
 Богданович А.И. — 75
 Богданович Н.М. — 148, 155
 Боголепов Н.П. — 532
 Большаков — 627
 Большов — см. Ракитников Н.И.
 Бондарь — 148
 Борисов — 445
 Борисов — 626
 Борисовский — 451, 499, 626
 Боровский — 444
 Брешко-Брешковская Е.К. (Бабушка) — 61, 62, 140-142, 145-149, 442, 446, 448, 453, 454, 474, 521, 534, 541, 552, 580, 581, 585, 589, 591, 600, 602, 605, 607, 618, 624, 627

Брамский, Бромский — 456, 541, 552,
625

Бриан А. — 545

Бриссон А. — 459

Буланов Л.П. (На.) — 142

Булугин А.Г. — 195, 244

Бунаков И. — см. Фондаминский И.И.

В

В.В. — см. Воронцов В.П.

Вагнер-Дзенкевич Е.Н. — 11

Валин — см. Колосов Е.Е.

Валерианов — 627

Ван Коль — 403, 548

Вандервельде Э. — 402

Вальян Э.М. — 403, 459, 547, 548

Ванновский П.С. — 532

Варлен Л.Э. — 266

Васильев — 241, 245, 257, 348, 393,
399, 408, 412, 416, 417, 443

Веденеев — 82

Вернер — 627

Верова — 448, 627

Вивiani — 545

Виноградов — см. Азеф Е.Ф.

Витте С.Ю. — 400, 528

Владимир Александрович, вел. кн. —
174

Владимирский — 453, 457, 558, 559,
561, 603, 613, 614, 626

Власов — 424, 445

Власов — 552, 627

Войнов — 452, 456, 466, 492, 539, 540,
541, 557, 560, 577, 625

Волгин — 456, 586, 593, 613, 627

Волжанин — 454, 468, 541, 626

Волков — 541, 557, 558, 584, 627

Вологодский — 448, 449, 450, 451,
453, 627

Волошенко (Ивановская, Л.Ш.) П.С.
— 146

Волховский Ф.В. — 76, 139, 442

Вольский — 607

Вольнец, Волынцев — 451, 465, 564,
626

Воронцов В.П. (В.В.) — 317

Вт. — см. Яковлев В.Я.

Выборгский — см. Русанов Н.С.

Высоцкий А.Д. (Дк.) — 143

Вяткин — 454, 503, 580, 583, 625

Г

Г — 61

Галина — 445

Гапон Г.А. — 243

Гарденин Ю. — см. Чернов В.М.

Гарди К. — 545

Гегель Г.В.Ф. — 280

Гендельман М.Я. (Илья Михайлович,
Якобий) — 145, 146

Герцен А.И. — 291, 297, 360

Гершуни Г.А. (Гранин, Капустин) —
61–68, 74, 76, 77, 139, 141, 142, 146,
156, 195, 234, 438, 441, 454, 455, 456,
468, 524, 537–539, 540, 541, 558, 565,
567, 569, 570, 575, 576, 578, 580, 583,
585, 586, 589, 593, 594, 596, 600, 607,
610, 611, 618, 619, 620, 623, 624, 627

Глазов — см. Чайковский Н.В.

Гнатовский А.Д. (Прежер) — 66

Гобсон Д.А. — 318

Горева — 627

Горецкий — см. Альтовский А.И

Горинов — 625

Городецкий — 333, 417, 444

Гоц А.Р. — 62

Гоц М.Р. (Левицкий, Рафаилов) — 63,
64, 66, 74, 76, 139, 140, 141

Градский — 448

Гранин — см. Гершуни Г.А.

Графский — 453, 580, 625

Грибовский — 235, 302, 346, 399, 400,
416, 424, 443

Григорович С. — см. Житловский Х.О.

Григорьев — 451, 552, 555, 561, 568,
570, 580, 607, 627

Грозовский — 445

Гурьянов — 239, 254, 295, 349, 416,
420, 444

Гурко В.И. — 491, 495

Гюго В. — 460

Д

Д. — см. Фрейфельд Л.В.

Деревенский — 476, 625

Джордж Г — 285, 365, 369

Добролюбов Н.А. — 291

Долинин, Долинский — 451, 456, 397,
561, 602, 627

Донской — 504, 626

Дранг — 443

Дружинин — 236, 237, 246, 337, 358,
378, 392, 411, 429, 445
Дурново П.Н. — 521, 528
Душин — 469, 558, 563, 577
Дымов — 444

Е

Е. — см. Фрейлих Н.Н.
Егоров — 445
Егоров — 503, 510, 517, 619, 627
Екатерина II — 266
Еленин — 399, 416, 434, 445
Ефимов — 510, 515, 540, 562, 579,
611, 625

Ж

Железовский — 241, 249, 251, 272,
304, 398, 405, 407, 408, 414, 443
Желябов А.И. — 266
Житловский (Григорович С.) — 40,
66, 76, 138, 139, 141
Жорес Ж. — 43, 266, 403, 545

З

З. — см. Зенгинов В.М.
За. — см. Сазонов А.В.
Завадов — 444
Звездин — 627
Земляков — см. Слетов С.Н.
Зензинов В.М. (З.) — 63
Зимин — 328, 398, 407, 408, 416, 434, 443
Зиновьев — 448, 452, 453, 461, 465,
509, 541, 564, 626
Златоустов — 453, 625
Зомбарт В. — 318
Зубатов С.В. — 67
Зубов — 445

И

И. — см. Юделевский Я.Л.
Ик. — см. Мельников М.М.
Иванов — 239, 246, 443
Иванов С.А. (Берг) — 141, 144
Иваненков — 238, 330, 443
Игнатьев А.П. — 516
Игорев — 454, 555, 583, 626

К

К.С. — 61
Кавеньяк Л.Э. — 326

Калинин — 495, 622
Каляев И.П. — 148
Капустин — см. Гершуни Г.А.
Карпенко — 253, 443
Карпович П.В. — 85, 171, 455, 532
Карский — см. Фондаминский И.И.
Касимов — 496, 510, 625
Каульбарс А.В. — 486
Каутский К. — 279, 318, 402, 547
Квадратов (Сазонов Г.) — 458, 462,
604, 625
Келеповский, Куленовский — 432
Клейгельс М.А. — 79
Климов — 331, 445
Клинин — 626
Клитчоглу С.Г. — 146
Коканцев — 626
Колосов Е.Е. (Валин) — 287, 293, 296,
304, 315, 316, 337, 338, 361, 362,
431, 432
Князев — 289, 336, 337, 374, 400, 443
Коренев — см. Анненский Н.Ф.
Коренев — 270, 284, 286, 347, 445,
541, 586, 627
Корсаков — 254, 443
Костромич — 450, 466, 483, 55, 578,
626
Костюшко (сестры) — 143
Крамер — 445
Красин — 443
Красноярцев — 445
Красова — 240, 251, 286, 328, 329,
332, 333, 348, 407, 408
Крафт П.П. (Лаврецкий) — 142, 450,
451, 453, 473, 580, 627
Крестовский — 456, 541, 551, 620,
621, 627
Крестьянинов — 626
Крымков — 450, 451, 453, 456, 464,
552, 559, 611, 620, 624, 626
Крымский — 288, 295, 297, 306, 316,
317, 330, 333, 334, 337, 408, 412,
413, 445
Крюкова — 445
Кудрин — см. Русанов Н.С.
Курлов П.Г. — 486
Курский — 450, 454, 456, 457, 464,
466, 494, 515, 540, 576, 577, 579,
611, 615, 619, 626
Кутайсов — 561, 610, 621, 622, 623, 626

Л

- Л.Ш. — см. Волошенко П.С.
Лабриола А. — 546
Лавров П.Л. — 82, 266, 281, 291, 292,
296, 308, 377, 402, 436, 442
Лаговский Н. — 87
Ладожский — 251, 443
Лазарев Е.Е. (Медведев) — 66, 250,
290, 295, 304, 350, 412, 445
Ламсдорф В.Н. — 332
Лассаль Ф. — 44
Лауниц В.Ф. — 516
Лехерт Г. — 82, 85, 86, 87
Леккерт — 156, 489, 541, 627
Леоне Э. — 546
Лесовский — 444
Либин — 445
Либкнехт К. — 269
Лидваль Э.Л. — 491, 495
Лисиной — 477, 504, 576, 585, 594,
595, 605, 627
Литвинов — 465
Людвиг XVI — 172, 426, 533
Львов — 405, 408, 412, 413, 416, 445

М

- М.Ф. — см. Селок М.Ф.
Макаров — 301, 323, 324
Макаров — 471, 610, 625
Максимович — 478, 584, 616, 627
Мальцева — 445
Маркс К. — 41, 155, 266, 281, 290,
313, 314, 344, 377, 401
Матвеев — 445
Матов — 625
Медведев — см. Лазарев Е.Е.
Мельников М.М. (Ик.) — 61, 142, 541
Милль Д. С. — 460
Милюков П.Н. — 244
Минский — 450, 619, 625
Минов О.С. (Соломин, Семенов) —
235, 237, 241, 245, 246, 253, 257,
263, 264, 272, 289, 302, 328, 352,
359, 364, 366, 374, 400, 405, 408,
423, 429, 444
Мирабо О.Г.Р. — 533
Мирский — 241, 443
Михайлов — 541, 552, 557, 580, 584,
625, 627
Михайлов А.Д. — 442

- Михайловский — 466, 558, 577, 595, 626
Михайловский Н.К. — 267, 270, 281,
291, 292, 296, 308, 317, 436
Михалевич С.Ф. — 87
Мищенко П.И. — 424
Молтнев — 448, 454, 486, 503, 583, 626
Муринов — 482, 606, 611, 625

Н

- На. — см. Буланов Л.П.
Нагорцев — см. Альтовский А.И
Нк. — см. Аникин С.В.
Натансон М.А. (Бобров, Соболевский)
— 238, 245, 246, 261, 262, 264, 265,
272, 334, 335, 379, 410, 411, 417, 435,
444, 517, 541, 586, 624, 627
Невский — 245, 272, 400, 406-410,
429, 445
Нижегородский — 237, 240, 253, 288,
346, 379, 381, 407, 412, 416, 430,
432, 443
Николай II — 135, 229, 230, 481, 493,
533, 614
Николаевский Б.И. — 11
Никольский — 485, 612, 626
Новгородский — 409, 580, 625
Новгородцев — 381, 393, 399, 400,
408, 416, 417, 419, 422, 445
Новиков Н.И. — 290
Новоторжский Г. — 327
Норринг — 240, 330, 392, 393, 396, 443

О

- Оболенский И.М. — 155
Окунев — 445
Омулевский (Якубович П.Ф.) — 445
Ольгина — 449, 454, 540, 607, 627
Онипко Ф. М. — 465
Орлов — 328, 443
Орловский — 330, 332, 334, 443
Оппенгеймер Ф. — 365

П

- Павлов — 237, 239, 246, 258, 291, 329,
337, 378, 443, 468, 516, 627
Павлова — 454, 625
Панасенко — 477, 511, 541, 617, 627
Парфинов — см. Рубанович И.А.
Паули Н.К. (Ул.) — 138

Пашин (Шевцов С.П.) — 341, 346, 347, 354, 358, 359, 360, 361, 371, 444
 Пермский — 627
 Петров — 454, 468, 470, 555, 580, 605, 626
 Петрова — 446
 Пешехонов — см. Турский
 Плеве В.К. — 13, 79, 148, 151-157, 173, 175, 243, 268, 439
 Плеханов Г.В. — 326, 327, 548, 552
 Победоносцев К.П. — 87
 Покотиллов А.Д. — 147, 148
 Поликарпова — 445
 Полунов — 626
 Поморцев (Вишняк М.В.) — 241, 288, 293, 313, 334, 347, 364, 366, 369, 370, 443
 Порошин (Ривкин Г.А.) — 241, 243, 294, 319, 320, 321, 324, 332, 337, 339, 347, 351, 363, 366, 393, 397, 399, 406, 421, 431, 443
 Поталов А.И. (Рудин, Да.) — 146
 Поступаев — 337, 396, 397, 399, 411, 443
 Прекер — см. Гнатовский А.Д.
 Псковский — 450, 499, 555, 563, 625

Р

Р.Н. — см. Розенблум Д.С.
 Радин — 407, 412, 416, 445
 Радищев А.Н. — 266, 290
 Разумов — 625
 Ракитников Н.И. (Т., Базаров, Большов) — 76, 79, 140, 141, 142, 249, 263, 272, 297, 301, 302, 305, 306, 318, 319, 337, 359, 368, 379-382, 392, 396, 398, 399, 406, 408, 424, 427, 429, 432, 444, 451-454, 541, 567, 575, 577, 590, 617, 627
 Ракитникова (Альтовская, Б.) И.И. — 143, 145
 Рапопорт А. (Анский С., Ак.) — 139
 Рапопорт Х. — 12, 139, 141
 Ратаев Л.А. — 64
 Ривкин Г.А. (Ъ) — 143
 Рикардо Д. — 343, 344
 Рождественский (Мякотин В.А.) — 259, 262, 265, 266, 271, 283, 286, 287, 292, 315, 316, 326, 326, 445
 Розенбаум М.А. (Эн.) — 65, 66, 76, 139

Розенблум Д.С. (Р.Н., Фирсов) — 140, 142, 251, 293, 306, 313, 314, 328, 342, 347, 348, 356, 360, 362-364, 367, 368, 445
 Рославлев — 235, 246, 270, 271, 272, 329, 332, 334, 445
 Ростовский — 555, 626
 Рошин (Руднев В.В.) — 240, 252, 272, 303, 333, 334, 409, 415, 418, 421, 424, 428, 429, 433, 434, 443
 Рощина — 626
 Руанэ Г. — 459
 Рубанович И.А. (Шевич, Парфинов) — 66, 75, 76, 139, 141, 233, 235, 237, 245, 246, 265-267, 270, 271, 287, 289, 290, 330, 335, 337, 338, 376, 401, 404, 406, 409-411, 414, 416, 434, 435, 438, 441, 444, 448, 449, 450, 451, 454, 503, 510, 534, 541, 550, 551, 552, 558, 562, 566, 576-581, 594, 600, 616-619, 621, 623, 627
 Рубинштейн — 477, 517, 620, 627
 Рудин — см. Поталов А.И.
 Русанов Н.С. (Кудрин, Тарасов, Серов, Выборгский) — 66, 75, 76, 139, 141, 237, 272, 336, 337, 445, 459, 510, 541, 550, 557, 584, 606, 627
 Рязанцев — 456, 457, 491, 499, 539, 555, 559, 571, 580, 626

С

С. — см. Фейт А.В.
 Савинков Б.В. — 148, 151
 Садовский — 445
 Сазонов А.В. (За.) — 138, 147
 Самарин — 445
 Сахаров — 486, 625
 Сахаров В.В. — 243
 Сашин — 517, 626
 Святополк-Мирский П.Д. — 532
 Северов — 471, 519, 538, 541, 627
 Северова — 445
 Сельский — 580, 626
 Селюк М.Ф. (У.) — 12, 62, 63, 65-67, 142-143, 146-148
 Семенов — 443, 450, 451, 452, 454, 468, 508, 540, 541, 558, 561, 571, 578, 585, 606, 618, 6129, 621, 622, 624, 625, 627

Семенов — см. Минор О.С.
 Сенжарский — см. Блеклов С.М.
 Сергеев — 453, 456, 625
 Сергей Александрович, вел. князь — 439, 459
 Серебряков Э.А. — 75, 76
 Сережников — 625
 Серов — см. Русанов Н.С.
 Сидоров — 445
 Симбирский — 449, 454, 540, 625
 Сипягин Д.С. — 78, 79, 81, 83, 87, 141, 153, 155, 243
 Слетов С.Н. (Земляков) — 138, 140, 141, 144
 Смирнова — 625
 Снегов — 300, 401, 408, 443
 Соболевский — см. Натансон М.А.
 Созонов Е.С. — 171, 234, 439, 441, 532
 Соколов М.И. (Каин, Медведь) — 148
 Соломин — см. Минор О.С.
 Сонин — 478, 499, 580
 Спиридович А.И. — 10
 Спиридонова М.А. — 455
 Старков — 254, 287, 289, 292, 295, 310, 343, 352, 371, 372, 397, 398, 411, 444
 Старынкевич И.Ю. — 143
 Степанова — 445
 Столыпин П.А. — 479, 493, 521
 Струмилю-Петрашкевич Ч.М. (Ш.) — 142
 Струве П.Б. — 189, 192, 244
 Сысоев — 625

Т

Т. — см. Ракитников Н.И.
 Та. — см. Ракитникова И.И.
 Тайгин — 475, 626
 Таков, Токов — 477, 627
 Тамбовцев — 236, 237, 241, 250, 253, 305, 358, 381, 408, 409, 414, 443
 Тарасов — см. Русанов Н.С.
 Тигрин — 468 493, 541, 626
 Тихин — 239, 443
 Топорков — 375, 376, 379, 445
 Трепов Д.Ф. — 87, 517
 Трофимов — 474, 540, 562, 576, 611, 625
 Трубчевский — 462, 499, 584, 619, 626
 Тулина — 445
 Тульская — 445
 Тульский — 237, 328, 416, 443

Туляк — 503
 Турати Ф. — 546
 Тургенев — 240, 259, 409, 411, 412, 413, 445
 Турский (Пешехонов А.В.) — 261, 262, 270, 271, 285, 286, 287, 288, 289, 299, 366, 445
 Тучкин — см. Чернов В.М.
 Тьер А. — 326

У

Ул. — см. Паули Н.К.
 Ульянов Г.К. (Ф.) — 143
 Уманский (Уманийский) — 405, 408, 416, 443
 Уоллес — 365
 Устинов Е. (Лозинский Е.И.) — 393
 Уфимский — 453, 557, 578, 579, 625

Ф

Ф. — см. Фондаминский И.И.
 Федотыч — 452, 470, 510, 625
 Фейт А.В. (С.) — 147
 Ферри Э. — 546
 Филимонов (Филиппов) — 450, 456, 480, 540, 603, 626
 Фирсов — см. Розенблом Д.С.
 Флорейм — 365
 Фомин — 584, 625
 Фондаминский И.И. (Бунаков, Карский, Ф.) — 63, 241, 244, 246, 272, 302, 303, 305, 306, 328, 337, 381, 393, 399, 400, 443
 Фрейлих Н.Н. (Е.) — 147
 Фрейфельд Л.В. (Д.) — 147
 Френкель — 67
 Фрумкина Ф.М. — 156

Х

Х. — 445
 Хилков Д.А. (Лл.) — 148
 Хрусталева-Носарь Г.С. — 192

Ч

Чайковский Н.В. (Глазов) — 76, 409, 411, 413, 414, 423, 427, 431, 436, 444
 Чепик А.А. (Ч.) — 61, 62, 67
 Чернов В.М. (Гарденин Ю., Тучкин) — 6, 11, 13, 64, 65, 66, 74, 76, 138-141, 182, 194, 236, 238, 242, 246,

255, 259, 263, 264, 270, 271, 272,
278, 279, 283, 306, 327, 329, 347,
361, 375-382, 392-394, 397-401,
404-406, 414, 417, 421, 428, 429,
431, 438, 444, 452, 456-458, 462-
464, 468, 470, 473, 475, 488, 509,
517, 539, 540, 541, 594, 595, 600,
602, 604, 605, 610, 611, 612, 614,
616, 618-622, 624, 627

Чернышевский Н.Г. — 291, 360, 365,
367, 436

Черняков — 503, 560, 567, 575, 576,
578, 627

Чехов А.П. — 42

Чирихина — 301, 323, 324

Чувашин — 479, 511, 625

Чухнин Г.П. — 192

Ш

Ш. — см. Струмило-Петрашкевич
Ч.М.

Шаров — 503

Швейцер М.И. — 143

Шевич — см. Рубанович И.А.

Шиллер И.Ф. — 460

Шишко Л.Э. — 66, 76, 139, 140

Шмидт П.П. — 192

Щ

Щукин — 245, 259, 328, 443

Э

Эн. — см. Розенбаум М.А.

Энгельс Ф. — 41, 155, 193, 281

Эспер Эсперович — 75

Ю

Ю. — см. Костюшко

Юделевский Я.Л. (И.) — 141

Юзов (Каблиц И.И.) — 306

Южин — 627

Южный — 471, 627

Юрьев — 454, 477, 627

Я

Яблочков — 444

Яковлев В.Я. (Богучарский, Вт.) — 75

Янов — 478, 514, 539, 561, 576, 579, 626

Янович — 585, 627

Янсен М. — 11

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	12
Список сокращений	14

Часть I. Социалисты-революционеры в начале 900 годов XIX в.

Раздел I. Программные документы организаций, объединившихся в партию социалистов-революционеров.

Наши задачи. (Основные положения программы Союза социалистов-революционеров)	18
Манифест партии социалистов-революционеров	25
Свобода	32
С.Григорович. Социализм и борьба за политическую свободу (Заключение)	40
Устав Крестьянского союза «Братство для защиты народных прав»	45
К товарищам по мысли и делу	47
Программа революционной деятельности в деревне, выработанная на съезде Аграрно-социалистической лиги	48
Наша программа	51

Раздел II. Образование партии социалистов-революционеров

Сообщение «Революционной России» об образовании партии социалистов-революционеров	60
Из показаний А.А.Аргунова (Кубова) судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа	60
Из дополнительных показаний М.Ф.Селюк судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа	63
Из сообщений сотрудника Виноградова (Е.Ф.Азефа) директору Департамента полиции Л.А.Ратаеву	64
а) от 17/30 декабря 1901 г. из Парижа	64
б) от 26 дек. 1901/8 января 1902 г. из Берлина	65
в) от 10/23 января 1902 г. из Берлина	67
От редакции «Вестника русской революции»	68
Федеративный договор между партией социал-революционеров и Аграрно-социалистической лигой	68
От Рабочей партии политического освобождения России	69
Заявление Киевского комитета «Рабочего знамени» Русской Социал-Демократической Партии	70

Раздел III. История программы партии социалистов-революционеров

Из показаний В.М.Чернова судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа	74
Террористический элемент в нашей программе	78
От Крестьянского союза партии социалистов- революционеров. Ко всем работникам революционного социализма в России	89
Национальное порабощение и революционный социализм	108
Проект программы партии социалистов- революционеров (не подлежавший огласке)	111
Проект программы партии социалистов- революционеров, выработанный редакцией «Революционной России»	119

Раздел IV. Партия социалистов-революционеров в начале 900 годов: структура и деятельность

Из доклада российской партии социалистов-револю- ционеров Амстердамскому конгрессу Социалисти- ческого Интернационала. С. Деятельность партии социалистов-революционеров (август 1904 г.)	128
Из показаний С.Н.Слетова (Землякова) судебно- следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа	138
Устав Боевой организации партии с-р., принятый ее членами в августе 1904 г.	149
Ко всем рабочим!	151
Ко всему русскому крестьянству!	153
Ко всем гражданам цивилизованного мира!	155
Протокол и декларация конференции российских оппозиционных и революционных партий (30.9.—4.10.1904 г., Париж)	158
Резолюция о боевых дружинах в деревне в связи с аграрным террором (14.11.1904 г., Женева)	161
Ко всем комитетам партии социалистов- революционеров (Циркуляр ЦК ПСР, декабрь 1904 г.)	164

Часть II. Социалисты-революционеры и первая российская революция

К оружию!	171
Народная революция (Прокламация ЦК ПСР)	173
К вопросу о ближайших задачах наших социалистических партий	176
В.Чернов. Прошлое и настоящее	182
Об изменениях в тактике партии в период I Государственной думы (Постановления I Совета партии, май 1906 г.)	194
Г.Г-ни (Г.А.Гершуни). Об отношении к Думе (Письмо из тюрьмы)	195
Аграрные дебаты и народное движение	199

Проект Основного земельного закона, внесенного по предложению социалистов-революционеров в I Государственную думу («Проект 33-х»)	202
Боевая тактика партии после разгона Думы	205
Извещение о состоявшемся съезде крестьянских работников партии социалистов-революционеров	212
Об участии в выборах во II Государственную думу (Резолюция II Совета партии, октябрь 1906 г.)	217
О «максимализме» (Резолюция II Совета ПСР, октябрь 1906)	218
Проект основных положений земельного закона («Проект 104-х»)	219
От Центрального Комитета П.С.-Р	226
От думской группы социалистов-революционеров.	228

Часть III. Съезды партии социалистов-революционеров

Протоколы первого съезда партии социалистов- революционеров (29.12.1905 — 4.1.1906)	
Заседания 29 декабря 1905 г.	
Утреннее заседание	233
Вечернее заседание	237
Заседания 30 декабря 1905 г.	
Утреннее заседание	246
Вечернее заседание	257
Заседания 31 декабря 1905 г.	
Утреннее заседание	272
Вечернее заседани	289
Заседания 1 января 1906 г.	
Утреннее заседание	328
Вечернее заседание	337
Заседания 2 января 1906 г.	
Утреннее заседание	374
Вечернее заседание	392
Заседания 3 января 1906 г.	
Утреннее заседание	408
Вечернее заседание	411
Заседание 4 января 1906 г.	429
Приложение к протоколам. Состав съезда	443
Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров (12—15.2.1907)	
Первое заседание (12 февраля 1907 г. с 11 ч. до 2 ч. дня)	446
Второе заседание (12 февр[аля] 1907 г. от 4 ч. дня до 10 ч. вечера)	449
Третье заседание (13 февраля, с 9 ч. до 2 ч. дня)	468
Четвертое заседание (13 февраля, вечером с 4 ч. дня до 12 ч. ночи)	503
Протокол пятого заседания (14 февраля от 9 ч. утра до 2 ч. дня)	540

Заседание шестое (14 февраля от 4 ч. дня до 12 ч. ночи)	557
Протокол седьмого заседания (15 февраля от 9 ч. утра до 2 ч. дня)	583
Протокол восьмого заседания (15 февраля от 4 ч. дня до 10 ч. вечера)	607
Приложение к протоколам. Состав съезда	625
Примечания	628
Указатель имен	676

**Партия
социалистов-революционеров**
Документы и материалы
1900—1907 гг.

Редактор *Т.Хоргина*
Художественный редактор *А.Сорокин*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 21.10.96.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 43,0. Уч.-изд.л. 46,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 650

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1 Тел. 181-00-13.
Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6

